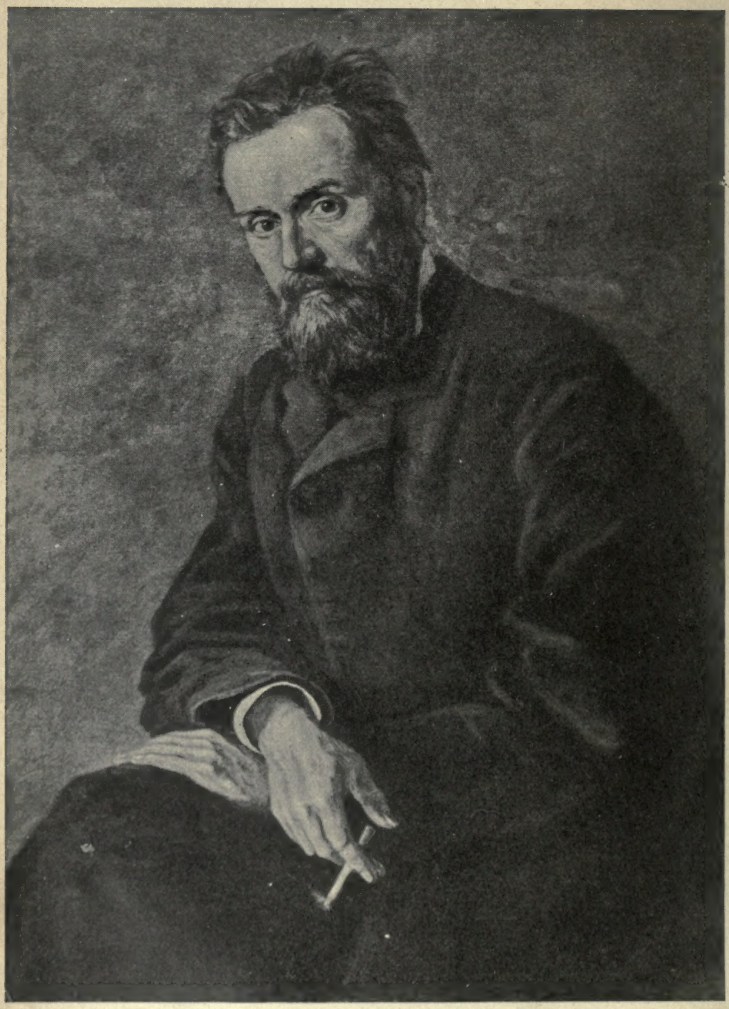
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324797 0



Tycho Brahe

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii
6. izd.
v. 1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ критической статьей Н. К. Михайловскаго и съ приложеніемъ портрета Г. И. Успенскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Артистич. заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. пр., № 29.

PG
3470
U8
1908
v.1

696889
12.3.59

Л. Данич

Отъ автора *).

Въ настоящемъ изданіи очерки мои печатаются, *по возможности*, въ томъ видѣ, а, главное, въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовало бы ихъ печатать и ранѣе. Къ сожалѣнію, при появленіи ихъ какъ въ журналахъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ не всегда можно было соблюдать послѣдовательность, а иногда приходилось печатать ихъ вовсе не въ томъ видѣ, какой они имѣли въ рукописи.

Времена, пережитыя русскою журналистикою за послѣднія 20 лѣтъ, были преисполнены всевозможныхъ случайностей, безпрестанно разстраивавшихъ правильное ея теченіе и развитіе. Мои очерки много пострадали отъ этихъ невзгодъ журнальнаго дѣла чисто во внѣшнемъ отношеніи. Правда, аргусамъ нечего было въ нихъ искоренять: цензурныя бѣды обрушивались не на такого рода литературныя явленія. Но въ общемъ водоворотѣ ничто не можетъ оставаться нетронутымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти очерки вышли бы рельефнѣе, полнѣе и осмысленнѣе, если бы журнальная жизнь была устойчивѣе и представители печати могли чувствовать себя поспокойнѣе.

Укажу на одинъ примѣръ. „Нравы Растеряевой улицы“, задуманные мною въ 1866 г., только-что начали печататься въ „Современникѣ“ (№№ 2 и 3, 1866 г.), какъ журналъ этотъ былъ закрытъ. Продолженіе этихъ очерковъ, приготовленное для „Современника“, должно было явиться въ сборникѣ „Лучъ“, изданномъ редакціей „Русскаго Слова“, которое также было прекращено, при чемъ все, что имѣло „связь“ съ очерками, напечатанными въ „Современникѣ“, надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть — для того, чтобы „продолженіе“ имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ „сдѣлана“ иная обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи разсказовъ печаталось въ журналѣ „Женскій Вѣстникъ“, такъ какъ тогда (66 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Судите поэтому, что должна была претерпѣть „Растеряева улица“ съ своими пьяницами, „сапожниками и мастеровщиной“, появляясь въ журналѣ, посвященномъ *женскому* развитію, *женскому вопросу!* При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣй, всѣ они до невозможности пахли водкой и сокрушали

*) Предисловіе къ первому изданію.

меня. Но что-жъ было дѣлать? Я ихъ умылъ и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше. Наконецъ очень много матеріала, приготовленнаго для „Растеряевой улицы“, было разбросано въ видѣ очерковъ и сценокъ по всевозможнымъ газетамъ и листкамъ. Я ихъ не собиралъ и не собираю въ настоящемъ изданіи; все это было продуктомъ тогдашней литературной „безпріютности“. Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели, — ничего тогда налицо не было. Все удручало васъ и дѣлало одинокимъ. А между тѣмъ общество, вступившее въ совершенно „новый періодъ жизни,—требовало отъ литературы,—и имѣло на это право,—многосложной и внимательной работы“...

Такимъ образомъ, какъ отсутствіе „школы“, такъ и глубокое внутреннее сознаніе, что „теперь“ обновлявшаяся жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи, — дѣлали то, что незначительная способность написать „разсказецъ“ или „очеркъ“ ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ ненужности этого дѣла. „Все это не то!“ думалось тогда, и вслѣдствіе этого матеріалъ обрабатывался плохо, „кой-какъ“, появляясь въ видѣ „отрывковъ“ безъ начала и конца.

Въ настоящемъ изданіи этотъ матеріалъ первыхъ лѣтъ моего литературнаго труда приведенъ, повторяю, въ возможный порядокъ. Все, что совершенно плохо и вполнѣ незначительно,—выпущено. Все, что было разрознено, но имѣетъ нѣкоторую связь, — возстановлено. Что касается собственно настоящаго 1-го тома, къ которому главнымъ образомъ относятся всѣ вышеизложенныя замѣчанія, то „Нравы Растеряевой улицы“, составляющіе этотъ томъ и печатавшіеся въ прежнихъ изданіяхъ подъ *тремя* различными названіями, теперь приведены въ тотъ порядокъ, въ которомъ имъ слѣдовало бы быть. Но все-таки они мѣстами оборваны: „Растеряева улица“ еще долго „дописывалась“ во многихъ отрывкахъ и очеркахъ послѣдующихъ лѣтъ; много „растеряевскаго“ перешло и въ „Разореніе“, только въ новыхъ условіяхъ жизни.

Вотъ такимъ-то образомъ писались и издавались почти всѣ эти очерки. Приведенные въ порядокъ, т.-е. написанные по хорошо разработанной программѣ, — они бы могли дать болѣе или менѣе полную картину нравовъ русской провинціальной разночинной толпы за послѣдніе годы; но я знаю, что и теперь, когда я привелъ ихъ въ желательный порядокъ, они не даютъ этой полноты и, къ сожалѣнію, не могутъ уже быть ни лучшими, чѣмъ были, ни болѣе наглядными.

Глѣбъ Успенскій.

С.-Петербургъ,
1 октября 1883 г.

Отъ автора.

(Замѣтка о второмъ изданіи).

Въ составъ настоящаго двухтомнаго изданія, кромѣ восьми томовъ, изданныхъ въ промежутокъ времени съ 1883 по 1886 годъ, вошло почти все, что было написано мною до самаго послѣдняго времени. Къ прежде изданнымъ восьми томамъ прибавлено теперь такое количество новаго матеріала, которое, по счету печатныхъ листовъ перваго изданія, могло бы составить еще два новыхъ тома—девятый и десятый. То, что при отдѣльномъ изданіи могло бы составить томъ девятый, помѣщено въ концѣ перваго тома настоящаго изданія, а матеріалы тома десятаго—въ концѣ второго. Такое раздѣленіе сдѣлано частью для болѣе равномѣрнаго объема обоихъ томовъ, а частью и по слѣдующему соображенію: собственно беллетристическихъ произведеній во всемъ написанномъ мною мало, а, напротивъ, очень много такого рода наблюденій, которыя передаются мною въ формѣ кебеллетристической. Все, что касается крестьянства, изложено именно въ видѣ замѣтокъ, дневниковъ и вообще безъ притязанія на какую-нибудь внѣшнюю литературную отдѣлку. Вотъ почему все, написанное исключительно въ этомъ родѣ и касающееся почти только народной жизни,—помѣщено во второмъ томѣ; къ первому же прибавлено изъ написаннаго мною послѣ 1886 года все, что, во-первыхъ, носитъ на себѣ отпечатокъ хотя какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленной литературной внѣшности — очерка, разсказа — и, во-вторыхъ, касается не исключительно только вопросовъ крестьянской жизни.

Нѣкоторые изъ моихъ читателей неоднократно выражали желаніе, чтобы все написанное мною было издано въ хронологическомъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, ни въ первомъ ни въ настоящемъ изданіи это справедливое желаніе не могло быть исполнено по причинамъ, о которыхъ я уже подробно сказалъ въ предисловіи къ изданію 1883 г.

„Времена,—писалъ я тогда:—пережитыя русскою журналистикою въ шестидесятыхъ годахъ, были преисполнены всевозможныхъ случайностей, безпрестанно разстраивавшихъ ея правильное теченіе... Я говорю здѣсь о тѣхъ чисто-внѣшнихъ затрудненіяхъ, благодаря которымъ нельзя было благополучно начать и кончить задуманную работу. Приведу одинъ примѣръ: „Нравы Растеряевой улицы“, начатые въ 1866 г., прекратились на четвертой главѣ, потому что „Современникъ“ былъ закрытъ. Продолженіе этихъ очерковъ, приготовленное для „Современника“, должно было явиться въ сборникѣ „Лучъ“, изданномъ редакціей „Русскаго Слова“, которое также было прекращено, при чемъ все, что имѣло „связь“ съ очерками, напечатанными въ „Современникѣ“, надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть—для того, чтобы „продолженіе“ имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ „сдѣлана“ иная обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи разсказовъ печаталось въ журналѣ „Женскій Вѣстникъ“, такъ какъ тогда (1866 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Можно поэтому судить, что должна была претерпѣть „Растеряева улица“ съ своими пьяницами, „сапожниками и мастеровщиной“, появляясь въ журналѣ, посвященномъ *женскому* развитію, *женскому вопросу!* При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣй, всѣ они до невозможности пахли водкой и сокрушали меня. Но что же было дѣлать? Я ихъ умылъ и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше“.

Вотъ основанія того, почему я нашелъ болѣе удобнымъ для читателя въ каждомъ томѣ перваго изданія собирать воедино все, что на извѣстную тему было написано хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не раздробляя однородной работы вставкою постороннихъ, но одновременно писавшихся статей, чего требуетъ хронологическій порядокъ. Очерки же и разсказы, которые писались въ промежуткахъ работъ на какую-нибудь одну болѣе или менѣе опредѣленную тему,—такіе очерки прилагались къ каждому тому, какъ дополненія, но по возможности также болѣе или менѣе однороднаго содержанія.

Переиначивать этого порядка не оказалось возможнымъ и въ настоящемъ изданіи. Въ виду того же желанія—дать каждому тому болѣе или менѣе опредѣленное содержаніе — я и въ настоящемъ изданіи, вмѣсто буквальной перепечатки „Писемъ съ дороги“, которыя писались мною въ теченіе трехъ лѣтъ и составили бы не менѣе двухъ томовъ объема перваго изданія—исключивъ изъ нихъ частыя повторенія объ одномъ и томъ же вопросѣ, неизбѣжныя при повтореніи этихъ явленій въ дорожныхъ встрѣчахъ разныхъ лѣтъ и раз-

ныхъ мѣстъ—выбралъ изъ этихъ писемъ только то, что̀ казалось мнѣ наиболѣе заслуживающимъ вниманія, а то, что̀ въ письмахъ этихъ не могло быть провѣрено личнымъ наблюденіемъ, дополнилъ на основаніи матеріаловъ, которые могла дать мѣстная провинціальная пресса. Въ этихъ именно видахъ я и ввелъ подъ общую рубрику „Писемъ съ дороги“ три компилятивныя дополненія (главы VI, VII и X), болѣе подробно уясняющія такія явленія жизни, которыя пишущему „съ дороги“ нѣтъ возможности пополнить личнымъ наблюденіемъ.

Такимъ образомъ все, что̀ не вошло въ это изданіе,—не вошло потому, что было бы повтореніемъ сказаннаго ранѣе въ той или другой изъ помѣщенныхъ уже въ этихъ томахъ статей.

Глѣбъ Успенскій.

8 ноября 88 г. Спб.

Автобіографія.

„Ф. Ф.! Вы хотите имѣть отъ меня біографическія свѣдѣнія обо мнѣ самомъ. Не разъ уже я получалъ предложенія отъ составителей разныхъ біографическихъ словарей, иногда даже съ приложеніемъ таблицъ, разграфленныхъ какъ участковые листки: „Лѣта. Гдѣ родился. Званіе. Мѣсто ученія. Давно ли почувствовалъ стремленіе“ и т. д. И, при всемъ моемъ желаніи, я никогда не могъ удовлетворить желаній господъ составителей словарей. Не знаю, могу ли исполнить и ваше желаніе, такъ какъ никакихъ мало-мальски опредѣленныхъ и кратко выраженныхъ подробностей моей нравственной жизни никакимъ образомъ невозможно изложить въ краткой замѣткѣ; надобно перебрать все, что я написалъ, указать каждую страницу, объяснить, отчего она написана такъ, а не иначе, чтобы видѣть, какія условія жизни заставили меня и жить и думать именно такъ, какъ я думалъ и какъ писалъ. Личныя подробности моей біографіи, въ родѣ того, что родился я 14 ноября 1840 г. въ Тулѣ и тамъ учился въ гимназіи до 56 года, послѣ чего переѣхалъ и поступилъ въ черниговскую гимназію, оттуда въ 61 году поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, откуда перешелъ въ московскій, гдѣ благополучно курса и не окончилъ,—такія подробности, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о моей жизни въ семьѣ, въ семейной обстановкѣ, все это разсказанное во всѣхъ подробностяхъ рѣшительно не имѣетъ въ себѣ даже и зародыша того, изъ чего сложилась моя литературная жизнь. Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лѣтъ до 20-ти обрекала меня на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдаляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда-нибудь на мѣстѣ. Вотъ почему, когда „насталъ 61 годъ“, взять съ собою „въ дальнюю дорогу“ что-нибудь впередъ изъ *моего личнаго прошлаго* было рѣшительно невозможно — ровно ничего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы *жить* хоть какъ-нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли *забыть все* это прошлое, истребить въ себѣ внѣдренныя имъ качества. Нужно было еще перетерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанныя похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта

безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что „не тѣ времена“. Самая безропотность погибавшихъ людей, явное сознаніе, что все, что въ нихъ есть и чѣмъ они жили — неправда и ложь, и безпомощность ихъ, уже одно это прямо убѣждало людей моего возраста и обстановки жизни, что изъ *прошлаго* нельзя и не надо, и невозможно оставить въ себѣ даже самомалѣйшаго воспоминанія; ничѣмъ изъ этого прошлаго нельзя было и думать руководиться въ томъ новомъ, которое „будетъ“, но которое рѣшительно еще неизвѣстно. Слѣдовательно начало моей жизни началось только *послѣ забвенія моей собственной біографіи*, а затѣмъ и личная жизнь и жизнь литературная стали созидаться во мнѣ одновременно *собственными средствами*. Въ опустошенную отъ личной біографіи душу я пускалъ только то, что во всѣхъ смыслахъ противорѣчило неправдѣ; каждая „малость“, которая радовала душу, гдѣ бы я ее ни нашелъ—попадала теперь непремѣнно въ мою новую душевную родословную. Лицо, котораго я могъ не видѣть никогда, но обликъ и сущность котораго я чувствовалъ всѣмъ сердцемъ—мой родной, родственникъ, другъ. Что бы ни случилось, я знаю, что „*онъ*“ есть, а стало-быть, не надо и робѣть. Личная душевная жизнь и неразрывная съ ней литературная работа поддерживались во мнѣ и подкрѣплялись долгіе годы безъ всякой личной или нравственной съ чьей-нибудь стороны поддержки, и такъ было до 68 года, когда я уже сталъ ощущать и нравственную поддержку добрыхъ и симпатичныхъ мнѣ людей. Но лѣтъ семь—съ 62-го по 68-й—во мнѣ было упорное желаніе не ослабѣть въ неотразимомъ сознаніи, что у меня никакой прошлой біографіи нѣтъ... Одиночество въ этомъ отношеніи было полное. Съ крупными писателями я не имѣлъ никакихъ связей, а мои товарищи—люди старшіе меня лѣтъ на десять—почти всѣ безъ исключенія погибали на моихъ глазахъ, такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка. Всѣ эти подверженные сивушной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ, и, живи они въ наше время, когда можно на полной свободѣ „плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ“—они бы написали много изящныхъ произведеній; но захватила ихъ новая жизнь, такая, что завтрашній день не могъ быть даже и предвиденъ—и талантливые люди почувствовали, что имъ не угнаться за толпой, начинающей жизнь безъ всякихъ литературныхъ традицій, должны были чувствовать въ этой оживавшей толпѣ свое полное одиночество... Сколько ни проявляй искусства въ поэмѣ, романѣ — „*они*“ даже и не почувствуютъ... Спивавшихся съ кругу талантливѣйшихъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. И. Якушкинъ. Въ такомъ видѣ впору было „опохмелиться“, „очухаться“, очувствоваться—и какая ужъ тутъ „лите-

ратурная школа“! Похвальбы въ пьяномъ видѣ было много, посуловъ — еще больше, анекдотовъ — видимо-невидимо, а такъ, чтобы отъ всего этого повеселѣть—нѣтъ, этого не скажу. Даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на цѣли русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было. Немудрено, что ясно сознаваемое горе заливалось сивухой самыми талантливыми людьми.

Созиданіе собственной своей новой духовной жизни привело меня къ мысли, что мнѣ нечего дѣлать среди этихъ талантливыхъ страдальцевъ. Положимъ, что я хлопочу около какого-нибудь дѣйствительно талантливаго человѣка, провожая его домой и усаживая „со скандаломъ“ на извозчикѣ, или обороняя отъ „грубаго дворника“ и уговаривая не дѣлать мордобитія; но вѣдь это уже въ двадцатый разъ и можетъ надоѣсть наконецъ... Положимъ, что вотъ и этотъ знакомый писатель тоже человѣкъ огромнаго дарованія; но что же мнѣ-то дѣлать, если я, придя къ нему поговорить, вижу, что онъ „не въ себѣ“.

— Слышишь, — спрашиваетъ талантливый другъ: — какъ меня такой-то редакторъ ругаетъ?

Редакторъ, который ругаетъ, живетъ на Сергіевской, а тотъ, кто слышитъ его ругательства—въ Дмитровскомъ переулкѣ...

— Ишь лаетъ! А небось до сихъ поръ восьми рублей не отдаетъ... Ухъ, какъ зашумѣлъ!..

Еще двѣ-три фразы—и вы видите, что человѣкъ въ бѣлой горячкѣ. Надобно идти къ доктору, тащить его въ больницу и лѣчить... А вылѣчится—жена не пускаетъ пріятелей къ мужу. Да и онъ боится ихъ какъ огня и самъ не идетъ никуда, боясь запить.

Несомнѣнно, народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ „послѣ вчерашняго“, занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто. Не было у нихъ читателя, они писали неизвѣстно для кого и хвалили только другъ друга... Одиночество талантливыхъ людей вело ихъ къ трактирному оживленію и шуму. Ко всему этому надобно прибавить, что въ годы 1863—1868 все въ журнальномъ мірѣ падало, разрушалось и валилось. „Современникъ“ сталъ тусклъ и упалъ во мнѣніи живыхъ людей, отводя по полкниги на безплодныя литературныя распри, а потомъ и былъ закрытъ. Закрыто и „Русское Слово“, и вообще маломальски видные дѣятели разбрелись, *исчезли*. Начали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, когда пришли описывать его за долги, сталъ на глазахъ пристава ѣсть овесъ, прикинувшись помѣшаннымъ (Артоболевскій). Когда наконецъ въ 1868 г. основались новыя „Отечественныя Записки“, первые годы въ нихъ тоже было мало уюта... Все, что со-

бралось, было значительно поломано нравственно и физически, пока наконецъ дѣло не стало на широкую дорогу. Пока оно складывалось, жить въ неустановившемся и неуютномъ обществѣ большей частью до послѣдней степени изломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще) не было никакой возможности, и я уѣхалъ за границу. За границей я былъ два раза въ 1871 г., послѣ коммуны, при чемъ видѣлъ избитый и прусскими и коммунарскими бомбами и пулями городъ, видѣлъ, какъ приговариваютъ къ смерти сапожниковъ и башмачниковъ; въ другой разъ я проживалъ тамъ подъ-рядъ два года, по временамъ только пріѣзжая въ Россію. Въ это время я былъ въ Лондонѣ. Я мало писалъ объ этомъ, но многому научился, много записалъ добраго въ мою душевную родословную книгу навсегда... Затѣмъ прямо изъ Парижа я поѣхалъ въ Сербію и въ Пештѣ встрѣтилъ *нашихъ*. И объ этомъ я *мало* писалъ, но много передумалъ и навѣки много опять-таки взялъ въ свою душевную родословную. Затѣмъ подлинная правда жизни повлекла меня къ *источнику*, т.-е. къ мужику. По несчастью, я попалъ въ такія мѣста, гдѣ *источника* видно не было... Деньга привалила въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь, въ теченіе полтора года, не зналъ ни дня ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи. Но мнѣ нужно было знать *источникъ* всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не могъ доискаться никакого простого слова и нигдѣ. И вотъ я изъ шумной, полупьяной, развратной деревни забрался въ лѣса Новгородской губерніи, въ усадьбу, гдѣ жила только одна крестьянская семья. На моихъ глазахъ дикое мѣсто стало оживать подъ сохой пахаря, и вотъ я тогда въ первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно *одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа*—именно власть земли.

Такимъ образомъ вся моя личная біографія, примѣрно до 1871 г., рѣшительно должна быть оставлена безъ всякаго вниманія; вся она была сплошнымъ затрудненіемъ „жить и думать“ и поглощала множество силъ и времени на ея окончательное забвеніе. Все же, что накоплено мною „собственными средствами“ въ опустошенную забвеніемъ прошлаго совѣсть, все это пересказано въ моихъ книгахъ, пересказано поспѣшно, какъ пришлось, но пересказано все, чѣмъ я *жилъ* лично. *Такимъ образомъ вся моя новая біографія, послѣ забвенія старой, пересказана почти изо дня въ день въ моихъ книгахъ. Больше у меня ничего въ жизни личной не было и нѣтъ.* Много это или мало—судить не мнѣ.

Глѣбъ Успенскій.

Г. И. Успенскій какъ писатель и человѣкъ.

I.

Глѣбъ Успенскій — одинъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей. Кромѣ огромнаго и вполнѣ оригинальнаго таланта, который общепризнанъ, онъ милъ и дорогъ своему читателю еще чѣмъ-то другимъ, что труднѣе уловить и указать, чѣмъ талантъ.

Успенскій появился на такъ-называемомъ литературномъ поприщѣ въ шестидесятыхъ годахъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими талантливыми молодыми писателями. Явились они какъ-то вдругъ, цѣлымъ гнѣздомъ, и сначала не легко было строго опредѣлить индивидуальныя особенности каждаго изъ нихъ. Ихъ до извѣстной степени объединяли и содержаніе ихъ писаній и манера изложенія.

Интересовались они больше такими слоями общества, которые мало или вовсе не привлекали къ себѣ творческаго вниманія беллетристовъ предыдущаго поколѣнія: мужикъ, рабочій, дьячокъ, мѣщанинъ, мелкій чиновникъ — вотъ кто ихъ почти исключительно занималъ. Какой-нибудь угодливости этому мелкому люду, какого-нибудь желанія прикрасить его и поставить выше излюбленныхъ персонажей предыдущаго періода беллетристики — не было. Напротивъ, въ такую намѣренную идеализацію часто впадали старые беллетристы въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда брали свои сюжеты изъ среды мелкаго сѣраго люда. Молодые же беллетристы, о которыхъ идетъ рѣчь, нерѣдко грѣшили противоположною крайностью. Вообще же они желали писать просто правду, какою она имъ въ данную минуту представлялась, не руководствуясь никакими посторонними соображеніями. Опредѣленная тенденція всей группы состояла только въ томъ, чтобы привлечь вниманіе общества къ такимъ сферамъ, которыя дотолѣ едва смѣли показаться въ литературѣ. Это было какъ разъ во-время, въ виду

результатовъ крымской войны и послѣдовавшихъ за ней реформъ, долженствовавшихъ кореннымъ образомъ обновить весь нашъ общественный строй. Не мудрено, что упомянутая группа беллетристовъ имѣла большой успѣхъ — она вполнѣ соотвѣтствовала житейскому моменту, была костью отъ кости и плотью отъ плоти его. Не мудрено также, что общество прощало этой литературѣ разные ея изъяны. А прощать было что! Во-первыхъ, эта молодежь наносила оскорбленіе дѣйствіемъ всѣмъ традиціоннымъ, привычнымъ формамъ беллетристики: недосказанные разсказы, незавершенныя сценки, начала безъ конца и концы безъ начала, бѣглыя отмѣтки, еле очерченныя лица, отсутствіе „выдумки", какъ говорилъ Тургеневъ, то-есть сколько-нибудь стройной фабулы, и т. д. Это было большою дерзостью, о которой мы по теперешнему времени даже судить не можемъ, ибо тогдашнее старшее поколѣніе беллетристовъ, въ лицѣ Тургенева, Гончарова, Островскаго, давало высокіе образцы вполнѣ правильнаго въ архитектурномъ смыслѣ и вполнѣ законченнаго творчества. Но дерзость литературной молодежи на этомъ не останавливалась. Уже то могло казаться дерзостью, что центръ тяжести литературныхъ интересовъ передвигался изъ помѣщичьихъ усадебъ съ аллеями густолиственныхъ кленовъ, гдѣ такъ поэтически гуляли влюбленныя пары при лунномъ свѣтѣ; изъ гостиныхъ, заваленныхъ кипсеками и альбомами, гдѣ происходили такіе изящные разговоры; изъ бальныхъ залъ, сверкающихъ обнаженными дамскими плечами, брильянтами, мундирами—въ одноглазые мѣщанскіе домишки, въ кабаки, мужицкія избы, постоялые дворы, комнаты „снебилью". Но все это было еще, пожалуй, что называется, въ духѣ времени, ибо періодъ реформъ открывалъ, казалось, двери новой жизни, и натурально, что въ нихъ хлынулъ разный сѣрый мелкій людъ, давая свою окраску и литературѣ. Но дерзость литературной молодежи не останавливалась и передъ оскорбленіями самаго этого духа времени. Только-что освобожденный, только-что признанный созрѣвшимъ для усвоенія гражданскихъ правъ мужикъ вдругъ являлся въ какомъ-нибудь очеркѣ Николая Успенскаго или Слѣпцова совершеннымъ дубиной, стоящимъ чуть не на уровнѣ какого-нибудь папуаса. Только-что введенная судебная реформа вызывала у Гл. Успенскаго сцену въ окружномъ судѣ (въ „Разореньи"), которая оканчивалась безсмысленнымъ, хотя невольнымъ издѣвательствомъ представителей правосудія надъ несчастной старухой. И все это прощалось, потому что подо всѣмъ этимъ былъ духъ жизни и правды. Въ воздухѣ носились радужныя надежды и ликованія, даже до приторности, и самая эта приторность должна была внушать подозрѣнія и опасенія людямъ проницательнымъ или просто чуткимъ...

Изо всей этой шумной группы молодыхъ беллетристовъ, начавшихъ свою литературную дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ, больше

всѣхъ держался Глѣбъ Успенскій. Кое-кто умеръ на полпути, кое-кто засохъ живой, кое-кто наконецъ утратилъ типическія черты той группы. И вотъ что замѣчательно. Десятки лѣтъ работалъ Успенскій, работалъ въ настоящемъ, высокомъ и вмѣстѣ тяжеломъ смыслѣ этого слова, работалъ подъ грозой собственной усталости и не менѣе страшной грозой появленія новыхъ читателей, иными условіями воспитанныхъ и потому чужихъ ему по духу. При этомъ самъ онъ не только не поступался ни единою изъ тѣхъ типическихъ чертъ, съ которыми пришелъ въ литературу, но еще усугублялъ ихъ. Прежде онъ занимался разнымъ мелкимъ городскимъ людомъ—потомъ спустился еще ниже, въ мужицкую избу, почти не выходилъ оттуда и подчасъ бранчиво отстаивалъ свою позицію. Прежде онъ писалъ оборванные, но, по крайней мѣрѣ, цѣльно задуманные очерки, а потомъ не только продолжалъ это оскорбленіе беллетристики дѣйствіемъ, но еще допускалъ въ свои писанія широкую струю прямо публицистики. Прежде онъ, во имя духа жизни и правды, говорилъ дерзости духу времени, а потомъ доходилъ въ этомъ отношеніи до того, что вызывалъ грозные окрики: „до чего договорился Глѣбъ Успенскій!“ И несмотря на эти окрики, впрочемъ, не изъ тучи гремѣвшіе и все затихавшіе, несмотря на очевидные и несомнѣнные изъяны въ его литературной манерѣ, симпатіи къ нему читателей все росли. Изъ „подающаго надежды“ онъ сталъ яркимъ, характернымъ фактомъ исторіи русской литературы, навсегда занявшимъ въ ней оригинальное и почетное мѣсто.

Бываютъ совершенно неправильныя физіономіи, которыя однако вамъ больше нравятся, чѣмъ писанные красавцы. Бываетъ и такъ, что какая-нибудь завѣдомая неправильность въ лицѣ любимаго человѣка, какой-нибудь очевидный изъянъ въ немъ становится особенно дорогимъ вамъ, именно потому, что это — особенность любимаго человѣка, одна изъ чертъ, которыя отличаютъ его, дорогого, отъ всѣхъ прочихъ безразличныхъ или непріятныхъ. Вы отлично понимаете, что это изъянъ, и на другомъ лицѣ этотъ изъянъ произведетъ на васъ, можетъ-быть, даже прямо отталкивающее впечатлѣніе, но тутъ онъ какъ-то у мѣста, и объясненіе этой умѣстности лежитъ частью въ васъ самихъ, который любитъ, частью въ общемъ выраженіи любимаго лица, въ которомъ отразилось то, что васъ заставило полюбить.

Тѣмъ не менѣе изъяны остаются изъянами, и, говоря объ Успенскомъ, мнѣ съ нихъ именно приходится начинать.

Успенскій началъ свою литературную дѣятельность отрывками и обрывками, и не только не отдѣлался отъ этой юношеской манеры, но съ теченіемъ времени точно укрѣпился въ сознаніи законности и необходимости этого рода литературы. Во „Власти земли“ онъ, между прочимъ, съ такими словами обращается къ читателю: „Вы

вотъ все жалуетесь, что нѣтъ изящной словесности, все только о мужикѣ пишутъ. Во-первыхъ, это неправда: вы имѣете ежемѣсячную массу литературныхъ произведеній, написанныхъ вовсе не о мужикѣ, и притомъ весьма изящно. А во-вторыхъ, зачѣмъ вы читаете объ этомъ мужикѣ и, главное, зачѣмъ вы полагаете, что писанія эти надо причислять къ изящной словесности? Посмотрите, пожалуйста, повнимательнѣе въ оглавленіе, и тамъ сказано: „замѣтки", „отрывки"... Какая же это словесность? Это просто черная работа литературы, а съ словесностью, вѣроятно, надобно покуда повременить".

Такимъ образомъ для Успенскаго обрывочность его писаній какъ-то логически связывалась съ характеромъ ихъ темы. Но такой логической связи очевидно нѣтъ. При чемъ тутъ собственно „мужикъ", это мы увидимъ впослѣдствіи. А теперь замѣтимъ только, что самъ по себѣ мужикъ, можетъ-быть, и во всѣхъ литературахъ, въ томъ числѣ и въ нашей, дѣйствительно бывалъ предметомъ воспроизведенія въ драмѣ, романѣ, повѣсти, вообще „изящной словесности" въ ея законченныхъ формахъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на романъ Зола: „La terre" или на драму Толстого: „Власть тьмы", но вѣдь это во всякомъ случаѣ не отрывки и очерки. Да и почему бы, въ самомъ дѣлѣ, драма, романъ, повѣсть изъ мужицкаго быта невозможны? Очевидно, дѣло въ этомъ случаѣ отнюдь не въ мужикѣ, а въ самомъ Успенскомъ. И надо же себѣ объяснить, почему это такъ выходитъ, почему человѣкъ такого большого таланта и такой искренней вдумчивости не овладѣлъ законченностью формы. Казалось бы, законченность эта совсѣмъ ужъ пустое дѣло при наличности художественнаго дарованія. Посмотрите кругомъ—и вы увидите, что люди, въ которыхъ есть только микроскопическія крупицы таланта, а иной разъ и тѣхъ нѣтъ, десятки разъ прекрасно справляются сначала съ первой главой первой части, потомъ пишутъ вторую главу и т. д., и наконецъ твердою рукою подписываютъ: „конецъ такой-то и послѣдней части". Должно-быть, это штука не хитрая. Не думаю, чтобы нашелся человѣкъ, отрицающій талантъ Успенскаго; но возьмемъ самаго въ этомъ отношеніи строгаго и придирчиваго судью, какого вы только себѣ представить можете. Все-таки же онъ не уравняетъ его съ авторами безчисленныхъ, вполнѣ законченныхъ романовъ и повѣстей, сотнями появляющихся въ литературѣ и тѣмъ же числомъ немедленно погружающихся въ море забвенія. И однако эти авторы могутъ написать законченное произведеніе, а Успенскій не могъ. Любопытно вѣдь это.

Далѣе, съ какой стати высоко-даровитый беллетристъ занимается публицистикой? Дѣло здѣсь не въ формальныхъ подраздѣленіяхъ литературы, не въ департаментахъ какихъ-нибудь или министерствахъ,

съ присвоенными каждому изъ нихъ особыми мундирами, а въ экономіи и естественномъ распредѣленіи литературныхъ силъ. Публицистикой можемъ заниматься и мы, лишенные творческой способности. Конечно, было бы очень хорошо, если бы каждый публицистъ обладалъ и поэтической силой, которая была бы подспорнымъ средствомъ высокой важности, а каждый художникъ, я думаю, даже долженъ быть публицистомъ въ душѣ. Вообще, чѣмъ богаче и разностороннѣе внутренняя природа писателя и его средства воздѣйствія на общество, тѣмъ, разумѣется, лучше. Пусть писатель будетъ одинаково богатъ и творческою силою и силою логическаго анализа, пусть онъ даже предъявляетъ плоды той или другой силы на бумагѣ. Мильтонъ написалъ „Потерянный рай", но онъ же написалъ и „Защиту англійскаго народа"; въ нашей литературѣ авторъ романа „Кто виноватъ?" былъ публицистомъ и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно привести довольно много. Но когда читателю предлагается смѣшеніе публицистики съ беллетристикой въ тѣхъ пропорціяхъ, какія усвоилъ себѣ Успенскій, то читатель, можно навѣрное сказать, находится въ относительномъ проигрышѣ. Назначеніе логическаго анализа— разрѣзать, расчленять живыя явленія; назначеніе поэтическаго творчества, напротивъ — возсоздавать ихъ именно въ ихъ живой цѣльности. Оба эти процесса могутъ имѣть мѣсто въ головѣ одного и того же богато одареннаго писателя, но въ исполненіи на бумагѣ, въ одномъ и томъ же произведеніи, имъ очень трудно ужиться рядомъ, не нанося другъ другу ущерба. Послѣднія произведенія Успенскаго имѣютъ безспорно большую цѣну, что̀ уже видно изъ того обилія разговоровъ, которые вызывала почти каждая его статья. Но нельзя все-таки не пожалѣть, что онъ не давалъ простора своей огромной художественной способности.

Я вовсе не думаю читать наставленія, да наставленіями ничего и не подѣлаешь. Когда писатель намѣренно употребляетъ тотъ или другой невыгодный для него самого и для читателя пріемъ, то, конечно, можно попытаться убѣдить его. Но въ данномъ случаѣ никакой намѣренности не было, разумѣется; просто такъ выходило, такъ писалось, полоса такая нашла. Но если бы можно было добраться до подкладки этой полосы, подкладки, можетъ-быть, неясной самому писателю, то мы имѣли бы, по крайней мѣрѣ, разъясненное явленіе, а это вовсе не мало.

Въ предисловіяхъ къ первымъ двумъ томамъ перваго изданія своихъ сочиненій Успенскій разсказываетъ исторію своихъ писаній. Она очень поучительна и многое объясняетъ какъ въ этихъ томахъ, такъ и во всей послѣдующей литературной дѣятельности этого писателя.

„Нравы Растеряевой улицы", занимающіе значительную часть

перваго тома, начали печататься въ „Современникѣ“ 1866 года. Но „Современникъ“ былъ какъ разъ въ этомъ году закрытъ, и продолженіе „Нравовъ“, приготовленное для этого журнала, авторъ перенесъ въ „Лучъ“, сборникъ, изданный редакціей „Русскаго Слова“. Дальше пусть разсказываетъ самъ авторъ: „При этомъ все, что имѣло „связь“ съ очерками, напечатанными въ „Современникѣ“, надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть, для того, чтобы „продолженіе“ имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ „сдѣлана“ другая обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи разсказовъ печаталось въ журналѣ „Женскій Вѣстникъ“, такъ какъ тогда (1866 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Судите поэтому, что должна была претерпѣть „Растеряева улица“ съ своими пьяницами, „сапожниками и мастеровщиной“, появляясь въ журналѣ, посвященномъ *женскому* развитію, *женскому вопросу*. При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣе, всѣ они до невозможности пахли водкой и сокрушали меня. Но что же было дѣлать? Я ихъ умылъ и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше. Наконецъ, очень много матеріала, приготовленнаго для „Растеряевой улицы“, было разбросано въ видѣ очерковъ и сценокъ по всевозможнымъ газетамъ и листкамъ“.

Примѣрно то же самое читаемъ и въ предисловіи ко второму тому, относительно другого, широко задуманнаго, но разбитаго на клочки произведенія — „Разоренія“. Но это только внѣшняя сторона дѣла: „обстоятельства чисто-личнаго характера“ и неприглядныя случайности судьбы. Ими не ограничивается исторія писаній Успенскаго. Многіе „очерки и сценки“ изъ числа тѣхъ дребезговъ, на которые разбились „Нравы Растеряевой улицы“, не вошли въ послѣдующія изданія. Авторъ ихъ отвергъ, презрѣлъ, и вотъ на какомъ основаніи: „Все это было продуктомъ тогдашней литературной безпріютности. Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели — ничего тогда налицо не было. Все удручало васъ и дѣлало одинокимъ. А между тѣмъ общество, вступившее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы. Такимъ образомъ, какъ отсутствіе „школы“, такъ и глубокое внутреннее сознаніе, что „теперь“ обновляющая жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи, дѣлали то, что незначительная способность написать „разсказецъ“ или „очеркъ“ ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ ненужности этаго дѣла. „Все это не то!“ — думалось тогда, и вслѣдствіе этого матеріалъ обрабо-

тывался плохо, кой-какъ, появляясь въ видѣ отрывковъ безъ начала и конца".

Повидимому, это объясненіе отрывочности и оборванности не мирится съ приведенными выше изъ „Власти земли" словами, какъ бы узаконяющими эту отрывочность въ связи съ самой темой писаній Успенскаго. Избравъ своимъ сюжетомъ мужика, онъ увѣренъ, что худо ли, хорошо ли, но онъ дѣлаетъ настоящее дѣло, то именно, которое особенно нужно обществу, и во многихъ мѣстахъ горячо и прочувствованно доказываетъ это; и *именно поэтому*, думаетъ онъ, онъ пишетъ очерки и отрывки, а не „произведенія изящной словесности". Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ, напротивъ, сомнѣвался въ пользѣ и надобности того, что̀ онъ дѣлаетъ, и *именно поэтому* выходили очерки и отрывки. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что писатель теряется въ объясненіяхъ причинъ, по которымъ дѣятельность его приняла тѣ или другія формы. Со стороны дѣло виднѣе.

Успенскій началъ писать очень рано, въ томъ почти юношескомъ возрастѣ, когда внѣшнія вліянія особенно сильно дѣйствуютъ на неокрѣпшую еще манеру писанія и надолго, а иной разъ и навсегда, кладутъ на нее свою печать. Если бы тѣ печальныя обстоятельства, о которыхъ разсказываетъ нашъ авторъ въ предисловіяхъ, постигли его позже, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его выхода на литературное поприще, мы, можетъ-быть, имѣли бы не такого Успенскаго, не до такой степени отрывочнаго и незаконченнаго. Я вовсе не думаю все свалить на внѣшнія условія. Я говорю только, что они сыграли тутъ важную роль и до извѣстной степени просто *принудили* Успенскаго выработать пріемъ разбиванія нѣкотораго художественнаго цѣлаго вдребезги. Сначала ему было, вѣроятно, очень трудно совершать эти операціи, но затѣмъ онѣ вошли въ привычку, которая укрѣплялась и другими „обстоятельствами чисто-личнаго характера". Время появленія Успенскаго въ литературѣ было вообще необыкновенно тяжелое. Съ него начался тотъ скорбный листъ русской литературы, который и до сихъ поръ не завершался ни окончательною смертью ни окончательнымъ выздоровленіемъ, и, правда, и до этого времени литературѣ случалось выносить многія и многія тяжести, не помѣшавшія однако образованію такъ-называемой „плеяды", группы блестящихъ талантовъ сороковыхъ годовъ, давшихъ длинный рядъ цѣльныхъ художественныхъ произведеній. Но какъ бы ни были мрачны тѣ времена въ цѣломъ, а позднѣе наступили времена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще болѣе тяжкія. Литературные труженики сороковыхъ годовъ никакъ уже не страдали тѣмъ „одиночествомъ", на которое жалуется Успенскій. Это была цѣлая группа, тѣсно сплоченная общностью интересовъ, одинаковостью возраста, развитія,

общественнаго положенія и т. д. Каждый изъ нихъ опирался на всѣхъ остальныхъ и въ живомъ обращеніи съ ними находилъ поддержку въ трудныя минуты сомнѣній, колебаній, душевной немощи. Если на людяхъ и смерть красна, такъ жизнь, хотя бы и очень тяжелая, и подавно. Притомъ же тѣ блестящіе беллетристы, за немногими исключеніями, вовсе не были литературными тружениками, работниками въ настоящемъ смыслѣ слова. Тогда могъ серьезно приниматься къ свѣдѣнію и, вѣроятно, къ исполненію фантастическій по нынѣшнему времени совѣтъ Гоголя переписывать „сочиненіе“ семь-восемь разъ съ значительными промежутками. Литературная профессія, строго говоря, почти не существовала; занимавшіеся литературой „господа“, за нѣкоторыми исключеніями, имѣли достаточно досуга, чтобы, набросавъ свое произведеніе, поѣздить по Европѣ, послушать лекціи въ германскихъ университетахъ, искупаться въ волнахъ Гвадалквивира, а потомъ, съ новымъ запасомъ силъ и обновленными горизонтами, вернуться къ произведенію для окончательной его отдѣлки или предварительной передѣлки. Литература какъ профессія, со всѣми розами и шипами профессіи, явилась позже, когда всколыхнувшаяся послѣ крымской войны Россія выдвинула изъ себя новыя, уже чисто-литературныя силы. Вторгнулись эти новыя силы съ большимъ шумомъ, съ свѣтлыми надеждами, широкими замыслами и большою самоувѣренностью. Но недолго тянулся этотъ праздникъ, и къ тому времени, когда юноша Успенскій окончилъ свои „Нравы Растеряевой улицы“, отъ праздника оставалось уже развѣ только похмелье, а тамъ и великій постъ приспѣлъ. Тяжесть, особенная, спеціальная тяжесть положенія состояла въ томъ, что были выдвинуты новыя силы, а точки приложенія для нихъ были убраны прочь; былъ накрытъ столъ, блестѣвшій бѣлизною скатерти и сверканіемъ новой посуды, былъ возбужденъ аппетитъ, а обѣдъ-то вдругъ куда-то совсѣмъ въ другое мѣсто унесли. Я знаю, что не о единомъ хлѣбѣ живетъ человѣкъ, и не о хлѣбѣ говорю. Однако и хлѣбъ—дѣло не послѣднее, если его надо зарабатывать и нѣтъ возможности не то что семь разъ переписать повѣсть, а даже иной разъ просто перечитать написанное, или же нѣтъ возможности пристроить задуманную вещь и приходится дѣлать тѣ вивисекціи, которыя производилъ надъ своими литературными чадами Успенскій. Притомъ же хлѣбъ, въ самомъ прямомъ и жесткомъ смыслѣ этого страшнаго слова, въ этомъ случаѣ тѣснымъ образомъ связывался съ духовнымъ хлѣбомъ, съ идеей. Хлѣбъ, заработанный литературнымъ служеніемъ обществу, былъ именно новой и заманчивой идеей. И не въ томъ только было дѣло, что тотъ или другой даровитый юноша голодалъ на литературномъ поприщѣ. Нѣтъ, въ немъ была разбужена духовная жажда и, казалось, все обѣщало удовлетвореніе этой жажды, а чаша-то, полная чаша, уже приставленная къ

губамъ и дразнящая своею близостью, вдругъ и прошла мимо. Такое мучительное ощущеніе едва ли было знакомо писателямъ сороковыхъ годовъ, которые были для этого слишкомъ равномѣрно и безпросвѣтно отягощены. Напримѣръ, разсказываемый Успенскимъ трагикомическій (я не могу назвать его просто комическимъ, объ этомъ скажу еще подробнѣе) эпизодъ съ „Женскимъ Вѣстникомъ“ никакимъ образомъ не могъ имѣть мѣста въ сороковыхъ годахъ, потому что и самый „Женскій Вѣстникъ“ былъ тогда немыслимъ. Спеціальный органъ „женскаго движенія“ или „женскаго вопроса“, какимъ былъ по задачѣ этотъ журналъ, самъ былъ продуктомъ и вмѣстѣ выраженіемъ пробужденія новыхъ силъ и розовыхъ надеждъ. Онъ не удовлетворялъ, правда, своему назначенію и былъ вообще плохъ, но это уже другое дѣло. Можетъ-быть, и плохъ-то онъ былъ потому, что явился, когда розовымъ мечтаніямъ „женскаго движенія“ пришелъ конецъ. Но капризною волею судьбы этотъ журналъ обращается вмѣстѣ съ тѣмъ въ единственное пристанище для начинающаго талантливаго юноши, который однако, для входа въ это пристанище, долженъ „умыть и пріодѣть“ своихъ немытыхъ героевъ. Изъ всего этого выходитъ цѣлая сѣть недоразумѣній, неудобствъ, основной элементъ которой можетъ быть выраженъ въ трехъ-четырехъ словахъ: потребность разбужена, а средства для удовлетворенія ея сокращены или совсѣмъ удалены. На попытки приспособленія къ такому непереносному положенію вещей и ушла значительная часть дѣятельности Успенскаго въ ту молодую пору, когда его талантъ еще складывался, еще не отлился въ прочныя, неподатливыя формы.

Повторяю, я не хочу объяснять всю исторію развитія какого-нибудь писателя одними внѣшними условіями. Думаю, что необходимость разбивать широко задуманную вещь вдребезги и потомъ искусственно придавать имъ внѣшній видъ законченности—должна была самымъ рѣшительнымъ образомъ повліять на манеру писанія; но отнюдь не думаю, чтобы дѣло вполнѣ объяснялось такъ чисто-механически. Тѣмъ болѣе, что сами эти вивисекціи не были простой механической операціей: самъ авторъ указываетъ на сопровождавшіе ее психическіе моменты—гнетущее чувство нравственнаго одиночества и неувѣренность въ своихъ силахъ. О, если бы это была простая механика, такъ мнѣ не зачѣмъ было бы писать настоящую статью, потому что тогда и Успенскій не былъ бы Успенскимъ. Спросъ на законченныя формы беллетристики, т.-е. на романъ, повѣсть, драму, такъ великъ (и это вполнѣ естественно), что могъ бы, пожалуй, съ теченіемъ времени сыграть такую же принудительную роль. А разъ это не только механика, нельзя и въ объясненіи ея довольствоваться механикой. Нужно не только отмѣтить внѣшнюю манеру письма, но и заглянуть въ душу писателя, насколько это возможно.

Читая любую страницу Успенскаго, вы прежде всего замѣтите ея содержательность. Тутъ много недодѣланнаго, недоговореннаго, оборваннаго, много, можетъ-быть, съ вашей точки зрѣнія невѣрнаго, но нѣтъ ничего лишняго. Ни длиннѣйшихъ описаній природы или внѣшней обстановки, которыми беллетристы часто разбавляютъ свои произведенія, подобно тому какъ расчетливыя или бѣдныя хозяйки разбавляютъ и безъ того жидкій чай кипяткомъ; ни непомѣрнаго размазыванія психологическихъ тонкостей, которыми иногда страдаютъ даже высокоталантливые художники, ни множества вводныхъ и для хода разсказа совершенно излишнихъ лицъ, которыя толкутся на страницахъ иныхъ беллетристовъ совершенно неизвѣстно для чего. Разсказъ Успенскаго всегда сжатъ, даже черезчуръ сжатъ, почти схематиченъ; мысли автора, когда онъ говоритъ отъ себя, опять-таки изложены скорѣй слишкомъ кратко, чѣмъ слишкомъ пространно. Это, если позволено будетъ кулинарное сравненіе, — очень крѣпкій бульонъ, который можетъ приходиться по вкусу однимъ и не нравиться другимъ, но ужъ навѣрное не разбавленъ водой. Успенскій есть художникъ-аскетъ, отвергнувшій всякую роскошь, все, не ведущее прямо къ намѣченной цѣли.

Очень любопытно, что у Успенскаго, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ пейзажъ. Отсутствуетъ онъ, напримѣръ, и у Достоевскаго; но тамъ ему нѣтъ мѣста не только по нерасположенію автора къ этого рода живописи, а и по чисто-техническимъ соображеніямъ: дѣйствіе происходитъ у Достоевскаго обыкновенно въ городѣ, въ комнатѣ и много что на улицѣ. Совсѣмъ иначе у Успенскаго, который имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ деревней и съ дорожными впечатлѣніями. Казалось бы, здѣсь на каждомъ шагу неизбѣжны описанія того, какъ „отъ луннаго свѣта зардѣлъ небосклонъ“, какъ „волнуется желтѣющая нива“, какъ дождь моросить, громъ гремитъ, стволы березъ бѣлѣютъ и т. п. И однако Успенскій необыкновенно скуденъ по этой части. Это не значитъ, чтобы онъ не чуялъ природы, не понималъ ея красотъ. Но онъ аскетически строгъ въ своихъ требованіяхъ отъ пейзажа. Въ „Поэзіи земледѣльческаго труда“ вкрапленъ маленькій, но очень остроумный разборъ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“. Успенскому не нравится это стихотвореніе, потому что поэтъ является въ немъ „случайнымъ знакомцемъ природы, съ которою у него нѣтъ кровной связи“. Нашъ авторъ оскорбленъ тою изысканностью, съ которою въ стихотвореніи собраны и размѣщены разные лучшіе дары природы, и считаетъ себя въ правѣ заподозрѣть искренность поэта: если бы поэтъ, приходя въ общеніе съ природой, дѣйствительно „въ небесахъ видѣлъ Бога“ и „постигалъ, что̀ такое счастіе“, то онъ не сталъ бы искать въ природѣ непремѣнно „отборныхъ фруктовъ“ въ родѣ „ма-

линовыхъ сливъ“ и т. п., а довольствовался бы болѣе простымъ, не сочиненнымъ пейзажемъ. Успенскій противоставляетъ въ этомъ отношеніи Лермонтову Кольцова, у котораго „и природа, и міросозерцаніе человѣка, стоящаго къ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое“. Пейзажъ самъ по себѣ, отдѣльно взятый, какъ бы онъ ни былъ красивъ, не имѣетъ цѣны для Успенскаго: въ него должна быть вложена душа художника, его подлинное „міросозерцаніе“, то, что̀ его дѣйствительно въ данную минуту занимаетъ вообще и въ житейскихъ дѣлахъ въ частности. Вотъ для образца одно изъ крайне рѣдкихъ у Успенскаго описаній природы въ „Письмахъ съ дороги“: „Кавказскій хребетъ, подходя къ Черному морю, какъ будто смиряется и затихаетъ въ своемъ бунтовствѣ: довольно онъ намудрилъ и напугалъ человѣка тамъ, въ глубинѣ Кавказа; довольно онъ тамъ намучилъ его своими ущельями (какое скучное слово!), скалами, высовывающимися изъ облаковъ, ревущими рѣками и пропастями бездонными. Довольно онъ надивилъ, настращалъ и навосхищалъ васъ тамъ, „въ своихъ мѣстахъ“, теперь—будетъ! Тамъ, въ своихъ-то мѣстахъ, онъ широко развернулся, самому небу доказалъ, на какія онъ способенъ чудеса, теперь же пора и отдохнуть. И, приближаясь къ Черному морю, точно къ дому, откуда ушелъ гулять по бѣлу свѣту, онъ какъ будто отдыхаетъ отъ своихъ чудовищныхъ подвиговъ; идетъ онъ ровнымъ шагомъ и тихо улыбается вамъ, встрѣчному прохожему, мягкими живописными очертаніями ничѣмъ не пугающихъ горъ, живописныхъ долинъ“ и т. д. И сейчасъ же, непосредственно за этой попыткой нарисовать пейзажъ, является „грѣховодникъ капиталъ“ въ видѣ нефтепровода, который всю эту очень, впрочемъ, слегка намѣченную красоту разными способами испакоститъ.

Успенскій понимаетъ или, пожалуй, чуетъ, что такого единенія съ кавказской природой, какое онъ видитъ и цѣнитъ у Кольцова по отношенію къ нашей сѣверной природѣ, у него, Успенскаго, быть не можетъ. Онъ—„случайный знакомецъ этой природы, съ которой у него нѣтъ кровной связи“. Для него вонъ и самое-то слово „ущелье“—„какое скучное!“ А вѣдь тамъ, на мѣстѣ-то, конечно, есть люди, которые такъ же цѣльно и проникновенно стоятъ лицомъ къ лицу съ этой природой, какъ у насъ Кольцовъ съ своей. Они и опишутъ ее вполнѣ искренно, безъ фальшиваго набора красотъ, со вложеніемъ души, „міросозерцанія“. Успенскій этого не можетъ, а между тѣмъ съ его точки зрѣнія это единственный законный фонъ или рамка—ненужная роскошь, пустяки, которыми не стоитъ, да и некогда заниматься. И вотъ, если ужъ поразило его въ природѣ что-нибудь до такой степени, что надо, необходимо надо занести это впечатлѣніе на бумагу, такъ запись выходитъ, во-первыхъ, очень короткая, бѣг-

лая, а во-вторыхъ, природа въ ней прямо и просто очеловѣчивается: Кавказскій хребетъ оказывается ни больше ни меньше какъ огромнымъ и чудовищно-сильнымъ человѣкомъ, который вышелъ погулять, да и натворилъ на гуляньи чортъ знаетъ что̀, но, возвращаясь домой, отдыхаетъ, успокаивается и тихо улыбается. Однако — и въ этомъ особенная особенность—дома-то его ждетъ что-то неладное: „грѣховодникъ“ уже строитъ свои каверзы. И тутъ же пейзажъ не то что обрывается, а прямо переходитъ въ дѣйствіе, сливается съ картинами каверзъ грѣховодника и размышленіями объ нихъ.

Я назвалъ этотъ пріемъ или эту черту „особенною особенностью“ Успенскаго. Это не lapsus. Собственно очеловѣченіе природы—полное очеловѣченіе, а не только отдѣльныя живописныя метафоры, заимствованныя изъ человѣческой жизни—встрѣчается изрѣдка у разныхъ писателей. Не выходя изъ предѣловъ Кавказа, мы можемъ припомнить великолѣпный лермонтовскій „Споръ“, гдѣ очеловѣчены Эльбрусъ и Казбекъ. Но тамъ вы имѣете рядъ картинъ, поражающихъ блескомъ и роскошью красокъ и связанныхъ чисто-художественно — представленіемъ огромности Казбека. Съ высоты своихъ шестнадцати-семнадцати тысячъ футовъ Казбекъ видитъ и соннаго грузина, льющаго въ тѣни чинары пѣну сладкихъ винъ на узорныя шальвары, и Богомъ сожженную, безглагольную, недвижимую страну у ногъ Іерусалима, и вѣчно чуждый тѣни желтый Нилъ, моющій раскаленныя ступени царственныхъ могилъ, и цвѣтные шатры бедуиновъ, и проч., и проч. Могучая фантазія поэта взлетѣла на высоту шестнадцати тысячъ футовъ, осмотрѣла и намъ показала, что̀ оттуда видно; и въ этомъ созерцаніи обширнаго кругозора, переполненнаго яркими и пестрыми картинами, нашла себѣ удовлетвореніе. Такой изумительной роскоши пейзажа мало найдется во всѣхъ литературахъ всѣхъ временъ и народовъ, и потому не было бы ничего достойнаго примѣчанія въ томъ, что ея нѣтъ у Успенскаго. Можно, наоборотъ, спросить: у кого она есть? Два-три штриха — и передъ нами видъ Палестины; еще два-три—Египетъ... И однако силачъ Лермонтовъ дѣлаетъ здѣсь въ сущности то же самое, что̀ обыкновенно дѣлаютъ люди гораздо менѣе сильные и даже совсѣмъ безсильные. Изъ-подъ яркости и пестроты картинъ, открывающихся съ вершины Казбека, вы еле различаете ту мысль, которою въ началѣ стихотворенія Эльбрусъ пугаетъ своего собрата и которая, пожалуй, очень сродни каверзамъ „грѣховодника“: „желѣзная лопата въ каменную грудь, добывая мѣдь и злато, врѣжетъ страшный путь“. У другихъ беллетристовъ и поэтовъ пейзажъ не поглощаетъ, не заслоняетъ до такой степени мысль произведенія, потому что они лишены такой страшной, всеувлекающей фантазіи и не имѣютъ въ своемъ распоряженіи такихъ могучихъ красокъ. Но припомните, напримѣръ, пейзажи Тургенева

(надъ которыми, мимоходомъ сказать, такъ злобно и ядовито насмѣялся въ „Бѣсахъ“ чуждый пейзажу Достоевскій), и вы увидите, что они стоятъ совсѣмъ отдѣльно, сами по себѣ, производятъ и въ намѣреніи автора должны производить самостоятельное эстетическое впечатлѣніе. Вы можете оторвать, напримѣръ, длинное „пейзажное“ вступленіе къ „Бѣжину лугу“ и увидите, что художникъ такъ долго держалъ васъ на лонѣ природы (буквально съ самаго ранняго утра и до поздней ночи) не потому, что это въ какомъ-нибудь смыслѣ нужно для приготовленія читателя къ ночной встрѣчѣ съ ребятишками,—что̀ собственно составляетъ содержаніе разсказа,—а просто потому, что ему нравится писать пейзажъ независимо отъ всего прочаго. И такъ у всѣхъ беллетристовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пейзажъ находится въ гораздо болѣе органической связи съ содержаніемъ разсказа, чѣмъ вступленіе къ „Бѣжину лугу“ съ самымъ „Бѣжинымъ лугомъ“. Болѣе или менѣе пейзажъ вездѣ играетъ самостоятельную роль, хотя бы въ качествѣ аксессуара или обстановки. У Успенскаго этого нѣтъ ни болѣе ни менѣе. Строго говоря, у него нѣтъ пейзажа даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ есть, потому что нельзя же назвать пейзажемъ набросокъ Кавказскаго хребта, которому не предоставляется мѣста ни фона, ни рамки, ни аксессуара и который прямо вводится въ разсказъ въ качествѣ дѣйствующаго лица.

Таково отношеніе Успенскаго не только къ пейзажу, но и ко всему, что̀ можетъ урвать часть его вниманія и вниманія читателей и отклонить его куда-нибудь въ сторону отъ единственнаго пункта, признаваемаго въ данную минуту важнымъ и значительнымъ. Возьмите, напримѣръ, разсказъ „Неизлѣчимый“, очень невыдержанный въ техническомъ отношеніи, но въ которомъ, особенно въ началѣ, есть поистинѣ превосходныя страницы. Суть его состоитъ въ непереносныхъ душевныхъ мукахъ нѣкоего дьякона, къ которымъ прикосновенны двѣ женщины—жена дьякона и учительница. Самое содержаніе разсказа очень характерно для Успенскаго, но намъ пока до него дѣла нѣтъ. Главная задача автора состоитъ въ изображеніи душевнаго состоянія героя и взаимныхъ отношеній его и обѣихъ женщинъ. Эта задача такъ всецѣло овладѣваетъ мыслью Успенскаго, что онъ не утруждаетъ себя описаніемъ наружности тѣхъ женщинъ. Мы узнаёмъ только, что когда дьяконъ порѣшилъ жениться, то „не понравилось ему у невѣсты лицо, глаза, но стали нравиться мясистыя плечи, шея бѣлая и толстая“. Объ учительницѣ узнаёмъ изъ разсказа дьякона, что она была „фигурка изъ себя довольно поджарая, хлябковатая“—и только. Этихъ скудныхъ данныхъ совершенно достаточно для характеристики животнаго отношенія жениха къ невѣстѣ и къ женщинамъ вообще, а больше Успенскому ничего не нужно.

Голубые или черные глаза были у невѣсты, бѣлолицая она была или смуглая, курносая или горбоносая, даже вообще красивая или некрасивая—это безразлично: главное въ томъ, что глаза и лицо дьякону не понравились, а понравились мясистыя плечи и бѣлая жирная шея. Все безразличное, не имѣющее непосредственнаго отношенія къ дѣлу, представляется Успенскому уже лишнимъ, да и не то что представляется лишнимъ, а просто онъ ничего этого не видитъ, потому что никуда по сторонамъ не смотритъ. Намѣтивъ себѣ какую-нибудь цѣль, онъ торопливо идетъ къ ней, пропуская мимо ушей всякіе „звуки сладкіе", которые могъ бы услышать по дорогѣ, закрывая глаза на всякіе пейзажи и т. п.

Понятно, что это сосредоточеніе вниманія на главномъ и существенномъ должно придавать извѣстную силу образамъ Успенскаго, но понятно также, что художественная воздержность, доведенная до степени аскетизма, должна играть немаловажную роль въ отрывочности и незаконченности его писаній. Въ разсказъ „Неизлѣчимый" втиснутъ богатѣйшій матеріалъ для драмы, романа, повѣсти, вообще произведенія „изящной словесности". Но ничего подобнаго не вышло, потому что всякую архитектурную стройность Успенскій всегда готовъ заклать на алтарѣ занимающей его мысли. Ему не дорога никакая художественная подробность, если она не ведетъ прямо къ цѣли; онъ безъ всякой жалости на нее наступитъ, смажетъ ее и сдѣлаетъ это такимъ пріемомъ, какой попадется подъ руку: просто умолчитъ или обойдетъ словами „отъ себя", публицистической экскурсіей. Сколько мастерства потратилъ бы другой художникъ на полное объективированіе хотя бы тѣхъ же двухъ женскихъ фигуръ въ „Неизлѣчимомъ", и какое дѣйствительное мастерство могъ бы онъ при этомъ обнаружить и сколько эстетическаго наслажденія доставить читателю. Успенскій даже не замахивается на что-нибудь въ этомъ родѣ. Подобно неофиту въ извѣстной бѣгунской пѣснѣ, удаляющемуся въ пустыню, онъ отвергаетъ „цвѣтное платье и свѣтлую палату", черная схима ему дороже цвѣтного платья. Расходъ красокъ и линій онъ сокращаетъ до послѣдняго minimum'а, довольствуясь если не схимой, такъ схемой (простите невольный каламбуръ), ибо все остальное—лишняя роскошь...

Мы видѣли, что въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій Успенскій объясняетъ необработанность и отрывочность своихъ писаній неувѣренностью въ серьезной надобности того дѣла, которое онъ дѣлалъ,—дескать, „все это не то!" А во „Власти земли" онъ, напротивъ, вполнѣ увѣренъ, что дѣлаетъ настоящее дѣло, и однако именно изъ этой увѣренности почерпаетъ нѣкоторое презрѣніе къ формѣ и потому остается при той же необработанности и отрывочности. Досужій человѣкъ легко можетъ найти не одно такое противо-

рѣчіе въ многочисленныхъ писаніяхъ Успенскаго. Можетъ онъ также выхватить изъ нихъ какую-нибудь страницу и на ней построить собственную вавилонскую башню, за которую однако самъ Успенскій никакъ не будетъ отвѣтственъ. Но читатель вдумчивый и отзывчивый не будетъ заниматься подобными кляузными дѣлами. Такой читатель увидитъ и оцѣнитъ въ собраніи сочиненій Успенскаго не собраніе словъ и фразъ и даже не только результатъ тридцатилѣтней работы, а и самый процессъ ея. Работа писателя измѣряется не только количествомъ листовъ исписанной имъ бумаги, а и тѣми „кровью сердца и сокомъ нервовъ“, по выраженію Бёрне, которые онъ тратитъ, влагая ихъ въ свой трудъ. И едва ли найдется много писателей, которые, при такой плодовитости, расходовали бы столько крови сердца, какъ Успенскій. Онъ не пишетъ, не „сочиняетъ“, а живетъ съ перомъ въ рукахъ. Читатель воочію видитъ, какъ писатель ищетъ чего-то—сегодня въ русскомъ мужикѣ, завтра въ Венерѣ Милосской, сегодня въ Сербіи, завтра въ Новгородской, въ Самарской губерніи, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Сибири, сегодня въ только-что прочитанной книгѣ, завтра на крестьянской свадьбѣ,—ищетъ, надѣется, разочаровывается, опять поднимается, опять ищетъ, тутъ же дѣлясь съ вами тѣми житейскими впечатлѣніями, подъ которыми сложились его образы, картинки, размышленія. И эта наглядная, сквозящая жизненность работы не умаляется съ теченіемъ времени, а едва ли даже не усиливается. Много разъ приходилось мнѣ слышать отъ Успенскаго разсказы о томъ или другомъ поразившемъ его случаѣ, о полученномъ имъ впечатлѣніи, о навѣянной на него мысли, которые тутъ же, чуть не въ тотъ же самый день записывались на бумагу, а исписанная бумага отправлялась въ типографію клочками, по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ. И никогда не пытался я предложить ему подождать, дать впечатлѣнію улечься, отойти отъ него хоть на малое время, чтобы оно могло отлиться въ законченный образъ, картину. Я зналъ, что это было бы совершенно безполезно, потому что не можетъ онъ, органически не можетъ, что̀ называется, „вынашивать“ свои произведенія и „обставлять“ ихъ. Они льются изъ него, какъ жидкость изъ переполненнаго сосуда. Льются необработанныя, но съ явственными слѣдами породившей ихъ жизни. Я не говорю, что это хорошо или худо, я говорю только, что такъ есть. И въ этомъ заключается послѣдняя и, можетъ-быть, самая важная причина своеобразной формы писаній Успенскаго, всѣхъ этихъ отрывковъ, вдоль и поперекъ изрѣзанныхъ публицистикой. Несчастныя условія литературы, въ которыхъ началась его дѣятельность и въ которыхъ онъ какъ бы воспитался, въ связи съ „обстоятельствами чисто-личнаго характера“, имѣли, конечно, очень большое значеніе: но сами по себѣ они едва ли осилили бы изъ ряду вонъ выходящую изобразительную способ-

ность Успенскаго и соотвѣтственные позывы къ творчеству. Да и наконецъ, если бы неблагопріятныя внѣшнія условія осилили его талантъ, такъ онъ просто погибъ бы и во всякомъ случаѣ не могъ бы стать такъ дорогъ и близокъ читателю. Онъ пріучилъ насъ къ выработанной имъ формѣ полу-беллетристическихъ, полу-публицистическихъ очерковъ и отрывковъ, конечно, не потому, что это форма нескладная, убыточная, а потому, что въ ней есть нѣчто, само по себѣ, по крайней мѣрѣ, недурное. И эта сторона нескладной, убыточной формы его писаній опредѣляется не внѣшними вліяніями, а нѣкоторыми коренными свойствами его таланта и даже всего его духовнаго склада. Таковъ, во-первыхъ, его художественный аскетизмъ, возбуждающій его расходовать какъ можно меньше красокъ и линій и довольствоваться схимой-схемой вмѣсто приличествующаго художнику „цвѣтного платья". Такова, во-вторыхъ, его чрезмѣрная отзывчивость и связанная съ нею лихорадочная торопливость въ передачѣ читателю своихъ впечатлѣній и ихъ комбинацій. „Волнуясь и спѣша", какъ выразился Некрасовъ о Бѣлинскомъ, нельзя, даже при полномъ желаніи, отойти отъ „людей и нравовъ" (одно изъ заглавій Успенскаго) на такое разстояніе, чтобы они отлились въ законченную художественную форму, безъ явственныхъ слѣдовъ крови сердца писателя. Брызги крови развѣ только по какой-нибудь особенно счастливой случайности могутъ расположиться симметрично или вообще съ тою правильностью, какая нужна для законченности формы...

Спрашивается, изъ-за чего же льется кровь сердца? изъ-за чего волнуется этотъ человѣкъ и то мыкается по всему бѣлому свѣту, то забирается чуть не въ пустыню? Какое это такое дѣло, ради котораго онъ надѣлъ вериги аскета, безжалостно давитъ въ себѣ все цвѣтное, яркое, и не даетъ воли своему огромному художественному дарованію?

Я, можетъ-быть, удивлю васъ отвѣтомъ. Общій принципъ, къ которому могутъ быть сведены всѣ волненія Успенскаго, есть принципъ гармоніи, равновѣсія. Я знаю, что это звучитъ парадоксомъ: столько тревоги и волненій изъ-за какого-то отвлеченнаго начала, холоднаго и далекаго, какъ всякое отвлеченіе; столько аскетическихъ подвиговъ и жертвоприношеній на алтарь метафизическаго принципа! Да еще у Успенскаго, во-первыхъ, наименѣе уравновѣшеннаго изъ всѣхъ крупныхъ русскихъ писателей, а во-вторыхъ, человѣка, пустившаго такіе глубокіе корни въ живую жизнь, жизнь впечатлѣній, что его оттуда и выдернуть нѣтъ никакой возможности! Однако это такъ. Но понятно, что отвлеченіе принадлежитъ мнѣ, критику, а не критикуемому писателю.

II.

Несмотря на весь свой аскетизмъ, на самое щепетильное обереганіе себя и читателя отъ всего лишняго, Успенскій все-таки нашелъ у

себя самого кое-что лишнее. Просматривая его сочиненія, я не находилъ въ нихъ то отдѣльной фразы или яркаго слова, которое хорошо помню, а то и цѣлой картинки. Эти пропуски интересны. Вычеркнуты главнымъ образомъ „смѣшныя“ вещи. Признаюсь, нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ было жалко, потому что онѣ не просто „смѣшны“, а въ разныхъ смыслахъ очень удачны. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что самъ авторъ пожелалъ для отдѣльнаго изданія еще болѣе сжаться въ своемъ художественномъ аскетизмѣ. Я не буду пытаться реставрировать эти пропуски *), но мы и безъ нихъ можемъ выяснить себѣ характеръ „смѣшного“ въ Успенскомъ.

Я прошу васъ перевернуть нѣсколько страницъ назадъ и перечитать вышеприведенный разсказъ о томъ, какъ „Нравы Растеряевой улицы“ урѣзывались и прикрашивались для „Женскаго Вѣстника“. Читая эти строки, вы, вѣроятно, улыбнетесь и, во всякомъ случаѣ, усмотрите улыбку на лицѣ самого автора. Между тѣмъ въ существѣ вещей вамъ предъявлена серьезнѣйшая, глубокая драма. Въ самомъ дѣлѣ, всякому свое дорого, и нетрудно себѣ представить, какія скорбныя чувства одолѣвали молодого писателя, когда онъ, подъ напоромъ разныхъ надвигавшихся на него житейскихъ случайностей, придѣлывалъ голову и хвостъ къ своему обрывку и умывалъ своихъ неумытыхъ героевъ. Онъ и теперь съ понятною горечью вспоминаетъ, что отъ этой операціи герои „стали только хуже, а правды въ нихъ меньше“. Нашему брату, писателю, это драматическое положеніе автора, конечно, ближе и понятнѣе, чѣмъ читателю; но и онъ, надо думать, безъ особеннаго напряженія фантазіи можетъ себѣ представить, чего стоитъ отцу калѣчить свое дѣтище въ видахъ жертвоприношенія какому-то нелѣпому идолу житейскихъ случайностей. И если о себѣ самомъ, о своей собственной скорби писатель разсказываетъ съ улыбкой, такъ улыбка эта получаетъ совсѣмъ особенное значеніе: она должна быть чѣмъ-то опредѣляющимъ, характернымъ вообще для внутреннихъ отношеній писателя.

Дѣйствительно. Возьмемъ для образчика разсказъ: „Нужда пѣсенки поетъ“ и остановимся на немъ немного подольше.

Къ автору является неизвѣстный человѣкъ и предъявляетъ бумагу, въ которой изложено слѣдующее: „Господинъ Ивановъ пиро-и-гидротехникъ, на короткое время прибывшій въ г. N., честь имѣетъ доложить высокопочтеннѣйшей публикѣ, что, имѣя искусство въ египетской, арабской, эѳіопской, индѣйской, халдейской и другихъ магіяхъ и состоящей изъ новыхъ фантастическихъ опытовъ и призраковъ тайной и натуральной увеселительной магіи, что, давая оныя представленія въ высокоблагородныхъ домахъ, по весьма умѣреннымъ

*) Въ настоящемъ изданіи это отчасти сдѣлано.

цѣнамъ, съ аппаратами и безъ аппаратовъ, попурри изъ міра чудесъ, кабалистики и чревоувѣщанія по весьма сходнымъ цѣнамъ: также индійское эскамотированіе, гирлянда розъ, невозможность въ дѣйствіи, обезглавленіе головы, носа и другихъ частей тѣла и проч., и проч., и проч.". Внизу прибавлено: „льстя себя надеждою"... и красовалась подпись: „Пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ".

Смѣшно, не правда ли? Смѣшны всѣ эти „чревоувѣщанія по сходнымъ цѣнамъ" и „обезглавленія головы, носа и другихъ частей тѣла"? Но подождите, дальше будетъ еще смѣшнѣе. Господинъ Ивановъ, пиро-и-гидро-техникъ, разсказываетъ автору разные эпизоды изъ своей жизни. Передавать ихъ всѣ было бы слишкомъ долго, но одинъ изъ нихъ я сообщу. Пришло дѣло такъ, что Капитону Иванову надо идти въ солдаты; нанять за себя „вольника" не на что,—одинъ было-попался, да надулъ. Капитону Иванову, столь искусному въ индійскомъ эскамотированіи и обезглавленіи носа, ужъ и лобъ забрили. А дальше пришло вотъ что:

«Ревемъ мы съ бабой, какъ ребята малые: чисто-начисто пропадать приходится... И что-жъ, вы думаете, вышло? На другой день къ вечеру, наканунѣ, значитъ, быть походу, стало мнѣ легче! Вѣдь вотъ чудо-то какое! Легче, легче, и совсѣмъ повеселѣлъ! «Маша, говорю, семъ я къ господину откупщику схожу, фокусовъ сыграть, и, можетъ-быть, между прочимъ, Господь мнѣ поможетъ...» Дѣло было на масленицѣ; надѣваю я, для забавы, турецкое чалмо и этакой балахонъ; туркой наряжаюсь. Смотритъ на меня супруга и говоритъ: «Семъ, говоритъ, Иванычъ, я и себѣ чалмо надѣну? Можетъ-быть, говоритъ, господинъ откупщикъ сжалятся надъ нами, когда увидятъ, что мужъ и жена однимъ мастерствомъ живутъ; можетъ, онъ и не захочетъ, говоритъ, насъ разлучить?» — «Матушка моя, говорю, ты въ такомъ теперича положеніи (она въ то время въ этакомъ положеніи была-съ), ты, говорю, въ такомъ положеніи, для чего тебѣ натруждать себя?»— «Ну, говоритъ, заодно! Либо, говоритъ, жизнь, либо смерть!» Надѣваетъ она на себя чалмо турецкое, шаль (платокъ этакой ковровый-съ), шаль эту черезъ плечо, по-цыгански. Пошли!.. Идемъ, идемъ, да какъ заплачемъ оба, въ чалмахъ-то этихъ! Идутъ люди, глядятъ на насъ и говорятъ: «Съ чего это два турка плачутъ?» Приходимъ къ откупщику. «Какъ объ васъ доложить?»—«Ивановъ, говорю, съ супругою».—«Принять». Входимъ мы въ залу—гости... Страсть гостей! Откупщика, Родивонъ Игнатьича, я зналъ, и онъ меня тоже знавалъ. «А, говоритъ, ну дѣлай!» Начинаю я дѣлать фокусы, сердце такъ и стучитъ: завтра въ солдаты! Дѣлаю фокусы, господа смѣются, довольны.—«А это кто же съ тобой?» — Родивонъ-то Игнатьичъ говоритъ.—«А это-съ, говорю, жена моя, супруга».—«Что же, говоритъ, и она по этой части?» Я молчу.—«Можете вы, душенька?» (у жены спрашиваетъ). — «Могу-съ», говоритъ... (Вижу — бѣлая вся!) — «Такъ пройдитесь, говоритъ, «По улицѣ мостовой». Маша сейчасъ голову книзу, руки надъ головой согнула и поплыла... Да вѣдь какъ-съ? Откуда что взялось!.. Барышня по фортопьянамъ ударила, а она-то плыветъ, извивается... Ахъ! замерло у меня сердце! Тутъ зачали господа трепать въ ладоши. «Приотлично, кричатъ, превосходно! еще! еще!» А

она и еще того лучше... Не удержался я, какъ у меня слезы-то полились, полились, капъ, капъ... Родивонъ Игнатьичъ кричитъ: «Это что? на масленицѣ-то? у меня въ домѣ?» Я—въ ноги... Маша, гдѣ плясала, тутъ на колѣни и повалилась.—«Что, что? Какъ, какъ?» Разсказали ему: «Одна надежда на вашу милость!.. Завтра на войну... жена... дѣти».—«Не робѣй, говоритъ, вотъ тебѣ...» И выноситъ 200 серебромъ! «Поминай на молитвѣ». Чуть я въ то время съ ума не сошелъ... Бѣжимъ мы по улицѣ, ровно угорѣлые. Люди идутъ: вотъ, говоритъ, турки набѣжали. Эко у насъ, ребята, турокъ развелось тьма-тьмущая. Это, говорятъ, плѣнные (А это мы съ супругой весь городъ обѣгали). Бѣжимъ, земли не слышимъ... Исторія было-случилась на дорогѣ, въ другой разъ въ полицію бы потащилъ, а тутъ только шибче побѣгъ».

На вопросъ автора: въ чемъ состояла „исторія“, пиро-и-гидротехникъ разсказалъ:

«Такъ-съ, свинство, необразованность... Бѣжимъ это мы съ женой, какъ я вамъ докладывалъ. Попадаются двое пьяныхъ, прямо противъ насъ уставились. Одинъ подходитъ ко мнѣ: «въ какомъ вы, говоритъ, правѣ турецкія чалмы носитъ?» Я ему шуткой въ отвѣтъ: «А потому, говорю, какъ мы турецкаго нарѣчія». — «А въ какой вы, говоритъ, землѣ находитесь, въ православной или какой?»—«Мы, говорю, здѣсь плѣнные».—«А когда, говоритъ, вы наши плѣнные, то...» Да съ этими словами ка-а-акъ! вотъ въ эту самую кость! (Гость показалъ на собственный високъ). Мы съ женой во всю мочь! Ну, вотъ-съ и все!»

Дальнѣйшій разсказъ пиро-и-гидро-техника не менѣе интересенъ, но пусть читатель обратится за нимъ къ подлиннику, а съ меня достаточно и приведеннаго. Потому достаточно, что и въ этомъ отрывкѣ съ полною ясностью выражается наиболѣе характерный для Успенскаго пріемъ художественнаго творчества. Мнѣ не хочется употреблять избитое, истрепанное, многосмысленное и по тому самому мало говорящее выраженіе: „смѣхъ сквозь слезы“. Но если эта избитая формула означаетъ способность и склонность съ улыбкою разсказать страшную драму, и притомъ такъ, что глубина драмы отъ этого не только не утрачиваетъ своей силы, а напротивъ — оттѣняется, то я не знаю во всей русской литературѣ никого, кто бы умѣлъ такъ смѣяться сквозь слезы, какъ Успенскій. Нечего говорить, что это не безпредметное зубоскальство, довольствующееся смѣшными положеніями или даже смѣшными словами: — ни одного просто смѣшного положенія вы у Успенскаго не найдете. Но это и не рѣзкіе удары сатирическаго бича, и не капризныя, кокетливо-истерическія арабески изъ грусти и веселья, слезъ и смѣха, какія бываютъ у чисто-художественныхъ натуръ типа Гейне. Это совсѣмъ особенное, оригинальное, лично Успенскому принадлежащее сочетаніе комическаго и трагическаго.

Вы видите рядъ комическихъ подробностей: пиро-и-гидро-техника съ „чревоувѣщаніями“, „обезглавленіями головы и прочихъ частей тѣла“, „индійскими эскамотированіями“ и проч.; потомъ еще другія подобныя смѣшныя мелочи, которыя я, краткости ради, въ своемъ

пересказѣ пропустилъ; потомъ „турецкое чалмо“ и проч. Но, по мѣрѣ того какъ эти комическія черты скопляются въ достаточномъ количествѣ, вы чувствуете, что вступаете въ кругъ вещей совсѣмъ не смѣшныхъ и не мелкихъ. Вамъ становится жутко, вы ощущаете въ себѣ какой-то сложный и все болѣе усложняющійся процессъ, достигающій своей предѣльной точки въ тотъ моментъ, когда Маша пускается въ плясъ. Въ салонѣ господина откупщика, передъ толпой полудикихъ гостей, беременная женщина, наряженная въ „турецкое чалмо“, и въ „шаль по-цыгански“, пляскою „По улицѣ мостовой“ принимаетъ участіе въ „индійскомъ эскамотированіи“ для спасенія мужа отъ солдатчины... Необыкновенная сложность этого маленькаго событія особенно замѣчательна тѣмъ, что въ немъ трагическое положеніе соткано изъ комическихъ подробностей. Турецкое чалмо очень смѣшно, возгласъ: „приотлично!“ — которымъ ободряли Машу откупщикъ и его гости — тоже смѣшонъ, но вѣдь вы не смѣялись, когда Маша плясала. Художникъ самъ продѣлалъ надъ вами нѣчто въ родѣ „опыта тайной натуральной магіи“, смѣшилъ-смѣшилъ и подъ конецъ изъ самыхъ этихъ смѣшковъ выстроилъ нѣчто такое, отъ чего вы чуть не заплакали.

Скажутъ, можетъ-быть, что этотъ эффектъ могъ бы быть достигнутъ и другимъ путемъ; зачѣмъ собственно эти комическіе аксессуары трагическаго положенія? Но дѣло въ томъ, что вопросъ „зачѣмъ?“ бываетъ часто относительно художественнаго творчества лишенъ всякаго смысла. Другой большой художникъ, съ инымъ складомъ творчества, сумѣлъ бы иначе поставить дѣло, довольствуясь, можетъ-быть, однимъ трагическимъ элементомъ. Но у Успенскаго — и въ этомъ состоитъ характернѣйшая его, какъ художника, черта—всѣ эти „чалмы“ и „невозможности въ дѣйствіи“ не только не излишни, а напротивъ — необходимы именно потому, что оттѣняютъ драматизмъ положенія. Не только изъ нихъ таинственнымъ, „магическимъ“ путемъ сложилась драма, но благодаря имъ вы съ особенною ясностью видите пошлость и дикость той среды, которую призванъ развлекать пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ. Чтобъ понять ее, Капитонъ Ивановъ неизбѣжно долженъ былъ и самъ явиться въ шутовскомъ видѣ, и Маша должна была сдѣлать именно то, что̀ она сдѣлала, и именно такъ, а не иначе. Передъ рѣшеніемъ явиться въ салонѣ откупщика пиро-и-гидро-техникъ исчерпалъ всѣ обыкновенные рессурсы: просьбы самыя трогательныя, хлопоты самыя энергическія. Ничего не вышло. Не вышло бы ничего и тогда, если бы Маша проявила возвышеннѣйшій героизмъ безъ „чалмы“ и не въ составѣ „индійскаго эскамотированія“. Авторъ ни однимъ словомъ не осудилъ откупщика и все его общество, онъ даже предоставилъ откупщику совершить благодѣяніе, но при небольшомъ

сосредоточеніи вы можете поистинѣ въ ужасъ придти отъ броненосности и толстокожести жителей города N.

Для полной оцѣнки эпизода въ салонѣ откупщика мнѣ бы хотѣлось припомнить что-нибудь параллельное у другихъ беллетристовъ. Но не могу ничего вспомнить, кромѣ эпизода изъ одной юношеской или даже мальчишеской повѣсти (безъ названія) Лермонтова. Тамъ красавица Ольга, пріемышъ нѣкотораго звѣрообразнаго помѣщика, по требованію его пьяныхъ гостей, пляшетъ „русскую". Ольга красавица, пляшетъ съ изумительной граціей; одѣта она не въ чалмо какое-нибудь и цыганскую шаль, а въ нарочито сшитый шелковый сарафанъ; дѣло происходитъ во времена пугачевщины, отдаленный грохотъ которой доносится и до Ольги; сама она исполнена неясныхъ, но возвышенныхъ чувствъ. Словомъ, ни одной комической черты въ разсказъ не введено, кругомъ все мрачно и страшно или возвышенно и прекрасно. И въ концѣ концовъ никакого участія въ красавицѣ Ольгѣ и никакого раздумья о звѣрообразности тогдашней помѣщичьей среды не получается. Получается только то непріятное ощущеніе, которое всякая фальшь всегда вызываетъ въ мало-мальски чуткомъ человѣкѣ. Вы понимаете, что я не Успенскаго съ Лермонтовымъ сравниваю, да и не великая еще это была бы честь понимать мѣру вещей лучше, чѣмъ ее понималъ 15—16-лѣтній мальчикъ, хотя бы онъ и назывался Лермонтовымъ. Но даже мальчишескія произведенія такихъ колоссальныхъ талантовъ поучительны. Не говорю я также, что комическій элементъ обязательно нуженъ для полноты трагическаго впечатлѣнія (хоть это, можетъ-быть, до извѣстной степени справедливо). Я только пробую съ разныхъ сторонъ освѣтить художественные пріемы Успенскаго и проникнуть, по возможности, въ тайну того необыкновенно пріятнаго чувства, которое ощущаетъ читатель въ общеніи съ этимъ писателемъ. Я совершенно увѣренъ, что если бы Успенскій вздумалъ обставить свой эпизодъ съ Машей на тотъ манеръ, какъ обставленъ эпизодъ съ Ольгой у Лермонтова, то вышла бы вещь безобразная, фальшивая, „сочиненная" въ зазорномъ смыслѣ этого слова. Но онъ этого никогда не сдѣлаетъ и сдѣлать органически не можетъ. Сплошной напыщенный трагизмъ для него такъ же недоступенъ, какъ и противоположный полюсъ—безпредметное зубоскальство.

Доведя скопленіе комическихъ подробностей до того момента, когда изъ нихъ сама собой сложилась высокая драма, авторъ спускаетъ читателя съ этой трагической высоты по той же лѣстницѣ, по которой ввелъ его туда. Супруги Ивановы вполнѣ счастливы тѣмъ, что ломались недаромъ. Оно и понятно. Дѣло не только въ томъ, что бѣда миновала. Пиро-и-гидро-техникъ долженъ питать, кромѣ того, острое, нѣжное чувство къ героической Машѣ, а сама она должна чувство-

вать нѣкоторую вполнѣ законную гордость. Счастье такъ велико, такъ полно и сложно, что супруги ужъ не гонятся за тычкомъ. Какая-то пьяная скотина оборвала шуточную бесѣду о турецкихъ плѣнныхъ ударомъ „вотъ въ эту самую кость"; супруги—ничего, только прытче домой побѣжали. И читатель, послѣ того напряженія скорбнаго чувства, которое онъ сейчасъ только испыталъ, готовъ раздѣлить это благодушное презрѣніе супруговъ Ивановыхъ: онъ тоже не гонится за тычкомъ и не чувствуетъ ни гнѣва ни негодованія на пьяную скотину, хотя она занимаетъ свое очень опредѣленное мѣсто среди „жестокихъ нравовъ нашего города". Не только общепринятый кодексъ приличій, но и непосредственное нравственное чувство подсказываетъ, что лежачаго не бьютъ и плѣнныхъ не обижаютъ. А пьяная скотина говоритъ: „коли вы наши плѣнные, то вотъ вамъ въ эту самую кость!" Мерзость великая, но въ данную минуту она до такой степени тонетъ въ счастливомъ возбужденіи супруговъ Ивановыхъ, что сами они ея почти не замѣчаютъ, а вы опять готовы улыбнуться, отнюдь однако не забывая, какъ не забываетъ и Капитонъ Ивановъ, что это—„свинство, необразованность".

Такова еще одна особенность Успенскаго. Онъ разсказываетъ подчасъ возмутительныя, ужасающія вещи, но почти никогда не возбуждаетъ въ читателѣ гнѣва или негодованія. Грустное раздумье—вотъ наиболѣе обыкновенный осадокъ, остающійся на душѣ читателя сочиненій Успенскаго. Достигается этотъ результатъ разными путями, но онъ почти всегда налицо. И грусть эта опять-таки не безпредметная, а напротивъ—съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ. Иной читатель, можетъ-быть, не совсѣмъ ясно сознаётъ, отчего это ему показали настоящій фейерверкъ комическихъ чертъ и черточекъ, а ему въ концѣ фейерверка стало грустно; разсказали ему ужасный случай возмутительнаго насилія, но онъ не гнѣвается, а опять-таки груститъ.

Причины этого выяснятся, я надѣюсь, ниже сами собой. А теперь я прошу читателя взять какой-нибудь разсказъ Успенскаго и прочитать его такъ, какъ мы вмѣстѣ только-что прочитали разсказъ: „Нужда пѣсенки поетъ", то-есть наблюдая за собой, за смѣной ощущеній и впечатлѣній, переживаемыхъ при чтеніи. Почти безразлично, что именно выбрать для этого опыта, но я бы особенно рекомендовалъ, напримѣръ „Неизлѣчимаго", или „Захотѣлъ быть умнѣй отца", или „Дохнуть некогда", или „Обстановочку". Эффектъ будетъ, я увѣренъ, одинъ и тотъ же: сначала улыбка, другая, потомъ смѣхъ, иногда почти неудержимый, потомъ, тотчасъ вслѣдъ за вящшимъ скопленіемъ комическихъ подробностей—болѣе или менѣе горькое чувство, разрѣшающееся въ концѣ концовъ грустнымъ раздумьемъ. Повидимому, этотъ результатъ достигается чисто-формальнымъ пріемомъ даровитаго художника. Но, принимая въ соображеніе постоянную повторяе-

мость этого пріема, принимая въ соображеніе почти неотдѣлимость у Успенскаго формы и содержанія, мы должны предположить, что эта формальная черта имѣетъ свое соотвѣтствіе въ самомъ міросозерцаніи автора, во всемъ его духовномъ складѣ. Забѣгая впередъ, укажу другой случай такого соотвѣтствія. Аскетическое отношеніе Успенскаго къ пейзажу, къ физіономіямъ дѣйствующихъ лицъ и т. п. есть дѣло формы, но она вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ аскетическимъ чертамъ въ самомъ содержаніи его писаній. Облекаясь въ „черную схиму", какъ художникъ, онъ и какъ публицистъ и мыслитель нерѣдко зоветъ насъ въ родѣ какъ въ пустыню. Такъ и тутъ. На днѣ каждаго разсказа или очерка Успенскаго лежитъ глубокая драма. Изъ этого, въ связи съ нѣкоторыми дурно понятыми обобщеніями его (объ нихъ потомъ), иные считаютъ себя въ правѣ вывести заключеніе объ его пессимизмѣ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе. Успенскій не прячетъ ни отъ себя ни отъ людей зла, которое видитъ на каждомъ шагу. Но пессимизмъ, какъ мрачная философія отчаянія; какъ увѣренность въ окончательномъ торжествѣ зла, ему совершенно чуждъ уже просто въ силу стихійныхъ свойствъ его таланта, складывающаго драму изъ комическихъ чертъ. Для безысходно-мрачнаго взгляда на жизнь слишкомъ великъ запасъ смѣха, которымъ онъ владѣетъ. То особенное сочетаніе трагическаго и комическаго, которое ему свойственно, даетъ ему какъ бы двѣ точки опоры въ пространствѣ и одинаково гарантируетъ его и противъ плоскаго оптимизма и противъ ноющаго пессимизма. Спрашивается, не есть ли эта счастливая способность видѣть вещи одновременно съ двухъ сторонъ, трагической и комической, эта стихійная гарантія противъ односторонней роскоши комизма и трагизма—не есть ли она драгоцѣннѣйшій задатокъ именно внутренней гармоніи, равновѣсія писателя? Фактическій отрицательный отвѣтъ, къ сожалѣнію, слишкомъ очевиденъ. Но этимъ отрицательнымъ отвѣтомъ нельзя удовлетвориться. Пусть печальныя внѣшнія условія помѣшали гармоническому развитію писателя, пусть этому способствовали нѣкоторыя природныя его свойства, — сложная штука душа человѣческая, и разныя, прямо враждебныя другъ другу теченія въ ней сталкиваются. Но человѣкъ, такъ счастливо поставленный относительно комическаго и трагическаго элементовъ жизни, долженъ, по крайней мѣрѣ, дорожить гармоніей и равновѣсіемъ, жадно и страстно искать ихъ кругомъ себя, оскорбляться отсутствіемъ ихъ, радоваться ихъ присутствію. Эта лихорадочная работа будетъ, можетъ-быть, тѣмъ интенсивнѣе, когда въ самомъ-то писателѣ есть богатые задатки уравновѣшенности, но при этомъ онъ по собственному мучительному опыту знаетъ, какъ тяжело отсутствіе стройнаго порядка въ душѣ. Можно думать, что такой счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный писатель именно сюда направитъ всѣ свои силы, именно

здѣсь будетъ искать и своего идеала и своей мѣрки добра и зла. Такъ оно и есть у Успенскаго.

Старинное дѣленіе (Сенъ-Симона) историческихъ эпохъ на органическія и критическія можетъ и теперь быть защищаемо. Несомнѣнно, что есть эпохи, въ которыя всѣ общественныя отношенія и принципы находятся въ органической связи между собой и разныя столкновенія между людьми и группами людей, хотя бы и очень бурныя, не выходятъ за извѣстныя, болѣе или менѣе строго опредѣленныя рамки, общія для всѣхъ ихъ. Худы или хороши эти рамки, широки или узки, но живется въ нихъ людямъ сравнительно покойно. Разумѣю покой душевный, потому что за жизнь, за кусокъ хлѣба людямъ всегда приходится безпокоиться. И въ органическія эпохи люди могутъ подвергаться величайшимъ насиліямъ и оскорбленіямъ, или подвергать имъ своихъ такъ-называемыхъ ближнихъ, но при этомъ не шевелится совѣсть насильниковъ и оскорбителей, не возмущается честь насилуемыхъ и оскорбляемыхъ. Общіе принципы эпохи допускаютъ, мало того — освящаютъ такія дѣйствія. Припомните для иллюстраціи, ну, хоть, напримѣръ, „Двухъ помѣщиковъ“ Тургенева (въ „Запискахъ охотника“). Тамъ одинъ помѣщикъ, человѣкъ очень добрый и любезный, велитъ высѣчь на конюшнѣ буфетчика Васю, который „съ такими большими бакенбардами ходитъ“, и потомъ, попивая чай на балконѣ въ прекрасный лѣтній вечеръ, прислушивается къ звукамъ ударовъ и съ улыбкой приговариваетъ въ тактъ: „чюки-чюки-чукъ, чюки-чюки-чукъ“. А Вася съ большими бакенбардами, въ свою очередь, послѣ экзекуціи съ неменьшимъ спокойствіемъ гуляетъ по деревнѣ и грызетъ подсолнухи. На вопросъ о поркѣ онъ отвѣчаетъ, что этотъ баринъ даромъ не накажетъ, и что такого барина и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Совершилось безобразное дѣло, но обѣ стороны по совѣсти и чести признаютъ его законнымъ. Понятно, что въ органическія эпохи совершаются не только одни безобразія. Напротивъ, здѣсь возможны и высокіе подвиги самоотверженія и любви. Мало того, вся жизнь иного человѣка въ такія эпохи можетъ быть сплошнымъ подвигомъ терпѣнія и преданности, и никто даже этого не замѣтитъ, если подвигъ не выходитъ изъ рамокъ, опредѣляемыхъ господствующими принципами. Всѣ существующія отношенія, въ своихъ общихъ и коренныхъ частяхъ, находятся въ полной гармоніи съ ходячими нравственными понятіями. Противорѣчія, существующія въ нравственномъ складѣ такого общества, могутъ быть усмотрѣны со стороны; но для сознанія огромнаго, подавляющаго большинства они просто не существуютъ. Буфетчикъ Вася съ большими бакенбардами подвергается позорному наказанію—уже одно это грамматически-правильное предложеніе заключаетъ въ себѣ, повидимому, цѣлый рядъ непримиримыхъ проти-

ворѣчій: какъ это можно — пороть человѣка „съ большими бакенбардами“? какъ можно пороть человѣка и въ то же время называть его ласкательнымъ и уменьшительнымъ „Вася“? какъ можно называть Васей, а то и Васькой, человѣка съ большими бакенбардами, который вамъ не братъ, не другъ, не сынъ? Но этого мало. Если, напримѣръ, этого обезчещеннаго позорнымъ наказаніемъ Васю сдадутъ въ солдаты, то потребуютъ отъ него военныхъ подвиговъ и смерти за честь родины, и онъ дѣйствительно предъявитъ эти подвиги и приметъ смерть съ тѣмъ спокойнымъ героизмомъ, который характеризуетъ русскаго солдата. Но ни Вася съ большими бакенбардами, ни его баринъ и никто другой не замѣчаютъ этихъ противорѣчій и живутъ съ спокойной совѣстью и невозмущенной честью.

Можетъ-быть, я и ошибаюсь, конечно, но мнѣ кажется, что, если бы Успенскій получилъ свое литературное воспитаніе и началъ работать въ подобную органическую эпоху, изъ него вышелъ бы писатель болѣе спокойный и упорядоченный, и мы имѣли бы рядъ его романовъ, повѣстей и проч., и стоялъ бы онъ не въ сторонѣ отъ большой дороги беллетристики, а тамъ же, гдѣ стоятъ Тургеневъ, Толстой, вообще крупные таланты предшествовавшаго поколѣнія. Это не значитъ, конечно, что онъ примирился бы съ тѣмъ равновѣсіемъ, удовлетворился бы тою гармоніей фактическихъ отношеній и нравственныхъ понятій, какая предъявляется каждой органической эпохой. Напротивъ, онъ занялся бы, можетъ-быть, и даже по всей вѣроятности, раскрытіемъ противорѣчій, открывающихся въ той гармоніи для взгляда со стороны. Но именно постороннимъ-то зрителемъ ему не довелось быть, и выступать на литературное поприще ему пришлось не въ органическую эпоху, а въ критическую.

Вотъ какъ говоритъ Успенскій о трудныхъ временахъ 60-хъ, 70-хъ годовъ:

«Освобожденіе крестьянъ, то-есть одно только понятіе объ освобожденіи сразу внесло невозможный для разслабленныхъ семей, но великій идеалъ жизни—жизни, основанной на честномъ трудѣ, на признаніи въ мужикѣ брата; вся прошлая жизнь была именно полнымъ, безпощаднѣйшимъ и безцеремоннѣйшимъ нарушеніемъ этого смысла—и вотъ настала гибель... И въ эту минуту явились люди, воспитанные въ самой густотѣ неуваженія чужой личности, въ самыхъ затхлыхъ, разлагающихъ понятіяхъ,—напримѣръ, что не думать легче и лучше, чѣмъ думать, что не работать лучше, чѣмъ работать, что работать должны мужики, а я вырасту большой, женюсь на богатой, поѣду за границу и т. д. Этому-то поколѣнію, воспитанному въ образцовой школѣ безсовѣстности, пришлось лицомъ къ лицу стоять съ суровой русской дѣйствительностью... Началась съ этой минуты на Руси драма; понеслись проклятія, пошли самоубійства, отравы... Послышались и благословенія» («На старомъ пепелищѣ»).

Въ другомъ мѣстѣ, въ очеркѣ „Хочешь-не-хочешь“, Успенскій развиваетъ ту же мысль нѣсколько пространнѣе, при чемъ выражаетъ

увѣренность, что „среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій несомнѣнно долженъ родиться могучій талантъ“, который все это изобразитъ. „Большого художника, съ большимъ, въ два обхвата, сердцемъ ожидаетъ полчище народу, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, оскалившихся отъ злости зубовъ! И все это, рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное,— все это рвется съ дороги только потому, что это новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ и не хочетъ помириться съ новой мыслью. Словомъ, все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надо всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимой силой“.

Этими словами хорошо характеризуется то, что Успенскій считаетъ центральнымъ пунктомъ русской жизни въ 60-е—70-е годы: „болѣзнь сердца“, „болѣзнь мысли“, „болѣзнь совѣсти“. Но они же хорошо характеризуютъ и самого писателя—направленіе его мысли и страстность его отношенія къ дѣлу. Болѣзнь сердца, болѣзнь мысли, болѣзнь совѣсти, это—нарушенное равновѣсіе духа. Успенскій не скорбитъ объ этомъ нарушеніи, потому что вѣритъ въ величіе и правоту новой мысли, которая его произвела. Но онъ скорбитъ о тѣхъ мятущихся душахъ, которыя являются жертвами рокового столкновенія стараго съ новымъ, скорбитъ именно объ томъ, что они такъ много и болѣзненно мятутся, а мятутся они такъ потому, что душевное равновѣсіе въ нихъ нарушено. Надо бы имъ подняться на высоту новой мысли всѣмъ существомъ своимъ и тамъ, на этой высотѣ, достигнуть новаго равновѣсія. Но они этого не могутъ. Что-то тянетъ ихъ книзу, какъ многопудовая гиря. Le mort saisit le vif—наслѣдіе добраго стараго времени не уступаетъ своего мѣста новой мысли. Лѣтописцемъ или иллюстраторомъ этой мучительной неуравновѣшенности и сталъ Успенскій. Однако не сразу. Въ его раннихъ произведеніяхъ еще отсутствуетъ спеціальная „болѣзнь сердца“, совѣсти. Но уже тамъ намѣчена та почва, на которой она выросла. Оглядываясь теперь назадъ, мы безъ труда увидимъ, что обособляло Глѣба Успенскаго среди той группы молодыхъ талантливыхъ беллетристовъ, которая разомъ объявилась въ шестидесятыхъ годахъ. Первоначально мы видимъ только общую всѣмъ имъ склонность къ изображенію людей и нравовъ низшихъ общественныхъ слоевъ, и Глѣбъ Успенскій выдѣляется лишь своею манерою слагать драму изъ комическихъ

подробностей—манерою, только изрѣдка и слабо проявлявшеюся у Николая Успенскаго и совершенно отсутствовавшею у Левитова, Слѣпцова, Рѣшетникова. Но уже въ „Разореньи“ Успенскій, сохраняя типическія черты всей группы, спеціализируетъ и содержаніе своихъ писаній. Съ этихъ поръ его занимаетъ почти исключительно столкновеніе „новой мысли“ съ дореформеннымъ порядкомъ. Для примѣра остановимся на одной фигурѣ изъ этого періода его литературной дѣятельности.

Чиновникъ Павелъ Ивановичъ Печкинъ (въ „Наблюденіяхъ Михаила Ивановича“) ходилъ себѣ на службу, строчилъ разныя бумаги, бралъ взятки, вытягивался передъ совѣтникомъ и продѣлывалъ все это „съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ люди убѣждаются, что солнце свѣтитъ, что подъ ногами земля, а надъ головой небо; объ этомъ даже и не думаютъ. Павелъ Ивановичъ дѣлалъ все это исправно и жилъ поэтому весьма счастливо до тѣхъ поръ, пока время не пошатнуло этого міросозерцанія. Съ нѣкоторыхъ поръ стало оказываться, что взятка—вещь гнусная, и что Павелъ Ивановичъ—подлецъ, тогда какъ онъ считалъ себя честнымъ человѣкомъ. „Развѣ я что укралъ?“—говорилъ онъ въ подтвержденіе этого. Начальство, которое прежде только распекало, которое прежде отличалось опытностью и дряхлостью, стало замѣняться какими-то щелкоперами, которые носили пестрыя брюки, курили въ присутствіи сигары, не брили бородъ, выгоняли вонъ безъ суда и слѣдствія, не желали видѣть доказательство честности въ безпорочной пряжкѣ. Все это и множество другихъ либеральныхъ реформъ, похожихъ на снисхожденіе къ пестрымъ брюкамъ, вломилось въ умственный міръ Павла Ивановича и произвело въ немъ потрясеніе... Какъ человѣкъ набожный, онъ возлагалъ большую надежду на помощь Божію, надѣясь, что всѣ эти брюки, честности и бороды „прейдутъ“, ибо посылаются въ наказаніе народамъ за беззаконія и блудную жизнь, но, въ сущности, это были только самые легкіе удары начинавшагося землетрясенія. За бородами пришли времена, когда вдругъ мужики перестали давать взятки... Затѣмъ пошли новые суды, неповиновеніе въ народѣ (а въ томъ числѣ и въ кухаркѣ), и все это вмѣстѣ внесло въ душу Павла Ивановича множество самыхъ непримиримыхъ вещей“.

Въ результатѣ получился нелѣпѣйшій брюзга, у котораго неустанно льется съ языка „сердитая чушь“. Очень смѣшная фигура, какъ помнитъ или какъ увидитъ читатель въ подлинникѣ, но только смѣшная. Драма, по обыкновенію, есть и здѣсь, но она располагается *около* Павла Ивановича, который своей „сердитой чушью“ дѣлаетъ жизнь окружающихъ непереносною. Самъ Павелъ Ивановичъ только смѣшонъ; авторъ не удостоиваетъ вниманіемъ ту все-таки же драму, которая внутри самого этого нелѣпаго брюзги происходитъ. Онъ просто

отмѣчаетъ ее, не удѣляя ей ни малѣйшаго сострадания: туда, дескать, этому чучелѣ и дорога. Молодой авторъ, очевидно, до извѣстной степени раздѣлялъ еще не остывшія во время писанія „Разоренья“ веселыя ожиданія и розовыя надежды русскаго общества. Оглядываясь теперь на это странное время, можно удивляться той необузданности надеждъ, тому розовому довѣрію къ будущему, которымъ мы были тогда переполнены. Казалось, историческая дорога лежала передъ нами такою ровною, гладкою скатертью, что только посвистывай да вожжами потрагивай. Въ ненавистномъ прошломъ не было, кажется, уголка, не оплеваннаго съ полнѣйшею и безповоротною искренностью. Все весельемъ, надеждой дышало. И каждый встрѣчный на улицѣ подходилъ къ вамъ и говорилъ:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало...

Какъ видно изъ всего „Разоренья“ и въ особенности изъ главной его фигуры—Михаила Ивановича, Успенскій отнюдь не былъ охваченъ такимъ оптимизмомъ; но все-таки по крайней мѣрѣ путь къ свѣтлому будущему казался настолько яснымъ, что рѣшительно не стоило придавать серьезное значеніе какимъ-нибудь ничтожнымъ мукамъ ничтожнаго Печкина, не сумѣвшаго придти въ равновѣсіе съ „новой мыслью“. Чортъ съ нимъ!

Позже, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Успенскому пришлось иначе отнестись къ жертвамъ нарушеннаго равновѣсія; пришлось написать вышеприведенныя строки о „болѣзни сердца“. Оказалось, что душевное равновѣсіе не такъ-то легко достигается въ житейскомъ морѣ, взбаломученномъ новою мыслью, и что безпомощно мятутся не одни дряни въ родѣ Павла Ивановича Печкина. Въ этомъ удостовѣряетъ вся группа очерковъ и разсказовъ, соединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Новыя времена, новыя заботы“.

Мы все еще въ провинціальномъ городѣ, гдѣ имѣютъ мѣсто и „Нравы Растеряевой улицы“, и „Разоренье“, и другіе мелкіе разсказы перваго періода, а не въ деревнѣ, куда насъ поведетъ Успенскій потомъ. Но въ этомъ городѣ нашего автора занимаютъ уже не вообще нравы и люди, а спеціальная черта болѣзни совѣсти. Его поражаетъ прежде всего общая физіономія современнаго губернскаго города — „нѣчто неуклюжее, разношерстное, какая-то куча, свалка явленій, не имѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи и, несмотря на это, дѣлающихъ безплодныя усилія ужиться вмѣстѣ“. Прежде „гармонія была во всемъ полная. Тряпье, дикость, невѣжество, хрюканье и проч.—все это было пригнано и прилажено все къ тому же невѣжеству, тряпью, хрюканью и дикости и, стало-быть, *не могло не*

только поражать вашъ глазъ, но даже ни на волосъ не обижало его. Теперь не то. Гармонія подлиннаго тряпья нарушена пришествіемъ рѣшительно несовмѣстныхъ съ нимъ явленій. Изъ превосходнаго вагона желѣзной дороги пассажиръ вылѣзаетъ прямо въ лужу грязи, грязи непроходимой, изъ которой никто не придетъ васъ вынуть, потому что машина прошла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отъ роду не было ни народу ни дорогъ", и т. д.

Я не стану выписывать дальнѣйшія подробности и обращаю вниманіе читателя только на то, что глазъ художника „обиженъ" зрѣлищемъ нарушенной гармоніи; ему „досадна" эта „путаница", хотя онъ знаетъ, что гармонія невѣжества, тряпья и дикости слагается все-таки изъ дикости, тряпья и невѣжества, а слѣдовательно вовсе не привлекательна и не желательна. Это нечаянно сорвавшееся съ пера слово: „глазъ обиженъ" очень замѣчательно. Успенскій оскорбленъ отсутствіемъ гармоніи въ физіономіи губернскаго города. Тѣмъ паче оскорбленъ онъ внутреннею, душевною жизнью обитателей этого города, въ которой онъ главною чертою считаетъ „больную совѣсть", нарушенное новою мыслью равновѣсіе.

Вотъ, напримѣръ, порожденный этой жизнью мѣщанинъ Б—въ (въ „Хочешь-не-хочешь"). Онъ несетъ „чушь" въ своемъ родѣ не хуже Павла Ивановича Печкина, но уже не „сердитую" и пустопорожнюю, а покаянную и содержательную. Онъ вспоминаетъ о блистательности своего положенія, когда у него было „панталоновъ однихъ лѣтнихъ шесть паръ отъ Корпуса", и когда ему предлагали мѣсто на Невскомъ у Пеструхина съ жалованьемъ въ семьдесятъ пять рублей. Но ему „тьфу!" на все это. „Мѣста, панталоны... Господи, очисти живота отъ всего отъ этого". Его тянетъ куда-то въ высоту, объ которой однако онъ ничего путнаго сказать не можетъ, и рѣшаетъ умереть, и дѣйствительно застрѣливается. Несмотря на смѣшныя подробности монолога Б—ва, вы видите здѣсь настоящую драму, состоящую въ томъ, что какія-то неизвѣстныя обстоятельства ввели въ слабую голову Б—ва массу новыхъ мыслей, не уживающихся съ прежнимъ ея содержимымъ. Онъ радъ бы рѣкой разлиться, весь міръ залить своимъ стономъ, и ничего изъ этихъ неимовѣрныхъ усилій не выходитъ: онъ все вертится около какихъ-то шести паръ лѣтнихъ панталонъ отъ Корпуса, которыя самъ глубоко презираетъ. Въ его мозгу копошится нѣчто безконечно высшее, чѣмъ всѣ эти лѣтнія панталоны и „мѣста", но это нѣчто бьется, какъ птица въ клѣткѣ, ища и не находя выхода, ища и не находя словъ для своего выраженія. Истинно „тьфу!" всѣ эти панталоны и мѣста. Никто ихъ не презираетъ въ такой степени, какъ этотъ самый мѣщанинъ Б—въ. А между тѣмъ они назойливо лѣзутъ въ голову, нѣтъ возможности согнать ихъ съ языка, нѣтъ возможности добраться сквозь нихъ до того свя-

тилища души, гдѣ, точно въ сказочномъ ларцѣ за семью печатями, лежитъ таинственное зерно какой-то высокой мысли, изгнавшей Б—ва изъ рая душевнаго равновѣсія.

Вотъ Вѣрочка („На старомъ пепелищѣ"). Она знаетъ „новую мысль" въ ея словесныхъ выраженіяхъ, знаетъ слова: „трудъ", „равноправность", „независимость", даже цѣнитъ ихъ, но соотвѣтственныя мысли не могутъ пробить толстую кору, наслоенную на ея сердцѣ наслѣдіемъ прошлаго. А когда наконецъ эти мысли пробились до сердца, Вѣрочка не выдержала и отравилась.

Вотъ дьяконъ („Неизлѣчимый"), спокойно жившій съ своимъ „свинымъ элементомъ" въ душѣ, пока новая мысль не разрушила этого гармоническаго существованія. Дьяконъ, вкусивъ отъ плода древа познанія добра и зла, созналъ въ себѣ „свиной элементъ", но ничего съ нимъ подѣлать не можетъ и мучительно раздумываетъ: „возможно ли какимъ-либо манеромъ фундаментально излѣчить и душу и тѣло? тѣло, напримѣръ, возстановлять медицинскими спеціями, а душу одновременно чтеніемъ?" и проч., и проч.

Это ужъ не Павлы Ивановичи Печкины, на которыхъ можно было только плюнуть. Этихъ людей авторъ уже даритъ своимъ участіемъ и состраданіемъ, признаётъ ихъ мучениками, а не мучителями, видитъ драму въ нихъ самихъ, а не около нихъ. Но неужели же такъ-таки нѣтъ просвѣта? Неужели „новая мысль" безсильна создать новую, высшую гармонію на мѣсто той „свиной", которую она разрушила, а ветхій человѣкъ рѣшительно неспособенъ облечься въ новаго и разстаться съ своимъ „свинымъ элементомъ"? Какъ бы оно тамъ ни было въ дѣйствительности, но Успенскій слишкомъ „обиженъ" зрѣлищемъ дисгармоніи, слишкомъ страдаетъ отъ него, чтобы не искать хоть какого-нибудь успокоенія оскорбленному глазу. При всей своей безпорядочности и неуравновѣшенности онъ слишкомъ богатъ *задатками* гармоніи, чтобы отказываться отъ мечты найти ее, гармонію, хоть гдѣ-нибудь. И онъ ищетъ, ищетъ, доколѣ не омрачается его разумъ, а отчасти и съ омраченнымъ уже разумомъ. И я не знаю ничего трогательнѣе той лихорадочной страстности, тѣхъ порывистыхъ усилій мысли, съ которыми онъ совершаетъ эти поиски. Онъ съ грустью раздумываетъ о судьбѣ Б—ва, Вѣрочки, дьякона и прочихъ, заболѣвшихъ „сердцемъ" „совѣстью"; но, какъ бы ни были мрачны и безотрадны изображаемыя имъ картины, онъ никого не ведетъ къ отчаянію, къ „складыванію ненужныхъ рукъ на пустой груди". Должна гдѣ-нибудь быть эта такъ желанная гармонія, или въ настоящей дѣйствительности, или въ будущемъ, которое можно однако теперь же опредѣлить. Но на бѣду нашъ авторъ очень требователенъ. Въ разсказѣ „Прогулка" фигурируетъ очень либеральный и образованный акцизный чиновникъ. Онъ слѣдитъ за литературой, го-

воритъ, что „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена—„превосходная штука“, одушевленно ведетъ благороднѣйшій разговоръ о необходимости народнаго образованія, близко принимаетъ къ сердцу интересы европейской политики, неизмѣнно вѣжливъ съ низшими, строго исполняетъ свои обязанности. Словомъ, это продуктъ уже, конечно, не дореформенной эпохи. Но вотъ этотъ гуманный и вполнѣ современный человѣкъ отправляется производить дознаніе о безпатентной продажѣ водки. Дорогой онъ прихватываетъ свидѣтеля - солдата и сговаривается съ нимъ, какъ имъ накрыть виновника. Дознаніе произведено, протоколъ составленъ, и все это устроилось такъ, что присутствующій при этомъ посторонній молодой человѣкъ размышляетъ: „какъ назвать, какъ опредѣлить эту гуманность, образованность, которая повсюду вноситъ съ собой уныніе и грусть?.. Вотъ съ измученной совѣстью сидитъ на крыльцѣ солдатъ... Вотъ вздыхаетъ цѣлая семья, видя передъ собою голодъ... Бабы перестали пѣть, ушли“.—„Да что же это такое?“—спрашиваетъ онъ чиновника.—„Порядокъ!“—категорически отвѣтилъ чиновникъ и продолжалъ дорогу молча, срывая васильки и собирая изъ нихъ букетъ для жены“. Не этотъ „порядокъ“, конечно, можетъ послужить просвѣтомъ для мечты сердца, жаждущаго гармоніи. Это даже и не „порядокъ“, несмотря на то, а отчасти, можетъ-быть, именно потому, что чиновникъ соблюдаетъ при составленіи протокола всѣ формы вѣжливости, а соблазнивъ солдата на предательство, рветъ васильки. Или вотъ разсказъ подъ названіемъ: „Умерла за направленіе“, въ которомъ, благодаря огромности и сложности общественнаго механизма, человѣкъ, возымѣвшій очень крупные надежды и планы, постепенно ихъ суживаетъ и приходитъ наконецъ даже къ совершенно неожиданному результату. Разсказчика спрашиваютъ, къ чему онъ это разсказалъ. Онъ отвѣчаетъ: „Какъ къ чему? Да просто такъ сказалъ... Потому сказалъ, что поглядишь, поглядишь, и не знаешь — что такое творится на бѣломъ свѣтѣ! Вотъ почему.—Тоска“.

Нельзя ли съ тоски-то съ этой кинуться въ міръ фантазіи и тамъ, на свой собственный страхъ и рискъ, создать пріятную фигуру „новаго человѣка“, который воспринялъ бы новую мысль во всемъ ея объемѣ и всѣмъ существомъ своимъ, вообще создать образецъ высокаго, честнаго, сильнаго, правдиваго и не мирящагося съ наслѣдіемъ прошлаго, но при этомъ и не уязвленнаго больною совѣстью?—Можно. Это дѣлали многіе беллетристы. Въ литературѣ нашей существуетъ цѣлая коллекція романовъ, въ которыхъ фигурируютъ „новые люди“ и которые производили въ свое время извѣстную сенсацію, но нынѣ почти забыты. Успенскій посвящаетъ этой литературѣ любопытную страницу въ очеркѣ: „На старомъ пепелищѣ“. Онъ вполнѣ признаётъ ея историческую законность. Въ томъ обществѣ, которому казалось,

что оно вдругъ разорвало всякую связь съ своимъ прошлымъ, необходимо долженъ былъ явиться запросъ на изображеніе совершенно новой жизни и новыхъ людей, и чтобы все въ этихъ людяхъ было добро зѣло, какъ въ первые дни творенія. Взволнованная крымской войной, затѣмъ освобожденіемъ крестьянъ и другими реформами, общественная совѣсть требовала великаго, сильнаго, честнаго, въ противоположность тому постылому прошлому, отъ котораго она только-что отвернулась. Романисты удовлетворяли этой потребности. Все это такъ. „Но, говоритъ Успенскій, между этими крайностями, то-есть между недавнимъ безпримѣрнымъ нравственнымъ паденіемъ и безпримѣрною жаждою новаго и возвышеннаго, есть третья черта, черта подлиннаго состоянія общественной души, забытая авторами, и старыми и новыми: эта черта — страданіе. Новый авторъ, рисуя для пробужденной совѣсти образцы, въ которые должно бы облечься это пробужденіе, но не говоря ни слова о страданіяхъ, о борьбѣ съ самимъ собой, страданіяхъ и борьбѣ, которыя неизбѣжно должны были обрушиться на всякаго обезсиленнаго нравственно человѣка, поставленнаго въ необходимость быть нравственно сильнымъ—авторъ дѣлалъ большой промахъ: онъ предоставлялъ измученному представителю толпы биться, какъ рыба объ ледъ, и давалъ полную возможность врагамъ своихъ идеаловъ во все горло хохотать надъ ошибками, безсиліемъ, недомысліемъ человѣка, торопившагося перебраться съ одного берега на другой, торопившагося отъ неправды, безсовѣстности уйти къ совѣсти и правдѣ во всемъ“.

Труденъ путь общественнаго обновленія. Трудно прилаживаются къ новой мысли люди, въ теченіе вѣковъ воспитывавшіе въ себѣ, по выраженію нашего автора, „свиной элементъ“. Новая мысль „жертвъ искупительныхъ проситъ“: она, какъ женщина, въ болѣзняхъ родитъ чадъ. Даже успѣхи ея, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ или тотчасъ послѣ перваго розоваго и не особенно надежнаго настроенія, должны выразиться мучительнымъ сознаніемъ неуравновѣшенности, больной совѣсти. Чѣмъ ярче свѣтъ новой мысли, тѣмъ, при условіи полной искренности, сильнѣе освѣщаетъ онъ потаенные закоулки души, гдѣ гнѣздятся остатки прошлаго. Надо въ конецъ истребить въ себѣ эти остатки, и тогда получится новая, высшая гармонія, взамѣнъ разрушенной. Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольной свиньей, какъ сказалъ древній мудрецъ. Разъ увидѣвъ свѣтъ, никто не захочетъ вернуться къ тьмѣ. Разъ заболѣвъ совѣстью, мудрено вернуться къ прежнему душевному равновѣсію, еще не обезпокоенному острыми иглами совѣсти; но эти иглы производятъ боль, и надо искать выхода.

Герой очерка „Хочешь-не-хочешь“, нѣкій Петръ Васильевичъ нашелъ выходъ. Казнокрадъ, буянъ, развратникъ, онъ уже старикомъ по-

лучилъ „просіяніе своего ума“, какъ выражается другой герой Успенскаго. Получилъ просіяніе и „покаялся“: отказался отъ семьи, отъ всѣхъ выгодъ и удобствъ своего положенія, ушелъ изъ дому и, проживая въ своей бывшей деревнѣ тайно отъ жены, которой нѣкогда надѣлалъ много непріятностей, и изрѣдка, тайкомъ же, взглядывая на своего сына, сталъ, какъ умѣлъ, лѣчить крестьянъ и, какъ могъ, учить крестьянскихъ ребятишекъ. Этимъ путемъ онъ достигъ душевнаго равновѣсія. Каясь за свое прошлое, онъ не имѣетъ чѣмъ упрекнуть себя въ настоящемъ и спокоенъ и свѣтелъ, какъ дитя. „У меня вотъ шляпа поярковая,—говоритъ онъ:—коровьимъ составомъ я ее вымазалъ, запекъ въ печи — она у меня на двѣсти лѣтъ, а тамъ, въ вашихъ-то мѣстахъ (т. е. въ „господской“ средѣ), отдай пять да десять... да невѣдомо сколько другого причендалу потребуется хоть бы къ одной къ одежѣ... Не надо этого... Стыдно! Вотъ ребятишки иной разъ листа бумаги ждутъ по полугоду, а я буду въ лорнетъ смотрѣть?“

Такъ вотъ какъ достигается душевное равновѣсіе.

III.

„Болѣзнь сердца“, „болѣзнь мысли“, „болѣзнь совѣсти“—это у Успенскаго синонимы. Мысль и чувство, безжалостно и неподкупно сверлящія душу, принимаютъ для него почти исключительно форму совѣсти, то-есть сознанія виновности и жажды соотвѣтственнаго искупленія и покаянія. Но совѣсть — не единственная сила, способная сверлить душу. Человѣкъ, охваченный угрызеніями совѣсти, стремится наложить на себя эпитеміи и всячески урѣзать свой жизненный бюджетъ. Для себя ему ничего не нужно. Напротивъ, заморить грызущаго его червяка онъ только и можетъ лишеніями, и потому онъ не только готовъ принять всякія оскорбленія даже до мученическаго вѣнца, а самъ ищетъ ихъ. Препятствія для этой работы совѣсти могутъ найтись только въ самомъ субъектѣ, въ его „свиномъ элементѣ“, если такой сохранится, а внѣшняя обстановка съ такимъ человѣкомъ ничего не можетъ сдѣлать: для него лично, пожалуй, даже—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Взять хоть бы того же Петра Васильевича: чѣмъ больше холода и голода на него обрушивается, чѣмъ униженнѣе его положеніе, тѣмъ онъ свѣтлѣе душой. Но въ такомъ чистомъ видѣ работа совѣсти встрѣчается рѣдко, хотя бываютъ цѣлыя историческія эпохи, ею окрашенныя. Обыкновенно же коррективомъ его является работа чести, которая столь же способна нарушать гармонію „свиного элемента“, только съ другого конца, и точно также можетъ стать мотивомъ глубочайшей драмы. Работа совѣсти и работа чести отнюдь не исключаютъ другъ друга. Между ними возможно практическое соглашеніе, онѣ могутъ уживаться рядомъ, пополняя одна другую. Но онѣ все-таки типически различны. Совѣсть требуетъ

сокращенія бюджета личной жизни и потому въ крайнемъ своемъ развитіи успокаивается лишеніями, оскорбленіями, мученіями; честь, напротивъ, требуетъ расширенія личной жизни и потому не мирится съ оскорбленіями и бичеваніями. Совѣсть, какъ опредѣляющій моментъ драмы, убиваетъ ея носителя, если онъ не въ силахъ принизить, урѣзать себя до извѣстнаго предѣла; честь, напротивъ, убиваетъ героя драмы, если униженія и лишенія переходятъ за извѣстные предѣлы. Человѣкъ уязвленной совѣсти говоритъ: я виноватъ, я хуже всѣхъ, я недостоинъ; человѣкъ возмущенной чести говоритъ: передо мной виноваты, я не хуже другихъ, я достоинъ. Работѣ совѣсти соотвѣтствуютъ обязанности, работѣ чести—права. Повторяю, исключительные люди совѣсти, какъ и исключительные люди чести, составляютъ большую рѣдкость; обыкновенно мы видимъ смѣшеніе этихъ двухъ началъ въ той или другой пропорціи. Но въ данную минуту герой драмы можетъ находиться подъ исключительнымъ вліяніемъ того или другого элемента. И ясно, что болѣзнь чести имѣетъ полное право стоять рядомъ съ болѣзнью совѣсти. Ясно, что драма оскорбленной чести можетъ быть столь же сложна, глубока и поучительна, какъ и драма уязвленной совѣсти.

Успенскій, сосредоточивъ свое вниманіе на драмѣ совѣсти, почти совсѣмъ въ сторонѣ оставляетъ драму чести. Говорю—почти совсѣмъ, потому что нѣкоторые намеки въ этомъ направленіи у него есть. Самый крупный изъ нихъ—фигура Михаила Ивановича въ „Разореньи". Ѣдетъ Михаилъ Ивановичъ въ Петербургъ, полный самыхъ радужныхъ надеждъ, что, добравшись тамъ до сильныхъ людей, онъ имъ разскажетъ, какъ обижаютъ и притѣсняютъ простого человѣка, который однако не хуже другихъ. На желѣзной дорогѣ онъ пріятно пораженъ въ своемъ настороженномъ чувствѣ чести тѣми „вы", „пожалуйте", „сдѣлайте одолженіе", съ которыми къ нему обращаются. Вмѣстѣ съ случайнымъ дорожнымъ знакомцемъ, пьяненькимъ мужикомъ, они дѣлаютъ разные опыты для удостовѣренія, что они не хуже другихъ. Все удается: съ ними неизмѣнно вѣжливы, желѣзнодорожныя правила примѣняются къ нимъ совершенно въ той же мѣрѣ, какъ и къ пассажирамъ „изъ господъ". Но вотъ на одной изъ станцій Михаилъ Ивановичъ, обнявшись съ мужикомъ, подходитъ къ буфету съ намѣреніемъ выпить и закусить, подобно прочимъ.

— Бутенброту! — грозно восклицаетъ мужикъ, вламываясь въ толпу у буфета, но, увидавъ господъ, пугается, снимаетъ шапку и бурчитъ:

— Дозвольте бутенброду, васкбродіе!..

Михаилъ Ивановичъ обиженъ такимъ поведеніемъ мужика, и тотъ самъ чувствуетъ свою вину. Это пустяки, конечно, но солнце отражается и въ малой каплѣ водъ. „Новая мысль" преломилась въ го-

ловахъ Михаила Ивановича и его спутника въ формѣ чести, но они не приладились къ ней, не привели въ равновѣсіе свое прежнее содержаніе и новую мысль. Отсюда это нелѣпое „грозное“ восклицаніе мужика и быстро слѣдующая за нимъ трусость. Этотъ мотивъ не разработанъ въ сочиненіяхъ Успенскаго частью, можетъ-быть, по внѣшнимъ условіямъ, но частью и по самымъ свойствамъ его таланта и его умонастроенія. Онъ часто рисуетъ разныхъ насильниковъ, обидчиковъ, тирановъ, но комическія черты въ этихъ рисункахъ расположены такъ, что весь этотъ людъ, хотя и много зла дѣлающій, оказывается пустопорожнимъ и ничтожнымъ. Таковъ, напримѣръ, Павелъ Ивановичъ Печкинъ. Такова въ разсказѣ: „Захотѣлъ быть умнѣй отца“ мрачная фигура злодѣя-отца. Повидимому, это не только мрачная, но и очень большая сила: но всей этой силы только на то и хватило, чтобы загубить сына, что̀ вовсе не трудно было. Въ сущности какая же это сила? Это что-то злое, мимолетно торжествующее, но ничтожное до смѣшного, и завтра же, можетъ-быть, отъ него не останется ни праху ни памяти. Поэтому сына этого смѣшного и ничтожнаго злодѣя Успенскій не счелъ нужнымъ даже показать намъ, а между тѣмъ драматическое положеніе этого сына коренится, конечно, не въ уязвленной совѣсти, а въ оскорбленной чести, которая такимъ образомъ и остается за кулисами. Сверхъ того къ анализу именно больной совѣсти, даже въ ущербъ всему прочему, Успенскаго влечетъ родственность его художественнаго аскетизма съ аскетизмомъ житейскимъ. Самъ онъ суживаетъ свои права, какъ художника, до послѣдней возможной степени и отказывается отъ всякой роскоши красокъ, линій, образовъ. Поэтому и въ жизни ему симпатичнѣе или по крайней мѣрѣ интереснѣе то возстановленіе душевнаго равновѣсія, которое достигается со стороны совѣсти, то-есть при помощи лишеній и отказа отъ всего яркаго и цвѣтного. Какъ бы то ни было, но это большой пробѣлъ въ дѣятельности Успенскаго. Мы еще встрѣтимся съ этимъ обстоятельствомъ ниже, а теперь, возвращаясь къ прерванному разговору о покаявшемся Петрѣ Васильевичѣ („Хочешь-не-хочешь“), я замѣчу слѣдующее. Аскетизмъ Петра Васильевича, на которомъ отдыхаетъ наконецъ глазъ художника, оскорбленный зрѣлищемъ неуравновѣшенности, отнюдь не имѣетъ созерцательнаго характера. Это не тотъ аскетъ, который залѣзаетъ на столбъ или удаляется въ лѣса и болота и тамъ, никого не видя, только сокрушается о своихъ грѣхахъ. Онъ — аскетъ дѣятельный, постановившій себѣ задачей служить ближнему дѣломъ: онъ лѣчитъ больныхъ и учитъ ребятъ. Это важно замѣтить для дальнѣйшаго.

Какъ бы ни было успокоительно для глаза, ищущаго гармоніи, зрѣлище того душевнаго равновѣсія, котораго достигъ Петръ Васильевичъ, но это во всякомъ случаѣ исключительное явленіе. Это, пожа-

луй, тоже своего рода „новый человѣкъ“. Правда, указанъ и названъ путь, которымъ онъ добрался до своего пьедестала—путь страданія. А все-таки Петръ Васильевичъ на пьедесталѣ стоитъ, на возвышеніи, недоступномъ большинству. Глазъ, оскорбляемый неуравновѣшенностью, можетъ на немъ только временно отдохнуть и затѣмъ по необходимости долженъ перейти къ явленіямъ болѣе обыденнымъ, и опять оскорбляться, и опять искать гармоніи.

Успенскій отправился съ своими поисками въ деревню. Это какъ разъ совпало съ усиленными литературными толками о народѣ, въ которыхъ Успенскій занялъ совершенно оригинальную позицію. Онъ ушелъ въ деревню все съ той же преслѣдующей его мечтой найти отдыхъ глазу, оскорбленному неурядицей, безтолковостью и противорѣчивостью явленій жизни. При этомъ была, очевидно, и надежда, что тамъ, въ деревнѣ, гдѣ жизнь сравнительно не сложна, гдѣ поярковая шляпа, вымазанная коровьимъ составомъ, до которой едва дострадался Петръ Васильевичъ, есть вещь вполнѣ обыкновенная; что тамъ легче найти равновѣсіе между нравственными понятіями и фактическимъ строемъ жизни, между потребностями и способами ихъ удовлетворенія, между словомъ и дѣломъ. Разное однако ожидало его тамъ, и онъ, съ свойственною ему нервною торопливостью и искренностью, предавалъ тисненію все, что онъ видѣлъ, думалъ, чувствовалъ. Тутъ были и разочарованія и радости. Не разъ сбѣгалъ онъ изъ деревни то въ Европу, чтобы его тамъ „выпрямила“ Венера Милосская, то въ ту же Европу, чтобы посмотрѣть, какъ живутъ люди, хорошо ли, худо ли, но вполнѣ сознательною жизнью, то къ далекимъ кавказскимъ сектантамъ, то къ измученнымъ русскою болѣзнью совѣсти добровольцамъ въ Сербію, но все-таки возвращался все въ ту же деревню, и опять искалъ тамъ, и мучился, и радовался. Такъ какъ одно время литературные толки о народѣ вызвали-было въ обществѣ нѣкоторое движеніе въ направленіи къ деревнѣ, то Успенскій и эти попытки сближенія съ народомъ ввелъ въ кругъ своихъ наблюденій и размышленій. Люди искренней мысли всегда высоко цѣнили деревенскія впечатлѣнія Успенскаго, ибо они, по своей необыкновенной правдивости, всегда заслуживали по крайней мѣрѣ быть принятыми къ свѣдѣнію при обсужденіи живого дѣла. Но ко всякому живому дѣлу пристраиваются разные узколобые доктринеры и кляузники, стремящіеся омертвить его и тѣмъ низвести до своего уровня. Такимъ не могла нравиться дѣятельность Успенскаго, слишкомъ для нихъ живая и смѣлая. Они рѣшительно терялись—какой собственно ярлыкъ на него навѣсить, а ярлыковъ собственнаго изобрѣтенія у нихъ было много: не то „народникъ“, не то только „народолюбецъ“, не то еще какой-то, и даже „презрительно и высокомѣрно относится къ народу“. Это не было скромное и естественное „недоумѣніе нулей, къ какой пристать

имъ единицѣ". Нѣтъ, нули, круглые нули комически негодовали, что къ нимъ не пристаютъ дѣйствительныя величины. Успенскій оставался, конечно, все тѣмъ же Успенскимъ и шелъ своей мучительно-трудной дорогой. Я не буду слѣдить за всѣми перипетіями его поисковъ идеала въ деревнѣ и остановлюсь только на нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ.

Между прочимъ, Успенскій пришелъ къ парадоксальному, повидимому, выводу, что въ народной средѣ (а можетъ-быть, и не въ ней одной) улучшеніе матеріальнаго положенія не только не ведетъ къ дѣйствительному благосостоянію, а, напротивъ, губитъ людей, опустошая ихъ нравственно, а затѣмъ приводя къ вящшему разоренью. Мысль эта его очень занимаетъ: онъ развиваетъ ее и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ очеркахъ (напримѣръ: „Перестала", „Взбрело въ башку" и проч.), и въ единственномъ своемъ болѣе или менѣе законченномъ произведеніи: „Власть земли", и въ статьяхъ: „Безъ своей воли", „Изъ разговоровъ съ пріятелями", составляющихъ какъ бы послѣсловія къ „Власти земли". Отсюда, на поверхностный взглядъ, могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя крайне удивительныя заключенія, отнюдь не мирящіяся съ общимъ характеромъ дѣятельности Успенскаго. Но, приглядѣвшись ближе, увидимъ прежде всего, что Успенскому не до эффектныхъ парадоксовъ. Онъ пристально вглядывается въ поразившее его явленіе, ищетъ его смысла и производитъ эту операцію не въ кабинетѣ, въ тиши котораго можно расположить свои наблюденія и выводы въ стройную систему, а, такъ сказать, на людяхъ: вы видите не только результаты работы, а и процессъ ея. Объ этомъ, впрочемъ, уже говорено выше, и если я теперь возвращаюсь къ этому обстоятельству, такъ только для того, чтобы имѣть право, для объясненія истиннаго смысла вышеприведеннаго парадоксальнаго вывода, по-своему располагать разныя отдѣльныя мѣста сочиненій Успенскаго.

Въ очеркѣ „Безъ своей воли" записаны разговоры трехъ пріятелей. Одинъ изъ нихъ, только-что вернувшійся изъ какой-то поѣздки, передаетъ, между прочимъ, слышанный имъ разсказъ о томъ, что народился антихристъ. Народился онъ не у насъ, а въ „какомъ-то особомъ царствѣ". Вотъ какъ будто бы было дѣло.

Нанялся къ нѣкоему князю поваръ и тотчасъ же началъ всячески угождать и дѣлать добро остальной прислугѣ. Слухи объ его добротѣ стали распространяться и дошли до самого князя, который полюбилъ его, а этою любовью поваръ воспользовался опять-таки на благо разныхъ обращавшихся къ нему за помощью бѣдныхъ, простыхъ людей. Со всѣхъ сторонъ валилъ къ нему черный народъ съ своимъ горемъ и нуждой, и всѣ получали помощь, всѣмъ онъ выхлопатывалъ у князя—кому что нужно. Такъ дѣло и теперь стоитъ: поваръ все благодѣтельствуетъ и помогаетъ простому бѣдному люду. Но лѣтъ

примѣрно черезъ двадцать произойдетъ слѣдующій случай. Надо замѣтить, что благодѣтельный поваръ никогда не снимаетъ съ рукъ бѣлыхъ перчатокъ. И вотъ князь созоветъ къ себѣ въ гости „прочихъ всѣхъ китайскихъ и эѳіопскихъ князей“, и будетъ имъ служить поваръ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Гости — „князья и разные султаны“ — заинтересуются этимъ и попросятъ князя-хозяина, чтобы онъ приказалъ повару снять бѣлыя перчатки. Князь прикажетъ, но поваръ дважды откажется исполнить приказаніе, и только когда князь въ третій разъ съ гнѣвомъ прикажетъ, поваръ съ гнѣвомъ же сорветъ бѣлыя перчатки. Тогда всѣ князья и султаны увидятъ, что поваръ есть антихристъ: на одной рукѣ у него окажется копыто, на другой—когти. Всѣ князья и султаны въ ужасѣ разбѣгутся, въ томъ числѣ и хозяинъ. Народъ, помня благодѣянія повара, выберетъ его княземъ, но вмѣсто ожидаемыхъ милостей онъ съ перваго же дня обнаружитъ необузданную жестокость. Въ особенности плохо придется тѣмъ, у кого руки окажутся „чистыми, нѣжными, безъ мозолей, т.-е. безъ этихъ копытъ и когтей“. Чтобы спастись отъ гибели, всѣ бѣлоручки начнутъ хвататься руками за землю, начнутъ рыть ее, и все-таки будутъ гибнуть. А такъ какъ и у мужиковъ мозоли будутъ проходить (отъ хорошей жизни, которую антихристъ устроилъ имъ, будучи поваромъ), то вслѣдъ за бѣлоручками, уничтоженными по повелѣнію антихриста, станутъ уничтожать и обѣлорученныхъ мужиковъ. Потомъ начнется пожаръ земли, воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ, выслушавъ этотъ разсказъ, замѣчаетъ, что „эту легенду объ антихристѣ онъ на своемъ вѣку слышалъ несчетное число разъ; антихристъ всегда является въ ней въ разныхъ видахъ, но всегда рѣшительно, во всякой изъ легендъ, онъ ознаменовываетъ свое пришествіе добрыми дѣлами. Онъ всегда завоевываетъ симпатіи народа, дѣлая ему пріятное, облегчая ему жизнь... Почему же зло, гибель, несчастіе и вообще послѣдніе дни, кончину міра народъ полагаетъ послѣ того, какъ будутъ необыкновенно легко исполняться всѣ желанія, снимутся всѣ тяготы?“

Признаюсь, я никогда не слыхалъ такой русской легенды объ антихристѣ. Полагаю, что она не коренного русскаго происхожденія. Она невольно напоминаетъ слѣдующее иранское сказаніе. Послѣ тысячелѣтняго царствованія Іема, въ теченіе котораго люди были такъ счастливы, что не знали даже голода и жажды, на престолъ вступилъ нечестный Дахака. Самъ Ариманъ поступилъ къ нему на службу въ видѣ *повара*. Поваръ этотъ сталъ постепенно пріучать Дахака къ мясной пищѣ. До тѣхъ поръ люди питались только растительной пищей, а тутъ стали ѣсть сначала яйца, потомъ птицъ, потомъ говядину. Дахакъ былъ очень доволенъ гастрономическими нововведеніями, но когда однажды поваръ Ариманъ поцѣловалъ царя въ оба плеча, то

изъ тѣхъ мѣстъ, куда пришлись поцѣлуи, выросли двѣ змѣи, а поваръ исчезъ. Змѣй отрѣзали, но онѣ опять выросли, и опять, и опять. Тогда поваръ вновь появился, но уже въ видѣ врача, и посовѣтовалъ кормить змѣй человѣческимъ мозгомъ. И т. д. Исторія кончается благополучно—низверженіемъ Дахака и торжествомъ добра.

Я не знаю, родственно ли это сказаніе съ легендой объ антихристѣ, приводимой Успенскимъ, фактически. Но они родственны по содержанію; и не только потому, что тамъ и тутъ воинствующее злое начало—антихристъ и Ариманъ—принимаетъ обличье повара, а и потому, что тамъ и тутъ поваръ является источникомъ удовольствія, наслажденія, которое оказывается однако пагубнымъ. Но въ иранскомъ сказаніи двусмысленный характеръ благодѣяній злого начала раскрывается яснѣе. Дѣло не въ благодѣяніяхъ вообще, а спеціально въ предоставленіи новыхъ наслажденій, дотолѣ народу неизвѣстныхъ, при чемъ, можетъ-быть, имѣетъ значеніе и то, что наслажденія эти низшаго порядка—гастрономическія. Иранское сказаніе видитъ торжество зла не въ томъ, что „будетъ необыкновенно легко, исполнятся всѣ желанія, снимутся всѣ тяготы“, а въ томъ, что водворится роскошь, люди захотятъ лишняго, того, что̀ прежде было имъ даже неизвѣстно. Это гораздо проще и понятнѣе, но, можетъ-быть, та же мысль лежитъ и въ основаніи легенды объ антихристѣ, только замаскированная. Если бы это послѣднее могло быть доказано, то стало бы вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что постоянно звучащей въ Успенскомъ аскетической струнѣ симпатична легенда объ антихристѣ: въ ней вѣдь та же струна звучитъ. Но, какъ ужъ было замѣчено выше, близкій сердцу Успенскаго аскетизмъ отличается дѣятельнымъ характеромъ. Онъ самъ слишкомъ впечатлителенъ и дѣятеленъ, чтобы другимъ рекомендовать и себѣ позволить спокойное созерцаніе, хотя бы возможность его и была достигнута отрѣшеніемъ отъ всего „лишняго“ и отъ всякаго грѣха, съ этимъ „лишнимъ“ связаннаго. А это обстоятельство вноситъ въ аскетическую программу такую огромную поправку, что въ извѣстномъ смыслѣ она даже перестаетъ быть аскетическою.

Въ очеркѣ: „Перестала!“ Михайло говоритъ, что „намъ свою мужицкую силу нельзя по вѣтру распускать, намъ нужна запряжка, *чтобы дохнуть некогда было*“. Это Михайло говоритъ, умудренный горькимъ опытомъ и получивъ „просіяніе своего ума“ отъ калашницы Артамоновны, которая вновь наладила его разбитую-было семейную жизнь. Артамоновна вотъ какъ допекала Михайлу и его жену: „Глупый ты, безбожный и безразсудный балбесъ! До чего ты довелъ свою жену и до чего самъ себя произвелъ? Не дуракъ ли ты? хотѣлъ прожить съ женой весь вѣкъ за самоваромъ; думалъ ты, дуракъ, что будетъ она тебѣ *благодарна, ежели ей только чай съ сахаромъ*

пить, а никакого безпокойства не имѣть? Куда-жъ она силу-то свою дѣнетъ, подумалъ ли ты? Вѣдь у ней, у жены-то твоей, на четырехъ бабъ силы-то хватитъ, а ты думаешь чаемъ ее отпоить?.. И этакую-то золотую бабу ты, балбесъ, думалъ на всю жизнь оставить безъ затрудненія? *Почему же ты не дѣлаешь ей въ жизни затрудненія? Вѣдь она всего хочетъ, понимаешь ли ты? Ей всего нужно. А ты самоваромъ хочешь отбояриться?*" Жена Михайлы тоже получаетъ отъ Артамоновны наставленіе: „А ты-то, балалайка безструнная, что̀ думала? Ты бы хоть мужу на портянки холста наткала, такъ и то бы тебѣ *потруднѣй* было, *повеселѣй*. Ахъ, вы глупые, безсовѣстные! Задумали безъ крестьянскаго хомута вѣкъ вѣковать!"

Итакъ, между словами: „потруднѣй" и „повеселѣй", выражающими, повидимому, такія рѣзко отличныя понятія, можетъ быть поставленъ знакъ равенства. Итакъ, на человѣка должно быть навалено столько работы, чтобы ему „дохнуть некогда" было. Тогда, и только тогда настанетъ миръ въ его душѣ, но не на почвѣ отреченія отъ радостей жизни; напротивъ, тутъ-то и достигнется настоящая радость, и человѣкъ, который „всего хочетъ", которому „все нужно", „все" и получитъ. Михайло и его жена въ очеркѣ „Перестала!" не исключительныя какія-нибудь явленія. Совершенно какъ у Михайлы, у Ивана Босыхъ во „Власти земли" разстройство матеріальное, разстройство семейной жизни и всякое другое пошло „отъ легкой жизни". Такъ и народъ понимаетъ дѣло, какъ видно изъ легенды объ антихристѣ. Нуженъ трудъ, ужасно много труда, такъ, чтобъ „дохнуть некогда" было, по выраженію Михайлы.

Какъ разъ подъ этимъ заглавіемъ: „Дохнуть некогда" у Успенскаго есть превосходный очеркъ, одно изъ лучшихъ его произведеній по яркости фантазіи, по богатству юмора, по ясности мысли, по рѣдкой для него художественной законченности. Въ этомъ очеркѣ усиленный трудъ, трудъ почти каторжный и во всякомъ случаѣ такой, что „дохнуть некогда", представляется уже въ совершенно другомъ освѣщеніи. Онъ является здѣсь источникомъ не мира душевнаго, а, напротивъ, вѣчной тревоги. Михайло, Иванъ Босыхъ и другіе подходятъ къ самому краю пропасти или ввергаются въ нее „отъ легкой жизни", и спасеніе ихъ въ трудѣ до предѣла „дохнуть некогда". Судебный приставъ Апельсинскій, исправникъ Арапкинъ, смотритель маяка и другіе, фигурирующіе въ очеркѣ „Дохнуть некогда", становятся героями мучительныхъ драмъ, напротивъ, именно потому, что заглавіе очерка приходится имъ по шерсти; ихъ гибель именно въ *нелегкой* жизни, они ужъ никакъ не поставятъ знака равенства между словами: „потруднѣй" и „повеселѣй". Значитъ, есть трудъ и трудъ; трудъ благотворный для трудящагося и трудъ губительный;

трудъ, прекращающій мучительную драму всяческаго разстройства, и трудъ—источникъ этой драмы. Постараемся разсмотрѣть эти два типа драмы отдѣльно; постараемся, потому что Успенскій самъ часто ихъ сопоставляетъ, не легко обойти эти авторскія сопоставленія.

Въ деревнѣ происходятъ разные непорядки. Это ни для кого не тайна. Благонамѣренные люди разныхъ оттѣнковъ знаютъ и причины этихъ непорядковъ, лежащія въ экономическихъ условіяхъ. Знаетъ ихъ и Успенскій, знаетъ, конечно, лучше многихъ, разсуждающихъ объ этомъ предметѣ. Но его интересуетъ главнымъ образомъ не эта сторона вопроса. Magenfrage, какъ сказалъ бы нѣмецъ, поднимается для него до степени Seelenfrage, или, какъ выражается онъ самъ, вопросъ „народнаго брюха“ до степени вопроса „народнаго духа“. „Земля“ есть не только источникъ мужицкаго пропитанія, но и главнѣйшій факторъ, опредѣляющій все міросозерцаніе крестьянина и весь его житейскій обиходъ. „Бракъ, семья, народная поэзія, судъ, общественныя работы и т. д., и т. д.“—всѣ стороны народной жизни проникнуты вліяніями земледѣльческаго труда. И эта-то „власть земли“, какъ всеопредѣляющій факторъ, установляетъ гармонію въ народной жизни, гармонію, до которой намъ, разрываемымъ на части и собственною совѣстью и внѣшними условіями своего существованія, какъ до звѣзды небесной далеко. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы все было благополучно въ народной средѣ.

Я видѣлъ гдѣ-то такую карикатуру: лежитъ мужикъ, полураздавленный подобіемъ земного шара („земли“), а Успенскій изо всѣхъ силъ толкаетъ этотъ шаръ впередъ, на мужика, съ очевидною цѣлью окончательно его расплюснуть. Карикатура имѣетъ свои условныя права, и въ данномъ случаѣ, можетъ-быть, она и не вышла за предѣлы этихъ правъ. Но надо все-таки понимать, что для Успенскаго „потруднѣй“ значитъ „повеселѣй“, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ мужику. Не раздавить мужика трудомъ хочетъ онъ, а, напротивъ, предоставить ему весь просторъ жизни, который, дескать, наилучше обезпечивается земледѣльческимъ трудомъ. Нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ Успенскій разрѣшаетъ говорить на эту тему вещи, съ извѣстной точки зрѣнія абстрактно-справедливыя, но фактически нѣсколько рискованныя. Въ очеркѣ „Овца безъ стада“ одинъ „молодой, необыкновенно талантливый мальчикъ“ съ азартомъ утверждаетъ, что мужикъ есть счастливѣйшій изъ людей, потому что онъ, благодаря характеру своего труда, живетъ полною и вполнѣ уравновѣшенною жизнью. „Участь мужика-крестьянина не только не печальна, но рѣшительно отрадна сравнительно съ безчисленными профессіями, на которыя раскололся родъ человѣческій“. Мужикъ дѣлаетъ „все самъ“ и потому „все самъ знаетъ, рѣшительно все... просто-таки все знаетъ да и шабашъ!“ И т. д., и т. д. Все это гово-

ритъ „молодой, необыкновенно талантливый мальчикъ“. Собесѣдники же находятъ, что это лишь талантливая „иллюстрація къ мужику“, что мужикъ тутъ „хорошо разрисованъ“, хотя признаютъ, что кое-гдѣ, изрѣдка и отдѣльными чертами, эта „иллюстрація“ осуществляется и въ дѣйствительной жизни. Въ „Разговорахъ съ пріятелями“ Протасовъ утверждаетъ уже не такъ рѣшительно, какъ упомянутый „мальчикъ“: „Уравновѣшенность духовной и физической дѣятельности, встрѣчающаяся въ нашемъ крестьянствѣ, *въ счастливыхъ случаяхъ*, въ полной чистотѣ и совершенствѣ, дѣлаетъ его поистинѣ образцомъ того, къ чему долженъ стремиться такъ-называемый прогрессъ“. А когда Успенскому, какъ во „Власти земли“, приходится говорить лично отъ себя, то онъ выражается еще скромнѣе и трезвѣе. Онъ, напримѣръ, пишетъ и подчеркиваетъ: „Въ строѣ жизни, повинующейся законамъ природы, несомнѣнно и особенно плѣнительна та *правда* (не *справедливость*), которою освѣщена въ ней самая ничтожнѣйшая жизненная подробность“. Успенскій знаетъ и отъ людей не скрываетъ, что въ народной средѣ совершаются возмутительныя по своей жестокости вещи, но онѣ совершаются съ чистою, спокойною совѣстью: „всѣ онѣ, съ точки зрѣнія міросозерцанія, воспитаннаго неизмѣнными законами природы, окажутся неизбѣжными, а люди, совершившіе ихъ, чистыми сердцемъ, какъ голуби“.

Можетъ ли глазъ, оскорбленный дисгармоническими явленіями и жаждущій видѣть хоть какую-нибудь гармонію, успокоиться на этой, какъ говоритъ самъ Успенскій, „зоологической“, „лѣсной“, „звѣриной“ „правдѣ“? Она вѣдь представляетъ полную уравновѣшенность понятій и поступковъ, въ ней нѣтъ мѣста „больной совѣсти“ и другимъ болѣзненнымъ продуктамъ нарушенной гармоніи?—Отдохнуть глазъ можетъ, но успокоиться — нѣтъ. И вотъ почему: „Такъ какъ этотъ трудъ весь въ зависимости отъ законовъ природы, то и жизнь его (мужика) гармонична и полна, но безъ всякаго съ его стороны усилія, безъ всякой *своей* мысли. Вынуть изъ этой гармонической, но подчиняющейся жизни хоть капельку, хоть песчинку, и уже образуется пустота, которую надо замѣнить своей человѣчьей волей, своимъ человѣческимъ умомъ, а вѣдь это какъ трудно! какъ мучительно!“ („Безъ своей воли“). Значитъ, уже тѣмъ нехорошо зоологическое, лѣсное равновѣсіе, что оно неустойчиво. Оно можетъ непоколебимо простоять сотни лѣтъ, но можетъ и рухнуть въ одинъ день, если изъ него будетъ вынута хоть капелька, хоть песчинка. А разныхъ случайностей, способныхъ вынуть эту песчинку, не оберешься. Вотъ, напримѣръ, исторія, разсказанная въ очеркѣ „Не случись“. Просто весна ранняя встала, „никогда старики такой ранней весны не видывали“. Вслѣдствіе этого и весеннія работы необычайно рано

кончились, и пришлось передъ Петровымъ днемъ двѣ недѣли необычнаго досуга, котораго рѣшительно дѣвать некуда. Разыгрались люди, да въ игрѣ-то и убилъ человѣкъ нечаянно родного отца, а потомъ и острогъ, и обнищаніе, и сестра отъ нищеты „гулять“ пошла. Цѣлая огромная драма. Есть и другія случайности, которыя уже ни въ какой связи съ явленіями и законами природы не состоятъ, а между тѣмъ благодаря имъ „народная масса поминутно выдѣляетъ изъ себя массу хищниковъ, кулаковъ, міроѣдовъ“ („Изъ деревенскаго дневника“). Благодаря частью этимъ хищникамъ, а частью бѣдамъ стихійнымъ, въ родѣ сибирской язвы, погибъ и Иванъ Босыхъ во „Власти земли“. Сунулся-было Иванъ служить на желѣзную дорогу, и отлично, казалось бы, вышло: тридцать пять рублей въ мѣсяцъ жалованья, а работы мало, да и то „легкой“. Но эта-то „легкая жизнь“ и вынула песчинку изъ гармоническаго мужицкаго существованія. Тамъ работа тяжелая, но въ ней душа участвуетъ: человѣкъ дѣлаетъ дѣло ему близкое, надобность котораго ему совершенно понятна; онъ живетъ въ своемъ трудѣ, а не добываетъ только при помощи его средства къ жизни; онъ связанъ съ этимъ трудомъ всѣмъ существомъ своимъ. Всей этой полноты и гармоніи существованія Иванъ Босыхъ не могъ, конечно, найти на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ былъ лишь однимъ изъ колесъ огромнаго механизма, до цѣлей и смысла котораго ему не было никакого дѣла. Вслѣдствіе этого и его собственная жизнь потеряла всякій смыслъ, онъ сталъ пьянствовать, безобразничать, и все отъ „легкой жизни“.

Совокупность подобнаго рода драмъ отъ легкой жизни и приводитъ къ легендѣ объ антихристѣ и къ общему тезису, что въ мужицкомъ быту облегченіе существованія ведетъ къ гибели. Тезисъ, повидимому, глубоко пессимистическій. Но, поставленный въ надлежащія рамки, онъ не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего пессимистическаго. Онъ только ставитъ передъ нами новый вопросъ: какъ сохранить гармонію мужицкаго существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднять зоологическую, лѣсную правду до степени правды человѣческой и тѣмъ самымъ создать равновѣсіе устойчивое? Для этого, очевидно, надо отнюдь не „капельки“ и „песчинки“ вынимать изъ лѣсной правды, а сразу поднять ее на высшую ступень, сохраняя ея гармоническій строй. Въ старину это дѣлали святые угодники. Не отрывая человѣка отъ земледѣльческаго труда, не нарушая его многостороннихъ связей съ землей, они, проповѣдуя истины христіанской нравственности, старались поднять зоологическую правду на степень божеской справедливости. Нынѣ эта высокая обязанность лежитъ на интеллигенціи, ибо и святые угодники были интеллигенціей своего времени. Мы должны ихъ взять за образецъ для своей дѣятельности. Они, не нарушая коренныхъ основъ земледѣльческаго быта, не боялись внесть

въ неприготовленную, повидимому, среду лучшее, высшее, до чего додумалось и дострадалось человѣчество—христіанскую истину. Они не думали, что людямъ, которые „звѣринымъ обычаемъ живяху“, надо „пережить весь смрадъ развалившагося міра, прежде чѣмъ вкусить христіанство“—они знали, что „звѣриному обычаю не зачѣмъ переживать всевозможныя благообразныя измѣненія этого обычая, разъ ужъ есть нѣчто лучшее, высшее всего этого звѣринаго благообразія. Они взяли то лучшее, что только выстрадало человѣческое сердце, взяли христіанство, и притомъ въ самомъ строгомъ, неподслащенномъ видѣ“. Такъ и мы должны поступать. Коренныя основы земледѣльческаго быта, гармонія земледѣльческаго труда должна быть для насъ неприкосновенною; но мы должны внести въ нее свѣтъ разума, свѣтъ истины, лучшей, высшей, несомнѣннѣйшей, какую мы знаемъ или можемъ знать. Но бѣда въ томъ, что, независимо отъ недостаточности нашего сходства со святыми угодниками въ смыслѣ самоотверженія и преданности идеѣ, мы еще „роемся въ какомъ-то старомъ національномъ и европейскомъ хламѣ, въ европейскихъ и національныхъ мусорныхъ ямахъ“.

Для поясненія этихъ послѣднихъ словъ читатель найдетъ во многихъ мѣстахъ сочиненій Успенскаго иллюстрированныя размышленія о европейской и русской жизни и параллели между ними. Успенскій одинаково чуждъ и національнаго мистицизма и самохвальства съ одной стороны и преклоненія предъ Европой—съ другой. Это тоже одинъ изъ пунктовъ, передъ которымъ съ разными вывертами недоумѣнно останавливаются узколобые доктринеры и кляузники. Успенскій, вмѣстѣ съ многими благомыслящими и любящими свою родину людьми, вѣритъ, что въ нашей жизни есть задатки великаго историческаго будущаго и великаго счастія. Но это только задатки, представляющіе случай неустойчиваго равновѣсія и потому требующіе оплодотворенія сознательной идеей. Предоставленные на волю стихійныхъ историческихъ силъ въ качествѣ „національныхъ особенностей“, они съѣдятъ сами себя и разовьются именно въ тѣ европейскіе порядки, которые такъ презрѣнны и ненавистны мистикамъ націонализма. Это уже и дѣлается теперь, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. Европейскіе же порядки, полные всякаго блеска и красоты, но и глубочайшихъ страданій, должны быть для насъ, въ смыслѣ руководящихъ началъ, только готовымъ, даровымъ резервуаромъ историческаго опыта. Мы имѣемъ полную возможность черпать изъ этого резервуара безъ всякаго пристрастія въ какую бы то ни было сторону, то-есть безъ нелѣпыхъ восторговъ передъ всѣмъ европейскимъ и безъ столь же нелѣпаго презрѣнія ко всему европейскому. Намъ не зачѣмъ продѣлывать весь скорбный и трудный опытъ европейской исторіи, разъ ужъ онъ тамъ продѣланъ, и разъ сама европейская мысль, признавъ ошибки про-

шлаго, додумалась до чего-то лучшаго и высшаго, чѣмъ наличные европейскіе порядки. Но эту выстраданную Европой мысль мы должны чтить и именно ею оплодотворить тѣ стихійные задатки величія и счастія, какіе у насъ имѣются. „Смотри въ оба“—такъ можно бы было формулировать эту точку зрѣнія, одинаково свободно относящуюся къ европейскимъ и русскимъ порядкамъ. Смотри въ обѣ стороны, ибо тамъ и тутъ есть нѣчто цѣнное, и смотри въ оба, ибо въ огромной сложности общественной жизни легко затерять это цѣнное, что̀ должно быть дороже зѣницы ока...

IV.

Я стараюсь слѣдить за разбросанною по сочиненіямъ Успенскаго мыслью независимо отъ разныхъ случайныхъ ея уклоненій. Уклоненія эти опредѣляются свойствами впечатлѣній, получаемыхъ авторомъ. Надо помнить, что онъ своими боками отдувается за каждый свой идейный шагъ. Непосредственныя впечатлѣнія, то радостныя, то мрачныя, носятъ его по волнамъ житейскаго моря. При его склонности торопливо, тутъ же на мѣстѣ, теоретизировать эти впечатлѣнія, и именно въ направленіи ихъ гармоничности или негармоничности, конечно, возможны разныя ошибки: онъ иногда радуется тому, что̀ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи фикціей или иллюзіей, и приходитъ въ отчаяніе отъ того, что̀ вовсе уже не такъ страшно. Но въ общемъ мысль его всегда удивительно вѣрно направлена къ добру и правдѣ. Никогда не впадаетъ онъ, напримѣръ, въ тѣ заблужденія принципіальнаго характера, которыя свойственны многимъ и многимъ, бездарнымъ и даровитымъ, крылатымъ и безкрылымъ писателямъ, удѣляющимъ свое вниманіе народу. Еще недавно у насъ много писалось о народѣ. До такой степени много, что стали даже раздаваться негодующіе голоса, что, дескать, „отъ мужика въ литературѣ проходу нѣтъ“. Оцѣнкѣ этого негодованія Успенскій посвятилъ очеркъ: „Наконецъ нашли виновитаго“, очень злой и раздраженный. Съ его точки зрѣнія, народу удѣлялось не слишкомъ много, а, напротивъ, слишкомъ мало вниманія. Если зарожденіе и распространеніе „новой мысли“ связано съ освобожденіемъ крестьянъ, то понятно, что эта новая мысль повелительно требуетъ нарочитаго вниманія къ судьбамъ народа. Если многомилліонная масса русскаго народа несетъ въ себѣ великіе задатки чистой совѣсти и духовной гармоніи, то понятно, какой огромный интересъ для всякаго мыслящаго человѣка лежитъ въ этомъ пунктѣ. Но, исходя изъ этихъ или подобныхъ упованій, иные спѣшили сдѣлать изъ народа—изъ конкретнаго народа, каковъ онъ есть сію минуту во всѣхъ историческихъ осложненіяхъ представляемой имъ идеи—какого-то идола и стукали лбомъ передъ этимъ идоломъ. Для умовъ лѣнивыхъ и узкихъ это, конечно, легче, чѣмъ критически разбираться въ сложныхъ явленіяхъ жизни. Отъ такого идоло-

поклонства Успенскій былъ гарантированъ, помимо всего прочаго, уже самою жизненностью своей работы: слишкомъ тяжелы и болѣзненны были многія вынесенныя имъ изъ деревни впечатлѣнія, и слишкомъ смѣлъ и правдивъ былъ онъ самъ, чтобы сотворить себѣ кумира. Давая злую отповѣдь тѣмъ, кто жаловался, что въ литературѣ отъ мужика проходу не стало, онъ искалъ и находилъ въ народѣ и драгоцѣнное зерно и негодную шелуху. Этого мало. Само по себѣ идолопоклонство просто глупо, но у насъ оно одно время вступило въ союзъ съ элементами, прямо нравственно-безобразными.

Между прочимъ, подъ покровомъ толковъ о народѣ, происходила самая гнусная, самая возмутительная травля на интеллигенцію, а вмѣстѣ съ нею и на просвѣщеніе вообще. Точно стая собакъ накинулась на этого лежачаго, и были тутъ представители, кажется, всѣхъ возможныхъ породъ, такъ что странно даже было ихъ видѣть соединенными въ одну стаю. Дѣло шло не объ наличномъ составѣ нашей интеллигенціи, не объ уличеніи ея въ такихъ-то и такихъ-то недостаткахъ и слабостяхъ, каковое уличеніе естественно предполагало бы призывъ къ иной, лучшей дѣятельности. Нѣтъ, предполагалось просто упраздненіе интеллигенціи, якобы для того, чтобы очистить мѣсто мужику, земледѣльцу. Это не мѣшало, конечно, господамъ упразднителямъ продолжать издавать газеты, писать статьи и книги,— вообще дѣлать то самое дѣло, упраздненіе котораго оказывалось столь необходимымъ, и это придавало нѣсколько комическій характеръ позорной травлѣ. Какъ разъ около этого времени Успенскій, при всемъ своемъ увлеченіи идеалами земледѣльческаго труда, отводилъ, какъ мы видѣли, интеллигенціи высокую миссію, такую высокую, что выше, пожалуй что, и не выдумаешь.

Значитъ, не въ одномъ земледѣльческомъ трудѣ спасеніе. Есть и еще какіе-то виды дѣятельности, нужные, полезные, цѣнные и, быть-можетъ, столь же способные установить или возстановить душевное равновѣсіе.

Въ одномъ провинціальномъ изданіи извѣстный путешественникъ Потанинъ сообщилъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ Вятской губерніи принято за правило въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ не родилось мальчиковъ, а однѣ дѣвочки, нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣвочекъ прямо посвящать съ ранняго дѣтства мужскому труду, при чемъ даже имена такимъ женщинамъ-мужчинамъ даются мужскія: Елизавета превращается въ Елисейку. Это свѣдѣніе привлекло къ себѣ вниманіе Успенскаго. „Елисейки — это удивительно красивыя существа,—говоритъ онъ (въ „Мечтаніяхъ“).—Елисейка — ни мужчина ни женщина и въ то же время женщина и мужчина вмѣстѣ, въ одномъ лицѣ—это зерно чего-то вполнѣ совершеннаго“. Совершенство, точнѣе—*зерно* совершенства состоитъ въ томъ, что въ Елисейкахъ нѣтъ или предположительно не

должно быть утрированнаго развитія „женственности“ и „мужественности“, какое мы видимъ обыкновенно вокругъ себя, а спеціально женскія и спеціально мужскія черты гармонически сливаются въ нихъ въ одно цѣлое, уравновѣшивая другъ друга. Принимая въ соображеніе нѣкоторые общіе взгляды Успенскаго, можно бы было думать, что эта гармонія мужскихъ и женскихъ качествъ окажется исключительно принадлежностью крестьянскаго, земледѣльческаго быта. Однако это не такъ.

Въ „Разговорахъ съ пріятелями“ идетъ, между прочимъ, рѣчь объ одной картинѣ. На ней изображена дѣвушка въ очень простомъ платьѣ, въ пледѣ, въ мужской шапочкѣ, съ подстриженными волосами; она идетъ по улицѣ,—только и всего. Но, по словамъ разсказчика, въ ней необыкновенно привлекательны „чисто-женскія, дѣвичьи черты лица, проникнутыя на картинѣ, если можно такъ выразиться, присутствіемъ юношеской, свѣтлой мысли... Главное, что̀ особенно свѣтло ложится на душу, это то, что прибавившаяся къ обыкновенному женскому типу—не знаю, какъ сказать—мужская черта, черта свѣтлой мысли вообще (результатъ всей этой бѣготни съ книжками и т. д.) не приклеенная, а органическая... Это-то изящнѣйшее, не выдуманное и притомъ реальнѣйшее слитіе дѣвичьихъ и юношескихъ чертъ въ одномъ лицѣ, въ одной фигурѣ, осѣненной не женской и не мужской, а „человѣческой“ мыслью, сразу освѣщало, осмысливало и шапочку, и пледъ, и книжку, и превращало въ новый, народившійся, небывалый и свѣтлый типъ“.

Въ очеркѣ „Выпрямила!“ читатель найдетъ восторженныя страницы, посвященныя статуѣ Венеры Милосской. Въ свое время многіе были удивлены этими восторгами. И въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ, они, казалось бы, совсѣмъ не идутъ къ Успенскому, такъ аскетически-холодно относящемуся къ „искусству“, къ художественности, ко всякой красотѣ. Успенскій, столь сердито при случаѣ настаивающій на водвореніи мужика въ литературѣ, обыкновеннѣйшаго сѣраго мужика, и вдругъ — Венера Милосская! Однако Успенскій остается и здѣсь все тѣмъ же Успенскимъ и ни на единый волосъ не измѣняетъ своему всегдашнему задушевному. Прежде всего онъ замѣчаетъ у Венеры Милосской „право, сказать совѣстно, почти мужицкіе завитки волосъ по угламъ лба“. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ Венеръ, тутъ же, въ Луврѣ и въ другихъ мѣстахъ стоящихъ, Венера Милосская совсѣмъ не есть олицетвореніе „женской прелести“. Напротивъ, художникъ для созданія этой „каменной загадки“ „бралъ то, что̀ для него было нужно, и въ мужской и въ женской красотѣ, не думая о полѣ, а пожалуй, и о возрастѣ“. Венера Милосская есть „человѣкъ“, идеалъ человѣка въ смыслѣ гармоническаго сочетанія отдѣльныхъ человѣческихъ чертъ, разбросанныхъ нынѣ какъ попало

и куда попало. Художникъ хотѣлъ познакомить человѣка „съ ощущеніемъ счастія быть *человѣкомъ*, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимою для всѣхъ возможностью быть прекрасными“. Достойно вниманія, что въ памяти Тяпушкина („Выпрямила!“ есть „отрывокъ изъ записокъ Тяпушкина“) образъ Венеры Милосской, видѣнной имъ за двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, возникъ не сразу.

Ему предшествовали два какъ бы подготовительныя воспоминанія. Во-первыхъ, вспомнилась ему деревенская баба, которую онъ когда-то видѣлъ во время сѣнокоса. Баба была самая обыкновенная. Но—

вся она, вся ея фигура съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ, съ этими граблями въ рукахъ, которыми она перебрасывала сухое сѣно справа налѣво, была такъ легка, изящна, такъ жила, *а не работала*, жила въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшафтомъ, съ которыми были слиты и ея тѣло и ея душа (какъ я думалъ), что я долго-долго смотрѣлъ на нее, думалъ и чувствовалъ только одно: «какъ хорошо!»

Затѣмъ вспомнилась Тяпушкину другая фигура—„фигура дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа“.

Глубокая печаль, печаль *о не своемъ горѣ*, которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственною ея печалью, до такой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали ее *одну*, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея душу, въ ея сердце, въ ея мысль, даже въ сонъ ея чему-нибудь такому, что̀ могло бы «не подойти», нарушить гармонію самопожертвованія, которую она олицетворяла—что, при одномъ взглядѣ на нее, всякое «страданіе» теряло свои пугающія стороны, дѣлалось простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и вмѣсто словъ: «какъ страшно!» заставляло сказать: «какъ хорошо! какъ славно!»

Мнѣ кажется, что одно это сопоставленіе Елисейки, дѣвушки въ пледѣ, Венеры Милосской, бабы на сѣнокосѣ, дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа, сопоставленіе, наполовину самимъ Успенскимъ сдѣланное, свидѣтельствуетъ, что его восторги передъ Венерой Милосской не представляютъ чего-нибудь побочнаго или случайнаго. Художникъ огромнаго дарованія, съ огромными задатками вполнѣ гармоническаго творчества, но разорванный частью внѣшними условіями, частью собственною впечатлительностью, страстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла сегодняшняго дня, — онъ жадно ищетъ глазами чего-нибудь не разорваннаго, не источеннаго болѣзненными противорѣчіями, чего-нибудь гармоническаго. И вотъ, послѣ долгой муки исканія—вздохъ облегченія: „ахъ, славно! ахъ, хорошо!“ Страданія, на которыя идетъ дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа; каторжный трудъ, на который осуждена Елисейка или баба на сѣнокосѣ; лишенія и оскорбленія, которымъ можетъ подвергаться дѣвушка

въ пледѣ—все это ничего, все это даже хорошо и весело, потому что сюда вложена вся душа, цѣликомъ. „Ахъ, хорошо! ахъ, славно!..“ Но безъ страданій, безъ лишеній и такого труда, чтобъ было „дохнуть некогда“, это высокое душевное равновѣсіе возможно только въ далекомъ будущемъ или въ качествѣ слабо мерцающаго идеала, намекъ на который даетъ „каменная загадка“ Венеры Милосской. Измученный художникъ съ благодарностью склоняется къ подножію „каменной загадки“ съ „почти мужицкими завитками волосъ въ углахъ лба“... Навѣрное никто, кромѣ Успенскаго, *такъ* не восторгался Венерой Милосской.

Но хотя у Венеры Милосской и мужицкіе завитки волосъ, а ясно все-таки, что душевное равновѣсіе, гармонія жизни достигается не однимъ земледѣльческимъ трудомъ. Мы уже имѣли этому примѣры въ дѣятельности святыхъ угодниковъ, въ роли, отводимой интеллигенціи; видимъ теперь въ дѣвушкѣ съ пледомъ и въ дѣвушкѣ строгаго, почти монашескаго типа. Во всѣхъ этихъ свѣтлыхъ образахъ есть какая-то аскетическая, если не прямо страдальческая черта, соотвѣтствующая тому труду „дохнуть некогда“, который сдерживаетъ равновѣсіе въ мужицкой жизни. Успенскій съ особенною любовью останавливается на тѣхъ подвигахъ святыхъ угодниковъ, которые сопряжены съ лишеніями, униженіями, оскорбленіями; свѣтлый образъ дѣвушки монашескаго типа тоже подернутъ „страданіемъ“. Венера Милосская, та не страдаетъ, но это потому, что она—не живая, а каменная, она—провозвѣстникъ и символъ будущаго, а въ настоящемъ такой нѣтъ. Въ настоящемъ терніи, такъ или иначе, непремѣнно обвиваютъ гармоническія явленія. Правда, какъ трудъ мужика есть не только трудъ, а и веселье („потруднѣй—повеселѣй“), такъ и страданія дѣвушки монашескаго типа не заключаютъ въ себѣ ничего „пугающаго“, и не „страшно“ глядѣть на нее, а „хорошо“. Но все-таки это—страданіе...

За послѣднее время Успенскому случалось однако иногда до такой степени воспрянуть духомъ, что практическое рѣшеніе „каменной загадки“, то-есть достиженіе полной гармоніи жизни безъ единой черты хотя бы и не пугающаго страданія, представляется ему совсѣмъ не за горами, а гдѣ-то очень близко. Замѣчательно, что эти уже чисто-начисто радостныя мысли вызывались въ немъ не его собственными непосредственными житейскими впечатлѣніями, а книгами. Такъ, съ почти дѣтскою радостью встрѣтилъ онъ брошюру г. Энгельмейера: „Экономическое значеніе современной техники“, обѣщающую экономическую гармонію, какъ результатъ дальнѣйшаго развитія техники. Такъ, съ тою же радостью привѣтствовалъ онъ книгу г. Тимощенкова: „Борьба съ земельнымъ хищничествомъ“. На статьѣ его, вызванной книгой г. Тимощенкова, намъ надо остановиться. Въ ней очень много страннаго, объ чемъ я здѣсь говорить не буду, но много и цѣннаго

и во всякомъ случаѣ очень для Успенскаго характернаго. Характерно уже самое заглавіе статьи: „Трудовая жизнь и труженичество“. Этими двумя терминами обозначаются тѣ два вида труда, изъ которыхъ одинъ животворитъ, а другой губитъ, одинъ искореняетъ житейскія драмы, другой — нарождаетъ. Въ фантастическомъ повѣствованіи г. Тимощенкова Успенскаго прельстило то, что нѣкоторое крестьянское семейство достигло высшей степени матеріальнаго благосостоянія, буквально милліонныхъ богатствъ, но при этомъ—удержалось на той же крестьянской трудовой почвѣ и стало сѣять кругомъ себя добро, вмѣсто того, чтобы повторить обыкновенную исторію „мужика съ деньгами“, то-есть кулака. Какъ удалось крестьянскому семейству невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, это другой вопросъ, котораго мы касаться не будемъ. Но, во всякомъ случаѣ, на милліонныхъ богатствахъ этого семейства, съ точки зрѣнія Успенскаго, нѣтъ печати антихриста въ смыслѣ вышеприведенной легенды: не зло, а добро проистекло изъ полнаго матеріальнаго благосостоянія. Понятна страстность, съ которою Успенскій ухватился за этотъ случай, разъ онъ въ него повѣрилъ... Но для насъ въ этой статьѣ особенно важно отграниченіе „трудовой жизни“ и „труженичества“. Это отграниченіе вполнѣ примыкаетъ къ прежнимъ работамъ Успенскаго. Но на этотъ разъ, когда въ его умѣ мелькнула мысль о возможности матеріальнаго благосостоянія безъ антихристовой печати, онъ рѣшительно вычеркиваетъ изъ своей программы всякую аскетическую струю. Если онъ и прежде нѣсколько подрывалъ эту струю размышленіями объ томъ, что „потруднѣй — повеселѣе“, то теперь онъ уже вотъ какъ рѣшительно выражается: „Въ трудовой жизни важенъ и нуженъ вовсе не гнетъ труда, не тяжесть его, не лишенія, съ нимъ сопряженныя, ни даже „смиреніе“, которое у насъ также еще непонятно зачѣмъ пристегиваютъ къ понятію о трудовой жизни, а только жизнь, исполненная разнообразнѣйшихъ впечатлѣній, жизнь, дающая работу для всей широты требованій духовной и физической природы человѣка. Только поэтому и важна трудовая, народная, земледѣльческая жизнь и основанный на ней строй народной общественной трудовой жизни, а вовсе не сѣрыя щи, не доски вмѣсто постели, не смиреніе и униженіе, и вовсе не то только, что̀ выражается словами: „самъ своими руками“. Швея, фигурирующая въ „Пѣснѣ о рубашкѣ“ Томаса Гуда, работаетъ столько же, какъ и пахарь, фигурирующій въ пѣсняхъ Кольцова, имъ обоимъ „дохнуть некогда“, но около первой сгустились облака горя, страданія, скорби, а около второго—сколько свѣта, тепла, радости. Онъ живетъ „трудовой жизнью“, она—„труженица“. И этого не надо, то-есть труженичества-то, не надо страданій, лишеній, скорби, тяготы. Нужна, возможна и уже существуетъ жизнь „во всю“, широкая жизнь, полная наслажденій, хотя и полная

труда. Это—жизнь землевладѣльца, „народный бытъ“, которому противопоставляется „культурный бытъ“, гдѣ нѣтъ настоящей трудовой жизни, а есть только „труженичество“...

А дѣвушка въ пледѣ? а дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа? Развѣ онѣ земледѣліемъ занимаются? А между тѣмъ онѣ не „труженицы“ въ непріятномъ смыслѣ этого слова, потому что, глядя на нихъ, человѣкъ говоритъ: „ахъ, хорошо! ахъ, славно!“ Съ другой стороны, хотя земледѣльческій бытъ несомнѣнно представляетъ извѣстныя гарантіи для гармоническаго сочетанія „разнообразнѣйшихъ впечатлѣній“ и полноты жизни, но развѣ ужъ такъ рѣзко отличается по существу иной батракъ-земледѣлецъ отъ швеи Томаса Гуда? Кольцовская формула: „слуга и хозяинъ“, какъ всякому хорошо извѣстно, не есть непремѣнная принадлежность земледѣльческаго быта, ибо и тамъ возможенъ „пахарь-слуга“, нанятый за деньги, совершенно такъ же, какъ нанята швея, кормилица, ходатай по дѣламъ и т. д.

Всѣ они живутъ своимъ трудомъ, но всѣ дѣлаютъ чужое, лично имъ ненужное дѣло, въ которое они поэтому не могутъ вложить душу свою, не могутъ связать съ нимъ свое духовное существованіе въ одно гармоническое цѣлое, такъ, чтобы ничему „неподходящему“ просто мѣста не было. Ясно, что спасеніе не въ земледѣліи, что̀, впрочемъ, самъ Успенскій очень хорошо знаетъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія. Пусть мужикъ остается на землѣ, и великое преступленіе совершаютъ тѣ, кто такъ или иначе, прямо или косвенно, гонятъ его съ земли. Пусть садятся на землю и тѣ „культурные“ люди, которые чувствуютъ себя для этого призванными и способными. Пусть садятся настояще, вполнѣ, или съ тою осторожностью, съ какою присѣлъ на землю графъ Л. Толстой (говорю: „съ осторожностью“, потому что хотя графъ и пашетъ собственноручно, но неурожай, градобитіе, скотскій падежъ, военная повинность, подати и прочіе источники разоренія настоящаго землевладѣльца—не подорвутъ благосостоянія и счастія его и его семьи и не внесутъ въ ихъ жизнь никакой драмы). Пусть въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ приливъ культурныхъ людей на землю достигнетъ огромныхъ размѣровъ. Но, по крайней мѣрѣ сейчасъ, первая стадія упорядоченія, уравновѣшенія, гармонизаціи жизни культурныхъ людей должна не въ этомъ состоять.

Въ „Запискахъ маленькаго человѣка“ авторъ, приведя нѣсколько разговоровъ, случайно услышанныхъ имъ на пароходѣ, тоскливо замѣчаетъ: „Все это надоѣло мнѣ до такой степени, что я Богъ знаетъ что̀ бы далъ въ эту минуту, если бы мнѣ пришлось увидѣть что-нибудь настоящее, безъ подкраски и безъ фиглярства, какого-нибудь стариннаго станового, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обдирать каналій, какого-нибудь подлиннаго шарлатана,

полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоръ отъ червей—словомъ, какое-нибудь подлинное невѣжество, лишь бы оно считало себя справедливымъ".

Какъ видите, это все тотъ же вздохъ по гармоніи, по равновѣсію: пусть глазу предстанетъ что-нибудь гнусное и возмутительное, но пусть оно, по крайней мѣрѣ, само себя считаетъ справедливымъ, такъ чтобы не было разлада между мыслью и дѣломъ, между понятіями и поступками. Если бы однако такое равновѣсіе гнусности дѣйствительно предстало, то Успенскій, конечно, на немъ не успокоился бы, во-первыхъ, потому, что это—гнусность, а во-вторыхъ, потому, что это равновѣсіе неустойчивое: рано или поздно, но „болѣзнь мысли", „болѣзнь сердца", „болѣзнь совѣсти" подточитъ его. По крайней мѣрѣ въ этомъ увѣренъ Успенскій. И затѣмъ должна наступить драма. Въ очеркѣ „Дохнуть некогда" собрана цѣлая коллекція драмъ изъ культурнаго быта, по обыкновенію сложенныхъ изъ комическихъ подробностей, и я не хочу переизложеніемъ или даже только перечисленіемъ ихъ ослабить въ читателѣ горькое наслажденіе прямого знакомства съ этими страницами. Подчеркну только конецъ пьяной рѣчи слѣдователя, который то называетъ себя „подлецомъ", то утверждаетъ, что въ немъ „Богъ есть" и что не затѣмъ онъ учился въ университетѣ, чтобы дѣлать безсмысленное и жестокое дѣло. „Позоръ, стыдъ, срамъ!" — восклицаетъ онъ и въ пьяномъ азартѣ требуетъ себѣ „лаптей", вѣроятно, какъ искупленіе и залогъ новой жизни. Если подвести итогъ всѣмъ глубочайшимъ драмамъ, собраннымъ въ этомъ очеркѣ, то окажется, что всѣ онѣ коренятся въ одолѣвающемъ героевъ сознаніи, что они дѣлаютъ ненужное, безсмысленное дѣло. Они неоспоримо живутъ собственнымъ и крайне тяжелымъ трудомъ, имъ дѣйствительно „дохнуть некогда". Но въ то время, какъ для Михайлы и его жены (въ „Перестала!") эта формула является спасительною, здѣсь, напротивъ, около нея-то и густится и кристаллизуется драма. Это натурально: тамъ душа вложена въ трудъ, здѣсь она находится гдѣ-то совсѣмъ въ сторонѣ и оттуда, со стороны-то, праздная шлетъ язвительные укоры за свою праздность. Если бы это были люди не трудомъ живущіе, а какими-нибудь доходами съ капитала или рентой, они могли бы, можетъ-быть, просто купить пропитаніе для души, въ видѣ разнаго рода развлеченій. Но наши герои—„труженики", имъ „дохнуть некогда", они всю свою жизнь не живутъ, а только добываютъ средства къ жизни. Это—тѣ же швеи Томаса Гуда, которымъ сказано: „шей, шей, шей!" Спрашивается, какъ быть этимъ подлинно несчастнымъ людямъ, въ драматическомъ положеніи которыхъ возможны и комическія и прямо непривлекательныя черты, но несчастіе которыхъ подлинно и несомнѣнно? Предложить имъ всѣмъ сейчасъ же обуться въ лапти и па-

хать—было бы и празднословіемъ и издѣвательствомъ. Читать имъ наставленія о священныхъ обязанностяхъ, о трудѣ и т. п.—по малой мѣрѣ безполезно. Справедливо говоритъ Успенскій, что „въ этомъ труженическомъ кругу, въ его мученіяхъ, въ его лишеніяхъ, мукахъ, болѣзняхъ, психическихъ страданіяхъ, преступленіяхъ, и заключается современная драма жизни, которую не разрѣшить правоученіями“. Они бьются какъ рыба объ ледъ, они не виноваты. А изъ этой ихъ невинности слѣдуютъ два весьма важныя заключенія. Во-первыхъ, не къ нимъ съ укоромъ или наставленіемъ надо обращаться, а къ строю жизни, который пристегиваетъ людей къ ненавистному, ненужному, чужому имъ дѣлу и не даетъ пропитанія ихъ душѣ, разбуженной „новой мыслью“. А во-вторыхъ, странно, что эти несчастные „труженики“ такъ упорно заболѣваютъ все-таки почти исключительно совѣстью и почти никогда—честью, въ смыслѣ той противоположности между работой совѣсти и чести, объ которой говорено выше. Все они передъ кѣмъ-то виноваты, а передъ ними будто бы и никто не виноватъ. Но передъ кѣмъ же виновата швея Томаса Гуда?

Иванъ Босыхъ во „Власти земли“ разсказываетъ, какъ онъ на желѣзной дорогѣ „отъ легкой жизни“ дошелъ до „своевольства“ и всякой другой пакости. Наконецъ дошло дѣло до начальства, „да какъ пріѣхалъ начальникъ дистанціи, да ка-а-къ далъ мнѣ (лицо разсказчика вдругъ просіяло) хо-о-орошаго леща, да какъ начальникъ эксплуатаціи надавалъ мнѣ (дѣтская радость разлилась по лицу его) въ загривокъ, да какъ въ подвижномъ составѣ наколотили мнѣ бока—такъ я, братецъ ты мой, совершилъ крестное знаменіе, да точно какъ изъ могилы выскочилъ, воскресъ, да по морозу, въ чемъ былъ, безъ шапки—домой!“ Иванъ Босыхъ чувствуетъ себя виноватымъ, его грызетъ совѣсть, а больная совѣсть такъ или иначе всегда съ радостью встрѣчаетъ униженія и оскорбленія и, въ случаѣ отсутствія таковыхъ, сама налагаетъ разныя эпитеміи.

Мы уже видѣли этому примѣры на нѣкоторыхъ герояхъ Успенскаго. Но вѣдь случаются и непрошенныя, незаслуженныя оскорбленія, униженія, лишенія. Ихъ слишкомъ много на Руси, и, можетъ-быть, было бы справедливо взглянуть на драматическое положеніе Апельсинскаго и иныхъ именно съ этой стороны. Успенскій этого не сдѣлалъ. Можетъ-быть, онъ и взялся бы за эту работу, если бы ему показалось, что „больная честь“ достаточно распространилась, чтобы производить такіе же глубокіе и многосложные эффекты, какіе, по его мнѣнію, производитъ „больная совѣсть“. Эта новая для него задача вполнѣ подходила бы къ его общимъ стремленіямъ и къ обычнымъ его художественнымъ пріемамъ. Возмущенная честь жаждетъ гармоніи, равновѣсія, какъ и заболѣвшая совѣсть, и, какъ и она, допускаетъ свойственныя Успенскому блестящія комбинаціи трагическаго и комическаго.

V.

Все только-что прочитанное вами, читатель, было написано въ 1888 году и напечатано въ видѣ вступительной статьи къ Павленковскому изданію сочиненій Успенскаго. При пересмотрѣ этой статьи для изданія Фукса, мнѣ пришлось только кое-гдѣ измѣнить настоящее время въ прошедшее и сдѣлать соотвѣтственныя выкидки. По существу мнѣ нечего ни измѣнять ни прибавлять въ этой характеристикѣ Успенскаго, какъ писателя, сдѣланной пятнадцать лѣтъ тому назадъ: съ 1888 г. его литературная дѣятельность пошла уже на ущербъ и не дала ничего новаго, что̀ могло бы измѣнить мои взгляды, а въ 1891 году онъ заболѣлъ психически и болѣе ничего не писалъ. Въ мартѣ 1902 г. онъ умеръ, и смерть эта не только позволяетъ, а и обязываетъ докончить характеристику писателя характеристикой человѣка, тѣмъ болѣе, что и человѣкъ это былъ не только не заурядный, а совершенно исключительный. Мнѣ придется однако, вѣроятно, не разъ возвращаться и къ его литературной дѣятельности, такъ какъ писатель и человѣкъ въ немъ нераздѣлимы. Въ составленной имъ для Ф. Ф. Павленкова, думавшаго издать его біографію, автобіографической запискѣ Успенскій самъ писалъ: „Вся моя личная біографія, примѣрно до 1871 года, рѣшительно должна быть оставлена безъ всякаго вниманія; вся она была сплошнымъ затрудненіемъ „жить и думать“ и поглощала множество силъ и времени на ея окончательное забвеніе. Все же, что̀ накоплено мною „собственными средствами“ въ опустошенную забвеніемъ прошлаго совѣсть, все это пересказано въ моихъ книгахъ, пересказано поспѣшно, какъ пришлось, но пересказано все, чѣмъ я жилъ лично. *Такимъ образомъ вся моя новая біографія, послѣ забвенія старой, пересказана почти изо дня въ день въ моихъ книгахъ. Больше у меня ничего въ жизни личной не было и нѣтъ*“.

Это и вѣрно и невѣрно. Вѣрно, что въ „новой біографіи“ Успенскаго его личная жизнь почти совсѣмъ покрывалась литературной дѣятельностью; но его „старая біографія“, „примѣрно до 1871 года“, отнюдь не подлежитъ забвенію, тѣмъ болѣе, что и она отразилась въ его книгахъ, да и самъ онъ, при всемъ желаніи, забыть ее не могъ и, какъ увидимъ, уже больной, извлекъ изъ нея матеріалы для своей характеристики, которые выразилъ, по обыкновенію, въ яркой образной формѣ.

Къ сожалѣнію, чисто - фактическія данныя и „старой“ и „новой“ біографіи Успенскаго частью не подлежатъ въ настоящую минуту, по разнымъ причинамъ, опубликованію, а частью очень скудны и смутны. Смутность начинается съ момента рожденія Глѣба Ивановича. Въ упомянутой автобіографической запискѣ онъ пишетъ, что родился

14 ноября 1840 г., такъ значится и въ извѣстной работѣ А. М. Скабичевскаго по исторіи новѣйшей русской литературы. Но въ іюньской книжкѣ „Русскаго Богатства“ 1894 г. была напечатана статья близкаго родственника и товарища дѣтства Успенскаго, озаглавленная: „Глѣбъ Ивановичъ Успенскій“ и подписанная псевдонимомъ „Дм. Васинъ“. Въ ней находимъ слѣдующую поправку: „Г. И. Успенскій родился въ г. Тулѣ, 13 октября 1843 г. (а не 14 ноября 1840 г., какъ сказано въ „Исторіи новѣйшей литературы“ А. М. Скабичевскаго)“. Эту статью своего родственника Успенскій читалъ уже находясь въ Колмовской, близъ Новгорода, больницѣ для душевнобольныхъ, которою завѣдывалъ тогда Б. Н. Синани. Д-ръ Синани, знавшій Успенскаго еще до болѣзни и относившійся къ нему съ необыкновенною теплотою, велъ за время его болѣзни дневникъ, который любезно предоставилъ въ мое пользованіе. Въ этомъ высоко-интересномъ документѣ, на который мнѣ не разъ придется ссылаться, подъ 5 іюля 1894 г. читаемъ: „Относительно дня его рожденія, которое, по словамъ его двоюроднаго брата, автора замѣтки, невѣрно показано у Скабичевскаго, Гл. Ив. далъ слѣдующее объясненіе. Родился онъ дѣйствительно не 14 ноября, а 13 октября. Скабичевскій введенъ въ ошибку тѣмъ, что Гл. Ив. празднуетъ день своего рожденія 14 ноября. Сталъ онъ это дѣлать въ виду того, что 15 ноября день рожденія Михайловскаго. Онъ выбралъ для себя 14 ноября, чтобы праздновать его вмѣстѣ съ Михайловскимъ, чтобы празднество шло два дня подъ рядъ, какъ бы безъ перерыва, слитно. Годъ рожденія 1840, а не 1843“.

Исторію съ переносомъ самимъ Успенскимъ *дня* его рожденія могу подтвердить и я, но относительно *года* правъ, кажется, авторъ замѣтки, напечатанной въ „Русскомъ Богатствѣ“: Глѣбъ Ивановичъ, вопреки его собственному показанію въ автобіографической запискѣ и въ разговорѣ съ Б. Н. Синани, родился, кажется, въ 1843, а не въ 1840 году. Это, впрочемъ, подробность, не имѣвшая въ глазахъ Успенскаго никакого значенія, какъ это видно и изъ автобіографической записки и изъ самаго факта свободнаго распоряженія днемъ рожденія. Да это и вообще не важно для біографіи, столь бѣдной внѣшними событіями и столь богатой внутреннимъ содержаніемъ. Если я однако и не собираюсь писать біографію Успенскаго, то нѣкоторыя біографическія данныя, какъ убѣдится читатель ниже, намъ установить нужно.

Въ автобіографической запискѣ Успенскій раздѣляетъ свою жизнь на нѣсколько періодовъ, границы которыхъ можно однако намѣтить только приблизительно. Первый періодъ обнимаетъ дѣтство и гимназическіе годы, до поступленія въ московскій и потомъ въ петербургскій университеты, примѣрно до 20-лѣтняго возраста. Періодъ этотъ рисуется въ запискѣ очень неопредѣленными, но очень мрачными

красками. „Вся моя личная жизнь,—пишетъ Успенскій;—вся обстановка моей личной жизни лѣтъ до 20 обрекала меня на полное затменіе ума, полную гибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдѣляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда-нибудь на мѣстѣ“. Что-то самому мальчику неясное, только впослѣдствіи уяснившееся, но глубоко-оскорбительное и удручающее было въ этомъ періодѣ его жизни, и его-то онъ и старался всю жизнь забыть. Только „опустошивъ отъ личной біографіи душу“ могъ онъ начать жить, какъ онъ выражается, „собственными средствами“, то-есть думать и чувствовать на свой страхъ, независимо отъ какихъ-то тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства и ранней юности. Однако, чтобы „опустошить душу“ отъ этихъ впечатлѣній, чтобы „истребить въ себѣ всѣ внѣдренныя ими качества“, надо было прежде всего на нихъ сосредоточиться, уяснить ихъ себѣ и затѣмъ, какъ это всегда и впослѣдствіи было у Успенскаго, немедленно объективировать ихъ въ литературной работѣ. На это ушелъ второй періодъ, съ 1862 по 1868 годъ. Невесело было и это время. Молодой Успенскій, занятый выработкой „собственныхъ средствъ“ или „созиданіемъ собственной своей новой духовной жизни“, былъ совершенно одинокъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ свелъ кое-какія литературныя знакомства, но помощи, нравственной поддержки въ нихъ не нашелъ. „Несомнѣнно,—пишетъ онъ:—народъ это былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ „послѣ вчерашняго“, занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто“. При томъ же „въ годы 1863—1868 все въ журнальномъ мірѣ падало, разрушалось и валилось“. Въ 1868 г. основались обновленныя „Отечественныя Записки“, но „первые годы въ нихъ тоже было мало уюта“. Въ 1871 г. Успенскій уѣхалъ за границу, потомъ поселился въ деревнѣ.

На этомъ моментѣ оканчивается автобіографическая записка (мнѣ неизвѣстно въ точности, когда она писана), и въ заключеніи ея читаемъ: „Подлинная правда жизни повлекла меня къ *источнику*, т.-е. къ мужику. По несчастью, я попалъ въ такія мѣста, гдѣ *источника* видно не было... Деньги привозили въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь въ теченіе $1^1/_2$ года не зналъ ни днемъ ни ночью покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи. Но мнѣ нужно было знать *источникъ* всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не могъ доискаться никакого простого слова и нигдѣ. И вотъ я изъ шумной, полупьяной

и развратной деревни забрался въ лѣса Новгородской губерніи, въ усадьбу, гдѣ жила только одна крестьянская семья. На моихъ глазахъ дикое мѣсто стало оживать подъ сохой пахаря, и вотъ я тогда въ первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно *одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа*—именно власть земли".

Чтобы понять ту „подлинную правду жизни", о которой здѣсь говоритъ Успенскій, надо привести еще нѣсколько словъ изъ автобіографической записки. Говоря о томъ тяжеломъ и ненавистномъ прошломъ, которое онъ старался изгнать изъ своей памяти, онъ, между прочимъ, пишетъ: „Нужно было еще перетерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанныя похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезли со свѣта безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что „не тѣ времена". Самая безропотность погибавшихъ людей, явное сознаніе, что все, что въ нихъ есть и чѣмъ они жили — неправда и ложь, и безпомощность ихъ, уже одно это прямо убѣждало людей моего возраста и обстановки жизни, что изъ *прошлаго* нельзя и не надо, и невозможно оставить въ себѣ даже самомалѣйшаго воспоминанія". И далѣе: „въ опустошенную отъ личной біографіи душу я пускалъ только то, что во всѣхъ смыслахъ противорѣчило неправдѣ".

Для людей, хорошо знакомыхъ съ сочиненіями Успенскаго, все это не такъ ужъ туманно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Нѣкоторыя біографическія черты окончательно разсѣиваютъ этотъ туманъ.

Отецъ Успенскаго былъ изъ духовнаго званія (сынъ ильскаго дьякона), но, окончивъ семинарію, поступилъ на государственную службу. Старшій его братъ, Никаноръ, учился въ московской духовной академіи и по окончаніи курса постригся въ монахи. Другой братъ, Григорій, также учился въ духовной академіи и былъ преподавателемъ греческаго языка въ тульской семинаріи; онъ жестоко пьянствовалъ и рано умеръ. Третій братъ, Василій, былъ сельскимъ священникомъ, и о немъ ничего болѣе не сообщаетъ г. Дм. Васинъ, у котораго я заимствую эти свѣдѣнія; но сынъ Василія, извѣстный талантливый беллетристъ, Н. В. Успенскій, сильно пилъ и кончилъ самоубійствомъ. О четвертомъ дядѣ Глѣба Ивановича съ отцовской стороны скажемъ особо. Мать Успенскаго была дочерью управляющаго тульскою палатою государственныхъ имуществъ, Глѣба Ѳомича Соколова. У него были нѣкоторыя художественныя наклонности (любилъ музыку, игралъ на скрипкѣ), заглушенныя чиновничьей службой, но переданныя по наслѣдству сыновьямъ: старшій, Владиміръ, былъ живописецъ, вто-

рой. Макарій—музыкантъ и композиторъ, третій, Дмитрій—тоже музыкантъ и писатель.

Приводя эти данныя, къ нѣкоторымъ подробностямъ которыхъ мы еще возвратимся, г. Дм. Васинъ замѣчаетъ: „Съ ранняго дѣтства Глѣбъ Ивановичъ былъ окруженъ любовью и нѣжными заботами родителей. Несмотря на суровые пріемы того времени въ дѣлѣ воспитанія, онъ не терпѣлъ никакихъ наказаній какъ дома, такъ равно впослѣдствіи въ гимназіи (тульской), гдѣ онъ учился первое время. Благодаря своимъ способностямъ, а отчасти прилежанію, онъ былъ первымъ ученикомъ, и имя его всегда красовалось на такъ-называемой золотой доскѣ". А что касается его „генеалогіи", то изъ нея видно, что „со стороны отца Гл. И—ча являются люди науки, и, напротивъ, родные матери были поклонниками искусства. Эти—наука и искусство—послужили какъ бы элементами для возсозданія такого писателя, который на самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя и художника и глубокаго мыслителя".

Можно сомнѣваться, чтобы семинарское образованіе, духовная академія, преподаваніе греческаго языка въ семинаріи составляли элементъ науки въ точномъ смыслѣ этого слова. Но передъ читателемъ, при сопоставленіи автобіографической записки Успенскаго съ замѣткой г. Дм. Васина, естественно долженъ возникнуть другой, гораздо болѣе важный вопросъ: почему же Успенскій съ такимъ ужасомъ оглядывался на свое прошлое? почему онъ такъ старался вычеркнуть изъ памяти свои дѣтскіе годы, гдѣ все было любовь, нѣжныя заботы, наука, искусство? Матеріалы для отвѣта на этотъ вопросъ даются отчасти и г. Васинымъ, но мы сперва послушаемъ мнѣніе самого Глѣба Ивановича о его „генеалогіи".

22 сентября 1892 г., на другой же день послѣ поступленія Успенскаго въ Колмовскую больницу, въ дневникѣ д-ра Синани записано:

«Утромъ, сейчасъ послѣ завтрака, онъ самымъ простымъ и толковымъ образомъ, по собственной иниціативѣ, сообщилъ мнѣ о своемъ происхожденіи. Отецъ его изъ духовнаго званія, мать изъ рода Соколовыхъ. Семья отца обилуетъ сумасшедшими. Одинъ братъ былъ архимандритомъ и умеръ сумасшедшимъ. Другой братъ отца кончилъ самоубійствомъ. Вообще съ отцовской стороны много ненормальностей (и, повидимому, больному несимпатичныхъ). Со стороны матери все народъ даровитый: одинъ былъ живописцемъ, другой музыкантомъ, многіе писателями и сотрудничали въ «Современникѣ». Повидимому, симпатіи его лежатъ всецѣло на сторонѣ материнской линіи.

«Теперь перейду къ разговору вечернему. Изложить его слова въ томъ порядкѣ и въ томъ безсвязномъ видѣ, какъ онъ проговорилъ, я не могу. Я позволю себѣ систематизировать ихъ. Нужно еще отмѣтить то обстоятельство, что его нужно считать личностью совершенно отличною отъ людей нашего типа, привыкшихъ думать мыслями. Онъ производитъ впечатлѣніе такого человѣка, который только и можетъ мыслить (если можно такъ выразиться) образами. Эта особенность

развита у него въ такой степени, что для насъ она можетъ казаться почти непонятною и въ нормальномъ его состояніи. Тѣмъ болѣе она кажется таковою въ теперешнемъ его состояніи. Итакъ, его языкъ образовъ я долженъ буду излагать языкомъ понятій.

«Съ самаго его заболѣванія и до сихъ поръ въ его сознаніи идетъ борьба между двумя началами: началомъ справедливости и началомъ, неясно выражаемымъ, но противоположнымъ первому. Ему кажется, что его *я* раздвоенное, состоящее изъ двухъ личностей, борющихся другъ съ другомъ. Первая личность есть *Глѣбъ* (Успенскій), вторая личность есть Глѣбъ *Ивановичъ* Успенскій, и даже проще и выразительнѣе *Ивановичъ* (*NB.* Отецъ матери назывался Глѣбомъ, Ивановичъ отъ Ивана, значитъ отца его). Какъ ни борется Глѣбъ, но ему очень трудно не только уничтожить, убить Ивановича, но даже устоять противъ власти его. Со времени его болѣзни борьба между ними идетъ ожесточенная. Случалось, что Глѣбъ какъ будто отвоевывалъ свое существованіе, пріобрѣталъ свою половину, но это оставалось недолго. Ивановичъ снова вторгался въ его область, пренебрегая всякими уговорами, всякими условными компромиссами, часто разрушалъ ихъ и заполонялъ Глѣба. При полномъ его торжествѣ больной не только казался себѣ, но и въ дѣйствительности являлся въ самыхъ несимпатичныхъ, безобразныхъ, отвратительныхъ видахъ, до буквальнаго образа свиньи включительно съ ея и черепомъ, и мордою, и хребтомъ, и ребрами, и даже перестановкой верхнихъ конечностей снаружи внутрь. Такъ какъ превращеніе въ свинью является наиболѣе крайнею формою выраженія побѣды Ивановича, то я объ этомъ и буду говорить главнымъ образомъ. Повидимому, всякій разъ, какъ настроеніе его ухудшалось и соотвѣтственно съ этимъ въ сознаніи его начинали преобладать представленія мрачнаго характера, въ его самосознаніи и самоопредѣленіи все болѣе и болѣе преобладала личность Ивановича. Однажды ночью онъ наконецъ отрекся отъ самого себя, отъ Глѣба, въ пользу Ивановича. Какъ только онъ подписалъ это отреченіе «отъ самого себя въ свою же пользу», съ нимъ началось превращеніе въ отрицательномъ направленіи. Утромъ слѣдующаго дня онъ ощущалъ, какъ хребетъ его и ребра стали твердые, крѣпкіе, окостенѣвшіе (оскотинился?) и т. д. Какъ онъ ни боролся, но руки его такъ и тянулись къ тому, чтобы сростись съ грудью и направиться впередъ. Онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія вернуть ихъ въ нормальное положеніе, хоть сколько-нибудь перетянуть ихъ назадъ, но когда это ему не удавалось, онъ тогда-то, повидимому, и совершалъ свои насилія надъ самимъ собою: старался разбить себѣ голову, перерѣзывалъ себя пополамъ вдоль всего тѣла, перерѣзывалъ себѣ горло, огнемъ жегъ себя, чувствовалъ, какъ онъ горитъ. Иногда ему казалось, что онъ въ большей или меньшей степени достигаетъ цѣли, что если не внутри, то хотя снаружи слѣзаетъ съ него его отрицательное *я*. Бывали случаи, когда сквозь мракъ заполняющей и заполнившей его отрицательной его личности пробивался свѣтлый лучъ въ образѣ то дѣйствительныхъ лицъ, какъ Короленко, Вольфсонъ *), то фантастическихъ образовъ, какъ ангелъ, какъ монахиня Маргарита. Бывало, они отстоятъ Глѣба, но потомъ опять все это рухнетъ, и Ивановичъ вступаетъ въ полное владѣніе. Торжество Ивановича не ограничивалось однимъ отрицательнымъ превращеніемъ

*) Женщина-врачъ, очень уважаемая Успенскимъ.

его личности въ смыслѣ его самооцѣнки, самопониманія, самоопредѣленія. Онъ совершалъ чудовищныя преступленія. Онъ, напримѣръ, убилъ своихъ дѣтей, свою семью, перетравилъ ихъ всѣхъ до единаго стрихниномъ. Больной прибавляетъ, что потомъ каждый разъ удивлялся, какимъ образомъ онъ все еще оказывается въ живыхъ. При этомъ припоминаетъ случай, какъ онъ у Фрея, при мнѣ (кажется, 1 іюля), отнесся къ своему сыну, явившемуся къ нему на свиданіе для опроверженія его бреда о томъ, что вся его семья отравлена стрихниномъ. Онъ помнитъ, какъ онъ встрѣтилъ его угрюмо и съ неудовольствіемъ по поводу того, что онъ живъ. Вообще замѣчательно, что въ памяти его сохранились всѣ, даже малѣйшія впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, дошедшія тогда до его сознанія. Мало этого, онъ довольно хорошо помнитъ свое поведеніе и даже слова во время самыхъ острыхъ періодовъ своей болѣзни. Не совсѣмъ ясно припоминаетъ онъ только детали бредовъ, отличавшихся крайнею сложностью и быстрою смѣною представленій, хотя въ то время представленія эти отличались такой яркою образностью, что при его разсказѣ они кажутся похожими на сложныя галлюцинаціи, т.-е. образы эти имъ объективировались во внѣ его. Повидимому, каждое представленіе у него имѣетъ склонность сопровождаться галлюцинаціями (или псевдогаллюцинаціями) тѣхъ органовъ чувствъ, которые играютъ роль въ образованіи этихъ представленій. Этимъ должно, я думаю, объяснить одновременное существованіе въ его бредахъ галлюцинацій и зрѣнія, и слуха, и чувствительности, и общаго чувства. Онъ воочію видитъ какую-нибудь личность, слышитъ ея слова и въ то же время получаетъ и ощущенія осязательныя и мышечныя, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: стоитъ передъ нимъ кто-то (кажется, монахиня Маргарита), приказываетъ ему вытянуть руки ладонями вверхъ и дать ихъ оплевать. Больной и видитъ и чувствуетъ, какъ ладони его сплошь покрыты толстымъ слоемъ плевковъ. Ему приказываютъ поднести руки къ лицу и обмазать его этой гадостью. Онъ это исполняетъ. Подобными путями ему случалось на время воскресить въ себѣ Глѣба или совѣсть, но ненадолго. Вскорѣ опять вступалъ въ свои права Ивановичъ».

Позже, когда бредъ Глѣба Ивановича принялъ мистическій характеръ, у д-ра Синани находимъ такую запись:

«Бредъ его относительно людей, если его осмыслить, можно изложить слѣдующимъ образомъ. Когда говорятъ: Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, Александра Васильевна Успенская, Александръ Глѣбовичъ Успенскій и т. п., то эти лица являются самыми ординарными субъектами, лицами ничего не знающими, ничего почти не стоящими, обладающими всевозможными несовершенствами. Назвавши ихъ обычными ихъ именами, отчествами и фамиліями, ихъ лишаютъ всякихъ высшихъ духовныхъ качествъ. Если же ихъ называть только ихъ именами, то они освобождаются отъ всякихъ качествъ, присущихъ отдѣльнымъ индивидуумамъ, свойственнымъ обыкновеннымъ человѣческимъ существамъ; тогда они являются носителями высокихъ духовныхъ качествъ, характеризующихъ тѣхъ святыхъ, которые носятъ эти имена, и не только одного какого-нибудь святого, но и всѣхъ вообще великихъ людей подъ тѣми же именами».

О мистическомъ бредѣ Успенскаго у насъ еще будетъ рѣчь. Теперь для насъ важно подчеркнуть его отдѣленіе личнаго имени отъ отче-

ства и его отрицательное отношеніе къ послѣднему, доходящее до упорной борьбы между свѣтлымъ Глѣбомъ и представителемъ мрака и зла—Ивановичемъ. Читатель видитъ, что весь ужасъ „генеалогіи“ или первыхъ главъ біографіи Успенскаго, отъ котораго до 20 лѣтъ у него „сердце было не на мѣстѣ“ и который онъ старался съ корнемъ вырвать изъ своей памяти, всплылъ-таки въ немъ въ мучительныхъ формахъ бреда. Но я думаю, что и раньше онъ былъ мученикомъ той „больной совѣсти“, которую онъ изобразилъ въ своихъ писаніяхъ такими яркими чертами и которая въ бреду приняла форму мучительной борьбы Глѣба съ Ивановичемъ, лично ему принадлежащаго, „собственными средствами“ выработаннаго духовнаго начала съ полученнымъ по наслѣдству.

Какъ ни фантастична мысль Успенскаго, но въ ея фантастической оболочкѣ заключено зерно истины. Безъ сомнѣнія, вліяніе среды и наслѣдственности огромно и непремѣнно должно быть принято во вниманіе во всякой критико-біографической работѣ. Но пріемъ, обращающій писателя, какъ и вообще человѣка, въ какую-то безплотную математическую точку—центръ перекрещивающихся вліяній наслѣдственности и среды, выкуриваетъ изъ него весь личный ароматъ, все, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ людей, находящихся подъ тѣмъ же вліяніемъ, и что онъ часто сознательно противопоставляетъ этимъ вліяніямъ. Можно, пожалуй, возразить, что условія наслѣдственности и среды лишь въ очень рѣдкихъ, даже исключительныхъ случаяхъ могутъ быть для разныхъ людей болѣе или менѣе одинаковы. Уже одна разница въ возрастѣ родителей старшихъ и младшихъ дѣтей создаетъ различныя условія зачатія и утробной жизни, а слѣдовательно и различную наслѣдственность. Условія среды точно также мѣняются и иногда очень рѣзко: родители богатѣютъ или бѣднѣютъ, переходятъ изъ одного общественнаго слоя въ другой и т. д., въ зависимости отъ чего измѣняются и условія воспитанія дѣтей. Но мы никогда не будемъ въ состояніи проникнуть въ эти таинственные узлы сложныхъ комбинацій и свести къ нимъ индивидуальныя особенности даннаго лица. Какъ бы ни углублялся нашъ анализъ вліяній наслѣдственности и среды, всегда останется нѣчто такое, что мы должны признать личной красотой или безобразіемъ, личной заслугой или грѣхомъ человѣка. И, въ виду освѣщенія, даннаго самимъ Успенскимъ своей „генеалогіи“, надо признать, что по наслѣдству онъ получилъ, вмѣстѣ съ художественнымъ талантомъ, зачатки психической неуравновѣшенности и „свиного элемента“, какъ выражается дьяконъ въ разсказѣ „Неизлѣчимый“, что и суммируется отчествомъ „Ивановичъ“; лично же ему, Глѣбу, принадлежитъ упорная борьба съ этимъ свинымъ элементомъ и страстная жажда душевнаго равновѣсія, гармоніи какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ окружающей жизни. Въ этихъ страстныхъ

поискахъ равновѣсія и въ этой борьбѣ—будемъ говорить: съ „Ивановичемъ“—состоитъ, если можно такъ выразиться, основной фонъ всей біографіи Успенскаго, начиная съ дѣтскаго или ранняго юношескаго возраста, когда онъ „безпрестанно плакалъ, не зная, отъ чего это происходитъ“, продолжая всею его литературною дѣятельностью и кончая тяжелымъ временемъ помраченнаго сознанія. Психическая болѣзнь не прекратила ни этихъ поисковъ ни этой борьбы; она только, какъ увидимъ, нарисовала новые и страшные узоры на этомъ фонѣ, а исчезъ онъ только вмѣстѣ съ жизнью Успенскаго. Здѣсь лежитъ центральная точка и жизни и писаній, и, уяснивъ ее себѣ, нельзя не любоваться удивительною цѣльностью этой, повидимому, столь безпорядочной натуры.

Но въ чемъ же ближайшимъ образомъ состоятъ тѣ удручающія и оскорбительныя впечатлѣнія дѣтства и юности, которыя зажгли въ Успенскомъ такую ненависть къ „Ивановичу“? Уже изъ непосредственныхъ показаній г. Васина видно, что не все только любовь да заботы, наука да искусство были около впечатлительнаго мальчика. Но этого мало. Когда Успенскій принялся „истреблять въ себѣ всѣ внѣдренныя прошлымъ качества“, онъ долженъ былъ, какъ уже сказано, сосредоточить на этомъ прошломъ свое вниманіе и по свойству своей натуры тотчасъ объективировать его въ своихъ писаніяхъ. И г. Васинъ сообщаетъ, что многое въ разныхъ произведеніяхъ Успенскаго представляетъ собою именно такое объективированіе впечатлѣній ранняго дѣтства.

Въ очеркѣ „На старомъ пепелищѣ“ есть, между прочимъ, такое воспоминаніе: „Морозное утро; я ѣду въ гимназію, ѣду веселый, довольный: я знаю, что мнѣ не поставятъ единицы, не оставятъ безъ обѣда, не тронутъ пальцемъ... Тамъ (т.-е. дома родные) уже позаботились, чтобы ничего этого не было... Даже такъ позаботились, что учителя явно несправедливо становятъ мнѣ отличныя отмѣтки“. Г. Васинъ говоритъ, что это личное воспоминаніе Успенскаго, но прибавляетъ, что оно вѣрно „развѣ только отчасти“: хорошія отмѣтки получалъ Успенскій просто потому, что хорошо учился. „Подачки же гимназическому начальству,—продолжалъ онъ:—давались единственно для того, чтобы къ ученику относились справедливо, чего могло и не быть“. Далѣе оказывается однако, что подачки—пивомъ, чаемъ, сахаромъ, яблоками, деньгами — имѣли цѣлью не только торжество справедливости, онѣ и отъ розги спасали: „за единицы обыкновенно пороли по субботамъ розгами, но намъ, давальщикамъ приношеній, ставили вмѣсто единицы два съ минусомъ и оставляли безъ обѣда, до 6 часовъ“. Маленькому Глѣбу было, вѣроятно, просто пріятно обходиться безъ непріятностей, постигавшихъ нѣкоторыхъ его товарищей, и онъ пользовался созданнымъ родительскими заботами и

любовью привилегированнымъ положеніемъ „безъ борьбы, безъ думы роковой“; и только впослѣдствіи, придя въ возрастъ и оглядываясь на свое прошлое, онъ и эту черту засчиталъ этому прошлому въ пассивѣ. Но и тогда было что-то, что заставляло его безпрестанно плакать, какъ онъ говоритъ не только въ довольно безсвязной автобіографической запискѣ, а и въ превосходной лирической страничкѣ по адресу разныхъ мѣстъ въ томъ же очеркѣ „На старомъ пепелищѣ“:

«Отчего это не сказали вы мнѣ ни одного слова о томъ, что мнѣ надо идти стоять за васъ горой, что мнѣ надо имѣть руки желѣзныя, сердце лютое и око недреманное? Отчего вы, бѣдняги мои, старались всегда «укачать» меня, заговорить меня веселыми словами, когда я плакалъ отъ безсознательной тоски; говорили мнѣ: «не думай!» вмѣсто того, чтобы разбудить, сказать: думай, братъ, за насъ, потому нашихъ силъ нѣту больше!.. Убаюканный вами, я спокойно спалъ и не зналъ, что въ темныя осеннія и зимнія ночи, когда на дворѣ хлещетъ дождь или воетъ вьюга, вы поѣдомъ ѣли, ни въ чемъ неповинные, другъ друга и проклинали свою адскую жизнь. Зачѣмъ ничего же этого вы мнѣ не сказали?» и т. д.

За любовь и заботы Успенскій платилъ любовью и жалостью и уже въ очень раннемъ возрастѣ чуялъ и надъ этой любовью и заботой, и вообще вокругъ себя какую-то „неправду“, которая лежала во всемъ порядкѣ вещей, составляла ихъ общую основу, прорываясь иногда наружу и для ребенка, если не понятными, то во всякомъ случаѣ тяжелыми эпизодами. Вотъ, напримѣръ, Семенъ Ивановичъ Толоконниковъ въ „Нравахъ Растеряевой улицы“ (онъ же Богоборцевъ въ „Дѣлахъ и знакомствахъ“). По словамъ г. Васина, въ этомъ образѣ „прекрасно обрисованъ“ младшій изъ дядей Успенскаго съ отцовской стороны, Семенъ. Любопытно, что Успенскій старательно отмѣчаетъ, что Толоконниковъ „какимъ-то чудомъ избѣжалъ пьянства“, что его въ этомъ отношеніи „спасала любовь къ курамъ, къ бойцовымъ пѣтухамъ, кулачнымъ боямъ“. Очевидно, эта черта въ его средѣ болѣе или менѣе рѣдкая, но зато Толоконниковъ такой грубый самодуръ, способенъ такъ издѣваться надъ всѣми, кто попадетъ въ зависимость отъ него, и съ такою виртуозностью это продѣлываетъ, что сколько-нибудь чуткій юноша долженъ былъ больно уколоться о совокупность этихъ впечатлѣній. Или вотъ еще нѣкоторые эпизоды изъ жизни Птицыныхъ въ „Наблюденіяхъ Михаила Ивановича“ и Колашниковыхъ въ очеркѣ „На старомъ пепелищѣ“, именно нѣкоторые только эпизоды, ибо, какъ говоритъ г. Васинъ, сюда введено многое, не имѣющее ничего общаго съ подлинными семейными воспоминаніями автора. Къ таковымъ принадлежатъ, повидимому, въ „Наблюденіяхъ Михаила Ивановича“ смерть Вани—смерть дяди Успенскаго—Михаила Глѣбовича, а въ „Старомъ пепелищѣ“ портретъ главы семейства, дѣда Соколова. Судя по этому портрету, вѣрность котораго въ общихъ

чертахъ подтверждаетъ и г. Василъ. Соколовъ былъ честнѣйшій и преданнѣйшій своей службѣ чиновникъ, въ этомъ отношеніи рѣдкій для своего времени типъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ деспотъ, подъ желѣзной волей котораго должно было гнуться все окружающее. Выше всего на свѣтѣ ставя интересы „казны“ и затѣмъ свою волю, какъ вѣрнаго ихъ служителя, онъ презиралъ и топталъ всякое проявленіе личности въ своей женѣ, въ дѣтяхъ, во всѣхъ, кого достигала его властная рука.

«У ребенка проявляется стремленіе къ живописи, къ музыкѣ—чепуха и вздоръ, который нужно вырвать теперь же съ корнемъ: ребенокъ этотъ долженъ вырасти чиновникомъ, такимъ же безпримѣрнымъ и безотвѣтнымъ, какъ и отецъ,—въ этомъ высшая цѣль жизни, въ этомъ вся заслуга человѣка передъ Богомъ и передъ родиной... Дочь хочетъ выйти замужъ за человѣка, который ей понравился, но этотъ человѣкъ не служитъ,—и браку этому не бывать! ее самъ отецъ выдастъ за того, кого онъ полюбитъ за исполнительность и за какія-нибудь другія, тоже выгодныя для казеннаго интереса качества... И такъ было во всемъ». «Личность была до того подавлена въ этой семьѣ, что въ поколѣніи внуковъ *) замѣтна была даже боязнь чего-либо мало-мальски самостоятельнаго. Замѣтно было даже какъ бы предпочтеніе ко всему «не настоящему» передъ подлиннымъ и правдивымъ».

Все „подлинное и правдивое“ угасало въ этой, съ теченіемъ времени непомѣрно разросшейся семьѣ двумя путями. Съ одной стороны, въ молодыхъ поколѣніяхъ насильственно глушились ихъ личныя наклонности и способности; они обречены были или на непосильную борьбу (жертвою такой непосильной борьбы и былъ талантливый дядя Успенскаго, Михаилъ, — онъ же скрипачъ и композиторъ Ваня), или на укрывательство, лицемѣріе. Съ другой стороны, въ родню къ лично безупречному служакѣ, главѣ семейства, пристраивались и вообще около него ютились люди далеко не перваго сорта; для этого имъ нужно было только искусно носить маску блюстителя „казеннаго интереса“. Въ концѣ концовъ подъ крыломъ честнаго чиновника, кромѣ разбитыхъ жизней, образовалась стая казнокрадовъ и взяточниковъ. „Бѣдный старикъ, глава семьи, только подъ конецъ жизни увидѣлъ (и умеръ отъ этого), что, кромѣ зла, онъ не дѣлалъ ничего“.

«Поколѣніе, которое росло въ этой средѣ, должно было дышать ложью, привыкать лгать въ каждомъ своемъ движеніи, помышленіи, взглядѣ, считать умѣнье поступать не по правдѣ, не по-настоящему, за умѣнье жить, т.-е. именно за правду, за настоящую задачу жизни». «Нажива, матеріальное благополучіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, только одно и было дѣйствительно настоящее, непритворное жизненное побужденіе въ этой массѣ лжи, и поколѣніе внуковъ непремѣнно должно было по инстинкту угадать эту настоящую черту, всосать ее съ молокомъ матери. Жажда грубыхъ животныхъ наслажденій поэтому ключомъ кипѣла въ глубинѣ этихъ притворно-благо-

*) А Глѣбъ Ивановичъ былъ однимъ изъ этихъ внуковъ.

честивыхъ семей. Скотскія (не современъ, употребивъ это выраженіе) побужденія пробуждались въ дѣтяхъ рано и въ сильнѣйшей степени. Но подъ давленіемъ двойного деспотизма — зависимости отъ власти главы дома и зависимости отъ необходимости постоянно лицемѣрить — эти грубыя, дикія животныя побужденія глубоко таились на днѣ даже самыхъ юныхъ дѣтскихъ душъ этой громадной семьи, разъѣдая эту душу жаждой, жаждой грубаго наслажденія — душу, въ которой не было уже почти возможности жаждать правды, любви къ ближнему, такъ какъ все это было уже запугано въ матеряхъ и попрано примѣромъ отцовъ, женившихся изъ расчета».

Мы уже видѣли, что произошло отъ столкновенія этой дѣйствительности съ идеалами, засвѣтившимися въ моментъ освобожденія, какъ благодаря этому столкновенію „раздались на Руси проклятія и благословенія", какъ зародилась „болѣзнь совѣсти". Очевидно, Глѣбъ Ивановичъ и самъ былъ захваченъ этой драмой, пережилъ ее на самомъ себѣ, мало того — переживалъ ее всю свою жизнь, почти буквально до могилы. Будучи однимъ изъ „внуковъ", онъ мучительно искалъ въ себѣ наслѣдственной „неправды", того, что онъ называлъ впослѣдствіи „расколотостью между гуманствомъ мыслей и дармоѣдствомъ поступковъ" и что еще позже обрекало „Глѣба" на борьбу съ „Ивановичемъ".

VI.

Старые устои разваливались и развалились; гармонія „свиного элемента" дала множество трещинъ, и совѣсть настойчиво заговорила о неправой жизни, и этотъ настойчивый голосъ больно отзывался въ душахъ. Не всѣ и не сразу находили путь жизни, сколько-нибудь удовлетворяющій требованіямъ разбуженной совѣсти, не всѣ даже ясно понимали, что творится въ ихъ головахъ и сердцахъ! Въ числѣ ихъ были пьянствующіе таланты, о которыхъ говоритъ Успенскій въ автобіографической запискѣ и съ которыми судьба свела его во второй періодъ его жизни—1862—1868 гг. Съ верхами литературы и общественной жизни, гдѣ процессъ обновленія происходитъ сознательно, онъ былъ въ то время мало знакомъ. Изъ этихъ талантливыхъ, но безпутныхъ и пьяныхъ людей онъ поминаетъ въ автобіографической запискѣ только Павла Якушкина, какъ бы для образца. Поминаетъ онъ его добродушно, шутливо и, самое большее, брюзгливо. Такъ же поминаетъ онъ, бывало, въ разговорахъ Левитова и другихъ. Иное дѣло его двоюродный братъ, Николай Успенскій. Глѣбъ Ивановичъ иной разъ прямо съ дрожью говорилъ мнѣ о своей былой близости съ этимъ утопленнымъ въ водкѣ талантомъ. И когда этотъ дѣйствительно крупный и въ началѣ своей дѣятельности много обѣщавшій, но нравственно заживо погибшій талантъ покончилъ въ 1889 году самоубійствомъ, Глѣбъ Ивановичъ писалъ мнѣ: „Сегодня я положительно не могъ сомкнуть глазъ всю ночь подъ вліяніемъ самыхъ

мрачныхъ воспоминаній о Николаѣ Успенскомъ. Сейчасъ (10 часовъ) меня одолѣваетъ сонъ, и если я засну и просплю панихиду, — вы на меня не сердитесь. Писать я ничего о немъ не буду. Это значило бы вспомнить всю подлость прошлаго, которое я всячески боялся вспоминать. Зачѣмъ это теперь возобновлять? Я и такъ едва живъ".

Николай Успенскій былъ вдвойнѣ непріятенъ Глѣбу Ивановичу— и по воспоминаніямъ о дѣтскихъ годахъ и по воспоминаніямъ о томъ времени, когда онъ былъ одинокъ и безпомощенъ среди пьянствующихъ талантовъ. И здѣсь я долженъ коснуться одного непріятнаго и щекотливаго пункта.

Тотчасъ послѣ смерти Успенскаго, въ одной газетѣ былъ разсказанъ такой анекдотъ. Крамской написалъ портретъ Успенскаго. Выставку, на которой появился этотъ портретъ, посѣтилъ и Глѣбъ Ивановичъ. Здѣсь къ нему подошелъ какой-то водочный заводчикъ С. и, отрекомендовавшись большимъ почитателемъ его произведеній, заявилъ, что онъ только-что купилъ его портретъ. Когда Успенскій узналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ спросилъ заводчика-мецената, гдѣ онъ въ свою очередь можетъ купить его портретъ, хотя бы фотографическій. Тотъ удивился: „что это вамъ вздумалось?" — „Да я тоже большой почитатель вашихъ произведеній",—отвѣчалъ Успенскій. Соль этого анекдота заключается въ намекѣ на злоупотребленіе покойнаго писателя спиртными напитками. Но сочинитель анекдота, очевидно, не имѣетъ понятія о духовномъ обликѣ Успенскаго, если предполагаетъ возможнымъ для него такое пошлое остроуміе, да еще въ бесѣдѣ съ незнакомымъ человѣкомъ. Притомъ же обстановка анекдота сплошной вздоръ: единственный портретъ Успенскаго, бывшій на выставкѣ, писанъ не Крамскимъ, а Ярошенкомъ, и не водочный заводчикъ С. купилъ его, а извѣстная харьковская дѣятельница по народному образованію, Х. Д. Алчевская.

Такимъ образомъ анекдотъ этотъ есть просто выдумка. Но мнѣ не разъ случалось слышать мнѣніе, что Успенскій сильно пилъ, и что психическая болѣзнь его была результатомъ злоупотребленія алкоголемъ. Я никогда не могъ съ этимъ согласиться. Отнюдь и не утверждаю, что онъ былъ безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи. Не говоря о моральной сторонѣ дѣла,—ибо не знаю, много ли найдется въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, людей, имѣющихъ право суда въ этомъ отношеніи, — я думаю, во-первыхъ, что слухи о его грѣхѣ сильно преувеличены (въ покаянномъ настроеніи онъ самъ способствовалъ этому преувеличенію), а во-вторыхъ, грѣхъ этотъ былъ не столько причиною, сколько слѣдствіемъ того нервнаго разстройства, которое окончилось психическою болѣзнью. Вотъ что писалъ однажды Успенскій г-жѣ N., предоставившей въ мое пользованіе коллекцію его

писемъ: „Не могу забыть, какъ я безобразно велъ себя у васъ,—напился! Могло ли это быть прежде, чтобы именно *у васъ, у васъ-то* я позволилъ себѣ это? а теперь вотъ позволилъ, стало-быть, что-то во мнѣ пропало, и, стало-быть, я сталъ пропадать". Выраженія: „безобразно велъ себя" и „напился", несомнѣнно, сильно преувеличены. Изъ того же письма къ г-жѣ N. видно, что, будучи у нея въ гостяхъ, онъ „прорицалъ въ пьяномъ видѣ о литературѣ и о дамахъ, которыхъ надо удержать въ предѣлахъ серьезнаго интереса", — вести подобные разговоры не значитъ „вести себя безобразно". „Безобразно" пьянымъ я не видалъ Глѣба Ивановича никогда. Богатая и блестящая, но отъ рожденія неуравновѣшенная натура, Успенскій могъ быть спасенъ отъ печальнаго конца только исключительно благопріятными условіями жизни, какія вообще рѣдки и какихъ не выпало на его долю. Болѣзнь подкралась къ нему съ чрезвычайною постепенностью. Можно, конечно, съ точностью указать время, когда его пришлось помѣстить въ больницу, но едва ли можно даже съ приблизительно такою же точностью сказать, когда болѣзнь началась. Быть-можетъ, она давно уже вила себѣ въ немъ гнѣздо, когда мы, близкіе къ нему люди, видѣли въ немъ только человѣка очень нервнаго и очень оригинальнаго.

Вотъ его письмо ко мнѣ отъ 18 февраля 1891 года: „Съ великимъ бы удовольствіемъ поѣлъ я блиновъ, если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство: вчера ко мнѣ пріѣхалъ въ 1 часъ дня д-ръ Шершевскій (кажется, по желанію Манассеина узнать мою болѣзнь), выстукалъ, выслушалъ меня и, словомъ, докопался до самой сути болѣзни (мозгъ!) и началъ правильное лѣченіе. До слѣдующаго воскресенья никакихъ блиновъ не полагается, а въ слѣдующее воскресенье онъ опять пріѣдетъ и обслѣдуетъ меня... (неразборчиво) но буду повиноваться, потому что дѣло мое стало совсѣмъ скверное. Прочитайте прилагаемое письмо и порадуйтесь. Я радъ, что читатель поступилъ со мной строго, и это на меня подѣйствовало благодѣтельно. Остаюсь лишенный блиновъ, печальный Г. У." (Въ письмѣ, о которомъ здѣсь пишетъ Успенскій, какой-то читатель упрекаетъ его за то, что онъ напечаталъ свой разсказъ въ „Недѣлѣ", гдѣ въ то время „осмѣивалъ лучшіе идеалы лучшихъ людей нѣкто, подписавшійся псевдонимомъ „Единица"). Какъ видите, письмо самое обыкновенное, а между тѣмъ врачъ уже опредѣлилъ болѣзнь мозга. Неуравновѣшенность свою Успенскій получилъ, вѣроятно, по наслѣдству, тяжелыя условія жизни создали почву для ея расцвѣта...

Надо однако признать, что условія эти были особенно тяжелы именно для такого человѣка, какъ Успенскій, что многое рисовалось ему въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ, чѣмъ было въ дѣйствительности. Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ я разсказалъ о своей

первой встрѣчѣ съ Успенскимъ въ 1868 г., о той оригинально-убогой обстановкѣ, въ которой я его засталъ, а также о его тогдашней заразительной веселости и обаятельной живости его разсказовъ и вообще его бесѣды. Онъ былъ тогда уже извѣстнымъ писателемъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что молодой человѣкъ, полный надеждъ и силъ, вдобавокъ одинокій — женатъ онъ еще не былъ—и слѣдовательно свободный отъ многихъ заботъ, прекрасно чувствуетъ себя въ фантастически-скудной обстановкѣ и весело смѣется и заражаетъ смѣхомъ окружающихъ. Но вѣдь мы видѣли, какъ мрачны воспоминанія Успенскаго о дѣтствѣ и юношествѣ, какъ одинокъ и безпомощенъ былъ онъ въ средѣ пьянствующихъ талантовъ; знаемъ далѣе, изъ предисловій къ первымъ двумъ изданіямъ его сочиненій, какъ онъ страдалъ отъ необходимости раздирать на клочки и урѣзывать свои произведенія. Все это какъ будто не вяжется съ яркимъ смѣхомъ и веселымъ остроуміемъ. Но дѣло въ томъ, что молодость, конечно, брала свое. Мы не имѣемъ ни права ни основанія не вѣрить настойчивому показанію Успенскаго о пролитыхъ имъ въ дѣтствѣ и юности безпредметныхъ, безотчетныхъ слезахъ, но, разумѣется, немало было въ ту пору и смѣха и веселья, затертыхъ впослѣдствіи въ его воспоминаніяхъ. Да и позже его долго спасалъ неистощимый, казалось, запасъ юмора, отпущенный ему природою. Я сравнилъ бы его съ необыкновенно чувствительнымъ термометромъ, въ которомъ каждое малѣйшее повышеніе или пониженіе температуры немедленно отражается соотвѣтственнымъ повышеніемъ и пониженіемъ уровня ртути. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ поступилъ въ университетъ, для него, какъ и для всѣхъ насъ, тогдашнихъ молодыхъ людей, было много поводовъ для радости и подъема духа. Выколачивая изъ себя „Ивановича“, вырабатывая „собственныя средства“, онъ, благодаря своей впечатлительности, долженъ былъ, конечно, особенно бодро и весело дышать тѣмъ воздухомъ „правды“, который, казалось, составитъ нашу всегдашнюю атмосферу. Если тяжки и оскорбительны были воспоминанія, то надежда сверкала всѣми цвѣтами радуги. Обстоятельства измѣнились, да и въ личной жизни Успенскаго наступали разныя осложненія. Температура еще не разъ поднималась и падала, и колебанія эти отражались на чуткомъ термометрѣ, но въ общемъ веселье, радость, смѣхъ шли на убыль. Временами въ немъ какъ-то вдругъ воскресалъ тотъ жизнерадостный молодой человѣкъ, какимъ я его видѣлъ въ первый разъ, но такъ же вдругъ и погасалъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ его писемъ къ В. М. Соболевскому (редактору „Русскихъ Вѣдомостей“), относящееся въ 1886 году:

„Милый В. М.! Въ четыре часа ночи, по дорогѣ въ Одессу, остановился пароходъ въ Ялтѣ. Есть у меня тутъ два дня хорошихъ воспо-

минаній, и я поѣхалъ на берегъ. Пробѣгалъ часа два въ сумасшедшемъ весельѣ, одинъ. Погода благопріятная, и все славно и хорошо. Купилъ цвѣтовъ, посылаю ихъ вамъ лоскутики (?); плохо я чувствовалъ себя на Кавказѣ,—теперь какъ будто лучше. Давно не имѣю писемъ и съ нетерпѣніемъ жду Одессы. Ахъ, дорогой, милый! Теперь ничего не пишу, кромѣ того, что я радъ. Нашлите цвѣточковъ Михайловскому. Вашъ Г. У.".

Въ запискѣ этой характерны и эта способность къ „сумасшедшему" веселью наединѣ съ природой, и это желаніе сдѣлать и другихъ участниками своей радости. Однажды я тоже получилъ отъ него въ конвертѣ нѣсколько „цвѣточковъ"—съ Кавказа, при чемъ изливались восторги отъ красотъ долины Ріона и рекомендовалось такому-то отдать одинъ изъ „цвѣточковъ", а такому-то дать только „понюхать". Но это жизнерадостное настроеніе посѣщало его все рѣже и рѣже, и даже въ минуты веселья звенѣла въ немъ мрачная струна заботы и тревоги. Но неподражаемымъ мастеромъ разсказовъ и вообще обаятельнымъ собесѣдникомъ онъ оставался всегда. Трудно выразить словами, что̀ именно обаятельнаго было въ его бесѣдѣ. Назвать его человѣкомъ краснорѣчивымъ отнюдь нельзя, искрящагося остроумія у него тоже не было. Случалось, что, увлекаясь какою-нибудь мыслью далеко за предѣлы логической возможности, онъ говорилъ вещи, съ которыми никакимъ образомъ нельзя было согласиться. И тѣмъ не менѣе слушать его было настоящимъ художественнымъ наслажденіемъ, не говоря уже о поучительности его бесѣды, благодаря его всегда оригинальной точкѣ зрѣнія.

Боюсь, что, упоминая о мастерствѣ его разсказовъ, я навожу читателей на параллель съ покойнымъ Горбуновымъ. Ничего подобнаго! И мало того: есть и не профессіональные разсказчики, славящіеся разговорнымъ мастерствомъ, способные десятки разъ буква въ букву, интонація въ интонацію повторить одинъ и тотъ же разсказъ, сказать одну и ту же рѣчь, выразить одну и ту же мысль: Успенскій былъ на это рѣшительно неспособенъ, онъ просто не могъ повторяться. Разница еще въ томъ, что подобные мастера устной бесѣды любятъ красоваться своимъ искусствомъ и говорить въ большомъ обществѣ, Успенскій же развертывался только самъ-другъ или въ средѣ близкихъ, своихъ людей, а въ большомъ и незнакомомъ обществѣ обыкновенно увядалъ. Для него было истиннымъ мученіемъ обращать на себя вниманіе, даже выходить на эстраду на литературныхъ вечерахъ. Я помню уморительную сцену на литературномъ вечерѣ въ Москвѣ, въ домѣ В. А. Морозовой. Зала вмѣщала всего какихъ-нибудь 200—300 человѣкъ, и все это были горячіе поклонники Глѣба Ивановича (вечеръ имѣлъ частный характеръ). Его встрѣтили градомъ аплодисментовъ, а онъ, претерпѣвъ ихъ, раскрылъ книгу и по-

стоялъ нѣсколько секундъ молча, потомъ закрылъ книгу и молча же сошелъ съ эстрады. Или, напримѣръ, вотъ какъ онъ описывалъ мнѣ въ письмѣ изъ Парижа одинъ литературный вечеръ, въ которомъ онъ долженъ былъ, по первоначальному плану, принимать участіе:

«Тутъ былъ литературно-музыкальный вечеръ въ «салонахъ» m-me Вьярдо. Кроткій Николай Степановичъ (Курочкинъ) вдругъ превратился въ льва, когда читалъ свои стихи. Вотъ человѣкъ, который менѣе всего можетъ изобразить на лицѣ своемъ гнѣвъ. А надо было изобразить. Я взглянулъ на него изъ-за двери, когда онъ читалъ,—и ужаснулся. Н. С. ощетинился на общество и кричалъ что-то очень сердито. Тургеневъ прочелъ мой разсказъ «Ходоки», и прочелъ превосходно. Я не присутствовалъ на чтеніи, но присутствовалъ на приготовленіи къ чтенію. Тургеневъ прорепетировалъ этотъ разсказъ разъ 7—8, изучилъ, гдѣ какимъ голосомъ, какъ и что до мельчайшихъ подробностей. Охъ, и фокусники же эти сороковые годы! У m-me Вьярдо голосу нѣтъ, но умѣнье пѣть, дѣйствительно, поражаетъ. Публика была блестящая, и посланникъ Орловъ улыбался Николаю Степановичу благосклонно, когда тотъ проклиналъ въ своихъ стихотвореніяхъ человѣчество.

«—Гдѣ вы были?—въ *необыкновенной* тревогѣ (все это совершалось съ ужасно озабоченнымъ видомъ и съ дѣйствительной тревогой) обратился ко мнѣ Иванъ Сергѣевичъ:—вы имѣли успѣхъ! васъ зоветъ публика! Гдѣ вы пропали? Я васъ хотѣлъ вывести! Вѣдь васъ звала публика! и т. д.

«Вычеркните это! А то княгиня Т. будетъ недовольна!»—«А Мерена можно оставить?»—«О, это оставьте».—Вообще оставляли всякое свинство, а вычеркивали «непріятное».

Надо замѣтить, что большое общество, толпу, Глѣбъ Ивановичъ любилъ, но подъ условіемъ быть самому въ ней незамѣтнымъ, не обращать на себя вниманія. Г-жѣ N. онъ писалъ изъ Перми въ 1884 году: „До чего трудно жить на свѣтѣ, имѣя „извѣстность“,—просто ужасно: слова не добьешься человѣческаго, всѣ говорятъ какъ съ литераторомъ. Чаю нельзя напиться какъ хочется; сѣсть, положивши ноги на столъ, сказать вздоръ—невозможно. Все надо умное, отчего и выходитъ одна глупость“. А съ дороги въ Пермь онъ ей же писалъ: „Не можете ли вы прислать мнѣ въ Пермь до востребованія телеграмму такого содержанія: „Съ П. можете видѣться“, если это возможно... Между Екатеринбургомъ и Тюменью есть одно село въ 7 верстъ, и если мимо этого села идетъ строящаяся желѣзная дорога, то я у П. попросилъ бы только записку къ кому-нибудь изъ служащихъ самаго низшаго разряда, чтобы мнѣ пожить въ этомъ селѣ день, два, три. А то всѣ будутъ пялить глаза“.

Глѣбъ Ивановичъ ошибался, думая, что на него „пялятъ глаза“ и ищутъ общенія съ нимъ только потому, что онъ литераторъ. Конечно, и это было, особенно въ виду его популярности,—мимоходомъ сказать, онъ и этой популярностью временно тяготился, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, и подписывался одно время подъ

своими очерками псевдонимомъ: „Г. Ивановъ“. Онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и людей, не знавшихъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Какъ-то мы ѣхали съ нимъ изъ Москвы—онъ до своего Чудова, я до Петербурга. Въ томъ же вагонѣ ѣхалъ какой-то пожилой офицеръ. Онъ долго прислушивался къ нашему разговору, пересаживался все ближе и ближе, улыбался, и наконецъ не выдержалъ: рѣшительно пересѣлъ рядомъ, вмѣшавшись въ разговоръ какимъ-то замѣчаніемъ. Мы уже подъѣзжали къ Чудову, и незнакомецъ, узнавъ, что Успенскій сойдетъ на этой станціи, спросилъ, гдѣ же онъ тутъ живетъ. Успенскій указалъ въ окно на чуть видную церковь деревни Сябринцы, гдѣ онъ жилъ, а изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что семья его теперь въ Петербургѣ, и онъ будетъ жить нѣкоторое время совсѣмъ одинъ. Это поразило незнакомца, онъ задумался и, когда мы, простившись съ Глѣбомъ Ивановичемъ, поѣхали дальше, въ Петербургъ, сказалъ мнѣ: „Я все думаю: какъ этакій человѣкъ живетъ одинъ... все представляю себя занесенный снѣгомъ домишко, и въ немъ этакій человѣкъ!“ Остальную дорогу мы вяло перекидывались незначительными фразами, и, только прощаясь со мной въ петербургскомъ вокзалѣ, незнакомецъ спросилъ, кто былъ такъ поразившій его случайный сосѣдъ по вагону. При этомъ оказалось, что имя писателя Успенскаго ему незнакомо,—это былъ человѣкъ совершенно чуждый литературѣ. И не одинъ такой случай я знаю, конечно, не всегда съ такимъ концомъ. Случалось, что дорожные спутники (а онъ, какъ сейчасъ увидимъ, постоянно былъ въ разъѣздахъ), какъ-нибудь узнавъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, тѣмъ восторженнѣе и любовнѣе относились къ нему. У насъ, близкихъ къ нему людей, выработалось даже шуточное прозвище для его многочисленныхъ, не дававшихъ ему проходу поклонниковъ и поклонницъ: мы называли ихъ „Глѣбъ-гвардіей“.

Когда Успенскій заболѣлъ, литературный фондъ, не разъ и прежде выручавшій его изъ труднаго положенія, сталъ высылать на его надобности въ больницу, гдѣ онъ находился, извѣстную сумму ежемѣсячно. Сумма эта была очень невелика, но она шла исключительно на нѣкоторыя мелкія личныя нужды покойнаго, на табакъ и т. п. Матеріальныхъ заботъ не онъ главнымъ образомъ требовалъ, а его семья (жена и шестеро малолѣтнихъ дѣтей), оставшаяся съ его болѣзнью безъ всякихъ средствъ. Честь поддержки этой семьи до того момента, когда дѣти станутъ на ноги, взялъ на себя кружокъ друзей. Съ этою цѣлью собранъ былъ изъ единовременныхъ и періодическихъ взносовъ особый „капиталъ семьи Успенскаго“, хранившійся въ литературномъ фондѣ, но совершенно отъ него независимый, при помощи котораго задача и была благополучно выполнена. Первоначально планъ поддержки былъ разсчитанъ на шесть лѣтъ, но приливъ дан-

никовъ любви и уваженія къ Успенскому оказался достаточнымъ, чтобы расширить задачу еще на два года; и трогательно было видѣть въ спискѣ этихъ добровольныхъ данниковъ, рядомъ съ тысячными вкладчиками,—вкладчиковъ грошовыхъ.

Любопытно также отношеніе къ Успенскому врачей, которымъ онъ естественно доставлялъ много безпокойства и непріятностей. Онъ былъ въ трехъ больницахъ: очень недолго у д-ра Фрея въ Петербургѣ, потомъ въ новгородской Колмовской больницѣ, которою завѣдывалъ д-ръ Синани, и наконецъ въ Новознаменской, находившейся подъ управленіемъ д-ра Реформатскаго. Какъ бережно и любовно относился къ нему Б. Н. Синани, это читатель уже видѣлъ и еще увидитъ изъ дневника доктора. А д-ръ Реформатскій, перешедшій изъ Новознаменской больницы на другое мѣсто незадолго до смерти Успенскаго, говорилъ мнѣ, что ему особенно тяжело было разставаться съ Глѣбомъ Ивановичемъ, хотя и трудно приходилось иной разъ съ нимъ ладить.

Любовь, которую Успенскій возбуждалъ во всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, осложнялась съ одной стороны почтеніемъ къ его блестящему таланту и высокимъ нравственнымъ качествамъ, а съ другой—чувствомъ жалости. Людямъ прямолинейнымъ или мало наблюдавшимъ жизнь можетъ показаться неестественнымъ, невозможнымъ такое сочетаніе жалости, предполагающей отношеніе сильнаго къ слабому, здороваго къ больному, старшаго къ младшему, вообще отношеніе сверху внизъ,—съ почтеніемъ, предназначающимъ, наоборотъ, отношеніе снизу вверхъ. Но жизнь много сложнѣе тѣхъ рамокъ, въ которыя ее поневолѣ втискиваетъ наша бѣдная терминологія, и я увѣренъ, что сочетаніе жалости и почтенія знакомо всѣмъ, кто имѣлъ счастіе сколько-нибудь близко знать Успенскаго. Это было счастіе, какъ всякое общеніе съ богатою натурою, и притомъ рѣдкое счастіе, потому что всякая оригинальность есть рѣдкость, а въ Успенскомъ каждый вершокъ былъ оригиналенъ, какъ въ королѣ Лирѣ каждый вершокъ—король. Оригиналенъ былъ ходъ его мысли, оригинальна форма его писаній, оригиналенъ языкъ, письменный и устный, оригинальны его отношенія къ людямъ и весь складъ его жизни.

Почтенія заслуживала въ немъ прежде всего эта неустанная и тяжелая борьба „Глѣба“ съ „Ивановичемъ“ и со всѣмъ, что въ окружающемъ мірѣ родственно послѣднему. Объ этомъ мы уже говорили и еще будемъ говорить. Что же касается жалости, то начать хотя бы съ его полной практической безпомощности и безпорядочности. Онъ былъ большой искусникъ въ теоретическомъ построеніи практическихъ плановъ,—всегда у него было все обдумано до мельчайшихъ подробностей. Онъ и другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, случалось, давалъ

истинно превосходные совѣты, какъ устроить дѣла въ томъ или другомъ отношеніи, но его собственныя дѣла были всегда и во всѣхъ отношеніяхъ плохи, и превосходно обдуманные планы разбивались при самомъ приступѣ къ ихъ исполненію: выходила „ахинея“ и „чепуха“, какъ онъ мнѣ однажды писалъ.

Редакціи журналовъ и газетъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, всегда высоко цѣнили его сотрудничество, сочиненія его издавались не разъ, а между тѣмъ, постоянно работая, онъ постоянно же и нуждался; нуждался всегда, сейчасъ, сію минуту, не думая о будущемъ. Этимъ, конечно, пользовались ловкіе люди, какъ ни старались оберечь его близкіе къ нему. Вотъ, напримѣръ, сохранившаяся въ его бумагахъ записка Некрасова:

„Глѣбъ Ивановичъ, по документамъ вашимъ я убѣдился, что ваши сочиненія могутъ быть выручены отъ Базунова; тоже думаетъ Унковскій. Мы уговорились съ нимъ пересмотрѣть еще вмѣстѣ эти документы, позвать Базунова, устыдить его и взять отъ него записку. Но вотъ въ чемъ дѣло: вы не такъ поняли ту роль, которую я могу взять на себя въ качествѣ издателя: я не желаю *покупать* у васъ ваши сочиненія, я думалъ издать ихъ на свой счетъ, выручить свои деньги и затѣмъ остальной доходъ предоставить автору. Если вамъ это неудобно и вы можете найти для себя условія болѣе подходящія, то не стѣсняйтесь. Деньгами наличными я въ сіе время бѣденъ“.

Очевидно, планъ практическаго, но доброжелательнаго Некрасова былъ выгоденъ для Успенскаго, но результатовъ этого плана пришлось бы ждать, а деньги нужны сію минуту, чтобы заткнуть глотку какому-нибудь ростовщику; и Успенскій предпочелъ остаться въ тискахъ Базунова, можетъ-быть, прибавившаго, благодаря настояніямъ Некрасова и Унковскаго, грошъ къ тѣмъ двумъ грошамъ, за которые онъ купилъ изданіе. Не таковы, разумѣется, были мотивы его позднѣйшихъ издателей, И. М. Сибирякова и Ф. Ѳ. Павленкова. Напротивъ, въ ихъ дѣйствіяхъ, насколько они мнѣ извѣстны, видна даже какая-то излишняя опека и заботливость о будущемъ Успенскаго и его семьи. Но, не говоря уже о томъ, что опека эта своей цѣли не достигла, она была обставлена столь сложно и запутанно, что я никогда не могъ понять ея сути, какъ, впрочемъ, и вообще финансовыхъ плановъ Глѣба Ивановича. Его письма къ редактору-издателю „Русскихъ Вѣдомостей“ переполнены тонко и чрезвычайно точно разработанными планами погашенія авансовъ (за эту тонкость и точность Салтыковъ называлъ его „министромъ финансовъ“), но изъ тѣхъ же писемъ видно, что едва ли хоть одинъ изъ нихъ былъ приведенъ въ исполненіе и не отмѣнялся черезъ короткое время другимъ, столь же обстоятельнымъ и сложнымъ. Съ деньгами онъ вообще совершенно не умѣлъ обращаться и, когда онѣ у него были, швырялъ ихъ во всѣ

стороны совершенно, какъ говорится, зря. Если слова: „презрѣнный металлъ“ имѣли когда-нибудь для кого-нибудь буквальное значеніе, такъ это именно для Успенскаго. Въ старые годы я собиралъ для своихъ дѣтей съ педагогическими цѣлями разныя коллекціи; въ томъ числѣ была коллекція древнихъ и иностранныхъ монетъ. Увидѣвъ ее у меня однажды, Глѣбъ Ивановичъ даже въ ужасъ пришелъ: какъ! деньги дѣтямъ! Онъ полагалъ, что персидскія монеты временъ Сассанидовъ или китайскіе мѣдяки съ дырками по серединѣ, представляющіе собою все-таки „презрѣнный металлъ“, должны дурно повліять на дѣтей...

Безпорядочность и практическая безпомощность ставили иногда Успенскаго въ истинно-трагическія положенія, хотя въ то же время его блестящіе планы выхода изъ затрудненій не могли не производить комическаго эффекта. Тѣмъ болѣе, что его безпорядочность проявлялась не только въ денежныхъ дѣлахъ. Такъ, въ своихъ непрестанныхъ разъѣздахъ онъ то и дѣло забывалъ или терялъ нужныя ему вещи, которыя, впрочемъ, тутъ же оказывались, пожалуй, и совсѣмъ ненужными. Проживъ однажды съ мѣсяцъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кисловодскѣ, я получилъ потомъ письмо, въ которомъ было, между прочимъ, слѣдующее: „Одѣяло осталось мое,—прошу М. П. взять его къ себѣ, и когда поѣдетъ, то пусть возьметъ или просто подаритъ старику (дворнику). А вотъ папиросникъ я забылъ, кажется, въ жестяной коробкѣ. Его вы ужъ возьмите, пожалуйста, и пусть онъ будетъ у васъ“. Забывъ въ квартирѣ В. М. Соболевскаго бумажникъ, онъ пишетъ: „Бумажникъ мой не бросайте на столѣ, тамъ есть разные секретцы,—нехорошо, если кто прочитаетъ“. Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ его багажомъ приключилась разъ какая-то очень сложная исторія, изъ которой онъ выпутывался въ письмѣ къ В. Г. Короленкѣ такъ: „Сегодня послалъ я вамъ довѣренность на полученіе моего хоботья, но, кажется, перевралъ адресъ. Написалъ: Больничная, д. *Пенской*, а надобно, кажется, Панковой. Посылаю это письмо наудачу, безъ всякаго адреса, а просто въ Нижній вамъ. Хоботье мое пусть лежитъ у васъ столько, сколько оно захочетъ“.

Все это смѣшно, но надо помнить, что все это продѣлывалъ вѣчно трепещущій, мучащійся и возвышенно настроенный человѣкъ.

Чтобы оцѣнить, во что обходилась Успенскому его внутренняя жизнь, надо принять въ соображеніе его „обнаженные нервы“.—я не знаю никого, къ кому это, изобрѣтенное кѣмъ-то изъ нашихъ ломающихся декадентовъ выраженіе такъ подходило бы. Одно изъ самыхъ раннихъ его писемъ къ женѣ (1868 г.) содержитъ въ себѣ, вперемежку съ разными ласковыми словами, такія сообщенія и восклицанія: „Вдругъ сію минуту (11 часовъ ночи) хлынулъ страшный дождь, до ужаса страшный, просто ужасъ, ужасъ. Я боюсь тушить свѣчу...

Молнія! Смерть моя, и громъ. Ужасъ. Ей-Богу, я умру!“ Онъ боялся собакъ, лошадей, крутыхъ спусковъ съ горъ, во время купанья кричалъ, входя въ воду, и т. п. Обобщить все это простымъ словомъ „трусость“ однако нельзя. Во-первыхъ, онъ боялся не только за себя. Ѣздить съ нимъ на извозчикѣ бывало иногда истиннымъ мученьемъ. пополамъ со смѣхомъ. Опасности чудились ему постоянно, и не только для себя, но и для другихъ: ѣдущій впереди сѣдокъ, пересѣкающій конку въ добрыхъ трехъ саженяхъ отъ нея, приводилъ его въ волненіе: сейчасъ попадетъ подъ конку! Затѣмъ, въ немъ проявлялись иногда черты, которыя ужъ никакъ не мирятся съ трусостью. Одинъ нашъ общій пріятель разсказывалъ мнѣ, какъ однажды въ Парижѣ. на его глазахъ и отчасти изъ-за него, разгнѣванный грубостью полицейскаго сержанта, Глѣбъ Ивановичъ схватилъ его за шиворотъ и уже замахнулся палкой; исторія кончилась благополучно, благодаря вмѣшательству стоявшихъ поблизости французовъ, узнавшихъ, что сержантъ имѣетъ дѣло съ иностранцами. Обыкновенно деликатный и кроткій („зачѣмъ я буду будить въ человѣкѣ свинью?“—говорилъ онъ въ объясненіе своей, даже чрезмѣрной деликатности), — онъ иногда способенъ былъ на рѣзкія вспышки, въ которыхъ потомъ всегда каялся. Однажды онъ буквально выгналъ отъ себя нѣкоего г. П., въ которомъ свинья проснулась уже слишкомъ явственно. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ писалъ мнѣ: „Кажется, я окончательно скоро исчезну съ лица земли. Цѣлые дни не могу встать съ постели. Оттого и къ вамъ не иду. П. прислалъ мнѣ письмо, но я его не читалъ. Я такъ боленъ, что боюсь, если онъ меня огорчитъ,—совсѣмъ не буду въ состояніи работать“. Рѣшившись наконецъ распечатать письмо, онъ остался доволенъ его содержаніемъ, и дѣло кончилось миромъ. Вообще въ примѣненіи къ нему мудрено говорить о трусости или смѣлости. Все дѣло было въ обнаженныхъ нервахъ, которые разно, въ ту или другую сторону, но всегда сильно реагировали на впечатлѣнія.

VII.

Послѣ закрытія въ 1884 году „Отечественныхъ Записокъ“ я нѣкоторое время не работалъ для печати, — никуда не тянуло. Глѣбъ Ивановичъ очень сѣтовалъ на меня за это. Однажды, въ отвѣтъ на его упреки, я сказалъ: „я готовлю большой, многотомный трудъ и скоро напечатаю“. Онъ очень обрадовался: „Ну вотъ, это превосходно! а о чемъ?“—„Есть, видите ли, „анекдоты о Суворовѣ“, „анекдоты о Петрѣ Великомъ“ и т. п., а я хочу написать „анекдоты о Глѣбѣ Успенскомъ“... Глѣбъ Ивановичъ огорчился...

Разумѣется, я шутилъ и никакихъ „анекдотовъ о Глѣбѣ Успенскомъ“ писать не собирался. Но такое произведеніе, хоть и не много-

томное, вполнѣ возможно и представило бы немалый интересъ. Для пониманія людей, въ такой мѣрѣ оригинальныхъ, какъ Успенскій, анекдотъ есть очень важное подспорье, и я приведу здѣсь кое-что изъ запаса своей памяти.

Начну со случая, свидѣтелемъ котораго самъ я не былъ. Разсказалъ мнѣ его участникъ происшествія, нынѣ также уже покойный, Н. В. Максимовъ, и Глѣбъ Ивановичъ конфузливо подтвердилъ вѣрность разсказа. И поистинѣ было чего конфузиться... Нѣкто, скажемъ Z, сошелъ съ ума. Помѣшался онъ на томъ, что онъ сынъ и наслѣдникъ, помнится, шведскаго короля и долженъ получить откуда-то милліонъ. Пришлось наконецъ отправить его въ больницу. И вотъ, подъ предлогомъ, что ему предстоитъ получить сейчасъ шведскіе милліоны, его посадили въ карету въ сопровожденіи Успенскаго и Максимова. Дорогой Z. оживленно развивалъ свой пунктикъ и строилъ разные великолѣпные планы. Успенскій слушалъ, слушалъ—и наконецъ не выдержалъ неправды, которую долженъ былъ поддерживать. „Господинъ Z.! — взволнованно сказалъ онъ: — васъ совсѣмъ не за наслѣдствомъ везутъ, а въ сумасшедшій домъ...“ Можно себѣ представить, что послѣ этого не легко было доставить больного въ больницу...

Нѣчто подобное было на моихъ глазахъ въ одномъ частномъ домѣ, во время опытовъ извѣстнаго гипнотизера Фельдмана. Г. Фельдманъ привезъ съ собой молодого человѣка, чрезвычайно легко поддававшагося его внушеніямъ, но никому въ собравшемся обществѣ неизвѣстнаго. Это обстоятельство вызывало нѣкоторое недовѣріе къ блестящему успѣху опытовъ. Въ числѣ присутствующихъ оказался студентъ, не разъ подвергавшійся гипнозу, и его стали просить принять участіе въ опытахъ. Онъ долго отказывался, но наконецъ согласился, подъ условіемъ однако, чтобы надъ нимъ были произведены самые элементарные опыты и держали его въ состояніи гипноза недолго. Ему это было обѣщано, но обѣщаніе не было исполнено. Г. Фельдмана соблазнила мысль составить изъ него и молодого человѣка, привезеннаго имъ съ собой, группу. И мы присутствовали при воспроизведеніи сказанія о Грозномъ царѣ и посланцѣ Курбскаго, Шибановѣ, затѣмъ при совмѣстной борьбѣ обоихъ молодыхъ людей съ какими-то дикими звѣрями въ Индіи. Объ участіи студента въ этихъ представленіяхъ рѣшено было отъ него скрыть. Но, по окончаніи опытовъ, Глѣбъ Ивановичъ, слѣдившій за ними съ большимъ волненіемъ и видимо непріязненно относившійся къ гипнотизеру, опять-таки не выдержалъ и открылъ студенту истину. Произошло непріятное объясненіе...

Какъ-то лѣтомъ мы съ Успенскимъ отправились прокатиться по Невѣ на пароходѣ. Погода была чудесная, и мы порѣшили пообѣдать

на Крестовскомъ островѣ и тѣмъ же путемъ вернуться въ городъ. Но, не доѣзжая до Крестовскаго, я вдругъ почувствовалъ себя дурно, со мной случился сердечный припадокъ, и я попросилъ Глѣба Ивановича выйти на ближайшей пристани, гдѣ и прилегъ на землю. Стоя надо мной и съ ужасомъ глядя на мое, вѣроятно, очень поблѣднѣвшее и вообще сильно измѣнившееся лицо, Успенскій вдругъ сказалъ: „Н. К.! вы умрете!“ Это было такъ неожиданно, что, несмотря на мучительную боль, я не могъ не улыбнуться. Припадокъ продолжался нѣсколько минутъ, и мы на слѣдующемъ же пароходѣ доѣхали до Крестовскаго, весело пообѣдали и благополучно вернулись домой. Но, будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ мнительный, ему было бы, надо думать, не весело...

Всѣ три расказанныхъ случая произошли не помню въ точности когда именно, но во всякомъ случаѣ задолго до болѣзни Глѣба Ивановича. Все это продѣлывалъ обыкновенный, здоровый, нормальный Успенскій. Теоретически онъ, конечно, не хуже каждаго изъ насъ понималъ, что по малой мѣрѣ неудобно такъ-таки прямо въ лицо говорить больному человѣку, что онъ сейчасъ умретъ, или сумасшедшему, что его везутъ не туда, куда онъ согласился и хочетъ ѣхать, а въ больницу для душевнобольныхъ. Если бы онъ зналъ, что не выдержитъ принятой на себя относительно Z. роли, онъ и не поѣхалъ бы его провожать. Но, соглашаясь принять участіе въ невинномъ и необходимомъ обманѣ несчастнаго Z., онъ не предвидѣлъ того впечатлѣнія, которое произведетъ эта поѣздка на него самого. А впечатлѣніе было таково: несчастнаго, больного человѣка обманываютъ, обманомъ везутъ въ печальное, мрачное мѣсто, можетъ-быть, вѣчнаго заключенія. И впечатлѣніе это было столь сильно, что заглушило всѣ соображенія, кромѣ одного: надо открыть этому человѣку глаза, надо сказать ему правду. То же и относительно загипнотизированнаго студента, котораго не только обманули, но надъ которымъ, по мнѣнію Успенскаго, произвели еще оскорбительное издѣвательство. Но, говоря: *надо* сказать правду, *надо* открыть глаза,—я выражаюсь неточно. Слово: *надо* предполагаетъ нѣкоторый дѣятельный, хотя бы и очень короткій процессъ логическаго разсужденія, окончившійся опредѣленнымъ рѣшеніемъ. Въ дѣйствительности же правда въ обоихъ этихъ эпизодахъ сказалась сама собой, неожиданно для самого Успенскаго, какъ своего рода рефлексъ. Это особенно ясно въ случаѣ съ моимъ припадкомъ. Глѣбъ Ивановичъ ошибся въ оцѣнкѣ моего состоянія, но въ данную минуту моя близкая смерть была для него несомнѣнной истиной, и эта истина *выскочила* изъ него безъ всякой мысли о томъ, какъ подѣйствуетъ она на меня.

Какъ и всѣмъ намъ, живущимъ въ сложной сѣти условностей, Успенскому приходилось, конечно, не разъ и не два таить правду про

себя или же прямо говорить неправду. Но это всегда его мучило. Я не разъ слышалъ отъ него и горькія и гнѣвныя сѣтованія по поводу той или другой житейской подробности этого рода. А когда что-нибудь производило на него особенно сильное впечатлѣніе, правда рвалась изъ него съ неудержимою силою, помимо всякихъ стороннихъ соображеній, всякихъ условностей; онъ органически не могъ удержать ее въ себѣ. Но и это сопровождалось подчасъ жестокой мукой. Если въ разсказанныхъ мною анекдотахъ онъ доставилъ или могъ доставить ненужныя страданія другимъ, то и самъ въ то же время страдалъ за этого несчастнаго больного, за этого обманутаго студента, за этого якобы умирающаго пріятеля, и, можетъ-быть, сильнѣе, чѣмъ они сами. Это дѣлало его человѣкомъ не отъ міра сего, совершенно неприспособленнымъ къ практической жизни, и отчасти предопредѣлило его мрачный конецъ. Но это же его свойство сообщаетъ исключительную цѣнность его писаніямъ. Онъ не то что *не хотѣлъ* написать неправду,—это слишкомъ мало,—онъ *не могъ*, органически, по кореннымъ свойствамъ своей природы не могъ написать ее.

Успенскаго часто называли и называютъ тенденціознымъ писателемъ, разумѣя подъ тенденціозностью сознательную подгонку явленій жизни подъ требованія той или другой доктрины. Ничего не можетъ быть нелѣпѣе этого эпитета въ приложеніи къ Успенскому. Никакая доктрина, никакая теорія не могла его связать предъ лицомъ правды. Оттого-то его очерки и являлись такъ часто неожиданными для разныхъ закоренѣлыхъ доктринеровъ. Въ своей автобіографической запискѣ онъ говоритъ о той брани, которою были встрѣчены его первые очерки деревенской жизни. „Тогда меня ругали за то,—пишетъ онъ:—что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи“. На него тогда накинулись прямолинейные доктринеры народничества, не оцѣнившіе той боли сердца, съ которою онъ писалъ, и не понявшіе условности его выводовъ. Они даже какъ будто съ ужасомъ восклицали: „До чего договорился Глѣбъ Успенскій!“ Затѣмъ онъ нашелъ во „власти земли“, какъ онъ выражается, „источникъ всей неразумной механики народной жизни“. И опять прямолинейные доктринеры, на этотъ разъ марксизма,—правда, нѣсколько позже, когда Успенскій былъ уже боленъ и не могъ постоять за себя,—не оцѣнили его страстной жажды „правды“ и не поняли условности его выводовъ. Въ его изображеніи „земледѣльческихъ идеаловъ“ они нашли „чудовищныя тирады“, „непостижимый бредъ“, апоѳеозъ „крѣпостничества“...

Внимательный читатель—а Успенскаго надо читать внимательно—безъ большого труда выяснитъ себѣ изъ самыхъ его произведеній всю грубость этихъ ошибокъ. Но мы подойдемъ къ этому выясненію ниже

попутно,—путемъ пересмотра писемъ Успенскаго къ разнымъ лицамъ, предоставившимъ ихъ въ мое пользованіе, за что я приношу имъ искреннюю благодарность.

Прежде всего бросается въ глаза, если можно такъ выразиться, географическая пестрота этой, въ цѣломъ, обширной корреспонденціи. Письма писаны изъ Петербурга, Константинополя, Перми, Козлова, Одессы, „мызы Лядно", Казани, Софіи, Москвы, Ялты, Рязани, Чудова, Кисловодска, Воронежа, Нижняго-Новгорода, Новороссійска, Калуги, Парижа, Ростова, Липецка, на „самолетскомъ пароходѣ „Сильфида". И только случайно имѣющіяся у меня письма ограничиваются этими мѣстами: могли быть еще изъ Самары и Лондона, изъ Томска и Бѣлграда. (Я не нашелъ въ своемъ собственномъ собраніи нѣсколькихъ писемъ, содержаніе и даже нѣкоторыя характерныя выраженія которыхъ хорошо помню). Надо замѣтить, что многія письма не помѣчены ни мѣстами ни временемъ отправленія, но о мѣстѣ можно узнать изъ содержанія письма, а о времени часто приходится только догадываться по разнымъ стороннимъ соображеніямъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нелегко оріентироваться въ корреспонденціи. Затрудненіе это было бы еще значительнѣе, если бы я думалъ писать біографію Успенскаго. Но я не берусь за эту задачу и даже, по обстоятельствамъ, и изъ писемъ-то не разсчитываю извлечь все для такой біографіи важное.

Уже изъ простого перечисленія мѣста, откуда писались письма Успенскаго, видно, что ему почему-то не сидѣлось на мѣстѣ. И эта непосѣдливость, это вѣчное стремленіе куда-то все въ новыя и новыя мѣста въ высокой степени интересна.

Онъ писалъ мнѣ изъ Парижа: „Господи, что за ахинея идетъ въ моей жизни, что за чепуха! Я пять лѣтъ стремился поѣздить по Дону и пробраться въ Соловецкій, а мнѣ надо сидѣть въ Парижѣ! Нечего сказать, по моимъ вкусамъ устроилось все!" Письмо, изъ котораго я беру эти строки, относится еще къ серединѣ 70-хъ годовъ, а чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе тянуло Успенскаго съ мѣста на мѣсто, Но почему „надо" жить въ Парижѣ, когда хочется поѣздить по Дону и побывать въ Соловецкомъ?

В. М. Соболевскому онъ писалъ откуда-то изъ-подъ Одессы: „Какъ бы хорошо было тутъ около Одессы,—славно въ этихъ мѣстахъ пожить мѣсяцъ! Сколько ужасно интереснаго: менониты, колонисты, нѣмцы, штундисты, казаки! Все это до чрезвычайности ново, любопытно. Я чуть-чуть видѣлъ и говорилъ, а повѣрите ли, не разстался бы съ здѣшними мѣстами: такъ много въ каждомъ уголкѣ своего—вѣры, порядковъ, взглядовъ, общественныхъ отношеній, типовъ и т. д. Но надо ѣхать въ Ростовъ, потомъ во Владикавказъ и тамъ утвердиться на 1 мѣсяцъ, а затѣмъ домой... Я не печалюсь, хо-

рошо себя чувствую, покойно, и много для меня чрезвычайно новаго. Ахъ, сколько новаго на Руси! Не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально,—интереснѣй думать о томъ, какъ живутъ люди. Я всегда исцѣляюсь этимъ".

Опять *надо* ѣхать въ Ростовъ, когда хочется пожить около Одессы. Почему *надо?*

Вотъ двѣ его записки ко мнѣ: „Можете представить—пріѣхалъ въ Петербургъ въ 10 часовъ ночи, переночевалъ, а на другой день въ 2 часа уѣхалъ опять домой, никого и ничего не видя! Вотъ въ какомъ я убійственномъ душевномъ состояніи. Не знаю, что̀ и дѣлать, ей-Богу". (Безъ даты). „Былъ на нѣсколько часовъ въ Петербургѣ, и тамъ меня осѣнила такая ужасная тоска вдругъ, какъ обухомъ пришибла, что я не рѣшился зайти къ вамъ, просто боялся омрачить васъ, и тотчасъ опять уѣхалъ въ Чудово за работу. Страшновато что-то мнѣ по временамъ". (Помѣчено 31 августа 1888 г.).

Вотъ отрывки изъ писемъ къ В. М. Соболевскому: 1) «Ѣхать мнѣ оказывается опять дѣломъ невозможнымъ—нѣтъ денегъ. Хотѣлъ я опять сѣсть за работу и написать послѣдній большой очеркъ «Концовъ», но положительно заѣло меня глубокое горе. Всѣ дѣла только-что кончились въ Петербургѣ, только-что я выбрался изъ этого кипучаго котла со свадьбами, и шахами, и смрадомъ, и оказывается, что мнѣ нѣтъ возможности никуда поѣхать. Писать я положительно не въ состояніи. Вѣдь нынѣшній годъ истиранилъ меня, и истиранилъ на много лѣтъ. Уѣхать надобно... Да надо и работать. Сидѣть въ этомъ смертельно надоѣвшемъ Чудовѣ или въ литературныхъ петербургскихъ кружкахъ... — положительно мнѣ невмоготу. Мнѣ надобно вновь внимательно видѣть жизнь... Мих. на-дняхъ будетъ въ Москвѣ, Кр. уѣхалъ въ Сибирь, Яр. въ Парижъ, — я только обреченъ изсыхать въ обстановкѣ, которая только меня пугаетъ, и самъ долженъ производить на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе... Если бы можно было числа до 10 (и то ужасно долго) получить 300 р., я бы немедленно уѣхалъ въ Череповецъ, гдѣ меня ждутъ, чтобы разсказать всю исторію закрытія земства... Если бы это можно было сдѣлать... я прямо изъ Петербурга, не заѣзжая въ Чудово, прямо сѣлъ бы на шлиссельбургскій пароходъ». (Безъ даты).—2) «Не знаю, куда мнѣ ѣхать: за границу или въ Сибирь къ переселенцамъ и съ переселенцами? А такъ «отдыхать» зря—не могу, тоска смертная. Въ Сибирь любопытно, но мрачно, чортова яма, холодъ, и вообще я поусталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотрѣть, и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомилась. А за границу тоже не знаю, будетъ ли толкъ». (Помѣчено 17 мая 1888 г.).—3) «Главное, что я необыкновенно утомленъ духомъ моимъ. Видите, какъ плетусь? Только въ Казани, но это потому, что усталъ ужасно: въ Нижнемъ два дня не могъ встать съ постели. Можетъ-быть, и хорошо это. Теперь въ Казани я уже могъ сѣсть за работу, а завтра, 9-го, ѣду въ Пермь. Меня пока беретъ раздумье—ѣхать ли туда? Соблазнительнѣйшія вещи прочиталъ я сегодня въ газетахъ о Семеновскомъ уѣздѣ, и меня туда тянетъ неумолимо. Эта поѣздка была бы мнѣ по душѣ болѣе, чѣмъ въ чортову Сибирь. До чего-нибудь рѣши-

тельнаго я долженъ непремѣнно додуматься въ самомъ скоромъ времени и завтра долженъ рѣшить: куда я ѣду?..» (Безъ даты).

О мотивахъ поѣздки въ Череповецъ, о которой упоминается въ первомъ изъ этихъ трехъ отрывковъ, есть еще иносказательное упоминаніе въ одномъ изъ писемъ къ М. И. Петрункевичу,—очень для Успенскаго характерномъ вообще: „Надобно мнѣ хоть немного побыть съ людьми, и вотъ о чемъ я прошу васъ, милый М. И.: у васъ въ Твери несомнѣнно много такихъ знакомыхъ чиновъ и „членовъ", которые обязаны *разъѣзжать* по губер. суд. слѣд., статистики, податн. инспект., чинов. крестьян. банка. Не согласится ли кто-нибудь въ которую-нибудь (хоть на 3 — 4 дня) поѣздку? Писать я ничего не буду, но, во-первыхъ, буду съ людьми,—это мнѣ нужно, а во-вторыхъ, у меня лично нѣтъ причинъ и основаній забраться въ деревню: кого я тамъ увижу и какъ отвѣчу, зачѣмъ пріѣхалъ? Теперь я ѣду въ Череповецъ съ археологическою цѣлью „раскопки" того кургана, подъ которымъ схороненъ трупъ Черепов. зем. съ боевыми доспѣхами. Тутъ меня зовутъ, разскажутъ и дадутъ документы по этому дѣлу,—но я долго тамъ быть не могу... и такимъ образомъ къ 1-му, даже двумя-тремя днями раньше—я буду уже въ Рыбинскѣ. Въ моемъ распоряженіи еще весь іюль—и вотъ этотъ-то мѣсяцъ я бы хотѣлъ пошляться *съ кѣмъ-нибудь* и при комъ-нибудь... поѣхать въ какія-нибудь мѣста Тв. губ. (рѣшительно все равно, хотя съ суд. слѣд., я бы поѣхалъ съ особ. удов.). Извѣстите меня коротенькой записочкой въ Рыбинскъ до востребованія, такъ, чтобы, пріѣхавъ изъ Череповца, я зналъ свою участь. Ни малѣйшаго отъ меня безпокойства тому, кто будетъ непрочь взять меня въ свою телѣгу, не будетъ; я охотно приму обязанности писаря".

А вотъ отрывокъ изъ письма къ г-жѣ N., объясняющій, какъ и чѣмъ кончилась, можетъ-быть, эта самая поѣздка (годъ на письмѣ не показанъ):

Чудово. 10 іюля. Дорогая N.! Вотъ гдѣ я очутился вмѣсто Сибири-то! И вышло это такъ: въ Перми я занимался моими книгами и чувствовалъ нѣкоторую скуку, но одинъ эпизодъ заставилъ меня призадуматься, какъ говорится, крѣпко. Какъ-то утромъ слышу я какой-то отдаленный звукъ, будто бубенчики звенятъ или, какъ въ Ленкорани, караванъ идетъ съ колокольчиками, далеко-далеко. Дальше, больше. Выглянулъ въ окно (окно у меня было въ 1-мъ этажѣ), гляжу — изъ подъ горы идетъ сѣрая, безконечная масса арестантовъ. Скоро всѣ они поровнялись съ моимъ окномъ, и я полчаса стоялъ и смотрѣлъ на эту закованную толпу: все знакомыя лица, и мужики, и господа, и воры, и политическіе, и бабы, и все, все наше, изъ нутра русской земли,—человѣкъ не менѣе 1.500,—все это валило въ Сибирь изъ этой Россіи. И меня такъ потянуло вслѣдъ за ними, какъ никогда въ жизни не тянуло ни въ Парижъ, ни на Кавказъ, ни въ какія бы то ни было мѣста, гдѣ виды хороши, а нравы еще того превосходнѣй. Вѣдь эти люди—отборный продуктъ тѣхъ русскихъ условій жизни, той

путаницы, тоски, мертвечины, трусости или отчаянной смѣлости, среди которыхъ живемъ мы, не сосланные, томимся, скучаемъ, мучимся: пьемъ чай съ вареньемъ отъ скуки, времъ и лжемъ, и опять мучимся: всѣ *эти*, отъ воровъ до политическихъ, *не выдержали* этой жизни, ихъ тащатъ въ новыя мѣста. И мнѣ *охотой*, а не на цѣпи захотѣлось необузданно идти на новыя мѣста, мнѣ также не подходитъ «жить» (а не бороться) съ людьми, съ которыми (и которымъ) приходится много лгать, безплодно, безцѣльно, и изживать русскій теперешній вѣкъ—безцвѣтно, неинтересно, безвкусно и неумно... Въ Екатеринбургѣ меня еще больше одолѣла жажда ѣхать дальше на новыя мѣста. Отчего переселяются только мужики, а интеллигенцію тащатъ на цѣпи? И намъ надо бросать добровольно запутанныя, тяжкія, ненужныя отношенія, хотя бы они и были старыя привычныя, и искать и мѣстъ и людей, съ которыми можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй. И тутъ-то вотъ я и остановился: такъ много на меня пахнуло новаго и свѣтлаго, что я совершенно сталъ забывать мою работу, которую думалъ дѣлать въ дорогѣ; она мнѣ стала казаться ненужной, а между тѣмъ не работать было нельзя, — надо устраивать сына въ гимназію, платить плотникамъ (они перестроили домъ отлично) и т. д. А писать мое *старое* тамъ тоже нельзя; и вотъ я рѣшилъ воротиться тотчасъ домой, устроить семью на всю зиму, покончить съ писаніемъ, изданіемъ и т. д. и въ августѣ, послѣ 15, а можетъ, и раньше, уѣхать въ Сибирь до весны».

Психологическая подкладка постоянныхъ разсказовъ Успенскаго, я думаю, уже нѣсколько выясняется этими письмами. Мы видѣли: ему тяжело „жить съ людьми, съ которыми и которымъ *приходится много лгать*“ и „*надо* бросать добровольно запутанныя, тяжкія, ненужныя отношенія, хотя бы они были и старыя привычныя, и искать и мѣстъ и людей, съ которыми можно *чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй*“. И еще: „не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально,—интереснѣй думать о томъ, какъ живутъ люди, *я всегда исцѣляюсь этимъ*“. И вотъ почему его манитъ на Донъ, въ Соловецкій, къ новороссійскимъ менонитамъ, колонистамъ и проч., въ Череповецъ, гдѣ онъ разсчитываетъ лично узнать обстоятельства, при которыхъ произошло закрытіе земства, въ Семеновскій уѣздъ, о которомъ онъ по дорогѣ узналъ „соблазнительнѣйшія вещи“, къ переселенцамъ,—вообще на „новыя мѣста“, и въ Парижъ, и въ Сибирь, и въ Болгарію, и въ Лондонъ, и въ Сербію. И вотъ почему онъ часто, уже двинувшись изъ своего Чудова, не зналъ — куда ѣхать? Глаза разбѣгались...

Но въ этомъ безбрежномъ житейскомъ морѣ была маленькая горсточка людей, которая требовала особеннаго его вниманія, передъ которою онъ до болѣзненности чувствовалъ свою отвѣтственность: семья. Его категорическій императивъ—„*надо*“, такъ часто, къ его великому горю, разрѣшавшійся „ахинеей“ и „чепухой“, но никогда въ немъ не замолкавшій, въ значительной степени обусловливался его отношеніемъ къ женѣ и дѣтямъ. Случаи, когда категорическій

императивъ, вытекая изъ другихъ источниковъ, враждебно сталкивался съ тѣмъ, что *надо* ради семьи, доставляли ему величайшія мученія. Необыкновенно трогательны его письма изъ Парижа о сынѣ-первенцѣ. „Я думаю,—писалъ онъ мнѣ:—написать разсказъ „Царь въ дому“—ребенокъ. Это народное выраженіе о первомъ ребенкѣ, и дѣйствительно, только эту власть я и согласенъ признавать за законную“. Его письма этого времени переполнены подробностями о томъ, какъ Саша начинаетъ ходить, говорить и т. п. И никогда не забуду той дѣтски-счастливой улыбки, съ которой онъ, по возвращеніи изъ Парижа, показывая мнѣ фотографическую карточку мальчика, самъ любовался на нее. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ онъ просилъ меня: „Пожалуйста, заѣзжайте на Святой недѣлѣ въ Чудово. Пріѣзжайте туда со всѣми вашими гостями, не покидайте ихъ, и ребятъ привозите. Нельзя же ихъ покидать. Я буду знать, что у насъ дома все-таки праздникъ, и мнѣ будетъ легче на душѣ...“

Но, по другимъ соображеніямъ или мотивамъ, все-таки *надо* ѣхать, ѣхать и опять ѣхать, иной разъ даже не зная куда. Надо искать мѣсто, гдѣ можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй, надо исцѣляться интересомъ къ тому, какъ живутъ люди. Онъ очень дорожилъ этимъ цѣлительнымъ средствомъ и очень боялся, чтобы оно не утратило для него своихъ цѣлебныхъ свойствъ. „Я, кажется, уже при усиліи теперь не могу возстановить въ себѣ потребности быть внимательнымъ къ людямъ, а это была потребность“, — писалъ онъ мнѣ однажды. Но это были напрасныя опасенія. „Потребность быть внимательнымъ къ людямъ“ никогда въ немъ не угасала, и въ томъ же письмѣ есть слѣдующія характерныя строки: „Очень, очень плохо у меня на душѣ съ самаго перваго дня выѣзда изъ Чудова, и вотъ отчего мнѣ нечего вамъ написать. С—у, впрочемъ, я пишу, что мнѣ хорошо, но это единственно чтобы ободрить его, что есть кому-то хорошо на свѣтѣ, такъ какъ ему-то уже что-то очень томно и скучно. И А. В. я пишу иногда въ томъ же родѣ“.

Характерны здѣсь эти высшія степени вниманія къ людямъ — бережное къ нимъ отношеніе, желаніе устранить поводы для горькихъ мыслей. Чужое горе, чужую бѣду Глѣбъ Ивановичъ всегда принималъ близко къ сердцу.

Вскорѣ послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ гнѣвно и вмѣстѣ трогательно писалъ мнѣ по поводу одного литературнаго эпизода, которому я вовсе и не думалъ придавать значеніе: „Я прочиталъ фельетонъ Б... Начинается нѣчто глубоко-подлое. Если принять къ сердцу, то надо бить... по щекѣ. Но избави Господи, если вы примете къ сердцу эти хитрые замыслы вовлечь васъ въ бѣду; какая-то шайка образовалась разбойничья. Совершенно прекратить съ ней всякіе разговоры,—самое лучшее и единственное. Я не хотѣлъ

васъ огорчать и не писалъ вамъ объ этомъ фельетонѣ, но если вы его не прочитаете и будете отвѣчать хотя бы С... какъ все-таки человѣку... то будетъ просто Богъ знаетъ что, и васъ разстроитъ до невозможности. Необходимо просто уйти, плюнувъ имъ всѣмъ въ рыло особой статьей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и разъ навсегда... Это вольные казаки, разбойники, шайка—однимъ словомъ. Никакой тутъ литературы нѣтъ. Такъ именно и надо сказать, что это не писатели. Прочитать надо, но не надо огорчаться; начинается чортово, омутовое дѣло, шабашъ вѣдьмъ.—не ходите туда: надо дунуть и плюнуть, и пусть они безобразничаютъ какъ угодно. Не огорчайтесь же, дорогой Н. К.“

Въ октябрѣ 1886 г., когда я, участвуя въ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“, ждалъ отъ него изъ Чудова обѣщанной рукописи, я получилъ вмѣсто нея письмо изъ Рязани: „Нежданно-негаданно пришлось бросить работу и уѣхать по одному дѣлу. Ужъ, стало-быть, что-нибудь есть, больше я не знаю что сказать, и до моего возвращенія о моемъ отъѣздѣ не говорите никому и *никого* (буквально) не спрашивайте. Я глубоко огорченъ, что надулъ „Сѣв. Вѣстникъ“, но я искуплю въ ноябрѣ и декабрѣ. Не было возможности даже зайти къ вамъ. Пишу въ вокзалѣ въ Москвѣ, черезъ часъ ѣду дальше. Итакъ, знайте, пожалуйста, что если бы не серьезное дѣло, я бы не бросилъ работы и всѣхъ своихъ дѣлъ“. Потомъ я узналъ секретъ этой неожиданной поѣздки: Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ за тысячу верстъ для улаженія недоразумѣній, возникшихъ въ семьѣ одного нынѣ уже умершаго, горячо любимаго имъ пріятеля.

Около этого же времени, нѣсколько раньше, онъ писалъ мнѣ изъ Новороссійска:

„Я хочу сказать о N. Бываетъ ли она... И допустите ли вы, чтобы она познакомилась съ... Я бы не допустилъ, и, пожалуйста, не допустите этого. Вамъ пришлю кой-какія письма Z., и вы увидите, что это самая канальская и пустопорожная душа. NN. я не знаю, но думаю, что и въ ней кой-что есть такое, что имѣетъ не безпорочное зачатіе. Такъ вотъ, какъ эта капелла прицѣпится къ N., да втянетъ ее въ свой бабій танецъ, то это будетъ худо. Я право не знаю, но какъ только... такъ мнѣ стало страшно за N. Я писалъ ей, чтобы она боялась ласковыхъ словъ... Работать работай и не покидай насъ, но что касается ежели барыни задумаютъ впутать ее въ лянтрикъ (l'intrigue), такъ чтобы лупила ихъ наотмашь“.

И дѣйствительно, онъ написалъ по этому поводу г-жѣ N.: „Боюсь я этихъ проклятыхъ бабъ: очень онѣ ехидны, плутоваты очень бабы и безконечно опытны только въ одномъ ехидствѣ, плутоватости, подвохахъ, пронырствахъ и всякихъ ядовитыхъ каракуляхъ, вращающихся около амура, и только амура, въ которомъ къ тому же никто

изъ нихъ ничего не смыслитъ и внѣ котораго однако для нихъ нѣтъ ровно ничего святого и даже любопытнаго. Чортъ ихъ знаетъ, что это за порода! Когда я былъ у васъ и прорицалъ въ пьяномъ видѣ о литературѣ и о дамахъ, которыхъ надо удержать въ предѣлахъ серьезнаго интереса,—я не могъ *думать*, чтобы онѣ были такія ехидныя... И вотъ я прошу васъ: будьте мудры, яко змія! Пожалуйста!"

Надо замѣтить, что если я вовсе не придалъ значенія тому литературному эпизоду, по поводу котораго Успенскій такъ взволнованно убѣждалъ меня не огорчаться, то и дамы, отъ которыхъ онъ предостерегалъ г-жу N., отнюдь не были для нея опасны. Но преувеличеніе опасностей было одною изъ особенностей, и если стереть въ только-что приведенныхъ письмахъ слѣды этой его личной особенности, то что же удивительнаго въ томъ, что человѣкъ волнуется изъ-за близкихъ ему людей? Это элементарно. Да, но Успенскому были близки не только собственная семья и кружокъ пріятелей. Ему поистинѣ ничто человѣческое не было чуждо. Письма его, рядомъ съ изложеніемъ его финансовыхъ и другихъ бѣдствій и планами ихъ устраненія, переполнены заботами и хлопотами о другихъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ письма его ко мнѣ: „Какое ужасное положеніе!.. Я прошу Павленкова оставить вамъ мои 250 рублей. Не знаю, кто и когда будетъ въ Петербургѣ, но кто бы ни былъ эти дни, — изъ этихъ моихъ денегъ навѣрно устроится сколько-нибудь".

Въ двухъ письмахъ къ М. П. Ярошенко онъ „на колѣняхъ проситъ" ее помочь одному находившемуся временно въ затрудненіи издателю. Въ письмѣ къ М. И. Петрушкевичу *убѣдительно* (подчеркнуто) проситъ устроить одного больного въ больницѣ для душевнобольныхъ, притомъ *сейчасъ, немедленно*. И т. д., и т. д.

А вотъ рядъ его писемъ къ В. М. Соболевскому въ нѣсколько иномъ родѣ:

„В. М.! Очень мелкимъ шрифтомъ печатаете о переселенцахъ и пожертвованіяхъ. Надобно привлекать къ этому дѣлу публику. Посмотрите-ка, какъ поступаютъ К. и С. Поповы, чтобы публика видѣла слово **чай**, а когда дойдетъ до переселенцевъ, то печатается такими бактеріями-буквами, что совсѣмъ не увидишь (получено 1 р. А. З., отъ К. Б. 50 коп.). Поповъ такими буквами не напечатаетъ своего объявленія, а то и онъ пойдетъ въ переселенцы. Ужъ на что несчастны кухарки и „человѣкъ ищетъ мѣста", а и то публика можетъ сказать, взглянувъ на объявленія: „Эко кухарокъ-то!" А переселенцы и незамѣтны совсѣмъ. Я вотъ знаю тысячу докторовъ отъ сифилиса, а мнѣ вовсе ихъ знать не надо. Знаю Кнопа, Бутенопа, Эрдмансдорфера, мыло Тридасъ, Брокаръ, знаю, что скончалась Мазуркина, Болванкина и Лоханкина,—а переселенцы? поступило въ Р. В. 1 р. 50 коп."

„Удивляюсь, что о такихъ вещахъ, какимъ посвящена передовая статья 20 октября, такъ мало удѣляется мѣста! Просто поразительно! Сдѣлайте милость для общества всего русскаго, — поручите кому-нибудь составить компиляцію для фельетона о послѣднихъ англійскихъ выборахъ... Если ужъ объ этакихъ явленіяхъ можно говорить разъ въ годъ въ 20 строкахъ, тогда что̀ же есть интереснаго на бѣломъ свѣтѣ? Если вы не сдѣлаете этого и не составите подробной компиляціи фельетона на 3, то Богъ съ вами! Не буду я васъ тогда любить!“

„Что̀ это вы не сдѣлаете извлеченія изъ письма Карла Маркса, напечатаннаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ въ октябрѣ. Это письмо къ Михайловскому *). Марксъ выражаетъ обиду, что Михайловскій *позволилъ* себѣ (курсивъ, какъ и ниже, Успенскаго) заподозрѣть его въ томъ, что онъ, Марксъ, считаетъ „желѣзные законы развитія капитализма“ неизбѣжными для націй, не имѣющихъ ничего похожаго въ исторіи съ европейскими. Вотъ что̀ онъ пишетъ про себя: „*Чтобы судить со знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по-русски* и затѣмъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, изучалъ офиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. *Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 г., то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-либо предоставляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя*“. Вѣдь это смертный приговоръ! Положительно необходимо вамъ перепечатать это въ сокращеніи. Вотъ тутъ-то и *было* наше *дѣло*—да сплыло. Теперь одни—*самохвалы* изъ статистическихъ данныхъ извлекаютъ одни прелести жизни народной, великое будущее, выбрасывая всю мерзость запустѣнія, а другіе—Марксы *карлики*, выбрасываютъ изъ этихъ же данныхъ все, что̀ еще живо оригинальностью, конечно, случайно,—и повелѣваютъ покоиться всѣмъ „перипетіямъ“. А такихъ словъ, великихъ и простыхъ, какія говоритъ Марксъ и какія требуютъ огромнаго дѣла, мы не говоримъ и поэтому дѣла не дѣлаемъ никакого. Какъ это письмо меня тронуло!“

Задумывая, очевидно, въ это же время новый рядъ очерковъ, Успенскій сообщаетъ В. М. Соболевскому, что ихъ будетъ три. Первый займется вопросомъ: „что̀ будетъ?“ („не „что̀ дѣлать?“, не „ка̀къ

*) Письмо это, часто называемое у насъ письмомъ къ Михайловскому, адресовано совсѣмъ не ко мнѣ; это видно уже изъ того, что Марксъ говоритъ въ немъ обо мнѣ въ третьемъ лицѣ. Вѣроятно, онъ предполагалъ напечатать его въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ видѣ письма въ редакцію.

жить на свѣтѣ?“—„этому ужъ не время“,—прибавляетъ Успенскій въ скобкахъ). „Второй будетъ называться—„что будетъ съ фабрикой?“ Третій — „что будетъ съ бабой?“ Во второмъ „будутъ собраны всѣ обѣщанія „марксистовъ“ о тѣхъ *превосходнѣйшихъ временахъ*, до которыхъ *должна* дожить фабрика“. Въ третьемъ будутъ представлены доказательства, что баба есть человѣкъ, который „никоимъ образомъ не пропадетъ безъ мужика и все сдѣлаетъ и просуществуетъ на бѣломъ свѣтѣ одна и съ дѣтьми. Какъ и почему капитализмъ долженъ ее *(пока!)* въ порошокъ растереть“.

„Я право усталъ. *Но не въ этой устали дѣло* (курсивъ вездѣ Успенскаго): дѣло въ томъ, что я *теперь* поглощенъ хорошею мыслью, которая во мнѣ хорошо сложилась, *подобрала и вобрала въ себя* множество явленій, которыя *сразу* выяснились, улеглись въ порядкѣ. Подобно „Власти земли“, то-есть условій трудовой народной жизни, ея зла и благообразія, мнѣ теперь хочется до страсти писать рядъ очерковъ: „Власть капитала“. Два фельетона, которые вы напечатали, это только образчикъ того, что меня теперь занимаетъ. Такъ вотъ мнѣ и не хочется теперь мучить свою голову, отрываясь отъ этой *любимой мысли* для нелюбимыхъ, для работы изъ-за нужды. Если „Власть капитала“ — названіе неподходящее, то я назову: „Очерки вліяній капитала“. Вліянія эти опредѣленны, неотразимы, ощущаются въ жизни неминуемыми явленіями. Теперь эти явленія изображаютъ цифрами,—у меня же будутъ цифры и дроби превращены въ людей... Увѣренъ, что ужасность ихъ (этихъ явленій) будетъ понята читателями, когда статистическія дроби придутъ къ нимъ въ видѣ людей—изуродованныхъ и искалѣченныхъ“.

Планъ этотъ остался невыполненнымъ, Успенскій только приступилъ къ нему („Живыя цифры“). Это съ нимъ не разъ случалось, не только въ послѣднее время, когда усталость все больше и больше одолѣвала его, а и гораздо раньше, въ молодую пору пробужденія, а затѣмъ и расцвѣта его таланта. Въ предисловіяхъ къ первому и второму томамъ его сочиненій перваго изданія и къ первому тому павленковскаго изданія онъ самъ отчасти разсказалъ, какъ и почему это случалось. Всегда, такъ или иначе, дѣло было въ разладѣ между категорическимъ императивомъ *надо* и либо его собственною неуравновѣшенностью, либо разными внѣшними обстоятельствами, обрывавшимися „ахинеей“ и „чепухой“. Между прочимъ его въ половинѣ семидесятыхъ годовъ очень занимала мысль о романѣ или повѣсти, которую онъ уже принялся-было писать, которой и заглавіе было придумано („Удалой добрый молодецъ“), но которой онъ такъ и не написалъ...

Оригиналъ героя этого романа очень увлекалъ Успенскаго. Онъ писалъ мнѣ:

«Повѣсть, которую пишу — автобіографія, не моя личная, а нѣчто въ родѣ Л. Чего только онъ ни видалъ на своемъ вѣку. Его метало изъ губернаторскихъ чиновниковъ въ острогъ на Кавказъ, съ Кавказа въ Италію, прямо къ битвѣ подъ Ментоной, къ Герцену, потомъ въ Сибирь на три года, потомъ на Ангару, по которой онъ плылъ тысячу верстъ, потомъ въ Шенкурскъ, въ Лондонъ, въ Цюрихъ, въ Парижъ. Онъ видѣлъ все и вся. Это цѣлая поэма. Онъ знаетъ въ совершенствѣ три языка, умѣетъ говорить съ членомъ парламента, съ частнымъ приставомъ, съ мужикомъ, умѣетъ самъ притвориться и частнымъ приставомъ, и мужикомъ, и неучемъ, и въ то же время можетъ войти сейчасъ на каѳедру и начать о чемъ угодно вполнѣ интересную лекцію. Это изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголокъ я постараюсь взять въ свою власть...»

Этотъ Л. былъ однимъ изъ тѣхъ явленій, на которыхъ отдыхала душа Успенскаго,—однимъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ чувствовалъ себя „искреннѣй и сильнѣй“.

Но мутныя волны повседневной жизни скоро смывали подобныя „выпрямляющія“, живительныя впечатлѣнія, которыхъ такъ жаждала душа Успенскаго. А кромѣ того случалось ему, конечно, и ошибаться, ожидая найти чистое золото тамъ, гдѣ на дѣлѣ оказывалась грязь. Вотъ, напримѣръ, что̀ онъ писалъ В. М. Соболевскому послѣ поѣздки въ Болгарію:

„Только нѣсколько дней, когда я чувствую себя немного по-человѣчески. Болгарская поѣздка измучила меня нравственно до ужасной степени. Никогда въ жизни не былъ я въ такомъ глубокомъ отчаяніи, положительно не зналъ—что̀ тутъ дѣлать, т.-е. что̀ думать!. Всякая русская грязь, подлость... вся ложь полуславянофильства, такая, какъ теперь въ модѣ, — все это здѣсь возстало передо мною въ подлинномъ видѣ, ошеломило меня, все мнѣ припомнило, всю жизнь, всѣ жертвы, все лганье, которое постепенно вкрадывалось въ душу страха ради іудейскаго, всѣ уступки совѣсти, вплоть до послѣдняго слова непротивленія злу. Словомъ, положительно я задохнулся и изнемогъ *отъ этого всего*, что̀ здѣсь на меня нахлынуло вдругъ сразу. Не знаю и не увѣренъ, чтобы вы нашли возможнымъ печатать такія письма, какъ прилагаемое. Но изъ него вы можете имѣть понятіе о красотѣ и пріятности здѣшнихъ впечатлѣній. Писать дипломатическія письма, изъ которыхъ ничего неизвѣстно, я не могу... Много, много въ насъ, русскихъ, лжи вѣлось и вообще *ничего радующаго!* Нехорошо, нескладно, непріятно, творится здѣсь дѣло *невѣдомое буквально* и ничего не обѣщающее въ будущемъ. Хорошія слова—свобода, равенство—нечѣмъ наполнить ни намъ ни имъ. Все это здѣсь мыльные пузыри, которые, когда лопаются, то пахнутъ гадко. Я стараюсь быть елико возможно безпристрастнымъ, о Болгаріи будетъ на основаніи болгарской прессы радикальнаго лагеря, и вы увидите, какъ много уже въ ней шарлатанства. Все это

не второй, а сто второй сортъ. Другое дѣло — народъ. Онъ-то, его житье-бытье и обличитель всей этой скверности. Словомъ, не знаю, не знаю. Я буду писать, но кромѣ глубочайшей скорби ничего на душѣ нѣтъ отъ этой работы...“

Измученный подобными впечатлѣніями и всякаго рода житейской „ахинеей“ и „чепухой“, Глѣбъ Ивановичъ подумывалъ иногда усѣсться на мѣстѣ, поступить на службу — на желѣзную дорогу, въ земство и т. п., имѣя постоянный заработокъ, работать въ литературѣ спокойно, не разрывая свои произведенія на клочки. Но это или совсѣмъ не удавалось ему, или удавалось очень ненадолго. Дольше всего, кажется, онъ *служилъ* завѣдующимъ сельской ссудо-сберегательной кассой въ Самарской губерніи. Повидимому, онъ этой службой былъ доволенъ, — по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія собраннаго имъ тамъ матеріала для литературной обработки. Иначе вышло съ другой его пробой служебной дѣятельности. 11 сентября (все равно какого года) онъ даже съ нѣкоторымъ торжествомъ извѣщалъ меня: „Сижу *въ должности*“, а письмо отъ 1 февраля слѣдующаго года начинается словами: „Мѣста у меня больше нѣтъ“. И вотъ мотивы, изложенные въ письмѣ отъ 14 марта: „Мѣсто... я долженъ былъ бросить, и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессіонеры глотаютъ милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ, — а во сколько же разъ подлѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ страны? Громадныя челюсти концессіонеровъ ничего бы не сдѣлали, ничего бы не проглотили, если бы имъ не помогали эти острые двухъ-двугривенные зубы, которые тамъ, въ глубинѣ-то Россіи, въ глуши, пережевываютъ неповиннаго ни въ чемъ обывателя. Я не могу быть въ числѣ этихъ зубовъ; если бы мнѣ было хоть мало-мальски покойно, я бы, можетъ-быть, и не такъ былъ чувствителенъ ко всему этому и, понимая, считалъ бы себя скотиной, но жалованье получалъ бы аккуратно. Но при томъ раздраженіи, которое временами (какъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ) достигаетъ поистинѣ глубочайшей невыносимости, я не могу не принимать этихъ скверныхъ впечатлѣній съ особенною чувствительностью. Мѣсто надо было бросать: всѣ, тамъ служащіе, знаютъ, что они дѣлаютъ разбойничье (будьте въ этомъ увѣрены), но всѣ знаютъ, чѣмъ оправдать свое положеніе... а вотъ зачѣмъ литераторъ-то (каждый думаетъ изъ нихъ) тоже мокаетъ свое рыло въ эти лужи награбленныхъ денегъ—это ужъ нехорошо. „Пишетъ одно, а дѣлаетъ другое“. Вотъ почему нужно было бросить ихъ въ ту самую минуту, какъ только стала понятна вся подлецкая механика ихъ дѣла“.

Такъ метался этотъ великомученикъ правды. Подъ правдой они

разумѣли не только истину, вслѣдствіе чего хотѣли доподлинно, путемъ непосредственнаго наблюденія знать, какъ живутъ люди на востокѣ и западѣ, на сѣверѣ и югѣ,—а и отсутствіе внутренняго разлада въ человѣкѣ. Не тиши и глади жаждали они, „ища по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ". Его и видъ страданія, горя, печали (какъ въ „дѣвушкѣ строгаго, почти монашескаго типа" въ „Запискахъ Тяпушкина") радовалъ, если ихъ носитель не допускалъ въ свою душу ничего „неподходящаго", то-есть если его „размышленія" и „поступки" находились въ полномъ соотвѣтствіи. Но не всегда находилъ онъ полное удовлетвореніе въ такой гармоніи мнѣній, чувствъ и поступковъ. Такъ, въ „Больной совѣсти" онъ призадумывается, что̀ собственно лучше—добродушіе ли нашего солдатика Кудиныча, который, несмотря на это добродушіе, въ войнахъ съ разными народами перебилъ много, по его собственному сознанію, „хорошихъ" людей, или, напримѣръ, свирѣпая жестокость, съ которою версальскіе воины расправлялись послѣ франко-прусской войны съ парижскими коммунарами. Онъ сначала иронически похваливаетъ Кудиныча и проч., но затѣмъ какъ будто склоняется на сторону свирѣпыхъ версальскихъ убійцъ, потому что они поступали по совѣсти, сами считали свои дѣянія справедливыми, потому что не было въ нихъ разлада между размышленіями и поступками. Но *эта* гармонія, конечно, не удовлетворяетъ его, какъ удовлетворяетъ гармонія всего существа дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа. Въ „Запискахъ маленькаго человѣка" Успенскій, наслушавшись разговоровъ „расколотыхъ на -двое" людей, говоритъ: „Все это надоѣло мнѣ до такой степени, что я Богъ знаетъ что̀ бы далъ въ эту минуту, если бы мнѣ пришлось увидѣть что-нибудь настоящее, безъ подкраски и безъ фиглярства: какого-нибудь стариннаго станового, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обдирать каналій, какого-нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоръ отъ червей,—словомъ, какое-нибудь подлинное невѣжество—*лишь бы оно считало себя справедливымъ*". Изъ этого не слѣдуетъ однако, что старинный становой, подлинный шарлатанъ и подлинное невѣжество были для Успенскаго сами по себѣ привлекательны.

Успенскій питалъ *условное* почтеніе ко всякой гармоніи и *безусловное* отвращеніе ко *всякой* „расколотости". Этого-то и не поняла марксистская критика въ его изображеніи „земледѣльческихъ идеаловъ"...

И вотъ, представьте себѣ этого человѣка съ обнаженными нервами переживающимъ бредъ избіенія всей семьи и всѣхъ друзей или собственнаго превращенія въ свинью. А между тѣмъ всѣ эти ужасы, и еще бо̀льшіе, представляли собою только фантастически комбиниро-

ванныя и преувеличенныя волненія, переживавшіяся Успенскимъ и въ здоровомъ состояніи. Въ корнѣ Глѣбъ Ивановичъ и больной оставался тѣмъ же Глѣбомъ Ивановичемъ, какимъ мы его знали здоровымъ,—все такъ же возвышенно настроеннымъ, все такъ же занятымъ борьбой со зломъ и мракомъ, которая теперь только вся обратилась внутрь его собственной души, наконецъ даже все такъ же талантливымъ, потому что нѣкоторыя изъ его безумныхъ фантазій поражаютъ своей оригинальной красотой.

Дневникъ д-ра Синани переполненъ медицинскими подробностями, между которыми есть и физически-нечистоплотныя и въ другихъ отношеніяхъ неудобоназываемыя. И, несмотря на это, читая дневникъ, вы все время находитесь въ нѣкоторой возвышенной сферѣ, обволакивающей, проникающей собою и преобразующей грязныя подробности,—онѣ растворяются въ ея чистотѣ.

Читатель обратилъ, можетъ-быть, вниманіе на поминающуюся въ дневникѣ монахиню Маргариту, которая помогала несчастному въ борьбѣ съ „Ивановичемъ". Эта монахиня Маргарита играла вообще большую роль въ его бредовыхъ идеяхъ. Въ дневникъ занесена, между прочимъ, слѣдующая его запись: „Выходъ. Всѣ колокола (сегодня воскресенье) прозвонили мнѣ: Во время оно Глѣбъ Ивановичъ Успенскій былъ вознесенъ на небеса во вселенную и былъ онъ здѣсь въ образѣ монахини Маргариты въ братскомъ союзѣ съ инокомъ рабомъ Божіимъ Глѣбомъ. Вселенная въ небесахъ я видѣлъ (дальше неразборчиво). А теперь онъ сидитъ за столомъ совсѣмъ"... На этомъ запись обрывается. Объ этой монахинѣ Маргаритѣ онъ и мнѣ много разъ разсказывалъ, очень картинно описывая ея появленіе. Она посѣщала его еще въ больницѣ д-ра Фрея, принося съ собой утѣшеніе и ободреніе. Никакой монахини Маргариты онъ, кажется, не зналъ; по крайней мѣрѣ, я раньше никогда не слыхалъ отъ него этого имени. Это было чистѣйшее созданіе его больной фантазіи. Несмотря на живописное изображеніе ея появленія, наружности ея я такъ и не знаю; знаю только, что въ ней были собраны и какъ-то спаяны всѣ лучшія стороны всѣхъ лучшихъ извѣстныхъ ему женщинъ, при чемъ онъ перечислялъ ихъ поименно.

Надо замѣтить, что въ здоровомъ состояніи Успенскій былъ совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ. Не то чтобы онъ не вѣрилъ въ бытіе Божіе или въ истинность христіанскихъ догматовъ, или сомнѣвался въ нихъ, — просто онъ не останавливался на этихъ предметахъ. Нѣкоторыхъ св. русскихъ угодниковъ онъ высоко чтилъ за то, что они „зоологическую правду" народной жизни старались поднять до высоты христіанской морали. Особенно ему нравилась народная легенда о св. Николаѣ Чудотворцѣ и св. Каѣьянѣ: первый явился къ Богу въ грязной и изорванной одеждѣ, потому что

проводилъ время въ трудѣ, и за это Богъ предоставилъ ему много праздниковъ въ году; Касьянъ же предсталъ въ новомъ и блестящемъ нарядѣ, и за это ему данъ только одинъ праздникъ въ четыре года. Все это не имѣло никакого отношенія къ религіознымъ догматамъ и обрядамъ. Но въ больницѣ (въ Колмовской уже) его охватило мистически-религіозное настроеніе, а затѣмъ онъ сталъ исполнять и церковные обряды. Дѣло началось на почвѣ все той же внутренней борьбы съ „Ивановичемъ".

Временами Глѣбу Ивановичу становилось лучше. Въ дневникѣ д-ра Синани встрѣчается, напримѣръ, такая запись: „Продолжаетъ писать. Читаетъ, повидимому, очень толково. Отзывы о писателяхъ и т. п. отличаются обстоятельностью, увѣренностью, знаніемъ дѣла. Вообще производитъ впечатлѣніе крайне отрадное. Что-то будетъ? Неужели Глѣбъ Ивановичъ поразитъ насъ и поправится настолько, что будетъ даже писать попрежнему? Я боюсь даже мечтать объ этомъ". Но, очевидно, докторъ мечталъ, и оптимистическій взглядъ, хотя и очень рѣдко, подсказывался не только объективными данными, а и любовнымъ отношеніемъ врача къ больному. Какъ бы то ни было, но больному становилось временами настолько лучше, что онъ ѣздилъ, съ провожатыми, конечно, въ Новгородъ, посѣщалъ тамъ знакомыхъ, бывалъ на земскихъ собраніяхъ, отпускался къ себѣ въ Чудово, откуда дѣлалъ довольно большія экскурсіи, ѣздилъ и въ Петербургъ. Въ большинствѣ случаевъ дальнія поѣздки оканчивались худо. Вотъ нѣсколько записей д-ра Синани:

«*24/IV* (1893). Глѣбъ Ивановичъ сегодня отправился пѣшкомъ въ Чудово въ сопровожденіи Степанова.

«*29/IV*. Вернулся со мной обратно.

«*5/V*. Выписался въ Чудово. Сопровождаетъ его Степановъ.

«*9/VI*. Сегодня пришлось привезти его обратно въ Колмово. Жизнь въ семьѣ оказалась для него крайне неблагопріятною. Съ первыхъ же дней совмѣстной жизни съ женою онъ разочаровался въ одномъ изъ сильно занимавшихъ его желаній... Подъ вліяніемъ отчаянія онъ 11 мая сильно размозжилъ себѣ мягкія части темени камнемъ. Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ сожалѣлъ, что онъ такъ поступилъ, объяснилъ свой поступокъ кратковременнымъ сумасшествіемъ и при этомъ, какъ бы въ объясненіе мотивовъ, приведшихъ его въ это состояніе, проговорилъ слѣдующую фразу: «Что̀ же? Писатель я не писатель, отецъ я не отецъ — семью мою содержатъ другіе, а не я, мужъ я не мужъ; никому я не нуженъ, а только въ тягость». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше было поводовъ для разочарованій. Появились угрюмость, молчаливость, неудовлетворенность, досада на себя и на окружающихъ, раздражительность. Появились дерганье себя за бороду, бормотанье про себя фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «3.000 въ годъ», «Сашечка пріѣдетъ», «пошелъ вонъ» и т. п., шушуканье, выдыханіе въ родѣ свиста, встряхиваніе головой и т. п. насильственныя движенія, царапанье раны. Наконецъ сталъ себѣ наносить сильные удары по головѣ, по вискамъ, стремленіе размозжить себѣ голову

палкою. Нѣсколько дней тому назадъ еще можно было слышать такія фразы въ его бормотаньи: «Сашечка пріѣдетъ», «надо жить», рядомъ со словами: «пошелъ вонъ». Раздражительность дошла до того, что онъ сталъ покрикивать на окружающихъ, гнать вонъ жену и дѣтей. Аффекты гнѣва все усиливались, билъ себя, угрожалъ убить себя, убить наиболѣе близкихъ ему членовъ семьи, разъ они чѣмъ-нибудь ему противорѣчили. Сонъ сталъ плохъ, все требовалъ Sulfonal'а, который однако мало ему помогалъ. То и дѣло угощалъ себя пощечинами. Уже онъ не слушался и меня. При мнѣ сдѣлалъ страшную сцену своей семьѣ, гналъ жену вонъ за то, что она вызвала меня, нагналъ ужасъ на домашнихъ; когда я объявилъ ему, что я его возьму обратно въ Колмово, то онъ закричалъ и на меня и наконецъ сталъ гнать вонъ и меня, угрожая убить и меня, и дѣтей, и себя. Само собою разумѣется, что себѣ онъ наносилъ при этомъ отчаянныя пощечины. Состояніе его дома можно характеризовать въ краткихъ словахъ такимъ образомъ: сознаніе ясное, бредовыхъ идей незамѣтно, насильственныя представленія, насильственныя дѣйствія, крайняя раздражительность, наклонность къ аффектамъ гнѣва, переходящимъ сейчасъ же въ нѣжность, ласку, самообвиненіе, но на очень короткое время; стремленіе къ самоувѣченію, самобичеванію, недовольство собою, не исключающее досады на другихъ, не исключающее протеста противъ другихъ за неисполненіе его желаній, угрозы имъ и даже готовность оскорбить ихъ не только словами, но и дѣйствіемъ. Замѣчательная память!»

Однако въ эту же іюньскую поѣздку, а именно послѣ прогулки изъ Чудова въ Грузино, у него былъ моментъ необыкновеннаго блаженства, который онъ потомъ часто вспоминалъ. Б. Н. Синани записываетъ:

«Воскресаютъ воспоминанія преимущественно тѣхъ сценъ, которыя доставляли ему чувство блаженства, восторга, напр., Маргарита, но особенно состояніе того вечера послѣ Грузина. Вернулся онъ тогда изъ Грузина съ мрачными мыслями. Но вотъ ночью онъ сталъ испытывать удивительное явленіе превращенія во всемъ тѣлѣ. По всему тѣлу стало разливаться, начиная съ ногъ, какъ электрическій токъ, что-то хорошее, теплое. Онъ весь преобразился, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, онъ воскресъ, онъ чувствовалъ себя такъ, какъ никогда за всѣ свои 50 лѣтъ. Онъ былъ совершенно чистъ, безъ пятнышка, совсѣмъ святой. Онъ долженъ былъ сохранить это состояніе навсегда, *навѣки*. Онъ долженъ былъ встать и пойти къ женѣ, но онъ этого почему-то не сдѣлалъ. Продолжалъ лежать, и вотъ онъ сталъ чувствовать, какъ у него то тамъ, то здѣсь потрескиваетъ черепъ, настроеніе ухудшается, въ голову забираются мрачныя мысли. Трещалъ-трещалъ черепъ и дотрещался до того, что на слѣдующее утро онъ сталъ разбивать его. Онъ не долженъ былъ этого дѣлать, не долженъ былъ предаваться отчаянію по случаю прохожденія того удивительнаго состоянія. Онъ ошибочно думалъ, что это состояніе исчезло совсѣмъ. Оно не исчезло. Оно осталось въ немъ. Доказательство хоть то, что онъ вспоминаетъ, и воспоминаніе вызываетъ въ немъ теперь то же состояніе. Онъ вѣритъ, что будетъ испытывать это состояніе все чаще и больше, и что въ концѣ концовъ оно въ немъ укрѣпится, и онъ окажется окончательно и навсегда *воскресшимъ* и какъ человѣкъ и какъ писатель. И будетъ онъ *чистымъ*, *святымъ*, будетъ писать».

Кромѣ постояннаго, упорнаго сосредоточенія мысли на необходимости и обязанности „окончательно воскреснуть“, Глѣбъ Ивановичъ употреблялъ и нѣкоторые механическіе пріемы для достиженія этой цѣли. Между прочимъ, за время болѣзни у него развилась странная привычка постоянно что-то шептать про себя. Д-ру Синани онъ однажды объяснилъ, что при этомъ онъ „ведетъ борьбу съ тьмою, не совсѣмъ еще исчезнувшею изъ его головы“. „Въ тѣ моменты, когда онъ кажется окружающимъ страннымъ, онъ ведетъ борьбу, онъ содѣйствуетъ упроченію своего воскресенія, счастія. Когда другимъ кажется, что онъ свиститъ, дуетъ и т. п., онъ дѣлаетъ свое дѣло въ пользу искорененія дурного, мрачнаго, темнаго (точно опредѣлить не можетъ) тѣмъ, что шепчетъ: „честью и совѣстью“. А когда онъ вскидываетъ голову, онъ какъ бы отмахивается отъ мрачнаго и шепчетъ: „счастіе“. „Теперь онъ убѣжденъ, что хорошее въ немъ не погибло, что оно восторжествуетъ окончательно. „Добросовѣстность, — говоритъ:— никогда не исчезала у меня окончательно“. Будетъ такъ, что въ немъ останутся только честь, совѣсть, любовь, счастіе и т. п., и онъ будетъ писать. Повидимому, онъ какъ бы то и дѣло производитъ надъ собою эксперименты самовнушенія“. Однако иногда онъ прибѣгалъ и къ болѣе грубымъ средствамъ: колотилъ себя по головѣ съ цѣлью выбить оттуда дурныя мысли...

А затѣмъ его бредовыя идеи окрасились мистическимъ цвѣтомъ. Вотъ одно изъ его писемъ къ женѣ: „Увѣряю тебя, дорогая моя, горячая любовь къ Богу съ каждой минутой охватываетъ меня все больше и больше. Величайшее счастье жить на бѣломъ свѣтѣ, свѣтлое далекое будущее обрадуетъ всѣхъ, кто меня любитъ, кто возлагаетъ на меня большія надежды. А я люблю всѣхъ и воскресаю въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ“, и т. д. Д-ру Синани онъ говорилъ въ это время, что „воскресъ въ любви къ Богу. Бога,—читаемъ далѣе въ дневникѣ: — понимаетъ въ пантеистическомъ смыслѣ и примѣшиваетъ къ нему любовь и безконечность, не то какъ атрибуты, не то какъ синонимы. Выходитъ поэтическое, довольно стройное міросозерцаніе, мало похожее на величавый слабоумный бредъ паралитика. Говоря о безконечности, о мірахъ и т. п., прибавляетъ, что все это у него въ головѣ, въ головѣ его вселенная со звѣздами“ и т. п. Еще далѣе онъ сталъ „ангеломъ Господнимъ всемогущимъ“, стали ангелами и святыми всѣ близкіе къ нему, и, даже пылая негодованіемъ на Б. Н. Синани, онъ писалъ ему въ такой формѣ: „Ангелу Господню Борису. Позвольте просить васъ написать мнѣ, какая власть руководитъ вами надо мной, всемогущимъ ангеломъ-хранителемъ,—по власти Господа Бога или по вашему своеволію? Ангелъ Господень Глѣбъ“.

Надо однако имѣть въ виду слѣдующую оговорку дневника:

„Слова: геній, ангелъ, даже Богъ и т. п. эпитеты, приписываемые имъ себѣ и близкимъ ему лицамъ, вовсе не должны быть понимаемы, какъ грубый бредъ вообще и какъ бредъ величія въ частности. Сегодня, между прочимъ, онъ употребилъ слово „Богъ“ въ примѣненіи къ крестьянину, при чемъ, по обыкновенію, не могъ обойтись безъ того, чтобы не назвать крестьянина по фамиліи (Углановъ). Общій смыслъ его фантазій слѣдующій: люди сотворены такъ, что въ нихъ заложены всѣ основанія къ всестороннему совершенствованію, къ высокому развитію ихъ духовныхъ (умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ) способностей до такой степени, что они могутъ подняться до степени ангеловъ и даже выше. Когда люди свободны отъ вліянія насилія, порока, земного, они способны быстро развиваться духовно, подниматься все выше и выше къ небесамъ, все больше и больше уподобляться высшимъ небеснымъ существамъ, принимать (духовно) все высшіе и высшіе размѣры. Въ то же время организація ихъ (духовная) становится все сложнѣе, утонченнѣе, нѣжнѣе, чувствительнѣе. Для того, чтобы удержаться на достигнутой высотѣ, необходимо, чтобы ничѣмъ не нарушалась полнѣйшая гармонія въ ихъ организаціи, необходимо, чтобы ихъ нисколько не касалось вліяніе земного‘ порочнаго, насильственнаго. Чуть ихъ коснулось что-нибудь низменное, они сразу начинаютъ быстро терять свои небесныя качества и принимаютъ грубыя формы и размѣры земныхъ существъ, обыкновенныхъ людей. Называя тѣ или другія лица, приписывая имъ тѣ или другіе эпитеты, онъ, какъ видно, имѣетъ въ виду не конкретное ихъ состояніе въ данную минуту, а ихъ потенціальную способность“.

Въ этой мистически расцвѣченной фантазіи нетрудно усмотрѣть тотъ идеалъ, который манилъ къ себѣ Глѣба Ивановича и въ здравомъ состояніи, приближеніе къ которому онъ видѣлъ въ укладѣ мужицкой жизни, въ Венерѣ Милосской, въ „дѣвушкѣ почти монашескаго типа“ и осуществленія котораго въ самомъ себѣ онъ такъ страстно желалъ. Оно наступило наконецъ, это осуществленіе, но уже въ безумной фантазіи. Да и то фантазія эта не разъ разбивалась о страшныя видѣнія, въ которыхъ всѣ близкіе являлись или злодѣями, разбойниками, развратниками, преступниками, или жертвами злодѣйствъ и преступленій; и самъ онъ оказывался злодѣемъ, разбойникомъ (подъ нѣкоторыми записками онъ такъ и подписывался: „Разбойникъ“), который убилъ или погубилъ, ограбилъ и т. п. всю свою семью, „зарѣзалъ свой умъ, свою душу“...

Но да идутъ мимо насъ эти ужасы, доводившіе страдальца до послѣднихъ предѣловъ отчаянія. Мнѣ хочется вспомнить, въ заключеніе, Успенскаго счастливымъ,—насколько можетъ быть счастливъ несчастный, то-есть въ красивой, поднимающей больной духъ фантазіи.

Это было въ одинъ изъ его пріѣздовъ изъ Колмова въ Петербургъ. Онъ заѣзжалъ ко мнѣ почти каждый день, а кромѣ того я въ этотъ же пріѣздъ видѣлъ его дважды въ большихъ собраніяхъ, гдѣ онъ непремѣнно хотѣлъ быть, несмотря на убѣжденія не ѣздить, — на одномъ студенческомъ вечерѣ въ дворянскомъ собраніи и на большомъ обѣдѣ въ ресторанѣ (боюсь ошибиться, но, помнится, это былъ юбилей А. М. Скабическаго). На вечерѣ молодежь, давно не видавшая своего любимца, или даже только по писаніямъ знавшая его, окружила его густой стѣной. Всегда застѣнчивый, тутъ онъ былъ особенно смущенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно взволнованъ, взволнованъ такъ сильно, что его пришлось скоро увести. На обѣдѣ или, точнѣе, послѣ обѣда, когда встали изъ-за стола и разбились по кучкамъ, волненіе его достигло высшей степени, сначала онъ что-то шепталъ, а потомъ сталъ громко и возбужденно говорить о томъ, что всѣ присутствующіе—ангелы! и опять пришлось увести его. Ко мнѣ онъ пріѣзжалъ обыкновенно вечеромъ и долго разсказывалъ о томъ, что̀ съ нимъ происходитъ и что̀ еще будетъ происходить. Говорилъ, напримѣръ, что видитъ на потолкѣ или сквозь потолокъ звѣзды, и когда я спрашивалъ, — отчего же я-то ихъ не вижу, да и никто, кромѣ него, не видитъ, онъ отвѣчалъ: „мнѣ это дано“.—„Почему же, Глѣбъ Ивановичъ, вамъ дано, а мнѣ не дано, и такому-то, и такому-то не дано?“—„Потому что я много пережилъ, чего никто не переживалъ, вѣдь вы знаете, я сумасшедшимъ былъ“. И затѣмъ шелъ художественный разсказъ о монахинѣ Маргаритѣ, которая являлась къ нему съ утѣшеніемъ и поддержкой. Иногда разговоръ начинался съ какой-нибудь текущей житейской темы, или съ воспоминанія о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, но быстро переходилъ къ тѣмъ же звѣздамъ, видимымъ сквозь потолокъ, или къ другимъ предметамъ, которые ему „дано“ видѣть или ощущать. Такъ, онъ много разъ возвращался къ своей способности летать. Онъ утверждалъ, что ему „дано“ дышать не такъ, какъ дышимъ всѣ мы, легкими: онъ дышитъ всѣмъ тѣломъ, у него и ноги наполнены воздухомъ, и ему ничего не стоитъ подняться за облака и „быстро-быстро“ долетѣть до любой звѣзды. На выраженіе сомнѣнія, онъ отвѣчалъ все тѣмъ же: „мнѣ дано“, и дано именно за пережитыя имъ страданія. Свою способность летать онъ намѣренъ былъ пустить въ ходъ на благо всего человѣчества, и, говоря объ этомъ, онъ рисовалъ грандіозную картину: когда настанетъ время, онъ видимо для всѣхъ поднимется на воздухъ и облетитъ вокругъ земного шара, и этотъ подвигъ такъ поразитъ людей, что всѣ насильники и злодѣи устыдятся, а всѣ униженные и оскорбленные воспрянутъ духомъ, и на землѣ наступитъ царствіе Божіе... Въ промежуткахъ разговора онъ что-то шепталъ, но я не могъ разобрать ни одного слова. Прощаясь, онъ всегда обѣщалъ скоро

опять пріѣхать, потому что ему еще много надо мнѣ разсказать, но разсказывалъ опять то же самое съ легкими варіаціями. У него я избѣгалъ бывать, чтобы не попасть какъ-нибудь не во-время, а когда случалось, то слышалъ тѣ же рѣчи или, напримѣръ, такія: возьметъ, бывало, на руки своего младшаго сына и предлагаетъ мнѣ убѣдиться, что въ немъ нѣтъ вѣса, потому что онъ — ангелъ... Ничто земное, низменное для него не существовало, онъ былъ весь въ высшихъ слояхъ духовной атмосферы и былъ счастливъ — ненадолго...

Ник. Михайловскій.

П. Данич.

НРАВЫ РАСТЕРЯЕВОЙ УЛИЦЫ.

Въ г. Т. существуетъ Растеряева улица.

Принадлежа къ числу захолустій, она обладаетъ и всѣми особенностями мѣстностей такого рода, т.-е. множествомъ всего покосившагося, полуразваливщагося или развалившагося совсѣмъ. Эту картину дополняютъ ужасы осенней грязи, ужасы темныхъ осеннихъ ночей, оглашаемыхъ сиротливыми криками: «караулъ!», и всеобщая бѣдность, въ мамаевомъ плѣну у которой съ незапамятныхъ временъ томится убогая сторона.

Бѣдное и «обглоданное», по мѣстному выраженію, населеніе всякаго закоулка, состоящее изъ мелкихъ чиновниковъ, мѣщанокъ, торгующихъ мятой и мятной водой, мѣщанъ, пропивающихъ все, что̀ выторговываютъ ихъ жены, гарнизонныхъ солдатъ и пр., такое бѣдствующее населеніе въ г. Т. пополняется не менѣе обглоданнымъ классомъ разнаго мастерового народа. Въ Т. съ давняго времени процвѣтала промышленность всякаго рода металлическихъ издѣлій: въ городѣ и въ окрестностяхъ находятся чугунно-литейные, колокольные, самоварные и др. заводы. Кромѣ того городъ славится извѣстнымъ заводомъ стальныхъ издѣлій, населившимъ своими рабочими все Зарѣчье и цѣлую слободу Чулково. Это сторона совершенно особенная; обыватели ея, когда-то пользовавшіеся разными правительственными привилегіями, гордо посматривали на мастеровъ городской стороны, рабочихъ въ одиночку, и при встрѣчахъ не упускали случая подѣлиться взаимными любезностями: «кошкинъ хвостъ»,— говоритъ одинъ, «огурцомъ зарѣзался»,— отвѣчалъ другой, и оба съ серьезными лицами проходили мимо. Отъ насмѣшекъ зарѣченскаго мастера, или *казюка*,

какъ называютъ ихъ мѣщане, не уходилъ даже чиновникъ, для котораго тоже были изобрѣтены особенныя клички, напр., «стрюцкій» или «точеныя ляжки», и пр.

Растеряева улица лежитъ на городской сторонѣ, но общій колоритъ рабочаго города отразился и здѣсь. Вотъ между прочимъ въ лачугѣ, ни откуда не защищенной заборами, проживаетъ представительница собственно растеряевскаго мастерства, старая солдатка, «кукольница». Подъ ея дряхлыми пальцами цвѣтетъ отечественная скульптура; въ лѣтніе, погожіе полдни на завалинкѣ ея лачуги непремѣнно сушится нѣсколько глиняныхъ офицеровъ и дамъ и безчисленное множество лошадей-свистулекъ съ однѣми передними ногами. Растеряевскіе мальчишки запасаются этими свистящими конями и въ теченіе цѣлаго года разнообразятъ смертельно-пронзительнымъ свистомъ свое горестное существованіе. Въ такихъ же лачугахъ живутъ *сверлильщицы, наждашницы,* женщины и дѣвушки, занимающіяся на фабрикахъ. Въ этой же улицѣ живутъ *гармоньщики, токари, наводильщики* и т. д. На концѣ улицы, упирающейся въ широкое Воронежское шоссе, виднѣется квадратное зданіе изъ темно-краснаго кирпича—самоварная фабрика. Всѣ эти мастерства даютъ Растеряевой улицѣ нѣсколько иную сравнительно съ другими захолустьями физіономію. Въ дни отдыха молчаливая физіономія ея оживляется драками и пьяными, разбросанными тамъ и сямъ. Въ будничные дни къ звонкому пѣнію куръ присоединяется стукъ молотковъ, то вперемежку, то сразу вдругъ обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу; звуки гармоніи, на которой мастеръ для пробы тронулъ съ «перехватомъ»; жужжаніе токарнаго станка—и надо всѣмъ этимъ, по обыкновенію, тихая пѣсня. Въ темные зимніе вечера, когда бывали обыкновенно вездѣ уже заколочены наглухо ворота и ставни и обыватели ложились спать, окна фабрики были еще ярко освѣщены, изъ осьмигранной трубы медленно выползали большія мутно-красныя искры, тотчасъ же потухавшія въ темномъ воздухѣ.

Никѣмъ не вспоминаемая, никѣмъ не сторожимая, Растеряева улица покорно несетъ свое бремя — нужду. Стукъ молотковъ, постоянная пѣсня или бойкая шутка мастерового, идиллическая веселость дѣтскихъ уличныхъ игръ или развеселая сцена бабьяго столкновенія, разыгравшаяся среди бѣла-дня и среди улицы—всѣ эти внѣшнія, уличныя проявленія растеряевской жизни не даютъ однако никакого

понятія о томъ темномъ горѣ жизни растеряевскаго обывателя, которое гнететъ его отъ колыбели до могилы.

Мы узнаемъ его постепенно и, какъ ни удивительно будетъ это для читателя, начнемъ наше знакомство съ растеряевскимъ горемъ при помощи такого растеряевскаго человѣка, который, ко всеобщему удивленію, иногда съ совершенно покойною совѣстью можетъ сказать о себѣ:

— Чего-жъ мнѣ еще отъ Христа моего желать?

Человѣкъ этотъ былъ пистолетный мастеръ, молодой малый, по прозванію Прохоръ Порфирычъ, обитавшій въ собственномъ домишкѣ. Ради такого дивнаго дива мы прежде всего и познакомимся съ этимъ счастливымъ человѣкомъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ скромными растеряевскими людьми всякаго званія, по-своему недовольными и по-своему счастливыми...

I. Прохоръ Порфирычъ.

Года два тому назадъ Прохоръ Порфирычъ еще не былъ постояннымъ обывателемъ Растеряевой улицы, хотя улица эта выняньчила его и выпустила на свѣтъ Божій изъ своихъ голодныхъ нѣдръ. Дѣло въ томъ, что въ Растеряевой улицѣ когда-то давно поселился отставной полицейскій чиновникъ, упрочившій за собой славу великаго дѣльца и человѣка особливо неустойчиваго насчетъ женскаго пола: такъ, онъ развелся съ женой, необыкновенно слезливой женщиной, и сошелся съ ярославской мѣщанской дѣвицей Глафирой, которая долго держала прихотливаго барина въ своихъ рукахъ и подъ конецъ все-таки должна была отказаться отъ него въ пользу чиновничьей дочери Лизаветы Алексѣевны, дѣвицы среднихъ лѣтъ, съ опущенными всегда въ землю глазами и жестокимъ стремленіемъ къ воровству. Глафира, впрочемъ, не разсталась съ бариномъ: низведенная на степень кухарки, она рѣшилась скоротать свой вѣкъ въ кухнѣ и полегонечку начала запивать. Прихотливый баринъ тоже и самъ не имѣлъ духу прогнать ее (что слѣдовало по обычаю), потому что у нея было два сына, которые хоть и назывались Порфирычами, въ честь ветхаго кучера Порфирія, но и баринъ, и Глафира, и дѣти знали, въ чемъ дѣло. Старшій сынъ Глафиры оставался при домѣ

въ качествѣ лакея; младшій, Прохоръ, отданъ былъ въ ученье къ токарному мастеру. И въ то время, когда веселый домъ чиновника уныло стоялъ съ запертыми въ нижнемъ этажѣ окнами, когда въ саду его не слышно было больше пьяныхъ чиновничьихъ голосовъ, распѣвающихъ свѣтскія и духовныя пѣсни, а самъ баринъ, пораженный всяческими недугами, неподвижно лежалъ въ маленькомъ мезонинѣ, ожидая смерти, Прохоръ Порфирычъ, въ эту пору двадцатитрехлѣтній парень, работалъ за Кіевской заставой одинъ, на себя, приготовляя на продажу револьверы.

Въ это время и начинается наше съ нимъ знакомство.

Вслѣдствіе ли сознанія своего «благородства», или вслѣдствіе житейскаго опыта, Прохоръ Порфирычъ держался какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ собратій, мастеровыхъ, не походя на нихъ ни въ чемъ: его никто никогда не видалъ въ дракѣ, съ разбитымъ глазомъ, или пьянымъ, валяющимся гдѣ-нибудь среди лужи. Растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочаго человѣка, съ свалявшеюся войлокомъ бородой, въ картузѣ, простреленномъ и пулями и дробью во время пробы ружья, съ какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказать, что «жизнь—копейка», такая отчаянная фигура совершенно не походила на фигуру Прохора Порфирыча: на немъ всегда былъ цѣльный, опрятный картузъ, лицо тщательно вымыто, а грязная шея, запыленная мельчайшими желѣзными опилками, носящимися въ воздухѣ мастерской во время работы, пряталась подъ гаруснымъ шарфомъ, придерживаемымъ плисовымъ воротникомъ достаточно подержанаго драповаго пальто. Плохонькія, но все-таки выпускныя панталоны и ясные признаки поплевыванія на носки грязноватыхъ сапогъ, все это говорило о желаніи имѣть хоть какое-нибудь подобіе человѣка благороднаго. Вообще, онъ не столько походилъ на мастерового, сколько на семинариста, благочиннического сына: у него не было только этого довольства фильдекосовыми перчатками, этого страстнаго желанія распластать огненнаго цвѣта шарфъ по всей спинѣ, да и физіономія его носила слѣды постоянной сдержанности, вдумчивости, дѣла, что самъ Прохоръ Порфирычъ называлъ «расчетомъ», руководясь имъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Такъ, напримѣръ, носить нѣмецкое платье Прохора Порфирыча побуждало не только благородство, но и расчетъ.— «Случись,—говоритъ онъ: — пожаръ, примѣрно, твое дѣло сторона... Такъ-то!» И дѣйствительно, въ то время, когда

руки полицейскихъ (по-растеряевски «хожалыхъ») тащили за шивороты толпы разныхъ чуекъ и чемерокъ, и когда эти чуйки среди огня рвали голыми руками раскаленные листы желѣза, изрѣдка подставляя лицо и спину подъ струю воды, чтобъ не сгорѣть, въ эту пору Прохоръ Порфирычъ мирно стоялъ среди благородныхъ людей и спокойнымъ голосомъ объяснялъ сосѣду:

— ...Изволите видѣть, столбъ-отъ... бѣлый-съ?

— Да?

— Это все изъ-за самыхъ пустяковъ происходитъ. Потому теперича изъ верхнихъ слоевъ тяга съ одного конца ударяетъ, а снизу-то... ужъ она опять тоже отшибку даетъ... Извольте взглянуть, какъ оттуда понесло...

И Прохоръ Порфирычъ, поднимая руку вверхъ, поворачивался лицомъ къ вѣтру.

Чѣмъ болѣе Прохоръ Порфирычъ убѣждался въ справедливости своихъ взглядовъ, тѣмъ вдумчивѣе становилась его физіономія. Часто во время работы въ своей мастерской Прохоръ Порфирычъ одинъ-одинешенекъ велъ какіе-то отрывочные разговоры вслухъ, довѣряя свои мысли станку и сырымъ почернѣлымъ стѣнамъ.

«Черти! право, черти!—слышалось тогда въ мастерской.— Ваше дѣло—путать... колесомъ ходить. Нѣтъ, я тебѣ разберу авчину-то!..»

Но если случалось, что Прохоръ Порфирычъ забѣгалъ на минутку къ какому-нибудь знакомому чиновнику (знакомые его были исключительно чиновники и вообще люди благородные), то здѣсь сразу прорывалась вся его сдержанность, и всѣ тайныя размышленія вылетали наружу. Онъ особенно любилъ говорить о своихъ дѣлахъ именно съ чиновникомъ, потому что всякій чиновникъ умѣетъ разговаривать: у мѣста говоритъ «да», у мѣста «нѣтъ» и всегда кстати задаетъ вопросы. Если же, паче чаянія, чиновникъ и не понимаетъ въ чемъ дѣло, то ужъ зато отнюдь не противорѣчитъ.

Сидя гдѣ-нибудь въ углу въ тѣсной квартиркѣ одного изъ своихъ знакомыхъ чиновниковъ, Прохоръ Порфирычъ не спѣша прихлебывалъ горячій чай и не переставая говорилъ.

— Вотъ вы изволили, Иванъ Ивановичъ, разговаривать— времена-то теперь тугія-съ.

— Д-да!—вскидывая ногу на ногу, говорилъ чиновникъ.

— Д-да-съ; а ежели говорить какъ слѣдуетъ, то-есть по

чистой совѣсти, умному человѣку по теперешнему времени нѣтъ лучше, превосходнѣе... Особливо съ нашимъ народомъ, съ голью, съ этимъ народомъ—рай!

— Рай?

Чиновникъ встряхивалъ отъ удивленія головой.

— Ей-ей-съ... Главная-то наша досада — не съ чѣмъ взяться!.. Хоть бы мало-маленько силишки въ руки взять, какъ есть—первое дѣло!.. Одно: умѣй намѣтить, расчесть!.. Приложился—«навылетъ». Вотъ, говорятъ: «хозяева задавили»! Хорошо. Будемъ такъ говорить: надѣли я нашего брата, гольтепу, всѣмъ до малости, чтобы, одно слово, въ полное удовольствіе—какъ вы полагаете, очувствуется?

Чиновникъ всматривался въ лицо Прохора Порфирыча и нерѣшительно произносилъ:

— М-мудрено!

— Ни въ жисть! Ему надо по крайности десять годовъ пьянствовать, чтобы въ настоящее понятіе войти. А покуда онъ такія «алимонины» пущаетъ, умному человѣку не околѣвать... не изъ чего... Лучше же я его въ полоумствѣ захвачу, потому полоумство это мнѣ расчетъ составляетъ... Такъ ли я говорю?

— Что̀ тамъ!.. Народъ какъ есть!..

Чиновникъ наливалъ чай и, указывая Порфирычу на чашку, прибавлялъ:

— Ну-ко... опрокинь!

Порфирычъ бралъ чашку, садился на прежнее мѣсто и продолжалъ развивать передъ чиновникомъ теорію о томъ, какъ бы «надо» по-настоящему, «ежели-бъ безъ полоумства». Понижая почти до шопота свой голосъ, словно что̀ утаивая отъ кого-то, онъ исчислялъ всѣ выгоды разсудительнаго житья: «тогда бы и работа ходчѣй» и «самъ бы собой дорожилъ», и «былъ бы ты на человѣка похожъ»,—шепталъ онъ, — и какъ ни былъ сообразителенъ чиновникъ, онъ поддавался своему дрогнувшему сердцу и съ скорбью произносилъ, что хорошо бы надоумить «ребятъ»: но тутъ же, принимая въ расчетъ «полоумство», опять приходилъ въ себя и убѣждался, что «ихъ, чертей» надоумить нѣтъ никакой возможности. Ироническій взглядъ и улыбка Порфирыча, послѣдовавшіе за такимъ заключеніемъ, неожиданно поражали чиновника...

— Надоумить! -возразилъ Порфирычъ, не измѣняя улыбающагося лица.—Напротивъ того, Иванъ Ивановичъ, надоумить его можно въ одну секунду... Человѣкъ, который

имѣетъ настоящую словесность, можетъ это оборудовать съ маху. Скажетъ онъ имъ:—«Черти! аль вы очумѣли?.. Такъ и такъ...» и такое, и прочее... Въ единую минуточку они отойдутъ отъ... хозяина... Но что же изъ этого выходитъ? А то, что этому словеснику шею они свернутъ, тоже не мѣшкая... «Отбить—отбилъ, а работы нѣту!» Хозяинъ, онъ перетерпитъ, а нашъ братъ на вторыя сутки заголоситъ... Брюхо-то, оно—первое дѣло—въ кабакъ!.. Въ ту пору ему утерпѣть нельзя... А хозяинъ съ благочинностью взялъ полштофъ въ руку, поднялъ его превыше головы для повсемѣстнаго виду: — «ребятушки!». Такъ и хлынутъ къ нему... Въ ту пору хозяинъ можетъ ихъ нажимать даже безъ границъ... Это расчетъ-съ большой!

Снова поддакиваетъ чиновникъ и, желая не уронить себя на этотъ разъ, уже смѣло выводитъ заключеніе, что всему горю голова — «водка!»... Порфирычъ на этотъ разъ даже засмѣялся... Чиновникъ не зналъ, что и подумать.

— Водка-съ! — ухмыляясь, спокойно говорилъ Порфирычъ. — Водка, она ничуть ничего въ этомъ дѣлѣ... Она дана человѣку на пользу... Потому она имѣетъ въ себѣ лѣкарственное... Какъ кто возьмется... А главное дѣло опять же это полоумство... Какъ вы обсудите: мальчонка по тринадцатому году, и горя-то онъ настоящаго не видалъ, а вѣдь норовитъ тѣмъ же слѣдомъ въ кабакъ!.. И пьетъ онъ «на споръ», «кто больше»... Облопаются, съ позволенія сказать, какъ бѣсенята, а потомъ товарищи и тащутъ по домамъ на закоркахъ.

Чиновникъ недоумѣвалъ.

— Нѣтъ-съ, Иванъ Ивановичъ, въ нашемъ быту разобрать, что съ чего первоначалъ взяло, невозможно!.. У насъ доброе ли дѣло, случится, сдѣлаютъ тебѣ — и то сдуру; пакость — и это опять сдуру... Изволь разбирать!.. То ты къ нему на козѣ не подъѣдешь, потому онъ три полштофа обошелъ, а въ другое время я его за маленькую (рюмку) получу со всѣмъ съ генеральствомъ его. Опять съ женой драка... Несусвѣтное перекабыльство *).

— Перекабыльство?—спрашиваетъ чиновникъ.

— Да больше ничего, что одно перекабыльство. Потому

*) Слово это происходитъ отъ «кабы». Разговоръ, въ которомъ «кабы» упоминается часто (кабы то-то да кабы другое... кабы ежели... и т. д.) — очевидно, разговоръ не дѣльный; такимъ образомъ «перекабыльство» — то же, что безтолковое «галдѣніе» въ разговорѣ и безсмыслица въ поступкахъ.

жить-то зачѣмъ—они не знаютъ... Вотъ-съ! Вотъ къ этому-то я и говорю насчетъ теперешняго времени... Прежде онъ, дуракъ полоумный, дѣло путалъ, справиться не могъ, а теперь-то, по нынѣшнимъ-то временамъ, онъ ужъ и вовсе ничего не понимаетъ... Умный человѣкъ тутъ и хватай!.. Подкараулилъ минутку — только пятачкомъ помахивай... Ходи да помахивай—твое!.. Горе мое—не съ чѣмъ взяться. А ужъ то-то бы хорошо! Хоть бы мало-мало силенки... Вмѣстѣ съ этими дьяволами умному человѣку издыхать? Это ужъ пустое дѣло! Лучше же я натрафлю, да, Господи благослови, самъ ему на шею сяду.

Тутъ вытаращилъ глаза даже самъ Прохоръ Порфирычъ, чиновникъ дѣлалъ то же еще ранѣе своего собесѣдника. Долго длилось самое упорное молчаніе...

— Время-то теперь, Порфирычъ,—нерѣшительно бормоталъ чиновникъ:—время, оно...

— Время теперь самое настоящее!.. Только умѣй намѣтить, разжечь въ самую точку!..

Прохоръ Порфирычъ сказалъ все. Нѣкоторое волненіе, охватившее его при концѣ разсужденій и намѣреній, только-что высказанныхъ, прошло. Разговоръ плелся тихо, пополамъ съ зѣвотой; толковали о томъ, что «отъ праведнаго труда будешь не богатъ, а горбатъ». Заходила рѣчь о ворахъ, которые въ послѣднее время расплодились въ городѣ, и Прохоръ Порфирычъ приводилъ по этому случаю какую-то пословицу, и т. д. Изъ приличія, на прощанье, Порфирычъ задавалъ чиновнику еще нѣсколько постороннихъ вопросовъ и наконецъ уходилъ; чиновникъ высовывался въ окно и, увидавъ своего собесѣдника на тротуарѣ, считалъ нужнымъ тоже что-нибудь сказать.

— Такъ перекабыльство?—спрашивалъ онъ.

Порфирычъ утверждалъ это кивкомъ головы и утвердительнымъ движеніемъ руки. Оставшись одинъ, чиновникъ непремѣнно думалъ уже про себя:

«Однако этотъ Прошка—значительная язва будетъ въ скоромъ времени!..»

Какъ видно, намѣренія Порфирыча насчетъ своего брата, рабочаго человѣка, были не совсѣмъ чисты; самымъ простымъ желаніемъ его въ ту пору было засѣсть сказанному брату на шею и орудовать, пользуясь минутами его «полоумства». Между тѣмъ Прохоръ Порфирычъ самъ на своихъ плечахъ и выносилъ всю тяготу жизни рабочаго человѣка, имѣя преимущество только въ трезвости, въ об-

стоятельномъ расчетѣ всякаго дѣла и больше всего въ благородномъ происхожденіи, которое какъ-то ужъ и безъ расчета и безъ сознательныхъ причинъ заставляло его крѣпче держаться своихъ взглядовъ и клало какую-то грань между нимъ и чумазымъ мастеровымъ народомъ. Ему и въ голову не могло придти такъ же упорно, какъ упорно размышлялъ онъ о собственной участи, размышлять о томъ, что перекабыльство и полоумство, которыя онъ усматриваетъ въ нравахъ своихъ собратій (питье водки *на споръ*, битье жены безо время), что все это порождено слишкомъ долгимъ горемъ, все покорившимъ косушкѣ, которая и царила надо всѣмъ, занявъ по крайней мѣрѣ три доли въ каждомъ дѣйствіи, поступкѣ и безъ того отуманеннаго разсудка. Прохору Порфирычу некогда было разбирать этого; у него была своя забота, съ которою только-только справиться.

— Душа пить-ѣсть хочетъ, да штаны сшей!—говорилъ онъ и резонно не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ пропащимъ народомъ. А народъ этотъ онъ понималъ и разсказывалъ про него такъ:

— Былъ я мальчикомъ по двѣнадцатому году и, спасибо братцу, въ то время грамотѣ выучился: читать-писать... Хоть, признаться сказать, вся моего братца эта учоба въ томъ и состояла, какъ бы кого линейкой обезпокоить, то-есть по затылку... И дрались они, братецъ, не то чтобы съ сердцовъ, а даже отъ большого унынія... Скука! Обучившись я грамотѣ, послѣ того не знаютъ, по какой меня части пустить... Маменька Глафира Сергѣевна отъ сидѣльцевъ безъ памяти—«лучше житья нѣту», баринъ говорятъ: «какъ знаешь», а станемъ у братца спрашивать, то опять же это уныніе... Былъ я у мальчика одного, знакомаго, онъ у мастера работалъ—«иди, говоритъ, къ намъ...» Поглядѣлъ я на станокъ (по токарному мастерству они были), колеса эти разныя, винты, пойдетъ чесать, пойдетъ—откуда что возьмется... замлѣлъ! «Хочу да хочу, отдай да отдай къ мастеру!.. Никуда больше не пойду!..» Молилъ, просилъ, маменька серчаютъ, братецъ и обругалъ и прибилъ—ну все же отдали. Только не къ тому мастеру, а къ растеряевскому: чтобы поближе къ своимъ... Радуюсь я: думаю, вотъ сейчасъ я эту машину превзойду до послѣдней порошинки. Только что же случилось? Какъ я былъ изумленъ, когда, три года у мастера живши, ни разу къ этому станку доступу не получилъ, потому собственно, что былъ онъ,

этотъ станокъ, пропитъ... Ужаснулся я въ то время!- Бѣдность была непокрытая, истинно ужъ ни кола, ни двора, ни куринаго пера!.. Вся избенка-то была вотъ этакъ отграничить, и лежало въ этой избѣ корыто съ глиной, а болѣ, кажется, ничего и не было... Сталъ я объ такомъ ученьи удивляться, отыскалъ ребятъ—было насъ учениковъ трое—говорю:—«Что же, ребятушки, когда же это ученье будетъ?..» А одинъ изъ нихъ, Ершомъ звали, худой, глаза большущіе, маленькій, волоса топорщутся, шепчетъ мнѣ ровно бы басомъ:—«Ты, говоритъ, не говори про это... А лучше того, нонѣ ночью, какъ съ покражи придемъ, я тебѣ про дьяволовъ сказку скажу... Молчи! Я тебя на все наведу...»—«Съ какой съ покражи?»—«Ты, Проха, громко не кричи, лучше ты шептуномъ, когда тебѣ что надо. А покража у насъ каждую ночь положена, потому что жрать намъ съ хозяевами нечего, такъ мы это все воруемъ съ сусѣдскихъ огородовъ...» Тутъ я Бога вспомнилъ... залился, залился—поздно! А Ершишка утѣшаетъ и все шепчетъ:—«Ты, другъ, не робѣй, потому я тебя полюбилъ и нонѣ скажу сказку про Еѳіопа... Я ихъ и по ночамъ вижу...» Хозяина все дома не было. Подошелъ вечеръ, Ершишка говоритъ:—«Пора, Проха, на кражу... Перва пойдемъ дровъ добывать». Пошли мы всѣ троичкой на пустошь, а на пустоши стояла гнилая изба: можетъ, года съ три въ ней никто не жилъ, и большимъ страхомъ отъ нея отдавало... Перва мимо пройти боялись, потомъ посмѣлѣй стали, въ окошечко заглянули, потомъ того, въ нутро пробрались; лежитъ на полу мертвый пѣтухъ и тряпка съ кровью... Начали слоняться туда бродяги, нищіе и пьяные, приказный одинъ зарѣзался... А послѣ того, помаленьку, кто ставню оторветъ, кто дверь, и пошли таскать... Такъ что изба эта цѣлой улицѣ была отопленіе... Приходимъ, а ужъ тамъ и раньше насъ набралось разнаго голаго народу: тащутъ что подъ руку попало, а то и другъ у дружки рвутъ; завидѣли нашу братію—гнать; мы на нихъ пошли; они—дубьемъ... А Ершишка словно полковой:—«Ребята, говоритъ не отставай!» Какъ пошли они этого бѣдняга, Ершонка, трепать—только и видно, какъ онъ по воздуху летаетъ, только подшвыриваютъ—какъ есть въ лапту... Но Ершонокъ немало храбрости сохранилъ и, летая по воздуху, кричитъ:—«Нѣтъ, врешь! посмотримъ, кто кого...» Нахожу я Ерша на крапивѣ—лежитъ онъ и шипитъ:—«Башку ушибли!» Сталъ я его жалѣть.—«Ничего, говоритъ, Проха, все же я не одно

полѣнце получилъ... А этому Ефремову, ундеру, я докажу, какъ онъ меня нонѣ избилъ... А тебѣ я за твою жалость двѣ сказки скажу, ты будешь доволенъ...» Отсюда пошли мы въ другое мѣсто воровать: рѣпу, капусту, огурцы... Тутъ дѣло обошлось безъ помѣхи, даже такъ, что яблокъ себѣ натрясли, никто не слыхалъ... Цѣлую ночь Ершонокъ все мнѣ сказки сказывалъ и въ смертельную дрожь меня ввелъ своимъ шептаньемъ, подъ конецъ началъ даже, ровно сумасшедшій, домового мнѣ показывать:—«Вонъ, говоритъ, я вижу». Спали мы въ сѣнцахъ, ночь была непогожая, пробрало насъ водою до костей, по улицѣ вода гудѣла... А хозяина все еще не было. Только подъ утро, чуть свѣтокъ, слышишь-послышишь, въ сѣнную дверь стучатся. Отворили: нищая стоитъ.—«Поглядите-ко, братцы, не вашъ ли это человѣкъ, бабы подняли...» Сейчасъ Ершъ вскочилъ. — «Я это все, говоритъ, знаю!» Побѣгли и мы... Глядимъ, двѣ нищія въ лохмотьяхъ несутъ человѣка, только-только рубаха осталась; нашли они его въ канавѣ, и всю ночь черезъ него вода бѣжала. Ершъ живымъ манеромъ его оглянулъ:—«Нашъ, говоритъ, осторожнѣй; за мной!» Принесли они его въ избу, свалили мокраго на-земь; хотѣли-было нищія награжденія попросить, ну только хозяйка сказала: —«За что я васъ буду награждать въ случаѣ онъ живъ? Если-бъ онъ издохъ, то я вамъ большую бы милостыню подала!» По правдѣ сказать, хозяйка наша не то чтобы очень тосковала: начала она у одного барина приживать... кой-чѣмъ прислуживала...

«Такъ мнѣ грустно было, такъ грустно, не могъ я горести своей удержать, побѣгъ домой, къ маменькѣ... Залился, разсказалъ, какъ все было, какое началось ученье. Но маменька еще того пуще меня огорчила, такъ какъ совсѣмъ отъ меня отказалась. Сталъ я братца умолять, но и братецъ, разогорчившись разсказомъ моимъ, опять-таки шибко меня потрепалъ. Надо, стало-быть, какъ-никакъ терпѣть!

«Между прочимъ, въ ночи хозяинъ очувствовался. Хозяйки не было... Подзываетъ онъ меня и говоритъ:

«— Смотри у меня, старайся...

«— Буду!—говорю...

«— То-то!

«И тутъ же онъ безо всякой злобы развернулся мнѣ въ щеку, дабы я узналъ, какова въ рукѣ его тяжесть: для вѣсу; чтобы черезъ эту боль помнилъ я и соблюдалъ осторожность...

«И началась съ этого времени моя каторжная жизнь!

«Ѣли мы, когда что̀ случится, да когда своруешь; спали на мокротѣ, на дождѣ... А ученья все не было, не начиналось; все хозяинъ, когда трезвый, отъ Бога ждалъ, вотъ большая работа набѣжитъ, вотъ набѣжитъ... А покуда что̀, все онъ хмельной, все нѣтъ-нѣтъ да вытянетъ палкой кого... Случалось, въ эту пору навернется работишка—въ ножницахъ винтъ поправить, или бы какому чиновнику на палку наконечникъ насадить. Тогда хозяинъ радуется и чиновнику говоритъ: «будьте покойны!» Но, подумавши, полагалъ такъ, что это дѣло «успѣется», и звалъ Ерша шутку шутить...

«— Ершило!—говорилъ онъ:—можешь ты мнѣ эту палку заговорить?..

«— Могу! Въ лучшемъ видѣ!

«— Чтобы ее никакая сила не взяла?..

«— Могу!

«— Ну, заговаривай!

«Ершъ сейчасъ начнетъ разными словами сыпать (гдѣ-то онъ научился заговоры заговаривать)—не поймешь, откуда это онъ ихъ набрался. Сыплетъ-сыплетъ...

«— Готово!—говоритъ.

«— А ежели ты врешь, то могу я ее въ пропой пустить?..

«— Я,—говоритъ Ершъ:—въ жисть мою не вралъ, а заговорено это дѣло наглухо...

«Тогда хозяинъ беретъ безъ всякаго труда палку, даетъ Ершу по затылку и несетъ ее въ кабакъ.

«— Ахъ, ты, идолова порода,—закричитъ Ершъ:—что̀ я сдѣлалъ! Вѣдь я самое главное слово пропустилъ!.. А то бы ни въ жисть ему этой палки не утащить... Ахъ, я, розиня, розиня!..

«А хозяину главное, «къ случаю» какъ бы прицѣпиться: «вѣдь проспорилъ!»

«Придетъ хозяинъ пьяный, тутъ ужъ всѣмъ достается... На нашу долю больше всѣхъ! Ежели жена случится, то сейчасъ норовитъ она отъ мужа либо подъ кровать, либо на чердакъ. Хозяинъ почнетъ шастать, искать, найдетъ—драка! И вся эта битва съ женой, «зачѣмъ спряталась!»

«Случится, хозяинъ отрезвѣетъ, въ ту пору онъ тихій, то-есть какъ есть передъ всѣми виноватъ...

«Тутъ мы къ нему, бывало, пристанемъ:

«— Дяденька, когда-жъ ученье-то?..

«— Ребятушки, говоритъ, дайте вы, ради Господа, мнѣ маленечко въ умъ войти. Можетъ, говоритъ, хоть чужія

молитвы объ насъ Богъ услышитъ и пошлетъ намъ какого заступника. Тогда не токмо всѣхъ васъ въ единую минуточку выучу, еще у всякаго прощенія попрошу...

«Тутъ, случается, жена заговоритъ:

«— Заступника тебѣ? А чиновникъ палку далъ, чѣмъ бы выработать что̀, замѣсто того пропилъ?

«— Милая! Супруга, Анна Ѳедоровна! Какъ же можетъ эта палка насъ отъ нашего несчастья сохранить? Тутъ на двугривенный дѣла не справишь! Ежели-бъ палкой-то этой голову мнѣ кто прошибъ, тогда бы я за это ему ручки поцѣловалъ...

«— У насъ все такъ-то!..

И пойдетъ баба причитать: ей только дорваться, кажется, порошинки не оставитъ.

«— Анюта!—заговоритъ хозяинъ:—ради Царя небеснаго, не души ты меня этими разговорами!.. Я это все въ тысячу разъ складнѣй знаю... Только погоди ты хоть минуточку, дай мнѣ опомниться, всѣхъ васъ въ золотые наряды разукрашу... Ахъ, Боже мой!

«И не пройдетъ съ часъ мѣста, а ужъ опять отъ него жена подъ кровать прячется, а нашъ братъ кто куда разбѣжимся.

«И все мы этой работы дожидаемся, все Бога молимъ. Кажется намъ, что какъ только эта работа навернется, въ ту же минуту все и пойдетъ благополучно. Случается такъ, и въ самомъ дѣлѣ, вдругъ откуда ни возьмись работа, и большая... Домъ, что ли, какой чиновникъ строитъ—сейчасъ, бываетъ, навалятъ намъ замко̀въ чинить, новые дѣлать, опять къ окнамъ эти приправы, чтобы въ лучшемъ видѣ, еще какая ни на есть мелочь... Ежели такъ-то случится, то ужъ истинная благодать наступала у насъ въ то время!.. Ну, только все же на одну минуточку...

«Какъ сейчасъ помню, случился такой заказъ; выпросилъ хозяинъ задатку и (удивленіе!) трезвый домой пришелъ. Сейчасъ началъ онъ на образъ креститься и передо всѣми нами клялся:

«— Вотъ разрази меня громъ, сжели я только дохну на него, на мучителя моего (на вино то-есть)! Жена! Ребятушки! Всѣмъ вамъ теперича я удовольствіе сдѣлаю!..

«Сейчасъ отпускаетъ женѣ на расходы цѣлковый, на свѣчку Казанской Божіей матери тоже рубль серебра, остальное себѣ на матеріалъ. Самоваръ закипѣлъ, всѣ мы радуемся, Бога благодаримъ; только и слышно:

«— Слава Богу! Слава тебѣ, Господи, заступнику!.. Ахъ, какъ мы, ребятушки, наголодались съ вами!..

«Очень я въ это время радовался, только Ершъ этотъ шипитъ:

«— Погоди, говоритъ, не торопись; ты меня только слушай одного!

«И точно. Пошелъ хозяинъ въ кабакъ инструменты выручать и насъ взялъ съ собой; такая была дружба у насъ. Идемъ и разговариваемъ. Входимъ въ кабакъ. Все чинно... Выручилъ инструменты. Вина ни-ни!.. Хочемъ мы уходить, а цѣловальникъ такъ между дѣломъ и говоритъ:

«— Игнатычъ, говоритъ, что̀ это мы слышали, кабысь у тебя разстройка по работѣ-то?

«Хозяинъ ка-акъ на него зарычитъ:

— Разстрой-ка-а?.. Изъ какихъ же это мѣстовъ слухи такіе?

«И сейчасъ онъ, чтобы кабацкой кампаніи на удивленіе было, вываливаетъ деньги на стойку и продолжаетъ:

«— Разстройка! Деньги-то вотъ онѣ... Сла-ва Богу!.. У меня работы не быть? Да гдѣ же это ты по нашей сторонѣ такого мастера сыщешь, чтобы въ полномъ комплектѣ?..

«Сейчасъ онъ полу откинулъ, картузъ заломилъ, какъ есть милліонщикъ!..

«— Какая же можетъ быть у меня разстройка, когда я вотъ всѣ эти деньги въ пропой отдѣлилъ?

«— Ну,—говорилъ цѣловальникъ:—ужь и въ пропой!

«Тутъ дяденька отъ обиды такой весь зеленый сдѣлался и потребовалъ сразу «монастырскій», то-есть ужъ самый превосходительный стаканъ...

«Ну и пошло!..

«Только поддаетъ, только поддаетъ, и такой форсъ въ немъ проявился, что даже на удивленіе:

«— У меня, говоритъ, работы навалено! У меня всегда безъ остановки! У меня на двадцати станахъ идетъ!

«Истинно глазамъ моимъ не вѣрю! А дяденька только покрикивалъ:

«—Д-давай... Полно зубы-то полоскать! Разстройка!..

«Подъ конецъ того инструменты эти онъ опять же въ прежнее мѣсто препроводилъ и очень виномъ нагрузился: сидитъ на лавкѣ, еле держится и все бормочетъ:

«—Я грррю, васскарродіе... на двац-пять цалковыхъ въ сутки... Я грррю, васскарродіе... можетъ, по всей имперріи...

«Тутъ цѣловальникъ, видитъ—время позднее, говоритъ:

«—Голубь! Время, запираю...

«Взялъ его подъ мышки и потащилъ къ двери.

«— Я перрвый мастеръ?..

«— Ты-ы! — говоритъ цѣловальникъ. — Кто-жъ у насъ первый-то?.. Ты и есть!..

«— Масей!..—это хозяинъ-то нашъ ему:—признайся, по совѣсти, доказалъ я тебѣ свое могущество?..

«— Ты, Игнатычъ,—отвѣчалъ ему на это цѣловальникъ:— такъ меня ноне уничтожилъ, такъ сконфузилъ... То-есть истинно побѣдилъ своимъ богатствомъ! Я думалъ, ты бѣдный, а ты поди-ко-сь!

«— Я-а-а!..

«— Да ужъ ты-ы-ы!..

«И оставилъ насъ цѣловальникъ на крыльцѣ; дождикъ шелъ, и темно было...

«— Ребятушки! Видѣли, какъ я его побѣдилъ?..

«— Видѣли,—говоримъ.

«Не могли мы его тащить съ собой, повалился онъ на улицѣ и тутъ же заснулъ...

«Стали мы ему въ трезвый часъ говорить:

«— Дяденька! Что̀ же это вы себя роняете? Передъ Богомъ божились, такъ хорошо выговаривали, а замѣсто того еще хуже?

«— Ребятушки, говоритъ, знаете, что̀ я вамъ скажу?

«— Я знаю!—заговорилъ Ершъ.

«— Нѣтъ, тебѣ этого не узнать!.. А вотъ что̀ я скажу: кажется мнѣ, сколько я зароковъ на себя ни клади, никогда мнѣ себя не удержать... Потому радости на своемъ вѣку только я и видѣлъ, когда въ ладышки игралъ махонькимъ еще... Люди добрые въ мою пору и хозяйство знаютъ, и семью, и почетъ получаютъ... Ну, а мнѣ этого въ своей избѣ не сыскать! Нѣтъ!.. Окромя ладышекъ-то я еще, ребятушки, ни единою радостью не радовался... По этому случаю какъ малаго ребенка можно меня обмануть, лишь бы только единую минуточку предоставить мнѣ по моему желанію... Такъ-то!..

«Такъ мы и жили; а безперечь хозяинъ себя чрезъ свое безголовье до того доводилъ, что непремѣнно онъ разъ двадцать у заказчика въ ногахъ валялся; ругали его, самыми страшными божбами божился, вымаливалъ еще чуточку и опять же-таки черезъ слабость свою домой не доносилъ... Подъ конецъ входилъ квартальный: — «Ты Иванъ Игнатовъ?» Ну, тутъ ужъ мы всѣ въ ноги валимся; тутъ народу копошится страсть!.. Вымолимъ кое-какъ прощеніе. И ужъ тутъ-то работа начина-а-а-ется!.. То-есть не то что

работой можно это назвать, а истинно ужасъ какой-то всѣхъ въ это время обхватывалъ... Потому хозяинъ ровно бы сумасшедшій бывалъ тогда... Гдѣ-то ужъ, Господь его знаетъ, доставалъ онъ инструменты и такъ-то ли принимался орудовать ими, что ужъ нашему брату только въ пору глаза вытаращить, не только для себя замѣчать. И день и ночь, и день и ночь только опилки летятъ, только молотки постукиваютъ; ни водки въ это время ни даже крохи не бралъ и ужъ такъ-то работалъ, безъ разгибу!.. Въ этомъ запалѣ намъ въ мастерскую носъ показать опасно было.

«—Пррочь, кричитъ, черти! такъ промежду ногъ и суются! Пррочь, расшибу!..»

«Мы разбѣжимся обнаковенно... Кто-гдѣ ежимся...

«Кончитъ работу онъ безпремѣнно къ сроку и всѣ денежки до копеечки пропьетъ, даже домой не скажется... Дней по крайности пять пропадаетъ...

«Такъ я вздыхалъ въ это время, такъ я убивался о своей жизни! Который, думаю, мнѣ теперича годъ, никакого я мастерства не знаю... Только-только колотушки и треухи въ исправности отпускаются... На ласковое слово хозяйское понадѣешься, пустое выходитъ!.. Гдѣ обиды не ждалъ и не чуялъ я совсѣмъ—втрое тебѣ ее, безо всякаго заправскаго дѣла... Что̀ это, думаю, Господи?

«Хотѣлъ я сбѣжать... Ну, только въ скорости исторія одна случилась, и такъ обошлось... Однова смотримъ мы, что̀ такое, по нашей улицѣ воза ѣдутъ: съ перинами, съ сундуками, столы, напримѣръ, разные накручены, стулья... Все вообче разное имущество... И идутъ съ боковъ этихъ бабы и все у встрѣчныхъ спрашиваютъ что-то... Ну, только встрѣчные отъ нихъ съ испугомъ бѣгутъ... Что̀ за удивленіе? Пошли мы за ворота съ Ершомъ, стали насъ бабы спрашивать:

«— Гдѣ тутъ, ребятишки, солдатка, покойница Караулова жила?

«— Я знаю, гдѣ!—говоритъ Ершъ.

«— Авдотья Кузьминишна?

«— Знаю! Знаю... Я все знаю! Только вы меня слушайте!..

«— Отъ нея намъ въ наслѣдство домъ есть...

«— Есть!.. Пойдемъ!..

«Повелъ онъ ихъ на пустошь: тамъ кое-гдѣ щепки валяются и печка съ трубой вытянулась. Только и сохранено отъ дому.

«— Вотъ!—говоритъ Ершъ.—Получите!..

«— А домъ-то?.. Гдѣ же домъ-то?..

«— Домъ точно что тутъ былъ,—отвѣчалъ Ершъ:—ну, только теперь отыскать его мудрено... хошь я, признаться, словцо одно знаю...

«Между прочимъ бабы по этой пустоши заметались какъ угорѣлыя... Руками машутъ, бросаются туды, сюды...—«Ахъ-ахъ-ахъ! ахъ-ахъ-ахъ!.. Ахъ, дома нѣтъ! Ахъ, гдѣ домъ!..» Тутъ народу собралось множество, стали всѣ удивляться, гдѣ домъ: — «я, говоритъ одинъ, только полѣнце»; «я, говоритъ другой, только щепочекъ чуть-чуть отсюда взялъ». А тутъ цѣлый домъ пропалъ! Стали бабъ этихъ жалѣть. Бабы тѣ заливались слезами и разсказывали:

«— Она тетка намъ; она, Авдотья-то, намъ этотъ домъ отказала. Жили мы въ ту пору въ дальнемъ Сибирѣ, на самомъ концѣ; покуда дошло туда извѣщеніе, съ годъ мѣста протянулось, а ужъ насъ въ то время на Кавказъ перегнали; покуда опять въ здѣшнія палаты извѣщеніе-то вернули, покуда отсюда на Кавказъ дали знать, время-то два года и ушло; лѣтошній годъ мы въ октябрѣ мѣсяцѣ собрались изъ Черкесской земли, да покуда доползли, анъ всего три года! Ахъ-ахъ-ахъ, дома нѣту!..

«И выть!

«Начали бабы черезъ начальство орудовать. Губернаторъ говоритъ, чтобы этотъ домъ отыскать — «изъ горла вырви, да вороти!» Стали нашу растеряевку потрошить: кто избу разбиралъ? Никто не признаётся, одинъ на одного сворачиваетъ... Что̀ тутъ дѣлать! Хозяинъ нашъ дрожитъ: «Ну, говоритъ, ребята, доигрались мы!»

«Однова пришло къ намъ въ сѣни народу страсть: квартальный, будочники, бабы эти и Ефремовъ, ундеръ... Потребовали къ суду: сейчасъ Ефремовъ этотъ солдатъ — усищи... во! — снимаетъ передъ квартальнымъ фуражку и говоритъ:

«— Ваше высокородіе! Я Богу и царю служу вѣрой и правдой: извольте посмотрѣть, нашивка, и опять же царь билетъ мнѣ на красной бумагѣ далъ, это чего-нибудь сто̀итъ...

«— Говори, въ чемъ дѣло!

«— А въ томъ дѣло-съ, что весь этотъ домъ вотъ эти мальчонки (мы-то) разнесли... Особливо одинъ, Ершомъ звать...

«— Это я,—сказалъ Ершъ.

«— Вотъ онъ-съ! Я, лопни глаза, самъ видѣлъ, какъ онъ крышу съ дома воротилъ... Будь я проклятъ!

«— А ты, Ефремовъ,—сказалъ Ершъ:—забылъ, какъ ты меня дубиной охаживалъ?

«— За то я его, васскородіе, точно съ осторожностью коснулся, чтобы онъ казенное добро не воровалъ! Вы, васскородіе съ нихъ, съ мальчонковъ да и съ хозяина-то ихняго, требуйте, а мы, видитъ Богъ, ни въ чемъ не причинны!

«И стали насъ съ этого времени побезпокоивать. Ужъ и не помню, какъ послѣ того всѣ мы разбрелись—кто куда. Куда Ершъ дѣвался—такъ и не знаю.

«Ушелъ я отъ хозяина и, признаться сказать, горько заплакалъ. Господи, думаю, что̀ я такое? Кто мнѣ на всемъ свѣтѣ есть помощникъ? Никого не было!.. Беззащитенъ я въ то время былъ вполнѣ, тѣмъ прискорбнѣе, что мастерства-то совсѣмъ не зналъ никакого: правда, могъ кое-какъ самоварную ножку подпилкомъ обойти, да вѣдь ужъ это такое дѣло, что и малый ребенокъ не испортитъ; потому никакъ невозможно испортить. Только всего и зналъ-то я... Куда я съ этими науками дѣнусь?

«...Года четыре шатался я съ одной фабрики на другую, съ завода на заводъ: тамъ одно узнаешь, тамъ другое... Все настоящаго-то мастерства не получилъ! А шатался-то я собственно потому, что ужъ оченно было мнѣ отвратительно хозяйское безобразіе: что онъ мнѣ деньги какія-нибудь пустяковыя платитъ, то долженъ я, изволите видѣть, совсѣмъ себя забыть; до того мученія было, что, вѣрите ли, выйдешь въ субботу съ расчета, посмотришь на народъ-то, какъ все движется, огоньки горятъ, такъ весь и разстроишься, и смѣешься, и чего-то будто радостно, и не подберешь объ этомъ никакого стоящаго понятія, а какъ-то, не думавши, глядь—въ кабакѣ! Было мнѣ очень оскорбительно, что я почесть что (сами изволите знать) благородный и такое терплю гоненіе, и зачѣмъ только живу — самъ не знаю... «Ахъ, думалъ я въ то время, ежели бы только благородные люди узнали, что я тоже благородный, сейчасъ бы они со мной подружились и стали бы меня уважать!» Началъ я маленько опоминаться, ребятъ своихъ сторониться, ну, все же справиться не могъ, потому платятъ на ассигнаціи четыре рубля въ недѣлю, извольте прокормиться! Наши ребята по этому случаю все жалованье пропивали. Потому некуда его дѣть... А мнѣ, по моему благородству, куда-жъ съ этимъ жалованьемъ дѣваться?.. Хотѣлось мнѣ жить, хошь бы какъ приказный живетъ: сей-

часъ у него гости, трубочку покуриваетъ, какъ ваше здоровье? Тихо, чудесно... Сталъ я думать такъ: стану-ка я одинъ работать? На себя... Думаю себѣ, тогда и барышъ мнѣ сполна идетъ, и буду я жить съ разсудкомъ. Былъ у меня товарищъ Алеша Зуевъ, другъ и пріятель. Сказалъ я ему объ эфтимъ, и онъ обрадовался:—«Лучше нѣтъ», говоритъ.—«Давай вмѣстѣ!»—«Давай!..»

«Кой-какъ да кой-какъ сколотились мы на станчишко, взялись пистолеты работать. Наняли себѣ конурку, стали жить. Трудно намъ, по правдѣ сказать, пришлось слесарнымъ мастерствомъ заняться. Дѣло новое; ну все же радовался я, что теперича совсѣмъ я по-благородному жить начну, потихоньку; между прочимъ полагаю, что отъ пьянства я ужъ избавленъ... Однако же нѣтъ!.. Живши болѣе шести лѣтъ въ этомъ пьянствѣ да буянствѣ, въ прижимѣ да нажимѣ, достаточно я свое благородство исказилъ... Случай такой случился.

«Зачалась эта у насъ работа, а наипаче того пошла дружба: такая дружба, такая дружба, страсть! Мало мнѣ своего дѣла дѣлать, все я стараюсь пріятелю угодить... Зуевъ еще пуще того надсѣдается... Такъ онъ тихости и спокою обрадовался, что когда, бывало, сидимъ мы съ нимъ на завалинкѣ, все онъ меня благодаритъ. Попроситъ онъ меня стихъ какой сказать (я стиховъ много знаю), я ему стихъ скажу. И такъ я, признаться, умѣю этими стихами человѣка пробрать, даже невѣроятно. Я, главнѣе, стараюсь жалобными: голосъ у меня для этого есть тонкій такой... Такъ я, бывало, этого Алеху стихомъ проберу, что только вздыхаетъ онъ и говоритъ:

«— Господи! Подумаешь, подумаешь, удивленіе!

«Въ ту пору ему кажется, словно онъ и самого себя впервой увидалъ, начнетъ думать, только ужасается: «Господи, говоритъ, что-жъ это такое?.. Какъ же это все?..» И на дерево смотритъ и на небо. И никакъ ничего не сообразитъ... Такъ онъ въ этой жисти заржавѣлъ. Тогда какъ я, при моемъ благородствѣ, довольно хорошо все это понималъ: примѣрно—дерево... Я это могъ.

«Я его стихомъ пробираю—онъ мнѣ ночью сказку какую разскажетъ. Сказки онъ богато сказывалъ.

«Ну, истинно говорю, шла у насъ дружба. Настояще какъ два ангела жили.

«Только что же? Продали мы работу, первую, и съ радости маленечко того—пивца... Дальше да больше—глядь,

и шибко подгуляли... На утро тоже. Потомъ того, Алеха сломалъ у моего замка пробой и выкралъ все мое имущество. Выкралъ и пропилъ... Жестоко я этимъ оскорбился, хоть, признаться по совѣсти, самъ я тоже (ужъ истинно не знаю, какъ меня Богъ не защитилъ!) у Алехи изъ сундука выхватилъ, что было, и тоже пропилъ... Хмельны мы были; оскорбившись, подхожу я къ Алехѣ, на улицѣ встрѣлъ, и въ досадѣ на его такой поступокъ говорю:

«— Ты какъ смѣлъ воровать?

«— Ты самъ воръ!

«— Врешь—ты!

«— Ка-акъ, я воръ!

«Кэ-экъ я-а е-в-вво-о!..

«На оборотку сколупнулъ онъ меня торчмя головой въ канаву. Упалъ я, лежу и думаю:

«— Господи! Что-жъ это такое?

«Ничего не пойму!.. Осерчалъ я, вскочилъ и такъ ему заговорилъ:

«— Ты зачѣмъ въ мой сундукъ залѣзъ?

«— А ты зачѣмъ?

»— Нѣтъ, ты-то зачѣмъ?

«— Нѣтъ, зачѣмъ ты?..

«Я развернулся... р-разъ!

«Потому смертельная мнѣ была обида, что я такъ себя унизилъ и никакъ настоящаго первоначатія нашему безобразію не сыщу... Теперь я такъ думаю, что ежели который на двадцати языкахъ знаетъ, заставить его это дѣло расчесть, и то онъ пардону попроситъ...

«Тутъ меня Алеха, признаться, помя-алъ!..

«Послѣ этого Алеха закрутился гдѣ-то. Сижу я одинъ дома тверезый и все раздумываю: «какъ же это я-то?» И стало мнѣ, признаться сказать, отъ такихъ размышленій смерть какъ жутко... Сталъ я кажиннаго человѣка опасаться: что у него на умѣ? Можетъ, такъ-то говоритъ онъ съ тобой и по душѣ быдто, а замѣсто того что онъ сдѣлаетъ? Господь его знаетъ!

«Не дознавшись ничего въ своемъ умѣ, вспомнилъ я свое благородство и тутъ же передъ Господомъ побожился, что съ этого времени ни друзьевъ ни недруговъ промежду нашимъ мастеровымъ народомъ не заведу; и сталъ я въ родѣ какъ затворникъ: въ прежнее время хоть съ хозяевами слово какое скажешь... или съ ихней своячиницей, дѣвушкой... Очень она мнѣ въ то время нравилась, но чтобы у

насъ промежду собой что-нибудь этакого происходило—ни Боже мой (мнѣ, я вамъ доложу, на этотъ счетъ, вѣрно, такое несчастье: чуть мало-мало какое касаніе,—«нѣтъ, ты, говоритъ, женись!»). Такъ, докладываю вамъ въ прежнее время хоть съ нею... А теперича, даже когда она прибѣжала ко мнѣ однова въ мастерскую и почала ревѣть, будто цырюльникъ съ ней неладно поступилъ, обманомъ, то я тотчасъ же ее изъ мастерской удалилъ и дверь захлопнулъ.

«Да въ самомъ дѣлѣ? Что̀ я ввяжусь... Опять кто ихъ разберетъ, а мнѣ по тюрьмамъ шататься некогда...

«Но все же я ее пожалѣлъ!

«Случалось еще, что черезъ эту мою робость тогдашнюю немало я ругательствъ перенесъ. Иду примѣрно по переулку, вдругъ солдатъ попадается. — «Не знаешь ли, спрашиваетъ, милый человѣкъ, гдѣ тутъ Дарья-солдатка?» На это я только молчаніемъ ему отвѣчаю: потому, ну-ка онъ скажетъ: «А, знаешь! а пойдемъ-ко-сь, скажетъ, въ часть: Дарья-то эта фальшивыми дѣлами занималась!» Такъ по глупости своей опасался тогда... Начинаетъ меня солдатъ поливать — я все не оборачиваюсь, иду; онъ того злѣе — я все иду... Грозитъ, грозитъ, наконецъ я быдто не вытерплю: повернусь—«вотъ я, молъ, тебѣ...» Тою-жъ минутою солдатъ исчезалъ, ровно сквозь землю проваливался.

«Началъ я маленько разгадку понимать!

«Подходитъ время, надо что-нибудь пробовать! Всѣ я мытарства видѣлъ, ото всего въ убыткѣ остался... Порѣшилъ я работать одинъ; трудно, ну, по крайней мѣрѣ, хоть какой-нибудь жизни добиться можно. Тутъ я, признаться, братцу и маменькѣ въ ножки поклонился, дали они мнѣ денегъ—съ Зуевымъ за его половину въ станкѣ расчесться... Сталъ я Алешкѣ деньги отдавать, плачетъ малый!

«— Ахъ, говоритъ, Проша, какъ ты чуденъ! Ну, пьянъ человѣкъ, чужое добро пропилъ, эко дѣло! А ты, говоритъ, ужъ и Богъ знаетъ что̀... Лучше бы въ тыщу разъ стали мы съ тобой опять дѣло дѣлать.

«— Нѣтъ, говорю, шалишь!

«— Опять бы пѣсни, стихъ бы какой... Неужто-жъ я звѣрь какой? Я все понимаю это... А ужъ противъ нашей жизни не пойдешь: вотъ я теперь чуйку пропилъ, долженъ я стараться другую выработать.

«— И другую, говорю, пропьешь.

«— Можетъ, и другую... Я почемъ знаю?.. Я впередъ ни минуточки изъ своей жизни угадать не могу...

«Жалко мнѣ его стало, но, поскрѣпившись, я его спросилъ:

«— Куда мое-то пальто дѣвалъ?

«— Я почемъ знаю!.. Я объ этомъ тебѣ ничего не могу сказать... Эхъ, Проша!

«Однако же я съ нимъ жить не сталъ. Страсть какъ мнѣ было тяжело одному! двѣ недѣли съ неумѣлыхъ-то рукъ надъ работой покоптѣть, а выручки, барышу, то-есть,— три рубля. Съ чего тутъ жить? Ну, кое-какъ перебивался, платьишко началъ заводить, напримѣръ, манишку... все такое... Нельзя! Познакомился съ чиновникомъ... Кой-какъ! Къ братцу я въ то время не ходилъ, или, ежели случится, то очень рѣдко, по той причинѣ, что окромѣ унынія завели они другую Сибирь: гитару... Иной человѣкъ возьмется на гитарѣ-то, восхищеніе, душа радуется, но братецъ мой изо всего муку мученскую дѣлалъ. Постановитъ палецъ на струнѣ у самаго верху и начнетъ его спускать даже до самаго низу. Воетъ струна-то, чистая смерть! По этому случаю я у него не бывалъ. Началъ-было я въ это время Алеху Зуева вспоминать, не позвать ли, молъ? А онъ, недолго думая, и самъ ко мнѣ привалилъ... Пьяный-распьяный.

«— Ты!—заоралъ на меня:—подлѣкарь! подавай деньги!

«— Как-кія, говорю, деньги?

«— Ты разговоры-то не разговаривай, подавай... «Какія!»—передразниваетъ:—за станокъ! вонъ какія!

«Тутъ я, признаться сказать, въ такое остервенѣніе вошелъ, что, не помня себя, тотчасъ за горло его сцапалъ и грохнулъ на землю. Вижу: малому смерть, но все же я еще ему колѣнкой въ грудь нажалъ. И какъ же я его въ это время полыскалъ!.. Ахъ, какъ я надъ нимъ всѣ свои оскорбленія выместилъ! Зажалъ ему горло и знаю, что ему теперича ни дохнуть—между прочимъ кричу на него: говорри!

«— Пррроша,—хрипитъ.—Ппусссти!

«— Говорри! Анаѳема!..

«Въ это время я себя не помнилъ и истинно мучилъ его, какъ звѣрь... Съ часъ мѣста я съ нимъ хлопоталъ, наконецъ пустилъ... Отрезвѣлъ онъ... Помню, стоитъ этакъ-то въ дверяхъ, картузишкомъ встряхиваетъ...

«— Сейчасъ драться,—говоритъ: — нѣтъ у тебя языка сказать-то? Право! За го-орло!

«— Ладно, говорю, мнѣ къ суду съ тобой идти не время!

«— Я почемъ знаю! «Деньги», «получилъ»... Я почемъ знаю?

«— Дьяволъ! кто-жъ у васъ знать-то будетъ? Чо-ортъ!

«— Я почемъ знаю... За горло!.. Эко диво какое!

«— Проваливай!

«— Обрадовался!..

«Кой-какъ ушелъ онъ... И между прочимъ скажу, что о своемъ добрѣ Зуевъ и не спросилъ, потому зналъ онъ, что искать его негдѣ, ибо гдѣ его сыщешь?.. Вздохнулъ я маленько послѣ такихъ заботъ, и, говорю вамъ по чистой совѣсти, стало мнѣ страсть какъ легко на душѣ, когда я его побѣдилъ... Тутъ ужъ я совсѣмъ понялъ! Изъ-за того жить, чтобы выработать да пропить? На это я несогласенъ!.. Н-нѣтъ-съ!.. Мнѣ желательно жить по-людски!.. Съ этимъ я и рѣшилъ, что въ чернонародіи—безъ разговору, ручная расправа, а въ благородствѣ—всякое почтеніе...»

II. Первый опытъ.

Еще немного подобныхъ случаевъ, узаконявшихъ силу кулака въ глазахъ благороднаго человѣка, и физіономія Прохора Порфирыча приняла тотъ оттѣнокъ «себѣ на умѣ», который такъ часто проглядываетъ въ умныхъ, умѣющихъ *обдѣлывать* свои дѣла русскихъ людяхъ: деревенскихъ дворникахъ, прасолахъ, которыхъ простой, добродушный и оплетаемый народъ потихоньку называетъ жилами, жидоморами и проч. По ходу дѣла Прохоръ Порфирычъ тоже былъ жидоморъ, но жидоморъ чуть-чуть не благородный, вѣжливый, что, впрочемъ, съ большою подробностью мы увидимъ впослѣдствіи. Мысль о разживѣ не покидала его: то представлялось ему, что идетъ онъ по улицѣ, вдругъ лежатъ деньги... «Отлично бы хорошо»,—сладко думалъ онъ. Кто-то выкладывалъ передъ нимъ вороха и сизыхъ и сѣрыхъ бумажекъ и говоритъ: «получай!». Прохоръ Порфирычъ въ ужасѣ раскрывалъ глаза и узнавалъ свою холодную комнату...

— Ахъ, чтобъ тебѣ провалиться!—съ досадой вскрикивалъ онъ тогда.

А времена все труднѣй становились. Помѣщики съежились, опустѣли трактиры, цыганскія пѣвицы напрасно поджидали «графчика», зѣвая и пощипывая струны гитары.

Торговля пріутихла всякая. Рабочіе, на подобіе Зуева, шли охотой въ солдаты. Шли также и неохотой.

— Ахъ, теперича бы силенки! Ахъ бы, хоть немножечко!..— тосковалъ въ эту пору Порфирычъ.

Во время такой страстной жажды лишняго гривенника, своего угла, вообще во время жажды обдѣлывать свои дѣла, умеръ растеряевскій баринъ (отецъ Прохора Порфирыча). Дѣло случилось темнымъ вечеромъ. Поднялась суматоха, явились душеприказчики, дали знать Порфирычу. При этомъ извѣстіи въ глазахъ его сразу, мгновенно прибавилась какая-то новая, острая черта, какія являются въ рѣшительныя минуты. Онъ сразу понялъ, что настало время. Одѣвшись въ свое драповое пальто съ карманами назади, онъ почему-то поднялъ воротникъ, сплюснулъ шапку, и строгая фигура его измѣнилась въ какую-то юркую, готовую нырнуть и провалиться сквозь землю, когда это понадобится.

Порфирычъ дѣлалъ *первый шагъ*.

...Вечеромъ въ нижнихъ окнахъ дома «барина», долго стоявшихъ забитыми наглухо, свѣтился огонь. На столѣ лежалъ покойникъ, въ мундирѣ; двѣ длинныя сѣдыя косицы падали на подушку; стояли высокіе мѣдные подсвѣчники; солдаты, бабы пришли смотрѣть «упокойника». Унылая фигура послѣдней фаворитки барина, Лизаветы Алексѣевны, въ огромной атласной шляпѣ, съ заплаканными глазами и руками, державшими на сухой груди платокъ, ныряла въ толпѣ тамъ и сямъ, пробивая плечомъ дорогу къ одному изъ душеприказчиковъ.

— Семенъ Иванычъ, — слезливо говорила она: — неизвѣстно... мнѣ-то?.. хоть что-нибудь?..

— Я вамъ сто тысячъ разъ говорю—не знаю!

— Не сердись! ради Бога, не сердись!.. Голубчикъ!

— Что̀ вы пристаете? Сидите и дожидайтесь!

— Буду, буду, буду! Боже мой! ахъ, Господи!

Лизавета Алексѣевна садилась въ уголъ, тревожно бросая глазами туда и сюда. Замѣтивъ, что душеприказчики разговорились, она минуточку подумала и вдругъ безъ шума шмыгнула въ другую комнату.

Горѣли свѣчи, лампадки. Дьячокъ, съ широкой спиной, приготовлялся читать псалтирь, переступая въ углу тяжелыми сапогами. Въ виду покойника толковали шопотомъ. Было упомянуто о томъ, что хоть и всѣ мы помремъ, но

все «какъ-то...» къ этому присовокуплялось: «ни князи... ни друзи...» А затѣмъ, послѣ глубокаго вздоха, слѣдовалъ какой-нибудь совершенно уже практическій вопросъ, хотя тоже шопотомъ:

— А вотъ, между прочимъ, не уступите ли вы мнѣ рыжаго мерина? подъ водовозку?

— Охъ, мерина, мерина!—глубоко вздыхалъ душеприказчикъ, думавшій, можетъ-быть, крѣпкую думу о томъ же меринѣ.—Погодите, Христа ради, немножечко!

Дьячокъ кашлянулъ и зачиталъ:

«Блаженъ му-у-у-у...»

— Караулъ!!! Караулъ! Стой! — раздалось подъ окнами.

— Господи Іисусе Христе! Что̀ такое?—зашептала публика, и всѣ бросились на улицу.

— Стой! Стой!.. Н-нѣтъ, ввррешь! Братъ! братъ!..

Народъ, сбѣжавшійся со свѣчами, увидѣлъ слѣдующую сцену: Прохоръ Порфирычъ старался вырвать изъ рукъ Лизаветы Алексѣевны огромный узелъ, въ который та вцѣпилась и замерла. Изъ узла сыпались чашки, стаканы, серебряныя ложки и проч.

— Братъ, братъ! Краденое!..

— Мадамъ, — сказалъ значительно душеприказчикъ: — пожалуйте прочь!..

Прохоръ Порфирычъ налегъ на врага съ узломъ и потомъ сразу рванулъ его къ себѣ. Лизавета Алексѣевна грохнулась о-земь. Толпа повалила вслѣдъ за побѣдителемъ. Надо всѣми колыхался огромный узелъ.

— Какъ? воровать? — громче всѣхъ кричалъ Порфирычъ.—Нѣтъ, я тебя не допущу! Извини!..

Узелъ свалился на крыльцо съ рукъ на руки душеприказчику, который говорилъ Порфирычу:

— Спасибо, спасибо, братъ!

— Помилуйте, васскородіе,—говорилъ Прохоръ Порфирычъ, обнажая голову и въ ужасѣ раздвигая руки.—Какъ же эт-то только возможно? Я—всѣ мѣры!.. Ка-акъ? воровать?.. Нѣтъ, это ужъ оставь!

— Ты тутъ ее схватилъ?

— Да тутъ-съ, васскородіе, какъ есть у самыхъ у воротъ. Баррское добро, д-да Боже меня избави!.. Что̀ тебѣ по бумагѣ вышло—Господь съ тобой, получай!

— То другое дѣло!

— Да-съ-съ, то совсѣмъ другое дѣло! А то, скажите на милость!..

— Спасибо! Молодецъ!

— Всей душой.

Порфирычъ осторожно пощупалъ у себя за пазухой и подумалъ: «здѣсь!»

— Я, васскородіе, видитъ Богъ!

Душеприказчикъ ушелъ. Порфирычъ долго еще толковалъ брату: «а то, скажите на милость, такой поступокъ... цѣлый узелъ... Нѣэ-этъ!» Потомъ пошелъ подъ сарай, запихнулъ между дровъ какой-то свертокъ, подхваченный въ бою, и, возвращаясь оттуда, говорилъ:

— Каакъ?.. воровать?.. Нѣтъ, ты это оставь!

Лизавета Алексѣевна долго билась и истерически рыдала за воротами:

— Изъ-за чего? Изъ-за чего? Изъ-за чего я всю-то молодость—всю, всю, всю... Господи! Грѣхъ-то! Грѣхъ-то!..

Вдругъ она вскочила, отряхнула платье, утерла глаза и быстро направилась въ комнату.

— Мадамъ!—говорилъ душеприказчикъ:—пожалуйте отсюда вонъ... послѣ такихъ поступковъ!

—Н-не пойду!..

Лизавета Алексѣевна сѣла на стулъ, прижалась спиной къ углу, плотно сложила руки и вообще рѣшилась «ни за что на свѣтѣ» не покидать своего мѣста.

— Съ вашимъ поведеніемъ здѣсь не мѣсто... Здѣсь покойникъ.

— Н-не пойду! н-не пойду! — твердила Лизавета Алексѣевна, дрожа.

— А! не пойдете...

— Голубчикъ!

Она бросилась на колѣни.

— Есть въ васъ Богъ! Не гоните меня... Ради Бога!.. Я вѣдь съ нимъ, съ покойникомъ-то, восемь лѣтъ... Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!..

Душеприказчикъ ушелъ, махнувъ рукою.

Поздно вечеромъ душеприказчикъ, отправляясь спать, поручилъ за всѣмъ надсматривать Порфирычу; на унылаго, нерасторопнаго Семена надежды было мало: гдѣ-нибудь непремѣнно заснетъ. Разошлись всѣ, даже и Лизавета Алексѣевна. Прохоръ Порфирычъ вступилъ въ свои права, надсматривалъ и распоряжался. Въ кухнѣ дожидалась приказаній стряпуха. Порфирычъ, для храбрости «пропустившій» рюмочку - другую водки, вступилъ съ ней въ разговоръ.

— Какъ въ первыхъ домахъ,—говорилъ онъ:—такъ ужъ, сдѣлайте милость, чтобы и у насъ.

— Слава Богу, на своемъ вѣку видала, Богъ привелъ, разные дома... Вотъ купцы умирали Сушкины, два брата.

— Да-да-съ! Потому нашъ домъ тоже слава Богу... Будьте покойны.

— Не въ первый разъ... На сколько, позвольте спросить, персонъ?

— Персонъ, благодареніе Богу, будетъ довольно! Насъ весь городъ знаетъ...

— Дай Богъ! А завтра утречкомъ надыть пораньше грибнова и опять крахмалу для киселя.

— И грибнова! Мы этимъ не разсчитываемъ.

Молчаніе.

— Я полагаю,—говоритъ стряпуха:—кисель-то съ клеемъ запустить?

— И съ клеемъ... Какъ лучше... Какъ въ первыхъ домахъ.

— А не то, ежели изволите знать, со свѣчкой для красоты.

— Какъ въ первыхъ домахъ! И съ клеемъ и со свѣчкой... Запускайте, какъ угодно!.. чтобы лучше!.. Мы не поскупимся.

Бодрствованіе во время ночи Прохоръ Порфирычъ тоже выдержалъ вполнѣ. Разставшись со стряпухой, онъ направился въ домъ, уговоривъ братца лечь спать.

— И то!—сказалъ братецъ и легъ на крыльцо въ кухнѣ.

Въ освѣщенной комнатѣ раздавалось тягучее чтеніе псалтиря, прерываемое понюшками табаку. Порфирычъ босикомъ тихонько приходитъ къ дьячку, засунувъ одну руку съ чѣмъ-то подъ полу, и, придерживая это «нѣчто» сверху другой рукой, шепчетъ:

— Благодѣтель!

Дьячокъ обернулся.

— Ну-ко!

Дьячокъ сообразилъ и произнесъ:

— Вотъ это благодарю!..—Тутъ онъ нагнулся къ уху Порфирыча и зашепталъ:—Грудь! На грудь ударяетъ ду-ду-ду-то!..

— Прочиститъ!

— Это такъ! Оно очистку даетъ! Въ случаѣ тамъ въ нутрѣ что-нибудь...

— Вотъ, вотъ! Она ее въ то время сразу. Ну-ко!..

Пола полегоньку приподнимается; дьячокъ говоритъ:

— О, да много.

— Что̀ тамъ!

Нѣчто поступало въ дрожавшія руки дьячка.

— Сольцы, сольцы!

— Цссс... Сію минуту.

— Гмм... кхе!..

— Готово.

— Ахъ, благодѣтель! Я тебѣ, другъ, что̀ скажу,—прожевывая, шепталъ дьячокъ:—ты по какой части?

— Слесарь.

— А мы по церковной части. Я тебѣ что̀ скажу: наше дѣло—хочешь не хочешь...

Дьячокъ пожалъ плечами.

— Смерть!

— Ты думаешь, все на боку да на боку лежимъ? Нѣтъ, братъ...

Долго идетъ самое дружественное шептаніе. Въ комнатѣ раздается опять тягучее чтеніе.

Прохоръ Порфирычъ въ это время уже въ мезонинѣ; онъ нагибается подъ кровать, кряхтя, что-то достаетъ оттуда, потомъ на цыпочкахъ спускается съ лѣстницы и идетъ черезъ дворъ къ саду. Брешетъ собака...

— Черной!

Порфирычъ посвистываетъ.

— Какъ! воровать? — говоритъ онъ, возвращаясь изъ саду и проходя мимо брата.—Нѣтъ, гораздо будетъ лучше, ежели ты это оставишь... Братецъ, не спите?

— О-охъ!.. Не сплю!—вздыхаетъ Семенъ, поворачиваясь на своемъ ложѣ.

Порфирычъ подсаживается къ нему, тоже вздыхаетъ, присовокупляя: «охъ, горько, горько!», и затѣмъ тянется долгій шопотъ Порфирыча:

— Ахъ, ты, говорю... Да какъ же ты, говорю, только это въ мысль свою впустить могла?

Безлунная ночь стоитъ надъ городомъ; небо очистилось, въ воздухѣ сыро. Въ сторонѣ по небу скатилась звѣзда, оставивъ свѣтлый слѣдъ.

— О-охъ, Господи!—шепчетъ кто-то въ кухнѣ.

На крыльцѣ явилась стряпуха.

— Я все безпокоюсь, — заговорила она: — какъ кисель?

— Какъ въ первыхъ домахъ!

— Опять можно и полосами его пустить... съ клюквой! Какъ угодно?

— Какъ вамъ угодно... и съ клюквой!.. Какъ въ первыхъ домахъ!..

— Я все безпокоюсь,—заключила стряпуха, уходя.

Усталый дьячокъ еще медленнѣе читалъ псалтирь; изъ отвореннаго окна на него изрѣдка налеталъ свѣжій воздухъ.

— Сссссс...—раздалось подъ окномъ.

Дьячокъ обернулся.

Прохоръ Порфирычъ облокотился на подоконникъ локтями, прищуривалъ глазъ и кивалъ головой въ сторону.

— Не мѣшаетъ!—сказалъ дьячокъ.

Слѣдовало повтореніе «нѣчто» и опять монотонное чтеніе. Прохоръ Порфирычъ снова исчезалъ куда-то. Дьячокъ, у котораго начинали слипаться вѣки, иногда закрывалъ глаза и прерывалъ чтеніе, пошатываясь впередъ и назадъ. Тишина была мертвая. Вдругъ гдѣ-нибудь, не то вверху, не то внизу, съ какимъ-то нытьемъ щелкалъ замокъ. Дьячокъ выпрямлялся, широко раскрывалъ глаза и едва успѣвалъ произнести два-три слова, какъ начиналъ дремать снова.

Послышалось какое-то шуршанье. Дьячокъ снова встрепенулся.

— Я, я, я!—успокоительно шепталъ изъ сѣней Порфирычъ, осторожно таща по землѣ какую-то шкуру, или коверъ, или шинель. — Завтра, братъ, и безъ того хлопотъ полонъ ротъ!

Начинали пѣть пѣтухи. Дьячокъ совсѣмъ заснулъ, положивъ голову на кожаный аналой и присѣдая. Его разбудилъ какой-то шумъ, происходившій на дворѣ... Въ окно онъ увидѣлъ Прохора Порфирыча, расправлявшагося съ Лизаветой Алексѣевной, которая-таки не вытерпѣла до утра и тихонько успѣла пробраться въ мезонинъ.

— Уйду! уйду! уйду!.. Ради Бога! Ахъ, не увѣчьте! Сама! сама! сама!

Съ такою же точно разсудительностью проводилъ Прохоръ Порфирычъ и слѣдующіе дни; въ день похоронъ, почти въ одно и то же время онъ распоряжался въ кухнѣ, подавалъ къ столу тарелки, бѣжалъ за водкой, утѣшалъ маменьку, выводилъ изъ-за стола пьянаго, подтягивалъ вмѣстѣ со всѣми «вѣчную память!» и тутъ же засовывалъ въ карманъ какую-то вещь, присовокупляя про себя:

«ременная, аглицкая» и т. д. Безъ Прохора Порфирыча никто не могъ дохнуть; отовсюду слышались голоса:—«Порфирычъ, Прохоръ Порфирычъ!»—и въ отвѣтъ на нихъ Порфирычъ безпрестанно сыпалъ:—«Ссію минуту-съ, ссію минуту-съ... Иду, иду, иду!»

Кончились похороны, домъ опустѣлъ: вездѣ были открыты окна и двери, вѣтеръ свободно гулялъ повсюду, вытаскивая въ отворенное итальянское окно мезонина ветхую зеленую штору и подгоняя ее подъ самый князекъ крыши; въ комнатѣ, гдѣ такъ долго умиралъ баринъ, было все взрыто: старые тюфяки и перины, рыжіе парики съ слѣдами какой-то масляной грязи вмѣсто помады, банки съ какими-то мазями, прокопченные куревомъ трубки и чубуки,—все это наполняло душу отвращеніемъ, гнало изъ комнаты, уже опустѣвшей. Внизу и вверху лопались обои, и за ними то и дѣло шумѣли потоки сору.

Прохоръ Порфирычъ это время постоянно находился при маменькѣ, изрѣдка заглядывая въ домъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени начался аукціонъ. Порфирычъ долго разсматривалъ вещи, долго молчалъ, и когда рѣшился наконецъ просунуть въ толпу голову и произнести: «пятачокъ-съ!», то это значило, что ему попалась такая штука, за которую люди знающіе, «охотники», дадутъ несравненно больше. Зацѣпивъ какую-нибудь подобную вещицу, онъ скромно возвращался къ маменькѣ, покупалъ ей на свои деньги водку (малиновую сладенькую любила Глафира) и къ чаю бралъ у растеряевскаго лавочника Трифона тоже любимые Глафирой грецкіе орѣхи и винныя ягоды...

— Кушайте, маменька! сдѣлайте милость,—говорилъ онъ.

— Не могу, Прошенька, я этого чаю глотка проглотить, чтобы безъ эвтого безъ сладкаго... Изюмцу или бы чего...

— Кушайте на доброе здоровье, не томитесь...

— Что-жъ это, Проша, будетъ ли намъ какое награжденіе отъ покойника?..

— Надо-быть. Я такъ думаю, чѣмъ-нибудь же долженъ онъ свое поведеніе оплатить... Надо за этими крюками-то поглядывать!..—намекалъ онъ на душеприказчиковъ.

— То-то, ты, Проша, посматривай!.. Поглядывай, какъ бы они чего не наплели тамъ...

— Авось Богъ!.. Кушайте, маменька, кушайте!

Послѣ аукціона душеприказчикъ позвалъ Прохора Порфирыча наверхъ.

— А, ты! — сказалъ чиновникъ, когда Порфирычъ вошелъ и поклонился.—Вотъ васъ баринъ наградилъ.

Порфирычъ осторожно подвинулся къ столу и упорно смотрѣлъ въ валявшуюся тамъ бумагу. Онъ что-то прочиталъ въ ней.

— Вотъ деньги. Отдай матери.

— Покорнѣйше благодаримъ, васскородіе!

Порфирычъ поцѣловалъ у чиновника руку...

— Ну, ступай!

— Слушаю-съ...

Порфирычъ сталъ у двери.

— Больше ничего; ступай!

— Слушаю, васскородіе!

И все-таки остался у двери.

— Тебѣ что-нибудь нужно?

— Такъ точно-съ; потому, васскородіе, самыя пустыя деньги вы изволили отдать-съ...

— Какъ?

— Такъ точно-съ... Мы это знаемъ-съ. Сдѣлайте милость, извините... баринъ по бумагѣ отдѣлили третью часть на сиротъ; слѣдовательно пожалуйте намъ полностью. На что намъ такая бездѣлица? Вы, васскородіе, сдѣлайте вашу милость, доложите, что̀ слѣдоваетъ...

— Ступ-пай! Я тебѣ говорю!

— Слушаю-съ...

И опять-таки сталъ у двери.

— Ты не уйдешь?—черезъ нѣсколько минутъ злобно закричалъ чиновникъ.

— Сдѣлайте божескую милость, васскородіе, пожалуйте деньги-съ полностью!

— Вонъ!

— Я, васскородіе, по суду буду искать... Какъ вамъ будетъ угодно!

Грозное молчаніе...

— Какъ вамъ угодно-съ... Я къ господину губернатору... Опять же мы и Ѳедоръ Ѳедорыча довольно хорошо знаемъ... Какъ вамъ угодно!

— Я самъ Ѳедоръ Ѳедорычъ! Что̀ ты мнѣ грозишь! Плевать я на него хотѣлъ!

— Какъ вамъ будетъ угодно... Ну только я этого грабежа не оставлю!

Порфирычъ, весь зеленый отъ гнѣва, спускался съ лѣстницы. Чиновникъ нагналъ его и бросилъ въ лицо пачкой бумажекъ.

— Ты деньги-то не швыряй! — заговорилъ Порфирычъ во все горло.—Ты свою рожу-то береги...

— Дьяволъ!—послышалось сверху.

Блистательная побѣда надъ чиновникомъ завершилась не менѣе блистательной попойкой въ кухнѣ. Братъ Порфирыча уѣзжалъ въ деревню, въ конторщики. Въ кухнѣ по этому случаю кипѣли самовары, на столѣ стояли полуштофы, валялись орѣхи, винныя ягоды, рыба, куски ветчины, и шло веселье и плачъ. Братъ Порфирыча, никогда не пившій водки, сильно охмелѣлъ съ двухъ рюмокъ, лѣзъ обниматься и кричалъ:

— Братъ! Брратъ! Я довѣряю!..

— Проша!—приставала хмельная мать.

— Господи!—умиленно говорилъ Порфирычъ. — Братецъ!

— Братъ!

— Братецъ! видитъ Богъ!

— Братъ! Я довѣряю! Маннька!.. Братъ!..

— Всей душой!.. Боже мой!..

— Братъ!..

Порфирычъ обнимался съ братомъ, прижимая къ его спинѣ полштофъ.

— Братъ!..

Лакей совсѣмъ осовѣлъ и валялся какъ снопъ, не переставая повторять: «Бр-ратъ!». Наконецъ его ввалили вмѣстѣ съ гитарой въ мужичью повозку, присланную изъ деревни, и Прохоръ Порфирычъ остался съ матерью вдвоемъ...

— Ну, маменька,—говорилъ онъ ей на другой день.— Надо думать!.. Не-сегодня-завтра въ шею погонятъ...

— О-охъ, надо, надо!

— Я такъ думаю, домикъ бы? Деньги, онѣ, не увидишь, разбѣгутся...

— Ужъ какъ ты это знаешь!.. Куда мнѣ! Я не пойму ничего... Еще изобьютъ, пожалуй, и суда не сыщешь... Мнѣ бы гдѣ свой уголъ...

— Я такъ думаю, домикъ... Я похлопочу... По крайности будетъ у васъ свое имѣніе...

— О-охъ, давно своего-то не было!

— То-то и есть! Братецъ, дай Богъ здоровья, довѣряютъ мнѣ.

— Да я-то нешто звѣрь какой? Ты меня не ограбишь... Не выдашь. Изъ моего дому не выгонишь...

— Пом-милуйте!.. Вѣдь тоже вашего заводу-то. Слава Богу!—И Прохоръ Порфирычъ цѣловалъ у маменьки ручку.

Душеприказчикъ ходилъ съ купцами вокругъ дома умершаго барина, пробовалъ стѣны топоромъ, мѣрилъ землю цѣпью и, сердито постукивая въ кухонное окно, говорилъ:

— Выбирайтесь, выбирайтесь... выгоню!

— Не безпокойтесь, сдѣлайте вашу милость, уйдемъ-съ!— отвѣчалъ Прохоръ Порфирычъ.

Нѣсколько дней онъ употребилъ на отыскиваніе дома, наконецъ нашелъ. Въ лачугѣ жила одна старая баба, никогда не показывавшаяся на свѣтъ Божій. Ходили слухи, что она съ мужемъ занималась когда-то «нехорошими» дѣлами, вслѣдствіе чего мужъ и умеръ безъ покаянія, безъ причастія. Не захотѣлъ. Поэтому старуху всѣ боялись, и никто не старался узнать, что̀ съ ней дѣлается: въ окнахъ у нея никогда не свѣтился огонь, печь не топилась, и чѣмъ питалась она, тоже было неизвѣстно. Умри старуха—всѣ бы побоялись войти къ ней. Но Прохоръ Порфирычъ зашелъ. Старуха превратилась въ какое-то совершенно одичалое существо. Долго не понимала она, что̀ такое толкуетъ ей Порфирычъ, но, когда онъ показалъ ей деньги, старуха заговорила:

— Давай! Давай!.. Я зарою...

— А сама уйдешь?

— Давай... Уйду! уйду!

Кое-какъ Порфирычъ наконецъ растолковалъ ей, въ чемъ дѣло, и далъ цѣлковый. Старуха съ жадностью схватила его, обернула тряпками, спрятала за пазуху и забилась на печь въ самый уголъ.

Послѣ того, какъ былъ отысканъ домъ, дѣйствія Прохора Порфирыча приняли какой-то таинственный характеръ. Притащивъ матери изъ кабака сладенькой, онъ просилъ у ней позволенія сходить на минутку въ одно мѣсто и поспѣшно направился въ какой-то глухой закоулокъ. Здѣсь жилъ извѣстный городской кляузникъ-приказный. Прохоръ Порфирычъ вѣжливо раскланялся съ хозяиномъ и, отведя его къ столу, объявилъ, въ чемъ дѣло.

— Однако, извините меня,—говорилъ приказный, внимательно выслушавъ шопотъ Порфирыча: — какъ вы молоды и какая у васъ въ душѣ подлость.

— Что̀ дѣлать! время не такое!

— Въ первый разъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ встрѣчаю такую низость...

— А я такъ думаю, надо бы мнѣ Бога благодарить!

— Раненько-съ... Чего добраго, еще нашему брату горло перекусите... вотъ обидно что̀!

— На этомъ будьте покойны. Ну, а дѣло черезъ это все-таки, я полагаю, само собой?

— Это до дѣла не касающе. Вы остаетесь при вашемъ свинствѣ...

— А вы при вашемъ!..

— А я-съ при моемъ. Посылайте за полштофомъ!

Приказный съ шумомъ перевернулъ листъ бумаги.

Съ этого дня между Порфирычемъ и приказнымъ начались какія-то непостижимыя отношенія: они никогда не были вмѣстѣ, но и не разлучались; въ то время, когда Порфирычъ сидѣлъ съ маменькой и угощалъ ее, вдругъ въ окнѣ какъ молнія мелькала рожа приказнаго, дѣлавшая какія-то ужимки и гримасы. Порфирычъ срывалъ съ гвоздя фуражку и исчезалъ. А то можно было ихъ встрѣтить еще такъ: Порфирычъ стоялъ на одномъ концѣ улицы, а приказный на другомъ, и разговоръ шелъ тоже непостижимыми жестами: приказный махалъ куда-то головой въ сторону, Порфирычъ показывалъ ему кулакъ; въ отвѣтъ приказный трясъ головой, крестился и вынималъ изъ бокового кармана бумагу... Порфирычъ почему-то плевалъ сердито на землю, но шелъ къ приказному. Приказный, стараясь вызвать Порфирыча ночью, громко кашлялъ подъ окномъ или начиналъ пѣть. Днемъ стоило Порфирычу выйти на улицу, какъ тотчасъ же раздавалось откуда-то: «сссс... сссс...», и въ сторонѣ показывалась фигура приказнаго, поднимавшаго почему-то три пальца; Порфирычъ тоже иногда показывалъ ему въ отвѣтъ три пальца, только въ другой комбинаціи... Послѣ такихъ таинственныхъ сценъ приказный на минуту зачѣмъ-то явился въ кухнѣ у Глафиры вмѣстѣ съ Прохоромъ Порфирычемъ, жался у двери, а когда Глафира сказала сыну:—«да я этого ничего не понимаю», приказный вдругъ развернулъ на столѣ бумагу, опрокинулся надъ ней, зачеркалъ перомъ и что-то заговорилъ. Та же сцена произошла въ домѣ старухи, у которой покупали домъ. Затѣмъ пріятели снова разошлись въ разныя стороны. Стоя на крыльцѣ гражданской палаты, Порфирычъ манилъ приказнаго, торчавшаго гдѣ-то Богъ знаетъ какъ далеко... Приказный показалъ что-то руками, Порфирычъ еще поманилъ. Тогда приказный направился къ палатѣ зигзагами, почему-то миновалъ палатское крыльцо, потомъ повернулъ назадъ, поплелся по стѣнкѣ и, снова

поровнявшись съ крыльцомъ, вдругъ юркнулъ туда, какъ рыба въ воду. Порфирычъ исчезъ за нимъ...

Результатомъ такихъ таинственныхъ дѣяній провинціальной адвокатуры было то, что Прохоръ Порфирычъ воротился изъ палаты хмельной, постоянно улыбающійся, выложилъ передъ матерью изъ кармана совершенно смятыя ягоды, яйца и все хихикалъ.

— Все ли, батюшка, Прошенька, теперича-то?..

— В-всссе! будьте покойны! Кушайте на здоровье... Теперь... ужъ все! теперича, маменька, вполнѣ!

— Ну, и слава Богу!

— С-слава Богу!.. Эт-то справедливо. Да-съ! ужъ все!.. Порфирычъ вдругъ хихикнулъ.

— Маменька! — сказалъ онъ, зажимая рукою ротъ и фыркая.—А что̀ я вамъ скажу... Домъ-то... Домъ-то, вѣдь онъ мой-съ!..

— Ахъ! — вскрикнула Глафира и обомлѣла.

Прохоръ Порфирычъ попробовалъ-было сдѣлать серьезную физіономію, но вдругъ фыркнулъ и рванулся въ дверь, поваливъ на ходу скамейку и оставивъ Глафиру въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Скоро Глафира и Прохоръ Порфирычъ перебрались въ купленную лачугу. Глафира заливалась слезами и кричала на всю улицу.

— Маменька, — сказалъ на это Порфирычъ строго: — если вы такъ продолжать будете, я, ей-Богу, въ полицію не постыжусь...

Послѣ этого Порфирычъ перенесъ ругань отъ брата, нарочно пріѣхавшаго изъ деревни.

— Я съ тобой, съ подлецомъ, и говорить-то Богъ знаетъ чего не возьму!—заключилъ свою рѣчь братъ и пошелъ къ двери.

— Сейчасъ самоваръ готовъ, братецъ...—произнесъ все время молчавшій Порфирычъ и проводилъ гнѣвнаго брата до воротъ.

Преодолѣвъ такія трудности, Порфирычъ приступилъ къ старухѣ:

— Ну, старушка, ступай съ Богомъ!..

— Что̀? ты очумѣлъ, что ли?

— Какъ очумѣлъ? Домъ мой! Ступайте съ вашимъ капиталомъ!..

— Куда я пойду? Да я тебѣ всѣ глаза выцарапаю, только ты заикнись.

Порфирычъ порѣшилъ это дѣло повести черезъ полицію, а старуха безмолвно скорчилась на печи.

Сознавъ наконецъ себя полнымъ хозяиномъ, Прохоръ Порфирычъ съ истиннымъ благоговѣніемъ произнесъ:

— Боже, благодарю Тя!..

III. Дѣла и знакомства.

Такъ поселился Прохоръ Порфирычъ въ Растеряевой улицѣ. Ветхая и забытая изба старухи оживилась, пріосанилась; около нея нѣсколько дней возились два поденщика: отставной раненый солдатъ, съ засученными рукавами и панталонами, густо смазывалъ ее глиной, таская за собой наполненное глиною корыто и шайку, изъ которой онъ по временамъ брызгалъ водою на стѣну; плотникъ съ своей стороны усердно охаживалъ избу кругомъ, тщательно выбирая мѣстечко, куда бы, не опасаясь паденія избы, можно было загнать хорошій гвоздь. Скоро ярко выбѣленная изба пестрѣла повсюду множествомъ свѣтлыхъ планокъ, досокъ, дощатыхъ четыреугольниковъ, ярко вылегавшихъ на почернѣвшихъ и полусгнившихъ доскахъ крыши, воротъ и забора. И несмотря на такія старанія, изба все-таки напоминала физіономію обезьяны, если посмотрѣть на нее съ боку: нижняя выпятившаяся челюсть соотвѣтствовала выпятившимся бревнамъ въ фундаментѣ, вслѣдствіе чего окна верхнихъ концовъ уходили въ глубь избы, а нижнихъ выпирали наружу. Въ одно и то же время съ преобразованіемъ наружнаго вида избы шли и внутреннія реформы. Прохоръ Порфирычъ неутомимо вводилъ разныя «положенія»; для маменьки было «положеніе»: знать свое мѣсто, сидѣть и дожидаться послѣдняго часу; изюмы и сладкія малиновыя наливки были отмѣнены «на такое время»; насчетъ старухи, которую не выжила никакая полиція, было положеніе «не касаться»; «хочетъ издохнуть—издыхай, не хочетъ — какъ угодно»; изъ домашнихъ харчей ей не отпускалось ничего. Маменька, убитая сыномъ, выговорила у него дозволеніе хотя въ спокоѣ доживать вѣкъ и не трепаться около печки. Прохоръ Порфирычъ попятился, припомнилъ маменькѣ ея недобропорядочную жизнь, но все-таки взялъ въ стряпухи бабу, которая была тоже опле-

тена положеніями: солдатъ не водить и не таскаться по сосѣдямъ, «нечего слоны гонять» попусту; баба тотчасъ заступилась за свое правое дѣло и выговорила только одного солдата, и тотъ обѣщался жениться на ней послѣ Святой.

Скоро явился солдатъ, разстегнулъ сюртукъ, закурилъ трубку, началъ поплевывать по сторонамъ; запахло махоркой, послышались слова: «фитьфебель», «чихаусъ», «каптинармусъ». За солдатомъ потихоньку вошла какая-то баба, спросила: «что̀ нашей курицы не видали?» и сѣла. За ней другая, тоже насчетъ курицы, третья—пошелъ говоръ, дружба, словомъ, житье, которое Прохоръ Порфирычъ не могъ замуровать никакими положеніями. Онъ изрѣдка высовывалъ сюда голову и грозно произносилъ: «Черти! аль вы очумѣли?» Солдатъ пряталъ пылавшую трубку въ карманъ, бабы замолкали, но черезъ нѣсколько времени начиналась та же самая исторія. Порфирычъ поэтому держался преимущественно въ своей половинѣ.

Прохоръ Порфирычъ выбралъ себѣ на житье другую половину избы, отдѣленную отъ кухни сѣнями съ землянымъ поломъ. Маленькая комнатка его хоть и смотрѣла окнами въ заборъ, но зато не предвѣщала того близкаго разрушенія, которымъ ежеминутно грозило жилище маменьки: стѣны были довольно крѣпки и прямы, окна не такъ гнилы и не такъ ввалились внутрь комнаты; тутъ же была особая печка съ лежанкой. Некрасивый видъ комнаты, при дѣятельномъ стараніи Порфирыча, принялъ нѣкоторое благообразіе. Передъ окнами стоялъ станокъ, на которомъ Порфирычъ обыкновенно высверливалъ дуло револьвера и зарядныя отверстія въ барабанѣ; на этомъ же станкѣ обтачивались какъ эти двѣ штуки, такъ и всѣ принадлежности за̀мка̀: собачки, шомпола и другія части, которыя доставляются кузнецомъ въ самомъ аляповатомъ видѣ, едва-едва напоминающемъ настоящую форму оружія. Необходимые для этого инструменты были воткнуты за кожаный ремешокъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ нѣсколькими гвоздями. Надъ ними, у самаго потолка, на большихъ гвоздяхъ, болтались вырѣзанные изъ листового желѣза фасоны разныхъ частей оружія; по нимъ можно было прослѣдить всѣ «послѣднія» растеряевскія новости въ мастерствѣ Прохора Порфирыча. Безъ пособія какихъ бы то ни было руководствъ, безъ самомалѣйшихъ признаковъ какого-нибудь печатнаго лоскутка по этому предмету, Прохоръ Порфирычъ всегда умѣлъ «поддѣть» самую послѣднюю новинку. Проѣзжій офицеръ изъ Петербурга,

помѣщикъ, облетѣвшій весь міръ и возвращающійся въ отечество съ двумя-тремя десятками заграничныхъ вещицъ, никогда почти не ускользали отъ зоркаго глаза Прохора Порфирыча. Гдѣ-нибудь въ гостиницѣ Порфирычъ убѣдительно просилъ такого проѣзжаго дать вещицу «на фасонъ»; тутъ же, повертывая эту вещицу передъ глазами, смекалъ, въ чемъ дѣло; въ крайнихъ случаяхъ прикидывалъ вещицу па бумагу и обводилъ наскоро карандашомъ, а до остального додумывался дома. Такимъ образомъ въ глуши, гдѣ-то въ Растеряевой улицѣ, Порфирычъ зналъ, что на бѣломъ свѣтѣ есть Адамсъ и Кольтъ, есть слово «система», которое онъ, впрочемъ, переводилъ въ свою вѣру, отчего оно преображалось въ «исцему». Мало того, пистолеты, выходившіе изъ рукъ Порфирыча, носили изящно вытравленное клеймо: «Patent», смыслъ какового клейма оставался непроницаемою тайною какъ для Порфирыча, такъ и для травщика; но оба они знали, что когда работа украшена этимъ словомъ, то даютъ дороже.

Все остальное въ комнатѣ, не относившееся до мастерства, относилось исключительно до личныхъ потребностей Прохора Порфирыча. Деревянная скрипучая кровать съ грубымъ ковромъ, когда-то принадлежавшая растеряевскому барину, кожаная подушка того же барина, манишка на стѣнѣ, сундукъ съ тощими пожитками и наконецъ на лежанкѣ, издали казавшейся грудою кирпичей, кусокъ тарелки съ ваксой, сапожная щетка съ оторванной верхней крышкой и оплывшій сальный огарокъ въ низенькомъ жестяномъ подсвѣчникѣ. Всѣ эти признаки убожества въ глазахъ Прохора Порфирыча принимали совершенно другое значеніе, потому что говорили о *собственномъ его* хозяйствѣ.

Сѣни также не пропали даромъ: въ нихъ было «положено» спать подмастерью, котораго Порфирычъ скоро «припасъ» для себя. Подмастерье этотъ былъ не изъ т—скихъ: онъ былъ тамбовецъ и на счастье Порфирыча обладалъ такимъ множествомъ собственныхъ бѣдъ, что вовсе не требовалъ за собою ни строгаго присмотра, ни понуканья, ни ругательствъ. Онъ былъ почти вдвое старше Порфирыча, испыталъ наслажденіе быть полнымъ хозяиномъ, имѣлъ *благородную* жену, которая и помутила всю его жизнь, доведя наконецъ до того, что онъ, Кривоноговъ, бѣжалъ изъ родного города куда глаза глядятъ. Въ Т. проживалъ онъ безъ билета, что̀ составляло его ежеминутную му̀ку. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединилось еще одно, едва ли

не самое страшное, именно непомѣрная сердечная доброта, покорливость и ежеминутное сознаніе своей ничтожности. Такія бѣды сдѣлали изъ него горчайшаго пьяницу, но опасность попасть въ пьяномъ видѣ въ полицію, а потомъ въ руки жены, иногда могла удержать его въ предѣлахъ одного шкалика въ сутки. Прохоръ Порфирычъ, имѣвшій возможность по крайней мѣрѣ разъ тысячу убѣдиться въ честности своего подмастерья, знавшій полную его неспособность сдѣлать какую-нибудь гнусность, все-таки, уходя изъ дому, заглядывалъ въ кухню и говорилъ бабамъ:

— Присматривайте за этимъ молодцомъ-то!

Самою задушевною собесѣдницею подмастерья была Глафира; при ея помощи какъ-то таинственно являлась выпивка, соленый огурецъ, потомъ, благодаря имъ, тянулись долгіе разговоры шопотомъ, ибо грозная тѣнь Порфирыча невидимо витала въ мастерской. Подмастерье разсказывалъ про свое имущество, что «всего было», какъ онъ съ полицеймейстеромъ пилъ шампанское на балконѣ, какъ ходилъ за женой въ маскарадъ, куда она укатила съ офицерами. Потомъ еще болѣе глубокимъ шопотомъ присовокуплялъ, какъ жена его била и ругала. При этомъ дѣло происходило такъ:—«Харя!» говорила ему жена, на что будто бы Кривоноговъ отвѣчалъ: —«Покорнѣйше васъ благодарю!»—«Рогожа!»—«Чувствительнѣйше васъ благодарю!..» Разлетится, разлетится, по щекѣ—хлопъ! —«Сдѣлайте вашу милость, еще...»

Послѣ разныхъ мытарствъ, перенесенныхъ имъ отъ супруги, послѣдняя однажды пожелала съ нимъ помириться... «Я, говоритъ, тебя, Ѳедя, ни на кого не промѣняю...»—О?— «Провалиться! Потому я тебя безъ памяти обожаю...»—Обрадовался я, признаться, разсказывалъ Кривоноговъ.—«Пройдись со мной подъ ручку...» Подхватилъ, пошли. Шли-шли... «Зайдемъ сюда на минутку, вотъ въ этотъ домъ...»—Изволь, говорю. Зашли. Завела она меня къ какому-то военному да и говоритъ: —«Нельзя ли моему мужу лобъ забрить?»—Я какъ услыхалъ—прямо въ окно, да бѣжать. Вотъ отъ этого-то и здѣсь очутился; не знаю, какъ отсюда-то Богъ вынесетъ...»

Кривоноговъ вздыхалъ и принимался за работу.

Если иногда случалось, что подмастерье запивалъ и начиналъ поговаривать, что самъ господинъ хозяинъ передъ нимъ ничего не стоитъ, то хозяинъ, т.-е. Прохоръ Порфирычъ, бралъ его за шиворотъ, тащилъ въ амбаръ и, толкнувъ туда, запиралъ дверь на замокъ.

— И покорнѣйше васъ благодарю!—говорилъ на это

Кривоноговъ, очутившись гдѣ-нибудь въ углу среди корытъ и пустыхъ мѣшковъ.

Обремененный разными невзгодами, подмастерье не переставая работалъ цѣлые дни, и подъ защитою его двужильныхъ трудовъ Прохоръ Порфирычъ не спѣша обдѣлывалъ свои дѣла. Главною задачею его въ эту пору было оставлять въ своемъ карманѣ по возможности самую большую часть той красненькой, которая получалась за проданный револьверъ, т.-е. отдѣлять изъ нея *по возможности* какъ можно меньше въ пользу кузнецовъ и другихъ лицъ, которыя участвуютъ своими трудами, и уплачивать имъ, если можно, натурою, въ «надобное» время. Сообразно съ такими планами, Прохоръ Порфирычъ особенно цѣнилъ только два дня въ недѣлѣ: понедѣльникъ и субботу.

Понедѣльникъ былъ для него потому особенно дорогъ, почему для прочаго рабочаго люда онъ былъ невыносимъ. Въ понедѣльникъ Прохоръ Порфирычъ дѣлалъ дѣла свои потому, что вся «мастеровщина» города въ этотъ день не имѣла силъ ударить палецъ объ палецъ, утверждая, что въ этотъ день работаютъ «лядкины дѣтки», а всѣ настоящіе люди рыщутъ цѣлый день, желая отдать душу дьяволу, только бы опохмелиться. И этотъ-то общій недугъ доставляетъ въ руку Порфирыча нѣсколько такихъ недужныхъ субъектовъ живьемъ. Но до этого имъ приходилось пройти еще многое множество рукъ, всегда достаточно цѣпкихъ и много способствующихъ успѣху Порфирыча. Дѣло совершалось примѣрно такимъ путемъ.

Пріятный для Прохора Порфирыча субъектъ пробуждался въ понедѣльникъ въ какой-то совершенно неизвѣстной ему мѣстности. Только самое тщательное напряженіе разбитой «послѣ вчерашняго» головы приводило его къ заключенію, что это или архіерейская дача, за пять верстъ отъ города, или засѣка, за четырнадцать верстъ, или, наконецъ, родная улица и жена со слезами, упреками или поднятыми кулаками. Успокоившись насчетъ мѣстности, бѣдная голова мастерового успѣваетъ тотчасъ же проклясть свое каторжное существованіе, даетъ самый рѣшительный зарокъ не пить, подкрѣпляя это самою искреннею и самою страшною клятвою, и только выговариваетъ себѣ льготу на нынѣшній день, и то не пить, а опохмелиться. Такое богатство мыслей совершенно не соотвѣтствуетъ внѣшнему виду мастерового: на немъ нѣтъ ни шапки, ни чуйки, куда-то исчезли новенькіе «коневые» сапоги, но почему-то уцѣлѣла одна только «жилетка».

Мастеровой понимаетъ это событіе такъ: около него возились не воры-разбойники, а, быть-можетъ, первые друзья-пріятели, которые, точно такъ же, какъ и онъ, проснулись съ готовыми лопнуть головами и такіе же полураздѣтые или раздѣтые совсѣмъ. Тотъ, кто оставилъ на мастеровомъ «жилетку», думалъ такъ:

— Чай, и ему надо похмелиться-то чѣмъ-нибудь!

И пошелъ искать въ другое мѣсто.

Сожалѣніе о коневыхъ сапогахъ и чуйкѣ, терзанія больной головы, проклятія мало-по-малу исчезаютъ въ размышленіяхъ надъ «жилеткой» и въ особенности въ сомнѣніи относительно того, какъ на этотъ предметъ посмотритъ Данила Григорьичъ.

Полная, здоровая фигура Данилы Григорьича уже давнымъ-давно красуется на высокомъ кабацкомъ крыльцѣ. Поправляя на животѣ поясокъ, исписанный словами какой-то молитвы, онъ солидно раскланивается съ «стоющими» людьми или, понимая смыслъ понедѣльника, принимается набивать стойку цѣлыми ворохами *перемѣнокъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣется всякая *ношебная* рвань, совершенно негодная ни для какого употребленія: старые халаты, сто лѣтъ тому назадъ пущенные семинаристами въ закладъ и прошедшіе огнь и воду, лишившись въ житейской битвѣ полы, рукавовъ, цѣлаго квадрата въ спинѣ и пр. Вся эта рвань предназначается для несчастныхъ птицъ понедѣльника, которыя то и дѣло залетаютъ сюда, оставляя въ закладъ чуйки, жилетки и облачаясь въ это уродское тряпье для того, чтобы хоть въ чемъ-нибудь добраться домой.

Весело похаживаетъ Данила Григорьичъ; по временамъ онъ запѣваетъ какую-нибудь духовную пѣснь: «Господи, помилуй...», или идетъ за перегородку, откуда скоро, вмѣстѣ съ его смѣхомъ, слышится захлебывающійся женскій смѣхъ.

— Грѣхъ!—слышно за перегородкой.

— Эва!..—баситъ Данила Григорьичъ.

На крыльцѣ кто-то оступился отъ слишкомъ быстраго вбѣга, и передъ Данилою Григорьичемъ, солидно обдергивающимъ подолъ ситцевой рубахи, вырастаетъ полуобнаженная и словно на морозѣ трясущаяся фигура. Данила Григорьичъ спокойно помѣщается за стойкой.

— Сдѣлл... милость! — хрипитъ фигура, подсовывая жилетку, и болѣе ничего не въ силахъ сказать. — Сдѣлл... милость!

— Покажь-ко, за что миловать-то еще?

Начинается самая мучительная ревизія всѣхъ дыръ жилета. Данила Григорьичъ третъ ее мокрымъ пальцемъ, разсматриваетъ на свѣтъ, словно фальшивую бумажку.

— Сдѣлл... милость! Ахъ, ты Боже мой! а?—царапая всклокоченную голову, хрипитъ фигура.—Данила Григорьичъ! Сдѣлл... милость... Ахъ, ты Боже мой!

Мучитель швыряетъ жилетъ подъ стойку и говоритъ мастеровому, тыкая себя пальцемъ въ грудь:

— Только един-ствен-но моя одна доброта!

— Отецъ!.. Да развѣ... Ахъ, ты Боже мой!..

Данила Григорьичъ съ сердцемъ откупориваетъ кривымъ шиломъ полштофъ и съ тѣмъ же ожесточеніемъ суетъ маленькій стаканишко, склеенный и сургучомъ и замазкой, почему потерявшій очень много въ своемъ и безъ того незначительномъ объемѣ.

Ужасъ охватываетъ мастерового.

— Данила Григорьичъ! Побойся Бога!

— Я говорю, истинно только изъ одной жалости... Повѣрь ты мнѣ... Я съ тебя Богъ знаетъ чего не возьму божиться... Для того, что видѣть я не могу этого вашего мученія!

— Данила Григорьичъ! Отецъ! Да ты что̀ же это мнѣ?.. Опять, стало-быть, на недѣлю испорченъ? Данила Григорьичъ!..

Цѣловальникъ молча ставитъ полштофъ на прежнее мѣсто.

— Данила Григорьичъ!—умоляя, хрипитъ мастеровой.—Ради Самого Господа Бога... Данила Григорьичъ!..

— Я теб-бѣ говорю,—хочешь, а не хочешь...

— Сто-сто-стой! Что̀ ты? Сдѣлай милость!.. Ахъ, ты Господи!..

— Для Господа, я такъ полагаю, пьянствовать нигдѣ не показано... Нуко-сь, поправляйся махонькой.

Мастеровой долго смотритъ на стаканишко съ самымъ жестокимъ презрѣніемъ, съ горя плюетъ въ сторону и наконецъ пьетъ...

Долго тянется молчаніе. Слышно хрустѣніе соленаго огурца.

— Нѣтъ,—говоритъ наконецъ мастеровой, немного опомнившись.—Я все гляжу, какова обчистка?..

— Спроворено по закону...

— А?.. Одну жилетку?.. Это какъ же будетъ?..

— Скажи еще за жилетку-то «слава Богу»!

— И ей-Богу скажешь...

— Еще какъ скажешь-то!..

— Ей-ей... Еще слава Богу, хоть жилетку оставили... Ахъ, ты Боже мой!.. а?.. Обчи-и-стка-а... ай-ай-ай... а?.. Кон-евые сапоги, одни, «душа вонъ», пять цалковыхъ, одни!.. Да вѣдь какой конь-то!..

— Эти, что-ль?

Цѣловальникъ вынесъ изъ-за перегородки два сапога...

— Он-ни! он-ни!—завопилъ мастеровой, простирая руки.— Ахъ, братецъ ты мой!.. Какъ есть они самые.

— Ну, теперь не воротишь!..

— Гдѣ воротить!.. не воротишь!

— Теперь нѣтъ!

— Теперь, избави Богъ, ни въ жисть не вернуть... Они какъ есть!.. Обчистка!..

Мастеровой развелъ руками.

— То-то и есть:—говорилъ я тебѣ... ой, не больно конями-то своими вытанцовывай...

Идетъ долгое нравоученіе.

— И опять же скажу, это на насъ отъ Господа Бога попущеніе... Докуда вамъ мамонѣ угождать?..—заключаетъ цѣловальникъ.

Мастеровой вздыхаетъ и скребетъ голову...

— Данила Григорьичъ!—умильно начинаетъ онъ; голосъ его принимаетъ какой-то сладкій оттѣнокъ. — Сдѣлай милость!.. маленькую!..

Данилу Григорьича охватываетъ гнѣвъ. Не отвѣчая, онъ въ одну секунду успѣваетъ нарядить посѣтителя *въ перемѣнку* и за плечи ведетъ къ двери.

— Маленькую! отецъ!

— Ступ-пай! Ступпай съ Богомъ!

— Полрюмочки!

— Ступай-ступай!..

— Какъ же быть-то?

— Думай!

— Думать? Вѣдь и то, пожалуй, надо думать...

— Дѣло твое!

— Надо думать!.. Ничего не подѣлаешь!..

Черной тучей вваливается мастеровой въ свою лачугу и, не взглянувъ на омертвѣвшую жену, нетвердыми ногами направляется къ кровати, предварительно съ размаху налетая на уголъ печки и далеко отбрасывая пьянымъ тѣломъ люльку съ ребенкомъ, висящую тутъ же на покромкахъ, прицѣпленныхъ къ потолку. Не успѣла жена всплеснуть руками, не успѣла сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ про-

шептать: «разбойникъ!» — какъ супругъ ея, съ какимъ-то ворчаньемъ бросившійся ничкомъ на постель, уже заснулъ мертвымъ сномъ и храпѣлъ на всю лачугу. Испуганный этимъ храпомъ ребенокъ вздрагивалъ ногами и плакалъ. Оцѣпенѣнье бѣдной бабы разрѣшается долгими слезами и причитаньями... А мужъ все храпитъ... Наконецъ рыдающая жена рѣшается на минуточку сходить къ сосѣдкѣ. Наскоро разсказываетъ она пріятельницѣ, въ чемъ дѣло, занимаетъ до вечера хлѣба и тотчасъ же возвращается домой. Прямо подъ ноги ей бросаются изъ избы три собаки, съ явными признаками молока на мордѣ. Чуя погибель молока, припасеннаго ребенку, она дѣлаетъ торопливый шагъ черезъ порогъ и наталкивается на пустой сундукъ съ отломанной крышкой; въ сундукѣ нѣтъ платья, на стѣнѣ нѣтъ старой чуйки, на кровати нѣтъ мужа, а люлька съ ребенкомъ описываетъ по избѣ чудовищные круги, попадая то въ печку, то въ стѣну. Окончательно убитая баба долго не можетъ ничего сообразить и вдругъ пускается въ догонку...

Въ это время мужъ ея съ какимъ-то истинно-артистическимъ азартомъ выдѣлываетъ въ дальнемъ концѣ улицы удивительные скачки: иногда онъ словно подплясываетъ, а вмѣстѣ съ нимъ пляшетъ и хвостъ женскаго платья, выбившагося изъ-подъ «перемѣнки».

— Держи, держи!..—голоситъ баба, путаясь въ подолѣ отнявшимися и онѣмѣвшими ногами:—ахъ, ахъ, ахъ!.. Разбойникъ! Грабитель!..

Какой-то лабазникъ сталъ ей поперекъ дороги, растопыривъ руки, словно останавливая вырвавшуюся лошадь. Прохожій солдатъ обнялъ на ходу и раза два повернулся съ ней. Остановился и засмѣялся чиновникъ съ женой... А супругъ въ это время уже поровнялся съ храминою Данилы Григорьича и съ разлета всѣмъ тѣломъ распахнулъ обѣ половинки дверей.

Добралась наконецъ и баба. Мужа не было.

— Гдѣ мужъ? — едва переводя духъ, закричала она. — Подавай! Слышишь? Сейчасъ ты мнѣ его подавай, кровопійцу...

— Я съ твоимъ мужемъ не спалъ! — категорически отвѣтилъ Данила Григорьичъ.—Ты его супруга, ты и должна его при себѣ сохранять...

— Подавай, я тебѣ говорю!

Баба вся помертвѣла отъ негодованія.

— Ссію минуту мнѣ мужа маво!.. Знать я этого не хочу!..

Цѣловальникъ усмѣхнулся.

— Малаша!—произнесъ онъ, направляя слова за перегородку. — Вотъ баба мужа обронила... Сдѣлайте милость, присовѣтуйте?

— Ххи-хи-и-ихъ-хи-хи-хи!.. — раскатилось за перегородкой.

— Шкура!—заорала баба.—Мнѣ на твои смѣхи наплевать!.. Твое дѣло распутничать, а я ребенку мать!

— Чтобъ тѣ разорвало!..

— Ахъ ты...

— Что̀ за Севастополь такой?—громче всѣхъ закричалъ цѣловальникъ. — Ишь генералъ Бебутòвъ какой!.. мутить сюда пришла? Такъ я опять же тебѣ скажу: мужа твоего здѣсь не было!

— Не было-о?

— Нѣту! Проваливай съ молитвой! Къ Ѳомину убѣжалъ.

— Къ Ѳомину-у?

— Къ нему. Съ Бог-гомъ! Въ окно выскочилъ.

Баба замолчала, тихонько заплакала и медленно пошла къ двери.

— Все ли взяла? Какъ бы чего не забыть?..—подтрунивалъ цѣловальникъ.

— «А я вотанъ, а я во-о...»—вдругъ запѣлъ кто-то...

Баба узнала голосъ мужа. Но гдѣ раздавалось это пѣніе,—на чердакѣ ли, подъ поломъ ли, или на улицѣ,—рѣшительно разобрать было нельзя. Тѣмъ не менѣе баба бросилась на хохотавшаго цѣловальника.

— Подавай! Сейчасъ подавай! Я тебѣ голову разобью!

Хохоталъ цѣловальникъ, хохотала баба за перегородкой, и пѣніе опять возобновилось.

— Разбойники! Дьяволы! У меня корки нѣту... Поддавай сейчасъ!..

— А я вотанъ, а я во, а я во, а я во,—хооо!..

Смѣхъ, гамъ, слезы...

— Ну, съ Богомъ! — заговорилъ цѣловальникъ рѣшительно и повелъ бабу на лѣстницу.

— Я на тебя, извергъ ты этакой,—доносилось съ улицы:—во сто разъ наведу, мо-ошенникъ! Я тебя, живодера этакого, начальствомъ заставлю...

— Ду-ура! Нѣту такого начальства, башка-а! Гдѣ же это ты такое начальство нашла, чтобы не пить? рожа-а!—рѣзко и внушительно говорилъ цѣловальникъ, высовывая голову на улицу.—Въ начальствѣ ты на маковое зерно не смыс-

ли-ишь!.. Какого ты начальства будешь искать? Прочь отсюда, падаль!

Баба долго кричала на улицѣ.

Цѣловальникъ, разгоряченный послѣднимъ монологомъ, плотно захлопывалъ дверцы.

— Не торопись!—остановилъ его Прохоръ Порфирычъ, отпихивая дверь:—совсѣмъ-было прищемилъ!..

— А! Прохоръ Порфирычъ! Добраго здоровья... Виноватъ, батюшка! Съ эстими съ бабами то-есть не приведи Богъ... Прошу покорно.

— Ай ушла?—шопотомъ проговорилъ мастеровой, приподымая головой крышку маленькаго погреба, устроеннаго подъ поломъ за стойкой, у подножія Данилы Григорьича.

— Ушла!.. Ну, братъ, у тебя ба-аба!..

— О-о!.. У меня баба смерть!

Мастеровой выползъ изъ погреба весь въ паутинѣ и сталъ доѣдать пеклеванку.

— Какую жуть нагнала-а?—спросилъ онъ, улыбаясь, у цѣловальника.

Тотъ тряхнулъ головой и обратился къ гостю:

— Ну, что̀ же, Прохоръ Порфирычъ, какъ Богъ милуетъ?

— Вашими молитвами.

— Нашими? Дай Господи! За тобой двадцать двѣ...

— Ну что-жъ,—сказалъ мастеровой:—эко бѣда какая!

Въ это время изъ-за перегородки выползла дородная молодая женщина, съ большой грудью, колыхавшейся подъ бѣлымъ фартукомъ, съ распотѣлымъ свѣжимъ лицомъ и синими глазами; на головѣ у нея былъ платокъ, чуть связанный концами на груди. По дородности, лѣни и множеству всего краснаго, навѣшаннаго на ней, можно было заключать, что цѣловальникъ «держалъ при себѣ бабу» на всякій случай.

Прохоръ Порфирычъ засвидѣтельствовалъ ей почтеніе.

— Что̀ это, Данила Григорьичъ,—заговорила она:—вы этихъ бабъ пущаете?!. Только одна срамота черезъ это!

— Будьте покойны! — вмѣшался захмелѣвшій мастеровой:—она не посмѣетъ этого... Главное дѣло,—обратился онъ къ Порфирычу шопотомъ:—я ей сказалъ: Алена!.. Я этого не могу, чтобы каждый годъ дитё!.. чтобы этого не было!.. Мнѣ такое дѣло нельзя!

— Ну и что̀ же?—спросилъ цѣловальникъ.

— Говоритъ: не буду! Потому я строго...

— Малань!—ухмыляясь, произнесъ цѣловальникъ.—Вотъ бы этакъ-то... а?..

— Вы все съ глупостями.

— Ххе-ххе-ххе!..

Мастеровой тоже засмѣялся и прибавилъ:

— Нѣтъ, надо стараться!.. И такъ голова кругомъ ходитъ!

Цѣловальничья баба отвернулась. Прохоръ Порфирычъ кашлянулъ и вступилъ съ ней въ разговоръ:

— Ну, что̀ же, Малань Иванна, по своемъ по Каширу тужите?

— Чего-жъ объ немъ?.. Только что сродственники...

— Да-съ... родные?..

— Родные!.. Только что вотъ это... Конечно, жалко... ну все я такой каторги не вижу, когда братецъ Иванъ Филипычъ однимъ мастерствомъ своимъ меня задушилъ... Они по кошачей части... одно поглядѣнье на этакую гадость... тьфу!

— А все деньги!..

— Ну-у ужъ... гадость какая!

— Данила Григорьичъ!—шепталъ мастеровой, колотя себя въ грудь:—передъ истиннымъ Богомъ...

— Ты еще мнѣ за стекло долженъ! Помнишь?..—гудѣлъ Данила Григорьичъ.

— Данила Григорьичъ!..

— Ну, Малань Иванна, а въ нашемъ городѣ что̀ же вы, пужаетесь?

— Пужаюсь!

— Пужливы?..

— Страсть какъ пужлива... Сейчасъ вся задрожу!..

— Да, дда, да... Мѣсто новое...

— Да и признаться, все другое... все другое... За что ни возьмись... Опять народъ горластый...

— П-па кааакому же случаю я тебѣ дамъ?—восклицаетъ въ гнѣвѣ Данила Григорьичъ.

— Данила Григорьичъ! Отецъ!

— Народъ горластый, и опять же, чуть мало-мало, сейчасъ драка! Норовитъ какъ бы кого...

— Въ ухо!.. Это вѣрно! Потому вы нѣжныя!..—покашиваясь на мастерового, ласково произноситъ Прохоръ Порфирычъ.

— Нѣжная!..

— Умру! умру!—заоралъ мастеровой, упавъ на колѣни.

— А чудакъ-человѣкъ! Ну изъ-за чего же я...

— Каплю, дьяволъ, каплю!

— Что̀? Что̀ такое?—заговорилъ, нехотя повернувъ голову къ спорящимъ, Прохоръ Порфирычъ. — Въ чемъ расчетъ?

— Да, ей-Богу, совсѣмъ малый взбѣсился... Проситъ колупнуть, но какъ же я ему могу дать?

— Любезный, заступись!.. Я ему, душегубу, за безцѣнокъ цволъ (стволъ ружейный). Цѣна ему два цѣлковыхъ... Прошу полштофъ... а?

— Что̀ же ты, Данила Григорьичъ!—произнесъ Порфирычъ.

— Ей-ей не могу. Мы тоже съ этого живемъ...

— Покажь!—сказалъ Порфирычъ:—что̀ за цволъ?..

У мастерового отлегло отъ сердца.

— Другъ, — заговорилъ онъ, осторожно касаясь груди Порфирыча: — тебѣ передъ истиннымъ Богомъ поручусь, полпуда пороху сыпь.

— Посмотримъ, попытаемъ.

Цѣловальникъ вынесъ кованный пистолетный стволъ, на которомъ мѣломъ были сдѣланы какія-то черты. Прохоръ Порфирычъ принялся его пристально разсматривать.

— Сейчасъ околѣть,—говорилъ мастеровой:—Дюженцеву дѣлалъ... Еще къ той субботѣ велѣлъ... Я было-надѣялся, понесъ ему въ субботу-ту, а его угорѣлаго дома нѣту... Рыбу, вишь, пошелъ ловить... Ахъ, молъ, думаю, чтобъ тебѣ!.. Ну, оставить-то безъ него поопасался...

— Да ко мнѣ въ сохранное мѣсто и принесъ!—добавилъ цѣловальникъ:—чтобы лучше онъ проспиртовался... чтобы крѣпче!

Мастеровой засмѣялся.

— Оно одно на одно и вышло,—проговорилъ онъ:—Дюженцевъ этотъ съ рыбою-то совсѣмъ пьяный утопъ...

— Вотъ такъ-то!

— Ахъ, и цволъ же! ежели бы на охотника...

— Это что̀ же такое?..—произнесъ Порфирычъ, отыскавъ какой-то изъянъ.

— Это-то? Да, другъ ты мой...

— Я говорю, это что̀? Это работа?

— Ну, ей-Богу, это самое пустое: чуть-чуть молоткомъ прищемлено...

— Я говорю, это работа?

— Да ты сейчасъ ее подпилкомъ! Она ничуть, ничево!..

— Все я же? Я плати, я и подпилкомъ? Получи, братъ...

Прохоръ Порфирычъ кладетъ стволъ на стойку, садится на прежнее мѣсто и, дѣлая папиросу, говоритъ бабѣ:

— Такъ пужаетесь?

— Пужаюсь! Я все пужаюсь...

— Ангелъ!—перебиваетъ мастеровой.—Какая твоя цѣна? Я на все; только хоть чуточку мнѣ помощи-защиты, потому мнѣ смерть.

— Да какая моя цѣна?—солидно и неторопливо говоритъ Порфирычъ:—Данилу Григорьичу, чать, рубль ассигнаціями за него надо?

— Это надо!.. Это безпремѣнно!..

— Вотъ то-то! это разъ. Все я же плати... А второе дѣло, это колдобина, на цволу-то, это тоже мнѣ не статья.

— Да я тебѣ, сейчасъ умереть...

— Погоди! Ну, пущай я самъ какъ-никакъ ее сровняю, все же набавки я большой не въ силахъ дать...

— Ну, примѣрно? на глазомѣръ?

— Да, примѣрно, что̀ же?.. Два большихъ полыхнешь за мое здоровье. Больше я не осилю...

— Куда-жъ это ты Бога-то дѣвалъ?

— Ну ужъ, это дѣло наше.

— Ты про Бога своими пьяными устами не очень!—прибавляетъ цѣловальникъ.

Настаетъ молчаніе.

— Такъ вы, Малань Иванна, пужаетесь все?

— Все пужаюсь. Мѣсто новое!

— Это такъ! Опасно!

— Три! — отчаянно вскрикиваетъ мастеровой. — Чтобъ вамъ всѣмъ подавиться!..

— Давиться намъ нечего,—спокойно произносятъ цѣловальникъ и Порфирычъ.

— А что «три»,—прибавляетъ послѣдній:—это еще я подумаю.

— Тьфу! Чтобъ вамъ!

— Дай-ко-сь цволъ-то!

— Ты меня втрое пуще моей му̀ки измучилъ!

Порфирычъ снова разсматриваетъ стволъ и наконецъ нехотя произноситъ:

— Дай ему, Данила Григорьичъ!

— Три?

— Да ужъ давай три... Что̀ съ нимъ будешь дѣлать!.. Малый-то дюже тово... захворалъ «чихоткой».

Мастеровой почти залпомъ пьетъ три большихъ стакана по пятачку, обдаетъ всю компанію цѣлымъ проливнемъ нецеремонной брани и, снова пьяный, снова разбитый, при помощи услужливаго толчка, пущеннаго услужливымъ цѣло-

вальникомъ, скатывается съ лѣстницы, считая ступени своимъ обезсилѣвшимъ тѣломъ. Прохоръ Порфирычъ спокойно прячетъ въ карманъ доставшійся ему за безцѣнокъ стволъ и снова обращается къ цѣловальничьей бабѣ, предварительно вскинувъ ногу за ногу.

— Такъ вы, Малань Иванна, утверждаете, что главное по кошачей части, то-есть на родинѣ?..

— По кошачей! Такія непріятности!

— Конечно! Какое же удовольствіе?

Такой образъ дѣйствія Прохоръ Порфирычъ называетъ умѣньемъ потрафлять въ «надобную минуту», и въ понедѣльникъ могъ имъ пользоваться въ полное удовольствіе, употребляя при этомъ почти однѣ и тѣ же фразы, ибо общій недугъ понедѣльника слагалъ сцены съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ.

Побесѣдовавъ съ цѣловальничихой, Прохоръ Порфирычъ отправлялся или домой, унося съ собою груду шутя пріобрѣтенныхъ вещей, или же шелъ куда-нибудь въ другое небезвыгодное мѣсто. Между его знакомыми жилъ на той сторонѣ мѣщанинъ Лубковъ, который былъ для Порфирыча выгоденъ одинаково во всѣ дни недѣли.

Мѣщанинъ Лубковъ жилъ въ большомъ ветхомъ домѣ съ огромной гнилой крышей. Сама фигура дома давала нѣкоторое понятіе о характерѣ хозяина. Гнилыя рамы въ окнахъ, прилипнувшія къ нимъ тонкія кисейныя занавѣски мутно-синяго цвѣта, оторванныя и болтавшіяся на одной петлѣ ставни, аляповатыя подпорки къ дому, упиравшіяся однимъ концомъ чуть не въ середину улицы, а другимъ въ выпятившуюся гнилую стѣну,—все это весьма обстоятельно дополняло безпечную фигуру хозяина. Въ лѣтнее время онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на ступенькахъ своей лавчонки. Вслѣдствіе жары и тучности, ноги были босикомъ, на плечахъ неизмѣнно присутствовалъ довольно ветхій халатъ, значительно пожелтѣлый отъ поту и съ особеннымъ стараніемъ облипавшій выпуклости на тучномъ хозяйскомъ тѣлѣ. Такой легкій лѣтній костюмъ завершался картузомъ, истрепаннымъ и засаленнымъ съ затылка до послѣдней степени. Безпорядокъ, отпечатывавшійся на домѣ и на хозяинѣ, отмѣчалъ едва ли не въ бо̀льшей степени и всѣ дѣйствія его. Сначала онъ занимался разведеніемъ фруктовыхъ деревъ; дѣло тянулось до смерти жены, послѣ чего Лубковъ вдругъ началъ для разнообразія торговать говя-

диной, но, не умѣя «расчесть», сталъ давать въ долгъ и проторговался. Кризисы такіе Лубковъ переносилъ необыкновенно спокойно, и въ тотъ моментъ, когда, напримѣръ, торговля говядиной была рѣшительно невозможна, онъ велъ за рога корову на торгъ, продавалъ ее, на вырученныя деньги покупалъ водовозку и принимался не спѣша за водовозничество. Точно съ такимъ же нерасчетомъ завелъ онъ кабакъ, который самъ и посѣщалъ чаще всѣхъ, хлѣбную пекарню и пр., и на всемъ спокойно прогорѣлъ. Къ довершенію своей добродушно-безтолковой жизни, онъ опять женился на молоденькой дѣвушкѣ, имѣя на плечахъ пятьдесятъ лѣтъ, и благодаря этому пассажу имѣлъ возможность хоть разъ въ жизни чему-нибудь удивиться и вытаращить глаза. У него родился сынъ. Событіе было до того неожиданно, что Лубковъ рѣшился оставить на нѣкоторое время свое любимое мѣстопребываніе, крыльцо, и направился къ женѣ.

— Наталья Тимоѳеевна,—сказалъ онъ ей, почесывая голову:—это... что̀ же такое будетъ?

— Убирайся ты отсюда... знаешь куда? Много ты тутъ понимаешь!

— Да и то ничего не разберу...

— Пшолъ!..

Черезъ минуту Лубковъ попрежнему сидѣлъ на крыльцѣ. Спокойствіе снова осѣнило его. Раздумывая надъ случившимся, онъ улыбался и бормоталъ:

— К-комиссія!..

Шли годы, и нерѣдко ребята, т.-е. мастеровой народъ, имѣли случай посмѣяться надъ Лубковымъ, извѣщая его о близкой прибыли въ то время, когда онъ, казалось, и не подозрѣвалъ этого.

Нѣсколько лѣтъ такихъ неожиданностей и насмѣшекъ снова нарушили покой Лубкова. Онъ вторично покинулъ свое сѣдалище съ цѣлью поговорить съ женой.

— Наталья Тимоѳеевна!—сказалъ онъ ей:—вы, сдѣлайте милость, осторожнѣе...

— Нѣтъ, ты сперва двадцать разъ подавись, да тогда и приходи съ разговорами!

— Хоть по крайности сказывайтесь мнѣ... въ случаѣ чего...

— Пошолъ!..

Постигнувъ наконецъ, что ему безвинно суждено быть отцомъ многочисленнаго семейства, Лубковъ на шутки ребятъ отвѣчалъ:

— А ты бы, умный человѣкъ, помалчивалъ бы, ей-Богу!

Во сто бы тысячъ разъ было превосходнѣе, ежели бы ты молчкомъ норовилъ... такъ-то!

Въ настоящее время у него попрежнему существовала лавка, но родъ промышленности былъ совершенно непостижимъ, потому что лавка была почти пуста. Въ углахъ висѣли большія гирлянды паутины, съ потолка свѣшивалась какая-то веревка, которую Лубковъ собирался снять въ теченіе десяти лѣтъ, а на полкахъ помѣщались слѣдующіе предметы: ящики съ ржавыми гвоздями, куски желѣза, шкворень, всякій желѣзный ломъ и полштофъ съ водкой. Болѣе ничего въ лавкѣ и не было, кромѣ дивана, покрытаго рогожей. На этомъ диванѣ любила сидѣть жена Лубкова и обыкновенно во время этого сидѣнья занималась руганьемъ мужа на всѣ лады. Неподвижная спина Лубкова, подставленная подъ ругательскія рѣчи жены, лѣнивое почесыванье за ухомъ или въ головѣ, среди самыхъ патетическихъ мѣстъ ея, смертельно раздражали разгнѣванную супругу.

— Демонъ!—вскрикивала она въ ужасѣ.

Мужъ встряхивалъ головой, и сдвинутый на сторону картузъ снова сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.

Другого отвѣта не было.

Въ понедѣльникъ въ лавкѣ Лубкова было довольно много посѣтителей и происходило что-то въ родѣ торговли. Дѣло въ томъ, что потребность опохмелиться загнала даже къ Лубкову цѣлыя толпы бѣднѣйшихъ подмастерьевъ, которые, за неимѣніемъ своего, тащили добро хозяйское: въ сапогахъ или потаенныхъ карманахъ, придѣланныхъ внутри чуйки, тащили они къ Лубкову мѣдную «обтирню» или «дрязгу», цѣлые вороха всякаго сборнаго желѣза по копейкѣ или по двѣ за фунтъ. Все это у него тотчасъ же покупали люди понимающіе. Иногда и самъ Лубковъ принимался какъ будто дѣлать дѣло: онъ выбиралъ изъ сборнаго желѣза годные въ дѣло петли, крючки, ключи, откладывалъ ихъ въ особое мѣсто и при случаѣ продавалъ не безъ выгоды. Иногда въ общей массѣ желѣзнаго лома попадались какія-нибудь рѣдкостныя вещицы, напримѣръ, замокъ съ фокусомъ и таинственнымъ механизмомъ. Ради этихъ диковинокъ заходилъ сюда и Прохоръ Порфирычъ, имѣя въ виду «охотниковъ», которымъ онъ сбывалъ любопытныя вещи за хорошую цѣну, платя Лубкову копейками, на что, впрочемъ, тотъ не претендовалъ.

Лубковъ по обыкновенію молча сидѣлъ на ступенькахъ крыльца, когда съ нимъ поровнялся Порфирычъ.

— А-а! Батюшка, Прохоръ Порфирычъ! Въ кои-то вѣки!..

— Что̀ же это ты въ магазинѣ-то своемъ не сидишь?

— Да такъ надо сказать, что приказчики у меня тамъ орудуютъ...

— Торговля?

— Хе-ххе-хе!

Порфирычъ вошелъ въ лавку и, помѣстившись на диванѣ, принялся дѣлать папироску.

— Подтить маленичка хлѣбушка искупить,—произнесъ хозяинъ, кряхтя поднимаясь съ сидѣнья, и пошелъ въ лавчонку напротивъ. Подъ парусиннымъ пологомъ торговалъ хлѣбникъ; на прилавкѣ были навалены булки, калачи, огурцы и стояла толпа бутылокъ съ квасомъ, шипѣвшимъ отъ жары. Подойдя къ лавчонкѣ, Лубковъ долго чесалъ спину, глубоко, повидимому, вдумываясь и въ квасныя бутылки, и въ огурцы, и въ ковриги хлѣба. Наконецъ онъ коснулся пальцемъ о бѣлый вѣсовой хлѣбъ и сказалъ:

— Ну-ко-ся, замахнись на три фунтика!

Въ то же время въ самомъ «магазинѣ» происходила слѣдующая сцена. Рядомъ съ Прохоромъ Порфирычемъ на диванѣ помѣстилась молодая, черномазенькая, смазливая жена Лубкова, въ маленькой шерстяной косынкѣ на плечахъ, изображавшей красныхъ и черныхъ змѣй или, пожалуй, піявокъ.

— Ты что̀ же, домовой,—говорила она Порфирычу:— когда же мнѣ платокъ-то принесешь?..

— Да ты и безъ платка выйдешь!

— Ну, это ты вотъ, на-ко-сь!

— Ей-Богу выйдешь! Потому я на тебя твоему главному донесу.

— Мужу-то? Лѣшему-то?

— Н-нѣтъ. Евстигнею...

— Прошка!—ошарашивъ по плечу еще глупѣе улыбавшагося Порфирыча, воскликнула собесѣдница: — я тебѣ тогда, издохнуть, башку прошибу...

— Хе-ххе-хе!

Молчаніе...

— Прохоръ!—заговорила опять жена Лубкова.—Если это твой поступокъ, то я съ тобой, со свиньей... Тьфу! Приходи вечеромъ... Чортъ съ тобой!..

— Безъ платка?

— Возьмешь съ тебя, съ выжиги...

И она еще разъ огрѣла его по плечу.

Порфирычъ улыбался во все лицо.

Въ это время на порогѣ показался Лубковъ. Онъ несъ подъ мышкой большой кусокъ вѣсового хлѣба, придерживая другой рукой конецъ полы своего халата, которая была наполнена огурцами. Сваливъ все это на стойку, онъ взялъ одинъ огурецъ и, шмыгая имъ по боку, говорилъ Порфирычу:

— Какая, братецъ ты мой, комедія случилась... Алешку Зуева, чать, знаешь?

— Ну?

— Ну. То-есть истинно со смѣху уморилъ!.. Малый-то замотался, опохмелиться нечѣмъ. Что̀ будешь дѣлать?.. Сижу я, никакъ вчерась, вотъ такъ-то, на крылечкѣ, гляжу, что̀ такое: тащитъ человѣкъ на себѣ ровно бы ворота какія. Посмотрю, посмотрю, ко мнѣ!..—Алеха!—«Я».—Что̀ ты, дуракъ?—«Да вотъ, говоритъ, сдѣлай милость, нѣтъ ли на полштофъ, я тебѣ приволокъ махину въ сто серебромъ...» —Что̀ такое? — «Надгробіе», говоритъ. Такъ я и покатился! Это онъ съ кладбища сволокъ.—«Почитай-ко-сь, говоритъ, что̀ тутъ написано?..» Началъ я разбирать: «Поммя-ни».—«Ну, вотъ я и помяну», говоритъ... Хе-хе-хе!..

Смѣхъ...

Лубковъ откусываетъ полъ-огурца.

— Каммедія!—говоритъ онъ, усаживаясь снова на крылечкѣ.

Настаетъ общее молчаніе. Жена Лубкова грозитъ кулакомъ около самаго носа Порфирыча. Тотъ сладко улыбается, полузакрывъ глаза...

Въ обиталищѣ Лубкова онъ дѣлалъ дѣла пополамъ съ шуткой; но я не стану изображать, какимъ образомъ тутъ въ руки Порфирыча попадала та или другая нужная ему вещица, открытая въ ящикѣ съ сборнымъ желѣзомъ. Все это дѣлается «спрохвала», тянется отъ-нечего-дѣлать долго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря талантамъ Порфирыча, не носитъ на себѣ ничего отталкивающаго. Самый процессъ обиранія Лубкова весьма милъ. Жадности или алчности не было вообще замѣтно въ дѣйствіяхъ Прохора Порфирыча: на его долю приходилось слишкомъ много такого, что̀ можно было брать навѣрняка, безъ подвоховъ и подходовъ; да кромѣ того, даже при такомъ тихомъ образѣ дѣйствій, Порфирычъ могъ еще подготовлять себѣ *надобную* минуту. Уходя отъ нужнаго человѣка домой, онъ находилъ полную возможность сказать ему: «такъ смотри же, *за тобой* осталось... Помни!» Вообще, особенность Прохора Порфирыча

состояла въ умѣньи смотрѣть на бѣдствующаго ближняго одновременно и съ презрительнымъ сожалѣніемъ и съ холоднымъ равнодушіемъ и расчетомъ, да еще въ томъ, что такой взглядъ осуществленъ имъ на дѣлѣ прежде множества другихъ растеряевцевъ, тоже понимавшихъ *дѣло,* но не знавшихъ еще, какъ сладить съ собственнымъ сердцемъ.

Взявъ отъ понедѣльника все, что̀ можно взять навѣрняка, Прохоръ Порфирычъ, спокойный и довольный, возвращался домой. Поджидая у перевоза лодку, онъ присѣлъ на лавочкѣ, закурилъ папироску и разговорился съ своимъ сосѣдомъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ зеленоватой бородой, по всѣмъ примѣтамъ заводскій мастеръ. На колѣняхъ онъ держалъ большой мѣшокъ съ углемъ.

— Что̀ же, ты бы работы поискалъ,—говорилъ внушительно Прохоръ Порфирычъ.

— Другъ! работы?.. По моимъ лѣтамъ теперича надо бы по настоящему спокой, а я вонъ...

Старикъ какъ-то пихнулъ мѣшокъ съ углемъ.

— Стало-быть, нѣту,—прибавилъ онъ.—Что̀ я знаю? Всю жизнь колесо вертѣлъ, это развѣ куда годится?..

— Плохо! Ну, и... того, потаскиваешь уголекъ-то?

— И—да! братецъ мой... Я въ эфтомъ не запираюсь: которые господа у меня берутъ, тѣ это знаютъ: «что̀, старичокъ, подтибрилъ?»—«Такъ точно, говорю, васскародіе!..» Такъ-то! Ничего не подѣлаешь!

Старикъ замолчалъ и потомъ что-то началъ шептать Порфирычу на ухо, но тотъ его тотчасъ же остановилъ.

— Ты, старина, такихъ словъ остерегайся!

Старикъ вздохнулъ. Лодка причалила къ берегу, и въ нее вошла толпа пассажировъ: «казючка» (женщина зарѣченской стороны), больничный солдатъ съ книгой, два мѣщанина, старикъ и Прохоръ Порфирычъ. Лодка тихо отплыла отъ берега.

— Вытащили его?—спрашивалъ одинъ мѣщанинъ другого.

— Вытащили... Главная причина, пять дёнъ сыскать не могли: шарили-шарили... Разъ двадцать невода закидывали, нѣтъ, да на̀ поди... А онъ что̀ же? какую онъ штуку удралъ!..

— Н-ну?

— Знаешь ключи-то у берега? Онъ туда и сковырнись, засѣлъ въ дыру-то, нѣтъ да и полно!

— Вотъ тоже наше дѣло,—заговорилъ солдатъ съ книгой.—Я говорю: васскародіе, нешто голыми людей хоронить показано гдѣ? А онъ мнѣ...

— Это къ чему же рѣчь ваша клонитъ? — иронически перебилъ Порфирычъ.

— Чево это?

— Въ как-комъ, говорю, смыслѣ?

Старикъ прищурился и, видимо, не разслышалъ ироническихъ словъ сосѣда.

— Онъ-то, что-ль? — заговорилъ старикъ. — О-о-о! Онъ смыслитъ! Еще какъ концы-то прячетъ! Ты, говоритъ, Богомъ тоже въ наготѣ рожденъ. Вона ка-акъ!..

Порфирычъ, откинувшись къ краю лодки, съ презрительной улыбкой глядѣлъ на полуглухого старика, который началъ медленно набивать табакомъ свой золотушный носъ.

— Онъ, братъ, пон-нимаетъ!..

Выйдя на берегъ, Порфирычъ повернулъ налѣво, мимо каменной стѣны архіерейскаго двора. У заднихъ воротъ, выходящихъ на рѣку, стояло нѣсколько консисторскихъ чиновниковъ въ вицмундирахъ; одни торопливо докуривали папиросы, другіе упражнялись въ пусканіи по водѣ камешковъ рикошетомъ и дѣлали при этомъ самыя атлетическія позы. У берега бабы и солдаты стирали бѣлье, шлепая вальками. Порфирычъ пошелъ городскимъ садомъ. На лавкѣ, среди всеобщей пустынности, сидѣлъ какой-то отставной чиновникъ, въ одномъ люстриновомъ пальто и въ картузѣ съ краснымъ околышемъ. Это современный капитанъ Копейкинъ. Принеся на алтарь отечества все, во время севастопольской кампаніи, т.-е. съѣвъ сотни патріотическихъ обѣдовъ, устраивавшихся для ополченцевъ, онъ и теперь какъ будто ожидаетъ возвращенія такого же счастливаго времени. Рядомъ съ нимъ была женщина подозрительнаго свойства; она какъ-то особенно пристально всматривалась въ лицо проходившаго Порфирыча и дѣлала томные глаза.

— Костинька! — сказала она: — мнѣ скучно!

— А мнѣ чортъ съ тобой! — злобно прорычалъ собесѣдникъ.

— Какъ вы вспыльчивы!

Скука, жара...

Въ серединѣ сада, въ кругу, обставленномъ разросшимися акаціями, сидитъ нѣсколько темныхъ личностей, что-то оборванное, разбитое. Одни дремлютъ, прислонившись спиной къ дереву, другіе лежатъ на лавкѣ, подставивъ спину солнцу.

— Посмотрите-ка, голубчики, что онъ со мной сдѣлалъ, —

говоритъ какой-то мастеровой и отнимаетъ отъ локтя огромный газетный листъ. Локоть оказывается разбитымъ, льетъ кровь.

— Хло-обыснулъ!—говоритъ кто-то.

— А? И за что же, голубчики вы мои, онъ меня этакъ-то изувѣчилъ, какъ вы полагаете, а? Прросто удивленіе! Вхожу я къ нему, и только два словечка всего и сказалъ-то: одолжи, говорю, мнѣ, Тимоѳеюшко, на копеечку хрѣнку! Только всего и сказалъ-то, а? и замѣсто того что̀ же?

Всѣ удивились. Прохоръ Порфирычъ понялъ, что у Тимоѳеюшки навѣрно теперь расшиблены оба локтя. Онъ закурилъ папироску и вышелъ изъ сада.

Пошли длинныя, безмолвныя улицы, длинные заборы, взрытые тротуары.

Тишина. Скука. Жара.

— Держи! держи!—раздавалось вдругъ, и на перекресткѣ мелькала фигура улепетывавшаго отъ жены мастерового.

«Понедѣльничаютъ еще...»—думалъ Прохоръ Порфирычъ.

Наставалъ отдыхъ. Подъ защитою «двужильныхъ» трудовъ Кривоногова, Прохоръ Порфирычъ имѣлъ возможность иногда ничего не дѣлать цѣлую недѣлю вплоть до субботы. Время отдыха, проводимое другими мастеровыми обыкновенно въ кабакѣ, непьющему мастеровому рѣшительно некуда дѣть (такъ было двадцать лѣтъ назадъ). Предоставленный самому себѣ, онъ чувствуетъ себя очень неловко: что-то глубоко задавленное трудомъ въ эту пору какъ будто начинаетъ оживать, чего-то хочется, какія-то странныя мысли залетаютъ въ голову и, застывая въ формѣ неразрѣшеннаго вопроса, еще болѣе тяготятъ малаго: дѣло оканчивается или сномъ, или кабаками.

Прохоръ Порфирычъ въ свободное время принимался посѣщать знакомыхъ и такимъ образомъ избѣгалъ обоихъ несчастій. Зеленый, довольно объемистый сундукъ его могъ указать еще другую пользу знакомствъ: наполнявшіе его разнаго рода длины и вида брюки и сюртуки были подарки за ту или другую услугу отъ разныхъ знакомыхъ. Правда, всѣ эти подарки были довольно дряхлы и засалены, но Прохоръ Порфирычъ умѣлъ скрыть эти недостатки не только отъ глазъ постороннихъ, но, можно сказать навѣрное, и отъ самого себя; онъ былъ увѣренъ и могъ увѣрить кого угодно изъ растеряевцевъ, что это вотъ, напр., сукно аглицкое, этотъ жилетъ французскаго покроя, а такого сукна

съ искрой, которымъ покрыто пальто, теперь нигдѣ отыскать невозможно. Знакомился Прохоръ Порфирычъ только съ благородными, потому что самъ онъ тоже благородный, и еще потому, что благородный человѣкъ не скажетъ: «угости», а, напротивъ, угоститъ самъ.

Иногда онъ былъ до того глупо доволенъ своими «благородными» знакомствами, что, казалось, даже терялъ нѣкоторую долю расчетливости, чего въ сущности никакъ бы не могло быть.

Послѣ обѣда, когда Кривоноговъ легъ въ сѣняхъ отдохнуть, Прохоръ Порфирычъ тщательно украсилъ себя чѣмъ могъ, запасся коротенькою сломанною тросточкою, подарокъ растеряевскаго живописца, и не спѣша отправился попить чайку и посидѣть къ чиновнику Богоборцеву.

Знакомство съ этимъ чиновникомъ завязалось благодаря кохетинской курицѣ, забѣжавшей къ Порфирычу и доставленной имъ въ цѣлости хозяину, т.-е. Богоборцеву. Кромѣ непреодолимой страсти къ курамъ, Богоборцевъ имѣлъ множество особенностей, совершенно выдѣлявшихъ его изъ класса «чиновниковъ». Его не интересовали канцелярскія тайны и чиновническіе разговоры столько, сколько конная, оранье прасоловъ и цыганъ; любимымъ зрѣлищемъ его была драка, которую онъ всемѣрно старался «подгвазживать», т.-е. раззадоривать. Любилъ слушать двухорные концерты и съ глубокимъ вниманіемъ смотрѣлъ, какъ гоняютъ «сквозь строй» и пр. Книгъ онъ не читалъ ни одной, хотя былъ увѣренъ, что духовныя книги неизмѣримо выше свѣтскихъ, но все-таки не читалъ и духовныхъ. Относительно политики полагалъ, что «всѣ наши». Въ двѣнадцатомъ году «мы» всѣхъ взяли. На поляковъ сердился и совѣтовалъ ихъ уничтожить. Насчетъ внутренняго устройства собственной персоны онъ не имѣлъ никакого понятія; зналъ, что въ человѣкѣ есть сердце, «душа», животъ, но въ какомъ порядкѣ размѣщены эти предметы: душа, животъ и сердце,—объяснить не могъ. Среди смѣняющихся поколѣній или такъ-называемой «рѣки временъ», господинъ Богоборцевъ представлялъ собою скалу, о которую разбиваются всякія «направленія», «плоды реформъ», «отрадныя явленія» и явленія, надъ которыми «можно призадуматься». Все это, бушующее около него даже въ провинціи, не имѣло силъ хоть на волосокъ оттянуть его отъ любимаго окошка, гдѣ по вечерамъ Богоборцевъ неизмѣнно присутствовалъ и при этомъ обыкновенно пѣлъ весьма нѣжнымъ голосомъ:

— «Вво об-облацѣ ле-эхцѣ-э...»

Отъ жары въ квартирѣ Богоборцева были заперты ставни. Раскаленный, отвратительный воздухъ наполнялъ сѣни. Прохоръ Порфирычъ вошелъ въ горницу. Хозяинъ сидѣлъ въ полуосвѣщенной комнатѣ около стола и доѣдалъ обѣдъ.

— А! Пріятель!—радостно сказалъ онъ.

— Здравствуйте, Егоръ Матвѣичъ! Кушайте!

Хозяинъ отодвинулъ блюдо и почувствовалъ, что сытъ по горло.

— Ффу, батюшки...

— Жарко-съ!—говорилъ Порфирычъ, отирая лицо платкомъ.

— Бѣда!—сказалъ хозяинъ.

Начался вялый разговоръ, поминутно прекращавшійся за отсутствіемъ всякихъ новостей. Обоюдныя усилія хозяина и гостя завязать разговоръ были напрасны. Наконецъ ударили къ вечернѣ.

— Э-э-э!—радостно произнесъ хозяинъ. — Самоварчикъ пора. Авдоть! Авдотья-а!..

Отвѣта не было.

— Что̀ она, никакъ оглохла?

Хозяинъ вышелъ въ другую комнату, потомъ въ сѣни. Порфирычъ сѣлъ посвободнѣе, оглянулъ комнату—на стѣнахъ висѣли рамки съ разными рѣдкостями: птица, сдѣланная изъ настоящихъ перьевъ, наклеенныхъ на бумагу; «Отче нашъ», написанный въ видѣ креста, съ копьями по бокамъ; «Вѣрую» въ видѣ пылающаго сердца. Только такого рода рѣдкостныя вещи интересовали Богоборцева въ области искусствъ. Во всей комнатѣ была одна картина, изображавшая людей, но и та попала сюда совершенно случайно. Не понимая ея содержанія, Богоборцевъ былъ глубоко увѣренъ, что теперь такихъ картинъ уже нѣтъ нигдѣ. Какъ любителю рѣдкостей, Прохоръ Порфирычъ часто «всучивалъ» Богоборцеву разные таинственные замки и прочія вещи, добытыя у Лубкова.

Хозяинъ возвратился съ прежнимъ упорнымъ желаніемъ завязать разговоръ. Прохоръ Порфирычъ, ужаснувшись предстоящей каторги, прямо ударилъ въ любимую тему хозяина.

— Какъ куры, Егоръ Матвѣичъ?—спросилъ онъ.

— Что̀, братъ! Горе мое съ этими курами! Главное дѣло, негдѣ держать!

— Это неловко-съ!

Хозяинъ вынималъ изъ шкапа чайную посуду.

— Курицѣ надобенъ просторъ,—говорилъ онъ:—а я ее въ банѣ морю... Коли хочешь, пройдемся.

Гость и хозяинъ пошли. Егоръ Матвѣичъ прошелъ дворъ, нагнувшись подъ веревкой, протянутой для бѣлья, вошелъ въ садъ и направился къ банѣ.

— Негдѣ имъ разойтись-то! — оборачиваясь, говорилъ онъ:—вотъ!.. Выпусти—украдутъ!

Въ темной банѣ бродило по полу съ пискомъ и крикомъ нѣсколько породистыхъ куръ и множество цыплятъ; все это населеніе загомозилось при видѣ хозяина. Цыплята начали пищать почти не переставая. Одинъ цыпленокъ забрался на бочку со щелокомъ и поминутно взмахивалъ крыльями, опасаясь опрокинуться въ пропасть.

— Эко у васъ, Егоръ Матвѣичъ, кочетъ-то богатый!

— Горлопанъ-то? О-о-о! онъ у меня бѣда. Ка-агда глаза-то продеретъ, почнетъ голосить, смерть!.. Кочетъ бѣдовый!.. Вотъ кохетинки меня сконфузили... Цыпляки какъ есть всѣ зачичкались...

Хозяинъ подхватилъ одного цыпленка съ полу и вынесъ къ свѣту.

— Вотъ. Погляди-ко-сь!

Цыпленокъ еле раскрывалъ глаза и чуть-чуть издавалъ плаксивые звуки.

— Съ чего же это они?

— Скука! со скуки... Тоска!.. взаперти... выпустить боюсь... народъ, самъ знаешь, какой.

— Это что!..

— Вотъ то-то! Ну и груститъ!..

Хозяинъ пустилъ цыпленка, отворилъ передбанникъ и показалъ породистую индюшку.

— Вотъ тоже охота у Филиппъ Львовича!—проговорилъ Порфирычъ, но вдругъ былъ пораженъ неожиданной перемѣною, происшедшей въ хозяинѣ.

На лицѣ его выразилось презрѣніе. Филиппъ Львовичъ былъ тоже охотникъ и, стало-быть, соперникъ.

— Много вы съ твоимъ Филиппъ Львовичемъ въ охотѣ смыслите!.. О-о-хота! Много вы постигаете въ охотѣ-то!..— покраснѣвъ, въ гнѣвѣ произнесъ хозяинъ.

— Егоръ Матвѣичъ!—испуганно проговорилъ совершенно струсившій Порфирычъ.—Я это истинно, передъ Богомъ, упомянулъ, то-есть такъ...

— Вамъ еще до настоящей охоты-то сто лѣтъ расти осталось! У Филиппъ Львовича охота!..

— Егоръ Матвѣичъ! Богомъ вамъ божусь, я даже самъ *обезживотѣлъ* со смѣху, когда этотъ Филиппъ Львовичъ сказалъ: «у меня, говоритъ, охота»... Ей-ей... Такъ и покатился. Собственно только для этого и упомянулъ!

— У него охота!

— Ей-Богу... Просто обезживотѣлъ! У меня, говоритъ, охота! Такъ я и покатился!.. Ей-ей!

Прохоръ Порфирычъ оробѣлъ.

— Знаетъ ли онъ, — продолжалъ хозяинъ: — что̀ такое охота? Настоящая охота, гляди сюда...

Хозяинъ для примѣра взялъ въ руки цыпленка и заговорилъ съ разстановкой, отдѣляя каждое слово:

— Первое дѣло—порода: это вѣдь онъ ни шиша не постигаетъ. Потому, есть курица голландская, и есть курица шампанская...

— Это вѣрно!

— Погоди! Это рразъ! Ежели, храни Богъ грѣха, повалятъ ублюдки, это для охотника что̀?

Порфирычъ молча и испуганно смотрѣлъ на хозяина.

— Видишь, вонъ щепка валяется? Вотъ что̀ это для охотника!

— Трудно!—сказалъ Порфирычъ, не найдя другого слова.

— Второе дѣло, — продолжалъ хозяинъ: — шампанская курица бурдастая, изъ себя королъ... бурдѣ во! Понялъ?

Порфирычъ кашлянулъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Филиппъ Львовичъ! Чижа паленаго смыслитъ онъ! Опять индюшка: ежели въ случаѣ ее по башкѣ: тюкъ!— она летитъ торчмя головой. Но аглицкій пѣтухъ имѣетъ свой расчетъ: онъ сперва клюетъ землю...

— Егоръ Матвѣичъ! — вопіялъ Прохоръ Порфирычъ, чувствуя только, что онъ виноватъ:—передъ Богомъ я это упомянулъ только ради смѣху, сейчасъ умереть! какая же можетъ быть у него охота?

— Болванъ онъ! Вотъ ему цѣна!

Хозяинъ бросилъ цыпленка и вышелъ.

— Я такъ и покатился! — говорилъ Порфирычъ, слѣдуя за нимъ.

Богоборцевъ не отвѣчалъ, хотя и успокоился.

Въ комнатѣ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ.

Началось долгое и дружное чаепитіе.

Черезъ нѣсколько времени Порфирычъ остановился у воротъ дома, принадлежавшаго отставному «статскому го-

нералу» Калачову. Прежде нежели войти во дворъ, онъ тщательно осмотрѣлъ свой костюмъ, спряталъ подъ жилетъ концы галстука, растопыреннаго въ разныя стороны «для красоты», и нѣсколько разъ откашлянулся. Все это дѣлалось на томъ основаніи, что генералъ Калачовъ считался извергомъ и звѣремъ по всей Растеряевой улицѣ; чиновники пробирались мимо его оконъ съ какою-то поспѣшностью, ибо имъ казалось, что генералъ «уже вылупилъ глазищи» и хочетъ изругать не на животъ, а на смерть. Словомъ, всѣ, отъ чиновника и семинариста до мастерового, или боялись, или презирали его, но ругали положительно всѣ. Растеряевой улицѣ было извѣстно, что онъ скоро въ гробъ вгонитъ жену, измучилъ дѣтей и пр. Порфирычъ, спасенный генераломъ отъ рекрутства, считалъ обязанностью задаромъ чинить ему садовыя ножницы, разные столярные инструменты, и былъ тоже убѣжденъ въ его звѣрствѣ. Приведя въ порядокъ свой костюмъ, онъ осторожно входилъ въ калитку; представленіе о генералѣ разныхъ ужасовъ почему-то подкрѣплялось этой необыкновенной чистотой двора, всегда выметеннаго, этими надписями, начертанными мѣломъ на сырыхъ углахъ и гласившими: «не смѣть» и пр.

Порфирычъ встрѣтилъ генерала на дворѣ. Онъ торопливо шелъ изъ саду съ большими ножницами.

— А!—сказалъ генералъ.—Милости просимъ!—и скрылся въ домъ.

Порфирычъ зашелъ за чѣмъ-то въ кухню и потомъ робко пробрался въ комнату.

Въ маленькой комнаткѣ, съ старинною, но чистою и блестѣвшею мебелью, сидѣло семейство генерала: около яркаго кипѣвшаго самовара сидѣла дочь съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ и равнодушнымъ взглядомъ; рядомъ съ ней братъ, молодой человѣкъ, съ изможеннымъ лицомъ, боязливымъ взглядомъ и сгорбленной спиной; онъ какъ будто прятался за самоваръ и нагибалъ голову къ самой чашкѣ. У окна, завернувшись въ заячью шубку, грѣлась на солнцѣ жена генерала, протянувъ ноги на стулъ. Лицо ея дѣйствительно было полно грусти, болѣзни и скорби. Она постоянно вздыхала и говорила: «О-охъ, Господи-батюшка!»

При появленіи Порфирыча всѣ сказали ему:—«здравствуй».

— Садись, Проша! — сказалъ генералъ, помѣщавшійся по другую сторону самовара.

Порфирычъ кашлянулъ и сѣлъ. Настала мертвая тишина. Стучали часы, бойко кипѣлъ самоваръ. Отъ самовара и отъ солнца, ударявшаго прямо въ окна, въ комнатѣ дѣлалось душно. Генералъ большой костлявой рукой вытиралъ огромный запотѣвшій лобъ съ торчавшими по бокамъ сѣдыми косицами.

Гробовое молчаніе. Сынъ все больше и больше прячется за самоваръ. Ему понадобилась ложка.

— Ма... Маш...—шепчетъ онъ чуть слышно.

— Мм?—спрашиваетъ дѣвушка.

Слѣдуютъ знаки руками.

— Ло... Лож...

— Что̀ тамъ?—громко спрашиваетъ генералъ.

Все замираетъ. Сынъ начинаетъ опрометью хлѣбать чай.

— Нѣтъ, это Сеня...—тихо говоритъ дочь.

Сеня въ ужасѣ вытаращиваетъ на сестру глаза.

— Что̀ ему?—допытывается генералъ.—Что̀ тебѣ?

— Нѣтъ-съ... это...

— Ты что-то говорилъ?

— Нѣтъ... я...

— А?

— Ничего!..

Сеня высовываетъ сестрѣ языкъ.

— Что-жъ ты тамъ шепчешь?

— Скат-ти-на!—пригнувшись къ самому столу, шепчетъ Сеня, посылая это привѣтствіе сестрѣ.

Снова мертвое молчаніе.

Порфирычъ какъ-то и самъ привыкъ бояться этого громкаго и твердаго голоса генерала, если бы даже онъ говорилъ самыя обыкновенныя вещи. Въ мертвой тишинѣ Порфирычъ чуялъ ежеминутно бурю. Такую же бурю чуяли всѣ.

Генералъ началъ тереть лобъ, словно собираясь что-то сказать, но нерѣшительность и тревога, вовсе несоотвѣтствовавшія его энергическому лицу, останавливали его.

— Пашенька!—наконецъ мягко произнесъ онъ.

Жена вздрогнула; дѣти тоже.

— Тамъ въ саду у насъ... вербочка. Она такъ разрослась, и я думаю... что ее необходимо... срубить...

Жена отчаянно махнула рукой.

— Я знаю, ты ее любишь... но...

— Руби!—нервно и почти визгливо прервала жена.

— Ты, ради Бога, не сердись понапрасну... Мнѣ самому ее смертельно жаль... Но я хотѣлъ тебѣ сказать...

— Что̀ мнѣ говорить?—напрягая всю силу горла, заговорила взволнованная жена.—Зарубилъ одно, захотѣлъ!

— Ради Бога! Не захотѣлъ! Пойми же ты хоть разъ въ жизни, что я ничего не хочу!.. *Необходимо* срубить... Она задушила у насъ двѣ вишни...

Грозное молчаніе. Жена вся дрожитъ отъ новой прихоти мужа, потому что вербочка—ея любимое деревцо.

Прохоръ Порфирычъ подался къ двери.

Черезъ нѣсколько времени генералъ началъ-было опять:

— Итакъ, мой другъ, я... принужденъ...

— Всѣхъ руби! — завизжала и закашлялась жена. — Всѣхъ рѣжь!..

— Фу т-ты!

Блюдечко съ горячимъ чаемъ полетѣло на столъ; генералъ быстро вышелъ, хлопнувъ дверью.

Порфирычъ пятился. Жена генерала была близка къ истерикѣ, дѣти были парализованы звѣрствомъ родителя и сидѣли съ вытаращенными глазами. Тяжесть свинца висѣла надо всѣми.

А «генералъ» между тѣмъ заперся въ своемъ мастеровомъ кабинетѣ и, утирая большимъ костлявымъ кулакомъ слезы, думалъ: «Господи!.. за что же, за что же это?.. Отчего?»—спрашивалъ наконецъ онъ вслухъ... И все-таки онъ не зналъ этого «отчего». Надо всѣмъ домомъ, надо всей семьей генерала царило какое-то «недоразумѣніе», вслѣдствіе котораго всякое искреннее и, главное, дѣйствительно благое намѣреніе его, будучи приведено въ исполненіе, приносило существеннѣйшій вредъ. Въ тѣ роковыя минуты, когда онъ допытывался, отчего онъ безвинно сталъ врагомъ своей семьи, онъ припоминалъ множество подобныхъ нынѣшней сценъ и ужаснулся... Горе его въ томъ, что, зная «свою правду», онъ не зналъ правды растеряевской... Когда онъ передъ вѣнцомъ говорилъ будущей женѣ: «ты должна быть откровенна и не утаивать отъ меня ничего, иначе я прогоню тебя или уйду самъ», онъ не зналъ, что на такую, въ устахъ жениха необычную фразу послѣдуетъ слѣдующій комментарій, переданный задушевной пріятельницѣ: «признавайся, говоритъ, зарычалъ на меня ровно звѣрь... прогоню, говоритъ...». Онъ не зналъ, что слова его, всегда требовавшія смысла отъ растеряевской безсмыслицы, еще болѣе безсмыслили ее. Страхъ, который почувствовала жена генерала передъ громкимъ голосомъ и густыми бровями мужа, она какъ-то безтолково передала

дѣтямъ. Если, напримѣръ, случалось, сидѣла она съ ребенкомъ и вертѣла передъ нимъ блюдечкомъ, то при звукахъ мужниныхъ шаговъ считала какою-то обязанностью украдкой бросать блюдце и вертѣть ложкой.—«Ты что-то бросила?» — говорилъ мужъ. — «Господи! вовсе я ничего не бросала».—«Я видѣлъ, что ты бросила что-то. Зачѣмъ же ты утаиваешь? Отчего ты не хочешь сказать мнѣ?»—«Господи, да вовсе я ничего не бросала».—«Я самъ видѣлъ». Мужъ, разсерженный ложью, сердито хлопалъ дверью. «Господи,—разсказывала жена пріятельницѣ: — пришелъ, наоралъ, накричалъ, изругалъ... какъ какую самую послѣднюю... и за что? Ей-Богу, только что вотъ этакъ-то блюдцемъ съ Сеней играла... Господи, пошли ты мнѣ смерть!» Дѣти, устрашенныя ужасомъ сценъ, происходившихъ при появленіи родителя, привыкли видѣть въ немъ лютаго звѣря и врага матери. Отъ «папеньки» старались прятаться, потихоньку думать, потихоньку дѣлать и проч.

Такъ и пошло дѣло. Страхъ въѣдался въ дѣтей, росъ, росъ; безтолковщина растеряевскихъ нравовъ, намѣревавшихся идти по прадѣдовскимъ слѣдамъ не думавши, запуталась въ постоянныхъ понуканіяхъ жить сколько-нибудь разсуждая. Растеряева улица, для того чтобы существовать такъ, какъ существуетъ она теперь, требовала полной неподвижности во всемъ; на то она и «Растеряева» улица. Поставленная годами въ трудныя и горькія обстоятельства, сама она позабыла, что̀ такое счастье. Честному, разумному счастью здѣсь мѣста не было.

Не имѣя охоты оставаться въ чайной, Порфирычъ потихоньку спустился внизъ, гдѣ были устроены двѣ комнаты для дѣтей. У маленькаго продолговатаго окна стояла дочь генерала съ лицомъ, убитымъ какою-то тупою ненавистью. Яркое вечернее небо такъ привѣтно сіяло передъ ней, и чѣмъ больше прелести прибавлялось въ немъ, тѣмъ тупѣе, злѣе дѣлалось лицо дѣвушки, потому что безтолково возмущенная душа ея упорно отталкивала эту, посылаемую небомъ, ласку.

— Семенъ!—нетерпѣливо и раздраженно заговорила она:— отдай мою книгу... я читаю... Отдай!

Семенъ лежа держалъ въ рукахъ книгу, бѣгалъ глазами по строкамъ и не видѣлъ ничего, подавленный тою же, висѣвшею надо всѣмъ домомъ, тупою тоской...

— Отдай мою книгу-у! Семенъ!..

Книга съ шумомъ летитъ въ уголъ.

— Свинья!

— Скотина!..

Прохоръ Порфирычъ потихоньку поднялся съ дивана и ушелъ. На дворѣ онъ увидѣлъ генерала, который вытащилъ изъ сада и молча бросилъ подъ сарай срубленную вербу.

Очутившись за воротами, Порфирычъ вздохнулъ свободнѣе, снова выпустилъ и растопырилъ концы галстука и весело тронулся въ путь, намѣреваясь сдѣлать еще одинъ визитъ, столько же веселый, сколько и необходимый въ видахъ расчета.

Стоялъ душный лѣтній вечеръ; скромные обыватели переулковъ, по которымъ шелъ онъ, не зажигали огней и всѣ «высыпали» за ворота или высунулись въ окна, полураздѣтые отъ духоты. Въ открытое окно изъ неосвѣщенной комнаты доносились звуки гитары, и кто-то пѣлъ:

Н-не ад-дной ли мы природы
Съ ттабой, Ѳе-ня, раждены?

Становилось темнѣе и свѣжѣе.

Прохоръ Порфирычъ стоялъ подъ окномъ маленькаго домика, выходившаго окнами на площадь, носившую названіе «плацпарада»: обыкновенно здѣсь происходятъ разнаго рода военныя упражненія гарнизонныхъ солдатъ; окно, съ большимъ косякомъ кумачу въ видѣ занавѣски, было открыто. Передъ нимъ сидѣла дѣвица съ папироской и съ необыкновенно аляповатой грудью, подпиравшей въ подбородокъ.

Распространяя вокругъ себя удушливый запахъ душистаго мыла и розоваго масла, дѣвица едва касалась губами папироски и пискливо говорила Порфирычу:

— Вы бы его привели сюда.

— По-милуйте, Таиса Семеновна! Тогда для нихъ не будетъ этого, такъ сказать, рвенія... Капитонъ Ивановичъ не такой человѣкъ. Имъ много будетъ пріятнѣе, когда ежели въ случаѣ... тайно...

Дѣвица улыбнулась.

— Именно правда!—подтвердила изнутри комнатъ «тетенька».—Для мужчины первое дѣло—не подавай виду Особливо изъ купеческаго сословія; онъ готовъ, кажется, себя заложить.

— Да какъ же-съ! дѣло извѣстное! Онъ въ ту пору, то-есть въ случаѣ интересъ... Онъ тутъ голову прошибетъ, а

ужъ доберется. По этому случаю, Таиса Семеновна, вы съ Капитонъ Иванычемъ обойдитесь строго!.. «Эт-то что такое? Какъ вы осмѣливаетесь?»—а потомъ маленечко сдайтесь: «а конечно, молъ, я точно безъ памяти отъ вашей красоты...» Ну и прочее...

— Именно правда!—прибавила тетка.—Дай тебѣ Господи за это всякаго счастія!.. Какъ ты намъ отъ души, такъ и мы тебѣ...

— Я истинно только изъ одного, что вижу я вашу доброту...

— И Господь тебя не оставитъ... Это все зачтется.

— Я такъ думаю!..

Тетенька удалилась въ другую комнату. Прохоръ Порфирычъ облокотился на подоконникъ и покуривалъ папироску, пуская дымъ въ сторону, для чего всякій разъ поворачивалъ голову назадъ. Разговоръ принялъ болѣе умозрительное направленіе: толковали о томъ, кто вѣроломнѣе. Дѣвица доказывала противъ «мускова полу», Порфирычъ выводилъ на чистоту «женскую часть».

Въ другой комнатѣ послышалось бульканье наливаемой жидкости.

— Тетенька!—сказала дѣвица.—Хоть бы вы чуточку подождали... Ну пріѣдетъ кто?

— Я каплю одну... Да опять и такъ думаю, пожалуй, что никто и не пріѣдетъ, время постное.

Заскрипѣла кровать: тетенька легла спать.

— О-о, Господи-батюшка,—шептала она, изрѣдка икая:—сохрани и помилуй насъ!

Въ это время къ дому съ грохотомъ подкатила пролетка, и съ нея свалилось на землю три человѣка.

Послышалось непонятное мычанье.

— Тетенька! гости!—вскрикнула дѣвица, подлетая къ зеркалу и оправляя волосы.—Запирайте ставни!

IV. Суббота.

Въ субботу мрачная физіономія Растеряевой улицы нѣсколько оживаетъ: въ домахъ идетъ суетня съ мытьемъ половъ и обмстаньемъ потолковъ; молотки на фабрикѣ валяютъ съ особенной торопливостью; на улицѣ замѣтно бо-

лѣе движенія. Всѣ полагаютъ, что завтра, въ воскресенье, почему-то будетъ легче на душѣ, хотя въ то же время всѣ вполнѣ достовѣрно знаютъ, что и завтра будетъ такая же смертельная тоска и скука, только слегка подрумяненная густымъ колокольнымъ звономъ да огромными пирогами, густо намасленными масломъ. У генерала Калачова топятъ баню въ складчину—кто дрова, кто воду; вслѣдствіе этого черезъ улицу бѣгаютъ дѣвки, кучера, солдаты съ водоносами, ушатами. Въ банѣ по причинѣ стеченія множества субъектовъ обоего пола идутъ веселые разговоры. Между вкладчиками, людьми благородными, вслѣдствіе разныхъ «амбицій» происходятъ стычки за первенство обладанія баней прямо послѣ выхода генерала. Случаются поэтому ссоры.

Часовъ съ шести вечера оживленіе еще примѣтнѣй. Вмѣстѣ съ трезвономъ колоколовъ поднимается стукъ дрожекъ и пролетокъ, развозящихъ по церквамъ православныхъ христіанъ. Торопливо возвращаются съ фабрикъ работницы—женщины и дѣвушки; самоварщики цѣлыми фалангами тащатъ ярко вычищенные самовары въ склады; у каждаго въ рукахъ по двѣ штуки; изрѣдка они останавливаются, становятъ ногу на тумбу и поправляются съ своей ношей, подталкивая ее колѣномъ. На фабрикахъ идутъ расчеты.

Въ огромной комнатѣ съ низкими сводами толпился рабочій народъ съ книжками въ рукахъ и съ крайне тревожными лицами: ждутъ расчета. И странное дѣло: какъ нетерпѣливы они въ то время, когда хозяинъ какъ-то безтолково оттягиваетъ минуту расчета, разговаривая съ приказчикомъ о совершенно постороннихъ предметахъ, столько же народъ этотъ дѣлается робкимъ, трусливымъ, даже начинаетъ креститься, когда наконецъ настаетъ самая минута расчета и хозяинъ принимается громыхать въ мѣшкѣ мѣдными деньгами. Начинается шептанье; передніе ряды сжатся къ задней стѣнѣ; иные, закрывая глаза и заслонившись расчетной книжкой, какимъ-то испуганнымъ шопотомъ репетируютъ монологъ убѣдительнѣйшей просьбы хозяину: «Самойлъ Иванычъ!.. ради Господа Бога! Сичасъ умереть, на той недѣлѣ какъ угодно ломайте... Батюшка!..» Другіе, разсматривая книжки одинъ у одного, фыркаютъ и исчезаютъ въ толпѣ.

— Пожалуйте лащетъ!—произноситъ мальчишка лѣтъ 9, въ синей рубахѣ, босикомъ, съ растопыренными волосами.

Хозяинъ удивленно взглядываетъ на него черезъ очки и обращается къ приказчику:

— Это что-жъ такое? Откуда онъ?

— Да я, признаться, Самойлъ Иванычъ,—говоритъ приказчикъ, тронувъ шею и складывая руки назади:—признаться сказать, въ эфтимъ не могу васъ удостовѣрить... т.-е. откуда онъ взялся.

— Давно ли онъ?..

— Да болѣ, пожалуй, недѣли... Эт-та, ежели изволите вспомнить, на прошедшей недѣлѣ хлѣбъ у насъ ссыпали... Ну, я обнаковенно въ сараѣ-съ! Хлопоты... Вижу, стоитъ посередь двора вотъ этотъ самый кавалеръ... Я, признаться, крикнулъ ему: «Будетъ, молъ, тебѣ башку-то чесать. Иди помогай!..» Н-ну онъ и сталъ... Дали ему потомъ въ кухнѣ поѣсть... Такъ вотъ и того... кое-что помочи даетъ-съ...

— Пожалуйте лащетъ!—настоятельно повторилъ мальчикъ.

— Тебя кто это научилъ расчету-то просить?

— Большіе научили...

— Большіе? Ну, это они для смѣху.

Въ толпѣ смѣются, мальчишка молчитъ.

— Мать-то есть у тебя?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣту, я теткинъ.

— Стало-быть, отъ тетки родился?

Раздался дружный смѣхъ толпы, и самъ хозяинъ весело закряхтѣлъ отъ своего смѣшного вопроса. Мальчишка въ первый разъ задумался надъ своимъ происхожденіемъ.

— Что же ты у тетки-то дѣлалъ?

— Побирались...

— Гдѣ-жъ она теперь?

— Она упала... ушиблась... въ больницу увезли...

Всѣ молчали.

— Какъ же теперича его считать?—спросилъ хозяинъ у приказчика.

— Да такъ, я полагаю, считать, что собственно приблудный-съ... на этомъ счету его и оставить... Богъ съ нимъ—пущай... Куда ему?..

Хозяинъ подумалъ.

— Все, я чай, приставу надо сказаться?

— Н-н-нѣтъ-съ!.. Я такъ полагаю, Господь съ нимъ... Пущай его. Все что-нибудь въ хозяйствѣ поможетъ... Богъ дастъ, вырастетъ, получитъ свое понятіе, тогда ужъ его дѣло-съ... а можетъ, и еще кто изъ «своихъ» сыщется.

Хозяинъ далъ мальчугану гривенникъ. Тотъ бросился

ему въ ноги, брякнувшись объ полъ всѣмъ, чѣмъ только можно брякнуться: лбомъ, локтями, колѣнками.

Толпы рабочихъ, выходя изъ воротъ фабрики, раздѣлялись на партіи: одни шли прямо въ кабакъ, другіе сначала въ баню и потомъ въ кабакъ. Бани полны народомъ. Вся рѣка покрыта тѣлами купающихся; въ купальняхъ идетъ гамъ, крикъ, хохотъ; народу тьма. Отъ большинства отдаетъ водкой. Все это норовитъ забраться «подъ самый переметъ» купальни и оттуда нырнуть въ воду. Берегъ рѣки около бань запруженъ купающимися. Черныя фигуры мастеровыхъ торопливо срываютъ съ плечъ чуйки, рубашки. Слышенъ говоръ, смѣхъ...

— Ну-ко, Господи благослови!—говоритъ мастеровой и съ разбѣгу летитъ въ воду, откинувъ напряженіемъ ноги большой кусокъ земли отъ берега; вытянутыми впередъ руками онъ врѣзывается въ воду почти вертикально—и исчезаетъ, взболтнувъ ногами...

— Нырокъ!—говоритъ кто-то.

Мастеровой выныряетъ среди рѣки и принимается отмѣривать саженями, взмахивая головой въ сторону, чтобы откинуть мокрые, закрывшіе лицо волосы.

Дальше за банями, гдѣ берегъ уложенъ высокими стѣнами навоза, въ мутныхъ лужахъ, полощутся мѣщанскія дѣвицы, опасаясь на аршинъ отдѣлиться отъ берега, такъ какъ платье ихъ можетъ быть ежеминутно похищено разнаго рода юношами. Какая-то смѣлая баба, съ головой, обвязанной платкомъ, рѣшается выплыть изъ лужи на рѣку.

— Ха-а, ха-а, ха-а!—грозно вскрикиваетъ мастеровой и пускается за ней въ догонку, необыкновенно сильно и искусно работая руками. Баба въ испугѣ поворачивается назадъ, взбивая ногами цѣлые фонтаны.

На Большой улицѣ съ шумомъ желѣзныхъ засововъ запираются лавки; мастеровые съ работами рыщутъ отъ одной лавки къ другой. Новыя времена, отозвавшіяся въ торговлѣ, не поддаются на единственное доказательство мастерового: «Христа ради!»

Въ ярко освѣщенной лавкѣ стальныхъ издѣлій сидитъ на диванѣ молодой хозяйскій сынъ въ пестрыхъ брюкахъ; у прилавка, съ ящиками разныхъ стальныхъ мелочей, стоитъ приказчикъ. Тутъ же, въ качествѣ посѣтителя, присутствуетъ лакей, держа подъ мышкой цѣлый узелъ разнаго оружія.

— Такъ ужъ я такъ барину и передамъ-съ,—говоритъ онъ.

— Такъ и скажи,—говоритъ хозяинъ.

— Конечно, мнѣ какое дѣло! Мнѣ приказано: скажи, говоритъ ему (вамъ-то), что у меня этого оружія въ избыткѣ... Я такъ вамъ и передаю... хоть достовѣрно понимаю, что у нихъ этого избытку не токмо въ оружіи...

Лакей шепчетъ.

— То-то и есть!—говоритъ хозяинъ.

— Вѣрите ли?—многозначительно произноситъ лакей, скрестивъ руки.

— Ихнее дѣло прошло-о!

— Это какъ есть!.. Я теперь вижу, къ чему идетъ-съ... Теперь попретъ купечество... вотъ-съ!.. Оно теперича еще не очувствовалось какъ слѣдуетъ. Дай ему обглядѣться, бѣда! Оно теперь робѣетъ... Вотъ я вамъ скажу,—одинъ купецъ купилъ у нашего барина коляску... а ѣздить-то боится... Еще робѣютъ-съ!

— Капитонъ Иванычъ! — громко произнесъ мастеровой, появляясь на порогѣ лавки.—Отецъ! Что-жъ мнѣ, околѣвать, что ли, на улицѣ-то?

— Черти! Что у меня, быкъ, что ли, съ позволенія сказать, отелился? Изъ-за чего я долженъ разоряться? Ну, купи ты у меня! Видѣлъ товару-то? Ну, купи!

— Куда-жъ это дѣваться мнѣ теперь?

Хозяинъ молчалъ.

— Толкнись къ Шишкину... Аль ужъ, въ самомъ дѣлѣ, у меня монетный заводъ? Только и прутъ, что ко мнѣ... Ступай!

Мастеровой уходитъ, отчаянно тряхнувъ головой...

Въ отворенныя двери лавки видно еще нѣсколько мрачныхъ фигуръ, медленно лавирующихъ мимо. Они сходятся на углу; слышны слова: «Какъ тутъ быть, а?» «Духъ вонъ,— хлѣба не на что купить». «Ну, время!..»

Скоро между ними показывается чинная фигура Прохора Порфирыча. Товаръ его завернутъ въ платокъ и засунутъ въ рукавъ, а рукавъ, въ свою очередь, засунутъ въ карманъ, такъ что все-таки Прохоръ Порфирычъ ничуть не теряетъ благороднаго вида. Неумѣлые въ современныхъ разговорахъ мастеровые обступаютъ его со всѣхъ сторонъ; слышны просьбы, какія-то клятвы, «за что ни отдать».

— Я, ребята, обѣщанія вамъ не даю,—говоритъ чрезъ нѣсколько времени Порфирычъ:—а попытать попытаю.

— Отецъ!

— Погодите, друзья; сами вы разочтите, какая въ этомъ дѣлѣ нужна словесность... разъ! Окромѣ того, долженъ я подъ него, ирода, подводить махину не маленькую... два! Все это хлопоты! Дѣло это, пріятели, не легкое... По этому случаю я ужъ съ васъ, ангелы, по полтинничку получу...

— Грабь! Хоть бы мало-мало... Палтинникъ! Грабь смѣло!

— То-то... Ну-ко-сь, вали сюда!

Пять пистолетовъ падаютъ въ разставленный платокъ...

— Ну, — говоритъ, улыбаясь, Порфирычъ: — творите молитву!

И чинно входитъ въ лавку...

— Мое почтеніе!—провозглашаетъ хозяинъ.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ?—произноситъ Порфирычъ, почтительно снимая картузъ.

Хозяинъ почему-то таинственно прищуриваетъ одинъ глазъ. Порфирычъ утвердительно киваетъ головой. Между ними, очевидно, какое-то тайное дѣло.

— Такъ ужъ вы такъ вашему барину и доложите, что, молъ, у насъ у самихъ товару некуда дѣвать... Опять же, это ихнее оружіе не по насъ, намъ въ теперешнее время нужна вещь грошовая, ярмарочная...

— Это само собой...

— Вотъ что-съ! Намъ теперича нужна вещь, лишь бы кое-какъ сляпана... Убьешь, хорошо; не убьешь, еще того лучше! Зачѣмъ бить?

— Именно, правда ваша!—подтвердилъ лакей.—Я такъ вамъ докладываю: мое дѣло—исполняй: приказано сказать «отъ избытка», я исполняю, но достовѣрно знаю, что не токма...

Слѣдуетъ шептаніе. Хозяинъ поддакиваетъ, издавая какіе-то звуки въ родѣ: «гм... гм...» или: «д-да! во-отъ!» и пр.

— До пріятнаго свиданія,—заключаетъ лакей.

— Будьте здоровы!

Лакей уходитъ. Лицо Порфирыча превращается въ радостную улыбку.

— Ну?—спрашиваетъ строго и любезно хозяинъ, отводя его въ сторону.

— Готово-съ!

— Врешь, мошенникъ!

— Сейчасъ умереть!.. Я вамъ, Капитонъ Иванычъ, такую дѣвицу разыскалъ, истинно пшено! Провалиться!

— Прохоръ! Я тебя убью!

— Какъ вамъ угодно! Это именно ужъ самъ Богъ вамъ помогаетъ...

— Ежели ты въ случаѣ врешь, сейчасъ умереть, такъ и разнесу!

— Что̀ угодно! Я ей, Капитонъ Иванычъ, такъ говорю:— «Таинька! Вы ихъ любите?» Васъ то-есть...

— Ну?

— «Даже, говоритъ, до безчувствія влюблена...» — «А когда, говорю, вы влюблены, то вы и должны удостовѣрить Капитона Иваныча въ полномъ размѣрѣ...»

— Ну?

— «Мнѣ, говоритъ, стыдно; пущай, говоритъ, они меня сами вовлекутъ...»

— Первое дѣло!

— Н-ну-съ, по этому случа́ю завтрешняго числа назначено вамъ быть въ рощу... Тамъ дѣло ваше! Главная причина, маменька ихъ очень строга, а насчетъ Таисы— вполнѣ готова! Можно сказать одно: влюблена.

— А ежели врешь?

— Какъ вамъ угодно! Я подвелъ дѣло. Теперь трафьте сами...

— Я натрафлю!.. Вѣрно ты говоришь?

— Издохнуть на мѣстѣ! У меня, слава Богу, одна спина-то...

Пріятное молчаніе.

— Ну, Капитонъ Иванычъ,—затягиваетъ Прохоръ Порфирычъ:—съ васъ тоже магарычу надо будетъ получить...

Въ дверяхъ мелькаютъ нетерпѣливыя фигуры рабочихъ. Порфирычъ грозитъ кулакомъ; фигуры исчезаютъ.

— Какой же это магарычъ тебѣ? любопытно!

— Я многаго не прошу... Намъ бы только какъ-никакъ перебиться... На васъ вся надежда...

Порфирычъ не торопясь вытаскиваетъ свой револьверъ.

— Ахъ, т-ты идолъ этакой, подо что подвелъ! Небось, опять красную?

— Да ужъ что̀ дѣлать!

— Клади! Погоди, я тебя и самъ подсижу!

— А вотъ эти рублика по четыре, что ли...

Слѣдуетъ развязываніе узла.

— Неси-неси-неси-и-и-и!..

— Капитонъ Иванычъ! Что-жъ это вы говорите?.. Ради субботы-то хоть снизойдите! Вѣдь посмотрите вы на эту лузгу, издыхаютъ! А вамъ все годится... Четыре цѣлковыхъ!

онъ въ работѣ шесть стоитъ... Это я вамъ истинную правду говорю... Капитонъ Иванычъ!..

— Клади! Песъ съ тобой!

Прохоръ Порфирычъ получаетъ деньги и, отдѣливъ себѣ что̀ слѣдуетъ и даже что̀ вовсе не слѣдуетъ, собирается уйти.

— Погоди,—говоритъ хозяинъ:—мы съ тобой того...

— Слушаю-съ... я сію минуту...

Радостно привѣтствуютъ своего избавителя неумѣлые люди. И потомъ такъ разсуждаютъ:

— Экой у этого Прохора умъ, братцы мои!

— Чево это?

— Я говорю, у Прохора ума—страсть!

— О-о! У него ума страсть!

Мастеровые медленно разбредаются въ разныя стороны.

— Прощай!

— Прощай! до свиданія... Ты куда?

— Домой. А ты?

— Я-то? Я, братъ, домой... довольно!

Но медленность въ походкѣ, остановки и размышленія надъ трехрублевой бумажкой, совершающіяся на каждыхъ двухъ шагахъ, весьма ясно рисуютъ борьбу добра и зла, происходящую въ душѣ мастеровыхъ. При этомъ добро является въ фигурѣ разваленной избы, въ которой на трехрублевую бумажку почти невозможно получить ни единой крупицы радости, настоятельно необходимой въ настоящую минуту; а зло—въ формѣ кабака, гдѣ означенная бумажка можетъ сдѣлать чудеса.

Мастеровой дѣлаетъ еще два медленныхъ шага, зло преодолѣваетъ, шаги принимаютъ совершенно обратное направленіе... и скоро, только разставшіеся, пріятели съ громкимъ смѣхомъ встрѣчаются у стойки кабака «Канавки».

Къ ночи надъ городомъ нависла большая туча, и пошелъ тихій, теплый, лѣтній дождь... Улицы было совершенно пустынны; нигдѣ ни огонька; ярко горѣли только кабаки и харчевни. Въ «Канавкѣ» были растворены окна; изъ нихъ, вмѣстѣ съ криками и звономъ стекла, лились на улицу яркія полосы свѣта и удушливый воздухъ, раскаленный плитою, на которой клокотали пятикопеечные пироги и селянки; въ отдаленной комнатѣ неистово играла шарманка и огромный бубенъ ежеминутно и какъ-то тяжело охалъ подъ напоромъ ядренаго пальца севастопольскаго героя.

Ближе, среди хохота, раздававшагося съ неудержимою силою, по временамъ шло пѣніе. Какой-то тощій портной, оцивилизовавшій свой почти прародительскій костюмъ разорваннымъ до воротника сюртукомъ, пѣлъ пѣсенку про *вольника**), приправляя ее нѣкоторыми жестами. Прежде всего онъ сдѣлалъ грустную физіономію, изображая собой старуху-мать вольника; прижалъ руку къ щекѣ и, всхлипывая, тянулъ:

Да и что-о же ты, ди-и-тятко...
Будешь тама наси-и-ти?

Тутъ пѣвецъ вдругъ встрепенулся и съ отчаяннымъ ухарствомъ и присядкой торопливо запѣлъ:

Мма-минька—сертучки,—охъ!
Сударынька—сертучки,—охъ!
Пусс-кай сертучки-и!..
Ну что-жъ? сертучки-и!
Носить буд-ду серр-тучки-и!

Прохоръ Порфирычъ, щедро упитанный Капитономъ Иванычемъ, нетвердыми шагами возвращался домой и вслѣдствіе непроходимой грязи, растворившейся въ Растеряевой улицѣ, поминутно поскользался на глинистой тропинкѣ и хватался рукой за заборъ.

— Эт-то кто такой? — вскрикнулъ онъ, натыкаясь на что-то живое.

— Да что̀, другъ, шапки никакъ не сыщу...

— Кто ты такой?

— Я, братъ, не здѣшній. Никакъ, провалиться, не сыщу этого демона, шапки...

— Что̀ же ты, лѣшій, безо время шатаешься?

— Ды все, другъ, теплаго мѣста ищу, которое, ежели бы мѣсто, иной разъ, сухое...

— Смотри, не попади въ теплое-то!

— Я самъ, братецъ, такъ полагаю... Надо-быть, попадешь... во-во-во... Ахъ ты, анаѳема!.. вотъ она, шельма... ишь! Запотѣла!

Раздается хлясканье объ заборъ мокрой шапкой...

Прохоръ Порфирычъ пробирается далѣе... Усилившійся, но такой же тихій дождикъ чуть-чуть шумитъ въ листьяхъ деревъ.

Совсѣмъ темно.

У однихъ воротъ возится съ лошадью пьяный извозчикъ;

---

*) Человѣкъ, охотой идущій въ солдаты.

въ темнотѣ онъ растерялъ вожжи, лошадь переступила черезъ оглоблю и, подаваясь назадъ, подвернула переднія колеса подъ дырявыя и изломанныя дрожки, которыя вслѣдствіе этого свалились на бокъ.

— Тпрр... Тпрр!..—ласково говоритъ извозчикъ, засѣвъ по колѣно въ грязь и отыскивая во тьмѣ лошадиную морду. — Тпрррю!.. Трр!.. Нич-чего!.. трр!.. милая!..

Прохоръ Порфирычъ, видя безпомощное положеніе хмельного человѣка, хотѣлъ-было сначала посовѣтовать ему: постучись, молъ. Хотѣлъ потомъ самъ постучаться, но раздумалъ... «Шутъ ихъ возьми!» И заключилъ размышленіями о томъ, какой человѣкъ свинья, ибо завсегда радъ облопаться и насчетъ водки не имѣетъ мѣры.

Извозчикъ все копошился въ грязи. Лошадь поминутно шлепала въ грязь переступившею ногою. Дрожки скрипѣли.

Въ непроницаемо темныхъ сѣняхъ избы Прохора Порфирыча стояли Глафира и подмастерье. Отъ Кривоногова отдавало виномъ.

— ... Это развѣ возможно,—шепталъ онъ надъ самымъ ухомъ Глафиры:—извольте послушать.—«Хочу въ маскарадъ, ты пьяница, немытая мочалка, вонючая рогожа». — Я? — «Ты...» — Изволь! Ступай съ Богомъ. — «Въ лучшемъ костюмѣ!» — Сдѣлайте вашу милость... — «Я благородная! ты харя!» — Какъ вамъ будетъ угодно: на балъ—на балъ, харя—харя! какъ ваша душа желаетъ... Дверью хлопъ, — ушла... Потомъ того, слышу, съ офицерами... Добраго здоровья!.. Это какъ же?

Вопросительное молчаніе. Глафира вздыхаетъ.

— Или,—говоритъ Кривоноговъ снова:—какъ вамъ покажется?.. Повѣнчались мы съ ней... все какъ слѣдуетъ: гости, шампанское (околѣть, было-съ!). Отходимъ въ спальню: какъ есть мужъ и жена... Я... Ну она же, напримѣръ: «прочь отсюда... тварь!..» Благородно? Или какъ по-вашему?..

Опять молчаніе.

— Ну и валялся, какъ песъ у порога... — «Вонъ отсюда!» И уйдешь въ кухню... Это жизнь?

Шумъ дождя начиналъ слышаться яснѣе среди безмолвія улицы. Около повалившихся дрожекъ и спутавшейся лошади возился другой извозчикъ, уже самъ хозяинъ квартиры и лошади, съ фонаремъ въ рукахъ. Онъ сердито дергалъ лошадь за узду и злобно кричалъ: «ног-гу! но-но!» Слышалось ярое хлясканье кнутомъ объ лошадиную морду. Лошадь билась. Извозчикъ торопливо и сердито бормоталъ:

— Прр-апоица!.. Мало ты ученъ?.. Жживотное! Н-но!

И снова свистъ кнута...

— Кумъ!—глухо говорилъ пьяный извозчикъ, скрывшись гдѣ-то въ темнотѣ.

— Право, ненасытная утроба!.. Какъ ни бьется, какъ ни бьется, а ужъ къ ночи готовъ! Па-адлецъ ты этакой!..

— Кумъ!—сонно бормоталъ пьяный.

Извозчикъ съ фонаремъ молча возился около дрожекъ. Сальный огарокъ въ фонарѣ разливалъ тусклый свѣтъ на небольшое разстояніе кругомъ, отчего три большія осины, кучей столпившіяся за заборомъ и слегка освѣщенныя снизу, уходили въ темноту своими вершинами и казались безконечными.

Отворивъ окно, Прохоръ Порфирычъ присѣлъ къ окну съ папироской; хмельная голова его клонилась на грудь. Съ крыши лилъ дождь; гдѣ-то вдали съ легкимъ гуломъ вода била въ пустую еще кадушку.

— Господи!—шепталъ Порфирычъ.—Сохрани и помилуй ррра-ба Твоего!

Лилъ дождь.

— Ка-арра-у-у-улъ!—бушевало гдѣ-то далеко.

V. Идутъ дни и годы.

«...Горе по горю»,—говоритъ пословица, а стало-быть, и въ Растеряевой улицѣ все по-старому. Только видъ ея и физіономія измѣняются сообразно временамъ года: вотъ отошли ясные, свѣжіе, осенніе дни, поднялись со всѣхъ концовъ неба сизыя тучи, заморосилъ нескончаемый осенній дождь — подошла глубокая осень. Растворилась грязь, настала непроходимая топь, и отовсюду навалилась какая-то непроглядная тоска. Ежатся голуби подъ князькомъ крыши, пряча носы въ перья, и встряхиваютъ въ студеныхъ просонкахъ мокрыми крыльями. Ежатся обыватели и устами старухъ говорятъ: —«Господи! хотя бы зима поскорѣй!..»

Но вотъ начались крѣпкіе утренніе заморозки; подошелъ Варваринъ день, и повалилъ пухлый, рыхлый снѣгъ. Въ одну недѣлю покрылъ онъ и улицу, и крыши, и верхушки заборовъ нѣжнымъ и рыхлымъ снѣжнымъ пологомъ, изъ-подъ котораго, словно лица мертвецовъ изъ-подъ савана,

смотрятъ черныя, гнилыя, полуразрушенныя растеряевскія лачужки. Ударилъ морозъ, повисли на крышахъ сосульки, понеслись ледянки, зашумѣла мятель и завыла по-волчьи въ развалившейся трубѣ.

— Эка стыдь, эка стыдь!—твердятъ старухи, кутаясь на холодной печи.—И когда это только весна придетъ!

А тутъ, глядь-поглядь, и весна: вдоль всей улицы съ шумомъ несутся потоки, унося съ собою, въ какую-то неизвѣстную сторону, все, что только накопилось, все, что было выкинуто на улицу зимою. Но эта картина топи и разрушенія не производитъ однако того мертвящаго впечатлѣнія, какое бываетъ осенью. Теплые, блестящіе, грѣющіе лучи солнца, воздухъ, окрашенный золотомъ этихъ небесныхъ лучей, зовутъ жить. Безъ умолку трещатъ воробьи, громко, хоть и устало, каркаютъ отощалыя вороны; насильно выпихнутая изъ закуты корова, еле передвигая ноги, выползла на средину улицы, да такъ и закоченѣла подъ благодатными солнечными лучами, по цѣлымъ часамъ не ворохнется она ни однимъ членомъ; впалые бока ея, подставленные солнцу, чуть колышутся едва примѣтнымъ дыханіемъ; глаза тупо смотрятъ въ одну точку. Иногда, разогрѣтая тепломъ солнечныхъ лучей, она медленно подгибаетъ колѣна и валится бокомъ на теплую и мокрую землю, испустивъ глубокій вздохъ. Галки и вороны бодро разгуливаютъ по ея дымящейся спинѣ, поклевывая въ нее острыми носами, но счастливое въ эту минуту животное не замѣчаетъ обиды.

Подошла Страстная недѣля. Громко загудѣлъ звучный колоколъ, а игривый вѣтеръ разнесъ эти звуки по окрестности.

Въ эту пору хороша даже и Растеряева улица.

А дни идутъ все теплѣй и ярче. Въ яркой зелени деревъ исчезли черныя вороньи гнѣзда; подъ заборами и посреди улицы пролегли извилистыя, крѣпко протоптанныя тропинки; солнце начинаетъ припекать.

— Вотъ и лѣто!—говоритъ обыватель и, сказать по совѣсти, говоритъ не безъ тайнаго ужаса, потому что впереди, въ неизвѣстномъ количествѣ будущихъ годовъ, видится ему то же тоскливое ожиданіе проливныхъ дождей, вьюгъ и мятелей.

И опять все то же!

То же и въ жизни. Правда, между постоянной борьбой съ нуждою и ежеминутными отдыхами отъ нея въ кабакѣ, въ

нашихъ нравахъ бываютъ минуты, когда несчастнымъ растеряевцамъ удается «отчунѣть», т.-е. когда въ отуманенныя головы гостемъ вступаетъ здравый разсудокъ; но область, надъ которою хозяйничаетъ этотъ разсудокъ, такъ мала, что объ ней можно говорить только между прочимъ, хотя, повидимому, разсудку есть надъ чѣмъ поработать: въ эти минуты весь міръ Божій, отъ пониманія тайнъ и красотъ котораго растеряевецъ почти отвыкъ, является множествомъ неразрѣшаемыхъ вопросовъ. Въ эту пору ново все, что ни попадется на глаза. Между тѣмъ крошечныя минуты «отчунѣнія» плохой помощникъ въ такомъ множествѣ запутанныхъ дѣлъ... Убитый обыватель нашъ въ ужасѣ успѣваетъ только схватиться за свою разбитую голову и, не устоявъ подъ напоромъ нахлынувшей на него тоски, спѣшитъ снова успокоиться въ томъ же властительномъ кабакѣ. Не обладая способностью изображать всю трагичность этихъ короткихъ минутъ, я тѣмъ не менѣе буду продолжать мой разсказъ о Растеряевой улицѣ, удерживаясь *по возможности* въ области дѣяній, совершающихся въ трезвомъ умѣ и здравомъ разсудкѣ, хотя и не ручаюсь за то, что желаніе это можетъ быть осуществлено. Трудно не «пить» въ Растеряевой улицѣ. Впрочемъ, мы познакомимся и не съ пьяницами только.

Оставимъ на время Прохора Порфирыча, — онъ живетъ такъ, какъ жилъ и прежде,—и будемъ разсказывать о другихъ растеряевскихъ «замѣчательныхъ» личностяхъ. Первое мѣсто между ними, безъ сомнѣнія, принадлежитъ растеряевскому «и иныхъ мѣстъ», т.-е. иныхъ переулковъ и закоулковъ «растеряевской округи», извѣстному врачу, или, какъ онъ самъ себя называетъ, «медику» — Ивану Алексѣеву Хрипушину. О немъ мы теперь и поведемъ рѣчь.

VI. «Медикъ» Хрипушинъ.

Военный писарь Хрипушинъ съ давнихъ поръ слылъ въ растеряевской округѣ (и въ особенности среди растеряевской чиновной мелкоты) за человѣка, обладающаго весьма большими познаніями, и за искуснаго врача. Будучи человѣкомъ талантливымъ, онъ не только умѣлъ избѣжать общей участи нашихъ доморощенныхъ талантовъ, т.-е. одиноче-

ства и беззащитности, но, напротивъ, постоянно внушалъ къ себѣ уваженіе и даже страхъ. Въ объясненіе этого должно сказать и то, что онъ ни въ чемъ не слѣдовалъ примѣру нашихъ доморощенныхъ талантовъ: онъ не выдумывалъ perpetuum mobile, не ломалъ головы надъ устройствомъ какой-нибудь хитрой машины, изъ-за которой забываются жена и дѣти и которая оказывается уже выдуманною. Нѣтъ, талантъ Хрипушина былъ изъ непогибающихъ. Цѣли его были гораздо проще: ему желательно было каждодневно посѣщать по возможности всѣ растеряевскіе кабаки и въ каждомъ проглотить по рюмочкѣ.

Достойныя цѣли эти достигались Хрипушинымъ весьма успѣшно. Одною изъ главныхъ причинъ этихъ успѣховъ была, по правдѣ сказать, самая его физіономія. Отъ роду никто не видывалъ болѣе убійственнаго лица. Представьте себѣ большую круглую, какъ глобусъ, голову, покрытую толстыми рыжими волосами и обладавшую щеками до такой степени крѣпкими и глазами, сверкавшими такимъ металлическимъ блескомъ, что при взглядѣ на него непремѣнно являлось въ воображеніи что-то желѣзное, литое, что-то въ родѣ пушки, даже заряженной пушки. Эта кованная физіономія была вся налита кровью, которая до хрипоты стиснула его коротенькую шею и выпирала наружу огромные сѣрые глаза, которые сами по себѣ могли поразить человѣка робкаго. Маленькій какъ пуговица носъ и выпуклости щекъ были разрисованы множествомъ синихъ жилокъ. Общій эффектъ физіономіи завершался огненнаго цвѣта усами, торчащими кверху наподобіе кривыхъ турецкихъ сабель. Все это, взятое отдѣльно и въ совокупности, дѣлало, какъ увидимъ, удивительныя вещи.

Всѣ другія достоинства Хрипушина терялись передъ громадностью впечатлѣнія его физіономіи и служили только какъ бы подкрѣпленіемъ ея ужаса. Къ этимъ качествамъ его относилась между прочимъ и медицина, которая никогда не получила бы у растеряевцевъ должнаго уваженія, если бы объ этомъ не позаботился Хрипушинъ.

Все, что только способно произвести такой эффектъ, какой производитъ на дѣтей сказка о жаръ-птицѣ, все было тщательно собрано имъ и въ разное время заявлено паціентамъ: разсказаны были случаи съ лягушкой, засѣвшей какими-то судьбами подъ черепъ одной купчихи и искусно вырѣзанной оттуда докторомъ-мужикомъ, и т. п. Первое впечатлѣніе, произведенное Хрипушинымъ на паціента,

было всегда такъ велико, что никакая нелѣпица не могла повредить его авторитету въ глазахъ слушателей. Напротивъ, слушатель всѣми мѣрами стремился къ тому, чтобы какъ-нибудь объяснить себѣ причину только-что изображеннаго Хрипушинымъ чуда, и, не объяснивъ, ждалъ себѣ спасенія все-таки отъ Ивана Алексѣича. Въ такихъ случаяхъ лавировка, которую производилъ Хрипушинъ, стараясь избѣжать объясненія, была опять-таки вполнѣ достойна его таланта. Онъ начиналъ, по обыкновенію, сыздалека, понемногу отклонялся отъ предмета и доводилъ дѣло до того, что успѣвалъ осушить съ паціентомъ не одну бутылку водки, послѣ чего начиналось пѣніе духовныхъ гимновъ и было не до объясненій. Бывали, впрочемъ, случаи, хоть и весьма рѣдкіе, когда паціентъ весьма настойчиво обращался къ Хрипушину за объясненіемъ непонятной вещи. Тогда Иванъ Алексѣичъ, съ прежнею бодростью и готовностью, снова брался объяснять дѣло и снова на срединѣ фразы восклицалъ:

— Да вы, Иванъ Иванычъ, лучше всего вотъ какъ... Вы позвольте мнѣ хоть двадцать-то пять копеечекъ, а я вамъ всю эту комиссію въ книжкѣ доставлю. Разсказывать всего не разскажешь, а вы бы сами взяли книжечку... Ей-Богу! Все, авось, почитаете...

— Ну что-жъ, сдѣлай милость!

Хрипушинъ получалъ требуемую сумму, засовывалъ ее за обшлагъ рукава, гдѣ хранилась у него цѣлая кипа какихъ-то бумагъ, и говорилъ:

— И во сто разъ будетъ для васъ лучше. Опять книга рѣдкостная и (прибавлялъ онъ шопотомъ) строго воспрещена.

— Э-э?

— Да-съ! Слѣдятъ-съ, и даже весьма опасно... такъ что ежели въ случаѣ чего, Боже избави...

— Богъ съ ней и съ книгой!—говорилъ, махнувъ рукой, паціентъ:—попадешься еще... Ну ее! Не носи!

— Какъ вамъ будетъ угодно!

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, какъ угодно... До пріятнаго свиданія!

Такимъ образомъ Хрипушинъ выходилъ сухъ изъ воды.

Между множествомъ чертъ, усиливавшихъ вліяніе Ивана Алексѣича, была непроницаемая таинственность, которая окружала его. Никто не зналъ, какого онъ происхожденія, откуда и какъ попалъ въ нашъ городъ. Вопросы эти рождались въ умахъ паціентовъ потому, что самъ Хрипушинъ

иногда намекалъ на свое благородное происхожденіе, иронически и зло подтрунивая надъ своею солдатскою шинелью. О таинственности происхожденія Хрипушина заставляли думать и неимовѣрныя познанія, которыми онъ умѣлъ блеснуть гдѣ нужно. Растеряевцы полагали, что Иванъ Алексѣичъ зналъ рѣшительно все; но полное торжество высокопросвѣщеннаго человѣка Иванъ Алексѣичъ выносилъ изъ бесѣдъ съ паціентами, состязаясь съ ними по предметамъ, знакомымъ для нихъ. Главною темою для этихъ состязаній было священное писаніе. Растеряевскій обыватель-чиновникъ всегда съ любовью вспоминаетъ свою семинарскую жизнь, вспоминаетъ греческую грамматику, когда-то ненавидимую имъ, герминевтику, гомилетику и проч. Годы чиновничества, конечно, не давали ему возможности упиться вполнѣ прелестью воспоминаній; они выѣдали въ самое короткое время всѣ прежнія познанія, такъ что изъ греческой грамматики растеряевецъ помнилъ только: «альфа, вита, гамма», а изъ герминевтики и изъ гомилетики только одни названія наукъ... Съ такими учеными Хрипушинъ могъ справляться сразу, несмотря на то, что, при всей скудости оставшихся знаній, они были народъ задорный и любили спорить о высокихъ предметахъ, особливо подъ пьяную руку. Часто среди глухой полночи, въ облакахъ табачнаго дыма и неистоваго оранья пѣсенъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, на пирушкѣ у какого-нибудь чиновника, Хрипушинъ нарочно заводилъ споръ о высокихъ предметахъ и, махая у потолка фуражкой, кричалъ, покрывая голоса всѣхъ:

— Не соглашусь!.. Нельзя! никогда!

— Иванъ Алексѣичъ! Позвольте...

— Не могу! Опровергну!..

— Пей!

Верхъ бралъ, конечно, Хрипушинъ, ибо впослѣдствіи всѣ спорящіе настолько упивались виномъ, что языки ихъ прилипали къ гортанямъ, а Хрипушинъ, котораго не могли споить никакія попойки, говорилъ уже одинъ, и непремѣнно тономъ побѣдителя.

— Эхъ, вы! — говорилъ онъ, покачиваясь надъ безчувственными собратіями:—спорить! Да имѣешь ли ты столько ума, чучело?

На паціентовъ женскаго пола, съ которыми ни о какихъ наукахъ говорить было невозможно, Хрипушинъ дѣйствовалъ болѣе осязательною таинственностью. Такъ, входя, онъ

имѣлъ обыкновеніе бросать фуражку въ уголъ и затѣмъ съ мрачной физіономіей говорилъ:

— Здравія желаю!

— Иванъ Алексѣичъ! зачѣмъ вы шапку бросаете?

— Оставьте безъ вниманія, — мрачно говорилъ Хрипушинъ.—Это мое дѣло... Какъ ваше здоровье?

— Иванъ Алексѣичъ, батюшка, возьми шапку на окно: право, душа не на мѣстѣ!

— Сдѣлайте ваше одолженіе, не заботьтесь! это дѣло мое-съ... и взять я ее оттуда не могу... Успокойтесь!

Къ довершенію ужаса, Иванъ Алексѣичъ, знавшій, что паціентка слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ его, начиналъ пристально смотрѣть своими огромными глазами въ уголъ, шевелилъ усами, едва замѣтно качалъ головой и принимался грозить пальцемъ...

— Батюшка! Голубчикъ!—вскрикивала чиновница, хватая Хрипушина за рукавъ.—Оставь! Брось!.. Ради Христа! не мучь!

— Хе-хе-хе!.. Да будьте покойны, что̀ вы-съ?

— Будетъ, будетъ, ради Христа!..

— Не безпокойтесь!—улыбаясь, говорилъ Хрипушинъ.— Вреда никакого нѣту... Только что... Да вы, Матрена Ильинична, вотъ что̀... вы позвольте мнѣ хоть двадцать пять копескъ: сварю я вамъ одну спецію...

Но ка̀къ при такой неисходной таинственности, окружавшей непроницаемымъ мракомъ происхожденіе Хрипушина и исторію его жизни, ка̀къ, повторяю, при всемъ этомъ не возбудить подозрѣнія хотя бы просто-напросто «въ безпаспортности» и не попасть вслѣдствіе этого въ кварталъ? Хрипушинъ глубоко понималъ это и для охраненія своей особы отъ безпокойствъ и лишеній, причиняемыхъ кварталомъ, сумѣлъ заставить полюбить себя, какъ родную, необыкновенно умную, но загнанную и заброшенную силу, которую не понимаетъ никто, которую всякій можетъ обидѣть и засадить въ острогъ. Паціенты любили Хрипушина и дорожили своимъ медикомъ, какъ раскольники берегутъ и жертвуютъ всѣмъ ради своихъ поповъ. Съ цѣлью достигнуть этой любви, Хрипушинъ прежде всего старался поднять упавшій патріотизмъ растеряевцевъ. Во время севастопольской кампаніи онъ производилъ въ нашей сторонѣ неописанный фуроръ... Съ какимъ удивительнымъ искусствомъ передавалъ онъ подвиги солдата Кошки, ускользнувшаго изъ-подъ носа цѣлой французской арміи! Не забыта была и баба, которую захватили на англійскій фрегатъ, для того

чтобы отнять моченыя яблоки, которыми она торговала,— безъ конца!.. Въ обыкновенное мирное время Иванъ Алексѣичъ дѣйствовалъ тоже при помощи разныхъ иноплеменниковъ, только картины выбиралъ не столь батальныя. Въ мирное время онъ упоминалъ о томъ, какъ англичане предложили сто милліоновъ тому, кто «съ одного маху» нарисуетъ вотъ этакую штуку... И что̀ же! Ни одинъ изъ народовъ не могъ этого сдѣлать... Взялись «наши»—и въ одну минуту! Отъ милліоновъ наши, конечно, отказались, и попросили полштофъ вина и фунтъ паюсной икры. Потомъ, благодаря Хрипушину, растеряевцамъ было извѣстно, что тѣ же англичане предложили двѣсти милліоновъ тому, кто годъ пролежитъ на одномъ мѣстѣ; наши опять взялись— и пролежали втрое болѣе означеннаго англичанами срока... Разсказы въ такомъ родѣ тянулись до тѣхъ поръ, пока слушатели-паціенты вполнѣ не убѣждались въ превосходствѣ нашего народа надъ всѣми народами міра. Когда это было достигнуто, Хрипушинъ тотчасъ же принималъ унылый видъ и съ грустью говорилъ:

— А какъ у насъ этакихъ-то людей цѣнятъ? стыдно подумать! стыдъ! срамъ!..

И затѣмъ начинались доказательства: тутъ упоминалось и о трехъ денежкахъ въ сутки, и объ участи изобрѣтателей разныхъ секретовъ, о механикахъ-самоучкахъ и т. п. Затѣмъ Хрипушинъ находилъ удобнымъ выдвинуть на сцену наконецъ и себя:

— Да вотъ,—кротко говорилъ онъ:—хоть бы и мое дѣло... Слава Богу, пятнадцать али больше годовъ пользую публику и никогда отъ нея неудовольствія не видалъ, а между прочимъ, позвольте васъ спросить, какое же я себѣ награжденіе вижу?.. Шинелишка-то эта да фуражка?—это, что-ль? Да вѣдь это и все, на всю жизнь! Еще и теперича, случается, иной разъ не ѣвши сутки двое проходишь; ну а какъ старость-то придетъ, тогда какъ?

При этомъ Хрипушинъ вынималъ изъ обшлага рукава скомканный въ кулакъ и изодранный клѣтчатый платокъ, торопливо утиралъ носъ и слегка касался глазъ, на которыхъ показывались слезы. Благодаря частому морганью заблиставшихъ слезами глазъ и въ особенности благодаря скомканному, рваному клѣтчатому платку, Хрипушинъ пріобрѣталъ полное сочувствіе публики.

— А случись докторъ какой-нибудь, будь на моемъ мѣстѣ нѣмецъ? И людей бы морилъ и милліонщикомъ бы сдѣлался!

— Это вѣрно!—подтверждали слушатели.

— Да ужъ я вамъ говорю! А что̀ же онъ, будьте такъ добры, особеннаго-то имѣетъ?.. Знаемъ-то мы, пожалуй, и почище его кое-что... Ну, а еще-то чѣмъ беретъ? Н-нѣтъ-съ, у насъ своихъ не цѣнятъ ни въ грошъ! Нѣмцы-съ! ученые-съ! какъ можно, чтобы, молъ, какой-нибудь Иванъ Хрипушинъ съ нимъ поравнялся?!. А Иванъ-то Хрипушинъ иной разъ, пожалуй, и съ ученымъ бы потягался... А какъ вы полагаете?.. Да я вотъ что̀ скажу: насчетъ заочнаго лѣченія наврядъ ли, чтобы со мной кто равенство имѣлъ...

Разсказавъ нѣсколько дѣйствительно изумительныхъ случаевъ заочнаго лѣченія, при чемъ иногда приходилось лѣчить, не видя паціента и не зная его болѣзни, такъ какъ паціентъ старался держать это дѣло въ секретѣ, онъ восклицалъ:

— А ну-ко-сь нѣмецъ-то?.. Что̀ онъ тутъ выдумаетъ? Языкъ смотрѣть? Э-ге, братъ!.. Окромѣ языка еще много чего есть... Позвольте, будьте такъ добры, ужъ еще рюмочку... Языкъ! Нѣтъ, ты попробуй этакъ-то, когда тебѣ ничего не показываютъ, тогда я съ тобой поговорю!

Хрипушинъ выпивалъ вторично и прибавлялъ:

— А нашъ братъ все безъ хлѣба, все середь улицы валяется!..

Такимъ образомъ при помощи своихъ познаній Иванъ Алексѣичъ достигалъ того, что каждый день возвращался домой съ практики подъ хмелькомъ. Жилъ онъ въ глухой улицѣ, и не одинъ, какъ были всѣ увѣрены, а съ раскольницей-женой, отъ которой ему не было житья ни днемъ ни ночью. Можно не ошибаясь сказать, что буйная супруга Хрипушина, выгонявшая своего мужа изъ дому единственно ради его рыжихъ волосъ, и была причиною того, что Хрипушинъ изъ боязни, чтобы не умереть съ голоду, выдумалъ свою медицину и всю свою изумительную эрудицію. Въ домѣ супруги онъ дѣлался агнцемъ, терялъ всю свою солидность и думалъ только о томъ, какъ бы защитить свою голову отъ ударовъ супруги, грозившихъ обрушиться на него каждую минуту.

Ко всему этому мнѣ остается прибавить немного. Костюмъ Хрипушина былъ: солдатская старая шинель, съ разнокалиберными пуговицами и воротникомъ, затянутымъ до невозможности. На головѣ онъ носилъ фуражку, внутри которой помѣщался платокъ. Насчетъ способа лѣченія должно сказать, что Иванъ Алексѣичъ избиралъ средства преимуще-

ственно радикальныя: у одного чиновника, напримѣръ, съ дѣтства сидѣлъ въ ухѣ кусокъ грифеля,—Иванъ Алексѣичъ предложилъ ему стать вверхъ ногами. Одинъ изъ паціентовъ его надорвалъ животъ, — Хрипушинъ бралъ больного на плечи и, держа за ноги, встряхивалъ нѣсколько разъ. Вообще дѣятельность Хрипушина была велика и разнообразна, и количество знакомыхъ большое.

VII. Хрипушинъ ищетъ рюмочки.

Идетъ Хрипушинъ по глухому Томилинскому переулку, одному изъ безчисленныхъ переулковъ растеряевской округи, и раздумываетъ, гдѣ бы ему выпить рюмочку и закусить икоркой. Кругомъ стоитъ полуденная тишина и зной. Гдѣ-то, въ отдаленіи, среди густыхъ фруктовыхъ садовъ скрипятъ однимъ кольцомъ качели; въ сторонѣ слышится ударъ ладышкой въ заборъ, и вслѣдъ затѣмъ дѣтскій голосъ кричитъ: «плоцка!» «шестеръ!». Звукъ шаговъ, раздавшійся подъ окномъ у мастерской сапожника, заставилъ хозяина, сидѣвшаго за работой, поднять голову и засвидѣтельствовать Ивану Алексѣичу почтеніе.

— Здравствуй, здравствуй, другъ!—говорилъ Хрипушинъ, трогая фуражку:—какъ Богъ носитъ?

— Ничего, Иванъ Алексѣичъ! Помаленьку... День безъ хлѣба, два дни такъ... Хе-хе-хе!..

— Доброе дѣло! Ну, будьте здоровы!

— Счастливо!

Сапожникъ снова принимается за работу и, тихонько попѣвая, продергиваетъ обѣими руками дратву, постукиваетъ о каблукъ молоткомъ и поплевываетъ куда надо, а Хрипушинъ продолжаетъ свое шествіе. За нѣсколько шаговъ до мелочной лавки онъ снова принужденъ снимать фуражку, такъ какъ хозяинъ, завидѣвъ Хрипушина, оставилъ свой зеленый стулъ, помѣщавшійся на высокомъ лавочномъ крыльцѣ, и раскланивался съ нимъ, держа шапку на отлетѣ. Послѣ обоюднаго привѣтствія Иванъ Алексѣичъ, по обыкновенію, спрашиваетъ: «какъ здоровье?» Хозяинъ поблагодаритъ, объявляя, что все слава Богу.

Такъ идетъ прогулка Хрипушина въ ожиданіи практики. Но вотъ наконецъ и сама «практика».

— Иванъ Алексѣичъ!—раздалось надъ самымъ ухомъ Хрипушина.

Въ маленькое, ветхое окно выглянула физіономія старушки-чиновницы Претерпѣевой. Старушка кивала головой по направленію во внутрь комнаты и шопотомъ говорила:

— Зайди, зайди, отецъ мой!..

— Здравія желаю!—почтительно произноситъ Хрипушинъ, столь же почтительно наклоняя на бокъ обнаженную голову.

— Зайди, батюшка, дѣло есть!.. Одно только словечко сказать...

— Съ великимъ удовольствіемъ!

Хрипушинъ вступилъ на маленькій топкій дворъ, нагибаясь въ низенькой двери, пролѣзъ въ сѣни и наконецъ очутился въ горницѣ. Вездѣ на ходу замѣчалъ онъ признаки разстроеннаго хозяйства, нерадѣнія, неряшливости, вездѣ на глаза его попадались вещи сломанныя, разбитыя, опрокинутыя, грязь, немытые полы и лужи. «Парадная» комната, куда онъ вошелъ, вѣяла тою же пустынностью и отсутствіемъ заботливости: шкапъ, предназначенный для посуды, былъ пустъ; на верхней полкѣ болталась позеленѣвшая мѣдная ложка, на нижней помѣщались тарелки съ иззубренными и заклеенными замазкой краями. Все семейство Хрипушинъ засталъ въ разстройствѣ и негодованіи. Четыре дочери Претерпѣевыхъ, одѣтыя весьма небрежно, ходили, надувшись другъ на друга. Самая старшая изъ нихъ, обладавшая кромѣ невзрачнаго платья еще какимъ-то невѣроятнымъ кокомъ на самомъ лбу, наткнулась на Ивана Алексѣича въ передней и сердитымъ голосомъ сказала ему:

— Ахъ, мусье Хрипушинъ, ради самого Бога, хоть вы усовѣстите ихъ!.. Это наконецъ невыносимо! Силъ нѣтъ!

— Что̀ же такое-съ?

— Да тятенька!

Дѣвица вспыхнула и съ сердцемъ толкнула дверь въ кухню.

Иванъ Алексѣичъ, почуявъ общую бѣду, медленно вошелъ въ комнату и осторожно присѣлъ на стулъ около стола.

— Посмотри-ко-сь сюда, отецъ,—шептала старушка, поднимая изъ-за стула пустой графинъ, на днѣ котораго торчалъ перечный стручокъ.—Вотъ этакихъ-то три ужъ!.. а?.. День-денской, день-денской, безъ роздыху! Эка жизнь! Господи!..

Хрипушинъ молчалъ и соображалъ.

— Намедни,—продолжала старушка, нацѣживая изъ другой посуды рюмку водки:—намедни три раза изъ должности

присылали, управляющій спрашивалъ—не могъ! Ну, безъ чувствъ, какъ есть, и людей не узнаётъ! а? Эка жизнь!.. Выкушай, Иванъ Алексѣичъ... Какъ же быть-то, отецъ?.. Нѣтъ ли чего-нибудь?

Старушка умоляющими глазами смотрѣла на Хрипушина. Тотъ вздыхалъ, кряхтѣлъ и прожевывалъ закуску. Гдѣ-то, за перегородкой, слышался невнятный бредъ спящаго человѣка и злой, нетерпѣливый шопотъ сестеръ:—«Отдай мою шпильку! Это моя шпилька!»—«Вотъ еще новости!»—«Марья, отдай! я закричу!»—«Очень нужно! У! безстыжая!» Хрипушинъ все кряхтѣлъ и соображалъ. Въ комнату быстро вошла старшая дочь, шлепая стоптанными башмаками; въ рукахъ у нея былъ мѣдный изломанный кувшинъ съ водой; не обращая вниманія на плескавшуюся изъ кувшина воду, она съ сердцемъ толкала колѣнями стулья около оконъ, съ сердцемъ тыкала пальцемъ въ засохшую землю запыленной герани и съ такимъ же ожесточеніемъ затопляла забытый цвѣтокъ водою.

— Да изъ-за чего вы изволите безпокоиться?—рѣшился проговорить Хрипушинъ.—Все, слава Богу, благополучно!

— О, ну васъ, ради Бога!..

Слезы быстро наполнили ея глаза, и она бросилась въ дверь, стукнувъ кувшиномъ о притолку.

— Обезпокоены!—замѣтилъ Хрипушинъ.

— Да, батюшка!—слезно заговорила старушка:—какое же тутъ можетъ быть спокойствіе!.. Кажется, дрожимъ, дрожимъ!.. Опять, пуще всего въ томъ досада,—ничего не говоритъ...

— Молчитъ?

— Молчитъ и молчитъ!.. Что̀ ни думали, что̀ ни дѣлали, ничего!..

— Болѣзнь трудная...

— Ммм...—послышалось за перегородкой. — Н-не-ввоззможно!

— Какъ запущена!—прищуривая глазъ, прошепталъ Хрипушинъ и покачалъ головой.

— Запущена?—плача повторила старушка.

— И весьма запущена!

— Батюшка!..

— Н-невозможж..!—опять раздалось за перегородкой.

Въ разныхъ углахъ дома раздалось всхлипыванье.

— Покой-съ! Покой дайте больному!—останавливалъ Хрипушинъ рыдавшую старушку.

— Видите?—срыву проговорила старшая дочь, на мгновеніе появляясь въ дверяхъ; глаза ея были красны.—Видите,—продолжала она, указывая рукой на перегородку.

Хрипушинъ изумленно смотрѣлъ на нее. Дѣвушка, не говоря больше ничего, повернулась и исчезла, хлестнувъ пружинами кринолина объ стѣну.

Настало тягостное молчаніе. За перегородкой не слышно было никакихъ звуковъ, слезы исчезли, но общее негодованіе и грусть говорили, что бѣда еще не миновалась.

— Такъ какъ же, батюшка?—спросила наконецъ старушка, вытирая глаза концами изорванной шали.

— Да надобно, Авдотья Карповна, подумать-съ... Что̀ вы-то печалитесь?

— Охъ, отецъ мой!..

— Вы должны показывать собой примѣръ! Вы—мать! Черезъ ваше уныніе, можетъ, еще болѣе у Артамона Ильича недуговъ прибавляется... Это нельзя-съ!.. Да кромѣ того, съ Божіею помощію, сваримъ мы кой-какую специю: можетъ, оно и полегчаетъ...

— Специю или что-нибудь, что̀ знаешь, батюшка. А не то свози ты его къ бабкѣ въ Добрую-Гору... Многимъ старушка помочи дала... Сдѣлай милость!.. Вѣкъ, кажется, за тебя буду Богу молить...

— И это можно... Только не унывайте и не ропщите!.. А насчетъ старухи какъ вамъ будетъ угодно: могу и за ней съѣздить и Артамонъ Ильича свозить...

— Свози, свози ты его, благодѣтель нашъ!..

— Извольте, извольте-съ... Только не будетъ ли у васъ мелочи сколько-нибудь!.. На первое время...

VIII. Семейство Претерпѣевыхъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ семейство Претерпѣевыхъ представляло картину совершенно другого рода. Въ то время Артамонъ Ильичъ и Авдотья Карповна только-что перебирались, послѣ брака, на житье въ эту Томилинскую улицу. Артамонъ Ильичъ, длинный сухопарый чиновникъ, подновившій женитьбою свою тридцативосьмилѣтнюю физіономію, отличался высокою кротостью и вполнѣ подчинялся женѣ. Авдотья Карповна была маленькая, черноволосая

свѣжая женщина, насквозь пропитанная хозяйственностью: ни одной щепки, нужной въ хозяйствѣ, она не пропускала безъ вниманія и дѣлала все это безъ крику, безъ брани, съ лицомъ постоянно веселымъ. Впослѣдствіи, когда наконецъ супруги поселились въ своемъ маленькомъ новомъ домикѣ, Авдотья Карповна до того предалась хозяйству, что Артамону Ильичу рѣшительно нечего было дѣлать. Авдотья Карповна не уставая шныряла изъ кухни въ комнату, изъ комнаты въ погребицу, шила, вытирала стекла, выгоняла мухъ, сдувала пыль и проч. Артамонъ Ильичъ благоговѣлъ передъ женой и тосковалъ, не имѣя возможности хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать успѣху собственнаго благосостоянія.

Счастье самое полное царило въ жилищѣ Претерпѣевыхъ. Авдотья Карповна старалась, изъ угожденія къ мужу, возвести хозяйство до высшей степени совершенства. Артамонъ Ильичъ, не зная, чѣмъ угодить женѣ, безмолвствовалъ, не пилъ ни капли водки, не спалъ послѣ обѣда и не носилъ халатовъ. Любовь его къ Авдотьѣ Карповнѣ, согрѣвшей его сердце, долго стывшее въ холодной жизни, была безпредѣльна. Артамонъ Ильичъ, впрочемъ, не могъ съ достаточною экспрессіею выразить эту любовь: лицо его оставалось попрежнему спокойнымъ, даже нѣсколько холоднымъ, и о признательности своей онъ не говорилъ женѣ ни единаго слова; тѣмъ не менѣе супруги боготворили другъ друга.

Шли годы. У Претерпѣевыхъ явились дѣти, изъ которыхъ остались живы только четыре дочери. Но и увеличеніе семейства не было еще въ силахъ поколебать совершенно правдивое боготвореніе, питаемое супругами другъ къ другу. Явились новые расходы: Авдотья Карповна завела корову и принялась торговать молокомъ и творогомъ. На огородѣ былъ разведенъ картофель и осенью открыта продажа всѣхъ овощей. Все шло какъ нельзя лучше. Авдотья Карповна одна справлялась съ нуждами семейства; Артамону Ильичу оставалось попрежнему быть покойнымъ и благоговѣть. Онъ такъ и дѣлалъ, потому что, когда однажды, въ видахъ соблюденія расходовъ, онъ попробовалъ-было отказаться отъ новаго казинетоваго сюртука, то Авдотья Карповна мало того что сдѣлала ему внушеніе, но кромѣ сюртука сшила еще новые сапоги. Сама же Авдотья Карповна, по мѣрѣ того какъ подрастали дочери, отказывала себѣ во всемъ: она по годамъ трепалась въ двухъ старыхъ

ситцевыхъ платьяхъ и носила шаль, которую за негодностью не хотѣла надѣвать даже ея бабушка. Вслѣдствіе этихъ сбереженій, въ комнатѣ дочерей появилось четыре новыхъ сундука для приданаго, и въ нихъ уже покоилось по нѣскольку трубокъ хорошаго полотна.

Этими урѣзываніями собственныхъ нуждъ въ пользу будущаго приданаго заботы Авдотьи Карповны о дочеряхъ не ограничивались.

Однажды Авдотья Карповна объявила мужу, что желаетъ отдать старшую дочь Олимпіаду въ пансіонъ. Артамонъ Ильичъ давно уже догадывался объ этомъ желаніи супруги и, по правдѣ сказать, боялся его. Разныя одинокія размышленія привели его къ убѣжденію, что «образованность» не принесетъ его дочерямъ ничего, кромѣ погибели. Онъ обдумалъ это во всѣхъ подробностяхъ, и поэтому что-жъ мудренаго, что, когда жена обратилась къ нему за совѣтомъ, сердце его екнуло. Гдѣ возьметъ онъ силы побѣдить этотъ умоляющій взглядъ супруги? Развѣ хватитъ у него духа разбить такъ давно лелѣянную ею мечту?

— Какъ же ты думаешь?—спрашивала убитымъ голосомъ Авдотья Карповна, испугавшаяся блѣднаго лица мужа.—Али ужъ не отдавать?—прибавила она съ замирающимъ сердцемъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнулъ Артамонъ Ильичъ:—отчего же?

И Олимпіаду отдали въ пансіонъ.

Въ первый разъ Артамонъ Ильичъ допустилъ въ своихъ отношеніяхъ съ Авдотьей Карповной неправду, и душа его была возмущена. Неспокойна была душа и у Авдотьи Карповны; она подглядѣла блѣдность на лицѣ мужа въ то время, когда дѣло шло о пансіонѣ, и со страхомъ подумала: «не спроста это!» Почудилось ей, что Артамону Ильичу вовсе не хотѣлось учить дочь.

«А если онъ не хотѣлъ этого,—думала Авдотья Карповна:—стало-быть, имѣлъ основательные резоны. Артамонъ Ильичъ не такой человѣкъ, чтобы сдуру что сдѣлать...»

Когда эти соображенія залетѣли въ голову Авдотьи Карповны, она въ первый разъ почувствовала передъ мужемъ какую-то провинность и трепетала каждую минуту, боясь увидѣть доказательства собственнаго промаха. Устроивъ дочь въ «пансіонѣ», она съ особенною внимательностью принялась слѣдить за каждымъ движеніемъ Артамона Ильича, за каждымъ измѣненіемъ физіономіи мужа. Про-

шло много лѣтъ, сотни куличей и сдобныхъ булокъ было поднесено начальницамъ Олимпіады въ день ихъ тезоименитствъ и въ высокоторжественные праздники; дочь перевели уже въ послѣдній классъ, а Артамонъ Ильичъ попрежнему безмолвствовалъ, попрежнему не спалъ послѣ обѣда и не пилъ водки. Все было какъ должно. Разъ даже, когда сама Авдотья Карповна чуяла бѣду неминучую, Артамонъ Ильичъ ни на волосъ не измѣнилъ своей тихости: Олимпіада явилась съ просьбою свозить ее въ театръ.

— Всѣ бываютъ,—кисло говорила она:—а я нѣтъ! Я хочу въ театръ!

Артамонъ Ильичъ молча сдѣлалъ дочери удовольствіе. Какъ Авдотья Карповна пристально ни смотрѣла на мужа, въ эту минуту она ничего не замѣтила и порѣшила-было совсѣмъ успокоиться, какъ случилась новая исторія. За нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска Олимпіада обратилась къ родителямъ съ предложеніемъ распустить на всѣхъ ея платьяхъ складки. Просьба эта была произнесена такимъ капризнымъ тономъ образованной барышни, съ такими энергическими надуваніями губъ, что Авдотья Карповна помертвѣла. Къ довершенію испуга ея, Артамонъ Ильичъ, преспокойно сидѣвшій у окна, при послѣднихъ словахъ дочери повернулъ голову и посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ.

Складки были распороты, Олимпіада удовлетворена, Артамонъ Ильичъ неизмѣненъ, но въ жизни супруговъ не было уже чего-то. Не было правды. Авдотья Карповна, чувствовавшая свой промахъ передъ мужемъ, понимавшая, что у Артамона Ильича на душѣ не сладко, приписывала его муку себѣ, всѣми мѣрами старалась сдѣлать ему угодное и дѣлала все поэтому противъ собственной своей воли, которую она ставила ни во что и не вѣрила ей. Такимъ образомъ благодаря дочери супруги незамѣтно разъединились. Между ними не было уже той откровенности, какая царила прежде. Въ каждомъ послѣдующемъ ихъ дѣйствіи присутствіе «конфуза» дѣлало несообразности, какихъ они никогда и ожидать не могли. Предметомъ этихъ несообразностей была все та же Олимпіада, которую все болѣе и болѣе начинала одолѣвать «образованность».

При каждомъ требованіи ея Авдотья Карповна, изъ угожденія мужу и большею частью противъ собственнаго желанія, восклицала:

— Какъ это можно!

— Нѣтъ! нѣтъ!—прерывалъ Артамонъ Ильичъ, пораженный въ самое сердце несообразнымъ желаніемъ дочери:— что̀ ты, Авдотья Карповна? Отчего же и не сдѣлать ей удовольствія? Худого нѣтъ...

И удовольствіе дѣлалось съ общаго согласія. Наивные супруги начали конфузиться другъ друга и хотѣли взаимнымъ угожденіемъ прикрыть свою наготу словно листкомъ. Благодаря этой добродушной стыдливости, всѣ требованія «образованности», проявлявшіяся въ Олимпіадѣ, удовлетворялись вполнѣ. Этому кромѣ того много способствовала безграничная любовь къ дочери, которую они не рѣшались огорчить. Такимъ образомъ Олимпіада Артамоновна, смертельно тосковавшая въ домѣ родителей, все время по окончаніи курса проводила въ одномъ «барскомъ» семействѣ, гдѣ была ея подруга по пансіону. Артамонъ Ильичъ зналъ, что семейство это принадлежитъ къ числу разорявшихся дворянъ, еле дышащихъ на послѣднія крохи, но все-таки самъ провожалъ дочь свою туда на вечера «съ танцами», такъ какъ разорявшееся семейство, при малѣйшей возможности вздохнуть, тотчасъ же задавало балы и разныя затѣи. Балы эти и другія прихоти Олимпіады Артамоновны повели за собой невѣроятные для супруговъ расходы. Явилась надобность въ платьяхъ, лентахъ. Цѣлые дни въ домѣ Претерпѣевыхъ шла кройка матерій и шитье нарядовъ; растеряевская портниха или, какъ ее здѣсь называютъ, «модница» имѣла здѣсь полный просторъ для своей дѣятельности. Все это въ конецъ измучило обоихъ супруговъ. Артамонъ Ильичъ потерялъ всякое соображеніе, Авдотья Карповна—всякую расторопность; она какъ-то осовѣла и цѣлые дни еле передвигала ноги, будто только-что вышла изъ жаркой бани. Въ такомъ парализованномъ состояніи супруги опростоволосились до того, что, по желанію Олимпіады Артамоновны, устроили въ своемъ крошечномъ жилищѣ званый вечеръ, ибо этого требовало «приличіе», какъ справедливо замѣтила дочь. Услыхавъ предложеніе о балѣ, Авдотья Карповна подумала про себя, что въ самомъ дѣлѣ надо же отплатить господамъ за ихъ радушіе къ дочери, но, подъ вліяніемъ поблѣднѣвшаго лица Артамона Ильича, воскликнула:

— Что̀ ты! Что̀ ты! Гдѣ намъ балы задавать... Вотъ еще, Господи!

— Нѣтъ, нѣтъ!—восклицалъ Артамонъ Ильичъ, посоловѣвшій отъ этой затѣи.—Отчего же? Мы, слава Богу, не нищіе!

И, въ доказательство своихъ словъ, онъ бросился въ лавку за покупками, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ какъ у васъ нонче, Артамонъ Ильичъ!—сказалъ ему лавочникъ.—Балъ!

— Голубчикъ! — почти со слезами прервалъ его Артамонъ Ильичъ.—Не говори!

Во все время «бала» Артамонъ Ильичъ и Авдотья Карповна походили на какихъ-то истукановъ съ оловянными глазами; Артамонъ Ильичъ дошелъ даже до того, что, когда кто-то изъ молодыхъ людей пожелалъ закурить папироску и попросилъ огонька, онъ не двинулся съ мѣста и страшно испугался. Но когда забрянчало фортепіано и начались танцы, Артамонъ Ильичъ очнулся: на физіономіяхъ кавалеровъ и въ ихъ поступкахъ онъ замѣтилъ что-то нехорошее; онъ видѣлъ, какъ кавалеръ, взявшій Олимпіаду на польку, подмигивалъ сосѣду и старался половчѣе обхватить талію своей дамы; онъ видѣлъ, какъ въ отвѣтъ на это другой кавалеръ многозначительно покашливалъ и слегка поддакивалъ ему утвердительнымъ кивкомъ головы. Иногда Артамонъ Ильичъ, словно въ забывчивости, дѣлалъ шагъ по направленію къ танцующимъ, чтобы остановить дочь, повисшую на рукѣ кавалера, но мысль, что эти кавалеры и всѣ эти благородныя барышни будутъ смѣяться потомъ надъ Олимпіадой, останавливала его, и онъ снова тащился въ уголъ. Въ другой разъ онъ инстинктивно отправился въ садъ, куда передъ тѣмъ скрылась Олимпіада съ кавалеромъ. Но едва онъ сдѣлалъ шагъ, едва услышалъ издали веселый разговоръ дочери, какъ ноги его почему-то не пошли дальше. Какъ онъ проклиналъ этого негоднаго кавалера! Наконецъ, когда дочь его сердито крикнула: «Это что за новости?» Артамонъ Ильичъ бросился къ бесѣдкѣ и хотѣлъ оборвать кавалера, но почему-то только кашлянулъ и поспѣшилъ уйти.

Рано ли, поздно ли, а всѣ эти увеселенія кончились. Олимпіадѣ Артамоновнѣ пришлось жить исключительно въ домѣ родительскомъ, и она дѣйствительно страшно скучала. Гнѣвъ ея возбуждало все, начиная отъ захолустья, гдѣ жили они, до кривого зеркала, въ которомъ самое ангельское лицо превращалось въ лицо сатаны. Кромѣ того Олимпіаду Артамоновну мучило то, что послѣ разлуки съ «высшимъ» обществомъ ей рѣшительно негдѣ было показать себя и своихъ нарядовъ; единственный пунктъ, гдѣ собиралось общество, была церковь, но кого же приходи-

лось ей встрѣчать здѣсь: мастеровыхъ, сапожниковъ, мѣщанъ, чиновниковъ съ запахомъ водки и съ небритыми бородами. Она одна по цѣлымъ днямъ сидѣла дома, и ей не съ кѣмъ было слова сказать...

— Отвращеніе!—съ сердцемъ говорила она.

Артамонъ Ильичъ безмолвствовалъ.

Прошло три года; подросли другія три дочери, образованіе которыхъ было возложено на Олимпіаду Артамоновну и которыя вслѣдствіе этого не знали ровно ничего; онѣ позаимствовали у сестры только манеру надувать губы, весьма выразительно говорить: «атвращеніе», и начали выступать противъ родителей съ собственными протестами, пользуясь тѣмъ, что протесты сестры переносятъ родители безпрекословно. По примѣру сестры, онѣ роптали насчетъ складокъ и т. п. Авдотья Карповна, не считая ихъ образованными, пробовала-было прикрикнуть на нихъ:

— Вы-то что̀? вамъ-то какого еще рожна недостаетъ?—сердилась она.

— Маменька! Это что̀ такое?—вступалась Олимпіада.—Такъ только на горничныхъ можно кричать... Мы не горничныя!

Авдотья Карповна замолкла. Протесты такимъ образомъ повалились на стариковъ градомъ со всѣхъ сторонъ... Года черезъ два-три они уже сводились, къ счастью, на одно только требованіе «жениха». Въ недовольныхъ физіономіяхъ дочерей родители явственно читали это требованіе; даже Олимпіада Артамоновна, кажется, непрочь была въ настоящую минуту отъ посѣщеній хотя бы и растеряевскаго кавалера.

— Ну, Артамонъ Ильичъ,—сказала наконецъ какъ-то Авдотья Карповна мужу.—Тащи жениховъ, нашихъ-то, палатскихъ!

— Съ великимъ, матушка моя, удовольствіемъ!—обрадовавшись, отвѣчалъ Артамонъ Ильичъ.

Никогда супруги не были такъ радостны и веселы... Но радость ихъ была недолга.

По всей «растеряевщинѣ», во всемъ сосѣдствѣ Претерпѣевыхъ про нихъ шла уже *молва*. Томилинскія дамы были обижены неприглашеніемъ на балы, томилинскіе кавалеры—пренебреженіемъ къ нимъ, по случаю знакомства съ петербургскими и высокоблагородными, а главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что имъ не удалось отвѣдать тѣхъ дорогихъ винъ, которыя года два тому назадъ покупались для

благородныхъ гостей. Все это обрадовалось и возликовало, когда, во-первыхъ, узнало отъ лавочника, что три цѣлковыхъ, должные за стеариновыя свѣчи, до сихъ поръ не заплачены Претерпѣевыми, и, во-вторыхъ, когда увидѣло самого Артамона Ильича, съ особеннымъ рвеніемъ желающаго завлечь къ себѣ нашу томилинскую молодежь.

— Ай!.. подошло!—радостно подмигивая другъ другу, говорили чиновники и перемигивались.

— Что̀ же это у васъ господа-то помѣщики петербургскіе не бываютъ?—спрашивали они, подсмѣиваясь надъ Артамономъ Ильичемъ.

— Уѣхавши-съ!.. Давнымъ-давно-съ...

— Гм... Уѣхали!.. Ну а Олимпіада-то Артамоновна отчего такія завсегда тоскливыя?..

— Ахъ, Господи Іисусе Христе! — вскричалъ Артамонъ Ильичъ. — Чего тоскливыя? Да Господь ее знаетъ!

— Господь! — поддакивали чиновники и подмигивали однимъ глазомъ.

Такихъ «кавалеровъ» Артамонъ Ильичъ завлекъ въ свое жилище только тогда, когда обѣщалъ угостить вишневкой и на закуску подать маринованныхъ пискарей. Кавалеры наконецъ начали посѣщать Претерпѣевыхъ. Но, Господи, что̀ это были за кавалеры, что̀ это были вообще за люди!.. Обезображенные бѣдностью и одиночествомъ, они словно дикіе звѣри смотрѣли на посторонняго человѣка. Одинъ видъ искаженныхъ физіономій, эти грязныя манишки съ торчащими изъ-за галстука тесемками, эти вѣчно-испуганныя лица, рѣдко прилипнувшіе на вискахъ и на лбу волосы — все это въ совокупности могло возбудить отвращеніе не только въ Олимпіадѣ Артамоновнѣ, но и вообще въ человѣкѣ, не выносящемъ неопрятности. Ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ сказать путнаго слова, то-есть просто-напросто кавалеры эти не говорили ничего: объ чемъ имъ было говорить съ такой барышней, какъ Олимпіада Артамоновна, которая говоритъ по-французски, играетъ на фортепіано и въ разговорѣ употребляетъ слова въ родѣ: «афрапировало» и проч. и проч.? Они чувствовали себя нѣсколько свободными только тогда, когда Артамонъ Ильичъ просилъ ихъ выпить водочки; тутъ они дѣлались истинными артистами, потому что искусство глотанія рюмокъ было доведено ими до высшей степени совершенства. Тутъ они на взглядъ Олимпіады Артамоновны представлялись просто «мужиками»... Отвращенію ея не было предѣловъ. Вслѣдъ

за ней томилинскихъ кавалеровъ забраковали и другія сестры. Артамонъ Ильичъ хотѣлъ-было вразумить дочерей, что иначе и быть не можетъ, хотѣлъ-было заговорить, но, увидавъ, что Авдотья Карповна сочувствуетъ дочерямъ, сталъ поддакивать женѣ и предложилъ отказать кавалерамъ.

— Какъ это можно! — возразила Авдотья Карповна, по обыкновенію, противъ собственнаго желанія.

— Нѣтъ, нѣтъ! — въ свою очередь возражалъ ей мужъ. — Нельзя... Великая неволя съ этакими пьяницами!

Кавалеры томилинскіе были изгнаны. Тутъ-то они и показали себя во всемъ блескѣ. Застѣнчивость и конфузъ, одолѣвшіе ихъ при Олимпіадѣ Артамоновнѣ, замѣнились тою высокою наглостью, на какую способны только одичалые люди. Безъ ругательствъ они не могли пройти мимо ея окна и старались, чтобы она непремѣнно слышала ихъ слова. Въ церкви, на улицѣ указывали пальцами, примаргивали, присвистывали. Цѣлыя исторіи пущены были въ публику про претерпѣевскую барышню: разсказывали, что не дальше какъ третьяго-дня у Претерпѣевыхъ былъ помѣщикъ Арапниковъ, надѣлавшій въ прошломъ году шуму своимъ кутежомъ съ актрисой, и будто бы подарилъ ей брошку. Нѣкоторыя «дамы» разсказывали, что онѣ сами своими глазами видѣли эту брошку. Другіе прибавляли, что Олимпіада была уже вмѣстѣ съ матерью въ гостяхъ у Арапникова, и ссылались, въ подтвержденіе этихъ словъ, на извозчика Гришку, который будто бы изъ гостей привезъ одну мать. Томилинская скука подхватила на удочку эти новости и цѣлые дни трубила о претерпѣевской барышнѣ. Вездѣ, гдѣ только ни показывался Артамонъ Ильичъ, съ нимъ, не церемонясь, начинали разговоръ о его дочеряхъ... Артамонъ Ильичъ такъ упалъ духомъ, такъ былъ убитъ всѣмъ этимъ, что, думая возстановить истину, пытался вступать съ клеветниками въ горячій споръ и, не одолѣвъ, почти со слезами начиналъ умолять:

— Неправда! — говорилъ онъ: — все лгутъ! Какъ не грѣхъ передъ Богомъ?

— Мы, братъ, знаемъ, — отвѣчали ему.

— Да не вѣрьте вы, Христа ради! Какой это такой и Арапниковъ есть на свѣтѣ, мы его и въ глаза не видали. Я — отецъ! я знаю!

— Ничего ты не знаешь, хоть ты и отецъ. А спроси-ко-сь ты извозчика Гришку, онъ тебѣ кое-что поразскажетъ.

— Господи! — произносилъ съ отчаяніемъ растерзанный

Артамонъ Ильичъ и умолялъ только объ однюмъ: не разсказывать этихъ слуховъ больше никому...

Но этими мукамн на улицѣ и въ канцеляріи мученія его не исчерпывались. Дома мучило его сожалѣніе своихъ дочерей, своей жены и видъ нищеты. Дочери знали, что про нихъ толкуютъ томилинцы; были обижены ими и поэтому злы... Какъ на корень зла, негодованіе дочерей прежде всего обрушилось на Артамона Ильича, который рѣшительно ничего не умѣетъ сдѣлать, даже жениховъ для дочерей не могъ отыскать, и пригласилъ какихъ-то тряпичниковъ, которые врутъ про нихъ безъ умолку всякія нелѣпости. Къ довершенію картины общаго разстройства въ семействѣ, Артамонъ Ильичъ замѣтилъ вражду между самими сестрами: онѣ поминутно ссорились между собою за ленту, за булавку, и причину непосѣщенія ихъ молодыми людьми приписывали Олимпіадѣ въ той же мѣрѣ, какъ и отцу.—«На тебя никто не угодитъ! — говорили онѣ ей. — Графа тебѣ, что ли, нужно? Бѣшеная!» Артамонъ Ильичъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ подъ вліяніемъ тоски и злобы увядали свѣжесть и красота его дочерей. Видѣлъ, какъ Олимпіада Артамоновна, сама постигнувшая свои ошибки, смотрѣла на него какъ на дурака, не умѣвшаго остановить ее во-время; видѣлъ, какъ его любимица-дочь ходила въ изорванныхъ платьяхъ, въ стоптанныхъ башмакахъ, наконецъ чуялъ злобу и негодованіе, царившее надъ всѣмъ его домомъ; понялъ, что все пропало, все лѣзло врознь, и желаніе ихъ съ женой сдѣлать жизнь дѣтей лучше—не удалось, и вотъ онъ сразу запилъ, а черезъ годъ-другой сдѣлался просто-таки «горькимъ пьяницей».

«Растеряевщина» не ожидала такого окончанія. Она сжалилась надъ Артамономъ Ильичомъ. Всякій, кто отъ скуки сплетничалъ про его семью, спѣшилъ помочь ему, если видѣлъ, что Артамонъ Ильичъ упалъ на тротуарѣ и не можетъ подняться.

— Артамонъ Ильичъ, батюшка! Что съ вами? Вставайте, сдѣлайте милость! — говорилъ испуганный сосѣдъ. — Пожалуйте вашу руку. Я вамъ подсоблю.

— Не стою! Н-не стою! — кричалъ Артамонъ Ильичъ.— Н-не стоитъ дураку помогать!.. Дуракъ! Дуракъ я!

— Вставайте скорѣй, Богъ съ вами! Увидятъ люди, — что хорошаго...

Артамонъ Ильичъ не соглашался. Если же сосѣду и уда-

валось вымолить его согласіе, то и послѣ того возни съ нимъ было еще много.

— Вставайте, вставайте! — говорилъ сосѣдъ.

— Н-нѣтъ, поз-звольте! — вырывая руку изъ руки сосѣда, лепеталъ Артамонъ Ильичъ. — Кто вы?.. Въ первый разъ въ жизни вижу васъ!..

— Будетъ вамъ, ради Бога!..

— Н-нѣтъ, позвольте!.. И рѣшаетесь оказать помощь безпомощному?.. Кто вы, благодѣтель мой?..

— Сосѣдъ! Сосѣдъ вашъ... Ивановъ... Вставайте!.. Дайте руку!..

— Извольте-съ!.. встану!..

Сосѣдъ начиналъ подымать Артамона Ильича, полагая, что наконецъ все кончено, какъ вдругъ Артамонъ Ильичъ вырывалъ назадъ свою руку, снова падалъ на тротуаръ и бормоталъ, стаскивая съ головы шапку:

— Н-нѣтъ, позвольте... Я перекрещусь!.. Бога я поблагодарю... за васъ!.. Онъ! Онъ, батюшка... владыка, послалъ...

И Артамонъ Ильичъ нетвердою рукою крестилъ свое лицо, мгновенно затопленное слезами.

Дома Артамонъ Ильичъ былъ молчаливъ и, явившись въ нетрезвомъ видѣ, старался забиться куда-нибудь въ уголъ, въ чуланъ, на погребицу, и при появленіи сюда кого-нибудь изъ семьи закрывалъ глаза, притворяясь спящимъ. Никогда отъ него не могли добиться слова. Недугъ Артамона Ильича въ конецъ разстроилъ семью. Разоренье дошло до высшаго предѣла. На службѣ держали его только изъ жалости и грозились выгнать, если дѣла пойдутъ въ такомъ видѣ «впредь». Къ безчисленнымъ заботамъ Авдотьи Карповны прибавилась забота и о мужѣ. Она ничего не жалѣла, лишь бы поставить его на ноги: знахарки и разные умные люди шептали надъ нимъ, отчитывали по «черной книгѣ», поили всякой всячиной, но ничего не помогало. Хрипушинъ, неоднократно пользовавшій Артамона Ильича, оправдывалъ неуспѣхъ лѣченія тѣмъ, что ему никогда Авдотья Карповна не давала докончить его какъ слѣдуетъ; непремѣнно поторопятся, позовутъ другого, и все, что сдѣлалъ онъ, Хрипушинъ, пропадетъ ни за что. Такія оправданія поддерживали въ Авдотьѣ Карповнѣ вѣру въ знаменитаго медика, и она рѣшилась еще разъ обратиться къ нему...

Послѣ свиданія, изображеннаго въ первой сценѣ, Хрипушинъ дня черезъ два подъѣхалъ къ дому Претерпѣевыхъ

на телѣгѣ. Артамонъ Ильичъ только-что проснулся и былъ трезвъ. Когда ему объяснили причину пріѣзда Хрипушина, онъ тотчасъ же согласился съ женой насчетъ познаній бабы-знахарки и не сомнѣвался въ собственномъ исцѣленіи, хотя вполнѣ зналъ, что никакая Добрая-Гора и никакой Хрипушинъ не сдѣлаютъ ни на волосъ пользы.

Артамона Ильича усадили въ телѣгу; рядомъ съ нимъ сѣлъ Хрипушинъ. На перекресткѣ медикъ и паціентъ перекрестились, пожелали себѣ успѣха и повернули за уголъ... Вослѣдъ имъ долго смотрѣла изъ окна Авдотья Карповна...

Выѣхавъ въ поле, Хрипушинъ почувствовалъ, что ему совѣстно передъ Артамономъ Ильичомъ, лицо котораго ясно показывало, что онъ ни на волосъ не вѣритъ волхованіямъ старухъ и Хрипушина, а ѣдетъ лѣчиться единственно изъ угожденія семьѣ.

Долго между обоими ими тянулось самое мучительное молчаніе. Артамонъ Ильичъ заговорилъ первый.

— Это ты лѣчить меня, Алексѣичъ, собираешься? — сказалъ онъ съ горькой улыбкой.

— Да надо бы, Артамонъ Ильичъ,—смѣшавшись, заговорилъ Хрипушинъ.—Надо бы вамъ... того... попользовать васъ.

— Э-э, голубчикъ! — перебилъ паціентъ.—Другъ!—присовокупилъ онъ, касаясь плеча извозчика. — Поворотика ты лучше всего налѣво... Вонъ туда!..

Слѣва отъ дороги торчалъ кабакъ.

Возница сталъ поворачивать. Хрипушинъ безмолвствовалъ. Артамонъ Ильичъ проснулся въ травѣ около кабака на другой день къ вечеру. Хрипушинъ, успѣвшій во время припадка своего паціента дать нѣсколько благихъ совѣтовъ цѣловальничихѣ и ея старухѣ-свекрови, сталъ торопить его домой. Ему нужно было доставить Артамона Ильича трезвымъ. Скоро они собрались и поѣхали.

— Хоть по крайности, ежели ужъ излѣчить васъ нельзя,— въѣзжая въ Томилинскую улицу, говорилъ Хрипушинъ: — по крайности фигуру-то свою хоть на минуту соблюдите.

— Фигуру-то я... я соблюду! — согласился паціентъ.

Послѣ общихъ надеждъ на благополучіе, надеждъ, особенно ревностно подтверждаемыхъ самимъ Артамономъ Ильичомъ, на столѣ въ горницѣ закипѣлъ самоваръ, и Авдотья Карповна вступила съ Хрипушинымъ въ самый дружескій разговоръ. Артамонъ Ильичъ вышелъ пройтись въ садъ. Здѣсь онъ прилегъ на скамейкѣ въ бесѣдкѣ и долго-долго рыдалъ.

Въ сосѣднемъ саду слышался веселый смѣхъ, и скоро въ бесѣдкѣ, отдѣленной отъ Артамона Ильича заборомъ, послышалось бряканье чашекъ, шипѣніе самовара и наконецъ разговоры.

— Чѣмъ же мнѣ угощать васъ, господа? — говорилъ сосѣдъ Ивановъ, оказавшій вчера Артамону Ильичу помощь на улицѣ.

— Что̀ за угощеніе! — отвѣчали любезно гости, и одинъ изъ нихъ тотчасъ же прибавилъ, понизивъ голосъ:

— Сосѣдки у васъ, Семенъ Семенычъ, — вотъ это развѣ...

— А, понравились? Хотите, посватаю?..

— Неужели же возможно?

— Это ужъ наше дѣло!.. Хотите?..

— Брюнетка особенно недурна... Вотъ бы!..

— Э-э-э!—перебилъ хозяинъ:—вотъ вы куда! Олимпіаду! Нѣтъ-съ, ужъ на этотъ счетъ—извините! Эту я для себя берегу.

— Подлецы вы, канальи, мерзавцы!—во всю мочь гаркнулъ Артамонъ Ильичъ и опрометью бросился изъ сада на дворъ, со двора на улицу...

А Хрипушинъ и Авдотья Карповна возсѣдали за самоваромъ и продолжали дружескую бесѣду. Хрипушинъ истощилъ наконецъ всѣ аргументы, которые подтверждали его убѣжденіе въ окончательномъ исцѣленіи Артамона Ильича; въ заключеніе своей бесѣды онъ уже взялся за шапку и хотѣлъ-было упомянуть:—«Нѣтъ ли, молъ, у васъ, Авдотья Карповна, хоть сколько-нибудь мелочи...», какъ неожиданно подъ окнами послышался знакомый голосъ Артамона Ильича.

— Н-невоз-зможно!—бормоталъ онъ, стукнувшись плечомъ въ ставню.

Хрипушинъ, завидѣвъ бѣду, незамѣтно юркнулъ вонъ изъ комнаты и скрылся.

IX. Осиротѣлая семья.

Артамонъ Ильичъ Претерпѣевъ умеръ; горькій недугъ, охватившій его въ послѣднее время, скоро свелъ бѣднаго чиновника въ могилу. Авдотья Карповна, казалось, совершенно ослабѣвшая отъ несчастій и разстройствъ семьи,

послѣ смерти мужа неожиданно снова очнулась, пришла въ себя и поняла, что теперь только отъ нея зависитъ все: нищета, исчезновеніе послѣднихъ средствъ къ существованію, общее несочувствіе или какое-то враждебное отношеніе къ семьѣ Претерпѣевыхъ всѣхъ знакомыхъ и сосѣдей—все это сразу обрушилось на одну Авдотью Карповну. Бѣдная женщина вся впала въ какой-то припадокъ хлопотливости и суетни, цѣлые дни шмыгала она своими слабыми, старческими ногами по городу; на плечахъ ея былъ надѣтъ какой-то невѣроятно-ветхій люстриновый салопъ, сгнившій у подола и носившій на спинѣ радугообразныя линялыя полосы; ветхая, запыленная и искалѣченная шляпка, засаленное прошеніе, крѣпко прижатое къ груди,—жалостью и тоскою вѣяли на встрѣчнаго человѣка, а тусклые, совершенно безжизненные глаза, въ которыхъ нельзя было примѣтить ничего, кромѣ тупого страха, заставляли встрѣчнаго сомнѣваться въ твердости ея разсудка. Цѣлые дни убогую фигуру Авдотьи Карповны можно было видѣть то на томъ, то на другомъ перекресткѣ, то на томъ, то на другомъ крыльцѣ канцеляріи или палаты. Каждый день во всѣхъ переднихъ знатныхъ и сильныхъ особъ Авдотья Карповна успѣвала десятки разъ упасть на колѣни, хватать вельможныя ноги и получать утѣшительный отвѣтъ:—«Все, что только отъ меня зависитъ...» и проч. Помощь и работу дали ей такіе же горемыки, понимавшіе размѣры печалей Авдотьи Карповны, или богатые купцы, старающіеся успокоить свою совѣсть съ помощью черствыхъ кусковъ кулебяки и позеленѣлыхъ екатерининскихъ пятикопеечниковъ.

Цѣлый день такой неустанной гоньбы по городу, моленій, просьбъ и слезъ доставлялъ Авдотьѣ Карповнѣ возможность не сидѣть вечеромъ безъ огарка сальной свѣчки и не мучиться безъ чаю и сахару болѣе трехъ дней. Вечеромъ, иногда очень поздно, возвращалась она въ Томилинскую улицу и, запыхавшись, выкладывала передъ семьей добычу съ общественной благотворительности. Нищета и ужасъ положенія были такъ велики, что ни одна изъ дочерей Авдотьи Карповны не рѣшалась пустить въ ходъ доморощенной критики и съ покорностью пожевывала засохшую черствую купеческую кулебяку или принималась за шитье и штопанье бѣлья казенныхъ рабочихъ, или вообще за какую-нибудь другую, не совсѣмъ сообразную съ званіемъ ихъ работу. Въ эту пору даже Олимпіада Арта-

моновна не рѣшалась уже болѣе уснащать рѣчь свою французскими оборотами. Иногда только, когда ей приходилось довольствоваться только соленымъ огурцомъ вмѣсто обѣда или шить какую-нибудь слишкомъ пикантную часть мужского туалета, она рѣшалась подумать, что такое занятіе способно ее унизить. Трудъ въ то время считался дѣломъ унизительнымъ.

Такъ и пошли дѣла Претерпѣевыхъ.

Мѣсяцевъ черезъ семь-восемь послѣ смерти Артамона Ильича всѣ позабыли о существованіи семьи Претерпѣевыхъ. Хрипушинъ, знавшій по слухамъ о печальномъ положеніи ихъ, не находилъ особенно пріятнымъ для себя возобновлять знакомство, прерванное смертью паціента; кромѣ того онъ рѣшительно не надѣялся отыскать у Авдотьи Карповны не только ничего по части «мелочи», но положительно былъ увѣренъ, что когда-то хлѣбосольная хозяйка эта не найдетъ возможнымъ теперь нацѣдить ему даже малую пропорцію увеселительнаго напитка. Хрипушинъ поэтому и не заглядывалъ къ Претерпѣевымъ по крайней мѣрѣ съ полгода и, по всей вѣроятности, не заглянулъ бы сюда никогда, если бы къ этому времени въ нашей улицѣ не зачуялись признаки новаго времени. Хрипушинъ ощутилъ ихъ на убыли паціентовъ, на проявленіяхъ какой-то недовѣрчивости въ нихъ и на весьма ощутительной скудости угощенія. Не разъ съ горечью запускалъ онъ растопыренную пятерню подъ фуражку и, царапая свою голову, рѣшительно недоумѣвалъ, гдѣ бы найти тихое пристанище, т.-е. приличную порцію очищеннаго и ошалѣлую отъ скуки паціентку.

— И что-жъ это за время! — вскрикивалъ онъ, хлопая себя по бедрамъ и въ ужасѣ выбѣгая на улицу послѣ неудачнаго визита.—И гдѣ же это видано? Въ какой землѣ? Чтобы ежели, напримѣръ, ты пользуешь человѣка и какъ есть всей душой, а онъ тебѣ только всего, что: «будьте здоровы»? И гдѣ же это самое благородство? Ну хоть бы же онъ на смѣхъ, хоть бы онъ мнѣ въ рожу-то плюнулъ: на, молъ, полрюмки, сполосни свое сердце... А то... Ахъ!..

И Хрипушинъ снова въ ужасѣ хлопалъ о свои бедра, качалъ головой, ахалъ и почти бѣгомъ пускался куда глаза глядятъ, на «авось».

Разъ, въ припадкѣ отчаянія, вслѣдствіе отсутствія всякой возможности гдѣ-нибудь выудить выпивку, Иванъ Алексѣевичъ рѣшился на послѣднее средство—зайти къ

Претерпѣевымъ. Не безъ внутренняго волненія подходилъ онъ къ знакомому домику, чувствуя всю тягость картины, которая ожидаетъ его тамъ. Каково же было его удивленіе, когда вмѣсто печалей и воздыханій онъ встрѣтилъ въ семействѣ Претерпѣевыхъ всеобщую радость!.. Вся семья Артамона Ильича обступила Хрипушина съ радостными восклицаніями: «Слава Богу!» «Слава тебѣ, Господи!» Всѣ хватали его то за одинъ, то за другой рукавъ, тащили каждый въ свою сторону, чтобы разсказать какое-то неожиданно-пріятное происшествіе, и чуть даже не цѣловали. Авдотья Карповна, захлебываясь отъ восторга и дрожа всѣмъ тѣломъ, пробилась наконецъ сквозь толпу дочерей и за плечи усадила на стулъ дорогого гостя.

— Погодите! Погодите! — умоляла она дочерей, усаживаясь рядомъ съ Хрипушинымъ.—Дайте вы мнѣ хоть словечко... хоть словечко!..

— Иванъ Алексѣичъ... нѣтъ, посмотрите, что̀... Мусьё Хрипушинъ!..—трещали, не переставая, дочери.—Позвольте, маменька, дайте, я разскажу!

— Дайте вы мнѣ, Христа ради, хоть одно-то словечко!

— Позвольте, барышни, въ самомъ дѣлѣ! — вмѣшался Хрипушинъ.—Позвольте маменькѣ... Ахъ, ты, Боже мой! а?.. Слава Богу!.. Слава Богу!.. Радъ! Ей-ей, радъ!..

— Такъ рады, такъ рады!.. — голосили всѣ. — Посмотри-ко-сь, какое дѣло-то!—говорила Авдотья Карповна. — Изволишь видѣть, отецъ мой... Пошли мы къ обѣднѣ...

— Авдотья Карповна!—перебилъ Хрипушинъ:—одну минуту! Нѣтъ ли, Христа ради, какой росинки! Вѣрите ли, все нутро изожгло! Ахъ бы въ ножки вамъ поклонился!

Къ общей радости, графинъ съ перечнымъ стручкомъ оказался не безнадежно пустымъ. Хрипушинъ, торопившись слушать интересный разсказъ хозяйки, впопыхахъ проглотилъ три довольно объемистыхъ рюмки, крякнулъ, черкнулъ ладонью по мокрымъ усамъ и торопливо произнесъ:

— Ну-те-съ, матушка, благодѣтельница?

Авдотья Карповна развела руками и какъ бы въ недоумѣніи начала:

— И не знаю, какъ это тебѣ разсказать-то!.. И не знаю, какъ мнѣ Бога благодарить!.. Видишь, отецъ мой: пошли, говорю, мы къ обѣднѣ... Мѣсяца полтора тому будетъ... Стоимъ у сторонки этакъ кучкой, ровно бы прокаженныя какія, молимся такъ-то, дескать, когда это Господь-то по насъ пошлетъ? Унываемъ мы такимъ манеромъ, а Лим-

піада все что-то на сторону поглядываетъ... —«Что̀ ты это, говорю шопотомъ, все на сторону поглядываешь?..» —«Да, говоритъ, вонъ посмотрите, какой-то, говоритъ, мужчина на насъ покашивается...» Оглянулась я: точно, стоитъ мужчина и нѣтъ-нѣтъ да на насъ глазомъ и замахнетъ... все покашивается...

— Покашивается? — глубокомысленно спросилъ Хрипушинъ.

— Все покашивается!

— Гм... да-да-да... Ну-съ?

— Хорошо! Выходимъ изъ церкви, идемъ домой и, между прочимъ, нѣтъ-нѣтъ да обернемся назадъ, глядь — и онъ обернулся!..

— Цссс...

— Что̀ за чудо?—думаемъ.—Что̀ ему отъ насъ? Думаемъ себѣ: вѣрно, такъ что-нибудь. Однакоже прошла недѣля... идемъ къ обѣднѣ... глядь: опять онъ!.. Опять онъ все это какъ быдто бы...

— Покашивается?—перебилъ Хрипушинъ.

— Да-да! Все какъ будто бы глазомъ норовитъ.

— Что-жъ? Слава Богу! — въ умиленіи произнесъ медикъ. — Олимпіада Артамоновна! Какъ вы полагаете?.. — продолжалъ онъ, ядовито прищуривъ глазъ.

— Вотъ глупости!

— Отчего-жъ? Пущай его! ничего!.. Слава Богу! Ей-ей!.. Ну-съ, матушка, Авдотья Карповна?..

— Ну, другъ сердечный, такъ это дѣло и пошло... Гдѣ мы, глядь—и онъ торчитъ!

— Вотъ тутъ самое интересное! — сказала Олимпіада не безъ ироніи.

— Погоди, не перебивай!.. Дай ты мнѣ договорить!

— Дайте, барышня, маменькѣ вашей договорить... Ну-съ?

— Ну, хорошо!.. Такъ все это и идетъ... Разъ сидимъ мы такъ... дома сидимъ... скучаемъ... вдругъ подъѣзжаетъ мужикъ: —«Здѣсь, говоритъ, такіе-то живутъ?» —«Здѣсь...» —«Прислано вамъ, говоритъ, вонъ капуста... въ день ангела...» (точно, Стеша была именинница). — «Кто прислалъ?» —«Не приказано говорить...» Пытали, пытали— нѣтъ!.. Такъ мы растрогались, даже заплакали, право!

Хрипушинъ глубоко вздохнулъ.

— Ревемъ,—со слезами продолжала Авдотья Карповна:— и думаемъ: гдѣ это такой благодѣтель есть?.. За что намъ

Господь милость свою посылаетъ?.. Немного погодя, глядь, возъ картофелю... фунтъ чаю... сахару... и все неизвѣстно отъ кого!.. Цѣлковыхъ поди на пять онъ, батюшка, намъ всякой провизіи презентовалъ! Каково это?

Хрипушинъ долго молчалъ, опустивъ голову внизъ.

— Слава Богу! — произнесъ онъ, пожавъ плечами и вздохнувъ.—Слава Богу!

— Думаю я такъ, что безпремѣнно *онъ* это посылаетъ?

— Это который все покашивается-то?

— Да?—вопросительно произнесла Авдотья Карповна.

— Больше некому! — заключилъ медикъ. — Больше некому! Онъ... Олимпіада Артамоновна?.. Какъ вы полагаете?

— Будетъ вамъ, пожалуйста!

— Хе-хе-хе!.. Онъ, онъ, онъ-съ!.. Что-жъ? Слава Богу!..

— Сколько мы ни развѣдывали,—начала снова Авдотья Карповна:—никто не знаетъ... Наконецъ вчера принесла отъ него баба ногу телятины... Стали мы ее молить-просить; сначалу-то не подавалась... ну а потомъ, видитъ наше умиленіе, сказала: чиновникъ, вишь, Толоконниковъ...

— Бѣлокурый?..—встрепенулся Хрипушинъ.

— Вотъ! вотъ!—заговорили всѣ разомъ:—всхохлаченный такой!

— Знаю!..—стукнувъ рукой объ столъ, закричалъ Хрипушинъ.—Знаю!

— Лицо этакое еще суровое...

— Знаю!.. знаю!.. Теперь я понимаю... А? Ай-да Семенъ Ивановичъ! Покашивается! Каковъ?.. Проберу!.. Проберу вотъ какъ!.. хе-хе-хе!.. Каковъ?.. Позвольте-ко мнѣ полрюмочки!.. Каково? Молодецъ!..

Хрипушинъ, пользуясь общимъ восторгомъ, успѣлъ опорожнить графинъ и собрался тотчасъ же отправиться къ Толоконникову для пробранія послѣдняго сообразно его проступкамъ.

— Проберу-съ!—подмигивая и обращаясь къ Олимпіадѣ Артамоновнѣ, говорилъ Хрипушинъ.—Проберу-у! Нельзя!.. Какъ можно? Нѣтъ!..

Авдотья Карповна убѣдительно просила медика передать этому благодѣтелю самую безграничную благодарность. Хрипушинъ обѣщался примѣрно наказать преступника и далъ слово притащить его въ будущее воскресенье къ Претерпѣевымъ, дабы сама Олимпіада Артамоновна распорядилась съ кавалеромъ, какъ только ей будетъ угодно.

Уходя, Хрипушинъ, вслѣдствіе неустойчивости ногъ, на-

летѣлъ плечомъ на притолку и, пользуясь этой остановкой, снова обратился къ Олимпіадѣ Артамоновнѣ:

— Барышня!—сказалъ онъ нетвердымъ языкомъ:—какъ вы полагаете?.. Покашивается-то?.. э-э? хе-хе-хе!..

X. Жизнь и „ндравъ“ Толоконникова *).

Семенъ Ивановичъ Толоконниковъ принадлежалъ тоже къ числу кавалеровъ «растеряевской округи», и слѣдовательно сердца «нашихъ» дамъ и въ особенности ихъ сундуки съ приданымъ были не совсѣмъ безопасны отъ посягательствъ этого юноши. Юноша этотъ имѣлъ отъ роду около тридцати шести лѣтъ, былъ съ виду угрюмъ, богомоленъ и, что всего удивительнѣе, не пилъ ни капли водки... Такія качества его, повидимому, могли бы сулить томилинскимъ дамамъ полное счастіе и благоденствіе, между тѣмъ на дѣлѣ выходило не то, такъ что слово «небезопасны» я употребилъ съ полнымъ основаніемъ. Прошлое Семена Ивановича до минуты поступленія его на службу было обставлено множествомъ разнаго рода оскорбленій: въ дѣтствѣ, въ домѣ родителя своего, дьячка села Толоконникова, онъ былъ много битъ, единственно ради непроходимаго сна и обжорства, которыми были переполнены всѣ годы его дѣтства; въ училищѣ онъ былъ предметомъ общаго поношенія, ради неспособности къ наукамъ; затѣмъ, исключенный изъ послѣдняго класса духовнаго училища, поступилъ на службу въ одну изъ палатъ, и здѣсь къ его мизантропіи, начинавшей проглядывать въ отрывистыхъ ругательствахъ къ сослуживцамъ, прибавилось еще нѣсколько весьма резонныхъ причинъ. Неповоротливость, угрюмость и деревенщина, одолѣвшія Семена Ивановича, сдѣлали то, что онъ сталъ какою-то притчею во языцѣхъ чиновниковъ и на долгое время доставилъ имъ матеріалъ для развлеченій во время куренія папиросъ въ коридорѣ. Первые годы служебнаго поприща Семена Ивановича были едва ли не самыми тягостными въ его жизни. Въ эту пору общее полупрезрѣніе, которымъ былъ онъ окруженъ, заста-

*) Подъ фамиліей «Толоконниковъ» здѣсь изображено то же самое лицо, которое въ очеркѣ «Дѣла и знакомства» носитъ фамилію Богоборцева.

вило его подумать о себѣ: у него начало шевелиться въ груди что-то въ родѣ сознанія, что онъ несчастный человѣкъ, что его надо жалѣть, а не насмѣхаться надъ нимъ; а такъ какъ надъ нимъ насмѣхались, то онъ, жалѣя себя, сталъ чувствовать потребность мести кому-то... Деревня, училище ни на волосъ не подготовили его къ чиновнической жизни, къ чиновническимъ интересамъ, и «выбиться въ люди», отомстить путемъ чиновническимъ онъ не могъ никакъ; сколько онъ ни ломалъ голову надъ этимъ предметомъ, сколько ни старался выучить себя разговаривать и даже ходить такъ, какъ его сотоварищи, ничего не выходило изъ этихъ многотрудныхъ стараній... Тоска его, по всей вѣроятности, была бы безысходна, если бы, къ счастію Семена Ивановича, ему не предложили другой должности. Новинка этой должности для Семена Ивановича состояла въ томъ, что его помѣстили въ отдѣльной комнатѣ, въ самомъ углу зданія, вдали отъ тѣхъ частей палаты, гдѣ кишатъ рои опротивѣвшихъ ему чиновниковъ. Семенъ Ивановичъ занимался исключительно печатаніемъ конвертовъ и отправленіемъ ихъ на почту. Чиновники забѣгали сюда только на одну минуту. Семенъ Иванычъ цѣлые дни оставался въ обществѣ молчаливыхъ сторожей и въ обществѣ бобровой шубы господина управляющаго, которая безмолвно висѣла на гвоздѣ какъ разъ противъ физіономіи моего героя. Тишина здѣсь была неописуемая. Отсутствіе людей и человѣческихъ звуковъ доставляло Толоконникову истинное удовольствіе и незамѣтно навело его на мысль, что одиночество есть настоящее средство для достиженія болѣе или менѣе счастливой жизни. Съ этого времени, не отдавая себѣ обстоятельнаго отчета въ своихъ поступкахъ, сталъ Семенъ Ивановичъ устраивать собственное хозяйство.

Со времени поступленія Семена Ивановича въ должность прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ, а онъ попрежнему живетъ одинъ-одинешенекъ. Хозяйство его доведено до высшей степени совершенства; посмотрите, чего-чего только нѣту у него: въ шкапу, въ верхней половинѣ, всѣ полки заставлены посудой, которой хватитъ на пятьдесятъ человѣкъ. Тутъ и вилки дюжинами, и ложки, и чашки, и проч. и проч. Все подобрано подъ одну масть, «подъ кадриль», какъ выражается Семенъ Ивановичъ. Нижняя часть шкапа, т.-е. комоды, биткомъ набиты бѣльемъ разныхъ сортовъ и видовъ; попадаются даже принадлежности женскаго туалета,

и тоже все дюжинами, все новенькое, нетронутое... По стѣнамъ лѣпятся сундуки. Откройте ихъ и загляните туда: платье, и лѣтнее и зимнее, наложено цѣлыми ворохами, моль бродитъ по немъ, потому что Семенъ Ивановичъ никогда еще не рѣшался надѣть и носить этого новаго платья,—все ему чуется, что въ немъ самомъ или вокругъ него нѣтъ чего-то такого, что̀ бы дало ему право стать наравнѣ со всѣми, быть какъ другіе, и ему стыдно было одѣваться такъ, какъ одѣваются другіе. «Съ чего такого, подумаютъ люди, вырядился?» — полагалъ Семенъ Ивановичъ, и платье гнило въ сундукахъ, ожидая счастливаго дня... Хотите вы папиросъ, Семенъ Ивановичъ тотчасъ же предложитъ вамъ ихъ во множествѣ сортовъ, легкихъ, крѣпкихъ, хоть самъ никогда не выкурилъ ни одной папиросы. Хотите вы выпить водки или вина, Семенъ Ивановичъ мгновенно представитъ вамъ и то и другое, хотя самъ никогда не бралъ капли въ ротъ. Словомъ, все, «что̀ только вашей душѣ угодно», все найдется у Семена Ивановича. Все это лежитъ недвижимо, наготовлено на пятьдесятъ «персонъ», ждетъ кого-то. И все никого нѣтъ, все героя моего одолѣваетъ тоска по чемъ-то, все онъ нѣтъ-нѣтъ да прикупитъ, для собственнаго утѣшенія, новый подсвѣчникъ, или сошьетъ новую шинель на ватѣ и тотчасъ же навѣки погребетъ ее въ сундукѣ. Людей знакомыхъ, вообще хоть какого-нибудь человѣческаго общества, у него нѣтъ. Какимъ-то чудомъ избѣжалъ онъ пьянства *) и поэтому никакъ не могъ заводить знакомства съ чиновниками, такъ какъ вся жизнь провинціальной чиновнической мелкоты только и держится (двадцать лѣтъ назадъ было такъ) на выпиваніи, похмельѣ и опять выпиваніи. Изъ нихъ могли разсчитывать на его знакомство только люди престарѣлые, прослужившіе двойные служебные сроки, непьющіе и ропщущіе, какъ и Семенъ Ивановичъ, на весь Божій міръ, или, напротивъ, новички чиновничьяго міра, юноши неопытные и тоже страдающіе. Семенъ Ивановичъ могъ даже первенствовать между тѣми и другими; но онъ зналъ, что никуда негодные старцы и неоперившіеся юноши не составляютъ людей «настоящихъ», самостоятельныхъ, къ которымъ бы Семену Ивановичу хотѣлось принадлежать. Изъ такихъ людей, въ ряду его знакомыхъ, былъ только одинъ

---

*) Его спасала «охота», любовь къ курамъ, къ бойцовымъ пѣтухамъ, кулачнымъ боямъ и т. д. См. гл. III.

купецъ, который хотя и допускалъ его откушать чайку, но особенной важности особѣ его не придавалъ. Надо было еще чего-то...

Мало-по-малу тоска Семена Ивановича начала выливаться въ болѣе опредѣленныя формы и заявлять болѣе опредѣленныя требованія. Съ теченіемъ времени, все съ большей и большей раздражительностью началъ онъ принимать къ сердцу такія вещи, какъ, напримѣръ, похвала какому-нибудь постороннему лицу. Съ завистью слушалъ онъ, какъ какая-нибудь кухарка разсказывала про строгость господъ и боялась опоздать домой хоть минутой. Семенъ Ивановичъ въ этомъ страхѣ кухарки видѣлъ силу и власть барина и считалъ его не только настоящимъ человѣкомъ, имѣющимъ право жить, но и человѣкомъ необыкновенно счастливымъ. Услыхавъ какой-нибудь подобный этому разсказъ кухарки или горничной, Семенъ Ивановичъ тотчасъ приравнивалъ себя къ строгому барину и находилъ громадную разницу... «...Небось,—думалъ онъ:—моя Авдотья этакъ-то не задрожитъ!..»

И Семенъ Ивановичъ вздыхалъ...

За слишкомъ долгое отсутствіе всѣхъ пріятныхъ ощущеній, какія доставляетъ жизнь, Семенъ Ивановичъ, въ вознагражденіе своихъ долгихъ страданій въ одиночествѣ, началъ требовать съ какою-то болѣзненною жадностью самаго безграничнаго уваженія. Разговоры кухарокъ про строгихъ господъ, хорошіе отзывы о «другихъ», вообще все, что составляло чуждую ему жизнь провинціальнаго общества,—все это навалилось на него какою-то громадною тяжестью и заставило его жаждать власти хоть надъ курами. Такимъ образомъ изъ Семена Ивановича выходилъ давно знакомый намъ отечественный самодуръ. Постороннему наблюдателю это казалось совершенно яснымъ, но самъ Семенъ Ивановичъ очень смутно постигалъ, чего ему хочется. Самодурство какъ-то уродливо копошилось въ немъ.

Вотъ сидитъ онъ одинъ въ своей комнатѣ; онъ только-что воротился отъ всенощной; кругомъ комнаты у потолка и особенно въ углу ярко горитъ множество лампадъ; въ комнатѣ душно, пахнетъ деревяннымъ масломъ и тишина. Семенъ Ивановичъ отпилъ чай; благоговѣйное ли мерцаніе лампадъ или торжественная тишина дѣйствуетъ на него, только онъ упорно молчитъ; изрѣдка, среди безмолвія, раздается едва слышное пѣніе: «Услыши, Господи, молитву-у мо-ою...» и потомъ глубокій-глубокій вздохъ... Снова ти-

лина: снова пѣніе: «Ду-ушу мою къ моленію...»—и снова еще болѣе глубокій вздохъ...

— Господи, Господи! — наконецъ громко произноситъ Семенъ Ивановичъ.

Входитъ старуха-кухарка. При всей привязанности къ женскому полу, Семенъ Ивановичъ никогда не могъ осуществить своей мечты — нанять молодую бабу. Дѣлалось это, конечно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ онъ не могъ носить новаго платья. Кухарка, кряхтя и охая, направляется къ столу.

— Что ты?

— Самоваръ убрать.

Семенъ Ивановичъ чувствуетъ потребность добыть изъ кухарки хоть какую-нибудь крупицу утѣхи своему наболѣвшему самолюбію.

— Возьми,—говоритъ онъ кротко и потомъ прибавляетъ не безъ негодованія:—то-то, братъ, Авдотья, у насъ все такъ! Баринъ-то когда чай отпилъ, а ты только, Господи благослови, трогаешься за самоваромъ.

— Нешто у меня сто рукъ-то?.. Небось, не одно дѣло...

— Молчи!—раздражительно, но неторопливо произнесъ хозяинъ.—Ма-алчи! Ты про дѣла говорить не смѣй... Ты...

— Съ чаво-жъ такое не говорить-то? Экося дѣло какое!

— Не говорри, Авдотья! Слышишь, или нѣтъ?..

Семенъ Ивановичъ грозно приподымается съ дивана; Авдотья отступаетъ, прижавъ къ груди самоваръ.

— У тебя дѣла?—продолжаетъ хозяинъ.—А гдѣ же это ты рожу-то нажевала? Пришла какъ щепка, а теперь эво рыло-то... все это отъ дѣловъ?.. Ахъ, ты, безсовѣстная тварь!.. У тебя дѣла!..

— Ну, пошелъ мутить!

— Нѣтъ, погоди... Стой! Я говорю, гдѣ ты нажевала рожу?

— Ты на меня не кричи! Чего ты, воевода какой отыскался!..—вскрикиваетъ въ свою очередь кухарка.—Какитаки вишь дѣла! Мало, что-ль, дѣловъ-то? У тебя добра-то эва навалено... все прибери!

Семенъ Ивановичъ, побагровѣвшій и готовый на отчаянную брань, вдругъ почувствовалъ, что фраза кухарки насчетъ изобилія добра пролила въ его сердце нѣчто безпредѣльно-отрадное; онъ утихъ и молча опустился на диванъ.

— У тебя,—продолжаетъ въ томъ же воинственномъ тонѣ кухарка:—эва что всего понапихано!.. Гдѣ ни повернись...

Ровно бы помѣщикъ какой живешь, а я, небось, одна... Каки-таки дѣла!.. Эва-а!

— Ахъ, дура!—кротко говоритъ хозяинъ:—сравнила съ помѣщикомъ!

— А то что̀ же? У иного помѣщика еще и этого-то нѣту... А у тебя погляди-ко-сь! Все убери да подмети.

— Ахъ, дура, дура!—сладко произноситъ хозяинъ.

— Вотъ-те дура!.. Что̀ платья, что̀ бѣлья, что̀ чего!.. Все напасено, незнамо про кого только... Тебѣ съ меня взять нечего, я—человѣкъ старый... кабы жену взялъ, тогда и взыскивай съ нея! Да и въ ту пору съ твоимъ богатырствомъ еще не управишься... А то—одна! Нѣту дѣловъ!..

Семенъ Ивановичъ безмолвствуетъ. Кухарка направляется къ двери.

— Погоди!—нѣжно произноситъ герой.

— Чего еще?

— Постой... Такъ, говоришь... помѣщикъ... Я-то?..

— Да помѣщикъ и есть...

— Погоди, Авдотья... Постой минуточку... Много всего, говоришь?

— Обнаковенно много всего... что̀ одежды, что̀ чего!

— Д-да!.. Слава Богу!..

Семенъ Ивановичъ вздыхаетъ. Авдотья ждетъ новаго вопроса.

— Идти, что̀-ль?

— Погоди минуточку...

— Чего годить-то?.. У меня, небось, есть гдѣ хороводиться...

— Погоди же, Господи!.. Позволь!

Настаетъ продолжительное молчаніе. Авдотья ждетъ. Семенъ Ивановичъ совершенно растаялъ отъ удовольствія, которое доставила ему Авдотья.

— Такъ ты, Авдотья, говоришь: я въ родѣ какъ помѣщикъ?..

— О, да что̀ это, дитё какое разыскалось! Мнѣ вѣдь...

— Постой, Авдотья! погоди!

Но Авдотья уже исчезла.

По уходѣ кухарки мысли Семена Ивановича начали принимать самыя разнообразныя направленія; сначала онъ, поддаваясь новому ощущенію, воспроизведенному словами кухарки, горячо благодаря Бога за его милости, шепталъ: «Слава Богу», «Слава Тебѣ, Господи» и вздыхалъ. Свѣтъ лампадъ весьма гармонировалъ съ настроеніемъ души моего героя. Затѣмъ наболѣвшее и наголодавшееся самолюбіе его начало требовать какого-нибудь новаго удовольствія. Семенъ

Ивановичъ, успѣвши убѣдиться, что онъ, благодаря Бога, ничуть не хуже другихъ, потихоньку началъ помышлять о томъ, что, несмотря на преимущества, которыми обладаетъ онъ передъ многими, видѣнными имъ лицами, онъ не получаетъ должнаго уваженія и не имѣетъ нигдѣ права голоса... «За что?—думалъ Семенъ Ивановичъ.—Что̀ я? хуже, что-ль, кого? Слава Богу, кажется?.. Нѣтъ, погоди!..» При этомъ онъ нетерпѣливо вскакивалъ съ дивана и тотчасъ же садился опять. Разгнѣванная мысль его мгновенно вспоминаетъ всѣ оскорбленія, которыя онъ хоть когда-нибудь получалъ: Семенъ Ивановичъ вспыхивалъ и рѣшалъ тотчасъ же на комъ-нибудь сорвать кровную обиду. Въ жару негодованія онъ вспоминаетъ все ту же свою кухарку Авдотью, которая за нѣсколько минутъ передъ этимъ не дослушала его разговоровъ и ушла, несмотря на то, что онъ весьма ласково говорилъ ей: «погоди», «постой».

— Авдотья!—гаркнулъ онъ, съ сердцемъ распахнувъ дверь въ кухню.—Поди сюда!

— Это еще чего, вотъ...

— Не разговаривать! Я эти разговоры-то слыхалъ... Пошла сюда!

Семенъ Ивановичъ ушелъ и хлопнулъ дверью. Авдотья, услыхавъ, какъ хлопнула за бариномъ дверь, поняла, что дѣло разыгралось не на шутку, и не безъ робости вошла въ хозяйскіе покои. Хозяинъ въ волненіи сидѣлъ на диванѣ, нетерпѣливо болталъ ногой и, увидавъ кухарку, заговорилъ съ ожесточеніемъ:

— Когда ты будешь слушать, что̀ тебѣ говорятъ? а?

— Господи помилуй! Слава Богу, и такъ слышу...

— Нѣтъ, я говорю, когда ты будешь слушать?..

Авдотья не нашлась, что̀ отвѣчать.

— А?—продолжалъ хозяинъ.—Я тебѣ что̀ сегодня утромъ сказалъ?..

— Мало чего ты говорилъ? У тебя нешто мало приказу-то?..

— Нѣтъ, что̀ я сказалъ?..

— Что̀ сказалъ, то и сдѣлала... И нечего орать попусту...

— Мол-лчи! Что̀ я сказалъ?

— Нечего молчать. Говорю, коли спрашиваешь. Сказалъ: отнеси сапогъ въ починку,—отнесла... Приказалъ тарелки перемыть,—вонъ онѣ...

Семенъ Ивановичъ еще съ бо̀льшимъ волненіемъ принялся болтать ногою, готовясь гаркнуть пуще прежняго.

— Мало ли,—бормотала испуганная Авдотья.—Вонъ сказалъ, огурцы пере...

— Чт-то я сказалъ?!—не удержался Семенъ Ивановичъ и вскочилъ съ дивана.

Вышедшая изъ терпѣнья Авдотья плюнула и скрылась, хлопнувъ дверью...

— Вонъ! долой съ мѣста!—кричитъ Семенъ Ивановичъ; но Авдотья не слыхала его.

Хозяинъ былъ въ волненіи. Шагая по комнатѣ и ероша волоса, онъ ждалъ, что Авдотья явится и попроситъ извиненія. Но она не являлась. Хозяинъ каждую минуту порывался въ кухню для того, чтобы объяснить строптивой рабынѣ ея вину, но долгое время не рѣшался этого сдѣлать. Авдотья между тѣмъ, очутившись въ кухнѣ, сразу чего-то оробѣла и упорно задумалась надъ тѣмъ, что̀ такое сказывалъ ей хозяинъ. Перемывая дрожащими руками тарелки, она долгое время перебирала въ памяти хозяйскія приказанія, но ничего заслуживающаго гнѣва не находила и убивалась пуще прежняго. Изъ комнаты доносились сердитые шаги барина. Время тянулось мучительно-долго. Наконецъ шаги послышались въ сѣняхъ, и баринъ вошелъ въ кухню. Авдотья старалась не смотрѣть ему въ глаза.

— Гляди!—грозно произнесъ баринъ.

Кухарка подняла голову: передъ ней стоялъ разозленный хозяинъ и держалъ почти у потолка кошку, схвативъ ее за спину.

— Вотъ я что̀ сказалъ! — говорилъ гнѣвно баринъ.— Я сказалъ, — продолжалъ онъ, потрясая кошкой надъ головой кухарки:—я сказалъ: запирай кошку на ночь... Куда?

Кухарка трепетала.

— Въ чуланъ!—крикнулъ хозяинъ, и въ то же мгновеніе на голову кухарки упала съ отчаяннымъ визгомъ кошка, а съ потолка посыпался соръ, такъ какъ хозяинъ ушелъ, сильно хлопнувъ дверью.

— Ахъ, ты, подлая!—съ сердцемъ заключила кухарка, ногою отбросивъ кошку въ уголъ...

XI. Семенъ Ивановичъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Иногда, впрочемъ, судьба посылала пищу его голодной душѣ въ формахъ болѣе или менѣе скромныхъ, не столь бушующихъ. Въ эти минуты угрюмое лицо Семена Ивановича освѣщалось весьма добродушной улыбкой, и герой мой являлся въ новомъ свѣтѣ. Вотъ онъ высунулся въ окно и со вздохомъ поглядываетъ по сторонамъ. У воротъ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ хозяйская кухарка Прасковья въ новомъ «каленомъ» каленкоровомъ сарафанѣ и въ цвѣтной косынкѣ на черныхъ, какъ смоль, волосахъ, и холодно посматриваетъ своими большими карими глазами на двухъ молодцовъ, красующихся у воротъ постоялаго двора. Молодцы эти—кучера какихъ-то пріѣзжихъ господъ; они расфранчены какъ только возможно: плисовыя поддевки, красныя рубахи, сапоги съ красной сафьянной оторочкой; на головѣ шляпы съ павлиньими перьями. Молодцы эти лукаво посматриваютъ на Прасковью и, чтобы заслужить въ ея мнѣніи, стараются блеснуть чѣмъ-нибудь; они покрикиваютъ на ямщиковъ сосѣдняго постоялаго двора, запрещаютъ имъ курить папиросы, а сами ни за что не соглашаются погасить своихъ трубокъ. Ничто однако не привлекало къ нимъ вниманія Прасковьи. Семенъ Ивановичъ, наблюдавшій изъ окна надъ ухарствомъ кучеровъ, попробовалъ самъ попытать счастія и не безъ робости произнесъ:

— Прасковья! а, Прасковья!

Кухарка оглянулась.

— Здорово!

— Здравствуй!

Семенъ Ивановичъ радовался, что такъ благополучно началось.

— Что же, Прасковья, мужъ-то у тебя дома?

— На войнѣ!

— А-а... Его, поди, ужъ убили?

— Когда бы Господь далъ!

— Вотъ какъ?.. Ты, Прасковья, если хочешь, я узнаю, живъ онъ или нѣтъ.

— О?

— Ей-Богу... у меня заведены этакія книги... что угодно... Ты вотъ что: ты зайди ко мнѣ въ комнату, на минуточку...

— Чего еще?

— Ей-Богу. Ты чего боишься? Слава Богу, я не какой-нибудь!.. Мы бы съ тобою вмѣстѣ поглядѣли въ книгѣ-то... а? Прасковья?..

— Гдѣ такая книга?

Семенъ Ивановичъ показалъ ей въ окно какую-то книгу.

— Видишь? Тутъ все: кто убитъ, кто раненъ... все... Прасковья?..

— Ну-ко-ся погляди: Иванъ изъ Яковлевскаго...

— Да ты иди сюда...

— Эва!

— Вотъ захотѣла: на улицѣ разговаривать!.. Ты иди сюда!..

Кухарка подозрительно посмотрѣла кругомъ и потомъ нерѣшительно произнесла:

— Ну гляди: обманешь, не жить тебѣ.

— Иди! Иди!

Кухарка медленно поднялась съ сидѣнья и пошла. Какимъ побѣднымъ и сіяющимъ взглядомъ посмотрѣлъ Семенъ Ивановичъ на сосѣдскихъ кучеровъ!

XII. Семенъ Ивановичъ знакомится съ семействомъ Претерпѣевыхъ.

Семейство Претерпѣевыхъ обратило на себя вниманіе Семена Ивановича по тѣмъ же причинамъ, по какимъ слова кухарки, величавшей его помѣщикомъ и богатыремъ, доставляли ему высокое наслажденіе. Встрѣтивъ ихъ въ церкви, онъ замѣтилъ, что его пристальные взгляды на нихъ производятъ надлежащее дѣйствіе: одна изъ дочерей Авдотьи Карповны тоже начинаетъ поглядывать на него; затѣмъ между дочерью и матерью происходитъ какое-то шептанье, послѣ котораго онѣ обѣ вмѣстѣ взглядываютъ на Семена Ивановича... Все это говорило герою моему, что говорятъ о немъ. Скоро Семенъ Ивановичъ могъ убѣдиться, что объ немъ не только думаютъ, но даже боятся: послѣ посылки воза капусты Претерпѣевы не могли глядѣть на благодѣтеля иначе какъ съ благоговѣніемъ. Дальнѣйшія посылки сахару, чаю и проч. окончательно убѣдили его въ безграничной преданности Претерпѣевыхъ; послѣ того какъ былъ сдѣланъ

послѣдній подарокъ въ формѣ телячьей ноги, и когда Акулина извѣстила благодѣтеля о томъ восторгѣ, который произошелъ, когда узнали имя неизвѣстнаго благотворителя, Семенъ Ивановичъ впалъ въ какое-то сладостное забытье: сама Олимпіада Артамоновна, извѣстная въ растеряевской палестинѣ за дѣвицу высоко-просвѣщенную и гордую, и та, по словамъ Акулины, пылала къ нему безпредѣльнымъ благоговѣніемъ. Чего-жъ еще?

Семенъ Ивановичъ былъ истинно счастливъ. Въ одинъ вечеръ приливъ доброты и снисходительности къ человѣчеству въ немъ былъ такъ великъ, что всѣ живыя существа того дома, гдѣ жилъ онъ, были изумлены не на шутку. Семенъ Ивановичъ отпускалъ каламбуры, шутилъ, вмѣсто двухъ кусковъ сахару отпустилъ Акулинѣ цѣлую горсть, безъ счету. Въ довершеніе восторга Семена Ивановича, церемонная Прасковья рѣшилась наконецъ напиться у него чаю, послѣ котораго и хозяинъ и гостья усѣлись играть въ карты. Въ комнатѣ громко раздавались слова: «ходи!» «сдавай!» «держись, иду пятеркой».—«Нѣтъ, когда ты меня полюбишь?» говорилъ Семенъ Ивановичъ, съ трескомъ выкладывая передъ Прасковьей козырную тройку. Прасковья крыла тройку и въ свою очередь выкладывала передъ хозяинъ «хлюстъ», прибавляя:

— А этого?

— Нѣтъ, когда ты меня полюбишь? — продолжалъ хозяинъ, торопливо «принимая» карты.

Эта пріятная минута, сулившая, судя по развеселившемуся лицу бабы, полное упроченіе дружбы, была прервана совершенно неожиданно: на порогѣ комнаты появилась фигура Хрипушина.

— А, другъ-пріятель! — радостно воскликнулъ Семенъ Ивановичъ.

Но Хрипушинъ, не отвѣчая на привѣтствіе, остановился въ дверяхъ, развелъ руками и, поглядывая то на хозяина, то на гостью, заговорилъ:

— Не похвалю. Каково, Семенъ-то Ивановичъ? а?.. Не ожидалъ!.. ай-ай-ай!..

Семенъ Ивановичъ смѣялся.

— Да какую еще пріятную компаньонку себѣ раздобылъ!.. ахъ, ты, Боже мой!.. Не ожидалъ!.. Гдѣ такую бабочку, Семенъ Ивановичъ?..

Прасковья тотчасъ же исчезла изъ комнаты, шаркая по полу босыми ногами. Хрипушинъ засмѣялся ей вслѣдъ.

— Ну, садись!

— Охъ, да ужъ видно придется у васъ, Семенъ Ивановичъ, отдохнуть...

Хрипушинъ сѣлъ напротивъ хозяина и, отирая мокрые отъ дождя усы, лукаво посматривалъ на него.

— Ты чего таращишься-то?—спросилъ игриво хозяинъ.

— Будто не знаете?.. Про энтихъ-то? про томилинскихъ-то?.. ничего слуховъ нѣтъ?..

Хрипушинъ кивнулъ головой въ сторону и подмигнулъ.

— Про какихъ?—словно ничего не понимая, переспросилъ Толоконниковъ.—Про кого?.. Какія?

— А возъ капусты-то!.. «Неизвѣстно кто»?..

— О-о-о! вонъ куда!.. Будетъ тебѣ! Водочки не хочешь ли?

— Нѣтъ-съ, позвольте! водочки само собой, а это дѣло своимъ чередомъ!.. Еще не все-съ!

— Будетъ, будетъ! Оставь! Эко разговоръ нашелъ!

— Нѣтъ-съ, позвольте! Приказано благодарить-съ, то-есть вотъ какъ: отъ души! Даже и словъ нѣтъ!

Хозяинъ какъ бы нехотя попробовалъ-было эще разъ остановить гостя, но тотъ не слушалъ его и продолжалъ:

— Такого, говорятъ, благодѣтеля отъ роду-рожденія нашего не видывали! И дай ему, Господи, на много лѣтъ, чтобы, то-есть, въ лучшемъ видѣ... Ей-ей!.. Это, Семенъ Ивановичъ, зачтется, повѣрьте!.. А вы что̀ думаете? Да вы сыщите теперь на всемъ бѣломъ свѣтѣ одного человѣка, чтобы онъ, къ примѣру, по вашему поступилъ? Нѣтъ-съ, Богъ видитъ!

Долго говорилъ Хрипушинъ въ томъ же хвалительномъ родѣ. Хозяинъ таялъ отъ словъ его и совсѣмъ-было забылъ о водкѣ, если бы гость, у котораго наконецъ пересохло горло отъ длинныхъ монологовъ, и самъ не свернулъ разговоръ на этотъ предметъ. Послѣ выпивки бесѣда пошла ровнѣе: Хрипушинъ доказывалъ хозяину преимущество брачной жизни, на что тотъ возражалъ:

— Жениться! Жениться можно, да что̀ проку-то?.. Поди-ка, женись, завоешь!

Хрипушинъ опровергалъ это мнѣніе и затѣвалъ новый разговоръ: принялся восхвалять Олимпіаду Артамоновну, негодуя противъ слуховъ, разгуливающихъ о ней по «растеряевщинѣ», и доказывалъ, что при своемъ высокомъ образованіи дѣвица эта могла бы быть примѣрною супругой. Семенъ Ивановичъ опять возражалъ на это, что «жениться можно, да что̀ проку-то? поди-ка, женись». Вообще разго-

воры Хрипушина по части законнаго брака оказались безплодными; Хрипушинъ понялъ, что нельзя слишкомъ сильно налегать на хозяина съ такими предложеніями, и рѣшился дѣйствовать исподволь. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ Толоконникова, именемъ Авдотьи Карповны, на пирогъ въ воскресенье, на что Семенъ Ивановичъ сказалъ: «подумаю».

Въ самомъ дѣлѣ, намѣренія Семена Ивановича были далеки отъ законнаго брака. Въ Претерпѣевыхъ онъ чуялъ такихъ людей, которые будутъ поклоняться ему и носить его на рукахъ и «такъ», безъ женитьбы, единственно ради его къ нимъ вниманія и кой-какихъ съѣстныхъ подачекъ. Все это подтверждается и дальнѣйшимъ ходомъ событій, которыя слѣдовали въ такомъ порядкѣ: благодаря содѣйствію Хрипушина, Толоконниковъ присутствовалъ на пирогѣ у Авдотьи Карповны. Иванъ Алексѣичъ выручалъ въ этотъ день всѣхъ, ѣлъ онъ за семерыхъ и не забывалъ при этомъ потѣшать публику разными анекдотами. Претерпѣевы, пристально смотрѣвшія на Семена Ивановича, не нашли въ немъ ничего необыкновеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не могли объяснить себѣ его угрюмости и молчаливости, которая, нужно замѣтить, охватывала моего героя всякій разъ, какъ только онъ попадалъ въ незнакомое общество.

Послѣ этого пиршества Претерпѣевы и благодѣтель не видались въ теченіе недѣли. Бѣдная напуганная Авдотья Карповна полагала, что безцѣнный Семенъ Ивановичъ забылъ ихъ, обидѣвшись тѣмъ, что за всѣ благодѣянія его поблагодарили неудавшимся пирогомъ съ его же капустой. Но подозрѣнія эти оказались ложными. Въ слѣдующее воскресенье, часу въ шестомъ вечера, когда Олимпіада Артамоновна въ задумчивости сидѣла у окна, на тротуарѣ показалась фигура Толоконникова. Семенъ Ивановичъ былъ въ новомъ сюртукѣ, который старался спрятать подъ своимъ рваным пальто. Увидѣвъ благодѣтеля, Олимпіада Артамоновна издала пронзительный крикъ, и тотчасъ же вся семья Претерпѣевыхъ столпилась у окна и раскланивалась съ Семеномъ Ивановичемъ.

— Добраго здоровья!—говорилъ Толоконниковъ, неуклюже приподнимая свой картузъ.

— Здравствуйте, Семенъ Иванычъ, заходите!

— Что-жъ заходить-то!.. какъ поживаете?..

— Какъ мы поживаемъ? Извѣстно какъ!..

— Семенъ Иванычъ! нынче фейерверкъ въ саду!—совер-

шенно неожиданно и необыкновенно быстро проговорила она изъ претерпѣевскихъ барышень.

— А Господь съ нимъ!..

— И правду.

Всѣмъ желательно было пойти въ садъ и посмотрѣть фейерверкъ, но въ то же время всѣ почему-то «боялись» посторонней публики.

— Эка невидаль!—продолжалъ Семенъ Ивановичъ.—Да опять и отсюда увидимъ, ежели на то пошло, мѣсто высокое, гора... далеко видно...

Всѣ немедленно согласились съ этимъ.

— А въ случаѣ ежели пройтись угодно, такъ и это можно... Мало ли гдѣ? И безъ толкотни.

Претерпѣевскія барышни тотчасъ же одѣлись и вышли. Семенъ Ивановичъ повелъ ихъ на кладбище; здѣсь уже въ самомъ дѣлѣ не было ни единой живой души, только какія-то бабы, заливаясь слезами, хоронили ребенка. Семенъ Ивановичъ направился съ дамами прямо къ этой могилѣ и, снявъ шапку, достоялъ погребеніе. Затѣмъ прогулка продолжалась въ грустномъ молчаніи: всѣ были непріятно настроены похоронами. Семенъ Ивановичъ вздыхалъ, говорилъ о смерти, о загробной жизни.

— Семенъ Иванычъ! вонъ ракету пустили!

— Ну что же, Господь съ ней! О-охъ, Господи Боже мой, подумаешь о смерти-то иной разъ...

Всѣ вздыхали; вдали, за кладбищенскимъ валомъ, семинаристы играли въ лапту; по шоссе мчались почтовыя, весело заливаясь колокольчиками; издали доносились звуки музыки, и изъ облака пыли, затопившей городъ, по временамъ вылетали ракеты.

— Семенъ Иванычъ! вонъ еще!

— Господь съ ней!—повторилъ Семенъ Ивановичъ.

А Авдотья Карповна прибавила:

— А вотъ и Артамона Ильича могилка!..

Это извѣстіе уничтожило всякую возможность получить хоть какое-нибудь удовольствіе отъ прогулки. Всѣми овладѣли уныніе и скорбь. Претерпѣевы воротились домой съ растерзанными сердцами.

Такія посѣщенія Семенъ Ивановичъ началъ дѣлать все чаще и чаще. Иногда онъ приносилъ какое-нибудь угощеніе: фунтъ каленыхъ орѣховъ, десятокъ яблокъ. Наконецъ уваженіе, выказываемое ему Претерпѣевыми, до такой сте-

пени разлакомило его, что онъ уже не могъ пробыть минуты, не испытывая пріятности этого уваженія и раболѣпства. Семенъ Ивановичъ рѣшилъ нанять квартиру у Претерпѣевыхъ и такимъ образомъ покинулъ Растеряеву улицу для Томилинской. Ради этого онъ тотчасъ же поругался съ хозяиномъ, такъ какъ перемѣнить квартиру, не поругавшись съ хозяиномъ, казалось ему дѣломъ невозможнымъ, и принялся перевозить вещи.

Въ одинъ день, вслѣдъ за возами, въѣзжавшими на дворъ Претерпѣевыхъ, шелъ Хрипушинъ; онъ осторожно держалъ одной рукой маятникъ, въ другой придерживалъ полы своей шинели, по причинѣ непроходимой грязи, и прожевывалъ какую-то закуску, которая сильно раздула ему щеку.

Вечеромъ, когда въ новой квартирѣ Толоконникова было все прибрано и хозяинъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на свое добро, Хрипушинъ сладкимъ голосомъ проговорилъ:

— Вотъ бы, Семенъ Ивановичъ, жениться вамъ? Ей-Богу!..

Но Семенъ Ивановичъ отдѣлался своей обычной фразой, сложившейся въ его головѣ по поводу этого предмета. Такимъ образомъ Толоконниковъ, или «благодѣтель», поселился въ самомъ центрѣ покоренной его благодѣяніями области и продолжалъ доканчивать это покореніе, чего требовало его жадное самолюбіе.

Сначала, съ непривычки на новомъ мѣстѣ, Семенъ Ивановичъ поступалъ съ хозяевами чрезвычайно предупредительно и вѣжливо.

— Не нужно ли вамъ, Авдотья Карповна, сахару?

— Нѣтъ, нѣтъ, и такъ много! Покорнѣйше благодаримъ!

— Отчего же? Берите, когда есть... Да вамъ шкатулки не надо ли?

— Что̀ это вы, Семенъ Иванычъ! Ей-Богу, вы насъ совсѣмъ конфузите... Мы и словъ не найдемъ благодарить васъ.

— Эва что̀!—добродушно заключалъ Семенъ Ивановичъ, и шкатулка оставалась у Претерпѣевыхъ. Точно такимъ ласковымъ манеромъ были снабжены Претерпѣевы всѣмъ необходимымъ въ хозяйствѣ; въ ихъ комнатахъ появились разныя вещи Семена Ивановича: столы, стулья, диваны. Толоконниковъ былъ ужасно радъ, не сомнѣваясь, что власть его возрастаетъ; но Претерпѣевыхъ задавили эти благодѣянія.

Всѣ эти шкатулки, самовары и прочія вещи, принадле-

жащія благодѣтелю, были чѣмъ-то въ родѣ казенныхъ печатей, наложенныхъ въ обезпеченіе чьего-либо прикосновенія; Семенъ Ивановичъ своими благодѣяніями наложилъ точно такія же казенныя печати на свободную волю благодѣтельствуемыхъ имъ лицъ. Благодѣянія до такой степени стѣснили бѣдную семью, что недавняя нищета иногда показывалась ей едва ли не лучшимъ временемъ противъ теперешняго. Наравнѣ съ самоварами, сундуками и прочими символами величія Семена Ивановича, не менѣе одуряющимъ образомъ дѣйствовало на Претерпѣевыхъ и самое реальное величіе благодѣтеля. Слушая, съ какимъ трепетомъ произносится его имя, какъ дрожитъ вся семья Авдотьи Карповны, если кухарка разобьетъ тарелку, принадлежащую благодѣтелю, или одна изъ дочерей закапаетъ чаемъ скатерть, Семенъ Ивановичъ не чуялъ подъ собой земли.

Ни къ Претерпѣевымъ ни къ Толоконникову никогда никто не показывался, и Семенъ Ивановичъ поэтому могъ благодушествовать какъ ему было угодно; порабощенная имъ семья съ глубокою робостью внимала каждому его слову и сужденію, которыя только впервые начали шевелиться въ головѣ Толоконникова и были иной разъ поистинѣ изумительны. Каждое мнѣніе его, какъ бы оно ни было уродливо, принималось безапелляціонно, и поощренный этимъ Семенъ Ивановичъ, незамѣтно для самого себя, началъ понемногу предъявлять новыя и новыя требованія. Избалованная общимъ раболѣпствомъ натура его уже требовала разнообразія. Семенъ Ивановичъ, являвшійся прежде къ хозяевамъ не иначе какъ въ сюртукѣ или въ шинели, надѣтой въ рукава, началъ являться въ халатѣ, очевидно, уже не страшась отвращенія Олимпіады Артамоновны, или приносилъ дѣвицамъ какую-нибудь принадлежность своего туалета и просилъ пришить пуговицу также безъ всякой церемоніи.

Посягательства Семена Ивановича въ такомъ родѣ продолжали усиливаться все болѣе и болѣе, такъ что въ одинъ день въ семействѣ Претерпѣевыхъ происходила слѣдующая сцена.

Семенъ Ивановичъ, уже разъяренный и надувшійся, стоялъ противъ трепещущей семьи Авдотьи Карповны и грозно вопрошалъ у нея:

— Что̀ я сказалъ? Я что̀ вчера сказалъ?

— Семенъ Иванычъ!

— Что̀ я говорилъ? Договорюся или нѣтъ? а?

Семья дрожала и безмолвствовала. Семенъ Ивановичъ съ сердцемъ хлопнулъ дверью и скрылся.

— Что теперь дѣлать?—захлебываясь отъ ужаса, шептала Авдотья Карповна.—Господи! Чай, обѣдать не пойдетъ?.. Что надѣлали?.. Что такое это онъ говорилъ?

— Мы почемъ знаемъ? Мало ли что онъ говорилъ?—отвѣчали испуганныя дочери.

— Ахъ, Господи! наказалъ Господь!..

Столъ былъ давно накрытъ, но Семенъ Ивановичъ не являлся. Авдотья Карповна, еле таскавшая ноги отъ страха, поплелась разыскивать его. Она нашла его въ саду. Семенъ Ивановичъ лежалъ въ бесѣдкѣ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Семенъ Иванычъ, кушать подано! Что вы, благодѣтель нашъ, сердитесь? Вы скажите, что вамъ угодно; мы вамъ въ одну минуту сдѣлаемъ... А то какъ же такъ, не сказавши ничего?

Семенъ Ивановичъ молчалъ.

— Благодѣтель нашъ!—повторила Авдотья Карповна.

Но отвѣта не было. Авдотья Карповна, убитая, воротилась въ комнату и не знала, что дѣлать. Наконецъ ей пришло въ голову отправить депутатомъ самую младшую дочь Стёшу, на которую Семенъ Ивановичъ обращалъ особенное вниманіе и иногда порывался даже обнять ее. За Стёшей, не имѣвшей въ этомъ походѣ никакого успѣха и не дождавшейся отъ благодѣтеля ни слова, отправилась Олимпіада Артамоновна, за ней Саша, за Сашей Варя, потомъ опять сама Авдотья Карповна. Всѣ онѣ робко подступали къ лежавшему Семену Ивановичу, робко просили пожаловать кушать, и, отвѣтомъ на эти приглашенія, имѣли несчастіе видѣть ту же неподвижную спину благодѣтеля.

Послѣ тщетныхъ стараній, Претерпѣевы рѣшились обѣдать однѣ; аппетитъ оставилъ ихъ, кусокъ останавливался въ горлѣ, и обѣдъ прошелъ среди молчанія и тяжкихъ вздоховъ. Кухарка убрала наконецъ посуду и собиралась отдохнуть на печи, какъ неожиданно въ комнату вошелъ Семенъ Ивановичъ и въ грозной позѣ остановился передъ Авдотьей Карповной.

— Это что же такое?—сказалъ онъ:—за мои хлопоты да я же голодный хожу?

— Семенъ Иванычъ, да вѣдь васъ звали!

— Всѣ натрескались, а мнѣ куска хлѣба нѣту?

— Да, батюшка! благодѣтель нашъ!..—начала-было со сле-

зами Авдотья Карповна, но благодѣтель вторично хлопнулъ дверью и вторично исчезъ.

Черезъ пять минутъ въ бесѣдкѣ опять новая происходила сцена: Семенъ Ивановичъ попрежнему лежалъ лицомъ къ забору. За его спиной вся семья Претерпѣевыхъ суетилась около стола, таская тарелки, миски съ разными кушаньями и проч. Когда все было готово, Авдотья Карповна сказала:

— Семенъ Иванычъ, подано-съ!.. кушайте, отецъ нашъ, а то щи простынутъ.

Семенъ Ивановичъ нехотя повернулъ къ публикѣ голову.

— Это что̀ же такое?—угрюмо и какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло, проговорилъ онъ.

— Обѣдать-съ...

— Это въ шестомъ часу-то?

— Да что-жъ дѣлать, когда вы не изволили кушать?

— Да какой же чортъ обѣдаетъ ночью? Люди отъ вечеренъ пришли и чаю напились, а у насъ обѣдъ?

— Семенъ Иванычъ!

— Тьфу!

Благодѣтель быстро повернулся опять къ стѣнѣ и замолкъ.

Долго семья Авдотьи Карповны и сама она ждала какого-нибудь слова отъ него. Семенъ Ивановичъ молчалъ и, казалось, заснулъ. Тогда рѣшено было перенести кушанья назадъ въ комнату, такъ какъ, стоя на открытомъ воздухѣ, они могутъ быть растасканы птицами или съѣдены собаками. Едва только это было исполнено, какъ Семенъ Ивановичъ снова появился въ кухнѣ.

— Гдѣ тутъ,—грустно и кротко, точно агнецъ, сказалъ онъ кухаркѣ:—гдѣ тутъ у васъ корки собакамъ валяются?

— Господи помилуй! Семенъ Иванычъ! батюшка! Что̀ это! Корки! Какъ можно!

— И корки-то мнѣ нѣту...

— Господи!

Семенъ Ивановичъ ушелъ, не дождавшись объясненія. Черезъ минуту онъ стоялъ у низенькаго забора и разговаривалъ съ сосѣдомъ-сапожникомъ.

— А?—говорилъ онъ.—До чего я дожилъ! Корки не даютъ хлѣба! а?

— Цссс!.. Боже мой!..

— А? За мою хлѣбъ-соль да я же не имѣю пропитанія? Это что̀ же будетъ?

— Семенъ Иванычъ, отецъ нашъ!—рыдала изъ окна Авдотья Карповна.—Что̀ ты, Господь съ тобой!

— А?—продолжалъ Семенъ Ивановичъ, обращаясь къ сапожнику.—Вотъ какъ, другъ! Поишь, кормишь, а замѣсто того съ голоду околѣвай!.. а? Вѣрно, только у Бога правду-то найдешь!..

— Это точно! только у одного Бога!..

— Д-да! Но авось и добрые люди не оставятъ... Дай хоть ты мнѣ корочку какую... Чай, собакамъ тоже кидаешь? такъ мнѣ этакую... собачью!

— Зачѣмъ-же-съ! мы, Семенъ Иванычъ, съ удовольствіемъ...

— Нѣтъ, собачью!..

— Что̀ вы! Да мы сколько угодно!

— Нѣтъ, дай собачью!..

Только ночью, когда лица всей семьи распухли отъ слезъ, Семенъ Ивановичъ рѣшился войти въ свою комнату; въ глухую полночь, когда всѣ заснули, онъ самъ отправился въ кухню, вытащилъ изъ печи горшокъ со щами и съ жадностью пожиралъ ихъ среди глубокой тьмы и безмолвія.

Такія штуки благодѣтель началъ разыгрывать все чаще и чаще. Не чувствуя въ семьѣ Претерпѣевыхъ никакой къ себѣ нравственной, сердечной привязанности и зная, что имъ въ сущности не за что чувствовать ее, онъ, какъ истинный деспотъ, находилъ утѣшеніе въ безграничномъ пользованіи своими правами надъ людьми, которые подвержены ему волей-неволей. Изобрѣтательность его въ деспотическомъ желаніи довести семью до непрестаннаго къ нему вниманія и страха предъ нимъ доходила до высокой виртуозности; варіаціи, которыя онъ выдѣлывалъ изъ преданности Претерпѣевыхъ, были по истинѣ изумительны. Упитанный по горло всякимъ почтеніемъ и уваженіемъ, Семенъ Ивановичъ совершенно переродился; онъ сдѣлался веселѣй и смѣлѣй; никакія насмѣшки сослуживцевъ не могли поколебать спокойствія его духа. Разъ, когда одинъ изъ чиновниковъ вздумалъ-было надъ нимъ подшутить, Семенъ Ивановичъ, не говоря ни слова, хлопнулъ шутника по головѣ связкой бумагъ и прошелъ мимо.

Но, вмѣстѣ съ возвышеніемъ величія Семена Ивановича, упадала все болѣе и болѣе нравственная свобода Претерпѣевыхъ: всѣ онѣ оглупѣли, обезумѣли и превратились въ какихъ-то автоматовъ, съ тою разницею, что у нихъ были

сердца, поставленныя въ необходимость ежеминутно замирать и трепетать.

Однако, при всемъ ихъ одеревенѣніи, дальнѣйшія дѣянія благодѣтеля были такого свойства, что Авдотья Карповна не выдержала и наконецъ рѣшилась произнести:

— Да лучше мы милостыню пойдемъ собирать, чѣмъ этакое мученье!

— Да ей-Богу!—вторили дочери.

— Авось найдутся добрые люди, не оставятъ!

Всѣми было рѣшено не поддаваться больше фантастическимъ желаніямъ Семена Ивановича. Олимпіада Артамоновна первая рѣшилась привести это намѣреніе въ исполненіе и обѣщалась завтра же пригласить въ гости чиновника Сладкоумова, который уже давно засматривался на нее и выражалъ желаніе познакомиться съ ея маменькой, Авдотьей Карповной, но боялся попасться на глаза Семену Ивановичу.

«Что же въ самомъ дѣлѣ?—думала Олимпіада Артамоновна.—Докуда это будетъ?»

Однажды Семенъ Ивановичъ, довольный и счастливый, лежалъ въ своей комнатѣ,—дѣло происходило послѣ обѣда. Онъ совершенно не подозрѣвалъ, что противъ него строятся козни, и потому можно представить ужасъ, который овладѣлъ имъ въ тотъ моментъ, когда, черезъ отворенную въ сѣни дверь, онъ увидѣлъ фигурку юнаго писца Сладкоумова. Писецъ Сладкоумовъ былъ въ бѣлыхъ, туго-натянутыхъ панталонахъ, въ новомъ форменномъ вицмундирѣ, красныхъ вязаныхъ перчаткахъ, а волоса его были густо напомажены. Дерзкій гость, не замѣчая Толоконникова, освѣдомился у кухарки: «дома ли Авдотья Карповна?» и вошелъ въ комнату.

Семенъ Ивановичъ былъ внѣ себя. Онъ узналъ, что благодѣтельствуемая имъ семья знаетъ людей кромѣ него и думаетъ не исключительно о немъ. Черезъ секунду онъ узналъ еще, что Претерпѣевы не только думаютъ о постороннихъ людяхъ, но имѣютъ дерзость и уважать ихъ, ибо, тотчасъ послѣ того, какъ Сладкоумовъ вошелъ въ комнату, изъ дверей выскочила Олимпіада Артамоновна и торопливо сказала кухаркѣ:

— Марьюшка! голубушка! ради Бога, самоваръ! поскорѣе, голубушка!

Олимпіада Артамоновна говорила эти слова съ тѣмъ же трепетомъ въ голосѣ, какой привыкъ слышать Семенъ Ива-

новичъ только для себя одного. Благодѣтель не выдержалъ и закричалъ:

— Марья!

Явилась кухарка.

— Принеси самоваръ сюда!

— Тамъ гость пришелъ.

— Принеси, говорю. Самоваръ мой!.. Пошла!

Кухарка принесла самоваръ. Семенъ Ивановичъ, пожираемый злобой, думалъ:—«Ну-ко, пусть узнаютъ, какъ безъ меня-то?» Къ несчастію моего героя, черезъ нѣсколько минутъ въ его комнату отворилась дверь, и кухарка, показавъ ему какой-то другой самоваръ, съ сердцемъ крикнула ему:

— И безъ тебя обошлись!

— Вонъ отсюда!

— Цалуйся со своимъ самоваромъ... Вонъ сосѣди дали! Скареда!

— Вонъ, говорю, бестія!..

— У-у! баринъ!..

Благодѣтель выскочилъ на дворъ, вызвалъ сосѣда-сапожника—и началось бушеванье.

— Грабители! — кричалъ Семенъ Ивановичъ. — За мою хлѣбъ-соль!.. Анаѳемы!

Сапожникъ былъ въ недоумѣніи.

Авдотья Карповна, разливая чай и слушая крики на дворѣ, была ни жива ни мертва. Чиновникъ Сладкоумовъ тоже дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Дверь отворилась, и вошелъ сосѣдъ-сапожникъ съ ремешкомъ на головѣ и уже сильно подъ хмелькомъ... Семенъ Ивановичъ угостилъ его.

— Сахарницу пожалуйте!—грубо заговорилъ онъ.

— Возьми, возьми, батюшка! Подавитесь съ вашимъ сахаромъ!—выходя изъ себя, закричала Авдотья Карповна.

— Нечего намъ давиться... Мы беремъ свое! Это все наше!.. Давиться! Обирать человѣка ваше дѣло, а за всѣ благодѣянія только безобразничаете? Пожалуйте нашу небиль! Это все наше! Такъ-то! Семенъ Иванычъ переѣзжаютъ...

— Берите! Берите все!—кричала Авдотья Карповна.— Когда насъ Господь избавитъ отъ васъ! Господи!

Вся семья Авдотьи Карповны рыдала. Писецъ Сладкоумовъ улизнулъ вонъ изъ комнаты и, пробѣгая по двору, споткнулся о камень, пущенный ему подъ ноги Семеномъ Ивановичемъ.

Въ этотъ день Семенъ Ивановичъ убѣдился, что могущество

его рушилось. Онъ снова помирился съ хозяиномъ старой квартиры; но, прежде нежели переѣхать, пробовалъ отомстить Претерпѣевымъ за нарушеніе покоя его души. Какихъ-какихъ ни выдумывалъ онъ штукъ. Объявивъ Авдотьѣ Карповнѣ: «съѣзжаю съ квартиры!», онъ думалъ заставить ее снова повергнуться къ стопамъ его; но, къ ужасу благодѣтеля, Авдотья Карповна отвѣчала: «хоть сейчасъ!»

Тогда Семенъ Иванычъ сказалъ:

— Нѣтъ, погоди! Мнѣ еще семь дней сроку, по закону! Нѣтъ, врешь!

— У насъ жилецъ есть на ваше мѣсто, Сладкоумовъ!— говорили ему.

— А! жилецъ!.. нѣтъ, погоди!

И Семенъ Ивановичъ продолжалъ сидѣть на старой квартирѣ, отобравъ у Претерпѣевыхъ свою посуду, провизію, дрова, словомъ—оставивъ ихъ въ рукахъ самой отчаянной нищеты.

— Семенъ Иванычъ! батюшка! — умоляли его. — Намъ ѣсть нечего! Переѣхалъ бы Сладкоумовъ, все бы какъ-нибудь, хоть рублишко какой далъ...

— Нѣтъ еще погоди! Мнѣ и сверхъ срока пять дней льготы!

Благодѣтель переѣхалъ только тогда, когда узналъ, что Сладкоумовъ женился на мѣщанкѣ, слѣдовательно жить у Претерпѣевыхъ не будетъ, а другого жильца еще и въ поминѣ нѣтъ.

Семья Авдотьи Карповны снова заголодала. Снова горькая вдова принялась собирать сухіе купеческіе пироги и проливать слезы на подъѣздахъ палатъ и канцелярій.

И вотъ Семенъ Ивановичъ попрежнему на старой квартирѣ, попрежнему въ Растеряевой улицѣ; у него тѣ же хозяева, та же старуха Авдотья, и вообще все какъ и прежде. Вечеръ. Комната освѣщена яркимъ сіяніемъ лампадъ. Тишина. Семенъ Ивановичъ и Хрипушинъ сидятъ на противоположныхъ концахъ комнаты, и среди молчанія, долгое время ненарушаемаго, раздаются вздохи то хозяина, то гостя.

— Вотъ бы вамъ, Семенъ Ивановичъ, жениться теперь: самый разъ!—робко говоритъ Хрипушинъ, но Семенъ Ивановичъ отвѣчаетъ на это глубокимъ вздохомъ.

Опять настаетъ молчаніе...

— Ну-съ, Семенъ Ивановичъ,—поднимаясь и вздыхая, говоритъ медикъ:—пора!

— Куда же ты?—жалобно произноситъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, пора!

Семенъ Ивановичъ остается одинъ; тоска гнететъ его: онъ вздыхаетъ все глубже и глубже, и наконецъ мертвая тишина комнаты нарушается заунывнымъ пѣніемъ. «Ду-ушу моою!..» закрывъ глаза и захлебываясь отъ тягости наплывающихъ ощущеній, тянетъ Семенъ Ивановичъ. «У-услыши, Господи, молитву-у мою...»

Въ комнатѣ попрежнему пахнетъ деревяннымъ масломъ. Вѣтеръ бьетъ ставней. Неисходная тоска!..

Хрипушинъ шелъ по темнымъ и пустыннымъ переулкамъ. Былъ октябрь въ концѣ; въ одно время падалъ снѣгъ и дождь, вслѣдствіе чего топь на улицахъ стояла непроходимая. Къ ужасамъ грязи присоединялся порывистый вѣтеръ, поминутно сметавшій съ крышъ талую воду и обдававшій ею Хрипушина съ головы до ногъ.

— Господи! — стоналъ Хрипушинъ съ растерзаннымъ сердцемъ и вязнулъ въ грязи.

XIII. Семенъ Ивановичъ «у пристани».

Мало-по-малу Иванъ Алексѣевичъ сталъ рѣже показываться въ растеряевской округѣ и, повидимому, переселился въ мѣстности болѣе отдаленныя и глухія, глубоко сожалѣя о своихъ растеряевскихъ и томилинскихъ паціентахъ, нечаянныя встрѣчи съ которыми почиталъ за истинное счастье.

А встрѣчи эти иногда бывали.

Такъ, онъ шелъ однажды по большой городской улицѣ; дѣло происходило въ субботу, и по тротуарамъ валилъ народъ: шли ко всенощной, въ баню, изъ бани; мастеровые спѣшили за расчетомъ, несли самовары, ружья и револьверы.

— Иванъ Алексѣевъ!—окликнулъ кто-то Хрипушина.

Хрипушинъ обернулся и увидѣлъ Семена Ивановича Толоконникова: онъ возвращался изъ бани.

— Какими судьбами?—воскликнули оба друга разомъ, пытливо оглядывая одинъ другого.

— Ахъ, батюшка, Семенъ Иванычъ! а? Сколько лѣтъ не видались-то? Какая перемѣна!

— Перемѣнишься, братъ!

— Ей-Бо-огу! Ну, какъ же Господь милуетъ васъ?..
— Ничего, помаленьку. Ты-то какъ?
— Что̀ мы! Наше дѣло тьфу! Вы какъ поживаете?
— Слава Богу. Слышалъ, али нѣтъ?
— Что̀ такое?
— Женился!
— Семенъ Иванычъ?
— Я!

Хрипушинъ отскочилъ въ сторону, вытаращивъ глаза.

— Вы? женились?
— Я, я! Чего ты ощетинился-то?.. Пойдемъ-ко! Какая жена-то!

Хрипушинъ долго не могъ опомниться. Семенъ Ивановичъ, идя рядомъ съ медикомъ, разсказывалъ ему исторію женитьбы и жены. Она была дочь одного однодворца, оставившаго послѣ смерти сорокъ десятинъ земли въ приданое двумъ дочерямъ; одной изъ нихъ было въ то время двадцать четыре года, другой—шестнадцать; первая была крайне безобразна лицомъ и только пугала жениховъ, вслѣдствіе чего заслужила ненависть матери. Умирая, отецъ начерталъ въ духовномъ завѣщаніи, въ видахъ обезпеченія старшей дочери, слѣдующее: «младшая можетъ выйти только тогда, когда выйдетъ старшая, въ противномъ случаѣ она лишается 20-ти десятинъ земли, а старшей достаются всѣ сорокъ». Отецъ думалъ, что подобнымъ маневромъ онъ не заставитъ старшую дочь сидѣть въ дѣвкахъ, потому что если она оттолкнетъ жениха физіономіей, то притянетъ его землей. Младшая же можетъ выйти и по любви: она молода и недурна. Но этотъ маневръ на дѣлѣ осуществился иначе: старшая дочь была до того безобразна, что никакія сорокъ десятинъ не могли побѣдить отвращенія жениховъ; младшую же не брали, боясь остаться совсѣмъ безъ земли, что̀ не было особенно привлекательно. Изъ всего этого вышло то, что, кромѣ отвращенія и злобы матери, на Марью (старшую дочь) обрушилось отвращеніе и злоба молоденькой сестры. Старой дѣвой помыкали, какъ тряпкой: ей не было покою ни днемъ ни ночью отъ упрековъ матери и сестры. Чтобы хоть какъ-нибудь побѣдить отвращеніе и презрѣніе родныхъ, Марья работала за семерыхъ: мыла полы, стирала бѣлье, ставила самовары, доила коровъ и проч. Но и это не спасало ее отъ семейнаго презрѣнія. Въ такомъ видѣ предстала она глазамъ Семена Ивановича.

Когда Толоконниковъ, разсказывая исторію женитьбы.

дошелъ до изображенія достоинствъ жены, то остановился на тротуарѣ и громко воскликнулъ надъ самымъ ухомъ Хрипушина:

— Такъ настращена, такъ настращена, Боже защити!

Медикъ робко поглядѣлъ на Семена Ивановича и увидѣлъ, что отвѣтить надо такъ:

— Что-жъ? Слава Богу!..

— То-есть вотъ ка̀къ: ни-ни-ни!

— Слава Богу!—повторилъ Хрипушинъ.—Ей-ей!

Затѣмъ, въ доказательство «настращенности» жены, Семенъ Ивановичъ разсказалъ, что во все время его сватовства теперешняя жена его цѣловала у него руки.

— «Позвольте попросить у васъ воды», скажешь иной разъ ей,—разсказывалъ Толоконниковъ.—Тую же минуту несетъ воду и чмокъ въ руку!.. Каково?

— Чудесно!—бормоталъ Хрипушинъ.

Скоро они пришли къ воротамъ квартиры Семена Ивановича.

— Иванъ Алексѣевъ!—сказалъ онъ шопотомъ, держась за кольцо калитки:—ты погляди-ко вотъ, что̀ я тебѣ говорилъ... какъ напугана-то!..

— Съ великимъ удовольствіемъ!

Едва только шаги Семена Ивановича раздались въ передней, какъ изъ сосѣдней комнаты выскочила испуганная женщина со свѣчкой въ рукѣ.

— Вотъ жена!—сказалъ Толоконниковъ.

Хрипушинъ засвидѣтельствовалъ почтеніе.

Жена Толоконникова была существо истинно-жалкое; вся физіономія ея носила слѣды какого-то нечеловѣческаго утомленія и ужаса, который громадностью своихъ размѣровъ не давалъ возможности обратить вниманіе на ея безобразіе. Человѣкъ, впервые попавшій въ Томилинскую улицу, словомъ—человѣкъ свѣжій, при взглядѣ на эту женщину неминуемо долженъ былъ чувствовать боль въ сердцѣ и глубокую грусть; но томилинецъ, и на этотъ разъ Семенъ Ивановичъ, засіялъ, какъ солнце, когда увидѣлъ, что Хрипушинъ раздѣляетъ его мысли. Съ какимъ-то удовольствіемъ подставилъ онъ женѣ спину, для того чтобы она сняла шинель, и изъ снисходительности не допустилъ ее снять съ себя калоши, къ которымъ она-было уже бросилась.

— Самоваръ! —кротко и нѣжно пропѣлъ притворяющійся звѣрь, входя въ комнату.

Жена мгновенно исчезла въ кухню.

— Видѣлъ?—шепнулъ хозяинъ гостю.

— То-есть вотъ какъ: лучше не надо!

— А?

— Золото! Какъ есть золото!

— Что̀ еще будетъ! Ты погляди-ко!

Самоваръ явился мгновенно. Жена Семена Ивановича съ тѣмъ же испугомъ суетилась около чашекъ и ложекъ. Мужъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на этотъ испугъ. Наконецъ онъ, не торопясь, опустился на диванъ и, мигнувъ Хрипушину, произнесъ:

— Маша-а!

Жена вздрогнула и чуть не выронила чашки.

— А что̀ я тебѣ сегодня сказалъ?..

Семенъ Ивановичъ подмигивалъ Хрипушину и указывалъ головою на жену, которая безумными глазами бѣгала по стѣнамъ, очевидно, торопясь что-то вспомнить...

— Я... Семенъ Иванычъ... все...

— Что̀ я сказалъ?

Знакомая намъ сцена тянулась мучительно-долго. Наконецъ, когда зрители увидѣли, что бѣдная женщина окончательно выбилась изъ силъ, Семенъ Ивановичъ подозвалъ ее къ себѣ и сурово произнесъ:

— Гребешокъ! Я сказалъ: «приду изъ бани, чтобы гребешокъ»...

Но жены уже не было въ комнатѣ, она бросилась за гребешкомъ.

— Видѣлъ?—произнесъ хозяинъ.

— Самъ Богъ вамъ посылаетъ! Истинно: слава Богу!

Семенъ Ивановичъ былъ доволенъ и тѣшился забитостью жены до усталости. Всѣ эти сцены были закончены угощеніемъ, устроеннымъ хозяиномъ ради того, чтобы показать жену въ новомъ свѣтѣ, со стороны хозяйственной. Такіе маневры Семенъ Ивановичъ устраивалъ передъ всѣми своими знакомыми, которыми въ послѣднее время обзавелся; знакомые эти были: почтальонъ, мучной лавочникъ и дьяконъ. Всѣ они хвалили Семена Ивановича за его умѣнье обращаться съ женой.

Встрѣча Хрипушина съ Толоконниковымъ доставила медику одну новую паціентку, потому что это была Марья Филипповна—жена Семена Ивановича. Зная, что женскій полъ въ отсутствіе мужей гораздо свободнѣе и предупредительнѣе, медикъ являлся къ ней по утрамъ, когда Семенъ Ивановичъ бывалъ на службѣ. Убѣжденіе въ предупредительности женщинъ не обманывало медика, и онъ всегда

получалъ отъ Марьи Филипповны водку. Съ своей стороны, подобною же предупредительностью платилъ хозяйкѣ и Хрипушинъ. Всякій разъ, замѣчая, что при появленіи его Марья Филипповна утираетъ распухшіе отъ слезъ глаза, медикъ заботливо спрашивалъ:

— Али чѣмъ больны?

— Нѣтъ, Иванъ Алексѣевичъ,—это такъ.

— Какъ же такъ-то?

— Скучно!..

— О чемъ же скучать изволите?

— Да такъ... просто... скучно сдѣлалось!

— Гмм!..

— Съ родными не видалась давно... вспомнила, ну и...

— Такъ, такъ... Да вы, Марья Филипповна, вотъ какъ: вы позвольте мнѣ хоть двадцать-то пять копеекъ... Я вамъ сварю одну примочку.

Хрипушинскія примочки не помогали, и слезы не просыхали на глазахъ Марьи Филипповны: ей было о чемъ плакать. Впрочемъ, Семена Ивановича она не винила въ своихъ слезахъ: она чувствовала, что обязана ему свободой отъ презрѣнія родныхъ.

Не могу подробно разсказать, что̀ сталось съ Претерпѣевыми; достовѣрно только то, что Олимпіада Артамоновна живетъ не въ Томилинской улицѣ и не въ родительскомъ домѣ; источники ея существованія—никому неизвѣстны, но томилинская и растеряевская «молва» отзывается о нихъ весьма неодобрительно.

Болѣе о ней мы сказать ничего не можемъ.

XIV. Разный растеряевскій людъ.

Теперь слѣдовало бы возвратиться къ жизни Прохора Порфирыча и разсказать благополучное окончаніе его карьеры. Но у насъ есть еще два-три лица изъ растеряевцевъ, которыхъ хоть и нельзя назвать «главными» дѣйствующими въ растеряевскомъ житьѣ-бытьѣ лицами, какъ Прохоръ Порфирычъ и Хрипушинъ, но нельзя считать и личностями заурядными. Два-три слова сказать о нихъ необходимо.

1. Книга.

Послѣ смерти вдоваго шапочника Юраса остался сынъ, болѣзненный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, не узнавшій вслѣдствіе постоянной хворьбы даже ремесла своего отца. Родственники тотчасъ же запустили свои руки подъ подушку покойника, пошарили въ сундукахъ, подъ войлокомъ и, найдя «нѣчто», припасенное Юрасомъ для неработящаго сына, тотчасъ же получили къ этому сыну особенную жалость и ни за что не хотѣли оставить его «безъ призору». Кабаньи зубы и пудовые кулаки мѣщанина Котельникова отвоевали сироту у прочихъ родственниковъ. Сироту помѣстили на полатяхъ въ кухнѣ, водили въ церковь въ нанковыхъ больничнаго покроя халатахъ и, попивая чаекъ на деньги покойнаго Юраса, толковали о заботахъ и убыткахъ своихъ, понесенныхъ черезъ этого сироту. Пролежалъ на полатяхъ сынъ Юраса года четыре, и вышелъ изъ него длинный, сухой, шестнадцатилѣтній парень, задумчивый, тихій, съ блѣдно-голубыми глазами и почти бѣлыми волосами. Въ теченіе этихъ годовъ лежанья, отъ-нечего-дѣлать прозубрилъ онъ пятикопеечную азбуку со складами, молитвами, изреченіями, баснями, и незамѣтно *книга* въ глазахъ его приняла видъ и смыслъ совершенно отличный отъ того вида и смысла, какой привыкли придавать ей растеряевцы. Страсть къ чтенію сдѣлала то, что сирота рѣшился просить опекуна купить ему какую-нибудь книгу. Опекунъ сжалился: книга была куплена, и сирота замеръ надъ ней, не имѣя силъ оторваться отъ обворожительныхъ страницъ. Книга была: «Путешествіе капитана Кука, учиненное англійскими кораблями «Революціей» и «Адвентюромъ». Алифанъ (сирота) забылъ сонъ, ѣду, перечитывая книгу сотни разъ: капитанъ Кукъ все больше и больше плѣнялъ его и наконецъ сдѣлался постояннымъ обладателемъ головы и сердца Алифана. По ночамъ онъ въ бреду выкрикивалъ какіе-то морскіе термины, леталъ съ полатей во время кораблекрушенія и пугалъ всю семью опекуна не на животъ, а на смерть. Котельниковъ понялъ это сумасшествіе по-своему.

— Ну, Алифанъ,—сказалъ онъ однажды сиротѣ:—гляди сюда: оставленъ ты сиротою, я тебя призрѣлъ, можно сказать, изъ послѣдняго натужился... Шесть годовъ, Господи благослови, мало-мало по сту-то серебра ты мнѣ стоилъ... Такъ ли?

— Я, кажется, до вѣку моего буду ножки, ручки...

— Погоди... Второе дѣло, старался я, себя не жалѣлъ, сдѣлать тебѣ всяческое снисхожденіе и удовольствіе... Черезъ это я тебѣ, напримѣръ, книгу купилъ...

— Ахъ!—вскрикнулъ Алифанъ въ восторгѣ.

— Погоди... Вотъ то-то... Ты, можетъ, читавши ее, отъ радости чумѣлъ, а спроси-ко-сь у меня, легко ли она мнѣ досталась, книга-то? Слѣдственно исхарчился я на тебя до послѣдняго моего издыханія... Но такъ какъ имѣю я отъ Бога доброе сердце, то главнѣе стараюсь черезъ мои жертвы только бы въ царство небесное попасть и о прочемъ не хлопочу... Съ тебя же за мои благодѣянія не требую я ничего... По силѣ, по мочи, воздашь ты мнѣ малыми пропорціями. Ибо придумалъ я тебѣ по твоей хворости особенную должность, дабы имѣлъ ты родъ жизни на пропитаніе.

Послѣднюю фразу Котельниковъ похитилъ изъ устъ какой-то вдовы, слонявшейся по нашей улицѣ и просившей милостыню именно этими словами, похищенными въ свою очередь изъ какого-то прошенія.

Скоро Алифанъ вступилъ въ новоизобрѣтенную Котельниковымъ должность. На тонкомъ ремнѣ былъ перекинутъ черезъ его плечо небольшой ящикъ, въ которомъ находились иголки, нитки, обрѣзки тесемокъ, головныя шпильки, булавки и прочія мелочи, необходимыя для женскаго пола. Обязанности Алифана заключались въ постоянномъ скитаніи по улицѣ, изъ дома въ домъ, и цѣлый день такой ходьбы давалъ ему барышъ по большей мѣрѣ пятиалтынный. Этотъ пятиалтынный приносилъ онъ все-таки къ Котельникову, будто бы на сохраненіе... — «У меня цѣлѣй», — говорилъ Котельниковъ.

И Алифанъ вполнѣ этому вѣрилъ.

Но книга и капитанъ Кукъ не оставляли Алифана и здѣсь. Замечтавшись о какомъ-нибудь подвигѣ своего любимца, онъ не замѣчалъ, какъ, вмѣсто полутора аршинъ тесемокъ, отмѣривалъ три или пять, или въ задумчивости шелъ Богъ знаетъ куда, позабывъ о своей профессіи, и возвращался потомъ безъ копейки домой. Если Алифану приходилось зайти въ чью-нибудь кухню и вступить въ бесѣду съ кучерами и кухарками, то и тутъ онъ незамѣтно сводилъ разговоръ на Кука и, заикаясь и блѣднѣя, принимался прославлять подвиги знаменитаго капитана. Но кучера и кухарки, наскучивъ терпѣливымъ выслушиваніемъ

непостижимыхъ морскихъ терминовъ и разсказовъ про иностранные народы и чудеса, о которыхъ не упоминается даже въ сказкѣ о жаръ-птицѣ, скоро подняли несчастнаго Алифана на смѣхъ. Скоро вся улица прозвала его «Кукомъ», и ребята при каждомъ появленіи его заливались несказаннымъ хохотомъ; имъ вторили кучера, натравливая на бѣднаго доморощеннаго Кука собакъ. Даже бабы, ровно ни буквы не понимавшія въ разсказахъ Алифана, и тѣ при появленіи его кричали:

— Ахъ, ты, батюшки мои... угораздилъ же его!—Кукъ!.. Этакое ли выперъ изъ башки своей полоумной...

— Въ тину вишь заѣхалъ... На карапь сѣлъ, да въ тину... Ха-ха-ха!..—помирали кучера.

— Кукъ! Кукъ! Кукъ!—визжали мальчишки.

Алифанъ схватывалъ съ земли кирпичъ и запускалъ въ мальчишекъ; смѣхъ и гамъ усиливался, и беззащитный Алифанъ пускался бѣжать...

— Ку-укъ! Ку-укъ!—голосила улица. Общему оранью вторили испуганныя собаки.

Торговля Алифана мельчала все болѣе и болѣе. Обыватели чиновные, и въ особенности обывательницы, съ улыбкою встрѣчали его и, купивъ на пятачокъ шпилекъ или еще какой-нибудь мелюзги, считали обязанностью позабавляться странной любовью Алифана.

— Ну какъ же Кукъ-то этотъ?—спрашивали они.—Какъ ты это говоришь, разскажи-ко.

— Да такъ и есть...

— Какъ же это плавалъ?

— И плавалъ-съ; вотъ и все тутъ...

Алифанъ, желая избѣжать насмѣшекъ, иногда думалъ-было отдѣлаться такими отрывочными отвѣтами; но влюбленное сердце его обыкновенно не выдерживало: еще немного, и Алифанъ воодушевлялся,—чудеса чужой стороны подкрашивались его пылкимъ воображеніемъ, и картины незнакомой природы выходили слишкомъ ярко и чудно. Алифанъ забывалъ все; онъ самъ плылъ на «Адвентюрѣ» по морю, среди фантастическихъ тумановъ и острововъ удивительной прелести; воображеніе его разгоралось, разгоралось... и вдругъ неудержимый, неистовый хохотъ, какъ обухомъ, ошарашивалъ его.

— Батюшки, умру! Умру! Умру! спасите!..—вопилъ обыватель.

И Алифанъ исчезалъ.

Иногда выслушаютъ его, посмѣются въ одинаковой мѣрѣ и надъ Кукомъ и надъ разсказчикомъ, продержатъ отъ скуки часа три и скажутъ:

— Ступай, не надо ничего.

Плохо приходилось ему. Синій нанковый халатъ, сшитый опекуномъ еще въ первые года опеканія, до сихъ поръ не сходилъ съ его плечъ, потому что другого не было. Если иногда Алифанъ принимался раздумывать о своихъ несчастіяхъ, то по тщательномъ размышленіи находилъ, что во всемъ виноватъ одинъ капитанъ Кукъ. Но было уже поздно!

Такимъ образомъ извѣстнѣйшій мореплаватель Кукъ, погибшій на Сандвичевыхъ островахъ, вторично погибъ въ трясинахъ растеряевскаго невѣжества, погибъ, раскритикованный въ пухъ и прахъ нашими кучерами, бабами, мальчишками и даже собаками. А вмѣстѣ съ Кукомъ погибъ и добродушный Алифанъ.

Горестная жизнь его была принята обывателями, во-первыхъ, къ свѣдѣнію, ибо говорилось:

— Вонъ Алифанъ читалъ-читалъ книжки-то, да теперь эво какъ шатается... Ровно лунатикъ!

И, во-вторыхъ, къ руководству, ибо говорилось:

— Что у тебя руки чешутся: все за книгу да за книгу? Она вѣдь тебя не трогаетъ?.. Дохватаешься до бѣды... Вонъ Алифанъ читалъ-читалъ, а глядишь—и околѣетъ какъ собака.

---

2. Балканиха.

Тьма вопросовъ, являющихся у растеряевца въ минуты «отчунѣнія», требуетъ такого помощника въ уразумѣніи ихъ, какого Растеряева улица не видала еще ни разу съ того времени, какъ вытянулись въ кривую линію ея косые заборы и приземистыя лачужки съ своими голодными обитателями. Поэтому растеряевецъ съ давняго времени привыкъ полагаться на Бога, будучи горькимъ опытомъ убѣжденъ, что спасеніе его не въ рукахъ человѣческихъ. Только-что разсказанная исторія съ книгою и факты будничной жизни скажутъ наивному наблюдателю, полагающему, что въ минуты жажды совѣта и уразумѣнія не худо бы

подсунуть растеряевцу нѣчто общедоступное или даже общезанимательное,—будничный опытъ скажетъ такому наблюдателю, что хлопоты его по этому предмету будутъ тщетны вполнѣ. Голодный лунатизмъ Алифана только подкрѣпитъ взглядъ растеряевца на непонятную вещь, именуемую «книгою», и попрежнему сомнѣнія его и надежды будутъ въ рукахъ умовъ мудреныхъ и загадочныхъ, говорящихъ необыкновенными словами... Такіе мудреные умы есть у многихъ растеряевскихъ бабъ, одну изъ которыхъ я тотчасъ же постараюсь отрекомендовать читателю.

Вѣроятно, всякому приходилось не разъ встрѣчать типъ необразованной, но умной бабы, преимущественно вдовы, которая всю жизнь усердно ходитъ въ церковь, пользуется всеобщимъ почетомъ, именуется «матушкой», получаетъ за обѣдней просвиру наравнѣ съ генералами и заслуженными людьми. Вотъ именно всѣ такія качества совмѣщаетъ въ себѣ Пелагея Петровна Балканова, иначе Балканиха, иначе Дунай-Забалканова. Послѣдній варіантъ фамиліи Пелагея Петровна считала самымъ правильнымъ, объясняя сложность ея знатностью дворянскаго рода, отъ котораго будто бы она происходила. Къ несчастію, документы о ея происхожденіи были затеряны, и хоть она ни на минуту не покидала надежды *отыскать дворянство,* тѣмъ не менѣе улица наша смотрѣла на нее какъ на мѣщанку, супругу маленькаго и тощенькаго мѣщанина. Но даже и въ званіи мѣщанки Балканиха обратила на себя вниманіе растеряевцевъ, какъ женщина умная. Этому главнымъ образомъ способствовали непостижимыя, но самыя существенныя средства, которыя употребляла она для укрощенія мужа. Холостякомъ онъ слылъ за вертопраха и сорвиголову; женившись—присмирѣлъ, оглупѣлъ, словомъ — сдѣлался тряпкой. Средства, употребляемыя Балканихой для его усмиренія, мало того что были непостижимы, можно сказать навѣрное, не имѣли въ себѣ ничего звѣрскаго, что̀ почти невозможно въ нашихъ нравахъ. Пелагея Петровна не крикнула, не топнула, не плюнула супругу въ *лохань* ни разу; въ серьезномъ выраженіи ея почти мужского лица, въ ея строгихъ, но всегда спокойныхъ глазахъ, даже, быть-можетъ, въ этихъ небольшихъ усахъ, которыми была надѣлена она отъ природы, было что-то такое, что̀ заставляло мужа ея осматриваться, самому *придумывать* себѣ вину и просить извиненія. Вслѣдствіе такого постоянно замирательнаго положенія, мужъ Балканихи началъ питать

къ ней какую-то тайную ненависть, утѣшая себя возможностью когда-нибудь отплатить ей тѣми же мученіями, какія испытывалъ теперь самъ. Но Балканиха не измѣнялась, и неотомщенный мужъ смирялся все болѣе и болѣе. Супруга пріучила его подходить къ ручкѣ, по воскресеньямъ поздравлять съ праздникомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ говорить: «виноватъ, не попомните!» Дѣло усмиренія подвигалось впередъ все быстрѣе и успѣшнѣе и окончилось однимъ весьма трагическимъ происшествіемъ, о которомъ разсказываетъ растеряевская молва. Мужъ Пелагеи Петровны, привыкшій все дѣлать въ темномъ углу, потихоньку, однажды вознамѣрился отвѣдать на старости лѣтъ, стыдно сказать, вареньица! Съ замираніемъ сердца пробрался онъ въ чуланъ, досталъ и развязалъ банку, проглотилъ одну полную вареньемъ ложку и только-что запустилъ-было ее въ другой разъ, какъ неожиданно на порогѣ показалась серьезная фигура Балканихи...

Супругъ вздрогнулъ, выпустилъ изъ рукъ ложку... и будто бы тутъ на мѣстѣ испустилъ духъ!

Пелагея Петровна была такъ увѣрена въ справедливости своей власти надъ мужемъ, что даже въ ту минуту, когда увидѣла трупъ его и когда, казалось, всѣ земныя прегрѣшенія должны бы были забыться, она все-таки, по словамъ очевидцевъ, не могла не произнесть:

— Вотъ ежели бы ты какъ слѣдуетъ пришелъ бы да попросилъ у меня вареньица-то, а не воровски поступилъ, остался бы ты живъ-живехонекъ... А то вотъ Господь-то и покаралъ!..

На похоронахъ Пелагея Петровна поплакала въ самую мѣру, отпустивъ слезъ и причитаній ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы растеряевскія бабы не имѣли основаній упрекать ее въ холодности и безсердечіи. Совершивъ все это по установленному порядку, Пелагея Петровна вступила въ новый періодъ жизни — «принялась вдовѣть». Въ ея власти находился небольшой собственный домъ съ мезониномъ, огородъ съ нѣсколькими кривыми яблонями, разбросанными тамъ и сямъ, баня и небольшое количество разнаго рода добра, которое сумѣла скопить она. Изъ приближенныхъ къ ней людей остались съ ней неразлучны попрежнему только старая баба Харитониха, исправлявшая всѣ должности отъ наперсницы до поломойки, и пріемышъ Кузька, самоварщикъ, о которомъ будетъ въ своемъ мѣстѣ болѣе обстоятельная рѣчь.

Прежде всего послѣ смерти мужа она отправилась пѣшкомъ къ Троицѣ-Сергію, такъ какъ давнымъ-давно обѣщалась Богу сдѣлать этотъ подвигъ, и, возвратившись оттуда, вступила на дорогу мирнаго и благочестиваго житія. Съ этихъ поръ начинается ея власть надъ нашей улицей. Разсказы про угодниковъ Божіихъ, про чудеса были до такой степени обворожительны въ ея устахъ, что всѣ бабы нашей улицы толпами стекались слушать ихъ и выносили изъ Балканихинаго жилища самыя свѣтлыя ощущенія. Пелагея Петровна не пользовалась однако этою минутною славою: при полной возможности шататься съ своими разсказами по дворамъ и опивать на чаю весь женскій полъ нашей улицы, она этого не дѣлала; напротивъ, въ самомъ разгарѣ первой славы своей, она попрежнему сидѣла съ шерстянымъ чулкомъ въ рукахъ въ своей маленькой каморкѣ и басомъ пѣла: «Да исправится», подражая напѣву «лаврскому». Авторитетъ свой она устраивала не торопясь. Этому много способствовала Харитониха, которая отъ-нечего-дѣлать находила возможность слышать и знать все, что дѣлается у сосѣдей и вообще по всей улицѣ. Балканиха слушала ее безъ малѣйшихъ признаковъ любопытства и только иногда, выслушавъ разсказъ, одѣвалась и шла на мѣсто происшествія, гдѣ и давала разные совѣты. «Вы хоть бы погрѣли у печки одѣяло-то,—говорила, напримѣръ, она:—а то этакъ-то и въ гробъ родильницу отправить недолго». Или: «Матушка! видите вы — человѣкъ слабъ, а вы ему въ самое дыханіе ладаномъ надымили. Развѣ это возможно!.. Дайте ему очнуться, можетъ, онъ вовсе и къ смерти не принадлежитъ...» И случалось, что родильница, лежавшая подъ нагрѣтыми одѣялами, вдругъ выздоравливала, или что человѣкъ, который по случаю загула пролежалъ дня два недвижимо и котораго начинали уже душить ладаномъ, приготовляя на тотъ свѣтъ, вдругъ, послѣ совѣта Балканихи, приходилъ въ чувство и хриплымъ голосомъ произносилъ:

— Ахъ бы солененькаго!

Все это служило Балканихѣ къ добру.

— Дай вамъ, Господи, добраго здоровья, матушка Пелагея Петровна,—говорилъ воскресшій растеряевецъ.—Безъ васъ я, кажется, давно бы душу отдалъ, и опохмелиться бы не пришлось!

Такъ потихоньку слава Балканихи все росла да росла, хотя, казалось, это вовсе не радовало и не волновало ее. Но это только казалось; въ существѣ же дѣла она очень

была довольна и немало гордилась своею властью. Ея умъ, ограничивавшійся въ прежнее время уходомъ за супругомъ и домашними заботами, теперь имѣлъ болѣе пищи, развивался и пріобрѣталъ даже нѣсколько философское направленіе. Балканиха начинала чувствовать въ своей головѣ умъ *несказанный:* ощущеніе совершенно новое и пріятное, тѣмъ болѣе, что вся улица не испытывала этого ощущенія, ибо не имѣла ни минуты свободной на то, чтобы заглянуть въ собственныя мозговыя сокровищницы. Мудрствованія и философствованія были необыкновенно пріятны для нея, и она часто нарочно устраивала разные философскіе маневры, чтобъ, во-первыхъ, явственнѣе познать силу своего ума, а во-вторыхъ, болѣе изощриться въ философскихъ тонкостяхъ. Такіе маневры устраивала она пока только дома, ибо случаи къ этому дома представлялись частые.

Одинъ изъ жильцовъ ея былъ городской извозчикъ Никита, нанимавшій у Пелагеи Петровны баню. У Никиты была огромная семья, и Балканиха изъ жалости брала съ него только рубль серебромъ въ мѣсяцъ, съ тѣмъ однакоже условіемъ, что всякую субботу, когда топится баня, Никита долженъ былъ выбираться оттуда съ семьей и пожитками въ садъ.

Баня особенно часто топилась зимою, слѣдовательно Никита зналъ вполнѣ, что̀ такое холодъ. Въ той же мѣрѣ зналъ онъ, что̀ такое и голодъ, потому что съ давнихъ, почти незапамятныхъ временъ испытывалъ неописуемую нищету. Кто изъ трехъ враговъ, опекавшихъ его, голода, холода и запоя, явился прежде, вообще съ чего началось его бездомовничество,—рѣшить было очень мудрено. Пелагея Петровна, какъ женщина сердобольная, иногда предпринимала походы въ области грѣшной души Никиты, съ цѣлью возвратить его на путь истины. Такіе походы совершались преимущественно послѣ обѣда, когда мухи и жара не даютъ никакой возможности заснуть. Въ такую пору Балканиха обыкновенно завѣшивала окна платками и среди темной комнаты, съ жужжащими у потолка мухами, вела отрывочные разговоры съ Харитонихой. Эта вѣрная наперсница всѣми мѣрами старалась придумать какую-нибудь интересную вещь, надъ которой бы Пелагея Петровна могла поумствовать: она сообщала сплетни, новости, пересуды. Истощался этотъ матеріалъ, Харитониха поднимала вопросы въ родѣ того, что правда ли, будто рыжіе въ цар-

ство небесное не попадутъ, и нѣтъ ли этому какой-нибудь основательной причины. Если же истощался и этотъ запасъ, то Балканиха вдругъ начинала чувствовать потребность добраго дѣла и приказывала звать Никиту, предварительно справившись, въ разсудкѣ ли онъ?

— Никита-а!—звала Харитониха.

— Сейча-асъ!—отзывался Никита изъ сарая.—Чего тамъ?

— Пелагея Петровна зовутъ къ себѣ.

— Но-о!..—злобно рычалъ Никита, стиснувъ зубы.—Зачесалось! Опять воловодить начнетъ... Иду!.. Какъ только это не совѣстно мучить человѣка... Скажи: иду!..

Скоро дѣйствительно Никита входитъ въ комнату Балканихи. Онъ дѣлаетъ низкій поклонъ, шопотомъ здоровается, отступаетъ шагъ назадъ къ двери, обдергиваетъ рубашку и съ пугливымъ недоумѣніемъ ожидаетъ допроса. Пелагея Петровна начинаетъ издалека; она задаетъ ему вопросъ: «куда душа человѣческая надлежитъ *по-настоящему*», полагая про себя, что всякая истинно-христіанская душа надлежитъ въ рай.

Никита недоумѣваетъ.

— Не понимаешь?

— Мал-ленечко точно что... есть препону!

— Ну, ты подумай.

— Слушаю-съ...

— Тогда и скажи! Только хорошенько подумай!

— Да ужъ будьте покойны... Слава Богу!.. Али мы... Приму всѣ силы...

Настаетъ мертвое молчаніе. Никита думаетъ, по временамъ взглядывая на потолокъ; откашливается, потихонечку вздыхаетъ и вдругъ говоритъ, направляясь къ двери:

— Я, матушка, Пелагея Петровна, на минуточку...

— Нѣтъ, ты погоди!

— То-есть... одну только минуту...

— Нѣтъ, нѣтъ... постой! Ты сначала скажи, что̀ слѣдуетъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, — соглашался Никита: — лучше же я теперича скажу вамъ все...

— Ну вотъ...

— Да тогда ужъ и отлучусь. По крайности объясню вамъ. Во сто разъ лучше...

Никита понимаетъ всю безвыходность своего положенія и съ особеннымъ напряженіемъ ума старается разузнать истинные позывы своей души.

— Ну? — спрашиваетъ Балканиха. — Куда же наша душа подлежитъ по-настоящему?

— Душ-ша наша, — робко и протяжно начинаетъ Никита: — душа наша, матушка, Пелагея Петровна, главнѣе норовитъ по своей пакости какъ бы, напримѣръ, согрѣшить, напримѣръ, въ кабакъ...

— Глупецъ! — вскрикиваетъ Балканиха. — Что̀ ты это сказалъ!

Пелагея Петровна даже вскочила съ своей кровати и подступила къ Никитѣ, который испуганно подался къ двери.

— Опомнись! Что̀ ты сказалъ?! Въ рай нашей душѣ по Божьему писанію надлежитъ, а не въ кабакъ!.. безумецъ этакой... въ ра-ай!

Никита спохватился.

— Такъ! такъ!.. въ рай! въ рай-съ!.. это точно... Ахъ, ты, Боже мой! а я эво куда... Ахъ!..

— Нѣтъ, какъ ты осмѣлился это сказать? а? — еще ближе подступая, горячится Балканиха.

— Да что̀ будешь дѣлать! Хорошенечко не оглядѣлся, ну и... Въ рай-съ! Будьте покойны! такъ, такъ...

— Ай-ай-ай... Видишь ты, какъ врагъ-то тебя оплелъ?. а? Въ кабакъ!.. Слѣдственно душа твоя до какого же безобразія искажена?.. У кого же ты теперича будешь просить защиты?..

— У кого-жъ, окромѣ васъ...

Балканиха даже всплеснула руками и, отступая въ глубину комнаты, воскликнула:

— Да что̀ ты это? Очумѣлъ ты? У Б-бога! только у Бога одного!.. Сотвори крестное знаменіе...

— Прошибся! Не подумавши сказалъ... Виноватъ! Я-было, признаться, и хотѣлъ-то это самое сказать, да маленечко, по грѣхамъ, не туда прохватилъ...

Озадаченный философскимъ ухищреніемъ, Никита уже съ полнымъ смиреніемъ слушалъ дальнѣйшія рѣчи Балканихи и считалъ непремѣннымъ долгомъ соглашаться съ ней во всемъ; да и нельзя было не согласиться! Она такъ ярко изображала падшую его душу, стремящуюся прежде всего въ кабакъ, такъ явственно рисовала ужасы адскихъ мученій, что сердцу Никиты нельзя было не содрогаться: то видѣлъ онъ себя съ огненной сковородой въ рукахъ, то чувствовалъ, какъ въ его грѣшную спину загоняютъ желѣзный крюкъ, чтобы повѣсить надъ огненной бездной...

— Вѣрно! — произносилъ онъ въ ужасѣ. — Вѣрно, матушка, Пелагея Петровна! Ахъ, справедливо!

Дѣло обыкновенно сводилось къ тому, что Никита начиналъ клясться передъ образомъ:

— Ежели только каплю, громомъ расшиби!

— Смотри! — говорила Балканиха.

— Будьте покойны! Ни въ жисть не будетъ этого!

— Смотри!

— Даже ни-ни! Ни Боже мой! Легкое ли дѣло... ни-ни! Пожалуйте вашу ручку.

— Цалуй... да сма-три!..

Въ эти минуты Никита дѣйствительно чувствовалъ такую энергію, о которой въ обыкновенное время не могъ и представить себѣ, такъ какъ вся разсудочная дѣятельность его была обыкновенно поглощена надеждою, что «Богъ не безъ милости». Тотчасъ же послѣ нравоученія онъ рѣшился вдругъ все привести въ порядокъ. Мгновенно, и даже нѣсколько съ сердцемъ, вытаскивалъ изъ-подъ навѣса свои ветхія дрожки, устанавливалъ ихъ посреди двора на солнечномъ припекѣ и, обдавъ водою, принимался скоблить, чистить, мыть. Все кожаное въ своемъ экипажѣ смазывалъ густыми слоями сала, ослѣпительный блескъ котораго открывалъ цѣлые милліоны изъяновъ, незамѣтныхъ прежде подъ кучами грязи. Это однако не охлаждало Никиты.

— Ничего, живетъ! — говорилъ онъ, взявъ въ руки оглобли и лавируя съ дрожками по Балканихину двору. Еще какъ отлично-то!

Затѣмъ подобную энергическую реставрировку испытывала и несчастная кляча, потерявшая отъ нищеты хозяина и фигуру и способность что-нибудь ощущать: выраженіе глазъ ея въ ту минуту, когда хозяинъ вытягивалъ ее кнутомъ, было совершенно такое же, когда хозяинъ угощалъ ее овсомъ. Потомъ слѣдовали хлопоты въ семьѣ, въ банѣ; Никита умывался, надѣвалъ чистую рубаху, расчесывалъ волоса, смазавъ ихъ квасомъ, и съ особенной любовью, какая можетъ загорѣться въ сердцѣ человѣка, съ твердой вѣрой въ будущее благополучіе, няньчилъ своихъ ребятъ, цѣловалъ ихъ и разговаривалъ самымъ дружескимъ тономъ.

На другой день рано утромъ Никита собирается ѣхать со двора. Старый армякъ его вычищенъ и заштопанъ бѣлыми нитками; шея обмотана новымъ, подареннымъ къ крестинамъ, платкомъ, подпирающимъ въ самыя скулы. Въ воротахъ онъ снимаетъ шапку и не перестаетъ креститься

во все протяженіе пути отъ воротъ до перекрестка. Жена Никиты, съ ребенкомъ на рукахъ, долго смотритъ ему вслѣдъ, стоя за воротами. На перекресткѣ Никита, нахлобучивъ шапку, полыснулъ кнутомъ клячу — и дѣло пошло въ ходъ. Лошадь потащилась своею упругой рысью, оглашая пустынную улицу бряканьемъ селезенки. Никита размышлялъ, чувствуя въ себѣ что-то новое, небывалое... Вдругъ его качнуло назадъ, и дрожки остановились, утонувъ колесами въ выбоинѣ передъ крыльцомъ знакомаго кабака... Лошадь остановилась здѣсь по привычкѣ.

Пораженный удивленіемъ, Никита долго молчалъ, опустивъ руки, и наконецъ шопотомъ пробормоталъ:

— Каково вамъ покажется?

— Никита Петровичъ, — весело шепталъ изъ окна цѣловальникъ: — иди, благословись косушечкой!

— У-у! Ссак-крушен-ніе! — рычалъ Никита, съ сердцемъ вытягивая лошадь кнутомъ.

Такія не всегда удачныя попытки сдѣлать доброе дѣло не только не убавляли ничего въ славѣ Балканихи, но, напротивъ — еще болѣе придавали ей вѣсу: Никита, вернувшись домой опять со сломанными дрожками и въ разорванномъ армякѣ, снова чувствовалъ себя виноватымъ передъ Пелагеей Петровной, и этотъ страхъ не пропадалъ даромъ, потому что обыватели нашей улицы видѣли его и поучались. Ко всему этому Пелагея Петровна постепенно прибавляла новые поводы для уваженія. Такъ, напримѣръ, она перечитала всѣ книги, найденныя у ея жильцовъ: молитвословы, календари, богослужебныя книги, поучительные примѣры благочестія, «Камень вѣры» и проч. и проч. Растеряева улица послѣ этого вытаращила глаза на Балканиху, ибо въ разговорѣ ея стали появляться такія слова, какихъ растеряевцы отъ роду своего слыхомъ не слыхали. Мало того, Балканиха могла каждому растолковать всякое подобное слово. Въ одинаковой мѣрѣ понимала она, что̀ такое значитъ: *кругъ-солнца, вруцѣлѣтіе, индикта*, какъ и такія тонкости, которыя объясняютъ, что̀ такое поліелей, преполовеніе. Рекомендую читателю представить себѣ, что̀ долженъ былъ чувствовать растеряевецъ при взглядѣ на Пелагею Петровну въ эту пору ея славы. Такіе успѣхи она одерживала въ то время, когда ей было только тридцать восемь лѣтъ отъ роду. Въ эту пору вздумалъ-было посвататься за нее одинъ мѣщанинъ, по фамиліи Дрыкинъ, но скоро раздумалъ...

«Съ чего это онъ меня не взялъ?» — думала Балканиха въ то время, когда вся наша улица полагала, что она сама отказала жениху, и совершенно не подозрѣвала, что иногда въ голову благочестивой Пелагеи Петровны закрадывалась мысль объ отмщеніи за эту «обиду».

---

3. Мѣщанинъ Дрыкинъ.

Мѣщанинъ Дрыкинъ до постройки огромнаго дома не былъ извѣстенъ почти никому въ городѣ. Лѣтъ десять назадъ до этого времени видѣли его кой-кто на толкучкѣ въ ту самую минуту, когда онъ, не стѣсняясь громаднымъ стеченіемъ публики, отнималъ у жида-солдата нанковыя панталоны, утверждая, что означенныя панталоны принадлежатъ ему и хотя, повидимому, гроша не стоятъ, но что онъ, Дрыкинъ, имѣетъ тайную причину считать ихъ весьма цѣнными, почему и требуетъ съ солдата, кромѣ панталонъ, штрафъ въ три цѣлковыхъ, да за безчестіе еще какую-то сумму. Послѣ этого пассажа встрѣчали его еще кое-гдѣ: на немъ былъ длинный изорванный черный сюртукъ, панталоны, похищенныя у жида, картузъ безъ подкладки, въ рукахъ держалъ онъ тонкую яблоновую трость. Такъ встрѣчали его въ продолженіе многихъ лѣтъ, и затѣмъ онъ сразу дѣлается обладателемъ огромнаго каменнаго дома, получая отъ растеряевцевъ наименованіе «темнаго» богача — т.-е. человѣка, который разбогатѣлъ не то «убійствомъ», не то «грабежомъ», не то отыскалъ кладъ. Какъ бы то ни было, но, разбогатѣвъ, Дрыкинъ началъ строить домъ. Онъ строилъ его на широкую ногу, со всѣми удобствами: ворочалъ большими капиталами. Въ эту пору онъ посватался-было за Балканиху, но, почуявъ въ ней обширный умъ, расчелъ лучшимъ отказаться и женился на молоденькой. Растеряевское преданіе говоритъ, что тотчасъ послѣ свадьбы молодая супруга Дрыкина, по имени «Ненила», отдала приказаніе мужу, чтобы немедленно были приглашены всѣ полковые музыканты и всѣ господа военные изъ благородныхъ, какіе только есть въ городѣ налицо. Въ отвѣтъ на это мужъ, не говоря ни слова, отправилъ ее доить корову, сдѣлавъ такое жестокое рукопашное внушеніе, что Ненила сразу какъ бы оглупѣла,

затихла и вообще до того «испугалась», что Дрыкину впослѣдствіи не было рѣшительно никакой надобности въ рукопашныхъ внушеніяхъ: достаточно было только взглянуть, сдвинуть брови, чтобы то или другое желаніе его исполнялось безпрекословно. Впрочемъ, полный порядокъ, по мнѣнію Дрыкина, воцарился въ домѣ его только тогда, когда онъ вмѣстѣ съ женой переселился въ какую-то маленькую каморку окнами на дворъ, а въ трехъ этажахъ каменнаго дома загорланило населеніе кабаковъ, харчевенъ, номеровъ постоялаго двора. Ненила цѣлые дни торчала въ этой каморкѣ, не показывая глазъ на свѣтъ Божій, а мужъ ея усѣлся за воротами на лавочкѣ, въ тѣхъ же нанковыхъ панталонахъ, съ тою же тростью въ рукахъ. Онъ видимо богатѣлъ; но это богатство ничего не измѣняло ни въ его костюмѣ ни въ жизни: та же видимая нищета, тотъ же лукъ за обѣдомъ и проч. Даже кошелекъ его, казалось, вовсе не тучнѣлъ, потому что если какая-нибудь сосѣдская баба обращалась къ нему съ убѣдительной просьбой насчетъ двугривеннаго, то въ отвѣтъ на это онъ запускалъ два грязныхъ пальца въ дырявый карманъ жилета, вытаскивалъ заплѣсневѣлый екатерининскій грошъ и почти дѣтски-невиннымъ голосомъ говорилъ:

— Съ великимъ бы, матушка моя, удовольствіемъ, да вотъ только всего и денегъ-то у меня... Правда, былъ объ Святой гривенникъ мѣди; ну, да по времени на себя извелъ... Что̀ сдѣлаешь-то? А съ тѣхъ поръ и денегъ-то никакихъ не случалось. И не знаю когда! Да и гдѣ теперь деньгамъ быть? Кажется, вотъ-вотъ съ семьей побираться пойдешь...

— Ну, извините,—говорила разобиженная баба.

— Съ великимъ бы удовольствіемъ, да вѣдь что̀ будешь дѣлать!.. До пріятнаго свиданія...

— И вамъ также!

Послѣ такого разговора Дрыкинъ крякнетъ тихонько, постучитъ палкой по тротуару, держа ее между раздвинутыхъ колѣнъ, и возобновитъ прерванный разговоръ. На лицѣ его не произойдетъ ни малѣйшей перемѣны, даже улыбки не явится.

Постоянное пребываніе Дрыкина за воротами давало возможность познакомиться съ его, такъ сказать, душевными симпатіями. Иногда кто-нибудь изъ «объегориваемыхъ» имъ приносилъ почитать газету. Чтеніе происходило за воротами. Дрыкинъ особенно интересовался описаніями

церемоній и изображеніемъ сверхъестественныхъ происшествій: говорящая мышь, дѣвица, проспавшая ровно пять лѣтъ и по пробужденіи вдругъ разрѣшившаяся отъ бремени, и проч. Объ иностранныхъ земляхъ изъ тѣхъ же газетъ узнавалъ онъ тоже чудеса: упалъ камень съ неба, чугунка подъ водой и подъ землей ходитъ и т. д. Нужно сказать правду, такія извѣстія потрясали Дрыкина. Онъ ахалъ и вздыхалъ. «Боже мой! — говорилъ онъ: — въ другихъ-то земляхъ что̀ дѣлается! а?» Но нужно сказать также и то, что при всей искренности этихъ вздоховъ, ежели бы судьба забросила какъ-нибудь Дрыкина въ одну изъ этихъ странъ, переполненныхъ такими удивительными вещами, то онъ прежде всего освѣдомился бы: «почемъ овесъ?», а про чудеса едва ли бы и вспомнилъ за хлопотами. Наивность его рѣшительно не давала никакихъ шансовъ къ соболѣзнованію надъ нимъ по поводу тѣхъ ущербовъ, которые онъ долженъ понести въ жизни, гдѣ, повидимому, такъ много самыхъ простыхъ вещей и явленій, могущихъ поставить его втупикъ. Нѣтъ! Ворочая огромными капиталами и имѣя сношенія со множествомъ народа, онъ между тѣмъ всѣ бухгалтерскія книги, кредиты и дебеты ведетъ на притолкахъ амбаровъ и погребовъ, изображая углемъ и мѣломъ палки, подъ которыми подразумѣваются у него и люди, и овесъ, и проч. Кажется, ужъ какъ при такомъ невѣжествѣ не промахнуться, какъ не почувствовать потребности выучиться писать хоть по складамъ? Однако посмотрите, какъ онъ, не прибѣгая къ чьему-либо посредству,—сумѣлъ напугать своихъ должниковъ, которые обходятъ его жилище за пять кварталовъ. Все это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ натурѣ Дрыкина сумѣли уживаться самыя противоположныя вещи, смиренно равнялись и давали дорогу первенствующему стремленію «знать свой карманъ».

Въ эту пору жизни мѣщанина Дрыкина никакая побѣда надъ нимъ не была возможна. Если бы дѣла продлились въ такомъ порядкѣ, то Ненила не успѣла бы ни разу вздохнуть свободно во всю жизнь, а Балканиха не имѣла бы случая восторжествовать. Но Господь помогъ имъ обѣимъ.

Дрыкинъ съ давняго времени жаловался на боль въ глазахъ. Добрые люди совѣтовали ему пить, по зарямъ, по два стакана чернобыльнаго настою, нюхать хрѣнъ и проч. Особенное было обращено вниманіе въ этомъ лѣченіи на то, чтобы сумѣть воспользоваться лѣкарствомъ по возможности «до заутрени», «до пѣтуховъ». Въ этомъ почему-то считали

тайну лѣченія; однако, несмотря на всю силу доморощенныхъ волшебствъ, дѣло кончилось тѣмъ, что Дрыкинъ ослѣпъ.

Въ одно утро онъ открылъ глаза, теръ ихъ кулаками, таращилъ, крестился и наконецъ почти со слезами сказалъ:

— Ненилушка! вѣдь я не вижу!

— Что ты?

— Господи! Господи! что-жъ это такое? Вѣдь ослѣпъ!..

Дрыкинъ заплакалъ. Ненила сначала въ недоумѣніи смотрѣла на мужа; потомъ ей вспомнилось что-то очень далекое, на лицѣ появилась краска.

— Ослѣпъ?—спросила она.

— Ослѣпъ! какъ есть ослѣпъ!

— Слава тебѣ, Господи!—съ истиннымъ благоговѣніемъ заговорила она.—Слава тебѣ, Царю небесному. Ослѣпи ты его, прода, навѣки нерушимо...

— Жен-на! Побойся Бога!—стоналъ мужъ.

Но жена, вмѣсто сожалѣнія, захохотала и весело стала дразнить его:

— Ну тронь?.. Ну сдѣлай твое такое одолженіе, тронь? Найди меня!.. гдѣ я? ха-ха-ха!

— Б-боже мой, Бож-же мой!..

Съ этихъ поръ въ домѣ Дрыкина пошло все вверхъ дномъ. Ненила, которой въ эту пору было только двадцать шесть лѣтъ, тотчасъ же изгнала жильцовъ; вмѣстѣ съ ними выгнала вонъ изъ комнатъ своихъ ребятъ, которыхъ она терпѣть не могла за ихъ безобразныя рожи,—и запировала. Начала она перемѣнять платья по пяти разъ въ день; явились у нея толпы пріятельницъ и винцо въ полуштофѣ; цѣлые дни шло щелканье орѣховъ, и частенько подгулявшія бабы визгливо орали пѣсни.

Дрыкинъ стоналъ, лежа въ своемъ подвалѣ.

Такія безобразія Ненилы продолжались по крайней мѣрѣ съ полгода; къ концу этого времени она успѣла нагуляться «на всѣ» и поугомонилась, не перемѣняя, впрочемъ, своихъ отношеній къ мужу. За воротами, куда Дрыкинъ наконецъ-таки опять перебрался, шло попрежнему обдѣлываніе дѣлъ, но уже въ степени гораздо меньшей противъ прежняго, ибо денежные расчеты Дрыкина постоянно перебивались мыслями совершенно побочнаго свойства.

— Ты говоришь, ударить ее?—говорилъ онъ, раздумывая, своему пріятелю.—Ударить! Голубчикъ! какъ же ты ее ударишь, когда...

— Жену-то?

— Не про то! теперича положимъ такъ: ну, дастъ мнѣ Господь, ошарашу я ее; но она замѣсто того пуститъ въ меня изъ двадцати мѣстовъ. И палочьемъ и чѣмъ угодно...

— Такъ того: въ сонное бы время,—басилъ пріятель.— Чать, знаете мѣстоположеніе-то?.. Ну, вотъ тутъ бы ее и пристукнуть?

— Голубчикъ ты мой!—жалобно говорилъ Дрыкинъ:—ну хорошо, пущай я ее разовъ пятокъ кокну въ голову-то, но вѣдь получитъ она черезъ это пробужденіе и слѣдственно опять-таки меня, Боже защити, какъ?

— Мудрено!

— Такъ мудрено, такъ, другъ ты мой, мудрено, даже весьма опасно!..

Въ эту пору распутицы семейной жизни Дрыкина, Пелагея Петровна имѣла полную возможность одержать надъ нимъ какую угодно побѣду; это было тѣмъ легче, что слабыя струны супруговъ не таились и были наружу. Принимая въ расчетъ свойство этихъ струнъ, Балканиха находила весьма удобнымъ и пріятнымъ для себя мутить между собою супруговъ. Дѣлалось это съ затаенной улыбкой и смѣхомъ. Главное орудіе для супружескихъ стычекъ Пелагея Петровна имѣла въ распущенномъ хозяйствѣ. Стоило ей показаться на дворѣ у Дрыкиныхъ, какъ зоркій глазъ ея тотчасъ же подмѣчалъ множество неисправностей: кухарка потихоньку снабжаетъ хозяйскимъ молокомъ свою родственницу; приказчикъ, вмѣсто пуда сѣна, отпускаетъ проѣзжающему половину, и этотъ послѣдній обѣщается впередъ не ступать ногой на постоялый дворъ Дрыкина; подъ сараемъ кто-то кричитъ: «Подай!»—«Нѣтъ! врешь!»

Пелагея Петровна только головой качаетъ и идетъ въ сѣни; здѣсь раскрыты двери въ чуланъ, въ кладовую, въ кухню: кто хочетъ—приди и возьми все,—ни одна душа не хватится и виноватаго не сыщешь. Запасшись такимъ матеріаломъ, Пелагея Петровна являлась къ Дрыкину и, поздоровавшись, начинала:

— Ну, отецъ, ужъ и хозяйство у тебя! Ужъ хозяйство!.. И что только это, дивлюсь я, жена у тебя смотритъ?.. а?..

— Матушка!..—почти плача, говорилъ Дрыкинъ.

— А? Вездѣ крадутъ, вездѣ тащутъ, все росперто; кажется, приди воръ, возьми все, и не хватятся... Что это такое? Что-жъ ты на жену-то смотришь?

— Да, милая моя! Ну положимъ, точно что, быть-можетъ, я ее и того... чѣмъ-нибудь... но вѣдь она въ отместку и палочьемъ и...

— Да какъ же она смѣетъ?

Дрыкинъ блѣднѣлъ отъ злости и бодро произносилъ:

— И въ самомъ дѣлѣ?

— Доживешь,—продолжала Балканиха:—покуда по міру пойдешь побираться... Легкое ли дѣло, все на выворотку!.. Ахъ, ты, Боже мой! а?.. — качая головой, говоритъ она и идетъ въ другую комнату.

— Ахъ, Боже мой! — продолжаетъ она, подходя къ Ненилѣ.—Я смотрю, смотрю на тебя: Господи! кажется, въ чемъ только душа держится... Похудѣла, осунулась... И какъ только ты это со слѣпымъ дьяволомъ живешь!

— Мочи моей нѣтъ! Убью я его!

— Именно! Скажите на милость, слѣпая чучела этакая, совсѣмъ молодую женщину...

Ненила схватывала половую щетку и какъ стрѣла налетала на мужа, который, въ свою очередь, доспѣвалъ по возможности «кокнуть» супругу...

Въ ту же минуту Балканиха умѣла выскользнуть изъ комнаты; стоя за воротами, она прислушивалась къ шуму битвы, происходящей въ домѣ Дрыкина, и, съ улыбкой глядя на небо, во всеуслышаніе говорила:

— Господи помилуй! Господи помилуй!

Счастливо живетъ наша Балканиха до сей поры и попрежнему пользуется общимъ почетомъ. Даетъ совѣты и принимаетъ за нихъ посильныя приношенія. Только порой еще и теперь досадуетъ она, что не удалось ей прибрать къ рукамъ стараго Дрыкина.

Возвратимся теперь и къ Прохору Порфирычу.

XV. Прогулка.

Въ жаркое послѣобѣденное время, по глухому переулку, въ тѣни у заборовъ, шли два обывателя. Первый былъ извѣстный читателю Прохоръ Порфирычъ, другой—самоварщикъ Кузька, воспитанникъ Пелагеи Петровны Балкановой. Это былъ здоровый малый, лѣтъ семнадцати, съ широкимъ

разжирѣвшимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и маленькими глазами, въ которыхъ проглядывало выраженіе какого-то непонятнаго негодованія.

Оба пріятеля были въ «лучшихъ» костюмахъ: Прохоръ Порфирычъ, извѣстный въ нашей улицѣ за изящнѣйшаго джентльмена, въ настоящую минуту совершенно оправдывалъ этотъ титулъ; все, что только отыскалъ онъ въ своемъ сундукѣ аглицкаго и французскаго, все было надѣто на немъ. Незастегнутый сюртукъ, распахиваемый вѣтромъ, открывалъ пятившуюся впередъ манишку и франтовскую жилетку, застегнутую на одну пуговицу. Новый шелковый галстукъ, изъ-за котораго чуть-чуть показывались кончики воротниковъ, скрипѣлъ и издавалъ какой-то металлическій трескъ, далеко слышавшійся кругомъ во время безмолвнаго шествія. Нельзя не сказать, что такой нарядъ доставлялъ моему герою истинное удовольствіе; держа обѣ руки назади, онъ гордо выступалъ впередъ, холоднымъ взглядомъ окидывая фигуру Кузьки, который представлялъ совершенный контрастъ съ его джентльменской фигурой. Кузька былъ одѣтъ тоже во все новое; но его нарядъ въ сравненіи съ нарядомъ Прохора Порфирыча не стоилъ ни полушки. Несмотря на нестерпимую жару, Кузька нарядился во все теплое: на головѣ у него былъ драповый новый картузъ на ватѣ; на плечахъ, кромѣ сюртука, драповая же ваточная чуйка съ бархатнымъ высокимъ воротникомъ; шея была подвязана новымъ платкомъ, но подвязана такъ, что Кузька не могъ свободно повернуть голову и вздохнуть: кровь приливала къ головѣ и стучала въ мокрыхъ отъ поту вискахъ. Отправляясь на богомолье въ село З—во, гдѣ по расчетамъ Кузьки должна собраться большая публика, онъ счелъ за нужное нарядиться во все лучшее, ибо въ этомъ считалъ необходимое условіе всякаго праздника. Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ его костюма нужно прибавить узкіе выростковые сапоги, надѣтые на шерстяные чулки, и наконецъ глубокія калоши. Кузька прихрамывалъ и отставалъ.

— Ты ежели хочешь идти, такъ иди! — строго сказалъ ему Прохоръ Порфирычъ:—мнѣ съ тобой возиться некогда. Этакъ мы къ ночи не доберемся.

— Не сердись!—уныло сказалъ Кузька.

Порфирычъ посмотрѣлъ на его раскраснѣвшуюся физіономію, по которой градомъ лился потъ, и проговорилъ:

— Ишь рожу-то нажевалъ!..

— Да будетъ тебѣ, ей-Богу! — беззащитнымъ голосомъ протянулъ Кузька и обтеръ лицо колючимъ драповымъ рукавомъ.

— Ну иди, иди... Брошу!

Кузька, повидимому, очень дорожилъ компаніей спутника, потому что утроилъ шаги и скоро поровнялся съ нимъ.

— И кто это только праздники выдумалъ?—бормоталъ онъ шопотомъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ нестерпимый жаръ.

Пріятели молча продолжали шествіе по пустыннымъ переулкамъ. Жаркій вѣтеръ по временамъ дулъ въ ихъ запотѣлыя лица и чуть-чуть шевелилъ запыленными листьями корявыхъ яблонь, вѣтки которыхъ перевѣшивались кое-гдѣ черезъ заборы. Отъ жары народъ попрятался въ дома; вездѣ были закрыты ставни; спали люди, спали собаки. А солнце жгло и палило не уставая...

Исчезли послѣдніе дворишки самаго отдаленнаго переулка, и путники вышли въ поле. Пыльный и узенькій проселокъ извивался по небольшой возвышенности, отлого спускавшейся къ болотистому дну неглубокой ложбины. Здѣсь, черезъ трясину, перекинутъ маленькій мостъ безъ перилъ, запрудившій собою зеленую и гнилую болотную воду. На противоположномъ возвышеніи холма красуется новый кабакъ: около крыльца воткнутъ въ землю длинный шестъ, къ концу котораго привязана пустая бутылка.

Народу идетъ «видимо-невидимо», преимущественно бабы, дѣвушки и молодые мужчины всѣхъ классовъ и званій. Прохоръ Порфирычъ идетъ молча, будучи обуреваемъ своими тайными размышленіями.

Размышленія его имѣли довольно глубокомысленное направленіе. Какъ уже извѣстно, во всей улицѣ нашей онъ былъ единственный человѣкъ, умѣвшій обходиться безъ кабака, безъ разбитаго глаза и всегда имѣвшій изящный костюмъ. Благосостояніе Прохора Порфирыча было до сихъ поръ прочно до изумительности; но послѣднія трудныя времена до такой степени оказались трудными, что поколебали даже и его благосостояніе. Даже онъ вздохнулъ не одинъ разъ. Самое ревностное желаніе рабочаго народа было желаніе войны; «хоть бы подрались гдѣ-нибудь,—толковали рабочіе:—все больше было бы сбыту на оружейный товаръ». Но войны какъ на зло нигдѣ не случалось. Прохоръ Порфирычъ, въ эту трудную пору, до того унизилъ свой авторитетъ, что рѣшился даже обратиться за совѣтомъ и свѣдѣніями къ Пелагеѣ Петровнѣ. Эта дама не дала ему, впро-

чемъ, положительнаго отвѣта ни на одинъ вопросъ, а насчетъ войны отозвалась, что «не слыхать».

— Точно что,—говорила она:—гдѣ-то засѣдаютъ объ этомъ дѣлѣ, насчетъ того—гдѣ и какъ; но будутъ ли воевать или нѣтъ, навѣрно сказать нельзя.

Стали поэтому гнѣздиться въ голову Прохора Порфирыча мысли о женитьбѣ и слѣдовательно отчасти и о любви. Но эту послѣднюю вещь онъ тотчасъ же подвергнулъ собственной критикѣ и убѣдился въ полной ея невыгодѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ совершенствѣ зналъ женскій полъ нашей улицы. Понадѣяться на этотъ полъ было весьма опасно; въ доказательство этого онъ могъ привести множество примѣровъ. Не дальше какъ вчера онъ пробирался ночью, держа сапоги въ рукахъ, къ своей сосѣдкѣ, у которой мужъ на минутку отбылъ въ село Селезнево для излѣченія отъ запоя. Недѣли двѣ тому назадъ встрѣтилъ онъ въ городскомъ саду одну особу женскаго пола, которая несла изъ дому ужинъ брату-цѣловальнику, и имѣлъ съ ней нѣчто секретное, послѣ чего еще разъ убѣдился въ правотѣ своего взгляда на женскій полъ. Положительныя желанія его насчетъ этого предмета состояли въ томъ, чтобы взять жену съ состояніемъ, не обращая вниманія на физіономію и возрастъ; при этомъ область любви онъ намѣренъ былъ уступить супругѣ въ полное распоряженіе, а самъ предполагалъ завѣдывать исключительно капиталомъ, мечтая объ осуществленіи одного наивыгоднѣйшаго предпріятія. По мнѣнію Порфирыча, самое выгодное занятіе—кабакъ. Въ качествѣ умнаго человѣка, онъ устроитъ кабакъ около какой-нибудь большой фабрики, будетъ давать рабочимъ въ долгъ, подъ условіемъ получать деньги изъ рукъ хозяина, который согласится на устройство кабака около фабрики, потому что Порфирычъ предложитъ ему «профитъ», т.-е. вмѣсто, напримѣръ, пяти рублей, будетъ брать только четыре, а за рабочимъ запишется все-таки пять. Въ воображеніи Прохора Порфирыча кабакъ этотъ рисовался какою-то разверстою пастью, которая не переставая будетъ глотать черныя фигуры мастеровыхъ. Картина и планъ были весьма эффектны и выгодны; не находилось только невѣсты съ капиталомъ. Давно уже пустился онъ за поисками того и другого, но удачи особенной не видалъ.

Размышленія по поводу этихъ обстоятельствъ и этихъ надеждъ одолѣвали его голову въ то время, какъ онъ шелъ на богомолье въ З—во. Кузька молча слѣдовалъ за нимъ, стараясь не отставать.

— У тебя много-ль денегъ-то?—спрашиваетъ его Порфирычъ, не поворачивая головы.

— Да, пожалуй, цѣлковыхъ два наберу. Ты, Порфирычъ, бери ихъ... Бери всѣ.

— Вона!.. Я на всякій случай... Кабы съ купца получилъ...

— Чего тамъ, съ купца! Бери всѣ... Куда мнѣ ихъ? Я и не приберу... Только ты меня не кидай...

— Куда же я тебя кину?

— То-то! Ужъ сдѣлай милость, голубчикъ... Ежели бросишь, что̀ я одинъ-то?.. Легче же во сто разъ воротиться...

— Ну да ладно, не брошу! «Экая осина какая!»—подумалъ Порфирычъ и замолчалъ снова.

А Кузька очень радовался, что будетъ имѣть вѣрнаго защитника и руководителя.

Пелагея Петровна, приходившаяся Кузькѣ теткой, взяла его на воспитаніе, когда ему было три года. Не любя мужа и не имѣя дѣтей, она отдала весь запасъ женской любви воспитанію своего пріемыша. Главныя старанія ея состояли въ томъ, чтобы освободить Кузьку отъ тѣхъ несчастій и пороковъ, которыми видимо страдала наша улица. Поэтому Кузька съ малыхъ лѣтъ постоянно находился при ней, получая ласки въ видѣ непрерывной ѣды. Общество мальчишекъ было для него чужимъ: онъ одинъ катался на ледянкѣ около воротъ, не смѣя и боясь присоединиться къ компаніи, и цѣлые дни проводилъ въ обществѣ старухъ, привыкнувъ къ существованію внѣ общихъ растеряевскихъ интересовъ. Кузька былъ усыпленъ и закормленъ до такой степени, что никакая новость, никакой любопытный фактъ, который ему приходилось видѣть въ первый разъ въ жизни, не приковывали его вниманія. Нужно было долго долбить одинаково сильными впечатлѣніями въ окаменѣлую голову его, чтобы пробрать и заставить его заинтересоваться и жить. Но когда наконецъ онъ раззадорился,—удержать его было трудно. На самоварной фабрикѣ, куда Пелагея Петровна помѣстила его, въ первый годъ затылокъ его былъ всеобщею наковальнею, на которой пробовалась сила хозяйскихъ и товарищескихъ кулаковъ. На второй годъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, развиваясь далѣе, норовилъ-было уже отвѣдать прелестей кабака. Пелагея Петровна во̀-время спохватилась, и тутъ началась реставрировка его развращавшейся души при помощи розогъ. Каждую субботу Пелагея Петровна припасала для своего пасынка по меньшей мѣрѣ два пучка.

Такая классическая система сдѣлала то, что Кузька, будучи уже взрослымъ малымъ, былъ глупѣе всякаго растеряевскаго ребенка. Огражденный стараніями Петровны отъ развращенныхъ нравовъ, Кузька, по планамъ этой дамы, имѣлъ уже всѣ шансы на счастливое и безмятежное житіе. Страхъ, который чувствовалъ Кузька къ своей пестуньѣ, заставлялъ его всѣми мѣрами слѣдовать ея теоріи насчетъ собственнаго благосостоянія и выискивать въ растеряевскихъ нравахъ такіе проблески жизни, которые не соприкасаются съ кабакомъ, не носятъ въ нѣдрахъ своихъ увѣчья, разбитаго глаза, сибирки и проч.,—такъ какъ въ самомъ дѣлѣ «не все же кабакъ»...

Но каково же было изумленіе Кузьки (выражавшееся, впрочемъ, самой неопредѣленной тоской во всемъ тѣлѣ), когда продолжительный опытъ доказалъ, что, помимо кабака, помимо проклятій собственной жизни,—въ растеряевскихъ нравахъ нѣтъ ничего болѣе существеннаго. Чѣмъ дѣлиться растеряевцу съ своей семьей, которая, въ большинствѣ случаевъ, тоже даетъ нравоученіе въ формѣ безпрерывныхъ упрековъ? Въ этой ли голодной и холодной семьѣ найти хоть какую-нибудь дозу удовольствія, лихорадочно необходимаго послѣ долгихъ трудовъ? Но, главное, подъ силу ли трезвому человѣку перейти то море нуждъ, которое тянется и тянулось безъ конца? Насущный и ежеминутный вопросъ растеряевской жизни—нужда. Подъ ея вліяніемъ наши удовольствія, радости, словомъ—вся физіономія жизни. Кузька, благодаря попеченіямъ Балканихи, не зналъ нужды и слѣдовательно не могъ жить въ Растеряевой улицѣ. Ему не зачѣмъ было жить здѣсь. Посмотрите, съ какими усиліями добивался онъ этой жизни «безъ кабака» и чѣмъ вознаграждались эти усилія.

Вотъ стоитъ онъ за воротами, въ жаркій лѣтній полдень. По причинѣ праздника, всѣ пообѣдали рано, и поэтому на улицѣ ни души. Кузька стоитъ на солнечномъ припекѣ, босикомъ, и со злобою скребетъ затылокъ, стараясь хоть чѣмъ-нибудь развлечься. Вѣтеръ треплетъ его нанковыя шаровары и красную распоясанную рубашку. Все окружающее знакомо ему до мелочей. Но вотъ, подъ заборомъ, спитъ чья-то собака. Выраженіе лица Кузьки дѣлается опредѣленнѣе: онъ осторожно достаетъ кусокъ кирпича и, отставивъ ногу, развертывается камнемъ въ собаку... Пыль столбомъ взвилась у забора, и собака съ визгомъ и лаемъ понеслась прочь, поджимая раненую ногу...

Визгъ собаки доставилъ Кузькѣ нѣкоторое удовольствіе; онъ слегка скосилъ губы на сторону и вернулъ головой вбокъ. И опять скука! Кузька замѣчаетъ наконецъ, что на углу, въ тѣни, мальчишки играютъ въ бабки. Онъ вдругъ почему-то принимаетъ самую звѣрскую физіономію, торопливыми шагами идетъ туда и сбиваетъ ногою всѣ бабки прочь.

— Ну чего ты?—пищатъ мальчишки.

— Прочь!—кричитъ Кузька, разгоняя толпу затрещинами.

— Что̀ они, трогаютъ тебя?—заступается баба.

— А другого мѣста развѣ нѣтъ имъ?—возражаетъ Кузька.

— Ахъ, ты, разбойникъ этакой! Постой, я вотъ Пелагеѣ Петровнѣ скажу,—кричитъ баба вслѣдъ Кузькѣ.

— А по мнѣ говори!.. Что̀ она мнѣ сдѣлаетъ?

— Вотъ увидишь, что̀!

Кузька сконфуженъ. Снова попавъ въ область самой мертвящей скуки, онъ не рѣшается больше искать развлеченій на улицѣ и идетъ въ сарай. Здѣсь Никита чиститъ лошадь. Кузька медленно оглядываетъ давнымъ-давно знакомый ему сарай.

— Тебѣ чего нужно?—строго спрашиваетъ его Никита.

— А тебѣ что̀?

— Ты чего тутъ не видалъ?

— Да вотъ хочу. Что̀, тебѣ жалко?

— Ахъ, ты, дубина!—укоризненно говоритъ Никита.— Пелагея-то Петровна мало тебя бьетъ!.. Тебя, по совѣсти-то, надо дубиной, да получше...

— Чего ты ругаешься-то? Что̀ за баринъ уродился?

— Подлецъ! Именно подлецъ! Ну чего ты здѣсь?

— Хочу!

— Дубина!

— Ну-ну, тронь!..

— Глупцы!—раздавался голосъ Пелагеи Петровны—и порядокъ возстановляется. Разозленный Кузька заваливался спать гдѣ-нибудь на чердакѣ за трубой и съ горя спалъ какъ убитый. Просыпался онъ ранехонько утромъ и тотчасъ, съ голоду, принимался путешествовать по чуланамъ и кладовымъ, отыскивая что-нибудь съѣстное. Спросонокъ онъ дѣйствовалъ во время похищеній очень неаккуратно: ронялъ горшки, опрокидывалъ банки. Разбуженная стукомъ, Пелагея Петровна являлась на мѣсто преступленія, и Кузька получалъ достойное.

Помимо полной невозможности отыскать себѣ хоть какое-

нибудь развлеченіе, Кузька былъ еще несчастливъ въ томъ отношеніи, что, въ качествѣ семнадцатилѣтняго ребенка, становился втупикъ передъ самыми обыкновенными человѣческими отношеніями; весь міръ Божій казался ему множествомъ совершенно отдѣльныхъ предметовъ, которые другъ съ другомъ не имѣютъ никакой связи. Если же порой у него и мелькала иногда мысль, объясняющая то или другое явленіе, то Кузькѣ дѣлалось какъ-то неловко, не по себѣ. Случалось, увидитъ онъ пригожую дѣвушку и почувствуетъ при этомъ нѣчто особенное; онъ почти понимаетъ, въ чемъ заключается это нѣчто; но это кажется ему уже черезчуръ страннымъ, и Кузька безъ разговоровъ выкидываетъ какую-нибудь безобразную штуку... Дѣвушка, напримѣръ, улыбается и посылаетъ ему поцѣлуй, а Кузька показываетъ ей кулакъ, присовокупляя: «На-ко!». Въ заключеніе разсердится самъ же на себя и со зла хватитъ камнемъ въ собаку...

Между тѣмъ количество богомольцевъ, по мѣрѣ приближенія къ З—ву, увеличивалось. Дѣвушки шли толпами, звонко смѣялись, расходились по густой и высокой ржи, плели вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ. Встрѣтилась на пути жиденькая рощица, и богомольцы разсыпались между деревьями. Молодые люди, на которыхъ дѣвушки смотрѣли съ выразительными улыбками, присоединялись къ нимъ и шли вмѣстѣ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, понимая по-своему смыслъ этихъ выразительныхъ улыбокъ, припасли по двѣ и по три бутылки наливки *дамской*, сохранивъ ее въ глубинѣ своихъ кармановъ.

Слышались разговоры.

— Ну-ко, кто кого?—спрашивалъ одинъ юноша у другого, показывая изъ-подъ полы горлышко бутылки.—Не хочешь ли потянуться?

Пріятели вламываются въ рожь и присѣдаютъ. Скоро опорожненная бутылка, словно ракета, взвивается вверхъ.

— Вотъ они богомольцы-то! — подтруниваютъ бабы. — Вотъ такъ богомольцы!

По пыльной дорогѣ то и дѣло проносились купеческія телѣжки съ крѣпкими и статными лошадьми, изрѣдка тащились извозчичьи дрожки съ сѣдокомъ-чиновникомъ, приготовлявшимся испить до дна чашу наслажденій, о которой означенный чиновникъ такъ много слышалъ отъ пріятелей. Вся громадная толпа путниковъ подвигалась весело впередъ.

Солнце начинало садиться: тѣни прохожихъ вытягивались по землѣ до громадныхъ размѣровъ. Вотъ наконецъ и село. Богомольцы спускаются съ высокаго холма, огибающаго съ двухъ сторонъ низменный лугъ, переходятъ небольшой, трепещущій отъ ветхости мостъ и вступаютъ на средину сельской улицы. Направо тянется длинная линія просторныхъ избъ съ сараями позади; налѣво, на возвышеніи холма, красуется помѣщичій домъ и церковь, къ которой примыкаютъ дома причта. Обѣ эти стороны раздѣлены небольшимъ ручьемъ съ болотистыми берегами.

Вся сельская улица противъ домовъ запружена народомъ. На землѣ кипятъ самовары и идетъ веселое чаепитіе цѣлыми компаніями. Кавалеры всякихъ сортовъ лавируютъ мимо женщинъ, занявшихся чаемъ, выказывая необыкновенныя граціозныя тѣлодвиженія. По мѣрѣ того какъ надвигались сумерки и тетки, конвоировавшія молодыхъ дѣвицъ, толпами отправлялись въ церковь, — тайныя цѣли кавалеровъ дѣлались яснѣе. Дѣвицы, схватившись подъ руки, весело разгуливали по сельской улицѣ; кавалеры тоже цѣлыми взводами двигались имъ навстрѣчу, обжигая дѣвицъ многозначительными взглядами, и наконецъ рѣшались вступить въ разговоръ.

— Отчего же вы не въ церкви?

— А вамъ какое дѣло?

— Какъ какое? Помилуйте!..

— А вы лучше отстаньте...

— Н-нѣтъ-съ...

Начинается разговоръ, сплошь состоящій изъ какой-то чепухи; тѣмъ не менѣе въ концѣ разговора кавалеръ считаетъ себя въ правѣ задать наконецъ вопросъ шопотомъ и на ушко:

— Вы гдѣ ночуете?—шепчетъ онъ.

— У Селивестра,—отвѣчаетъ дѣвица.

— Въ сараѣ?

— Да!

— Такъ слѣдовательно,—говоритъ онъ вслухъ:—вы, напротивъ, того мнѣнія, что любовь...

— Отвяжитесь, ради Бога!..

Люди опытные знаютъ наизусть способъ веденія сердечныхъ дѣлъ, а люди неопытные, напротивъ — въ крайнемъ стѣсненіи.

Прохоръ Порфирычъ и Кузька тоже были въ толпѣ гуляющихъ. Кузька рѣшительно не понималъ, изъ какого

источника льются эти нескончаемые разговоры кавалеровъ и дамъ? Гдѣ отыскать предметы для этихъ разговоровъ? Онъ былъ крайне сконфуженъ и плелся вслѣдъ за Прохоромъ Порфирычемъ, какъ осужденный на смерть, тогда какъ послѣдній видимо успѣвалъ.

Вниманіе его было привлечено одной женщиной, очень недурной и миловидной, которая была въ З—вѣ безъ подругъ и одна сидѣла за самоваромъ. Она постоянно конфузилась и бросала на мужчинъ испуганные взгляды.

Прохоръ Порфирычъ замѣтилъ это и погналъ отъ себя Кузьку.

— Отойди!—сказалъ онъ:—мнѣ нужно!..

— Да куда-жъ я?—заныль-было тотъ.

— Отойди прочь, говорю... Отстань!..

Кузька съ горечью отошелъ отъ него и выбрался на самый конецъ села, гдѣ не было ни души. Здѣсь онъ расположился на травѣ и вздохнулъ свободнѣе. Прохоръ Порфирычъ тотчасъ пустилъ въ ходъ всю свою опытность «по женской части». Дѣвица конфузилась, потомъ украдкой взглянула на него. Прохоръ Порфирычъ отвѣтилъ ей легонькой улыбкой; дѣвицѣ, какъ кажется, очень понравилось это; но мой герой, «зная женскій характеръ», побаловалъ незнакомку улыбкой всего только одинъ разъ и потомъ напустилъ на себя необычайную серьезность. Такой пріемъ Прохоръ Порфирычъ считалъ очень удобнымъ въ примѣненіи къ женскому полу, и, дѣйствительно, дѣвушка стала интересоваться имъ. Несмотря на свою видимую холодность, Прохоръ Порфирычъ старательно слѣдилъ за дѣвушкой, всѣми силами стараясь разрѣшить—кто она такая. На замужнюю непохожа, — такихъ молодыхъ женъ мужья не отпускаютъ отъ себя въ З—во. Непохожа также и на дѣвушку, потому что около нея нѣтъ ни одной пожилой присматривающей родственницы. Считать ее «изъ этакихъ» онъ тоже не могъ, потому что въ ней не было ни нахальства ни бойкости. Прохоръ Порфирычъ недоумѣвалъ: не вдова ли? — думалъ онъ; но и на вдову тоже не было похоже: непремѣнно ужъ былъ бы около нея кто-нибудь старшій. Не разрѣшивъ этихъ вопросовъ, Прохоръ Порфирычъ рѣшился во что бы то ни стало попасть на ночлегъ въ тотъ именно сарай, гдѣ помѣстится и красавица.

Часовъ въ девять вечера улица начала понемногу пустѣть. Старухи возвращались отъ всенощной и укладывались спать въ избахъ; самовары исчезли, изрѣдка попада-

лись кое-гдѣ фигуры пьяныхъ мужчинъ. Сараи, помѣщавшіеся позади избъ, были полны молодежью. Прохоръ Порфирычъ стоялъ на улицѣ и шопотомъ разговаривалъ съ хозяиномъ одного двора.

— Будьте покойны!—говорилъ хозяинъ.

— Здѣсь ли?

— Здѣсь, ужъ я вамъ говорю. Пожалуйте!

Порфирычъ и хозяинъ вошли задними воротами къ коноплянникамъ и направились къ сараю.

— Ужъ я васъ,—говорилъ хозяинъ дорогою:—въ самое лучшее мѣсто положу.

Они вошли въ темный сарай; сквозь плетеныя стѣны его едва-едва прокрадывался лунный свѣтъ. Въ непроницаемой темнотѣ со всѣхъ сторонъ слышался шопотъ, подавляемый смѣхъ и изрѣдка многозначительный кашель.

— Гдѣ-жъ бы тутъ лечь?—спросилъ Порфирычъ у хозяина.

— А вотъ-съ я сейчасъ,—сказалъ тотъ и зажегъ спичку. Яркій свѣтъ открылъ довольно живописную картину: во всемъ сараѣ, на разбросанномъ сѣнѣ лежали вповалку мужчины и женщины. Женщины при свѣтѣ тотчасъ «загомозились» и принялись прятать голыя ноги подъ бѣлыя простыни, закрываясь ими до самыхъ глазъ.

— Да вотъ мѣсто!—сказалъ хозяинъ.

Прохоръ Порфирычъ взглянулъ въ уголъ, предназначавшійся для него, и увидѣлъ знакомую дѣвушку, такъ интересовавшую его. Она чуть-чуть выглянула изъ-подъ «бурнуса» и тотчасъ снова завернулась съ головой.

Спичка погасла. Прохоръ Порфирычъ ползкомъ пробрался между лежавшимъ народомъ и достигъ своего ложа. Дѣвушка отодвинулась въ уголъ.

— Ничего-съ! сдѣлайте милость, не безпокойтесь...— проговорилъ вѣжливо герой.

Во всемъ сараѣ было какое-то безсонное молчаніе.

— Куда ты? куда тебя дьяволъ несетъ?

— Мнѣ сѣнца!

— Я тебѣ задамъ сѣнца!

— Что вы орете? Вотъ удивленіе!

Снова наставало молчаніе и потомъ снова разговоръ.

— Подальше, подальше, батюшка! У меня свой мужъ есть.

— Вамъ безпокойно?—спросилъ Порфирычъ сосѣдку.

— Нѣтъ, ничего-съ!

— А то не угодно ли, вотъ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ,—шептала та.

— Да что̀ вы опасаетесь? Будьте покойны. Я не какой-нибудь...

— Ужъ вы этого не говорите. А я вамъ прямо скажу, я не на это сюда пришла.

— Да помилуйте! Даже на умѣ не было! Я вотъ передъ Богомъ скажу вамъ, всей бы душой познакомиться желалъ.

— Это зачѣмъ?

— Какъ-съ зачѣмъ?.. Позвольте ваше имя-отчество?

— Раиса Карповна.

— Такъ, Раиса Карповна, что̀ же вы тятеньку имѣете?

— Нѣтъ, ни тятеньки ни маменьки нѣту, померли.

— Что̀ же, стало-быть, вы у родственниковъ изволите жить?

— Н-нѣтъ... Я не здѣшняя...

— Пріѣзжая?

— Епифанская... изъ Епифани...

— Да-да-да... И что̀ же теперича вы здѣсь... при мѣстѣ?

Дѣвица промолчала.

— Или въ услуженіи?

— Н-нѣтъ... Я... Да вы заругаетесь!..

— Ахъ! Что̀ это вы? Какъ же я смѣю? Неужели-жъ этакое свинство позволю?

— Я... Господина капитана Бурцева знаете?

— Это которые полкомъ тутъ стоятъ?

— Они.

— Ну-съ?

— Ну, я при нихъ...

— То-есть какъ же это: по хозяйству?..

— Нѣтъ... Я, собственно... Какъ они проѣзжали, и видятъ—я сирота... «Поѣдемъ», говорятъ... Ну я, конечно...

— Да-да-да... Что-жъ? дѣло доброе.

— Вотъ вы насмѣхаетесь!..

— Чѣмъ же-съ?.. Даже ни-ни.

«Э-э-э! — подумалъ Порфирычъ:—вотъ она птица-то!»— и замолчалъ.

Тишина въ сараѣ продолжала быть безсонной, и это очень растрогало Порфирыча; онъ вздохнулъ и обратился къ сосѣдкѣ съ какимъ-то вопросомъ.

— Ахъ, оставьте!.. Я и такъ ужъ...

— Что̀ такое?

— Да самая горькая...

— То-есть изъ-за чего же?..

— Голубчикъ! Лежите смирно! Я васъ прошу.

— Помилуйте, изъ-за чего же горькія? Будьте такъ добры... Обозначьте!

— Они уѣзжаютъ: капитанъ-то...

— Н-ну-съ. Что же? И Господь съ ними...

— Хотѣли меня замужъ выдать, да кто меня возьметъ?

— Какъ кто? Конечно, ежели будетъ отъ нихъ помощь...

— Они даютъ деньгами...

— Много ли?

— Полторы тысячи...

У Порфирыча захватило духъ.

— Ка-какъ?.. Пол-лтор-ры... Вы изволите говорить, полторы?

— Да... Передъ вѣнцомъ деньги.

— Раиса Карповна,—проговорилъ Порфирычъ.—Вѣрно ли это?

— Это вѣрно.

— Я приду-съ... Къ господину капитану... Приду-съ!

— Голубчикъ! Вы надсмѣхаетесь?

— Провались я на семъ мѣстѣ... Завтра же приду!..

— Ахъ, миленькій... Обманываете вы... Я какая... Вы не захотите...

— Да я скорѣй издохну... Деньги передъ вѣнцомъ?

— Да, да... Ужъ и какъ же бы хорошо!.. Не обманете?

— Ахъ!.. Раиса Карповна!.. Да что-жъ я послѣ этого?..

— Голубчикъ!..

Между тѣмъ Кузька, улегшійся на травѣ за селомъ, былъ въ большомъ унынiи: ничто не могло расшевелить его настолько, чтобы заставить раздѣлять общія удовольствія; его одолѣвала полная тоска. Долго лежалъ онъ молча. Взошелъ мѣсяцъ, надъ болотомъ сталъ туманъ, заквакали лягушки, и на селѣ не слышалось уже ни единаго человѣческаго звука. Наконецъ тошно стало ему здѣсь. Онъ рѣшился идти въ село на ночлегъ.

На сельской улицѣ не было никого; только на одномъ изъ крылецъ сидѣлъ хмельной дворникъ и разговаривалъ съ бабой, стоявшей на улицѣ.

— Арина!—говорилъ дворникъ.

— Что, голубчикъ?

— Уйди, говорю, отсюда.

— Илья Митричъ! За что-жъ ты меня разлюбилъ! Господи! Сирота я горемычная!..

— Арина! говорю: уйди! Слышь?..

— Илья Митричъ!

— Я говорю, уйд-и!

Кузька вошелъ въ первыя отворенныя сѣни, спросилъ у хозяина позволенія ночевать и легъ съ глубокимъ вздохомъ, надѣясь, что, можетъ-быть, завтра будетъ легче на душѣ.

Но надежды его не сбылись и завтра. Во-первыхъ, онъ снова былъ безъ руководителя, такъ какъ Прохоръ Порфирычъ совершенно увлекся ночной сосѣдкой, чему въ особенности способствовали полторы тысячи «передъ вѣнцомъ». Второе несчастіе Кузьки состояло въ томъ, что утро другого дня не имѣло даже и того напряженнаго веселья, какимъ обладалъ вчерашній вечеръ: публика рано начала собираться въ городъ, такъ какъ все самое интересное въ праздникѣ было уже вчера. Дѣвицы и кавалеры, встрѣчаясь другъ съ другомъ при дневномъ свѣтѣ, были даже нелюбезны.

Публика разбредалась. На сердцѣ Кузьки становилось все тяжелѣй и тяжелѣй: онъ не выносилъ съ гулянья ни одного пріятнаго ощущенія; рубль семь гривенъ, которые онъ пожертвовалъ себѣ на увеселенія, были цѣлехоньки. «Неужели же,—думалось ему:—съ тѣмъ и домой воротиться!» Какъ за послѣднюю надежду, ухватился онъ за мысль—снова пойти въ кабакъ.

Въ кабакѣ было множество посѣтителей... Пили, говорили съ пьяныхъ глазъ что-то совсѣмъ непонятное, спорили, жаловались. Вниманіе Кузьки было привлечено компаніею подгулявшей молодежи.

— Нѣтъ, не выпьешь!—кричалъ одинъ.

— Анъ врешь!

— Что̀ такое?

— Да вотъ Ѳедоръ берется четверть пива выпить на споръ.

— Дай, объ чемъ?

— И спорить не хочу...

— Нѣтъ, нѣтъ, пущай его! Другъ, пива!

— Поглядимъ...

Явилась четверть пива въ желѣзной мѣркѣ; Ѳедоръ перекрестился, поднялъ ее обѣими руками и принялся цѣдить.

Публика слѣдила за нимъ съ особеннымъ вниманіемъ.

— Н-нѣтъ!—произнесъ неожиданно Ѳедоръ и хлопнулъ четвертью объ столъ.

— А-а!..—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Охмелѣвшій Ѳедоръ присѣлъ къ столу. Глаза его смотрѣли безсмысленно.

Кузька, въ минуту неудачи Ѳедора, вдругъ почувствовалъ въ себѣ сознаніе чего-то небывалаго. Громадныя нетронутыя силы, давно ждавшія какого-нибудь выхода, зашевелились. Онъ видѣлъ теперь передъ собой такое дѣло, которое понималъ вполнѣ и которое могло прославить его по крайней мѣрѣ въ з—скомъ кабакѣ. Кузька чувствовалъ, что теперь ему предстоитъ сдѣлать первый сознательный и смѣлый шагъ. Онъ смѣло подошелъ къ гулякамъ и проговорилъ:

— Что̀ дадите, я выпью четверть?

— А ты чѣмъ стоишь?

— Берите, что̀ есть: рубль семь гривенъ.

— Ладно! А съ нашего боку, ежели выпьешь, пей сколько хочешь и чего твоей душѣ угодно... Деньги наши... Идетъ?

— Кричи!..

— Пивва!—заорала компанія.

Скоро все общество въ кабакѣ столпилось около Кузьки, который удивлялъ всѣхъ своимъ богатырскимъ подвигомъ. Четверть пива быстро подходила къ концу: Кузька ни разу еще не передохнулъ, только лицо его медленно наливалось кровью, глаза выкатились и сверкали бѣлками...

— Ахъ, прорва!—говорилъ удивленный зритель.

— Батюшки, шатается!—вскрикнулъ другой:—шатается!..

— Держи, держи его... Расшибется!..

— Уйти отъ грѣха!—прошепталъ третій и выскользнулъ изъ кабака. На улицѣ онъ слышалъ, какъ въ кабакѣ что-то грузное рухнулось на-земь...

XVI. Благополучное окончаніе.

Мнѣ остается прибавить еще очень немного: Кузька умеръ въ больницѣ, въ бреду. Сонные нервы его были разбиты слишкомъ непривычнымъ хмелемъ. Прохоръ Порфирычъ, напротивъ того, съ успѣхомъ сдѣлалъ второй шагъ на поприщѣ своего благосостоянія: онъ явился къ господину капитану Бурцеву, объяснилъ ему свое желаніе вступить въ бракъ и особенно настойчиво изложилъ условія этого брака. Фразы: «полторы тысячи» и «передъ вѣнцомъ» занимали достаточную часть въ его объясненіи. Несмотря однако

на видимую корысть, согласіе было дано... Болѣе всѣхъ радовалась бѣдная невѣста, которая и не чаяла, какъ вырваться на Божій свѣтъ... Она безмолвно благоговѣла передъ своимъ женихомъ и изъ метрессы превратилась въ покорное, любящее существо, готовое на всякую жертву.

— Голубчикъ!—съ любовью шептала она, бродя вслѣдъ за Прохоромъ Порфирычемъ по саду, куда капитанъ отправилъ ихъ переговорить:—милый мой!..

Мой герой и здѣсь не уронилъ себя: видя въ невѣстѣ неподдѣльную любовь, онъ постарался съ своей стороны отплатить ей за это какъ можно благороднѣе. Для этого онъ вѣжливо задавалъ ей вопросы насчетъ того, — «не мѣшаетъ ли, молъ, вамъ табачный дымъ?», подхватывалъ упавшій платокъ, подносилъ благовонный букетъ и среди всякаго рода вѣжливостей не забывалъ присовокупить:

— Такъ ужъ сдѣлайте милость, чтобы это было вѣрно,— передъ вѣнцомъ-то!

РАСТЕРЯЕВСКІЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ.

I. Бойцы.

1.

Нестерпимо скучно становилось сидѣть на подворьѣ: на дворѣ стояла самая страшная послѣполуденная жара, солнце било прямо въ окно, изъ коридора тянуло въ незатворявшуюся дверь самоварнымъ дымомъ. Ко всему этому необходимо прибавить цѣлыя тучи мухъ, отъ которыхъ, въ буквальномъ смыслѣ, не было «отбою», и непомѣрную тишину, повсюдное царство сна. Изрѣдка на дворѣ погромыхивали бубенчики, кусались и взвизгивали лошади, и потомъ снова слышалось только жужжанье мухъ, опрометью проносящихся мимо уха. День вообще выдался отъявленный относительно скуки. Городъ не имѣетъ ни окрестностей сколько-нибудь живописныхъ, ни воды, ни лѣсу; камни-голыши да опаленные солнцемъ холмы. Въ довершеніе всѣхъ несчастій моихъ, въ этотъ день я не могъ раздобыть ни одной книжонки, такъ какъ книжная лавка была заперта съ утра, и когда отопрется — извѣстно было только Богу.

Въ такое-то скучное время вспомнилъ я одного мастерового, съ которымъ познакомился, толкаясь въ народѣ; онъ очень нравился мнѣ своею понятливостью и знаніемъ всей подноготной городка N. «Я,— говорилъ онъ мнѣ:—понимаю всѣ дѣла въ существѣ, т.-е. вижу ихъ настоящую тонкость», и дѣйствительно: надо отдать ему справедливость, иногда онъ видѣлъ довольно обстоятельно многія провинціальныя неуклюжести. Семинаристы, съ которыми онъ водилъ постоянныя знакомства, снабжали его разнаго рода сочине-

ніями и старинными журналами, вслѣдствіе чего талантливый пріятель мой возымѣлъ желаніе заниматься сочинительствомъ и не разъ нашивалъ ко мнѣ читать разныя собственныя произведенія; въ нихъ изображались разныя неправды, достойныя обличенія, сатиры на квартальныхъ, обличеніе подлости цырюльника Ивана и проч. Впрочемъ, кромѣ произведеній обличительныхъ, было у него одно твореніе — исключительно художественное, носившее такое заглавіе: «Злополучная Лиза, или что̀ значитъ пойти противъ своей матери, и какіе бываютъ подлецы. Сущая правда». Всѣ эти произведенія были нацарапаны на лоскуткахъ бумаги, случайно попадавшихся ему подъ руку.

— Ничего не разберу! — читая собственныя каракули, бормоталъ, краснѣя, Зайкинъ:—вчерась и то на силу ночью урвался «пописаться»... Отъ одной матери что̀ крику было,— кажется, сохрани Господи лихого татарина отъ этого оранья... Страсть! Кой-какъ царапалъ, да теперь вонъ и не разберу ничего... Это что̀ такое? Пообѣ... Пообѣдав...ши. Э... э... э... Пообѣ... Что̀ за дьяволъ!.. Тьфу! Ну ее!

Такъ иногда намъ и не приходилось разобрать произведенія.

Къ этому-то другу и пріятелю моему и отправился я. Жара до того была смертоносна, что потъ выступилъ мгновенно, словно отъ испуга или неожиданнаго обжога. Я старался пробираться въ тѣни подъ заборами. Пока путь мой лежалъ въ центрѣ города, дѣло обходилось еще кое-какъ: иногда подвертывался большой купеческій заборъ съ гвоздями наверху, иногда казенное зданіе, затоплявшее собственною тѣнью не только улицу, но и нѣсколько близлежащихъ кварталовъ, такъ что вообще идти было сносно; но когда мои ноги съ тротуаровъ и булыжныхъ мостовыхъ ступили на немощеную почву губернскихъ закоулковъ, голова моя тотчасъ же поступила въ полную власть смертоноснаго зноя: заборы и лачужки, лѣпившіеся по бокамъ улицы, были до того малы, что не могли дать ни крупицы тѣни. Глаза невольно закрывались, въ вискахъ и во лбу чувствовалась страшная тяжесть, и въ моменты этого разслабленія какъ-то особенно потрясающе дѣйствовалъ неистовый лай до невозможности соскучившихся собакъ, злыя морды которыхъ поминутно высовывались въ разныя прорѣхи заборовъ.

За маленькими заборами виднѣлись клоки травы, доѣдаемые теленкомъ, привязаннымъ веревкой къ дереву, кро-

шечная баня съ опрокинутой у двери корчагой золы, стулъ, еле держащійся на ногахъ и поставленный здѣсь по случаю приготовленія варенья, о чемъ свидѣтельствуетъ выжженный на землѣ кругъ. Посреди улицъ, усѣянныхъ сапожными обрѣзками, желѣзными вывaрками, склянками и ворохами какой-то кухонной шелухи, ребятишки играли «въ Севастополь», ради чего запускали другъ въ друга горстями песку и пыли, протирали глаза, ревѣли и бѣжали жаловаться... Изъ однихъ воротъ выскочилъ какой-то пьяный мастеровой, босикомъ, въ одной рубахѣ съ оторваннымъ воротникомъ. Голова его была всклокочена и носъ разбитъ до крови. Начались крикъ и брань на всю улицу; выскочили какія-то бабы, солдаты, тоже подгулявшіе.

Остановившись у лачуги, въ которой обиталъ Зайкинъ, я постучалъ въ окно, состряпанное изъ кусковъ побурѣвшихъ стеколъ, и скоро въ окнѣ показалась фигура дѣвицы-мѣщанки въ растерзанномъ платьѣ. Рукою, обнаженною, благодаря разодранному рукаву, до самаго плеча, она какъ-то испуганно отворила окошко и пискливо произнесла, предварительно вспыхнувъ:

— Кого вамъ?

— Гаврилу Иваныча.

— Ахъ-съ... Гаврилу-съ... Онъ сейчасъ... Ахъ, Господи!

Дѣвица переконфузилась и засовалась по комнатѣ. Несмотря на грязь шеи, ушей и вообще всей физіономіи, она зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ.

— Они сейчасъ идутъ.

Скоро отворилась калитка, и Зайкинъ предсталъ моимъ взорамъ весь мокрый...

— А, дорогіе гости, — весело говорилъ онъ.—А я умываюсь... Жарко... Цыцъ! Пошелъ прочь! Шарикъ!.. Молчать!.. Пожалуйте-съ. Въ садъ не угодно ли?

— Пойдемте.

— Сдѣлайте милость, я сейчасъ стульчикъ вамъ... Маша! Стулъ... Нѣтъ ли тамъ стульевъ какихъ? Ай вы оглохли?..

— Да не суетись!

— Что такое, Господи! Стулья у насъ есть, сколько угодно... Маша! Поищи-ко-сь тамъ какихъ-нибудь стульевъ, покрѣпче какой... Все переломано!.. Пожалуйте пока въ бесѣдку... тамъ того... тумбы этакія. Присядьте покуда.

Зайкинъ пустился за стульями и скоро притащилъ ихъ цѣлую пару.

— Оралъ, оралъ, а она, шельма, забилась въ уголъ... боится,—бормоталъ онъ, разставляя стулья.

— Кто?

— Да Марья! Вотъ этотъ никакъ покрѣпче стулъ-то... Али этотъ? Нѣтъ, вотъ, вотъ! Прошу покорно!.. Такая дурашная дѣвка... Совсѣмъ какъ очумѣлая. Мать-то ужъ очень травленная баба, ну и... Жильцы наши...

Зайкинъ былъ въ рабочемъ фартукѣ. Поставивъ стулъ рядомъ съ моимъ, онъ опустился на траву и прилегъ.

— Жара!—произнесъ онъ спустя немного.

— Да и скука...

— Ай вы скучаете?

— А что̀?

— Да какъ же? Чему вамъ-то скучать? У васъ, кажется, первое удовольствіе книга, лежи да почитывай.

— Книгъ-то нѣтъ. Лавка заперта.

— Да, да, да, я и забылъ совсѣмъ. У нихъ, у этихъ книжниковъ поминки сегодня... Бабка умерла. Такъ они поминаютъ... такъ, такъ... Еще вчерась вечеромъ въ Гостѣвку (загородный трактиръ) на извозчикѣ подрали. Теперь, должно, сутки черезъ двои за дѣло возьмутся, пока не опомнятся... Такъ... такъ!..

Мы замолчали; въ это время за заборомъ послышался сердитый разговоръ.

— Подай лимонъ!—говорилъ мужской голосъ.

— Иванъ Петровичъ! Ну пойми же ты ради самого Бога, что нѣту у меня лимону...—жалобно и робко отвѣчалъ женскій голосъ.

— Жен-на! Я что̀ говорю? Что̀ я упомянулъ? Ты видишь, кто это?

Молчаніе.

— Это кто такое? Гость? Дорогой, или нѣтъ? а? Для меня онъ дорогъ! Понимаешь ли ты это? Мы на одной доскѣ... Понимаешь?.. Дорогъ мнѣ!

— Да это, Господи, кто-жъ про это...

— Ну и кончено!

— Мы ихъ вполнѣ уважаемъ и всегда...

— Н-ну и кончено! Что-жъ тутъ ломаться-то? Изъ-за чего тутъ куражиться-то? Понимаешь ты это или нѣтъ? Готовъ я ему отдать рубашку послѣднюю?.. Какъ ты полагаешь? Готовъ?

Молчаніе.

— Въ чемъ же дѣло? Изъ-за чего же ты кляньчишь? Я

тебя прошу объ одномъ: принеси мнѣ лимонъ и—кончено! Слѣдовательно лимонъ и болѣе ничего! Васька! Оборву, какъ шельму... Н-ну? и лимонъ! Миша! Поннимай!

— Грузенъ что-то секретарь-то, — умозаключилъ Зайкинъ:—должно, гостя-пріятеля залучилъ... угощаетъ...

Разговоры за заборомъ на нѣкоторое время прекратились.

— А вотъ что̀, Иванъ Петровичъ, — заговорилъ Зайкинъ:—скучно-то вамъ? Такъ не угодно ли вамъ отъ тоски отъ скуки на потѣху одну поглядѣть?

— Какую?

— На бой-съ! Страсть что̀ творится.

Предложеніе это мнѣ пришлось «кстати», и я сталъ разспрашивать у Зайкина объ этомъ предметѣ.

— Наши N-скіе,—говорилъ онъ:—драку любятъ-съ. Это у насъ первое удовольствіе. И лѣтомъ и зимой у насъ все драки бываютъ-съ, т.-е. для удовольствія... Зимой больше на рѣкѣ дерутся—мѣсто ровное. Лѣтомъ—тутъ недалечко за семинаріей. Опять тоже постомъ, въ чистый понедѣльникъ, блины у насъ вытрясаютъ... Въ это время тоже драка у насъ бываетъ крупная. Особливо бабъ любятъ трепать... иной случится, баба, которая, напримѣръ, въ тягостяхъ, такъ что̀ это такое бываетъ, помилуй Богъ!

— Какъ же эти бои устраиваются?

— То-есть какъ устраиваются? Устраиваются они такъ, что... драка-съ, кровопійство и болѣе ничего!..

— Нѣтъ, я про порядокъ говорю.

— Это-съ! Да-да. Порядокъ у насъ свой-съ... Первое дѣло бойцы у насъ есть, этакіе особенные ловкачи... Н-ну, побьютъ объ закладъ—кто кого; которые закладъ держутъ, сейчасъ они даютъ знать «въ свою улицу» ребятамъ-съ. Объявляютъ ребятамъ, такъ, молъ, и такъ, въ такой-то день... Ну и собираются. Какъ это вы не знаете, какъ «въ улицу передаютъ»? Это у насъ первое дѣло: на смѣхъ ли поднять кого, или новость какую любопытную, сейчасъ въ улицу передаемъ. Это у насъ въ родѣ какъ почта. Какъ же-съ!.. Опять пѣсня новая въ моду пойдетъ, — сейчасъ тоже въ улицу, въ свою. Ахъ бы, сударь, ежели-бъ вы пѣсенку одну написали про Сережку! Этакой шельма сибирная... Я бы сейчасъ бы въ улицу. То-то смѣху! А?

Я отказался отъ стихотворныхъ работъ и полюбопытствовалъ узнать, какъ появляются у нихъ новыя пѣсни.

— Какъ то-есть сочиняютъ?—переспросилъ Зайкинъ и

продолжалъ:—у насъ много сочиняютъ-съ; у насъ есть этакіе свои авторы. Да-съ. Вотъ у насъ есть Протасъ, одинъ музыкантъ, такъ онъ все стихами. То-есть совершенно все, до послѣдней буквы! И все у него самое первое удовольствіе писать «прощанье съ пьянствомъ»! Прощай, дескать, косушка-матушка, и прочее и тому подобное... Напишетъ да и напьется ту же минуту. Опять есть у насъ одинъ заводскій чиновникъ тоже такъ-то, стихами все. А то, такъ вы не повѣрите, дѣвица престарѣлая, въ одномъ домѣ въ услуженіи живетъ, такъ ужъ вотъ сочиняетъ-то! До того, можно сказать, имѣетъ даръ, что, напримѣръ, въ кухнѣ копошится, тарелки перемываетъ, да стихами, да стихами... Каково покажется? И главная у нея забота—себя описываетъ; все себя самоё въ смѣшныхъ видахъ представляетъ и преотлично-хорошо представляетъ!.. Вотъ бы вамъ поглядѣть!

Разговоръ возвратился къ прерванной темѣ.

— У насъ бой издавна, какъ же-съ,—говорилъ Зайкинъ.— И бойцы въ нашей сторонѣ первѣйшіе!.. По слухамъ-то такъ выходитъ, что нигдѣ, почитай, этакихъ бойцовъ нѣту... Есть у насъ одинъ человѣкъ «соловьятникъ», соловьиную охоту держитъ и очень къ ней приверженъ, такъ вотъ онъ сказывалъ, что, говоритъ: «Гдѣ мнѣ быть ни случалось, нигдѣ, говоритъ, такихъ бойцовъ какъ наши не видывалъ. Въ Москвѣ точно есть, ну а больше нигдѣ нѣту». Вотъ-съ какъ! А соловьятникъ-то этотъ много на своемъ вѣку видывалъ, потому каждую весну онъ за соловьями по Россіи пѣшкомъ ходитъ; случалось такъ, что и за тыщу верстъ хаживалъ, ежели слухи бывали, что, молъ, тамъ-то, у такого-то купца соловьи первосортные... Такъ онъ чрезъ эти путешествія много на своемъ вѣку видывалъ народу и до боевъ тоже охотникъ, однако же лучше нашихъ бойцовъ нигдѣ не находилъ, вѣрное слово! Да у насъ, что̀ я вамъ скажу, у насъ былъ одинъ боецъ-почтальонъ, такъ онъ что̀ же?— кочерги эти гнуть, али бы деньги серебряныя въ трубку свертыватъ, это ему—тьфу! Онъ—издохнуть, не вру—человѣка съ одного маху въ гробъ вгонялъ! И не то чтобы съ подвохомъ какимъ... а честь-честью, по чистой совѣсти: перво-наперво онъ показывалъ народу кулакъ, разжимаетъ его, чтобы видѣли всѣ—ничего нѣту, рука чистая! Опять то возьмите въ расчетъ—въ опасныя мѣста, примѣрно, въ високъ онъ не билъ, ни-ни! А билъ онъ какъ слѣдуетъ, по правилу, по чистой совѣсти, и съ одного маху въ гробъ

человѣка закатывалъ. Вотъ-съ!.. И померъ-то онъ, можно сказать, отъ своей силы. Пилъ онъ. И такъ надо сказать, что до помраченія онъ водку душилъ. Вотъ разъ напился онъ до бѣсовъ,—стали ему демоны показываться и подмываютъ его будто на кулачки драться. Онъ и давай. Народъ разсказывалъ: стоитъ, говоритъ, на улицѣ, отдувается, да что̀ только есть силы-мочи руками размахиваетъ... До того онъ махалъ, пока одну руку совсѣмъ изъ сустава не вымахалъ... Съ того и умеръ. Вотъ у насъ какіе есть бойцы!

— Ну и теперь тоже есть?

— Есть-съ. Конечно, противу стариннаго времени драки потишѣли, ну все же есть бойцы знатные... Есть у насъ одинъ Салищевъ, такъ это на удивленіе! Этотъ и почтальону не уступитъ... Си-ила! Страшенная! Э, да вы что̀! Мы пойдемте-ко-сь съ вами на бой-то, да и къ Салищеву зайдемъ, посмотрите.

— Что-жъ, пойдемте.

— Ей-Богу!

Разговоры наши тянулись довольно долго, но все о предметахъ другого рода. Я не замѣтилъ, какъ прозвонили къ вечернѣ, какъ мало-по-малу спала жара и въ воздухѣ повѣяло прохладой. Выйдя на улицу, я нашелъ ее гораздо болѣе оживленною: чиновники въ форменныхъ сюртукахъ и фуражкахъ, въ широкихъ панталонахъ со складками и въ разноцвѣтныхъ жилетахъ, медленной, даже черезчуръ медленной поступью, отправлялись съ беременными женами на прогулку на кладбище. Пыль висѣла надъ городомъ, и солнце, уходившее за горизонтъ, затопило улицу во всю ея длину яркимъ, черезчуръ щедрымъ блескомъ. Тянуло въ воду, купаться.

2.

На другой день Зайкинъ, принарядившись въ новую синюю чуйку, зашелъ ко мнѣ на подворье, и скоро мы отправились сначала къ Салищеву, а потомъ на бой. Всю дорогу, пока мы шли къ лачужкѣ Салищева, Зайкинъ воспѣвалъ его силу и невѣроятную доблесть. По его разсказамъ я представлялъ бойца какимъ-то Еруслановъ Лазаревичемъ, съ косую сажень въ плечахъ. Вслѣдствіе этого я немало былъ изумленъ, увидѣвъ длинную, сухую фигуру сапожника, съ чахоточнымъ румянцемъ и кашлемъ. Лицо его было зелено, руки худы, но необыкновенно жилисты. Мы застали его въ разоренной и пустынной ла-

чугѣ, омеблированной голыми и гнилыми стѣнами, мокроватымъ поломъ, съ выпадавшими книзу половицами и съ обрубкомъ какого-то объемистаго дерева, сидя на которомъ Салищевъ торопливо точалъ сапоги. Передъ нимъ, на подоконникѣ, едва не касавшемся пола, стояли какія-то жестяныя помадныя крышки съ разными специями кислѣйшаго запаха, валялись сапожницкіе ножи съ трехугольнымъ лезвеемъ, обрѣзки кожи и проч. Больше въ комнатѣ ничего не было, и къ тому-жъ она была чрезвычайно ветха. Появленіе наше, и въ особенности мое, испугало и переконфузило Салищева, какъ ребенка. Зеленыя щеки его вспыхнули, глаза забѣгали, и самъ онъ какъ-то засовался, пожимая руку Зайкина своею черной, дрожавшею рукою... Богатырь имѣлъ душу ребенка. Не успѣли мы войти, какъ онъ что-то забормоталъ и, съеживъ голову въ сторону, юркнулъ-было въ сѣни.

— Куда, куда?—закричалъ ему Зайкинъ.

— Сичасъ...

— Ты это за водкой? Не нужно! не надо! Слышь! Не пьютъ...

— О-о?

— Не пьютъ! и я не буду!

Салищевъ воротился въ комнату и еще разъ проговорилъ:

— О? а по рюмочкѣ?..

— Не будутъ, говорятъ тебѣ! Экой человѣкъ!.. Собирайся! Чай, пора...

— Теперь время!—бормоталъ боецъ, стараясь избѣгать чужихъ взглядовъ.—Эхъ, съ сапожишками-то не поспѣлъ! Вчера еще приказному обѣщался, да...

— Загулялъ!

— Будетъ тебѣ!.. Эко!..

— Это пѣсня извѣстная. Много ли прогулялъ-то?

— Да что ты? При чужомъ человѣкѣ вздумалъ!.. Прогулялъ кольки тамъ ни было... все прогулялъ,—ухмыляясь, присовокупилъ боецъ.

— Собирайся-ко. Это дѣло-то складнѣй будетъ.

— Безъ меня не начнутъ... А собираться-то чего же? Я и такъ...

— Неужто и прикрыться нечѣмъ?

— Эва! Нечѣмъ прикрыться! У меня прикрышка-то почище твоей!

— Гдѣ это?

— Въ кабакѣ!..—сказалъ Салищевъ и засмѣялся.

— Ну однако въ самомъ дѣлѣ поторапливайся! — сказалъ Зайкинъ.—Нѣтъ ли чего на плечи накинуть? Что-жъ такъ-то?..

— Да есть, да...

— Курамъ въ обиду? Тащи, что̀ есть...

Хозяинъ нашъ, не переставая улыбаться, медленно поплелся въ сѣни и воротился съ потупленнымъ лицомъ, такъ какъ въ рукахъ его было что-то ужасное...

— Ахъ, ты, холера этакая!—хлопнувъ ладонями о бедра, проговорилъ Зайкинъ.

Глядя на костюмъ, который, нехотя и не переставая хихикать, напяливалъ на себя Салищевъ, всѣ мы не могли удержаться отъ улыбки. Наконецъ костюмъ былъ надѣтъ и оказался халатомъ съ оторванной полой. Скоро къ нему присоединилась другая часть туалета, старый картузъ, вся ваточная часть котораго скопилась у затылка и тянула весь экипажъ картуза къ шеѣ; вслѣдствіе этого разодранный пополамъ козырекъ весьма напоминалъ руки, въ ужасѣ воздѣтыя къ небу... Салищевъ запахивалъ рваный халатъ на груди, поправлялъ картузъ, съѣзжавшій поэтому на ухо, утиралъ рукавомъ носъ и хихикалъ.

Въ такомъ видѣ вся наша компанія выступила въ походъ.

Скоро мы были на мѣстѣ боя. Дѣло происходило за городомъ, на лугу, поросшемъ мелкой травой. Въ ожиданіи боя, бо̀льшая часть публики столпилась у кабака, другая толкалась и бѣгала по лугу. Публика эта была самая разнообразная: мастеровые, солдаты, чиновная мелкота, семинаристы. Послѣдніе устроили на лугу игру въ лапту, снявъ предварительно сапоги и засучивъ панталоны выше колѣнъ. Удары палки о мячъ и мяча въ спины и ляжки играющихъ были до того увѣсисты и звучны, что ихъ можно было съ полною ясностью слышать у кабака, на холмѣ.

Первымъ дѣломъ мы отправились къ кабаку.

— Вотъ онъ! — радостно вскрикнулъ какой-то подмастерье въ парусинномъ халатѣ, высовываясь изъ кабака, и тотчасъ же юркнулъ назадъ.—Ребята!—слышалось изъ питейнаго зданія:—Салищевъ, вотъ онъ! Ха-а-а!..

— Гдѣ о-о-оонъ?—гоготало множество голосовъ.

— О-го-го-о-о!!—добавило другое множество.

— Начинай!.. Готово!..

— Погоди! Ивана Абрамыча нѣту!

— Эко диво какое! Эй, становись въ ранжиръ!..

— Постойте, братцы! — проговорилъ Салищевъ. — Надо Иванъ Абрамыча подождать.

— Коего чорта?

— Стой! Пойдемъ. Иванъ, поди, угощай!

— Ну васъ къ Богу!

— Дубина!

— А Галкинъ здѣсь?—еще разъ спросилъ Салищевъ.

— Давно, все тебя поджидали... Галкинъ давно. Вся его команда тоже тутъ... Ты ему, Костя, скулу-то разожги.

— Какъ бы онъ намъ не разжегъ! — начиная робѣть, проговорилъ Салищевъ.

— Авось! У насъ въ строю такіе кутейники-дергачи, парочка припасена, ахъ! заводскіе...

— Ну, не очень-то! Это дѣло, братъ, въ рукахъ Божіихъ.

— Само собой... Все же ты его «тилисни» въ полномъ смыслѣ.

— Не загадывай! Сдѣлай милость, не загадывай! — судорожно скорчивая лицо, говорилъ Салищевъ. — Ты меня этими загадками совсѣмъ обезсилишь. Сказано, какъ Богъ!.. Да опять, коли Иванъ Абрамычъ подойдетъ, а то такъ и пальцемъ не шевельну.

Зайкинъ разъяснилъ мнѣ, что Салищевъ всякій разъ чего-то робѣлъ и страшился передъ битвой, несмотря на то, что всегда могъ разсчитывать на побѣду.

Видимо разстроенные нервы его, въ ожиданіи роковой минуты боя, пришли въ сильное напряженіе; онъ пересталъ улыбаться, замолкъ, присѣлъ у кабацкаго забора и, упорно вдумываясь во что-то, грызъ ногти. Глаза его тревожно бѣгали изъ стороны въ сторону и горѣли.

Въ ожиданіи Ивана Абрамовича, безъ котораго, по увѣренію всѣхъ, дѣло никакъ сладиться не могло, мы съ Зайкинымъ принуждены были довольствоваться сценами, происходившими въ кабакѣ. Вниманіе наше обратила группа какихъ-то окровавленныхъ людей, пьяныхъ и еле вращающихъ языками. Всѣ они столпились около какого-то господина въ люстриновомъ пиджакѣ, съ засаленными бортами и лацканами, съ опьянѣвшей сорокалѣтней физіономіей, кричали и чего-то требовали. Господинъ въ пиджакѣ оказался старикомъ-учителемъ, считавшимся за человѣка необыкновенно умнаго и достойнаго всяческаго уваженія.

Страсть къ водкѣ столкнула его съ компаніею такихъ же недужныхъ изъ простонародья и сдѣлала ихъ оракуломъ.

— Нѣтъ, ты разбери!—кричало нѣсколько голосовъ.

— Капитонъ Петровичъ! онъ меня... Капитонъ Петровичъ, онъ меня занапрасно...

— Нѣтъ, врешь! Я говорю: кто первый?

— Стойте! стойте! — подымая руку кверху и возвышая голосъ до елико возможной степени, произнесъ господинъ въ пиджакѣ, и шумъ понемногу затихъ.

— Разсказывай ты!

— Капитонъ Петровичъ...

— Разсказывай т-ты! Дайте ему разсказать!..

— Изволишь видѣть: сидимъ мы съ портнымъ вотъ здѣсь вотъ... Портной-то изъ Орла, орловскій... Только сидимъ мы, вдругъ дверь отворяется, и входитъ вотъ этотъ фитьфебель съ собачкой... Вонъ онъ!

— Кто съ собачкой?

— Мы-съ! — кротко произноситъ фельдфебель, отирая кровавое лицо.

— Продолжай!..

— Пришелъ онъ этта и садится. Я портного угощаю; сидимъ смирно; только фитьфебель-то, вотъ онъ, во!.. только онъ и говоритъ:—«какую вы, говоритъ, имѣете праву орловскихъ портныхъ угощать?..»—«Какъ, говорю, какую праву?» —«А такъ, говоритъ, что онъ орловской породы, такъ ему съ вами, мошенниками, не якшаться...»

— Продол-лжай...

— По какому же это, говорю, случаю намъ не знаться?— «А по такому, что вы извѣстные мошенники... Такая ваша порода, ибо и кличка у васъ—«орловцы, проломанныя головы»—тоже не очень-то подходящая статья».—«А вотъ лучше, говорю, извольте-ка отвѣтить, на какомъ правѣ вы пса вонючаго въ горницу завели?»—«А это, говоритъ, мое дѣло!» Тогда я схватилъ этого пса-то, да слѣдовательно псомъ-то этимъ по рожѣ я его свистнулъ-съ... Въ отместку онъ меня въ глазъ... И началось... Капитонъ Петровичъ, разбери насъ!

— Капитонъ Петровичъ, — заговорило кругомъ множество голосовъ:—онъ меня ударилъ! Я ничуть-ничего... Капитонъ Петровичъ!

— Стойте! молчать!..

— Они, орловцы, народъ пустой.

— Молчать, говорю!

Толпа снова затихла и съ большимъ терпѣніемъ дожидалась словъ своего учителя.

— Чья собака?

— Моя-съ!

— Станови полштофъ...

— Да помилуйте,—началъ-было фельдфебель.

— Станови!

Фельдфебель покорился; толпа зашумѣла отъ удовольствія. Оракулъ еще разъ остановилъ ее.

— Я говорю молчать! Кто первый дрался?

— Ударилъ первый точно-что я-съ.

— Станови и ты... Угощайте всѣхъ!

Толпа пришла въ восторгъ; началась попойка. Чрезъ нѣсколько времени оракулъ въ люстриновомъ пиджакѣ сидѣлъ въ углу, опустивъ голову на столъ; противъ него почтительно помѣщался орловскій портной.

— Пой же, чортъ тебя побери,—путая языкомъ и съ сердцемъ топая ногой, кричалъ оракулъ.

Портной откашлянулся и началъ фистулой:

М-мы спокойствіе имѣемъ,
Все гуляемъ по горраммъ...

— Глупо! очень-очень глупо!—бормоталъ оракулъ, пошевеливая головой.—Пра-адалжай!

Въ воскресенье мы говѣемъ,
Не ѣдимъ лишь по буднямъ...

— Стой! Довольно! Поди, поцѣлуй меня!..

3.

За нѣсколько минутъ предъ окончаніемъ этой сцены суда, въ сѣняхъ кабака показалась фигура чиновника: это былъ Иванъ Абрамычъ. Фигура эта была огромнаго роста, съ отекшими щеками, раскраснѣвшимися и даже посинѣвшими отъ жары. Изъ-подъ соломеннаго состарѣвшагося картуза, съ чернымъ пятномъ на козырькѣ, выглядывали двѣ косицы, на подобіе кабаньихъ клыковъ; разжирѣвшій и отвисшій подбородокъ окончательно распластывалъ потные воротнички каленкоровой манишки и толстымъ слоемъ лежалъ на аляповатомъ воротникѣ парусинной накидки, плотно застегнутой у шеи. Изъ-подъ этой накидки взорамъ наблюдателя выставлялись массивныя руки, съ кольцомъ, въѣвшимся въ жирный палецъ, палка съ мѣднымъ набалдашникомъ, значительная выпуклость желудка, отсутствіе жилета и присутствіе широчайшихъ панталонъ чуть не кисейнаго свой-

ства, въ широкихъ концахъ которыхъ прятались носки сапогъ. По разсказамъ Зайкина, Иванъ Абрамычъ служилъ въ какой-то палатѣ столоначальникомъ и, несмотря на свое чиновническое званіе, былъ смертельнымъ любителемъ разнаго рода состязаній, которыхъ въ нашемъ городѣ N. тьматьмущая; здѣсь, не говоря о бояхъ людей, бываютъ бои гусей, пѣтуховъ, соревнованія голубями, соловьями, канарейками; все это составляетъ предметы споровъ, пари и иногда дракъ, такъ какъ всѣ подобнаго рода дѣла суть достояніе людей страстныхъ и натуръ художественныхъ, да къ тому же и «изъ простого званія». Особенною симпатіею Ивана Абрамыча пользовались бои кулачные.

Онъ могъ перечислить всѣхъ лучшихъ бойцовъ лѣтъ за двѣнадцать поименно, могъ припомнить наиболѣе громадныя битвы и кровопролитія. Словомъ, Иванъ Абрамычъ былъ старожиломъ кулачныхъ боевъ города N. и совмѣщалъ въ своей головѣ всю исторію ихъ. Въ настоящую пору онъ протежируетъ Салищеву, приписывая только себѣ возможность пониманія этой удивительной натуры, которая имѣетъ странную привычку дрожать и блѣднѣть не только передъ дракой, но и передъ курицей. Любопытно и омерзительно видѣть, какимъ образомъ Иванъ Абрамычъ откапываетъ въ этой кроткой натурѣ звѣрскія и буйныя свойства.

При появленіи его въ горницѣ, споръ изъ-за собаки орловскаго портного затихъ. Иванъ Абрамычъ, пыхтя и отдуваясь, прошелъ прямо къ столу, снялъ картузъ и вытеръ совершенно лысый лобъ и темя платкомъ. Пока шло пыхтѣнье и оханье мецената боевъ, публика старалась сохранить тишину.

— Квасу!—хрипло проговорилъ Иванъ Абрамычъ.

Явился квасъ.

— Да посвѣжѣе, черти! Что̀ ты мнѣ помои-то тычешь? Гдѣ Петръ? Позови Петра...

— Здѣсь-съ!

- Дай, братецъ, квасу... Чортъ знаетъ что̀ такое! Со льдомъ, льду побольше! Поживѣй!

Петръ исчезъ.

— Льду!—гаркнулъ ему вслѣдъ меценатъ. — Да гдѣ же Коська?

— Онъ здѣся-съ! Константинъ! Салищевъ! Зовутъ!— высовывая голову въ окно, крикнуло нѣсколько человѣкъ.

Явился Салищевъ. Физіономія его была болѣзненно-уто-

млена. Онъ неуклюже и робко поклонился своему патрону и сталъ у притолки, повертывая въ рукахъ свою шапку.

— А-а!—отрывая губы отъ ковша съ ледянымъ квасомъ, простоналъ Иванъ Абрамычъ и снова впился въ прохладительный напитокъ.

Наконецъ меценатъ оставилъ квасъ, крякнулъ, перевелъ духъ и, послѣ нѣкотораго упорнаго молчанія, проговорилъ:

— Кто твой супостатъ-то?

— Галкинъ-съ,—ученическимъ тономъ отвѣчалъ Салищевъ.

— А-а! Ну что̀ же ты, какъ думаешь?

— Да что̀ же! дѣло Божье!

— Справедливо!.. На враги же побѣду и одолѣніе... Такъ!..

— Какъ бы его Галкинъ нонѣ не тово?—проговорилъ кто-то.

Салищевъ и меценатъ встрепенулись одинаково.

— Это еще почему?..—сердито спросилъ послѣдній.

— Да больно робокъ! ишь «прижукнулся»...

— Прижукнулся?.. Какъ тебя звать-то?

— Семеномъ-съ.

— Дуракъ, братъ, ты, Семенъ!.. Ничего ты не понимаешь! Всѣ вы ни аза въ Салищевѣ не понимаете... У него особый духъ! Дубье стояросовое! Прижукнулся!.. А вотъ мы тебѣ покажемъ, какъ онъ прижукнулся-то!.. Петръ! Гдѣ Петръ?

— Здѣсь-съ! Я здѣсь-съ, Иванъ Абрамычъ...

— *Налей его!* — полушопотомъ прохрипѣлъ меценатъ, кивнувъ на Салищева...

Сіи загадочныя слова изображали собою только то, что цѣловальникъ обязанъ былъ «налить» Салищева водкой насколько возможно полнѣе.

При этихъ словахъ мецената Салищевъ кашлянулъ, отдѣлился отъ притолки и подошелъ къ стойкѣ.

— Дюже поздно, Иванъ Петровичъ! Надо бы поторапливаться,—говорили въ толпѣ.

— Неужто?—почти съ ужасомъ воскликнулъ меценатъ.

— Ей-Богу-съ! Шестой часъ на исходѣ...

— Такъ въ такомъ разѣ того... Ты, Петръ, дай ему чего позаористѣе...

— Перцовки!—присовѣтовали въ толпѣ.

— Во-во-во! Перцовки ему ввали!.. Чтобы поскорѣе разобрало... Такъ, такъ, такъ!.. Перцовки! Проворнѣе!..

Во все это время Салищевъ былъ безропотенъ и покоренъ, какъ агнецъ, отдаваемый неизвѣстно по какому случаю на

закланіе. Не стану изображать, какимъ образомъ совершался процессъ наливанія Салищева. Больная грудь его, схваченная жгучей перцовкой, заколыхалась отъ удушья и кашля, которые, впрочемъ, скоро прошли. Нѣсколько стакановъ перцовки, выпитые одинъ за другимъ, не произвели еще необходимаго меценату ошалѣнія...

— Под-дбавь! Я знаю... Подбавляй... Я вамъ покажу, какъ прижукнулся! Вотъ вы у меня и поглядите, что̀ такое вашъ Галкинъ...

— Галкинъ? — вдругъ, одушевляясь, вскрикнулъ Салищевъ:—Галкинъ для меня—тьфу!

— Разбираетъ!—послышалось въ толпѣ вмѣстѣ съ хихиканьемъ...

— Гдѣ это кутейники-то?—продолжалъ Салищевъ.

— Вотъ, вотъ они!..

— Ну, мы этимъ галчатамъ расщиплемъ перья!

Перцовка между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Руки Салищева, еще такъ недавно смиренно державшія картузъ, начали засучиваться до локтя; показывались желѣзные мускулы сухихъ и костлявыхъ рукъ; кулаки для пробы опускались съ полуразмаха на стойку, съ которой вслѣдствіе этого кубаремъ слетали рюмки и опорожненныя косушки, и голосъ Салищева, звонкій и рѣзкій, покрывалъ голоса всѣхъ.

— Что̀ же это, господа, докуда вы возжаться будете?— сурово проговорилъ депутатъ галкинской партіи, появляясь въ дверяхъ...

— Мы-то? Мы-то?—безсмысленно забормоталъ очумѣвшій и озлившійся Салищевъ, обнажая руки: — Мы-то докуда? А мы вотъ докуда... Мы...

И, стиснувъ зубы, онъ какъ бѣшеный ринулся вонъ изъ кабака.

Все заговорило, поднялось и хлынуло на лугъ; народъ валилъ отовсюду.

Скоро изъ окна кабака видно было, какъ на лугу шла правильная потасовка. Отовсюду слышались крики, иногда стоны; жены старались оторвать мужей отъ этого зрѣлища и причитывали какъ надъ усопшими; начали попадаться блѣдныя, окровавленныя лица, раздавались вопли.

II. Нужда пѣсенки поетъ.

Было блестящее лѣтнее утро.

По случаю праздника въ церквахъ шелъ громкій звонъ, среди котораго особенно ярко выдавались вѣскіе и тягучіе удары соборнаго колокола; на улицѣ, куда выходили окна моего номера, по обоимъ тротуарамъ валилъ народъ, мѣщане въ новыхъ синихъ чуйкахъ, въ новыхъ картузахъ и въ блиставшихъ на солнцѣ сапогахъ съ бураками, чиновники съ женами въ «фильдекосовыхъ» перчаткахъ, и проч. Общее оживленіе праздничнаго дня пополнялось суматохой, происходившей посреди улицы: здѣсь опрометью мчались порожняки съ подгулявшими мужиками и расфранченными бабами; шло хлестанье лошадей, слышалась брань, скрипъ колесъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью громаднаго воза сѣна, слышалось мычанье теленка съ прикрученной къ телѣгѣ головой...

Я сидѣлъ на подоконникѣ раскрытаго окна, любуясь этой утренней суматохой. На столѣ у меня кипѣлъ самоваръ. Въ эту минуту дверь въ мою комнату слегка пріотворилась, и вслѣдъ за тѣмъ высунулась рука съ бумагой, сложенной въ формѣ прошенія. Я только-что хотѣлъ-было встать, чтобы разсмотрѣть таинственнаго обладателя таинственной руки, какъ въ коридорѣ раздался строгій голосъ коридорнаго, дверь захлопнулась, и рука исчезла.

— Куда прешь? Куда прешь-то? — бушевалъ коридорный.—Нѣтъ у тебя языка спроситься?

— Будьте такъ добры, извините!—кротко говорилъ неизвѣстный посѣтитель.

— Видишь, никого нѣту, а прешь?.. Вашего брата здѣсь много шатается... Вонъ столовыя ложки пропали...

— Помилуйте-съ! Мы не воры! Сохрани Богъ!..

— Ну, этого намъ разбирать некогда — воръ ты, или нѣтъ,—сердито говорилъ коридорный, поплевывая на сапогъ и шаркая по немъ щеткой. — Намъ этого,—продолжалъ онъ:—разбирать не время... У насъ вонъ двѣнадцать номеровъ въ одной половинѣ. Всякому принеси самоваръ да сапоги вычисти. У насъ этого, братъ...

— Доложите по крайности. Сдѣлайте вашу милость!..

— Такъ-то!.. У насъ этого нѣтъ, чтобы... А то претъ не знамо куда. У насъ благородные останавливаются... На

каждой соринкѣ взыскиваютъ... День-денской, какъ лошадь, прости Господи, ни тебѣ уснуть ни тебѣ...

— Ива-а-анъ!—закричали на дворѣ.

— Тьфу, чтобъ вамъ! Расхватываетъ же ихъ, чертей!

— Ива-а-анъ! Ты оглохъ?..

— Сей-часъ! О-о, чтобъ васъ разорвало!.. Сей-ча-асъ-съ!.. Давай бумагу-то!—швырнувъ сапогъ въ уголъ, заключилъ Иванъ и торопливо вошелъ въ мой номеръ.

— Вонъ бумагу принесъ,—сказалъ-онъ, сунувъ ее въ мои руки.—Почитайте-ко-сь... Надо-быть, на бѣдность проситъ... А ты, любезный,—говорилъ онъ въ коридорѣ:—ты въ другой разъ сказывайся... Намъ этого нельзя... Шутъ тебя знаетъ, кто ты такой... Сейча-асъ!—отвѣтилъ онъ на голосъ со двора и бросился по коридору.

Я развернулъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

«Господинъ Ивановъ, пиро-и-гидро-техникъ, на короткое время прибывшій въ г. Н., честь имѣетъ доложить высокочтеннѣйшей публикѣ, что имѣя искусство въ египетской, арабской, еѳіопской, индійской, халдейской и другихъ магіяхъ и состоящей изъ новыхъ фантастическихъ опытовъ и призраковъ тайной и натуральной увеселительной магіи что давая оныя представленія въ высокоблагородныхъ домахъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, съ аппаратами и безъ аппаратовъ, попури изъ міра чудесъ, кабалистика и чревоувѣщеваніе по весьма сходнымъ цѣнамъ; также индійское ескамотированіе, гирлянда розъ, невозможность въ дѣйствіи, обезглавленіе головы, носа и другихъ частей тѣла и проч., и проч., и проч...»

Въ концѣ было прибавлено: «льстя себя надеждой» и красовалась подпись: «Пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ. Сего числа...»

Фокусовъ въ подобномъ родѣ было насчитано очень много, и мнѣ очень захотѣлось поскорѣе и покороче познакомиться съ ихъ авторомъ; кромѣ того, мнѣ было весьма интересно видѣть соотечественника, подымающагося *на такія штуки*, просто какъ бѣдняка и слѣдовательно человѣка несчастнаго, много видѣвшаго на своемъ вѣку, и наконецъ потому даже, что этого Капитона Иванова можно просто усадить на диванъ и напоить его, бѣднягу, чаемъ...

Я такъ и сдѣлалъ. Капитонъ Ивановъ, робко и поминутно раскланиваясь, вошелъ въ мою комнату. Таинственный магъ весьма походилъ на мѣщанина, о чемъ главнымъ образомъ свидѣтельствовала серебряная сережка въ ухѣ;

лицо его не носило ни одной черты той плутоватости и даже подловатости, которая непремѣнно оттѣняетъ физіономію всѣхъ маговъ, начиная отъ извѣстнаго волшебника и мага Кречинскаго вплоть до воришекъ копеечныхъ съ одной стороны и вплоть до воришекъ сотенныхъ—съ другой. У всѣхъ ихъ, при самой мастерской игрѣ физіономіи, всегда можно примѣтить въ глазахъ что-то такое, что̀ заставляетъ думать: «нѣтъ, врешь, братъ!» У господина же Иванова, кромѣ высокой кротости и робости, я ничего не замѣтилъ въ глазахъ. Чародѣй былъ маленькая фигурка съ птицевидною физіономіей и клинообразнымъ лбомъ, на который поминутно свѣшивалась прядь намасленныхъ, ради праздника, волосъ. Костюмъ, состоявшій изъ сюртука, застегнутаго на всѣ пуговицы, и синихъ панталонъ, засунутыхъ въ сапоги, не говорилъ въ пользу его благосостоянія. Робость, проглядывавшая въ глазахъ мага, скоро совершенно овладѣла имъ, когда я предложилъ ему сѣсть и выпить стаканъ чаю. Онъ взялъ стаканъ и помѣстился съ нимъ у двери. Стоило громадныхъ усилій, чтобы наконецъ усадить его. Кое-какъ, послѣ продолжительныхъ увѣщаній, онъ согласился и сѣлъ на кончикъ стула. Во все это время онъ не забывалъ покашливать, закрывая ротъ рукою, и поминутно потрагивалъ шею, запихивая за галстукъ мохры истерзанныхъ воротничковъ.

Надо было о чемъ-нибудь говорить.

— Давно вы занимаетесь этимъ?..—сказалъ я, не зная, какъ назвать его профессію.

— Да ужъ болѣе, пожалуй, пятнадцати лѣтъ,—покашливая и потрагивая шею, заговорилъ магъ.—Д-да-съ! Пожалуй что поболѣ пятнадцати-то годовъ будетъ, все этимъ же мастерствомъ-съ продолжаю... Плохое, вашскобродіе, наше занятіе-съ! Въ прежнее время точно что... Ну а теперь!..

Гость остановился, тряхнулъ головой.

— Теперь, вашскобродіе, тихо-съ!.. И даже такъ тихо, что вотъ какъ-съ,—хуже нѣтъ! Да что̀ ни возьмите, вѣдь и повсюду такъ-съ. Тишина бѣдовая...

Ивановъ поднесъ ко рту полное блюдечко, откусилъ маленькій кусокъ сахару, отряхнулъ его надъ чаемъ, хлебнулъ и заговорилъ:

— Въ прежнее время-съ!.. Въ прежнее время, бывало, господа, которые случатся пріѣзжающіе или хоть и изъ жителей здѣшнихъ, въ прежнее-то время они вотъ какъ: «сдѣлай милость!» «Съ великимъ удовольствіемъ!..» Да что̀

ему? Онъ швырнетъ ассигнацію и получай... Рубль ли, два ли, ему это и вниманія не стòитъ... Ну а уже теперь... тихо! Теперь, я такъ считаю, господамъ много дано заботъ-съ! Хлопоты-съ! все надо «самимъ» расчесть: въ кое мѣсто! Въ теперешнее время посовѣстишься и рожу-то свою къ господамъ совать: стыдъ! Ежели вотъ теперь я къ вашей милости достигъ, то ужъ истинно—вотъ куда подошло! Ей-ей-съ!

Гость мой вздохнулъ.

— Н-нѣтъ-съ! Это не то-съ! Въ прежнее-то время, я такъ замѣчаю, было веселѣе... Всякій желалъ, чтобы гдѣ какъ пріятнѣе. Купецъ ли, дворянинъ ли, все онъ нюхаетъ, гдѣ бы увеселенія, то-есть, докопаться... Бывало, зайдешь въ лавку, купцы промежду себя балуются, кто въ шашки, а кто простымъ манеромъ, ногу за ноги заплетутъ — да объ земь! Увидятъ меня: «А! шушвара, дескать, египетская (обыкновенно въ шутку), показывай живо!.. Втѣпоры услышишь это-то, да, бывало, еще заломаешься!.. Потому твое не уйдетъ: купцы эти безъ тебя на вожжахъ перевѣшаются отъ скуки. Всю эту исторію понимаешь и, бывало, еще заломаешься.—«Показать мы можемъ, да вѣдь, господа, разному показанью разная цѣна!..»— «Показывай, кричатъ, лучшева!» А я, бывало, опять: —«Лучшева! и этого, скажешь, можно, да опять и то надо знать, какой сортъ; есть, говорю, одно, есть и другое, а есть еще, говорю, и такое, что ужъ лучше его нѣту!» —«Этого, кричатъ, самаго! Какого нѣтъ опаснѣй! Дѣлай! Помудренѣй!..» —«Не будетъ ли, скажешь, господа, накладно? Пять серебра, менѣе не беру!..» —«Дѣлай!» кричатъ; ну и дѣлаешь.

Я налилъ гостю другой стаканъ чаю; онъ подвинулъ его къ себѣ, вытеръ ладонью запотѣлый лобъ и спряталъ за ухо свѣсившуюся прядь волосъ.

— Бывало,—продолжалъ онъ:—какое ото всѣхъ почтеніе! Истинно говорю, умереть не лгу, идешь, бывало, по улицѣ-то,—только шапку сымаешь, только сымаешь: —«А! Ивановъ! Капитоша! зайди, долбони рюмочку!» — «Эй! другъ! сдѣлай штучку...»—«Чтò дашь?»—«Чтò угодно!» Ей-ей-съ! Иные и господа, а обращались въ лучшемъ видѣ... У купца у Псунова у одного сколько я денегъ перебралъ, кажется, смѣты нѣтъ!.. Въ прежнее время у него въ домѣ—Садомъ-Гаморъ: турокъ ли, арапъ ли какой, панорамщикъ, всякій-всякій къ нему шелъ... И чтò только творилось!.. Музыканты

играютъ, обезьяны ученыя скачутъ, кто на флейтѣ, кто на кларнетѣ, кто фокусы показываетъ, кто колесомъ ходитъ— ну то-есть столпотвореніе было!.. А Псуновъ-то этотъ лежитъ, бывало, въ одной рубахѣ на диванѣ, только покрикиваетъ: —«Эй, ребята, проворнѣй!» И я тутъ же толкусь... Нѣтъ-нѣтъ и на мою ладонь что-нибудь капнетъ,—все дай сюда! Все ребятишкамъ...

— Вы женаты?—спросилъ я.

— Какъ же-съ!—сказалъ гость и, къ удивленію моему, сказалъ какъ бы даже съ удовольствіемъ.—Какъ же-съ, ужъ у меня, слава Богу, старшему сыну четырнадцатый годъ... Какъ же-съ! Слава Богу... Изволили читать бумагу-то? Афишку мою? Все онъ-съ!.. И преотличнѣйшій почеркъ!.. Да-съ, благодаренъ за это! Одно только и утѣшеніе, что семья... По крайности за нее отбиваешься... Ну и жена, дай Богъ ей здоровья, любитъ меня... Д-да! И даже такъ любитъ, что на рѣдкость!.. Собили *) было мнѣ невѣсту и съ деньгами и изъ чиновничьяго званія, да подумалъ-подумалъ я, что̀ я съ ней, съ благородной-то, буду дѣлать? Думаю—Богъ съ ними и съ деньгами!.. Взялъ простенькую, сироту, и слава тебѣ, Господи, благодарю моего Бога, живемъ дружно... Да опять всегда ужъ у меня дома горшокъ щей-то найдется, съ голоду не умру... — «Когда же это, говоритъ, Капитоша, мы съ тобой разбогатѣемъ?» — «А вотъ, говорю, погоди... Скоро!..» (Разсказчикъ усмѣхнулся и прибавилъ): Да вѣдь что̀ будешь дѣлать-то? Откуда взять? Ну и посмѣемся, пошутимъ съ горя-то!.. И какое ей, то-есть супругѣ-то, Господь далъ терпѣніе, — ей-ей! Теперь вы возьмите наше житье: вотъ этакую конурку мы вчетверомъ занимаемъ; стряпущей печки у насъ нѣту, лежанка; понадобится иной разъ что-нибудь съѣдобное, идемъ просить хозяйку... —«Позвольте, дескать, намъ горшокъ въ вашей печи поставить...» Такъ они, хозяева-то, жену мою—ужъ они ее: «И нищая, и когда вы передохнете; вы, говоритъ, съ дьяволомъ знакомы...» Та все молчитъ. Только отъ хозяевъ намъ и названіе одно: «трубалеты». Дѣвчонки у нихъ, у хозяевъ-то, есть, такъ и тѣхъ разнымъ словамъ научаютъ... Идетъ сынъ мой, а они ему: «трубалетъ, трубалетъ!». Жена моя подзываетъ его и говоритъ: «А ты ей скажи...». Онъ и скажи!.. — «Ты трубалетъ!» А сынъ-то: —«А ты, говоритъ...» Прибѣжали хозяева — ва-ай-на!

---

*) Сватали.

—«Какъ вы смѣете такимъ накостнымъ словамъ дѣтей учить? Долой изъ нашего дому!..» А долой—такъ долой!

Гость мой вздохнулъ.

— И съѣхали!.. Да нешто въ первый разъ?.. Ну, а какъ же, позвольте васъ спросить, неужто-жъ за свое кровное-то не заступиться? Вѣдь это вонъ и животная какая-нибудь — и та любитъ свое нарожденіе? А ужъ мы-то съ женой сами не ѣдимъ, да имъ даемъ!..

— И-и, да сколько я защиты отъ супруги моей видѣлъ, кажется, и пересказать нельзя! Только за ея сердцемъ и живу. И что̀ только ни перемучилась она! Однажды, помню, объ Рождествѣ, объявляютъ наборъ... Военное время было втѣпоры, на военномъ положеніи. Я этого ничего не знаю; приглашаютъ меня къ купцу Тюрину—вечерокъ увеселить. Перекрестился, поблагодарилъ Бога, пошелъ къ нему. Все благополучно. Играю я такъ-то фокусы; очень мною господа довольны, хозяинъ два рубля серебромъ дали. Я ничего не знаю, продолжаю свое дѣло; только подходитъ ко мнѣ господинъ Премудровъ, чиновникъ. — «А тебя, говоритъ, Капитонъ, вѣдь въ солдаты...» — «Какъ такъ?» говорю... Задрожалъ я весь, себя не помню. —«Я, говорю, вашескородіе, одиночка». — «Общество, говоритъ, опредѣлило...» Помутилось у меня въ глазахъ, хочу-хочу фокусъ показать, пальцы окоченѣли, языкъ какъ палка, ничего не могу! Принужденъ я объявить: — «Такъ и такъ, говорю, почтеннѣйшіе господа, не могу далѣе продолжать. Прошу васъ, будьте такъ добры, извините... По болѣзни...» Собралъ кой-какую механику (это для фокусовъ надобна она), собралъ механику, бѣгу домой... Разсказалъ женѣ. Плачемъ мы, горюемъ: какъ быть, куда дѣться? Надумали мы къ ея брату сходить; говоримъ—такъ и такъ. Жена въ ноги. Я за ней.—«Надо намъ, говорю, братецъ, охотника нанять: я жену оставить не могу. Женщина больная, безъ мужчины ей быть трудно». Началъ братъ думать; думали-думали, придумали домъ заложить. Прошло времени дни съ два. Изъ управы присланъ будочникъ: требуютъ черезъ полицію въ губернское правленіе... Пошелъ я тутъ къ одному знакомому попросить: нельзя ли какое-нибудь пособіе оказать? Знакомые купцы говорятъ: —«Не робѣй, Ивановъ, выкупимъ! Пущай, говорятъ, тебя и забреютъ, все же тѣмъ временемъ ты подыскивай охотника, мы его окупимъ; что̀ будетъ больше сотни—наше!» Порѣшили мы съ женинымъ братомъ къ закладчику ѣхать; надо-жъ на первое-то время,

пока съ охотникомъ сладить, хоть сколько-нибудь капиталу. Да опять и сто серебромъ надобно раздобыть. Порѣшили мы съ нимъ ѣхать, а денегъ-то на дорогу ни у него ни у меня нѣту. А ѣхать надо было за четырнадцать верстъ, въ засѣку. Засѣчный сторожъ подъ залогъ денегъ дать обѣщался... Ѣхать, ѣхать—а ѣхать не съ чѣмъ. Сейчасъ жена—самоваръ по боку, приноситъ три серебра, зелененькую... Наняли мужика, поѣхали. Къ вечеру добрались къ закладчику, начинаемъ разговоръ: —«Такъ и такъ, говоритъ братъ, не возьмете ли домъ подъ залогъ? Домъ новый, всего десятый годъ строенъ». —«Надо, говоритъ, поглядѣть». —«Да помилуйте, говоритъ братъ, вотъ купчая здѣсь, говоритъ, и прописано, въ которомъ году, и въ плантѣ сказано... А ѣхать ежели угодно, то и ѣхать можно, только нельзя ли намъ сколько-нибудь подъ залогъ этого планту и купчей?.. Намъ, говоритъ, завтрешняго числа въ присутствіе къ пріему надо, такъ потребуются деньги...» —«Нѣтъ, говоритъ, надо посмотрѣть... Я такъ отъ роду подъ бумагу денегъ не давалъ».

— Что̀ ты будешь дѣлать? Поѣхали обратно. Назавтре мнѣ и лобъ забрили! Прихожу домой некрутомъ! Ахъ, вашскобродіе, какъ въ то время сердце мое разрывалось!.. Вѣрите ли?.. Н-но, думаю, все Богъ! Пошелъ къ этимъ купцамъ, что̀ помочь-то собирались мнѣ дать, пошелъ къ нимъ:—«Вотъ, говорю, господа купцы, каковъ я сталъ!..—на солдатскую шинель указываю...—Неужто-жъ не будетъ у васъ никакой защиты!»—«Будетъ, будетъ, говорятъ, Ивановъ: ищи охотника...» Стала жена рыскать — охотника искать. Я тѣмъ временемъ ужъ и на перекличку началъ ходить и артикулъ солдатскій справлять; приду, бывало, подъ вечеръ домой-то, вѣрите ли, какъ сердце замретъ: поглядишь кругомъ — бѣдность, а жилъ бы, не разстался!.. Ей-ей! Подходитъ время къ походу, двѣ недѣли сроку осталось, подходитъ время изъ дому уходить, а охотника нѣтъ какъ нѣтъ!.. Наконецъ того... подыскали! Дешевисть необыкновенная: три дня гулять и пятьдесятъ серебра при походѣ... Пошелъ къ этимъ купцамъ знакомымъ, прихожу къ одному, говорю: —«Нашелъ охотника!.. Не будетъ ли отъ вашей милости, что̀ пообѣщали?» — «Изволь», говоритъ и подаетъ красную... Я говорю: —«Что-жъ это такое? Я, говорю, на одно гулянье сто-то серебромъ долженъ исхарчить, гдѣ-жъ, говорю, вашскобродіе, еще-то добуду?.. Вѣдь не-сегодня-завтра походъ!..» — «Толкнись, гово-

ритъ, другъ, къ другимъ!..» Пошелъ я къ другимъ: у одного «деньги не дома»; другой говоритъ: «я думалъ, говоритъ, мѣсяца черезъ два»; третій проситъ: «подожди!». Нѣтъ мнѣ ни откуда пособія!.. Были десять цѣлковыхъ: охотникъ пристаетъ съ гуляньемъ, истратилъ ихъ до копеечки! Гдѣ-то, ужъ Господь его знаетъ, женинъ братъ—дай ему Господи много лѣтъ здравствовать и всякаго ему отъ Бога благополучія! — гдѣ-то раздобылъ онъ сотенную; сейчасъ мы охотнику пятьдесятъ по уговору, и три дня съ нимъ гуляли... И какая у насъ съ женой радость была въ ту пору!.. Радовались мы такъ-то, однакоже подходитъ время охотника къ пріему вести, а онъ и глазомъ не моргнетъ. —«Какъ это такъ? Ты, говорю, деньги взялъ, уговоръ былъ охотой... За это, говорю, и начальство вступится. Силой возьмутъ да представятъ въ присутствіе...» —«Ну это, говоритъ, наврядъ!.. Меня, говоритъ, и по закону въ охотники нанимать нельзя: я дьячокъ! Съ семействомъ! У меня семья!.. За меня ты, говоритъ, самъ еще тысячу разъ въ солдаты пойдешь!..» Стали у чиновниковъ спрашивать — такъ и есть, нельзя! а подошло время, черезъ два дни походъ... Царь небесный! Ревемъ мы съ бабой, какъ ребята малые: чисто-начисто пропадать приходится... И что-жъ, вы думаете, вышло? На другой день къ вечеру, наканунѣ, значитъ, быть походу, стало мнѣ легче! Вѣдь вотъ чудо-то какое! Легче, легче, и совсѣмъ повеселѣлъ! —«Маша, говорю, семъ *) я къ господину откупщику схожу, фокусовъ сыграть, и, можетъ-быть, между прочимъ, Господь мнѣ поможетъ...» Дѣло было на масленицу; надѣваю я, для забавы, турецкое чалмо и этакой балахонъ, — туркой наряжаюсь. Смотритъ на меня супруга и говоритъ: —«Семъ, говоритъ, Иванычъ, я и себѣ чалмо надѣну? Можетъ-быть, говоритъ, господинъ откупщикъ сжалятся надъ нами, когда увидятъ, что мужъ и жена однимъ мастерствомъ живутъ; можетъ, онъ и не захочетъ насъ, говоритъ, разлучить!..»— «Матушка моя, говорю, ты въ такомъ теперича положеніи (она въ то время въ этакомъ положеніи была-съ), ты, говорю, въ такомъ положеніи, для чего тебѣ натруждать себя?..» —«Ну, говоритъ, заодно! Либо, говоритъ, жизнь, либо смерть!..» Надѣваетъ она на себя чалмо турецкое, шаль (платокъ этакой, ковровый-съ), шаль эту черезъ плечо, по-цыгански. Пошли!.. Идемъ-идемъ, да заплачемъ оба,

*) «Семъ я»—т.-е: «Ну-ко я», или: «А что̀, если», и т. д.

въ чалмахъ-то этихъ! Идутъ люди, глядятъ на насъ и говорятъ:—«Съ чего это два турки плачутъ?» Приходимъ къ откупщику. — «Какъ объ васъ доложить?» — «Ивановъ, говорю, съ супругой!..»—«Принять!» Входимъ мы въ залу, гости... Страсть гостей!.. Откупщика, Радивонъ Игнатьича, я зналъ, и онъ меня тоже знавалъ... — «А, говоритъ, ну, дѣлай!» Начинаю я дѣлать фокусы, сердце такъ и стучитъ: завтра въ солдаты!.. Дѣлаю фокусы, господа смѣются, довольны. — «А это кто же съ тобою?» — Радивонъ-то Игнатьичъ говоритъ. — «А это-съ, говорю, жена моя, супруга...» — «Что̀ же, говоритъ, и она по этой части можетъ...» Я молчу.—«Можете вы, душенька?» (у жены спрашиваетъ...).—«Могу-съ, говоритъ... (Вижу, бѣ-ѣлая вся!)— «Такъ пройдитесь, говоритъ, «По улицѣ мостовой». Маша сейчасъ голову книзу, руки надъ головой согнула и поплыла... Да вѣдь какъ-съ! Откуда что̀ взялось!.. Барышня по фортопьянамъ ударила, а она-то плыветъ, извивается... Ахъ, замерло у меня сердце! Тутъ начали господа трепать въ ладоши. — «Преотлично, кричатъ, превосходно! еще! еще!..» А она и еще того лучше... Не удержался я: такъ у меня слезы-то полились-полились, капъ, капъ... Радивонъ Игнатьичъ кричитъ:—«Это что̀? на масленицѣ-то? У меня въ домѣ?..» Я въ ноги! Маша гдѣ плясала, тутъ на колѣни и повалилась!—«Что̀-что̀? какъ-какъ?» Разсказали мы.—«Одна надежда на вашу милость!.. Завтра на войну... жена... дѣти».—«Не робѣй, говоритъ. Вотъ тебѣ...» И выноситъ 200 серебромъ!—«Поминай на молитвѣ».

— Чуть я въ то время съ ума не сошелъ... Бѣжимъ по улицѣ ровно угорѣлые... Люди идутъ: — «Вонъ, говорятъ, турки побѣжали. Эко у насъ, ребята, турокъ развелось тьма-тьмущая!.. Это, говорятъ, плѣнные!» (А это мы съ супругой весь городъ обѣгали!). Бѣжимъ, земли не слышимъ... Исторія было-случилась на дорогѣ... въ другой разъ въ полицію бы потащилъ, а тутъ только шибче побѣгъ!

— Какая исторія?—спросилъ я.

— Да такъ-съ, свинство, необразованность... Бѣжимъ это мы съ женой, какъ я вамъ докладывалъ. Попадаются двое пьяныхъ, прямо противъ насъ уставились. Одинъ подходитъ ко мнѣ. — «Въ какомъ вы, говоритъ, правѣ турецкія чалмы носите?..» Я ему шуткой въ отвѣтъ: — «А потому, говорю, какъ мы турецкаго нарѣчія».—«А въ какой вы, говоритъ, землѣ находитесь, въ православной или въ какой?» — «Мы, говорю, здѣсь плѣнные». — «А когда,

говоритъ, вы наши плѣнные, то...» Да съ этими словами ка-а-къ!.. вотъ въ эту самую кость! (Гость показалъ на собственный високъ). Мы съ женой во всю мочь! Ну вотъ-съ и все! Тѣмъ и пошабашили... А на другой день и вольникъ подвернулся, мигомъ сдали...

Гость потеръ скомканнымъ ситцевымъ платкомъ собственный носъ и, запихнувъ платокъ въ боковой карманъ, продолжалъ:

— Вотъ-съ такъ и живемъ! Только черезъ семью и дышу... И точно: не оставляетъ Господь! Въ холерѣ былъ—живъ остался. Въ солдаты было-взяли, нашлись добрые люди — выкупили. Слава Богу! Не пожалуюсь! Благодарю! И теперь ужъ, на что время, сами знаете какое... а живу! сытъ!.. Что̀ дальше, Богу извѣстно. А пока ничего, слава Богу и за это!.. А что̀, вашскобродіе, вижу я у васъ на окнѣ посуду одну... Семъ я ее трону маленечко?

Я изъявилъ полное согласіе. Гость мой выпилъ стаканъ вина, отеръ рукавомъ губы и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Нѣтъ-съ, трудно, трудно нашему брату въ теперешнюю пору... Ой тяжело!..

— Отчегожъ вы,—спросилъ я:—выбрали такое занятіе, фокусы?..

— Да вѣдь выберешь и не такое, коли сюда подойдетъ (гость указалъ на горло): родители-то наши объ насъ не думали, когда на свѣтъ нарождали. Но я не ропщу! Видитъ Богъ!.. Маменька тоже и свою чистоту должна соблюдать... Извольте видѣть, какъ было: маменька-то были дѣвицы... А у нихъ на квартирѣ семинаристы жили... Вотъ одинъ былъ, Иваномъ звали... Черезо все это и вышелъ Капитонъ Иванычъ... Изволите понимать? Ну-съ, такъ вотъ они меня и отдали на воспитаніе въ чужіе люди. Помню, десяти годовъ я былъ, мать меня отъ чужихъ взяли и къ себѣ въ домъ помѣстили... И жалко-то ей и опасно. Въ ту пору за нее женихъ сватался. Ну и неловко. Призоветъ, бывало, меня съ улицы, хочетъ азбукѣ поучить, скажетъ: «азъ, буки». А калитка стукъ,—женихъ идетъ... Меня вонъ. «Спрячься на погребицу...» И сидишь. Да не одинъ женихъ мѣшалъ: чуть кто-нибудь и изъ своихъ ежели случится, все опасаются и вонъ посылаютъ... Вижу: и горько-то ей и не можешь никакъ пособить!.. Разъ гостила у насъ полгода тетка матушкина, такъ меня цѣлые полгода изо двора во дворъ гоняли. Какъ видишь, стемнѣло, — домой; а матушка ужъ въ саду у забора до-

жидается и ѣду принесла. Ѣмъ я, а она стоитъ да заливается, а потомъ уложитъ въ банѣ спать, перекреститъ, посидитъ еще, поплачетъ и пойдетъ... А чуть свѣтъ — я опять драла; гдѣ-гдѣ ни шатаюсь! Вотъ тутъ-то я и въ искусство началъ входить... Настоящей науки-то, то-есть читать-писать, не имѣлъ, мастерства никакого не зналъ, а во всемъ нуждался. Вотъ я и рѣшилъ по волшебному мастерству пойти... А тутъ маменька въ скорости замужъ вышла, ну ужъ тутъ мнѣ надо было совсѣмъ прочь уходить; вотъ я и сталъ со всякими проѣзжающими артистами знакомства заводить, сталъ примѣчать... Они меня куда-нибудь пошлютъ; я замѣсто того прошу секретъ мнѣ растолковать. Вотъ такъ и началось... По первому-то началу трудно мнѣ было. Разговоръ у этихъ, у иностранцевъ, чудной, ничего не разберешь. Ну а потомъ сталъ привыкать, помаленьку да помаленьку, да теперь и достигъ.. Съ кѣмъ вамъ будетъ угодно могу разговаривать. Нѣмецъ ли, французъ ли, арапъ ли...

— Съ арапомъ-то какъ же?

— Съ арапомъ-то? Да какъ же съ ними говорить?.. говоришь обыкновенно ужъ кой-какъ, какъ-нибудь тамъ разговариваешь: гара-дара, кара-бара, ну онъ и понимаетъ... —«А что̀, скажешь, семъ мы по рюмочкѣ кольнемъ?» —«Бара-бара!» Ну и выпьемъ... все едино! И можно даже сказать, что въ нашей землѣ эти разные языки ничего не сто̀ятъ; ежели въ нашу сторону попалъ, то свой языкъ долженъ прекратить. Потому у насъ первое дѣло: начальство, ты ему хоть по-каковски разсуждай, а прошеніе пиши по-нашему — на гербовой бумагѣ. Это разъ. И опять же Иванъ Филиппычу два съ полтиной ты отдай. На какомъ языкѣ ни лопочи, а ужъ онъ съ тебя стребуетъ; у него разбору нѣтъ — арапъ ты, или же ты нашъ православный. Цѣна одна для всѣхъ. Такъ-то-съ!

Разсказчикъ на время пріостановился.

— Такъ, докладываю вамъ, — продолжалъ онъ, вздохнувъ: — такъ вотъ я отъ дому поотбился... На семнадцатомъ годикѣ началъ я въ первый разъ отъ себя представленія давать; черезъ два года женился. Да такъ и живу! У маменьки-то теперь уже дочери замужнія—за благородныхъ выдала двухъ, третья дѣвушка при ней... Одинъ сынъ въ Санктпетербургѣ, въ военной службѣ, офицеръ. Кое-когда слухи доходятъ; къ маменькѣ иной разъ зайдешь съ задняго крыльца: пирога вынесетъ, поцѣлуетъ въ

лобъ, заплачетъ и скажетъ: — «ступай!». Сестры-то и знаютъ, кто я, но виду не показываютъ. И я на это не обижаюсь, истиннымъ Богомъ говорю. Кто я? Сказано: «непѣтый куличъ никто ѣсть не станетъ», такъ и я... Ежели они со мной передъ людьми знакомство выкажутъ, тотчасъ же мораль объ нихъ пойдетъ. Лучше же я ихъ оставлю. Дай имъ Господи всякаго благополучія! Сказывали, ужъ и за младшей женихъ присватывался, дай ей Богъ!.. Истинно—отъ души! И родителя тоже рѣдко вижу (давно ужъ въ камилавкѣ!). Издали только голову качнетъ, когда видитъ, что я ему кланяюсь... Чуетъ мое сердце, хочется ему мнѣ словечко сказать, ну да санъ ему не дозволяетъ. Такъ я вотъ все одинъ съ семьей и треплюсь! Однажды только военный-то братъ, что̀ въ Санктпетербургѣ, забѣжалъ ко мнѣ... Ужъ истинно осчастливилъ: какъ же-съ, сами посудите, благородный человѣкъ, и разыскивалъ меня по всему городу!.. Только и это дѣло у насъ не поладилось. Обрадовался я ему и послалъ тихонько за водкой. Надо же чѣмъ-нибудь человѣка принять!

— Сидимъ мы съ нимъ въ саду, толкуемъ. —«Позвольте, говорю, жену я вамъ свою покажу?..» —«Я ее, говоритъ, видѣть не могу... Она погубила тебя... Ты опустился, упалъ. Я, говоритъ, и шелъ затѣмъ, чтобы тебѣ это сказать... Ты долженъ, говоритъ, бросить жену... Ты самородокъ, она дубина!» Я руками и ногами. А въ это время—несутъ водку. Братецъ мой осерчалъ, и весьма осерчалъ... —«Ты, говоритъ, пьяница! Я хотѣлъ, говоритъ, тебя поднять, а ты свинья...» —«Помилуйте, говорю, братецъ! Вѣрьте Богу, истинно отъ души!» — «Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, я вижу... Это въ васъ самихъ, говоритъ, сидитъ подлость-то! Хочешь разъяснить ему, а онъ водку!.. Свинья!..» —«Да, братецъ...»—говорю.—«Нѣтъ, ты, просто, говоритъ, свинья, свинья и свинья... До свиданья! Прощай!» Хлопнулъ калиткой—и былъ таковъ. Такъ я больше никого и не видалъ изъ родныхъ у себя... Точно, грустно иной разъ бываетъ, всѣми оставленъ, ну, да зато жена, дай ей Богъ...

Черезъ нѣсколько минутъ, стоя у окна, я видѣлъ, какъ господинъ Ивановъ плелся по тротуару. Шелъ онъ тихо, заглядывая во внутренность лавокъ, и остановился у дверей фруктоваго магазина. Я видѣлъ, какъ лысый купецъ взялъ

у него изъ рукъ бумагу, посмотрѣлъ и опять возвратилъ, махнувъ рукой. Ивановъ вѣжливо раскланялся и поплелся дальше.

III. Идиллія.

(Изъ чиновничьяго быта).

Была осень. По небу бродили сѣроватыя тучи и медленно сыпали на мокрую и грязную землю хлопья рыхлаго снѣга.

У растворенныхъ воротъ одного небольшого домика въ три окна стояло два чиновника, держа другъ друга за руки.

— А то зайдемте, Семенъ Кузьмичъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ, въ старой шинели, надѣтой въ рукава, съ отвисшей изъ-подъ капюшона коленкоровой подкладкой.

— Да ужъ заходить ли?—въ раздумьѣ проговорилъ другой.

— Что̀ тамъ! эва! Заходите—да и только. Право, по одной пропустить истинно пріятно!

— Развѣ по одной?

— Ей-Богу! У меня есть этакая особенная... Пойдемте-ко!

— Н-ну, такъ и быть ужъ!

И они пошли.

Скоро они вошли въ небольшую комнатку. Въ углу горѣла лампадка передъ образомъ въ большомъ красномъ кіотѣ, на которомъ до самаго потолка громоздились просфоры въ бумажкахъ, расписанныя яйца и другіе подобные предметы. По полу разстилались чистые половики, у стѣнъ чинно размѣстилось нѣсколько старыхъ креселъ съ круглыми спинками.

— Прошу покорно!—сказалъ хозяинъ и, наскоро сотворивъ крестное знаменіе, направился въ чайную.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ. Старшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ семнадцати, разливала чай; мать ея, старушка, сидѣла тутъ же. На порогѣ показался отецъ.

— Ты съ кѣмъ это?—спросила жена.

— Съ Семеномъ Кузьмичомъ. Чайку намъ дайте да свѣчу! Поскорѣе!.. Эй ты, Марѳа!—крикнулъ онъ горничной:—свѣчу неси!

— Сейчасъ принесетъ,—проговорила жена.—Что̀ это долго такъ нынче?—прибавила она.

— Да, таки-долговато... Ирмосы тянули-тянули. Я думалъ, и конца не будетъ...

Проговоривъ это, мужъ хотѣлъ-было удалиться, но какая-то тайна, очевидно, мучила его. Нерѣшительно подвигаясь къ двери, онъ потиралъ кулакомъ спину и необыкновенно тихо заговорилъ:

— Поясница что-то...

— Опять, небось, распахнулся на паперти?

— Нѣтъ... О-охъ!.. Какъ ломитъ! О-ой!.. Ты бы намъ дала по рюмочкѣ, да закусить чего-нибудь.

— Пошли закусочки!—отчаянно произнесла жена.

— Ну что̀ закусочки? Мелетъ, не знаетъ что̀!

— Нѣтъ, знаю!..

— А ты, сдѣлай милость, молчи... Во сто тысячъ разъ лучше это будетъ.

— Что̀ молчи-то? И такъ все молчу. Совсѣмъ дурашная какая-то стала.

— И была-то не больно тово! Дура дурой и была-то!— безцеремонно замѣтилъ супругъ и вошелъ въ залу, аккуратно притворивъ за собою дверь.

Гость молчалъ. Молчалъ и хозяинъ.

— Намедни у Еноховыхъ «вѣчную кликали»,—наконецъ проговорилъ гость.

— А! Сорокоустъ?—спросилъ хозяинъ.

— Сорокоустъ-съ.

— Это когда?

— Третьяго-дня.

— Да-да-да. А мы съ Емельяномъ Иванычемъ были у Селезневыхъ на перепутьѣ.

— Что̀ же, какъ?—съ любопытствомъ спросилъ гость.

— Хорошо. Признаться, до такой степени, что именно— еле-еле...

— Хе-хе-хе-хе!

— Никольскій, Егоръ Егорычъ, знаете? такъ тотъ все просилъ, чтобъ его въ колодецъ опустили въ бадьѣ.

— Зачѣмъ же?

— Ужъ и ей-Богу даже совершенно не могу вамъ опредѣлить этого...

Хозяинъ и гость дружно засмѣялись.

Изъ сосѣдней комнаты показалась горничная съ подносомъ, на которомъ помѣщались графинъ водки и тарелка съ кусками бѣлаго хлѣба. Пріятели выпили.

Въ это время въ передней застучалъ кто-то калошами и хлопнулъ дверью.

— Кто тамъ?—спросилъ хозяинъ.

— Это я-съ!

— А-а!

— Кто это-съ?—полюбопытствовалъ гость.

— Сынъ мой.

Гость оправился.

Вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, съ примасленными волосами и лоснившимся лицомъ, выражавшимъ высокое смиреніе.

— Гдѣ былъ?—спросилъ отецъ.

— Въ Крестовой-съ,—подходя къ родительской ручкѣ и потомъ свидѣтельствуя почтеніе гостю, произнесъ сынокъ.

— Садись-ко!

— Сяду-съ.

— Водки хочешь?

— Не пью-съ.

— Ну что-жъ, много народу было?

— И-и Боже мой!..

— Тамъ вѣдь постоянно большое стеченіе,—вмѣшался гость.

— То-есть яблоку негдѣ упасть,—съ умиленіемъ добавилъ сынъ.

— А-а-а!..

— Да-съ. Нынче архіерейскіе пѣвчіе пѣли двухорное *Слава въ вышнихъ*, Бортнянскаго сочиненіе. Басы, я вамъ, тятенька, скажу, просто на стѣну лѣзли!

— Именно на стѣну,—вмѣшался гость.

— И какъ глотки цѣлы, подумаешь?—произнесъ сынъ и задумался.

Подали чай.

— Саня!—крикнулъ отецъ:—нѣтъ ли тамъ ромцу?

Въ сосѣдней комнатѣ мать и дочь встрепенулись.

— Послушай-ка, что-то говоритъ,—произнесла мать, вся обратившись во вниманіе.

— Рому спрашиваютъ,—отвѣчала дочь.

— Нѣту. Намедни съ этимъ же пьянчугой-то выпили.

— Нѣту рому, — пріотворивъ двери въ залу, проговорила дочь.

— Ну нѣтъ ли наливочки какой? Поищите тамъ...

— Наливочки пожалуйте!—говорила дочь матери.

— Слышала,—отвѣчала съ горечью та.

— Я къ маменькѣ пойду-съ?—вопросительно произнесъ сынъ.

— Поди!

— Вотъ подите же, человѣкъ вышелъ, — проговорилъ отецъ, кивнувъ головой на удалявшагося сына:—а я, признаться, совсѣмъ не ожидалъ.

— Что̀-о вы?

— Именно говорю: опасался, не ожидалъ. Да я вамъ что̀ скажу,— ближе придвигаясь къ столу, произнесъ хозяинъ:—онъ-было меня со свѣту сжилъ!

Хозяинъ вопросительно смотрѣлъ на гостя.

— Онъ какія со мной штуки дѣлалъ: опредѣлилъ я его на службу прямо изъ училища. Учился онъ хорошо: изъ закона пять, и изъ другихъ тамъ... тоже слава Богу! И начальники, случалось, ежели спросишь: какъ молъ?—тоже все говорятъ: «Слава, молъ, Богу!..» Ну, думаемъ съ женой: «слава Тебѣ, Господи!» И вообще по наукѣ, чистописаніе или что̀—не пожалуюсь! Ну только былъ этакій вялый, дробный. Думаю себѣ: придется кормить ни за что. Помѣстилъ его въ свой столъ. Только что̀ же? Разъ въ именины приноситъ мнѣ чашку.—«Вотъ, говоритъ, тятенька, прошу принять посильный даръ».—«Это ладно, говорю. Гдѣ ты деньги-то взялъ?» — «Посильные, говоритъ, труды». И замялся. Ну, я понялъ, порадовался: авось, думаю, облегчитъ бремя родительское. Почему же не брать хоть за справку или тамъ за что? Бери! Ну хорошо!.. Только что̀ дальше! Пріѣхалъ къ намъ гурьевскій мужикъ. Вотъ стоимъ мы съ нимъ въ палатскомъ коридорѣ и говоримъ промежду себя. Гляжу, мимо сынокъ идетъ. Посмотрѣлъ такъ-то на насъ и пошелъ. Немного погодя и я тоже пошелъ. Черезъ часъ никакъ иду къ этому самому мужику, авось, думаю себѣ, что-нибудь перепадетъ—гляжу, навстрѣчу сынъ. «Ты куда?»— «Никуда-съ, говоритъ. А вы не къ гурьевскому мужику?»— «Тебѣ на что?» — «Такъ-съ. Если къ нему, такъ не ходите-съ: я получилъ». Какъ сказалъ онъ мнѣ: «я получилъ», такъ я и обомлѣлъ. Какъ? у отца? сынъ? перебивать?—«Ты какъ же, говорю, смѣлъ это сдѣлать?»—«Виноватъ!» говоритъ. — «Сколько же, говорю, ты, мошенникъ, взялъ?» — «Рубль сорокъ», говоритъ. — «Подай, стервякъ ты этакой!»—«Тятенька!» говоритъ и заплакалъ... жалко стало! Отодралъ я его тутъ за виски, говорю:—«Не перебивай! Самъ собой какъ знаешь, а у отца ни-ни-ни! Помни, что и у отца твоего!..» Ну-съ хорошо, прошло никакъ

дня два. Опять такая штука; немного погодя—другая. И пошло-о-о! Вѣрите ли, никакъ мѣсяцъ домой съ пустыми руками приходилъ. Да что-жъ это, думаю, наконецъ... вѣдь этакъ, прости Господи, и безъ куска хлѣба не долго остаться? Что̀ онъ меня, аспидъ этакой, заморить, что ли, хочетъ? Не вытерпѣлъ: призываю, говорю:—«Убирайся изъ нашей палаты вонъ!»—«За что же?» говоритъ.—«За то, что я тебя видѣть не могу. Съ глазъ долой!»—«Тятенька, помилуйте!»—«Что̀ миловать? говорю. Ну вотъ, говорю, ты скажи-ка мнѣ, что̀ ты меня съ голоду хочешь уморить, что ли?»—«Помилуйте, тятенька, какъ можно!»—«Ну и убирайся, говорю, подавай просьбу за болѣзнію».—«Да, тятенька, говоритъ, я здѣсь обжился». Я такъ и обомлѣлъ!—«Да мерзавецъ же ты! Я здѣсь сижу тридцать пять лѣтъ, три дюжины стульевъ подъ собой просидѣлъ: все это мнѣ извѣстно!»—«И мнѣ, говоритъ, извѣстно». Измучился я.—«Да бери ты, говорю, гдѣ хочешь, только не препятствуй мнѣ. Не мѣшайся въ мои-то дѣла!.. Не мути моего покою! Что̀ ты, какъ бѣсъ, между ногъ бросаешься! Въ дураки меня не ставь!» Нѣтъ, да и полно!—вымолвилъ хозяинъ, разводя руками, и понюхалъ табачку.

Гость все время выражалъ въ лицѣ своемъ удивленіе, качалъ головой, безмолвно раскрывалъ ротъ и опять качалъ головой.

— Ну-съ, батюшка вы мой. «Нѣтъ, говоритъ, мнѣ здѣсь спокойно. Я, говоритъ, обжился». Что̀ дѣлать? Подумалъ-подумалъ да и махнулъ просьбу «нашему», что, молъ, будучи тѣснимъ безпрерывно своимъ единокровнымъ сыномъ, я прибѣгаю къ позлащеннымъ мудростію стопамъ вашего превосходительства, омочая оныя старческими слезами, ну и прочее, и прошу выгнать вонъ. Выгнали! Не вижу годъ. Разъ какъ-то въ соборѣ на Страстной, гляжу: стоитъ въ шубѣ. Енотовая славная шуба! Я ничего, ни-ни-ни... Начали выходить, гляжу это съ паперти, подаютъ ему дрожки. «Ну, думаю, авось и на новомъ обжился». Немного погодя, слышу-послышу—въ чиновники особыхъ порученій въ слободы раскольничьи назначенъ. Н-н-ну, думаю...

И хозяинъ и гость разомъ выразили удивленіе подвигамъ молодого чиновника.

— Никакъ черезъ мѣсяцъ на конной, вижу, жеребца торгуетъ, къ лѣсу прицѣняется. Разъ какъ-то сижу я дома, отъ ранней пришелъ, подаютъ записку отъ кого-то. Читаю: «Милостивый Государь тятенька!!» А! думаю... «Долго и

напряженно думалъ я, какъ васъ назвать, наконецъ называю тятенька». Посмотрѣлъ внизъ—подписано: «сынъ вашъ такой-то». Читаю далѣе, проситъ прощенія. Подумалъ я: что̀ мнѣ злиться? Взялъ и пишу: «Сынъ! когда ты меня называешь тятенькою, то я тебя сыномъ моимъ называю». Подписался: «Отецъ» и послалъ. Прилетѣлъ самъ, увезъ меня къ себѣ. Гляжу: бариномъ живетъ. Дамочка какая-то ходитъ.—«Кто, говорю, такая?»—«А это», говоритъ... и, знаете, замялся. Ну, я смекнулъ—кто такая, усмѣхнулся, говорю:—«Ничего», успокоилъ его, говорю:—«Всѣ мы грѣшны».

Гость осклабился.

— Угостилъ онъ меня тутъ обѣдомъ. Славный былъ обѣдъ: разварная стерлядь, вершковъ въ пятнадцать, а то и весь аршинъ. Да-а-а! Ну и выпили мы тутъ. Разгорячившись, я подзываю его метрессу и даю ей полтинникъ. Обидѣлся вѣдь!

— Обидѣлся?—спросилъ гость.

— Обидѣлся! «Тятенька, говоритъ, неужели же я, говоритъ, не могу удовлетворить моему грѣховному поступку?..» Хе-хе-хе!..

Гость тоже залился смѣхомъ, но потомъ крѣпко вздохнулъ и, грустно покачивая головою, произнесъ:

— Охъ, дѣтки, дѣтки! Что̀ горя-то съ ними перенесешь! У меня тоже существуетъ сынокъ. Только, я вамъ скажу, поискать да поискать, а такого животнаго наврядъ ли гдѣ сыскать можно.

Гость раздулъ ноздри и, выпучивъ глаза, уставился на хозяина.

— Да-съ. Примѣрная скотина! Непочтителенъ, грубъ, безбожникъ. Сидитъ за книжкой—молчитъ. «Чего это ты, говорю, молчишь?» — «Ничего». Я какъ тресну по рожѣ. Только позеленѣетъ! «Вотъ тебѣ, говорю, ничего: будешь знать, какъ родителю отвѣчать». Не пронялся же! Разъ встаемъ изъ-за стола, не перекрестился! Говорю: «почему ты не перекрестился?»—«Я, говоритъ, такъ хочу».—«А я, говорю, тебя изувѣчу».—«И я тебя, говоритъ, изувѣчу...»—«Да я—отецъ?»—«А я, говоритъ, сынъ!» Я ему прямо въ волоса! Ужъ трепалъ, трепалъ!—ибо силъ моихъ болѣе не хватало... терпѣть!

— Гдѣ стерпѣть!

Часа черезъ два съ крыльца сходилъ, еле держась на ногахъ, гость. Хозяинъ тутъ же стоялъ со свѣчой, покачиваясь изъ стороны въ сторону; его за рукавъ придержи-

вала дочь. И хозяинъ и гость что-то бормотали, но что̀ именно, разобрать было трудно.

На дворѣ была темь.

IV. Зимній вечеръ.

(Изъ чиновничьяго быта).

1.

Осень тянулась долго; цѣлые дни и ночи лилъ дождь щелкалъ капель, и слякоть на улицахъ дѣлалась все ужаснѣе, грозя потопить весь городъ. Бабы думали, что зимы совсѣмъ не будетъ, полагали, что гдѣ-нибудь «морба-холера» началась, или что-нибудь подобное, только вообще «не къ добру», и пугались. Но зима таки-пришла и заковала все сразу. Еще вечеромъ была настоящая грязная, дождливая осень, а утромъ царствовала зима. Снѣгу, правда, не было, но морозъ сковалъ всѣ взрытыя посреди улицъ колеи грязи, и по поверхности замерзшихъ лужицъ мальчики смѣло катались на конькахъ.

А скоро повалилъ снѣгъ, и настала настоящая зима.

Смеркается зимой рано. Часу въ пятомъ вечера на западѣ горѣли какія-то красныя, студеныя пятна; полусонныя вороны тучей поднимались съ крыши присутственныхъ мѣстъ, почему-то такъ любимыхъ ими, каркая проносились надъ городомъ и на пути разсыпа̀лись по обнаженнымъ сучьямъ деревъ, торчавшихъ въ садахъ, среди глубокаго снѣга. Въ эту пору движеніе въ Барановой улицѣ затихаетъ: тьма быстро сходитъ на землю, и кое-гдѣ зажигаются огоньки. Въ домахъ въ это время закрываютъ ставни; во тьмѣ слышенъ скрипъ по снѣгу валенковъ, хлопанье ставней и стукъ кулака въ желѣзный болтъ. Улица замѣтно начинаетъ пустѣть: все живое словно замерзаетъ и коченѣетъ. Только и копошится толпа мальчишекъ, изъ-подъ горы втаскивая длинную ледянку; задыхаясь и дѣлая широкіе шаги, взбѣгаетъ вся толпа на вершину покатой улицы и черезъ минуту мчится снова, размѣстившись одинъ за другимъ. Они подталкиваютъ ледянку ногами и въ это время всѣ разомъ говорятъ и размахиваютъ руками; между тѣмъ ледянка начинаетъ забирать въ сторону, врѣзывается въ сугробъ,

и скоро вся компанія лежитъ на снѣгу, заливаясь звонкимъ смѣхомъ. Катанья въ хорошую погоду продолжаются долго; но сегодня что-то «сиверко», и поэтому гуляки скоро разбредаются по домамъ.

Въ домѣ чиновника Галкина, помѣщавшемся на концѣ улицы, давно отпили чай, о чемъ свидѣтельствовали опрокинутыя чашки, залитая скатерть, мокрые куски хлѣба, валявшіеся по столу тамъ и сямъ. Въ комнатѣ было темно: свѣчку заслонялъ большой самоваръ, допѣвавшій въ эту пору свою, такъ недавно еще бурливую пѣснь; пѣніе его было уже сонное, вялое; онъ поминутно запѣвалъ на разные тоны, но на первыхъ же порахъ замолкалъ и черезъ нѣсколько времени затягивалъ снова, на другой ладъ, чтобы замолчать опять.

Около стола, въ тѣни самовара, сидѣла жена чиновника, дожидаясь, пока встанетъ мужъ, мѣрно храпѣвшій за ширмами; пѣнье самовара приковывало всѣ мысли задумавшейся чиновницы, и думы эти такъ же печально бѣжали въ ея головѣ, какъ жалобно пѣлъ самоваръ.

«Вотъ зима, — думала чиновница: — холодъ... ребятишкамъ надо шубенки... чулки теплые... а гдѣ взять?.. Все больше да больше... не напасешься... одни башмаки одолѣютъ... Не успѣютъ надѣть, подавай новые... каторга! Не дать жалко, не подкидыши какіе-нибудь... свои... мать тоже... какъ ни на есть — а любишь, не кинешь, не убѣжишь... Тутъ вотъ еще новаго жди... Кто-то будетъ: мальчикъ либо дѣвочка? Богъ знаетъ!»

«Мальчика бы,—думаетъ опять чиновница:—съ мальчикомъ хлопотъ и возни меньше, съ дѣвочкой возись! Когда-то еще вырастетъ и гдѣ жениховъ найдешь? Женихи-то, по нонѣшнему времени, рѣдки... Нѣтъ чтобы пристроиться, все больше — вѣтеръ ходитъ, ни постоянства ни степенности! Ловить ихъ надо; а какъ его поймаешь? Блоху и то трудно поймать, а жениха невпримѣръ... безъ приданаго трудно! Нѣтъ, мальчикъ лучше! Того только знай, когда сѣчь, а ужъ онъ дорогу найдетъ, выскребется изъ бѣды...»

— Что̀ это онъ въ самомъ дѣлѣ спитъ-то? — говоритъ чиновница вслухъ.—Иванъ Егорычъ!.. Чай давно отпили, простылъ совсѣмъ самоваръ!

Иванъ Егорычъ всхрапываетъ отрывисто, словно чего испугавшись во снѣ, и не отвѣчаетъ.

«Заспался», — рѣшаетъ чиновница и думаетъ: «А дѣвочкѣ хорошо какъ мужъ попадется... Да коли хорошій

человѣкъ будетъ... За чиновника выйдетъ — бить будетъ, пьянъ когда напьется—нѣтъ хуже! За купца — тоже бить будетъ... Убѣжать отъ мужа? Куды отъ него убѣжишь?.. Поймаютъ, вдвое дадутъ... А тамъ ребята пойдутъ... жалованье небольшое, въ обрѣзъ... доходовъ нѣту. Нониче господа сами «хлопочутъ», бывало, откупались, теперь все сами... Ребятъ наплодитъ, чѣмъ жить?..»

Самоваръ вдругъ началъ хрипѣть, словно умиралъ и испускалъ послѣднее дыханіе. Чиновница сразу встала со стула и принялась будить мужа.

— Что̀ это въ самомъ дѣлѣ: всякій разъ ждешь-ждешь, самоваръ кипитъ-кипитъ!.. Иванъ Егорычъ!..

— Не хочу! — необыкновенно скоро и очень невнятно проговорилъ мужъ.

— Встанешь, что-ль? Слава Богу, съ третьяго часу завалился... до коихъ поръ... всѣ напились давно...

Мужъ ровно дышалъ, обернувшись къ стѣнѣ.

— Ну какъ знаешь... Не пеняй!

Чиновница подозрѣвала, что мужъ слышитъ...

— Какъ хочешь! Не встаешь и не вставай! Скажу самоваръ убирать...

Мужъ не отвѣчалъ.

— И сиди безъ чаю! До двѣнадцатаго часу, что-ль, держать? И такъ никакого порядку нѣтъ!.. У другихъ всѣ разомъ отопьютъ, тихо, смирно... а у насъ какъ постоялый дворъ!

Чиновница начинала входить въ раздражительный тонъ.

— Одинъ придетъ, другой уйдетъ... пять самоваровъ, что ли, ставить? Ты хоть бы для примѣру... хозяинъ ты называешься, или нѣтъ! Хозяинъ! Протянулся какъ колода: нечего сказать—примѣръ!.. Кто бы со стороны посмотрѣлъ, похвалилъ бы. До седьмого часу, легко сказать! Будишь-будишь...

— Отстань!—гаркнулъ мужъ.

Чиновница сразу замолкла, ибо при концѣ своего монолога начинала думать, что мужъ не слышитъ, и говорила единственно ради того, чтобы высказать накипѣвшія на душѣ обиды.

— Зуда!—добавилъ мужъ, когда чиновница снова сидѣла у самовара:—ду-ду-ду-ду-ду-ду! Минуточки покою не дадутъ.

«Какого еще покою? — подумала чиновница: — заплыли глазища отъ дрыхни, все безпокойно!..»

— И бери свой самоваръ, очень нужно!—тише и скромнѣе заключилъ мужъ, укладываясь покойнѣе и закрывая глаза.

Чиновница молчала и думала:

«Возьми-ко самоваръ-то, самъ послѣ будешь зудѣть: хозяину глотка чаю не дали; пою, кормлю, — а самъ все съ голоду...»

И самоваръ остался на столѣ. Чиновница была обижена и поэтому впала въ какое-то тупое, бездумное состояніе, которое у ней иногда ни съ того ни съ другого разрѣшалось слезами. Она встала и вошла въ дѣтскую.

Это была небольшая комната, биткомъ набитая дѣтскими кроватками, люльками и наполненная какимъ-то нездоровымъ воздухомъ, потому что здѣсь на веревочкѣ, протянутой около печи, сушились дѣтскія одѣяльца, пеленки и проч. Стѣны были ободраны, въ особенности около дѣтскихъ постелей; изъ-подъ болтавшихся лоскутьевъ обоевъ виднѣлись какія-то мелко исписанныя бумаги, линованные бланки, газетныя объявленія и проч. Въ углу висѣлъ длинный и темный образъ, а сбоку, на стѣнѣ около гвоздя, къ которому цѣплялся шнурокъ отъ лампадки, темнѣло большое пятно, нахватанное масляными пальцами. Дѣти шумѣли, тащили кошку; другія, съ болѣе мирными наклонностями, устраивали изъ стульевъ театръ и представляли Петрушку, котораго они еще въ прошломъ году видѣли въ балаганѣ у Спаса на Хлѣбной площади, во время масленицы. Въ углу тихо поскрипывала люлька, и надъ ней засыпала кормилица.

— Гдѣ это наша Ѳедосья?—спросила чиновница.—Пришла она?

— Пришла... Въ кухнѣ грѣется,—сказала нянька.

— Что̀ это, хоть бы ее позвать, что ли, ужъ? Скука такая...

— Семъ я сейчасъ позову?

— Позови! Я ей чайку налью... Разсказала бы что-нибудь, рань такую ложиться, не заснешь...

Нянька встала, положила на кровать почернѣвшій шерстяной чулокъ, со спицами и клубкомъ, и направилась въ кухню.

2.

Ѳедосья Гавриловна, или попросту Гавриловна, была богомолка; цѣлые десятки лѣтъ ходила она по святымъ мѣстамъ, и въ ея берестовой коробочкѣ (изъ-подъ икры) можно было найти разныя драгоцѣнности, взятыя на самомъ мѣстѣ святыни и крѣпко хранимыя, какъ воспоминаніе объ нихъ.

Тутъ были богородицыны слезки, вата отъ Иверской, песокъ изъ кіевскихъ пещеръ, пузырекъ почаевской воды съ выдавленной на стеклѣ ножкой и проч. Во время долгаго хожденія своего по Руси завела она въ разныхъ городахъ, у купцовъ и чиновниковъ въ достаткѣ, знакомыхъ и заходила къ нимъ зиму зимовать. Но наставала весна, вѣяло тепломъ—и Гавриловна путешествовала снова, награжденная какимъ-нибудь рублемъ и строгимъ наказомъ помянуть въ Ахтыркѣ «раба Божія Кузьму со чады»... Приходъ Гавриловны на зимовку всегда былъ радостенъ: мало ли разскажетъ она чудесъ, которыя совершались тамъ и сямъ на Руси и про которыя мы, навѣки прикованные къ городу, ничего не слыхали? А Гавриловна все это представитъ какъ по-писанному. Казалось, что она вовсе не старѣла; одежонка ея не мѣнялась, не худилась и не особенно маслилась; ни о какихъ недугахъ не знала она и хворала только послѣ долгаго осѣдлаго житья. Къ концу такого житья она обыкновенно успѣвала пересказать все видѣнное въ теченіе года и отъ-нечего-дѣлать начинала впадать въ сплетни. Уличала кухарку въ нехорошемъ дѣлѣ, кучера въ кражѣ овса и проч. По всему дому затѣвался шумъ, шла интрига и брань, и все оканчивалось тѣмъ, что у самой Гавриловны враги находили какую-нибудь хозяйскую вещицу: ложку чайную, платокъ носовой или что-нибудь подобное. Непріятности устраивались, и Гавриловна, обиженная и негодующая, торопливо надѣвала на себя котомки и узелки, прощала всѣмъ грѣхи и обиды (при чемъ кучера и кухарки начинали плакать) и уходила на богомолье.

— Зачѣмъ ты странствовать-то пошла? — спрашивали ее.

— А затѣмъ и пошла, что съ людьми никакого ладу нѣту! Я, милые мои, съ малаго измальства въ господскомъ домѣ жила, потому, ежели по правдѣ посудить, и сама-то я господской крови, не мужичьей...

— Какъ такъ?

— Случай такой... При французѣ еще... Шелъ на нашу деревню французъ втѣпоры... Барыню въ городъ отвезли, а дѣвки-то съ бариномъ остались... и мать моя тутъ... Слышимъ-послышимъ, скоро надоть французу подступать... мать это мнѣ разсказывала. — «Начали, говоритъ, мы робѣть... Такъ робѣемъ, такъ робѣемъ—невозможно сказать!» Вотъ однова баринъ и говоритъ: —«Идите, говоритъ, дѣвки ко мнѣ въ покои, всѣхъ я васъ отбороню». Онѣ обыкновенно

втѣпоры что̀ понимали? Дуры какъ есть были... и пошли! Баринъ у насъ ухъ какой былъ — Богъ съ нимъ! Ну, родилась я тутъ... Барыня была у насъ добрая, взяла она меня въ комнаты на обученіе... Бездѣтные они были... Стала я подрастать, все примѣчаю, все примѣчаю... Вижу, людишки крадутъ, воруютъ... тащатъ... Я сейчасъ тихимъ манеромъ барину али бы барынѣ: «такъ и такъ»... А господа нешто хвалятъ за это?—драть!.. Отдерутъ его, вора, какъ лучше, пріутихнетъ онъ, а потомъ опять тѣмъ же порядкомъ: и хлѣбъ волокутъ и мясо волокутъ... А я опять — и опять драть его на конюшнѣ... За это-то меня и не возлюбили: всякую пакость мнѣ дѣлаютъ; я терплю, думаю: Господь за правду терпѣлъ, семъ и я... Все терплю. Только однова поваръ... была у него собака... Вышла я разъ на крыльцо кольцо поднять, — барыня въ окно уронила, а поваръ собакѣ: «кусь-кусь!». Собака какъ прянетъ да цапъ меня за носъ!.. Такъ уродомъ я и осталась... Залилась я, милые мои, слезами, плачу, причитаю: какъ безъ носу жить? какъ на народъ глядѣть? Такое-то ли горько рыдала! Думаю: «Господи! хошь у Тебя правду найду настоящую!» Взяла одѣлась-обулась въ худенькій кафтанишко, простилась съ селомъ, съ полями, съ лѣсами: «прощайте, лѣса, прощайте, поля, прощай, мать сыра-земля, прощайте, птицы-звѣри лѣсные!» Вышла я за село, заплакала, поклонилась барскому дому да церкви Спасъ-Преображенія—и пошла...

— И много, чай, старушка, исходила?

— И, милые, гдѣ-гдѣ я ни была! Чего ни видала!..— говорила обыкновенно Гавриловна и тутъ же принималась разсказывать.

3.

Гавриловна, цѣлый день скитавшаяся по обѣднямъ и купцамъ, поздно вечеромъ воротилась въ домъ Галкиныхъ и, разувшись, лежала на полатяхъ. Въ кухнѣ было тихо; работница дремала въ углу у стола, подпирая щеку рукою; кучеръ сидѣлъ тутъ же и чесалъ волосы, которые въ настоящую минуту закрывали всю его физіономію. Изъ рукомойника капала въ ушатъ вода, и за печкой перекликались сверчки.

— Ну, что-жъ ты все такъ и странствуешь?—хладнокровно спрашивалъ кучеръ, поднося гребень къ свѣту и раздвигая пальцами волосы, застилавшіе глаза.

— Все и странствую.

— Доброе дѣло!.. А то бываютъ тоже странники: иному въ острогѣ надо быть, ежели по закону, а онъ странствуетъ.

— Ну что̀ мелешь? Ну что̀ твой языкъ глупый мелетъ?— въ негодованіи воскликнула кухарка. — Про кого ты такія слова говоришь?

— Нешто я вру?

— И есть врешь! Про Божьяго человѣка какіе разговоры разговариваешь.

— За это, милые,—вмѣшалась съ полатей Гавриловна:— за это, милые мои, крѣпко взыщется!

— За что?

— А не осуждай! Спокаешься—да ужъ поздно!

Кучеръ продолжалъ чесать волосы, шумя гребешкомъ.

Гавриловна ворочалась на полатяхъ и отъ времени до времени произносила:

— Какъ-такъ можно обзывать? Это невозможно! За это какъ достается-то? и-и-и!..

Въ это время въ кухню вошла нянька и позвала Гавриловну.

— Поди, барыня чайку дастъ.

— Охъ, пила я!..

— Ну все-равно, соскучилась очень. Поди!

Гавриловна, кряхтя, начала слѣзать съ полатей и потомъ вмѣстѣ съ нянькой отправилась въ горницу.

Кучеръ, кончивъ свой туалетъ, долго думалъ, за что приняться, и наконецъ рѣшился пойти въ горницу послушать, какъ будетъ Гавриловна разсказывать. Осторожно ступая своими огромными сапогами и бокомъ пролѣзая въ дверь, подкрался онъ къ дѣтской и схоронился за притолкой, выставляя въ дѣтскую только голову. Тутъ же около дверей толпились кухарка, горничная и еще неизвѣстно какая-то баба. Гавриловна сидѣла на полу, у печки, протянувъ свои худыя ноги, обутыя въ башмаки, плетеные изъ покромокъ солдатскаго сукна; кругомъ ея лѣпились ребята, на кровати сидѣла хозяйка, и всѣ вмѣстѣ внимательно слушали разсказы старухи.

— ...Ну,—говорила она:—иду я, милые мои, изъ Звенигорода къ Миколѣ Можайскому. Въ сумочкѣ у мене тридцать пять рублей денегъ,—зиму зимовала я въ Москвѣ, у купчихи у Скандириной, и платила она мнѣ за труды. Денегъ этихъ я ни чуточки даже не тратила, думаю: «къ Соловецкимъ монастырямъ пойду». Ну иду. Товарокъ со

мной не было, иду одна. Только на дорогѣ вижу—идетъ старушка. — «Здравствуй». — «Здравствуй».—«Куда?» — «Туда-то». — «И я. Пойдемъ вмѣстѣ». Пошли. Шли-шли, а старушка и говоритъ тихимъ такимъ голосомъ: — «Прочіе, говоритъ, вокругъ себя деньги, паспорты обшиваютъ».—«Какія у меня деньги! говорю... Христовымъ именемъ, говорю, не разживешься».—«Да, такъ, такъ». Идемъ, приходимъ мы въ деревню,—вечеромъ ужъ было; зашли въ избу,—старая баба въ печи парится. Очень меня охота взяла попариться,—кости болятъ, и ноги и руки.—«Раба, говорю, Божія, семъ мы, странницы, малость попаримся?»—«Да вы не бѣглыя?»—«Нѣтъ, говоримъ, мы прохожія».—«Ну парьтесь». Раздѣлась моя товарка, и вижу я—вся-то она въ рубищѣ. Рубашка рваная, въ узлахъ... Жаль мнѣ ее стало, говорю:—«нà рубашку». Свою ей рубашку дала. Попарились мы, вылѣзли,—ноги, руки у меня заныли, легла я спать на полати и въ тую-жъ минутую заснула. Только слышу, кто-то будто около меня шевелится. Перепугалась я, думаю, кто такое. Господи Іисусе Христе!—«Кто здѣсь? Врагъ сатана, откачнись отъ меня». Нѣтъ, никого нѣтъ. Сплю я опять. Товарка на лавкѣ тоже, слышу, спитъ... Только впросонкахъ кто-то опять меня толкаетъ:—«Вставай, говоритъ, разиня, сумку твою товарка унесла!» Схватилась я: ахъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ! Чтò такое? Господи! Ничего не придумаю. Плачу-причитаю; гдѣ паспортъ? гдѣ тридцать пять рублей денегъ? Вотъ тебѣ: «прочіе вокругъ себя деньги, билеты обшиваютъ!» Ахъ, ты, подлая!.. Матушка Царица небесная, защити!..» Одѣлась, побѣжала... Куда бѣжать? Думаю, пойду опять старой дорогой... Пошла къ Звенигороду. Какъ деревня, въ каждую избу иду спрашивать. — «Не видали ли вы, тутъ странница проходила?»—«Какая?»—«Рябая, сумочка у нея кожаная, моя сумочка-то». И все разскажу: — шла я, идетъ богомолка; пошли вмѣстѣ; она говоритъ: «прочіе вокругъ себя деньги, билеты обшиваютъ...» И все по порядку. — «Ахъ, ты, дура-дура», говорятъ...—«Не видали ли?»—«Нѣтъ, не видали...» Въ другую избу зайду, разскажу опять... И все меня же лаютъ!

— Плачу я, иду дальше. Пришла въ Звенигородъ, къ знакомому чиновнику въ домъ. А у нихъ пиръ: приказные судейскіе подгуляли.—«Чтò тебѣ, баба?»—Такъ и такъ... Иду Богу молиться. Встрѣтила старушку, пошли вмѣстѣ: «прочіе, говоритъ, вокругъ себя деньги, билеты обшиваютъ».

Я думала, она добрая, а она меня обобрала. Батюшки, защитите!..—«Стой, старушка, не робѣй... Мы тебѣ сейчасъ бумагу напишемъ». Начали они писать мнѣ. Написали.—«Снеси ты эту записку на ту сторону, въ лавку къ купцу Гвоздеву; онъ тебѣ скажетъ, что̀ нужно». Прихожу къ купцу, прочиталъ онъ и говоритъ:—«Двѣнадцать бутылокъ пива приказано съ тобой прислать... Донесешь ли?» Залилась я опять; ишь какую шутку сшутили! Нечего дѣлать, понесла я пиво; принесла, говорю:—«Батюшки, не надругайтесь надо мной. Такъ я обижена. Пособите!..» Сжалились они, начали писать бумагу, но никакъ не могли написать ничего, потому очень ужъ пьяны были... Человѣкъ пять брались писать, все не выходитъ... Пера не могутъ держать; наконецъ одинъ подходитъ и говоритъ:—«Пусти, я!» Тотъ чиновникъ пустилъ. А этотъ другой-то началъ выводить перомъ. «Ахъ, говоритъ, жаль старушку!..» Вижу я, что и этотъ ничего не можетъ, только думаю: авось какъ-нибудь. А онъ мурчалъ-мурчалъ, да видно позабылъ спьяну-то, о чемъ я прошу,—да какъ вскочитъ, да гаркнетъ:— «Тебѣ чего тутъ? Какого тебѣ дьявола тутъ возможно написать?.. Ты кого безпокоишь?..» Кричитъ, милые мои, словно разсудку рѣшился. Я бѣгомъ отъ него бѣжать... Онъ за мной...—«Въ гробъ заколочу бродягу!»

— Выскочила, да опять въ поле... Сѣла на распутьѣ, вылавыла, думаю: куда бѣжать? Пойду опять къ Миколѣ Можайскому... Иду-иду да заплачу; ударюсь объ земь, вою! Подхожу къ Можайскому,—рѣка... Время было—весна самая; ледъ хрупкій, желтый; думаю, какъ перебраться на ту сторону? Ну провалюсь? Перекрестилась, поползла ползкомъ и все причитаю: «Угодники Печерскіе, угодники Переяславскіе, угодники Соловецкіе, Воронежскіе, ты, Микола Можайскій, пособите старушкѣ! Не потопите ее, грѣшную, безъ покаянія, безъ причастія!..» Переползла... Думаю, подсобили угодники Божіи... Прихожу въ Можайскъ къ купчихѣ знакомой. Плачу-причитаю... «Что̀ ты?»—«Такъ и такъ... Иду дорогою, вижу, старушка... «Прочіе, говоритъ, вокругъ себя деньги, паспорты обшиваютъ...» Я думала, она добрая, а она меня обобрала!»—и все по порядку разсказала.

— «Не видали ли, говорю, богомолки такой-то вотъ?.. Рябая она...» — «Рябая?» — «Рябая... Сумочка кожаная... Моя сумочка-то».—«Видѣла рябую... Она у меня теперь гоститъ».—«Матушка милая! покажите вы мнѣ ее!..» За-

молилась я тутъ, себя не помня.—«Она, говоритъ купчиха, теперь у всенощной». Я ко всенощной. Вошла въ церковь, купила свѣчку, зашла спереди; сама ставить начала, чтобы мнѣ спереди-то ее разсмотрѣть, вижу—будто она. Хорошо-то не разгляжу, въ зимнемъ придѣлѣ въ то время служили, церковь темная... Семъ, думаю, рядышкомъ съ ней стану, помолюсь. Стала; она въ землю, и я въ землю... Смотрю, смотрю—она! «А, думаю, безсовѣстная!», а сама все молюсь... Отошла заутреня, выходимъ мы на паперть, я ее за рукавъ.—«Батюшки, защитите! бьютъ меня, странницу невинную!..»—А я ей:—«Подай сюда сумку, безстыжая! Вотъ зачѣмъ: «прочіе вокругъ себя деньги, билеты обшиваютъ», а?» Собрался народъ, я за сумку тяну. Начали мы судъ судить. Купецъ какой-то подошелъ, говоритъ мнѣ:—«коли твоя сумка, скажи, что̀ въ ней?» Я начала:—«платокъ клѣтчатый, паспортъ Ѳедосьи Гавриловой, Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи...» — «Гляди». Посмотрѣли въ сумку—такъ точно. Тогда купецъ говоритъ воровкѣ:—«Моли Бога, что я сегодня именинникъ, а то я-бъ тебя, шкуру, въ казематѣ сгноилъ бы...» И ушелъ. Воровка плачетъ; сумку мнѣ отдала. Начала я считать деньги, вижу—три мѣдныхъ гривны... Бросила ей — не мои. Я сосчитала деньги—всѣ. Тутъ зачала она у меня прощенія просить: «прости да прости».—«Ну, говорю, Богъ съ тобой...» Пошли мы съ ней вмѣстѣ къ купчихѣ. Воровка все плачетъ, прямо ей въ ноги—прости, вишь, ее. Никогда такого грѣха не было, а тутъ врагъ совратилъ: «цѣлую ночь, говоритъ, показывался; глазища зеленыя и все шепчетъ: «возьми сумку!»

— Ну, тутъ ее всѣ простили. Купчиха говоритъ: — «Я сейчасъ увидала, что ты недобрая женщина; зачѣмъ ты сумочку, какъ пришла, подъ лавку сунула?..»—Такъ вотъ какъ: «прочіе деньги, билеты обшиваютъ»!..

— Пожила я тутъ деньковъ, можетъ, съ пятокъ, опять въ дорогу...

— Погоди,—перебила чиновница:—я пойду мужа разбужу, пусть онъ послушаетъ... онъ это любитъ!

— Разбуди!

Чиновница пошла. Проходя темную дѣвичью, она услыхала, что кто-то въ углу пискнулъ; ей показалось, что это Аксинья, горничная, и она сочла нужнымъ сдѣлать ей замѣчаніе.

— Аксинья!—сказала чиновница съ укоромъ:—что̀ ты маленькая, что ли, все хи-хи-хи?

— Да что же онъ трогается!—отвѣчала Аксинья изъ темнаго угла, и вслѣдъ затѣмъ въ дверь, идущую въ сѣни, съ шумомъ вылетѣлъ невидимый въ темнотѣ кучеръ.

— Маленькіе! разыгрались!

— Нашли мѣсто,—добавила Гавриловна.

Чиновница принимала всевозможныя мѣры для того, чтобы поднять мужа на ноги; но всѣ усилія были напрасны. Мужъ говорилъ какъ-то несвязно, и то по одному слову, такъ что изумленная и разобиженная жена наконецъ озлобленно спросила:

— Боишься ли ты Бога-то?

— Не боюсь! — отчетливо проговорилъ впросонкахъ чиновникъ.

Жена была такъ удивлена такимъ отвѣтомъ, что нѣсколько времени молча стояла надъ тѣломъ мужа, думая, что тотъ опомнится и ужаснется своихъ словъ. Но тотъ былъ безмолвенъ и недвижимъ. Чиновница только могла произнести:

— Ска-жите на милость!.. а? Какія словечки выучился говорить?.. Прекрасно!

Пораженная отвѣтомъ мужа, медленно пошла она къ дверямъ и продолжала:

— Вотъ дождались!.. Такъ-то ли явственно выговариваетъ, не постыдится; какъ языкъ-то поворачивается? тьфу!

— Ну что?—спросила Гавриловна, когда чиновница явилась въ дѣтской.

— Какъ камень!.. Я ему то-се, а онъ мнѣ такое словечко сказалъ...

Чиновница развела руками.

— Мужчина! ужъ это обыкновенно!—произнесла нянька.— Мой тоже покойникъ: иной разъ такое прочтетъ... молчишь!

— Всталъ, что-ль?—спросила Гавриловна.

— Какъ же! На томъ свѣтѣ проснется развѣ... Разсказывай!..

Всѣ снова начали готовиться слушать. Въ это время сѣнная дверь хлопнула опять.

— Аксинья! ты?—спросила чиновница.

Никто не отвѣчалъ.

— И эта туда же улетѣла!

— Поиграть захотѣлось,—сказала нянька съ улыбкой.

— Ну я знаю, я ей наиграю спину-то... Разсказывай, Гавриловна.

— Да вы слушать-то устали?..

— Разсказывай, Богъ съ тобой... Что̀ ты?

— Ну такъ и быть. Вотъ, думаю себѣ, пойду я теперича на Москву, а оттуда въ Соловецкій монастырь. Иду. Все, слава Богу, благополучно; но только подъ самой подъ Москвой иду я пролѣскомъ, проселокъ этакой неѣзженный и мостикъ ветхонькій, черезъ овражекъ-то. Заблудилась я, что-ль, только народу по этому тракту совсѣмъ не видать... Ну иду. Взошла на мостъ, какъ откуда ни возьмись—солдатъ... Оборванный, худой, глазища страшныя, желтый лицомъ.—«Есть сухари?» Перепужалась я—говорю: «Есть!..»—«Давай!..» Начала я развязывать узелокъ.—«Давай!» кричитъ.—«Дай развязать-то!»—«Давай!» да и полно! И вижу я, что совсѣмъ онъ обголодалъ. Не вытерпѣлъ онъ, началъ съ меня самъ узлы рвать, отыскалъ узелокъ съ сухарями—ѣстъ! И тряпки рветъ зубами и сухари жуетъ на обѣ щеки—звѣрь-звѣремъ! Вижу, схватилъ все имущество мое и прочь бѣжитъ. — «Пачпортъ-то! кричу, пачпортъ-то!.. Все возьми!..»—«Только пикни!»—«Голубчикъ! Служивый, на что̀ онъ тебѣ? Бабій-то видъ?» — «Удавлю!» кричитъ... самъ не зная что̀!

— Я опять молить его... ничего не говоритъ — идетъ; вижу, выкинулъ какую-то тряпку, вмѣстѣ съ сухарями попала, и скрылся въ лѣсъ... Что̀ дѣлать? Ничего не могу въ слезахъ придумать, только думаю: Господи! за что? Пойду прямо... Шла-шла... очутилось предо мною село... Идетъ баба. — «Милая! гдѣ тутъ расправа?» Указала мнѣ баба расправу,—пошла я. Сидитъ писарь.—«Что̀ тебѣ?»—«Такъ и такъ... Солдатъ ограбилъ...»

— Писарь подумалъ, говоритъ:—«надо допросъ сдѣлать...» Я говорю: «хоть къ присягѣ сейчасъ»... Писарь опять подумалъ.—«Есть у тебя деньги?» (А деньги я на груди зашила). — «Есть». — «Сколько?» — «Два цѣлковыхъ».—«Давай!» Дала я ему два цѣлковыхъ, написалъ онъ.—«Придешь, говоритъ, въ Москву, объяви по начальству...» Сокрушаюсь я. Пришла въ Москву. Улицы длинныя, дома каменные, ничего не разберу; у кого спросить — не знаю. Подхожу къ служивому, говорю такъ и такъ:—«Солдатъ меня ограбилъ, отнялъ все, въ лѣсъ ушелъ, нельзя ли мнѣ какую бумагу дать?»—«Такъ у тебя нѣтъ виду-то?»—«Есть, говорю, такъ махонькая записочка». — «Записочка?.. Пойдемъ». Пошли мы. Приводитъ онъ меня въ горницу и говоритъ чиновнику:—«Ваше благородіе! вотъ на улицѣ бродягу взялъ...»

— Чиновникъ посмотрѣлъ на меня:—«посадить, говоритъ, ее на хлѣбъ на воду!» Сижу я въ тюрьмѣ, плачу-рыдаю. Дали мнѣ работу — корпію щипать (втѣпоры войну воевали). Сижу день, сижу недѣлю. Въ концѣ недѣли идутъ за мной къ допросу.—«Какого званія?» Я говорю:—«Женскаго...» Я это все разскажу, запишутъ... опять сижу. Однова входитъ ко мнѣ женщина; начала я ее молить:—«Милая! отыщи ты мнѣ Грузинскую полковницу, съ мужемъ они тутъ живутъ. Была у нихъ въ деревнѣ, гостила, такъ говорила барыня эта мнѣ: «приходи, говоритъ, къ намъ въ Москву»... Отыщи, красавица, я тебя награжу!»—«Есть деньги?»—«Есть».—«Давай цѣлковый, отыщу!» Дала. Взяла женщина эти деньги—и слѣдъ простылъ. Проходитъ такъ, милыя мои, мѣсяцъ, а можетъ, и больше. Я дни-то совсѣмъ перезабыла, ничего не помню... Призываютъ меня въ часть, связали руки веревочкой, повели въ другое мѣсто. Тутъ тоже допросъ пошелъ: «Какого званья?» «на какомъ основаніи?»—все какъ прежде. Я имъ говорю:—«У меня солдатъ сумку укралъ, нельзя ли отыскать; въ сумкѣ и билетъ есть; тамъ это все прописано...» — «Посадить!» Связали руки веревочкой, повели въ другую тюрьму. Сижу я здѣсь мѣсяцевъ пять. Выходитъ однова женщина.—«Милая, говорю, сыщи Грузинскую полковницу. Я тебя награжу». Взяла женщина деньги—и слѣдъ простылъ! Работу тутъ мнѣ всякую давали: рубашки стирала, полы мыла, все, все дѣлала, никакой ни откуда помочи не вижу. А тутъ слышу-послышу, быдто дѣло мое рѣшилось, быдто сказано пересадить бабу въ острогъ. Услыхала я это—къ частному смотрителю; начала его упрашивать, ноги цѣлую:—«Чѣмъ я виновата? за что столько время въ тюрьмѣ неповинно сижу? Ежели бы мнѣ Грузинскую полковницу сыскать...» — «Какую?»—«Анну Митревну».—«Ты ее знаешь?»—«Какъ не знать!» и все разсказала.—«Ахъ, говоритъ, ты дура-дура! зачѣмъ же ты прежде не сказала, я-бъ тебя пустилъ на свободу. Я самъ Грузинскую полковницу знаю». Тутъ въ скорости меня и выпустили. Уходила я, смотритель говоритъ:—«Совсѣмъ про тебя у меня изъ ума вонъ: дѣло твое пустое, забываешь иной разъ. Скажи ты мнѣ раньше, не сидѣла бы въ тюрьмѣ восемь мѣсяцевъ... Ну, съ Богомъ! Поминай раба Порфирья со чады (это его-то)». Ну, такъ я и пошла въ Соловки...

— Эка тебя тиранили-то!—сказала чиновница.

— Да, милыя, было. Всякій надругается, всякій норо-

витъ какъ хуже для тебя сдѣлать. Право слово! Пакостятъ ни за что. Однова иду, вижу, ѣдетъ верхомъ молодецъ какой-то... Въ полѣ дѣло было. Поровнялся со мной, говоритъ кротко таково:—«Подойдите, говоритъ, старушка праведная!» Я подошла. Какъ онъ меня плетью вдоль всеё спины...—«Поминай Петра!» И ускакалъ. А я лежу на земи, охаю...

Гавриловна нѣсколько времени помолчала и потомъ сказала:

— Ну, пора спать вамъ. Пойтить и себѣ вздохнуть!

— Посиди пока!

— Нѣтъ, пойду! Надо идтить! Завтра рано вставать нужно.

Въ это время въ сѣняхъ что-то стукнулось или упало.

— Что̀ такое?—сказала испуганно чиновница.—Марья! Посмотри-ка! Господи Іисусе Христе!

Марья вышла въ сѣни, и потомъ изъ-за запертой двери слышно было, какъ она сердито говорила:

— Полунощники! Что̀ это такое? Удивительно, какъ это въ васъ никакого стыда нѣту... Право!—добавила нянька, входя въ горницу и притворяя дверь.

— Что̀ такое?

— Да это наши любезные... Аксютка съ кучеромъ игры подняли. Она на него ушатъ воды вылила, а онъ ее водоносомъ...

— Ишь каторжные! На морозѣ разгулялись, — ядовито сказала Гавриловна.

— Прижалъ ее къ двери, кажется, ужъ не дохнуть, а все грохочетъ!

Въ это время въ дверяхъ показалась фигура чиновника въ халатѣ, шерстяныхъ носкахъ и съ взлохмаченной головой.

— Что-жъ чайку-то?—сонно сказалъ онъ женѣ, почесывая въ затылкѣ.

— Слава Богу, въ двѣнадцатомъ часу-то? Пожара надѣлать?

— Полчашечки!

— Гдѣ я тебѣ возьму? Самоваръ кипѣлъ-кипѣлъ... двадцать разъ будила... какъ бревно безсловесное! Нѣту чаю!.. вставай раньше!

— Ну, я водочки, да того... Постель надо перестлать...

— Опять спать?

— Что-жъ дѣлать-то?

Жена не возражала; она и сама понимала, что дѣйствительно нечего.

Черезъ десять минутъ чиновникъ снова храпѣлъ.

— Подвинься, — говорила жена, влѣзая на кровать. — Что это, поперекъ кровати легъ? какъ повалился, такъ и заснулъ. Подвигайся!

Но чиновникъ уже безмолвствовалъ.

V. Задача.

(Изъ чиновничьяго быта).

Чиновникъ Кыскинъ только-что воротился съ кладбища, гдѣ похоронилъ своего двухнедѣльнаго ребенка. Онъ въ задумчивости ходилъ по темной комнаткѣ, носившей неподходящее названіе залы, и, раздумывая о разныхъ разностяхъ, по временамъ подходилъ къ окну, чтобы отереть слезу, такъ какъ о смерти ребенка ежеминутно напоминалъ запахъ ладана, оставшійся еще въ комнатѣ. Темный ли зимній вечеръ, или этотъ запахъ ладана, или наконецъ грустное настроеніе, слѣдствіе похоронной церемоніи, взволновало его, только Кыскинъ раздумался о своей прошлой жизни: то вспоминалъ онъ сладкую минуту полученія перваго чина, то не менѣе сладкую минуту женитьбы, и затѣмъ эти отрадныя минуты сразу замирали въ воспоминаніяхъ о тяжелыхъ годахъ нужды и заботы. Главнымъ образомъ душу его возмущала невозможность увеличить собственное семейство; крошечное жалованье, множество тратъ на семью, уже существующую въ громадныхъ размѣрахъ, ясно доказывали ему, что дальнѣйшее приращеніе семейства невозможно, иначе непроглядная нищета грозитъ и ему, и женѣ, и его дѣтямъ. Все это весьма убивало Кыскина: онъ былъ еще молодъ, любилъ жену и семью, и вотъ теперь долженъ отказывать самымъ отраднымъ и единственно независящимъ отъ служебныхъ обязанностей движеніямъ собственнаго сердца. Такія мысли уже давно залетали въ нему въ голову; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ уже началъ поговаривать на крестинахъ того или другого изъ своихъ дѣтей, что «это ужъ послѣдній!» Но гости подмаргивали ему однимъ глазкомъ и весьма сомнѣвались въ этомъ. Кыскинъ дѣлалъ новыя увѣренія, давалъ новые заклятія и зароки, а черезъ годъ снова плелся отыскивать кума и куму. Сегодняшнія похороны и особенно

настоятельные зароки, данные имъ на крестинахъ третьягодня, сидѣли въ Кыскинѣ особенно упорно.

— Будетъ! Довольно! Слава Богу, доволенъ! — говорилъ онъ, ходя по залѣ и отирая новую слезу. Крики ребятъ, бушевавшихъ въ отдаленной комнатѣ, драки, происходившія между ними, и дерки, отпускаемыя имъ въ школахъ, гдѣ они оказывали весьма малые успѣхи, укрѣпляли еще болѣе убѣжденіе Кыскина въ невозможности «продолжать далѣе». Этому, кромѣ того, способствовала и самая смерть новорожденнаго ребенка: какъ ни жалѣлъ отецъ, но, подумавъ, нашелъ, что въ смерти этой виденъ Промыселъ Божій: самъ Богъ подумалъ о немъ и прибралъ новорожденнаго, видя, что ему въ будущемъ грозитъ нищета.

— Нѣтъ, довольно!—вслухъ произнесъ Кыскинъ и старался утѣшить себя тѣмъ, что и лѣта его не позволяютъ далѣе продолжать супружескихъ обязанностей. Надо теперь, думалъ онъ, молиться поболѣе Богу и просить Его помощи, такъ какъ дѣйствительно только на Него у бѣднаго чиновника и оставалась надежда. Съ этою цѣлью сегодняшній день онъ всунулъ въ могилу сына счетъ расходовъ на погребеніе, твердо вѣря, что двѣнадцать цѣлковыхъ, истраченные имъ по этому предмету и составляющіе двѣ трети мѣсячнаго жалованья, обратятъ вниманіе неба на его усердіе и любовь къ дѣтямъ, для которыхъ онъ ничего не жалѣетъ. Кромѣ того и непорочная душа умершаго младенца помолится за него, Кыскина, и за его жену, и...

— Авось какъ-нибудь!—заключилъ чиновникъ и, вздохнувъ, вышелъ въ другую комнату, гдѣ сидѣла жена.

— Ты что это тамъ говорилъ? — сказала ему жена и улыбнулась. — Ходитъ одинъ да бурчитъ себѣ подъ носъ что-то.

— Такъ,—отвѣтилъ онъ, потирая бороду.

Улыбка жены произвела на него странное дѣйствіе; въ хлопотахъ о хозяйствѣ, среди постоянныхъ заботъ и нуждъ, ему рѣдко приходилось встрѣчать ее на лицѣ жены, и поэтому теперь сердце его сжалось, такъ какъ теперь улыбка эта ужъ не должна была его радовать. Кромѣ улыбки, его испугало еще другое обстоятельство: въ этотъ вечеръ жена его была очень недурна; послѣ болѣзни она похудѣла и сдѣлалась лучше; на ней было все чистенькое, опрятное, и, въ довершеніе всего, по плечамъ разсыпалась еще густая коса, которой завидовали многія чиновническія жены;

кромѣ того жена Кыскина была еще очень молода: ей было не болѣе двадцати шести лѣтъ. Все это, при другой обстановкѣ, въ другомъ быту, никого не могло бы и не должно бы испугать, а вотъ Кыскинъ испугался!..

Онъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе и проговорилъ:

— Знаешь что̀, Маша? Я теперь такъ думаю: довольны мы съ тобой... отъ Бога...

Кыскинъ смѣшался, сталъ потирать платкомъ носъ, но не могъ не замѣтить, что спутанная рѣчь его была понята женой: она покраснѣла и, расчесывая косу, повернула лицо къ окну; она думала о томъ же, о чемъ и мужъ, и пришла къ тѣмъ же убѣжденіямъ.

— Да!—продолжалъ Кыскинъ:—слава Богу!.. Какъ ты думаешь?

— Такъ и думаю!—проговорила жена.

— Именно!.. И надо просить Бога, чтобы Онъ намъ помогъ... Другое дѣло, ежели дадутъ прибавку! Ну, тогда... Но при нашемъ обремененіи...

Оба супруга вздохнули...

— Что̀ дѣлать! — проговорилъ мужъ. — Да, кромѣ того, надобно намъ и о душѣ подумать хоть бездѣлицу...

— Разумѣется!—добавила жена.

— Во-отъ!.. Вотъ это такъ! Надобно намъ вспомнить и душу нашу... Не все же земное и преходящее... Да къ тому же, другъ мой, въ писаніи сказано: «Пецытеся убо о душѣ...» Слѣдовательно... я буду въ залѣ спать, а ты здѣсь...

— Я здѣсь...

— А я въ залѣ...

Жена помолчала и потомъ произнесла:

— Гораздо лучше!

Въ отвѣтъ на это мужъ вздохнулъ. Чтобы какъ-нибудь заглушить непріятное состояніе духа, Кыскинъ рѣшился повернуть разговоръ въ другую сторону и сначала спросилъ: «который-то теперь часъ?» и, узнавъ, что въ острогѣ пробило давно девять часовъ, сдѣлалъ другой вопросъ: «не пора ли чего-нибудь закусить?» Затѣмъ послѣдовалъ молчаливый ужинъ, перерываемый напряженными разговорами о разныхъ разностяхъ, преимущественно же о начальникахъ и сослуживцахъ. Разговоры эти рѣшительно не клеились: мужъ и жена думали о другомъ и были скучны. Кыскинъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, но и это не развеселило его: напротивъ, онъ вздыхалъ все чаще и

глубже, и если хмель сдѣлалъ что-нибудь, то развѣ заставилъ Кыскина говорить громче и громче. Послѣ ужина явилась кухарка и принялась перестилать постель. Это обстоятельство снова сильнѣе прочихъ обстоятельствъ подобнаго рода встревожило Кыскина: глядя, какъ кухарка вскидывала и взбивала подушки, онъ содрогался при мысли, что лишенъ уже возможности разговаривать съ женой о снахъ и видѣніяхъ, неожиданно встревожившихъ когонибудь изъ супруговъ по ночамъ и заставлявшихъ, въ прежнее время, обсудить это дѣло сообща; кромѣ того, самыя невинныя мелочи супружеской жизни сразу припомнились ему и заставили затосковать; но Кыскинъ перемогся еще разъ и сказалъ кухаркѣ:

— Ты, Акулина, постели мнѣ постель въ залѣ, на диванѣ...

Акулина, накрывавшая перину одѣяломъ, въ изумленіи повернула голову къ чиновнику и пристально посмотрѣла и на него и на чиновницу.

— Да!—продолжалъ чиновникъ, опустивъ отъ смущенія лицо внизъ: — да, Акулинушка, въ залѣ... Что̀ дѣлать!.. Слава Богу!.. Надо подумать и о душѣ...

Эти три фразы, произнесенныя безо всякаго порядка, еще болѣе придали Акулинѣ любопытства.

— А сама-то?—спросила она въ изумленіи

— Другъ мой! — сказалъ охмелѣвшій чиновникъ. — Она будетъ здѣсь! Ты ничего, ровно ничего не понимаешь!

Тутъ Кыскинъ остановился и, сообразивъ всю запутанность своего положенія, вдругъ произнесъ:

— Когда тебѣ говорятъ: стели въ залѣ, слѣдовательно барыню ты не безпокой. Понимаешь?

Акулина замолчала и стала дѣлать то, что̀ ей приказывали. Но и она вздохнула.

Наконецъ въ залѣ на диванѣ была готова постель. Но Кыскинъ почему-то медлилъ идти туда. Онъ присѣлъ на сундукъ и вяло проговорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Такъ-то, Маша!.. Ну, ну, что̀ дѣлать! Видно, Богъ указуетъ намъ окончаніе!

А когда жена, рѣшившаяся сразу перемѣнить образъ жизни, сказала ему весьма рѣшительно:—«пора спать!»— Кыскинъ предложилъ ей поцѣловаться, говоря:—«Въ послѣдній разъ!.. вѣдь пойми!» Когда же супруга поцѣловала его, Кыскинъ долго еще не могъ оставить ее, потому что плакалъ и вытиралъ слезы. Плакала также и жена.

— Ну, ступай, ступай!—проговорила она наконецъ, поспѣшно отирая слезы.

— Маша!—произнесъ супругъ.

— Пора! Двѣнадцатый часъ!.. Ступай! будетъ!

Наконецъ Кыскинъ долженъ былъ отправиться на новоселье. Но и тутъ онъ не утерпѣлъ и остановился въ дверяхъ.

— Какъ ты думаешь,—сказалъ онъ:—затворить двери или такъ оставить—открытыми?

Рѣшено было оставить «такъ».

Затѣмъ снова было предложено: не лучше ли будетъ, если диванъ поставить противъ дверей, такъ, чтобы не было скучно и при случаѣ можно было сказать слово?

Рѣшено было диванъ передвинуть по желанію Кыскина. Наконецъ кое-какъ все уладилось.

Нѣсколько минутъ продолжалось самое упорное молчаніе. Оба супруга, чувствуя себя въ новомъ положеніи, не могли скоро уснуть; но, чтобы не подать другъ другу подозрѣнія въ неудобствѣ новыхъ помѣщеній, старались притвориться спящими и оба молчали.

— Маша!—робко проговорилъ наконецъ мужъ.

— Гм?

— Ты спишь?

— Нѣтъ... не спится что-то...

— И мнѣ, братъ, что-то не спится...

— Новое мѣсто.

— То-то я думаю... Не отъ новаго ли въ самомъ дѣлѣ это мѣста?

— Отъ новаго. Спи!

Снова настало молчаніе. На этотъ разъ оно продолжалось дольше прежняго, потому что въ головѣ Кыскина мелькнула такая мысль: «Ну а что̀ если дадутъ прибавку?» И поэтому онъ долго думалъ о разныхъ разностяхъ до тѣхъ поръ, пока въ спальнѣ жены не раздался шопотъ:

— Иванъ Абрамычъ?

— Я, матушка?

— Спишь?

— Нѣтъ, что-то, милая ты моя, не спится... Я такъ полагаю, не отъ новаго ли это мѣста?

— Это отъ новаго. Съ непривычки!

— Должно-быть, другъ мой, что съ непривычки...

— Который-то теперь часъ?

— Часъ-то? Да, пожалуй, часъ первый...

— Какая позднота! Пора спать. Спи! Пора!

Иванъ Абрамычъ вздохнулъ, и молчаніе водворилось еще болѣе продолжительное. Онъ чуялъ, что и жену его мучитъ та же тоска, какую испытывалъ и онъ. «Господи!— думалъ Кыскинъ:—ну не чудно ли? Что̀ теперича я такое?.. Умеръ! совсѣмъ умеръ!.. Н-но... — вдругъ мелькнуло у него въ головѣ: — Ну а ежели Господь пошлетъ прибавку?» Тутъ ему представилась картина, происходящая въ его семействѣ по полученіи прибавки; въ этой картинѣ онъ прежде всего увидѣлъ, какъ всѣ радуются. Рѣшительно всѣ: отъ двухлѣтняго ребенка до кухарки Акулины—всѣ счастливы, всѣ довольны...—«А Богъ-то?»—вдругъ проговорилъ Кыскинъ.

— Чего ты? — послышалось изъ спальни.

— Нѣтъ, это я такъ!.. Что-то не спится!

— Спи! спи! — ворочаясь, говорила жена.

— Право, что-то все того... — поворачиваясь лицомъ къ спинкѣ дивана, бормоталъ мужъ.—Блохи не блохи, а такъ что-то...

— Спи! тамъ блохъ нѣтъ ни одной.

— Да то-то я думаю: откуда блохамъ быть? Такъ что-то.

— Никакихъ блохъ нѣту, а это отъ новаго мѣста.

— Должно-быть, что отъ новаго мѣста. Какъ-то такъ все...

— Спи!

Жена замолчала, а въ головѣ Кыскина снова явился вопросъ: «А Богъ-то?» И вслѣдъ за этимъ мысль его въ одно мгновенье перелетѣла чрезъ множество всевозможныхъ затрудненій, тяготѣвшихъ на его семейной жизни и за нѣсколько минутъ передъ этимъ сознанныхъ вполнѣ, непреложныхъ и очевидныхъ для всякаго. Что-то упорно побуждало его ни подъ какимъ видомъ не разрушать сложившуюся картину семейной жизни, влагало въ него какую-то невѣроятную рѣшимость отказаться отъ куска хлѣба для того, чтобы удержать за собою единственную сердечную привязанность вполнѣ, безъ ограниченій; и тутъ же мелькала передъ нимъ картина безотраднаго существованія, если онъ переломитъ себя и захочетъ «подумать о душѣ»... «Господи! — шепталъ онъ: — Маша!..»

— Маша, ты спишь? — произнесъ онъ вдругъ громко.

Но жена не отвѣчала.

— «Спитъ!»—подумалъ онъ.

А она долго еще не спала, долго еще думала, крѣпко прижавшись къ подушкѣ, то же самое, что̀ и мужъ ея; но

она яснѣе его смотрѣла на вещи и тверже рѣшилась заглушить въ себѣ всякую мысль, какъ только мысль эта наталкивала ее на вопросъ: «А Богъ-то?» Поэтому-то она и не отвѣчала мужу, когда тотъ назвалъ ее. Притворясь спящей, она слышала, какъ Иванъ Абрамычъ ворочался на диванѣ, охалъ, шепталъ: «Господи! Господи!»

— Спишь? — опять послышалось изъ залы.

Она поспѣшно закуталась въ одѣяло съ головой и не отвѣчала. Раскрывъ глаза подъ одѣяломъ, она упорно старалась не думать ни о чемъ. Какъ бы рада она была, если бы голова ея превратилась въ камень! Долго продолжалось это напряженное состояніе, наконецъ глаза ея начали слипаться, сонъ все больше и больше охватывалъ ее... и вдругъ...

— Кто это? — въ испугѣ вскрикнула она.

— Тамъ въ окошко дуетъ... всю спину простудилъ... озябъ! — бормоталъ Иванъ Абрамычъ, держа въ рукахъ подушку...

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Абрамычъ сидѣлъ за ужиномъ и думалъ — кого бы пригласить въ кумовья? Физіономіи его и жены были убиты и сердца растерзаны: диванъ давно уже стоялъ на старомъ мѣстѣ, а прибавки попрежнему не дали...

По окончаніи ужина Иванъ Абрамычъ вздохнулъ и сказалъ:

— Теперь, Маша, ужъ дѣйствительно надобно подумать намъ! Довольно! какъ ты думаешь?

Жена молчала.

VI. Парамонъ юродивый *).

(Изъ дѣтскихъ лѣтъ одного «пропащаго»).

1.

... Юродивый Парамонъ былъ самый настоящій, крестьянскій, мужицкій святой человѣкъ. Происходилъ онъ изъ му-

*) Настоящій разсказъ написанъ гораздо позже „Растеряевой улицы“. Я помѣщаю его однако въ концѣ этихъ раннихъ очерковъ потому, что въ немъ я попыталъ изобразить самыя существенныя свойства „растеряевщины“, съ которыми она и вступила „въ новую жизнь“ («Разоренье»).

жиковъ, былъ женатъ; но, повинуясь гласу и видѣнію, оставилъ домъ, жену, двухъ дѣтей и ушелъ спасать свою душу... Душу онъ спасалъ также русскимъ крестьянскимъ способомъ, т.-е. самымъ подлиннымъ умерщвленіемъ плоти, основаннымъ на физическомъ мученіи и даже самоистязаніи: на головѣ онъ носилъ чугунную, около полупуда вѣсомъ, шапку, обшитую чернымъ сукномъ, въ рукѣ таскалъ чугунную, полуторапудовую палку, а на тѣлѣ носилъ вериги. Вериги состояли изъ цѣпей, кольца которыхъ были величиной и толщиной въ обыкновенную баранку; цѣпи эти опоясывали его станъ, крестъ-накрестъ пересѣкали грудь и спину; на спинѣ, тамъ, гдѣ цѣпи перекрещивались, была прицѣплена къ нимъ, лежащая на голомъ тѣлѣ, чугунная доска, въ квадратную четверть величиной, съ вылитою на ней надписью: *азъ язвы Господа моего ношу на тѣлѣ моемъ.* И дѣйствительно онъ носилъ на тѣлѣ настоящія, подлинныя и притомъ ужасныя язвы. Вериги были закованы на немъ наглухо, на вѣки вѣковъ, а онъ, надѣвшій ихъ въ молодыхъ лѣтахъ, росъ, кости его раздавались, и желѣзо въѣдалось въ его тѣло; ржавчива и потъ разъѣдали кожу до степени настоящихъ язвъ, а въ жару, напр., въ банѣ, которую онъ «по грѣхамъ» очень и очень любилъ, раскаленное желѣзо такъ пекло эти язвы, что изъ нихъ лила самая настоящая кровь. Не довольствуясь этими мученіями, заставлявшими его поминутно, при самомъ малѣйшемъ движеніи, испытывать ощущенія уколовъ шила или иглы, онъ еще любилъ жечь на огнѣ, на свѣчкѣ пальцы свои, ставить подошву на уголь, не говоря уже о томъ, что лѣтомъ ноги его постоянно были изодраны острыми камнями мостовой, а зимой кожа на нихъ лопалась до крови отъ морозовъ...

Онъ такъ глубоко вѣрилъ въ будущее блаженство, такъ глубоко былъ проникнутъ сознаніемъ того, что выше этой «вѣчной славы» ничего нѣтъ ни въ жизни человѣка, ни на землѣ, ни подъ землей, что всякій разъ, когда его мучила боль отъ веригъ или боль отъ лопнувшаго на огнѣ свѣчки пальца, онъ хотя и не въ силахъ былъ удержать крупныхъ каплей пота, выступавшихъ въ это время на его лицѣ, но былъ истинно-счастливъ, и его обыкновенное, рябое, съ съ веснушками, мужичье лицо и его обыкновенные, маленькіе, бѣлесые мужичьи глаза дѣлались истинно-прекрасными, до того прекрасными, ангельскими, что всѣ, какія бы то ни были при этомъ, черствыя, сухія, охолодѣлыя души — всѣ

чувствовали, хоть на мгновенье, пробужденіе чего-то дѣтски-радостнаго, чего-то легкаго, свѣтлаго и безконечнаго.

Проживи я еще не пятьдесятъ, а сто пятьдесятъ лѣтъ, я и тогда, кажется, не забуду этой фигуры; она припоминается мнѣ всякій разъ, когда жизнь, давъ хорошій урокъ, заставитъ задуматься хотя бы о томъ, отчего въ тебѣ нѣтъ того-то и того-то, отчего ты не запасся тѣмъ-то и тѣмъ-то, и принудитъ искать причинъ этихъ недостатковъ въ обстановкѣ и условіяхъ ранняго дѣтства... Корявый, необразованный, невѣжественный Парамонъ, съ своей странной теоріей спасенія посредствомъ физическихъ страданій, этотъ простякъ-святой въ такія минуты припоминается мнѣ, какъ одно (боюсь сказать, единственное) изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій, самыхъ дорогихъ воспоминаній.

Оставшись рано круглымъ сиротой, я съ шести лѣтъ жилъ у дяди, брата моего отца, человѣка семейнаго, служившаго въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ... Часто я, «будучи большимъ», негодовалъ на воспитаніе, на забитость, неразвитость этихъ воспитавшихъ меня людей; но, дѣлаясь старикомъ и ознакомясь съ жизнью больше, чѣмъ я былъ знакомъ съ нею въ двадцать лѣтъ, я ужъ не сержусь на нихъ. Дѣтство мое прошло въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, а эти года для «обыкновенной» русской толпы были самымъ глухимъ, самымъ мертвымъ временемъ. Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это, какъ бы ни былъ ребенокъ даровитъ отъ природы, было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать и вовсе отвыкало отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать... Не шевелиться, хоть и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься, показывать, напротивъ, что «боишься», трепещешь, — тогда какъ для этого и основаній-то никакихъ нѣтъ, — вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться — это корень жизненной правды; все остальное можетъ быть, но можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального,—еще наживешь хлопотъ, — вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать.

Семья, въ которой я росъ, была именно такая семья; семья, угнетенная носившимся въ воздухѣ молотомъ: «еще наживешь хлопотъ!» Вѣчное, безпрерывное безпокойство о

«виновности» самаго существованія на свѣтѣ пропитало всѣ взаимныя отношенія, всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы, начинаясь минутой пробужденія, переходя черезъ весь день и не покидая ночью... Какъ будто кто-то предсказалъ всѣмъ членамъ этой семьи (а такихъ семей было много, — если не вся тогдашняя русская толпа), что въ концѣ концовъ ей предстоитъ гибель, и какъ будто камень этого сознанія лежалъ у всѣхъ на душѣ. Съ этимъ камнемъ молились Богу, привозя въ домъ чудотворную икону, съ этимъ камнемъ родили дѣтей и хоронили ихъ. Съ этимъ камнемъ шли на службу, принимали гостей, шли сами въ гости. Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого, напротивъ — именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ. Всѣ простые, обыкновенные люди не жили — «мыкались» или просто «кормились», но не жили. Какъ только начинаю себя помнить, чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣло надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, созданная людьми, искони потерявшими смыслъ и аппетитъ «жизни», что я еще семи или восьми лѣтъ уже чувствовалъ тотъ самый камень на сердцѣ, какой чувствовали всѣ мои родственники, всѣ мои сверстники.

Въ церкви я былъ виноватъ передъ всѣми этими угодниками, образами, паникадилами. Въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа — куда! — съ вѣшалки, на которой вѣшалъ свою шинель; на улицѣ каждая собака (мнѣ казалось такъ!) только и ждала моего появленія, чтобъ меня если не совсѣмъ съѣсть, то ужъ непремѣнно укусить. Мальчишки, пускавшіе змѣи, казались мнѣ отверженными Богомъ, одержимыми злымъ духомъ, порожденіемъ дьявола — такъ казалась громадна ихъ дерзость: какъ не бояться будочника, который только и смотритъ, чтобъ схватить тебя и утащить неизвѣстно куда!.. Словомъ, атмосфера, въ которой я росъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями непріятныхъ, непривѣтливыхъ лицъ, непріятныхъ, непривѣтливыхъ отношеній, угрозъ безпрестанныхъ, безпрерывныхъ, невѣдомо откуда и какъ, но во множествѣ являющихся огорченій.

Все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отказалось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погибнуть, точно было ввержено въ какую-то пропасть... «Пропадешь!—носилось надо всѣми мнѣ близкими:—пропа-

дешь, если посмѣешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ»... «Хватай невѣсту-то покуда можно... а то пропадешь!» И человѣкъ хваталъ урода, отъ котораго спивался... «Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!» И художникъ, талантливый человѣкъ «хваталъ» мѣсто попа, почтальона — и спивался... Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ. «Пропадешь!» — кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри... И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору.

Подъ гнетомъ сознанія необходимости *пропасть*, осѣнявшимъ колыбели моихъ сверстниковъ и мою, мы и влачили существованіе изо дня въ день многіе годы. Холодно было въ прожитомъ, а впереди чуялось еще холоднѣй, еще непривѣтливѣй, потому что съ каждымъ годомъ приближалась та минута, въ которую предстояло наконецъ-таки окончательно пропасть.

И вдругъ является Парамонъ...

2.

Помню потрясающее впечатлѣніе, которое произвело на весь нашъ домъ первое его появленіе. Онъ вошелъ въ калитку сада, выходившую въ глухой переулокъ. Первый замѣтилъ эту фигуру я и, подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ его шапки, отъ тяжести надвигавшейся на глаза и задерживаемой только носомъ, бросился, не помня себя, въ домъ... Дѣло было лѣтомъ, всѣ двери стояли отворенными; я бѣжалъ, не останавливаясь, черезъ дворъ, черезъ сѣни, черезъ всѣ двери, какія только ни попадались мнѣ на пути, и, должно-быть, впопыхахъ пробормоталъ что-нибудь кому-нибудь о необыкновенномъ явленіи, потому что, очнувшись и отдышавшись, я нашелъ весь домъ пустымъ: всѣ выбѣжали на дворъ.

Успокоившись, вышелъ и я... Кучеръ, кухарка, горничная, няньки, дѣти, солдатъ, стоявшій постоемъ, мой дядя, тетка, гости, которые были у насъ въ это время,—все это въ глубокомъ молчаніи и съ замираніемъ сердца столпилось около воротъ сада и смотрѣло на Парамона...

Онъ шелъ медленно по средней большой дорожкѣ. Голова въ тяжелой шапкѣ свѣсилась къ груди и качалась какъ бы въ забытьѣ; каждый шагъ босыми ногами задерживался тяжелой палкой, которую перестанавливать надо было съ большими усиліями. Тяжело «тукала» она въ землю, и этотъ короткій тупой звукъ больно отдавался въ больномъ сердцѣ

каждаго зрителя. Что-то необыкновенное—не то погибель, не то милость, не то само будущее—шло къ намъ, и мы могли только замирать и трепетать, и всѣ до одного были убѣждены, что это «святой человѣкъ».

Оцѣпенѣніе и страхъ продолжались недолго. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до воротъ сада и до толпы, Парамонъ остановился и вздохнулъ: всѣ поняли, что онъ очень усталъ, и бросились тащить кто лавку, кто стулъ, и въ это время страхъ исчезъ, замѣнившись благоговѣніемъ. Скоро всѣ разглядѣли вериги, разглядѣли шапку и палку, сразу поняли, что человѣкъ святъ, великъ, необыкновененъ, и сразу почувствовали радость чего-то новаго, незлого, свѣтлаго и высокаго! Нѣчто *совсѣмъ постороннее*, чуждое нашему несчастному, холодному, боязливому влаченію жизни, пришло къ намъ, осчастливило насъ, оторвало наши мысли отъ земли, по которой мы ползали ползкомъ, подняло нашу уныло-согнувшуюся голову къ небу и звѣздамъ, нежданно вошло въ сердце, заставило его сильнѣе биться, заставило грудь вбирать больше воздуха.

Молча сидѣлъ Парамонъ на стулѣ и тяжело дышалъ. Мы всѣ также молчали и жадно вбирали своими завядшими сердцами новое ощущеніе, ощущеніе чего-то посторонняго землѣ и несомнѣнно великаго. Тяжело вздохнувъ и ежась отъ боли ранъ, Парамонъ, повидимому, съ большимъ трудомъ снялъ тяжелую шапку и надѣлъ ее на кучера, который стоялъ къ нему ближе всѣхъ. Шапка хватила кучеру до самой бороды, но онъ не посмѣлъ шевельнуться и стоялъ какъ столбъ; руки его дрожали. Парамонъ долго продержалъ его въ такомъ положеніи, шепча какія-то слова. Надо сказать правду: плоха была фантазія у этого вѣрнаго послушника «гласа» и «видѣнія». Было у него выдумано или измышлено нѣсколько фразъ, двѣ, либо три—не больше, фразъ, которыя, по всей вѣроятности, должны бы были выражать какую-нибудь мысль, но, по безграмотству мужика-подвижника, не означали ничего, кромѣ чепухи. Не больше умѣнія выказалъ онъ и въ другихъ пріемахъ вліянія на толпу. Другой, ловкій, умный и хитрый святоша, и вериги бы сдѣлалъ ременныя, а не желѣзныя, и жилъ бы припѣваючи, пуская въ ходъ какія-нибудь уловки, но Парамонъ былъ простой человѣкъ, мужикъ, человѣкъ крайне недалекій, неграмотный и не выдумалъ ничего доходнаго и легкаго. Вериги носилъ онъ настоящія, носилъ настоящія язвы и пальцы жегъ тоже настоящимъ манеромъ, жегъ такъ, что кожа и

ногти трескались на огнѣ, да кромѣ того обѣщалъ еще загнать подъ кожу гвозди желѣзные, и я увѣренъ, что со временемъ онъ навѣрное сдѣлалъ и это. Несмотря однако на отсутствіе умѣнія обморочить, а, можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого неумѣнія, впечатлѣніе, произведенное имъ, его бормотаньемъ безсвязныхъ словъ, его шапкой, палкой, веригами,—было громадно; онъ былъ совсѣмъ посторонній намъ, онъ не зналъ ничего нашего, не думалъ ни о чемъ, о чемъ думаемъ мы, шелъ по дорогѣ въ небо, тогда какъ мы ползли къ какой-то темной «земной» ямѣ:—вотъ были достоинства Парамона, и, разъ оторвавшись отъ этого вѣчнаго ползанья, разъ, благодаря ему, пустивъ въ свое сердце что-то съ неба, что-то свѣтлое, широкое, великое, мы всѣ до одного, изъ жившихъ въ семьѣ, уже не могли разстаться съ нимъ.

3.

Съ перваго же дня Парамонъ, его вериги, его язвы, его безсмысленныя фразы сдѣлались необходимы для всего дома; всякому непремѣнно надо было слышать эти слова, необходимо было видѣть эту шапку, эту палку, чтобы возобновлять въ душѣ ощущеніе «посторонняго» нашему жалкому, тяжкому, будничному влаченію жизни. Мы, дѣти, были, конечно, счастливы больше всѣхъ и больше всѣхъ ожили отъ появленія Парамона и его «постороннихъ» плановъ. Эти постороннія задачи и цѣли Парамона дали намъ возможность убѣдиться, что люди, которые насъ окружали, люди, среди которыхъ мы росли, отцы, матери, родственники,—что эти люди могутъ радовать насъ веселыми, иной разъ даже одушевленными лицами, думать и говорить не объ одномъ только горѣ и несчастіи своего существованія на бѣломъ свѣтѣ. Мы неоднократно слышали, послѣ появленія Парамона, разговоры между нашими отцами и родственниками, не разговаривавшими никогда ни о чемъ, кромѣ бывшихъ и будущихъ «непріятностей», грозящихъ и намъ и сосѣдямъ, грозящихъ сегодня, и завтра, и черезъ часъ, и черезъ минуту. Теперь между этими людьми начали происходить разговоры, касавшіеся совершенно постороннихъ предметовъ и рѣшительно не имѣвшіе ни малѣйшей связи съ разговорами вышеупомянутаго безнадежнаго свойства. Говорили, напримѣръ, о Богѣ, о томъ, что есть безбожники, о будущей жизни, о раѣ, адѣ, при чемъ, на наше и всеобщее счастіе, оказывалось, что великое множество народу, кото-

раго мы и наши отцы дрожали, боялись, какъ огня, неминуемо должно попасть въ адъ, несмотря на тройные оклады получаемаго въ сей жизни жалованья и каменные дома. Оказывались вообще изъ этихъ постороннихъ нашей несчастной жизни разговоровъ вещи необыкновенныя, являвшіяся какъ-то внезапно, вытекавшія сами собой, нежданно и негаданно. Иной разъ, заговоривъ, напримѣръ, о пути въ рай, наши робкіе, забитые, обезнадеженные отцы, помимо собственной воли, которой къ тому же они рѣшительно ни въ чемъ, ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ, ни даже въ мысляхъ никогда «не знали»,—договаривались до такого простора, до такой широчайшей возможности дышать полной грудью, ходить распрямившись, что духъ захватывало у бѣдныхъ людей отъ необъятнаго, сильнаго ощущенія радости жизни, вдругъ неожиданно оказывавшейся совершенно возможной и сейчасъ, сію минуту всѣмъ доступной. А кто не знаетъ, какъ быстро и какъ сильно передается дѣтямъ самая ничтожная радость семьи? Три-четыре разговора, измѣнившіе лица нашихъ отцовъ изъ несчастныхъ въ счастливыя, отдались въ нашихъ дѣтскихъ сердцахъ (уже засыхавшихъ, какъ увидитъ читатель, уже объѣденныхъ безнадежностью и огорченныхъ жизнью) безграничною радостью. Какъ Лазарь, жаждавшій капли воды, наша заморенная мысль тотчасъ, въ одно мгновеніе, пользуясь только этими тремя-четырьмя «посторонними» смерти и тоскѣ выраженіями лицъ, вся отдалась счастію знать, что есть это постороннее, огромное, безпредѣльное, веселое и радостное. Это сдѣлали два-три оживленныхъ мыслью лица только,—такъ мы были рады и такъ жаждали освѣжающей капли!

Боже мой, сколько открылось новыхъ, небывалыхъ и немыслимыхъ до сихъ поръ перспективъ! Рай, адъ, правда, совѣсть, подвиги—все это цѣлымъ роемъ понятій новыхъ, небывалыхъ осаждало наши головы. Оказывалось, что есть что-то и выше и лучше гимназіи, инспектора; что есть какая-то правда, которая выше всѣхъ, выше всѣхъ пятерокъ и двоекъ; что есть какія-то наказанія и для инспекторовъ, наказанія почище сѣченія розгами, которыми несчастные эти инспектора обладаютъ въ совершенствѣ. «Пропадешь», «сгинешь» совершенно исчезли изъ нашихъ понятій. Парамонъ, думали мы, норовилъ же вонъ «прямо въ рай», въ вѣчную жизнь, куда ужъ не пробраться никакимъ «хорошимъ ученикамъ», никакимъ сосѣдямъ-купцамъ, ни квартальнымъ, никому, кто былъ къ намъ близокъ и примѣръ

которыхъ, какъ идеалъ живыхъ людей, угнеталъ насъ бѣдныхъ, забитыхъ. Безъ всякой боязни этихъ людей, безъ малѣйшаго уваженія къ ихъ благополучію и счастію, Парамонъ вонъ идетъ прямо къ Богу, въ «угодники». И до чего, съ высоты Парамоновой задачи, все это было ничтожно, глупо—передать нѣтъ возможности. То, чего мы вчера и боялись, и страшились, и чему завидовали, теперь, когда мы узнали, что есть нѣчто, всему этому постороннее, стало все ничтожно, мелко и даже «проклято». Что̀ такое думаетъ о себѣ купецъ Маломальчиковъ, нашъ сосѣдъ? Что онъ богачъ-то? Что онъ съ полицеймейстеромъ другъ и пріятель, и что послѣ него останется милліонъ? А что̀ онъ скажетъ, когда черти явятся тащить его душу? Ангелъ никогда не придетъ къ милліонщику! И представлялось намъ, какъ толстую утробу Маломальчикова черти рвутъ желѣзными крючьями, и противна намъ была глупость, тупоуміе и, главное, робость человѣка, который предпочиталъ аршинничать и угощать полицеймейстера, словомъ—ползать какъ червь, вмѣсто того, чтобы находить счастіе, и удовольствіе, и блаженство въ «постороннемъ», вмѣсто того, чтобы думать о «пресвѣтломъ раѣ»... А въ раю-то! ангелы, свѣтъ, облака... *и ничего этого нѣтъ!..* Сто̀итъ ли послѣ этого жить такъ, какъ всѣ эти грѣшники?

4.

А грѣшниками намъ казались всѣ ужаснѣйшими: вѣдь присутствіе Парамона держало насъ постоянно на недосягаемой высотѣ надъ ними. Парамонъ поселился въ нашемъ саду въ бесѣдкѣ и своимъ примѣромъ, своей спиной, обозначавшей кольца желѣзныхъ веригъ, своей шапкой, палкой, растрескавшейся кожей ногъ и рукъ, своей «посторонней» всему болтовней и поступками, *никакого* смысла не имѣющими (напримѣръ, оборветъ всѣ завязи съ дерева), держалъ насъ въ непрестанномъ сообщеніи съ инымъ міромъ, въ которомъ нѣтъ ни капли того, что̀ есть въ этомъ, гдѣ живутъ Маломальчиковы, инспектора гимназій и учителя нѣмецкаго языка. Толчокъ былъ силенъ необыкновенно, и благодаря ему мы неожиданно стали на дорогѣ, по которой можно бы дойти до сознанія правъ живого человѣка на землѣ. Но къ Парамонову толчку не было прибавлено никѣмъ ничего другого, и мы, покоренные присутствіемъ Парамона, должны были сосредоточить всѣ наши представленія объ иной жизни только на жизни въ раю, какъ полагалъ и Парамонъ, счи-

тать обязанностью своею на землѣ презрѣніе къ себѣ и страданіе, а радость, счастіе и веселіе жизни видѣть только въ мечтаніи. Мы поэтому морили себя голодомъ, представляли себя живущими на Аѳонской горѣ, насыпали гвоздей въ сапоги, и тотъ изъ насъ былъ молодецъ, у кого изъ подошвъ шла отъ этихъ гвоздей кровь. Бесѣдку Парамона мы всю увѣшали картинками, конечно, лубочными, духовнаго содержанія: бѣсы, ангелы, скелеты, старцы-мученики, виды мощей, монастырей, «уединенныхъ мѣстъ», затворниковъ, пещеръ и пр., и пр.,—все это мы, наперерывъ другъ передъ другомъ, несли къ нему въ бесѣдку и наклеивали на стѣны. На потолкѣ были ангелы, глазъ Божій, и, увѣряю васъ, этотъ глазъ былъ для насъ живымъ, настоящимъ Божіимъ глазомъ, который рѣшительно все видитъ, все—до малѣйшихъ душевныхъ движеній. Подъ этимъ внимательнымъ и чистымъ взоромъ мы не смѣли сказать слово неправды, не смѣли допустить въ душу ни одного дурного побужденія. Всевидящее око глядѣло на насъ, только глядѣло, а у насъ пробуждались понятія правды, искренности, простоты, доброты, пробуждалось все живое, все нужное человѣку, чего—увы!—ни единой капли не давали трудныя, безнадежныя условія дѣйствительной жизни.

Парамонъ своей дѣтскою радостью этимъ картинамъ, радостью вполнѣ безхитростною, возбуждалъ нашу восторженность неослабно. Онъ былъ неграмотенъ и ничего не зналъ кромѣ того, что мученики мучаютъ себя, и поэтому бывалъ несказанно радъ, когда мы, грамотные, знакомили его по лубочнымъ картинкамъ съ подлиннымъ изложеніемъ подвиговъ разныхъ великихъ угодниковъ. Отъ насъ онъ узналъ житія святыхъ, акаѳисты, и очень удивлялся, что все это продается и можно купить. Онъ думалъ, что все это можно узнать гдѣ-то за пятьсотъ тысячъ верстъ, на необитаемомъ островѣ, у какихъ-то подземныхъ старцевъ, которые во сто лѣтъ съѣдаютъ одинъ грибъ. Онъ полагалъ, что надо куда-то идти дальше Іерусалима, что надо «сподобиться» сдѣлать надъ собой невозможныя истязанія, чтобы узнать не все—куда!—а чуть-чуть. Необычайно онъ былъ радъ, когда узналъ, что все это можно было разузнать тутъ же, въ бесѣдкѣ, хотя упорно продолжалъ думать, что «самое настоящее» еще не тутъ, и что надо за нимъ идти пять тысячъ верстъ, и такъ же, какъ прежде, думалъ, что безъ истязаній ничего, пожалуй, и не выйдетъ. Нѣкоторыхъ святыхъ онъ прямо не любилъ: и

искушенія у него мало, и акаѳистъ малъ, и чудесъ не слыхать. А иныхъ любилъ. Тотъ угодникъ хорошъ, которому акаѳистъ тянется три-четыре часа, такъ что у насъ пересохнутъ горла, изноютъ спины и распухнутъ досиня колѣни (мы все это производили на колѣняхъ), а самъ Парамонъ устанетъ до того, что, поклонившись въ землю, не въ силахъ бываетъ подняться съ полу.

Бесѣдка Парамона казалась намъ истиннымъ раемъ. Кромѣ картинъ, мы увѣшали ее лампадами (весь домъ помогалъ намъ въ этомъ) и по вечерамъ зажигали ихъ. Окна бесѣдки по вечерамъ бывали занавѣшены: Парамонъ молился и никого не допускалъ; но этотъ свѣтъ, проникавшій сквозь занавѣски, свѣтъ лампадъ заставлялъ насъ пламенно завидовать блаженству, испытываемому Парамономъ во время молитвъ. Воображеніе наше населяло эту бесѣдку ангелами (они являлись къ Парамону), небеснымъ свѣтомъ, голосомъ, доносившимся съ неба. Садъ, темная ночь были, напротивъ, переполнены чудесами и бѣсами въ разныхъ видахъ, и одна только бесѣдка Парамона, маленькая бесѣдка въ полторы квадратныхъ сажени,—вотъ наше счастье, надежда, цѣль, все!..

Весь домъ, вся семья наша ощущала въ эти минуты цѣль и смыслъ жизни человѣческой. Мы что-то должны... Мы что-то можемъ... Не все кто-то можетъ надъ нами, и не всѣмъ мы должны. Вотъ какія необыкновенныя ощущенія пришли въ наше, почти совершенно утраченное сознаніе.

Пришли и ушли... но ужъ навѣки!

Могли ли мы ожить, не только рожденные, а прямо зачатые въ сознаніи безнадежности и тоски жизни?.. Не разъ (не утаю этой черты) высота, на которую вознесло наши души появленіе Парамона, не разъ эта высота казалась намъ всѣмъ на мгновеніе чѣмъ-то чрезвычайно труднымъ. Это ощущалось всѣми нами, повторяю, по временамъ, мгновеніями: вдругъ станетъ какъ-то необыкновенно утомительно; намъ было трудно подняться на долгое время даже и надъ уваженіемъ къ богатству купца Маломальчикова, надъ почитаніемъ его громаднаго живота и его толстаго мерина... Поднятые надъ *всѣмъ этимъ* появленіемъ Парамона, мы иной разъ вдругъ испытывали предъ *всѣмъ этимъ* сильнѣйшее чувство страха, во время котораго *все это* на мгновеніе вновь казалось намъ именно главнымъ, «настоящимъ», способнымъ раздавить насъ за наше неповиновеніе. Такъ мало было у насъ силъ стоять за «постороннее»

нашему ужасному и угнетенному положенію дѣло, за постороннюю нашему обезнадеженному сознанію мысль. Но Парамонъ былъ съ нами, жилъ тутъ въ бесѣдкѣ; ангелы и бѣсы тутъ, въ двухъ шагахъ отъ купца Маломальчикова, въ двухъ шагахъ отъ насъ самихъ, являлись къ Парамону, ободряя и искушая его, и вообще связь съ высшимъ, нездѣшнимъ, благодаря присутствію Парамона, не прерывалась и тотчасъ уносила (по крайней мѣрѣ насъ, дѣтей) вновь въ область невѣдомаго, высшаго, не давая овладѣть нами страху дѣйствительности. Но что страхъ этотъ былъ во всѣхъ насъ, даже въ насъ, дѣтяхъ, уже врожденнымъ, неисцѣлимымъ, какъ глухота или нѣмота, — это доказало намъ всѣмъ одно неожиданное событіе, котораго я также не забуду вовѣки.

5.

Былъ поздній (часовъ 11 ужъ поздно по-провинціальному) лѣтній вечеръ; тихо, тепло было въ воздухѣ и чудно-хорошо на небѣ: небо было темно-синее и горѣло звѣздами. Мѣсяца не было. Вся наша семья, и въ томъ числѣ мы, дѣти, не могли разстаться съ этимъ чуднымъ вечеромъ и, почти не разговаривая, но молча наслаждаясь имъ, сидѣли въ саду. У Парамона въ бесѣдкѣ, въ глубинѣ сада, чуть теплился огонекъ... Мы, ребята, подкрадывались нѣсколько разъ потихоньку къ его молельной, замирая сердцемъ, и слушали давно знакомые намъ звуки: это Парамонъ стучитъ лбомъ объ полъ, молится. Никогда наша семья и мы не чувствовали такой близкой связи насъ всѣхъ съ высокимъ небомъ, и вообще никогда не было такой глубокой внутренней гармоніи между Парамономъ, его молитвой, нашими мыслями, небесами и самымъ даже воздухомъ. Такъ было всѣмъ хорошо, такъ покойно и свято чувствовалось, что никто не рѣшался не только уйти домой, или сказать: «пора», или зѣвнуть, но просто пошевелиться никто не могъ, чувствуя, что онъ самымъ малѣйшимъ движеніемъ нарушитъ эту гармонію, обидитъ тихо настроеннаго сосѣда, молящагося Парамона, оскорбитъ даже самый воздухъ, который и самъ «своей дремоты превозмочь не можетъ»: такъ хорошъ былъ вечеръ.

Рѣзкій стукъ кольцомъ калитки, вдругъ раздавшійся разъ, два и три и вдругъ разбудившій собакъ, испугалъ насъ. Вы, читатель, не пугаетесь, когда звонятъ къ вамъ? А мы пугались... Почему? Такіе ужъ мы испуганные люди...

Или тоска, или испугъ, или злорадство, — другой школы для насъ не было!

Итакъ, мы испугались всѣ отъ мала до велика. Когда стукъ кольца калитки повторился четвертый разъ, мы ужъ такъ были испуганы (не зная еще «отчего»), что ужъ и небо забыли, и Парамона забыли, и другъ отъ друга готовы были разбѣжаться. Въ испугѣ этомъ было все: и то, что поздно, и то, что неизвѣстно кто стучитъ, и то, что стукъ этотъ предвѣщаетъ *для насъ* что-нибудь худое, а, главное, то, что мы всѣ были люди, пропитанные сознаніемъ, что за нашимъ заборомъ—все противъ насъ, что мы рождены только для неожиданнаго и непремѣнно для насъ «худого». Четыре громкіе удара въ кольцо въ неурочное время сразу отрезвили насъ, т.-е. сразу повергли насъ съ высоты въ прахъ, въ пресмыканіе, сразу разбередили нашу подоплеку, т.-е. тоскливое ожиданіе удара, непріятности, вреда. Особенно подѣйствовало на всѣхъ то обстоятельство, что стукъ кольцомъ былъ «громкій» и «частый». Всѣ поголовно въ одинъ мигъ заключили, что къ намъ стучитъ кто-то такой, кому «надо». Что̀ же отъ насъ можетъ быть кому-нибудь надо, кромѣ желанія прищемить насъ, прижать въ уголъ!..

Что̀ такое случилось? Кто-то застучалъ ночью съ улицы въ калитку. Не случилось больше ровно ничего, а между тѣмъ мы, и взрослые и дѣти, ждали непріятности и всѣ перепугались. Мы не то чтобы знали, а всѣмъ своимъ составомъ чувствовали, что не пройдетъ минуты, какъ мы окажемся въ чемъ-нибудь необыкновенно подлы, словомъ— узна̀емъ нѣчто такое, что̀ насъ прямо бьетъ по лицу, тыкаетъ этимъ лицомъ, да и не лицомъ даже, а «рыломъ», рыломъ-то тыкаетъ въ землю, кому-то подъ ноги.

Точно на смерть, какъ истинный герой, рѣшившійся тотчасъ, сію минуту, сложить свои кости, тронулся наконецъ на этотъ стукъ мой дядя. Онъ пошелъ быстро, не оглядываясь, и мы, оставшись въ саду, понимали, что онъ «рѣшился», что онъ пошелъ такъ потому, что сказалъ себѣ: «во всемъ воля Божія, пропадать такъ пропадать!..»

И, не измѣняя своей отчаянной походки, дядя прошелъ садъ и скрылся въ дали двора, въ темнотѣ. Нѣкоторое время не было слышно ни единаго звука. Собаки примолкли, онѣ были одной съ нами школы. Мы замерли. Ни звука!.. Всякій слышалъ біеніе своего сердца и шумъ крови въ ушахъ, всякій изъ насъ «покорился и ждалъ», такъ какъ, по уходѣ дяди, испугъ перешелъ уже въ явное со-

знаніе угрожающей опасности, опасности неминуемой, которая виситъ надъ нашими головами; никто уже не сомнѣвался, что это — опасность, и всякій «покорился и ждалъ».

Идутъ! Идутъ по дорожкѣ двое, одинъ — дядя, другой... не разберемъ, кто такой этотъ другой... Разговариваютъ о чемъ-то...

— Помилуйте! — слышно убѣдительно-низкопоклонное и нищенски-умоляющее слово дяди...

«Такъ!»—тупымъ тяжелымъ ударомъ отдается это у насъ въ сердцѣ...

А дядя и неизвѣстная фигура, которая пришла ночью и ни съ того ни съ сего заставила немедленно просить у себя помилованія, эта фигура приближалась.

— Это насчетъ Парамона... — произноситъ дядя шопотомъ, ровняясь съ нашей окаменѣвшей группой, и прибавляетъ:—ничего!

Фигура оказалась квартальнымъ.

— Онъ тутъ какія-то лѣкарства даетъ?..—говорила фигура спокойнымъ, какъ говорятъ опытные доктора, тономъ:— давно ли онъ у васъ?..

Мы всѣ тотчасъ «сознали», что виноваты, такъ какъ Парамонъ поселился у насъ давно...

— Н... н... н...—дребезжалъ дядя.

— Паспортъ есть у него?

Едва было сказано это слово, мы мгновенно и искреннѣйше узнали, что мы не только виноваты, но и глупы... «Объ адѣ да объ раѣ толковали... а паспортъ? Гдѣ у него паспортъ, у Парамона? Безъ паспорта—такъ и святой?..» И тысячи подобныхъ вопросовъ каждое мгновеніе пробѣгали въ нашемъ сознаніи, все болѣе и болѣе опредѣлявшемся. «Какъ мы, глупые, могли забыть этотъ паспортъ! Развѣ это ничего не значитъ? Паспортъ-то забыть! Безпаспортный, и ангелы являются! Ангелы! Паспортъ-то гдѣ?» И намъ казалось, что ангелы-то, заслышавъ этотъ вопросъ: «а гдѣ паспортъ?»—разлетаются отъ Парамона кто куда, точно испугавшись и одумавшись. А это дѣйствительно отлеталъ отъ насъ ангелъ пробужденнаго сознанія! Да! мы, дѣти, ужъ больше могли любить только то, что̀ насъ бьетъ, давитъ, чѣмъ то, что̀ даетъ намъ право свободно дышать и жить. Въ одно мгновеніе, отъ одного появленія квартальнаго, отъ двухъ его жестокихъ вопросовъ, мы уже считали квартальнаго «настоящимъ», а Парамона и все, что̀ при-

несено имъ, — «не настоящимъ», во всякомъ случаѣ неравносильнымъ съ значеніемъ квартальнаго.

— Позвольте-ка взглянуть, гдѣ онъ у васъ?..—такъ же, какъ докторъ о паціентѣ, спросилъ квартальный и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Не сюда-съ!—поспѣшилъ предупредить дядя и торопливо повелъ ночного гостя въ другую сторону, къ бесѣдкѣ. Все, что̀ далъ намъ Парамонъ своимъ присутствіемъ, все доброе, свѣтлое, чистое, невинное, простое, душевное, словомъ, все, что̀ мы пережили вмѣстѣ съ нимъ, благодаря ему,—все на мгновеніе воскресло въ каждомъ изъ насъ, и слезы душили всѣхъ. Парамонъ воскресъ въ насъ вновь, во всей божественной, неземной красотѣ, и до чего было въ немъ хорошо все, рѣшительно все, отъ ногъ, грязныхъ и въ болячкахъ, до волосъ, висѣвшихъ длинными, нерасчесанными прядями,—я не могу, не въ силахъ передать теперь! Мы чуяли, что потеряли все это, чуяли опять предстоящую намъ тьму. Эта тьма такъ была ужасна, что у насъ, у ребятъ, вдругъ захватило дыханіе сильнѣйшею судорогою слезъ. Мы побѣжали, не могли оставаться и сидѣть, но подойти къ самой бесѣдкѣ не могли — не то что боялись, а просто «не могли», какъ не можешь отрубить себѣ пальца...

Видимъ: у Парамона огонь; стучатъ къ нему; стучитъ дядя.— «Кто-о-о?..» — «Я, я!—кротко, но фальшиво, какъ подкрадывающійся воръ, шепчетъ дядя. — Отвори-ко!..» — «Господи Іисусе... о-о-о...»—«Усталъ Парамонъ на молитвѣ, думаемъ мы, задремалъ-было, бѣдный!» Долго не отворяетъ онъ. Мы знаемъ, что онъ не можетъ скоро подняться, если только легъ или стоитъ на колѣняхъ; знаемъ, что у него къ ночи все болитъ, ноетъ спина, руки и ноги... Мы знаемъ, какъ онъ, поднимаясь, захлебывается отъ жгучей боли язвъ; мы знаемъ, какъ неожиданъ для него, бѣднаго, измученнаго, этотъ гость; знаемъ, жалѣемъ, ужасно жалѣемъ, но не менѣе ужасно боимся и этого гостя. Намъ было жаль Парамона, жаль всей душой, и мы боялись, какъ бы нежданный гость, наскучивъ ждать, покуда онъ отворитъ, не застучалъ бы въ дверь кулакомъ... Но когда въ самомъ дѣлѣ прошло еще минуты двѣ-три, а Парамонъ не отворялъ, ощущенія наши измѣнились: мы ужъ только боялись, какъ бы не разсердился гость.—«Ну же, ну, Парамонъ Иванычъ!»—ужъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ въ голосѣ произнесъ дядя послѣ того, какъ гость громко кашлянулъ. А

послѣ этого кашля мы ужъ почти обижались на Парамона... «Экъ копается!»—прошепталъ кучеръ, который, какъ и мы, жалѣлъ Парамона двѣ минуты назадъ... —«О-охъ-охъ!..»—слышалось изъ глубины бесѣдки; слышались тяжелые, рѣдкіе-рѣдкіе шаги Парамона, но дверь не отворялась. Гость наконецъ застучалъ-таки, а мы, какъ только онъ загрохоталъ кулакомъ въ дверь, ужъ всѣ были недовольны Парамономъ, его невѣжествомъ. Мы ужъ забыли, что его ждетъ горе, а думали о томъ, какъ это онъ заставляетъ ждать это горе, это неожиданное несчастіе. Почему это мы полагали, что гость правъ, придя разорять гнѣздо измученнаго человѣка, а измученный человѣкъ не правъ, заставляя подождать своего разоренія? Несомнѣнно, что у всѣхъ насъ было сердце, но сердце это уже поколѣніями пріучено считать худое — правдой и основой жизни, все приносящее несчастіе, притѣсняющее—настоящимъ, стòящимъ, а простое, доброе, незлобивое и свѣтлое — хоть и хорошимъ, но не особенно важнымъ сравнительно съ первымъ.

Парамонъ наконецъ отворилъ дверь.

— Чево тутъ?.. Ты, что-ль, Иванычъ?..—какъ трудно-больной, еле поднявшійся съ постели, говорилъ онъ. Онъ, очевидно, усталъ и только-что задремалъ; у него, по всей вѣроятности, ныло все тѣло.

— Вотъ... тутъ,—началъ дядя:—къ тебѣ!..

— А-а? О-охъ, владыко живота моего! Чево-о?

— Вотъ тутъ...

— Тутъ есть до васъ дѣло,—перебилъ гость:—позвольте войти.

— Войди, войди!—крестясь и видимо ничего не подозрѣвая, проговорилъ Парамонъ и еле поплелся отъ двери.

Вошли. Приблизились къ бесѣдкѣ и мы...

Парамонъ, добравшись до кровати (голыя доски), сѣлъ, опершись ладонями въ эти доски, и, слабо охая, опустилъ голову на грудь.

Мы думали, что онъ «испугается», и ждали испуга. Нѣтъ! Парамонъ только охаетъ...

— Вы откуда родомъ?—оглядывая стѣны, увѣшанныя картинами, спросилъ квартальный и, поглядѣвъ на всевидящее око, глянулъ на дядю. Дядя глянулъ въ открытую дверь, а мы глянули другъ на друга.—«Чтò настряпали?»—говорилъ намъ взглядъ дяди.—«Не я одинъ—и ты!»—взглядывая другъ на друга, говорили мы и сознавали, что поступили преступно.

Это все—дѣло одного мгновенія.

— Родомъ откуда вы? ваше званіе?..

— Чего хочешь?—ничуть не пугаясь и даже не думая взглянуть и разсмотрѣть хорошенько пришедшаго, произнесъ, охая, Парамонъ.

— Родомъ, родомъ откуда, какой губерніи?

— Родо-омъ?.. Кур... о-охъ, ты, Мать Пресвятая!.. Кур... о-охъ! погоди-погоди!..

Парамонъ, всхлипывая отъ боли въ спинѣ, осторожно поводилъ плечами, желая подвести подъ вериги здоровыя, не изъязвленныя мѣста тѣла.

— Курскій, братъ, о-охъ... курскій...

И опять помолчалъ и поохалъ.

— А волость наша — Почиваловская... Аль самъ-то курскій?

— Полиція получила бумагу о разысканіи бѣглаго крестьянина Почиваловской волости, Парамона Денисова... Ты Парамонъ Денисовъ?

— Денисовъ? я!

— Парамонъ?

— Парамонъ! Парамонъ, братъ, Парамонъ!

— Женатъ?

— Былъ женатъ, а вотъ ужъ восьмой годъ разженился.

— То-есть семью бросилъ?

— Мнѣ гласъ былъ...

И ни капли не испугался, даже тона допрашивающаго не замѣчалъ, а говорилъ какъ всегда и со всѣми.

— Разженился, братецъ ты мой!.. Сподобилъ меня Господь...

— Паспорта нѣтъ?

— И-и, как-кіе паспорты!.. на что мнѣ!.. У меня паспортъ Господній... не надо мнѣ этого!

Сказано было все. Всѣ замолчали на минуту.

— Испужался я!..—ласково глянувъ на дядю, проговорилъ Парамонъ:—застукалъ ты, испужался... Думалъ, ужъ не *черненькій* ли (такъ Парамонъ называлъ бѣсовъ) балуетъ тутъ... анъ это ты пришелъ... Побудь. Ладно у меня тутъ-то... Дай Богъ тебѣ, успокоилъ меня!

«Вѣдь подводитъ насъ всѣхъ подъ обухъ!»—подумали мы единодушно и рѣшительно вознегодовали на дурость Парамона... Но главное, что охладило насъ къ нему,—это *именно его безбоязненная увѣренность въ своей правотѣ.* Испугайся онъ, засуетись, начни врать, кланяться — мы бы поняли его. Но, видя, что онъ ничего такого не дѣлаетъ, ни капли не боится,

а просто и безъ всякаго сомнѣнія въ себѣ, въ своемъ положеніи и поведеніи продолжаетъ вѣрить въ свое дѣло—это сдѣлало насъ совершенно равнодушными къ его положенію: мы «не могли» понимать такой вѣрности самому себѣ, она намъ казалась глупостью. Посудите: пришли изъ полиціи, разыскиваютъ, спрашиваютъ паспортъ, а онъ говоритъ: «мнѣ гласъ былъ»! Вотъ сію минуту его «возьмутъ въ темную», а онъ говоритъ — «побудь, побудь, посиди!», точно, въ самомъ дѣлѣ, гостей принимаетъ. Тутъ человѣкъ еле дышитъ, боится, какъ бы его не притянули къ дѣлу за то, что далъ пріютъ безпаспортному, а безпаспортный, какъ на грѣхъ, «ляпнулъ» при «самомъ» квартальномъ: «это ты меня успокоилъ». Ну не разиня ли? Ну что̀ бы ему испугаться, заерзать «по земи», если нужно, на колѣнкахъ, попросить прощенья, дать взятку («навѣрно припрятываетъ деньги-то!»—внезапно осѣнило насъ), а онъ болтаетъ Богъ знаетъ что̀, да еще безъ паспорта, да другихъ подводитъ! Богъ съ ними—съ этими святыми!.. *только бѣды наживешь!*

Это не только взрослые и опытные думали, но и мы, дѣти, такъ широко осчастливленныя Парамономъ, и мы чувствовали, что Богъ съ ними, съ этими святыми: только бѣды наживешь!

— Какъ же теперь?—тихо сказалъ квартальный дядѣ.—Вѣдь надо его отвести...

— Парамонъ Иванычъ!..—окликнулъ Парамона дядя.

— Что̀, золотой?

— Вотъ они говорятъ, нельзя, молъ...

— На мѣсто жительства,—прибавилъ квартальный:—васъ требуютъ.

Парамонъ поднялъ голову.

— Меня, что ли?..

— Да,—продолжалъ дядя:—васъ требуютъ на мѣсто жительства...

— Ну во-отъ! Что̀ мнѣ тамъ!

— Нельзя!.. Требуютъ!

— А пущай!

— Да нельзя же вѣдь!..—ужъ съ нетерпѣніемъ произнесъ дядя.

— Чево тамъ нельзя... ну!..

Это неуваженіе къ «нельзя», которое мы почитали еще въ утробѣ матерей нашихъ, просто взбѣсило всѣхъ; даже насъ, дѣтей, взбѣсило. Какъ «пущай»? обиженно думали мы. Начальство требуетъ, а ты—«пущай»!

— Что̀—«ну»?—обидѣвшись, проговорилъ квартальный.— Что̀ тутъ «ну»? Когда требуютъ—такъ тутъ нечего нукать...

Парамонъ ничуть все-таки не испугался, а не умѣлъ понять, что̀ ему говорятъ, и робко отвѣтилъ:

— Ну, Господь тебя помилуй... Ничево! Что̀ тамъ!

— Опять-таки «не ничего», а требуютъ по этапу, домой!—произнесъ квартальный, мало-по-малу входя въ аппетитъ притѣсненія.

— По этапу, Парамонъ Иванычъ!—пояснилъ дядя.

При словахъ «по этапу» мы опять стали всѣ жалѣть Парамона...

— Пущай!—опять отвѣтилъ Парамонъ, отвѣтилъ такъ, не понимая, и опять мы перестали его жалѣть... Хоть бы тутъ-то онъ испугался! Или хотя бы тутъ-то понялъ, что онъ «ничтожество»!

— Ну,—проворно заговорилъ квартальный:—разговаривать тутъ нечего! Я долженъ тебя взять съ собой...

— Гдѣ живешь-то?—простодушно спросилъ Парамонъ.

— Вотъ изволь собираться, и пойдемъ. Тамъ узнаешь.

— Охъ, трудненько, трудненько... пущай бы утречкомъ прибѣжалъ! За семейку помолился бы.

— Вѣдь это васъ въ часть ведутъ, Парамонъ Иванычъ!— пояснялъ дядя, явно негодуя на глупое предложеніе молиться въ части. «Часть—это вещь серьезная; долженъ же ты понять, что тамъ не до твоихъ глупостей!»—вотъ что̀, казалось, хотѣлъ онъ сказать своей фразой.

— Ну что-жъ, эко! — отвѣчалъ Парамонъ. — Помолюся, ничего... Добрый человѣкъ... Всѣ люди, всѣ человѣки...

Говоря это, Парамонъ, очевидно, и не думалъ идти.

— Вѣдь сейчасъ надо! — опять нетерпѣливо пояснялъ дядя.

— О-охъ, сейчасъ-то... Чево ужъ? Утречкомъ добѣгу...

«Что̀ ты будешь дѣлать съ этакой дубиной!»—подумали и почувствовали всѣ мы, не исключая и квартальнаго.

— Ну вотъ что̀!..—не вытерпѣлъ квартальный.—До завтра онъ останется здѣсь...

— Слышишь, Парамонъ Иванычъ! Остаешься до завтра!— сказалъ дядя.

— Утречкомъ, утречкомъ!

— Остается подъ вашей отвѣтственностью. Все, что̀ здѣсь есть (квартальный указалъ на стѣны), все должно такъ и остаться до завтра, до моего прихода... Изволите слышать?

— Пом-милуйте!..

— Завтра будетъ составленъ протоколъ... Что это,—часовня, что ли, у васъ?—вновь оглядывая бесѣдку, произнесъ квартальный.

— Помилуйте, г. надзиратель! Рябятишки... баловство... больше ничего!

— Сколько времени онъ у васъ живетъ? Отчего вы не донесли въ полицію, что у васъ безпаспортный?..

— Г. надзиратель...

— Хорошо-съ! Завтра все разберемъ... Такъ чтобы все какъ вотъ теперь, все чтобъ осталось. Я все помню.

Надзиратель, очевидно, стоялъ на твердой почвѣ, чувствовалъ себя легко, свободно, зналъ, что его дѣло сдѣлано, и попиралъ насъ всѣхъ каждымъ своимъ вопросомъ, каждымъ словомъ. Дядя, въ отвѣтъ ему, испускалъ только полуслова:—«пом-ми...», «г. надзир...», опять «пом...», «будьте покойны, будьте покойны!» и т. д.

— Ну, со Христомъ! По домамъ, ребятушки! — неожиданно произнесъ Парамонъ:—поздно-о! Поздненько! Немогута!.. Со Христомъ, ступайте! отдохнуть надо мнѣ, окаянному...

— Ладно, ладно, отдохнемъ, не безпокойся!—не спѣша направляясь къ двери, проговорилъ квартальный.

— Ну, спаси-те Христосъ!.. Усталъ вѣдь!..

— Хорошо-хорошо... Такъ до завтра!..

Квартальный спустился со ступеньки крыльца въ садъ. Дядя пошелъ вслѣдъ за нимъ.

По уходѣ дяди и квартальнаго, мы, дѣти, и нѣкоторые изъ домочадцевъ продолжали оставаться въ саду. Всѣмъ стало легче, когда кончилась эта сцена, но въ то же время всѣ мы чувствовали, что теперь, послѣ того какъ ушелъ незванный гость, мы ужъ стали не тѣ, какими были до его прихода. Парамонъ, какъ и всегда, сидитъ въ своей бесѣдкѣ; какъ всегда, огонекъ лампадки чуть свѣтитъ изъ-за занавѣски, и бесѣдка была та же самая, что и пять, десять минутъ назадъ (вся сцена продолжалась не больше десяти минутъ); все было то же самое — и Парамонъ, и небо, и воздухъ,—но мы были уже не тѣ. Въ десять минутъ мы позволили пережить нашему сознанію и сердцу такія скверныя ощущенія, такія гадкія чувства, такія подлыя предательскія мысли, и притомъ въ эти десять минутъ такихъ скверныхъ и гнусныхъ мыслей и чувствъ обнаружилось въ насъ такъ много, ихъ такое открылось обиліе въ нѣдрахъ нашего сознанія и сердца, что все, такъ недавно близкое,

родное намъ — Парамонъ, бесѣдка и небо — было теперь ужасъ какъ далеко отъ насъ! Между нами была наша измѣна, внезапная и глубокая; отдѣлаться, изгладить ея слѣды не было никакой возможности: измѣна шла, помимо насъ, изъ глубины сердца... Мы узнали, чего не знали прежде, что мы истинное ничтожество, узнали это теперь въ глубинѣ своего сердца...

Горѣли звѣзды въ небѣ, благоухалъ воздухъ, ангелы приходили, какъ и всегда, къ бесѣдкѣ Парамона,—а мы ужъ и не смѣли ни думать объ этомъ, ни наслаждаться, ни радоваться...

Мы теперь чувствовали себя предателями!

Темное, холодное и унизительное вошло тогда что-то въ наше дѣтское сознаніе, а главное—въ сердце. Мнѣ лично казалось, когда ушелъ квартальный, что я какъ-то даже ростомъ сталъ меньше и съ боковъ съежился, точно кто меня окорналъ по краямъ и охолодилъ все мое нутро.

— Будетъ шататься-то!—не входя въ садъ, со двора закричалъ дядя.—Дошатались вотъ... пошли спать!..

Онъ былъ внѣ себя.

Всѣ разбрелись по своимъ мѣстамъ, чувствуя себя преступниками, измѣнниками... Я спалъ, завернувшись одѣяломъ съ головой и испытывая впервые вполнѣ сознательно полную безнадежность моего существованія. *Послѣ этого я*— чужой всему, никому не нужный и себя не уважающій человѣкъ. Я ужъ зналъ съ этого дня, что себя я *не могу* цѣнить ни во что: фактъ былъ налицо. Съ этого вечера я сталъ страдать безсонницей и, утомленный, засыпалъ тяжело, точно опускали меня въ темную, сырую, холодную, бездонную яму...

Проснувшись поутру, мы узнали, что Парамона уже нѣтъ въ нашемъ домѣ.

Пусто и холодно стало намъ; но, благодаря дядѣ, эта пустота была тотчасъ замѣщена чѣмъ-то другимъ. Этотъ бѣдный человѣкъ, попавшійся въ бѣду самымъ положительнымъ образомъ (протоколъ, мы узнали, былъ ужъ составленъ), терзался больше насъ всѣхъ; больше насъ всѣхъ онъ чувствовалъ себя предателемъ, измѣнникомъ и одновременно съ этимъ негодовалъ на себя, какъ на дурака, позволившаго себѣ увлечься на старости лѣтъ какими-то посторонними интересами. «Дуракъ! Старый дуракъ! Подлецъ! Предатель!» одновременно разрывало его душу. «Отчего ты не заперся? Чего ты испугался? Сунулъ бы ему

красную! Человѣкъ-то цѣлъ бы былъ... Связался съ безпаспортнымъ!.. Угодники! вертись вотъ за нихъ... Святой человѣкъ!.. Пальцы жжетъ... а теперь вотъ, поди-ка, съ протоколомъ-то!..»

— Что̀ вы тутъ дрыхнете до двѣнадцатаго часу?—истерзавшись отъ сознанія и глупости и низости своей, закричалъ онъ, войдя въ комнату, гдѣ мы, дѣти, спали.—Пошли въ бесѣдку!.. Сейчасъ вставать!..

Онъ шатался по всему дому, оралъ на всѣхъ и на все... Мы не только не сердились на него, на этотъ крикъ и брань, но жалѣли его, зная, какъ ему скверно на душѣ, и что онъ именно отъ этого и мечется и бѣсится.

— Погоди, разбойникъ,—кричалъ онъ на дворѣ на кучера.—Я вотъ увижу барина, я ему про тебя... пусть вспишутъ! Кан-налья этакая!.. Кшь! Что̀ вы распустили тутъ куръ? дурье этакое,—неимовѣрно возвышая голосъ и, очевидно, желая проникнуть имъ со двора въ самую глубь дома, продолжалъ онъ:—я вотъ доберусь до васъ, разини! Эй, гдѣ вы тамъ!..

Мы одѣлись, бѣгомъ добѣжали въ садъ, въ бесѣдку, какъ приказалъ намъ дядя. Не добѣжавъ до нея, мы слышали, какъ онъ что-то тамъ уронилъ на полъ, потомъ что-то выбросилъ на дорожку, не переставая ругаться.

— Что̀ рты разинули?—завопилъ онъ, завидѣвъ насъ.—Настряпали дѣловъ? Въ гимназію ходить — «боленъ», а болтаться мастеръ? Ничего, погоди! я васъ приведу къ одному знаменателю... Возьми метлу-то, дубина! — ругался онъ и рвалъ со стѣнъ бесѣдки картинки, которыя мы наклеивали съ такою любовью.

— Ммон-нахи! Какъ же!.. подвижники тутъ завелись!.. порросята этакіе! взодрать хорошенько!.. инспектору вотъ!..

...И ангелы, бѣсы, подвижники... все это клочьями валилось со стѣнъ и проворно, при содѣйствіи насъ, дѣтей, метлами выметалось изъ бесѣдки. Изъ нашихъ свѣтлыхъ ощущеній вырастали кучи сора, подъ нашими же руками, и скоро ничего, кромѣ этой кучи у порога бесѣдки и полвсевидящаго ока на потолкѣ, не осталось отъ свѣтлаго эпизода нашей жизни... Пол-всевидящаго ока, т.-е. полглаза, и потомъ голыя доски—этотъ уцѣлѣвшій кусокъ прошлаго — особенно какъ-то успокоивалъ насъ въ нашемъ унизительномъ положеніи. Разодранное, оно хоть и глядѣло чуть-чуть и половиною зрачка, но торчавшій изъ-за него лоскутъ съ гербомъ (на подклейку шли казенныя бумаги)

и потомъ доски уничтожали все впечатлѣніе смотрящаго глаза и практически удостовѣряли насъ, что оно едва ли что̀ видитъ: «бумаги и доски!»

Ощущеніе успокоенія въ нашемъ униженіи, испытанное нами благодаря разорванному и уничтоженному оку, было для насъ ново и облегчало душу. За это ощущеніе рады были ухватиться всѣ...

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, удовольствоваться только сознаніемъ своей ничтожности (а всѣ мы знали это доподлинно). Носить это бремя тяжело; хоть по временамъ хочется считать себя не совсѣмъ ничтожнымъ и хоть капельку правымъ; и вотъ волей-неволей, именно вслѣдствіе нашего ужасно-тягостнаго душевнаго состоянія, мы всѣ какъ бы согласились врать въ собственную свою пользу, облегчать себя, доказывая собственную правоту всѣми неправдами. Въ сущности мы не были виноваты въ томъ, чѣмъ были. Но нельзя же жить годы, изживать вѣкъ, довольствуясь только такою невинностью... Чтобы не задохнуться въ своемъ ничтожествѣ, которое, повторяю, въ дѣлѣ съ Парамономъ было доказано намъ самими же нами, мы должны были волей-неволей искать спасенія въ лганьѣ, въ выдумкѣ:— ничего, никакого другого рессурса у насъ не было...

— Да,—какъ бы нечаянно вспоминая, произносилъ дядя во время какого-нибудь вовсе не относившагося къ нашему несчастному положенію разговора: — Парамонъ-то, разсказывали у насъ, у него, братъ, семь человѣкъ дѣтей... Всѣхъ бросилъ, побираются, а онъ вотъ... ноживаетъ! Говорятъ, въ Кіевѣ, у купчихи, у богатой...

— Вотъ-те святой!.. — отзывался кто-нибудь изъ семьи иронически.

И врали оба: сверлило всѣхъ парамоновское дѣло, и всѣ выдумывали что-нибудь, отъ чего бы полегчало.

— Они, эти угодники-то, тоже ловки!..—разтобарывалъ даже кучеръ (вѣдь и онъ вздыхалъ о Парамонѣ тайкомъ!):—безъ паспорту шатается себѣ... да!.. Вериги надѣлъ, да и того, напримѣръ... очень прекрасно они въ эфтомъ дѣлѣ, ежели съ купчихами...

— У нихъ и вериги-то фальшивыя, — прибавляетъ кухарка.—Имъ бы только такъ, шаромыжничать...

— И то правда! — уже совсѣмъ весело произноситъ кучеръ.

Вѣдь ужасъ какъ легко становится виноватому человѣку, когда онъ думаетъ, что онъ вовсе не виноватъ: «Шера-

мыжничество!»—это слово кухарка сказала именно для того, чтобы нанести, съ позволенія сказать, такую «оплеуху» своему ноющему сердцу, дать ему такого тумака, чтобъ оно перестало плакать. И кучеру стало весело, что кухарка отыскала этотъ тумакъ въ такомъ ловкомъ словѣ...

— Я не возьму паспорта, ты не возьмешь, другой не возьметъ, третій,—что-жъ это будетъ?—заводилъ рѣчь, все въ тѣхъ же видахъ успокоенія, и дядя, когда уже, въ смыслѣ надувателя, Парамонъ былъ исчерпанъ, и когда требовались матеріалы для облегченія совѣсти изъ такихъ областей нравственности, которыхъ мы обыкновенно и касаться не смѣли и не понимали (куда намъ!).

— У иностранцевъ этого нѣтъ,—прибавлялъ онъ.—Какъ это можно? Поди-ко у иностранцевъ-то не возьми паспорта? Тамъ, братъ, вотъ у какихъ, у младенцевъ, а ужъ нумеръ есть!

Мы знали, что все это неправда, но довольствовались представленіемъ, что и Парамонъ *также* виноватъ въ чемъ-то... «не все мы!»

Итакъ, мы врали и врали, и понемножку привыкали лганье дѣлать облегчающимъ нашу жизнь элементомъ. Совралъ—и точно дѣло сдѣлалъ, и, главное, вѣдь врать-то пріучались ради самихъ себя! *Сами врали себѣ, для того чтобы жить,* чтобъ не сознавать своего ничтожества, нравственнаго безкрылія, чтобы не ощущать ежеминутно такъ прочно воздѣланной въ душѣ трусости, чтобы не терзаться сознаніемъ не менѣе прочно воздѣланнаго...—увы!—почитанія къ кулаку, къ тому, что̀ изуродовало насъ и заставило нутромъ чтить руку «бьющаго» паче ближняго и паче самого себя! Лганье, вздоръ, призракъ, выдумка, самообманъ и прочіе виды лжи, неправды—единственный выходъ изъ ущелія, образуемаго съ одной стороны кулакомъ, уродующимъ тебя и заставляющимъ тебя ежеминутно самого убѣждаться, что ты никогда не уродомъ и не былъ, а съ другой—неотразимымъ сознаніемъ, что ты уродъ, и что кулакъ выше тебя неизмѣримо! Одно и выходитъ—ври и живи!

Вотъ какія феи стояли у нашей колыбели! И вѣдь такія феи стояли рѣшительно надъ каждымъ душевнымъ движеніемъ, чѣмъ бы и кѣмъ оно ни возбуждалось! Немудрено, что дѣти наши пришли въ ужасъ отъ нашего унизительнаго положенія, что они ушли отъ насъ, разорвали съ нами, отцами, всякую связь!..

СТОЛИЧНАЯ БѢДНОТА.

(МЕЛКІЕ ОЧЕРКИ).

I. Старьевщикъ

(Изъ московской жизни).

Зима, жгучій морозъ.

Задолго еще до перваго колокола, до перваго визга извозчичьихъ саней по закаленному лютымъ морозомъ снѣгу начинаетъ пробуждаться жизнь на столичномъ дворѣ. Въ грязныхъ клѣтушкахъ, въ нижнихъ этажахъ, гдѣ гнѣздятся сапожники и портные, напоминающіе міру о своемъ существованіи скромною вывѣской, уставившейся своимъ золотымъ сапогомъ или растопыренными ножницами куда-нибудь въ стѣну, въ кучу дровъ, или въ такой уголъ, куда съ незапамятныхъ временъ не забредала ни единая человѣческая нога, — въ этихъ-то сырыхъ подземельяхъ, обдающихъ свѣжаго человѣка какою-то кислятиной вмѣсто воздуха, прежде всѣхъ просыпается людское горе, съ вечера «звонко» залитое въ кабачкѣ, подъ извѣстнымъ заглавіемъ: «Уединеніе», «Мечта», «Перепутье». Просыпается оно въ тощей фигуркѣ сапожника Сидора Иванова, портного Ивана Сидорова и, запахиваясь рваным халатомъ, сквозь который морозъ запускаетъ свои колючія, какъ иглы, лапы, ежась, бѣжитъ опохмелиться, «поправиться», обыкновенно пуская ребромъ послѣдній пятачокъ, а за отсутствіемъ его — собственный жилетъ, сапожную колодку, женинъ платокъ и вообще все, что̀ ни подвернется подъ руку. А навстрѣчу ему уютное пристанище съ отрадною надписью: «распи-

вочно» давно уже распахнуло свои гостепріимныя объятія и ежеминутно погребаетъ за своей почернѣвшей дверью весь этотъ болѣющій людъ, испугавшійся при дневномъ свѣтѣ собственнаго безобразія и старающійся куда-нибудь скрыться даже отъ самого себя. Этотъ же внутренній испугъ заставляетъ до свѣту убраться со двора увлеченную юнкеромъ Тесаковымъ камелію, вчера же претерпѣвшую множество оскорбленій отъ высоконравственной хозяйки, у которой господинъ Тесаковъ нанимаетъ комнату и которой уже давно ничего не платитъ. Виляя своею измятою юбкою, нетвердою поступью бѣжитъ она черезъ дворъ и, выйдя за ворота, направляется въ сторону «крымскаго» ада.

Гдѣ-то ударили къ обѣднѣ. Жизнь на дворѣ шумитъ сильнѣе и сильнѣе: тащится съ салазками молочница; со скрипомъ въѣзжаетъ водовозъ вмѣстѣ съ бочкой, составляющей какъ бы одинъ довольно объемный кусокъ льду; медленно плетется на дровняхъ съ угольями весь почернѣвшій отъ сосѣдства съ ними мужикъ и, ставъ посреди двора, громко кричитъ: «уголь!», выставляя при этомъ свои бѣлые, какъ снѣгъ, зубы. Просыпаются рачительные хозяева и спѣшатъ на рынокъ, при чемъ, выйдя за ворота, крестятся и кланяются на всѣ четыре стороны. Просыпается харчевникъ Кузьма Шестовъ и выкатываетъ собственную трехобхватную особу на крыльцо, находя почему-то нужнымъ почесаться непремѣнно въ виду всей улицы. Онъ такъ толстъ, тученъ, жиренъ и тепелъ, что отъ него идетъ какъ бы дымъ и паръ, въ то время какъ исхудалаго оборванца жжетъ, щиплетъ и душитъ лютый морозъ. Изъ-подъ извозчичьихъ полозьевъ несется неумолкаемый визгъ и какъ бы какой-то безконечной, визгливой струей вьется надъ всѣмъ городомъ. Изъ трубъ медленно ползутъ кверху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавѣску тускло смотритъ, колеблющимся пятномъ, красное солнце морознаго дня.

Въ это время посреди двора стоитъ старьевщикъ. Въ теплой дубленкѣ, въ тепломъ картузѣ и валенкахъ, онъ не боится холоду и потому не спѣша попѣваетъ свою пѣсенку:

— Ссстаррова тряпья... старыхъ сссапгаговъ нѣтъ ли продавать?

Попоетъ-попоетъ, поправитъ подъ мышкой аккуратно сложенный кулечекъ и поведетъ глазами по окнамъ, преимущественно заглядывая или вверхъ подъ крышу, или внизъ въ подвалъ, откуда печально смотрятъ эти

микроскопическія, продолговатыя оконца, лѣтомъ сплошь забрызганныя грязью, а зимой скрывающіяся за напухшею грудою снѣга, льду и сосулекъ.

Смотритъ старьевщикъ, постукиваетъ нога объ ногу и снова тянетъ свою пѣсенку, и поетъ онъ ее такимъ заунывнымъ голосомъ, такъ плакуче, что ее слышитъ только та непроходимая голь-нищета, у которой вся надежда на существованіе — это старыя голенища, да и то тогда только, когда за нихъ сподобитъ Господь заполучить копеекъ двадцать.

Гдѣ-то наверху открылась форточка, женскій пискливый голосъ позвалъ старьевщика, и скоро онъ, шагая по грязной, обмерзлой лѣстницѣ, разспрашивалъ у добрыхъ людей: «какъ пройти въ квартиру мѣщанки Слезовой?»

Мѣщанка Слезова сама утверждала, что Господь наложилъ на нее особый крестъ, который она должна нести до гроба. Крестъ этотъ она называла совѣстью.

— Надѣлилъ меня, батюшка милостивый, надѣлилъ! — говорила она. — И столь Онъ, батюшка милостивый, надѣлилъ меня, что всякій можетъ мнѣ на шею сѣсть! — добавляла она, заливаясь горючими слезами.

Не неси она этого креста, ей не нужно было бы теперь сбывать оставшійся послѣ покойника-мужа хламъ, потому что сама она съ голоду не умретъ: женщинѣ много ли нужно? «Такъ пожевала-пожевала что-нибудь всухомятку— и сыта». А на это, разумѣется, хватитъ: стало-быть, съ этой стороны и толковать нечего. Но ее постоянно мучитъ постоялецъ, отставной прапорщикъ Волшебновъ, непремѣнно требующій обѣда, да еще старуха Митревна, уже третій день проклинающая, лежа на печи, и жизнь свою сибирскую, и сосѣдей, и хозяйку, — старуха, которая ежеминутно молитъ Бога о смерти, и притомъ только потому, что въ эти три дня ей не удалось потѣшить чайкомъ свою ветхую утробу... Можно было бы уладить дѣло и съ этой стороны: можно было бы доложить Волшебнову, что увѣреніе въ благородствѣ хоть и важная вещь, но что въ лавочкѣ за него не дадутъ и ваксы на двѣ копейки. Да и Митревну можно было бы посдержать, напомнивъ, что, «молъ, я, Слезова, не изъ корысти держу тебя, не изъ корысти поюкормлю, а только ради холода твоего да голода, соболѣзнуя твоему горю, отъ котораго и самой некуда дѣться...»

Но, видно, такъ уже была устроена Слезова, что мысли

о заступничествѣ за собственный карманъ она никакимъ образомъ не допускала близко къ себѣ и потому-то ежеминутно терзалась и голоднымъ желудкомъ прапорщика и жаждою старухи. Въ подобныя минуты ей даже казалось, что на нее съ укоромъ смотрятъ и холодная печка, и пустые горшки, и согнутый въ сторону самоваръ...—«Что же ты,— говорятъ будто бы эти враги: — топи, что-ль, меня? А! тебѣ нечего варить во мнѣ!.. Хозяйка тоже!.. Тьфу ты! вотъ что ты, а не хозяйка!..» А занятые третьяго-дня у сосѣдки три куска сахару!.. Господи! какими камнями лежатъ они на ея честной, правдивой душѣ!

Сообразивъ такое состояніе людей, обитавшихъ въ кухнѣ, читатель, можетъ-быть, пойметъ, что небесная помощь, въ какомъ бы то ни было видѣ, здѣсь ждется всѣми, и поэтому очень естественно, что старьевщика, какъ воплощающаго въ своей плутоватой фигурѣ эту помощь, приняли здѣсь съ распростертыми объятіями.

— Куда тутъ? какъ бы кадушку-то не того... опрокинешь неравно! — говорилъ онъ, влѣзая въ кухню и втаскивая съ собою тучу холода, которымъ и безъ того изобиловало жилище Слезовой. Шурша своимъ точно желѣзнымъ отъ мороза тулупомъ, на ходу зацѣпляя имъ ухватъ, сковородникъ и кочергу, старьевщикъ вступилъ въ сосѣднюю комнатку, до того микроскопическую, что помѣщавшіеся въ углу образа занимали чуть не цѣлую ея треть. Тутъ же стояла кровать, а на стѣнѣ болталось зеркальце, имѣвшее особенную способность стягивать всѣ черты лица въ одну точку — къ концу носа.

Войдя, старьевщикъ произнесъ: «добраго здоровья!», уложилъ на полъ свой мѣшокъ, шапку и рукавицы, обтеръ полою полушубка заледенѣвшіе усы и холодно произнесъ:

— Продаете что?..

— Да вотъ кой-что есть! — говорила Слезова, нагибаясь къ полу и запуская подъ кровать палку.

— То-то, продавайте, я понѣ добрый... Сейчасъ издохнуть... Такой милостивый, и-и-и!.. натощакъ не выговоришь... Мѣху нѣтъ ли? галуновъ?.. Пошарьте!

— На-ко-сь, вотъ сюртукъ... годится ли?

Принимая въ руки сюртукъ, старьевщикъ окинулъ его зоркимъ глазомъ «съ одного маху» и, заглядывая въ мельчайшіе закоулки, нападалъ на такія пятна, прожженныя дырья и изъяны, которые Слезовой очень желалось бы спрятать... И вотъ отъ этой-то зоркости старьевщика каждая

дыра на полѣ или на рукавѣ прожигала такую же дыру и въ ея сердцѣ.

Вскорѣ изъ-подъ кровати, при пособіи палки и кочерги, которою орудовала старуха, появились на свѣтъ Божій, вмѣстѣ съ кучею сора и неизвѣстно откуда взявшагося пуху, старыя, совершенно желтыя панталоны покойнаго супруга Слезовой, Онуфрія Максимыча, потомъ заплѣсневѣлая бутылка съ продавленной внутрь пробкой и наконецъ чей-то Богъ вѣсть какимъ образомъ попавшій сюда форменный картузъ съ зеленымъ околышемъ и разорваннымъ козырькомъ. Все это будило въ головѣ Слезовой забытое прошлое, поднимало и вихремъ несло ея прошлыя скорби. То представлялось ей, какъ покойникъ супругъ-парикмахеръ, въ видахъ барышей перебравшійся въ Петровскій паркъ на дачу, вдругъ запилъ, запропалъ въ городѣ и наконецъ совсѣмъ пропалъ безъ вѣсти. А тутъ зима. Лѣсъ опустѣлъ, снѣгъ сугробами одѣлъ дорогу въ Москву, а морозъ уже успѣлъ проглодать углы въ дощатой хибаркѣ. Со слезами на глазахъ, завернувъ въ полу заячьей шубки свою Лизу, которая теперь гдѣ-то въ бѣлошвейкахъ на Дмитровкѣ, бредетъ она, Слезова, къ Москву, къ Каменному мосту: «дескать, не распознаю ли у родственниковъ про Онуфрія Максимыча?» Вѣтеръ дуетъ въ упоръ, вязнутъ въ сугробахъ слабыя ноги, а идти далеко!.. Добрела. — «Не у васъ ли, Марѳа Марковна, супругъ мой?» А супругъ, будто кругомъ виноватъ, смирный такой, услыхалъ изъ другой комнаты и кротко таково говоритъ: — «А, говоритъ, Аксюша! ты это?.. Здравствуй!.. Виноватъ я, Аксюша!..» И присѣла она въ то время на оконникъ и сидѣла ровно безсловесная, потому — и слеза нейдетъ, и слова выговорить нельзя... Или вдругъ — смѣшно сказать! — эти желтыя панталоны, протертыя на колѣняхъ и заплатанныя синимъ тикомъ отъ жениной шубы, какую страшную сцену воскрешаютъ онѣ въ ея памяти! Помнится ей, какъ вотъ въ этихъ самыхъ панталонахъ, надъ которыми старьевщикъ покатился со смѣху, привезли Онуфрія Максимыча замертво. Подняли его добрые люди гдѣ-то на улицѣ. А оттого онъ довелъ себя до этого, что не на добрыя деньги вздумалъ гулять: пустилъ ризу съ вѣнчальнаго образа, «раздѣлъ» его, батюшку, донага! И вотъ онъ въ больницѣ; то хочется ему огурчика, то селедки, то кваску, — и Аксюша съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ, рождающимся только въ пору высокой привязанности, умѣетъ протащить ему

эти продукты, утаивъ ихъ отъ зоркихъ глазъ начальства, гдѣ-нибудь на груди, въ концахъ головного платка или подъ полою. — «Виноватъ я, — говоритъ больной: — много я тебя, Аксюша, бивалъ понапрасну, ни за что, и много я у Господняго престолу долженъ отвѣту дать за мои буйства и кровопролитія! Только прости ты меня, Аксюша, здѣсь, на семъ свѣтѣ, потому и безъ этого я, новопреставившійся рабъ Божій, долженъ идти въ муку вѣчную. А подъ подушкой, на Лизино счастье, узелокъ есть, и скопилъ я тамъ, на ассигнаціи, сто рублевъ...»

И много-много еще!..

Осажденная этими воспоминаніями, Слезова съ какимъ-то замираніемъ сердца разставалась съ разнымъ хламомъ, пробуждавшимъ въ ней эти трогательныя воспоминанія и теперь валявшимся на полу кучей какой-то рвани. Старьевщикъ все принималъ и даже старался ободрить хозяйку, видя, что она конфузится, подавая какой-нибудь шерстяной носокъ съ дырявой пяткой или заплѣсневѣвшій картузъ: онъ надѣвалъ носокъ на руку, утверждая, что изъ него очень легко сдѣлать варежки, примѣривалъ картузъ, и примѣривалъ такимъ ухарскимъ манеромъ, что даже Слезова не могла не улыбнуться, а старуха просто плюнула, проговоривъ:

— О, шутъ тебя возьми, пугало воронье!

Наконецъ, сѣвъ на полъ и подобравъ подъ колѣни весь собранный скарбъ, старьевщикъ придавилъ его растопыренною рукою и произнесъ:

— Еще чего нѣтъ ли?

— Нѣтъ, больше ничего нѣту.

— Пошарьте!

— По комодамъ развѣ?

— Ну по комодамъ!.. Галуновъ нѣтъ ли?..

— Нѣтъ, галуновъ нѣту... Ничего больше нѣту!

— Ну, такъ, стало-быть, сколько? Говори, мать, по-божьему!..

— Что̀ мнѣ? Я по-божьему...

— Ты самъ-отъ по-божьему-то! — произноситъ старуха, чувствуя потребность заступиться за Слезову, потому что теперь она уже не сомнѣвается въ возможности посидѣть за самоварчикомъ.

— Мы завсегда по-божьему. Мы люди, бабка, во̀ какъ — одно слово!.. А я, милая моя, вотъ какъ: я свою цѣну даю, ты свою... Что̀ же? разберемъ такъ: сюртукъ этотъ

самый, что̀ говорить, очень онъ превосходенъ, и дадутъ намъ за ихъ милость двадцать копеекъ, а мы, значитъ, даемъ ему назначеніе — гривенникъ по той причинѣ, какъ и намъ самимъ преферанцъ надобенъ. Такъ-то-съ!

Всѣ выражаютъ крайнее негодованіе; но старьевщикъ, кажется, и не слышитъ этого и спокойно продолжаетъ рѣчь, примѣривая картузъ.

— Они теперича... Какое объ нихъ мнѣніе? Мнѣніе будетъ высокое! А цѣна трынка. Такъ ли, милочки мои?

Опять ропотъ.

— Да ты вотъ что̀: Богъ-то есть въ тебѣ?

— Маменька! Богъ во мнѣ есть!

— Анъ вотъ нѣту!

— Милая моя, мамочка! Повѣрь мнѣ — есть! А что ежели что трынка, такъ чѣмъ же она не монета?

Въ это время въ дверяхъ показался постоялецъ, офицеръ, съ взъерошенными волосами, въ плисовомъ рваномъ халатѣ.

— Ты! — обратился онъ къ старьевщику: — купишь?

— Покажьте-съ!

— Что̀ тебѣ, нюхать, что ли?.. Видишь, сабля!..

— Придется, и нюхаемъ... Только онъ, оружій этотъ, д шевъ.

— Какъ?

— Ничего онъ для насъ не сто̀итъ..

— Мерррзавецъ!

Постоялецъ исчезаетъ.

— А то вотъ не купишь ли?—говоритъ старуха, вылѣзая изъ кухни.

— Какой товаръ?

— Пуговицы костяныя...

— Много-ль?

— Пару всего... Теперь такихъ пуговицъ нѣту...

— Ну, стало-быть, и пущай онѣ дружка съ дружкой... парочкою, стало-быть, миленочка съ миленочкомъ.

— А гривну если?

— Гривну-у? гривну-то̀ я за тебя, старушка, дамъ ли?.. И то ежели на распорку, коли дѣло будетъ. Вотъ какъ, балетная моя плясунья, по-нашему разговариваютъ-то съ вами!

— Покупаешь?—произноситъ снова явившійся офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

— Ну, подлецъ послѣ этого.

— Должно-быть, такъ!

— Сердитъ баринъ-отъ,—прибавляетъ старьевщикъ, прислушиваясь, какъ за Волшебновымъ хлопаетъ одна дверь, другая, и потомъ падаетъ на полъ кинжалъ.

Прапорщикъ свирѣпъ; онъ быстро ходитъ взадъ и впередъ; но немного погодя снова принимается рыться въ тощемъ чемоданѣ съ тою же цѣлью — продать что-нибудь старьевщику. Попадался ли ему старый эполетъ, сломанная шпора, покраснѣвшая пуговица съ цифрами,—онъ все валилъ въ кучу и назначалъ, по собственному мнѣнію, самыя умѣренныя цѣны, хотя въ итогѣ образовалась такая кругленькая сумма, которою прапорщикъ предполагалъ распорядиться самымъ милымъ образомъ.

— Сколько за все?—восклицаетъ онъ черезъ минуту.

— Да что̀, ваше благородіе, я скажу такъ, что для нашего брата вся эта теперича ваша премудрость—ровно плюнуть да растереть.

— Вонъ отсюда! — завопилъ прапорщикъ, швырнувъ на полъ весь свой товаръ, и исчезъ уже «навсегда».

Въ то время какъ въ разочарованную душу прапорщика врывались терзающія мысли о томъ, отчего судьба не дала ему болѣе широкой дороги, гдѣ бы онъ, не печалясь, какъ теперь, о трехдневномъ отсутствіи водки, могъ бы безмятежно покоиться подъ титуломъ штабсъ-капитана, разъѣзжать на рысакахъ, звонко покрикивать: «пошелъ», обладать первой въ Москвѣ камеліей, совершая все это на вдовьи капиталы купчихи Рыдаевой, — въ эти плачевныя минуты прапорщичьяго негодованія на судьбу, лишившую его всѣхъ, только-что изображенныхъ благъ, старьевщикъ съ присказками и прибаутками валилъ въ мѣшокъ все достояніе мѣщанки Слезовой, вмѣстѣ съ старьемъ навѣки погребая въ этомъ же мѣшкѣ и всѣ ея воспоминанія, всѣ прошлыя скорби.

— А что̀, хозяюшка, — говорилъ старьевщикъ, вынимая изъ-за пазухи свертокъ сахарной синей бумаги, въ которомъ сочно звякали мѣдяки:—я у васъ эту старушку, Богъ съ ней, поторгую!—И онъ кивнулъ головою на старуху.—Именно правда, потому кожа у ее, у этой у старухи... Рубь сорокъ да семь—рубь сорокъ семь пожалуйте-ко! Потому, говорю, кожа у этой у старухи оченно способна, и погонимъ мы ее на лайковыя перчатки...

Слезова грустно улыбалась; но старуха едва ли что-нибудь слышала изъ словъ старьевщика, потому что была

совершенно поглощена заботами о чаѣ и хлопотала около самовара.

Черезъ полчаса кухня Слезовой представляла нѣсколько иной видъ: сама хозяйка, слегка подрумяненная рюмочкой водки, поминутно совалась то къ столу, на которомъ пыхтѣлъ самоваръ и не менѣе его пыхтѣла старуха, то къ печи, гдѣ дымился котелъ, около котораго тощее пламя единственнаго полѣна какъ-то подобострастно егозило и, казалось, хотѣло сжать его въ своихъ объятіяхъ, лишь бы только угодить Слезовой и поскорѣе вскипятить щи. Въ углу стояла сосѣдка съ рюмкой въ рукахъ, готовясь поднести ее ко рту, при чемъ говорила Слезовой что-то очень утѣшительное, награждая ее въ будущемъ всякимъ счастьемъ,— чего, въ одно и то же время, желала и сулила ей также и старуха; но Слезова только вздыхала и полагалась во всемъ на власть Божію. Не то было за перегородкой, въ комнатѣ прапорщика. Разстроенное воображеніе его не давало ему покою.

— Господи! Господи!—взывалъ онъ въ душѣ:—хоть бы что-нибудь!..

Соображая предстоящіе барыши, плетется старьевщикъ по пустынному переулку. Отъ-нечего-дѣлать онъ можетъ зайти въ лавочку, гдѣ ему всѣ друзья-пріятели отъ мала до велика, почему онъ всегда смѣло можетъ прибѣгнуть сюда и перехватить рубликъ-другой, безъ залога узла, дѣлая это, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, если гдѣ-нибудь по близости «лафа», т.-е. можно погрѣть руки около чьей-нибудь добротной шубы, салопа и вообще вещицы, на которую не хватаетъ казны, размѣщенной по всѣмъ карманамъ, во всевозможныхъ узелочкахъ, заверткахъ, «портманеяхъ» и тому подобныхъ казнохранилищахъ.

Тутъ, въ лавкѣ, онъ потолкуетъ съ хозяиномъ,—дескать, «какія нонче времена тугія», сообщитъ, пожалуй, извѣстіе, что какой-нибудь купецъ Столбовъ пожертвовалъ въ приходъ колоколъ пудовъ въ тысячу, пошутитъ съ приказчикомъ, посочувствуетъ ему въ эротическихъ подвигахъ на Цвѣтномъ бульварѣ, — однимъ словомъ, онъ можетъ толковать обо всемъ и всегда, именно потому, что не толковать иначе, какъ «про все», невозможно въ его званіи и положеніи. «Такое наше дѣло, — говоритъ онъ: — человѣкъ ты завсегда на народѣ, на самомъ на юру —ну и долженъ со всякимъ вступать въ разговоръ; отъ этого-то я и могу во всемъ достигать».

Но всмотритесь пристальнѣе въ эту плутоватую личность, сбросьте съ обросшей «образины» старьевщика весь грузъ прошедшихъ лѣтъ,—и передъ вами бойкій столичный мальчишка. Весь дворъ зоветъ его «юлой»; иные, впрочемъ, замѣняютъ эту кличку «шиломъ», а собственный родитель не иначе именуетъ сына, какъ «щенкомъ». Усматривая въ сынишкѣ нѣсколько жульническую сообразительность и пронырливость, родитель, рѣзчикъ печатей Голодаевъ, умѣлъ въ раннюю пору дѣтства направлять такія достоинства ребенка въ собственную пользу: то препоручалъ онъ щенку передать «полковницкой» кухаркѣ Агаѳьѣ, чтобы она вечеромъ выходила на тротуаръ, да такъ, чтобы матка не замѣтила и чрезъ глупую его, щенка, голову не намылила бы, при сборищѣ цѣлаго двора, и косматую голову самого родителя-измѣнщика. И щенокъ отлично исполнялъ такое порученіе. Или, въ періодъ голоданья и холоданья, щенокъ отправлялся, напичканный разными наставленіями, за похищеніемъ гдѣ-нибудь щепокъ, дровъ.

— Ты, Миша, нахрапомъ!—говорилъ отецъ.—Нонѣ нахрапомъ не возьмешь,—къ вечеру безъ головы останешься...

И нужно было видѣть, какъ прыгало и трепетало сердце горемычнаго родителя, когда онъ усматривалъ всѣ тонкія или, напротивъ, наглыя сношенія щенка съ плотникомъ, работающимъ около длиннаго бревна, протянувшагося чрезъ дворъ. Нужно было видѣть также всю злобу разныхъ квартирныхъ хозяевъ и хозяекъ, приготовившихся-было только-что выступить въ походъ за этими щепками, уже отогрѣвающими теперь семейство щенка. Въ этомъ негодованіи на собственное простоволосье никто изъ нихъ не задумывался запустить въ щенка кирпичъ, заржавленную задвижку, гвоздь, словомъ — все, что ни попадалось въ руки. Но и отъ этого щенокъ умѣлъ «улизнуть».

Какъ ни прибыточна была для рѣзчика Голодаева такая дѣятельность только-что оперяющагося пройдохи, однако же нежеланіе предоставить сыну голодъ и холодъ своего неблагодарнаго ремесла заставило родителя искать ему болѣе обезпеченную дорогу. И вотъ скоро Мишка-щенокъ—микроскопическій портной. Съ плотно остриженными волосами, сквозь которые синѣютъ желваки, только-что полученные отъ собратій по мастерству, какъ знакъ вступленія въ «новое» общество, прытко шныряетъ онъ съ огромнымъ утюгомъ, чтобы гдѣ-нибудь подсунуть его на чужую плиту. Дѣло у него такъ и кипитъ, и тосковать о горькой долѣ

ему некогда, да оно и не стòитъ: пусть бѣгаетъ онъ босыми ногами по льду, безъ шапки и въ одной нанковой рубашкѣ,— онъ сумѣетъ и согрѣться, прокатившись съ разбѣгу по льду, или двинетъ кого-нибудь изъ своей братіи плечомъ, и тутъ же для собственной потѣхи лизнетъ горячимъ утюгомъ по снѣгу. Все у него кипитъ подъ руками! И вдругъ, когда портныхъ дѣлъ мастеръ только-что хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что уже ремень и колотушка, въ приложеніи къ щенку, не имѣютъ болѣе никакого смысла, и что съ нимъ, щенкомъ, нужно вести дѣло на другой манеръ, «изъ-подъ ласки»,— въ это-то завидное для многихъ время щенокъ страшно роняетъ себя, похитивъ какой-то жилетъ и прогулявъ вырученныя за него копейки на пряникахъ. За жилетомъ слѣдуютъ панталоны, сюртукъ... А черезъ недѣлю щенокъ ужъ на волѣ: онъ снова живетъ въ обиталищѣ своего родителя, который теперь клянетъ его за опиванья и объѣданья.

Обдумывая способы исправленія сына, рѣзчикъ Голодаевъ приходитъ къ тому заключенію, что теперь остается одно: *драть его, шельму, до зеленаго змія!* Не медля ни минуты, съ горестью и вмѣстѣ любовью въ сердцѣ принимается онъ за вѣникъ, и тутъ-то происходитъ доморощенное врачеваніе отъ всѣхъ пороковъ и золъ, во время котораго изъ квартиры Голодаева, сквозь мельчайшія щели и скважины, несется вопль и стонъ несчастнаго, очевидно, наводимаго на путь истины. Вотъ послѣ этого-то врачеванія, спустя мѣсяцевъ шесть, вы и встрѣтили прежняго щенка на Кузнецкомъ мосту; говорю *прежняго* потому, что теперь вы *щенка* не узнàете — передъ вами уже такая личность, которую въ Москвѣ опредѣляютъ однимъ словомъ: «чуйка».

— Сударь, сударь! ваше сіятельство!..—негромко и таинственно произноситъ «чуйка», догоняя прохожаго.

— Чтò тебѣ?

— Пожалуйте на минуточку-съ!

— Меня?

— Васъ, васъ!.. на секундъ!.. за уголъ только!..

— Меня ли?.. Почемъ ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Чтò вы?.. Знаемъ-съ, пожалуйте!

Прохожій идетъ, недоумѣвая и чего-то опасаясь.

— Ну, говори, чтò такое?

— Покупка есть... Какъ бы кто не увидалъ!.. Магазинская цѣпочка-съ «первый сортъ»!

Чуйка оглядывается по сторонамъ и вытаскиваетъ изъ-за

пазухи какую-то цѣпочку, которая горитъ передъ глазами прохожаго и разсыпается искрами на солнцѣ.

— Куда же ты ее прячешь?..

— Невозможно, вашскородіе, никакъ увидятъ... Сто цалковыхъ стòитъ... сорокъ прошу.

— Да это краденая!

— Сохрани Богъ! чтò мнѣ?.. Въ кутузкѣ-то мнѣ не очень желательно сидѣть... по нуждѣ продаю.

— Что-то неладно ты говоришь!

— Баринъ! баринъ! ваше благородіе! куда же вы?.. Двадцать пять!..

— Десять!

— Чтò вы, ваше благородіе! Обижать человѣка!.. Господинъ, позвольте!

— Ну?

— Угодно двадцать рублей? Не по-моему, не по-вашему?

— Ничего мнѣ не угодно!

— Какъ ваша цѣна? Какъ же такъ: ничего не угодно?

— Пять цѣлковыхъ... Она не нужна мнѣ...

И прохожій идетъ.

— Эхъ, какой вы баринъ сердитый!—вяло произноситъ «чуйка».—Ну, пожалуйте! Богъ съ вами!.. На чаекъ бы...

— Ну-ко, братъ, оцѣни-ка, сколько заплатилъ?—говоритъ прохожій пріятелю, показывая покупку.

— Пятачокъ?

— Что-о-о-о?!.

Въ другой разъ «чуйка» встрѣтилась вамъ у Иверскихъ воротъ. Подъ аркой, среди грохота и стука сотни экипажей, среди разнообразныхъ криковъ и пѣнія, доносящагося изъ часовни, какъ-то назойливо журчитъ рѣчь «чуйки». Держа въ рукахъ книгу: «Химическій анализъ», пачку конвертовъ и двѣ-три палочки сургуча, она неотступно слѣдуетъ за какимъ-то купцомъ и ежеминутно дребезжитъ надъ самымъ ухомъ:

— «Анализъ»!

Купецъ идетъ молча, но «чуйка» не отстаетъ,—она словно прилипла къ нему; забѣгаетъ впередъ, егозитъ и тычетъ ему въ самый носъ свою книгу.

— Аннализъ!

— Прочь!..

— Аннализъ! Особбенная книга-съ!

— Прочь!..

— Пользительные совѣты!..

— Прочь, говорю!

Сцена этого рода обыкновенно оканчивалась тѣмъ, что иной прохожій находилъ необходимымъ позвать полицейскаго, а другой, соблазнившись достоинствами книги, покупалъ ее, тащилъ куда-нибудь на Ордынку, за Москву-рѣку, сажалъ за нее сынишку, съ явнымъ желаніемъ вложить въ его тучное существо какія-нибудь познанія; но эта попытка, по обыкновенію, никакого успѣха не имѣла, а «Химическій анализъ» очень скоро находилъ пріютъ въ кухнѣ и употреблялся на подстилку подъ кулебяки.

И вотъ, спустя годъ-другой, та же «чуйка», только сдѣлавшаяся опытнѣе, старше и солиднѣе, ходитъ по дворамъ въ видѣ старьевщика. Совершилось это перерожденіе въ силу той же причины, какая родила на свѣтъ Божій поговорку: «рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше». И дѣйствительно, «чуйкѣ» теперь много лучше: скитаясь по Кузнецкому, толкаясь у Иверской, она была воплощенная нужда, искавшая милости въ каждомъ; а теперь эта же нужда, которой вездѣ непочатый уголъ, сама гоняется за «чуйкой» и на долгіе годы впередъ сулитъ ей хорошій кусокъ хлѣба.

II. Первая квартира.

(Изъ записокъ пролетарія).

... Претерпѣвъ множество непріятныхъ и комическихъ столкновеній, неизбѣжныхъ для провинціала, впервые попавшаго въ такой запутанный городъ, какъ Москва, я наконецъ нашелъ себѣ маленькую работу и отыскалъ столь же маленькую, какъ и работа моя, комнату.

Стоялъ удушливый лѣтній вечеръ. Кусочекъ неба, который выглядывалъ изъ-за крышъ огромныхъ домовъ, былъ какого-то грязно-желтаго цвѣта; московская пыль тучей стояла надъ городомъ и застилала небо. Изъ переулка и съ улицы доносился трескъ колесъ. На дворѣ кто-то пѣлъ. Я высунулъ голову въ окно. На коридорѣ нашей квартиры, угломъ поворачивавшемъ отъ кухни, на растворенномъ окнѣ сидѣли всѣ швеи госпожи Поляковой, моей хозяйки, и вели разговоры. Замѣтивъ меня, онѣ замолкли;

но черезъ нѣсколько времени разговоры начались снова, только немного тише.

— Я-бъ ему за это показала!—храбро говоритъ молодой голосъ.—Барскіе помои!.. Ежели-бъ онъ такъ со мной, какъ съ Дуняшей...

— Молчи!—прервалъ шопотомъ другой голосъ, по всей вѣроятности, голосъ Дуняши.

— Сластеха этакой!—продолжала первая.

— Погоди, попадешься и ты,—замѣтила кухарка, что̀ я узналъ по грубому голосу, который слышалъ утромъ.

— Я-то?

— Ты! И ты попадешься!

— Ну, это вотъ! видишь вотъ это? Это вотъ на-ко...

— Ладно!.. Твой вѣкъ, Татьяна, не очень-то долгъ!—продолжала кухарка.—Будь ты въ этомъ покойна, и даже такъ, что совсѣмъ твой вѣкъ коротокъ!..

Татьяна захрабрилась пуще прежняго.

Она просыпала въ отвѣтъ такое множество словъ, и притомъ такъ скоро, что я ровно ничего не могъ разслышать хорошенько, но изъ храбраго тона ея голоса я, впрочемъ, могъ смѣло заключить, что Татьяна твердо вѣритъ въ свой долгій вѣкъ. Храбрыя рѣчи свои она закончила какимъ-то отрывистымъ смѣхомъ, тотчасъ же звонко затянула какую-то пѣсню и вдругъ бросилась за кѣмъ-то по коридору «догонять». Черезъ минуту слышно было, какъ бѣгущія «строчили» по лѣстницѣ. Онѣ выбѣжали на дворъ и принялись ловить другъ друга, оглашая внутренность двора звонкимъ смѣхомъ.

На окнѣ, въ коридорѣ, остались Дуняша и кухарка Акулина. Онѣ долго молчали. Акулина, почесывая голову, зѣвала и неизвѣстно у кого спрашивала: «который-то теперича часъ?» Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, удовлетворяя собственному любопытству, такъ же сонно отвѣчала себѣ:

— Теперь, надо-быть, часъ девятый!

И успокоивалась.

Дуняша вздыхала, но вздыхала такъ, что рѣшительно не было возможности сдѣлать какую-нибудь связь между этимъ вздохомъ и тѣмъ проступкомъ противъ нея кого-то, про который упоминала Татьяна: что-то вялое, неопредѣленное слышалось въ ея вздохѣ.

— Поди, жильцу-то самоваръ пора?—лѣниво заговорила Акулина.

— Ты понесешь?—спросила Дуняша.

— Да хоть и ты... неси!..

— Семъ я? Кто такой: скубентъ какой-нибудь!..

— Куды-то ходитъ... Говоритъ, отсюда близко... Богъ его знаетъ...

— Мы, Акулинушка,—вяло говорила Дуняша:—мы вмѣстѣ самоваръ-то понесемъ?

— Ну-к-што-жъ!.. Кто его знаетъ! Сразу человѣка не распознаешь... Чужой человѣкъ, кто онъ? Богъ его знаетъ...

Кухарка и Дуняша зѣвали и почесывались. Дуняша попрежнему вздыхала какимъ-то звонкимъ вздохомъ.

— Котораго человѣка и знаешь, да и то надумаешься...

— И-и ка-акъ!

— То-то и есть! Вотъ Андрюшка твой!..

— Выжига!—перебила Дуняша...

— Выжига! А былъ, небось, не выжига!.. Кажется, не одинъ день знала, а когда вполнѣ оказался! То-то и есть!.. Понесемъ самоваръ-то... О-охъ, батюшки, что-то меня мутитъ какъ!.. Бери... тьфу! Господи, то-бишь неси чашки-то! О-о-охъ!

Кухарка и Дуняша исчезли, исчезли, впрочемъ, медленно; Дуняша, поднимаясь съ подоконника, не упустила случая вздохнуть.

Я сталъ ждать посѣщенія. Сидя попрежнему на подоконникѣ, я слышалъ, какъ въ кухнѣ, находившейся подъ моей комнатой, постоянно хлопала дверь, и швеи толпами возвращались сюда изъ коридора; онѣ разговаривали, звонко смѣялись, затягивали пѣсни. Въ промежуткахъ этихъ разговоровъ и смѣха слышался грубый голосъ Акулины, раздававшійся всякій разъ, какъ только труба самоварная грохалась о-земь, чему въ особенности способствовала безпрерывная бѣготня посѣтительницъ. Въ отвѣтъ на суровыя предостереженія Акулины раздавался смѣхъ, еще болѣе громкій и дружный, снова затягивалась пѣсня, и все шло по-старому. Должно-быть, благодаря этому и постоянно обрушивавшейся трубѣ, самоваръ прибылъ ко мнѣ очень поздно, но зато, вмѣсто двухъ гостей, которыхъ я ожидалъ, къ моимъ дверямъ подвалила цѣлая ватага.

Посѣщеніе это я, впрочемъ, предвидѣлъ, потому что, по говору и шлепанью по лѣстницѣ ногъ, чуялъ, что «грядетъ сила несмѣтная». Среди затаеннаго шопота и смѣха слышалось звяканье чашекъ, шипѣнье самовара и голосъ Акулины, усовѣщевавшей кого-то нести свѣчу на виду. Затаенная тишина приближавшейся толпы перерывалась чьимъ-

нибудь ударомъ по платью, звонкимъ смѣхомъ и паденіемъ съ лѣстницы. Наконецъ все затихло передъ моими дверями.

— Фу, батюшки!—слышался вздохъ Акулины.—Танька, отвори дверь! отвори, что-ль!..

Никто почему-то не исполнялъ ея приказаній. Слышалось фырканье.

— Дуняша, отвори ты!

Но и Дуняша не отворяла.

— У-у, безстыжія!—зарычала Акулина, толкая дверь ногою:—нашли мѣсто хихикать! О, Господи! Отворите, сдѣлайте милость!—обратилась Акулина, повидимому, ко мнѣ, потому что говорила особенно ласково и звонко. Я исполнилъ ея просьбу, потому что и самъ сдѣлалъ бы это съ перваго слова Акулины, обращеннаго къ своимъ спутницамъ насчетъ двери, если бы не казалось мнѣ, что дверь отворится сію минуту; кромѣ того я рѣшительно не зналъ, почему *онѣ* не хотятъ отворить.

— Покорнѣйше благодарю-съ!—возгласила Акулина, появляясь въ комнату съ самоваромъ. — Сдѣлайте милость, ужъ извините... Обезпокоились. Наши дѣвки, дуры, испугались...

— Чего же?

— Да вѣдь нешто онѣ понимаютъ!.. Ну, жилецъ, новый... Богъ его знаетъ... и боятся!

Акулина помѣстилась у притолки и, очевидно, желала со мной познакомиться.

— У насъ вамъ будетъ спокойно,—заговорила она:—тихо. У насъ тихо... Шуму это, гаму—нѣтъ... Пѣсни иной разъ дѣвки запоютъ — это развѣ. Да и то, запретесь—не слыхать.

Я возился около самовара, слушая Акулину. Между тѣмъ дверь начала пріотворяться; явились двѣ-три физіономіи слушательницъ.

— Эта комнатка у насъ счастлива,—продолжала Акулина:—не пустуетъ, любятъ. У насъ покойно... Потому у насъ тихо и никогда чтобы чего-нибудь... Все больше чиновники живутъ... Скубенты, случается... Но рѣдко... Все чиновники больше. Вы какіе будете?..

Я сказалъ, что служу.

— А-а-а... чиновники! такъ, такъ... Вотъ у насъ жилъ чиновникъ тоже... Кузьмичевъ... Не знаете?

— Нѣтъ, не знаю...

— Ихъ вѣдь много, не узнаешь всѣхъ-то...

Дверь отворилась совсѣмъ почти; слушатели тѣснились у стѣны въ темнотѣ.

— А то,—оживляясь, заговорила Акулина:—былъ у насъ одинъ жилецъ,—такъ это ужъ только одно удивленіе, что̀ за жилецъ такой!.. Въ первый разъ въ жизни я такого и видѣла... Сумашеччій, что ли, онъ, или ужъ Богъ его знаетъ, какой-такой!.. Чиновникъ...

— Онъ не служилъ!—послышалось изъ темноты.

— Отставной-съ! За это сумасшествіе его, надо-быть, и отставили... И что̀ только онъ дѣлалъ! Бывало, всѣ животики надорвешь!.. Иной разъ, слышь, зоветъ меня... Придешь къ нему, а онъ: «Акулинушка, говоритъ, есть у меня хвостъ?» — «Да и какой еще большой», говорю. Просто смѣхи—смѣхи неописанные! Ну и виномъ шибко зашибалъ.

— Это Солошинъ женихъ!—раздалось робко въ темнотѣ.

— Что̀ такое Солошинъ? Еще что̀?

— Обнаковенно твой! Полно отпираться-то!.. Ишь!..

— Стыдно!

— Хе-хе-хе!—засмѣялась Авдотья.—Шутятъ!..

— Онъ ей,—продолжали въ темнотѣ:—ковригу хлѣба въ именины подарилъ.

— И чемоданъ!

— Ври!

— Ты-то не ври!.. Ты больше знаешь!

— Кому знать, какъ не тебѣ? А вотъ я сейчасъ про Андрюшку...

Очевидно было, что кому-то зажали ротъ на полсловѣ.

Бесѣда въ подобномъ родѣ тянулась долго, и знакомство наше быстро двигалось впередъ. Разговоры въ темнотѣ, къ концу визита Акулины, шли во всеуслышаніе, хотя разговаривающія и не рѣшились показать своихъ физіономій.

Акулина долго разсказывала про своихъ жильцовъ. Когда запасъ матеріала, съ которымъ она считала нужнымъ меня познакомить, истощился, она снова, для округленія бесѣды, свела рѣчь на теплоту и всякія удобства квартиры, очень обстоятельно объяснила, какимъ образомъ нужно «кликать» ее, Акулину, если понадобится что-нибудь, или когда нужно въ лавочку послать. Все это она вызывалась сдѣлать съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А за сапоги,—заключила она, выступая на лѣстницу:—за сапоги, когда почистить случится, такъ ужъ какъ-нибудь... что̀ пожалуете!.. Пріятнаго сна вамъ! Покойной ночи!

Дальнѣйшее знакомство мое съ хозяевами и другими сожителями продолжалось не въ такой уже степени быстро, какъ въ первый день переѣзда. Большею частью я дома не бывалъ, забѣгая только на минутку, чтобы выкурить папиросу, отдохнуть, полежать минуту, и уходилъ опять. Этими короткими минутами и ограничивались всѣ мои отношенія къ сосѣдямъ и хозяйкѣ. Хозяинъ и хозяйка были люди примѣрные во всѣхъ отношеніяхъ. Ни малѣйшихъ столкновеній даже на «словахъ»—что̀ ужъ совершенно неизбѣжное явленіе вообще въ супружеской жизни — между ними и помину не было. Обстоятельство это было тѣмъ удивительнѣе, что для семейныхъ столкновеній у хозяевъ моихъ были весьма основательные поводы: и мужъ и жена имѣли «на сторонѣ» множество исторій, неприличныхъ званію супруговъ. Сальная и постоянно заспанная физіономія супруга, позднія возвращенія домой, преимущественно не въ весьма полномъ разсудкѣ, говорили, очевидно, противъ него. Съ своей стороны, по части отлучекъ, не отставала и супруга. Но все это дѣлалось по общему согласію, и вотъ отчего не было ни столкновеній ни ссоръ.

Поднималась хозяйка обыкновенно часовъ въ двѣнадцать и тотчасъ принималась за туалетъ, въ то же время не упуская случая показать, что она *мадамъ:* громко, какъ можетъ кричать сердитая баба, кричала она на мастерицъ и иногда выбѣгала изъ своей комнаты въ мастерскую, давала пощечину кому слѣдуетъ и снова возвращалась къ туалету. Часто за моими дверями слышался робкій плачъ. Удары и пощечины приходились преимущественно на долю двѣнадцатилѣтней дѣвочки Ани, которая была еще *ученица,* слѣдовательно, по одному уже принципу Маріи Петровны, требовала пощечинъ. Ради этого Аня всегда ходила съ опухшей щекой или губой, красными глазами и лицомъ, измазаннымъ черными, засохшими потоками слезъ.

— Тебя бьетъ она?—спрашивалъ я Аню.

— Чертовка!—отвѣчала она шопотомъ, утирая какъ-то локтемъ заплаканный носъ.

— За что она тебя бьетъ?—допытывался я.

— Чертовка этакая...—твердила Аня.

Такъ я никогда и не могъ допытаться, за что ее бьютъ. Если я съ тѣмъ же вопросомъ обращался къ мастерицѣ, то получалъ отвѣтъ:

— За дѣло!..

— Что же такое она дѣлаетъ, что ее каждый день колотятъ?..

— Ничего! — говорила мастерица, словно и не слышавшая моего вопроса.—Насъ тоже били! Это еще не битье!

— Это что!—подтверждали другія.

— Вонъ, поди-ко, поживи у Капитонихи, на Тверской! А это что!..

— Не сахарная!

Этимъ заканчивались всѣ мои свѣдѣнія насчетъ причины битья.

Расправившись съ Аней, Марья Петровна снова принималась за туалетъ, потомъ принимала заказы и, пообѣдавъ какой-нибудь дрянью (ѣли они всѣ ужасную дрянь, такъ какъ всѣ вырученныя за работу деньги хозяева проигрывали въ карты), торопливо раздавала мастерицамъ работу и отправлялась въ гости, къ знакомой купчихѣ, у которой она и оставалась часовъ до трехъ ночи. Купчиха эта была вдова, состоятельная женщина, значительно закутившая на старости лѣтъ. У ней собирались ухарскіе офицеры, шла игра въ карты, и время проводилось очень весело. Между «дамами», собиравшимися сюда иногда, изъ-за ревности, происходили, какъ говорятъ, и «рукопашныя».

Такимъ образомъ мужъ моталъ и транжирилъ свои деньги, Марья Петровна—свои. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, они перекидывались двумя-тремя словами, въ родѣ, напр.: «который часъ?» или: «сегодня, кажется, четвергъ?» и исчезали каждый по своему благоусмотрѣнію. Они такъ отвыкли отъ семейной жизни, что единственнаго своего ребенка отдали куда-то на воспитаніе и по полгоду не видали въ глаза.

Всѣ обязанности по хозяйству лежали такимъ образомъ на Акулинѣ, которая и была дѣйствительною хозяйкою: она варила мастерицамъ обѣдъ, мыла полы, присматривала и прикрикивала на кого слѣдуетъ и въ промежуткахъ неустанно кляла Марью Петровну, какъ мотовку и въ то же время какъ нищую. Причиною этого неудовольствія Акулины на хозяйку былъ неплатежъ денегъ и нежеланіе хоть что-нибудь прикинуть къ тому рублю, который оставляла она на прокормленіе всей огромной семьи швей. Вообще Марья Петровна не любила платить долговъ и съ обычною своею граціею, о которой я уже упомянулъ, отвиливала болѣе полугода отъ хозяина, которому много была должна за квартиру. Когда являлся управляющій съ

требованіемъ уплаты долга, Марья Петровна очаровывала его своимъ респектабельнымъ обхожденіемъ. Управляющій, еще очень молодой человѣкъ, таялъ отъ этого обхожденія и съ удовольствіемъ рѣшался ждать будущей недѣли; но и черезъ недѣлю онъ попрежнему не дожидался ничего, кромѣ тѣхъ же восхитительныхъ ласкъ хозяйки. У супруговъ такимъ образомъ никогда не было денегъ, и Акулина справедливо кляла ихъ за это. Кромѣ попеченій о хозяйствѣ и о порядкѣ, Акулина была единственнымъ существомъ, къ которому всѣ швеи обращались съ вопросами и отъ котораго получали всевозможные совѣты и указанія и рѣшительно всѣ свѣдѣнія о жизни. Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ швей, Акулина оказывала для нихъ кромѣ того услуги и другого рода... Но объ этомъ послѣ.

Тотчасъ по удаленіи хозяйки, мастерицы и ученицы, сидѣвшія за работой часовъ съ шести утра, опрометью бросались въ кухню, хохотали и въ эту пору иногда забѣгали ко мнѣ, чтобы прибрать комнату, принести воды. Эти маленькія работы онѣ исполняли съ особеннымъ удовольствіемъ: тутъ у насъ шли разговоры, разсказы. До полной откровенности со стороны моихъ сосѣдокъ я однако дошелъ нескоро. Въ первое время онѣ были со мной очень конфузливы: не то боялись меня, не то подсмѣивались надо мной, какъ мнѣ казалось. Съ большою вѣроятностью эту неподатливость ихъ на самыя простыя отношенія между нами я могу объяснить тѣмъ, что всѣ онѣ предполагали во мнѣ какіе-то затаенные противъ нихъ замыслы. Послѣ довольно значительнаго промежутка «привыканья» другъ къ другу, мое независимое и вовсе «не жильцовское» поведеніе съ ними расположило ихъ ко мнѣ, и въ послѣднее время я пользовался ихъ полною откровенностью.

Изъ довольно большого кружка моихъ сосѣдокъ я обращу вниманіе читателя преимущественно только на три личности. Первое мѣсто между ними занимала та самая Татьяна, которая въ первый вечеръ моего пребыванія на квартирѣ такъ крѣпко стояла за свой долгій вѣкъ. Это была очень молодая, коренастая дѣвушка, бойкая, пѣвунья и разбитная; я не могъ примѣтить въ ней только одного качества, которымъ она должна бы обладать въ совершенствѣ — смѣха: она и пѣла, и подтрунивала, и рѣзвилась какъ-то живо, проворно, но безъ смѣха. Обязанности свои она исполняла исправно, то-есть аккуратно отрабатывала за-

данный хозяйкой урокъ и потомъ ужъ принималась за пѣсни. Не имѣя за душой никакихъ «пороковъ» и продѣлокъ, она, какъ мнѣ казалось, не безъ гордости смотрѣла на своихъ подругъ. По всему было видно, что она очень свято хранила деревенскіе завѣты и увѣщанія. Видно было, что въ воображеніи ея еще слишкомъ ярко стоялъ образъ матери, которая такъ горько болѣла о предстоящей жизни своей дочери въ Москвѣ и давала деревенскіе совѣты насчетъ того, какъ «остерегаться»... Вопросъ насчетъ этого крѣпко засѣлъ въ голову Татьяны и сильно занималъ ее. Въ дни моего пребыванія жильцомъ Марьи Петровны Татьяна вся была поглощена недавнею исторіею Дуняши и, при всякомъ удобномъ случаѣ, старалась ввернуть объ этой исторіи словцо: примѣръ Дуняши и сознаніе собственныхъ силъ еще болѣе укрѣпляли Татьяну насчетъ ея долгаго вѣка. Совсѣмъ не такого свойства была Дуняша. Собой она была недурна, въ русскомъ вкусѣ: полна, слишкомъ бѣла и слишкомъ румяна. Глаза маленькіе, голубые, съ какимъ-то вялымъ выраженіемъ; походка всей ступней, разговоръ тягучій. Вообще въ ней была замѣтна какая-то лѣнивая тоска.

Заходя иногда ко мнѣ, она или конфузилась при самыхъ невинныхъ моихъ вопросахъ, или неожиданно разсказывала всю подноготную своего недавняго романа и въ то же время видимо удивлялась—что̀ это она такое дѣлаетъ? При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ нею я могъ вполнѣ убѣдиться, что Дуняша — одна изъ числа того огромнаго класса русскихъ женскихъ натуръ, которыя рѣшительно не знаютъ, какъ собой распорядиться, если ихъ судьбою не завѣдуютъ родители или вообще люди, власть надъ ними имѣющіе. Такія русскія женщины безъ особеннаго ропота идутъ за людей, которые имъ положительно не нравятся, и, странное дѣло, сознаніе собственнаго несчастія—быть всю жизнь за нелюбимымъ мужемъ—иногда бываетъ для такихъ женщинъ единственнымъ интересомъ жизни. Свободой такія женщины распорядиться не могутъ, не умѣютъ, да и не знаютъ, что̀ такое свобода.

У Дуняши была мать, но не въ Москвѣ, а въ деревнѣ, и притомъ такъ далеко, что видѣлись онѣ одинъ разъ въ два года; слѣдовательно Дуняша была почти свободна. Принадлежа къ сорту тѣхъ женщинъ, о которыхъ я только-что упомянулъ, она не могла ни любить ни ненавидѣть глубоко, потому что она умѣла только чувствовать, но не

умѣла понимать. Отсутствіе матери мало-по-малу отучало ее отъ страха къ угрозамъ, которыя та сулила ей *въ случаѣ ежели...* Между тѣмъ подошли лѣта. Дуняша почувствовала, что ей пора замужъ; ей хотѣлось какой-нибудь перемѣны въ жизни. Все работа да работа (хотя и неутомительная) ей надоѣла. И тутъ-то, неожиданно, случился романъ. Частенько разговаривали мы объ этомъ романѣ.

— Что̀ же ты, — спрашивалъ я у нея: — очень любила его?

— Стало-быть, любила!—вяло произносила она въ отвѣтъ.

— И вовсе даже ты его ни чуточки не любила!—вставляла правдивая Татьяна.

— Ну, ври!

— Да ей-Богу!

— Не любила!—обидчиво вскрикивала Дуняша.—Что-жъ я, изъ корысти, что ли?

— Да и не изъ корысти!

— Тьфу, прости Господи! — сердилась Дуняша. — Аль я бѣшеная?

— И не бѣшеная!

— Ну такъ какъ же это?

Дуняша краснѣла.

— А шутъ васъ разберетъ!

— Это точно, — вмѣшивалась обыкновенно Акулина: — этого не разберешь... Наша сестра тѣмъ несчастна, что не знаетъ, когда потеряетъ, а когда найдетъ... Этого не угадаешь... И съ Авдотьей вотъ то же самое: та̀къ вотъ, трр... трр... колесомъ!..

И Акулина завертѣла руками, желая, повидимому, изобразить колесо.

— Будетъ вамъ, ради Бога! И все-то это неправда! — говорила жалобно Дуняша.

— Какъ же это такъ, неправда-то? Это же какими судьбами? — возразила Акулина. — Ну, диви бы онъ ужъ былъ красавчикъ какой, афицерикъ или что-нибудь. А т-то, — дѣлая отвратительную рожу и говоря какимъ-то отвратительнѣйшимъ голосомъ, продолжала она:—а т-то— лакей, спичка, выжига проклятая, уродъ! То-есть вотъ, вполнѣ вамъ объяснить — рожа! Картавитъ, ободранный... Тьфу!.. Даже противно! Ну и гдѣ же ты его любила!

— Обыкновенно любила! — крайне робко говорила Дуняша и, видимо, старалась понять, какъ же это такъ все случилось.

— И вѣдь, извольте видѣть, — продолжала Акулина: — скучаетъ-съ!.. И полагаетъ такъ, будто бы по немъ-съ...

— Конечно, по немъ...—говорила Дуняша.

— Врешь!..

— Нѣтъ, по немъ!

— Врешь, говорю!—прерывала Акулина съ сердцемъ.— Врешь! просто у тебя дурь въ головѣ стоитъ... Вотъ!.. О, да, Господи, и не поймешь, что̀ у нихъ тамъ въ головѣ-то! Сказано—дуры, дуры и есть! Сдуру пропадаетъ, да потомъ «люблю» вишь! Врунищи этакія!.. Вонъ Солоша (Соломонида), та, по крайности, прямо говоритъ мнѣ...

Такимъ образомъ въ исторіи Дуняши не было ни одного основательнаго повода, который бы могъ объяснить ея несчастье. Какъ же это такъ? Погибнуть (Дуняша впослѣдствіи погибла окончательно) безо всякихъ причинъ?

Герой Дуняшина романа закончилъ послѣднюю главу его тѣмъ, что тихонечко отыскалъ другое мѣсто и тихонечко туда переѣхалъ. Тайному побѣгу его способствовалъ дворникъ, хранившій тайну переселенія на другое мѣсто до тѣхъ поръ, пока переселеніе это не было устроено окончательно. Уладивъ это дѣло, дворникъ надѣлъ новую синюю чуйку, туго подвязалъ галстукъ, примазалъ саломъ бѣлобрысые волосы, даже, кажется, смазалъ этимъ же саломъ кстати и всю физіономію, и отправился въ мастерскую Марьи Петровны.

— Хозяйка дома?—вѣжливо спросилъ онъ.

— Куда залѣзъ! — закричали на него дѣвушки. — Убирайся! Мужланъ!

— Будьте такъ добры!—вѣжливо говорилъ дворникъ.— Что̀ такое? Марья Петровна у себя?

— Нѣту! Ступай!..

— А мнѣ бы надо было. Дѣло есть!

— Ступай, ступай! Нечего проѣдаться

— Я пойду... А Андрюшка-то (герой)—того... сбѣжалъ!

Дуняша ахнула и обмерла.

— Сталъ на мѣсто, не сказался гдѣ, этакой подлецъ!— продолжалъ дворникъ. — Какъ онъ про васъ, Дунечка, отзывался!..

— Какъ?—спрашивала плакавшая Дуня.

— Безообразно-съ! Ругалъ, ругалъ!.. Уже онъ васъ такъ-то ли!.. Даже словъ нѣтъ!

— Ахъ, онъ!..—вскрикнула Дуня.

— Да-съ. И не сказался. Сталъ на мѣсто неизвѣстно гдѣ... Подлецъ!

Дворникъ постарался какъ можно лучше раскрасить Андрюшку и, когда убѣдился, что вполнѣ достигъ этого, почтительно раскланялся и ушелъ.

Такой, поистинѣ лакейскій поступокъ героя въ первое время занялъ вниманіе всей бѣлошвейной. Не знала только хозяйка; она вообще рѣшительно ничего не знала, что̀ дѣлается у нея въ домѣ.

Дуняша, слишкомъ неожиданно получившая оскорбленіе, въ первое время какъ будто бы измѣнилась: изъ вялой и кислой она стала рѣшительнѣе.

— Я ему, подлецу, сдѣлаю!—говорила она, стуча кулакомъ о кулакъ, когда по вечерамъ всѣ швеи выходили на коридоръ.

Такія восклицанія нѣсколько недѣль сряду я слышалъ изъ моего окна постоянно.

— Погоди онъ! — грозила Дуняша, какъ будто затѣвая месть самаго отчаяннаго свойства.

Всѣ интересовались знать, что̀ такое она сдѣлаетъ, хотя для всѣхъ было очевидно, что она ровно ничего не сдѣлаетъ, несмотря на то, что закаялась, закаялась на смерть.

— Ни въ жизнь, никогда! — говорила она совершенно искренно и горячо.

— Ну, это ты пустяки разговариваешь! — хладнокровно возражала Акулина.—Ты это, Авдотья, такъ надо сказать, совсѣмъ пустыя слова говоришь...

— Пустыя? Нѣтъ, вотъ какъ! — восклицала Дуняша. — Ежели я... то не видать мнѣ матери никогда!..

— Ты съ ума сошла, видно? Что̀ ты, — очумѣла? Развѣ это можно?.. А ну какъ матери-то и не увидишь? а? Скажите на милость,—обращалась Акулина ко всей публикѣ:— совсѣмъ вѣдь дѣвка-то ошалѣла! Ахъ, ты, Господи!..

Но Дуняша крѣпилась и на этотъ разъ видимо боролась даже... Она такъ страшно поклялась насчетъ этого *никогда,* а между тѣмъ попрежнему находилась въ тѣхъ же условіяхъ, которыя устроили ея первый романъ. Условія эти хорошо знакомы всякому рабочему человѣку и вообще всякому человѣку неразвитому.

Нужно съ особенною внимательностью изучить всю трудную жизнь рабочаго человѣка, чтобы понять, какъ неизбѣжны были для Дуняши тѣ вещи, отъ которыхъ она «закаялась». Только рабочій человѣкъ можетъ объяснить вамъ, почему

онъ, напр., такъ скотски напивается въ минуту отдыха. Изъ объясненія его вы увидите, что заливаніе черезъ край извѣстнаго напитка совершается большею частью вовсе не съ горя... Неразвитому, неученому рабочему некуда дѣть своего отдыха. Послѣ трудовъ, по большей части слишкомъ однообразныхъ, утомленные нервы, возвращенные наконецъ собственному благоусмотрѣнію, неизбѣжно, настойчиво жаждутъ пріятнаго.

Въ такомъ же точно положеніи была и Дуняша. Работа у ней была не утомительная, но слишкомъ простая, однообразная. За работой не думала она ни о чемъ, и тѣмъ менѣе было пищи для ея ума во время отдыха. Въ такую пору швеи выходили обыкновенно на коридоръ и, для развлеченія, имѣли передъ собою слѣдующую привлекательную и разнообразную картину: пустой и вонючій дворъ, по которому изрѣдка двигались люди; прямо передъ глазами каменная высочайшая, глухая стѣна сосѣдняго дома. И на этотъ вонючій дворъ и глухую стѣну смотрѣли всѣ сосѣдки мои не одинъ уже годъ: все та же стѣна, все тотъ же дворъ! Господи! Какъ при такомъ одурѣніи, которое непремѣнно должно было явиться отъ такого безчеловѣчнаго однообразія жизни, какъ не сдѣлать самой страшной глупости? Утомленіе, производимое однообразіемъ, здѣсь могло поспорить съ утомленіемъ отъ самаго тяжкаго труда. И если бы не розсказни Акулины, думалъ я, то почемъ знать, что̀ было бы съ этими дѣвушками еще годъ тому назадъ? Матери и отцы ихъ были далеко. Да въ Москвѣ и не въ ходу материнская наука.

Послѣ заклятія, которое Дуняша наложила на себя, прогулки по коридору и созерцаніе стѣны продолжались попрежнему, и слѣдовательно все шло по-старому. Переждавъ первое время ненависти ко всѣмъ мужчинамъ, которую чувствовала Дуняша, дворникъ вторично напялилъ на себя новую синюю чуйку и, выбравъ время, помѣстился посреди двора, противъ окна, на которомъ сидѣли бѣлошвейки.

Снявъ почтительно картузъ, дворникъ раскланялся и произнесъ:

— Все ли, красавицы, въ добромъ здоровьѣ?

— Мужикъ!—отвѣчали ему.

— Ахъ!—шутливо воскликнулъ дворникъ.—Что̀ такое? Неужто-жъ мужикъ не сто̀итъ ничего?.. Не угодно ли, барышни, папиросочекъ? Легкія-съ!..

— Давай!—кричали ему сверху.

— Царь небесный!—съ улыбкой воскликнулъ дворникъ.— Слава Богу!

Черезъ минуту онъ былъ въ коридорѣ.

— Что же вы, Дунечка, какъ теперь?

— Ежели ты мнѣ только посмѣешь поминать объ этомъ,— я тебя!..

— Ой!—вскрикивалъ дворникъ.

— Чуфыря!

— Это еще что такое?

— Михрюкъ!—вставляла Татьяна.

— Хрякъ!—присовокупляла третья подруга. Раздавался дружный хохотъ.

— Акулина Матвѣевна!—говорилъ дворникъ, обращаясь къ кухаркѣ:—какъ меня-то? Изволите слышать?

— Дуры!—рѣшала Акулина.

— Нѣтъ-съ!—заступался дворникъ.—Онѣ—барышни, а мы мужики необразованные! Имъ обидно! Ну-съ, до пріятнаго свиданія! Богъ съ вами!

Уходя, дворникъ кивнулъ Акулинѣ.

Съ слѣдующаго дня, быть-можетъ, благодаря совѣтамъ Акулины, дворникъ принялъ другую методу: онъ попрежнему расфранчивался, маслилъ волоса, но «мужицкихъ» своихъ разговоровъ не разговаривалъ. Аккуратно, въ извѣстный часъ, онъ появлялся по серединѣ двора и раскланивался.

— Иди сюда, Иванъ!—звала Акулина изъ коридора.— Иди къ дѣвушкамъ...

— Зачѣмъ ты его зовешь?—съ негодованіемъ восклицала Дуняша.—Мужицкая образина!..

— И правду!—подтверждала Татьяна.—Этотъ еще хуже Андрюшки. Полѣно деревенское!

— Погляжу я на васъ,—говорила Акулина:—и совсѣмъ-то вы дуры! Ей-Богу! «Хуже Андрюшки»? Ну какъ же ты смѣешь это говорить? Андрюшка прощалыга! сдѣлалъ грѣхъ и ушелъ—не сказался, а этотъ человѣкъ—строгій... всегда онъ дома, и уйти ему некуда!

Входилъ дворникъ и робко помѣщался на кадушкѣ, противъ Дуняши, помахивая картузомъ.

— Что вылупился!—вскрикивала ему прямо въ глаза Татьяна.

Дворникъ молча двигался на своемъ сидѣньи и не отвѣчалъ.

— У-у! рожа!

— Дура! какъ есть дура! Ты, Ваня, не смотри на нее,— скоро и она хвостъ подожметъ!—говорила Акулина.

— Какъ вамъ угодно!—жалобно произносилъ дворникъ и попрежнему сидѣлъ молча и недвижимо.

Такъ тянулось долго. Дѣвушки шопотомъ разговаривали между собою. Иванъ, котораго онѣ ругали, сдѣлался-таки единственнымъ предметомъ для разговора.

— Иванъ! что-жъ, угощай дѣвушекъ-то чѣмъ-нибудь!—командовала Акулина. Мгновенно изъ кармановъ Ивана являлись папиросы, пряники, орѣхи.

Дѣвушки долго отнѣкивались, но потомъ все-таки принимали услуги. Въ то же время Иванъ вздыхалъ, поднимался, жалобно говорилъ: «счастливо оставаться» и уходилъ.

По уходѣ его продолжали лакомиться и подсмѣивались надъ Иваномъ.

— Какъ это тебѣ, Татьяна, не стыдно,—говорила Акулина:—онъ всей душой къ вамъ, а вы надъ нимъ потѣшаться вздумали!.. И ты тоже, Авдотья!

— А мнѣ что̀?—возражала Дуняша.

— Дура!—заключила Акулина.—Тьфу! по мнѣ какъ хотите... Вотъ навернется другой Андрюшка, вспомнишь.

Дуняша не возражала: она боялась лишиться расположенія Акулины, боялась этого потому, что безъ совѣтовъ и указаній Акулины рѣшительно не знала, что̀ съ собой дѣлать.

Такія появленія дворника происходили аккуратно каждый день вечеромъ и тянулись мѣсяца полтора. Впослѣдствіи, уходя домой, онъ свидѣтельствовалъ почтеніе почему-то уже только одной Дуняшѣ.

— Счастливо оставаться, Дунечка!—говорилъ онъ, уходя.

— Что̀ онъ ко мнѣ прилипаетъ?—досадовала Дуняша.

— Дура!—отвѣчала на это Акулина.

Въ самомъ дѣлѣ, дворникъ ни для кого не былъ привлекательною личностью; кромѣ того, что онъ былъ нехорошъ собой, во вредъ его сердечнымъ дѣламъ главнымъ образомъ служило то, что онъ былъ «дворникъ». Съ чиновникомъ, съ *скубентомъ*, наконецъ съ купцомъ дѣлать сердечныя дѣла—еще такъ и сякъ можно бы; но дворникъ, мужикъ?!. Кромѣ него, въ Москвѣ развѣ мало пріятныхъ мужчинъ?

Къ несчастью, на нашемъ скучномъ дворѣ не попадалось пріятныхъ мужчинъ. Къ однообразію этого двора и вѣковѣчной каменной стѣнѣ присоединилась фигура дворника, и вотъ уже полтора мѣсяца не сходитъ она съ глазъ у наскучавшихся дѣвушекъ. При полномъ презрѣніи, котораго, по понятіямъ дѣвушекъ, онъ былъ достоинъ, дворникъ незамѣтно занялъ собою все вниманіе ихъ и въ особенности вниманіе Дуняши.

Онѣ надъ нимъ подсмѣивались, выдумывали, какую бы устроить противъ него каверзу (впрочемъ, всегда невинную), но все-таки думы эти и придумыванья были для него и о немъ.

Иногда, желая отдѣлаться отъ него окончательно, всѣ онѣ уходили изъ коридора наверхъ и принимались пѣть пѣсни. Вдругъ Дуняша произносила:

— А Иванъ-то теперь ждетъ!..

— Да чортъ съ нимъ!—отрѣзывала Татьяна. И опять пѣли, и опять неожиданно кто-нибудь спрашивалъ:

— Ждетъ Иванъ-то?

— Ждетъ!

— Посмотри-ко въ окно!..

— Ну-ко, я посмотрю...

Всѣ разомъ высовывались въ окно и разомъ восклицали:

— Ждетъ!..

Дѣло оканчивалось тѣмъ, что всѣ шли на коридоръ; Акулина звала Ивана, и происходило обычное молчаливое угощеніе.

Были минуты полнѣйшаго негодованія Дуняши на назойливость Ивана. Иванъ видѣлъ это, но ни на іоту не измѣнялъ своего поведенія: въ извѣстныя минуты онъ появлялся на своемъ мѣстѣ и безмолвно смотрѣлъ на Дуняшу, по временамъ вздыхая.

Акулина не возражала на ругательства Дуняши,—она пережидала.

Наконецъ мѣсто отчаяннаго негодованія заступило полнѣйшее равнодушіе, прежняя скука. Иванъ оправился, повеселѣлъ и къ обычной своей фразѣ: «счастливо оставаться, Дунечка» началъ прибавлять:

— А я, Дунечка, все объ васъ думалъ!..

— А мнѣ какое дѣло?

— Право-съ!..

Встрѣтивъ Дуняшу гдѣ-нибудь на дворѣ, онъ почтительно снималъ фуражку и какъ-то загадочно говорилъ:

— Дуняша!

— Отстань!

Дворникъ вздыхалъ.

Дѣла шли съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Дуняша скучала. Скука давно изгладила въ ея сердцѣ сильное заклятіе, которое она наложила на себя. Дворникъ попрежнему продолжалъ безмолвные визиты; Акулина глубокомысленно давала совѣты и особенное вниманіе обращала исключи-

тельно на Дуняшу. Между своими совѣтами и разсказами она поминутно вставляла нѣсколько ругательныхъ фразъ насчетъ Андрюшки и прибавляла тотчасъ же словечко въ пользу дворника:

— Вотъ Ваня,—ну, этотъ не такой!

Услышавъ это, дворникъ, поднимаясь съ бочки, на которой обыкновенно сидѣлъ, трогалъ туго затянутую шею, ловко встряхивалъ волосами и, крякнувъ, садился опять.

Одно и то же повторялось каждый день. Дворникъ сдѣлался неизбѣжнымъ для вниманія дѣвушекъ предметомъ, какъ и дворъ, какъ и стѣна.

Дуняша, нѣкоторымъ образомъ вкусившая плодовъ любви, томилась.

Акулина подмѣтила эту минуту. Сидя по вечерамъ на окнѣ, я слышалъ, какъ она, оставаясь наединѣ съ Дуняшей, заговаривала:

— Этотъ—не Андрюшка! По мнѣ, какъ хочешь, мнѣ что̀! А я тебѣ всей душой говорю. Это человѣкъ строгій... Онъ любитъ порядокъ... Чего добраго—и замужъ возьметъ!

Такимъ образомъ дворникъ, благодаря разговорамъ Акулины, пріобрѣлъ вдругъ неоцѣненное достоинство. На него начали смотрѣть благосклоннѣй. Даже Татьяна не огрызалась.

— Ну, ты, женихъ!—покрикивала она на него при случаѣ и этимъ только ограничивалась.

Дворникъ все молчалъ, все чего-то ждалъ, нужно сказать правду, съ убійственной стойкостью. Насчетъ свадьбы онъ не сказалъ еще ни одного слова. Дуняша попытала у него объ этомъ черезъ Акулину. Эта дама передала самый удовлетворительный отвѣтъ. Дуняша видимо обрадовалась этому извѣстію. Прибирала ли она у меня въ комнатѣ, или гуляла на коридорѣ, только и разговору было, что про Ивана: какой онъ будетъ мужъ? будетъ ли драться?.. Мало-помалу Дуняша сроднилась съ мыслью, что она невѣста, и смотрѣла на Ивана, какъ на жениха. Новое званіе, пріобрѣтенное Иваномъ, расположило къ нему всѣхъ. Отвращенія уже не было. Не было и равнодушія: Иванъ вѣдь рѣшался женитьбой прикрыть Дуняшинъ грѣхъ. Дуняша начала вступать съ нимъ въ разговоръ; сама приказывала, какого именно принести гостинцу.

Мало-по-малу, при помощи скуки, пустоты и обѣщанія жениться, дѣло было такъ поведено, что въ одинъ изъ вечеровъ произошла на коридорѣ слѣдующая сцена.

— А что̀, Дунечка,—заговорилъ дворникъ:—вы все си-

дите? Все бы когда по Тверскому прошлись... Публика любопытнѣйшая, и опять же музыка.

— Я и не знаю,—поддакнула Акулина: — что это за дѣвки такія? Все дома, все дома... Диви бы кто ихъ на цѣпи держалъ, ей-Богу!

Дуняша покраснѣла.

— А и то!—тихо сказала она.—Татьяна, ты пойдешь?

— О, да ну васъ...

— А тебѣ непремѣнно Татьяну! Ты безъ Татьяны, кажется, шагу не сдѣлаешь?—совѣтовала Акулина.

— Нашему брату,—продолжалъ дворникъ:—нашему брату дѣло другое. Намъ ни на минуту отлучиться нельзя. А вы куда захотѣли—туда и пошли... Да право-съ!..

— И то!—весело сказала Дуняша и бѣгомъ побѣжала наверхъ одѣваться. За ней и другія.

Тотчасъ по удаленіи дѣвушекъ, дворникъ быстро вскочилъ съ бочки и какимъ-то испуганнымъ шопотомъ, скороговоркой заговорилъ съ Акулиной. Та, не отвѣчая, вырвала изъ его рукъ картузъ, поспѣшно надѣла его на голову Ивана, козырькомъ на-бокъ, и, повернувъ его за плечи, почти спихнула съ лѣстницы. Черезъ секунду дворникъ, какъ молнія, мелькнулъ по двору и скрылся подъ воротами.

Ни на другой ни на третій день Дуняша не показывала глазъ въ мою комнату. Въ мастерской было какое-то затишье; Акулина, напротивъ, всѣ эти дни была подъ хмелькомъ и чувствовала приливъ необыкновенной словоохотливости. Дворникъ на другой же день скинулъ свой праздничный костюмъ и шатался въ одной распоясанной рубахѣ. Онъ сдѣлался вдругъ разговорчивымъ, даже подсмѣивался надъ півеями, покрикивая имъ со двора:

— Эй, вы, мымры! Что пріуныли?

И цѣлые дни горланилъ пѣсни самаго безсмысленнаго свойства, какъ, напримѣръ:

Мнѣ не жалко туфеля,
Жалко бѣлаго чулка.
Ахъ, ха, ха... Ахъ, ха, ха.

Или наконецъ просто оралъ на разные тоны.

Спустя довольно долгое время послѣ второго романа Дуняши (къ которой вернусь въ слѣдующей главѣ), произошла удивительная исторія съ Татьяной, оправдавшая вполнѣ предсказанія Акулины. Исторія эта до такой степени удивительна, что я, не рѣшаясь и не имѣя никакой

возможности объяснить ея происхожденіе, берусь передать дѣло такъ, какъ оно произошло по точнымъ разсказамъ всего швейнаго міра.

Дѣло происходило такимъ удивительнымъ образомъ.

Какъ я уже сказалъ, Татьяна была самая разсудительная изъ всѣхъ швей, работавшихъ у Марьи Петровны. Каждое сердечное несчастіе той или другой изъ подругъ ея еще болѣе укрѣпляло Татьяну въ увѣренности, что ея вѣкъ дѣйствительно очень дологъ. Да и, кромѣ того, обращеніе ея съ мужчинами показывало, что она подозрѣваетъ почти всѣхъ мужчинъ въ мірѣ въ самыхъ грубыхъ поползновеніяхъ. Она, не робѣя, отталкивала непрошеннаго обожателя, если тотъ предлагалъ пройтись «подъ-ручку» или былъ настолько предупредителенъ, что охотно брался проводить ее до дому. Татьяна спасовала въ одномъ, повторяю, совершенно невѣроятномъ событіи.

Однажды, часа въ два дня, возвращалась она изъ лавки съ тесемками въ рукахъ. Въ это время кто-то, не говоря ни слова, подхватилъ ее подъ-ручку и спокойно произнесъ:

— Куда ты, милочка, бѣжишь?

Татьяна въ испугѣ бросилась отъ своего кавалера; но тотъ крѣпко держалъ руку ея и, улыбаясь, говорилъ:

— О, глупая!

— Отстаньте!—крикнула Татьяна.

Татьяна начала отбиваться и наконецъ вырвалась. Тотчасъ же она юркнула подъ ворота. Господинъ въ пуховой шляпѣ, съ сѣроватыми усами, улыбался и шелъ за ней слѣдомъ. Наконецъ она добралась къ двери своей квартиры. Господинъ остановился рядомъ съ ней.

— Уйдите, ради Бога,—убѣдительно просила его Татьяна, боясь хозяйки, которая въ эту пору обыкновенно бушевала въ мастерской. — Хозяйка дома... она увидитъ... подумаетъ...

— Что-жъ такое?.. Какъ ее звать?

Танечка рѣшительно не знала, что дѣлать. Вдругъ она отворила дверь, юркнула въ кухню и заперла дверь на крючокъ.

— Слава Богу!—говорила Татьяна, очутившись въ кухнѣ и дрожа отъ испуга.

Въ это время неожиданно раздался звонокъ съ парадного хода.

— Татьяна, отвори!—приказала Акулина.

— Ну-ко онъ?

— Отвори!

Звонокъ повторился. Татьяна отворила: это былъ онъ.

— А! вотъ и ты! Ну, проводи меня въ комнату...

— Баринъ, голубчикъ! Тутъ хозяйка!

— Ну, въ кухню проводи! Хозяйка! Что-жъ такое?.. Гдѣ кухня?

Баринъ прошелъ въ переднюю и потомъ въ кухню.

— Кто тамъ?—крикнула сверху хозяйка.

— Это... къ Акулинѣ!—отвѣтила Танечка.

Между тѣмъ баринъ усѣлся въ кухнѣ на лавкѣ, снялъ шляпу, закурилъ не спѣша папироску и разговорился съ Акулиной. Баринъ былъ такъ простъ съ ней, несмотря на то, что, повидимому, былъ очень богатъ, что Акулина тотчасъ же растаяла передъ нимъ. Черезъ двѣ-три минуты къ Татьянѣ, присутствовавшей въ кухнѣ, присоединились двѣ-три подруги сверху, и баринъ просто обворожилъ ихъ. Онъ показывалъ, напримѣръ, ключикъ отъ своихъ золотыхъ часовъ: въ ключѣ была сдѣлана микроскопическая картинка клубничнаго свойства; дѣвушки смотрѣли и помирали со смѣху; дверь изъ кухни поэтому заперли. Такого же свойства картинки были сдѣланы у барина въ палкѣ, въ папиросницѣ и, кажется, во всѣхъ пуговицахъ жилета. Баринъ все это показывалъ имъ и вмѣстѣ съ ними смѣялся. Въ заключеніе онъ показалъ свою палку; всѣ нашли, что въ палкѣ нѣтъ ничего особеннаго. Тогда баринъ изъ палки сдѣлалъ стулъ, и каждая изъ дѣвушекъ считала обязанностью присѣсть. Даже Акулина попробовала и нашла стулъ великолѣпнымъ.

Всѣ были въ восторгѣ.

Показавъ стулъ, баринъ опять сложилъ его въ палку, взялся за шляпу и сказалъ Татьянѣ весьма ласково:

— Такъ ужъ, милая Танечка, я у васъ буду опять!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Буду, буду-съ!.. Непремѣнно-съ!.. Къ пяти или къ шести часамъ въ четвергъ... Поѣдемъ, погуляемъ!

— Что вы! что вы!—закричали всѣ дѣвушки.

— Непре-мѣн-но-съ! Къ шести часамъ!

Баринъ скрылся.

Танечка, да вообще весь швейный міръ, рѣшительно не знали, что подумать объ этомъ и что тутъ дѣлать. Самое вѣроятное было то, что храбрая Татьяна начала бояться незнакомаго господина, *какъ барина*.

Акулина не могла ничего присовѣтовать. Сказать хо-

зяйкѣ—та не пойметъ, въ чемъ дѣло, разорется, подумаетъ Богъ знаетъ что̀ и изобьетъ. Я присовѣтовалъ прогнать—всѣ возопили.

— Онъ-те прогонитъ!—говорила Танечка.

Цѣлую недѣлю вплоть до четверга она ходила въ какомъ-то забытьѣ, въ лихорадкѣ. Я старался ее разувѣрить, что баринъ не пріѣдетъ и не посмѣетъ ничего сдѣлать, и Танечка немного успокоилась. Пришелъ четвергъ. Пробило шесть часовъ — барина не было. Я ушелъ изъ дому въ полной увѣренности, что онъ не будетъ совсѣмъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не могъ себѣ представить, чтобы на бѣломъ свѣтѣ могъ существовать подобный наглецъ.

Вечеромъ однако я узналъ слѣдующее:

По уходѣ моемъ Танечка была совершенно спокойна. Она вмѣстѣ съ другими сидѣла въ кухнѣ и пѣла пѣсни. На дворѣ шелъ дождь.

— Не придетъ!—говорили всѣ.

Вдругъ дверь отворилась, и баринъ—мокрый, съ зонтикомъ—вошелъ въ кухню. Всѣ обомлѣли въ буквальномъ смыслѣ слова, закоченѣли, замерли.

— Готова?—спросилъ баринъ.

Татьяна была блѣдна, какъ полотно. Она такъ испугалась «барина», что не нашла противъ его требованій никакого возраженія. Она вдругъ почувствовала себя во власти этого «барина», крѣпостной страхъ охватилъ ее, и она едва-едва пролепетала:

— Башмаковъ... нѣту!

— Такъ дайте же кто-нибудь башмаки! Эй ты, дай ей башмаки!

— Авдотья, дай!—шопотомъ приказала Акулина, рѣшительно не понимавшая, что̀ дѣлается кругомъ.

Танечка, не помня, что̀ дѣлаетъ, торопливо надѣвала башмаки.

— Это несносно!—горячился баринъ.—Дайте же ей чѣмъ-нибудь накрыться!.. Это чортъ знаетъ что̀ такое!.. Лошадь ждетъ!.. Дайте хоть платокъ!

Мигомъ принесли все. Танечка сама торопливо укуталась, а Акулина, также вся охваченная атмосферою крѣпостныхъ преданій, проворно выговорила съ угодливостью рабыни:

— Готова-съ!

Баринъ съ сердцемъ толкнулъ дверь, вывелъ Танечку за руку и скрылся.

Всѣ были поражены и рѣшительно не могли ничего сообразить.

Я воротился часовъ въ 11 ночи. Въ кухнѣ, противъ обыкновенія, былъ огонь. Всѣ швеи сидѣли вокругъ стола и молча смотрѣли на Татьяну, которая была вся въ слезахъ.

— Танечка, что̀ съ тобой?—спросилъ я.

— Убирайтесь вы!—неистово закричала она на меня.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ тихонько явилась Акулина и шопотомъ передала только-что случившуюся исторію. «Баринъ» оказался однимъ изъ крупнѣйшихъ московскихъ обжоръ и воротилъ; съ нимъ *ничего нельзя было сдѣлать* (на Руси есть такой типъ!), такъ какъ всякое дѣло онъ могъ «затушить» и уже давно привыкъ къ этому. Онъ былъ наглъ, потому что *все могъ*.

Послѣ такихъ треволненій, возмутившихъ спокойствіе нашей квартиры, настало совершенное затишье. Дуняша спокойно путешествовала въ дворницкую; Танечка притворилась, какъ будто съ ней ничего не бывало; хозяйка попрежнему не платила денегъ, и къ вящшей тишинѣ и спокойствію нашей квартиры—даже не являлся управляющій. Хозяинъ попрежнему возвращался подъ хмелькомъ, на зарѣ, и вообще все шло по-старому. Солоша, третья личность, на которую я хотѣлъ обратить вниманіе, все шепталась о чемъ-то съ Акулиной, и въ кухнѣ начали появляться какія-то старухи; слышно было, что Солошѣ сулятъ счастіе и благоденствіе. Въ послѣднее время даже у Татьяны завелись какія-то тайны; по вечерамъ и она исчезала куда-то вмѣстѣ съ Дуняшей. Все это дѣлалось втихомолку, тайкомъ, крадучись.

Несмотря на это, повторяю, въ нашей квартирѣ было полное затишье. Такъ тянулось мѣсяца три. Затишье сдѣлалось до такой степени несносной вещью для всѣхъ, что вся квартира наша жаждала какой-нибудь перемѣны.

Судьба положила предѣлъ этой тишинѣ катастрофой ужасной и трагической.

Началось дѣло съ того, что въ одинъ вечеръ Дуняша явилась ко мнѣ подъ хмелькомъ и едва ворочавшимся языкомъ объявила, что Иванъ ее обманулъ. Онъ отпирается отъ своихъ словъ насчетъ женитьбы. «Ты,—говорилъ онъ Дуняшѣ:—несоотвѣтственнаго поведенія... Мнѣ этого нельзя!» Дуняша плюнула по этому случаю дворнику въ бороду и убѣжала искать стараго друга Андрюшу. Кромѣ отказа отъ

женитьбы, дворникъ сдѣлалъ еще другую безобразную вещь: онъ утаилъ адресъ Андрюшки, который, уходя въ Грузины, далъ его для передачи Дуняшѣ.

Дворникъ, убѣдившись, что послѣдовалъ разрывъ, разславилъ Дуняшу на весь домъ и не давалъ проходу черезъ дворъ. Андрюшка, котораго Дуняша нашла-таки, изображалъ изъ себя обиженнаго человѣка и обошелся холодно. Чтобы отдѣлаться отъ старой подруги своей, онъ напоилъ ее до-пьяна и отправилъ на извозчикѣ домой.

Съ этого дня начались ссоры и брань. Дуняша ругалась съ Акулиной. Акулина утверждала, что она никогда не говорила Дуняшѣ насчетъ женитьбы Ивана, и тоже ругалась. Дуняша снова заклялась; но черезъ день прошелъ слухъ, что ее сманилъ «старикъ-табатеръ», сдѣлавшій ей шелковое платье. Дуняша начинала являться домой все чаще и чаще подъ хмелькомъ.

Въ эту пору непріятно было ее видѣть.

За этимъ, какъ кажется, плачевнымъ окончаніемъ Дуняшиной жизни послѣдовало новое, глубоко печальное событіе.

Въ одно утро, уже часу во второмъ дня, на дворъ съ грохотомъ влетѣла пролетка, и скоро въ кухню вбѣжалъ трактирный половой въ чуйкѣ.

— Здѣсь дѣвица?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Ты отъ кого?—спросила въ свою очередь Акулина.

— Изъ трактира «Ростовъ»... Здѣсь, черезъ Анну Филипповну, рекомендовали одному купцу даму — Соломониду?..

— Здѣсь...

— Пожалуйте. Они требуютъ... Такъ какъ они желаютъ ихъ для услуженія... Опять же деньги получены...

— Половину денегъ получили... только; гдѣ же остальныя?

— На мѣстѣ-съ!

Разговоръ этотъ происходилъ шопотомъ; но я слышалъ его, стоя на лѣстницѣ и приготовляясь отнести въ кухню графинъ. Все, что только услышалъ я, испугало меня. Очевидно было, что Соломонида была «продана» и—что особенно горько — желала быть проданной; я теперь только уяснилъ себѣ «шопотъ» между нею и Акулиной, и этотъ шопотъ теперь выяснился мнѣ, какъ спокойный, торговый разговоръ. Я тотчасъ же отправился въ залу, чтобы объяснить Марьѣ Петровнѣ все, что у нея дѣлается. Марья Петровна была любезна сверхъ силъ. Я надѣялся выска-

зать сй много, какъ неожиданно раздался опять звонокъ, и спустя нѣсколько минутъ явился управляющій.

Марья Петровна встрѣтила его съ обычной восхитительной улыбкой; но управляющій, къ удивленію ея, не улыбался, даже не поклонился, а прямо подошелъ къ ней и съ сердцемъ сказалъ:

— Извольте выѣхать немедленно съ квартиры!..

— Однако вы говорите дерзости...

— Я терпѣлъ-съ, былъ снисходителенъ... Но мѣра изъ границъ вышла... Извольте выѣхать... Долгъ взыщутъ чрезъ полицію.

Хозяйка сидѣла блѣдная и дрожала отъ негодованія.

— Кромѣ того у васъ... у мастерицъ развиваются болѣзни... Г-нъ докторъ...

Изъ передней выступилъ полицейскій докторъ.

Начался общій плачъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣды заразительной болѣзни были очевидны. Даже у маленькой Ани голова была въ струпьяхъ.

Ударъ для всѣхъ былъ неожиданный. Дѣвушки, узнавъ, что ихъ будутъ «требовать» къ доктору и послѣ этого перваго визита, — бросились къ матерямъ, у кого послѣднія жили въ Москвѣ. Явились матери и отцы, начались слезы, ругательства, проклятія. Ссора и плачъ стояли по всей нашей квартирѣ. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, хозяинъ, пьяный, разбилъ голову, и его принуждены были свезти въ больницу... Купчиха-вдова, узнавъ, что дѣлается въ заведеніи Марьи Петровны, боялась принимать ее къ себѣ. Марья Петровна рыдала. Съ квартиры гнали съ удивительной настойчивостью. Не было силъ жить въ этомъ омутѣ. Я переѣхалъ.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ только-что разсказанной исторіи, и однажды мнѣ снова довелось встрѣтить одну изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, именно Дуняшу. Встрѣча эта была возмутительна. Разъ шелъ я по Страстному бульвару. На срединѣ его, у загородки, выходившей (въ то время) на большую Сѣнную площадь, что за Страстнымъ монастыремъ, столпилась огромная толпа всякаго проходящаго народа. Нѣкоторые смѣялись, большинство же стояло молча или разговаривало негромко. Я пробрался черезъ толпу къ бульварной загородкѣ и увидѣлъ слѣдующую картину: на каменной мостовой сидѣло нѣсколько женщинъ извѣстнаго сорта и выщипывали руками траву, прораста-

вшую между камнями. Женщины эти были грязны и одѣты въ какую-то подозрительную рвань: головные платки, завязанные концами на спинѣ, были спереди надвинуты на глаза, для того, чтобы скрыть отъ зрителей физіономіи. Всѣ эти женщины были еще очень молоды, и нѣкоторыя изъ нихъ, несмотря на свой позоръ, находили возможность даже хохотать, перекидываясь остротами съ зрителями Страстного бульвара. Тутъ же поодаль отъ нихъ стоялъ городовой и какой-то жидъ съ бадьей воды: день былъ жаркій, и жидъ поминутно подносилъ эту бадью то къ той, то къ другой изъ женщинъ, Въ одной изъ нихъ я, не безъ сожалѣнія, узналъ Дуняшу.

Изъ разговоровъ, происходившихъ въ толпѣ, я узналъ, что несчастныя эти наказываются «уличной работой» по распоряженію полиціи.

— Скажите на милость,—со вздохомъ произносилъ кто-то изъ зрителей:—и при всемъ томъ многіе еще находятся—жалѣютъ! Ахъ, вы, грабительницы этакія!

III. Про одну старуху.

1.

— И съ кѣмъ это старуха разговоры разговариваетъ?—недоумѣвалъ отставной солдатъ, сидя за починкою стараго сапога въ одномъ изъ гнилыхъ, сырыхъ петербургскихъ «угловъ» и слушая, какъ за ситцевой занавѣской другого «угла» съ кѣмъ-то ведетъ разговоры только-что перебравшаяся новая жилица-старуха.

«Кажись, — думалъ солдатъ:—никого я у нея не примѣтилъ, а разговариваетъ?»

И онъ прислушивался.

Новая жилица вбивала въ стѣну гвоздь и дѣйствительно съ кѣмъ-то разговаривала.

— Ишь!—сказалъ солдатъ.

— По крайности хоть своего ангела образокъ нажила за сорокъ лѣтъ!—слышалось за ситцевой занавѣской вмѣстѣ съ звуками вколачиваемаго гвоздя. — Родительскаго благословенія у насъ съ тобой нѣту! По крайности хоть свой ангелъ... Хорошо ли такъ-то?..

Вколачиваніе гвоздя прекратилось, и солдатъ подумалъ,

что сейчасъ вотъ кто-нибудь отвѣтитъ, хорошо ли она повѣсила образъ. Но никто не отвѣчалъ; слышно было, какъ старуха сѣла на свое скрипучее, изъ полѣнъ и ящиковъ составленное ложе и вздохнула.

— И своего-то ангела отдать мнѣ некому, другъ ты мой!— вздохнувъ, заговорила старуха.—Охъ, и гдѣ-то дѣтки мои милыя? Гдѣ дѣтушки мои родименькія! Гдѣ-ѣ? скажи ты мнѣ?..

Послѣдній вопросъ сопровождался громкимъ и внезапнымъ рыданіемъ, и, какъ бы въ отвѣтъ на него, послышался какой-то посторонній, какъ бы сочувствующій вздохъ.

— Есть кто-то!—пріостанавливаясь работать, недоумѣвалъ солдатъ.—Тоже плачетъ!

Въ звукѣ, который послышался за занавѣской, дѣйствительно слышались какъ будто слезы.

— Плачетъ и есть!

Солдатъ осторожно положилъ на обрубокъ, заваленный принадлежностями сапожнаго дѣла, свою работу — рваный сапогъ, и сталъ едва замѣтно приближаться къ занавѣскѣ, съ каждымъ шагомъ все ниже и ниже наклоняясь и присѣдая къ землѣ.

«Кто бы такой?» — подвигаясь на четверенькахъ, думалъ онъ.

— Охъ, и взыщетъ Господь за дѣтушекъ моихъ, съ господъ взыщетъ! Съ насъ что̀ взыскать? мы люди подневольные! У насъ воли не было ни капельки, ни единой минуточки! Былъ одинъ страхъ — то̀лько всего! Чего со страху не надѣлаешь? И тебя ежели учнутъ бить да колотить, и ты уйдешь... И я бѣгивала, да глупа была,—не знала, куда бѣжать! Охъ, дѣтушки мои! Гдѣ вы? Ни одного нѣту! Теперь и волю дали, и хромая я, одна на всемъ свѣтѣ, хоть бы кто одинъ былъ живъ, мальчикъ... пришелъ бы... Нѣту, нѣту!.

Жилица плачетъ громко, навзрыдъ, и ей отвѣчаетъ какой-то мучительно-болѣзненный стонъ неизвѣстнаго собесѣдника, вслѣдъ за которымъ вдругъ раздается оглушительный лай, и солдатъ, просунувшій-было голову подъ занавѣску, кубаремъ летитъ къ своему обрубку.

— Дурдилка! Глупая! Цыцъ!.. Что̀ ты это, глупая, на кого?..—останавливаетъ собаку старуха.

— Жидъ васъ заѣшь!—потирая щеку, оцарапанную собакой, кричитъ совершенно разсерженный солдатъ. — Съ собаками разговариваютъ, дубье этакое! Я думалъ... Ахъ,

вы, анаѳемы этакія!.. Какъ же ты можешь съ собакой разговаривать?..

— Да не съ кѣмъ мнѣ!..

— Не съ кѣмъ!—нѣсколько утихая и успокоиваясь, пробурчалъ солдатъ.—Не съ кѣмъ! Какую отличную компанію нашла,—собаку!..

— Да не съ кѣмъ мнѣ, батюшка... Все въ господскомъ домѣ жила, дворовая была, а вотъ теперь мнѣ волю дали... Прослышали господа, дай Богъ имъ здоровья, что воля будетъ всѣмъ, ну и пустили меня на всѣ четыре стороны, потому я ужъ стара стала... хрома, нога болитъ... что-жъ меня кормить-то задаромъ? Ну и отпустили! Ни отца ни матери нѣтъ... дѣтокъ нѣту! У насъ строгая была барыня... Н-ну, съ кѣмъ же мнѣ? И есть, что одна собака... Дурдилушка! что̀ мы съ тобой будемъ дѣлать... а?..

— Ха-ха-ха!—совершенно успокоившись, засмѣялся солдатъ.—Волю дали!.. И шутники же только, ей-ей!

— Ужъ да! Ужъ шутники!..—согласилась старуха.—Пустили человѣка по вѣтру!..

— Ха-ха-ха! Ну, и какъ же теперь ты, старушка?

— И не знаю, господинъ кавалеръ! Я такъ думаю, надо съ терпѣніемъ ждать своей кончины!

— Гм!.. По крайности ты бы съ пріѣзду, для начатія знакомства, хоть мало-бы-мальски угощеньица солдату! Все, авось, что-нибудь...

— Что-жъ, я съ моимъ удовольствіемъ: есть у меня серебряная ложка...

— Господская?

— Господская, господинъ служивый, не утаю! Не умирать, самъ суди... Я почесть босикомъ вѣдь ушла на волю-то!

— Ну, ничего... Ты эту ложку-то дай мнѣ, а я ужъ все предоставлю и сдачи принесу!

Солдатъ скоро одѣлся и, ожидая ложки, которую старуха доставала изъ тряпокъ и узелковъ, смотрѣлъ на собаку и говорилъ:

— Ничего собачка!.. Онѣ тоже случаются вѣрныя собаки... И разговоръ понимаетъ!.. ничего!.. Я тебѣ сдачи принесу съ ложки-то...

Солдатъ ушелъ. Старуха въ ожиданіи его снова связывала свои тряпочки и узелки и плакала, а Дурдилка сидѣла противъ нея молча, угрюмо и не спускала съ нея глазъ.

2.

Настасья—такъ звали старуху—дѣйствительно была въ беззащитномъ положеніи. Круглая сирота и больная, она, кромѣ того, была несчастна незнаніемъ жизни, несмотря на то, что была уже старуха. Въ самомъ дѣлѣ, «дворня» и «жизнь на волѣ», даже та, какую ведетъ ломовой извозчикъ, поденщикъ, простой нищій, это — большая разница. Всѣ они знаютъ людей равныхъ себѣ, знаютъ, какъ съ ними вести дѣла, знаютъ, на кого работаютъ, потому что у каждаго семья или хоть просто личная потребность не умереть съ голоду. У каждаго изъ нихъ есть пріемы, какъ изловчиться въ трудной жизни. У Настасьи этого ничего нѣтъ. Хлѣбъ она всю жизнь ѣла господскій—и теперь заработать его не умѣетъ! Работала она, что̀ прикажутъ, но не для себя, а для другихъ; а съ людьми жила такъ, какъ приходилось. Словомъ, относительно жизни она была чистый ребенокъ. Въ теченіе двухлѣтняго житья въ углахъ за ней замѣтили однажды грѣхъ—покражу платка, и долгое время звали воровкой, тогда какъ она лично не считала своего проступка порокомъ. Она привыкла къ этому въ дворнѣ. И множество другихъ привычекъ, усвоенныхъ ею на дворнѣ, въѣлось въ нее и портило ея отношенія хотя и къ нищенской, но болѣе или менѣе самостоятельной жизни, окружавшей ее на волѣ. Работаетъ она, напримѣръ, цѣлую недѣлю безъ устали, по двугривенному въ день въ прачечной, встаетъ въ четыре часа и приходитъ въ свой уголъ въ девять; выработаетъ что-нибудь и пропьетъ, хотя бы ей давно надо было купить башмаки. На нее, пьяную, смотрятъ съ презрѣніемъ (и дѣйствительно она непріятна), а у ней нѣтъ другого удовольствія: до сорока лѣтъ она привыкла «урвать да уѣхать», т.-е. воспользоваться свободной минуткой, случайно попавшимъ гривенникомъ. Другіе изъ жильцовъ въ углахъ угощаютъ другъ друга кофеемъ, сплетничаютъ, ругаютъ хозяевъ, ругаютъ лавочника; она же ни къ чему этому не имѣетъ аппетита, она не привыкла стоять за себя. И какъ же скучно ей на волѣ!.. Какъ она печалится, видя, какъ живутъ люди, и сравнивая, какъ свой вѣкъ прожила она! Изъ-за чего ей биться и мучиться, больными ногами стоять по колѣно въ водѣ въ холодной прачечной?.. Нѣтъ у ней ни друзей ни дѣтей. Друзья изъ той же деревни сами, можетъ-быть, такъ же, какъ и она, гдѣ-нибудь доживаютъ свой вѣкъ. А дѣти? О дѣтяхъ страшно

и подумать... Куда она ихъ дѣвала? И зачѣмъ? Боялась строгой барыни, когда Бога нужно было бояться больше ея! Душевное одиночество страшно вообще, и ужъ какъ страшно оно у Настасьи! Въ два года житья въ углу ни одного вечера не прошло, чтобы трезвая или хмельная Настасья не плакалась на себя, возбуждая негодованіе сосѣдей своимъ хриплымъ, непріятнымъ голосомъ, не плакалась передъ Дурдилкой о своемъ горькомъ житьѣ...

— Смотри! — говорила она Дурдилкѣ: — только задумай уйти... Разыщу, удавлю своими руками!..

— Я тѣ дамъ!—отзывался солдатъ.—Попробуй!

— И удушу! Ты что̀ тутъ? Нешто твоя собака?

— Не моя, а не дамъ!.. На то есть начальство собакъ бить—а не ты. Не дамъ!.. Себѣ возьму!

— Къ себѣ?.. Да ты хоть озолоти ее, не пойдетъ она къ тебѣ.

— Эхъ, дура старая!.. Я ей кусокъ дамъ, она сейчасъ ко мнѣ пойдетъ!.. Сладкое ей у тебя житье, нечего сказать!.. Тютекъ!.. Иси, сюда, пострѣлъ!

— Ну-ну,—говоритъ Настасья, смотря на Дурдилку.—Поди-поди, попробуй!

— Иси, сюда! на̀ говядины!

— Поди, Дурдилка, возьми у кавалера говядины; она у него съ француза еще въ зубахъ застряла...

— Старуха-а! не шуми!—довольно строго предостерегаетъ солдатъ.

— Ты зови собаку-то!.. Ну, зови!.. чего-жъ ты?

— Старая баба,—презрительно заключаетъ солдатъ, такъ какъ Дурдилка рѣшительно не поддается соблазну.

— Ай взялъ?—съ удовольствіемъ кричитъ Настасья сосѣду. — Такъ, такъ, Дурдилушка! На̀ тебѣ корочку... у-у ты, моя легковѣрная слуга!

Настасья употребляла иногда въ разговорѣ слова совсѣмъ не тѣ, какія слѣдуетъ: это потому, что она на своемъ вѣку слышала словъ довольно мало и теперь, на волѣ, усвоивала всякое слово безъ разбору.

«Легковѣрная», по словамъ Настасьи, Дурдилка была дѣйствительно вѣрная собака, и не потому, чтобы она была облагодѣтельствована Настасьей, а по одинаковости положенія. Это тоже была «дворовая» собака, безъ конуры, безъ хозяина. Въ характерѣ ея было много мрачности, равнодушія и вмѣстѣ недовѣрія. «На̀ кость!»—говоритъ ей какой-нибудь добрый обыватель угла. Дурдилка мрачно смот-

ритъ на него и не идетъ. «На̀, дура!» Она чуть-чуть вильнетъ хвостомъ и—все ни съ мѣста. Надо бросить кость и уйти, и тогда, подождавъ и убѣдившись, что кость одна и никто надъ ней не сторожитъ, она медленно возьметъ и медленно понесетъ въ такой уголъ, гдѣ ужъ ея не сыщешь. Въ жизни Дурдилки бывали разные случаи и разные повара. То она привыкнетъ свободно входить въ кухню и навѣрное разсчитывать на кость; то вдругъ, явившись въ веселомъ расположеніи духа, получаетъ отъ новаго повара полный ковшъ кипятку на свою спину. Когда ее били, она не визжала и не рычала, а только поджимала хвостъ и уходила: она привыкла. Настасью она знала и была увѣрена, что если у Настасьи есть что-нибудь изъ съѣстного, то и ей, Дурдилкѣ, достанется. Отъ этого она и вѣрна была ей; да, кромѣ того, она чувствовала, что время ея прошло, что собака она была не хозяйственная, и что на улицѣ ей дѣлать нечего: только поглядитъ да и пойдетъ въ уголъ лечь. Во всемъ домѣ, во всемъ дворѣ ей не симпатизировала ни одна собака. Если иной разъ къ ней разлетится какой-нибудь джентльменъ, то Дурдилка просто отойдетъ отъ него, опустивъ голову, словно конфузясь за джентльмена, что онъ не на ту напалъ. И джентльменъ дѣйствительно поглядитъ ей вслѣдъ чуть-чуть и тоже уйдетъ. Настасьѣ нравилось это отчужденіе Дурдилки отъ собачьяго общества. «Нечего тебѣ съ ними,—говорила она ей:—что̀ за компанія? Издерутъ послѣднюю шкуру. На̀ кость—и сиди!» И Дурдилка сидѣла въ ея углу. Разъ только Дурдилка позволила-было себѣ вмѣшаться въ чужія дѣла. Выйдя на дворъ, она увидѣла, что съ молоденькимъ, мѣсяцевъ пяти, щенкомъ играетъ собачка, постарше щенка мѣсяцами двумя. Собачка повалилась на спину и пренѣжно цѣловала щенка, который совалъ ей голову въ самый ротъ. Дурдилка зарычала на собаку. Въ эту самую минуту ее настигла возвращавшаяся домой Настасья. Какъ несчастная мать, много выстрадавшая изъ-за неудовлетвореннаго чувства любви, она сразу поняла, что̀ тутъ происходитъ.

— А, плутъ-собака! — накинулась она на Дурдилку: — завидуешь, шельма этакая! Зачѣмъ сюда пришла? Пошла домой! (Дурдилка пошла, поджавъ хвостъ). А, каналья!— продолжала Настасья, войдя въ уголъ и обращаясь къ Дурдилкѣ, которая уже была въ темномъ углу подъ кроватью.— Что̀ норовишь? Тебѣ ли, старой дурѣ, соваться въ чужія дѣла? Ужъ лежала бы, старая дура, ждала смерти (подъ

кроватью слышался вздохъ). Тоже завидуешь! Али ты думаешь, мнѣ легче твоего? Что-жъ, и мнѣ теперича, стало-быть, надо думать, отчего это у насъ съ тобой, у старыхъ псовъ, ни дѣтокъ ни...

И начался длинный монологъ о горькой долѣ, принимавшій все болѣе и болѣе драматическіе оттѣнки, по мѣрѣ того, какъ опоражнивалась посудинка съ водкою (бутылочка отъ о-де-колона, тоже господская), — посудинка, которую Настасья имѣла обыкновеніе приносить съ собою, возвращаясь съ работы.

— Проклятущая! — кричала она на Дурдилку поздно ночью.—Из-зуродую! Лежи не ѣвши!..

Иногда пьяная Настасья была очень отвратительна: зубовъ у нея нѣтъ, глаза громадные, черные, злые; впалыя, дряблыя щеки поблѣднѣли отъ злости; голосъ злой, хриплый, гадкій... И какъ же зато была она несчастна! Дурдилка—и та на что-то надѣется, даже вотъ хочетъ защитить щенка. А Настасья такъ измучена, больна, одинока, что и подумать не можетъ быть съ кѣмъ-нибудь, кромѣ Дурдилки, въ пріятельскихъ или враждебныхъ отношеніяхъ.

— Когда ты замолчишь, старая карга?—не вытерпѣвъ, закричалъ ей солдатъ.—Городового позову! Что̀ это такое?

А Настасья все ругала и проклинала Дурдилку, а сама плакала. Потомъ позвала Дурдилку, накормила ее и все-таки плакала... Дальше солдатъ ничего не слыхалъ.

3.

Однажды Настасьѣ пришлось мыть полы въ квартирѣ какихъ-то молодыхъ супруговъ, которые только-что женились и были въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Ихъ «хвалилъ» въ эту пору весь обыкновенный штатъ петербургскаго дома, получающій и просящій на водку. Дворники, швейцаръ, кухарка, газетчикъ и т. д.—всѣ ихъ называли: «вотъ ужъ господа, такъ та̀къ!», потому что господа совали деньги куда попало... Они были ко всѣмъ расположены. Это расположеніе попало и на долю Настасьи. Барыня ее разспрашивала, сколько она получаетъ, гдѣ живетъ, отчего не лѣчила ногу. Господа удивлялись, жалѣли, обѣщали послать ее къ знакомому доктору, дали лишній полтинникъ, напоили чаемъ, подарили башмаки и сказали, чтобъ она приходила къ нимъ, когда нѣтъ работы. Словомъ, господа эти, по мнѣнію Настасьи, поняли ее и жалѣли; очень хорошо чувствовала она на душѣ. Ей казалось, что

она живетъ уже не одна на свѣтѣ и не на воздухѣ виситъ,—у ней есть подъ ногами земля. Она можетъ сходить «въ гости». И она ходила въ гости, только какимъ-то особеннымъ образомъ.

Въ сундукѣ ея были какіе-то удивительные наряды, все, конечно, изъ «господскихъ». Была тутъ коротенькая юбка, словно балетная, шелковые, заштопанные шерстью чулки; была тутъ какая-то черная люстриновая баскина, вся на камышѣ и желѣзѣ, концы которыхъ давно вылѣзли наружу, словомъ — наряды самые удивительные. Одѣвшись въ это шутовство, она чувствовала себя хорошо и шла «въ гости», гдѣ вела себя такъ: прямо отправлялась въ кухню «молодыхъ господъ», засучивала рукава баскины, подтыкала балетную юбку, снимала шелковые чулки и башмаки и принималась мыть, стирать, подметать, словомъ—дѣлать все, что слѣдуетъ дѣлать кухаркѣ. «Въ гостяхъ» она перечиститъ всѣ ножи, перемоетъ всѣ тарелки, вспотѣетъ отъ работы десятка два разъ и, напившись кофею, уйдетъ. Угощалась она такимъ образомъ очень странно, но все-таки ей было удивительно весело на душѣ. Чѣмъ бы она ни отблагодарила «молодыхъ господъ» за вниманіе, если бы могла, но кромѣ стирки въ ея распоряженіи не было ничего.

Такъ она ходила «въ гости» довольно долго и впослѣдствіи приводила съ собою даже Дурдилку, которая однажды, когда господа почувствовали однимъ вечеркомъ порядочную скуку, даже очень развлекла ихъ и понравилась имъ.

— Не взять ли намъ собачку? — предложила молодая жена.

— Д-да! — согласился мужъ.—Необходимо завести что-нибудь... вообще... даже двухъ...

Настасья разыскала имъ двухъ щенятъ, но Дурдилку водить перестала.

Такъ прошло довольно долго, и Настасья чувствовала себя хорошо, — какъ вдругъ случилось слѣдующее обстоятельство:

Разъ, на масленицѣ, къ молодымъ господамъ нежданно-негаданно наѣхало и нашло пропасть пріятелей и друзей. Вдругъ поднялось такое веселье, котораго нарочно никогда не устроишь: полилось вино, заиграло фортепіано, пошли танцы, шутки, смѣхъ... Настасья давно не видывала такого веселья. Ей было такъ хорошо и весело, какъ, можетъ-быть, бывало только въ раннемъ дѣтствѣ. Она забыла, что у ней болитъ нога, бѣгала по десяти разъ за виномъ, выпивала

и опять бѣгала, и разъ какой-то шутникъ изъ гостей вдругъ обхватилъ ее и провальсировалъ съ нею по комнатѣ, при чемъ всѣ хохотали. Настасью поили виномъ, заставляли ее шутить, говорить прибаутки, которыхъ у ней было въ запасѣ довольно. Въ передней набилось горничныхъ со всей лѣстницы; пришли посмотрѣть на потѣху какіе-то неизвѣстные люди, довольно прилично одѣтые въ новыя сибирки, и, поглядѣвъ немного, раскритиковали всю публику и ушли. Настасья не слыхала этой критики и веселилась какъ ребенокъ, не помня себя, возбуждая всеобщій хохотъ и господъ и зрителей передней. Она проплясала какую-то удивительную пляску, цѣловала ручки, представляла, какъ ѣздитъ «легкая почта», при чемъ почему-то бокомъ скакала по горницѣ, словомъ — дѣлала всевозможныя глупости. Но репертуаръ ихъ у Настасьи былъ невеликъ, а ей хотѣлось дальше и дальше.

Послали ее не то за табакомъ, не то за виномъ. Полетѣла Настасья съ лѣстницы какъ птица и вдругъ видитъ, что дворникъ забылъ на площадкѣ лѣстницы топоръ. Ей вдругъ смертельно захотѣлось украсть этотъ топоръ; ей представилось, какъ это будетъ необыкновенно весело, и она въ одну минуту схватила его, притащила въ горницу и объявила:—«У дворника украла!»—и залилась громкимъ смѣхомъ. Это было такъ глупо, что всѣ покатились со смѣху, а Настасья, разумѣется, больше всѣхъ. Не замѣчая того, что веселье, во время ея отсутствія за покупкой, приняло другое направленіе, она, воротившись, разсказала, продолжая покатываться со смѣху, что встрѣтила на лѣстницѣ дворника, который искалъ своего топора (представила даже) и, не находя, ругался. Такъ какъ это продолженіе исторіи о топорѣ было совершенно неожиданно среди новаго направленія веселья, то публика опять засмѣялась, а Настасьѣ стало еще веселѣе. Какъ кончился веселый день и вечеръ, — никто изъ гостей на другой день хорошенько не помнилъ. Не помнилъ никто и о Настасьѣ, и только недѣли черезъ полторы уже кто-то—барыня или кухарка — вспомнили о ней. «Что это давно не видать Настасьи?»

Прошла еще недѣля—Настасьи все нѣтъ.

Кухарка зашла къ ней на квартиру, но и тамъ ея не было; тамъ сказали, что недѣли двѣ съ половиной назадъ пошла она въ баню и съ тѣхъ поръ «не бывала». Уголъ ея отданъ другому, сундукъ и «ангелъ» — у хозяйки, а

Дурдилка шатается, гдѣ придется. Хозяйка не весьма ласково отзывалась и о Настасьѣ и о Дурдилкѣ, которая, кстати сказать, очень внимательно слушала этотъ разговоръ.

А съ Настасьей вотъ что̀ случилось.

На другой день послѣ веселаго дня Настасья пошла въ баню, намѣреваясь оттуда пройти къ «молодымъ господамъ», помыть полы «послѣ вчерашняго», поприбрать, словомъ— «въ гости». Воспоминанія о вчерашнемъ весельѣ не покидали Настасью. Она такъ разлакомилась вниманіемъ и смѣхомъ, которые возбуждала вчера, что и сегодня такъ ее и подмывало отмочить какую-нибудь смѣшную штуку. Выходя изъ бани, она замѣтила цѣлую груду шаекъ и, проворно схвативъ, спрятала одну изъ нихъ подъ полу; ей представилось, какъ господа захохочутъ, когда она явится и похвастается вновь покражей, какъ смѣялись всѣ вчера покражѣ топора. Схвативъ шайку, она побѣжала бѣгомъ; но, думая, что еще будетъ веселѣй, если притащить двѣ (у Туляка, думала она, ихъ много), вернулась, схватила другую, потомъ вдругъ третью, потомъ вѣникъ...

— Ты что̀ это дѣлаешь?—строго, но спокойно сказалъ неожиданно появившійся дворникъ.

— Батюшка, я въ шутку!

— Въ шутку!..—повторилъ дворникъ и тотчасъ, съ тѣмъ же спокойствіемъ петербуржца, крикнулъ младшему дворнику, расчищавшему снѣгъ: — Иванъ, покарауль старуху; гляди, не убѣгла бы. Я городового приведу...

— Батюшки! родимые! Христомъ Богомъ!

— У насъ двѣ тысячи шаекъ въ годъ публика воруетъ, все тоже—въ шутку. Гляди, держи!

Вопли Настасьи собрали толпу, которая сильно осрамила Настасью. Ее взяли въ часть.

4.

Настасью взяли въ часть просто для «острастки», въ шутку, на одну ночь; но утромъ, когда ее хотѣли выпустить, она лежала въ жару, совершенно больная. Водочкой погрѣться послѣ бани ей не удалось, а на дворѣ и въ камерѣ части было довольно холодно. Кромѣ того, она была испугана и глубоко огорчена. Она горько плакала, сидя съ ворами и пьяницами и вспоминая Дурдилку, которой никто теперь поѣсть не дастъ и которая, послѣ знакомства Настасьи съ молодыми господами. иной разъ получала хоро-

шій кусокъ и даже привыкла къ этому куску. Къ утру Настасья совсѣмъ разнемоглась. Ее помѣстили въ больницу, и здѣсь-то пролежала она, почти не вставая, шесть мѣсяцевъ. Разболѣлась нога, о которой въ весельѣ она забыла думать, спина, грудь, сердце. Все это, измученное и старое, поддерживалось прежде водочкой, а теперь все это расклеилось, пошло врозь. Настасья каждую минуту ждала смерти, вспоминала свою жизнь, дѣтей, думала, что будетъ горѣть въ аду, думала безпрестанно о Дурдилкѣ, представляла, какъ ее гонятъ со двора, какъ она умираетъ. Словомъ, въ эти шесть мѣсяцевъ и физически и нравственно она выстрадала ужасно много. Она чуяла, что смерть приходитъ, что она не за горами, и это-то предчувствіе заставило ее бодриться, чтобы въ послѣдній разъ поглядѣть на бѣлый свѣтъ, посмотрѣть на Дурдилку, на господъ.

Слабая, раздражительно-нервная, выписалась она изъ больницы. Надежда, что вотъ сейчасъ она увидитъ молодыхъ господъ, которые пожалѣютъ ее, нѣсколько ободрила Настасью. Выйдя изъ больницы, она выпила водочки и поплелась къ господамъ. Шла она долго, утомилась, устала. Наконецъ добралась.

Но господа переѣхали,—тамъ живутъ другіе.

Какъ ножомъ ударило это Настасью въ сердце: ей отдохнуть, даже присѣсть было негдѣ.

— Куда переѣхали, милый человѣкъ, такіе-то? — спрашивала она у дворника.

— Выѣхали въ Москву... въ деревню!

Настасья вдругъ потеряла бодрость, вдругъ ослабѣла и присѣла у воротъ, прямо на тротуарѣ. Долго сидѣла она въ одышкѣ; но, такъ какъ дѣло шло къ вечеру, нужно было идти куда-нибудь.

Она пошла къ Дурдилкѣ въ свой старый уголъ.

Поздно уже ночью добралась она туда.

И дѣйствительно, только любовь къ собакѣ держала еще ее на ногахъ. Съ самымъ лучшимъ, съ самымъ задушевнымъ другомъ мы не такъ встрѣчались, не съ такою пламенною любовью спѣшили къ нему навстрѣчу, какъ Настасья желала и спѣшила встрѣтиться съ Дурдилкой.

Но въ «углѣ» Дурдилки нѣтъ.

— Гдѣ-жъ она?—едва дыша произнесла Настасья.

— Гдѣ? Да солдатъ твой взялъ ее...

— И пошла? Дурдилка съ солдатомъ убѣжала?

— Чего-жъ ей! Ее здѣсь кормить некому.

Настасья окаменѣла отъ такой измѣны. Дурдилка могла умереть съ голоду, но измѣнить?!. Настасья никогда не ожидала этого.

— У-у, проклятая образина!—разозлившись, закричала она.— Удушу и съ солдатомъ-то вмѣстѣ! Безсовѣстные разбойники! Куда солдатъ переѣхалъ? Давай адресъ мнѣ! Пойду изуродую обоихъ разбойниковъ!

Солдатъ, оказалось, переѣхалъ куда-то очень далеко, и идти теперь, ночью, не было никакой возможности. Настасья, въ гнѣвѣ и въ возбужденномъ состояніи, провела въ кухнѣ хозяйки цѣлую ночь, предварительно выпивъ, за уступленную хозяйкѣ баскину, довольно много водки. Цѣлую ночь она плакала, ругалась, забываясь только на минуту; цѣлую ночь ругали ее за безпокойство угощенные ею же обыватели угловъ. Утромъ, съ хмельными парами въ головѣ и еще болѣе больная и слабая, она пошла къ солдату. Она такъ была больна, что не могла злиться на Дурдилку, разсудивши ея беззащитное положеніе; она была увѣрена, что собака обрадуется ей, и все пойдетъ по-старому. Ей нужно было только взглянуть на нее.

— Гдѣ собака?—довольно категорически спросила она солдата, разыскавъ его въ «углу», на Петербургской сторонѣ.

— Какая собака?

— Какая? моя собака! гдѣ Дурдилка?

— Теперича она не твоя!—спокойно и даже съ ироніей отвѣчалъ солдатъ.

— Какъ не моя? Воръ ты этакой!

— Не шуми, старуха! Толкомъ тебѣ говорю, не твоя собака теперь! Не пойдетъ она за тобой, хоть ты ее озолоти.

— Врешь, разбойникъ!.. горло перерву вору!

— Слушай, старуха! вѣдь ежели я примусь...

Солдатъ показалъ кулакъ.

— Берегись этого! Я говорю дѣло. Вонъ твоя собака. Поди попробуй, пойдетъ ли?

Въ углу за сундукомъ дѣйствительно виднѣлась морда Дурдилки. Настасья замлѣла отъ радости, какъ только увидѣла эту морду.

— Голубчики!—прошептала она съ истинно-материнскою нѣжностью, осторожно подходя къ Дурдилкѣ и недоумѣвая, почему это она сама не идетъ къ ней, почему эта морда и глаза какъ будто не тѣ, что прежде.

— Дурдилушка! — протянувъ руку къ собакѣ, шептала Настасья.

Но Дурдилка вдругъ оскалилась и, захлебываясь, зарычала на Настасью, какъ на лютаго врага.

— Ай взяла?—съ удовольствіемъ произнесъ солдатъ.— Ну, поди, подступись!..

— Дурдилушка! Матушка!—шептала ошеломленная Настасья, не помня себя.—Это я... что̀ ты?

Но Дурдилка рычала все грознѣй и грознѣй. Шерсть у нея на затылкѣ стояла дыбомъ.

— Да что̀ же это ты сдѣлалъ, варваръ этакой?—вдругъ въ совершенномъ отчаяньи воскликнула Настасья, обращаясь къ солдату.—Что̀ ты сдѣлалъ съ моей собакой?..

— Дура!—остановилъ ее солдатъ.—У ней щенята!.. Чего ты ко мнѣ лѣзешь? Тресну, вѣдь духъ вонъ!..

— Щенята!—поблѣднѣвъ, прошептала Настасья.

И тутъ началась отвратительная и ужасная сцена.

Въ углу солдата раздавалась возня, крикъ, лай, визгъ щенятъ, удары, звонъ разбитыхъ стеколъ.

Эту сцену кончили городовые.

— Щенятъ перебила,—разсказывали на другой день въ углахъ.—Солдату щеку раскроила... Все переломала... Собакѣ ногу переломила... Послѣ увезли въ часть. Говорятъ— сумасшедшая.

Настасья, должно-быть, на этотъ разъ и умерла въ части, потому что жить ей стало совершенно не зачѣмъ.

IV. Извозчикъ.

Очеркъ.

Въ глуши Калужской губерніи стоитъ заметенная снѣгомъ деревушка; есть въ ней крошечная и шершавая избенка,—въ избѣ живетъ баба съ двумя ребятишками. И баба и ребятишки прежде всего желаютъ что-нибудь ѣсть, а сборщикъ желаетъ получить съ нихъ подушное, и вотъ ради всего этого по Петербургу мыкается извозчикъ Ванька,—тотъ самый, который рекомендуетъ вамъ прокатиться на «американской шведкѣ» или просто надоѣдаетъ возгласами въ родѣ: «Вотъ на порядочной!» «Ахъ бы за гривенничекъ прокатилъ!» Ради подушнаго, толокна и краснаго

платка, ожидаемыхъ въ деревушкѣ, Ванька переноситъ въ столицѣ множество всевозможныхъ страданій. Прежде всего немало уѣдаетъ у него вѣку хозяинъ.

Человѣкъ этотъ вышелъ изъ такихъ же Ванекъ, сумѣлъ понравиться господамъ, попадалъ въ жизни нѣсколько разъ «на счастіе», которое являлось къ нему въ видѣ людей, желавшихъ носиться изъ трактира въ трактиръ не иначе, какъ во весь духъ, — и въ короткое время, на лютую зависть всѣмъ землякамъ, «вышелъ въ люди». Въ Ямской онъ нанялъ цѣлый этажъ, когда-то населяемый господами, и переселилъ изъ деревни всю семью. Остатки обоевъ, золотыхъ багетовъ и паркетныхъ половъ какъ-то по-свойски мѣшаются съ деревенскими бабами, шатающимися въ барскихъ покояхъ съ грязными ребятами, ковши съ квасомъ— на каменныхъ подоконникахъ, грязные шерстяные чулки у камина, во внутрь котораго вдвинута клѣтушка съ гусыней, изломанное вольтеровское кресло съ прорванной подушкой, деревянная лавка, чашка съ капустой, громадное зеркало, расколотое въ самомъ центрѣ, и проч. Самовары съ зелеными и красными подтеками не перестаютъ здѣсь клокотать цѣлые дни; ковриги хлѣба, соленые огурцы, картофель до такой степени изобилуютъ въ жилищѣ Ванькина хозяина, что даже деревенскіе родственники его, первоначально потерявшіе разсудокъ отъ возможности поглощать означенные продукты «сколько душѣ угодно», въ короткое время сообразили, что въ этомъ нѣтъ особеннаго дива и что «по Петербургу завсегда такъ!». На то онъ и Петербургъ прозывается, чтобы «чего угодно... такъ-то-ся!». Тѣмъ не менѣе увеличеніе роскоши въ огурцахъ и капустѣ, происходящее въ верхнихъ апартаментахъ хозяйскаго жилья, имѣетъ непосредственное отношеніе или давленіе на нижній, подвальный этажъ, гдѣ копошатся въ отравленномъ и душномъ воздухѣ сорокъ человѣкъ Ванекъ и ихъ промокшіе полушубки, далеко пахнущіе овсянкой, ихъ промокшіе сапоги и рубахи, въ которыхъ гнѣздится тифъ. Ванька этого въ счетъ не ставитъ. На первомъ планѣ его заботъ стоитъ хозяйскій приказъ: «хоть роди, — а два серебромъ предоставь». Бываютъ случаи, что въ руки Ваньки перепадаетъ кое-что и сверхъ выручки; но бываетъ, что вся эта прибыль, накопившаяся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ одинъ несчастный день цѣликомъ попадаетъ въ хозяйскій карманъ, такъ какъ хозяинъ имѣетъ ту «правилу», «чтобы ничего этого въ расчетъ не принимать!». «Знать я этого

не хочу, — говоритъ хозяинъ: — потому у меня положено, чтобы было два серебромъ»... Но и Ванька тоже имѣетъ свою защиту въ такихъ несчастныхъ случаяхъ. Во-первыхъ, онъ надѣется на Бога, а во-вторыхъ, у него есть секреты; этими секретами онъ, словно рожнами, отъ бѣды отпихивается. Вотъ онъ выѣхалъ, помолился на церковь и сталъ на «счастливое» мѣстечко. По преданіямъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, на углу, около трактира «Амстердамъ», стоялъ Иванъ Шумѣловъ, которому Господь такое счастіе послалъ, что теперь онъ первый изъ хозяевъ-лихачей и имѣетъ пребольшой капиталъ въ ломбардѣ. Попавъ на счастливое мѣсто, Ванька почти покоенъ и, ожидая сѣдоковъ, мерзнетъ съ нѣкоторымъ даже удовольствіемъ. Въ такія минуты онъ думаетъ о томъ, какой-то попадется сѣдокъ, такъ какъ сѣдоки бываютъ разные: одинъ любитъ разспрашивать про женскій полъ; другой говоритъ: «ну, что же ты теперь — свободный?», а третій умѣетъ только кричать: «пошелъ же, чортъ тебя побери!». Размышляя о свойствахъ сѣдоковъ, Ванька вполнѣ увѣренъ, что сѣдоки эти будутъ непремѣнно, «потому Иванъ Шумѣловъ тутъ же стоялъ, и теперь онъ, можно сказать, первый по Петербургу»... Размышляя такимъ образомъ, Ванька погуливаетъ по панели, похлопываетъ рукавицами, подпрыгиваетъ и плечами передергиваетъ, ибо морозъ пробираетъ его тоже не въ шутку, а по-столичному, по-петербургски, то-есть до костей. Мимо, по улицѣ, несутся извозчики съ обледенѣлыми бородами, сѣдоки съ руками, засунутыми въ карманы, и поднятыми воротниками. Все визжитъ и дымится, не знаетъ куда укрыться отъ лютой зимы. Ванька все стоитъ, погуливаетъ да покряхтываетъ. Идутъ сѣдоки, но цѣну несоотвѣтственную даютъ: гривенникъ съ Песковъ на Англійскій проспектъ или въ Мастерскую. Ванька тоже понимаетъ цѣну и за такую ничтожность везти не берется. Но вотъ съ противоположной панели сѣлъ на извозчика какой-то баринъ, и Ванька тотчасъ же перемахнулъ съ своими санями *съ счастливаго мѣста на теплое*. Теплое мѣсто—тоже хорошо. Оно иной разъ невпримѣръ даже «счастливаго» лучше бываетъ: Ванька въ этомъ вполнѣ убѣжденъ. Попалъ онъ на теплое мѣсто и подскакиваетъ, и плечами передергиваетъ, и сѣдоковъ ожидаетъ... Идутъ люди и даютъ цѣны несоотвѣтственныя. Но Ванька цѣну знаетъ себѣ... и ждетъ.

— Извозчикъ! — раздается наконецъ.

И сѣдокъ безъ торгу заноситъ ногу въ Ванькины сани.

Ванька подбираетъ вожжи и пускается въ путь, бодро смотря въ лицо морозному вѣтру и сохраняя за своей спиной барина, который изрѣдка пускаетъ вопросы изъ глубины своего воротника.

— Что это у тебя носъ-то желтый?—спрашиваетъ баринъ.

— Отмороженъ-съ, вашескобродіе! Не доглядѣлъ-съ—анъ морозомъ-то его и отъѣло. Отойдетъ-съ!

— Неужели отойдетъ?

— Отходитъ-съ. Гусинымъ саломъ первое дѣло... отъ него отходитъ-съ. Потому у насъ это кажинный годъ, каждую зиму бываетъ-съ, ну, а черезъ гусиное сало онъ опять входитъ въ свое понятіе. Слѣдственно шкура съ него лѣзетъ, отваливается. И страсть, вашескородіе, что шкуры-то этой мы съ носу-то... упаси Господи! Ну, а къ лѣту она вторительно нарастаетъ...

— Вновь?

— Да ужъ обыкновенно она внови нарастаетъ, потому мы ее, шкуру-то, снимаемъ-съ. Сдираемъ ее... она негодная отъ морозу-то-съ, а лѣтомъ-то ужъ она опять нарастаніе имѣетъ вторительное. Такъ-то-ся!

Сѣдокъ, у котораго морозъ захватилъ дыханіе, прижимается за спиною Ваньки и долгое время молчитъ.

— Такъ гусинымъ саломъ? — говоритъ онъ наконецъ, освободивъ на минуту свое лицо изъ-подъ воротника и видя, что Ванька сидитъ къ нему полуоборотомъ, что ясно свидѣтельствуетъ о желаніи послѣдняго продолжать разговоръ и пріятное знакомство.

— Гусинымъ-съ! гусинымъ саломъ-съ! И преотличнѣйшее средство... потому мы въ этомъ извѣстны. Это у насъ каждую зиму носы повреждаются съ морозу-съ. Первое дѣло мы деремъ съ его шкуру. И старайся ты, вашескобродіе, въ случаѣ чего, саломъ этимъ... Какъ саломъ смазалъ — сейчасъ онъ, носъ-то, въ облупку пойдетъ... Какъ ты его обдерешь...

— Стой!—говоритъ сѣдокъ:—подожди, выплю.

— Слушаю-съ!

Принимается Ванька ждать...

«И какой баринъ разговорчивый попался», — думаетъ онъ, попрыгивая на окаменѣвшихъ ногахъ и хватаясь каменной рукавицей за каменный, отмороженный носъ... Часъ проходитъ, и два прошло, и три. Ванька начинаетъ входить въ «сумлѣніе». Но по его соображенію обману быть не можетъ: первое дѣло — баринъ, второе — *съ теплаго*

мѣста взятъ; по всѣмъ расчетамъ не выходитъ, чтобы былъ здѣсь обманъ... Но прошелъ часъ и еще часъ, — идетъ Ванька въ ворота, становится среди двора, водитъ глазами по этажамъ и думаетъ. Мнѣ кажется, что самый просвѣщенный умъ, ставъ въ положеніе скромнаго Ванькина ума, въ короткое время могъ бы убѣдиться въ ничтожности человѣческаго существа вообще. Какими, напримѣръ, судьбами бренный умъ нашъ можетъ проникнуть сквозь каменную стѣну, на которую долгое время былъ устремленъ испытующій взоръ Ваньки? Какой изъ шести лѣстницъ, выходящихъ на дворъ, отдать предпочтеніе предъ прочими, признавъ ее именно тою лѣстницею, по которой исчезъ неизвѣстный сѣдокъ? Что̀ долженъ предположить европейски образованный умъ, если, кромѣ безмолвной стѣны и не менѣе нѣмыхъ лѣстницъ, на томъ же дворѣ существуютъ проходныя ворота?

Европейскій умъ долженъ потерять сознаніе. Ванька потерялъ его наполовину. Онъ угрюмо смотрѣлъ въ каменную даль проходныхъ воротъ, чесалъ голову и бормоталъ: «Къ примѣру...» Черезъ нѣсколько времени, не измѣняя направленія взора, онъ принялся чесать голову и спину, и бормоталъ:

— Ишь онъ, къ примѣру... Такъ-то-ся!

— Тебѣ кого?

— Баринъ тутъ... Часа съ четыре жду...

— Э-э, — произнесъ дворникъ и, не говоря больше ни слова, юркнулъ въ свою квартиру.

Ванька долгое время по уходѣ дворника стоитъ посреди двора, нѣсколько разъ плюетъ въ раздумьѣ и принимается шататься по лѣстницамъ, робко трогая ручку звонка, слушая суровые отзывы прислуги и въ ужасѣ отдергивая свой мерзлый носъ изъ захлопывающихся дверей. Въ заключеніе Ванька снова стоитъ посреди двора, смотритъ въ стѣну, чешетъ затылокъ и бормочетъ: «а называются господа». Дѣло оканчивается тѣмъ, что онъ наконецъ возвращается къ своимъ санямъ; проходя мимо лошади, даетъ ей кулакомъ въ голову, а затѣмъ садится на козлы, подбираетъ вожжи и принимается стегать свою шведку во всю мочь, устремляясь въ какую-нибудь знакомую харчевню въ родѣ Ямки, что̀ за Казанскимъ соборомъ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ все свои. Тутъ есть бильярдъ и волчокъ; дѣвицы въ красныхъ платьяхъ поютъ романсы въ родѣ: «Онъ тиранъ — тиранъ, воръ, мальчишка, онъ не любитъ, воръ,

меня». Атмосфера прокалена запахомъ масла, луку и водки. Извозчики распоясались, разгорѣлись и, выбѣгая на улицу посмотрѣть лошадей, дымятся отъ тепла, которое выносятъ съ собою.

Выпивъ и закусивъ съ горя въ Ямкѣ, Ванька снова молится на церковь, и затѣмъ начинается опять проба счастливыхъ и теплыхъ мѣстъ и прочихъ секретовъ.

РАЗОРЕНЬЕ *).

Очерки провинціальной жизни.

I. НАБЛЮДЕНІЯ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

I. Михаилъ Ивановичъ.

1.

Несмотря на то, что новыя времена «объявились» въ нашихъ мѣстахъ еще только винтовой лѣстницей новаго суда и недостроенной желѣзной дорогой, жить всѣмъ (таковъ говоръ) стало гораздо скучнѣй прежняго, ибо вмѣстѣ съ этими новостями пришло что-то такое, что̀ уничтожило прежнюю, весьма пріятную и пѣвучую зѣвоту, и томитъ, и мѣшаетъ. Никогда не было такого обилія скучающихъ людей, какое въ настоящую пору переполняетъ рѣшительно всѣ углы общества, отъ лучшей гостиной въ «Дворянской» улицѣ до овощной и мелочной лавки Трифонова во Всесвятскомъ переулкѣ. Все это скучаетъ, томится а вообще чувствуетъ себя неловко.

*) Подъ общимъ названіемъ «Разоренья» здѣсь помѣщены три ряда очерковъ, печатавшихся прежде подъ тремя самостоятельными названіями: «Наблюденія Михаила Ивановича», «Тише воды, ниже травы» и «Наблюденія одного лѣнтяя». По первоначальному плану, «Разоренье» должно было составить одну большую работу, въ которую долженъ былъ войти весь матеріалъ, распавшійся потомъ на три части. Обстоятельства чисто-личнаго характера заставляли меня часто на долгое время прерывать работу и, когда она потомъ начиналась послѣ значительнаго

Безъ сомнѣнія, существуетъ большая разница въ формахъ тоски, наполняющей гостиную, и тоскою лавки; но такъ какъ намъ приходится говорить о послѣдней, то мы должны сказать, что упомянутая лавка и замѣчательна только потому, что служитъ пристанищемъ для тоскующаго населенія глухихъ улицъ. Людямъ, потревоженнымъ отставками, нотаріусами, адвокатами и прочими знаменіями времени, пріятно забыться вблизи хозяина лавки — Трифонова, плотнаго, коренастаго мужика, выбившагося изъ крѣпостныхъ, любящаго разговаривать о церковномъ пѣніи, женскомъ полѣ, медицинѣ, словомъ — о всевозможныхъ вещахъ и вопросахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые касаются современности. Среди современности господствуетъ дороговизна, неуваженіе къ чину и званію, неумѣніе оцѣнить человѣка заслуженнаго. У Трифонова же идетъ пѣніе басомъ многолѣтій, вареніе микстуръ и цѣлебныхъ травъ «противъ желудка», а самъ хозяинъ ходитъ босикомъ и необыкновенно спокойно чешетъ желудокъ, въ виду самыхъ разрушительныхъ роформъ. И къ Трифонову идутъ... И когда бы вы ни зашли въ лавочку, вы всегда найдете здѣсь двухъ-трехъ человѣкъ, ропщущихъ на неправды новаго времени...

— Я говорю одно: иди и ложись въ гробъ! — взволно-

перерыва, — придавать ей форму работы самостоятельной, какъ будто бы она не имѣла никакой связи съ рядомъ предшествующихъ очерковъ. Сколько-нибудь внимательный читатель увидитъ однако, что дневникъ «Тише воды, ниже травы» есть въ сущности прямое продолженіе первой части «Разоренья», печатаемой здѣсь подъ названіемъ: «Наблюденія Михаила Ивановича». Въ этой второй части дѣйствуютъ тѣ же лица разоренной семьи — сынъ, дочь и мать. Но такъ какъ этотъ дневникъ по разнымъ причинамъ появился послѣ первой части почти чрезъ годъ, когда первую часть читатель могъ и позабыть, то являлось необходимымъ измѣнить кое-что въ характерахъ и обстановкѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Неудивительно поэтому, что изъ собранныхъ въ этомъ томѣ очерковъ многое могло быть понято не такъ, какъ бы слѣдовало, многому могло быть приписано вовсе неподобающее значеніе. Такъ, напр., многимъ могло показаться, что въ безсильномъ и слабомъ авторѣ дневника я желалъ видѣть героя. Нѣтъ! этотъ типъ такъ же, какъ почти все, что вошло въ первыя двѣ части «Разоренья», отживаетъ свой вѣкъ, и авторъ дневника — типъ «отживавшей» молодежи. Нарожденію новыхъ, неясныхъ стремленій въ толпѣ, т.-е. въ неразвитой, забитой и необразованной средѣ, предполагалось посвятить третью часть, которая и явилась, опять-таки вслѣдствіе перерыва, подъ особымъ заглавіемъ: «Наблюденія лѣнтяя». Вообще же, въ объясненіе недосказанности нѣкоторыхъ изъ очерковъ, собранныхъ въ настоящемъ изданіи, я могу только еще разъ сослаться на то, что уже сказано мною въ предисловіи къ настоящему изданію. — *Авторъ.*

ваннымъ голосомъ говоритъ обнищавшій отъ современности купецъ. — Нонѣшнее время не по насъ... Потому нонѣшній порядокъ требуетъ контракту, а контрактъ тянетъ къ нотаріусу, а нотаріусъ призываетъ къ штрафу!.. Намъ этого нельзя... Мы люди простые... Мы желаемъ по душѣ, по чести.

— Желѣзная дорога! Ну что̀ такое желѣзная дорога?— говоритъ длинный и сухопарый чиновникъ Печкинъ, въ непромокаемой шинели. — Ну что̀ такое желѣзная дорога? Дорога, дорога... А что̀ такое? въ чемъ? почему? въ какомъ смыслѣ?..

Много приходится Трифонову выслушивать изліяній въ подобномъ родѣ, но все это не составляетъ для него особенной трудности, потому что онъ, собственно говоря, и не слушаетъ, что̀ ему толкуютъ, и нуждается въ приходящихъ и тоскующихъ только потому, что ему нужно кому-нибудь объяснить и свои размышленія по части пѣнія и врачеванія.

— Ну хорошо,—какъ будто бы отвѣчая купцу, говоритъ онъ по окончаніи его рѣчи. — Ну, будемъ говорить такъ: совѣтуютъ сшить сапоги изъ бѣлой собаки. Предположимъ такъ, что я возьму и собаку... Но въ какомъ смыслѣ бѣлая собака можетъ облегчать ломоту?..

И купецъ и чиновникъ, получившіе такой отвѣтъ на свои сѣтованія, никогда не претендуютъ на Трифонова; напротивъ, они весьма довольны этимъ невмѣшательствомъ, ибо имъ, какъ и всякому, пораженному тоскою, хочется отыскать такой уголокъ, гдѣ бы онъ могъ выкричать, заняньчить своего нотаріуса, свою желѣзную дорогу безъ помѣхи. И такъ какъ большинство посѣтителей стоитъ именно за это невмѣшательство и уже привыкло говорить свое, не слушая другъ друга, то всякій, желающій вести настоящіе разговоры, т.-е. отвѣчать на вопросы, возражать и т. п., долженъ невольно покоряться общему ходу бесѣды и разговаривать самъ съ собою.

Въ лавкѣ Трифонова бываетъ всего одинъ изъ такихъ посѣтителей, пользующійся особеннымъ невниманіемъ потому, во-первыхъ, что званіе его, какъ шатающагося безъ дѣла заводскаго рабочаго, уже само собою уничтожаетъ всякое вниманіе къ нему среди присутствующихъ въ лавкѣ чиновниковъ и купцовъ, и, во-вторыхъ, потому, что разговоры его тоже не идутъ въ общую колею. И поэтому никто изъ посѣтителей не замѣчаетъ, какъ тощая фигу̀ра Михаила

Иваныча (такъ зовутъ этого человѣка), весьма похожая на фигуру театральнаго ламповщика или наклеивателя афишъ, топчется то около купца, то около чиновника и сиплымъ голосомъ, въ которомъ слышится чахоточная нота, пытается вступить въ разговоры.

— А-а-а! — радостно оскаливаясь, говоритъ Михаилъ Иванычъ купцу, вытягивая впередъ голову и складывая назади руки. — А-а-а!.. не любишь!.. А тебѣ хочется по-старинному, съ кулечкомъ къ приказному черезъ задній ходъ?.. Заткнулъ ему въ глотку голову сахару — и грабь!.. Нѣтъ, погодишь!.. Нонче вашего брата оболваниваютъ!.. Нонѣ, братъ, погодишь!.. Нѣтъ, повертись!.. Наживи ума!

Кашель прерываетъ его рѣчь; но Михаилъ Иванычъ не жалѣетъ своей груди и, отвѣтивъ купцу, тотчасъ же поворачиваетъ свою вытянутую голову къ чиновнику.

— А-а-а!.. Прижжучили!.. — хрипитъ онъ. — Оччень, очень великолѣпно! Очумѣли спросонокъ? Дороги чугунной не узнаёте? Я вамъ покажу чугунную дорогу!.. Дай обладятъ, я тебѣ представлю, коль скоро можетъ она простого человѣка въ Петербургъ доставлять! Смахаемъ въ Питеръ къ Максиму Петровичу, — такъ узнаешь дорогу!.. Н-нѣтъ, мало! Очень мало... О-охъ бы хорошенько!..

— Ну хорошо... будемъ говорить такъ... — раздается басистый голосъ Трифонова, и въ ту же минуту Михаилъ Иванычъ обращаетъ къ нему пристальные, волнующіеся глаза, какими смотритъ голодная собака на кусокъ. — Предположимъ, ежели буду я мѣшать микстуру палкой...

— Палкой? — хватаясь за слово, тоже какъ собака за кусокъ, вскрикиваетъ Михаилъ Иванычъ. — Нѣтъ, пора бросить!.. Нонѣ она объ двухъ концахъ стала!.. Пора шваркнуть ее, палку-то!.. Д-да! Поразсказать въ Питерѣ — ахнутъ! Нонѣ она объ двухъ концахъ стала... Да-а!.. Позвольте вамъ замѣтить...

При послѣднихъ словахъ Михаилъ Иванычъ энергично трясъ головой; но едва ли десятая часть его словъ доходила до ушей посѣтителей, слишкомъ плотно заткнутыхъ нотаріусами и желѣзными дорогами. Кромѣ замореннаго, незвучнаго, а какъ-то шумѣвшаго голоса, который уже самъ собою уничтожалъ силу его выраженій, невмѣшательство посѣтителей было такъ велико, что къ концу вечера Михаилъ Иванычъ принужденъ былъ прибѣгать къ содѣйствію неодушевленныхъ предметовъ.

— Пора простому человѣку дать дыханіе! — надсѣдается

онъ передъ кулькомъ съ капустой. — Довольно надъ нимъ потѣшаться, разбойничать!.. Дайте ходъ!.. Что вы-съ?.. Докуда вамъ разбойничать? Пора и вамъ охнуть!.. Нѣтъ, поздоровѣй бы!.. Дай въ Питеръ смахать, — я покажу!..

Кулекъ съ кочнями долго и внимательно выслушивалъ ропотъ Михаила Иваныча на разбойниковъ и грабителей, безмолвно соглашался съ его намѣреніемъ насчетъ Питера и такъ же безмолвно провожалъ его, когда Михаилъ Иванычъ, съ сердцемъ надвинувъ шапку, уходилъ вонъ изъ лавки.

Перебравшись черезъ длинную дровяную площадь, въ виду которой помѣщается лавка Трифонова, онъ обыкновенно направлялся къ подгородной слободкѣ Яндовищу, иногда пѣшкомъ, а иногда на бѣговыхъ дрожкахъ. Миновавъ Яндовище, онъ выѣзжалъ въ поле, на большую уѣздную дорогу. Здѣсь, въ трехъ верстахъ отъ города, стояло сельцо Жолтиково, съ чудотворной иконой и разорившимся барчукомъ Уткинымъ, у котораго Михаилъ Иванычъ имѣлъ пристанище въ кухнѣ и исполнялъ разныя порученія: ходилъ къ бабушкѣ барчука съ письмами о деньгахъ, узнавалъ въ городѣ, нѣтъ ли какого «представленья», гулянья и проч.

2.

Какъ бы ни страненъ былъ Михаилъ Иванычъ, набрасывающійся на людей, не обращающихъ на него ни малѣйшаго вниманія, и объясняющій кульку необходимость хода для простого человѣка, но его злость на прошлыя времена, среди людей, проклинающихъ времена настоящія, обязываетъ насъ къ болѣе обстоятельному знакомству съ исторіей больной его груди.

И это знакомство тѣмъ легче, что Михаилъ Иванычъ самъ ищетъ человѣка, съ которымъ можно бы было потолковать. Неудовлетворенный бесѣдою съ кулькомъ, онъ прилипаетъ ко всякому, кто хотя мелькомъ взглянетъ на него, кто хотя отъ-нечего-дѣлать задастъ ему вопросъ или отвѣтитъ ему. Возвращаясь, напримѣръ, ночью отъ Трифонова въ Жолтиково, онъ зорко выслѣживаетъ, нѣтъ ли гдѣ огонька и слѣдовательно вопроса и разговора. И гдѣ бы ни мелькнулъ такой огонекъ — въ караулкѣ ли господскаго сада, въ кабачкѣ ли — Михаилъ Иванычъ тотчасъ привертываетъ къ нему свои дрожки и заводитъ бесѣду со всякимъ, кто попадется ему на глаза.

— Да какъ же съ ними, съ чертями, не разругаться! —

дребезжитъ его заморенный голосъ среди пустыннаго кабака, гдѣ сальный огарокъ освѣщаетъ курчавую голову цѣловальника, покоющагося за стойкой, и высокую фигуру угрюмо-пьянаго, пошатывающагося мужика.—Какъ ихъ, бѣсовъ, не лаять, не хаять?—продолжаетъ онъ, намекая своими словами на трифоновскихъ посѣтителей. — Ты думаешь, ему это и въ самомъ дѣлѣ чугунка помѣшала? Ем-му зацарапать нечего въ ла-апу!.. Будьте вы покойны!.. Ему не дозволяютъ по нонѣшнему времени разбою,—вотъ онъ и скучитъ какъ песъ: что̀ такое чугунная дорога?..

Сдѣлавъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ, Михаилъ Иванычъ близко подходитъ, почти подбѣгаетъ къ угрюмому слушателю и продолжаетъ:

— Купецъ-то вонъ въ гробъ просится: «заройте меня живого!..» Эва! новые порядки, вишь, ему не по вкусу!.. А все потому, что ему съ приказнымъ нельзя оболванивать простого человѣка. И слава Богу! И даже такъ, что поздоровѣе бы Господь-батюшка ихъ хлестнулъ... Очень великолѣпно! Потому они заморили, задушили простого человѣка. Черезъ ихнее обиранье простой человѣкъ дуракомъ сталъ... болваномъ...

Говоря такъ, Михаилъ Иванычъ не можетъ остаться на одномъ мѣстѣ. Гнѣвъ заставляетъ его поминутно отходить отъ слушателя и тотчасъ же возвращаться къ нему.

— Почему простой человѣкъ — дуракъ, болванъ? Почему онъ въ жись свою сладкаго куска не ѣдалъ и сапогъ цѣльныхъ не нашивалъ?.. Почему онъ замѣсто этого получалъ по скулѣ?.. Потому што его сапоги-то чужіе носили... Братъ!.. Голубчикъ!.. У чиновника-то, что̀ чугунку лаетъ, небось вонъ домъ... А на какіе онъ труды нажилъ?.. Жалованья ему всего грошъ! Откуда-а? — съ насъ! съ насъ, христіанская душа! Наше все, хрусталь!

Михаилъ Иванычъ любилъ посылать слушателямъ эпитеты въ родѣ «хрусталь», «птичка» и проч., не замѣчая, какъ и на этотъ разъ, что они не совсѣмъ соотвѣтствуютъ тѣмъ лицамъ, къ которымъ относятся. Михаилу Иванычу некогда было разбирать, что пьяный мужикъ въ грязи далеко не походитъ, напримѣръ, на хрусталь: ему нужно было говорить, высказываться.

— На наши! Все на наши, брàтъ!.. Купецъ брюхо наживалъ по какому случаю? — по тому случаю, что съ рабочихъ, либо такъ съ мужиковъ лупилъ; у мужика совѣсть, а у купца ея нѣту, — вотъ онъ и загребаетъ его когтями-

то. Вотъ по какому случаю происходитъ брюхо! Всѣ они домы строили и животы ростили на нашъ счетъ, а нашъ братъ получалъ по скулѣ... И немало ихъ было! Охъ, и ине-мма-а-ло, купидончикъ, было ихъ! Задушены мы ими — такъ ли аккуратно...

Михаилъ Иванычъ, произносящій послѣднія слова съ особенною протяжностью, вдругъ словно вспыхиваетъ и подлетаетъ къ самой бородѣ слушателя.

— Почему я нищій? — почти кричитъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь и пристально смотря въ лицо мужика.— Скажи ты мнѣ, на какомъ основаніи до тридцати лѣтъ я дожилъ, нѣту у меня ни крова ни пріюта? Отвѣчай: имѣю ли я равномѣрную съ благороднымъ человѣкомъ душу? Говори мнѣ!..

Часто случается, что во время этихъ разсужденій Михаила Иваныча слушатель успѣетъ заснуть или уйти; но можно сказать навѣрное, что, въ пылу гнѣва на прошлыя времена, Михаилъ Иванычъ рѣшительно не замѣчаетъ этого; слушателемъ его можетъ быть курчавый затылокъ спящаго цѣловальника, ползущій по стойкѣ тараканъ — все равно! Теперь уже нужно имѣть только точку опоры для взора; ни вопросовъ ни отвѣтовъ не требуется; все, что̀ накопилось въ его груди, вырвалось наружу и хлынуло рѣкой.

— Отвѣчай мнѣ, — вопрошалъ онъ затылокъ цѣловальника: — на какомъ основаніи обязанъ я быть дубьемъ, ходить ощупкой? Предъ кѣмъ я грѣшенъ, предъ кѣмъ виновенъ? А потому, что я простой человѣкъ! Простого званія! На этомъ основаніи я и виновенъ... Всякому мой хлѣбъ былъ нуженъ! Кабы я ѣлъ свой-то, трудовой хлѣбъ, сполна, значитъ, получалъ бы, что̀ мнѣ слѣдуетъ, — я, можетъ-быть, человѣкомъ бы былъ... Милашка моя! Можетъ-быть, и я бы все понималъ, всякую причину, что̀ къ чему... А то, разсуди ты самъ, какъ мнѣ осломъ-дуроломомъ не быть, коли я съ малыхъ дёнъ нищимъ былъ! Вѣдь мнѣ каши-то съ малыхъ дёнъ въ ротъ не влетало, дуби-ина! А почему я недостоинъ каши? Почему въ нашей губерніи, коли кашу на столъ, бабъ и ребятъ вонъ? А на томъ основаніи, что она другимъ требуется... Теперича десятнику потребна корова, — онъ къ мужику: изъ каши-то нашей горсточку себѣ... Сотскому требуется телѣга, чтобъ столярная, напримѣръ— онъ опять къ намъ, ужъ поболѣ зацѣпляетъ... Старостѣ охота пчелъ держать... головѣ требуется овецъ гуртами гонять, чиновниковъ угощать, домъ строить, хоромы — все

къ намъ, все изъ нашей каши! А тамъ и надъ головами, и надъ старшинами, и надъ прочими — еще выше были; тѣ ужъ, братъ, на тройкахъ къ намъ залетывали съ бубенцами и все спахивали, что̀-которое осталось, — ровно пожаромъ... Тѣмъ поболѣ пчелы требовалось, тѣмъ, братецъ ты мой, въ благородствѣ надобно состоять, гулять въ шляпкахъ, въ тряпкахъ!.. Вотъ оно по какому случаю мы и побиралися и просили у проѣзжающихъ Христа ради, и ровно собаки куску радовались!.. Вотъ оно почему. Съ эстаго съ голоду-то и родители наши помирали, и сиротами мы оставались... Вотъ оно что̀, другъ ты мой, купидонъ, дубина стояросовая, рыжій чортъ!..

Безмолвствующій затылокъ не слышитъ этихъ ругательствъ, и Михаилъ Иванычъ можетъ безпрепятственно срывать на немъ свой гнѣвъ и дѣлиться своими обидами съ мертвой тишиной пустыннаго кабака.

— Вотъ отчего! — продолжалъ онъ. — По тому случаю мы дураки, что прижимка, напримѣръ, обдерка надъ нами была большая напущена! Вотъ чиновникъ-то оретъ: «плохо жить стало»; а вѣдь этакую дубину мы прокармливали, мы ему, шалаю, сюртуки, манишки шили... Я это знаю; я видѣлъ, повѣрьте нашимъ словамъ! Потому я не въ одной деревнѣ претерпѣлъ отъ этого разбою, я и въ городѣ его видѣлъ... Городской разбой пуще деревенскаго былъ... Тутъ простому человѣку совсѣмъ дыханія не было... Привела меня тетка въ городъ, нашлись добрые люди — мѣщане, взяли меня жить къ себѣ. Дѣвушка была у нихъ одна... Что̀ за умница! Грамотѣ меня стала обучать, и, можетъ, Господь бы далъ, въ люди бы вышелъ... человѣкомъ бы былъ (при этихъ словахъ Михаилъ Иванычъ съ особенною силою ударилъ себя въ грудь, нагибаясь надъ соннымъ слушателемъ). Человѣкомъ бы-ы! Такъ вѣдь нѣтъ, — не дали! Словно они дожидались меня, сироту, потому только-было я въ тепло-то къ мѣщанину попалъ, а ужъ изъ кварталу бѣжитъ скороходъ. — «А гдѣ здѣсь заблуждающій мальчишка?..» — «А что̀?» — «А то — пожалуйте его въ часть». А зачѣмъ? Что̀ я преступилъ? А то, что солдату трубочки надо покурить, водочки хлебнуть, — вотъ онъ и волочетъ меня въ кварталъ, потому, знаетъ, придутъ, выкупятъ... Да еще что̀-о! Везетъ меня въ кварталъ-то на извозчикѣ, да съ извозчика-то колупнетъ: «гдѣ билетъ? былъ у исповѣди, у причастія?» Да не на одномъ извозчикѣ-то везетъ, а норовитъ отъ биржи до биржи, по закону, и со

всѣхъ получить на свое прожитіе; потому всѣмъ имъ, окромѣ мужика, не съ кого взять. Безъ мужика-то имъ нечего старшому дать; а старшому тоже вѣдь надыть помазать квартальнаго, а квартальному — частнаго... Всѣ на нашъ счетъ. Доброму человѣку дня было не изжить. Вонъ мѣщанинъ-то мнѣ пользу хотѣлъ сдѣлать, добро — такъ они на него набросились, какъ скорпіи! Подлая тварь! Пойми!.. Вотъ по какому случаю я чиновника-то нонѣ у Трифонова оборвалъ... Можетъ, потому я и мучаюсь, что требовался ему каменный домъ, либо хомутъ новый, — и онъ меня въ кварталѣ томилъ и мѣщанина разорялъ... У-у! чтобъ вамъ!.. А мало ихъ было охотниковъ-то трубочку покурить, сладкаго кусочка пососать?.. Города строили! Что̀ вы? Сдѣлайте милость! Съ чего нашему городу быть?.. Кабы бабы наши кашей лакомились, небось бы не оченно-то много этакъ-то народу къ осьмому часу къ кіатру разлетались на жеребцахъ... Н-нѣтъ, братъ!.. Н-не очень! а то... «Эй, кричитъ, задавлю, мужикъ! Берегись, молъ». — Эво ли заг-гибаютъ! Не знаютъ, на какой манеръ сытость свою разыграть, — а нашъ братъ нищій и чумовой ходитъ! Я, братъ, видѣлъ, какъ изъ кварталу меня господа чиновники Черемухины «вынули» на прокормленіе; тутъ я увѣдомился, сколь они съ чужихъ денегъ ошалѣли, — пиры да банкеты, да кувырканья—весь и сказъ!.. Голодны они—мужикъ, простой человѣкъ, терпитъ, даетъ имъ кормъ, а накормитъ онъ ихъ — опять тоже ему вредъ и отъ эфтаго... Теперьче посуди: жилъ я у мѣщанина; жена у него померла; осталось у него три дочки... то-есть, я тебѣ говорю, дѣвушки... Что̀ же, братъ! Выбѣгутъ это на улицу погулять, анъ ужъ тутъ съ сытыми утробами погуливаютъ разные народы... Вотъ и колесятъ. — «Мы васъ замужъ возьмемъ, благородныя будете»... А тѣмъ и любо! Потому благородными превосходнѣе быть, не чѣмъ этакъ-то, какъ онѣ, по ночамъ иглой тачать, слѣпнуть... Ну — и... Теперь вотъ на! поди! глянь!.. ровно какъ рваныя тряпки по лужамъ валяются! Полюбопытствуй — поди!.. Можетъ, теперь бы у меня такая ли супруга-способница была, коли-бъ не сытость-то эта краденая. Я почесть полгода дорывался, чтобъ она на меня, на чумарзаго, взглянула; да по ночамъ ворочалъ на заводѣ въ огнѣ да въ пламени, чтобъ мнѣ лишній рубль достать, ей купить гостинчика полакомиться... А чиновникъ-то налетѣлъ съ мадерой да съ гитарой, да съ шелковымъ платкомъ — анъ и взялъ!.. И шишъ подъ носъ! Нашъ братъ

ободранный человѣкъ пѣсню-то поетъ, ровно рѣжетъ ножомъ, потому голосъ-то нашъ въ огнѣ перекипѣлъ, а тотъ запоетъ пѣсенку любо-два — ай-люли! Потому въ огнѣ онъ не горѣлъ, а больше нашего брата очищалъ. И бѣлъ онъ, и мадера, и на гитарѣ, примѣрно!.. А нашего брата по скулѣ! Онъ вонъ шваркнулъ ее, Аннушку-то, разорвалъ ее, словно собака тряпку завалящую, да и побѣгъ къ осьмому часу къ кіатру, а нашъ братъ только жилы свои въ работѣ изсушилъ попусту; потому намъ ее ужъ взять нельзя, Аннушку-то! ужъ намъ невозможно этого, ужъ она набалована! Ей ужъ дай платочекъ шелковый... Онъ — шелковый-то платокъ — и нашему брату подходитъ къ лицу, да намъ объ этомъ надо бросить думать... вотъ! Потому мы обязаны быть дураками, ошалѣлыми, коркой дорожить, по-собачьи жить, — потому нашъ хлѣбъ другимъ надобился... Слышишь, рыжая ты шельма? Другіе нашъ хлѣбъ ѣли, бѣшеная ты собака!..

— Вонъ! — внезапно поднимаясь во весь ростъ, гремитъ громадная фигура цѣловальника, сообразившаго, что причиною нѣкотораго безпокойства, испытываемаго имъ во снѣ, было непрестанное разглагольствованіе Михаила Иваныча.— У-дди! У-убью!..

Перепуганный сжатыми кулаками и вытаращенными глазами цѣловальника, Михаилъ Иванычъ пятится къ двери, зажимая рукою ротъ, чтобы разсвирѣпѣвшимъ кашлемъ еще болѣе не разсердить врага; и такъ какъ врагъ въ скоромъ времени выказываетъ намѣреніе броситься къ нему изъ-за стойки, то Михаилъ Иванычъ и исчезаетъ вонъ изъ кабака. Спустя минуту дрожки его дребезжатъ среди темной дороги къ Жолтикову. Но необходимость высказаться не прекращается краснорѣчивымъ внушеніемъ цѣловальника насчетъ молчанія. Михаилъ Иванычъ снова ищетъ слушателя, огонька, и снова, завидѣвъ его, погоняетъ свою лошадь. И вездѣ, куда бы онъ ни привернулъ свою лошадь, — въ караулку ли при господскомъ саду, на мельницу, къ постоялому двору, — вездѣ слышится его чахоточная рѣчь.

— И очень великолѣпно, коли кого изъ этихъ грабителей чѣмъ-нибудь да припрутъ! Радъ я! Душевно! Одна мнѣ и утѣха, что на это поглядѣть. Потому ошалѣли мы отъ нихъ, дураками и нищими стали... Въ прежнее время чиновникъ-то трифоновскій — онъ бы меня въ гробъ вогналъ ни за что... А теперича — погодишь!.. И слава Богу!.. Те-

перича еще и простой человѣкъ съ ними, пожалуй, потягается... Да-а!..

И затѣмъ, въ подтвержденіе словъ о господствѣ въ старое время прижимки надъ простымъ человѣкомъ, Михаилъ Иванычъ приводилъ множество фактовъ изъ своей біографіи. И дѣйствительно, фактовъ этихъ перебывало на его спинѣ достаточное количество, потому что, въ качествѣ сироты и простого человѣка, онъ отвѣдалъ прижимку и въ деревнѣ, и въ городѣ, гдѣ жилъ у мѣщанина, изнывалъ въ кварталѣ, побирался, и наконецъ въ казенномъ заводѣ, въ качествѣ рабочаго. Результатомъ этой «прижимки», по объясненію Михаила Иваныча, было одурѣніе и обнищаніе простого человѣка, что̀ и можно видѣть на нашемъ рабочемъ, на нашемъ простомъ мужикѣ, немыслимыхъ безъ «зелена вина». Если самъ Михаилъ Иванычъ ушелъ отъ этого отупѣнія и умѣетъ разсуждать о прижимкѣ, то этому есть особенная причина, о которой Михаилъ Иванычъ разсказываетъ не съ злостью и негодованіемъ, волнующими его при воспоминаніи о прошломъ, а съ какою-то необыкновенною нѣжностью и внимательностью.

— А потому,—говоритъ онъ, разъясняя этотъ вопросъ:— что я имѣю просіяніе моего ума!.. Вотъ-съ на какомъ основаніи я всю эту разбойничью механику понимаю и чувствую, и злюсь! Простой мужикъ дѣлается отъ этого балбесомъ, но я, по моему понятію, получаю чахотку... Вотъ-съ на какомъ основаніи. Въ теченіе времени моей жизни встрѣтилъ я человѣка, который по щекѣ меня не билъ, но внѣдрилъ въ мою душу понятіе...

Михаилъ Иванычъ любилъ поняньчиться съ этимъ воспоминаніемъ изъ своей несчастной жизни и говорилъ не спѣша, останавливаясь:

— Ну, въ то же самое время,—продолжалъ онъ:—надо сказать такъ, что и этотъ человѣкъ, благодѣтель мой, въ первоначальное время нашего знакомства тоже по щекѣ меня щелканулъ довольно благополучно... для собственной моей пользы... Именно-съ «для пользы», по той причинѣ, что нашъ братъ, простой человѣкъ, столь отъ разныхъ народовъ за все про все наскуленъ, что и пользу ежели хочешь ему сдѣлать, то и въ ту пору безъ рукопашья не обойдешься... По этому случаю благодѣтель мой, Максимъ Петровичъ, въ достаточной степени меня съ печи за волосья сгромыхнулъ въ первоначальное время знакомства... Такое было дѣло: докладывалъ я вамъ, что изъ части, когда мѣщанинъ по-

меръ, взяли меня на прокормленіе чиновники Черемухины. Бывши въ побирушкахъ, въ нищихъ, съ холоду да съ голоду, да съ кварталу, очень мало я въ ту пору на человѣка сходствовалъ, потому что, живши въ кварталѣ, коротко и ясно можно потерять человѣческій ликъ и получить собачью манеру. По этому случаю, когда меня ввели въ черемухинскую кухню, то сталъ я хватать съѣстное, напримѣръ, съѣдобное. Сталъ рвать, набросился... Кухарка назвала меня въ ту пору «волчій ротъ». И такъ я набрасывался, такъ набрасывался, до забвенія доходилъ. Отъѣдался - отъѣдался я тутъ быстро, поспѣшно: вся прислуга у нихъ очень торопливо отъѣдалась и щеки нагуливала, потому мужики всего натащатъ, не жалко,—ѣшь! Хорошо. Какъ только привыкъ я къ сладкому куску, сталъ я свою бѣдность вспоминать, и стало мнѣ страшно: ну-ко да выгонятъ отсюда, — что тогда? Страшна мнѣ корка собачья показалась!.. Сталъ я объ себѣ думать... И дѣлаю такое замѣчаніе, что у всѣхъ народовъ идетъ грабежъ. Кухарка и кучеръ съ мужиковъ, баринъ и барыня съ мужиковъ, все, повсюду, повсемѣстно идетъ ограбленіе человѣческое... Думаю: мужикъ мнѣ не дастъ, съ кого мнѣ?.. Думалъ-думалъ, затруднялся въ мысляхъ, глядь — бѣжитъ ко мнѣ на печку барчукъ махонькой, Черемухинскій сынокъ: «скажи сказочку...» Изволь. Сказалъ. Онъ и повадился ко мнѣ на печку шататься, сказки слушать. «Э, думаю, другъ-пріятель: надо-быть, тебѣ въ хоромахъ хвостъ-отъ присѣкаютъ, что ты во мнѣ, въ мужикѣ, получаешь нужду...» Подумалъ такъ-то. Бѣжитъ барчукъ: «скажи сказку...» «Дай копейку!» Этакъ-то рѣзанулъ! «Дашь—скажу, нѣтъ—не будетъ разсказу. Я и то, молъ, языкъ весь отколотилъ, разсказываючи тебѣ!» Припугнулъ его такимъ манеромъ, и сталъ онъ мнѣ пятачки да грошики таскать, и сталъ я ихъ попрятывать... И такъ-было ловко научился я поколупывать съ него; анъ тутъ-то и подвернись ко мнѣ человѣкъ... Максимъ Петровичъ... семинаристикъ, племянникъ Черемухинскій. Часто онъ къ намъ въ кухню хаживалъ, дожидался, пока дяденька, самъ Черемухинъ-то, проснутся, — полтинничекъ у него попроситъ... Когда тверезъ — тихій такой... «На сапоги», говоритъ... А Черемухинъ: «То-то, говоритъ, на сапоги?..» И сердито на него смотритъ, а тотъ боится. Это когда тверезъ. Ну, а коли ежели да пьянъ, такъ ужъ тутъ никакого страху для него нѣту... Тутъ ужъ онъ кричитъ, бунтуетъ... И дяденьку-то такъ-то ли поли-

ваетъ... «Взяточники, разбойники!.. Докуда вы разбойничать будете? Провались вы и съ полтинниками...» Разъ зимой скинулъ съ себя полушубокъ и шваркнулъ его объ земь. «Подавитесь вы имъ!..» и ушелъ. Бывало такъ, что и стекла онъ выбивалъ въ дому, и ворота исписывалъ ругательскими словами. Вотъ я на этого человѣка и наскочилъ... Отъ него я и получилъ вдохновеніе, напримѣръ. То-есть сначала-то онъ меня за виски отворочалъ, а потомъ ужъ объяснилъ мнѣ существо... Лежу я съ барчукомъ на печкѣ и дѣлаю съ нимъ подлый поступокъ: продаю ему кошелекъ, а въ обмѣнъ требую съ него серебряную цѣпочку... Кошельку цѣна копейка, а цѣпочка стоитъ пять серебромъ. Желаю я ее получить. Барчукъ ничего не смыслитъ: взялъ да и помѣнялся, а потомъ разсмотрѣлъ — и въ слезы..» «Отдай!» плачетъ. А я ему: «Нѣтъ, говорю, не отдамъ, потому что ты видѣлъ, что покупалъ. Назадъ не ворочаютъ. Гдѣ у тебя глаза были?..» По-базарному поступаю... Максимъ Петровичъ пьяный сидѣлъ-сидѣлъ, слушалъ-слушалъ, да шарахъ меня за волосы съ печи... «Мошенникъ! воръ!.. Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!.. И безъ тебя много мошенниковъ!..» Да за ухо... за ухо... Тутъ онъ меня щекотурилъ... Цѣпочку отнялъ, шваркнулъ: «краденую воруешь!..» Съ этого дня сталъ я его бояться... Страхъ почувствовалъ: боюсь встрѣтиться... Анъ разъ несу водку господамъ изъ конторы, онъ — и валитъ съ пріятелями пья-я-яный. «Что такое? Стой! Куда? Водка!.. Неси къ намъ... Тамъ, братъ (у дяди-то), за другою четвертью пошлютъ, тамъ есть на что выпить...» Тутъ они меня поволокли въ свою квартиру: бѣдность непокрытая, тараканы... Я сижу, боюсь. — «Чего ты? Халуй! Рабъ!.. Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!..» Поругали вторительно, а потомъ сжалились. «Поди сюда, — говоритъ Максимъ Петровичъ.—Ты зачѣмъ мошенничаешь? Жить надо? Такъ нешто грабежомъ-то хорошо будетъ?.. Давайте книжку, я его обучу... Какъ ты думаешь, грамота лучше грабежу?» И сейчасъ сталъ меня учить. Тутъ я ничего не понялъ, потому пьяные они были; мало-мало погодя и самъ къ нимъ пошелъ... «Обучите», говорю. Тамъ ихъ много кутейниковъ-то было: кто слово покажетъ, кто такъ что-нибудь... Я и нахватался, и не умѣю вамъ сказать, какимъ манеромъ, только что сталъ я тутъ понимать, почему это нашъ братъ въ дырахъ, въ лаптяхъ, напримѣръ. И въ первый разъ въ голову мнѣ влетѣло: «за что же, молъ, этакъ-то?..» Разговоры ли ихніе, Максимъ Петровича,

или грамота, ужъ вѣрно не могу объяснить, а что страсть столько я разбойниковъ вдругъ увидалъ! И, можетъ, Господь мнѣ и больше понятія бы далъ, только что пошло вдругъ во всемъ разстройство...

— Съ войны это разстройство пошло... Цѣлые дни, бывало, стоишь на улицѣ, смотришь, какъ везутъ на войну пушки да сабли. «Этакія, дивовался народъ, на человѣка страсти припасены!» Пошли тутъ наборы, мужики, бабы ревутъ, голосьба по всему городу. У Черемухиныхъ идетъ огребанье невиданное, пьянство, жранье—Боже мой!.. «Господи!—помню, жена Черемухина плачется:—когда это все кончится!..» Анъ скоро и кончилось... Прошла война, налетѣли ревизоры, всѣхъ взяточниковъ повязали... Тутъ пошло швырянье—упаси Богъ! Одинъ—воръ, другой ополченцамъ сапоги на кардонной подошвѣ дѣлалъ, третій въ рекруты забривалъ безъ закону... Стали кидать, швырять подлецами: одинъ внизъ, другой вверхъ, третій торчмя головой... Черемухина выгнали въ другую губернію. Максимъ Петровичъ такъ-то ли поспѣшно въ Питеръ ускакалъ. «Прощай, говоритъ, помни. Выпишу». Однакоже не выписалъ. Сталъ я у Птицыныхъ жить, у генераловъ, и тамъ пошло все врозь. Всѣ сыновья ворами оказались. Плачъ идетъ между грабителями. Поглядѣлъ-поглядѣлъ я, вижу—не до меня имъ... Надѣлъ картузъ, пошелъ своего хлѣба искать. Въ ту пору на казенный заводъ стали принимать людей со стороны, не казенныхъ, стало-быть,—я и попалъ въ заводъ... Въ лѣсу страшно, когда ежели громъ да молонья, а тутъ въ заводѣ еще страшнѣй. Потому въ лѣсу—дѣло Божье, непонятное, тамъ страхъ беретъ, а тутъ злость—потому видишь, изъ-за чего громъ-то идетъ, изъ-за чего молота молотятъ, ножницы разѣваются, и нашъ простой человѣкъ не доѣстъ, не допьетъ, а въ огнѣ горитъ... Пить бы надо—слабъ, не могъ, а все больше злился, потому которыя я получилъ отъ Максима Петровича мысли, то никакимъ родомъ онѣ у меня изъ головы не выходили. Злился-злился я, бѣсился-бѣсился, да однова подгулялъ и махнулъ въ арендателя камнемъ... Спасибо, скрозь колесо камень прошелъ, а то-бъ въ каторгѣ быть. Да еще то облегчило, что ночью дѣло было, не могли вызнать, кто такой, такъ что собственно по подозрѣнію шесть мѣсяцевъ высидѣлъ... Вышелъ изъ заключенія, вижу—вездѣ я бунтовщикомъ оказываюсь, никто не беретъ и на частныя мастерскія не допущаютъ... Остался я одинъ; на кого надежда? Окромѣ Максима Петровича кто-жъ мнѣ

защитникъ? Дай обладятъ чугунку... Я на него надѣюсь... Нонче, братъ, и имъ очень тоже мало готовыхъ кусковъ: не то время идетъ. И радъ я, коли ежели кого изъ нихъ припрутъ, радъ... Купецъ-то вонъ: охъ-хо-хо, кряхтитъ! хорошо! отлично!..

3.

Михаилъ Иванычъ, извѣстный давно на заводѣ за строптиваго и непокорнаго человѣка, послѣдней своей исторіей съ камнемъ и арендаторомъ окончательно повредилъ себѣ; такъ какъ всѣ частные заводчики смотрѣли на ропотъ его не иначе, какъ на бунтъ, то Михаилъ Иванычъ, выгнанный съ завода, остался буквально безъ куска хлѣба, ибо его нигдѣ не принимали. Въ эту пору его можно было встрѣтить въ небольшихъ подгородныхъ деревенькахъ, гдѣ онъ писалъ бабамъ письма и прошенія, получая за работу яйцо, кусокъ хлѣба. Письма выходили такого рода: «Честь имѣю извѣстить васъ, единоутробная дочь наша, Авдотья Андреевна, что мы, родители ваши, съ маіа мѣсяца сего... года, состоимъ безъ куска хлѣба, въ полномъ смыслѣ этого слова, и почтительнѣйше увѣдомляемъ васъ, что подаянія отъ мирового посредника съ сего... мѣсяца настоящаго сего года прекращены» и т. д. Извѣщая о деревенскихъ новостяхъ, Михаилъ Иванычъ всегда умѣлъ среди неурожаевъ и подаяній вставить нѣкоторыя фразы, обрѣтавшіяся въ фондѣ его образованія и просіянія. Но такой работы было мало. Работы «мужицкой», молотьбы, косьбы—онъ исполнять не могъ: у него болѣли ноги отъ стоячей заводской работы, и поэтому долгое время пробавлялся, чѣмъ могъ, и скитался, гдѣ пришлось. Среди этой нищеты и одиночества въ головѣ Михаила Иваныча воскресло воспоминаніе о Максимѣ Петровичѣ, и больная душа его тотчасъ же наполнилась какою-то неопредѣленною надеждою на его помощь, а больная, забитая голова довела эту фантастическую надежду до громадныхъ размѣровъ. Большіе быстрые глаза голоднаго Михаила Иваныча и его фразы насчетъ этихъ надеждъ, насчетъ чугунки и Петербурга—весьма разсмѣшили юнаго потомка господъ Уткиныхъ, когда тотъ однажды вечеркомъ, проѣзжая по дорогѣ на старой громадной и худой лошади, случайно наѣхалъ на Михаила Иваныча, лежавшаго въ канавѣ и бормотавшаго:

— Нѣтъ, братъ, не то время! Дай чугунку обладятъ!

О барчукѣ Уткинѣ намъ покуда надо знать только то,

что денегъ у него не было; что жилъ онъ въ имѣніи, подлежащемъ описи; думая, во-первыхъ, основательно заняться подготовленіемъ къ практической дѣятельности, онъ въ то же время не менѣе основательно думалъ и овладѣть приказчичьей дочерью, и всѣ эти вопросы разрѣшалъ внезапнымъ выстрѣломъ изъ ружья въ глубинѣ отцовскаго сада, разговоромъ съ пріѣзжимъ изъ города гостемъ о современныхъ вопросахъ, которые прерывались тотчасъ же по появленіи гдѣ-нибудь вблизи деревенской бабы, поѣздкой въ городъ на гулянье и т. д. Изъ всего этого слѣдуетъ, что барчукъ скучалъ, и, среди скуки, лежащій въ канавѣ при дорогѣ Михаилъ Иванычъ могъ обратить на себя его вниманіе.

— Вы кто такой? — спросилъ барчукъ, когда Михаилъ Иванычъ выскочилъ изъ канавы.

— Отставной рабочій... съ заводу-съ... Выгнанъ за бунты.

— За что?

— За непокорность, потому что я разбойничать имъ не позволялъ... Не согласенъ я на это! Довольно.

Эти рѣчи до того показались Уткину ни съ чѣмъ не сообразными и до того заинтересовали его, что онъ позвалъ Михаила Иваныча къ себѣ поговорить, а потомъ, боясь скуки, сказалъ Михаилу Иванычу, чтобы тотъ оставался у него въ усадьбѣ.

Михаилъ Иванычъ поселился въ кухнѣ и въ короткое время пошелъ у всѣхъ за большого чудака. Не одинъ барчукъ смѣялся всякій разъ, когда изъ устъ его выходили слова въ родѣ: «прижимка», «къ осьмому часу, къ кіятру», «увѣдомился» и проч. Причины этому были его рваные локти, поставленные рядомъ съ Петербургомъ и чугункой. Въ сущности же Михаилъ Иванычъ былъ человѣкъ, потерпѣвшій отъ отечественной прижимки въ тысячу разъ болѣе другихъ вслѣдствіе того несчастія, которое онъ опредѣлялъ словомъ: «просіяніе ума», человѣкъ, которому осталась одна утѣха: созерцать затрудненія, выпавшія, благодаря «новымъ временамъ», на долю людей, привыкшихъ жить на чужой счетъ.

II. Въ ожиданіи чугунки.

1.

Исполняя нѣкоторыя порученія барчука. Михаилъ Иванычъ хотя и не ѣлъ даромъ господскаго хлѣба, но и не былъ особенно заваленъ работой, такъ что, помимо поѣздокъ въ городъ по порученіямъ, у него оставалось еще достаточно времени, чтобы отдохнуть, отдышаться на свѣжемъ воздухѣ. И въ Жолтиковѣ была къ этому всякая возможность. Стоитъ оно на высокомъ холмѣ, окруженное лѣсами, оврагами, лугами. Заморенный городомъ, Михаилъ Иванычъ благоговѣетъ передъ природой, какъ не можетъ благоговѣть деревенскій житель; гроза здѣсь не то, что въ городѣ, въ рабочей слободѣ. Тамъ громъ колотитъ въ крышу, шатаетъ печную трубу, за которую нужно платить печнику: результаты ея—грязь по колѣно и лужи, по которымъ люди ходятъ съ проклятіями. Въ деревнѣ это явленіе принимало другой видъ, и Михаилъ Иванычъ могъ опредѣлить его только словами: «премудрость», «благодать»... Собаки деревенскія, караулящія отъ лихихъ людей, тоже возвышали, по его понятію, деревню передъ городомъ, гдѣ ту же должность исполняли будочники, сворачивающіе скулы.

— Собачка, — говорилъ онъ: — она умница; я съ ней могу поиграть, а съ хожалымъ у меня игра слабая...

Густой старинный садъ, весь изрѣзанный зарастающими дорожками, также манитъ Михаила Иваныча: по цѣлымъ часамъ онъ бродитъ въ этихъ заброшенныхъ аллеяхъ, слушая птицу, шумъ засѣки, а иногда и засыпаетъ, сидя на подгнившей блѣдно-зеленой скамейкѣ. Но озлобленная прижимкой душа Михаила Иваныча не могла долго быть спокойной, тѣмъ болѣе, что на каждомъ шагу попадались вещи, гдѣ Михаилу Иванычу выглядывалъ чужой трудъ, потраченный безъ толку.

— Михаилъ Иванычъ! — говоритъ барчукъ, торопливо проходя мимо него по саду, чтобы выстрѣлить изъ ружья въ галку:—такъ «увѣдомились»?

— Я довольно аккуратно въ жизни своей увѣдомился, какъ простому человѣку...—начинаетъ Михаилъ Иванычъ вслѣдъ барчуку; но въ этотъ моментъ раздается выстрѣлъ, крикъ разлетающихся галокъ и лай собакъ.

— Эхъ, ума-то нагулялъ!—иронически шепчетъ Михаилъ

Иванычъ, качая головою.—Сколько, чай, хребтовъ на этакую-то тетерю пошло?.. Прокъ!

— Были у Синицына?—возвращаясь съ убитой галкой, спрашиваетъ барчукъ.

— Былъ-съ.

Михаилъ Иванычъ говоритъ съ сердцемъ, но старается скрыть это.

— Афишъ не было-съ, разобраны!—продолжаетъ онъ.

— Что-жъ въ городѣ?

— На столбу объявлено воздухоплаваніе слона... въ Эрмитажѣ. Рубь за входъ.

— Чортъ знаетъ что̀ такое!

— Во всѣхъ Европахъ одобряли монархи,—прибавляетъ Михаилъ Иванычъ, не скрывая негодованія и какъ бы говоря въ то же время: «сто̀ишь ли ты слона-то смотрѣть?»

По уходѣ барчука на травѣ остается мертвая птица. Михаилъ Иванычъ смотритъ на нее и говоритъ:

— Вотъ это господское дѣло!.. Хлопнулъ—и пошелъ. А ружье кто ему выработалъ?

Достаточно такого случая, чтобы всѣ соображенія Михаила Иваныча объ участи простого человѣка поднялись цѣлымъ роемъ. Черезъ пять минутъ по уходѣ барчука его уже можно встрѣтить въ кабакѣ передъ цѣловальникомъ.

— Не безпокой!.. Оставь меня!—умоляетъ цѣловальникъ, съ трудомъ приподнимая тяжелую голову, покойно лежавшую на локтяхъ.—Не абезпокоивай меня!

— До-ку-уда-а? — надсѣдается Михаилъ Иванычъ.— Докуда бѣдному человѣку разутымъ ходить? Что̀ на него работали, сколько денегъ на него даромъ пошло?..

— Михайло!—вскрикиваетъ цѣловальникъ. — Какія мои слова?

— Ха, ха, ха, — грохочутъ черезъ нѣсколько минутъ на мельницѣ.—Кормили, поили яво, а онъ—въ галку?

— Д-да-а, братъ!.. Кабы ежели бы онъ отдалъ...

— Держи карманъ,—отдалъ!.. Хо, хо, хо!..

У Михаила Иваныча такъ много накипѣло въ груди, что никакой слушатель не въ состояніи выслушать всего, что̀ онъ желаетъ сказать. Это обстоятельство служитъ причиной, что всѣ считаютъ его чудакомъ, который почему-то злится, толкуя о какой-то галкѣ или о ружьѣ. Съ другой стороны, постоянная насмѣшка всѣхъ, отъ барчука до приказчика, и отсутствіе достаточно внимательныхъ слушателей заставляетъ его чувствовать себя совершенно одино-

кимъ, покинутымъ. Михаилъ Иванычъ, у котораго на умѣ одна мысль, что съ открытіемъ чугунки ему совершенно необходимо съѣздить въ Петербургъ, вдругъ начинаетъ безпокоиться, что чугунка ужъ открыта и ушла безъ него. Въ такомъ случаѣ, если бы у него и не было порученій отъ барчука, онъ выпрашивалъ бѣговыя дрожки и ѣхалъ въ городъ.

Часу въ восьмомъ утра дрожки его торопливо мелькаютъ по березовой аллеѣ, пролегающей мимо церкви и поповскихъ домовъ. Михаилъ Иванычъ, подкрѣпленный свѣжестью и блескомъ лѣтняго утра, весело похлестываетъ лошадь и весело смотритъ впередъ, не обращая вниманія на то, что какой-то краснобай кричитъ ему:

— Ушла!.. Въ ночь ушла!.. ха, ха, ха!

Эта насмѣшка заставляетъ его еще поспѣшнѣй добраться до холма, съ высоты котораго открывается видъ на городъ, изобилующій золотыми крестами, красными и зелеными крышами. Картина эта не останавливаетъ его вниманія:— онъ смотритъ лѣвѣй, гдѣ видна желтоватая насыпь дороги, недостроенный вокзалъ и толпы людей съ тачками...

«А вѣдь, пожалуй, и ушла!»—думаетъ онъ и быстро подкатываетъ къ вокзалу.

— Что̀, ребята, не ушла машина? — адресуется онъ къ рабочимъ на лѣсахъ.

— Нѣтъ еще!..

— Ай не обладили?

— Облаживаемъ.

— Ладьте, ребята!.. Ладьте, матушки!.. Проворнѣй!

Такъ какъ Михаилу Иванычу всегда остается очень много времени, то онъ позволяетъ себѣ шажкомъ объѣхать вокзалъ, оглядываетъ его и говоритъ:

— Тутъ ума надо!..

— По три сажени дровъ жретъ съ-маху!—кричатъ рабочіе съ лѣсовъ, стуча топорами и шурша штукатуркою.

— Сто̀итъ! Сто̀итъ этакой шутовкѣ и поболѣ!..—съ увлеченіемъ говоритъ Михаилъ Иванычъ и въ заключеніе прибавляетъ:—Ну, ладьте!.. Облаживайте, ребята! Старайтесь, чтобъ ошибки какой не было!..

2.

Путь лежитъ въ городъ черезъ слободку Яндовище, гдѣ у Михаила Иваныча между рабочимъ народомъ много знакомыхъ, такъ какъ здѣсь онъ самъ живалъ долгое время.

При въѣздѣ въ улицу, начинающуюся кузней, лицо Михаила Иваныча теряетъ то оживленіе, которое придало ему утро и чугунка; лошадь, которую онъ начинаетъ называть «горькая», «мертвая», идетъ тихо: Михаилъ Иванычъ ѣдетъ по тому царству прижимки, отъ которой единственное спасеніе—Максимъ Петровичъ; ибо ни въ этихъ домишкахъ, осѣвшихъ назадъ во время приколачиванія къ нимъ нумера, ни въ этихъ трубахъ, похожихъ на рѣшето, ни въ этихъ воротахъ, слѣпленныхъ изъ дощечекъ, рѣшительно не усматривается того, по поводу чего Михаилъ Иванычъ могъ бы сказать: «не то время!» — какъ это онъ говоритъ при видѣ доживающаго произвола...

— Ваня!—грустно сказалъ Михаилъ Иванычъ, останавливаясь у одной кузни, лѣпившейся рядомъ съ крошечнымъ дворикомъ.

Высокій, черный и худой человѣкъ, стоявшій въ глубинѣ кузни у пылающаго горна, только обернулся на эти слова вытаращенными глазами и не сказалъ ни слова.

— Ванюша!—повторилъ Михаилъ Иванычъ, привязавъ лошадь и входя въ кузню. — Что̀-о? Здорово! Обмякли дѣла?..

Вмѣсто отвѣта Ваня сердито и торопливо засунулъ желѣзо въ горнъ и, попрежнему не говоря ни слова, вышелъ изъ кузни, при чемъ большіе вытаращенные глаза его какъ бы сказали: «въ кабакъ». Идя проворно сзади шедшаго Вани, Михаилъ Иванычъ видѣлъ, какъ онъ, не оглядываясь и какъ бы мимоходомъ, овладѣлъ желѣзнымъ баутомъ, виднѣвшимся изъ-за ставни одной хибарки, и юркнулъ съ нимъ въ кабакъ. Нужно было не болѣе секунды, чтобы оторванный баутъ былъ грохнутъ на кабачную стойку, чтобы цѣловальникъ, мелькомъ взглянувши на него, спихнулъ его куда-то въ яму подъ стойку и выставилъ водку.

— Это такъ-то?—сказалъ Михаилъ Иванычъ, взглянувъ на Ваню.

Но Ваня, молча совершившій все это, такъ же молча и торопливо выпилъ стаканъ водки, отошелъ въ уголъ и, обернувшись оттуда, буркнулъ Михаилу Иванычу:

— Обмякло!..

И снова сжалъ ротъ, загадочно смотря на Михаила Иваныча глазами, какими смотрятъ нѣмые. Михаилъ Иванычъ тоже смотрѣлъ на него.

— Они потеряли всякій стыдъ! — пояснилъ цѣловаль-

никъ:—потому что они въ настоящее время обкрадываютъ другъ друга въ лучшемъ видѣ. Даже удивляешься!..—прибавилъ онъ стыдливо.

Но Михаилъ Иванычъ, не обращая вниманія на это объясненіе и глядя на Ваню, видѣлъ, что прижимка цвѣтетъ и не увядаетъ. Она изуродовала человѣка до того, что онъ лишился возможности выразить то, что у него на душѣ, а можетъ только тупо смотрѣть, молча плакать, скрипѣть зубами и вертѣть кулакомъ въ груди...

— Убѣчь отъ васъ—одно!—сказалъ Михаилъ Иванычъ, вздохнувъ и отводя отъ Вани глаза. — Надо, надо убѣчь!

— Что, душеньки, — робко произнесла женщина, войдя въ кабакъ:—бауту не получали ни отъ кого?

— Какіе бауты-съ? — гордо отвѣтилъ цѣловальникъ, не поднимая глазъ.—Что такое-съ? Что вы считаете?.. У васъ нѣтъ ли чьихъ?..

— Я вить такъ... чуть... что ты?

— То-то-съ!.. Почему у Андрея трехъ досокъ въ крышѣ нѣту?..

— Увспросить нельзя!—сказала женщина, улыбаясь беззубымъ ртомъ.—Набрасывается!

— Отыщите-съ!—заключилъ цѣловальникъ.

— То-то только бы Господь вынесъ!—испуганный этимъ обманомъ и грабежомъ, проговорилъ Михаилъ Иванычъ.—Надо, на-адо въ Питеръ!.. Что это тебя ѣстъ? — отнесся онъ къ Ванѣ, который все время сновалъ и останавливался, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Жена! — брякнулъ тотъ, схватилъ стаканъ водки и однимъ шагомъ очутился на улицѣ.

Михаила Иваныча рвануло за сердце.

— И что это еще эти шкуры выдумываютъ? Гдѣ она? Я ей...—сердито говорилъ онъ, догоняя Ваню. — Чего онѣ еще мудруютъ, не умудрятся?.. Вездѣ нашего брата обчищаютъ, а тутъ домой придешь избитый да измученный, и тутъ тебя еще ожигаютъ! Одурѣли! Баловаться-то не съ чего... Ошалѣли!..

Говоря такимъ образомъ, онъ дошелъ до Иванова жилья и отыскалъ его жену. Это была изможденная, какая-то сырая женщина, вялая, словно полинялое платье, въ которомъ она была.

— Что вы, Ѳедосья Петровна, забунтовали? Что вы заставляете мужа воровать чужое да въ кабакъ таскать?

Почему такъ? Али вы не знаете, что и безъ этого нашъ братъ терпитъ? Что̀ вы-съ? Себя пожалѣйте...

— Я, Михаилъ Иванычъ, не бунтуюсь... —едва внятно и испуганно проговорила жена Вани.

Смущенный тономъ ея голоса, Михаилъ Иванычъ уже гораздо тише продолжалъ:

— Какъ же не бунтуетесь? Ужъ съ чего же нибудь да пьетъ онъ? Ужъ что-нибудь да...

— Потому что Иванъ Иванычъ въ томъ имѣютъ сердце, что я не своимъ дѣломъ занимаюсь.

— А вы бросьте! У васъ свое хозяйское дѣло на рукахъ. Что̀ вамъ въ чужое дѣло соваться? Вы и съ бабьимъ-то дѣломъ много помочи окажете... Вы, значитъ, держитесь своего...

— Чего-жъ мнѣ, Михаилъ Иванычъ, за свое дѣло держаться, коли нѣту у насъ никакого хозяйства? Печка развалится, и совсѣмъ безъ печки останемся. Что̀ я буду хозяйствовать?—полѣна дровъ нѣту.

Михаилъ Иванычъ оглянулъ жилье и молчалъ.

— А Иванъ Иванычъ въ томъ серчаютъ, что я имъ хочу помочь оказать. Когда у меня женскаго дѣла нѣту, я мужскимъ хочу заняться... Думаю: обучусь я ихнему мастерству,—все что-нибудь добуду для дома... За это они и серчаютъ, и бьютъ, коли увидятъ, что я на станкѣ занимаюсь. «Не твое дѣло! Что̀ ты, баба, можешь!..» Только у нихъ и словъ: «Не видано этого, чтобы баба...» —и бьютъ... «Дайте мнѣ обучиться!»—а они...

— Ахъ, онъ, стояросовая дубина! — озлился Михаилъ Иванычъ и вскочилъ.—Чучело!—закричалъ онъ на Ваню.— Что̀ ты мудруешь? Да что̀ вы? Вы очумѣли совсѣмъ...

Ваня стоялъ къ нему спиной и не отвѣчалъ.

— Какъ же ты не понимаешь, что жена хочетъ тебѣ пользу дѣлать? Это вотъ никто тебѣ помочи не давалъ, такъ ты и не вѣруешь...

— Не видано!—буркнулъ Ваня и заворочалъ мѣхами.

— Да дай ты ей обучиться-то, дубина!.. Попадись къ вамъ человѣкъ съ понятіемъ, вы его въ гробъ вгоните... Вы очумѣлые...

Михаилъ Иванычъ долго вразумлялъ Ваню насчетъ пользы, которую ему хочетъ оказать жена; но въ голову его собесѣдника рѣшительно не входила мысль о томъ, что женина затѣя можетъ имѣть благопріятные результаты. Да и кромѣ того ему было обидно за жену: «Жена не на это

дадена»... Словомъ, ему было скучно утратить въ женѣ женщину и получить «работницу»... Онъ молча ворочалъ мѣхами и калилъ свое лицо среди летѣвшихъ искръ. Кромѣ отрывистаго: «не видано», Михаилъ Иванычъ не могъ добиться ни слова.

— Ну, чортъ тебя возьми!—взбѣшенно проговорилъ онъ и ушелъ. — Тутъ съ вами самъ пропадешь. Вотъ сдѣлай, сдѣлай съ ними!.. Ахъ, убѣгу, убѣгу!

3.

— Надбавка?—это, братъ, вѣрно будетъ!—донеслось до Михаила Иваныча, когда онъ старался поскорѣе выѣхать изъ этой ужасной стороны.

Эти слова, произнесенныя весьма довольнымъ голосомъ среди стонущаго царства прижимки, заставили его остановить лошадь.

— Кто надбавляетъ?—отрывисто спросилъ онъ высокаго подгулявшаго рабочаго.

— Проѣзжай!—закричалъ тотъ.

— Пошелъ своей дорогой! Допросчикъ нашелся!..—прибавляетъ другой спутникъ.

— Ты не зѣвай!—оборвалъ его Михаилъ Иванычъ.—Я, братъ, самъ зѣвать-то умѣю; а коли ежели у тебя спрашиваютъ, отвѣчай по-человѣьи. Что̀ я тебѣ сдѣлалъ? Что̀ ты по-собачьи лаешь?.. Кто даетъ надбавку?

— Хозяинъ!—тоже отрѣзалъ рабочій сердито и пошелъ въ кабакъ.

Михаилъ Иванычъ не оставилъ его и отправился вслѣдъ.

При его входѣ, небольшой котелокъ, хранившійся подъ полой одного изъ рабочихъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ и баутъ, загремѣлъ подъ стойку. Два друга усѣлись за выпивкой.

— Кто такой надбавщикъ явился?—спросилъ Михаилъ Иванычъ.

— Говорю: хозяинъ, новый... молодой...

— Надбавилъ?

— Ожидаемъ!.. Потому большое страданіе есть въ немъ объ насъ... Обхожденіе благородное... Собралъ всѣхъ посередь двора, пилъ чай вмѣстѣ... увмѣстяхъ съ нами... «Вы, говоритъ, потеряли образъ Божій... ликъ, напримѣръ... отъ этого вы и...»

— Ну, ну!—понукалъ Михаилъ Иванычъ.

— Ну... призываетъ къ себѣ, лежитъ на диванѣ и разговариваетъ: «Идешь ты, говоритъ, по базару, видишь

картину, а понять не можешь, — обидно тебѣ?» Мы ему: «обнаковенно намъ стыдно...»—«Ну, надо грамоту»... Календари выдалъ...

— Вычелъ?

— Дар-ромъ! Эва... Такъ—«нà!». Чтобы справка была... какой, напримѣръ, теперича отвѣтъ и за что... въ какое время... и все такое...

— Старается, чтобы мы къ нему чувствовали стыдъ!..— присовокупилъ другой товарищъ рабочаго.—Теперь у насъ стыда нѣту. Мы разобьемъ рожу, идемъ какъ расписанные, словно господа въ шляпкахъ, — намъ горя мало! А въ то время, чтобъ мы стыдились этого... Вотъ въ чемъ!—«Чтобы мнѣ, говоритъ, не страшно было подойти къ вамъ... потому вы въ родѣ чертей!»

Какъ ни благородны были планы новаго «молодого» — изъ московскихъ—хозяина, но Михаилъ Иванычъ, узнававшій прижимку во всѣхъ видахъ и оболочкахъ, не могъ не замѣтить ея и здѣсь, хотя, быть-можетъ, хозяинъ и не имѣлъ ея въ виду. Но такъ какъ тотъ же хозяинъ, требовавшій отъ рабочихъ образа Божія, самъ пожертвовалъ имъ только компаніей за чайнымъ столомъ да календарями, которые стòятъ ему грошъ, то злоба Михаила Иваныча закипѣла еще сильнѣй.

— Эхъ, чумовые!—сказалъ онъ, тряся головой.—Неладенъ вашъ хозяинъ-то, погляжу я...

— Оставь, не говори!.. Елова голова!.. Чай пилъ...

— Н-неладенъ!.. — настаивалъ Михаилъ Иванычъ.—Зачѣмъ тебѣ стыдъ?

— Эва! Для аккурату... само собой... чтобъ я его чувствовалъ...

Рабочій остановился.

— Ну, а коли ежели ты чувствовать его будешь, складнѣй будетъ али нѣтъ? Ужъ тогда ты не понесешь котелка въ кабакъ?

Рабочіе молчали.

— Теперича у тебя стыда нѣту, и то ты котлы въ кабакъ таскаешь, а какъ да стыдъ-то у тебя будетъ—ты и совсѣмъ пропьешься. Теперь и безъ стыда ты пужливъ, теперь тебя хозяинъ и безъ образу можетъ оболванить по вкусу... А со стыдомъ ты еще пужливѣй будешь. Тебѣ ужъ будетъ стыдно къ хозяину грубо подойти... Не нужно нашему брату стыда!— зашумѣлъ Михаилъ Иванычъ.—Не надо-о! Съ насъ драть стыда нѣту, а намъ требуется вдвое того... Эхъ, тетери!..

— Это, братъ, ты вѣрно!.. Это ты...

— Онъ чаю-то съ вами на двугривенный выпилъ, а ты вонъ ужъ котелокъ-то женинъ тащишь... Тебѣ неловко къ нему подойти, попросить... Ты и будешь свое таскать, жену, ребятъ грабить... А пропьешь, онъ тебя за грошъ возьметъ: «кабы ты имѣлъ образъ, я-бъ тебѣ больше...» А вѣдь и образъ-то ты отъ него потерялъ!..

— А именно, что женинъ я котелъ схапалъ!..

— Ну, на что тебѣ календарь?..

— Да я его пропилъ!—закончилъ мастеровой, и громкій хохотъ раскатился по кабаку.

— А зѣваешь, дуракъ! — сказалъ Михаилъ Иванычъ мастеровому.—За что ты меня облаялъ вчерась! Спросить у тебя, у дурака, нельзя ничего. Послѣ чаю-то ровно собака сдѣлался... Надба-авка! Оселъ лохматый!

Хохотъ продолжался; но разсерженный Михаилъ Иванычъ ушелъ, не сказавъ никому слова.

Такія сцены наполняли безнадежностью душу Михаила Иваныча, и всякій разъ, насмотрѣвшись на нихъ, онъ искалъ случая сорвать на комъ-нибудь сердце.—«Куды лѣзешь!—кричалъ онъ тогда встрѣтившемуся купцу:—держи лѣвѣй, еловая голова!» — «Но-но!.. Я, братъ, тебя за эти слова...»—«Нонче, братъ, и я тебя ожгу, держи своей дорогой... Что купецъ, такъ и при на человѣка?..» Въ эти минуты ему необходимо было утѣшиться зрѣлищемъ сценъ, гдѣ бы человѣкъ, имѣвшій въ рукахъ власть надъ простымъ человѣкомъ, самъ попадалъ въ лапы къ прижимкѣ. И такой уголокъ былъ у Михаила Иваныча.

— Пойдемъ къ Аринкѣ! — говорилъ онъ, хлестнувъ лошадь вожжей.

4.

Арина принадлежала къ числу тѣхъ субъектовъ, которые «въ нынѣшнее время» поднялись снизу вверхъ. Михаилъ Иванычъ недолюбливалъ ее за то, что она занималась ростовщичествомъ, то-есть все-таки болѣе или менѣе разбойничала; но онъ охотно прощалъ ей это занятіе ради тѣхъ страданій, которыя она вынесла во время долгаго подневольнаго житья въ крѣпостныхъ. Вся улица, гдѣ стоялъ домъ ея господъ, называла этихъ послѣднихъ звѣрями, и дѣйствительно это были какіе-то охотники воевать надъ простымъ человѣкомъ. Подъѣзжая, напримѣръ, къ дому, баринъ не звонилъ и не стучалъ въ дверь, а только про-

возглашалъ: «ворота!»,—будучи почти увѣренъ, что голосъ его не можетъ достигнуть кухни, стоявшей въ глубинѣ двора. Крикъ этотъ повторялся нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ прислуги случайно не замѣчалъ барина и не отворялъ воротъ. Но баринъ сидѣлъ на морозѣ, ждалъ: и начиналось дранье и бушеванье. Не было ни у кого такой заморенной, забитой прислуги, какъ у этихъ господъ. Она находилась у всѣхъ сосѣдей въ глубокомъ презрѣніи, потому что слыла за воровъ и мошенниковъ: нельзя было повѣсить сушить бѣлье, пустить цыплятъ на улицу, чтобы все это тотчасъ же не было похищено ими. Арина находилась въ числѣ этой заморенной прислуги и всю жизнь не видала свѣта Божьяго. Среди этого житья она сдѣлалась совершенной дурой. Странно было глядѣть на ея испуганные глаза, когда она, бывало, позднимъ вечеромъ пробиралась въ какую-нибудь сосѣдскую кухню и тайкомъ продавала здѣсь молоко или какой-нибудь платокъ, цѣна которому была грошъ. Не одинъ Михаилъ Иванычъ могъ уважать ту непомѣрную силу терпѣнія Арины, которое помогло ей, среди этого варварскаго житья, скопить кое-какія крохи, доставившія ей впослѣдствіи завидную долю вліянія надъ благородными. Послѣ крестьянской реформы, господа ея, убитые необходимостью отнять свои руки отъ щекъ и волосъ рабовъ, какъ-то скоро исчезли съ лица земли—умерли. Арина, въ эту пору уже старая женщина, подыскала себѣ какого-то юнаго дуралея изъ кучеровъ, женила его на себѣ и стала отдавать подъ проценты деньги. Такъ какъ вмѣстѣ съ крестьянствомъ рухнуло благосостояніе и чиновной мелкоты, населяющей переулки, то Арина въ короткое время сумѣла изловчиться въ пользованіи такими терминами, какъ «строкъ», «процентъ», «подъ расписку», загнала въ нѣдра своихъ сундуковъ безпорочныя пряжки, шпаги, мундиры съ фалдами, купила домъ и могла жить въ свое удовольствіе.

— Ѣшь!—говорила она своему супругу.

— Надоѣло... будя!—потягиваясь, говорилъ тотъ.

— Чего-жъ тебѣ? Можетъ, тебѣ чего сладкаго, либо моченаго?

— Пожиже ба! Съ кислиной ба чего!..

— Ну, и съ кислиной. Вотъ объ чемъ! Коли бы не было... А то вѣдь—скажи... Слава Богу!

Говоря такъ, она любила порыться въ своихъ сундукахъ, полюбоваться своимъ добромъ, переложить его съ мѣста на

мѣсто, развѣсить всѣ эти мундиры по заборамъ и посередь двора, ходила при этомъ близъ нихъ и утомленнымъ голосомъ говорила слушателю:

— Куда человѣку безпокойно, коли ежели денегъ у него много... Ахъ, какъ ему безпокойно!.. Только мученье черезъ это... Охъ, деньги, деньги!..

Михаилу Иванычу было пріятно полюбоваться этимъ торжествомъ замореннаго человѣка, и онъ заѣзжалъ сюда отвести душу, хотя въ сундукахъ Арины покоились его двѣ рубашки и жилетка.

— Ну что̀, карга, — говоритъ онъ, входя къ Аринѣ: — какъ грабишь? Все ли аккуратно оболваниваешь?

Арина, одѣтая въ ваточную кацавейку, подноситъ водку какому-то мужику и говоритъ, не обращая вниманія на Михаила Иваныча:

— Кушай-ко-сь, Иванъ Евсевичъ... На доброе здоровье, дай Богъ вамъ счастливо!..

— Дай вамъ, Господи!—говоритъ мужичокъ.—Коли ежели Богъ дастъ, укупимъ его у господъ...

— Чего это?—вмѣшивается Михаилъ Иванычъ.

— Дворецъ господскій имѣемъ намѣреніе...

— Дворецъ!..—жеманно и какъ бы недовольно говоритъ Арина. — Дворецъ господскій укупаютъ... словно бы диво какое.

— Важно, важно, братъ! Тяни его! Вытягивай изъ чулка-то шерстяного, что̀ утаилъ... Именно богатое дѣло!.. Вали!

— Хе-хе-хе!.. съ мужикомъ мы тутъ... признаться... — хихикалъ лысенькій Евсеичъ.

— Полѣзайте!—злобствуетъ Михаилъ Иванычъ.—Оченно превосходно! Вали въ лаптяхъ въ хоромы, чего тамъ? Утрафьте прямо съ корытами да онучами... Чего-о? Именно! Хетектуру эту барскую—безъ вниманія...

— Хетектура намъ—тьфу!.. Что̀ намъ съ простору-то!— Простору въ полѣ много...

— Что̀ съ него съ простору?—тѣмъ же тономъ присовокупляетъ Арина.

— Намъ главная причина—желѣзо! Мы изъ яво, дворца-то, желѣза одного надергаемъ—эво ли кольки!..

— Дергай, братъ! Выхватывай его оттудова...

— А которая была эта хетектура, камень, напримѣръ, кирпичъ, рѣдкостные! Кабаковъ мы изъ него наладимъ по тракту съ полсотни... Вѣрно такъ!..

— Разбойничайте, чаво тамъ! запрету не будетъ!..

— Какой запретъ? Мы дѣла свои въ аккуратности, чтобы ни Боже мой...

— Ну, выкушайте! Дай Богъ вамъ!—заключаетъ Арина.

При выпиваніи водки хитроватые глазки Ивана Евсеича зажмуриваются, вслѣдствіе чего все лицо его изображаетъ агнца непорочнаго.

«Ишь, — думаетъ Михаилъ Иванычъ, глядя на нищенскую фигурку Евсеича:—узнай вотъ его!..»

По части торжества прижимки, исходящей уже изъ среды людей «простого званія», у Арины большая практика.

Не успѣлъ потѣшить Михаила Иваныча убогонькій мужичокъ, какъ сама Арина выступаетъ на сцену съ разсказомъ, тоже пріятнымъ для Михаила Иваныча.

— И что это, я погляжу, — говоритъ она, улыбаясь и какъ-то изнемогая:—и сколько это теперича стало потѣхи надъ ихнимъ братомъ.

— Ну, ну, ну!—торопитъ Михаилъ Иванычъ.

— Даже ужасъ, сколько надъ ними потѣхи!.. Онамедни идетъ-шатается... — «Я ополченецъ... возьмите въ залогъ галстукъ... военный...» Смертушки мои, какъ погляжу на него!

Всѣ хохочутъ: и Михаилъ Иванычъ, и Евсеичъ, и дуралей мужъ Арины оскалилъ свое глупое, толстое и масляное лицо.

— «Что-жъ это вы, говорю, по вашему званію и безъ сапогъ? — трясясь отъ смѣха, едва можетъ произнести Арина.—Вѣрно, говорю, лакей унесъ чистить?»

Смѣхъ захватываетъ у всѣхъ дыханіе, такъ что въ комнатѣ царитъ молчаніе, среди котораго смѣющіеся хватаются за животы, закидываютъ назадъ головы съ разинутыми ртами и потомъ долго стонутъ, отплевываются и отчихиваются.

— Хорошенько-о! Хорошенько, бра-атъ!..—красный отъ смѣха, говоритъ Михаилъ Иванычъ, нагибаясь къ Аринѣ и хлопая ее по плечу.

Эти сцены подкрѣпляли Михаила Иваныча и пріятно настроивали его упадшій духъ. Но такъ какъ на пути въ Жолтиково онъ имѣлъ обыкновеніе заѣзжать въ лавку Трифонова, то ропотъ посѣтителей ея снова начиналъ злить Михаила Иваныча, и онъ начиналъ набрасываться на купцовъ и чиновниковъ, какъ собака.

— Хижина дяди Тома, исполненная декораторомъ Ѳе-

доровымъ... на открытой сценѣ,—сурово докладывалъ онъ барчуку, возвратившись въ Жолтиково, и норовилъ уйти.

— Куда вы? Погодите! — останавливалъ барчукъ, лежавшій на кровати безъ сапогъ, съ книгой въ рукахъ, въ которой онъ перевертывалъ по тридцати страницъ сразу, думая о приказчицкой дочери и норовя при первой возможности отдѣлаться отъ книги.—А въ театрѣ?

— Больше ничего-съ! Съ бенгальскимъ освѣщеніемъ грота... волшебное... Рубь!—Одобряли монархи...

И никогда скучавшему барчуку не приходилось получить отъ Михаила Иваныча другого, болѣе ласковаго отвѣта. Онъ уходилъ и ропталъ гдѣ-нибудь передъ пьянымъ дьячкомъ:

— Ты думаешь, это ему чугунная дорога въ самомъ дѣлѣ составляетъ препону?.. Ему зацар-рапать нечего... во-отъ!..

— Оставьте, будетъ вамъ!..—останавливали его.

Такъ проводилъ Михаилъ Иванычъ время, ожидая чугунную дорогу и утѣшаясь созерцаніемъ обнищавшаго «благородства».

III. Разоренные.

1.

И нельзя сказать, чтобъ время убавляло эту потѣху; напротивъ, количество людей, поставленныхъ бездоходьемъ въ трогательное и смѣшное положеніе, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Если бы сердце Михаила Иваныча не помнило того сладкаго куска, который въ дни его нищенскаго дѣтства случайно попалъ ему въ кухнѣ Черемухиныхъ, то онъ бы могъ устроить себѣ славную потѣху, любуясь ихъ теперешнимъ разореньемъ. Но Михаилъ Иванычъ помнилъ этотъ кусокъ и когда однажды, явившись къ Аринѣ, чтобы отвести душу, узналъ, что они разорились, сумѣлъ схоронить въ глубинѣ души свою злобную радость, хотя имѣлъ на нее полное право, если принять въ расчетъ прошлое Черемухиныхъ.

Черемухины, Птицыны и другія родственныя фамиліи съ давнихъ поръ составили одно лихоимное гнѣздо, какихъ вездѣ было много и которыя дорого обходились народу. Родоначальникомъ этого гнѣзда былъ нѣкто Птицынъ, при-

бывшій въ нашъ городъ изъ какой-то другой губерніи, по приказанію начальства, которое, оцѣнивъ его «рвеніе и энергію», дало ему теплое мѣсто и возможность быть сытымъ. При поселеніи Птицына на тепломъ мѣстѣ, семейство его состояло, во-первыхъ, изъ глухой жениной матери, умѣвшей говорить только одну фразу: «въ карманъ-то, въ карманъ-то норови поболѣ»; во-вторыхъ—изъ жены, которая конкурировала съ мамашей въ болѣе широкомъ пониманіи и изложеніи мыслей насчетъ кармана; затѣмъ—изъ нѣсколькихъ сыновей, воспитанныхъ въ страхѣ Божіемъ и въ привычкѣ къ «доходамъ», согласно ученіямъ бабки и матери, и нѣсколькихъ молчаливыхъ и забитыхъ дочерей. Все это населеніе, немедленно по прибытіи въ нашъ городъ, обзавелось благопріобрѣтеннымъ домомъ о множествѣ заднихъ ходовъ и расправило свои необыкновенно цапкія руки, разинуло свои глубокія пасти, потянуло къ этимъ рукамъ и пастямъ толпы просителей и стало жить, получая пряжки и благоволенія. Безропотныя дочери были выданы замужъ за людей, тоже желавшихъ быть очень сытыми. Люди эти тоже расправили пасти и цапкія руки, тоже обзавелись сѣнями и задними ходами, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ всѣ вмѣстѣ образовали одинъ огромный взяточный «полипъ». Но внѣшнее обличье и жизненный обиходъ людей, изъ которыхъ этотъ «полипъ» состоялъ, не представляли для посторонняго наблюдателя ничего особенно возмутительнаго. Все это были только обыкновенные чиновники съ зелеными непривлекательными лицами, съ потухшими глазами, сгорбленными спинами. На просителей они въ дѣйствительности вовсе не накидывались, а напротивъ—шепоткомъ, потихонечку разговаривали съ ними въ сѣняхъ или на заднихъ крыльцахъ; денегъ у нихъ не выхватывали, а принимали ихъ тогда, когда просители долго передъ этимъ ползали на колѣняхъ, умоляли. Полученныя ни за что ни про что чужія деньги устроили въ средѣ этого гнѣзда самые идиллическіе нравы: совѣты глухой и начинавшей слѣпнуть бабки насчетъ кармана встрѣчались съ улыбкой, которую посылаютъ взрослые дѣтямъ, принимающимся разсуждать о незнакомомъ предметѣ, ибо всѣ представители гнѣзда понимали насчетъ этого втрое болѣе. «Что̀ вы учите, безъ васъ знаемъ!»—самодовольно говорила ей родоначальница гнѣзда, жена Птицына, и павой ходила по дому среди семейной бесѣды. О грабежахъ не было и помину, толковали объ

отвлеченныхъ предметахъ, о душѣ, о царствіи небесномъ; ходили къ обѣднѣ, пили, спали, цѣловали другъ у друга ручки, дѣлились добычей поровну, пьянствовали, родили, крестили и среди этой нечеловѣческой атмосферы ростили дѣтей... Птицынъ утопалъ въ счастіи среди этого благолѣпія, гладилъ взяточниковъ-дѣтей по головѣ, точилъ слезы, совершалъ объѣзды по губерніи, при чемъ деревенскіе начальники и оголенныя деревни пѣли «многая лѣта», единодушно отдавали послѣднія крохи на поднесеніе хлѣба-соли и проч.

Пированье на чужой счетъ шло долго. Все гнѣздо объѣлось и опилось до потери сознанія, что могутъ существовать на свѣтѣ ревизоры, до потери счета нарожденному числу дѣтей; многое множество было поглощено этою прорвою чужихъ денегъ, трудовъ, слезъ... и наконецъ настала война, пошли обличенія... Гнѣздо разорено было мгновенно. Черемухины, устроившіе свою жизнь на общихъ, вышеизображенныхъ основаніяхъ, были выгнаны и переселились въ другую губернію. Въ семьѣ Птицыныхъ шелъ вой и плачъ. Исчезновеніе кармана, изъ котораго можно было произвольно выхватывать сколько душа желаетъ, подорвало даже и идиллію семейной жизни.

— Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови!—едва дыша, лепетала бабка.

— Прокарманили, матушка!.. Нечего накарманивать-то,— плакала ея дочь и съ нѣжностью гладила по головѣ сына, попавшагося въ двадцати уголовныхъ дѣлахъ. — Поцѣлуй меня, зайчикъ мой!—говорила она ему.

— Отстаньте вы къ... Богу... съ поцѣлуями! Нашли время!.. До чего вы меня довели?—оскаливался сынъ на матушку, которую ему не за что было уважать. — Что̀ я отъ васъ видѣлъ, пользу какую? Вамъ только подавай... ризу сдѣлать обѣщали... Ну и хваталъ... Вы—мать, развѣ я могу ослушаться?..

Птицынъ лежалъ въ параличѣ, и надъ нимъ тотъ же рабски-покорный сынъ срывалъ свой гнѣвъ.

— А называетесь генералъ! Не умѣли во̀-время подмазать ревизора... Вамъ жаль... А небось какъ съ меня, такъ «подавай!». Какъ принесешь,—«умникъ»... А-а! Богъ васъ наказываетъ... Какой вы отецъ?.. Удавлюсь вотъ возьму!..

Неудивительно, что сынъ могъ говорить родителю такимъ образомъ: они были равны въ хищничествѣ.

Такія сцены заставили уйти Михаила Иваныча и искать

своего хлѣба, и онъ съ тѣхъ поръ не видалъ ни Птицыныхъ ни Черемухиныхъ до настоящаго времени. Въ тотъ большой промежутокъ Черемухины успѣли прожить на чужой сторонѣ всѣ наворованныя деньги, самъ Черемухинъ успѣлъ умереть, а жена его, раздавъ старшихъ дочерей замужъ, воротилась съ младшей дочерью, семнадцатилѣтней Надей, жить на родину. Это была несчастная, невинно страдающая женщина. Грабежъ и пьянство терзали ее въ домѣ отца, по волѣ котораго она вышла за Черемухина и снова попала въ область какого-то рабскаго произвола, гдѣ ей было вдвое тяжелѣе, потому что, въ качествѣ жены, она должна была раздѣлять хипцническіе нравы супруга. Ее мучило то, что дѣти ея выходятъ среди этой атмосферы какими-то уродами, тоже лгунами и льстецами. Она что-то все хотѣла сдѣлать, старалась поправить, но ничего не сдѣлала, а только мучилась, молилась въ то время, когда хрипѣлъ пьяный мужъ, и подъ конецъ терпѣла отъ этого мужа самыя страшныя истязанія: почему-то одна она оказалась въ его глазахъ виновницею всѣхъ его несчастій и достойна была поэтому всякихъ мученій. Уваженія между ними не было никакого, ибо Черемухинъ взялъ ее тоже потому, чтобъ, подъ защитою Птицына, «дѣлиться» съ кѣмъ нужно. Возвращаясь на родину, она думала чѣмъ-нибудь согрѣть свою измученную душу, но это оказалось невозможнымъ.

— Ты здѣшній, голубчикъ?—спросила она у извозчика, въѣзжая въ свою губернію.

— Здѣшній, матушка, казенный!

— Что̀, помнишь ты, былъ у васъ начальникъ?..

И она назвала фамилію отца и мужа.

— Какъ не помнить? Этакихъ разбойниковъ да не помнить!

— Довольно, довольно, голубчикъ... Не про тѣхъ!

— Что̀ онъ сказалъ?—спросила Надя.

— Нѣтъ, не про насъ, ошибся. Такъ, сдуру!—старалась она замять злыя мужичьи слова.

Холодно ей было на родинѣ.

Товарищи мужа, скомпрометированные тѣмъ же, чѣмъ и онъ, сторонились отъ нея и, какъ пьянчужки, отрезвленные въ кварталѣ, сердито смотрѣли другъ на друга и на нее. Иные изъ нихъ, перебравшись въ новые суды, перестали нюхать табакъ, стали курить сигары, обрились, умылись и старались казаться людьми совершенно новыми или

отдѣланными заново. Всѣ знакомства, всѣ старинныя пріязни какъ будто и не существовали: всѣ они держались на «дѣлежѣ» и кончились вмѣстѣ съ нимъ. Все было пусто кругомъ. Но переносить личную бѣдность было бы не такъ трудно и больно для Черемухиной, если бы она не попиралась тѣми, которые сумѣли выбиться, подобно Аринѣ, изъ нищеты въ люди. Примѣры такого превращенія приходилось встрѣчать довольно часто; всякій изъ превращенныхъ считалъ своею обязанностью взглянуть на разоренныхъ господъ какъ на ровню, на что, конечно, имѣлъ полное право. Однажды, не дотянувъ до полученія пенсіи, она пошла заложить воротникъ къ Аринѣ, и если бы не Михаилъ Иванычъ, бывшій тутъ и узнавшій Черемухину, Арина бы потѣшилась надъ бѣдной, измученной женщиной, которая когда-то покупала у нея молоко.

— Ай вы разорилися?..—разсматривая воротникъ, говорила она съ жеманною небрежностью.

— Богу такъ угодно...

— Много васъ этакихъ-то... Жили-жили, что̀ нажили?.. Что-жъ тебѣ дать за оборохъ твой?.. рупь... болѣе нельзя.

— Ну, ну, полегче! — заступился Михаилъ Иванычъ.— Оборохъ? У тебя много ли такихъ обороховъ было? Съ тебя не Богъ знаетъ что̀ тянутъ: три-то рубли онъ двадцать разъ сто̀итъ...

Михаилъ Иванычъ говорилъ тѣмъ суровымъ тономъ, въ которомъ слышалось почти согласіе съ Ариной.

— Вынимай-ко деньги-то... чего тамъ?.. Со всякимъ случается...

— Воля Божія, — говорила убитая Черемухина. — Мы должны ей покоряться.

— Обнаковенно... Вынимай, вынимай! зеленую-то!... — заступался Михаилъ Иванычъ.

Благодаря заступничеству Михаила Иваныча, Арина не смѣла продолжать своей потѣхи надъ Черемухиными, и съ этихъ поръ, въ ожиданіи желѣзной дороги, Михаилъ Иванычъ сталъ заходить къ нимъ посидѣть, покалякать.

2.

Чтобы избѣжать всякихъ обидныхъ столкновеній, Черемухина жила въ глухой улицѣ, въ дешевой квартирѣ, не заводя никакихъ новыхъ знакомствъ и не возобновляя старыхъ; жила она небольшимъ пенсіономъ, постоянно была

дома, постоянно что-то вязала, выбравъ себѣ мѣстечко у окна, выходившаго на дворъ, и думала. Было о чемъ ей подумать. Не послѣднее мѣсто въ ея размышленіяхъ занимала дочь Надя, которой было уже восемнадцать лѣтъ и которую надо было «пристроить». Но женихи покуда не являлись, и Черемухина полагала (про себя), что народъ избаловался, молодежь рыщетъ и не думаетъ жить почеловѣчески. Что касается до Нади, то она покуда не испытывала ничего, кромѣ звѣрской скуки. Она успѣла уже познакомиться съ хозяиномъ-мѣщаниномъ и его женой; узнала отъ нихъ, что «канка» есть то же, что индюшка, и что занятія хозяина въ теченіе шестидесяти лѣтъ состояли въ томъ, что онъ скупалъ этихъ индюшекъ и отправлялъ ихъ въ Москву. Узнала также отъ солдата, который, возвратясь съ ученья, любилъ посидѣть на крыльцѣ и покурить трубочку, что прежде былъ тихій учебный шагъ и скорый шагъ, а теперь осталась одна пальба, а шагъ запрещенъ. Знала она также всѣхъ мальчиковъ, пускавшихъ змѣи середь улицы; ходила по хозяйскому саду, видѣла, благодаря его низенькимъ заборамъ, что дѣлается въ другихъ садахъ; посѣщала родныхъ и нигдѣ не находила ничего, кромѣ скуки. Даже лица, къ которымъ она обращалась съ извѣстіемъ: «мнѣ скучно», — солдатъ, хозяинъ, хозяйка,—надоѣли ей и прискучили точно такъ же, какъ прискучила улица, на которую выходили окна дома, садъ, заборъ противъ оконъ.

Появленіе Михаила Иваныча, какъ новаго лица, было одинаково пріятно какъ для Черемухиной, которая не видѣла въ немъ открытаго врага, такъ и для Нади, которая въ сопровожденіи его могла идти, куда ей хочется.

Михаилъ Иванычъ помнилъ Надю маленькой дѣвочкой. Въ дѣтствѣ онъ ее иногда каталъ на салазкахъ; увидавъ ее теперь взрослой и невѣстой и не находя въ ея молодости ни разоренья ни прошлаго, надъ которымъ бы можно было потѣшиться простому человѣку,—рѣшительно не могъ сердиться вблизи ея и робко ежился гдѣ-нибудь у двери, если заходилъ посидѣть; а если провожалъ куда-нибудь Надю, то шелъ позади нея, какъ лакей.

Посѣщали они попрежнему тѣхъ же разоренныхъ родныхъ.

Какъ одинъ изъ множества результатовъ прижимки,— домъ Птицына, дѣдушки Нади, представлялъ въ эту пору нѣчто забытое, заброшенное всѣми. Сыновья и родственники разбрелись въ разныя стороны и, отвертѣвшись отъ

уголовныхъ дѣлъ, имѣли гдѣ-то какія-то весьма современныя мѣста—«обрусяли», «водворяли», «описывали» движимое и недвижимое. Птицынъ, его жена и бабка, которая была еще жива, и сынъ Ваня, бывшій во времена лихоимства и процвѣтанія еще мальчикомъ, всѣ со дня на день ожидали смерти и, умирая, лежали въ четырехъ разныхъ комнатахъ, на четырехъ разныхъ кроватяхъ. Дѣйствительно умирающими были въ сущности трое: бабка, Птицынъ и сынъ. Жена Птицына слегла за компанію, Обыкновенно она проводила время въ ругательствахъ и брани, которая обрушивалась на мужа и бабку. Такъ какъ на умирающаго сына обрушиваться было не за что, а еле дышавшіе мужъ и бабка не доставляли достаточнаго матеріала для ругательствъ, ибо не оказывали никакого сопротивленія, то распеканію подвергался всякій, кто только чѣмъ-нибудь затрогивалъ ея вниманіе. Съ этими цѣлями она очень часто вставала со смертнаго одра своего, высовывала голову въ окно, и звонкій голосъ ея долго раздавался вдоль улицы...

— Что̀ ты дѣлаешь, сиволапый ты этакій мужланъ?—кричала она на водовоза, зацѣпившаго колесомъ ведро, поставленное на углу дома на случай дождя.—Дубина!..

— Ну не больно! Не бывалъ дубиной!..—огрызался водовозъ.

Этого было довольно, чтобы всѣ оскорбленныя времеье въ внутренности Птицыной закипѣли кипучей смолой.

— Ка-акъ? Мы подлые?—восклицала она, захлебываясь отъ гнѣва, и, чтобы оправдать этотъ гнѣвъ, приписывала водовозу такія слова, какихъ онъ и не думалъ произносить.—Какъ? Я подлячка?.. Ахъ, ты!.. Да я тебя въ старое-то время въ порошокъ бы истерла и по вѣтру разсѣяла. Ахъ, ты... Да я...

Скоро помрачался умъ ея среди такихъ восклицаній, и черезъ нѣсколько времени можно было слышать, какъ изъ устъ ея вылетаютъ самыя нелогическія фразы.

— Мы здѣсь тридцать восемь лѣтъ живемъ, а не подлые... не подлячка я... не подлячка!.. У меня сыновья... въ Польшѣ, а... я не подлая!

Навоевавшись вдоволь, она шла на смертный одръ, чувствуя необходимость послать за священникомъ; но, отдышавшись, не посылала.

Но очень часто Надя, входя во дворъ дѣдушки, въ сопровожденіи Михаила Иваныча, встрѣчала уходившій домой причтъ: батюшку и дьячка, которые были призываемы если не къ барынѣ, то къ барину или бабушкѣ, или Ванѣ.

— Умеръ дѣдушка?—въ испугѣ спрашивала Надя.

— Живы, всѣ живы!—улыбаясь, басилъ дьячокъ, любившій поговорить.—Они уже лѣтъ пять все отходятъ-съ...

— Земля не принимаетъ!—бормоталъ про себя неумолимый Михаилъ Иванычъ.

— Хе-хе-хе... Нѣтъ-съ! Тѣлосложеніе крѣпкое-съ...—пояснилъ дьячокъ.—Крѣпки оченно! Кажется, вотъ-вотъ,—н-нѣтъ, оживаютъ!.. Крѣпковаты, Господь съ ними.

— Крѣпки съ чужого-то!—ворчалъ Михаилъ Иванычъ.—Кабы со своего... А то съ чужого-то, поди-ко, сладь съ ними!

— Хе-хе-хе... Истинно что такъ!—соглашался дьячокъ.—Оченно много разнаго генералитету по нонѣшнему времени преставляется, но съ упорствомъ! Кажется, вотъ совсѣмъ глаза закатились, а онъ, глядишь, очнулся да по щекѣ кого-нибудь и сблаговѣстилъ... Хе-хе-хе!..

Во время этого разговора Надя стоитъ поодаль, ожидая Михаила Иваныча: безъ него ей страшно и жутко войти въ этотъ мертвый домъ, въ этотъ пустынный дворъ, заростающій травой. Разсыпавшаяся бочка и гнилая, словно истаявшая на дождѣ водовозка, пустые сараи и грязная корова—все это отдавало такой пустынностью и заброшенностью, что Надя, прежде нежели идти далѣе, непремѣнно обращалась къ Михаилу Иванычу.

— Михаилъ Иванычъ, идите сюда!—говорила она нетерпѣливо.—Будетъ вамъ разговаривать.

— Ишь,—говорилъ Михаилъ Иванычъ, слѣдуя за Надей и глядя на разоренный дворъ:—ишь, нагорожено!..

И при этомъ ему представлялся тотъ же дворъ, оживленный жирными кучерами, толпами просителей, смѣющимися кухарками и другими атрибутами счастливаго времени Птицыныхъ.

— Заглохло! запустѣло!—бормоталъ онъ, останавливаясь и оглядывая кругомъ.—Ишь, на чужое-то натаскано сколько.

Надя не сразу входила въ домъ дѣдушки. Окна, занавѣшенныя платками и одѣялами, заставленныя щитами изъ какихъ-то лоскутьевъ разноцвѣтныхъ обоевъ, рисовали ей такую кромѣшную тьму, царящую внутри, что она невольно шла въ садъ. Но и здѣсь стояли заброшенныя деревья съ гнѣздами паутины; въ густой травѣ еле замѣтны были слѣды дорожекъ, бесѣдка стояла безъ дверей. Михаилъ Иванычъ оглядывалъ все это, выталкивалъ ногою откуда-нибудь пустую бутылку и говорилъ:

— Пировать умѣли! Все хинью пошло, все прахомъ...

— Михаилъ Иванычъ, за что вы не любите дѣдушку?— спрашивала Надя.

— Да за что-жъ мнѣ его любить-то?.. Вашему родителю я обязанъ: онъ меня призрѣлъ... а дѣдушка вашъ мало кому пользы сдѣлалъ.

— Отчего мнѣ не хочется къ нимъ идти?—спрашивала Надя, не имѣя надлежащихъ основаній вступаться за дѣдушку.

— Да чего хотѣться-то?.. Кабы вы его любили. А то и вамъ его не за что любить-то.

Надя молча думаетъ о чемъ-то, но наконецъ говоритъ, лѣниво поднимаясь съ лавки:

— Нѣтъ, люблю!..

— За что любить-то?..

Надя не отвѣчаетъ, потому что дѣйствительно не понимаетъ, почему ей нужно любить дѣдушку. Однако она еще разъ киваетъ головой, какъ бы повторяя: «нѣтъ, люблю...»

— Авдотья!—говоритъ она кухаркѣ шопотомъ, входя въ кухню.—Что дѣдушка?

Прежде нежели отвѣтить, кухарка съ упорнымъ молчаніемъ ворочаетъ какими-то корчагами, ушатами и отвѣчаетъ совсѣмъ не на вопросъ:

— И только бы, только бы вынесъ Господь!..

Авдотья постоянно проклинаетъ Птицыныхъ, потому что жизнь ея въ ихъ домѣ дѣйствительно каторжная. На всѣхъ четырехъ умирающихъ она одна прислуга; въ кухнѣ надъ ея головой висятъ четыре колокольца, за которые умирающіе дергаютъ каждую минуту, требуя то того, то другого; вслѣдствіе этого въ кухнѣ ежеминутно идетъ звонъ, отъ котораго Авдотья потеряла человѣческій смыслъ. До нея здѣсь перебывало множество народу, и каждый изъ нихъ не могъ выжить одного дня, и Авдотья жила только потому, что ей некуда было дѣться съ двумя своими ребятами.

— И какой демонъ уживетъ здѣсь!—говоритъ Михаилъ Иванычъ, глядя на звонки.—Ишь, колокольню какую выстроили! кажется, тыщи рублей не возьму, чтобы мнѣ тутъ... тьфу!

— Сама-то вдаритъ, вдаритъ въ колоколецъ, въ полночь, такъ съ печи кубаремъ и летишь... Всѣхъ ребятъ дураками сдѣлали... Съ испугу плачутъ!—дрожащимъ отъ гнѣва и трудовъ голосомъ говоритъ Авдотья, продолжая ворочать корчаги. —Баринъ—тотъ дѣлаетъ ударъ легкій. Барчукъ еще

тише, а бабка да сама—такъ ужъ ровно бѣшеныя! Пуще всего сама: поминутно... Бабка—та очнется разъ въ день, а то и два, да ужъ и дернетъ! Прибѣжишь къ ней, а она этакъ-то ровно рыба ротъ разѣваетъ: «въ карманъ-то», говоритъ...

— Опоздала!—радостно рычитъ Михаилъ Иванычъ, удерживаясь при барышнѣ отъ болѣе вѣскихъ выраженій.— Ушли карманы-то, убѣжали... хе-хе-хе... Ишь какъ они привыкли къ чужимъ карманамъ, такъ это даже удивительно, ей-Богу...

— Что-жъ дѣдушка?—спрашиваетъ Надя, какъ-то обезсилѣвъ отъ этихъ разговоровъ, и, узнавъ, что дѣдушка и бабушка живы, еле плетется въ комнаты.

Въ комнатахъ прежде всего поражалъ мракъ и духота, пропитанная ладаномъ и запахомъ лѣкарствъ. Среди этого царства смерти нельзя было бы пробыть одной минуты, если бы мертвую тьму не нарушалъ голосъ стонавшей и ругавшейся генеральши.

— Ну какой ты генералъ? Ну какъ тебя возможно назвать генераломъ?—вопіяла только-что особорованная женщина, стоя надъ умирающимъ мужемъ.—Что ты нажилъ? Куда ты отъ меня прячешь, кому готовишь?

— Н-нѣту у меня!—еле произноситъ мужъ.—Нѣту!

— Какъ у тебя нѣту, когда ты все на сыновніе да на зятнины деньги жилъ? Куда дѣвалъ? Умрешь вѣдь... тебѣ жить одна минута... Говори, куда дѣвалъ?

Но мужъ ужъ не отвѣчаетъ.

— Въ гробъ ты меня вогналъ! Кабы знала бы, не вышла бы за тебя... этакого тирана... этакого душегуба! Ты всѣхъ насъ въ нищіе ввелъ... Ты сына въ гробъ вогналъ, погляди вонъ поди, полюбуйся на сына-то!

— Михаилъ Иванычъ!—держась за его рукавъ, говорила Надя въ передней:—я не пойду къ нимъ...

— Дожили до какихъ дѣловъ!—качая головою, говоритъ Михаилъ Иванычъ. — Теперь вотъ Господь наказываетъ, сами себя ѣдятъ; ишь, грызутся!

Большею частью, при входѣ Нади, генеральша спрашивала: «кто тамъ?»—и тогда Надѣ приходилось цѣловать ея ручку и сидѣть у одра, слушать оханье и брань съ мужемъ, лежавшимъ за стѣной. Михаилъ Иванычъ въ такое время стоялъ въ передней и злился; а когда ему приходило въ немоготу, онъ отправлялся дожидаться барышню за ворота. Но иногда имъ удавалось прямо изъ передней пробраться

въ комнатку, гдѣ лежалъ умирающій Ваня, который одинъ только изъ всѣхъ полумертвецовъ птицынскаго семейства пользовался симпатіей даже Михаила Иваныча.

Самый сильный ударъ, какой только могла нанести жена Птицына мужу, состоялъ въ упрекѣ, что онъ уморилъ сына, хотя въ погибели этого человѣка принимали одинаковое участіе и отецъ и мать Вани. Съ дѣтскихъ лѣтъ Ваня не былъ похожъ на то, что̀ его окружало. Словно испугавшись того буйства и произвола, которые царили въ его семьѣ, онъ какъ будто бы отвернулся ото всѣхъ, притаился и пошелъ своей дорогой. У него стала развиваться страсть къ музыкѣ. Михаилъ Иванычъ помнилъ, какъ, бывало, раннимъ утромъ, маленькій, бѣлокурый, очень похожій на тощаго котенка, Ваня, боясь испугать родныхъ, осторожно пиликаетъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ на желтенькой скрипкѣ, купленной въ игрушечной лавкѣ за двугривенный. Но въ этомъ мірѣ грабежа и веселаго житья такое дѣло мальчика никому не казалось дѣломъ. Смурыганье нетвердаго и дрянного смычка, пытавшагося извлечь изъ дрянныхъ струнъ и изъ дрянного инструмента «Возлѣ рѣчки», непремѣнно сопровождалось колотушками, дерганьемъ за ухо, ударомъ въ затылокъ. Мать говорила: «Что̀ ты, очумѣлъ, подъ воскресенье?»—и хлопала по затылку; то же самое дѣлали братья, не говоря ни слова; то же самое дѣлалъ отецъ, говоря: «учился бы лучше, по два года сидишь въ классѣ». Но поволочки эти оставались безъ отвѣта со стороны Вани. Ударъ въ голову заставлялъ его жмурить глаза, каплями пота покрывалъ его лобъ съ прилипнувшими бѣлокурыми волосами; голова его, отдернутая за ухо, снова еще плотнѣе прилипала подбородкомъ къ грифу скрипки, и смычокъ все-таки пилилъ тихо, едва слышно, но рука, державшая его, судорожно сжимала его. Этакое упрямство вооружало противъ него родныхъ. Отецъ Вани, въ благодарность за то, что начальство отличило его, давъ теплое мѣсто, хотѣлъ всѣхъ дѣтей повергнуть на пользу отечества и заставилъ Ваню служить, когда ему было не болѣе шестнадцати лѣтъ. Духота канцеляріи, интересы чиновниковъ были совершенно несхожи съ тѣмъ настроеніемъ духа Вани, которое образовала въ немъ страсть. Онъ мучился этой канцеляріей, терпѣлъ тысячи оскорбленій, чахъ въ постоянныхъ попрекахъ его глупости, срамящей отца, и все молчалъ, и все бился впередъ. Прямо изъ канцеляріи онъ бѣжалъ къ полковымъ музыкантамъ, заводилъ дружбу со всякимъ скрипачомъ, долго корпѣлъ по ночамъ, списы-

вая ноты. Какихъ трудовъ стоила ему новая порядочная скрипка, сколько нужно было времени ждать, пока соберется десять цѣлковыхъ на ея покупку, такъ какъ мать Вани отбирала у него все жалованье, оставляя на этотъ предметъ полтинникъ въ мѣсяцъ. Его называли «гудошникъ», «скоморохъ». Тяжкая болѣзнь заставила обратить на него вниманіе родителей. Имъ было жаль его какъ сына, тѣмъ болѣе, что до отца стали доходить слухи о его талантѣ: какая-то пріѣзжая знаменитость случайно услышала его и протрубила о немъ вплоть до скуднаго талантами Петербурга, приписывая себѣ честь открытія. Знаменитость перерыла его ноты, которыя онъ тщательно сохранилъ въ своемъ уголкѣ, и откопала какія-то композиціи, въ которыхъ оказалось пропасть новаго: «Скачетъ галка по ельничку»—русская пѣсня и баллада Пушкина «О спящей царевнѣ»—привели ее въ восторгъ.

О Ванѣ заговорило музыкальное общество города; къ нему пріѣзжали губернскія знаменитости; Ваню тащили въ люди, въ свѣтъ: — его отецъ начиналъ гладить по головкѣ. Но Ваню убила радость, которую онъ перенесъ въ эти минуты; въ обществѣ онъ терялся, дѣлался дуракомъ, и больная фигура его, съ запуганными глазами, съ странными смѣшными усами, въ старомъ, задешево купленномъ фракѣ, была не больше какъ смѣшна. И Ваня лежалъ и умиралъ.

Комната его была вся обвѣшана лубочными картинами, изображающими смерть съ косой, адъ, геенну, страшный судъ. Онъ былъ такъ боленъ, что считалъ себя возгордившимся передъ Богомъ, виновнымъ въ непочтеніи отца и матери, которые успѣли ему доказать, что онъ глубоко грѣшилъ, играя подъ воскресенья и подъ двунадесятые праздники. Религіозный ужасъ охватилъ его въ послѣдніе дни, и онъ лежалъ, обернувшись къ стѣнѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Появленіе Нади и Михаила Иваныча не пробуждало его отъ забытья.

Несмотря на грустную картину умирающаго, въ комнатѣ Вани Надѣ было легче дышать: здѣсь было чисто и тихо; всѣ нотки и тетрадки Вани были аккуратно собраны и сложены въ одно мѣсто, и Надя любила ихъ разбирать. Каждый листокъ въ этихъ бумагахъ говорилъ о томъ непомѣрномъ трудѣ, съ которымъ Ванѣ стоило составить себѣ маленькій уголокъ, отдѣльный отъ широкихъ нравовъ семьи. Чего нѣтъ въ этихъ бумагахъ? Вотъ случайно уцѣлѣвшій нумеръ газеты съ фельетономъ о какомъ-то музыкальномъ

вечерѣ въ Петербургѣ. Какъ тщательно и аккуратно сложенъ онъ! Авторъ его могъ бы умереть спокойно, если бы зналъ, какъ цѣнятся, гдѣ-то въ темномъ уголкѣ, его строчки, нахватанныя, можетъ-быть, ради хлѣба. Вотъ портретъ какого-то музыканта, вырѣзанный изъ какого-то измятаго журнала: но онъ расправленъ, старательно наклеенъ на картонъ. Вотъ афиша о концертѣ, въ которомъ Ваня участвовалъ въ первый разъ.

— Уморили человѣка!—говоритъ Михаилъ Иванычъ, разсматривая Ванины бумажки. Надя не слышитъ его и не отвѣчаетъ. Въ рукахъ ея какіе-то лоскутки, вверху которыхъ написано: «въ газету послать». Это какіе-то отрывки изъ недоконченныхъ писемъ, разсказовъ, въ которыхъ видно неумѣнье владѣть перомъ, видно, что мысль убита у писавшаго человѣка. Но содержаніе этихъ лоскутковъ почти одинаково.

«Дуэтъ. Разсказъ И. П—на. Въ одинъ майскій вечеръ, изъ —ской улицы вышелъ на большую улицу одинъ человѣкъ... У него была скрипка. Но въ этотъ восхитительный вечеръ молодому человѣку сдѣлали подлость. Съѣдобинъ, губернскій франтъ, хотя и дуракъ, сталъ подтрунивать надъ моимъ костюмомъ, говорилъ, что у приказныхъ снимаютъ сапоги...»

Разсказъ прерывался. За нимъ слѣдовалъ другой съ описаніемъ іюньскаго вечера; но во всѣхъ ихъ, на трехъ строкахъ, описаніе красотъ природы уступало мѣсто описанію какой-нибудь мерзости, которую откалывали передъ «однимъ человѣкомъ» либо барышня, либо барчукъ. Почеркъ послѣднихъ строкъ каждаго лоскутка ясно говорилъ о томъ, что мерзостей и гадостей сдѣлано автору въ тысячу разъ больше, нежели было красотъ во всѣ августовскіе, майскіе и другіе вечера въ мірѣ. Слушая осторожный шопотъ Нади, читавшей эти почти безграмотные, но грустные листки забытаго человѣка, Михаилъ Иванычъ и здѣсь находилъ вещи, объясняемыя его взглядами.

— Ишь!—шепталъ онъ. — За что они надъ человѣкомъ издѣвались? Вотъ чужія деньги-то!.. Только бы потѣху изъ всего сдѣлать! Развѣ имъ понять серьезнаго человѣка?

Надя уходила съ тяжелымъ чувствомъ изъ этого дома.

IV. Продолженіе скуки и скитаній.

1.

Такъ какъ чугунная дорога все еще не достраивалась, то Михаилъ Иванычъ продолжалъ проводить время попрежнему и сталъ шататься къ Черемухинымъ все чаще и чаще, потому что здѣсь, среди покорныхъ обстоятельствамъ людей, ему было какъ-то покойнѣе негодовать. Оставленный прижимкой, о которой было уже обстоятельно разсказано Черемухинымъ, Михаилъ Иванычъ однако и здѣсь, среди покоя, не забывалъ толковать о новыхъ временахъ, о своихъ планахъ, а главнымъ образомъ о грабежѣ и разбоѣ.

— Надежда Андревна! Надежда Андревна! — торопливо шепталъ онъ, догоняя Надю, гулявшую въ саду:—гляньте-ко: вонъ взяточникъ на солнцѣ грѣется.

Надя, отъ скуки гулявшая по саду, смотрѣла, куда указывалъ ей Михаилъ Иванычъ. На лавочкѣ, въ сосѣднемъ саду, сидитъ отставной чиновникъ въ халатѣ и, подставивъ солнцу спину, потираетъ ее кулакомъ и поводитъ плечами.

— Ишь, словно котъ хмурится!.. Кости свои оттаиваетъ... Онъ теперича приструненъ; а вы дайте ему оттаять, пойдетъ щелкать по карманамъ—любо два!.. Надежда Андревна!—восклицалъ онъ чрезъ минуту:—Эво-эво... еще! Вонъ грабитель на одѣялѣ растянулся... Ишь нажевалъ утробу-то!

Надя разсматривала рекомендуемыхъ ей Михаиломъ Иванычемъ разбойниковъ съ тѣмъ недоумѣніемъ и любопытствомъ, съ какимъ дѣти глядятъ, напримѣръ, на рыбу, плавающую въ корытѣ. Она шевелитъ перьями, дышитъ, смотритъ и, должно-быть, о чемъ-то думаетъ. И хотя существо оттаивающихъ грабителей было ей въ той же мѣрѣ незнакомо, какъ и существо размышленій молчаливой рыбы, но бормотанья Михаила Иваныча объ этихъ предметахъ внесли въ ея скуку какую-то непріятную черту. Надя слушала и смотрѣла на Михаила Иваныча только потому, что не на кого было смотрѣть и некого было слушать, и, несмотря на полное почти равнодушіе къ его сужденіямъ, дѣдушки и бабушки стали скучны ей не потому только, что у нихъ духота и темнота въ комнатахъ, а потому, что въ нихъ самихъ было что-то дурное, что они почему-то дурные люди. Улица и заборъ, видный въ окно, и садъ, помимо

того, что надоѣли ей своимъ однообразіемъ, получили еще какую-то особенную ненависть Нади вслѣдствіе того, что кругомъ ихъ и за ними жили и живутъ опять-таки дурные люди.

— Скука, Михаилъ Иванычъ... слышите, что̀ я говорю? Скука...—говорила она, лѣниво проходя по комнатѣ и ложась на старый диванъ съ старинной «Библіотекой для Чтенія» въ рукахъ.

— Скука! — ухмыляясь, говорилъ Михаилъ Иванычъ, сидя или стоя гдѣ-нибудь у притолки:—а потому, что обмякла прижимка.

— Что?

— Прижимка обмякла... нѣту того грабежу... Черезъ это вы и скучаете.

— Да развѣ я кого ограбила? — съ неудержимымъ смѣхомъ спрашивала Надя.

Михаилъ Иванычъ не смущался смѣхомъ и отвѣчалъ:

— Вы не грабили-съ, а жениховъ стало меньше... вотъ изъ-за чего и скука. Въ прежнее время женихъ былъ охочъ; доходъ съ простого человѣка у него былъ вѣрный, онъ бралъ даму, не боялся... Первое дѣло — безъ дамы ему нельзя. Второе дѣло—ему одному не разорваться: онъ хватаетъ, жена должна прятать, выходитъ—«семейный домъ». И дѣвицы, женскъ полъ, скуки не знали. Потому мало-мало въ возрастъ пришла которая, сейчасъ сѣла къ окошечку съ шитьемъ, для близиру, анъ ужъ грабитель-то и подползаетъ... Анъ ужъ онъ гдѣ-нибудь и пошевеливается... Ужъ онъ гдѣ-нибудь тутъ, по близости! Ну и свадьба, и пошла дѣвица домой, пошла она въ чуланъ таскать цыплятъ дареныхъ. Только у васъ и дѣла... И скуки нѣту... А теперь трудно этакъ-то!

«Подползаетъ», «пошевеливается» и другія фразы, свойственныя простому званію Михаила Иваныча, смѣшили Надю. Посмѣявшись надъ ними, она снова углублялась въ чтеніе глупѣйшаго романа, по имени «Вѣтка фуксіи», и какъ-то, почти безъ собственной воли, снова задавала Михаилу Иванычу вопросъ:

— Какъ будто только и дѣла, что цыплятъ таскать — говорила она, не глядя на Михаила Иваныча и перевертывая слѣдующую страницу.

— Да больше у васъ дѣловъ и нѣту... Какія у васъ, у благородныхъ, дѣла? Все у васъ готовое, заботы вамъ нѣтъ: приходитъ супругъ изъ должности, вы его спрашиваете:

«Хорошо ли, душенька, служилъ?»—и въ губы его... А онъ вамъ: «въ каторжную работу сослалъ двадцать персонъ»— и на оборотку васъ въ губы.... Какія у васъ дѣла?..

Надя едва улыбается на этотъ отвѣтъ Михаила Иваныча и окончательно забываетъ его, заинтересовавшись героиней романа. Романъ прочтенъ; Надя снова ходитъ по хозяевамъ, разговариваетъ съ солдатомъ, смотритъ, какъ хозяева кормятъ цыплятъ, и вдругъ опять, среди этой скуки, неожиданно припоминаются слова Михаила Иваныча. «Какія у меня дѣла?—думаетъ она.—Не оттого ли скука въ самомъ дѣлѣ, что жениховъ нѣту?..» Она думаетъ, и—глядишь— при слѣдующемъ появленіи Михаила Иваныча—снова задаетъ ему вопросъ:

— А если я не хочу вашихъ жениховъ?

— А вамъ этого нельзя!.. Женихъ требуется, только онъ очень мудренъ нонче сталъ, вывелся. А безъ жениха вамъ невозможно. Потому вы такъ прилажены...

— Какъ я прилажена?

— А такъ, чтобы на чужое жить... Теперича маменька васъ кормитъ, одѣваетъ, а замужъ выйдете—супругъ станетъ награждать... Вы такъ пріучены!.. Въ прежнее время въ вашемъ званіи всѣ на чужое жили... Вы извольте взглянуть на прабабушку вашу... Имъ, можетъ-быть, сто годовъ, онѣ чуть дышатъ, а очнутся — первымъ долгомъ лопочутъ: «въ карманъ-то норови!» Ишь вѣдь-съ! Съ малыхъ дѣнъ все на чужое пріучена... Или опять дѣдушку вашего возьмемъ съ бабушкой. Дожили они до вѣку, до шестидесяти лѣтъ, и нѣтъ у нихъ другихъ словъ между собой, окромѣ ругательствъ... Чай, сами слышали, какъ она его честитъ?.. А потому, что ей скука! Покуда на чужое жили, покуда таскали ей дары, напримѣръ, она и мужа любила и жила весело. Какъ чужой карманъ изъ рукъ ея выхватили, — они врозь. И помянуть имъ на старости нечего! А кабы они своимъ трудомъ кусокъ-то брали, кабы въ однѣхъ оглобляхъ-то шли, небось бы нашлось, что̀ въ этакомъ преклонѣ вспомянуть... А то вонъ набрасывается на всѣхъ, только и всего... Дѣловъ никакихъ не было, вотъ изъ-за чего!..

— У васъ все никто ничего не дѣлаетъ! У васъ всѣ на чужое...

— Обнаковенно! Вашъ дяденька-то, Иванъ Петровичъ, вонъ умираютъ; а по какому случаю? — потому, что надъ ними потѣшались въ людяхъ, не понимали ихняго сурьезу... Сами читали въ сочиненіяхъ у нихъ... Развѣ я, примѣрно,

посмѣю этакъ-то хаять человѣка, какъ они его хаяли? А потому, что съ чужого, съ жиру... Имъ бы только баловаться... И баловались всѣ... Какъ же не всѣ-то-съ? Изъ-за чего мы ободраны?

Тутъ начинался длинный разсказъ о прижимкѣ, котораго Надя почти не слушала, ибо Михаилъ Иванычъ успѣлъ уже изложить его нѣсколько разъ. Но скука ея еще болѣе дѣлалась содержательною. Непреложные результаты всеобщаго ничегонедѣланія, которые она видѣла собственными глазами, заставляли ее снова адресоваться къ Михаилу Иванычу.

— А у меня есть дѣло?—вдругъ спрашивала она его.

— Какое у васъ дѣло? У васъ нѣту. Кабы вы были простого званія, у васъ бы было дѣло. У простого человѣка дѣловъ много... Онъ скуки не знаетъ... Никто не привидывалъ, чтобы, напримѣръ, мужикъ шатался да валялся этакъ-то, да зѣвалъ: «мнѣ скучно!». Отродясь и не было такого мужика... у простого человѣка забота, скуки нѣту... Дѣла у него...

— Какія дѣла?

— Мало ли дѣловъ-съ! Дѣловъ простому человѣку много!.. Возьмите вотъ Авдотью, у дѣдушки служитъ... Башмакъ на ней надѣтъ—онъ у ней свой!.. Надыть его выработать. Вотъ она годъ цѣлый ворочаетъ корчаги да ушаты, и сошьетъ башмаки... вотъ и дѣла!

И Михаилъ Иванычъ высчитывалъ множество простонародныхъ дѣлъ, вращавшихся въ области «обуви» и «одёжи» и прочихъ незамысловатыхъ предметовъ. Надя высказывала сомнѣніе насчетъ того, чтобы кухаркѣ было особенно весело среди этихъ дѣлъ, на что Михаилъ Иванычъ приводилъ тотъ доводъ, что хотя кухаркѣ и не весело, но зато ее и не клянетъ никто такъ, какъ клянутъ ея дѣдушку, жившаго гораздо веселѣй кухарки... Въ подтвержденіе своихъ словъ о вредѣ этого веселья на чужой счетъ, онъ приводилъ еще и тотъ фактъ, что дѣдушка Нади не можетъ умереть въ теченіе пяти лѣтъ, обзавелся болѣзнями, которыхъ не узнаютъ доктора, тогда какъ съ простымъ человѣкомъ ничего этого будто бы не бываетъ.

Несмотря на односторонность взглядовъ Михаила Иваныча, бормотанье его о грабежахъ и разбояхъ сдѣлало то, что въ головѣ Нади зашумѣлъ цѣлый рой совершенно новыхъ для нея размышленій. Прежде всего почему-то оказывалось, что скука ея происходитъ отъ того, что нѣтъ

жениховъ; но если и случился бы женихъ, то ей придется заниматься какими-то злодѣйскими и гадкими дѣлами, примѣромъ чему — дѣдушка и бабушка и умирающій Ваня. Причина всѣхъ этихъ злодѣйствъ — чужія деньги. Надо имѣть свои. Своихъ нѣтъ. Свои—у кухарокъ, у кучеровъ. У нихъ нѣтъ скуки. Неужели надо идти въ кухарки?

2.

Такимъ образомъ результаты, добытые Михаиломъ Иванычемъ среди житья въ области прижимки, оказались пригодными для тѣхъ лицъ, нравы которыхъ въ прежнее время держались этой прижимкой, слагались благодаря ей въ извѣстныя формы и уничтожились, развалились сами собою вслѣдствіе того, что прижимка «обмякла». Новое время незамѣтно строитъ новые нравы, и никакой Михаилъ Иванычъ въ мірѣ не подозрѣваетъ того, что бормотанье его о чужихъ деньгахъ, о жизни на чужой счетъ можетъ заставить кого-нибудь крѣпко задуматься; точно такъ же, какъ никакая Надя, изъ числа множества подобныхъ Надей на русской землѣ, съ тоскою и томленіемъ проводящая дни за днями, рѣшительно не подозрѣваетъ, что время донесетъ къ ней, устами котораго-нибудь Михаила Иваныча, такія думы и тосковання, о существованіи которыхъ она и слыхомъ не слыхала.

Съ теченіемъ времени изъ множества запутанныхъ вопросовъ началъ особенно выступать одинъ, и именно насчетъ того, что почему-то дѣйствительно требуется женишка. Въ томъ одинаково были согласны и мать, и солдатъ, и хозяинъ, и Михаилъ Иванычъ; всѣ они хоромъ вопіяли о необходимости этого предмета, помощью котораго всѣ вопросы рѣшаются сразу. Все это сердило Надю. Но скоро къ этому хору присоединился еще новый голосъ, который сумѣлъ такъ повернуть дѣло, что Надя даже стала бояться пренебрегать женихами.

Голосъ этотъ принадлежитъ Аринѣ-закладчицѣ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Черемухина была ей «подвержена» велѣдствіе заклада ей воротника, Арина стала отъ времени до времени посѣщать ее, дабы въ то же время потѣшить себя созерцаніемъ ея разоренія. Входила она обыкновенно раскачиваясь и охая и полагая при этомъ, что такъ именно поступаютъ благородныя дамы и богатые люди. Жеманно поздоровавшись съ Черемухиной, она, кряхтя, усаживалась на старинное кресло и вступала въ разговоръ.

— Ну, какъ живете? — утомленнымъ голосомъ говорила она.—Эко бѣдность-то у васъ какая!.. Чать жить-то вамъ нечѣмъ?..

— Мы пенсію получаемъ, — не глядя на Арину, отвѣчала Черемухина и старалась скрыть свой гнѣвъ въ вязальныхъ спицахъ, которыя необыкновенно проворно начинали ходить въ ея рукахъ.

— Велика ваша пенсія!—чать копейку какую выдаютъ... Нонѣ, братъ, оченно трудно вамъ!.. Такъ-то-ся!.. Что-жъ, дочку-то замужъ норовишь?..

— Не вѣкъ же въ дѣвкахъ ей сидѣть...

— Ну, мудрено это для васъ!.. Кто ее возьметъ, нищую-то?

— Не все милліонщицы...

— Ну, и безъ гроша-то тоже не очень много охотниковъ найдется... За дьячка, пожалуй, выдашь...

— Придется, такъ и за дьячка выдамъ! — соглашалась скрѣпя сердце Черемухина, чтобы хоть какъ-нибудь зажать этотъ злой ротъ.

— Чему приходиться-то? Приходиться-то нечему, и такъ выдашь, не минешь. Чему тутъ приходиться? Нонѣ, братъ, не то время! Не старое, сударыня, время стоитъ. Въ прежнее время съ доходовъ сколько хошь женъ набери, по сту дитевъ въ годъ рожай, — всѣмъ хватитъ... Ну, теперь не очень-то!.. Много тоже изъ вашего брата пошло на улицу молодцовъ закликать... Вонъ у насъ генеральская дочь, а глянь-ко-сь: день въ день по утрамъ домой приходитъ, шатается... Такъ-то-ся!.. Кто ее возьметъ? — заключила она, кивая на Надю и вглядываясь на нее весьма несимпатичнымъ взглядомъ.

Налюбовавшись надъ разореніемъ Черемухиныхъ, Арина наконецъ поднималась съ кресла, говоря, что «посидѣла бы, да, вишь, стулья-то у васъ еле живы... голову свихнешь», и уходила.

— Эко бѣдность-то, бѣдность-то какая!.. — шептала она при этомъ и, покачивая головою, оглядывала всѣ углы въ жилищѣ Черемухиныхъ.

Такія посѣщенія Арины сдѣлались все чаще и чаще, и, благодаря ея разговорамъ объ участи Нади и о томъ, что ее никто не возьметъ, «женихъ» принялъ въ глазахъ послѣдней какое-то неотразимое значеніе. Тонъ, которымъ говорила Арина, очень близко подходилъ къ тону ругательства; Надя какъ-то перепугалась своего положенія. Не

зная, почему ее бранятъ, и не зная, какъ «заслужить одобреніе», т.-е. пріобрѣсть хоть сколько-нибудь спокойное состояніе духа, она, благодаря разсужденіямъ Арины, потеряла всякую надежду достигнуть этого съ помощью даже жениха, ибо оказывается, что ее еще и не возьметъ никто.

«Кто ее возьметъ?..»—звучало въ ея ушахъ даже впросонкахъ.

И если принять въ расчетъ обстановку Нади, томившейся среди какого-то захолустья, биткомъ набитаго отживающими людьми, къ которымъ сама собою уничтожилась всякая симпатія, то будетъ понятно, почему въ это время Надя охотно бы вышла за любого, пожелавшаго сдѣлать ей предложеніе. Беззащитность ея нравственнаго и матеріальнаго положенія была до того велика, что, ради необходимости какъ-нибудь разрѣшить ее, она стала даже ободрять себя въ намѣреніи выйти поскорѣй замужъ, подкрѣпляя это намѣреніе тѣмъ, что дѣдушка и бабушка, нравы которыхъ сдѣлались для нея страшными,—старики, умирающіе люди, а что молодые живутъ не такъ.

Это намѣреніе было бы приведено въ исполненіе самымъ поспѣшнымъ и самымъ легкомысленнымъ образомъ, если бы въ жизни Нади не произошло одно случайное обстоятельство.

V. Земной рай.

1.

Въ числѣ знакомыхъ Нади было, между прочимъ, семейство Печкиныхъ. Съ этимъ семействомъ Надя познакомилась, во-первыхъ, потому, что Софья Васильевна, жена Печкина, оказалась подругою ея дѣтства, а во-вторыхъ, потому, что сваха, уже начавшая свои посѣщенія, отозвалась о Печкиныхъ почти съ благоговѣніемъ.

— Пройди ты всю подвселенную, нигдѣ ты этого рая земного не сыщешь!..—говорила она Надѣ:—Софья-то Васильевна—вотъ какъ ты же, сирота, еще голѣй тебя была, а теперь глядь-ко-сь!.. Ровно принцесса живетъ... Да что ей? Ни о чемъ заботушки нѣту, живетъ за мужемъ, ровно за каменной горой, даромъ что за не очень-то молодого выскочила...

Въ словахъ свахи скрывалась тайная цѣль сосредоточить вниманіе Нади на пожиломъ телеграфистѣ съ рыжими волосами и съ полупольскимъ выговоромъ. Но Надю главнымъ образомъ интересовало видѣть подругу, съ которой она не видалась съ тѣхъ поръ, когда еще маленькими дѣвочками онѣ катались на санкахъ, и которая теперь живетъ въ земномъ раю; да и скука, требовавшая чего-нибудь новаго, кромѣ бормотаній Михаила Иваныча о грабежахъ, тоже въ достаточной степени помогла скорѣйшему посѣщенію земного рая. Михаилъ Иванычъ, знавшій Печкина, какъ посѣтителя трифоновской лавки, взялся ее проводить туда.

Узенькій переулокъ, гдѣ былъ рай, привѣтствовалъ нашихъ путниковъ, помимо пустынности и тишины лѣтняго полдня, длинными заборами, тянувшимися по одной сторонѣ его, и нѣсколькими домами, смотрѣвшими въ эти заборы съ другой стороны; наглухо захлопнутыя и мертво-молчаливыя ворота дома Печкиныхъ, съ своей стороны, прибавили нѣкоторую дозу тяжести къ тому тяжелому впечатлѣнію, которое производилъ переулокъ. Но скука Нади, жаждавшая какого-нибудь исхода, сумѣла перетолковать эту смерть, носившуюся по переулку и вѣявшую отъ воротъ, въ смыслѣ плотной ограды, окружающей болѣе спокойную, нежели ея, жизнь.

Помощью веревки, протянутой черезъ заборъ къ колокольчику, изъ нѣдръ рая были извлечены предварительно нѣсколько собакъ, оскаленныя, захлебывающіяся рыла которыхъ внезапно появились въ десяткахъ незамѣченныхъ до сихъ поръ дыръ: въ заборахъ, въ подворотняхъ, на вершинѣ заборовъ и проч. Стараніями Михаила Иваныча и кухарки, отворившей ворота, полчища, охранявшія райскія двери, были разогнаны.

— Дома барыня?—спросила Надя кухарку.

— Гдѣ имъ быть... Сталъ-быть, дома...

— Что̀ она дѣлаетъ?

— Что̀ ей дѣлать? Почиваютъ, поди, либо такъ...

— Дѣлать ей нечего, обнаковенно!—подбавилъ Михаилъ Иванычъ.

— Обнаковенно̀!—согласилась кухарка:—дѣловъ у нихъ нѣту никакихъ. Чего ей еще?

Говоря такъ, она между тѣмъ съ большими усиліями отнимала отъ двери сѣней довольно толстую палку, которою двери эти были приперты, и, когда палка была брошена на землю, кухарка прибавила:

— Ишь, вогналъ какъ, насилушки одолѣла...

— Кто это?—сдѣлавъ шагъ въ сѣни, не могла не спросить Надя.

— Да это нашъ... баринъ!.. — улыбаясь, отвѣчала кухарка.—Бережетъ ее... чтобъ не было ей безпокойства... Тоже боится, не ушла бы!..

— Какъ не ушла?

— Да такъ ему взбрело: не ушла бы, молъ!.. А куды ей уйти-то?.. Коли бы у нея дѣло... а то... куды ей?.. Ей и такъ некуда... Никакой заботы нѣту, ровно царица...

Михаилъ Иванычъ не упустилъ случая поддакнуть при словахъ кухарки: «кабы дѣло». Но Надя сначала посмотрѣла на нихъ на обоихъ и, словно задумавшись, тихо пошла вдоль пустынныхъ сѣней. Шаги ея сдѣлались еще тише, какъ будто даже боязливѣе, когда тяжелая дверь, обитая войлокомъ, ввела ее въ переднюю, въ которой, кромѣ темноты, со всѣхъ сторонъ пахнулъ на нее спертый, тяжелый воздухъ съ запахомъ сырой гнили. Надѣ хотѣлось кашлянуть. Но тишина остановила ее отъ этого. Та же тишина и тотъ же воздухъ преслѣдовали ее въ двухъ-трехъ комнатахъ, по которымъ она шла вслѣдъ за кухаркой и гдѣ декорація рая состояла изъ продавленныхъ стульевъ, пыли на пошатнувшихся столахъ, зеркала съ какимъ-то рисункомъ вверху рамы, картинъ, въ родѣ схимника, посѣщаемаго Александромъ Благословеннымъ, зеленыхъ шторъ, пожелтѣвшихъ снизу и въ десять разъ уменьшавшихъ то количество свѣта, которое за минуту ощущала Надя на улицѣ. Словно туча вдругъ нанеслась на ясное небо, когда она вошла въ этотъ рай, и она совершенно испугалась, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, когда кухарка вдругъ довольно громко произнесла:

— Вотъ онѣ... Пожалуйте... Почивали!..

На широкой кровати, съ измятой периной и множествомъ толстыхъ подушекъ, возсѣдало какое-то растрепанное существо съ развязавшейся косой, спутанными на лбу волосами и необыкновенно испуганными глазами. Изъ-подъ желтой, покрытой пятнами блузы, съ распахнутымъ у горла разрѣзомъ, высовывались ноги, изъ которыхъ на одной чулокъ спускался почти до полу, а на другой его не было совсѣмъ; королева или принцесса, словомъ—обитательница земного рая, упиралась руками въ перину, что̀ вмѣстѣ съ соннымъ выраженіемъ глазъ напоминало человѣка, надъ которымъ внезапно раздался выстрѣлъ. При видѣ этого су-

щества Надя остановилась въ нѣкоторомъ изумленіи, и въ комнатѣ нѣкоторое время царствовала бы мертвая тишина, если бы не залегшій во время сна носъ королевы, который прорѣзывалъ эту тишину разнотонными отрывистыми звуками.

— Соня... Сонечка!—съ робостью начала Надя; но прежде, нежели ей удалось расшатать это райское спокойствіе, ей нужно было не робкимъ, но усиленно-громкимъ голосомъ повторить, что: «помнишь ли... Надя!.. Я—Надя Черемухина... На санкахъ-то...» Нужно было также потрогивать Софью Васильевну за плечо, за руку... Но когда Софья Васильевна наконецъ поняла, въ чемъ дѣло, и нѣсколько разъ поцѣловалась съ Надей, крѣпко ее обнимавшей, испугъ ея съ внезапною быстротою замѣнился слезами, которыя хлынули цѣлымъ потокомъ, какъ вода на прорвавшейся плотинѣ... Лицо и тѣло Софьи Васильевны, продолжавшей сидѣть на кровати, какъ-то вдругъ осѣли, раздались въ стороны, сдѣлались шире, и по всей ихъ ширинѣ бушевалъ потокъ рыдающаго трепета.

Надя глядѣла на это трепещущее и рыдающее существо, слушала ея захлебывающіяся слова: «Надя!.. милая... Надя!» — и вдругъ ей стало досадно. Во всемъ этомъ не чуялось ею даже и того ничтожнаго интереса и смысла, которые все-таки были въ захолустьѣ, гдѣ жила Надя. Эта досада, уменьшавшаяся по мѣрѣ того, какъ слезы начали мало-по-малу пересыхать на распухшемъ и раскраснѣвшемся лицѣ Софьи Васильевны, вдругъ была еще болѣе усилена появленіемъ новаго лица. Среди новыхъ всхлипываній Софьи Васильевны донесся изъ передней крикливый, разсерженный, но старческій и дребезжащій голосъ ея супруга.

— Кто такой? Ты что? Что такое? Это что? Что это такое?..—бормоталъ онъ, натыкаясь на растворенныя двери крыльца, на валяющуюся палку и съ изумленіемъ встрѣчая въ передней фигуру Михаила Иваныча.

— Что ты? Что ты орешь?—донесся до Нади не менѣе негодующій отвѣтъ Михаила Иваныча, который не могъ относиться къ Печкину равнодушно, зная его мнѣнія по трифоновскимъ бесѣдамъ. — Съ барышней пришелъ, что орешь-то?.. Хапнуть не дали?

— Что мнѣ съ барышней? Что такое—съ барышней? Я боленъ... Съ барышней... съ барышней! Все росперто!.. Что такое? Софья!.. Что это такое?..

Слова эти, раздавшіяся почти одновременно въ передней, въ залѣ, гостиной, вмѣстѣ съ торопливыми звуками шаговъ,

наконецъ раздались и вблизи Нади, въ спальнѣ, гдѣ на порогѣ появился Печкинъ, длинный и дряблый чиновникъ, съ растеряннымъ, кислымъ и осерженнымъ лицомъ. Не обращая на Надю никакого вниманія, онъ бросилъ шапку, фильдекосовыя перчатки, скинулъ сюртукъ и все время вопилъ:

— Что̀ это такое? Акулина! Соня! Боленъ я! Господи...

— Дай ей съ барышней-то повидаться! — усовѣщевала Печкина кухарка.

— Что̀ такое? Барышня! Что̀ мнѣ барышня? Съ барышней, съ барышней... Я боленъ... Говорю вамъ, меня баба сглазила... Господи!.. Росперто... растворено... Да сдѣлайте милость... Софья! Спрысни!.. Спрысни, ради Христа!

Сердитая чушь, которую Печкинъ сыпалъ, не переставая, и сопряженный съ этою чушью гвалтъ заставилъ Надю уйти въ другую комнату. Отсюда она съ большимъ испугомъ глядѣла на этихъ людей, обитателей рая, кропившихъ и брызгавшихъ другъ друга святой водой, сердившихся, кричавшихъ, испуганныхъ и въ помраченіи ума натыкавшихся одинъ на другого. Все это до того изумило ее, что она, издали сказавъ Софьѣ Васильевнѣ: «прощай», «приду», бѣгомъ бросилась вонъ изъ комнаты.

— Михаилъ Иванычъ!—крикнула она ему въ какомъ-то изнеможеніи, и тотъ, отвѣчая на отчаяніе, слышавшееся въ ея голосѣ, бросился вслѣдъ за ней.

Очутившись на улицѣ, Надя перевела духъ и, взглянувъ на Михаила Иваныча, сказала:

— Господи! что̀ это?..

— Черти!—отвѣчалъ Михаилъ Иванычъ.—Облопались... Сглазила! Ишь вѣдь что̀ выдумаетъ! сглазить этакого дьявола... Ему зацарапать нечего въ ла-апу!..

На этотъ разъ обыкновенныя бормотанья Михаила Иваныча насчетъ грабежей не казались Надѣ скучными; напротивъ, они освѣжали ея голову, пораженную сценами райской жизни, обставленной припертыми воротами и одурѣвшими людьми.

2.

А въ сущности будущность Нади едва ли могла быть лучше участи Софьи Васильевны, которая дѣйствительно пользовалась самымъ лучшимъ положеніемъ, какое только возможно въ томъ кругу, гдѣ живутъ не трудясь. До замужества съ Печкинымъ, полтора года тому назадъ, Софья

Васильевна имѣла рѣшительно тѣ же самые шансы на самостоятельную жизнь, какъ и скучавшая въ настоящее время Надя. По выходѣ изъ пансіона, она, какъ сирота, жила у вдовой пожилой тетки, гдѣ занятія ея состояли въ томъ, что она тихонько ходила изъ комнаты въ комнату, тихонько читала «Юрія Милославскаго», тихонько поливала цвѣты. Были ли у нея какіе-либо планы насчетъ будущности— рѣшительно неизвѣстно; пансіонская наука, представлявшая смѣшеніе Гибралтаровъ съ заповѣдями и Мамаевъ съ перешейками, особенно опредѣленныхъ цѣлей въ жизни ей не дала, сдѣлавъ изъ нея существо, о которомъ, при самомъ тщательномъ наблюденіи, можно было сказать только, что она румяная и добрая. Все это, такъ сказать, обязывало Софью Васильевну отнюдь не дѣлать шагу на томъ пути, гдѣ ничего не могутъ сдѣлать перегорѣвшія въ огнѣ руки Михаиловъ Иванычей, и идти только туда, куда ее поведутъ и гдѣ ей помогутъ. И вотъ является какой-нибудь руководитель, которому нужна жена, беретъ ее, ведетъ въ свой домъ и наполняетъ пустой сосудъ собственными интересами. И каковы бы ни были они, всякая Софья Васильевна должна быть несказанно благодарна за нихъ, ибо чѣмъ бы могла наполнить она свое существованіе, если бы у мужа не было охоты водить куръ, если бы онъ не любилъ драться, напиваться, если бы не направилъ взятаго имъ автомата къ интересамъ толкотни на базарѣ, крика съ торговцами, дебоша съ кухаркой по случаю пропавшаго куска сахару? И если принять въ расчетъ, что путь, по которому должны идти всѣ имѣющія въ запасѣ одинъ только румянецъ, усѣянъ дебошами супруговъ, увѣчьями и прочими ужасами захолустной тишины, то положеніе Софьи Васильевны дѣлается дѣйствительно райскимъ, ибо Павелъ Иванычъ Печкинъ, взявшій ее для собственной надобности, избавилъ ее отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ терній, ибо женился на ней въ то время, когда всякая возможность къ интересамъ, вращающимся между курами и пьяными драками, была устранена.

До сорокапятилѣтняго возраста Павелъ Иванычъ не чувствовалъ крайней необходимости въ супругѣ, такъ какъ, принадлежа къ числу людей, успѣвшихъ по службѣ, и не употребляя водки, онъ одинъ вилъ свое гнѣздо, при самой незначительной помощи толстой и жирной бабы, которая жила у него единственно только для порядка. Тщательность, съ которою Павелъ Иванычъ вникалъ въ цѣлость кусковъ сахара и копеекъ, придержанныхъ бабою у себя во время

покупки провизіи, дѣлала его самого болѣе похожимъ на бабу, нежели на чиновника. Благодаря этой рачительности у него выросъ собственный домъ, собственное хозяйство, и благосостояніе вообще достигло до такой степени совершенства, что въ помощницѣ или женѣ не чувствовалось ни малѣйшей надобности. Только нѣкоторые порывы жирной бабы, норовившей по временамъ отправить въ деревню къ «своимъ» какую-нибудь ложку или носовой платокъ цѣною въ гривенникъ, заставляли отъ времени до времени вступать въ разговоры со свахой насчетъ невѣстъ; но, благодаря находчивости бабы (у которой въ Москвѣ, въ воспитательномъ домѣ, было нѣсколько ребятъ), всѣ непріятности съ бариномъ улаживались, устранялись, и переговоры со свахой оканчивались ничѣмъ. Павелъ Иванычъ никогда бы не задумался насчетъ женитьбы серьезно, если бы руководствовался интересами исключительно хозяйскими, и если бы духъ времени не ворвался въ среду его установившагося міросозерцанія. Необходимо замѣтить, что внутренній міръ Павла Иваныча былъ до сего времени тоже въ полномъ благосостояніи: онъ никогда не думалъ о томъ, почему, напримѣръ, начальство можетъ получать двойные прогоны, распекать, выгонять, гнуть въ бараній рогъ, и почему въ то же время онъ, Павелъ Иванычъ, ничего этого дѣлать не можетъ?

Почему онъ, отправляясь на службу, долженъ строчить разныя бумаги, брать взятки, вытягиваться передъ совѣтникомъ, и почему должны ему давать эти взятки, требовать вытяжки и проч.? Павелъ Иванычъ принялъ все это съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ люди убѣждаются, что солнце свѣтитъ, что подъ ногами—земля, а надъ головой—небо: объ этомъ даже и не думаютъ. Павелъ Иванычъ дѣлалъ все это исправно и жилъ поэтому весьма счастливо до тѣхъ поръ, пока время не пошатнуло этого міросозерцанія. Съ нѣкоторыхъ поръ стало оказываться, что взятка—вещь гнусная, и что Павелъ Иванычъ—подлецъ, тогда какъ онъ считалъ себя честнымъ человѣкомъ. «Развѣ я что̀ укралъ?»—говорилъ онъ въ подтвержденіе этого. Начальство, которое прежде только распекало, которое прежде отличалось опытностью и дряхлостью, стало замѣняться какими-то щелкоперами, которые носили пестрыя брюки, курили въ присутствіи сигары, не брили бородъ, выгоняли вонъ безъ суда и слѣдствія, не желали видѣть доказательства честности въ безпорочной пряжкѣ. Все это и множество другихъ

либеральныхъ реформъ, похожихъ на снисхожденіе къ пестрымъ брюкамъ, вломились въ умственный міръ Павла Иваныча и произвели въ немъ потрясеніе. Павелъ Иванычъ впервые сталъ ощущать тоску, возвращаясь изъ должности въ лоно своего благоустроеннаго хозяйства; впервые подъ ся вліяніемъ онъ сталъ ощущать, что разговоры послѣ обѣда съ бабой о разныхъ разностяхъ, которые въ прежнее время онъ такъ любилъ, не идутъ къ дѣлу и не помогаютъ. Какъ человѣкъ набожный, онъ возлагалъ большую надежду на помощь Божію, надѣясь, что всѣ эти брюки, честности и бороды «прейдутъ», ибо посылаются въ наказаніе народамъ за беззаконія и блудную жизнь; но въ сущности это были только самые легкіе удары начинавшагося землетрясенія. За бородами пришли времена, когда вдругъ мужики перестали давать взятки. Въ былое время Павелъ Иванычъ напишетъ бумажку и знаетъ, что ему сейчасъ дадутъ, и что потомъ это даяніе онъ положитъ въ карманъ; а тутъ пришло такъ, что онъ только пишетъ бумажки, а въ карманъ ничего не кладетъ и не знаетъ, чѣмъ занять оскорбленную руку. Затѣмъ пошли новые суды, неповиновеніе въ народѣ (а въ томъ числѣ и въ кухаркѣ). И все это вмѣстѣ внесло въ душу Павла Иваныча множество самыхъ непримиримыхъ вещей; не говоря о существѣ этихъ вещей, можно указать только на силу ихъ томительности, исходившей изъ того, что Павелъ Иванычъ принужденъ былъ всѣми этими новизнами къ размышленіямъ о чемъ-то такомъ, о чемъ онъ прежде и не думалъ. Ради забвенія этой тоски, съ которою непосредственно соединялись боль въ спинѣ и крестцѣ, ломота костей, нытье рукъ и ногъ, Печкинъ сталъ шататься въ лавку Трифонова, которая уже успѣла прославиться своими успокоительными свойствами. Но у Трифонова хотя и было очень много вещей, совершенно не напоминавшихъ современности, однако же не получалось и полнаго успокоенія, потому что и сюда отъ времени до времени залетали слухи о новыхъ судахъ, о честности, о желѣзной дорогѣ... Въ концѣ концовъ все это до того повалило Павла Иваныча, до того уронило его въ собственномъ уваженіи, что требовалось какое-нибудь рѣшительное средство для того, чтобы привести въ порядокъ его душу и оживить ее.

Онъ рѣшился жениться, обновить свою жизнь; для этого онъ пошелъ и взялъ Софью Васильевну, которой самой некуда было идти и которая безъ посредства Павла Иваныча должна бы была погибнуть, какъ муха, или весь вѣкъ по-

тихоньку поливать цвѣты и утрачивать румянецъ. Румянецъ этотъ первоначально былъ «пораженъ счастіемъ», видя его въ 45-ти-лѣтнемъ Павлѣ Иванычѣ, и сталъ громко и горько плакать; но когда былъ поставленъ подъ вѣнецъ и спрошенъ: «согласны ли»,—то отвѣчалъ, что «согласенъ». Послѣ этого онъ пересталъ плакать, сказалъ себѣ: «ну что-жъ», окаменѣлъ, одеревенѣлъ и, въ качествѣ пустого сосуда, началъ наполняться интересами супруга. Окаменѣніе и одеревенѣніе являются прямымъ результатомъ житья подъ чьею-либо властью. Софья Васильевна не могла избѣгнуть его, но зато самая власть, взявшая ее, была изумительно ничтожна: она требовала только одного, и именно только того, чтобы Софья Васильевна признавала ее за эту власть въ то время, когда всѣ считаютъ ее за ничто. Софьѣ Васильевнѣ не зачѣмъ было безпокоиться, что мужъ пьянъ и разобьетъ голову, прибьетъ ее и пр.: Павелъ Иванычъ не пилъ ни одной капли; не зачѣмъ было ей тревожиться хозяйствомъ, устройствомъ спокоя благоденствія: все это было устроено прежде ея прихода; ей нужно было только слушать ропотъ Павла Иваныча на современность, и лучше, ежели бы она не понимала его. Софья Васильевна была счастлива и въ этомъ отношеніи, ибо ропотъ Павла Иваныча былъ лишенъ всякой логики. Разозленный, напримѣръ, сразу множествомъ новыхъ явленій, онъ въ бѣшенствѣ ходилъ по комнатѣ и вопіялъ:

— Желѣзная дорога! Ну что̀ такое желѣзная дорога? Желѣзная дорога, желѣзная дорога! А что̀ такое? въ чемъ дѣло?.. неизвѣстно!

Отвѣчать что-нибудь на такія фразы или возражать на нихъ—вещь весьма не безопасная, ибо Павелъ Иванычъ и сердится на желѣзную дорогу собственно только потому, что она, на ряду съ другими явленіями, тоже какъ будто возражаетъ ему и мѣшаетъ съ прежнею ясностью видѣть кругомъ себя. Софья Васильевна не понимаетъ ничего и молчитъ. А Павлу Иванычу легче: его слушаютъ.

Такимъ образомъ у Софьи Васильевны не оказывалось никакой работы, кромѣ заботы слушать брюзжанія Павла Иваныча, и слѣдовательно румянецъ ея и знакомство съ перешейками нашли самый подходящій пріютъ для себя, тѣмъ болѣе подходящій, что одеревенѣніе Софьи Васильевны уничтожило и ту тѣнь труда, которая для нея могла заключаться въ заботѣ слушать Павла Иваныча. Она слушала его и не слыхала ничего, и это было отлично.

Такъ и пошла ея райская жизнь.

Избавленная отъ всякихъ заботъ и трудовъ, Софья Васильевна могла спать, просыпаться, обѣдать и опять спать: окаменѣніе ея росло и дѣлалось неспособнымъ воспринять самыя раздражающія брюзжанія Павла Иваныча, дѣлало ихъ даже незамѣтными, несмотря на то, что, согласно съ безпрестаннымъ наплывомъ новыхъ явленій, оно дѣлалось какъ-то безтолковѣе и длиннѣе. Разоренный умъ Павла Иваныча, ободренный сначала появленіемъ Софьи Васильевны, съ теченіемъ времени снова почувствовалъ потребность подкрѣпить себя чѣмъ-нибудь новымъ, помимо Софьи Васильевны. Загроможденная желѣзными дорогами, новыми судами, нотаріусами и проч., мысль Павла Иваныча выводила его то къ необходимости лѣчиться, ставить банки, піявки, то къ необходимости усерднѣе прибѣгнуть къ Богу, и наконецъ, совершенно неожиданно для него самого, привела его къ убѣжденію въ необходимости построже смотрѣть за женой. Это было до того ново и до того во власти Павла Иваныча, что ему снова стало покойнѣе и легче, если онъ, возвратившись изъ должности, шопотомъ спрашивалъ кухарку:

— Что̀ моя жена... ничего?..

Кухарка передавала объ этомъ барынѣ; но ей было все равно. Точно также ей было все равно послѣ того, какъ Павелъ Иванычъ, въ видахъ новаго ободренія самого себя, выказалъ намѣреніе запирать ее снаружи, упирая дубинкой въ дверь, и пр. Она продолжала прозябать, теряла человѣческій ликъ и нравъ, теряла съ каждымъ днемъ даже потребность опрятности, и такимъ образомъ получились тѣ результаты райской жизни, которые повергли Надю въ величайшее изумленіе.

3.

Раздумывая надъ положеніемъ Софьи Васильевны, Надя постепенно додумалась до того, что Сонечка достойна величайшей жалости. Подъ вліяніемъ этой мысли она снова отправилась къ ней, снова перенесла всѣ эти преграды, слезы, объятія и добилась все-таки того, что увела Софью Васильевну съ собою. Большихъ трудовъ ей стоило уговорить ее не трепетать и не вздрагивать отъ уличнаго шума, который весь и состоялъ только въ томъ, что какой-то мужикъ везъ куда-то песокъ, не бросаться въ стороны отъ прохожихъ, не ахать, хватаясь за грудь, при крикѣ ла-

вочнаго сидѣльца и пр. Кое-какъ наконецъ Софья Васильевна была приведена въ домъ Черемухиныхъ и обласкана; успокоить ея тревогу относительно того, «что скажетъ мужъ»,—не было никакой возможности, несмотря на одинаковыя старанія Черемухиной, Нади и Михаила Иваныча.

— Да что ты, матушка?—уговаривала ее Черемухина:— велика бѣда — разъ изъ дому въ гости ушла.

— Что вы ужъ очень-то? — успокаивалъ Михаилъ Иванычъ. — Велика фря!.. Да шутъ съ нимъ! пущай-ко-сь подумаетъ, не чѣмъ кольями-то припирать!

Никакое изъ подобнаго рода увѣщаній не могло хоть на вершокъ поколебать страха, который вдругъ стала чувствовать Софья Васильевна къ мужу, не внушавшему ей до сихъ поръ ничего, кромѣ полнаго равнодушія. Надя водила ее по саду, по двору, знакомила съ хозяевами, показывала людей, спавшихъ за заборами на перинахъ, и пр. Софья Васильевна какъ-то вдругъ начинала радоваться всему, что ни показывала ей Надя, и тотчасъ же впадала въ уныніе.

Къ концу вечера эти старанія сдѣлали то, что вмѣстѣ со страхомъ къ мужу въ сердцѣ Софьи Васильевны воспиталось уже крошечное зерно упрямства; ей уже не хотѣлось домой; а когда Надя предложила ей остаться и ночевать, говоря насчетъ Павла Иваныча: «пусть его», то Софья Васильевна только залилась слезами, но въ ужасъ не приходила.

Успокаивая ее, Надя шла съ ней изъ саду и тоже нѣсколько испугалась, встрѣтивъ кухарку Печкиныхъ, которая за минуту предъ этимъ, запыхавшись, вбѣжала въ ворота.

— Матушка, Софья Васильевна! Пожалуйте скорѣй домой! — испуганно говорила она. — Павелъ Иванычъ такой сдѣлали шумъ, такой шумъ!

И тутъ испуганнымъ, какъ говорится, «на смерть» голосомъ она разсказала, что Павелъ Иванычъ, не найдя дома жены и не зная, гдѣ она, распушилъ ее, кухарку, и хотѣлъ тотчасъ же объявить полиціи о розыскѣ сбѣжавшей съ офицеромъ жены. Кухаркѣ нужно было много времени, чтобы убѣдить барина, что никакого офицера тутъ не было и въ поминѣ, а приходила «барышня». Павелъ Иванычъ никого не слушалъ, кричалъ на весь домъ: «Барышня, барышня? что мнѣ съ барышней? что такое? въ чемъ дѣло?»— и сталъ бѣгать по лавкамъ, разсказывать всѣмъ, что «пришелъ домой, а жены нѣту», разспрашивалъ всѣхъ: «не

видали ли?», заглянулъ даже въ нѣкоторые кабаки и трактиры. Наконецъ кухарка, благодаря скукѣ и наблюдательности обитателей тѣхъ улицъ, по которымъ Надя и Софья Васильевна достигли дома Черемухиныхъ, отыскала ихъ и требовала немедленнаго возвращенія.

Досада охватила сердце Нади при этомъ разсказѣ и при видѣ убитой фигуры Софьи Васильевны, которую тащатъ въ какую-то берлогу.

— Она не хочетъ! Она не пойдетъ! — сказала она кухаркѣ довольно рѣшительно.

— Какъ это можно не идти? Гдѣ это видано! — въ ужасѣ отвѣчала кухарка. И ея слова были подтверждены хоромъ нѣсколькихъ зрителей, въ числѣ которыхъ былъ хозяинъ, хозяйка и солдатъ.

— Да она хочетъ быть здѣсь! — убѣждала Надя публику.

— Мало чего нѣтъ? Она хочетъ тутъ, а мужъ хочетъ тамъ!.. Нѣтъ, ужъ это что̀ же?.. Нѣтъ, ужъ иди!.. Какъ жена можетъ уйти?.. — говорила публика.

— Онъ, пожалуй, осерчаетъ да прогонитъ еще! — прибавила кухарка. — Они вонъ, Павелъ Иванычъ-то, чаю не пьютъ безъ нихъ... Этого нельзя!

— Да онъ одинъ напейся, развѣ не все равно? — отстаивала Надя Софью Васильевну.

— Супругъ желаетъ, чтобы вмѣстѣ! Сударушка! — со всѣмъ усердіемъ объяснила ей кухарка: — такое его желаніе, должна же супруга ему сдѣлать по вкусу!

— А она здѣсь желаетъ быть, долженъ онъ ей позволить!

— Матушка! — продолжала кухарка: — такое его желаніе, чтобы чай съ нею... Онъ такъ желаетъ... Должна она себя же приневолить!

Толпа подтверждала справедливость разсужденій кухарки. Старушка Черемухина, выглянувшая изъ комнаты, тоже не была противъ общаго мнѣнія, но высказала это довольно осторожно, сказавъ «вообще», что, молъ, конечно, жаль, а все-таки... Но самое полное доказательство правды этихъ мнѣній было внезапное появленіе самого Павла Иваныча. Онъ торопливыми шагами направился къ женѣ въ самую середину толпы, и вслѣдъ затѣмъ изъ разгнѣванныхъ устъ его полилась дребезжащая и крайне сердитая дичь и чушь.

— Это что̀ такое?.. Что̀ это такое?.. — захлебываясь отъ усталости и волненія, задребезжалъ онъ, глядя на Софью Васильевну: — я чаю не пилъ! Вѣдь это, вѣдь...

— Я съ Надей! — едва внятно произнесла Софья Васильевна.

— «Съ Надей»? — почти вскрикнулъ Павелъ Иванычъ, выпячивая грудь впередъ и растопыривая руки. — Что такое: «съ Надей»? Что мнѣ «съ Надей»? «Съ Надей», «съ Надей», а я... я чаю не пилъ!

— Ваша кухарка... — начала-было Надя.

— Кухарка! — еще громче вскрикнулъ Печкинъ и еще больше качнулся назадъ. — Что мнѣ кухарка? позвольте васъ спросить: что такое кухарка? а между тѣмъ... а-а... Вѣдь это невозможно!..

Сердитая чушь, сыпавшаяся изъ устъ Печкина и произносимая довольно громкимъ и крикливымъ голосомъ, въ соединеніи съ шумными сужденіями публики, съ каждой минутой привлекали все новыхъ зрителей и праздныхъ наблюдателей. Еще двѣ или три минуты, и на дворѣ Черемухиныхъ собралась бы толпа. Старушка Черемухина, знакомая съ нравами захолустьевъ, поспѣшила предупредить образованіе формальной сцены и пригласила Печкиныхъ въ комнату. Здѣсь она объяснила Павлу Иванычу, въ чемъ дѣло, уговорила его не безпокоиться и затѣмъ ласково проводила супруговъ за ворота. Надя съ грустью разсталась съ Софьей Васильевной и долго не могла успокоиться насчетъ того, что значитъ въ рукахъ супруга такое ничтожное обстоятельство, какъ «я не пилъ чаю!».

По уходѣ Печкиныхъ, захолустье, разбуженное супружескимъ вопросомъ, продолжало обсуждать его, и Надя принимала въ этихъ разсужденіяхъ живѣйшее участіе. Желая уронить въ общихъ глазахъ значеніе Павла Иваныча, она высчитала передъ хозяйской кухаркой, съ которой шли разговоры, всѣ его злодѣянія въ видѣ кольевъ, ворчанья, и заключила тѣмъ, что если бы ей пришлось съ этимъ человѣкомъ пробыть одинъ день, то она бы умерла или ужъ, по крайней мѣрѣ, ушла бы прочь.

— И, матушка, — отвѣтила ей кухарка: — ушла! Куды пойдешь-то, посуди сама? Вѣдь ты дня безъ супруга-то не продышишь! Повертишься-повертишься на крылечкѣ да и придешь опять! Кабы вы были простого званія, онъ бы, мужъ-то, такъ-то не привередничалъ... А то вы благородныя: по этому случаю вамъ надыть исполнять его приказъ.

— А простого званія? — спросила Надя: — а ты?

— Я-то? Мой мужъ этакъ-то не посмѣетъ... ему не расчетъ надо мной потѣхи потѣшать. Потому онъ знаетъ, что

ежели ему рубь серебромъ занадобится, я ему дамъ, помогу изъ своихъ трудовъ, изъ своихъ достатковъ, а ежели онъ пьянъ напьется да придетъ ко мнѣ шумѣть, — такъ я его тоже могу и въ часть посадить! Потому я сейчасъ взяла изъ своихъ денегъ гривенникъ, дала его будочнику, онъ его такъ-то ли прекрасно въ часть запретъ! Такъ-то-съ!

— Да вѣдь и онъ тоже можетъ будочнику дать гривенникъ?

— Съ чаво-жъ не дастъ?—дастъ: только ему же хуже... Въ чужихъ людяхъ той помочи-добра не сыщешь, что̀ въ женѣ мужъ, а въ мужѣ жена... Мы не допущаемъ себя до этого... Къ примѣру сказано... А у благородныхъ-то этого нельзя; благородный-то, хоть «что̀ хошь» мудри надъ женой, ей и будочникъ помочи не окажетъ, потому ка̀къ онъ барина въ часть потащитъ? Такъ она и должна себя потрафлять по мужу... Потому ей безъ мужа не съ чѣмъ взяться!

Почти то же самое высказывали и другія лица, обсуждавшія этотъ вопросъ: Михаилъ Иванычъ, и солдатъ, и хозяинъ, и хозяйка, и во всѣхъ ихъ рѣчахъ непремѣнно упоминалось о какомъ-то «своемъ трудѣ», «своихъ деньгахъ», какъ единственныхъ средствахъ, съ помощью которыхъ можно избѣжать всѣхъ этихъ безобразій.

Вечеромъ Надя долго думала обо всемъ, что̀ пришлось видѣть, и рѣшительно не могла придти къ иному выводу, кромѣ того, что кухаркѣ, дѣйствительно, лучше жить, нежели барынѣ или барышнѣ.

VI. Все по-старому.

1.

Какъ ни обстоятельно и ясно Павелъ Иванычъ предъявилъ свои супружескія права и силу мужниной власти, однако же Надя и Софья Васильевна сошлись другъ съ другомъ ближе. Надю къ этому побуждало сожалѣніе о горькой участи подруги; Софья Васильевна стремилась къ тому же, почти буквально ради возможности «дохнуть свѣжимъ воздухомъ». Сближеніе это отчасти внесло нѣкоторую долю разнообразія въ скучную жизнь Нади, ибо, благодаря ему, противъ Павла Иваныча была открыта война, занятіе, конечно, не особенно интересное; но въ томъ мірѣ, гдѣ

умѣютъ только покоряться, гдѣ не имѣютъ другого дѣла, кромѣ подставленія собственной спины подъ удары, и эту войну можно счесть дѣломъ. Обѣ наши подруги принадлежатъ къ провинціальной «толпѣ», массѣ; онѣ неразвиты, необразованны и испытываютъ самые первые, самые раннiе симптомы сомнѣній; и если принять въ расчетъ, что въ этой толпѣ никто никогда не сомнѣвался въ томъ, въ чемъ сомнѣвается Надя, то и война противъ Павла Иваныча — уже шагъ впередъ. Наперекоръ его брюзжанью, онѣ стали все чаще и чаще пользоваться его отлучками въ должность, послѣобѣденными снами для того, чтобы уйти изъ дому куда-нибудь, на что-нибудь посмотрѣть, посидѣть и погулять въ черемухинскомъ саду или просто сказать другъ другу: «экая скука!» — и ждать, пока появится разбѣшенный Павелъ Иванычъ. Появленія его доставляли Надѣ нѣкоторую долю удовольствія быть злой и чувствовать себя какъ будто бы самостоятельной, въ степени весьма, впрочемъ, слабой, ибо вся эта самостоятельность состояла въ томъ, что Надя съ теченіемъ времени пріучила себя безъ страха смотрѣть въ разгнѣванные глаза Павла Иваныча и тоже безъ страха говорить ему, что Софья Васильевна не хочетъ идти домой, что она остается у ней ночевать.

— Вотъ и все! — съ гнѣвомъ прибавила она.

— Ночевать! — восклицалъ Павелъ Иванычъ. — Вотъ это великолѣпно! Ночевать, ночевать, — а что̀ такое? въ чемъ дѣло? Неизвѣстно!.. Вѣдь это... Авдотья Петровна! — обращался Печкинъ къ старухѣ Черемухиной. — Вы мать... Я мужъ, развѣ возможно?.. Она ваша дочь... Вѣдь это!..

— Я, батюшка, человѣкъ старый!.. — отдѣлывалась Черемухина, чувствуя, что и ея голова разоряется въ послѣднее время. Съ одной стороны, ей кажется, что нѣту грѣха въ дружбѣ и скитаніяхъ ея дочери съ женой Печкина, съ другой — ей тоже кажется, что Софья Васильевна должна почему-то сидѣть дома, ибо и сама Черемухина дѣлала такъ въ теченіе цѣлой жизни.

И Надя чувствовала полное торжество, когда, несмотря на продолжительное оранье и брюзжанье Печкина, ей удавалось обдѣлать такое дѣло, какъ оставить ночевать у себя Софью Васильевну и видѣть, какъ разбѣшенный Павелъ Иванычъ плюнетъ и убѣжитъ со двора. Павелъ Иванычъ, голова котораго, какъ ужъ намъ извѣстно, была разорена современностью до послѣдней возможности, благодаря этой

борьбѣ съ Надей и съ женой, получилъ тоже достаточно опредѣленную жизненную цѣль и имѣлъ возможность возставать противъ событій, ему совершенно ясныхъ, и уже не враждовалъ противъ желѣзной дороги, которая не сдѣлала ему ровно никакого зла. Теперь было уже совершенно ясно, что во всемъ виновата жена, и о злодѣяніяхъ ея онъ трубилъ рѣшительно повсюду.

— Вотъ какъ, братъ, жены-то нынѣшнія! — въ гнѣвѣ кричалъ онъ въ окно сосѣду портному и показывалъ ему чайникъ. — Самъ, братъ, засыпь, самъ раздуй самоварчикъ, а не хочешь — поди на улицу да издыхай въ подворотнѣ. Вотъ, братъ! Голую взялъ, думалъ, что за мое благодѣяніе...

— Ишь, шельма!.. — говорилъ портной и прибавилъ со вздохомъ: — не тѣ нонѣ порядки, батюшка, Павелъ Иванычъ!.. Вы такъ думали, что за ваши сй благодѣянія окажетъ она вамъ всякое удовольствіе, напримѣръ, — да! а она, напримѣръ, задрала хвостъ въ то же время... Такъ-то-съ!..

— Да-а, братъ! Нонче порядки, братъ, пошли совсѣмъ собачьи... Ты хочешь такъ, а тебѣ вотъ такъ!..

— Ты, напримѣръ, этакъ вотъ имѣешь желаніе, а намѣсто того тебѣ такъ-то вотъ! — прибавлялъ, поясняя, портной и въ концѣ концовъ получалъ отъ Павла Иваныча рюмку водки, что̀ и составляло тайную цѣль портного въ теченіе всего разговора.

Но главнымъ пристанищемъ Павла Иваныча во всѣхъ горестяхъ послѣдняго времени была все та же лавка Трифонова. Какъ ни сильна была у Трифонова привязанность исключительно къ самому себѣ, къ своей медицинѣ и пѣнію, но, когда дѣло касалось женщинъ или «бабъ», онъ не оставался хладнокровнымъ слушателемъ и всегда готовъ былъ произнести сужденіе на этотъ счетъ, при чемъ на суровомъ лицѣ его мелькало нѣчто въ родѣ улыбки.

— Что̀, братъ, — говорилъ Печкинъ, входя въ лавку и въ изнеможеніи опускаясь на стулъ: — вѣдь опять хвостомъ вильнула, ушла!

— А ты спи покрѣпче!.. — говорилъ Трифоновъ.

— Проснулся, хвать! — и слѣдъ простылъ!

— Про что-жъ я-то говорю? Храпи поздоровѣй, каши наѣшься, набей брюхо-то, а она въ теченіе того времени будетъ тебѣ весьма благодарна... Дубина!.. — начиналъ Трифоновъ, принимая обыкновенный суровый тонъ: — л-любовника ищи!.. Гнилая колода! л-любовниковъ разыскивай... Чего храпишь-то?

— Да нѣту любовниковъ, братъ, нѣту!—въ унынiи говорилъ Печкинъ.

— Да какъ нѣту любовниковъ?—сердился Трифоновъ.— Какую это имѣетъ возможность твое слово, ежели она бѣгаетъ отъ тебя? Плетень! Ужъ ежели же она хвостъ треплетъ, слѣдственно ужъ гдѣ-нибудь да имѣетъ она свой проступокъ? Какъ любовниковъ нѣту?..

— Да именно я тебѣ говорю, что нѣту ихъ! Съ дѣвчонкой, съ Надькой Черемухиной шатается.

— Да черепокъ ты этакiй! Да и у дѣвчонки-то, разгляди-ко-сь хорошенько, ужъ они тамъ, любовники-то, гдѣ-нибудь прiуготовляютъ себя... Глупецъ! Разбери-ко дѣвчонку-то съ разсудкомъ, такъ ужъ тамъ, братъ, они, любовники-то, въ значительномъ благополучiи состоятъ... Нѣту любовниковъ! Экiй носъ табашный!.. А ежели нѣту любовника, какъ же не можешь ты жену свою вогнать въ струну!.. И совершенная ты будешь пакля, ежели ты его не разыщешь, потому ежели ты его сцапаешь, то можешь ты ее, супругу, по закону раскритиковать всячески!.. А безъ этого тебѣ никакъ нельзя... Я, братъ, ученъ ими... Онѣ у меня, бабы-то, вотъ гдѣ сидятъ!..

При этомъ Трифоновъ показывалъ на затылокъ, и именно этимъ можно объяснить то рвенiе, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ Печкина. Дѣлъ этихъ однако же не поправляло участiе, которое Печкинъ находилъ въ лицахъ, ему сочувствовавшихъ: любовниковъ не находилось, и отлучки жены сдѣлались еще чаще. Не проходило дня, чтобы Софья Васильевна не ночевала у Черемухиныхъ или Надя не приходила ночевать къ Печкинымъ, и съ каждымъ днемъ въ Софьѣ Васильевнѣ росло отвращенiе къ Павлу Иванычу, къ его скучному дому, глухому переулку, словомъ — ко всему, среди чего она до знакомства съ Надей могла выработать способность спать по 15 часовъ въ сутки. Идти домой отъ Черемухиной для нея стало столь же противнымъ, какъ гимназисту идти въ пансiонъ, когда на дворѣ еще воскресенье, и когда дома братья и сестры еще бѣгаютъ и играютъ въ саду. Всякiй разъ эти возвращенiя сопровождались слезами, которыя прекращались только тогда, когда Надя шла ночевать къ ней. Дѣйствуя исключительно во имя жажды свѣжаго воздуха, Софья Васильевна съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась къ Надѣ и не отставала отъ нея ни на шагъ, доставляя тѣмъ Павлу Иванычу множество непрiятностей. Обезоруженный дово-

дами Трифонова насчетъ любовниковъ, Печкинъ рѣшительно уже не могъ возобновить прежнихъ предосторожностей по части запиранія жены въ свое отсутствіе и ограничивался только безплодными воплями, иногда, впрочемъ, измѣняя обычную форму выраженія ихъ.

— Позвольте узнать,—говорилъ онъ женѣ, когда та съ Надей возвращалась вечеромъ домой:—позвольте мнѣ узнать, неужели я какая-нибудь собака, что... Вѣдь это наконецъ... трепать хвосты!..

— Мы не трепали, — отвѣчала Надя за Софью Васильевну:—мы гуляли.

— Не трепали! Вотъ это великолѣпно! Гуляли! Вотъ превосходно! Гуляли-гуляли, не трепали, не трепали, а что такое? Вѣдь не въ подворотню же мнѣ идти ночевать?

На это ему не отвѣчали.

Во время этихъ отлучекъ, прогулокъ, посѣщеній родныхъ, дѣлавшихся большею частью въ сопровожденіи Михаила Иваныча и воспитывавшихъ въ Софьѣ Васильевнѣ духъ неповиновенія, жизненныя встрѣчи и сцены наводили Надю все на новыя сомнѣнія и все больше разоряли ея неразвитой, необразованный умъ. Война съ Павломъ Иванычемъ, въ которой супружескія права его играли такую видную роль, невольно заставляла Надю съ особенной впечатлительностью принимать только тѣ жизненные факты, въ которыхъ виднѣлся тотъ же вопросъ. Много было этихъ встрѣчъ, и изъ всѣхъ ихъ все-таки можно было вывести то заключеніе, что самостоятельность, свои деньги, свой трудъ существуютъ только у простыхъ людей. Случались, правда, встрѣчи, которыя озадачивали Надю, открывали ей совершенно новыя стороны жизни, но и онѣ въ концѣ концовъ оказывались нулемъ.

2.

Между прочимъ, одна изъ такихъ встрѣчъ произошла въ окружномъ судѣ, куда нашихъ подругъ затащилъ Михаилъ Иванычъ, весьма интересовавшійся «новыми порядками». Не зная ни старыхъ ни новыхъ порядковъ, Надя и Софья Васильевна были прежде всего испуганы обстановкой суда: налоемъ, священникомъ, толпою людей (которыхъ, въ сущности, было очень немного), и затѣмъ впали въ состояніе полнаго непониманія того, что передъ ними творится. Въ глубочайшемъ конфузѣ слушали онѣ разбирательство какого-то неизвѣстнаго имъ дѣла и не могли даже прибѣгнуть

за совѣтомъ къ Михаилу Иванычу, который почему-то усѣлся у самаго входа.

— Дѣйствительно ли, — обращается предсѣдатель къ купцу-свидѣтелю: — рука проходитъ въ тотъ разрѣзъ въ чемоданѣ?

— Съ охотой пролѣзаетъ, ваше высокоблагородіе, съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчаетъ свидѣтель. — Потому что онъ ее, дыру-то, васкобродіе, ножичкомъ распоролъ, эво ли какую! Икру, потому что все онъ имъ рѣзалъ, ножикомъ-то... Вы у него спросите, у шельмы!..

Предсѣдатель остановилъ купца на словѣ «шельма» и довольно строго объяснилъ ему, какъ тотъ долженъ относиться къ подсудимому. Купецъ, все время отвѣчавшій весьма храбро и подробно, вдругъ испугался, замолкъ, поблѣднѣлъ.

— Потому что, который ножикъ у него,—лепеталъ онъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ и обирая руками полы сюртука:—то онъ даже... васкобродіе... можетъ быть.

— Ишь, путаетъ!—говорили какіе-то мѣщане позади Нади.—Того и гляди, «знать не знаю»!

— Настращенъ старинными пустяками! Думаетъ: «какъ бы самого не упекли».

Надя и Софья Васильевна слушали и не понимали даже того, что̀ понимаютъ мѣщане.

— Подсудимый! Что̀ вы можете сказать на это?

Молодой малый, съ плутоватыми глазами, обвиняемый въ кражѣ денегъ изъ чемодана купца, кашлянулъ, тряхнулъ волосами и довольно наивнымъ голосомъ произнесъ:

— Ежели онъ меня упрекаетъ насчетъ быдто икры, то даже совершенно это напрасно. Потому я ее съ малыхъ денъ икру не потребляю...

— Дѣйствительно ли вы разрѣзали?—поясняетъ предсѣдатель свой вопросъ.

— Дѣйствительно, что я ее, васкобродіе, и по сіе время не люблю икру... И что̀ въ ей скусу?

— Ишь, оглобли-то поворотилъ!—разсуждаютъ мѣщане.

Софья Васильевна и Надя понимали только одно, что подсудимый виноватъ въ употребленіи икры и за это окруженъ жандармами и штыками. Не къ чести ихъ относится также и то обстоятельство, что онѣ засмѣялись вмѣстѣ съ публикой, когда оказалось, что одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, пожилой мужикъ, заснулъ, свѣсивъ съ ручки кресла въ стилѣ «возрожденія» лысую голову и руку съ

громадной шапкой. Несчастнаго разбудили, въ краткихъ словахъ изобразили ему, что поклясться предъ крестомъ и евангеліемъ и захрапѣть — поступокъ, по меньшей мѣрѣ, не джентльменскій. Въ свое оправданіе глубоко огорченный мужикъ могъ только сказать: «сморило... гналъ всю ночь... стомленъ...» Наконецъ ему объявили: «вы больны» — и посадили на его кресло въ стилѣ «возрожденія» другого мужика, который вытянулся съ испугу, какъ палка, и съ затаеннымъ дыханіемъ и вытаращенными глазами сталъ слушать, какъ обвинитель началъ «мотивировать», «формулировать», и какъ защитникъ потомъ, въ свою очередь, сталъ «объединять факты», въ родѣ икры и дыры, и проч. Не знаю, какъ мужикъ, но ни Софья Васильевна ни Надя рѣшительно не были бы въ состояніи произнести о подсудимомъ надлежащаго приговора, потому что неразвитое пониманіе ихъ было забито и испугано всѣми этими «da capo», «ab ovo», «ex abrupto», «умственный уровень», «декорумъ той среды, гдѣ подсудимый» и другими оборотами образованной рѣчи защитниковъ и обвинителей.

Въ глубокомъ уныніи и сознаніи своей глупости сидѣли онѣ и слушали, ничего не понимая.

И вдругъ въ залу суда вошла молодая, отлично одѣтая женщина, почти дѣвушка. Все, начиная съ походки и развязности, съ которою она прошла и сѣла около нашихъ подругъ, обличало въ ней по малой мѣрѣ полное знакомство со всѣмъ, что̀ тутъ ни происходитъ. Но черезъ минуту оказалось, что сосѣдка знакома и не съ такими вещами. Въ маленькихъ рукахъ ея очутились судебные уставы въ отличномъ переплетѣ; перелистывая ихъ съ тою быстротой, съ какою вообще перелистываютъ книги дѣти, не умѣющія ихъ читать, она придавала своему лицу значительную серьезность и шептала довольно громко:

— Боже, какъ они неправильно рѣшаютъ! Ахъ, какъ врутъ! Почему нѣтъ мужа? Гдѣ мужъ?.. Что̀ та-акое?.. Икра-а?.. И въ окружномъ!.. Вотъ мило!.. Да это просто тюремное заключеніе... Отчего не говоритъ мужъ?.. Я не понимаю!.. Со взломомъ?—обратилась она къ Надѣ.—Ахъ, вы недавно!.. Вы не слыхали!.. Ужасъ, что̀ они дѣлаютъ! Гдѣ мужъ?..

Все это говорилось весело, свободно и невольно располагало къ сближенію, не говоря уже о познаніяхъ молодой дамы во всевозможныхъ судейскихъ тайнахъ, что̀ возбуждало и зависть и уваженіе.. Подъ вліяніемъ этихъ ощу-

щеній Надя не замѣтила, что въ разговорахъ сосѣдки о правильностяхъ и неправильностяхъ судоговоренія главную роль играетъ мужъ, «который знаетъ все это лучше всѣхъ», и не придала особеннаго значенія тому восторгу сосѣдки, когда изъ-за прокурорскаго кресла высунулась и кивнула ей весьма приличная фигура мужа, послѣ чего зала суда огласилась радостнымъ восклицаніемъ: «ахъ, вотъ онъ!»,— а судебные уставы упали на полъ, и юридическіе разговоры замѣнились продолжительными киваньями мужу, посыланіемъ поклоновъ и поцѣлуевъ. Надя не замѣтила этого; она видѣла только, что эта женщина все понимаетъ, знаетъ, гдѣ правильно и гдѣ неправильно, и завидовала ей. Случай познакомилъ ихъ.

Фигура, выглядывавшая изъ-за прокурорскаго кресла, повидимому, удовольствовалась изліяніемъ супружеской любви, которую выказала сосѣдка Нади: она качнула головой, насупила одну бровь и скрылась. Сосѣдка Нади тотчасъ же притихла, усѣлась и снова было-взялась за судебные уставы; но такъ какъ небольшіе часики съ музыкой, болтавшіеся у ней на груди, были занимательны ничуть не меньше, чѣмъ эти уставы, то она, какъ ребенокъ, принялась баловаться и играть ими, вслѣдствіе чего въ залѣ суда запищала самая смѣшная музыка. Неумѣстность этого обстоятельства здѣсь, среди людей, занимающихся дѣломъ, была до того понятна всѣмъ, не исключая Нади и Софьи Васильевны, что всѣ онѣ какъ-то вдругъ испугались, потомъ засмѣялись украдкою, вдругъ закрыли лица платками, переглянулись изъ-за нихъ и подружились сразу.

Черезъ четверть часа онѣ уже о чемъ-то много и скоро говорили въ коридорѣ, выйдя сюда вмѣстѣ съ публикой и называя другъ друга «душечка»... Въ тотъ же день были приглашены «къ намъ съ мужемъ», а спустя нѣсколько дней Надя и Софья Васильевна были у Шапкиныхъ уже нѣсколько разъ.

3.

На этотъ разъ Надѣ показалось, что она дѣйствительно попала въ земной рай,—не такой, какой сумѣлъ оборудовать Павелъ Иванычъ Печкинъ. Прежде всего, Шапкины жили въ удобномъ, свѣтломъ и чистомъ домѣ; въ комнатахъ было свѣтло, красиво: столы, рояль, стулья, полы—все было новое, блестѣло и не носило на своей поверхности ни пылинки, которая клубами вылетала изъ всѣхъ угловъ и ве-

щей, находившихся въ домѣ Печкиныхъ. Вмѣсто запыленной и разрушенной фигуры Павла Иваныча, здѣсь былъ статный молодой человѣкъ, съ мягкимъ, деликатнымъ характеромъ, съ симпатичнымъ, но и солиднымъ лицомъ, на которомъ хотя и мелькала довольно часто весьма милая улыбка, но въ то же время особенно ярко выступалъ отпечатокъ серьезной думы, виднѣлись слѣды образованнаго ума, чему, кажется, способствовали и темныя стекла очковъ. Какъ и Павелъ Иванычъ, онъ говорилъ своей женѣ «ты», но въ такомъ братскомъ обращеніи рѣшительно не звучало желанія припереть жену палкой или посадить ее на цѣпь; напротивъ, между супругами господствовали самое полное согласіе и любовь. Но что̀ особенно сильно поразило Надю въ ихъ обществѣ, — это то, что жизнь ихъ была наполнена множествомъ занятій, уничтожавшихъ всякую возможность къ существованію того одурѣнія, которымъ такъ блистало райское семейство Печкиныхъ. Возвращаясь домой, мужъ сообщалъ супругѣ, чѣмъ рѣшили такое-то дѣло, кто хорошо или дурно говорилъ въ судѣ. И жена была совершенно поглощена какими-то, совершенно новыми для Нади, интересами. Съ чувствомъ огорченія за самоё себя, за свое невѣжество и съ чувствомъ зависти смотрѣла она на Шапкину, когда та разговаривала объ этихъ непонятныхъ вещахъ съ мужемъ или принимала участіе въ сужденіяхъ по тому же поводу съ его знакомыми, все молодымъ и умнымъ народомъ, употребляя въ разговорѣ слова. въ родѣ: «обжаловать», «кассація». Но этого мало. Въ первый же почти день знакомства съ Шапкиными оказалось, что, помимо множества дѣлъ, которыя занимаютъ голову жены Шапкина, у ней есть и свои «деньги», чего Надѣ рѣшительно не приходилось встрѣчать до настоящаго времени нигдѣ. Она переписываетъ мужу бумаги и получаетъ отъ него жалованье. Часы съ музыкой куплены на собственныя ея деньги; на свои же деньги пріобрѣтены ею зонтикъ и альбомъ и еще нѣсколько вещей, которыя и показывались Надѣ съ особеннымъ удовольствіемъ. О взяткахъ и о чемъ-нибудь злодѣйскомъ, обезобразившемъ для нея, благодаря Михаилу Иванычу, все—небо и землю,—здѣсь не было и помину. Напротивъ, былъ случай, когда Надя могла видѣть страшнѣйшій гнѣвъ и приливъ негодованія у обоихъ супруговъ по тому только обстоятельству, что какая-то мужицкая борода осмѣлилась высунуть голову изъ передней въ залу и промычать: «батюшка!..». По неразвитію своему, Надя

было-сжалилась надъ человѣкомъ, который говорилъ такимъ жалкимъ голосомъ и лицо котораго носило слѣды великаго горя; но ей тотчасъ же было разъяснено, что человѣкъ этотъ—не просто человѣкъ, а преступникъ, воръ или даже убійца.

— Если бы у тебя или у твоего брата оторвали голову, что̀ бы ты сказала?—возразила ей жена Шапкина.—Неужели ему прощать?..

Надя была побѣждена.

Такъ какъ къ этому времени война противъ Павла Иваныча утратила почти всякій интересъ, ибо даже Софья Васильевна въ эту пору могла говорить ему то, что̀ прежде рѣшалась дѣлать только Надя, и такъ какъ вслѣдствіе этого снова настала скука, то знакомство съ Шапкиными было пріятно нашимъ подругамъ, несмотря на непріятное ощущеніе самоуниженія, которое испытывали онѣ въ ихъ обществѣ. Это былъ уголокъ свѣта, и его нельзя было не любить, тѣмъ болѣе, что тотъ уголъ тьмы и разоренья, гдѣ жили наши подруги, надоѣлъ имъ до послѣдней степени, не исключая изъ числа надоѣвшихъ лицъ и Михаила Иваныча, сдѣлавшагося къ этому времени воистину бѣшеной собакой.

Одно незначительное обстоятельство, однако, сильно поколебало эту любовь Нади къ Шапкинымъ и увеличивало ея скуку новыми тягостными размышленіями.

Дѣло было въ мировомъ съѣздѣ. Однажды явилась къ Надѣ жена Шапкина и съ торжествомъ объявила, что сегодня мужъ ея наконецъ «говоритъ». Очень жаль, что ему придется мало разговаривать, что нѣтъ возможности вполнѣ выказать талантъ, но все-таки слушать его—наслажденіе. Михаилъ Иванычъ тоже отправился вслѣдъ за дамами, помѣстился въ заднихъ рядахъ толпы, наполнявшей небольшую комнату съѣзда, до половины занятую столами господъ судей. Дамы, въ сопровожденіи жены Шапкина, пробрались впередъ и помѣстились на первой лавкѣ, въ виду величественной и необыкновенно привлекательной фигуры Шапкина. Новенькій, отлично сшитый мундиръ сидѣлъ на немъ превосходно; золотой воротникъ какъ нельзя лучше и изящнѣе оттѣнялъ бѣлыя, выхоленныя и выбритыя щеки; бѣлая рука небрежно поигрывала золотою цѣпочкою, и величественное лицо хранило печать тайны. Самоуниженію Нади на этотъ разъ рѣшительно не было границъ, ибо сосѣдка ея, жена Шапкина, помощью продолжительныхъ киваній, улыбокъ съ мужемъ — доказала самымъ непрелож-

нымъ образомъ какъ трудовую, такъ и сердечную связь съ этимъ величественнымъ «мужемъ», который при одномъ ея появленіи озарилъ свое лицо самою ясною улыбкой.

— Авдотья Тихонова!—раздался голосъ предсѣдателя.

— Слушай,—шепнула Надѣ Шапкина и притаилась.

— Тихонова... Авдотья?.. Здѣсь?—Здѣсь!—послышалось въ публикѣ, и, послѣ нѣкотораго волненія въ толпѣ, разступавшейся, чтобы дать дорогу Тихоновой, на средину комнаты робко выступила пожилая, худая деревенская женщина. На плечахъ ея, несмотря на лѣтнюю пору, былъ надѣтъ старый и рваный тулупъ; изъ-подъ полинялаго, старенькаго платка выглядывало испитое и лихорадочно-желтое лицо съ ввалившимися глазами. Въ рукахъ ея былъ темно-синій набойчатый платокъ. Отдѣлившись отъ толпы, она прежде всего стала искать глазами образа. « Гдѣ у васъ Богъ-то?..», «Ай, его нѣту?», «Ай, вонъ онъ!»—шептала она глухо, покашливая и прикрывая ротъ рукой. Окончивъ это, она пошла прямо къ столу судей и поклонилась. Ее попросили отойти подальше, потомъ подойти поближе, и такимъ образомъ установили на надлежащемъ мѣстѣ. Пріемы бабы не остались безъ улыбки со стороны публики. Подъ вліяніемъ игривой улыбки Шапкиной, Надя тоже было-улыбнулась, но больное лицо бабы и ея нищенская, жалкая фигура уничтожили эту улыбку тѣмъ быстрѣе, что Тихонова, помѣстившись противъ судей, на надлежащемъ мѣстѣ, почему-то глубоко вздохнула, сложивъ на груди руки съ платкомъ, и закашлялась.

Среди тишины, прерываемой только легкимъ звяканьемъ цѣпей, которыми поигрывали нѣкоторые изъ господъ судей, секретарь прочиталъ слѣдующее: «Такого-то числа и года, въ такомъ-то мировомъ участкѣ, такими-то сельскими начальниками было начато дѣло противъ вдовы Авдотьи Тихоновой, обвиняемой въ неисполненіи приказаній начальства. Имѣя въ домѣ своемъ довольно злую собаку, она никакъ не соглашалась ее убить или посадить на пѣпь, что было необходимо, ибо оная собака дважды нападала на сельскаго старосту, а въ послѣдній разъ укусила за ногу проходившаго мимо дома Тихоновой писаря. Хотя на излѣченіе отъ укушенія Тихонова и выдала писарю, по требованію его, до трехъ рублей, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе неисполненіе приказаній сельскаго начальства, мировой судья постановилъ: оштрафовать Тихонову пятью рублями, а собаку застрѣлить. Тихонова объявила себя недовольной рѣшеніемъ, собаки не застрѣлила и подала въ съѣздъ».

Во время чтенія этого протокола Тихонова стояла потупившись и по окончаніи его снова глубоко вздохнула.

— Что̀ вы желаете объяснить суду?..—спросили ее.

Тихонова замялась, зашевелила платкомъ въ рукахъ и глухимъ, надорваннымъ голосомъ произнесла:

— Я—вдова, ваше высокоблагородіе!.. У меня пять человѣкъ дѣтей, мужиковъ нѣту, мнѣ невозможно безъ собаки... Ребята малые, самой не досмотрѣть, мало ли...

— Позвольте!—весьма деликатно остановилъ ее предсѣдатель.—Вы можете протестовать только противъ окончательнаго рѣшенія...

Предсѣдатель говорилъ ровно, заученно, словно по книгѣ читалъ.

Тихонова замолчала; лицо ея покрылось пòтомъ.

— Потому что,—начала она взволнованнымъ голосомъ:—мнѣ безъ собаки никакъ невозможно! По моему сиротству, мнѣ требуется собака, чтобы вѣрная, злая!.. Чтобъ она лихого человѣка не подпущала... Ну что̀ же, ежели онъ ломитъ пьяный въ сѣнцы... Меня нѣту, собака нужается... Она поступаетъ по-хорошему!..

— Потрудитесь разъяснить Тихоновой тѣ основанія, на которыхъ она можетъ основать свою защиту!—повидимому, потерявъ терпѣніе, сказалъ предсѣдатель Шапкину.

Необыкновенная жалость, охватившая сердце Нади при видѣ запотѣвшаго отъ испуга лица Тихоновой, при видѣ ея тщетныхъ усилій обратить на себя и на свои нужды чьенибудь вниманіе, жалость эта отлегла отъ сердца Нади, когда поднялся Шапкинъ.

— Назначеніе съѣзда, — началъ тотъ самымъ симпатичнымъ и мягкимъ голосомъ, при чемъ Надя почувствовала самыя нетерпѣливыя и нервныя подталкиванія въ бокъ со стороны счастливой жены оратора: — назначеніе съѣзда утверждать или кассировать рѣшенія мировыхъ судей; слѣдовательно вы, подавая на кассацію, должны выставить суду неправильность употребленія господиномъ судьею тѣхъ или другихъ законоположеній... Вы подаете на кассацію...

— Да, ваше высокоблагородіе,—завопила наконецъ Тихонова. — И что̀ же теперича разрѣшаютъ собаку къ разстрѣлу!.. Ну какъ мнѣ безъ собаки возможно?.. Что̀ же теперича, ежели я ее на цѣпь-то посажу, нешто она мнѣ станетъ пòмочь давать?.. И на меня-то въ ту пору будетъ она какъ на злодѣя глядѣть... Спусти ее на ночь, она не

стеречь, а убѣчь норовитъ... Ну что же я съ малыми ребятами?..

— Кассаціонный порядокъ...—возвышая голосъ надъ ревомъ бабы, попытался произнести предсѣдатель, но баба упала на колѣни, завыла, отстаивая собаку, и въ съѣздѣ воцарилось нѣчто совершенно неосновательное. Съ одной стороны, господа судьи и Шапкинъ выказывали свойства истинныхъ джентльменовъ, умоляя бабу подняться съ колѣнъ и помогая ей въ этомъ; съ другой стороны, едва баба поднималась и открывала ротъ о своихъ нуждахъ, самымъ тѣснымъ образомъ сопряженныхъ съ участью вѣрной собаки,—какъ тѣ же джентльмены немедленно опять валили ее на-земь новымъ требованіемъ держаться законнаго порядка обжалованія, въ чемъ Шапкинъ принималъ самое дѣятельное участіе. Сердце Нади сжалось послѣ рѣчей Шапкина, которыхъ она не понимала точно такъ же, какъ и баба, и если не заплакала отъ этого при видѣ плачущей вдовы, такъ именно потому, что не совсѣмъ ясно понимала и ея горе. Въ пугливомъ недоумѣніи взглянула она на жену Шапкина, но и на ея лицѣ не было замѣтно особеннаго веселья. Недоумѣвающее, сконфуженное лицо ея улыбнулось, но тихо и невесело. Она слезливо поглядѣла на мужа, полагая въ простотѣ душевной, вмѣстѣ съ Надей и Софьей Васильевной, что въ его власти осушить бабьи слезы. Послѣ довольно продолжительнаго вытья бабы, среди котораго перемѣшивались слова: «собачка», «кассація», «къ разстрѣлу», «идея мирового института», «я вдова... мнѣ невозможно...», «аппелируя на неправильность рѣшенія, вы...», «мнѣ легче помереть», судъ ушелъ, потомъ пришелъ, а тутъ въ растроганныя сердца нашихъ дамъ былъ нанесенъ новый ударъ, ибо Шапкинъ съ своей каѳедры окончательно пошабашилъ бабу: разсмотрѣвъ ее со множества сторонъ, подведя множество законныхъ основаній, онъ *полагалъ* бы приговорить бабу къ штрафу въ объемѣ тѣхъ же пяти рублей, но собаку оставить въ живыхъ.

По окончаніи рѣчи онъ взглянулъ на жену, попрежнему улыбаясь; но жена почему-то покраснѣла, глядѣла на Надю, грустную и разстроенную, и на бабу, которая всхлипывала, отирала синимъ дырявымъ платкомъ заплаканное и запотѣлое лицо и глубоко вздыхала.

Во время «антракта» они вышли въ сѣни съѣзда, чувствуя въ груди нѣчто весьма тягостное. Шапкина уже не хвалила своего мужа, а только отмахивалась платкомъ и

смотрѣла черезъ перила на лѣстницу, на которой сидѣли и стояли мужики и бабы.

— Что онъ? Ай онъ очумѣлъ! — шумѣлъ внизу у самаго входа, среди кучки разныхъ людей, голосъ Михаила Иваныча.

Заслышавъ его, Надя тоже подошла къ периламъ. Михаилъ Иванычъ былъ совершенно взбѣшенъ, что, вмѣстѣ съ отсутствіемъ галстука на худой шеѣ и совершенно нищенскимъ костюмомъ, придавало его рѣчамъ нѣчто, дѣйствовавшее особенно сильно.

— Ай онъ одурманѣлъ? Что онъ ее гвоздитъ по башкѣ-то? Онъ въ сорока наукахъ ученъ, въ ста водахъ мытъ, гдѣ же бабѣ деревенской сладить съ нимъ? Докуда?..

— Нѣтъ, братъ! — слышалось тоже внизу изъ толпы, окружавшей Михаила Иваныча. — Зубовъ у нашего брата нѣту!.. Вотъ чего! Покуда зубовъ не наживемъ, все насъ этакъ-то кувыркать будутъ...

— Не дадутъ! зубовъ-то не дадутъ нагулять!..—бѣсился Михаилъ Иванычъ.

— А кабы она тоже его рѣзанула на своемъ нарѣчіи, анъ и безъ штрафу бы!.. Онъ—сто двадцать вторая статья, а она ему—пятьсотъ тридцать... онъ ей—тысячу, а она бы ему—милліонъ,—небось бы, присѣлъ!

Всѣ необразованные слушатели были согласны въ необходимости «зубовъ» при новыхъ жизненныхъ порядкахъ. Но такъ какъ никто изъ слушательницъ достаточнымъ образомъ не участвовалъ въ этихъ порядкахъ и не имѣлъ достаточнаго личнаго опыта, гдѣ бы зубы эти требовались, то разсужденія публики на этотъ счетъ хотя и припомнились Надѣ впослѣдствіи, но въ настоящее время не обратили на себя особеннаго вниманія, которое гораздо болѣе было поглощено словами разозленнаго Михаила Иваныча. Ничѣмъ не превосходя ни нашихъ дамъ ни бабу въ пониманіи юридическихъ наукъ, Михаилъ Иванычъ, подобно имъ, возмущался жестокосердіемъ господъ судей и выражалъ эту мысль на своемъ разозленномъ языкѣ такъ сильно, что слушательницы были возмущены поступкомъ Шапкина до глубины души.

— Онъ ошибся!..—съ трудомъ побороръ тягостное молчаніе, проговорила Шапкина.

Въ это время въ сѣни вошелъ самъ Шапкинъ. Надя не чувствовала къ нему уже ни благоговѣнія ни симпатіи: она боялась его. Стоя у перилъ, она не поворачивала головы въ

сторону разговаривающихъ супруговъ, но слушала ихъ шопотъ съ любопытствомъ. Шапкинъ, успокаивая взволнованную жену, говорилъ ей, что онъ не имѣетъ права вступать съ бабой въ задушевныя бесѣды; что такихъ бабъ приходитъ по сту въ день, всѣмъ не разъяснишь; что наконецъ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ говоритъ законъ, и что никакого зла онъ бабѣ не желалъ.

— Развѣ ты не понимаешь, чего она хочетъ?—говорила Шапкина.

— Разумѣется, понимаю... Но видишь, въ чемъ дѣло...

— Такъ зачѣмъ же ты не слушаешь ея?.. Она говоритъ свое, а ты свое!..

— Поэтому-то мы оба и правы: она говоритъ, что̀ ей нужно, а я—что̀ мнѣ нужно.

— Да она не понимаетъ тебя! Ты былъ въ университетѣ, а она?..

— Чѣмъ же я виноватъ, что она не была въ университетѣ?

Шапкинъ улыбался. Жена молчала.

— Я самъ въ томъ же положеніи, какъ и она. Я не могу ей сдѣлать добра потому, что она тоже не можетъ доставить мнѣ удовольствія быть ей полезнымъ. Когда мы будемъ вмѣстѣ съ ней по одной книжкѣ читать, тогда все это и кончится...

Потолковавъ еще на тему о всеисправляющемъ времени, Шапкинъ ушелъ. На лицѣ его жены послѣ этого разговора не проходило выраженіе огорченія.

По уходѣ его дамы постояли въ сѣняхъ еще минуты двѣ-три и тихо стали спускаться къ выходу. У воротъ на улицѣ онѣ встрѣтили бабу. Полушубокъ ея былъ разстегнутъ, и концы головного платка развязаны. Отирая платкомъ раскраснѣвшееся и потное лицо, она сидѣла на тумбѣ, положивъ около себя какіе-то узелки, и говорила другой бабѣ:

— Пуще всего рада, собачку-то не ухлопали... Какъ вѣдь онъ меня полыхалъ!..

Шапкина дала ей двугривенный (больше у нея не было съ собой) и приглашала ее къ себѣ пить чай; но баба не пошла, отговариваясь тѣмъ, что она и такъ пять дней дома не была черезъ этотъ судъ и не знаетъ, что̀ теперь съ дѣтьми: живы ли.

Всѣ медленно разошлись по домамъ.

Въ головѣ Нади бродила мысль, что не всякое дѣло об-

разованнаго мужа можетъ придтись по вкусу женѣ. Богъ знаетъ,—можетъ, мужу придетъ охота взять должность обижать да увѣчить, какъ выражается необразованный Михаилъ Иванычъ, и тогда жить плохо. Тутъ ей припомнилась взаимная любовь Шапкиныхъ, ихъ поцѣлуи, нѣжности, перемѣшанныя съ непонятными словами, которыя, быть-можетъ, и значатъ дурное, и она охладѣла къ нимъ, а на душѣ стало еще тяжелѣе. Необразованная мысль ея шла ухабами, кривыми дорогами, словомъ—тѣмъ путемъ, какимъ шли современныя будни, не освѣщенныя никакимъ запасомъ знаній, опытовъ. Много было отъ этого лишнихъ мученій, потому что каждый опытъ, попадая въ эту нетвердую, неопытную мысль ея, только мучилъ и разорялъ ее.

Грустно возвращались Надя и Софья Васильевна въ свою глухую улицу, чтобы снова томиться въ однообразіи пустоты и скуки, поджидая нападенія Павла Иваныча. На этотъ разъ ихъ не сопровождалъ даже Михаилъ Иванычъ, съ которымъ въ эту пору происходили разныя новости.

VII. Неожиданныя новости въ жизни Михаила Иваныча.— Чугунка.

1.

Какъ уже сказано, злость Михаила Иваныча къ этому времени достигла самыхъ крайнихъ предѣловъ, такъ что рѣшительно не было человѣка, который бы, столкнувшись съ нимъ, не назвалъ его бѣшеной собакой. Причиною такого озлобленія было, во-первыхъ, долгое бездѣльное житье, къ которому Михаилъ Иванычъ вообще не привыкъ и предѣлъ котораго былъ для него совершенно неизвѣстенъ; во-вторыхъ—томительное однообразіе нищенскаго и безвыходнаго положенія, и въ-третьихъ, наконецъ, чугунка, открытія которой ждали съ минуты на минуту. До тѣхъ поръ, пока чугунка не была достроена, когда этого нужно было еще ждать, одинокая, заброшенная всѣми душа Михаила Иваныча могла пробавляться разными надеждами на будущее. Терпѣливо ожидая ее, съ этими надеждами ему было легче переносить постоянную насмѣшку надъ собой, скуку скитаній вслѣдъ за скучными «барышнями» среди іюльской жары, пыли. Но теперь это дѣлалось совершенно невозмож-

нымъ. Глядя, какъ съ каждымъ днемъ около вокзала уменьшаются лѣса, какъ двигаются первые тяжелые вагоны, свистятъ паровики, Михаилъ Иванычъ сталъ чувствовать себя совершенно одинокимъ, ибо всѣ эти новости разсѣивали надежды на Петербургъ. Оказывалось, что у Михаила Иваныча нѣтъ денегъ, чтобы туда ѣхать, что даже и ѣхать ему не зачѣмъ, а фигура Максима Петровича утратила почему-то всю ту ясность, съ которой представлялась до сихъ поръ. Михаилъ Иванычъ сталъ чувствовать себя растерзаннымъ, убитымъ, но пряталъ свое отчаяніе отъ насмѣшекъ и показывалъ только злость. Въ это время онъ уже не могъ, даже у Черемухиныхъ, злиться тихо, какъ прежде, а, напротивъ,—норовилъ всякаго оборвать, перекусить пополамъ.

— Скучно!—говорила Надя.

— Да вотъ какъ же!—огрызался Михаилъ Иванычъ.— Сейчасъ для васъ заиграютъ въ барабаны, въ трубы затрубятъ, чтобъ вамъ веселѣе! Оченно всѣ объ этомъ въ заботѣ, чтобъ васъ увеселить... Сію минуту-съ!..

Вслѣдствіе замѣчаній старухи Черемухиной, чтобы онъ говорилъ попокойнѣе, потому, молъ, что между простыми людьми не зачѣмъ этакъ шумѣть, Михаилъ Иванычъ иногда замолкалъ, а иногда, разозлившись, уходилъ ругаться въ другое мѣсто. Подобно семейству Черемухиныхъ, ему опротивѣлъ и помѣщикъ Уткинъ, и всѣ цѣловальники, и знакомые въ Жолтиковѣ и на пути къ нему. Онъ шатался то тамъ, то сямъ, оборванный, худой, не вступая ни съ кѣмъ въ подробные разговоры, отплевываясь и отругиваясь отъ всѣхъ вопросовъ, задаваемыхъ кѣмъ-либо ему, какого бы невиннаго содержанія они ни были. Кашель и ревъ въ груди, усилившіеся въ послѣднее время, много помогали ему въ этой неразговорчивости.

Случай спасъ Михаила Иваныча отъ погибели, отъ одинокой смерти гдѣ-нибудь въ полѣ,—по крайней мѣрѣ, на время. Оказалось, что есть люди, желающіе и умѣющіе взять дань съ этого кашля, ревущей груди и злости.

Предъявляя эти свойства на крыльцѣ мирового съѣзда въ защиту несчастной бабы, защищавшей свою собаку, Михаилъ Иванычъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ слушателей. Это былъ высокій, полный купецъ. Слушая, какъ онъ лается на властей, обидѣвшихъ бабу, какія онъ употребляетъ при этомъ выраженія, купецъ не могъ не сообразить, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, который въ

грошъ не ставитъ цѣну своей головы. Купецъ долго слушалъ его; при особенно вѣскихъ выраженіяхъ отходилъ прочь, начиналъ смотрѣть въ сторону или потолокъ, принимая самое невинное выраженіе лица, и въ то же время не проронилъ ни слова...

— Чуденъ!—произнесъ онъ съ улыбкой, на ряду съ другими слушателями, когда публика на крыльцѣ начала расходиться, и сталъ надѣвать шапку, чтобъ идти. Надъ шапкой онъ возился до тѣхъ поръ, пока не разошлись всѣ, и тогда вышелъ за ворота, неторопливыми шагами пошелъ за Михаиломъ Иванычемъ, догнавъ его, тронулъ пальцемъ въ плечо и проговорилъ:

— Толкнись въ трактиръ «Утюгъ»... разговоръ будетъ... дѣло есть!..

И прошелъ мимо съ беззаботностью ребенка, читая по складамъ вывѣски.

Михаилъ Иванычъ остановился, какъ-то одеревенѣлъ отъ радости при словахъ: «дѣло есть», торопливо пошелъ вслѣдъ за купцомъ. Тотъ опередилъ его; первый пошелъ въ самый грязнѣйшій трактиришко, гдѣ его, повидимому, коротко знали, и спросилъ номерокъ.

— Какое дѣло?—пыталъ Михаилъ Иванычъ, войдя въ номеръ. Но купецъ, не отвѣтивъ ему, оглянулъ стѣны и сказалъ половому:

— Нѣтъ ли потемнѣй комнатки? Дѣло секретное, не подходитъ!..—шепнулъ онъ Михаилу Иванычу.

Половой провелъ ихъ въ темную клѣтушку съ темными ободранными обоями и окномъ, заслоненнымъ какими-то постройками и грязными тряпками, сушившимися противъ него на веревкѣ.

— Какое дѣло?—повторилъ Михаилъ Иванычъ, когда они усѣлись около маленькаго заплеваннаго стола.

— Настоящее будетъ дѣло-съ... — сказалъ купецъ и потребовалъ водки и чаю.—Просимъ покорно,—выкушайте!..

Михаилъ Иванычъ выпилъ, закусилъ и нѣсколько времени молча глядѣлъ на купца.

— Въ какомъ смыслѣ дѣло будетъ ваше? — наконецъ опять спросилъ онъ.

Купецъ налилъ чаю, уперся локтемъ въ столъ и сталъ хлебать, повидимому, не спѣша, приготовляясь къ самому основательному разговору.

— Кто такіе будете?..—спросилъ онъ наконецъ.

— Рабочій... выгнанъ за непокорство съ заводу...

— Оченно превосходно!.. Выкушайте рюмочку.

Михаилъ Иванычъ выпилъ.

— На какомъ основаніи имѣли ваше непокорство?..

— А на такомъ, что большой оченно разбой напущенъ на простого человѣка.

Двѣ рюмки водки, выпитыя среди іюльской жары, подѣйствовали сильно на больные нервы Михаила Иваныча, и онъ въ длинномъ и желчномъ разсказѣ передалъ купцу свои взгляды на прижимку. Одобреніе, которое купецъ высказывалъ при словахъ: «рабочій человѣкъ ошалѣлъ», «зачумленъ», придало его рѣчамъ гораздо большее количество энергіи, нежели водка, и всѣ душевныя скорби его были выпущены на волю безъ всякихъ ограниченій.

Разсказаны были, разумѣется, всѣ планы насчетъ Петербурга, Максима Петровича, отъ котораго въ дѣлѣ заступничества за простого человѣка ожидается значительная помощь.

Купецъ все слушалъ, изучая натуру Михаила Иваныча, одобрялъ, и наконецъ, перевернувъ двѣнадцатую чашку, сказалъ:

— Имѣете большое роптаніе... Оченно превосходно! Для нашего дѣла такой человѣкъ требуется, чтобы съ ропотомъ... Толкнитесь завтрашняго числа вторительно въ номерокъ объ эту пору... Можетъ, Богъ дастъ, въ Петербургъ съѣздите... Будьте здоровы!

Какъ ни темны были дѣла, предлагаемыя купцомъ, но Михаилъ Иванычъ ужъ былъ закупленъ въ пользу ихъ съ одного разу; во-первыхъ—эти дѣла одобряютъ его взгляды; во-вторыхъ—сулятъ ему возможность уйти отсюда, изъ этого проклятаго города, гдѣ онъ страдалъ и чахъ цѣлую жизнь. Не разгадавъ сущности дѣлъ, затѣваемыхъ купцомъ, Михаилъ Иванычъ съ теченіемъ дальнѣйшей бесѣды съ нимъ убѣдился, что лично ему поручаемое дѣло состоитъ именно въ томъ, чтобы защищать простого человѣка, что̀ составляло его завѣтную мечту.

— Вы обижены,—говорилъ ему купецъ, сидя за чаемъ въ комнатѣ:—вы, простой рабочій человѣкъ, потерпѣли большое притѣсненіе? Такія ваши слова?

— Такъ точно! Потому всѣ мы замучены...

— Ну вотъ-съ! Вы такъ говорите, якобы всѣ. Еще того лучше... Слѣдственно ваше дѣло роптать на притѣсненія-съ... Куда вы намѣрены были сами въ Санпетербургѣ жаловаться, роптать, напримѣръ, то вы и ропщите!.. Про-

изводите по вашему рабочему дѣлу шумъ, больше ничего и не требуется! Шумите-съ!.. Передъ начальствомъ, напримѣръ, сдѣлайте объясненіе... По знакомымъ, чтобы тоже бы шумѣли! Ропщите, напримѣръ, и все тутъ!.. Больше ничего! Это для нашего дѣла оченно способствуетъ, ежели вы за нашего рабочаго заступленіе окажете въ Санпетербургѣ.

— За простого человѣка?—кричалъ въ такихъ случаяхъ Михаилъ Иванычъ, всегда угощенный водкой:—въ гробъ пойду!

— И чудесное дѣло!.. Производите ваше роптаніе въ аккуратѣ, и отъ насъ будетъ вамъ взаимно.

Въ необходимости заступаться за простого человѣка и шумѣть изъ-за него въ Петербургѣ Михаила Иваныча укрѣпляло нѣсколько разныхъ лицъ, которыхъ поочередно приводилъ въ комнатку первый купецъ. Всѣ они выслушивали ропотъ Михаила Иваныча, предварительно заставивъ его выпить водки, переглядывались между собою, шептали другъ другу: «на что же лучше?»—и затѣмъ объясняли цѣль его будущей миссіи именно въ смыслѣ роптанія на теперешнее положеніе рабочаго человѣка.

Такіе толки и испытанія способности Михаила Иваныча роптать шли довольно долго; но мы не будемъ останавливаться на нихъ, ибо всѣ засѣданія въ комнатѣ грязнаго трактира были совершенно похожи другъ на друга. За день или за два до открытія чугунки, поѣздка его была рѣшена. Купцы дали ему пятьдесятъ цѣлковыхъ на расходы, одѣли его, какъ одѣваютъ вольника на три, на четыре дня, пока ему не надѣнутъ на плечи солдатской шинели, сказали, чтобы отписывалъ обо всемъ на имя какого-то ничтожнаго мелочного лавочника, и отпустили его собираться въ дорогу.

И въ то время, когда задыхавшійся отъ радости Михаилъ Иванычъ бѣжалъ къ Черемухинымъ, чтобы сообщить, что онъ воскресъ, что онъ побѣдилъ, — между его благодѣтелями-купцами, въ томъ же номерочкѣ «Утюга», шелъ такой разговоръ:

— А это, братъ, ты аккуратно придумалъ! — говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ коноводу тайнаго дѣла:—запустить волчка! хе-хе-хе!..

— Хе-хе-хе!.. — смѣялся коноводъ.—Потому что безъ волчка невозможно... Ежели мы, примѣрно, сами пойдемъ по этому дѣлу... насъ, братъ, начнутъ тамъ чистить, карманы наши, напримѣръ...

— Хе-хе-хе... Вѣрное слово!

— Кромѣ того, мы пужливы... Тяжелы... Этакое дѣло намъ начать,—такъ вѣдь это насъ, по нашей глупости, какъ разграбятъ-то?..

— Синь-пороха не оставятъ!

— То-то вотъ! А какъ я перво-наперво этакого-то пущу волчкомъ, какъ онъ нашумитъ тамъ передъ начальствомъ-то, анъ ужъ намъ тогда вольготнѣе; тогда ужъ они будутъ думать: эво, молъ, до чего народъ нѣмцемъ-арендателемъ прижатъ, что ровно бѣшеные на послѣднія въ Питеръ бѣгутъ жалиться! Какъ Мишку-то увидятъ... Вѣдь что̀ это? Пуля!

— Пуля!.. Это вѣрно! Ну, та̀къ надо думать, что башку ему свернутъ тамъ...

— Это вѣрно! Прямо въ огонь лѣзетъ!.. Да что̀ же? Первое дѣло, что своя его воля, а второе, что и башку ежели ему, такъ и то не Богъ вѣсть что̀! Ни кола, ни двора, ни куринаго пера... А намъ все сходнѣй тогда-то съ хлѣбомъ съ солью подвалить,—такъ, аль нѣтъ?..

Разумѣется, всѣ были согласны съ практичностью такого употребленія особы Михаила Иваныча, тѣмъ болѣе, что и самое дѣло, которое намѣрены были господа предприниматели начать хлѣбомъ-солью, не было гуманнымъ: партія провинціальныхъ капиталистовъ, появившихся какъ-то внезапно въ послѣднее время, намѣрена была взять у казны заводъ, находившійся въ настоящую минуту въ рукахъ нѣмца-арендатора. Пошатнуть нѣмца сразу было нелегко, потому что въ Петербургѣ онъ имѣлъ хорошую заручку; нужно было произвести особенный говоръ по вопросу о передачѣ завода въ русскія руки; нуженъ былъ шумъ въ Петербургѣ, сдѣланный фанатикомъ страданій рабочаго народа: и вотъ пригодились и больная грудь Михаила Иваныча, и его злость, и его фантастическая вѣра въ «нынѣшнее время», когда простому человѣку «даютъ ходъ».

2.

Поможетъ или не поможетъ Михаилъ Иванычъ этимъ людямъ въ набиваніи ихъ кармановъ—мы еще не знаемъ, какъ не знаетъ этого и онъ самъ, твердо вѣрующій, что идетъ шумѣть за права простого человѣка. Вѣра въ это преобразовала его въ послѣдніе дни совершенно. Злость пропала, и на худомъ, болѣзненномъ лицѣ свѣтилась какая-то дѣтская радость. Въ новомъ костюмѣ, стоившемъ нѣсколько грошей, онъ, правда, походилъ въ это время на человѣка,

который только-что выписался изъ больницы: худъ, еще нездоровъ, но радъ дышать чистымъ воздухомъ, радъ глядѣть на людей, ходить по травѣ. Безъ ругательствъ распрощался онъ съ жолтиковскими знакомыми, съ Уткинымъ, съ цѣловальниками, съ дьячками, и всѣ они на этотъ разъ тоже дружелюбно отеслись къ нему; иные даже просили «похлопотать» въ Петербургѣ. Дали ему множество адресовъ, просили разыскать, купить, написать подробнѣе «обо всемъ». Михаилъ Иванычъ охотно принималъ порученія, цѣловался съ оставляемыми имъ врагами и въ дѣтскомъ умиленіи говорилъ:

— Много терпѣлъ простой человѣкъ, — пора вздохнуть! Авось найдутся добрые люди, помогутъ намъ!..

Всѣ говорили, что найдутся, и вѣрили этому.

За день до отъѣзда онъ совсѣмъ перебрался изъ Жолтикова въ кухню Черемухиныхъ и уже не злился въ это время на скучавшую Надю и на старуху Черемухину, потому что въ эти минуты былъ счастливѣе всѣхъ. Напротивъ, ему почему-то было немного даже жалко покинуть ихъ; да и имъ безъ него, видимо, было скучно, въ особенности Надѣ, которая въ эту минуту стала чувствовать къ Михаилу Иванычу особенное расположеніе: безъ него оставались одни мертвецы кругомъ нея. Подъ вліяніемъ этого расположенія къ Михаилу Иванычу, Надя, ея мать и Софья Васильевна снаряжали его въ дорогу, какъ близкаго имъ родного. Ходили съ нимъ въ ряды покупать галстукъ, манишку, каковыя вещи, по мнѣнію Михаила Иваныча, весьма необходимы въ разговорахъ съ петербургскими людьми; набили ему двѣсти папиросъ изъ табаку въ гривенникъ, ибо Михаилъ Иванычъ не рѣшался тратить на пустяки много, когда нужны деньги на хлопоты объ участи простого человѣка. Въ свою очередь, и Михаилъ Иванычъ взялся сдѣлать для Черемухиныхъ доброе дѣло: сынъ Черемухиной, Василій, тотъ самый, который лазилъ къ Михаилу Иванычу на печку слушать сказки, пять лѣтъ почти безъ вѣсти пропадалъ въ Петербургѣ. Гдѣ онъ и что съ нимъ— мать рѣшительно не знала; послѣдніе два года онъ не писалъ ни строки; слышно было, что вышелъ изъ университета, не кончивъ курса; но живъ ли теперь или умеръ— Богъ знаетъ. Михаилъ Иванычъ весьма былъ радъ взяться за это порученіе; кромѣ фантастическаго Максима Петровича, у него въ Петербургѣ не было никого, а Василій Андреевичъ, братъ Нади, долженъ помнить его болѣе, не-

жели Максимъ Петровичъ, потому что онъ не одинъ десятокъ сказокъ разсказалъ ему въ дѣтствѣ.

— А не забыли, скажу, какъ вы ко мнѣ на печку бѣгали? а?..—фантазировалъ Михаилъ Иванычъ.—Да, помнитъ! Какъ забыть! А Максиму Петровичу — прямо въ ноги... Земной поклонъ! Передъ Богомъ! «Какъ ты, скажетъ, смѣлъ купецкія краденыя деньги на дорогу брать?»—«Голубчикъ! Максимъ Петровичъ! ужъ неужто-жъ такъ имъ, купцамъ-то, и оставлять всѣ деньги-то?.. Довольно они денегъ-то нашихъ положили въ карманъ. Дай и намъ грошикъ!..» Эхъ, и человѣкъ же!

Минуты всеобщаго расположенія охмелили Михаила Иваныча до того, что онъ въ послѣдніе дни былъ постоянно немножко навеселѣ, ибо на радостяхъ рѣшался пропивать въ день по двугривенному, по пятиалтынному. Въ такомъ радостномъ настроеніи онъ лѣзъ цѣловать ручки у Нади, у Черемухиной, у Софьи Васильевны; попилъ-погулялъ съ мастеровымъ Ваней и его женой Ѳенюшкой; пѣсенъ попѣлъ съ ними, пошатался ночью по улицамъ съ мастеровымъ народомъ и гармоніей, и даже выказывалъ поползновенія насчетъ женскаго пола, остановившись на улицѣ противъ прохожей дѣвушки съ такими словами:

— Дать тебѣ дорогу, красавица, али нѣтъ?.. — сказалъ онъ, снявъ картузъ, и прибавилъ:—проходи, милая, никто не посмѣетъ... Богъ съ тобой!..

Среди этого гулянья онъ не упускалъ случая разъ-другой заглянуть на чугунку и разспросить: «не ушла ли?». Успокоенный отвѣтомъ: «нѣтъ еще», шелъ проститься съ старымъ знакомымъ, въ кабачокъ, къ Трифонову, гдѣ на прощаньи весьма основательно обругалъ Павла Иваныча, за что заслужилъ всеобщее одобреніе. Наконецъ, въ одно утро, ужъ не рабочіе, а сторожъ при желѣзной дорогѣ, одѣтый, какъ картинка, объявилъ, что сегодня въ седьмомъ часу вечера будетъ изъ О. первый поѣздъ въ Москву...

— Вре..?—пролепеталъ Михаилъ Иванычъ, обрадованный до испуга, и долгое время стоялъ молча съ разинутымъ ртомъ, чувствуя, что какъ будто бы все тѣло его превратилось въ одно сердце, бьющееся отъ великаго счастія, и побѣжалъ къ Черемухинымъ.

— Облажено!—пробормоталъ онъ и сталъ сію же минуту собираться въ дорогу.

Надѣ вдругъ стало страшно тяжело отъ этого слова «облажено», отъ этого счастья улетѣть изъ разореннаго омута,

освѣжить свою разоренную, безплодно тоскующую голову.

Не для одного Михаила Иваныча и Черемухиныхъ этотъ день былъ чѣмъ-то особеннымъ, не будничнымъ, когда люди умираютъ отъ скуки, и не праздничнымъ, когда люди могутъ пить, спятъ до обморока и смотрятъ фейерверкъ въ присутствіи господина начальника губерніи. Въ нашу глушь, въ нашу скуку, беззащитную, брошенную жизнь, пришло что-то совсѣмъ новое, сулящее лучшее будущее и еще не измѣнившее нашей тоски, нашего гореванья ни на волосъ. Не одинъ Михаилъ Иванычъ ни свѣтъ ни заря суетился и торопился на машину: весь городъ былъ какъ-то наэлектризованъ этой новостью, такъ что, когда часовъ въ шесть Михаилъ Иванычъ, сопровождаемый Надей и Софьей Васильевной, пришелъ на вокзалъ, здѣсь уже были толпы народа. Все это двигалось, было весело, собиралось уѣхать, улетѣть; ни одной заспанной щеки, ни однихъ глазъ, заплывшихъ отъ одури, нельзя было встрѣтить среди толпы, бродившей по широкимъ комнатамъ вокзала. Вся эта суета, пробужденіе чѣмъ-то горькимъ отзывались въ сердцѣ Нади; а Михаилъ Иванычъ, въ жизни котораго событія слѣдовали въ послѣднее время съ такой быстротой, почувствовалъ нѣкоторый страхъ, вслѣдствіе чего попросилъ барышень поглядѣть за узелкомъ, скрылся на время неизвѣстно куда, а возвратившись черезъ нѣсколько минутъ, имѣлъ лицо весьма радостное.

— То-есть вотъ какъ обладимъ дѣла... — сказалъ онъ Надѣ, тряхнувъ кулакомъ.

— Вы водки напились?—вмѣсто отвѣта сказала та.

— Да, голубчики!—снимая картузъ, залепеталъ Михаилъ Иванычъ: — милыя!.. Да какъ мнѣ не выпить?.. Ангелочки вы мои...

И принялся цѣловать у «барышень» руки, что̀ хотя и было не особенно замѣтно среди толпы, однако заставило Надю и Софью Васильевну уйти впередъ, на платформу.

Скоро Михаилъ Иванычъ разыскалъ ихъ и здѣсь. Но отъ изліяній воздерживался, ибо всеобщее вниманіе было обращено на лѣсъ, изъ котораго съ минуты на минуту долженъ былъ выпорхнуть первый поѣздъ. Въ ожиданіи его шли разговоры. Благородные толковали о томъ, что теперь представляется удобный случай ѣздить въ Москву, въ театръ. «Утромъ выѣхалъ, къ обѣду тамъ; умылся, одѣлся и маршъ, а къ утру опять дома».—«Великолѣпно!» Другіе,

изъ числа тоже «благородныхъ», смотрѣвшіе на это дѣло глубже, разсуждали о подвозѣ, о расширеніи. Простой народъ, не имѣвшій возможности понять, что оный подвозъ и оное расширеніе могутъ образоваться изъ ихъ дырявыхъ лаптей, трактовалъ о чугункѣ кое-что совершенно случайное.

Разговоры публики были прерваны необыкновенно громкимъ крикомъ какого-то сильнѣйшаго горла, раздавшимся откуда-то сверху:

— О-на-а! бра-а-тцы!

Все зашумѣло, шатнулось и какъ бы въ какомъ страхѣ замолкло.

Изъ глубины просѣки темнаго лѣса выглянули два красные глаза; донесся жиденькій свистокъ. Это былъ первый поѣздъ.

— Вотъ она, матушка! — шепталъ замлѣвшій Михаилъ Иванычъ въ то время, когда среди всеобщаго молчанія поѣздъ все ближе и ближе подходилъ къ платформѣ.

— Ахъ! голубчики мои милые!—слышалось то тамъ, то здѣсь.

Поѣздъ пришелъ и остановился. Молчаніе смѣнилось еще болѣе оживленнымъ движеніемъ.

Говоръ. Шумъ. Смѣхъ.

Михаилъ Иванычъ чуть не плакалъ отъ радости и безпрепятственно цѣловалъ ручки своихъ спутницъ, которыя были совершенно подавлены всѣмъ, что видѣли.

— Дай Богъ вамъ за вашу доброту! Надежда Андревна! Софья Васильевна!—бормоталъ Михаилъ Иванычъ.

— Отыщите брата! Пожалуйста!—просила его Надя.

— Подъ землей вырою-съ! На нихъ надежда! Для васъ, для... маменьки вашей... То-есть, Господи Боже мой!

И снова начиналось цѣлованіе рукъ, даже кофты, въ которую была одѣта Надя. Долго на спинѣ Михаила Иваныча плясалъ узелъ съ пожитками отъ поклоновъ и намѣреній стать на колѣни.

Звонокъ прервалъ эти изліянія.

— Дай вамъ Богъ!—крикнулъ Михаилъ Иванычъ, махнулъ картузомъ и скрылся въ толпѣ.

Затертыя толпой, Надя и Софья Васильевна не видали, какъ Михаилъ Иванычъ, высунувъ голову въ вагонное окно, искалъ ихъ глазами, чтобы еще разъ сказать: «Дай Богъ вамъ!»

Онѣ слышали, какъ застучали колеса поѣзда, раздались

свистки; видѣли, какъ повисли надъ платформой и вокзаломъ черные клубы дыма; видѣли, какъ дымъ поблѣднѣлъ; слышали, какъ постепенно замолкалъ и наконецъ совершенно замолкъ стукъ и грохотъ колесъ.

Поѣздъ выглянулъ черной массой на новомъ чугунномъ мосту, закуталъ дымомъ старинную маленькую колокольню маленькой церкви, на которой жиденькіе колокола возвѣщали «третій» звонъ, и безъ звука скрылся. Толпа долго стояла и смотрѣла ему вслѣдъ. Многіе почему-то вздохнули, потомъ пошли по домамъ, и всѣ о чемъ-то тяжко затосковали.

VIII. Лѣтній вечеръ.

1.

Былъ душный лѣтній вечеръ, когда Надя и Софья Васильевна возвращались съ желѣзной дороги. Ни той ни другой не хотѣлось идти домой въ эту лютую скуку, изъ которой уходятъ даже Михаилы Иванычи. Надя была крѣпко грустна и задумчива и не выказывала на этотъ разъ особенной внимательности къ горестямъ Софьи Васильевны; а такъ какъ послѣдняя держалась и жила только этимъ сочувствіемъ Нади и ея внимательностью, то въ настоящую минуту и она чувствовала себя совершенно одинокою, подавленною, брошенною. Слезы были близко. Сначала думали онѣ идти ночевать къ Печкинымъ, ибо Софья Васильевна не была дома почти два дня; но мысль о томъ, какая скука ожидаетъ ихъ въ обществѣ Павла Иваныча, сдѣлала невозможнымъ это намѣреніе. Подумали-было идти къ Черемухинымъ, но и тамъ было не веселѣй: пожалуй, кто-нибудь умеръ, кто-нибудь отходитъ. Порѣшили идти на «бульваръ»: было уже довольно темно, такъ что простые костюмы не могли конфузить ихъ среди разряженныхъ губернскихъ баръ. И пошли въ той же тоскѣ и задумчивости.

Но, на полпути къ бульвару, тоска ихъ была во сто разъ увеличена нежданнымъ появленіемъ Павла Иваныча. На углу какой-то улицы онъ наткнулся на нихъ и забормоталъ:

— Что̀ это? Господи! Вѣдь это наконецъ... Что̀ же это такое?

— Мы на желѣзной дорогѣ были!—отвѣтили вмѣстѣ Надя и Софья Васильевна, почувствовавъ, что къ тоскѣ прибавилось что-то, похожее на злость.

— На желѣзной дорогѣ!—воскликнулъ Печкинъ.—Вотъ это великолѣпно! Желѣзная дорога! Ужъ ежели желѣзная дорога, такъ мнѣ и... выпячиваться на нее?

— Мы вовсе не выпячивались!

— Не выпячивались! Вотъ это еще превосходно! Не выпячивались! Не выпячивались, не выпячивались, а въ чемъ дѣло? Что̀ такое? Неизвѣстно!

Въ дрожавшемъ отъ бѣготни и раздраженія голосѣ Павла Иваныча все-таки слышалась на этотъ разъ нѣкоторая доля радости, должно-быть, потому, что онъ отыскалъ жену, и не въ обществѣ подозрѣваемыхъ имъ «любовниковъ». Только этимъ и можно объяснить, почему онъ шелъ вслѣдъ за женой и Надей, и хотя высказалъ намѣреніе вернуть ихъ домой, однако пришелъ вмѣстѣ съ ними на бульваръ.

На бульварѣ играла музыка и происходило обычное провинціальное гулянье. Между темнѣвшими въ вечернемъ сумракѣ сучьями деревъ, въ особенности же около небольшого кафе въ русскомъ вкусѣ, виднѣлись разноцвѣтные фонари, освѣщая то женскую шляпу, то столъ съ чайнымъ приборомъ. Липовая аллея, тянувшаяся по низменному берегу рѣки, около старинной кремлевской стѣны, была наполнена народомъ, медленно двигавшимся и весьма скучавшимъ. Когда замолкала музыка, то въ саду наставала почти мертвая тишина; слышался только шумъ шаговъ и шлейфовъ по песку, стукъ чайной ложечки объ край стакана и возгласъ: «человѣкъ!». Скука, составляющая обычное достояніе провинціальнаго гулянья,—такъ какъ обществу должно же надоѣсть исключительное занятіе однимъ гуляньемъ,—эта скука въ нынѣшній «день перваго поѣзда» была какъ-то упорнѣе и молчаливѣе обыкновенной. И можно сказать положительно, что «первый поѣздъ» игралъ въ этой всеобщей задумчивости не послѣднюю роль. То «что-то новое», сопряженное съ нимъ, та новая власть, какъ бы понукающая заснувшій народъ впередъ, которая скрыта въ этомъ событіи, и другіе элементы его, неуловимые, но вломившіеся въ нашъ умъ и тронутые имъ съ новою силою, все это какъ-то отягчало душу всякаго, кто только ни гулялъ, а стало-быть, и ни тосковалъ въ этотъ вечеръ на этомъ бульварѣ. Не одинъ семинаристъ изъ числа тѣхъ, которые выступаютъ на гульбище позднимъ вечеромъ и скитаются

по заднимъ аллеямъ, боясь испугать своимъ халатомъ,— не одинъ изъ нихъ чертилъ въ эту минуту планы будущей жизни въ Петербургѣ, куда теперь такъ легко попасть и въ ожиданіи котораго такъ нелегко живется. Не одинъ подгулявшій мастеровой, раздумавшись на лавочкѣ около рѣки о своей судьбѣ, подумалъ о томъ, что: «Была не была, удеру отсюда! Пропадай!» Не одна Надя и Софья Васильевна завидовали участи улетѣвшихъ изъ этого мертваго царства.

Быть-можетъ, это тосковапье и нельзя признать общимъ; во всякомъ случаѣ, слегка знакомый намъ барчукъ Уткинъ, находившійся тутъ же, на бульварѣ, испытывалъ на себѣ именно это гнетущее душу содержаніе нынѣшняго событія. Вялая, тощая фигура его, полулежащая на лавкѣ, едва виднѣлась въ темной тѣни бузиннаго куста. Мы разсматривать ея не будемъ, предпочитая сказать два слова о томъ, что̀ именно дѣлалось въ головѣ барчука. Чугунка, явившаяся наконецъ у насъ, привела его къ мысли, что время идетъ все впередъ и впередъ, что «дѣла», съ каждымъ днемъ все больше и больше. И все это какъ-то мимо его! Вспомнились ему безъ толку загубленныя галки, выстрѣлы въ собаку, въ окно, приказчичья дочь, безплодная возня съ ней въ теченіе полугода, чтеніе книгъ великихъ европейскихъ умовъ, при чемъ перевертывалось сразу по пятидесяти страницъ. Все это необыкновенно грустно подѣйствовало на его душу. Напрасно буфетчикъ Ларивонъ Сердоликовъ, содержавшій въ саду кафе, вывѣсилъ объявленіе о новой кіевской наливкѣ, только-что полученной изъ Петербурга; напрасно только-что пріѣхавшая изъ Москвы камелія Анна Павловна нѣсколько разъ прошумѣла шлейфомъ около самыхъ его ногъ и даже закурила у него папироску: не было никакого желанія съ горя пойти въ буфетъ и выпить, или съ горя же пойти за Анной Павловной, съ горя спѣть хоромъ какую-нибудь соотвѣтственную ея салону пѣсню, потратить деньги и потомъ воротиться въ Жолтиково для продолженія мыслей «о подготовкѣ», о приказчичьей дочери, о самоубійствѣ и о прочемъ. Ничто не шло въ голову; даже денегъ въ карманѣ Уткина было болѣе обыкновеннаго, но онѣ какъ-то слабо пытались вылетѣть оттуда на этотъ разъ. Не буфета, не Анны Павловны, не выстрѣла въ галку хотѣлось Уткину, а, напротивъ, — «дѣла» по возможности самаго бы современнаго хотѣлось ему, чтобы жить и дышать за нимъ полной грудью.

Спустя нѣсколько времени онъ, правда, пошелъ и выпилъ, и даже съ Анной Павловной сказалъ нѣсколько словъ, и даже улыбнулся, когда она ударила его зонтикомъ по плечу; но въ концѣ концовъ все-таки пришелъ къ прежней скамейкѣ и легъ подъ бузиннымъ кустомъ. Подъ вліяніемъ скуки, онъ не замѣчалъ ни публики, ни даже того, что около него на лавочку присѣлъ, предварительно извинившись, какой-то оборванный мастеровой, съ значительнымъ «градусомъ» въ головѣ, и не слыхалъ, что онъ что-то бормоталъ.

— Вашбродь!—шепталъ робко мастеровой.—Ужли пропаду?.. Вашскброды!.. Неушта?.. Да, братецъ ты мой... Ягодка!.. Да я тебѣ скажу, это что̀ такое? Игла! а-а! Вотъ то-то и оно! Я ей примусь орудовать — ахъ-ха! Долбону разъ!—готово! Со святыми упокой! Прочнина навѣки вѣковъ! Отъ этого дѣла гонятъ, съ иглой возьмутъ. Эхъ ты-и, бра-атъ! Баринъ! Чуешь, что-ль?.. Чудакъ ты!

— Что̀ тебѣ?—произнесъ Уткинъ такимъ тономъ, который прямо говорилъ, что слушать не хотятъ.

— Ну, не надо!—сказалъ мастеровой и сталъ молча перекладывать что-то изъ-за голенища за пазуху.

Настала тишина.

— Ну, посидѣли и пора!.. Что̀ хорошаго?—донеслось до слуха Уткина съ сосѣдней лавки.

Здѣсь, освѣщенные мѣсяцемъ, сидѣли Надя, Софья Васильевна и Печкинъ.

— Посидѣли и будетъ! — повторилъ Павелъ Иванычъ, боясь забрюзжать при публикѣ, но все-таки съ признаками нѣкотораго раздраженія въ голосѣ.

— Пожалуйста, минуточку! — утомленно пролепетала Софья Васильевна.

— Да по мнѣ, я говорю, — все одно. Только что нехорошо. Посидѣли—и довольно. Что̀ торчать-то?..

— Да что̀ же все въ духотѣ? Господи! — какъ-то раздраженно сказала Софья Васильевна.

— Въ духотѣ, въ духотѣ!—забормоталъ уже обыкновеннымъ голосомъ Павелъ Иванычъ:—а вотъ какъ что-нибудь случится, вотъ... и будетъ «въ духотѣ». Ишь! вонъ какіе шатаются! Ну, чего торчать-то? Посидѣли, чего еще? Ну, и пора. Ишь, вонъ какія шлюхи, ей-Богу...

— Павелъ Иванычъ! Да неужели въ самомъ дѣлѣ лучше сидѣть въ душной комнатѣ, чѣмъ здѣсь? — начала-было Надя, но Печкинъ, взбѣсившійся въ конецъ, перебилъ ее:

— Да, вотъ мы тутъ будемъ умудряться: «ужели», «неужели», а вотъ какъ случится что-нибудь. Вотъ и «неужели» будетъ.

— Что же случится?

— Да, вотъ мы тутъ самое мѣсто нашли разсуждать! Самое настоящее мѣсто, очень нужно! Вѣдь, кажется, довольно посидѣли? Ну что хорошаго? Ишь, вонъ какія шкуры...

Ему не отвѣчали.

Какъ ни была разбита голова Уткина въ настоящую минуту, однако и въ ней нашлось нѣсколько доводовъ противъ того, что весьма глупо запрещать человѣку дышать чистымъ воздухомъ на основаніи того, что кто-то шляется, и что можетъ случиться какая-то дичь. Онъ понялъ, что кто-то почему-то притѣсняетъ другого.

— Вашбродь! — буркнулъ мастеровой. — Извольте послушать!

— Будетъ, пожалуйста!—умоляющимъ голосомъ останавливалъ его Уткинъ.

— Да вѣдь фальшивую дали... Цѣловальникъ-то, который... Рупь, напримѣръ...

— Отстань!

— Да вѣдь лавочникъ-то...

— Убирайся къ чорту!—внѣ себя воскликнулъ Уткинъ.

Мастеровой остановился, добродушно сказавъ: «Ну, не надо!» и снова сталъ рыться за голенищемъ, за пазухой, перекладывая что-то изъ шапки въ рукавъ, изъ рукава въ сапогъ.

— То-есть кабы зналъ бы...—дребезжалъ Павелъ Иванычъ.—Ну, что толку? Ужъ, кажется, вѣдь довольно...

— Ну, пойдемъ!—отрывисто сказала Надя, быстро поднялась съ лавки и пошла.

Вслѣдъ за ними торопливо побѣжалъ Павелъ Иванычъ, а черезъ нѣсколько минутъ и Уткинъ, сообразившій, что «тутъ что-то есть», пошелъ тоже вонъ изъ сада, куда, дѣйствительно, началъ стекаться разбитной народъ. Музыка, оставленная капельмейстеромъ-нѣмцемъ на произволъ солдата-помощника, играла русскія пѣсни, по глухой аллеѣ уже кого-то тащили будочники. Кучка молодыхъ людей, среди которыхъ блистала на мѣсяцѣ кокарда, сверкали шляпы, накрененныя набокъ, палки, положенныя на плечо, громко разговаривая, смѣясь, преслѣдовала двухъ дамъ, съ бронзовыми полумѣсяцами въ большихъ шиньонахъ и съ папиросками въ рукахъ.

2.

Уткинъ шелъ почти слѣдомъ за Павломъ Иванычемъ и его дамами. Молча прошли они пустынную площадь кремля, гдѣ у лавокъ бѣгали на веревкахъ собаки; миновали соборъ, на высокій и свѣтлый крестъ котораго молился деревенскій мужикъ. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ и площадь, и соборъ, и мужика. Уткинъ шелъ тихо, считалъ часы, которые съ переливами били на колокольнѣ, и молчалъ. И тамъ молчали. Только Павелъ Иванычъ, спотыкаясь о камни и стукая о нихъ палкой, не сдерживалъ уже своего брюзжанія.

— Вѣдь этакъ торчать... Наконецъ вѣдь это... Надо же когда-нибудь домой? Не до бѣла же свѣта?

— Вѣдь домой идемъ! — говорила Софья Васильевна.— Ну что-жъ тутъ бормотать-то?

— Да то и бормотать, что дурно. Бормотать!

— Что-жъ тутъ дурного?—говорила Надя.

— То дурное-съ, что... нехорошо! Дурно, больше ничего! Дурное! дурное, дурное, а-а... въ чемъ дѣло? Наконецъ ошалѣешь!

Въ такихъ разговорахъ они наконецъ достигли переулка и воротъ дома Павла Иваныча.

— Съ нами, голубчикъ!—не пуская Надиной руки, умоляла Софья Васильевна.—Ночевать!

Но какая-то жажда одиночества, овладѣвшая Надей, на этотъ разъ рѣшительно побѣдила жалость къ ней. Надѣ захотѣлось быть дома одной, не говорить ни съ кѣмъ, никого не слышать.

— Нѣтъ, милая, я домой! — сказала она, вытаскивая руку.

Напрасно Софья Васильевна упрашивала ее остаться,— Надя попросила кухарку проводить ее домой и ушла.

— Умру-у!.. — слышался Уткину, повернувшему за уголъ, голосъ Софьи Васильевны. — Пожалуйста! Завтра! Ра-ади Бо-ога!..

— Ну что же? Идти такъ идти! Не до свѣту же тутъ толкаться,—проговорилъ Павелъ Иванычъ, оставшись съ женой у воротъ, по уходѣ Нади.

— Иди ты, пожалуйста!—съ неменьшимъ раздраженіемъ отвѣтила Софья Васильевна, быстро ушла въ калитку и побѣжала вдоль темныхъ сѣней. Тьма, духота и гниль, охватившая Софью Васильевну, едва вступила она въ пер-

вую комнату, и отсутствіе Нади сразу подняло ея тоску до высшей степени. Захотѣлось сейчасъ же уйти отсюда, и она бросилась къ окну, не обращая вниманія на то, что рукавъ ея платья зацѣпилъ какой-то горшокъ или миску, стоявшій на накрытомъ для ужина столѣ, и опрокинулъ все это на полъ.

— Это что̀ такое? — воскликнулъ Павелъ Иванычъ со двора, заслышавъ грохотъ падающей вещи.—Это еще что̀ такое?—продолжалъ онъ, прибѣжавъ въ комнату, гдѣ у окна стояла Софья Васильевна и старалась отворить плотно затворенную раму.

— Это что̀ такое? Что̀ такое грохнулось?..

Рама распахнулась съ шумомъ и трескомъ.

— Надя-а! Надя!—звала Софья Васильевна.

— То-есть, я говорю, тутъ самъ чортъ не сживетъ! — проговорилъ въ величайшемъ гнѣвѣ Павелъ Иванычъ.— Тьфу, ты... Боже мой!.. Ну что̀ ты зѣваешь на всю улицу?..

Софья Васильевна безотвѣтной тишиной переулка убѣдилась, что Надя далеко, и, не раздѣваясь, какъ была, сѣла, почти упала на стулъ у подоконника, положивъ на него свою голову.

— Ну какая тамъ «Надя»! «Надя-Надя»... Опрокинула что-то!.. Что̀ такое опрокинулось?—бормоталъ Павелъ Иванычъ, ощупью направляясь къ столу, на которомъ обыкновенно помѣщался ужинъ, и что-то искалъ руками.

— Ну, вотъ!—бормоталъ онъ. — Такъ и есть!.. И соль! Э-эхъ-ма! Ужъ неужели... неужели ужъ нельзя?.. Такъ и есть!.. Протекло!.. Эхъ-ма-а!.. «Надя, Надя»!..

Руки его въ это время шлепали по скатерти, по полу, по лужѣ пролитыхъ щей, и потоки гнѣва увеличивались съ каждой минутой. Когда же, поднимаясь съ полу, Павелъ Иванычъ самъ опрокинулъ что-то со стола, гнѣвъ его дошелъ до высшей степени и заставилъ его убѣжать въ другую комнату.

— «Надя, Надя»! А что̀ такое? Съ этими «Надями», прости Господи... Тьфу!.. Адъ, а не домъ!—слышалось въ спальнѣ въ то время, когда Павелъ Иванычъ срывалъ съ себя сюртукъ и жилетъ.—Посуда не посуда, брякъ о̀-земь!.. Больше намъ заботъ нѣту... «Умру, умру!» А что̀ такое— «умру!»? Позвольте узнать?.. Самъ чортъ, кажется...

Громкія всхлипыванія, донесшіяся изъ комнаты, гдѣ была Софья Васильевна, прервали эти рѣчи. Павелъ Иванычъ

пріостановилъ свои ругательства, взглянулъ въ дверь и увидалъ, что жена его все лежитъ на подоконникѣ, и шляпка, надѣтая на ней, колышется и дрожитъ отчего-то. Софья Васильевна горько плакала.

Павелъ Иванычъ поглядѣлъ на эту картину, сдѣлалъ шагъ впередъ, попробовалъ-было издали утѣшить жену, сказавъ: «эка важность, только пролилось...» Но, видя, что это не помогаетъ, подошелъ еще ближе и попробовалъ употребить болѣе сильныя утѣшенія...

— Ну, будетъ... Ну, брось, ну, поцѣлуй!.. Ну, сядь на колѣнки...

— Отстань ты, ради Бога! — вся въ слезахъ едва проговорила Софья Васильевна и снова опустила голову.

Въ минуту, въ двѣ слезы ея перешли въ такія громкія, пугающія рыданія, что Павелъ Иванычъ, по мѣрѣ увеличенія ихъ, сначала разинулъ ротъ, потомъ подался къ двери и наконецъ во всю прыть бросился на улицу.

Цѣль его была найти доктора; но, пробѣжавъ пустынный переулокъ и пустынную улицу, онъ наткнулся у забора на Уткина, который, повернувъ за уголъ переулка, медленно плелся вдоль большой улицы, испытывая ту же самую гнетущую тоску, какой были подавлены и Софья Васильевна, одиноко рыдавшая въ пустой комнатѣ, и Надя, молча лежавшая лицомъ въ подушку среди мертвенной тишины родительскаго крова, и множество другого народа. Мы не будемъ распространяться о подробностяхъ того, какимъ образомъ Павелъ Иванычъ Печкинъ возвратился домой въ сопровожденіи Уткина, хотя бѣжалъ за докторомъ. Достаточно будетъ только сказать объ этомъ «случаѣ» и перейти къ продолженію наблюденій Михаила Иваныча, такъ какъ только этими наблюденіями мы можемъ объяснить дальнѣйшую исторію Софьи Васильевны и Уткина и новый шагъ во взглядахъ и развитіи Нади.

IX. Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Иваныча.

1.

Первый поѣздъ гремитъ по новымъ рельсамъ, оставляя за собою всеобщій испугъ простыхъ деревенскихъ людей

и клубы дыма, который долго копошится среди придорожныхъ луговъ или комомъ застреваетъ въ густыхъ вѣтвяхъ лѣса.

Говоръ и шумъ наполняютъ вагонъ третьяго класса; но среди этого шума и говора самый крикливый голосъ, самая смѣлая рѣчь принадлежитъ Михаилу Иванычу, котовый переживаетъ поистинѣ счастливѣйшія минуты. По мѣрѣ того, какъ родной городъ остается все дальше и дальше, планы насчетъ Петербурга, насчетъ дѣлъ, которыя должны быть сдѣланы въ немъ, получаютъ все бо́льшую прочность и широту и заставляютъ Михаила Иваныча заламывать картузъ на ухо, подпирать рукою бокъ и разрумянивать свои впалыя, худыя и черныя щеки посредствомъ буфетовъ, не забывая поминутно предъявлять права человѣка, который никого не грабилъ и не грабитъ.

Во всѣхъ проявленіяхъ Михаиломъ Иванычемъ его правъ и надеждъ принималъ весьма ревностное участіе нѣкоторый сильно подгулявшій мужикъ, завербованный имъ въ поклонники чуть ли не съ первой станціи. Этотъ человѣкъ всегда доказывалъ полную охоту заорать на весь вагонъ о справедливости того, что̀ говоритъ Михаилъ Иванычъ.

— Ай намъ на пятачокъ-то выпить нельзя?—обращается къ нему Михаилъ Иванычъ, когда поѣздъ подходитъ къ станціи.—Василей! Неушто не разрѣшаютъ намъ, мужикамъ, этого? а? Вася?.. А не будетъ ли мужикъ-то почище?..

— Почище, братъ!—зѣваетъ поклонникъ:—почище!

— А? Вася?—продолжаетъ Михаилъ Иванычъ, обнявшись съ мужикомъ и подходя къ буфету:—дозволяютъ мужикамъ буфету? Какъ ты думаешь? за свои, примѣрно, деньги, примѣрно, ежели бутенброду мужикамъ бы? а?

— Бутенброду!—грозно восклицаетъ мужикъ, вламываясь въ толпу у буфета, но, увидавъ господъ, пугается, снимаетъ шапку и бурчитъ:

— Дозвольте бутенброду, васкбродь!..

Михаилъ Иванычъ обиженъ такимъ поступкомъ мужика и долго ругаетъ его за малодушіе.

— За свои деньги да оробѣлъ!—укоризненно говоритъ онъ, отойдя отъ него въ сторону.—И дуракъ ты, сиволдай!..

— Голубчикъ!—умиленно разѣвая лохматый ротъ, винится мужикъ.—Милашка!..

— Ай у нихъ деньги-то цѣннѣе нашихъ? Свинья ты, сволочь!..

Мужикъ шатается и смотритъ на землю, оставивъ безъ вниманія собственную бороду и усы, которые носятъ обильные слѣды позорно добытаго бутерброда. Онъ виноватъ и готовъ чѣмъ угодно искупить свою вину.

Случаи къ такому искупленію представляются часто, поминутно, ибо Михаилъ Иванычъ тоже поминутно дѣлаетъ публичныя предъявленія своихъ плановъ или правъ, такъ какъ и къ этому тоже случаевъ довольно.

Какая-то барыня заняла два мѣста, ѣстъ сладкій пирожокъ и презрительнымъ тономъ разсказываетъ сосѣду-барину о томъ, что она никогда не ѣздила въ третьемъ классѣ, что быть съ мужиками она не привыкла, потому что она выросла въ знатномъ семействѣ, за ней ухаживали генералы, у ней былъ очаровательный голосъ. Какъ она пѣла!..

Этого достаточно, чтобы провинившійся мужикъ понадобился Михаилу Иванычу.

— Вася! Спой! Мужицкую...

— Спѣть, что ли?

— Громыхни, другъ! Вотъ барыня тоже очень хорошо поетъ! Спой! Нашу! Чего?

— Нашу! Э-а-ахъ да-а...

Мужикъ разѣвалъ ротъ и горло во всю мочь.

— Кондукторъ, кондукторъ!—кричатъ баринъ и барыня.

— Кондукторъ! —тоже вопіетъ Михаилъ Иванычъ.— Пожалуйте! Разберите дѣло!..

— Что̀ такое?—спрашиваетъ прибѣжавшій кондукторъ.

— Помилуйте! Пьяный мужикъ кричитъ, Богъ знаетъ что̀! Силъ нѣтъ!

— Онъ запѣлъ!—вступается Михаилъ Иванычъ.—Мы по-своему, по-мужичьи поемъ; ежели вамъ угодно, вы по-господски спойте. Чего-же-съ? Громыхните ваше пѣніе... а мы наше... Г-нъ кондукторъ! Такъ я говорю? Гдѣ объ эфтомъ вывѣшено, чтобы не пѣть мужикамъ?..

Кондукторъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила Иваныча, присовокупляя, что въ правилахъ нѣтъ пункта, чтобы не пѣть, и предлагаетъ барынѣ перейти во второй классъ.

— Пожалуйте во второй классъ!—прибавляетъ Михаилъ Иванычъ отъ себя.—Пожалуйте!..

— Па-ажжаллте!..—бурчитъ мужикъ.

— Тамъ вамъ не будетъ безпокойства... а тутъ мужики,

дураки... Чрезъ нихъ вы получаете вашъ вредъ. Потому мы горластые, ровно черти... Вась! Громыхни-ко!..

— Э-о-а-а...

Хохотъ и гамъ на весь вагонъ.

— Что̀ орешь, дуракъ!—вмѣшивается какая-то новая фигура, и тоже изъ мужиковъ.—Барыня сладкіе пирожки кушаетъ, а ты орешь?

— Сладкіе?—перебиваетъ Михаилъ Иванычъ.—Василей! Чуешь?.. Попробовать мужикамъ сладкаго! Али мы не люди?.. Почему намъ сахарнаго не отвѣдать? Пирожникъ!..

— Эй!.. Пирожникъ!..—вторитъ мужикъ.

— Давай мужикамъ сахарнаго на пятачокъ!.. Барыня! Почемъ платили?

— Кондукторъ! Кондукторъ!

— Кондукторъ!—кричатъ Михаилъ Иванычъ и мужикъ вмѣстѣ.—Къ разбору пожалуйте!

Является кондукторъ, узнаётъ, въ чемъ дѣло,—и Михаилъ Иванычъ снова правъ, ибо нигдѣ «не вывѣшено объявленія насчетъ того, чтобы не спрашивать—почемъ пирожки». Многочисленность и быстрота побѣдъ до такой степени переполняютъ гордостью душу Михаила Иваныча, что унять его отъ безпрерывныхъ предъявленій правъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

— Позвольте васъ просить!—упрашиваетъ его наконецъ кондукторъ. — Сдѣлайте одолженіе, прекратите пѣніе!

— Не вывѣшшен..!—начинаетъ дебоширничать мужикъ, но Михаилъ Иванычъ немедленно зажимаетъ ему ротъ рукою и говоритъ:

— Цыцъ! Васька! Ни-ни-ни!.. коли честно, благородно,—извольте! Ма-ллчи!.. «Сдѣлайте одолженіе», «будьте такъ добры», это другое дѣло!.. Это, братъ, другого калибру!.. Извольте, съ охотой!..

И у буфета слѣдующей станціи можно снова видѣть фигуру мужика и Михаила Иваныча.

— Вася! Милый!—говоритъ Михаилъ Иванычъ, стараясь глядѣть прямо въ осовѣлые отъ водки глаза мужика.—Чуялъ, что ли?.. «Вы»... «сдѣлайте милость», ну! не по скулѣ же!.. Понимай-ко-сь!..

— Гол-лубчикъ!—лопочетъ мужикъ, обнимая Михаила Иваныча за шею и хороня на его груди безсильную, хмельную голову...

2.

Такъ Михаилъ Иванычъ проводилъ время въ дорогѣ, и мы не будемъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ изображеніемъ его путешествія до Петербурга, такъ какъ, помимо вышеприведенныхъ сценъ, повторявшихся почти на каждой станціи, съ нимъ не произошло ничего существенно новаго и любопытнаго. Пріятное расположеніе духа продолжалось у него всю дорогу, несмотря на то, что мужикъ, его компаньонъ и поклонникъ, на одной изъ подмосковскихъ станцій покинулъ поѣздъ, при чемъ борода его, усѣянная окусками сахарныхъ пирожковъ и бутербродовъ, долгое время, въ виду всѣхъ пассажировъ, находилась въ разсвирѣпѣвшихъ рукахъ разозленной жены, встрѣтившей его на платформѣ. Исчезновеніе такого соратника не уменьшило торжества Михаила Иваныча и не дѣлало его одинокимъ, такъ какъ каждую минуту на мѣсто его могло выступить вдвое большее число соратниковъ изъ той же простонародной публики. Помимо всего этого, не было также недостатка и въ возможности предъявить эти права. Поминутно Михаилу Иванычу говорили: «позвольте пройти», «прошу васъ», «позвольте закурить», «извините». Эти и другія выраженія заставили его считать себя не завалящей тряпкой, не собакой, а дѣйствительно настоящимъ человѣкомъ, котораго не бьютъ по скулѣ. Эти случаи поглощали все вниманіе Михаила Иваныча во время дороги, такъ что новизна городовъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, не оставила въ немъ особенно обильныхъ впечатлѣній. Шумная и разнохарактерная картина Москвы дала ему только возможность замѣтить, кто здѣсь все на французскій ладъ. Попросилъ онъ квасу на копейку, его тотчасъ же спросили: «вамъ французскаго?» Шелъ мясными рядами и на вывѣскѣ увидалъ золотыхъ поросятъ съ золотою надписью внизу, тоже по-французски, какъ объ этомъ объявилъ ему мясникъ, стоявшій на тротуарѣ въ окровавленномъ фартукѣ и пѣвшій басомъ: «благоденственное и мирное житіе»... И болѣе не было никакихъ наблюденій насчетъ Москвы, ибо, во-первыхъ, извозчики называли Михаила Иваныча «ваше сіятельство», а во-вторыхъ—московскій будочникъ, съ револьверомъ и громадными усами, смутившими-было робкаго Михаила Иваныча, сказалъ ему весьма любезно:

— Вы чего пужаетесь? Вы насъ не опасайтесь... по-

дойдите! Мы бросаемъ по нонѣшнему времени эту моду, чтобы каждаго человѣка облапить, напримѣръ, съ затылка и въ часть!.. Кто насъ угощаетъ, тому мы не препятствуемъ!

Всего этого было слишкомъ много для запуганной души простого человѣка, и одного этого случая уже достаточно для того, чтобы не любоваться Кремлемъ, Иваномъ Великимъ, Царемъ-пушкою, а прямо пойти въ кабакъ и выпить въ пріятной компаніи веселыхъ людей.

Видъ Петербурга, къ которому обыкновенно поѣздъ подходитъ долго и тихо, громыхая цѣпями и колесами на безпрестанныхъ переводахъ рельсовъ, нѣсколько смутилъ было бодрый духъ Михаила Иваныча. Длинныя казармы съ тысячами оконъ, безконечныя кладбища, громадныя голыя стѣны домовъ съ бѣлыми траурными полосами на мѣстахъ печныхъ трубъ,—все это было такъ велико, незнакомо и грозно, что сердце его стало какъ-то тревожно биться и замирать, особливо когда поѣздъ сталъ входить въ темную арку дебаркадера, весьма похожую на разинутую страшную пасть, глотающую вагоны словно куски, фаршированные людьми, и отправляющую ихъ въ такой бездонный желудокъ, каковъ Петербургъ. Наконецъ самая близость этого Петербурга, влекущаго къ себѣ такое множество изстрадавшагося въ провинціальной глуши народа, того самаго Петербурга, о которомъ грезятъ тысячи захолустій, какъ о чемъ-то неземномъ, и который теперь въ двухъ шагахъ, и тревожный, непонятный простому человѣку шумъ котораго уже доносится въ вагонныя окна,—все это испугало Михаила Иваныча, заставило похолодѣть и отрезвило.

Но если мы черезъ полчаса послѣ прихода поѣзда отправимся въ одну изъ множества харчевенъ, усѣивающихъ собою берегъ узкой и грязной Лиговки, то мы будемъ имѣть случай снова видѣть Михаила Иваныча въ его прежнемъ и даже еще болѣе пріятномъ расположеніи духа.

— Намъ это дорого!—говоритъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь, и тотчасъ же выпиваетъ залпомъ стаканъ пива, который наливаетъ ему петербургскій джентльменъ-городовой.—Благодаримъ васъ—вотъ какъ!—что вы не обидѣли насъ, простыхъ людей! Ну, толкони я ежели бы въ нашихъ, въ подлыхъ мѣстахъ кого-нибудь этакъ-то узелкомъ-то?..—продолжаетъ Михаилъ Иванычъ, поднимая съ полу свой крошечный узелокъ, и, швырнувъ его, вопіетъ:—вѣдь замучили бы! «Мужикъ! какъ смѣешь...»

— Нѣтъ, у насъ слободно!—говорилъ городовой, нали-

вая пива и себѣ.—У насъ это можно... съ вѣжливостью ежели... Потому у насъ порядокъ.

— Замучили бы-ы! Милый человѣкъ! Позвольте вамъ сказать, почему намъ дорого! Потому, что мы въ нашихъ мѣстахъ совершенно измучены разною безтолочью... Потому мученіе! Да какъ же-съ?.. Помилуйте!.. Почему я не покорствовалъ?

— Само собой!—говорилъ городовой.—Потому глупость въ провинціи большая... Въ эфтомъ случаѣ. Ну, въ нашей сторонѣ мы дозволяемъ человѣку... Съ чего же?.. Ну, чтобы по распредѣленію выходило—только всего... У насъ все распредѣлено: ежели васъ въ одномъ мѣстѣ повреждаютъ, то въ другомъ вамъ дѣлаютъ починку; выхватили вамъ руку на Невскомъ, а лѣчить повезутъ на Обуховъ пришпектъ. Распорядокъ повсемѣстно... Выздоровѣлъ, иди опять на Невскій, запрету не будетъ... Хочешь—иди въ кабакъ. Только чтобы съ вѣжливостью... Вотъ!

Такія поощренія со стороны городового, въ лицѣ котораго простосердечный Михаилъ Иванычъ видѣлъ представителя самаго Петербурга, помимо того, что заставили его поставить въ видѣ угощенія Петербургу дюжину пива, развязали языкъ его до самыхъ жаркихъ изліяній жизни простого человѣка, до самаго подробнѣйшаго изложенія всѣхъ причинъ непокорства и всѣхъ плановъ насчетъ хлопотъ, при содѣйствіи Василія Андреича и Максима Петровича, словомъ —до того, что самъ городовой потребовалъ новую дюжину пива уже на свой счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Михаилу Иванычу самую вѣрную и прочную дружбу.

При содѣйствіи новаго друга, Михаилъ Иванычъ въ тотъ же вечеръ, вмѣстѣ со своимъ узелкомъ, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ громадныхъ домовъ Ямской, населенныхъ столичнымъ сбродомъ; какъ друга, его помѣстили гдѣ-то въ хозяйской кухнѣ, за ширмами, просили внимательно заботиться объ немъ и оказывать всякое почтеніе, ибо этотъ человѣкъ „для насъ дорогъ“, какъ объяснилъ городовой хозяйкѣ.

И Михаилъ Иванычъ, смиренный и обезсиленный дорогой, пивомъ и рядомъ радостныхъ тріумфовъ, глубокимъ сномъ заснулъ въ душной и жаркой кухнѣ, не слыша, что кругомъ его за тонкими перегородками шумятъ и ругаются пьяные люди, звенятъ деньги среди игроковъ въ трынку, поютъ пьяныя женщины, и не предчувствуя, что этимъ глубокимъ сномъ оканчиваются всѣ его тріумфы и побѣды, все его счастье и вся его гордость.

X. Человѣкъ, на котораго нельзя положиться.—Разсказъ Черемухина.

1.

Причина такого быстраго окончанія радостей Михаила Иваныча заключалась въ томъ весьма неосновательномъ убѣжденіи, что, отдѣлавшись отъ разоренныхъ и умирающихъ стариковъ, онъ уже не встрѣтитъ разоренья въ ихъ дѣтяхъ; но неосновательность этой увѣренности обнаружилась тотчасъ же, какъ только Михаилъ Иванычъ разыскалъ брата Нади—Василія Андреича. Въ этомъ розыскѣ ему особенно много помогъ новый другъ-городовой, который, какъ оказалось, весьма коротко зналъ фамилію и мѣстожительство Черемухина, ибо неоднократно носилъ къ нему повѣстки «пожаловать къ мировому». Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, еще не особенно смутило Михаила Иваныча, находившагося все-таки въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Не смутило его также и то, что Черемухинъ жилъ въ какомъ-то захолустномъ переулкѣ, близъ Николаевской дороги, въ одномъ изъ громаднѣйщихъ, набитыхъ всякою нищетою, домовъ. Поднимаясь по грязнымъ лѣстницамъ этого дома, съ грязными, оборванными толпами дѣтей, пробираясь по темнымъ коридорамъ, переполненнымъ густымъ, удушливымъ цикорнымъ дымомъ, Михаилъ Иванычъ чувствовалъ, что Черемухинъ живетъ въ большой бѣдности; но шелъ къ нему, испытывая то веселое ощущеніе, которое испытываетъ человѣкъ, приготовляясь встрѣтить знакомаго, знавшаго его когда-то нищимъ и покинутымъ.

Василій Андреичъ, дѣйствительно, жилъ въ большой бѣдности и, повидимому, въ полномъ одиночествѣ. О послѣднемъ можно было заключить по тому испугу, который выразился на его худомъ, зеленомъ лицѣ при появленіи Михаила Иваныча, и по той необыкновенной радости, которая озарила это лицо и оживила всю его фигуру, когда онъ узналъ гостя. Встрѣча ихъ была исполнена непритворной и глубокой радости, и въ тотъ же день узелокъ Михаила Иваныча былъ перенесенъ въ каморку Черемухина. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней непрестанно пилось пиво, шли разсказы о прошломъ, о будущемъ, высказывались обоюдно самыя энергическія мѣры въ дѣлѣ Михаила Иваныча, желавшаго, чтобы простому человѣку было лучше, и проч.

Среди этихъ разговоровъ человѣческому достоинству и самолюбію Михаила Иваныча было много самой роскошной, самой небывалой пищи. Оказывалось, напримѣръ, что Василій Андреичъ не только не забылъ его, но, напротивъ, съ особенною ясностью помнитъ всѣ самыя ничтожныя сказки и прибаутки, которыя когда-то Михаилъ Иванычъ разсказывалъ ему на печи. Оказывалось, по словамъ Черемухина, что такую же и едва ли не бо̀льшую, чѣмъ его, радость будетъ испытывать и Максимъ Петровичъ, когда Михаилъ Иванычъ его отыщетъ и придетъ къ нему, и наконецъ Черемухинъ далъ самое искреннее обѣщаніе разыскать этого Максима Петровича, о которомъ онъ слышалъ много хорошаго, но котораго не видалъ уже два года. Послѣднее обстоятельство было особенно пріятно Михаилу Иванычу, ибо всѣ разспросы его по этому предмету у другагородового были совершенно безуспѣшны. Другъ-городовой увѣрялъ Михаила Иваныча честью, что хоть и знаетъ фамилію Максима Петровича, ибо одно время стоялъ на Выборгской сторонѣ, но что въ настоящее время его положительнѣйшимъ образомъ въ Петербургѣ нѣтъ.

Недѣли полторы или около двухъ между Михаиломъ Иванычемъ и Черемухинымъ царствовала полнѣйшая дружба и неподдѣльнѣйшая любовь.

Это были самыя свѣтлыя, благородныя минуты въ ихъ жизни. Но мало-по-малу эти свѣтлыя ощущенія начали помрачаться чѣмъ-то новымъ и не особенно пріятнымъ. Несмотря на обѣщанія начать дѣло и хлопоты въ самомъ скоромъ времени, дѣлъ и хлопотъ однако же никакихъ не было. Большею частью Михаилъ Иванычъ сталъ оставаться въ номерѣ одинъ, такъ какъ Черемухинъ сталъ надѣвать его пальто и уходить со двора на цѣлые дни. Возвращался онъ обыкновенно подъ хмелькомъ, принимался цѣловать Михаила Иваныча и снова неподдѣльною искренностью своихъ сочувственныхъ разговоровъ доводилъ его до восторга. Но дни шли, бездѣйствіе тянулось, и Михаилъ Иванычъ, оставаясь по цѣлымъ днямъ среди незнакомаго населенія меблированныхъ комнатъ, сталъ грустить, ибо все это населеніе, больное, бѣдное и злое, отзывалось о Черемухинѣ весьма неодобрительно; не было, правда, человѣка, который бы не спорилъ про него, что онъ добръ, но всякій зато могъ сказать два-три факта не въ пользу его. Оказывалось, что этотъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ, долговъ не платитъ, и если получитъ иной разъ откуда-ни-

будь деньги, то норовитъ прогулять ихъ, а не отдать. Такъ говорило бѣдное населеніе, у котораго копейка стояла на первомъ планѣ. Но какъ бы односторонни ни были эти сужденія, Михаилъ Иванычъ могъ убѣдиться, что это человѣкъ несостоятельный, человѣкъ, на котораго нельзя положиться, что это какой-то добрый обманщикъ! Нехорошія ощущенія врываются въ сердце вдругъ и въ одну секунду истребляютъ въ немъ все, что̀ сдѣлала самая продолжительная радость. Съ Михаиломъ Иванычемъ было то же: наслушавшись этихъ сужденій, онъ пересчиталъ деньги, и оказалось, что бо̀льшая часть ихъ ушла на Василія Андреича, на выкупъ его сюртука, на пиво, которое тотъ поглощалъ, ради встрѣчи, въ весьма значительномъ количествѣ. Михаилъ Иванычъ задумался и затосковалъ...

Нервная натура Черемухина въ ту же минуту почуяла это и тоже сразу затуманилась. Отношенія ихъ быстро измѣнились. Оба стали чувствовать себя неладно, напряженно... Новые факты, новыя посѣщенія какихъ-то людей, спрашивавшихъ разсерженными голосами: «дома ли Черемухинъ?»— пополнили разстройство. Михаилъ Иванычъ сталъ злиться; ему хотѣлось напомнить Черемухину насчетъ денегъ прямо, но онъ не могъ и только косился на него. Черемухинъ былъ, видимо, подавленъ этимъ, грустилъ и пилъ.

Еще день,—и насталъ полный разладъ. Нужно было кончить, разъяснить, разойтись...

И это случилось въ одинъ изъ тѣхъ мокрыхъ, вѣтреныхъ дней, когда все населеніе столицы, едва открывъ глаза, начинаетъ хворать и злиться. Въ бѣдномъ и, дѣйствительно, больномъ углу, гдѣ жили Михаилъ Иванычъ и Черемухинъ, почти до разсвѣта начались перебранки, рычанья другъ на друга, ссора. По мокрымъ и затоптаннымъ грязью лѣстницамъ ходили какія-то худыя, сердитыя фигуры, въ рваныхъ халатахъ, держась рукою за ревущую и надрывающуюся отъ хрипоты и кашля грудь и норовя спихнуть ногою попавшуюся на лѣстницѣ собаку или вышвырнуть за окно кошку, отвратительно мяукающую на весь коридоръ, но швырнуть такъ, чтобы она вдребезги разбилась о мостовую двора. Черемухинъ и Михаилъ Иванычъ проснулись тоже невесело, такъ какъ были разбужены солдатомъ-хозяиномъ, безцеремонно потребовавшимъ деньги и украшавшимъ свою грубую рѣчь выраженіями: «ваша братія», «...этакъ только шерамыги...», «...къ мировому» и пр. Черемухинъ почти сейчасъ же ушелъ со двора, не взглянувъ

даже на Михаила Иваныча. Михаилъ Иванычъ разозлился, тѣмъ болѣе, что деньги за квартиру были взяты уже у него Василіемъ Андреичемъ.

Затѣмъ полѣзли въ номеръ Черемухина разныя суровыя лица, въ мокрыхъ пальто, съ промоченными до невозможности сапогами, съ мокрыми, сломанными вѣтромъ зонтиками, и пр. Въ каждой чертѣ лица ихъ виднѣлась тысяча смертей, посылаемыхъ отсутствующему Василію Андреичу, и, по крайней мѣрѣ, такое же количество ихъ вручалось Михаилу Иванычу, со злостью отвѣчавшему: «нѣтъ дома...» Въ заключеніе пришла какая-то женщина, лѣтъ сорока пяти, весьма похожая на няньку, начала немедленно шумъ и не ушла, а осталась ждать.

— Пять сутокъ просижу, а ужъ дождусь! — говорила она, отирая мокрое лицо платкомъ, дрожавшимъ въ сердитыхъ рукахъ. — Что̀ эт-та такое? Докуда будетъ? За свои деньги да ходишь? Брать, такъ небось сами прибѣгутъ, а какъ отдавать, такъ...

— Зачѣмъ даете? — сурово сказалъ Михаилъ Иванычъ, которому опротивѣло слушать эти ругательства.

— Да жалко его! Вотъ что̀! Мнѣ жалѣть-то некого, видишь вотъ!—гнѣвно сказала баба, и потомъ, не переставая волноваться и не теряя самаго разсерженнаго выраженія лица, объяснила, что родныхъ никого у ней нѣтъ, что попробовала она разъ помочь молочному брату, но тотъ, вмѣсто благодарности, выгналъ ее въ шею изъ дому. Сама же она ни въ чемъ не нуждается, живетъ на хорошемъ мѣстѣ и скучаетъ безъ добраго дѣла.

— Тоже сердце, другъ ты мой! Ишь, онъ какой май!— говорила она про Василія Андреича: — сколько времени мается! Я еще когда его знаю, и все безъ помочи... И жаль вѣдь!.. Да ежели-бъ не безтолочь его, вѣдь онъ ничего человѣкъ, ужъ этого не скажи... Тутъ было дѣло: чиновникъ одинъ изъ ланбарту поступилъ со мной не очень-то чтобы опрятно. Василій-то Андреичъ только вотъ этакъ строчку ему написалъ, тую-жъ минуту на ребенка выдалъ... Вѣдь добрый! То-то, другъ!..

Женщина объяснила, что ради своей жалости къ Черемухину она давно помогала ему, разыскивая его по разнымъ трущобамъ, что нѣсколько разъ терпѣніе ея готово было лопнуть и что теперь, наконецъ, лопнуло совсѣмъ.

— Богъ съ нимъ!.. Пущай теперь, какъ знаетъ!—заключила она и нѣсколько часовъ кряду просидѣла, молча и

сердито ожидая ненавистнаго человѣка. Михаилъ Иванычъ не глядѣлъ на нее и злился. Неудачливый столичный день съ каждою минутою вырисовывался все отчетливѣе и отчетливѣе. Михаилу Иванычу не дали обѣда, ибо опять-таки деньги не были заплачены Василіемъ Андреичемъ, хотя и взяты. Въ такую-то самую злѣйшую минуту явился Черемухинъ—пьяный и грязный. Осажденный воплями бабы, онъ спьяну пробовалъ улыбнуться, но замѣтилъ, что лицо Михаила Иваныча побѣлѣло отъ этой выходки. Словно грозовая туча, онъ потемнѣлъ и глубоко загрустилъ.

— Ну, будетъ! оставь, Авдотья! Ну, я виноватъ... — говорилъ онъ, нагнувшись надъ столомъ. — Будетъ!.. Я все это кончу... Михаилъ Иванычъ! Пошли-ка, братъ, за пивомъ... Намъ и съ тобой нужно переговорить... Одна бутылка не разоритъ—что̀ тамъ! Все равно! Посылай!..

Баба притихла и съ испугомъ смотрѣла на Василія Андреича.

2.

Пиво стояло на столѣ; съ одного боку сидѣлъ Михаилъ Иванычъ, не глядя на Черемухина; Василій Андреичъ, сидѣвшій по другую сторону стола, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, безъ сюртука, тоже не обращался къ Михаилу Иванычу и, сосредоточивъ потупленные глаза съ наморщеннымъ лбомъ на пивномъ стаканѣ, говорилъ:

— Откровенно и по чистой совѣсти я долженъ признаться тебѣ, что никакихъ хлопотъ, никакихъ участій въ дѣлахъ твоихъ принять не могу! Сознаюсь тебѣ отъ чистаго сердца, какъ ни тяжело это. А дѣйствительно, братъ, это тяжело! Знаешь, что дѣло правое, выстраданное, вопіющее; знаешь, что за него надо умереть, истратить себя до послѣдней капли крови,—и не мочь... Это, братъ, ухъ, какъ горько и ухъ, какъ подло! Эти муки я испытываю давно, не въ одномъ только твоемъ дѣлѣ; такихъ новыхъ, честныхъ дѣлъ кругомъ меня кишитъ въ настоящую минуту тьма! Пробовалъ я браться за нихъ, но нѣтъ! Два шага сдѣлалъ, и чуешь, что не подъ силу; честнѣй всего уйти назадъ... Да и диво ли, другъ ты мой? Всякое такое дѣло требуетъ самой полной, самой честной преданности ему, прямоты, правды... и все это у нашего брата въ такомъ крошечномъ количествѣ, все это чуть тлѣетъ, чуть даетъ ростокъ.

Василій Андреичъ поникъ головой надъ стаканомъ.

— И знаешь ли,—продолжалъ онъ, взглянувъ на Михаила Иваныча:—отчего это тлѣетъ, а не горитъ полнымъ пламенемъ? Отчего все это можетъ быть уничтожено однимъ щелчкомъ, самымъ ничтожнымъ препятствіемъ?.. Да все оттого же, другъ мой, отчего и ты вотъ, простой человѣкъ,—нищій, больной и голодный!.. Помнишь, сколько ты разсказывалъ мнѣ о прижимкѣ и произволѣ, отъ кототыхъ одурѣлъ, очумѣлъ простой человѣкъ?—Неужели ты думаешь, что для непростого, для благороднаго—ну, хоть для такого, какъ я—этотъ произволъ прошелъ даромъ?.. Нѣтъ, братъ! Ты знаешь, въ какой семьѣ родился я. Люди жили припѣваючи, но среди этого житья ни мой отецъ ни моя мать не могли ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ заронить въ мою душу первыя сѣмена того, чего теперь у меня такъ безконечно мало! И именно потому, что жили припѣваючи... Твой отецъ, общипанный купцомъ, ограбленный кабатчикомъ, возвратясь домой, чтобы вмѣстѣ съ тобой глодать, какъ ты говоришь, собачью кость, ростилъ въ тебѣ эти добрыя сѣмена своимъ разсказомъ. Ты учился уважать трудъ, учился любить ограбленнаго отца, и—посмотри—сколько ты накопилъ въ своемъ сердцѣ и любви, и справедливой ненависти, и прочнаго убѣжденія! Все это—сокровища, все это нужно, все это дѣлаетъ жизнь человѣческую; наконецъ все это—и любовь, и твердость, и ненависть—нужно просто для человѣческой природы! Ты счастливъ: ты—настоящій человѣкъ... У меня, братъ, ничего этого не было!.. Отецъ мой, возвращаясь домой, за семейной бесѣдой не имѣлъ въ запасѣ ни одного слова, за которое я могъ бы его любить, жалѣть... Подумай-ка, чѣмъ онъ могъ подѣлиться со мною, что̀ бы могло сдѣлать меня энергично-чистымъ? Напротивъ, если ты хорошенько подумаешь о томъ, что̀ могли внушить мнѣ мои предки, мирно разговаривающіе о своихъ успѣхахъ въ области прижимки или веселящіеся исключительно ради веселья,—ты долженъ удивиться, отчего я не вышелъ прямо разбойникомъ, которому ничего не значитъ задушить человѣка за грошъ, а состою только въ званіи негоднаго и слабаго человѣка...

Черемухинъ быстро выпилъ стаканъ пива, какъ-то рванулъ всей пятерней свои и безъ того растрепанные волосы и сердитыми, пьяными глазами поглядѣлъ на Михаила Иваныча.

— Удивишься! —повторилъ онъ и, помолчавъ, продолжалъ: —

Въ жизни моей—къ счастью или несчастью—успѣхъ пути въ разбойники былъ ослабленъ, во-первыхъ, тѣмъ, что мои предки церемонились нѣсколько посвящать меня въ тайны своихъ нравовъ, въ тайны того куска хлѣба, изъ котораго дѣлалась моя ненужная кровь... Они предпочитали молчать. Выходили поэтому самыя настоящія русскія будни, половина которыхъ идетъ на сонъ, а другая—на просонки, толкованіе сновъ и ѣду... По крайней мѣрѣ, я глубоко чувствую всю тяжесть этой чуши на своихъ плечахъ, едва ли не каждую минуту. Я не могу забыть этихъ томительныхъ зимнихъ вечеровъ съ мертвою тишиною, стуканьемъ маятника и отдаленнымъ храпомъ... Что̀ значатъ эти безконечныя слезы, которыя я проливалъ среди мертвой тишины всеобщаго сна и которыхъ не могли унять никакія просьбы, обѣщанія, угрозы, на помощь которымъ такъ охотно приходили наши зимнія вьюги, стучавшія непривязанной ставней и гудѣвшія въ трубѣ?.. Я чувствую, вижу, что этими слезами вся человѣческая природа моя протестовала противъ этой нечеловѣческой жизни, которая была кругомъ меня. Она, голодная, тянула меня, милый другъ, къ тебѣ въ кухню, на печку, слушать сказку, слышать рѣчь человѣческую! Я знаю множество русскихъ людей, которые, доживъ до сѣдыхъ волосъ, не могутъ вспомнить ничего отраднаго, кромѣ какого-нибудь разсказа няньки,—ничего лучшаго не было во всю жизнь! Что̀ это значитъ? Въ моей жизни было такъ мало этихъ случаевъ, что я до сей поры помню ихъ самымъ отчетливымъ образомъ. Помню я, братъ, тебя и всѣ твои сказки про чорта, про кузнеца; но ты не любилъ меня, пересталъ разсказывать ихъ, а меня перестали пускать къ тебѣ. Я плакалъ отъ этого вдвое сильнѣй; но мнѣ купили дорогую, но безсмысленную игрушку. Я взялъ взятку съ родителей, пересталъ плакать, и доброе сѣмя, которое упало въ мое сердце изъ твоихъ сказокъ, заглохло. Помню я также, милый мой, и солдата-сапожника, который жилъ у насъ въ банѣ... Мнѣ было необыкновенно легко и хорошо всякій разъ, когда онъ сажалъ меня на свои колѣни, гладилъ по головѣ и разсказывалъ обо всемъ, что̀ меня интересовало: о пѣтухѣ, о канарейкѣ, о собакѣ. Грудь у него была твердая, теплая и пріятно грѣла мою спину. Руки были сильныя и могли поднимать меня къ потолку, опускать внизъ, такъ что, не ушибаясь, я могъ видѣть, что̀ дѣлается на полатяхъ, въ печкѣ, на чердакѣ... Я любилъ его. А когда

этотъ силачъ и добрый малый пришелъ ко мнѣ съ заплаканными глазами и объявилъ, что у него пропали двѣ пары казенныхъ подошвъ и что за это его накажутъ, я въ первый разъ заплакалъ по-человѣчески, въ первый разъ ощутилъ въ себѣ потребность заступиться за человѣка, и выпросилъ у отца денегъ... И это было недолго. Какъ теперь вижу: грязная улица, среди нея рота солдатъ и въ числѣ ихъ Абрамъ. Слезы градомъ льются изъ моихъ глазъ, потому что Абрамъ не можетъ повернуть ко мнѣ лица, которое закрыто каской, ранцемъ и перерѣзано чешуйчатыми застежками по щекамъ. И опять я плакалъ. На этотъ разъ душевное разстройство было сильнѣе, потому что Абрамъ далъ мнѣ очень много. Но и это замяли, употребивъ уже болѣе сильныя средства: меня увѣряли, что Абрамъ—воръ, въ доказательство чего приводились слезы кухарки, у которой, по уходѣ его, не оказалось платка... и увѣрили. Я пересталъ плакать, взялъ новую взятку,—не помню, въ видѣ игрушки или сладкаго,—и лучшее достояніе сердца заглохло подъ грудою такого сора, какъ, напримѣръ, уваженіе къ родительскому сну, продолжающемуся пятнадцать часовъ... Кромѣ тебя и Абрама, помню я еще кормилицу Алену, которую я очень любилъ и для которой съ страшными слезами вымаливалъ у родителей позволеніе пройтись со мной и съ маленькимъ братомъ по полю, гдѣ насъ обыкновенно встрѣчалъ какой-то молодой парень, угощавшій меня пряниками съ золотомъ. Но и ее прогнали... Въ этомъ нечеловѣческомъ мірѣ, гдѣ никто никого не любилъ, она вздумала любить этого молодца; «поймали» ночью въ сѣняхъ и выгнали на дождь и вѣтеръ... Вотъ, братъ, все! Кромѣ тебя, Абрама и Алены, въ дѣтствѣ и дальнѣйшей жизни моей никто не хотѣлъ, чтобы я былъ человѣкъ. И если въ моемъ нравственномъ фондѣ есть какой-нибудь грошъ, если у меня наконецъ есть силы узнать въ себѣ безсильнаго человѣка, то этимъ я обязанъ вамъ, никому больше!.. И кланяюсь тебѣ до земли! Вмѣсто твоихъ сказокъ, вмѣсто добрыхъ розсказней Абрама, простыхъ ласкъ Алены и ея молодца, заводилось въ моемъ сердцѣ гнѣздо апатіи и пустоты... Средства у предковъ были къ этому большія, прочныя и мало-по-малу сдѣлали свое дѣло блистательно. Сердце мое стало похоже на гладкую мелкую тарелку, на которой валялся одинъ только грошъ, пожертвованный вами. Всякій, кому угодно, могъ класть на эту тарелку все безпрекословно; успѣхъ

былъ до того блистателенъ, что съ годами грошъ этотъ началъ ржавѣть и зеленѣть. Я подросъ; тарелка, за отсутствіемъ васъ, наполнялась щедрыми подаяніями окружающихъ, и я принималъ все это съ полнымъ равнодушіемъ,—именно, какъ тарелка, которой рѣшительно все равно, лежитъ ли на ней апельсинъ или грошовая колбаса. Само собою разумѣется, что въ школѣ я былъ «лучшій»; кромѣ меня, была тамъ бездна такихъ же. Начальство было довольно этимъ. Ему стоило захотѣть, чтобы мы, ради его желанія, стали наушниками, сплетниками другъ на друга,—мы охотно исполняли это: въ пять минутъ насъ можно было повернуть какъ угодно и покорить подъ власть какой угодно чепухи. Правда, были между моими товарищами честныя натуры; но съ ними намъ было страшно. Честный человѣкъ съ давнихъ поръ былъ рекомендованъ намъ въ видѣ пьяницы, вора, словомъ—въ видѣ пьянаго спартанскаго илота; тотъ внушалъ отвращеніе къ пьянству, нашъ честный человѣкъ указывалъ путь къ мелкодушію: онъ всегда былъ бѣденъ, нищъ, убогъ, говорилъ странно, ругался; на него было страшно смотрѣть. «Дурные» товарищи, само собою, были зачатками этихъ страшныхъ людей; «дурной» прибьетъ тебя за то, что ты пожалуешься, тогда какъ, жалуясь, ты исполняешь свой долгъ, принимаешь на свою тарелку подаяніе; урока онъ никогда не знаетъ, потому что играетъ въ бабки; наконецъ, на твоихъ глазахъ, его родная мать со слезами проситъ начальство высѣчь его, и ты по совѣсти не любишь его, по совѣсти дѣлаешься безсовѣстнымъ. Едва ли не съ тѣмъ же успѣхомъ продолжалъ опустошеніе моей души университетъ; но, по крайней мѣрѣ, тутъ я вошелъ въ возрастъ... да! усы пошли!

Василій Андреичъ помолчалъ и вздохнулъ.

— И потомъ пошла самая разнохарактерная нравственная арлекинада! (Здѣсь онъ махнулъ рукой). За отсутствіемъ того настоящаго человѣческаго капитала, изъ котораго могли бы выйти человѣческіе интересы, я сталъ наполняться разною дрянью... Въ этомъ отчасти помогала и литература. Она потрафляла очень удачно испорченной общественной нравственности; она пихала въ ея нравственный желудокъ самую тонкую и разстраивающую его стряпню. Но обществу приходилась эта стряпня по вкусу; оно брало оброки, взятки, орудовало откупами и разрабатывало ихъ. Правда, были голоса призывающіе, но ихъ

было не слышно; по крайней мѣрѣ большинство, толпа, рать страны не была расположена и, пожалуй, иногда— не могла ихъ понимать... и жилось хорошо, весело. Но мнѣ недолго пришлось попировать съ моими фондами, то-есть съ пустотой. Быстро принеслось другое время—заговорили другіе люди. Разумѣется, они не пробрали бы меня никогда, если бы слова ихъ не начали осуществляться въ окружавшей меня массѣ. Тамъ и сямъ въ толпѣ показались новыя лица. Почему-то вдругъ пришлось вспомнить про заржавленный грошъ, брошенный вами; но, Господи, какъ мало этого гроша было для того нравственнаго обихода, который потребовали новые дни!.. Каждое дѣло, каждое намѣреніе этихъ дней требовало большого капитала, большой силы, а у меня былъ грошъ—страшно стало! Какъ я ни пробовалъ порыться въ тарелкѣ и поискать, нѣтъ ли гдѣ еще такого же гроша,—нѣтъ! Поминутно между разнымъ тряпьемъ, гнилью, безсиліемъ я находилъ плоское, ничего не сулившее дно!.. Попробовалъ притвориться, вздумалъ честно зарабатывать хлѣбъ—не могу! Лѣнь, скука, мало! Рванусь впередъ, за какимъ-нибудь такъ-называемымъ общимъ дѣломъ—на второмъ шагу начинаетъ дѣйствовать вся эта нравственная арлекинада, всѣ сотни направленій; пожелаю подходить къ дѣлу по сорока семи дорогамъ, осѣняемый сорока семью разнородными взглядами,—и въ результатѣ нуль, вредъ дѣлу. Чувствую, что «не за что» внутри меня держаться хорошему намѣренію, нѣтъ правды, нѣтъ любви, нѣтъ силы убѣжденія!..

Черемухинъ опустилъ голову и покачалъ ею.

— И тутъ я палъ, братецъ ты мой!.. Если бы живъ былъ отецъ, онъ бы еще снабжалъ деньгами, и я бы еще, быть-можетъ, «фигурировалъ»... Но ты вотъ говоришь: «обмякло»—и я совсѣмъ «насъ»! Ты, впрочемъ, не думай, что я одинъ только такой... Массы, массы, другъ любезный!—съ тою разницею, что у однихъ больше моего гроша, а другіе не совсѣмъ поняли свою обязательную смерть и врутъ или притворяются—не знаю! Есть и настоящіе... ты встрѣтишь—погоди!

Михаилъ Иванычъ посмотрѣлъ искоса на Черемухина. Тотъ сидѣлъ молча; но, спустя нѣсколько времени, какъ-то пріободрился и сказалъ съ улыбкой:

— Ты однако не думай, что я совсѣмъ никуда не гожусь... и не расплачусь съ тобою и съ ней (онъ указалъ на бабу). Государству теперь нужна бездна народу... Нужны

учителя, лѣкаря... толпы рабочихъ людей... Насъ не минуютъ!.. Будемъ гдѣ-нибудь наставниками, будемъ получать съ мужиковъ жалованье, глядѣть на разутыя ноги дѣтей, тосковать о собственной безполезности, пить... Можетъ-быть, даже и умремъ въ глуши отъ водки... Чего же еще? Самый любимый литературный типъ.

Проговоривъ это, Василій Андреичъ совсѣмъ ободрился, всталъ и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, нѣсколько разъ увѣренною поступью прошелся по комнатѣ; вся осанка его была такая, какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ «расплатился со всѣми».

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва ли не была согласна и баба, сидѣвшая здѣсь. Длинный разсказъ Черемухина, видимо, тронулъ ее: она почти не понимала, что̀ такое онъ разсказываетъ; но если бы даже Василій Андреичъ говорилъ по-нѣмецки, то и тогда баба сумѣла бы почуять, что это говоритъ человѣкъ несчастный.

— Ишь, наговорилъ!..—сказала она тихо-тихо, потому что чувствовала себя неловко.—Пришла ругаться, а теперь стало жалко... Умирать бы ужъ тебѣ, право!..

— Ахъ, бѣдный, бѣдный!.. Толку-то нѣтъ никакого... денегъ-то, чай, нѣту?—разрѣшила она вдругъ свое неловкое положеніе, хотя въ голосѣ ея снова звучала суровость. — Свѣчи-то есть ли? Ишь, огарки какіе! Поди, ни чаю ни сахару?

Черемухинъ ходилъ по комнатѣ, не слушая ея и задумавшись.

Но баба, почувствовавъ сожалѣніе и видя, что есть забота, не могла скоро раздѣлаться съ этими качествами своей души. Наволочки оказались грязными; вытащена была изъ-подъ кровати пара носковъ, чтобы дома вымыть и принести чистые. Сосчитаны были какіе-то лоскутья бѣлья, и оказалась пропажа. Все это тряпье баба собрала, сосчитала, спрятала, словомъ—проявила непомѣрную сердечную доброту, что̀ немало изумило Михаила Иваныча.

— Ишь, какъ я объ тебѣ!—слегка улыбаясь, сказала баба и вдругъ сердито прибавила: — на̀ вотъ три рубля, смотри—не проверти! ты вѣдь пойдешь швырять... да отдай!

Черемухинъ все ходилъ, молчалъ и думалъ.

Баба еще порылась, положила на столъ три рубля, еще поворчала насчетъ того, что «ходишь безъ калошъ... Слягежешь... кому ходить?.. Что̀ мать-то къ тебѣ не ѣдетъ?.. Пи-

салъ матери-то?..»—и, еще разъ окинувъ все пытливымъ взглядомъ, прибавила:

— Усни-ко, ишь, зеленый какой!.. Спи! право, какіе...

И ушла. Видно было, что дѣйствительно ей некого любить.

Михаилъ Иванычъ сидѣлъ и думалъ. Какъ и баба, онъ не понялъ и десятой доли ничтожныхъ, но все-таки весьма ощутительныхъ страданій Черемухина, и злился, и не могъ не жалѣть Василія Андреича.

«Что̀ это за люди!—думалось ему.—И жаль, и, кажется,—убилъ бы... Тьфу!»

XI. Дома.

1

Михаилъ Иванычъ, исцѣленный тяжкими страданіями своей заброшенной жизни отъ возможности понимать безплодность нравственной муки, переживаемой людьми, подобными Черемухину, не понялъ почти ничего изъ его долгаго разсказа; но мы все-таки воспользуемся сущностью этого разсказа, который можетъ объяснить намъ нѣкоторые незначительные факты, происходившіе въ это время въ покинутой имъ провинціи.

Дѣйствующимъ лицомъ былъ извѣстный намъ барчукъ Уткинъ.

Съ перваго взгляда Уткинъ, повидимому, совершенно не подходилъ къ типу Черемухина; въ немъ не было ни одной изъ чертъ, непріятно обрисовывающихъ Василія Андреича. Но это происходило оттого, что у Уткина, во-первыхъ, была бабушка, снабжавшая его деньгами, и ему не было надобности наживать враговъ, подобно Черемухину, не имѣвшему копейки, а слѣдовательно не приходилось становиться къ людямъ въ самыя непріятныя, враждебныя отношенія; не приходилось быть глубоко-злымъ и разбирать самого себя съ такой основательной злобой, какъ Черемухинъ. Была, стало-быть, одна полусознательная скука, способность думать и дѣйствовать во множествѣ направленій сразу, не воспитавъ въ себѣ жизненными впечатлѣніями никакихъ нравственныхъ средствъ, чтобы быть «просто такъ» самимъ собою. Намъ уже извѣстно, что вечеръ «перваго поѣзда»,

направившій размышленія его въ направленіи «дѣла», привелъ его въ квартиру Печкиныхъ, гдѣ, несомнѣнно, должно было быть «дѣло»: это было видно весьма ясно изъ разговоровъ между супругами на бульварѣ и на улицѣ. Все это однако не опредѣлило Уткину, какого рода пріемъ слѣдуетъ ему принять при началѣ и продолженіи этого дѣла, пока онъ не наткнулся случайно на черепки разбитой посуды, валявшіеся на полу. Это обстоятельство разрѣшило его затрудненіе.

— Такъ нельзя-съ!—довольно сурово сказалъ онъ Павлу Иванычу.

— Господинъ докторъ!—началъ-было Павелъ Иванычъ.

Но Уткинъ прервалъ его.

— Я не докторъ-съ!—съ гордостью сказалъ онъ вслѣдъ Печкину, выбѣжавшему на новые поиски.—Тутъ не припадокъ, тутъ вопросъ... Да-съ! Такъ нельзя... Тутъ не въ аптеку, а въ полицію-съ!..

— Да и впрямь связать его, да съ будочниками!—присовокупила кухарка, ползая со свѣчкой и съ тряпкой по полу.—Ишь, мудруетъ... мужъ!..

При помощи ползавшей по полу кухарки, дѣло было разъяснено окончательно, и, благодаря его совершенной ясности и полному убѣжденію, что стòитъ потратить себя на пользу ближняго, Уткинъ весьма подробно и резонно изложилъ передъ Софьей Васильевной все, чтò относится къ выгодамъ независимаго куска хлѣба. Изложено все это было съ полнымъ сочувствіемъ; увѣренія въ томъ, что «такъ нельзя», были обставлены весьма подробно, и главное—«независимая корка хлѣба», какъ средство, могущее противостать противъ всевозможныхъ жизненныхъ преградъ, была выставлена въ весьма привлекательномъ свѣтѣ. Все это было сказано торопливо, подъ вліяніемъ только-что полученныхъ впечатлѣній, но охота высказаться болѣе и обстоятельнѣе быстро охватила все существо Уткина, и въ концѣ рѣчи онъ предложилъ Софьѣ Васильевнѣ еще разъ перетолковать объ этомъ дѣлѣ, для чего и назначилъ особый пунктъ—городской бульваръ, «завтра въ три часа».

Софьѣ Васильевнѣ, ни отъ кого не слыхавшей фразы: «такъ нельзя», которая бы произносилась съ такою увѣренностью и сочувствіемъ, все это было необыкновенно ново, а положеніе ея было таково, что выйти изъ него было необходимо. И средство къ этому, въ видѣ «корки хлѣба», тоже оказывалось вполнѣ возможнымъ и осуществимымъ.

Оставалось только знать мнѣніе Нади, но такъ какъ и она не имѣла рѣшительно ничего противъ возможности выйти на какую-нибудь надежную дорогу, то свиданіе съ Уткинымъ и состоялось на слѣдующій день на бульварѣ.

2.

Въ три часа дня, когда бульваръ обыкновенно пустъ, а Павелъ Иванычъ спитъ послѣ обѣда, въ кустахъ, на ступенькахъ старой губернаторской бесѣдки, можно было видѣть Уткина, Надю и Софью Васильевну. Всѣ они испытывали какое-то новое ощущеніе и главнымъ образомъ старались узнать, что̀ изъ этого выйдетъ? Болѣе всѣхъ это ощущеніе овладѣло Уткинымъ, такъ какъ онъ одинъ изъ всѣхъ спеціально размышлялъ о томъ, что «вотъ новое дѣло», и онъ тутъ... и все это ново, и т. д. Эти ощущенія сдѣлали его веселымъ, развязнымъ. Онъ торопливо пощипывалъ маленькую бородку и говорилъ:

— Это дѣло такого рода-съ, что... Сносить постоянныя оскорбленія... это...

— Я скорѣе готова корку хлѣба!—говорила съ самымъ искреннимъ чувствомъ Софья Васильевна.

— Корку! Разумѣется, самостоятельная корка хлѣба... Здѣсь Уткинъ сталъ закуривать папироску и замолкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Сонечка такъ стѣснена, — начала Надя:—что если бы какія-нибудь средства...

— Трудъ-съ!—сказалъ Уткинъ, бросая спичку.—Сто̀итъ только пойти въ первый дворъ, въ первый домъ и взять заказъ бѣлья... Корка хлѣба, добытая честнымъ трудомъ...

Но рѣчь Уткина была прервана; Софья Васильевна, готовая идти въ прачки, и въ особенности Надя налегли на заказъ бѣлья съ такой энергіей, что въ самое короткое время для Уткина предлежащее ему дѣло стало совершенно яснымъ. Оказалось, что ему нѣтъ никакой надобности разглагольствовать насчетъ достоинствъ корки, насчетъ необходимости свергнуть иго и пр. Нужно было одно: идти въ первый дворъ и попросить заказъ бѣлья. Если бы Уткинъ былъ простой мужикъ, умѣющій войти въ первыя ворота, остановить первую бабу и, назвавъ ее тетенькой или красавицей, прямо объявить ей, въ чемъ дѣло, то онъ бы такъ и сдѣлалъ. Но у него были сотни разнородныхъ взглядовъ на предметъ, и поэтому, какъ только его дѣло обнаружилось вполнѣ, вся серьезность и значеніе его поблекли. Уткинъ представилъ себѣ, какъ онъ, барчукъ, стоитъ среди

двора и проситъ бѣлья въ стирку, и какъ потомъ онъ идетъ съ узломъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что такъ не бываетъ, что это даже смѣшно. Онъ былъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что это нужно, что дѣйствительно такъ, и въ то же время находилъ, что это—невозможная и смѣшная чушь.

Не знаемъ, что бы отвѣтилъ онъ дамамъ, если бы его не выручилъ пріятель, проходившій по средней аллеѣ. Это былъ офицеръ, возвращавшійся изъ ресторана, гдѣ обыкновенно обѣдаетъ болѣе состоятельная губернская молодежь. Возвращаясь оттуда, онъ увидѣлъ женщинъ и прямо пошелъ на нихъ, какъ будто это такъ и слѣдовало. Безъ церемоніи перешагнулъ онъ черезъ скамейку, обломилъ на пути какую-то вѣтку и, похлестывая ею по ногѣ, очутился среди общества Уткина, Нади и Софьи Васильевны.

— А! Николай Петровичъ!—сказалъ онъ Уткину и посмотрѣлъ на всѣхъ такими глазами, въ которыхъ не видно было, чтобы пріятель Уткина считалъ «дѣломъ» происходившее здѣсь. Смѣлость и особенную выразительность этого взгляда поддерживали простые костюмы дамъ.

— Такъ пожалуйста!—торопливо поднимаясь, заговорила Надя.

— До завтра!—сказалъ Уткинъ.—Это дѣло такого рода...

— До завтра!—сказала Надя, и вслѣдъ затѣмъ онѣ ушли.

Уткинъ и пріятель остались одни.

— Эге, батюшка! — многозначительно сказалъ пріятель; но Уткинъ нахмурился и объяснилъ, что предположенія его неумѣстны, что тутъ такое и такое-то дѣло. Пріятель, въ качествѣ современнаго человѣка, извинился. «Не узнаешь вѣдь»,—сказалъ онъ, взялъ серьезнаго Уткина за талію и пошелъ съ нимъ по дорожкѣ.

— А та, угловая-то, недурна!—сказалъ пріятель.

— Тутъ не въ томъ дѣло!—началъ Уткинъ сурово.

— Я очень хорошо понимаю. Вы, батюшка, ужъ больно горячо. Вѣдь я понимаю-съ! Читали тоже...

Уткинъ почувствовалъ, что обидѣлъ пріятеля почти понапрасну.

— Онѣ обѣ недурны! — сказалъ онъ мягкимъ, но обидчивымъ тономъ.

— Нѣтъ, та, блондинка-то...

— Да онѣ обѣ блондинки...—тѣмъ же недовольнымъ тономъ проговорилъ Уткинъ.

— Ну, вѣдь не разглядишь...

Они подошли къ рѣкѣ и сѣли на лавку.

— А знаете,—сказалъ пріятель: — я, батюшка, какъ-то недолюбливаю блондинокъ... а?

— Гм!—промычалъ Уткинъ, но не возразилъ, потому что увлекся разсматриваніемъ полуобнаженныхъ бабъ, колотившихъ вальками на плотахъ бѣлье.

— Право,—продолжалъ пріятель и сообщилъ въ довольно продолжительномъ разсказѣ всѣ свои свѣдѣнія о блондинкахъ и брюнеткахъ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ взгляды Уткина, незамѣтно для него самого, приняли весьма веселое направленіе.

— Да,—сказалъ онъ снисходительно:—блондинки вообще...

— Я вамъ говорю...

— Но эта, кажется, нѣтъ. Открытая война съ мужемъ... не шутите!..

— Послушайте!—перебилъ пріятель оживленно.—Будетъ вамъ умничать... Знаете? Тащите-ка ихъ пить чай... Денщика по шеѣ... а?

Уткинъ сообразилъ, что въ подобныхъ случаяхъ многозначительно говорятъ: «милостивый государь!»—и попробовалъ сдѣлать серьезное и презрительное лицо; однакоже попытка эта, не поддержанная никакимъ нравственнымъ пособіемъ, тотчасъ же уничтожилась, и Уткинъ сказалъ:

— Не пойдутъ!

— Ну, вотъ еще!

И пріятель сталъ убѣждать Уткина, у котораго вслѣдствіе этого очень скоро образовались два совершенно дружелюбные между собою и совершенно различные взгляда на нашихъ пріятельницъ; не худо бы, — думалось ему,— «обработать» и «вопросъ» и «чай».

— Не пойдутъ!—повторилъ онъ уже съ улыбкой и прибавилъ:—неловко!

Скоро, при помощи пріятеля и картины стиравшихъ бѣлье бабъ, обнаружилось, что въ нравственномъ фондѣ Уткина одновременно могутъ уживаться и не такіе еще взгляды.

Мимо пріятелей прошелъ солдатъ съ комкомъ бѣлья подъ мышкой и мокрыми косицами.

— Купался?—спросилъ офицеръ, когда солдатъ сдѣлалъ ему честь.

— Такъ точно, васкбродіе!

— Съ бабами?

— Тамъ ихъ страсть... конопшится...

Пріятель Уткина и самъ Уткинъ полюбопытствовали узнать, гдѣ копошатся бабы. Солдатъ подался къ рѣкѣ и показалъ—гдѣ.

Пріятели поглядѣли по указанію, но ничего не видали.

— Ну что же,—началъ офицеръ:—Лукерья съ тобой?.. Вѣдь ты—шельма!

— Нѣту-съ, васкбродіе... второй мѣсяцъ какъ прогналъ ее.

— Прогналъ? Вотъ негодяи-то! Ты? за что же?

— Не производи обману... Обѣщалась подарить часы, а замѣсто того—нѣту ничего... Этого нельзя!

Солдатъ остановился.

— Ну?—побуждали его слушатели.

— Ну, пришла она, я ей и доказалъ: «какъ ты меня обманула», говорю... то и взялъ ея платье себѣ...

— Вотъ скоты! — не безъ улыбки произнесли слушатели.—Ну?

— Ну, потомъ стали сѣчь.

— Какъ сѣчь?!

— Черезсѣдельникомъ. Скрутили его вдвое и давай... хе-хе... Сначала Матвѣевъ — я держалъ. А потомъ Матвѣевъ сталъ держать—я принялся, еще сорокъ ударовъ далъ.

— Ну, ужъ это подло!—сказалъ Уткинъ и прибавилъ:—какъ же ты ее—по платью, что ли?

Солдатъ объяснилъ. Офицеръ сказалъ: «вотъ мерзавцы!» Уткинъ объявилъ, что это мерзко, и оба вмѣстѣ долгое время хохотали. Разсказчикъ еще долго потѣшалъ господъ, по ихъ небрежному, но безпрерывному понуканію, и наконецъ ушелъ. Къ концу вечера взгляды Уткина на женскій полъ до того прояснились въ извѣстномъ направленіи, что онъ уже самъ сказалъ пріятелю:

— А что въ самомъ дѣлѣ?..—Но, какъ бы опомнившись, тотчасъ же прибавилъ:—Нѣтъ, не пойдутъ!

На слѣдующій день, отправляясь на бульваръ, чтобы вести переговоры, онъ несъ съ собою такое громадное количество самыхъ разнородныхъ взглядовъ на нашихъ подругъ, что ни считать ни распространяться о нихъ мы не рѣшаемся. Всѣ эти взгляды мирились, жили въ немъ одновременно, но едва ли могли быть пригодными для осуществленія крошечныхъ надеждъ Софьи Васильевны. Эту непригодность чутьемъ провѣдала Надя, несмотря на то, что Уткинъ такимъ же сочувственнымъ тономъ, какъ и вчера, отзывался о необходимости для Софьи Васильевны сверженія ига и проч. Точно такъ же, какъ и вчера, въ кустахъ

около бесѣдки можно было слышать разговоры о томъ, что Софья Васильевна увѣрена въ своей готовности ѣсть корку хлѣба, что Уткинъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько разъ подтверждаетъ это, говоря: «Ко-орку!.. Разумѣется, корку... Чего же лучше?» Но Надя уже со второго свиданія какъ-то замолкла, пытливо смотрѣла на Уткина и ушла домой въ раздумьѣ.

3.

Такимъ образомъ оказывается, что первые шаги «впередъ» какъ у Михаила Иваныча, такъ и у Нади не были особенно удачны и только убѣдили ихъ въ силѣ окружающаго ихъ разоренья и разнообразіи формъ, въ которыхъ оно проявляется. Ошеломленный и въ конецъ разстроенный Черемухинымъ, Михаилъ Иванычъ съ каждою минутою разстраивался еще болѣе, теряя всякую возможность разъяснить себѣ будущіе свои планы, по мѣрѣ того, какъ входилъ въ болѣе короткое знакомство съ обывателями черемуховскихъ номеровъ. Номера эти содержалъ какой-то сѣдой старикъ, отставной солдатъ. Какимъ образомъ онъ нажилъ деньги, чтобы завести въ Петербургѣ большое хозяйство, было неизвѣстно: ни онъ ни жена его, молчаливая сгорбленная старушонка, никогда объ этомъ не упоминали; оба они молча и угрюмо толклись въ кухнѣ, стряпали, таскали дрова, ходили на рынокъ и бѣгали въ кабакъ, по приказанію господъ жильцовъ. Посторонній человѣкъ, какъ Михаилъ Иванычъ, могъ глубоко жалѣть ихъ, потому что большинство жильцовъ не платило старику денегъ и кромѣ того на его счетъ покупало водку и пиво и занимало на извозчиковъ. Но въ сущности солдатъ этотъ нисколько не страдалъ отъ того, что ему не платятъ и берутъ у него деньги, ибо среди молчаливаго таскания дровъ и сосанія махорки онъ тоже по-своему понималъ духъ времени и разоренья и извлекалъ изъ нихъ болѣе существенную пользу, нежели Михаилъ Иванычъ. Сущность этого пониманія солдатъ любилъ высказывать одинъ глазъ-на-глазъ съ самимъ собою. Это случалось по вечерамъ, когда всѣ жильцы улягутся, угомонятся; тогда солдатъ надѣвалъ рваный халатъ и выбирался изъ кухни въ переднюю отдыхать; отдыхалъ онъ стоя, курилъ въ это время трубку, смотрѣлъ на ночникъ и разсуждалъ.

— Денегъ не платятъ!..—произносилъ онъ.—Хорошо! Ну, ежели пущу я въ комнату трудящаго человѣка съ вѣрными

деньгами?..—Тутъ онъ задумывался и, пососавъ трубку, заключалъ:—мнѣ это хуже!.. Во сто разъ мнѣ превосходнѣе допущать благороднаго человѣка безъ своего капиталу, нетрудящаго... Это вѣрно! Трудящій своимъ трудомъ живетъ, онъ копейку бережетъ, онъ хозяину подверженъ, его могутъ прогнать, а нетрудящій—онъ трудомъ не живетъ, онъ живетъ займомъ, помочью... занятыхъ денегъ ему не жаль... такъ-то! Много ихъ нониче Богъ послалъ!.. Одному родня помогаетъ, а другому — вонъ баба деревенская... видишь вотъ!

Онъ запахивалъ халатъ, поплевывалъ и продолжалъ:

— Теперича пива я имъ забираю, всякій продуктъ на свои... ожидаю... ну, получу съ лишкомъ! нельзя—за подожданье. Сейчасъ въ одно мѣсто записку снесу, въ другое и въ третье—за проходъ мнѣ опять же деньги... Откажутъ по запискѣ—ожидаю, и опять же онъ мнѣ заплати за это надбавку... Рано ли, поздно ли, а ужъ достанетъ денегъ, займетъ у кого-нибудь... Я и беру все сполна... Получаю свое удовольствіе... Потому жить имъ надо... Будутъ жить! займутъ!..

Выработавъ такой взглядъ относительно «нетрудящихъ людей», солдатъ крѣпко и стойко держался его, охотно принимая ихъ въ свои апартаменты. Узнать человѣка, имѣющаго намѣреніе жить займами, не составляло для него никакого труда. Входитъ баринъ, барыня и двое дѣтей и требуютъ комнату «получше»: это значитъ, что баринъ и барыня настолько не обезпечены постояннымъ заработкомъ, что не имѣютъ возможности одолѣть свою квартиру, хоть и похуже... Является хорошо одѣтый баринъ и требуетъ комнатку рублей въ пять: это значитъ, что въ настоящую минуту онъ не имѣетъ въ карманѣ и рубля... «Всѣмъ жить нужно, всѣ достанутъ! займутъ!»—думаетъ солдатъ и принимаетъ ихъ въ нѣдра своего жилья, записывая на стѣнѣ мѣломъ: за проходъ, за подожданье и пр. Все это изображено у него просто, въ видѣ палокъ, которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ для него каждая свой смыслъ и значеніе.

И вотъ уже два года номера солдата населяются исключительно «нетрудящимъ» народомъ, народомъ злымъ, оскорбленнымъ, вспоминающимъ прошлое и строящимъ блестящіе планы насчетъ будущаго. Такъ какъ костюмъ этого народа находится подъ залогомъ у того же самаго солдата, то онъ обыкновенно сидитъ постоянно дома, въ каморкахъ безъ форточекъ, въ душныхъ облакахъ кофейнаго, кухон-

наго и табачнаго дыма, лежитъ, ходитъ взадъ и впередъ по своему логовищу, ведетъ долгіе переговоры съ хозяиномъ-солдатомъ насчетъ бутылки пива, убѣждаетъ, грозитъ, пьетъ, вздыхаетъ, напивается, поетъ, бушуетъ и проклинаетъ.

Михаилъ Иванычъ, истощившій свой кошелекъ до послѣдней возможности и не находя адреса Максима Петровича, обѣщаннаго Черемухинымъ, томился въ непривѣтливыхъ солдатскихъ номерахъ наравнѣ со всѣми ихъ обывателями. Какъ и всѣ, онъ курилъ, лежалъ, злился, шатался по коридору, заходилъ въ кухню, смотрѣлъ на проходящаго по двору мужика и думалъ: «куда онъ идетъ?» — и, повинуясь внезапному взрыву злости, снова въ ажитаціи шатался по коридору и по своей норѣ.

Среди этой тоски и томительныхъ скитаній, Михаилъ Иванычъ перезнакомился со всѣми обывателями солдатскихъ номеровъ, всѣ они на первыхъ порахъ возбуждали въ немъ нѣкоторую долю состраданія и совершенно сходились съ нимъ въ положеніи. Всѣ они одинаково были согласны, что человѣкъ живетъ неправдою, что истинныя достоинства ставятся ни въ грошъ, и что хорошо жить на свѣтѣ могутъ лишь люди гнусные. Такъ говорили всѣ вообще жильцы: и толстый человѣкъ въ угольной каморкѣ, говорившій по-французски, и маленькій человѣкъ неизвѣстной профессіи, жаловавшійся на жену, и другой человѣчекъ, покинутый женою, и женщина, жаловавшаяся на тирана-мужа, отъ котораго она ушла, словомъ—всѣ. Все это вередило раны сердца Михаила Иваныча, доводило его тоску до послѣдней степени и заставляло на послѣдніе гроши угощать этихъ несчастныхъ людей пивомъ. Но послѣ двухъ или трехъ пріятельскихъ бесѣдъ за бутылкой всѣ эти лица принимали въ глазахъ Михаила Иваныча совершенно другой видъ. Толстый человѣкъ, подъ хмелькомъ вспоминавшій старину, вдругъ выходилъ какимъ-то ненасытнымъ хватателемъ взятокъ, въ качествѣ начальника надъ какою-то «дистанціей» бечевника. Маленькій человѣкъ, роптавшій на жену, оказывался просто деспотомъ и звѣремъ, ненавидящимъ свою жену за ея «простое званіе», которое его компрометируетъ передъ благородными знакомыми, благодаря которымъ онъ давно бы могъ получить невѣсту съ капиталомъ, хотя самъ не отказался бы отъ дѣвчонки простого званія, если бы она не претендовала на бракъ. Женщина, покинувшая мужа, оказалась разорительницею его

самого. Поочередно съ каждымъ изъ этихъ лицъ Михаилъ Иванычъ сходился, сочувствовалъ и потомъ, плюнувъ и озлившись, уходилъ прочь, неся въ сердцѣ новую рану. У всѣхъ изъ этихъ людей Михаилъ Иванычъ, кромѣ того, замѣтилъ любимую фразу о томъ, что «мы свое дѣло сдѣлали», «расписались, братъ, въ полученіи» и проч., которою они весьма искусно отмахивались отъ Михаила Иваныча въ то время, когда онъ, въ первыя минуты сочувствія къ нимъ, предъявлялъ имъ свои требованія и приглашенія. Эта фраза особенно сильно терзала его, когда онъ, плюнувъ на нихъ и снова оставшись одинъ, сидѣлъ въ каморкѣ и думалъ о своемъ положеніи. Въ покинутой имъ глуши остались, по его мнѣнію, просто изверги, здѣсь же, въ столицѣ, ему хотя и сочувствуютъ, но одни, какъ Черемухинъ, могутъ только испортить дѣло, а другіе «уже сдѣлали свое дѣло», разорили, изуродовали, обобрали. Что-жъ это такое? Гдѣ же Максимъ Петровичъ, который никого не грабилъ и выросъ въ «неблагопріятныхъ обстоятельствахъ» русской жизни?

Но Максима Петровича не отыскивалось.

Михаилъ Иванычъ томился, смотрѣлъ въ окно и кашлялъ...

Положеніе Нади было ничѣмъ не лучше положенія Михаила Иваныча. Мертвый домъ съ умирающею роднею, со всѣми этими злодѣями, рекомендованными Михаиломъ Иванычемъ и выглядывавшими изъ-за каждаго забора, стоялъ въ полной неизмѣнности. Попрежнему ругалась измученная звонками кухарка Авдотья, попрежнему старая бабка разъ въ мѣсяцъ разѣвала ротъ, чтобы крикнуть: «въ карр... манъ-то-о»... Попрежнему соборовали масломъ генерала и генеральшу и тщетно ожидали ихъ преставленія на тотъ свѣтъ. Убитый Ваня лежалъ, повернувшись къ стѣнѣ, молча уткнувъ исхудалое, обросшее длинными бѣлыми волосами лицо въ подушку. Глаза его были всегда закрыты, и только легкій стонъ говорилъ, что это лежитъ избитый человѣкъ. За мертвымъ и непривѣтливымъ родительскимъ кровомъ оставались попрежнему одни безтолковые мучители въ родѣ Печкина, добродѣтельные и симпатичные «голубки» въ родѣ Шапкиныхъ и пустота, желающая во всемъ принимать участіе, въ родѣ Уткина.

Разумѣется, какъ Михаилу Иванычу, такъ и Надѣ могли встрѣтиться иные люди: но темный уголъ, гдѣ выросли и родились наши герои и гдѣ они хотѣли найти помощь, не могъ имъ представить ничего другого, кромѣ широчайшаго

и громаднѣйшаго разоренья, и не было отсюда видно ни одного луча свѣта...

Такое томительное положеніе продолжалось довольно долго, не представляя никакого выхода, и наконецъ разрѣшилось совершенно неожиданно.

4.

Для Нади и Софьи Васильевны это произошло на томъ же бульварѣ, въ присутствіи Уткина. Отправляясь на третье свиданіе съ Уткинымъ, исключительно вслѣдствіе просьбы Софьи Васильевны, Надя уже не надѣялась услышать отъ него ничего новаго, а главное—никакой правды. Она даже холодно обошлась съ нимъ, молча сѣла на ступеньки бесѣдки, не принимая никакого участія въ ихъ разговорѣ, и ждала Софью Васильевну. Невольно слушая сочувственныя слова Уткина, не подвигавшагося ни на шагъ къ дѣлу, и совершенно искреннія изліянія Софьи Васильевны насчетъ готовности ѣсть «корку хлѣба», она не могла не замѣтить, что тутъ сошлись люди, совершенно ненужные другъ другу. И тутъ съ самою поразительною отчетливостью припомнилась ей сцена съ бабой у мирового судьи: и тамъ точно такъ же понимали, чего именно хочетъ баба, и хотѣли ей сдѣлать, но не могли; припомнились ей также и всѣ разговоры, происходившіе на крыльцѣ суда, и въ особенности разсужденіе о зубахъ. «Зубы, зубы надо... небось бы!»—припомнила она.

Все, что было непонятно, выстрадано, передумано, все на мгновеніе какъ-то вдругъ столпилось въ ея головѣ, она какъ-то сразу оживилась и вслухъ сказала себѣ самой:

— Знать! знать надо... все, все!—повторила она, быстро поднимаясь съ ступеньки крыльца бесѣдки.

— Пойдешь или еще будешь?—сказала она Софьѣ Васильевнѣ, не глядя на Уткина.

Торопливость, съ которою Надя надѣвала перчатки, обнаруживая намѣреніе уйти не дожидаясь, оторвала Софью Васильевну отъ разговора съ Уткинымъ.

— Такъ до завтра!—сказалъ Уткинъ, дѣлая Софьѣ Васильевнѣ весьма ласковые глаза, и подруги ушли бы тотчасъ же, если бы въ это время не произошло нѣчто особенное.

Отодвигая сердитою рукою кустъ, на площадку передъ бесѣдкой выступилъ знакомый намъ лавочникъ Трифоновъ.

— Вотъ они, соколики! — заговорилъ онъ такимъ голо-

сомъ, какимъ говорятъ люди, поймавшіе вора.—Ишь, жеребца какого припасли! Гдѣ тутъ еще-то? Ихъ тутъ, поди, на всѣхъ кустахъ понасажено. Эй, ты, тетеревъ!

На этотъ зовъ откуда-то явился Павелъ Иванычъ.

— Правду говорилъ? — сказалъ Трифоновъ. — То-то я слышу: «корку, корку». А вотъ онѣ тутъ какую корку... Чего глядишь? Ошарашь жеребца-то по рылу! Пакля! Кабы не разбудилъ, издохъ бы—не узналъ!..

Павелъ Иванычъ и Софья Васильевна были въ какомъ-то ужасѣ. Печкинъ не могъ произнести слова и стоялъ блѣдный, какъ полотно. Уткинъ прочищалъ палкой и ногой дорогу въ кустъ.

— Ну, что̀ же? — командовалъ Трифоновъ. — Пехтерь! Производи свой порядокъ, получай жену-то! Докажи ей, шельмѣ, права!

Софья Васильевна вдругъ какъ-то рванулась впередъ, поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать и вдругъ заплакала, зарыдала...

— Домой!—закричалъ внезапно, что̀ есть мочи, Печкинъ.

— Эхъ, ляпнулъ дѣло!—передразнилъ его Трифоновъ.— Трехони ее, бери подъ руку-то, подхвати!

Печкинъ рванулся къ женѣ; но Софья Васильевна, словно опомнившись, схватила руку Нади и побѣжала впередъ по извилистой дорожкѣ,

— Не пойду! никогда!—крикнула она всей грудью, скрывшись за кустъ.

И тутъ настало общее смятеніе. Трифоновъ, Печкинъ и множество зрителей бросились вслѣдъ за подругами по узенькимъ и извилистымъ дорожкамъ, цѣпляясь за кусты, ломая сучья, и надо всѣмъ садомъ раздавались крики:

— А-га-а! «Ко-орку»! То-то я гляжу! Ай-да барыня!.. Отъ мужа!.. Полюбился! Нѣтъ, по мордѣ!..

— Домой!—вопилъ какимъ-то неестественнымъ басомъ Печкинъ.

— Дуракъ!—слышался голосъ Трифонова.—Бѣги налѣво! Сволочь... Эй, молодецъ, захвати даму! бей въ мою голову! Ничего, за косу... То-то «корку, корку»!.. Хе-е-е-е-е, бра-атъ!..

Долгое время множество народу вылетало на средину дорожки изъ боковыхъ аллей, кричало, ругалось и исчезало въ кустахъ, и снова кричало... Софья Васильевна и Надя, бѣгомъ пробѣжавшія двѣ-три улицы, пошли тише. Софья Васильевна едва двигалась, задыхаясь отъ испуга и

быстрой ходьбы, и не могла произнести ни слова... Надя тоже молчала, но въ умѣ ея еще какъ-то ярче вылетали слова: «Уйти, непремѣнно уйти — и учиться, учиться, учиться!»

Такъ онѣ пришли домой и больше уже не ходили къ Уткину.

XII. Конецъ.

Возвращаясь домой, Надя несла въ душѣ какое-то серьезно-радостное ощущеніе. Видѣлось впереди не веселое, но умное и дѣльное.

— Ваня поправляется!—сказала ей мать.—Не знаю, что съ нимъ... поднялся и сидитъ на кровати.

— И говоритъ?

— Говоритъ... Еле-еле!..

Какая радость въ этой области смерти!.. У Нади радостно билось сердце при этой вѣсти, хотя она сама не знала почему.

— Господи!—сказала она, глубоко вздохнувъ и снимая шляпку, но, не кончивъ этого дѣла, вдругъ почему-то принялась цѣловать у матери руки.

А мать стала плакать...

И никто изъ нихъ не могъ бы опредѣлить, почему все это дѣлается?

Жизнь, жизнь пробуждается гдѣ-то около нихъ... и сулитъ имъ что-то... тоже жизнь!..

Надя сбѣгала къ Птицынымъ тотчасъ же; но ей сказали, что Ваня спитъ. Ей разсказали, что онъ усталъ сегодня: онъ требовалъ къ себѣ свои инструменты, разсматривалъ ноты, бумажки, просилъ все разставить по мѣстамъ. Все это исполнили. Въ полуотворенную дверь Надя видѣла спящаго Ваню, около кровати котораго на стульяхъ стояла его скрипка безъ струнъ, валялись развернутыя тетради нотъ... Какъ это было радостно! Поглядѣвъ, она ушла домой, долго не спала и встала рано.

День былъ чудный. Она тотчасъ пошла къ Ванѣ.

Онъ сидѣлъ на постели, худой, съ ввалившимися глазами, съ головой, при взглядѣ на которую воображенію представлялся черепъ, съ руками и ногами, напоминавшими не трупъ, а скелетъ...

— Цѣла?—едва говорилъ онъ матери.

— Цѣла, цѣла!—отвѣчала та, отирая тряпкой пыльную скрипку.

Въ груди Вани вмѣсто отвѣта слышались рыданія безъ слезъ. Онъ нѣсколько разъ всхлипывалъ отъ избытка глубокой радости и каждую минуту готовъ былъ упасть въ обморокъ...

Надя поддерживала его.

— Голубчикъ мой! — говорила она ему (хоть онъ и не узналъ, кто она такая).—Все цѣло!.. Я все соберу!

— Все, все цѣло!—говорила мать Вани.—Погоди, я вотъ отца приведу... Хочешь?..

Ваня долго рыдалъ, склонивъ голову на грудь и не отвѣчая на вопросъ.

— Зе...млю!..—наконецъ выговорилъ онъ и слабо, какъ могъ, потянулся изъ рукъ Нади.—Зем-млю!..

— Что̀ ему?.. — спрашивала Надя. — Землю?.. Какую землю?..

— Что̀ тебѣ?..—спрашивала мать.

— Ему землю хочется поглядѣть! — сказала кухарка и вполнѣ поняла мысль больного.

— Надо его поднять!—сказала Акулина:—и къ окошку поднести. Пусть поглядитъ на травку.

Всѣ трое подняли его, худого, съ пролежнями до кроваваго мяса на всемъ тѣлѣ, съ неразгибавшимися колѣнями, и безъ особеннаго труда поднесли его къ окну. Онъ рыдалъ безъ слезъ и стоналъ.

— Ну, вотъ, смотри, — вотъ земля! — сказала ему мать.

Все цвѣло и благоухало въ глухой улицѣ...

Ваня зарыдалъ.

— Зеленое!..—пролепеталъ онъ.

И слезы, крупныя какъ градины, затопили его лицо, усы, рубашку...

Всѣ плакали...

Мокрая отъ слезъ, изсохшая рука Вани тянулась къ подоконнику, какъ бы стараясь взять эту зелень въ руки... Попросили прохожаго нищаго сорвать травку. Тотъ сорвалъ и подалъ Ванѣ.

Ваня сжалъ траву въ рукахъ—и буквально цѣлое море слезъ затопило его лицо.

Всѣ рыдали тихонько. Вошелъ старикъ-отецъ и, едва взглянувъ на сына, тоже заплакалъ...

Глаза Вани были закрыты, руки сжимали траву... Лились слезы, рыданія, и стояла тишина.

Ваня умиралъ...

Черезъ минуту узнали и увидали, что онъ умеръ.

Мертваго, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, его положили на постель... Трава съ корнями, осыпанными землей, была въ его рукѣ...

Какія это были чудныя минуты для всѣхъ, кто только ни былъ тутъ, кто мучилъ и мучился, кто желалъ страдать и страдалъ самъ!.. Это были слезы людей, убѣжденныхъ, что они—ужасные грѣшники, и узнавшихъ хоть на одну минуту, что они ни въ чемъ не виноваты... Жизнь вспомнилась вся, своя и чужая, вспомнилась цѣликомъ и вызывала только горячія рыданія.

Все это старое, погибающее, проживши не одинъ десятокъ лѣтъ, не имѣло и не могло имѣть другой, болѣе плѣнительной, болѣе чистой минуты!

Но минута эта кончилась очень скоро. Похороны Вани вытащили на сцену разсужденія о расходахъ, о скупости генерала, снова раздались упреки въ томъ, что онъ спряталъ деньги, что уморить человѣка онъ умѣлъ, а когда пришлось хоронить этого человѣка—сталъ упираться. Несмотря на всевозможныя усилія генеральши похоронить Ваню, какъ генеральскаго сына, несмотря на всевозможные крики и проклятія, которыми былъ осыпанъ генералъ Птицынъ, похороны были самыя бѣднѣйшія и жалчайшія. Все нищее, что̀ привыкло не стѣсняясь плакать, идя за такимъ неказистымъ, простымъ деревяннымъ гробомъ, какъ тотъ, въ которомъ лежали кости Вани, все тронулось за нимъ большою, рваною, бѣдною толпою и плакало, не надѣясь даже получить за это кусокъ какого бы то ни было пирога.

Какая мертвая тишина стала въ нашемъ углу послѣ смерти и похоронъ Вани!

Чтобъ уйти отъ угнетающаго смысла этой тишины, Надя забрала съ собою къ матери всѣ книжки, всѣ тетради Вани. Цѣлые дни роется она въ нихъ, откладывая изъ массы хлама, въ которомъ не послѣднюю роль играютъ «Таинственные монахи», «Кузьмы Рощины», проповѣди «о грибной нищѣ», ариѳметику, географію... Она усердно учится и читаетъ, но въ то же время какая-то неотрази-

мая сила все сильнѣй и сильнѣй побуждаетъ ее убѣжать отсюда. Она очень хорошо знаетъ, что надо учиться, трудиться, знать, а вмѣсто того хочется бѣжать. Смерть разореннаго угла до того ясна, до того на каждомъ шагу доказательна, что Надѣ хочется новаго мѣста, чтобъ имѣть возможность свободно думать о новомъ, непохожемъ на отжившее, будущемъ...

II. ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ *).

(ДНЕВНИКЪ).

1.

Уѣздный городъ ***. Августъ 186* г.

Случилось то, что̀ рано или поздно, но непремѣнно должно было случиться: третьяго-дня я прибылъ въ уѣздный городъ *** и очутился *«на рукахъ»* (вотъ что̀ особенно горько!), на рукахъ старушки матери. Мало она меня носила на этихъ несчастливыхъ рукахъ!

Тихо шелъ я по пустыннымъ улицамъ уѣзднаго города, слушалъ давно забытый звонъ къ вечернѣ и думалъ, что теперь волны русской жизни плотно и надолго прибили меня къ берегу. Потому надолго, что я усталъ, что мои ноги гудутъ и ноютъ, что мнѣ хочется лечь спать. Потому надолго, что больныя кости пріобрѣтены мною въ продолжительномъ и безполезномъ томленіи о своемъ и окружавшемъ меня ничтожествѣ вообще, и въ безпрерывномъ содроганіи предъ могуществомъ плети и обуха.

Я двадцать разъ думалъ, что это «не такъ», теперь, кажется, уже не думаю. Теперь мнѣ спать хочется и силъ нѣтъ. Зерно апатіи спѣетъ въ душѣ.

Помню, во время дороги сюда, случилось намъ остановиться близъ новой строящейся желѣзной дороги. У одного изъ деревянныхъ бараковъ я замѣтилъ цѣлую толпу мужиковъ, которые валялись ничкомъ, разбросавъ руки и ноги какъ попало. Съ перваго взгляда ихъ можно было принять

---

*) Въ этотъ дневникъ вошли матеріалы, которые должны были составить вторую часть «Разоренья». Подробно объ этомъ сказано въ примѣчаніи на стр. 298. *Авт.*

за мертвецки-пьяныхъ; но оказалось, что они скорѣе напоминаютъ рыбу, выброшенную на берегъ, обезсилѣвшую и изнывающую на солнцѣ.

— Что̀ съ вами, ребята?—спросилъ я ихъ.

— Ослабши!.. — еле проговорилъ одинъ изъ нихъ, старикъ, съ великимъ трудомъ поднимаясь на локтѣ и стараясь согнуть колѣно. — Дюже осс-лабши! Кровь пущали...

Старикъ повалился на спину, не удержась на локтѣ, и я долго ждалъ, покуда онъ снова придетъ въ себя.

— Должно-быть, много очень крови вамъ выпустили?..

— Да надо-быть, что перепустилъ... передалъ...

— Какъ же это такъ? Докторъ-то есть у васъ?

— Охъ, да, есть онъ... О-о-о... Да свой у насъ докторъ-то, неученый... простой... У яво положенная препорція насчетъ эфтого... кровопролитія... примѣрно... Есть стаканъ у него въ гривенникъ... и есть у него въ двугривенный стаканъ... О-о-оххъ... Ну, ну... хочешь ежели ты фунтъ крови твоей отлить — ну, гривеннишный стаканъ нальетъ... А ежели ты два фунта пожелалъ... О-охъ, оссслабши... Перепустилъ...

Что̀ же? — прежде, бывало, я бы ужъ непремѣнно вмѣшался въ это дѣло, а если бы и не вмѣшался прямо, то ужъ во всякомъ случаѣ настрочилъ бы хоть корреспонденцію, теперь же я только сказалъ мужикамъ: «Эхъ-ма, какъ же это вы такъ?..» спросилъ: «легче ли» и, получивъ отвѣтъ: «надо-быть, легче», надѣлъ шапку и уѣхалъ...

2.

Но самое дѣйствительное средство, приковывающее меня къ обезличенію, это матушка и сестра. Я почти позабылъ объ ихъ существованіи; знаю, что нѣсколько разъ въ теченіе десяти лѣтъ разлуки съ ними я посылалъ имъ по нѣскольку рублей, но вообще что-то очень немного. Денегъ у меня было мало; а когда и случались, то большей частью тотчасъ же уходили на какое-нибудь такое дѣло (множество было ихъ тогда), которое казалось мнѣ и выше и нужнѣе потребностей матушки. Часто приходилось мнѣ забывать ея нужды. Положимъ, что и свои я тоже не имѣлъ времени помнить, но теперь я мучусь этимъ. Какіе результаты этихъ забвеній?.. Результаты тѣ, что я каждымъ шагомъ, каждымъ неосторожнымъ движеніемъ моимъ могу разрушить все благосостояніе матушки и сестры, доставшееся имъ собственными, невыносимыми трудами, путемъ какихъ-то протекцій

и просьбъ,—благосостояніе, которое хуже каторги, которое онѣ однако считаютъ счастьемъ и взамѣнъ котораго я имъ ничего даже обѣщать не могу.

Когда я явился къ нимъ, радости не было границъ; цѣлуя меня и раздувая самоваръ, смѣясь и плача, онѣ разсказали мнѣ, что живутъ отлично, что квартира у нихъ казенная, что сестра — начальница женскаго училища и получаетъ десять рублей, а мать—помощница и получаетъ семь, что все «слава Богу!»

— И какъ, я тебѣ скажу, Вася, купечество насъ полюбило,—говорила мать: — такъ это просто необыкновенно!.. Пирогъ ли, именины ли, все—насъ, все—насъ!.. И Надю какъ любятъ — не нахвалятся!..

— Да, да!—подтвердила сестра: — мнѣ даже уже скучно отъ этихъ приглашеній... Я не знаю, за что они меня полюбили.

— Какъ за что? Господи Боже мой! Вонъ и Семенъ Андреичъ говоритъ: «какъ, говоритъ, не полюбить?» Господи Боже мой!.. Ты погляди-ка на нашу школу, какой порядокъ, такъ это на рѣдкость... Да опять—всѣмъ имъ угодить нужно... легко это?..

Въ отвѣтъ на все это я, разумѣется, могъ только поддакивать, потому что зналъ, какая начинается чушь за предѣлами этого «угодить». Всѣ были по этому случаю веселы; имя какого-то Андрея Семеныча звучало очень часто въ разсказахъ сестры и матери. На флегматическомъ и блѣдненькомъ лицѣ моей сестры часто мелькала какая-то недоумѣвающая тѣнь, которая, впрочемъ, почти мгновенно исчезала, когда мать говорила: «Андрей Семенычъ не совретъ ужъ, стало-быть...» Сестра тотчасъ же припоминала подлинныя слова Андрея Семеныча и дѣлалась веселѣе. «Правда, Вася?»—обращалась она ко мнѣ. Я подтверждалъ. Я все теперь подтверждалъ.

Изъ разговоровъ ихъ я понялъ, что Андрей Семенычъ—практическая уѣздная штука; что всѣ его любятъ; что у него есть про запасъ деньжонки, несмотря на то, что онъ—уѣздный учитель; что одѣвается онъ хорошо, никогда не пьянъ и избранъ старшиной въ клубѣ. Купить что̀ нужно—купитъ дешево; все знаетъ и что̀ понадобится — сдѣлаетъ. «Пять рублей мы у него разъ занимали—съ удовольствіемъ далъ. Какъ получили,—отдали...»

Словомъ, мать находила, что онъ — отличный человѣкъ; сестра говорила: «да, онъ здѣсь первый...» А когда этотъ

хорошій человѣкъ пришелъ вечеркомъ къ намъ, то матушка тотчасъ засуетилась и отозвала меня въ другую комнату.

— Ты извини, голубчикъ! — сказала она шопотомъ:—ты при немъ не скажи чего-нибудь про учителей.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Извини, милый мой! А то, пожалуй, кто его знаетъ?— разозлится еще!

— Нѣтъ, нѣтъ; будьте покойны.

— Прости!..

Андрей Семенычъ — фигура уютная, плотная, впрочемъ, весьма умѣренная, покойная; не старъ и не молодъ; выпить можетъ пять бутылокъ—и пьянъ не будетъ; выступаетъ не спѣша; одѣтъ прилично, а главное — дешево. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ очень любитъ это слово; въ этотъ же вечеръ онъ взялъ себя за рукавъ и, глядя на сукно, разсказалъ цѣлую исторію, потомъ сосчиталъ всѣ копейки, подвелъ итогъ всему, что̀ и во что обошлось, и засмѣялся. И дѣйствительно вышло ужасно дешево.

— А я,—сказалъ онъ не спѣша и усаживаясь на стулъ:— шелъ, признаться... (тутъ онъ сталъ доставать платокъ и не нашелъ). Куда же это я его сунулъ?.. Въ шапкѣ? (Происходитъ отыскиваніе шапки, но платка нѣтъ). Нѣтъ, въ шапкѣ нѣтъ... Не въ пальто ли?

— Вы поглядите въ пальто,—говоритъ мать и со свѣчкой уходитъ вмѣстѣ съ учителемъ въ кухню.

Происходятъ поиски; платокъ отыскиваютъ.

Андрей Семенычъ садится на прежній стулъ, расправляетъ платокъ и говоритъ:

— А я, признаться, шелъ... (тутъ онъ обходится посредствомъ платка, наконецъ запихиваетъ его въ задній карманъ и оканчиваетъ:) дай, думаю, зайду...

— Вотъ и чудесно! Прямо къ чаю! — сказала матушка.

Андрей Семенычъ засмѣялся, поправилъ борты сюртука и покосился—впрочемъ, безъ злобы—на меня.

Я подался въ уголъ. Разговоры его продолжались съ тою же неторопливою манерою; но, несмотря на мое молчаливое присутствіе въ углу, онъ какъ будто стѣснялся меня, какъ незнакомаго человѣка, у котораго неизвѣстно что̀ на умѣ.

— Вася!—отозвала меня матушка:—ты поговори съ нимъ поаккуратнѣй! Извини, голубчикъ! Какъ бы не подумалъ: пріѣхалъ, молъ, изъ Петербурга критиковать.

— Да я съ удовольствіемъ...

— Пожалуйста! Такъ что-нибудь... Поласковѣй! Онъ у попечительницы бываетъ... какъ бы что-нибудь...

— Не безпокойтесь, не тревожьтесь!—сказалъ я.

Я собрался съ духомъ и сталъ что-то говорить, даже смѣяться. Должно-быть, я угодилъ этому борову, потому что онъ ободрился и изъ круга уѣздныхъ интересовъ мало-помалу сталъ довольно самоувѣренно вламываться въ области, ему, повидимому, весьма слабо извѣстныя.

— Скажите, пожалуйста, — говорилъ онъ, съ лукавой улыбкой поглядывая на мать и сестру:—что̀ ежели, напримѣръ, написать статейку?

— Что̀ же?—могъ я только сказать:—отлично!

— Гм... Право? Какъ вы думаете?

— Превосходно!—сказалъ я.—Что̀ же?

— Ничего?.. Гм! А тутъ, я вамъ скажу, много можно, ежели захотѣть... Такъ, хоть постращать... Тутъ — и-и-и можно сколько! Я давно собирался, да все думаю... чортъ съ вами! А ей-Богу, какъ-нибудь надо... Напримѣръ, ежели описать, какъ у меня шапку въ клубѣ украли... А? какъ вы думаете?.. Вѣдь это что̀ же?.. Ежели хоть такъ, для примѣра я возьму, — вѣдь все-таки же два съ полтиной, какъ бы то ни было... А подите-ка у насъ, разыщите!

Я рѣшительно не зналъ, что̀ говорить; однако говорилъ.

— Вѣдь пишетъ же этотъ, какъ его... Бѣлинскій, что ли, въ «Сынѣ Отечества»!..

— Едва ли Бѣлинскій...—началъ я совершенно невольно.

— Вася! — быстро окликнула меня мать и увлекла въ другую комнату.—Не спорь! Не спорь съ нимъ!

Я замолкъ.

Хорошій человѣкъ ободрился, выпилъ бутылку водки, но пьянъ не былъ. По его приглашенію и изъ боязни, чтобы не разозлился, и я пилъ, сколько могъ. Въ концѣ концовъ рѣчь перешла на взаимную любовь; матушку мою хорошій человѣкъ любилъ, какъ родную, а относительно сестры сказалъ съ особенной выразительностью:

— Мы вотъ какъ дружны—дай Богъ всякому!.. Потому что мы оба профессора съ ними, хе-хе-хе! Тоже пользу приносимъ, хе-хе-хе!

— Что̀ вы смѣетесь? — сказала сестра: — разумѣется, пользу! Правда, Вася?

— Разумѣется!

Сестра сказала это съ полнымъ убѣжденіемъ, такъ что

Андрей Семенычъ устроилъ у себя серьезное лицо и произнесъ, какъ-то потупясь и разставляя руки:

— Да само собой... Господи Боже мой! Да кабы не пользу, такъ кто же бы сталъ бы! Господи Боже мой, само собой!..

Порядокъ былъ возстановленъ, и снова пошли изліянія. Теперь уже матушка заявляла, что любитъ его, какъ родного, и сестра тоже что-то было-хотѣла сказать, но покраснѣла. Въ заключеніе и меня попросили любить его, какъ родного.

Я на все былъ согласенъ, и счастливый вечеръ продолжился въ томъ же порядкѣ довольно долго.

— Васенька!—сказала мнѣ матушка по уходѣ гостя: — будешь ложиться, такъ поставь сапоги подъ кровать, а не въ кухню... а то, пожалуй, кто-нибудь... подумаетъ...

Я готовъ былъ проглотить мои сапоги, лишь бы никто ничего худого не подумалъ про сестру до тѣхъ поръ, пока доподлинно не узнаютъ, что сапоги принадлежатъ «родному брату»...

3.

...И при всѣхъ такихъ путяхъ, какъ однакоже трудно удержать въ душѣ эту совершенно обстоятельно доказанную потребность молчанія. Въ Петербургѣ возможно достигнуть этого съ гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ; среди яркихъ контрастовъ, составляющихъ столичную жизнь, можетъ и разгорѣться до пламени и совершенно угаснуть несчастная болѣзнь — любовь къ ближнему. Но здѣсь, среди народа, она только разгорается... Даже степи, еще только начинающіяся у истоковъ Дона, по временамъ сильно допекали меня. И, кажется, чему бы тутъ донимать? Горизонтъ, не представляющій взору ничего, кромѣ длинной, туманной нити земли и неба; упорный вѣтеръ, неутомимо несущійся навстрѣчу одинокому нищему пѣшеходу, терзающій одинокую ветлу, бьющій о задокъ кибитки ровно, мѣрно, скучно... Что̀ тутъ? А вѣдь съ ума сойдешь! Ни лѣсочка ни жилья на протяженіи двадцати верстъ... Вотъ обогнала насъ, словно обезумѣвъ отъ кнута, маленькая тощая лошаденка, запряженная въ громадную телѣгу; въ телѣгѣ помѣщается пять мужиковъ, и шестой—солдатъ—свѣсилъ ноги съ задка... Все это пьяно, весело, все это оретъ, шатается, горланитъ, хлещетъ клячу и, повидимому, совершенно забываетъ о томъ, что сію минуту какой-то проходимецъ, благодаря щедрому

угощенію котораго они и пьяны, отхватилъ у нихъ нужные нхнимъ семьямъ луга лѣтъ на пять впередъ, положивъ такимъ образомъ начало будущему разоренью. Хорошо, что съ этой пьяной телѣги соскочило колесо, и вся компанія разсыпалась въ разныя стороны, — по крайней мѣрѣ ее можно обогнать и не видѣть этихъ горькихъ людей, ворочающихся въ грязи, со спутанными на лицѣ волосами, не видѣть этой почти истерически дрожащей лошадки.

И опять рогожа бьетъ въ задокъ, и вѣтеръ гудитъ навстрѣчу.

Подходитъ вечеръ; темно; мысль утомлена. Но вотъ наконецъ замелькали огоньки; среди пустыни вырастаетъ громадное степное село; на темномъ небѣ чернѣетъ нѣсколько колоколенъ; у въѣзда, въ кузнѣ шумятъ мѣха, летятъ искры. Пошла широкая улица, обставленная каменными домами; соломенныя крыши непримѣтны въ темнотѣ; попадаются постоялые дворы и дома двухъэтажные съ рѣзными крыльцами, поднимающимися съ улицы прямо въ середину второго этажа. Вотъ трактиръ съ фонарями и сіяющими окнами, въ которыхъ виднѣются люди. Слава Богу, жилое мѣсто!

Но что же значитъ, что, завидѣвъ нашу кибитку, съ высокихъ рѣзныхъ крылецъ и отворотныхъ лавочекъ начинаютъ бѣжать за нами толпы людей, и вся улица оглашается криками: — «Раабооота! Эй, сдай проѣзжаго!.. Эй! отдай!..» Что значитъ, что ямщикъ нашъ начинаетъ гнать лошадей во всю мочь, махая надъ кибиткой и надъ тройкой концами вожжей и крича:—«У насъ свои есть, кому сдать! Своему сдадимъ!..»

Онъ не замѣчаетъ, что мы избиты толчками, задушены поклажей и сѣномъ, выбивающимися со дна телѣги; онъ вырываетъ «работу» изъ жадныхъ до нея рукъ своихъ собратій и тащитъ насъ въ какія-то низенькія ворота, которыя захлопываются тотчасъ же, какъ только мы вкатываемъ подъ темный навѣсъ крестьянскаго двора.

— Какому разбойнику сдаешь? — слышно съ улицы. — Баринъ! баринъ! онъ васъ убьетъ...

Но этотъ ропотъ толпы заглушается горделивыми возгласами ямщика, который, похаживая по двору съ кнутомъ въ рукѣ и въ разстегнутомъ полушубкѣ, вопіетъ:

— Эй, получи работу!.. Тетери сонныя! Гдѣ вы тутъ?

Въ голосѣ его слышно торжество. И это торжество начинается. Изъ всѣхъ угловъ, гдѣ въ темнотѣ пищатъ

больныя дѣти, вылѣзаетъ множество разныхъ нуждъ... Никто не спрашиваетъ: кто мы, куда, зачѣмъ? — Все вниманіе сосредоточено на трехъ рубляхъ, врученныхъ моими спутниками въ задатокъ. Является множество людей, предъявляющихъ самыя основательныя права на долю въ нихъ. Старушка подползла къ телѣгѣ и требуетъ полтину. Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ и жена его, и еще два человѣка въ бѣлыхъ рубахахъ съ женами требуютъ тоже по полтинѣ. Вылѣзаетъ древній старикъ. Кряхтя и ощупью хватаясь за столбы навѣса, пробирается онъ къ телѣгѣ, долгое время молча трясетъ дряхлой головой, при чемъ слышна хрипота въ груди, и шепчетъ:—«Родителю... старичку... колько-нибудь... хучь колько вашей милости...»

Въ толпѣ раздается: «Братцы!.. Боже мой!..» — «Ловки вы! завтра, небось—базаръ!..» — «Ахъ Боже мой!..» — «Я лошадь даю! Поди къ сусѣду — дастъ ли?» — «И пойду».— «И поди!..»

Пока пьютъ могорычъ, пока запрягаютъ лошадей, длинные сухіе остовы которыхъ выступаютъ на середину двора медленно, уныло, съ клочкомъ недожеванной соломы во рту,—пока все это происходитъ, мы успѣваемъ узнать, что во дворѣ у хозяина нечисто, что въ два года у него пало три тройки, что ребенокъ боленъ, «пучитъ», что нужна растирка, а растирки настоящей нѣту. Развивается нестерпимая жажда уйти отсюда.

На дворѣ уже черная степная ночь. Моросить дождикъ. Тьма ночи, сливаясь съ черною, какъ смоль, степною грязью, образуетъ что-то до того непроницаемое, что глазамъ становится больно. Лошади идутъ шагъ за шагомъ. Помню, пришлось намъ ночевать въ кабакѣ, среди поля. Въ кабакѣ, прилѣпившемся около мельницы, было грязно, неуютно,—ни лампадки, ни вѣтки за образомъ, ни картинки на стѣнѣ, словомъ—ничего, на чемъ бы могъ остановиться глазъ; голыя стѣны, запахъ сивухи, столъ, лавка и громадныя дыры въ полу—«отъ плясу», какъ объяснилъ цѣловальникъ. До глубокой ночи я не могъ сомкнуть глазъ: дождь стучалъ, и вѣтеръ ломилъ въ гнилую раму; воображеніе, разыгравшееся на тему объ этихъ пляшущихъ людяхъ, до того измучило меня, что я не зналъ, какъ дождаться бѣлаго свѣта дня.

Утро было прелестное. Противъ кабака на мельницѣ уже стучали поставы, и изъ амбаровъ неслась бѣлая пыль и шумѣли, какъ шелкъ, крылья множества прилетавшихъ къ

амбарамъ и улетавшихъ голубей. Солнце ярко и тепло пригрѣвало сырую землю; вода шумно неслась съ плотины и шумѣла внизу. Держась въ сторонѣ отъ водопада, дрожала лодка; два мужика въ мокрыхъ штанахъ и рубахахъ доставали изъ воды верши и вытряхивали на дно лодки мелкую, сверкавшую рыбу. Все это болѣе или менѣе выбивало изъ моей головы ночную муку.

Я пошелъ-было на мельницу, но въ воротахъ амбара наткнулся на мужика, который рылся гдѣ-то у себя въ сапогѣ и нищенскимъ голосомъ говорилъ надсмотрщику:

— Э-эхъ, бра-атъ!.. А я думалъ — копеечку мнѣ пожертвуешь на калачикъ...

— Нѐчего, нѐчего!—говорилъ надсмотрщикъ, смотря мужику на сапогъ и позвякивая деньгами въ горсти.

— Андреянъ!.. Э-э-эхъ, братъ!..

Я сейчасъ же ушелъ отсюда и наткнулся на сцену, которая спасла мнѣ утренній отдыхъ. На крыльцѣ флигеля, выстроеннаго противъ мельницы, сидѣлъ, повидимому, главный приказчикъ. Засунувъ одну руку въ карманъ бешмета, онъ другой рукой щекоталъ брюхо паршивому маленькому щенку, который валялся у его ногъ.

— Э, злая бестія!—бормоталъ онъ.—Э! ужъ и продувная только шельма уродилась... И какъ тебя, шельму, окликнуть? а?.. Ишь, ишь, зубастая тварь... О-о-о! Нѐчего, нѐчего! — поднявъ на минуту свое веселое лицо, крикнулъ онъ по тому направленію, гдѣ надсмотрщикъ стоялъ «надъ мужикомъ», выматывая изъ него деньги, и снова сосредоточился надъ щенкомъ, который уже отбѣжалъ отъ него и, сидя на землѣ, беззаботно трепалъ свое ухо лапой...

— Скажите на милость, — отнесся приказчикъ ко мнѣ, какъ къ старому знакомству:—что̀ за чудо! Все думаю, какъ мнѣ его назвать, ну, не нахожу словъ—и шабашъ!..

— Какъ-нибудь,—сказалъ я.—Подумайте.

— Ужъ думали-съ, ужъ очень хорошо обдумывали... Теперича, ежели бы онъ шерстью къ сѣрому—ну, «Волчокъ»... Или бы толстъ былъ — ну, «Шарикъ»... А то, шутъ его разберетъ, не то онъ дохлый, не то онъ... песъ его знаетъ!.. Развелъ блохъ—да и горя мало. И разбирай его фамилію... Нѐчего, нѐчего! — снова взволновавшись донесшимися съ мельницы «э-эхъ-ма!», прогремѣлъ приказчикъ и потомъ тихимъ, заботливымъ голосомъ принялся исчислять всѣ придуманныя имъ клички. Одна изъ нихъ была до того уморительна, что, сказавъ ее шопотомъ, приказчикъ покатился

со смѣху. По крайней мѣрѣ лѣтъ двадцать мнѣ не приходилось ни слышать ни самому смѣяться такимъ смѣхомъ. Я стоялъ надъ нимъ, какъ подъ освѣжительнымъ душемъ, и думалъ: «какъ бы хорошо было мнѣ теперь это міросозерцаніе!..»

4.

...Какъ бы годилось мнѣ это міросозерцаніе, въ виду тѣхъ безконечныхъ «эхъ-ма», которыя постоянно вылѣзаютъ на свѣтъ Божій изъ нѣдръ обыденной жизни.

На другой день моего пріѣзда сестра повела меня въ классъ. Признаться, я высказалъ-было намѣреніе не пойти, ибо пора мнѣ знать науку, которою «всѣ довольны»; но просьба сестры была такъ убѣдительна, она такъ страстно хотѣла моего одобренія, что я долженъ былъ идти. Семенъ Андреичъ былъ съ нами.

Въ классахъ была образцовая чистота и порядокъ; доска была только-что вытерта мокрой губкой и блестѣла; на стѣнахъ висѣли картинки изъ священной исторіи: «Потопъ», «Каинъ убиваетъ Авеля» и проч. На передней скамейкѣ сидѣли купеческія дочери въ люстриновыхъ платьяхъ, подальше помѣщались одѣтыя похуже.

— Такъ лучше, — объяснила мнѣ сестра. — Нехорошо, если кто-нибудь войдетъ и прямо увидитъ оборванныхъ... а знаютъ онѣ почти одинаково... Вотъ, посмотри, какія у всѣхъ тетрадки... Кузьмина! подите сюда.

Съ задней лавки вышла деревенская дѣвочка босикомъ; тетрадка ея оказалась прекрасная; съ большимъ стараніемъ были изображены въ ней описанія осени, зимы, масленицы.

— Какъ же это ты,—сказала сестра:—пачкаешь тетрадь? Это не годится... Придетъ попечительница, посмотритъ...

Дѣвочка потупилась и вертѣла въ худенькихъ пальцахъ кончикъ платка, которымъ была повязана ея голова. Семенъ Андреичъ ласково дотронулся пальцемъ до ея подбородка и, поднимая ея потупленное лицо, говорилъ:

— А ты не жмурься, отвѣчай!

Пересмотрѣли еще нѣсколько тетрадей, и во всѣхъ было «хорошо». Потомъ сестра вызвала нѣсколько дѣвочекъ къ доскѣ, заставила написать нѣсколько строкъ изъ стихотворенія: «Зима... Крестьянинъ, торжествуя» — и сдѣлать разборъ. Дѣвочки взапуски принялись отыскивать предложенія, дополненія, подлежащія; онѣ, видимо, старались угодить сестрѣ: краснѣли, комкали мѣлъ, тревожно оглядывались,

если была ошибка, и громко выкрикивали всѣ, хоромъ, порываясь отъ доски къ сестрѣ, если были убѣждены, что скажутъ вѣрно.

— Видишь? — шептала сестра.—Директору очень, очень понравилось.

Показавъ мнѣ познанія дѣвочекъ, она наконецъ сама стала задавать имъ урокъ; и дѣйствительно, сестра не жалѣла груди и силъ, толкуя дѣвочкамъ извѣстное стихотвореніе: «Птичка». Громадныхъ трудовъ стоило ей разъяснить ученицамъ стихъ: «Въ сіяньи голубого дня». Ей нужно было сказать, что̀ такое «голубой», что̀ такое «голубой день». Растолковавъ это, нужно было объяснить, что, собственно, голубыхъ дней не бываетъ, что тутъ необходимо понимать небо, но нельзя также думать, чтобы это было только небо, а что тутъ примѣшано и солнце, и свѣтъ, и много еще другихъ вещей, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ то, что̀ поэтъ разумѣлъ подъ названіемъ «голубого дня». Откашлявшись, сестра задала это стихотвореніе списать въ чистыя тетради,—и урокъ кончился.

Сестра была утомлена: все, что̀ она считала нужнымъ сказать, она говорила не кое-какъ.

— Устали?..—спросилъ ее Семенъ Андреичъ, когда мы уходили.

— Устала.

— Да, ужъ, признаться сказать, не даромъ деньги беремъ! Это ужъ нечего... Вѣдь это только не зная кричатъ: «мало! мало!»—а поди-ка, вдолби имъ въ голову-то... жизнь проклянешь! Вы знаете, что̀ я вамъ скажу? — обратился онъ ко мнѣ.—У насъ какіе есть мастера: ты ему твердишь, надсѣдаешься:—«подлежащее, подлежащее», а онъ тебя-жъ надуетъ въ лавкѣ! Н-нѣтъ, батюшка, это хорошо разговаривать... Поди-ка, поворочай... Я, ей-Богу, удивляюсь Надеждѣ Андреевнѣ, какъ онѣ еще справляются: вѣдь почти однѣ...

— Да, — сказала мать, встрѣтившая насъ въ сѣняхъ и услыхавшая конецъ разговора: — это правда... Ермаковъ такъ часто манкируетъ... постоянно!

— Что̀! пьяница, прощелыга—ужъ извините... я прямо,— съ снисходительнымъ пренебреженіемъ проговорилъ Семенъ Андреичъ.—Когда-нибудь дождется,—турнутъ, вотъ и сказъ... Я даже такъ думаю, не онъ ли у меня шапку-то... въ клубѣ?

Семенъ Андреичъ мигнулъ.

— Ей-Богу! Пожалуй, выпилъ лишнее, да и... Ему все равно.

— Ну, что вы... ужъ!—заступилась матушка.

— Да я и не говорю, а что можетъ-быть... Богъ съ нимъ! Свинья — больше ничего... Обидно, что другихъ заставляетъ работать изъ-за своего пьянства.

Всѣ эти сочувственныя слова сестра принимала молчаливо, и хотя видно было, что она не считаетъ ихъ лестью, однако я замѣтилъ, что она ждетъ моего мнѣнія. Признаюсь, мнѣ было не легко пристать къ общему хору хваленій. Но, подумавъ, я нашелъ, что если точное исполненіе этой программы ведетъ къ тому, что сестрѣ даютъ комнату и свѣчку, то, стало-быть, не согласиться съ этимъ—значитъ поставить сестру на ту дорогу, гдѣ не будетъ ни комнатъ ни свѣчей и гдѣ въ концѣ концовъ она можетъ услышать: «нѣтъ проѣзда!». Припомнилъ я также кое-что и изъ своей жизни по этому вопросу, изъ своихъ путешествій по пути несогласій; вспомнилъ, что и я тоже былъ учителемъ и пробовалъ смотрѣть на школу и науку, какъ на вещи, объясняющія вообще «человѣка». Но, кромѣ того, что мои бока были помяты лишній разъ, не думаю, чтобы были какіе-нибудь другіе результаты для школы и для меня. Пытливые взоры сестры, которая поминутно взглядывала на меня во время обѣда, правда, мѣшали мнѣ хорошенько подумать надо всѣмъ этимъ, но тѣмъ не менѣе, когда наконецъ она задала мнѣ роковой вопросъ:—«Ну, какъ ты, Вася?.. Хорошо ли?»—въ воображеніи моемъ накопилось столько утвердительныхъ доводовъ, что я долженъ былъ сказать: «Хорошо!»

— Только ты, въ самомъ дѣлѣ, не очень мучай себя... У тебя грудь слаба... — осмѣлился я пикнуть. Но когда сестра обрадовалась, то, право, мнѣ кажется, я едва не сгорѣлъ отъ стыда.

Гулялъ я какъ-то по улицѣ и натолкнулся на слѣдующую сцену. Около полицейскаго управленія стояла телѣга; на днѣ ея лежала человѣческая фигура, съ ногъ до головы закрытая полушубкомъ; на тротуарѣ стояла баба съ кнутомъ въ рукахъ и, обращаясь къ полушубку, говорила:

— Ма-ашенникъ этакой!.. Злодѣй!.. Вотъ погоди, прощелыжная душа!

Человѣкъ, лежавшій подъ полушубкомъ, не шевелился. Я подошелъ къ бабѣ и спросилъ, въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, батюшка, вора привезла! Пущай его за-

прутъ въ казематъ, шельму этакую, бродягу! Двухъ лошадей свелъ, нечистая сила! Хорошо, углядѣли во-время—догнали, а не угляди мы?.. Этакая поскуда! Все ты увертывался, ну, ужъ теперя покаешься... Ужъ теперя...

— Авось, Богъ милостивъ!—вдругъ послышался голосъ изъ-подъ полушубка.

— Ахъ, ты, нечистая душа!—гнѣвно возразила баба.—Что же это, всякому вору да... А-ахъ ты!

— Нич-чево!.. Авось!.. Ты думаешь, Богъ-то для васъ только?.. Нѣтъ, очнись! Ты думаешь, вора привезла—и все тутъ?.. Нѣтъ, погоди маленько! У н-насъ тоже противъ васъ штучка есть!..

Баба жестоко негодовала. Но тонъ человѣка подъ полушубкомъ сдѣлался отъ этого въ высшей степени самоувѣреннымъ.

— Нѣтъ, шельма, погоди!—гремѣло подъ полушубкомъ.—Такъ бы я тебѣ и легъ въ телѣгу-то?—какъ же, сдѣлай одолженіе! Нашла дурака! Кабы эфтой штучки у меня противъ васъ, чертей, не было, нашла бы ты меня... держи!..

Эта «штучка» до того заинтересовала меня и бабу, что послѣдняя во все горло потребовала, чтобы онъ разъяснилъ эту штучку.

— Кажи, шкура свиная, что у тебя есть? Чѣмъ ты можешь намъ во вредъ?.. Кажи!

Человѣкъ, лежавшій въ телѣгѣ, вдругъ откинулъ полушубокъ и проворно сѣлъ въ телѣгѣ, показывая намъ почти голую спину.

— А это что, живодерная шельма?—зарычалъ онъ, стиснувъ зубы, и сталъ тыкать себя въ затылокъ пальцемъ.—Что это-о?

Мы съ бабой увидѣли, что затылокъ былъ у него разбитъ и волоса запеклись въ крови.

— Что? что? что, гн-нусавая?—ревѣлъ человѣкъ, повернувшись къ намъ лицомъ и держась обѣими руками за край телѣги.—Ай присѣла? Нѣтъ, еще за эту штучку-то тебя, шельму, надо разстрѣлять!.. Ан-наѳему!

Баба злилась, но молчала и, видимо, оторопѣла.

— Ты ловить вора—лови, а оглоблей его громыхать въ это мѣсто—не показано!—продолжалъ мужикъ.—Что въ законѣ сказано?.. Шельма! такъ бы я вамъ, чертямъ, и дался, ежели-бъ вы мнѣ не повредили! Ду-ура! Вѣдь и мы съ умомъ! Я тебѣ, дурѣ, нарочно затылокъ-то подставилъ! Кобыла-а! Потому намъ за это снисхождаютъ! Съѣшь вотъ!..

Сказавъ это, мужикъ снова юркнулъ подъ полушубокъ, снова закутался съ головой и въ то время, какъ баба не знала, что̀ отвѣчать, весело говорилъ оттуда:

— Х-ха!.. А то дурака нашли! Нѣтъ, братъ, эта штучка— мое почтеніе! Вотъ какъ я тебѣ скажу... Шельма!.. Я тебѣ покажу мои права!

Я пошелъ и думалъ о томъ, что у меня даже и такихъ-то правъ нѣтъ, точно на воздухѣ висишь.

5.

Время мое проходитъ большею частью въ молчаніи, а со временемъ надѣюсь и еще лучше освоиться съ этимъ положеніемъ. И теперь я уже мало-по-малу начинаю напоминать собой богомольца, который зазимовалъ у доброхотнаго дателя: пьетъ, ѣстъ, зѣваетъ, креститъ ротъ, спитъ— и больше ни о чемъ не заботится. Записывая по вечерамъ кое-что въ записную книжку, я уже самъ разыскиваю старую матушкину юбку, чтобы завѣсить окно, а не дожидаюсь, пока матушка сама протянется съ нею къ окну черезъ мою голову и не объяснитъ мнѣ, что «какъ бы кто не увидалъ—подумаютъ, сочиняешь, обидятся, разозлятся и того наплетутъ, что всю жизнь не раздѣлаешься!..» Все это я теперь знаю и исполняю самъ.

Городишко оказывается самый обыкновенный: грязь, каланча, свинья подъ заборомъ, мѣщанинъ, загоняющій ее полѣномъ и ревущій на нее простуженнымъ голосомъ,— все это, вмѣстѣ съ всклокоченной головой мѣщанина и его рубахой, распоясанной и терзаемой вѣтромъ, составляетъ картину довольно сильную по впечатлѣнію. Книгъ въ городѣ можно отыскать много; есть книги даже хорошія, но боюсь ихъ читать; чтеніе это не приведетъ къ добру; читаю, что̀ попадется, большею частью повѣсти о любви, но и то рѣдко. Большею частью стараюсь думать о вещахъ, отдаленныхъ отъ дѣйствительности; на стѣнѣ у меня виситъ картинка слѣдующаго содержанія: на берегу громаднаго озера изображенъ крошечный человѣкъ, сидящій на корточкахъ, въ шляпѣ съ широкими полями; въ рукахъ у него удочка; вдали колокольня, а внизу подписано: «Предпріятіе...» Вотъ я и думаю: гдѣ именно тутъ скрывается предпріятіе? Предметъ, достойный наблюденія и размышленія.

По просьбѣ матушки, я отправился недавно въ гости къ Семену Андреичу; живетъ «звѣринымъ обычаемъ», но собою доволенъ, и все у него есть. Я засталъ у него Ерма-

кова; и если бы не полштофъ водки, который уже стоялъ на столѣ и былъ почти осушенъ, я не знаю, что̀ бы мы трое выдумали для разговора. Но Семенъ Андреичъ былъ подъ хмелькомъ, а Ермаковъ совершенно пьянъ, поэтому мы всѣ о чемъ-то разговаривали.

— Вѣдь вотъ какая скотина! — говорилъ Семенъ Андреичъ:—нарѣжется и оретъ!.. Ну что̀ ты этимъ ораньемъ хочешь доказать?.. Кромѣ вреда себѣ и другимъ...

— Плевать! — прогремѣлъ Ермаковъ, обнаруживая громадный басъ.—Плевать мнѣ на васъ на всѣхъ!

Ермаковъ былъ человѣкъ крѣпчайшаго сложенія и, повидимому, большая сила изъ числа тѣхъ, которые въ трезвомъ видѣ не убьютъ и мухи; но въ пьяномъ видѣ онъ былъ страшенъ; ему было не болѣе тридцати лѣтъ, но лицо уже достаточно распухло и отекло.

— Черти проклятые!—ревѣлъ онъ, сжимая кулаки и косясь на меня.

— Болванъ ты этакій! Ну, если Иванъ-то Егоровъ передастъ Фролову, что̀ ты болталъ на крестинахъ у дьякона?—вѣдь пороху отъ тебя не оставятъ, дуракъ!

Ермаковъ посмотрѣлъ на него, вдругъ приподнялъ плечи, сжалъ кулаки и зубы и прогремѣлъ что-то до того ругательное, что даже Семенъ Андреичъ не нашелся, что̀ ему возразить; онъ схватилъ Ермакова за плечо и, наливая другой рукой водку, кричалъ:

— Да пей! Пей! Чортъ!

Ермаковъ выпилъ и облилъ свою щеку и жилетку.

— Что̀ льешь-то? Эхъ-ма!.. Пить не умѣешь, а орешь.

Изъ всего оранья Ермакова я могъ заключить, что въ этомъ гигантскомъ тѣлѣ прочно засѣлъ неисцѣлимый недугъ протеста, который, благодаря нищенской жизни и подъ вліяніемъ нищенскихъ интересовъ окружающаго, состарѣлся въ немъ, прокисъ, обросъ мохомъ. Милліоны разъ «возмущаясь» такими мельчайшими мелочами жизни, какъ, напр., то, что штатный смотритель дѣлаетъ «подлость», не пуская учителей курить въ своей комнатѣ, а заставляя ихъ исполнять это на крыльцѣ, и т. д., и т. д.,—какъ не кончить однимъ ораньемъ и какъ не развивать этого оранья дальше и больше?

Оранье и скрежетъ зубовъ раздавались ежеминутно, и Семенъ Андреичъ поминутно прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ водкѣ.

— Да выпей! Выпей! Буйволъ!..

— Налей!..

— Такъ-то лучше! Выпилъ да закусилъ—анъ оно и... На-ка, закуси!

Ермаковъ закусывалъ солью, которую пальцами клалъ на языкъ.

Я познакомился съ нимъ. Онъ нѣкоторое время молча держалъ мою руку въ своей плотной и горячей рукѣ, смотрѣлъ на меня, будто желая что-то сказать, и вдругъ принялся ломать мою руку, скрипѣть зубами и потащилъ къ полштофу.

— Выпей!—едва проговорилъ онъ.—Выпей, братъ!

Я выпилъ. Жалко мнѣ было Ермакова.

Уходя, я оставилъ его совершенно пьянымъ: тяжело поднявшись, онъ ухватился за лежанку руками, что-то мычалъ, куда-то хотѣлъ идти, чтобъ кого-то «избить», но двинуться не могъ, а только стоялъ на одномъ мѣстѣ и шатался.

По просьбѣ Семена Андреича, я обѣщалъ какъ-нибудь опять придти къ нему «посидѣть». Навѣрно со временемъ я привыкну къ этой работѣ: «посидѣть» и приду къ нему, но до сихъ поръ пока еще не былъ, ибо самъ Семенъ Андреичъ посѣщаетъ насъ ежедневно. Часовъ въ шесть вечера непремѣнно слышно изъ кухни, какъ онъ скидаетъ калоши и говоритъ: «а я, признаться, шелъ да... гдѣ-жъ это тутъ гвоздь былъ? ай вывалился?.. Дай, думаю, зайду!» И затѣмъ тянутся медленные, неповоротливые разговоры о томъ, что хорошо бы пробраться въ судебные пристава и проч. Между прочимъ, со словъ Семена Андреича я узналъ, что уѣздный предводитель опредѣлилъ происхожденіе нигилиста «помѣсью дворовой дѣвки съ дьякономъ». Самъ Семенъ Андреичъ понимаетъ ихъ не лучше. «Тутъ у насъ въ клубѣ тоже одинъ появился какъ-то... пьяная размертвецки шельма! Проситъ—«подайте!». Я посмотрѣлъ, вижу—нигилистъ! «Нѣтъ ужъ, говорю, вы потрудитесь получить вашу субсидію изъ Польши! Вы оттуда по пятиалтынному въ день получаете, ну—и съ Богомъ!» Разговоры вообще любопытные... По окончаніи ихъ я ставлю сапоги подъ кровать и сплю; засыпать я могу быстро: для этого стоитъ только какъ можно ближе подвинуть лицо къ стѣнѣ и смотрѣть во всѣ глаза. Нельзя однако сказать, чтобы результаты всегда были блестящіе: иногда не спишь, несмотря на всѣ усилія. Тогда зажгу свѣчу и запишу что-нибудь...

Вчера вечеромъ разговоры съ Семеномъ Андреичемъ были прерваны появленіемъ кухарки:

— Барыня-матушка! — тревожно заговорила она, обращаясь къ матери:—нѣтъ ли у васъ какой мази?

— На что тебѣ?

— Охъ, да тутъ сейчасъ старушка одна знакомая прибѣжала: дочь у нея рожаетъ, мучается! Такъ плачетъ, ничего сдѣлать не могутъ!

Въ голосѣ кухарки была сильная тревога, и я высказалъ желаніе идти къ бабѣ.

— Вася, и я!—сказала сестра.

— Куда вы въ грязь этакую?—попытался урезонить Семенъ Андреичъ; но сестра уже одѣвалась, и скоро мы оба съ ней побѣжали вслѣдъ за кухаркой, побѣжали какъ на пожаръ, потому что помочь бабѣ едва ли мы могли чѣмъ-нибудь.

На дворѣ была тьма и грязь. Намъ пришлось спускаться подъ гору, въ слободку, гдѣ внизу свѣтились огоньки, шумѣла вода на плотинѣ и лаяли собаки.

— Такъ плачетъ, такъ плачетъ, горюшко—бѣдная!—душевно соболѣзнуя, слезливо говорила кухарка, спускаясь впереди насъ по скользкой тропинкѣ.—Лежитъ одна, ниоткуда помощи нѣту, да и гдѣ теперь, по этакому времю? И бабки-то не разыщешь! И бабки-то всѣ въ разборѣ!

— А Авдотья Ивановна?—спросила сестра.

— Да и Авдотьи-то Ивановны теперь ты съ собаками не сыщешь! Кабы у насъ народъ-то былъ умный, а то онъ дуракъ! Къ одному времю всѣ пригоняютъ... Цѣлый годъ кушорка-то сидитъ безъ хлѣба, а какъ осень—хоть разорваться, такъ въ ту же пору!

— Да почему же осенью?..—спросилъ я.

— А коли вамъ угодно знать, такъ потому, что всѣ по нашимъ мѣстамъ ведутъ счетъ этому дѣлу съ мясоѣда, послѣ Рождества, либо съ масленицы... Потому кругомъ посты... И считайте теперича девятый мѣсяцъ... когда придется? И есть, что осенью! Ну и гдѣ-жъ ее теперь, кушорку, сыщешь?..

Изъ избушки, къ которой мы подошли, доносились раздирающіе крики; по стекламъ маленькихъ окошекъ бѣгала какая-то проворная тѣнь и слышался равномѣрный стукъ.

— Что это?—спросила сестра.

— О-о, черти, о-о, безумные! Коноплю треплютъ! Да они ее задушатъ, негодные!—почти проплакала кухарка и ушла въ избу.

Мы вошли въ сѣни; маленькая дѣвочка съ распущенными жидкими волосами и въ распоясанномъ платьишкѣ пробиралась босикомъ, съ огаркомъ въ рукахъ, куда-то въ уголъ. Ее догоняла сгорбленная старуха и совершенно растроганнымъ голосомъ кричала:

— Куда ты, поскуда, тащи-ишь?.. Всѣ огарки пережгла, негодная!

Съ этими словами она выхватила у нея огарокъ и шлепнула по затылку, при чемъ на полъ упала книга.

— Меня бронютъ!..—пропищала дѣвочка, сначала схватившись за затылокъ, потомъ за книгу, и поплелась обиженная въ избу.

— Да шутъ и съ ученьемъ-то съ твоимъ! Мать умираетъ, освѣтиться нечѣмъ, подлая!

Я заглянулъ въ избу. Тамъ слышались стоны и висѣли облака пыли и кострики. Идти было не зачѣмъ. Сестра просила меня проводить ее къ аптекарю, который постоянно дома и можетъ чѣмъ-нибудь помочь. Мы собрались идти, какъ изъ избы вышла наша кухарка вмѣстѣ со старухой, которая прямо повалилась намъ въ ноги и говорила только: «батюшка!»—тогда какъ кухарка объяснила, въ чемъ дѣло. У старухи не было тридцати копеекъ, и она просила ихъ у насъ, чтобы побѣжать къ попу и просить его, чтобы отворилъ въ церкви царскія врата, такъ какъ это облегчаетъ трудность родовъ.

Мы дали, что̀ могли, и всѣ вмѣстѣ вышли вонъ.

Старуха побѣжала впередъ и, карабкаясь на гору, стонала:

— Батюшка! дай тебѣ Господи! Дай тебѣ Царица Небесная!

Кухарка, идя позади насъ, вторила ей.

Я и кухарка долго дожидали сестру, пока она была въ аптекѣ; наконецъ она вышла; аптекарь далъ кое-какіе совѣты и лѣкарство. Передавъ эти совѣты кухаркѣ, мы всѣ пошли къ попу, котораго сестра хотѣла попросить не задержать старуху, и вдругъ наткнулись на нее.

— Акулина! Ты?..—съ изумленіемъ воскликнула кухарка.

— Горюшки мои бѣдныя!—плакалась старуха:—потеряла деньги-то, обронила!

— Всѣ, что ли?

— Да вотъ одна монета выпала. Ищу-ищу—нѣту ничего!

— Брось! Брось! Бѣги ужъ къ попу-то!

— Да какъ бросить?.. Ахъ, горюшки мои!

— Бѣги, старая! Ахъ, Боже мой!..

— Охъ-охъ-охъ!

Кое-какъ сестрѣ и кухаркѣ удалось уговорить старуху, и она побѣжала къ попу.

— Ну, теперь бѣги скорѣй,—сказала сестра кухаркѣ:— неси лѣкарство да помни, что̀ я сказала...

— Какъ не помнить, матушка, бѣгу, бѣгу! — торопливо говорила кухарка:—и что̀ ужъ тутъ искать пятачка? Ахъ, старуха, старуха!

— Бѣги, бѣги...

— Бѣгу, матушка!—нагибаясь на ходу къ землѣ, говорила кухарка и вдругъ стала опять искать въ грязи пятачка.

Кое-какъ и ее уломали.

Признаюсь, не безъ непріятнаго чувства въ душѣ подходилъ я къ поповскому дому. Я хотѣлъ подождать въ сѣняхъ, но сестра втащила меня въ комнату.

Въ передней, на колѣняхъ, стояла старуха, а изъ глубины довольно темной залы слышался звучный голосъ священника:

— Отдай дьячку ключи да скажи, чтобы поскорѣе отперъ церковь. Я сейчасъ буду. Бѣги! — Кухарка выбѣжала изъ залы съ ключами.

Мы вошли, познакомились, сестра передала просьбу; священникъ, дѣйствительно, торопился; застегивая полукафтанье, онъ торопливо говорилъ другому, бывшему въ комнатѣ, духовному лицу:

— А ты тѣмъ временемъ — того, Гавріилъ Петровичъ, подбавь что-нибудь сюда-то!—и онъ при этомъ кивалъ на лежавшую на столѣ бумагу.

— Я сію секунду... Ступай, матушка, успокойся!—отнесся онъ къ бабѣ: — Богъ дастъ — все благополучно... Молись поусерднѣе, да не переври, что̀ докторъ-то сказалъ. Ступай, бѣги! Да и ты, Гавріилъ Петровичъ, того-то...

Священникъ попросилъ насъ посидѣть и ушелъ... Гавріилъ Петровичъ былъ дьяконъ и оказался добрѣйшимъ существомъ; голосъ у него былъ мягкій, юношескій и слегка дрожалъ отъ какого-то постояннаго нервнаго волненія.

— Вотъ этакія сцены переносить...—началъ онъ, предварительно нѣсколько разъ кашлянувъ: — право, до того непріятно...

Дьяконъ волновался и ходилъ по комнатѣ.

— Иной разъ, ей-Богу, самъ заплачешь, глядя, а не то что... Да ничего не сдѣлаешь! — вдругъ словно выйдя изъ терпѣнія, проговорилъ онъ. — Вѣдь, будемте говорить по

совѣсти! я не радъ этому—у меня дѣти! Ихъ учить надо, кормить! Да кромѣ того...

Тутъ онъ исчислилъ множество разныхъ взносовъ, требующихся ежегодно, и самымъ обстоятельнымъ образомъ доказалъ, что нельзя не брать съ народной темноты и невѣжества.

— Да вотъ, изволите видѣть эту вотъ вещицу?—продолжалъ онъ, взявъ со стола бумагу:—это умерла купчиха-съ. Супругъ желаетъ, чтобы духовенство произнесло надгробныя рѣчи, и обѣщаетъ по три рубля, а ужъ ежели очень хорошо, то и пять!.. Вотъ мы съ батюшкой желаемъ получить по два съ полтиной, и теперь, представьте себѣ, сколько мы должны принять на душу грѣха, чтобы растрогать эти аршинныя души до слезъ!.. Намъ нужно эти откормленныя туши заставить рыдать-съ!.. Ну-те-ка, придумайте!.. И тогда только мы можемъ разсчитывать на полученіе изъ лавки фунта чаю подмоченнаго! Денегъ намъ, разумѣется, не дадутъ, надуютъ...

Дьяконъ въ яркихъ краскахъ нарисовалъ свое безвыходное положеніе. Пришедшій изъ церкви батюшка прибавилъ къ этому еще нѣсколько другихъ фактовъ. Онъ, впрочемъ, не волновался, какъ дьяконъ, а былъ положительнѣе и, разъ рѣшившись смотрѣть на вещи такъ, а не иначе, шелъ не оглядываясь.

— Э-э,—говорилъ онъ:—тутъ церемониться, такъ съ сумой пойдешь!

Когда рѣчь коснулась проповѣди, онъ прямо объявилъ, что нужно повести рѣчь о томъ, что новопреставившаяся была недавно — новобрачная... а теперь... что̀ мы видимъ?

— Вотъ! — сказалъ онъ дьякону, ткнувъ пальцемъ въ бумагу:—повѣрь, быкомъ зареветъ и какъ снопъ повалится!

Дьяконъ грустно улыбнулся, однако взялъ проповѣдь съ собой и обѣщалъ составить ее въ указанномъ батюшкою направленіи.

Мы пошли вмѣстѣ.

Дьяконъ всю дорогу жаловался на свою судьбу и разсказалъ цѣлую систему невозможностей пойти по другой дорогѣ, выбрать иной путь въ жизни. Все это только вносило новыя лепты въ сокровищницу познаній моихъ о пользѣ молчанія.

Думая такъ, я шелъ молча и почти не слыхалъ, что сестра что-то говоритъ.

— Что̀ ты?..—спросилъ я.

— Что̀ она вретъ? Когда я браню ихъ?

— Кого?

— Да дѣвочка говоритъ:—«меня бранятъ!». Она вѣдь у меня учится...

«Учишь - учишь,—шептала она:—бьешься - бьешься...»

Въ голосѣ ея слышалось желаніе успокоенія, сочувствія. Семенъ Андреичъ, сидѣвшій еще у насъ въ то время, когда мы воротились назадъ, успокоилъ ее.

— Вы никакъ уже въ акушерки пустились? Мало вамъ своего дѣла?.. Э-эхъ, некому васъ сѣ-ѣчь!.. Хоть ноги-то перцовкой разотрите... она оттягиваетъ... Э-эхъ-ма!..

6.

На-дняхъ опять фактъ...

Нужно сказать, что сестра, всегда флегматичная и вялая, въ послѣднее время какъ-то заскучала, нахмурилась и отъ времени до времени какъ бы сама съ собою разговаривала, перелистывала какую-то книгу и потомъ бросала ее, говоря: «я не знаю, что̀ мнѣ имъ диктовать!» Я случайно поглядѣлъ эту книгу; это была хрестоматія, обнимавшая всѣ отрасли человѣческихъ знаній, упрощенныхъ до степени двугривеннаго, болѣе каковой суммы авторъ не разсчитывалъ отыскать въ народномъ карманѣ. Всѣ знанія поэтому принимали смѣющійся оттѣнокъ: тутъ прыгали зайчики, разговаривали мышки, тутъ было и «Здравствуй, матушка Москва!», и «Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ, раскрасавица зима!», «Царю небесный» и таблица умноженія. Мнѣ пришло въ голову, ужъ не оттого ли сестра стала бросать книгу, что при каждомъ стихотворномъ баловствѣ, попадавшемся тамъ, передъ ней мелькалъ образъ умирающей бабы, у которой тащатъ свѣчку, чтобы выучить это баловство? Я поглядѣлъ на сестру: она хмурилась, но меня не спрашивала ни о чемъ. Не боялась ли она, что я, молчаливая, постоянно почти лежащая фигура, сочту глупымъ ея вопросъ?

Семенъ Андреичъ счастливѣй меня. Какъ-то выдался ясный августовскій день, мы сидѣли на крылечкѣ, на дворѣ.

— Да вы что̀ это такъ?—спросилъ онъ сестру и скорчилъ хмурое лицо.

То, что̀ я думалъ, оказалось справедливымъ.

— Да вамъ какое дѣло?—сказалъ Семенъ Андреичъ:—что̀ вамъ самимъ, что ли, сочинять? Слава Богу, и такъ довольно есть кому!

Чувствуя, что этого мало для того, чтобы сестра повеселѣла, Семенъ Андреичъ прибавилъ:

— А въ уѣздномъ-то училищѣ, вы думаете, лучше? Директоръ пріѣхалъ, спрашиваетъ: «у васъ какая метода?» А дьяконъ ему: «у насъ метода одна — за вихоръ!» И то ничего! Разбирать! Вамъ сказано, какъ надо, — какое же вамъ еще дѣло?

Сестра улыбнулась, но молчала и слушала.

— Но все-таки, по крайней мѣрѣ, имъ... — начала она, какъ бы желая успокоить себя какимъ-нибудь положительнымъ рѣшеніемъ:—все-таки какая же нибудь польза...

— Да Господи Боже мой!.. Само собой! Да кабы не польза, такъ вѣдь кто-жъ бы... Естественно, что...

Въ это время, среди лая собакъ, приблизился къ намъ отставной солдатъ въ старой шинели и съ деревянной ногой.

— Помогите, господа, прохожему солдату!—пѣвучимъ и добродушнымъ, почти веселымъ голосомъ проговорилъ онъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, тщедушный, но державшій себя бодро.

— Иду на родину изъ службы, что̀ ты будешь дѣлать?— ничего нѣтъ! Помогите, господа, чѣмъ-нибудь...

— Ты грамотный? — вдругъ почему-то спросила сестра.

— Былъ, сударыня, и грамотный — да всего теперича лишенъ... Ничего не осталось, только-что караулъ ежели закричать—ну, это могу! Хе-хе-хе!

Нельзя было не засмѣяться.

— Да ей-Богу-съ!—сказалъ солдатъ.—Надо-быть, такъ уже мнѣ на роду написано — не потрафлять: женился — взялъ жену ловкую, нѣжную дѣвицу; служилъ чисто; веселый меня, ежели въ работѣ али въ шуткѣ, человѣка не было...

— Ты чей?

— Здѣшній... здѣшняго уѣзду... Вотъ тутъ имѣніе Дворѣчки... Слухъ есть, жена моя тамъ... Богъ ее знаетъ!

— Ну, такъ что̀ же, какъ? Ну, служилъ?

— Ну, служилъ-служилъ, угождалъ-угождалъ барину... Бывало, цѣлыя ночи съ нимъ куролесили въ здѣшнемъ городѣ, по оврагамъ, все разыскивали веселыхъ дѣловъ, да-съ!.. Бывало, выпью водки, возьму хорошую закуску, вотъ этакую вотъ дубину, пойду тамъ ворочать — ужъ достану товару! Даже теперь подумаешь-подумаешь, чѣмъ у Господа замолю грѣхи? Ну, а въ ту пору имѣлъ надежду, мечталъ такъ, что будто покоряешься господину, онъ тебя тоже не оставитъ. Женатъ былъ—только-что Господи благослови—хотѣлъ своею частью заняться, имѣть уютъ. И такъ, будто, что выходило... Ну, а вышло—эво какъ!..

Солдатъ шагнулъ къ намъ деревянной ногой.

— Отчего-жъ такъ-то?

— Оттого, что водка! Вотъ кто насъ губитъ!.. Ярмонка, изволите видѣть, была—вотъ самое это мѣсто (солдатъ показалъ рукою по направленію къ рѣкѣ). Жена у меня первое время—не знаю, какъ теперь, Богъ знаетъ!—жена у меня франтовитая была, признаться, супруга... Пошли по ярмонкѣ, обижается на меня: «Неряха!». А ужъ точно, сами знаете, какъ одѣвали нашего брата! Такъ эти слова на пьяну-то голову (а здорово, дѣйствительно, было) такъ меня повернули: «Э, думаю, надѣну господское платье, старое, завалящее, пройдусь разокъ!» Ишь вѣдь! Ну, сейчасъ побѣгъ; все господамъ живымъ манеромъ прибралъ, подалъ... Ж-живо, вотъ-какъ! рукомойникъ несу, съ пьяныхъ-то глазъ, не какъ люди, а норовлю его на одномъ пальцѣ пронесть.—«Разобьешь!»—«Будьте покойны!..» Помои дали вылить, такъ я ихъ подъ облака зашвырнулъ, черезъ пять крышъ. Ну, подгулялъ, больше ничего. Такимъ манеромъ и нарядился въ господское... думаю, погоди! Хвать, а баринъ — вотъ онъ! Съ тае минуты: воръ-воръ-воръ-воръ! Что̀ хошь! нѣтъ мнѣ имени, какъ воръ! Пошло и пошло, отъ всего отрѣшенъ... И добился подъ красную шапку—что̀ станешь дѣлать-то?

Тутъ солдатъ сталъ разсказывать о своихъ трудахъ въ военной службѣ, упоминалъ о городахъ, генералахъ, черкесѣ, туркѣ, венгерцѣ и множествѣ другихъ подробностей, въ которыхъ путается вниманіе слушателей, если онъ не вникаетъ въ смыслъ путаницы, обыкновенно группирующейся вокругъ заключительной фразы: «А все ничего нѣтъ!».

— А барышня говорятъ: «грамотный!». Что̀ мнѣ съ грамоты-то? Хошь бы у меня сто пядей во лбу было—то-жъ бы самое не легче: какъ захотятъ, такъ и будетъ! Я и рану, сударыня, имѣю, да и то вотъ побираюсь. Потому что и рану-то намъ Господь Богъ не сподобилъ настоящую получить. Изуродовать—изуродовали, а «къ разряду» не подходитъ! Мнѣ бы во сто разъ согласнѣе было, ежели-бъ мнѣ обѣ ноги оторвало, или бы безъ руки пошелъ: по крайности, «первый разрядъ»! А то только-что калѣка: весь истыканъ, какъ рѣшето, зашили дыры иголочкой—и гуляй!

Мы помолчали.

— Ну, а ежели,—произнесъ Семенъ Андреичъ:—голову оторвать: тогда что̀, какая цѣна?..

Его громкій смѣхъ разсмѣшилъ и солдата.

— Да ужъ лучше, ежели бы голову-то. Вѣрно!.. Теперича вотъ иду въ свою сторону, жену искать, а что̀ найду?— Богу извѣстно! Гдѣ? Какъ?.. Пожалуй, и такъ выйдетъ, что безъ меня ужъ и разбаловали бабу!

— Н-ну!

— Ну, да ужъ тамъ что̀ Богъ дастъ! Коли что̀, такъ попрошу у барыни—говорятъ, добрая—мѣстечка, сяду на хозяйство; ну, а коли... такъ ужъ...

Солдатъ тряхнулъ головой и отступилъ.

— Та-агда ужъ не попадайся! Ужъ что̀ подъ руку, то и наше! Передъ Богомъ!

На крыльцо вышла мать.

— Идите обѣдать...—сказала она.

— Подайте, господа, солдату!

Ему подали. Онъ ушелъ, сопровождаемый собаками и безъ шапки. Я глядѣлъ на сестру и думалъ: «Однако дѣйствительность не церемонится съ тобой! Помаленьку да помаленьку она выбиваетъ тебя изъ колеи, пробитой съ большими трудами и надеждами... Что̀ будетъ—не знаю!»

— Однако они тоже ловки, эти штукари-то! — сказалъ Семенъ Андреичъ, поднимаясь. — Балакаетъ-балакаетъ, а глядишь—какъ-нибудь и сблаговѣстилъ цѣлковыхъ на пятокъ... Пойти поглядѣть: не стянулъ ли чего солдатъ-то!..

Потомъ мы пошли обѣдать.

7.

Осенняя непогода въ полномъ разгарѣ. Уѣздная нищета еще унылѣе влачитъ свои отребья и недуги по грязи и слякоти, вся промоченная до нитки проливными дождями и продрогшая отъ холоднаго, безпрерывно ревущаго вѣтра. Не хочется ни выйти ни взглянуть въ окно.

Вечеръ. Я лежу за перегородкой близъ кухни и уже часа два слушаю разговоры Семена Андреича о томъ, что онъ намѣренъ перелицевать старое пальто, которое можетъ сойти за новое. Приводятся примѣры, когда, дѣйствительно, перелицованныя пальто сходили за новыя, и т. д. Вѣтеръ воетъ за стѣной и царапаетъ ее. Пробовалъ упираться глазами въ стѣну—не выходитъ ничего!

Въ кухню входитъ человѣкъ и, благодаря объясненію кухарки, которая, увидавъ его, побѣжала просить у матушки щепотку чаю, оказывается ея дальнимъ родственникомъ.

— Семенъ Софронычъ! Что̀ это вы въ эту пору?..—удивляется кухарка.

— Ничего не сдѣлаешь, матушка! Мо̀ченьки нѣту! И снизу и сверху—такая страсть идетъ, не приведи Богъ!—отряхая армякъ, говоритъ усталымъ голосомъ Семенъ Софронычъ.—Двадцать верстъ по этакому мученью обмолотить не больно сладко! — продолжаетъ онъ, хлопая шапкой не то о притолку, не то объ стѣну; затѣмъ уходитъ въ сѣни, гдѣ долго шаркаетъ сапогами, и возвращается, отдуваясь и кряхтя.

— О, Боже мой!

— Пѣшкомъ, што ли, вы?

— Да, пѣшкомъ, матушка, пѣшкомъ, что̀ сдѣлаешь-то?

— Что̀ же это вы лошадку-то жалѣете?

— О-о, матушка, кабы жалѣли!.. Нѣту ея, лошадки-то, пятый день вытребована по казенной части; нѣту, матушка. Господь ее знаетъ, когда отпустятъ оттедова! А приказъ былъ такой, чтобы отнюдь не умедлять, поспѣшать чтобы въ городъ... Ну, и пошли пѣшкомъ.

— Что̀ же это васъ, по какому дѣлу? — суетясь и раздувая самоваръ, спрашивала кухарка. — Вытребываютъ васъ, али какъ?

— Вытребываютъ, кормилица!.. Сказывали, которые тоже изъ деревень шли по эвтому, по выпискѣ, сказывали, будто караулъ хотятъ держать изъ насъ... Ну, а на постояломъ дворѣ такъ объяснили, будто бы судить, что ли, кого-то.

— За что-жъ это судить-то?

— Да Господь ее знаетъ! Сказывали, будто бабу, что ли-то, какую присуждаютъ къ Сибири за ребенка, ну, и пріумножаютъ... это самое, караулы. Господь ее знаетъ, матушка! Тамъ безъ насъ разберутъ... Я ужъ у тебя, кормилица, заночую. Попытай у господъ, не будетъ ли ихней милости на печку мнѣ? Вѣришь, пришелъ въ чужую сторону, хоть что̀ хошь! Куда пойдешь-то? Иззябъ весь... вымокъ...

— Вотъ чайку выпьешь...—сказала кухарка.

Гость поблагодарилъ и, помявшись, прибавилъ:

— А ты вотъ что̀, родная,—чайку... чайку... а ты бы... Нѣтъ ли, голубушка, хошь хлѣбца бы? Попытай у господъ, матушка... Передъ Богомъ сказать, и дома-то ребятишкамъ почесть что корки не оставилъ — вѣрное слово! Стыдно сказать, шли дорогой—побирался, ей-ей! Да покуда чего

объявятъ, такъ и тутъ пойдешь по міру ходить, вѣрно тебѣ говорю!

Гостю дали хлѣба и щей. Пока онъ ѣлъ, пока укладывался на печкѣ спать, изъ запутанныхъ разговоровъ его я узналъ, что человѣкъ этотъ, побиравшійся дорогой и не имѣющій угла, гдѣ бы преклонить голову, не кто иной, какъ будущій присяжный засѣдатель. Подъ вліяніемъ осени и рева вѣтра, начинаетъ разбирать злость. Закрадывается мысль о томъ, что дѣйствительно ли «дѣло» — сочувствіе къ чужимъ заплатамъ, и не лучше ли существованіе Семена Андреича, который вонъ преспокойно ходитъ по комнатѣ и повѣствуетъ о томъ, что въ прошлое воскресенье не достоялъ обѣдни?

— Слышу: «паки, паки преклоните...» Я — маршъ изъ церкви, прямо къ пирогу... хе-хе!—благовѣствуетъ онъ.

Судъ, о которомъ я впервые узналъ отъ кухаркинаго гостя, былъ открытъ черезъ нѣсколько дней въ первый разъ въ залѣ мирового съѣзда. Публики собралось множество; сзади всѣхъ, на какомъ-то возвышеніи, помѣщался Ермаковъ; онъ былъ въ шинели, надѣтой въ рукава; лицо его было пьяно и необыкновенно строго. Но вниманіе мое главнымъ образомъ приковывали присяжные засѣдатели, почти всѣ оказавшіеся простыми крестьянами. Какой-то длинный поджарый мѣщанинъ, съ робкою улыбкой поглядывавшій на своихъ пріятелей, сидѣвшихъ въ публикѣ, долженъ былъ руководить сужденіями гг. присяжныхъ. Взгляды его, бросаемые на товарищей, какъ бы говорили: «И только исторія же, ребята, затѣвается!». На лицахъ крестьянъ-присяжныхъ я замѣтилъ только уныніе и страхъ. Проходя по комнатѣ, они старались ступать на цыпочкахъ, при чемъ однако все-таки оставались лужи такихъ размѣровъ, что можно было потерять разсудокъ, особливо, если принять въ расчетъ суровые взоры унтера, который какъ будто хотѣлъ сказать: «Эхъ, вы, судьи! вамъ въ свиномъ корытѣ хрюкать, а не то что касаться къ мебели!» Присяжные, видимо, понимали какъ справедливость суровыхъ взглядовъ унтера, такъ и то, что надъ головами ихъ сію минуту что-то должно разразиться. Упираясь мокрыми бородами въ мокрыя груди армяковъ, они стояли предъ налоемъ съ опущенными внизъ головами, глядя въ землю, въ то время, какъ отецъ протоіерей, приготовляясь приводить ихъ къ присягѣ, держалъ къ нимъ краткое «увѣщаніе».

Говорю: «увѣщаніе», потому что изъ устъ протопопа выходили такія фразы:

— Постыдитесь!—говорилъ онъ, потрясая головой.—Неужели вы думаете, что можно безнаказанно лжесвидѣтельствовать?.. Да! Правда! Предъ лицомъ человѣческимъ ложное слово иногда укрывается, но предъ лицомъ Всевышняго—никогда! Ни во вѣки вѣковъ!.. И ежели мы трепещемъ казни міра сего, то во сколько кратъ должны мы трепетать грядущаго суда Господня? Посему заклинаю васъ судить по сущей справедливости, по сущей чести, по сущей правдѣ, не ложно, не... (тутъ предсѣдатель кашлянулъ) Цѣлуйте крестъ!

— Позвольте...—перебилъ предсѣдатель.—Господа присяжные засѣдатели! Отецъ протоіерей объяснилъ вамъ, что ожидаетъ васъ за пристрастныя сужденія въ будущей жизни. Теперь, съ своей стороны, я обязанъ вамъ объяснить, что и въ сей жизни существуютъ возмездія, а именно...

Тутъ были объяснены размѣры возмездія.

— И поэтому прошу васъ судить по чистой совѣсти, говорить только правду. Помните, господа, что судьи—вы, что отъ вашего суда зависитъ участь человѣка! Не смущаясь ничѣмъ, говорите одну правду и больше ничего.

— Цѣлуйте крестъ!

По окончаніи присяги, присяжные пошли къ своимъ мѣстамъ попрежнему съ понуренными головами. Когда въ залѣ настала тишина, съ ихъ стороны послышались вздохи.

Вывели подсудимую. Это была рябая, некрасивая женщина лѣтъ двадцати трехъ, со старческимъ желтымъ лицомъ и тусклыми сѣрыми глазами. Она была въ короткомъ арестантскомъ полушубкѣ и держала на рукахъ ребенка, почти грудного, который, увидавъ сбоку себя блестящій штыкъ, тянулся къ нему рукой. Солдатъ хотѣлъ сдѣлать сердитое лицо и уже ощетинилъ усы, но улыбнулся. Бабу обвиняли въ томъ, что она утопила своего незаконнаго ребенка. На вопросъ: «признаётъ ли она себя виновной?»—баба отвѣчала, что «не признаётъ». Въ тонѣ ея голоса и манерѣ не было замѣтно никакой поддѣлки: не было ни принужденной бодрости, ни заученныхъ со словъ адвоката отвѣтовъ; она качала ребенка, вздыхала и, смотря въ землю, покорно слушала показанія свидѣтелей.

— Пошли мы на рѣчку,—разсказывала дѣвушка-свидѣ-

тельница: — пошли на рѣчку прорубь рубить-съ... Потому старую прорубь у насъ сусѣднія бабы отняли-съ...

— Вы говорите только о томъ, что̀ знаете по дѣлу.

Дѣвушка кашлянула.

— Прорубили прорубь-съ, только это я нагнулась— глядь, а тамъ что-то краснѣетъ. Увидала я это и кричу дѣвушкамъ: «идите, дѣвушки, на счастье вытащимъ!..» Стали отдирать ото льду, а тамъ... ребенокъ мертвый-съ!— окончила она совершенно тихо.—Больше ничего-съ!

— Больше ничего?

— Ничего-съ! Дали знать въ часть, насъ записали, ребенка взяли въ бо̀льницу. Больше не знаю-съ!

Выступила другая свидѣтельница. Это была пожилая, высокаго роста мѣщанка съ длиннымъ носомъ на сухомъ и желтомъ лицѣ и большими глазами «на выкатъ». Рваная шубейка была надѣта въ одинъ рукавъ. На вопросъ, знаетъ ли она подсудимую? —свидѣтельница отвѣчала грубымъ и рѣзкимъ голосомъ:

— Какъ не знать-съ, ваше высокоблагородіе, она мнѣ посейчасъ два рубля серебромъ должна. Оченно знаемъ-съ!

— Когда она у васъ жила?

— Когда рожала-съ. Она съ солдатомъ-съ бѣгала въ ту пору... Н-ну, солдатъ былъ мнѣ знакомъ, я пустила ее, какъ добрую... Ну, а за мои благодѣянія...

— Что̀ вы знаете насчетъ ребенка?

— Да утопила-съ она его, больше ничего-съ! Потому она имѣетъ очень вредный характеръ, ваше сіятельство... Она посейчасъ не можетъ мнѣ, хошь бы по гривеннику въ мѣсяцъ, двухъ рублей-съ...

Свидѣтельница была въ волненіи.

— Почему вы думаете, что именно она его утопила?

— Да потому, что оченно знаемъ это дѣло... Живши у меня, постоянно она имъ недовольна была,—убѣчь ей отъ ребенка нельзя, а она это любитъ-съ, надо по совѣсти говорить. Она у меня два мѣсяца жила съ нимъ-съ, на моихъ харчахъ. Я женщина бѣдная-съ; мнѣ взять негдѣ. Теперь вотъ нешто радость за свои деньги да по судамъ ходить? А пущай бы лучше тогда шла, куда знала... (Свидѣтельницу просятъ говорить о дѣлѣ). Жила, жила она у меня-съ, только приходитъ ко мнѣ одна моя знакомая и говоритъ: «Нѣтъ ли у васъ дѣвушки хорошей? — мѣсто есть». А она, Маланья,—«Я!» говоритъ.—«Да у тебя ребенокъ. Въ благородный домъ нешто возможно?»—«Да я,

говоритъ, его отдамъ куму на воспитаніе: ко мнѣ кумъ пріѣхалъ, я, вишь, его встрѣтила нониче». Знакомая говоритъ: «Коли такъ, такъ торопись, тамъ ждать не будутъ, за два серебромъ сейчасъ другая съ охотой пойдетъ». Ну, она сейчасъ собралась и пошла, и ребенка взяла, а приходитъ ужъ поздно ночью, и безъ полушубка, и ужъ ребенка съ ей нѣту. «Отдала!» говоритъ. «Ну, говорю, слава Богу!» Я ей всегда добра желала, ну, она мнѣ хошь бы... Уходитъ она утромъ на мѣсто. «Смотри, говорю, Маланья, помни меня, старуху, получишь—отдай!» А она... Слушаю, ваше сіятельство! Виновата-съ! Мы не учены этому разговору. Вотъ-съ и ушла она... а вечеромъ зашелъ ко мнѣ знакомый фершелъ-съ... «Что это, говоритъ, вчера я вашу Маланью около рѣчки за часовней встрѣтилъ и съ ребенкомъ и раздѣмши? По этакой, говоритъ, погодѣ, она, пожалуй, и ребенка заморозитъ». А время было непогожее... мело и кура, да и студёно. Тутъ я и подумала... Анъ, глядь, пошелъ слухъ—нашли мертваго въ рѣчкѣ; побѣжала я, поглядѣла, а ребенокъ-то солдатскій! Ейный, то-есть... Я вѣрно знаю-съ, что она рубь у господъ, какъ пришла, выпросила, ну, она мнѣ—хоть бы...

Ничего болѣе взволнованная свидѣтельница не показала. Въ оправданіе свое подсудимая объяснила, что она, дѣйствительно, жила у свидѣтельницы, но что не чаяла, какъ вырваться отъ нея.

— Въ полночь-заполночь—все пируютъ! Я лежу больная, хворая, а кругъ тебя пляшутъ, потому что она, ваше благородіе, нехорошимъ дѣломъ занималась...

— Это не твое дѣло судить! — прервала свидѣтельница, быстро поднявшаяся со стула. — Онъ, можетъ, тяжельше твоего хлѣбъ-отъ мой!..

Несмотря на звонокъ предсѣдателя, она продолжала громко:

— Я какъ волкъ бѣгаю голодный по своимъ дѣламъ, и то у меня хлѣбъ-то рѣдокъ! Что дадутъ мнѣ двѣ копеечки на маслице, такъ не раздобрѣешь отъ этого!

Кое-какъ свидѣтельницу усадили на мѣсто.

Во время болѣзни подсудимая не могла работать много, но все-таки ее понукали, и она черезъ силу принуждена была ходить на поденщину. Деньги эти отъ нея отбирали. Среди такихъ мученій, услыхавъ, что есть мѣсто, подсудимая до того обрадовалась, что солгала, будто бы къ ней пріѣхалъ кумъ, а на самомъ дѣлѣ побѣжала отыскивать

человѣка, который бы взялся принять ея ребенка на воспитаніе. Пошатавшись часа два по улицамъ совершенно напрасно, она хотѣла-было подкинуть ребенка, но пожалѣла, подумавъ, что онъ можетъ замерзнуть, такъ какъ въ вечернюю пору народу на улицѣ почти не бываетъ, и его могутъ не увидѣть. Наконецъ ей встрѣтилась старуха, лица которой она припомнить не можетъ. Онѣ разговорились, и старуха предложила взять ребенка съ тѣмъ, чтобы подсудимая отдала ей полушубокъ. Подсудимая готова была на все и отдала полушубокъ, но въ это время старуха пожелала узнать, сколько могутъ дать за полушубокъ, и побѣжала къ какому-то знакомому оцѣнить его, а подсудимая осталась ждать съ ребенкомъ на рукахъ и въ одномъ платьѣ. На дворѣ была вьюга и мятель; чтобы укрыться отъ непогоды, она схоронилась за часовню, и здѣсь ее встрѣтилъ фельдшеръ. Старуха воротилась ужъ безъ полушубка, проклиная какого-то человѣка, который не хотѣлъ подождать за ней долга и, оцѣнивъ полушубокъ, удержалъ его у себя. Съ ругательствомъ старуха взяла ребенка и говорила: «Еще замерзнетъ—хоронить надо. Гдѣ возьму?» Однако взяла и сказала, гдѣ живетъ, но подсудимая у нея не была.

— Почему же вы не были у нея?

— Недосугъ, ваше благородіе! Да опять и скоро объявился онъ мертвымъ.

— Какимъ же образомъ ребенокъ очутился въ рѣкѣ?

— Да надо-быть, что замерзъ онъ у нея на рукахъ, она его и бросила.

— Не помните ли, по крайней мѣрѣ, лица старухи?

— Не упомню, кормилецъ, въ ту пору голова кругомъ шла. Не упомню! Не чаяла, какъ мнѣ вылѣзти изъ вертепу. А тутъ пошла на мѣсто, спервоначалу непривычно... работы много...

— Коли правду знать хотите, — вновь заговорила суровая мѣщанка: — ей не то что спервоначалу, а больше ничего, что опять затяжелѣла, вотъ, коли ежели правду говорить-съ!

Подсудимая молчала и шушукала на своего ребенка.

Слѣдствіе кончилось; насталъ промежутокъ для совѣщанія присяжныхъ. Всѣ вышли въ коридоръ. Ермаковъ, подталкивая пріятеля въ бокъ, торопился къ выходу и, угрюмо глядя въ землю, бормоталъ: «горькое, братъ, горькое, горькое дѣло... горькое!»

Толкаясь въ коридорѣ въ ожиданіи приговора, я невольно

припоминалъ всю слышанную мною исторію о мѣдномъ грошѣ, и мнѣ было крайне жаль бабу, особливо, когда я припоминалъ фразу кухаркина гостя — «тамъ разберутъ». Эти соображенія укрѣпляли во мнѣ непріятные душевные порывы послѣдняго времени.

Мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь, когда судъ вернулся въ залу, но я заглянулъ туда и услыхалъ:

— Не виновна!

Вслѣдъ затѣмъ по всей залѣ разразился оглушительный крикъ:

— Бра-а-во-о-о-о!

Это горланилъ Ермаковъ. Оглянувшись, я увидѣлъ, что сторожа уже теребили его за борта шинели.

— Урра-а!.. — гремѣло по коридору надо всей выходившей изъ суда толпой. Кругомъ былъ оживленный говоръ. Тутъ шли и зрители, и присяжные, и члены суда.

— Признаюсь, — говорилъ одинъ изъ нихъ: — нелегкое дѣло! Очень, очень нелегкое! Я имъ говорю: «да» или «нѣтъ»?—больше ничего не нужно, больше ничего! А они: «Богъ съ ней!» — «Да поймите вы, господа, что тутъ не Богъ съ ней, не Господь съ ней, а виновата или нѣтъ?» Молчатъ.—«Ну, какъ же?»—«Господь съ ней!»

— Ну, что̀ ужъ! — шепталъ какой-то мужичокъ. — Тоже поморили ее въ казематѣ. Господь съ ней!..

Такъ кончился судъ...

...Какъ ни оглушительно было оранье Ермакова, но въ эту минуту я совершенно понималъ его. Да, подъ громадою бѣдъ, забитости, темноты народа таятся свѣтлыя надежды, прячется живое, хорошее слово. Возвращаясь изъ суда, я не сразу пошелъ домой. Долго гулялъ я по городу и за городомъ—и чувствовалъ себя хорошо.

Я проходилъ часа два и усталый вернулся домой. Семенъ Андреичъ, провѣдавшій обо всѣхъ событіяхъ суда и находившійся у насъ, разсуждалъ о нихъ такимъ образомъ:

— Ужъ не сносить этому чорту головы!.. Ну, пом-ми-луйте!.. Новые суды—и во все горло!.. Вѣдь это на что же похоже?

Въ волненіи разставивъ руки, онъ прошелся по комнатѣ и прибавилъ:

— Ну, хочешь напиться—ну, нажрись дома: никто тебѣ не мѣшаетъ! Всему есть мѣра и граница, а то... реформы... и какъ стелька!..

8.

...Недѣль пять прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не брался за мои замѣтки. Благодаря моей въ извѣстномъ направленіи сломанной кости, роковое «Богъ съ ней» сдѣлало то, что я, во-первыхъ, потерялъ нить событій, доказывавшихъ мнѣ необходимость молчанія, и пересталъ урезонивать себя въ необходимости этого путемъ дневника, куда я обыкновенно вносилъ факты, подходящіе къ моему собственному положенію. Во-вторыхъ, благодаря тому же обстоятельству, я весь предался надеждамъ, что если поразрыть да пораскопать эту забитость, это наружное ошалѣніе народа, то тамъ найдется что-нибудь и почище, нежели «Богъ съ ней»; и, въ-третьихъ, подъ вліяніемъ разныхъ мечтаній, зашумѣвшихъ въ головѣ совершенно неожиданно, я нашелъ, что, несмотря ни на что, ни на какія грядущія бѣды, я долженъ толковать съ сестрой и разъяснить ей ея положеніе, объяснить ей все: и огарокъ сальный въ избѣ, и солдата съ деревянной ногой, и почему Ермаковъ заоралъ «при реформѣ»... Помню, что я насказалъ сестрѣ слишкомъ много; помню также, что немедленно послѣ того въ мою голову полѣзло такое множество убивающихъ меня воспоминаній, что мнѣ сдѣлалось жутковато... «Что̀ я надѣлалъ?»—думалъ я... «Да развѣ можно, — думалъ я: — говорить о чемъ-нибудь лучшемъ, если есть на свѣтѣ такія положенія, какъ мое, при которомъ человѣкъ молчитъ самымъ тенденціознымъ, такъ сказать, образомъ и при этомъ находитъ нужнымъ бояться «разсердить» какого-нибудь Семена Андреича?..» Сама сестра, впрочемъ, облегчила мою душевную тяготу; оказалось, что скоро сказывается сказка, а дѣло дѣлается не скоро; выслушавъ, повидимому, со вниманіемъ мой длиннѣйшій монологъ къ ней, она молчала и неожиданно спросила: «такъ что̀ же мнѣ диктовать?» Я не ждалъ такого маленькаго вопроса и успокоился относительно разрушительныхъ послѣдствій моей рѣчи. Но опять забиться въ мурью, опять слушать вой вѣтра, поддакивать Семену Андреичу и молча смотрѣть на сестру, убѣждая себя, что мнѣ дѣлать больше нечего, я уже не могъ, я уже былъ выбитъ изъ колеи. Мнѣ хотѣлось выйти во что бы то ни стало изъ этого угла и во что бы то ни стало сдѣлать для сестры какое-нибудь небольшое, но практически полезное дѣло. Я подумалъ, что если ей заняться шитьемъ, а не преподаваніемъ народу стихотвореній, то это, пожалуй, будетъ

лучше и освободитъ ее отъ тѣхъ душевныхъ путъ, которыя накладываетъ школа, купеческіе пироги, страхи предъ легіономъ покровителей и т. д. Чтобы выработать швейную машину, я рѣшился на всякій трудъ, готовъ былъ идти въ писаря, въ купеческіе учителя; но размѣры вознагражденія говорили мнѣ, что машину я могу купить лѣтъ черезъ десять, черезъ двѣнадцать. Кой-откуда меня выпроводили безъ разговоровъ, и въ такихъ неудачахъ я было-сталъ уже впадать въ уныніе, какъ неожиданно пришлось убѣдиться, что на свѣтѣ есть добрые люди. На крестинахъ у дьякона, того самаго, который, отплевываясь, писалъ проповѣдь на погребеніе купчихи, познакомился я съ его шуриномъ, подгороднымъ священникомъ. Всѣ они узнали мое желаніе что-нибудь дѣлать; всѣ увидѣли, что желаніе это ущерба имъ не приноситъ, и, въ качествѣ людей, которыхъ не особенно гнететъ копейка, оказались добрѣйшими господами. Шуринъ поговорилъ барынѣ-помѣщицѣ, которая оказалась «изъ нонѣшнихъ»; помѣщица потолковала съ шуриномъ, тотъ опять съ дьякономъ, потомъ всѣ они потолковали со мной, разузнали меня, убѣдились, что я буду только писать и читать съ ребятами. Барыня похлопотала, мнѣ сдѣлали вторичное увѣщаніе, потребовали увѣреній, и наконецъ барыня согласилась меня взять, а шуринъ дьякона обязался, какъ преподаватель Закона Божія, «смотрѣть» за мной. Признаюсь, я крайне былъ радъ этому: теперь машину можно было купить черезъ полгода — не больше, теперь я могъ что-нибудь дѣлать, хоть учить мальчиковъ просто читать и наконецъ, сойдясь съ простымъ человѣкомъ, узнать его ближе... Ужъ если, думалось мнѣ, жизнь, несмотря на всѣ путы, все-таки выпираетъ такихъ калѣкъ, какъ я; ужъ если время не церемонится съ такими углами тьмы, какъ тотъ, въ которомъ живетъ сестра, то неужели же оно не дѣлаетъ ничего и въ самой настоящей тьмѣ?.. Я вѣдь уже услыхалъ оттуда хорошее слово...

Въ одинъ весенній вечеръ въ квартиру моей матушки заѣхалъ двурѣченскій мельникъ и объявилъ, что отецъ дьяконъ рекомендовалъ ему подвезти меня въ Двурѣчки, куда мнѣ было нужно и куда, между прочимъ, отправился хромоногій солдатъ искать жену. Иванъ Николаевичъ былъ плотный умный мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ; одѣтъ онъ былъ по-купечески, въ теплый, на лисицахъ, синій сюртукъ до полу, и держалъ себя просто и ласково. Меринъ у него

былъ основательный и телѣга удобная, прочная; тѣмъ не менѣе, по случаю грязи, мы ѣхали шажкомъ и скоро разговорились; говорили о барынѣ, которую Иванъ Николаевичъ не одобрялъ за незнаніе хозяйства, говорили о мужикахъ, о новыхъ порядкахъ.

— Теперь вотъ онъ отъ суда отбился,—толковалъ Иванъ Николаевичъ:—выпустили его изъ присяжныхъ... теперь, того и гляди, потянутъ его къ земству... оглянуться не успѣетъ! Еще когда надо бы выборку дѣлать, да у насъ все такъ—«какъ-нибудь»! Что̀ посредникъ скажетъ, такъ тому и быть, а мужика только таскаютъ: изъ деревни въ уѣздъ, изъ уѣзда въ губернію... Да хорошо коли хлѣбушко есть, а то... Да вонъ одинъ баринъ нашелся, на свой счетъ повезъ гласнаго въ губернію, такъ тотъ и то вылъ!

— Отчего же выть?

— Да оттого выть, что померъ-было въ городѣ-то... Посиди-ко на постояломъ дворѣ, али бы въ гостиницѣ безъ дѣла... небось! Спалъ-спалъ, пошелъ подъ ворота посидѣлъ, потомъ опять въ номеръ... Ну-ко-ся? Мужикъ-то пріѣхалъ оттедова ровно щепка худой...

Я упомянулъ-было о томъ, что мужикъ, какъ гласный, могъ и долженъ бы былъ интересоваться губернскимъ собраніемъ, могъ тамъ говорить о своихъ нуждахъ.

— Ахъ, вы, господа, господа!..—сказалъ Иванъ Николаичъ. — «Гов-ворить!» Да нешто онъ умѣетъ это?.. чудаки вы, ей-Богу... Тамъ нешто по-мужицки надо? Да ежели онъ какое-нибудь слово выворотитъ, такъ вѣдь ему въ самое горло звонокъ-то запустятъ, да тамъ и зазвонятъ! Да и говорить-то ему не о чемъ...

— Какъ!

— А такъ! У нихъ, у членовъ-то, вѣдь все кругомъ родня, всѣ они другъ дружкѣ либо братъ, либо сватъ... Ужъ они всѣ дѣло знаютъ! Одинъ другому «шу-шу» — ужъ они не пропадутъ! Будемъ такъ говорить: остался ты тутъ недоволенъ, пошелъ въ губернію — опять же они самые сидятъ... такъ аль нѣтъ? Стало-быть, какой же тутъ разговоръ,—изволишь видѣть?.. Ну, и пойдешь въ номеръ спать...

Разговаривая такимъ образомъ, мы наконецъ кое-какъ доплелись до Двурѣчекъ. Ночь была темная, «черная», степная.

— Ко мнѣ ночевать поѣдемъ, гдѣ ужъ теперь къ попу!—пригласилъ меня Иванъ Николаичъ.

Спустившись съ горы, при чемъ меринъ выказалъ боль-

шой умъ, не допустивъ хозяина осаживать и натягивать вожжи, мы пріѣхали къ небольшому домику въ три окна, стоявшему неподалеку отъ мельницы.

Въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ, несмотря на то, что былъ часъ двѣнадцатый ночи и вся деревня спала мертвымъ сномъ.

— Ишь,—сказалъ Иванъ Николаичъ:—жена-то у меня—копье неизмѣнное, булатъ!—сидитъ, ждетъ!

Тутъ онъ слѣзъ, отворилъ скрипучія прочныя и высокія ворота и ввелъ лошадь съ телѣгой во дворъ; на дворѣ было тихо и даже казалось теплѣе,—такъ онъ былъ защищенъ отъ вѣтровъ плотными навѣсами.

Въ жарко натопленной кухнѣ, передъ комнатой съ чистыми полами, лавками и столомъ, насъ встрѣтила жена Ивана Николаича, высокая, черноволосая женщина съ прекрасными черными глазами. Не показывая виду, что она рада пріѣзду мужа, она сказала ему шутливо-сердитымъ голосомъ:

— Н-ну, лысый, куда лѣзешь!.. Что полы топчешь? Чай, ихъ мыть надо? Раздѣвайся въ кухнѣ...

— Ты меня съ такой грубостью не встрѣчай!—отвѣтилъ Иванъ Николаичъ, возвращаясь въ кухню.—Потому, знаешь, гдѣ я былъ?

— Шутъ тебя знаетъ!

— То-то и есть! Я, можетъ, нонѣшній день все съ дѣвушками былъ-то... съ хорошенькими, хочешь—ай нѣтъ... Ты вѣдь что̀ такое?—болталъ онъ, скидывая сапоги.—Теперь ты что̀?—холера! Сибирская язва, вотъ какъ въ вѣдомостяхъ пишутъ,—больше ничего! Захочу — сейчасъ обработаю, сведу на толкучку, а самъ на молоденькой... Хе-хе-хе!..

— Да ты-то что̀, лысый хрѣнъ?... Ты думаешь, и я дремала? У меня, погляди-ко-сь, какіе припасены гусарики!—шутила жена, собираясь подавать самоваръ, который уже кипѣлъ.—Шутъ ты гороховый!

— Хе-хе-хе!—помиралъ Иванъ Николаичъ.—Ужъ и огневая баба!.. Хе-хе-хе... Нѣтъ, мы ничего, дружно! Дѣтокъ намъ Богъ съ ней не далъ, ну... Его воля! А что такъ—ладно! Иванъ не былъ?

— Былъ... а ты рубашку передѣнь! Утромъ былъ.

— Принесъ?

Такъ они пошутили и поговорили о дѣлахъ.

Самоваръ былъ поданъ въ чистой горницѣ, изъ которой видна была еще и другая, также чрезвычайно чистая,

со спальнымъ пологомъ. Несмотря на то, что мебель была топорная и выкрашенная темно-красной масляной краской, чистота въ комнатѣ была примѣрная; на стѣнахъ — картинки извѣстнаго содержанія, у подоконниковъ — бутылки съ наливкой. Иванъ Николаичъ сидѣлъ за чаемъ въ одной рубашкѣ, нанковыхъ панталонахъ и босикомъ. Въ комнатѣ было тепло, да онъ и такъ не боялся холоду: послышалось ему, что кто-то стучится въ ворота, онъ всталъ и, надѣвъ только какія-то неуклюжія калоши съ соломенной подстилкой, вышелъ въ одной рубахѣ на дворъ.—«Вѣтеръ!»—произнесъ онъ, воротясь, и снова усѣлся за чай. Онъ пилъ чаю много и съ такимъ аппетитомъ и умѣніемъ возбудить жажду въ гостѣ, что и я не отставалъ отъ него. Разговоры поэтому были отрывочны и вялы. Послѣ чаю дѣло зашло опять про земство.

— Нѣтъ, вотъ что̀, ваше благородіе! — сказалъ Иванъ Николаичъ, шлепнувъ широкой ладонью объ столъ.—Дюже, я тебѣ скажу, мутитъ меня самому въ это дѣло, въ земство, впереть! Ей-ей! Дюже-дюже, я тебѣ доложу... Объ мірѣ я не опасаюсь: ведро вина—сейчасъ тебя куда угодно; тутъ мы и посредственника со старшиной отставимъ; а вотъ какъ бы подальше чего не вышло... это вотъ? И боюсь!

— Чего же боитесь-то?

— У-у, Боже мой!.. Какъ не бояться, другъ ты мой... Не объ разговорѣ — это что̀! Это я могу: говаривалъ на своемъ вѣку съ архіереями — старостой былъ! А что, пожалуй... сильны они! Ну, а только ужъ и повредилъ бы имъ... Большую бы нанесъ имъ ущербу! Изволишь видѣть, какое дѣло... Приходитъ зима, время голодное. Мужику ѣсть нечего. Посейчасъ онъ ужъ лебедку жуетъ... Слѣдственно требуется хлѣбъ. Такъ? Хорошо! Ну, теперь гляди, какое положеніе: посредственникъ впихнетъ старшину въ гласные — рука ему, вотъ они и купятъ хлѣбъ у себя... чуешь? Иванъ-то Петровъ, старшина, съ коихъ поръ у мужиковъ же хлѣбъ скупалъ для барина-то... Видѣлъ?.. Посредственникъ—онъ тутъ «чуръ меня» — въ сторонѣ, подъ видомъ благочестія... Онъ говоритъ: «Какъ угодно. Я полагалъ бы, такъ и такъ, лучше Ивана Петрова нѣту...» Ну, и—получай! Ужъ цѣну ва-аз-зьмутъ ха-аро-шую! Ужъ это вѣрно! Вотъ въ чемъ обида! Вотъ тутъ-то бы я имъ и не далъ! Мы можемъ хлѣбъ по настоящей цѣнѣ доставить, мы помнимъ Бога, такъ-то! Мы не позволимъ себѣ, чего не надо: намъ этого не нужно. Мы вѣкъ копеечками

жили и проживемъ; рублей не оченно много видали, каменныхъ палатъ нѣту...

— Чего же вы боитесь?

— Эхъ, другъ ты мой... Ужъ мы травленые волки! Какъ не бояться...

Иванъ Николаичъ на минуту задумался и потомъ, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Былъ я церковнымъ старостой въ Рожественѣ... называемо село Рожествено... Храмъ древній, причтъ бѣдный, ничего не стòитъ. Помочь нечѣмъ... Только что и жили бездождіемъ да градобитіемъ... Тутъ молебны бывали; а то въ годъ однѣ крестины да двое похоронъ—приходъ слабый! Гляжу я, анъ въ книгахъ въ церковныхъ этакъ вотъ сказано: «берутся изъ сего храму пять тысячъ на ассигнаціи... для, напримѣръ, побѣды-одолѣнія французовъ... ну, по покореніи отдадимъ...» Я съ простоты-то и бултыхни къ губернатору: «Такъ и такъ... Франція теперича наша... сами безъ хлѣба... пожалуйте назадъ, напримѣръ, деньги...» Да къ губернатору. Свѣту, свѣту, каковъ есть свѣтъ бѣлый, не взвидѣлъ я съ этого! Волокутъ въ губерню. — «Ты чтò же это... такъ и такъ... а?.. Франція-а?.. Ахъ, ты...» Еле-еле уплелъ!

Иванъ Николаичъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Не бояться! — нѣтъ, братъ, тутъ скажи слово-то да оглянись! Такъ-то, другъ, какъ васъ? Василій Андреичъ? Такъ-то!

Передъ сномъ Иванъ Николаичъ долгое время ходилъ по сѣнямъ, по двору,—оглядывая, все ли заперто, не влѣзъ ли воръ; поглядѣлъ, накормлена ли собака, и спустилъ ее съ цѣпи...

Подъ чуткій лай вѣрной собаки мы заснули спокойно.

9.

На слѣдующій день, взамѣнъ всего, чтò я зналъ недоброжелательнаго къ бѣдному человѣку, чтò слышалъ и вчера, и сегодня, и слышу каждый день, мнѣ пришлось увидать народнаго благодѣтеля. Это была барыня. Добрыя качества ея души бросались въ глаза всякому, кто хотя только проходилъ мимо ея усадьбы. Такой прохожій непремѣнно видѣлъ въ окнахъ флигелей для прислуги людей въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ, съ жирными лицами, высовывающимися изъ-за ярко вычищенныхъ самоваровъ; могъ подивиться породистымъ лошадямъ, которыхъ плотные

и рослые кучера, одинъ за однимъ, вели къ водопою. Кучера обыкновенно были одѣты въ отличнѣйшіе армяки, въ которыхъ не только не было ничего обужено и окорочено, но, напротивъ,—все «пущено слишкомъ», такъ что подолы волочились по землѣ, а рукава, щедро набитые ватой, распирали мощныя кучерскія руки въ разныя стороны до того, что жеребцы часто вырывались изъ ихъ рукъ или поднимали ихъ вмѣстѣ съ своими мордами высоко надъ землей; при этомъ кучера имѣли на головахъ блестящія шляпы и выкрикивали «тпру!» такими неистовыми басами, что въ тотъ же день получали отъ барыни прибавку. Ничего общаго съ тѣми людьми, которые норовятъ купить у мужиковъ хлѣбъ по грошу и продать имъ же по рублю, барыня не имѣла,—въ этомъ я убѣдился во время своего визита. Это была бѣлокурая женщина, лѣтъ тридцати отъ роду, высокая, худая, необыкновенно доброе существо, жившая въ деревнѣ по убѣжденію, что праздно жить нельзя, что надобно трудиться и дѣлать пользу ближнему. Мужъ ея, съ которымъ она была не въ ладахъ, жилъ въ Петербургѣ. Но такъ какъ въ томъ кругу, въ которомъ барыня родилась и въ которомъ жила въ столицахъ и за границей, понятія о трудѣ не идутъ далѣе умѣнья связать косынку, а понятія о пользѣ ближнему получаются посредствомъ подарка этой косынки бѣдной чиновницѣ, получающей пенсію, то всѣ добрыя намѣренія барыни состояли въ томъ, что̀ называется «благотворительностью» со всѣми атрибутами, обставляющими ее. Въ качествѣ такого рода особы, она любила, чтобы ею были довольны и признательны, по возможности, до гроба...—«Я не знаю,—сказала она мнѣ:—быть-можетъ, я вамъ мало назначила... за трудъ? я не знаю». Я сказалъ, что «много доволенъ», да и барыня, видимо, знала, что цѣну она дала хорошую. Потомъ она постоянно читала французскія книги, главнымъ образомъ по части морали, и находила, что все это очень бы было полезно русскимъ мужикамъ, у которыхъ нѣтъ, напримѣръ, прекраснаго чувства благодарности. Такъ какъ это чувство въ особенно большихъ размѣрахъ и пріятныхъ формахъ развито у иностранцевъ, то поэтому она была окружена нѣмцами, которые только и дѣлали, что благодарили ее съ утра до ночи и оканчивали каждую почти фразу такъ: «это только мужикъ русски—непонимайтъ свой благодарнись...» Благодарные получали прямую выгоду.

Спустя нѣсколько дней произошло открытіе школы. За нѣсколько дней передъ этимъ крестьянскимъ дѣтямъ было велѣно собираться въ школу, гдѣ ихъ будутъ поить чаемъ и угощать баранками. Барыни въ этотъ день не было дома, и угощеніемъ завѣдывала одна изъ нѣмокъ въ большомъ кисейномъ чепцѣ, который возбуждалъ въ дѣтяхъ самый веселый смѣхъ, сильно сердившій распорядительницу. Поэтому ругательныя фразы, въ родѣ: «свинья», «чушка», я довольно рано услыхалъ изъ моей комнаты при училищѣ, ибо будущіе ученики стали стекаться въ школу чуть ли не до пѣтуховъ. Обѣщанное угощеніе началось однако не ранѣе какъ по окончаніи обѣдни. Школа наполнилась множествомъ ребятъ, вслѣдъ за которыми робкою поступью прокралось и нѣсколько родителей, въ глубокомъ молчаніи засѣвшихъ въ дальній уголъ и принимавшихъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не разсердить нѣмку, которая раздавала баранки. Робкими глазами смотрѣли они на распорядительницу, столь же робко, какъ и дѣти, утирая рукавами носы.

— Мая-а!..—запищалъ одинъ мальчишка на своего сосѣда-мужика, и вслѣдъ затѣмъ подъ столомъ упалъ кусокъ баранки.—Пил-ламилъ!

Мальчикъ заплакалъ.

— Это что̀ такое?—спросила нѣмка, грозно взглянувъ на мужика и мальчика.

— Мою баланку узялъ...

— Я ее вамъ-съ хотѣлъ!..—пролепеталъ мужичокъ, поднимаясь.—Дюже много... Куды ему съѣсть?.. У! — сказалъ онъ мальчишкѣ:—обрадовался!..

Мальчишкѣ дали другую баранку.

Чай пили охотно и много. Распорядительница только успѣвала наполнять чашки, пододвигаемыя къ ней съ видомъ необыкновеннаго унынія на лицѣ. А между тѣмъ посторонніе посѣтители, взрослые, здоровые, прослышавъ объ угощеніи, прибывали съ каждой минутой толпами. Дворовые, какъ люди болѣе или менѣе навостренные, съ вѣжливостью раскланивались съ нѣмкой и старались заискать въ ея расположеніи.

— Какое безпокойство! Экую ораву напоить!—говорилъ какой-нибудь изъ нихъ, подсаживаясь на уголкѣ и перехватывая на лету чашку, которую искала чья-то другая рука.

Слова мальчишекъ: «мая-а!»—замирали въ волнахъ комплиментовъ, отпускаемыхъ дворовыми нѣмкѣ, въ хрустѣніи баранокъ и кусковъ сахару и стукотнѣ ногъ входящихъ

посѣтителей. Распорядительница сердилась и тыкала чайникомъ куда попало.

— Коммерзумъ!—возгласилъ хромой солдатъ, котораго я видалъ въ городѣ, проворно шагая по комнатѣ своей деревянной ногой.

Это непонятное слово относилось къ другому отставному солдату, садовнику, высокая, сухая фигура котораго выдвигалась между крошечными ребятами за однимъ изъ столовъ. Садовникъ отвѣтилъ хромому тоже какимъ-то непонятнымъ словомъ, и потомъ они по-пріятельски пожали другъ другу руки.

— По-черкесски, сударыня! — сказалъ хромой солдатъ нѣмкѣ.—Что̀ будешь дѣлать! Тоже видали на своемъ вѣку... И въ теплыхъ земляхъ побывали, всякихъ людей повидали!

— Молчи, — сердито буркнула нѣмка, проносясь мимо солдата съ чайникомъ.

Солдатъ, очевидно, былъ подъ хмелькомъ.

— Виноватъ, сударыня!—заговорилъ онъ, попятившись.— А что видали на своемъ вѣку много! Ну, позвольте вамъ сказать, такой госпожи, такого ангела не видалъ, какъ барыня наша! Да ты поди, всю вселенную изойди, не встрѣнешь! Передъ истиннымъ Создателемъ говорю,—не найдешь!

Нѣмка опять оборвала солдата. Онъ сѣлъ за столъ, но не молчалъ.

— Ну, что̀ она видитъ замѣсто своей доброты? — продолжалъ онъ, бесѣдуя съ садовникомъ.—Она дѣлаетъ обзоръ хозяйству, намочится по эстихъ поръ... Будемъ такъ говорить.

— Само собой!—сказалъ садовникъ.

— Слѣдственно надоть ее уважать, али нѣтъ?.. Что̀ же мужикъ?.. Онъ, неумытое рыло, и подъ гору и на гору ѣдетъ на барской лошади, не слѣзаетъ!..—«Да ты бы, нечесаная ты пакля, хушь бы на гору-то слѣзъ. Хушь бы барыню-то пожалѣлъ! а ты, такой-сякой!» Ну, ангелъ, ангелъ—не барыня!

Разговорчивость все болѣе и болѣе охватывала солдата на потѣху нѣмцевъ, которые столпились у дверей съ сигарами въ зубахъ и развлекались этимъ кормленіемъ. Изъ разсказовъ и разглагольствованій солдата я узналъ, что барыня дала ему клочокъ земли и помогла строиться. Наплывъ новыхъ посѣтителей вытѣснилъ тѣхъ, которые успѣли уже болѣе или менѣе угоститься чаемъ, и такимъ образомъ,

спустя нѣсколько времени, были вытѣснены хромой солдатъ и садовникъ. Они вѣжливо поблагодарили распорядительницу, помолились на образъ и вышли.

Я пошелъ вслѣдъ за солдатомъ; мнѣ хотѣлось потолковать съ нимъ.

— Ну что̀?—сказалъ я ему, когда онъ, простившись съ садовникомъ тоже, должно-быть, по-черкесски, заковылялъ-было въ сторону.

Солдатъ узналъ меня.

— Ахъ, баринъ, голубчикъ! Жену-то? Нашелъ... какъ не найти. Э-эхъ, сударь!.. Вѣрный мнѣ сонъ снился, когда я сюда шелъ. Такъ-то! Барыня вонъ добрая землицы дала... хочу норку рыть—въ караульщикахъ заслужу... да хушь и не рыть! Ей-Богу!

— Отчего же?

— Эхъ, сударь! меня, другъ ты мой, изувѣчили, видишь какъ? А бабу мою шибко поиспортили! Я думалъ—она мнѣ жена, а она... видишь что̀! Стало-быть, что-жъ мнѣ? Она и не помнитъ, какой-такой есть мужъ... Ужъ она отвыкла отъ ефтого!

Мы шли по грязной деревенской улицѣ.

— И баба-то какая была, суды-ирь!.. Что̀ веселые мы съ ней были, что̀ ловкіе — ахъ!.. Меня забрили, она — и того... съ горя да съ горя, то съ однимъ, то съ другимъ! Ну, и истрепали... Теперь что̀? — Рвань! больше ничего... Устрѣлись теперичe—и мнѣ горе, и ей тоже бѣда. Хочетъ какъ жена—да я ей чужой! да любовникъ тутотко, по ночамъ постукиваетъ, тоже, стало-быть: «выходи, не то убью!» И меня-то боится—потому дочка есть, а чья?—и Господь вѣдаетъ... И дочка-то почесть сумасшедшая, по одиннадцатому году... Кормить ее мнѣ надо — ну, бабѣ стыдно, и бьетъ дочку, чтобъ мнѣ въ угоду... Да и прежде, когда еще только по вольному обращенію пошла, и то все била ее... «Какъ вспомню про тебя... (сталъ-быть, про меня)—такъ бить ее... проклятую!..», ну а тоже—любитъ... Такъ у насъ—только мученіе! Къ вину пріучена... хочетъ-хочетъ, въ хозяйствѣ ничего не умѣетъ... бьется-бьется — толку нѣтъ... и выпьетъ! Кажется, пошелъ бы да въ рѣчку, ей-Богу, право! Ну... все будто надѣешься... авось Господь!..

Солдатъ шелъ молча и дышалъ тяжело.

— Вотъ гдѣ мое гнѣздо будетъ, коли Богъ дастъ!—сказалъ солдатъ, остановившись около одного пустыря, начинавшаго застраиваться.

Небольшой лоскутокъ земли былъ обнесенъ низенькимъ плетнемъ; въ одномъ углу стоялъ крошечный срубъ величиной съ будку, а къ нему примазывалась, изъ простой земли и навоза, другая половина будущаго дома. На пустоши валялось два-три бревна да нѣсколько охапокъ соломы.

Мы стояли за плетнемъ и не подходили къ дому.

— Строюсь кое-какъ... Что̀ Богъ дастъ! Авось и жена... Вонъ жена-то—эва она!

Изъ-за сруба, не обращаясь лицомъ къ намъ, вышла сгорбленная женщина съ лопатой въ рукахъ и пошла туда, гдѣ долженъ быть огородъ. Она была грязно одѣта, еле плелась, хромая на одну ногу, которая была обвязана грязными тряпками.

— И самоё-то жаль!—сказалъ солдатъ.—Гулянки-гулянки, а тоже, поди, любовники-то колачивали какъ! Совсѣмъ ровно дурашная стала... Скучитъ да пьетъ... Э-эхъ-ма-а!..

Солдатъ махнулъ рукой и съ горькимъ вздохомъ попросилъ у меня табачку.

Я пригласилъ солдата къ себѣ, и онъ сдѣлалъ то же въ свою очередь.

Разставшись съ солдатомъ, пошелъ я опять въ школу; но тамъ уже засѣдали кучера; ребятъ и нѣмки не было. Сидѣть въ своей пустой каморкѣ, въ которой только раздавался стукъ маятника, было тоже невесело, и я опять пошелъ къ Ивану Николаичу.

— Поѣдемъ, баринъ, въ городъ! — сказалъ онъ мнѣ. — Къ ночи домой. Прокатишься...

Я былъ радъ какъ-нибудь занять время, и мы поѣхали.

— За хорошенькими!—сказалъ Иванъ Николаичъ женѣ, выѣзжая со двора.—Теперь мѣсяца на два завалюсь!

— Хушь совсѣмъ не пріѣзжай!—отвѣтила та съ крыльца и долго стояла, провожая насъ.

Въ городѣ мы заѣзжали въ лавки, ходили довольно долго по базару, гдѣ Иванъ Николаичъ закупилъ чай, сахаръ, свѣчи и проч.

— Теперича, милый другъ, — сказалъ онъ:—«справивъ» свои дѣла, заверну я къ куму, а ты къ маменькѣ поди, поздравь, праздникъ!.. Вечеромъ заѣду.

По случаю воскреснаго дня у матушки былъ пирогъ, и, по обыкновенію, присутствовалъ Семенъ Андреичъ. Онъ уже плотно закусилъ и выпилъ и почему-то сильно волновался.

— Признаюсь,—говорилъ онъ матушкѣ: — по мнѣ какъ

вамъ угодно, а что ежели на вашемъ мѣстѣ, я бы его на порогъ не пустилъ. Какъ угодно!

— Да почему же его не пускать?—возражала сестра.

— Да просто потому, что... что̀ съ пьяницей за компанія?

— Онъ не пьяный приходилъ!—защищала сестра.

— Ну что-жъ изъ этого? — какъ бы въ самомъ дѣлѣ имѣя средства опровергнуть сестру, самоувѣренно вопрошалъ Семенъ Андреичъ.—Что-жъ изъ этого слѣдуетъ, что не пьянъ? Не пьянъ, а напьется—вотъ и пьянъ, очень ясно! Я только не понимаю одного, какъ можно... Да вотъ Василій Андреичъ, — обратился Семенъ Андреичъ ко мнѣ съ видимой надеждой получить подкрѣпленіе:—вотъ вы разсудите... Помните, Надежда Андреевна какъ-то говорила, что спрашивала она Ермакова о какомъ-то сочинителѣ... Богъ его знаетъ, какой онъ тамъ, а въ томъ дѣло, что Ермаковъ этотъ, эта скотина, пьяная харя, лѣзетъ сегодня сюда...

— Онъ принесъ книгу... Онъ мнѣ обѣщалъ принести, а вы его обругали.

— Этакую скотину слѣдуетъ ругать-съ! Слѣдуетъ! Ежели же вамъ нужна книга, вы скажите мнѣ, и я вамъ дамъ. У меня книги есть. Будьте покойны. Если пьяная образина можетъ вамъ носить книги, то само собою естественно, что и я тоже могу принести. А заводить знакомство съ пьяницей... воля ваша!

— Да онъ не былъ пьянъ! Что̀ вы?

— Надя! Надя! поди-ка сюда... мнѣ нужно тебѣ сказать словечко, — торопливо выходя въ другую комнату, сказала матушка, все время смотрѣвшая на Семена Андреича и на сестру съ боязнью, плохо прикрытою улыбкой.

Сестра ушла, а Семенъ Андреичъ не переставалъ волноваться.

— Да по мнѣ—какъ угодно!—говорилъ онъ почти грубо. Я чуялъ, что въ семьѣ начинается какая-то тягостная рознь, и не зналъ, какъ дождаться Ивана Николаича.

10.

Занятія въ школѣ сначала пошли довольно живо и успѣшно. Не ограничиваясь азбукой, мы стали толковать о разныхъ предметахъ и явленіяхъ, относящихся исключительно до нашего села: мы разобрали такія обыкновенныя вещи, какъ волостное правленіе, кабакъ, сходка, нищій и т. д. Но съ помощью одной родственницы барыни, пожелавшей участвовать въ этихъ бесѣдахъ, болѣе или менѣе

ясные выводы наши стали загромождаться кисло-сладкими тенденціями, которыя преподавательница вычитывала изъ какихъ-то переведенныхъ на русскій языкъ нѣмецкихъ книжонокъ, разсылаемыхъ и раздаваемыхъ с.-петербургскими благотворительными дамами. Все это, выдержавшее, къ удивленію, по четырнадцати и болѣе изданій, увѣряетъ народъ (за одну только копейку!) въ томъ, что пьяница-мужикъ, послушавъ одинъ разъ хорошую пасторскую проповѣдь, пересталъ пить и достигъ до такого благополучія, что при концѣ жизни былъ сдѣланъ старшимъ лакеемъ у графа N. Въ ученикахъ началась апатія и принужденность, которая вмѣстѣ съ осенними непогодами, растворившими грязь до степени первобытной хляби, сдѣлала то, что число учениковъ уменьшилось; приходившіе изъ сосѣднихъ деревень бросили ходить,—быть-можетъ, до поры до времени,— а дѣти жителей нашей деревни стали ходить вяло. Занятія такимъ образомъ стоятъ почти на одной азбукѣ и чтеніи. Быть-можетъ, устанутъ барыни; быть-можетъ, азбука сдѣлаетъ какое-нибудь дѣло. Все это хотя и держитъ меня на мѣстѣ, но не особенно веселитъ. Участь сестры тоже не радуетъ меня, — тѣмъ болѣе, что по случаю распутицы въ городъ проѣзду нѣтъ, и мнѣ совершенно неизвѣстно, отвлекли ли ее кое-какія книги, которыя я далъ ей, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ города, отъ безплодныхъ волненій среди великаго русскаго зла — самодурства, какъ видно, имѣющаго опутать нашу семью, благодаря Семену Андреичу.

Всѣ мои горести несу я обыкновенно къ Ивану Николаичу.

Кромѣ необыкновеннаго аппетита, съ которымъ пьется чай въ его чистыхъ, теплыхъ и уютныхъ комнатахъ, Иванъ Николаичъ весьма пріятенъ, какъ человѣкъ, заинтересованный судьбами отечества. Русская исторія знакома ему не только по лубочнымъ рисункамъ, продающимся на базарахъ, не только изъ книгъ и книжонокъ, попадающихся ему при помощи уѣзднаго протопопа, но въ значительной степени пополнена толками народа, семейными преданіями, перешедшими отъ прадѣдовъ и прабабушекъ. Какъ ни темноваты эти свѣдѣнія, но Иванъ Николаичъ умѣетъ по-своему доказать ими свою любимую мысль о томъ, что Россія — государство богатѣйшее, если бы за нимъ «уходъ». Опоражнивая чашку за чашкой, мы ни на минуту не покидаемъ исторической почвы. Вспоминаетъ Иванъ Николаичъ разсказъ бабушки о томъ, напримѣръ, что однажды императрица Екатерина, желая пресѣчь мотовство, повелѣла гене-

раламъ отрубить шлейфы у двухъ пышно одѣтыхъ дамъ, разгуливавшихъ мимо дворца и оказавшихся женами мелкихъ подьячихъ. Генералы отхватили саблями шлейфы по самую спину. Въ виду развивающагося мотовства, примѣры и источники котораго представляются Иваномъ Николаичемъ въ подробности и во множествѣ, намъ нельзя не одобрить этой мѣры... Покуда супруга Ивана Николаича, занимающаяся чаепитіемъ покойно и строго, полощетъ чашки, вытираетъ и наполняетъ вновь, мы успѣваемъ перебраться къ 12-му году, къ Синопу, Севастополю. Оказывается, что Иванъ Николаичъ самъ видѣлъ раненаго севастопольскаго солдата и собственными ушами слышалъ отъ него разсказъ о томъ, что Севастополь погибъ «занапрасно», и что ничего бы этого не было, если бы начальство послушалось одного простого солдатика, который со слезами умолялъ «дозволить ему распорядиться... Я ихъ всѣхъ къ обѣду прогоню!» — А оттого, что простой! — говоритъ Иванъ Николаичъ въ крѣпкомъ огорченіи, пихая пустую чашку женѣ.

Я такъ много навидался въ жизни трусливыхъ, почти безсознательныхъ людскихъ виляній въ убѣжденіяхъ, что эта прямота Ивана Николаича,—какая бы она ни была,—эта искренность—дѣлаютъ меня самымъ внимательнымъ его слушателемъ. Искренность его очень велика. Среди огорченія о погибели Севастополя ему говорятъ, что съ мельницы пришелъ мужикъ. Иванъ Николаичъ идетъ сейчасъ же, и въ голосѣ его, которымъ онъ говоритъ съ мужикомъ, уже не слышно огорченія... Онъ знаетъ, «что̀ къ чему», и если не проглядитъ убытка государственнаго, то и на мельницѣ тоже маху не дастъ...

Досидѣвшись до поздняго вечера, мы разстаемся. Иногда Иванъ Николаичъ идетъ меня провожать до дому. Собаки, хватающія насъ на улицѣ, грязь, въ которой вязнутъ наши ноги, наводятъ насъ на разговоры болѣе современные: о земствѣ, о выборахъ, ибо Иванъ Николаичъ не теряетъ мысли разрушить намѣренія посредника и старосты насчетъ хлѣба... Прямота и искренность, кажется, уломаютъ его на это дѣло,—тѣмъ болѣе, что окружающее сильно помогаетъ имъ.

Такъ, однажды, поздно вечеромъ, возвращаясь съ Иваномъ Николаичемъ домой, мы заслышали въ темнотѣ стоны и какъ бы какое-то вытье.

Въ грязи лежала женщина и долгое время не могла от-

вѣтить на вопросы Ивана Николаича: злѣйшій лихорадочный пароксизмъ билъ и трепалъ ее.

— Куда-жъ ты, глупая, поплелась? — укоризненно говорилъ Иванъ Николаичъ, поднимая ее.

Баба говорила что-то, щелкая зубами, что̀ дѣлало почти непонятнымъ ея рѣчь. Но Иванъ Николаичъ понялъ.

— Ахъ, поганые черти, что̀ выдумываютъ! ахъ, проклятыя собаки!.. Это нашъ кузнецъ-нѣмецъ выдумываетъ. Лѣчить народъ взялся! какъ начнетъ лихорадка бить, иди, вишь, къ нему, въ окно постучись, онъ тебя запишетъ, въ которомъ часу трепало! Безъ этого и лѣкарства не отпущаютъ... Ахъ, собаки, прости Господи! Пойдемъ, бабка, помогу!

Иванъ Николаичъ помогъ бабѣ встать, доплестись до конторы и достучаться нѣмца, который спалъ. Дорогой онъ сообщилъ, что нѣмца выписали въ качествѣ кузнеца, а онъ оказался незнающимъ этого дѣла и предложилъ себя въ качествѣ медика. По добротѣ, барыня на все согласна и, уступая вѣжливому обращенію нѣмца, прогнать его не можетъ.

— Сколько у насъ этихъ искусниковъ было—счету нѣтъ. Разорятъ барыню... И все по часамъ! Какъ пріѣхалъ, сейчасъ подавай ему часы стѣнные, да-а... съ гирями! И пошелъ нехорошими словами ругаться, да на часы поглядывать, да въ карманъ себѣ попихивать...

Поглядишь на такія вещи и невольно скажешь Ивану Николаичу:

— Выбирались бы вы, Иванъ Николаичъ, отсюда, да и разсказали бы тамъ все, какъ есть.

— Ахъ, братъ ты мой! Разсказать!.. Пожалуй, что и разскажешь, а пожалуй, что и язычокъ прикусишь... Это дѣло надо ладить «не съ бацу»...

Проговоривъ что-нибудь подобное, Иванъ Николаичъ обыкновенно почему-то задумается и потомъ—повидимому, совершенно ни къ чему—вдругъ приплететъ какую-нибудь исторію изъ своихъ воспоминаній. Вдругъ вспомнится ему, что ребенкомъ играетъ онъ въ отцовскомъ кабакѣ и съ ужасомъ смотритъ на громаднаго мужика, котораго всѣ шопотомъ называютъ «палачъ». Неизвѣстно почему, палачъ разъѣзжалъ въ то время по уѣзду, но страхъ былъ къ нему всеобщій. Похаживая во хмелю по кабаку, онъ похлопываетъ по полу своимъ кнутищемъ и предлагаетъ какому-то пьяненькому мужичонкѣ получить «задаромъ» два цѣлко-

выхъ: желающій долженъ взять бумажки въ зубы, подставить палачу спину и вытерпѣть три удара кнутомъ, не крикнувъ и не выронивъ деньги изо рта. На глазахъ Ивана Николаича хмельной мужичонка подставилъ спину и мертвымъ повалился съ одного удара, стиснувъ зубы такъ, что нхъ съ трудомъ разжали двое взрослыхъ дѣтей покойника, чтобы вытащить два рубля.

Иванъ Николаичъ не можетъ забыть этой смерти, этого размаха кнутомъ, со свистомъ облетѣвшимъ всю избу.

— Какъ же можно съ бацу-то!—бормочетъ онъ.

Послѣ случайной встрѣчи моей съ хромоногимъ солдатомъ во время открытія школы, онъ сдѣлался единственнымъ и постояннымъ моимъ собесѣдникомъ по окончаніи работы.

— Нѣтъ, баринъ, — видно, придется камушекъ на шею нацѣпить да поискать бучила хорошаго!..

Такъ, почти всегда одинаково, слегка раздраженно начинаетъ онъ свою рѣчь, влѣзая съ своей деревяжкой ко мнѣ въ переднюю и одновременно торопясь запереть дверь, снять съ лысой головы шапку и обтереть не хромую ногу.

— Здравія желаю! Все ли въ своемъ здоровьѣ? — произноситъ онъ уже по-солдатски, бодро.

— Слава Богу!

— Ну, слава Богу! А я, признаться, ваше благородіе, все бучила ищу хорошаго... Ей-Богу-съ! Хочу просить въ губерніи: «Дозвольте, господа судьи, Филиппу Андрееву, хромому, не своею смертью помереть...» Ей-ей!

Этотъ шутливый тонъ, когда-то бывшій большимъ природнымъ сокровищемъ Филиппа, теперь только привычка, даже и не скрывающая горя, которое лежитъ у него на душѣ. Свернутый съ пути господскимъ сюртукомъ, имѣвшимъ когда-то всемогущія права, хромой солдатъ былъ измученъ и изуродованъ нравственно и физически до послѣдней возможности; вмѣсто гнѣзда, которое думалъ онъ свить для своей старости, попалъ въ новое море мученій. Помощниковъ у него нѣтъ, потому что жена отвыкла отъ работы, разслабла отъ кабачной жизни и пьетъ. На шеѣ солдата сидитъ и женина дочь, дѣвочка больная, полусумасшедшая, избитая въ дѣтствѣ матерью въ припадкахъ отвращенія къ пьяной жизни, и, кромѣ дѣвочки и матери, на той же шеѣ сидитъ безсрочный солдатъ Ермолай, пьяница и душегубъ, любовникъ жены, который отрываетъ ее отъ дѣла, мутитъ все въ

домѣ и разоряетъ, и отъ котораго ни мужъ ни жена отдѣлаться не могутъ: оба боятся его, а жена, кромѣ того, привыкла къ нему,—жила съ нимъ три года... По природѣ добрый, Филиппъ ничего не можетъ подѣлать въ этомъ содомѣ. Иногда даже самъ подгуляетъ «на свои» съ женой и любовникомъ.

— Нѣтъ ли рюмочки, ваше благородіе, солдату? — продолжаетъ онъ хотя и съ оттѣнкомъ шутки, но уже совершенно болѣзненно.—Ей-Богу! что̀ ни сдумаю, что̀ ни сгадаю — н-на!.. Что-жъ мнѣ? Драться я не охотникъ: слава Богу, на войнѣ, по приказу дрался, а самому охоты нѣту... Да и не слажу я съ этакимъ верзилой... Гляньте-ко: Еруланъ! Звѣзданетъ по уху—духъ вонъ! И поджечь избу для него все одно — тьфу! Этакой собакѣ что̀ угодно можно...

Выпивъ рюмку, онъ какъ будто пріободряется, и, повидимому, желая отплатить за нее, какъ будто беззаботно говоритъ:

— Аль у васъ печки не топили еще?.. Что̀ же это вы, ваше благородіе, не скажете? Да я вамъ ее раскалю духомъ-съ. Какой холодъ... какъ можно!

Печка затапливается среди разговоровъ совершенно постороннихъ: о дровахъ, о дороговизнѣ, о добротѣ барыни; но когда она наконецъ разгорѣлась, солдатъ усѣлся на полу около нея и уже не свернетъ никуда съ повѣствованія о своей участи.

— ...И по дому-то, ваше благородіе, — болѣзненно лепечетъ онъ: — ежели что̀ — и она съ неумѣлыхъ-то рукъ до поту бьется! Иная бы вотъ какъ обернула, а она мечется, покуда вотъ этакъ-то за сердце схватится, да на-бокъ... Больная-съ, куда ей! Дѣвчонка полоумная, какъ воронъ, глазами пучитъ изъ-за печки... Опять слабость ейная: бьется-бьется, а Ермолка гаркнулъ: «пойдемъ!» — идетъ! выпьетъ, раскиснетъ... Моего вѣку немного осталось... Скоро поколѣю, все одно! Ну, и что̀ хошь! Что̀ и самъ съ хромой ногой наладишь — все тожъ прахомъ! Да и ладить-то не приходится... Цѣловальнику и посейчасъ изъ-за избы-то по шею заложенъ... Поглядитъ-поглядитъ, да, пожалуй, и отыметъ избу-то. Прочіе сосѣди рекомендуютъ: «бей!..» Ахъ, Господи! Ну, могу я, старый человѣкъ, на это польститься? Она и такъ чуть ходитъ... Боже мой!

Солдатъ помѣшаетъ въ печи кочергой, помолчитъ и снова тянетъ свою исторію.

— Подумаешь-подумаешь,—говоритъ онъ въ раздумьѣ:—

а выходитъ такъ, что не минешь, пожалуй, напишешь государю императору письмецо!.. Пожалуй, что не обойдешься! Обидно, обидно въ этакомъ видѣ себя представлять, а пожалуй, что придется попроситься Христа-ради въ богадѣльню!

Но въ этихъ намѣреніяхъ несчастный солдатъ, очевидно, не находитъ успокоенія. Собираясь уходить, онъ снова приходитъ къ мысли, что камень да бучило — хорошія, единственныя средства для его спасенія.

Солдатъ ушелъ. Настала ночь, тишина и темь; степной ревучій вѣтеръ, облетая съ шумомъ стѣны моего жилья, доноситъ множество самыхъ тревожныхъ звуковъ, въ которыхъ слышенъ и какъ бы набатъ отдаленный и неумолкаемый, и волны, и крикъ... Исторія солдата, подновляемая новыми событіями, вмѣстѣ съ шумомъ вѣтра долго не даетъ заснуть.

Скоро къ нашему обществу присоединилось новое лицо. Барыня взяла ко мнѣ въ служители нѣкотораго человѣка, по имени Ивана.

Иванъ былъ корявый человѣкъ небольшого роста съ рябымъ, некрасивымъ лицомъ, большимъ щучьимъ ртомъ и непріятными глазами, изъ которыхъ на одномъ сидѣло громаднѣйшее бѣльмо, а въ другомъ мелькало нѣчто трусливо-наглое и робко-лукавое. Барыня изъ милости и состраданія взяла его только до весны, такъ какъ весной Иванъ хотѣлъ идти въ Соловецкіе монастыри и поступить въ монахи: «хошь бездѣлицу для души похлопочу»,—объяснялъ онъ это намѣреніе, стараясь низвести свою хрипоту до степени голоса младенца. Сѣрый глазъ, шнырявшій при этомъ изъ угла въ уголъ и, казалось, не знавшій, куда дѣться, и поддѣльный голосъ могли привести къ заключенію, что человѣкъ этотъ питаетъ какія-нибудь нечистыя намѣренія. Но это было не такъ. Иванъ просто былъ пьяница, пьянствовавшій сряду тринадцать лѣтъ, допившійся до постоянныхъ галлюцинацій, которыя не покидали его и въ трезвомъ видѣ и почти убѣдили его, что онъ продалъ свою душу дьяволу на тридцать лѣтъ. Онъ такъ привыкъ быть въ обществѣ бѣсовъ, что въ трезвомъ видѣ не зналъ, о чемъ разговаривать, и плелъ въ оправданіе свое такой вздоръ, который, судя по глазу, шнырявшему изъ угла въ уголъ, казалось, удивлялъ его самого. Такъ, напримѣръ, объясняя, почему онъ сидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ рабочемъ домѣ, онъ обви-

нялъ въ этомъ жену и чиновниковъ, у которыхъ та тринадцатый годъ живетъ въ нянькахъ въ губернскомъ городѣ, и выражалъ это обвиненіе такъ:—«Они, ваше благородіе, хотѣли, чтобъ я былъ воромъ-съ... да-съ! А я имъ согласія не далъ-съ! Потому я никогда матушки Царицы Небесной не забуду... да-съ! Пущай это имъ будетъ извѣстно, свиньямъ!.. чтобъ я былъ воромъ-съ!» Кроткая хрипота, которою говорились подобныя фразы, отнюдь не соотвѣтствовала тому реву и безобразничанью, которое Иванъ обнаруживалъ въ пьяномъ видѣ... Судя по этимъ проявленіямъ, можно было видѣть, что въ молодости Иванъ былъ великій самодуръ. Начавъ свою карьеру маляромъ, онъ въ короткое время пошелъ такъ блистательно, что даже женился на хозяйской дочери. Такой неслыханный успѣхъ развилъ его самодурство до громадныхъ размѣровъ; но въ ту же минуту Иванъ, полагавшій себя на высотѣ своевольства, получилъ неожиданный ударъ: жена не прожила съ нимъ двухъ мѣсяцевъ, какъ ушла къ роднымъ, а потомъ поступила нянькой въ хорошій купеческій домъ. Иванъ «на зло» сталъ пьянствовать и безобразничать, полагая этимъ кому-то насолить; но на жену это не дѣйствовало. Она жила въ купеческомъ домѣ, копила деньгу и умѣла при помощи хозяевъ сажать Ивана въ часть, въ рабочій домъ всякій разъ, когда онъ являлся требовать къ себѣ ее или денегъ. Скромная женская практичность повалила эту громаду самодурства: Иванъ мало-по-малу дошелъ до убѣжденія, что онъ въ дуракахъ, но вернуться на путь благоразумія снова уже не могъ. Пьяница изъ него вышелъ совершеннѣйшій. Заручившись копейкой отъ доброхотнаго дателя и окуркомъ папиросы, онъ безъ зазрѣнія дѣлалъ всякія гадости на улицахъ, передъ окнами, передъ прохожими; ругательства его въ это время раздавались на три квартала. Если же заручки не было, то, отыскивая доброхотнаго дателя, онъ умѣлъ вдругъ упасть передъ прохожимъ купцомъ въ грязь, мычать, чавкая ртомъ, какъ нѣмой, рвать на груди кожу, драть лохмотья халата, смотрѣть въ небо выкатившимся бѣльмомъ — и сразу поднимался съ земли, когда копейка попадала въ ладонь. Доброхотный датель обыкновенно не успѣвалъ дойти до угла, сдѣлать пяти шаговъ, какъ за минуту рыдавшій Иванъ, разсмотрѣвъ даяніе, оскаливалъ свой щучій ротъ и обдавалъ доброхота на три квартала полновѣснѣйшимъ ругательствомъ.

Изъ города, гдѣ жила его жена, его выжили, и онъ ша-

тался кое-гдѣ, то задумывая работать, то идти въ монахи. Послѣднее намѣреніе брало верхъ, ибо нервное разстройство отъ множества бѣлыхъ горячекъ достигло высшей степени. По его разсказамъ, бѣсы познакомились съ нимъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ; сначала былъ «приставленъ» къ нему одинъ, который началъ съ того, что уговорилъ Ивана отхватить ножомъ собственный палецъ. Иванъ это исполнилъ, и съ тѣхъ поръ за нимъ ежеминутно шатаются двое и дѣлаютъ съ нимъ, что̀ хотятъ; такъ—они примутся его «сбивать съ ноги». Кричатъ: «держи лѣвую ногу! эй, лѣвую ногу держи!» Иванъ держитъ и попадаетъ въ яму со всякою нечистью. Они водятъ его цѣлыя ночи по разнымъ вертепамъ, показывая пьяницъ, которые лежатъ въ темномъ подвалѣ, какъ дрова, заплѣсневѣлые и зеленые, и отъ нихъ несетъ холодомъ, отъ котораго у Ивана захватываетъ духъ... Приводятъ его къ морю гущи, изъ которой торчатъ головы и вопіютъ: «Ваня! вотъ «которое» намъ будетъ за трубочки съ табачкомъ да за водочки!» Во время такихъ путешествій поминутно попадаются собаки съ человѣческими лицами, которыя его спрашиваютъ: «гдѣ твой ангелъ?» — и начинаютъ ругать, а жену хвалить. Стоитъ ему заглянуть въ какой-нибудь уголъ—и тамъ тотчасъ же вырастаютъ носы по пяти саженъ длины, и тоже ругаютъ. Однажды Иванъ валялся пьяный около корыта, гдѣ мокъ въ овсянкѣ овчинный рукавъ; этотъ рукавъ цѣлую ночь ругалъ его: «камбала!», — очевидно, намекая на его кривой глазъ. Нѣсколько разъ неизвѣстные люди хотѣли его украсть, а намѣсто его положить «пса», котораго прятали подъ полой и на голову котораго надѣвали Иванову шапку «для сходства». Въ ужасѣ отъ такихъ сценъ онъ обращался къ Богу, бросался въ церковь и начиналъ бить поклоны; но угодники отмахивались отъ него руками, говоря: «не нужно! не надо! вонъ пошелъ!» Ликъ Божіей Матери чернѣлъ и уходилъ вглубь, а глаза бѣлѣли. Иванъ распростирался на землѣ; но изъ полу прямо въ ротъ ему лѣзли трубочки съ табакомъ, и какіе-то люди жгли ему пятки, говоря: «поддай ему жару! онъ мать проклялъ родную!» Бывали минуты глубочайшаго отчаянія; но выручали тѣ же разстроенные нервы: въ самомъ страшномъ приливѣ тоски ему вдругъ являлось въ небѣ видѣніе—крестъ и евангеліе, или подъ ногами распростиралось небо со звѣздами, и Иванъ восклицалъ: «Матушка, Царица Небесная! Никогда я Тебя не забуду! Стало-быть, по-

живемъ еще маленечко!» И начиналъ ту же исторію вновь.

Къ намъ Иванъ поступилъ въ припадкѣ величайшаго унынія и, боясь быть выгнаннымъ, покуда не пилъ, не переставая однакоже слышать голоса, проклинавшіе его и выходившіе откуда-нибудь изъ графина или съ потолка. Иногда неожиданно онъ совалъ въ щель между половицами папиросу, такъ какъ солнечный лучъ, ударявшій въ полъ, представлялся ему въ видѣ головы, которая говорила: «нѣтъ ли покурить?» Ночью галлюцинаціи увеличивались до послѣдней степени; стоило погасить свѣчу, стоило Ивану остаться въ темнотѣ, задремать, какъ тотчасъ же начинались таинственныя явленія.

— Прочь!—кричитъ Иванъ въ темной комнатѣ.—Убью, какъ собаку! Песъ этакой!

Иванъ вскакиваетъ и бросается куда-то.

— Иванъ, Иванъ!—кричу я.—Куда ты?

Окрикъ останавливаетъ его.

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой!—кричитъ онъ, опускаясь на полъ. — А-а-а! Замучили они меня, черти проклятые! Смерть моя! Сейчасъ хотѣлъ бѣжать за топоромъ, убить его... Какъ же, помилуйте,—которую ночь пристаетъ: «Ты душу мнѣ продалъ. Пойдемъ!» Ахъ, ты, шельма, сволочь!..

Иванъ тяжело дышитъ и долго сидитъ въ большомъ волненіи.

— Дѣйствительно,—говоритъ онъ, какъ бы что-то соображая:—однова былъ торгъ, торговались. Ну, тогда обманъ вышелъ, это я вѣрно знаю, потому что я ему тогда согласія не далъ! Вѣрно! Я ему говорю: «Поди къ купцу Брускову (на площади домъ-съ)... выноси деньги... пятьдесятъ серебромъ...» А онъ въ ту пору уперся: «Обругай, говоритъ, нечистыми словами храмы Божіи, тогда вынесу!» Ну, а я ему наплевалъ на это, потому храмовъ Божіихъ мнѣ ругать не охота. Это я вѣрно—вотъ какъ—знаю!.. Еще свою шапку тогда продалъ, а отъ него не бралъ ни гроша мѣднаго... Каковъ есть грошъ... Ахъ, ты, собака поганая! Что тутъ дѣлать? «Продалъ»—да и шабашъ!

— Ты къ доктору, Иванъ, сходи...

— Были-съ, ну, пожалуй, что тутъ докторамъ-то не ухватить!—шепчетъ и хрипитъ Иванъ со вздохомъ и, помолчавъ, прибавляетъ еще болѣе глубокимъ шопотомъ:—тутъ дѣло-то помудренѣй будетъ-съ! Сказать по совѣсти, а вѣдь я, ваше благородіе, шесть недѣль креста на шеѣ не имѣлъ,

утерялъ, вотъ въ чемъ-съ! Такъ тутъ доктора не могутъ-съ... Ужъ ужели шесть недѣль безъ креста я прошатался, то ужъ, сами знаете, все одно—татаринъ, собачье мясо, некрещеный! Тутъ не докторъ-съ, тутъ къ митрополиту надо писать, чтобъ, по крайности, хошь перемазали бы...

Иванъ долго разсуждалъ на эту тему и, уходя, говоритъ предупредительно:

— Вы, ваше благородіе, замыкайте дверь... Неравно что̀ со мной... Шутъ его знаетъ!

Иногда я запираю дверь, но шумъ и крикъ Ивана вмѣстѣ съ вѣтромъ, который звонитъ и хлещетъ, не даютъ мнѣ покою.

11.

Съ появленіемъ Ивана разговоры у печки сдѣлались гораздо продолжительнѣе, такъ какъ къ тоскливымъ жалобамъ хромоногаго солдата на свою семейную каторгу присоединились жалобы Ивана. И хотя несчастія послѣдняго нѣсколько разнились отъ несчастій солдата, но они сдѣлались дружными собесѣдниками благодаря тому, что Иванъ, подобно солдату, тоже хотѣлъ собраться да «шепнуть государю императору словечка два», и еще благодаря тому, что Ивану, познакомившемуся съ дѣлами хромого, была полная возможность излить свою ненависть на собственную жену, которую онъ ненавидѣлъ.

— Я, братъ, знаю ихъ, каковы онѣ, жены-то наши!— хрипѣлъ Иванъ, сидя на полу у печки противъ солдата.— Онѣ ловки нашего брата въ землю по самую по шею забивать! Ты у меня спроси-и: что̀ я былъ и что̀ сталъ?

— Да ужъ что̀!

— Да-а! Знаешь Константинова, Петра?

— Ну?

— Ну, первый маляръ въ губерніи! Пять домовъ!

— Ну?

— Ну, я его по щекамъ билъ!

Сказавъ это, Иванъ торжественно замолкаетъ, сверкая на насъ глазами.

— Я своими ручками билъ его по мордѣ! Ученикъ онъ мой былъ, видишь вотъ! Поди спроси у него: сколько, молъ, разъ Иванъ Лазаревъ вамъ голову прошибалъ? Поди!—что̀ онъ тебѣ скажетъ? А теперь я самъ у него копеечки напрошусь! Онъ—милліонщикъ, а я... Вотъ онѣ бабы-то!

Солдатъ вздыхаетъ.

— У меня тридцать человѣкъ рабочихъ пикнуть не смѣли! У меня... ахъ! Ахъ, Бож-же мой!—вдругъ обрывая гнѣвную рѣчь, какъ бы отъ сильной боли хватаясь за ухо, стонетъ Иванъ.—А-ахъ, какъ завы-ылъ!..

— Кто? кто такой?

— Да кто же?.. Пошелъ изъ-за спины, завы-ылъ, завылъ такъ, альни подъ сердце подвернуло! Ахъ, Боже милостивый!

— Да это вѣтеръ! что̀ ты?—успокаивалъ солдатъ.

— Знаемъ мы его, какой онъ вѣтеръ! Учены очень!—говоритъ Иванъ, мало-по-малу освобождаясь отъ видѣнія.—Онѣ, жены-то, довольно хорошо насъ этому обучили, слава Богу! Прроклятыя!..

Несмотря на добродушіе солдата, несмотря на его полное пониманіе невозможности поправить что-нибудь въ своемъ положеніи, открытая вражда Ивана къ женѣ, подкрѣпляемая аргументами, подобными вышеприведеннымъ, дѣйствовала на солдата весьма страннымъ образомъ.

— Да что-жъ, ей-Богу,—сталъ поговаривать онъ:—терпишь, терпишь... Сегодня вотъ опять вломился: «посылай!»

— Ермолка, что-ль?—спрашивалъ Иванъ.

— Стало, онъ!

— По шеѣ его! Больше ничего, одно! Дуй, какъ собаку!..—совѣтовалъ Иванъ гнѣвно.

— Да что̀ же въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ тоже требуется свой покой, право, ей-Богу! «Ты, Ермолай, хушь бы подумалъ,—говорю:—вѣдь и ты тоже, чай, будешь на судѣ-то?..»—«Посылай!..»—только и словъ... И жена: «Пошли, Филиппушка, намъ, пропащіимъ!» Ужъ я посылалъ, посылалъ...

— Ловки они нашего брата разорять, собаки... Огрѣть хорошенько—да и сказъ!

— Да что̀ въ самомъ дѣлѣ!—какъ-то неопредѣленно произносилъ солдатъ, обращаясь ко мнѣ и не то жалуясь, не то соглашаясь.

Въ такихъ разговорахъ мы проводили время, ожидая, не получшаетъ ли намъ всѣмъ, не перестанетъ ли непогода, не начнутся ли выборы. Ни того, ни другого, ни третьяго покуда не случилось; только исторія господскаго сюртука, изображаемая хромымъ солдатомъ, выяснялась все болѣе и болѣе, дѣлаясь отъ этого необыкновенно мучительной. Однажды, въ безсонную ночь, поднявшись къ окну

за табакомъ, я случайно увидѣлъ Ермолая, который прошелъ подъ моимъ окномъ по грязи безъ шапки, съ растрепанными по вѣтру волосами и распоясанной рубахой. Онъ шелъ медленно и считалъ на ладони мѣдныя деньги... Вслѣдъ за нимъ проплелась, завернувшись съ головой въ рваную свиту, сгорбленная и, судя по походкѣ, крайне изможденная жена солдата; она плелась босикомъ, хромая на одну ногу, обвязанную грязной тряпкой, и, повидимому, шла, куда глаза глядятъ. Послѣ этой сцены мнѣ было весьма тяжело слушать негодующіе вопросы солдата въ родѣ: «Да что-жъ въ самомъ дѣлѣ?»—какъ бы грозившіе чѣмъ-то этой замученной женщинѣ. Но, благодаря простодушію и добротѣ солдата, низводившимъ этотъ вопросъ только до степени глубокаго вздоха, никто изъ насъ троихъ не предполагалъ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ.

А между тѣмъ это «что-нибудь» вышло, и подзадориванія Иваномъ солдата разрѣшились совершенно неожиданно.

Однажды, занимаясь въ школѣ, я слышалъ, какъ хромой солдатъ вошелъ въ мою комнату, толковалъ довольно громко о чемъ-то съ Иваномъ и потомъ ушелъ куда-то вмѣстѣ съ нимъ: въ послѣднее время солдатъ охотно водилъ Ивана въ кабачокъ выпить рюмочку, и возвращались они скоро, боясь разсердить барыню; но въ этотъ разъ пропали на цѣлый день.

Господскій кучеръ, принесшій мнѣ обѣдъ, вмѣсто Ивана, на разспросы о немъ, объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ хромымъ солдатомъ погнался куда-то за ворами.

— За какими ворами?

— Да за Ермолкой, за полюбовникомъ женинымъ. Въ прошлую ночь ночевалъ онъ у нихъ... Ну и стянулъ, увмѣстяхъ съ Ѳеколкой, деньги солдатскія... Рубь, что ли то... И ушли вмѣстѣ съ бабой куды-сь... Надо-быть, на прощоновскіе колодези... Солдатъ-то хватился поутру, анъ денегъ нѣтъ, а они съ бабой ушли! Ну и погналъ вдогонку. Да что̀, глупый совсѣмъ старикъ! Куды ему отнять? Это его Ванька поджегъ, онъ бы самъ ни во вѣкъ—куда ему! А они, вашскбродіе, въ кабакѣ сначала зарядились, солдатъ-то накатился, Боже мой, какъ! Мужика нанялъ—во весь духъ!.. Барыня имъ попались—въ городъ ѣхали, такъ даже очень удивились этому, что̀ такое со старикомъ? Ей-Богу-съ!

Это извѣстіе весьма удивило меня.

— И стòитъ за этакой сволочью гнаться! На его мѣстѣ я бы самъ ей рубь далъ: иди, любезная,—право. Чтò за такой за поскудиной таскаться? Извѣстная потаскуха, бродяга... Пирожное еще будетъ, ваше благородіе!

Долго просидѣлъ я въ этотъ вечеръ у Ивана Николаича, и когда воротился, то нашелъ Ивана мертвецки пьянымъ. Онъ былъ весь въ грязи и валялся въ передней безъ чувствъ; рубаха его была изорвана, а лицо и руки покрыты ссадинами и синяками. Мнѣ просто страшно сдѣлалось въ компаніи съ нимъ. Очевидно, что было большое пьянство, большая драка, разыгралось какое-то невѣроятное буйство, въ которомъ сорвано множество обидъ и огорченій.

Раннимъ утромъ, чуть свѣтъ, я былъ разбуженъ торопливымъ и нетерпѣливымъ стукомъ въ дверь, разбудившимъ даже Ивана.

— Погодишь, не умрешь!—рыча съ похмелья и отворяя крючокъ у двери, бормоталъ онъ.

Въ передней застучала деревяжка солдата.

— Эко грохаешь!—хрипѣлъ Иванъ, но солдатъ ему не отвѣчалъ и прямо вошелъ ко мнѣ.

На немъ лица не было.

— Чтò съ тобой?

— Въ дому нечисто, ваше высокоблагородіе...—пролепеталъ онъ, вытянувшись въ струну и какъ бы задыхаясь.

— Чтò такое?

— Очень нечисто, ваше благородіе... жена померла!

— Ай померла?! — воскликнулъ Иванъ въ великомъ испугѣ.

— Померла...—прошепталъ солдатъ.—Ну, не очень чисто скончалась... Очень... неаккуратно...

— Да въ чемъ дѣло? Будетъ, говори!

Несмотря на испугъ и трепетъ, солдатъ кое-какъ объяснилъ, что вчерашняго числа, послѣ того, какъ они съ Иваномъ «выволокли» жену изъ прощоновскаго кабака, солдатъ привезъ ее домой, ругая дорогой, говоря ей, что она довела его, стараго человѣка, до того, что онъ подрался, подрался изъ-за того, что она обокрала его, нищаго, унесла послѣднее... Жена все молчала. Пріѣхавъ домой, онъ взвалилъ ее на печь и самъ легъ туда же, предварительно привязавъ однимъ концомъ веревки за

дверь, чтобы кто не вошелъ, а другой конецъ съ пьяныхъ глазъ взялъ съ собой на печку, обвязалъ имъ женину ногу и крѣпко держалъ веревку въ рукѣ, чтобы проснуться, когда она побѣжитъ. Жениной дѣвчонкѣ, которую тоже ударилъ нѣсколько разъ, онъ наказалъ смотрѣть за мамкой, ежели самъ задремлетъ.

Въ глухую ночь онъ слышалъ пронзительный крикъ,— голосъ походилъ на дѣвчонкинъ,—но очнуться не могъ, потому что голова «дюже» была тяжела.

— Прочухался подъ утро...—шепталъ солдатъ.—Глянулъ къ полатямъ... анъ она... и веревка эта самая!

— Ахъ, дѣло-то нечистое!—хрипѣлъ Иванъ, очнувшись отъ хмеля.— А-а, братецъ ты мой!

— Очень нечистое дѣло!

Всѣ мы молчали.

— Эхъ, водочка-а, матушка!—утирая градомъ полившіяся слезы, говорилъ солдатъ:—два раза я отъ тебя погибель имѣю, подъ шапку изъ-за тебя попалъ... теперь, можетъ, душу...

— Ахъ, бѣдовое дѣло!—охалъ Иванъ.—Дѣвчонка-то что, ейная?

— Убѣгла дѣвчонка!.. Кабы не пьянъ былъ, я-бъ окликнулъ... Она, надо-быть, видѣла, какъ мать-то... ну, и убѣгла. Какъ не убѣчь!

Солдатъ былъ крѣпко убитъ и почти не разговаривалъ съ Иваномъ.

Почему-то мы сочли нужнымъ пойти на мѣсто происшествія. Въ селѣ уже знали о немъ. У дверей избъ толпились женщины, закутавшись отъ дождя свитами. Рѣдкая изъ нихъ осмѣлилась подступить къ толпѣ мужчинъ, обступившихъ солдатскую избу въ глубокомъ молчаніи.

— Эй! Хромой!—послышалось съ солдатскаго двора, когда мы всѣ трое подходили къ нему.—Гдѣ ты шатаешься, старый песъ? Иди!

Это кричалъ Ермолай.

— Нашелъ время шататься!—продолжалъ онъ.—Тоже порядокъ спросятъ... Надо ее выволочь оттеда, для господъ... для воздуха. Эй, ребята, помоги!

Какой-то старичокъ, на лицѣ котораго выражалось полное убѣжденіе, что это дѣло мірское и его оставить нельзя, отдѣлился изъ толпы; вмѣстѣ съ хромымъ солдатомъ они вошли въ избу. Скоро оттуда вылетѣла на дворъ веревка.

— Пожалуй, что утрафишь въ хорошее мѣсто изъ-за этого дѣла!—толковалъ Иванъ въ ожиданіи слѣдствія и самъ же отвѣчалъ на это:—куда угодно!.. въ Сибири—тоже люди, и радъ-радехонекъ!

Но этотъ отвѣтъ не успокоилъ его, да и не одинъ Иванъ,—все село было въ величайшей тревогѣ. Собственно страшенъ былъ не судъ, не начальство, а та какая-то безпредѣльная душевная тоска, которая сразу навалилась на всѣхъ послѣ этого происшествія. Что-то тяжелое висѣло надъ головами всѣхъ и не давало покою. По ночамъ можно было замѣтить огоньки, чего прежде не было, что̀ бываетъ, когда грозитъ туча, несчастье. Солдатъ два дня стоялъ на караулѣ при женѣ и не показывался, ожидая начальства. Иванъ не посѣщалъ его и, испытывая общій душевный ужасъ, мучился ночью болѣе обыкновеннаго.

— Что̀, ваше благородіе,—говорилъ онъ, тихонько пробираясь ко мнѣ:—какъ ни вертись, а надо-быть, что промахнулъ я «имъ» душу-то!.. По совѣсти сказать, чудится мнѣ, что и въ другой разъ мы съ нимъ торговались... Тутъ ужъ онъ мнѣ: «Что̀ угодно! Не токмо храмы Божіи, а хушь, говоритъ, дрова обругай, соглашусь!» Тутъ-то, должно-быть, я и ахнулъ... Должно-быть, что такъ! Потому и имъ не изъ чего звать попусту... Ужъ ежели кричатъ: «пойдемъ», стало-быть, что-нибудь есть! Ничего не сдѣлаешь!.. Коли, Богъ дастъ, отверчусь отъ этого дѣла, надо писать просьбу. Надо!

Наконецъ всѣмъ полегчало,—пріѣхало начальство: судебный слѣдователь, лѣкарь и фельдшеръ съ ящикомъ анатомическихъ инструментовъ. Толпа около солдатской избы собралась громадная; на этотъ разъ даже бабы, поодаль отъ мужиковъ, образовали довольно порядочную группу. Посреди двора возвышался шалашъ, забросанный соломой, подъ которымъ лежала покойница. У воротъ плетня стояли безъ шапокъ солдатъ и Ермолай, оба застегнувшись на всѣ уцѣлѣвшія пуговицы. Трезвое лицо Ермолая было обыкновенное, форменное, солдатское лицо; только разбойничьи глаза его какъ будто стали меньше; онъ какъ-то хитро поглядывалъ ими и, видимо, робѣлъ... Хромой солдатъ былъ унылъ и какъ будто отощалъ; тѣмъ не менѣе косицы его были приглажены, а когда подошло начальство, то вмѣстѣ съ Ермолаемъ онъ совершенно по-солдатски произнесъ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

— Здравствуйте, ребята!—сказалъ слѣдователь, взгля-

нувъ на вытянувшагося и блѣднаго солдата. — Староста! Софронъ!

— Староста! Эй! Иди!—гудѣли въ толпѣ.

— Самоварчикъ, братъ, нельзя ли... а?

— Можно-съ!

— Пожалуйста, поскорѣй... Ступай! Такъ это твоя жена-то?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, наша-съ!—отвѣчали Ермолай и солдатъ вмѣстѣ.

— Иванъ Петровичъ,—перебилъ лѣкарь:—скажите, чтобъ и яицъ въ смятку.

— Эй, Софронъ, Софронъ!

Такой разговоръ облегчилъ душу солдата, ибо, очевидно, не приговаривалъ его къ смерти; онъ поправилъ деревяжку и кашлянулъ. Вообще судьи, видимо, не имѣли намѣренія чѣмъ-нибудь страшить этотъ народъ. Повидимому, такія трагическія развязки исторіи господскихъ сюртуковъ были для нихъ вещью столь же обыкновенною, какъ обыкновенны онѣ и въ самой дѣйствительности. Они усѣлись на бревнушкахъ и обрубкахъ, достали карандаши, бумагу, велѣли открыть покойницу, при видѣ которой толпа шатнулась назадъ. Лѣкарь и фельдшеръ стали приготовлять мѣсто для анатомированія, требовали воду, лавку и проч., а судебный слѣдователь понемногу разспрашивалъ народъ.

— Такъ распутничала?—спрашивалъ слѣдователь.

— Было-съ...—говорилъ свидѣтель.

— Точно, ваше благородіе... Весьма по глупости своей... Большая была неряха!

— Ты что скажешь?

— Больше ничего-съ! Непорядочная была-съ покойница...

— Ничѣмъ не жаловалась?

— Кто-жъ ее знаетъ? это надо у бабъ спросить... Эй, бабы, подь сюда!..

Бабы убѣжали прочь.

— Сердцемъ, ваше благородіе, жаловалась... — произноситъ хромой солдатъ:—схватится такъ-то и упадетъ...

— Сердцемъ? Ну, еще не можешь ли что-нибудь сообщить?

— Что-жъ, ваше благородіе? — говоритъ солдатъ убитымъ голосомъ.—Жили дружно-съ... Больше ничего... Что-жъ!

— Ты кто такой?

— Отставной-съ... Что-жъ, дѣло Божіе! Его воля... Моей причины нѣту; служилъ царю чисто—двадцать лѣтъ отслужилъ...

— Да ты сядь, старикъ...—говоритъ слѣдователь.

— Постоимъ, ваше высокородіе!—просвѣтляясь отъ ласковаго слова, говоритъ солдатъ веселѣе.—Я двадцать лѣтъ стоялъ-съ, привыкъ-съ. Во дворцахъ стаивали...

— Во дворцахъ?—закуривая папиросу, переспрашиваетъ слѣдователь.

— Какъ же-съ! Въ тіятрѣ тоже и во дворцахъ. Тутъ стоишь, дыханія своего не слышишь, не шевельнешься... Однова во дворцѣ задремалъ, да и уронилъ ружье, такъ думалъ—умру-съ!

— Какъ же можно!—поддакнулъ Ермолай.

— Какъ пошло по царскимъ покоямъ ухать-съ отъ удара... такъ!..

— Эй, ну-ка, поди сюда!—перебиваетъ солдата лѣкарь:—подними-ка покойницу-то!

— Выволочь ее оттедова прикажете? — вызывается Ермолай.

Покойницу тащатъ на лавку; солдатъ помогаетъ нести ее за ногу, Ермолай взялъ ее подъ мышки. Проходя мимо слѣдователя и находясь подъ страхомъ суда, онъ желаетъ заслужить у барина и ласково говоритъ:

— На караулѣ, вашескородіе, большая строгость! Теперича въ итальянской оперѣ стоишь—ровно желѣзный сдѣлаешься... навзничь прикажете?..

— Клади навзничь.

— Слушаю-съ!

— Ты кто такой?—обращается слѣдователь къ Ермолаю.

— Безсрочный... Ермолай Семеновъ...

— Ну, ты что̀?

— Да что-жъ, ваше высокоблагородіе? Что̀ народъ-съ... Недаромъ онъ про нее... Что̀ было, то было!—произноситъ Ермолай съ умышленною ласковостью.

— Распутничала?

— И весьма-съ! Что̀ правда, то правда... И таить нельзя... Поведеніе имѣла вредное...

Ермолай взглядывалъ на хромого, но тотъ молчалъ и стоялъ на вытяжку.

Допросъ продолжался, и никого виновнаго, кромѣ собственной глупости бабы, въ ея самовольной кончинѣ не нашлось. Затѣмъ покойницу вымѣрили вдоль и поперекъ и изобразили все это въ аршинахъ и вершкахъ; развязали тряпки, которыми были обвязаны ея пальцы на рукѣ и на ногѣ, и узнали, что руку она разбила кирпичомъ во время

поденщины, а ногу зашибла ей скотина во время работы. Слово «работа» стало звучать въ устахъ свидѣтелей столь же часто, какъ и «распутство». Все это хотя и не убавляло мнѣнія насчетъ глупости бабы, но тѣмъ не менѣе было записано, и затѣмъ приступлено къ анатомированію.

— Десятый часъ!—говорилъ докторъ фельдшеру.

— Сію минуту, сію минуту!—торопился фельдшеръ, вытирая тряпкою пилу.

Скоро слухъ зрителей былъ въ высшей степени непріятно пораженъ скрипомъ пилы по черепу безжизненно мотавшейся головы. И вмѣстѣ съ этимъ звукомъ вдругъ откуда-то раздался пронзительный, краткій дѣтскій крикъ.

— Дѣвочка кричитъ! — зашумѣлъ народъ. — Догоните, братцы!.. Уйдетъ!

— Для начальства-а-а-а-а!..

Нѣсколько человѣкъ бросились отыскивать дѣвочку, но не нашли.

Крикъ ея былъ такъ кратокъ, что нельзя было съ точностью опредѣлить мѣста, откуда онъ раздался.

Скоро слѣдствіе кончилось.

— Проворнѣй, ребятки, проворнѣй! — торопливо мòя въ ушатѣ руки, говорилъ фельдшеръ:—собирай мозги-то... да не руками! Прикинется болѣсть, дуракъ!.. Солому возьми въ руки, да такъ съ соломой и вали въ нутро... Зашьется!.. Все одно—прахъ!..

Судебный слѣдователь и докторъ ушли, не дождавшись фельдшера...

— У твоей жены ожирѣнье сердца... — сказалъ слѣдователь солдату, уходя: — начальство принимаетъ это въ уваженіе...

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

— Я похлопочу, нельзя ли будетъ предать ее землѣ по христіанскому обряду... Не тужи!

— Чтò ужъ тужить, вашскобродіе? На христіанствѣ благодаримъ, а что... все одно! Тутъ мнѣ жить не мѣсто...

— Отчего же?

— Сами знаете, мѣсто опоганено... Что-жъ! Не усидишь...

— Въ этакой-то погани, вашскобродіе! — подбавилъ Ермолай.

Слѣдователь сказалъ еще что-то успокоительное и ушелъ.

— Куда ты, старый хрѣнъ, уйдешь?—осторожно подходя къ солдату, прохрипѣлъ Иванъ:—много ты съ костылемъ ухватишь?

— Да ужъ надо! Такъ ли, сякъ ли, а не будетъ дѣла на поганомъ мѣстѣ...

— Дура-а!—продолжалъ Иванъ.—Давай-ко лучше вмѣстѣ возьмемся... Погляди, какъ дѣлами зашевелимъ!

— Опоганено!—сказалъ солдатъ.

— Ну, а дѣвчонка?..

— Нешто она моя?.. Пущай родители получаютъ... Я самъ калѣка... Да, пожалуй, и дѣвчонка уважитъ не хуже матки... Ну ихъ!..

— Кабы наша была,—сказалъ Ермолай:—все-таки нельзя оставить... Будетъ вамъ балакать-то... Пойдемъ, хромой!.. Ночку выстояли, росинки во рту не было... Пойдемъ!..

Всѣ начали понемногу расходиться.

12.

Покойницу зарыли, перекрестились и замолкли о ней совершенно...

Продолжительныя страданія исчезли такимъ образомъ безплодно, не оставивъ ни одной капли вражды къ причинѣ ихъ. Не испытавъ и сотой доли этихъ страданій, я, признаюсь, не могъ вполнѣ ясно и отчетливо представить и понять ихъ глубину; но, благодаря краткимъ и рѣдкимъ разговорамъ солдата и встрѣчамъ, я видѣлъ, что они велики, выше всего, что̀ таится въ этихъ затылкахъ, жаждущихъ быть разбитыми для собственной пользы, и вообще во всѣхъ этихъ пришибленныхъ существахъ. Веревка, которую я видѣлъ на дворѣ солдата, говорила мнѣ, что ею прекращена такая нравственная боль, при которой утрачивалась надежда на какое бы то ни было избавленіе. И отъ всего этого мнѣ стало какъ-то жутко... «Неужели,—думалось мнѣ:—даже такія страданія не оставляютъ ничего, кромѣ молчанія, безслѣдно уходятъ въ землю, только страшатъ и еще ниже пригибаютъ головы?»

Я считалъ это отвѣтомъ на тотъ вопросъ, который задавалъ себѣ, ѣдучи въ деревню, относительно работы темной мысли надъ своимъ положеніемъ... Пожалуй, и теперь я не подыщу другого отвѣта; но одна неожиданная встрѣча, происшедшая спустя нѣсколько дней послѣ кончины солдатской жены, сдѣлала этотъ отвѣтъ нѣсколько менѣе безотраднымъ.

Я разскажу эту встрѣчу.

Мнѣ давно хотѣлось поглядѣть на дѣвочку, оставшуюся послѣ покойной, какъ на экстрактъ всей массы страданій

во всей этой исторіи. Я поджидалъ къ себѣ солдата, чтобы сказать ему объ этомъ; но солдатъ, находясь подъ пьянымъ вліяніемъ Ивана и Ермолая, самъ загулялъ и во хмелю спустилъ избу цѣловальнику, укрѣпившись въ намѣреніи идти «куда-то»...

— Вашбродь!—кричалъ онъ однажды, выйдя изъ кабака безъ шапки, когда я шелъ къ Ивану Николаичу:—пожалуйте разсудить дѣло! Въ честную компанію.

Въ кабакѣ было много народу, и всѣ почему-то засмѣялись, когда мы вошли.

— Ладно, ладно!—говорилъ солдатъ всѣмъ. — Я своего дѣла не оставлю... Я это все ворочу!.. Вашбродь! Отвѣчайте намъ: могу я цѣловальника засудить? Теперича хочу я судами деньги наживать... дѣло мое пустое вышло...

— Ну, засуди!—сказалъ цѣловальникъ.

— Изволь, — какъ бы съ охотой сказалъ солдатъ.— Изволь, другъ ты мой... Баринъ, глядите,—такъ ли будетъ?..

Тутъ солдатъ какъ-то установилъ себя съ деревяжкой передъ стойкой, какъ передъ судьей, и сказалъ цѣловальнику:

— Позвольте съ васъ взыскать сто серебромъ...

Всѣ покатились со смѣху.

— За что?

— А я вамъ сейчасъ объясню... Погоди грохотать-то! Примали вы мой домъ, а тамъ у меня часы остались... оптическіе... Пожалуйте!..

— Это какіе оптическіе?

— Больше ничего — серебряные съ двумъ доскамъ... Штучка маловатая, а цѣна ей—сто цѣлковыхъ. Вынимай деньги! Вышло, ай нѣтъ? Баринъ! — обратился солдатъ къ публикѣ и ко мнѣ, выходя изъ позы истца.

Со смѣхомъ ему отвѣтили, что не вышло...

— Ахъ, въ ротъ тѣ галку!.. Ну, постой, я другую...

— Да будетъ тебѣ, крупа!—сказалъ цѣловальникъ, стукнувъ его по затылку.—Пропивай остачу-то да ступай на ярмарку, причитай: «безногому...» Судиться!

— Ну, да ладно, — началъ-было солдатъ, повидимому, намѣреваясь разыграть новую сцену, однако остановился и сказалъ:—а что, братецъ, вѣдь и такъ на ярмарку, пожалуй, ударишься? Баринъ! Пожалуй, что не сходнѣй ли будетъ этакъ-то?.. « А-а, биз-ру-укам-му, а-а, биз-зно-гам-му»,—пропѣлъ онъ, какъ поютъ нищіе, громко и отчаянно.

— Вотъ такъ-то!..—одобрилъ цѣловальникъ среди смѣха публики.—Какъ есть нищій!

— Да и такъ нищій...—подтвердили въ толпѣ.—И зачѣмъ избу продалъ, старый шутъ?..

— Что ему въ избѣ-то дѣлать, хромому?—сказалъ цѣловальникъ и прибавилъ, обращаясь къ солдату: — допивай, что ли, остачу-то.

— Ужъ и велика же остача!..—слышалось въ толпѣ.

На слѣдующій день, когда мы съ Иваномъ Николаичемъ собирались ѣхать въ городъ, на дворъ вошелъ солдатъ и попросился съ нами.

— Есть слушокъ, будто въ части дѣвчонка-то...—сказалъ онъ.—Все надыть поискать...

По всей вѣроятности, онъ уже успѣлъ истратить «остачу» отъ дома, взятаго цѣловальникомъ, былъ трезвъ, грустенъ, жалѣлъ объ избѣ и не зналъ, что съ собой дѣлать...

— А пожалуй, что по ярмаркамъ пойдешь... съ дѣвчонкой-то... — говорилъ онъ въ раздумьѣ дорогой.—Ничего не сдѣлаешь!

Мы пріѣхали въ городъ подъ вечеръ и прямо отправились въ часть. У разрушеннаго каменнаго подъѣзда ветхаго и ободраннаго зданія части мы встрѣтили пожарнаго солдата, который курилъ трубку и сквозь зубы бурчалъ: «нельзя!»—относя эти слова къ нѣсколькимъ обывателямъ, стоявшимъ близъ него.

— Блаженная?—отнесся онъ къ намъ.—Здѣсь! Надо къ частному идти...

— Ну, будетъ ломаться-то!—прервалъ его Иванъ Николаичъ:—авось и на пятачокъ выпьешь!

И далъ ему пятачокъ. Солдатъ снялъ кепи и произнесъ:

— Дай Богъ ей, очень она насъ выручаетъ, блаженная эта. Вотъ двое сутокъ, какъ нашли ее: нѣтъ-нѣтъ—и попадаетъ бездѣлица... А очень любопытствуютъ видѣть...

По примѣтамъ, блаженная оказалась солдаткиной дочерью. Ее поймали на дорогѣ какіе-то мужики и доставили въ часть. Разсказывая исторію находки, солдатъ велъ насъ по темному узкому коридору съ ямами въ каменномъ полу и съ отвратительнымъ казарменнымъ запахомъ.

— Она у насъ въ темной сидитъ...—объяснилъ солдатъ.—Многіе обижаются, что, напримѣръ, блаженная, ну, начальство... сами знаете... Вотъ тутъ!

Мы очутились передъ маленькой запертой дверью, въ которой было прорѣзано небольшое четырехугольное окно; солдатъ снялъ фуражку, просунулъ туда голову и шопотомъ сказалъ:

— Машутка, здѣсь ты?..

Отвѣта не было, только кто-то завозился въ темнотѣ. Солдатъ повторилъ вопросъ.

— Жиды пришли?... — послышался изможденный и донельзя слабый дѣтскій голосъ.

— Я, я, Филиппъ пришелъ!.. — говорилъ солдатъ робко.

— А у меня пѣтухъ есть... — отвѣтилъ голосъ и слабо, какъ самый маленькій пѣтушокъ, пропѣлъ: «кукурику-у!..»

— Тронулась дѣвка-то! — вздохнувъ, сказалъ солдатъ и попросилъ у пожарнаго огарочка поглядѣть.

— Все больше на жидахъ, — объяснилъ пожарный, зажигая огарокъ:—«жиды, говоритъ, Христа распяли, а пѣтухъ запѣлъ—Онъ и воскресъ...»

— И воскресъ!—отвѣтилъ изъ тюрьмы больной и ласковый голосъ.—И матка...

Зажгли свѣчку, и солдатъ пріотворилъ намъ дверь въ темную. Здѣсь, въ обществѣ пьяной бабы, которая спала на лавкѣ спиной къ намъ, и совершенно трезваго мужика, молча сидѣвшаго въ уголкѣ и покорно ожидавшаго, «что̀ будетъ», на полу, грязномъ и мокромъ, сидѣла Машутка. Жиденькіе бѣлые волоса падали, какъ попало, на голыя плечи; худенькими руками крѣпко сжимала она какую-то грязную тряпку, изъ которой высовывался конецъ деревянной ложки. Она была въ одной узкой и испачканной грязью рубашкѣ.

— Пятушокъ у мине...—лепетала она, прижимая тряпки къ груди и глядя неподвижными, но не въ мѣру оживленными глазами.—Запоетъ онъ — всѣ передушитесь, жиды... Запой, запой жа-а... Ра-а-диминькай!.. Христосъ-то воскресъ тады... Сю минутучку запоетъ... Бѣжите отсюда, жиды... Луччи вамъ убѣчь...

Дѣвочка продолжала лепетать слова и фразы въ такомъ родѣ, совѣтуя намъ уйти поскорѣе, потому что пѣтухъ запоетъ сію минуту:—мать воскреснетъ, а мы всѣ задушимся... Мы посмотрѣли на нее и съ тяжелымъ сердцемъ пошли вонъ, не зная, что̀ предпринять.

— Жаль и кинуть! — въ раздумьѣ тосковалъ солдатъ, когда мы вышли на улицу и остановились потолковать.

Среди такого раздумья къ намъ подошелъ полицейскій солдатъ и еще кое-кто изъ толпы.

— А, старина! — сказалъ Иванъ Николаичъ одному какому-то понурому старичку.—Цѣлъ еще?

Старичокъ не отвѣтилъ, но поклонился Ивану Николаичу и сталъ около насъ молча.

— Вы родитель ей будете?—сказалъ пожарный солдату.

— Да, пожалуй, что на то найдетъ...

— Такъ вы ее долго у насъ не держите... Вотъ что̀ я вамъ скажу: она блаженная—блаженная, а тоже кормить зря не будутъ... начальство—нельзя!

Солдатъ задумался.

— Ну, — сказалъ Иванъ Николаичъ: — думайте! Думай, старикъ, а то вышвырнутъ, хуже будетъ... Жаль вѣдь... Надумаете—идите къ Миронову въ лабазъ, оттуда вмѣстѣ тронемся.

Мы съ солдатомъ стали думать. Понурый старичокъ стоялъ около насъ и слушалъ. Солдатъ не могъ придумать ничего лучше того, что̀ рекомендовалъ ему цѣловальникъ: онъ хотѣлъ какъ-нибудь перезимовать зиму, а съ весны положить блаженную въ телѣжку и тронуться съ нею по ярмаркамъ. Никакого другого, болѣе практическаго плана для нихъ обоихъ нельзя было придумать.

— Ничего не подѣлаешь...—порѣшивъ, заключилъ-было солдатъ.

Но въ это время понурый старичокъ не спѣша тронулся съ своего мѣста и, поровнявшись съ солдатомъ, глядя въ землю, буркнулъ:

— Вотъ чего... Бросить это надо... Не приходится младенцевъ Божіихъ по толкучкамъ таскать... Не подходитъ это, такъ-то-ся!

Руки старикъ держалъ назади и, говоря это, медленно и съ разстановкой слегка подергивалъ плечомъ въ одну сторону и не поднималъ головы.

— Кормиться надо, старина!.. Душа проситъ прокорму...— сказалъ солдатъ.

— Корму хватитъ... Отъ Господа кормъ-то идетъ... А ежели ты имѣешь вѣру, отдай блаженную намъ... Прокормъ будетъ! Не мѣсто толковать-то... въ номерокъ хушь...

Не дожидаясь отвѣта, старичокъ попрежнему медленной походкой пошелъ въ сторону, направляясь, повидимому, къ харчевнѣ. Солдатъ охотно поплелся за нимъ, обрадованный неожиданнымъ прокормомъ, и я не могъ отстать отъ нихъ, въ первый разъ услыхавъ сочувствіе къ невиннымъ страдальцамъ, считаемымъ «блаженными», которыхъ бросать не приходится.

Всѣ трое мы вошли въ грязную харчевню съ задняго

крыльца. Въ узенькомъ и низкомъ коридорѣ, обклеенномъ какими-то канцелярскими бумагами, съ маленькими дверьми въ душныя и грязныя «особенныя комнаты», стоялъ, разговаривая съ половымъ, молодой красивый парень въ отличнѣйшемъ полушубкѣ, съ гармоніей въ рукахъ. Онъ, видимо, подгулялъ, былъ веселъ и не замѣчалъ, что картузъ его сидѣлъ на затылкѣ козырькомъ на-бокъ. При появленіи старичка, онъ сунулъ гармонію половому, сдернулъ шапку и, сдѣлавъ постную физіономію, тономъ сидѣльца заговорилъ, обращаясь къ старику:

— Изготовлено все-съ! Пятнадцать пудовъ муки пшеничной, два ведра вина-съ, масла...

Старичокъ взглянулъ на него и молча прошелъ въ номерокъ. Малый какъ будто трусилъ, оглянулся на смѣющееся лицо полового и скромно усѣлся въ уголкѣ номера. Мы трое размѣстились по бокамъ небольшого стола. Старикъ не претендовалъ на мое присутствіе. Онъ долго копошился, усаживаясь, покряхтывалъ, пожевывалъ губами, поднималъ и опускалъ сѣдыя брови и вообще серьезностью лица доказывалъ, что въ головѣ у него есть нѣчто весьма важное, по крайней мѣрѣ для него, хотя въ глазахъ его, тусклыхъ и маленькихъ, примѣтна была нѣкоторая тупость. Мы всѣ молчали и ждали, что будетъ. Солдатъ, повидимому, былъ отчасти изумленъ тѣмъ, что объ угощеніи не было и помину, хотя дѣло, очевидно, происходило въ харчевнѣ...

— Вотъ чего, служба,—заговорилъ старецъ, прекративъ свои таинственныя прелюдіи:—отдай ты дѣвочку намъ...

— Кто вы будете?..

— Здѣшніе, подгородніе, прощоновскіе жители... И скажу я тебѣ, что дѣвицу эту ты отдай намъ, по тому случаю, что намъ мученики требуются... Они наши предъ Господомъ заступники, а мы, прощоновскіе, главнѣе о небесномъ благополучіи имѣемъ попеченіе, а въ земное вѣры у насъ нѣту!..

— Не стоитъ того дѣло!—подвернувъ ловко обутую ногу подъ лавку, подтвердилъ молодой малый, сплюнулъ и тряхнулъ волосами.

Но старикъ ничѣмъ, даже взглядомъ, не одобрилъ этой сочувственной фразы молодца, а продолжалъ:

— Требуются намъ предстатели и защитники на небеси по тому случаю, что на земли у насъ ихъ нѣту... Вѣрно я говорю?

Нельзя было хоть отчасти не согласиться съ этимъ взгля-

домъ старца: припомнивъ, что на землѣ бываютъ случаи, когда предстательствуютъ затылки.

— Что такое твоя дѣвочка? Умудрилъ ли тебя Господь понимать это дѣло? Дитё Божіе, ангелъ непорочный, мученица невинная... Слѣдственно, ежели мы у Господа награду ищемъ, то отнюдь не можемъ оставлять ее зря... Отдай ты намъ ее въ обитель, ибо имѣемъ мы обитель собственную, и угодникъ нашъ, новоявленный мученикъ Миронъ, при насъ тоже состоитъ...

Старикъ перекрестился; молодой малый, заслушавшійся-было гармоніи, вскочилъ и сдѣлалъ то же.

— Отъ него, Мирона мученика, получили мы въ эфтомъ понятіе, его слушаемъ и вѣруемъ. Отчего мы, простые христіане, всю жизнь муку видимъ, отчего между нами ссоры и драки, буйства и зависть? По тому случаю, что мы во грѣхѣ, на умѣ у насъ мірское — какъ бы лучше, какъ бы сытнѣе, какъ бы больше... «Кого мы боимся? Боимся начальства, суда человѣческаго, а того не видимъ, что и онъ тоже во грѣхѣ и блудѣ, и самъ тожъ норовитъ для мамоны... а не что-либо... На него ли положить надежду?» Его это слова! И было тогда намъ сказано: «Бросьте все, припадите къ Богу: на землѣ, какъ мухи поскудныя, перегибнете, а на небѣ награда будетъ». Оно такъ и выходитъ... Вотъ ты хромъ и нищъ,—сказалъ старичокъ солдату:—на земное или на небесное ты надежду имѣлъ?

— Грѣшенъ! — сказалъ солдатъ: — собственно, что для прокорму...

— Какъ же вы...—ласково и какъ бы укоризненно попытался произнесть молодой малый, но старецъ продолжалъ:

— Такъ оно и выходитъ! Послушай теперича, что я тебѣ скажу... Не спроста мученикъ Миронъ этакъ-то говаривалъ. Отъ юности своей имѣлъ онъ большое понятіе и къ нашему мужицкому мірскому дѣлу не подходилъ. «Господи! — возопилъ онъ единожды передъ міромъ, когда его силкомъ на тягло посадили.—Не могу я въ бракѣ быть... Дозволь служить Тебѣ, но не дьяволу». И въ ту же ночь Господь супругу его прибралъ... Съ этихъ поръ мученикъ покинулъ міръ и ушелъ въ пустыню, и пятнадцать лѣтъ лежалъ въ шалашѣ на одномъ мѣстѣ. Вбилъ онъ себѣ колья подъ кожу, по семи вершковъ длины, и такъ стало, что обросли тѣ колья кожею, а ино мѣсто стали раны и язвы. Завелись въ этихъ язвахъ черви, и ежели, случится, какой червь упадетъ оттуда, вывалится, то угодникъ его втори-

тельно въ язву кладетъ... И немало мы дивились, грѣшные, на этакого мученика. Видимъ мы: не имѣетъ онъ грѣховъ, ни блуда, ни пьянства, не жаденъ; за одно за это стали мы его почитать, потому всѣ тѣ грѣхи мы оставить не можемъ... Видимъ мы, что и мученія и роптанія наши тоже ничего супротивъ его не составляютъ: намъ голодно, — а онъ голоднѣе насъ во сто разъ; намъ холодно, — а онъ голый подъ рогожей лежитъ!.. И стали мы ходить къ нему. «Помолись о насъ грѣшныхъ... дай совѣтъ...» И тутъ говоритъ онъ на наши глупыя мужицкія жалобы: «Вѣкъ вы свой покою не сыщете, ежели вокругъ себя искать будете... Не о землѣ, но о душѣ подумайте! Ты, говоритъ, бѣжишь жаловаться въ волость на мужа, а ты на жену; наказываютъ васъ и усмиряютъ, а лучше вамъ отъ этого не будетъ! А по-моему такъ: замѣшалось промежду васъ земное, брось, уйди отъ него; позабудь земную обиду и защиту, а припади къ Богу, у Него ищи...» Не видали мы на землѣ проку и ходили къ нему. И носили ему отъ трудовъ своихъ: кто грошикъ, кто сколько, кто и такъ. Пятнадцать годовъ училъ онъ насъ, и бывало такъ, что уйдетъ жена отъ мужняго грѣха или сынъ отъ отцовской неправды, уйдутъ въ пустыню... Ну, слаба была вѣра, ворочались обратно изъ пустыни... на лютую жизнь. Видѣлъ это мученикъ и говорилъ: «всѣхъ я васъ спасу, ежели увѣруете въ слова мои...» На шестнадцатомъ году, въ весну, полднями слышенъ былъ звонъ въ небеси... «Отхожу!» — сказалъ мученикъ. Вынулъ онъ въ ту пору изъ-подъ кожи колья кровавые и раздалъ намъ ихъ... И взялъ самъ одинъ колышекъ, вбилъ его подлѣ себя въ землю и сказалъ: «будетъ здѣсь колоколъ (стало-быть, монастырь), ну, не въ скоромъ времени, а сначала будетъ домъ общій». И померъ, ровно дитё, тихо. Тутъ и вышло, какъ онъ насъ спасъ: всѣ-то грошики, всѣ копеечки—всѣ въ яму зарыты, и набралось тѣхъ грошиковъ пятьсотъ рублей... Помня заповѣдь, стали строить домъ. Теперь онъ готовъ, въ два этажа, на двѣ половины, мужескую и женскую. Сталъ къ намъ бѣжать народъ, стали молиться о душѣ своей, и живемъ подъ Богомъ... Работаемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ кормимся... И тебя прокормимъ, да и о душѣ своей вспомнишь. Такъ-то! Вотъ мои слова.

— Охъ, надо!—сказалъ солдатъ со вздохомъ

— То-то надо! А дѣвочку мы сохранимъ въ покоѣ, въ угожденіи—потому надо намъ вѣру поднять; вотъ что: сте-

ченіе большое, надыть строить другую храмину, а безъ вѣры толку не будетъ... да опять и то сказать, случается и грѣхъ въ обители... И молитва слаба... Да! Сразу нельзя... И угодникъ, по повелѣнію его, перенесенъ нами въ обитель по осени нониче для того-жъ. Самъ онъ, батюшка, въ видѣніи объявилъ; «Скоро надыть мнѣ придти къ вамъ, укоренить вѣру... Пущай на кости и язвы мои поглядятъ и укоренятся въ молитвѣ... недаромъ я мучился...» Въ ночное время его мы, другъ любезный, приняли изъ могилы въ нетлѣніи, благоуханіе отъ него, другъ ты мой, большое, надо говорить прямо; но открывать—не открываемъ; пусть пріѣдетъ синодъ, откроетъ съ честью; такое дѣло безъ синоду дѣлать нельзя, ждемъ отвѣту, а бумага давно послана!.. Такъ-то, служба... Тебя мы прокормимъ, а дѣвочка блаженненькая — примѣръ для насъ, глупыхъ... «Вотъ какъ мучаются, ежели у Господа желаютъ получить...» Ибо, говорю тебѣ, не имѣемъ вѣры въ земное, но молитвою желаемъ заслужить на небеси...

— Да по мнѣ что̀ же? — говорилъ солдатъ. — Хоть бы какъ пробиться...

— Лучше нашего мѣста не будетъ!—тряхнувъ кудрями, произнесъ малый.—Повѣрьте!

Разсказъ и философія старика показались мнѣ нѣсколько странными: я никакъ не могъ примирить толковъ его о неусыпной молитвѣ съ веселымъ и румянымъ лицомъ молодого малаго, который, очевидно, тоже принадлежалъ къ обители. Мнѣ хотѣлось потолковать съ нимъ.

— Вы тоже въ обители?—спросилъ я у него, когда солдатъ и понурый мужичокъ вышли изъ номера, ибо солдатъ потребовалъ «по грѣхамъ» могорыча.

— Какъ же-съ, слава Богу, второй годъ... Живемъ — лучше не надо... ну, молитва, по совѣсти сказать, слаба...

— Слаба?

— Дюже слаба! И очень плоховатое моленіе!

— Почему же?

— Да изволите видѣть, какъ вамъ сказать... Первое дѣло, по книжной части слабы, путаемся кое-какъ. Ну, другое опять... Я вамъ про себя скажу. Убёгъ я къ нимъ отъ отчима... Бѣдность и мученіе отъ него—страсть! Убёгъ я, думаю: «отдамъ душу Богу!..» И другой этакъ-то, и третій, и женскій полъ... Собрались мы такъ-то, да какъ взялись работать не на себя, а на обитель — анъ у насъ страсть что̀ всего: пищу имѣемъ хорошую, всего много; кто въ

дому нуждался, въ обители все есть — на!.. И блудъ-съ! — прошепталъ малый, прищуриваясь: — вѣрно-съ! Младенцы даже появились... Ничего не сдѣлаешь!.. Молитва-то поослабѣла... Иванъ Ѳедосеичъ, старичокъ-то, они главные у насъ. серчаютъ! «Вы, говоритъ, все больше о мамонѣ...» А по совѣсти сказать, придешь съ работы, поужинаешь, прямо на печь... Ну, и грѣхъ! И бабы-съ! Которая отъ мужа ушла, сейчасъ она ужъ... а не то чтобы мученію себя предать... Ну, Иванъ Ѳедосеичъ и серчаютъ... «Надо вѣру поднять... Слаба молитва». Чудаки они! — робко улыбнулся малый. — А что житье—лучше не надо!

— Зачѣмъ же вы вырыли Мирона?

— По той причинѣ-съ, что мірское насъ оченно обуяло-съ... Стали душу забывать, Иванъ Ѳедосеичъ объясняютъ... Оно и точно грѣхъ... Вотъ извольте поглядѣть, каковъ полушубокъ?

Полушубокъ былъ отличный, романовскій.

— Обительскій... Сапоги теперича, шапка—все обительскіе... Ежели-бъ своей силой, ни во вѣкъ не сбился бы завесть, а тутъ у всѣхъ... Потому, что̀ выработаемъ, все несемъ на всѣхъ. Полушубки-то завели, а душу-то позапамятовали! Вотъ и вырыли-съ... А то на Илью одинъ нашъ обительскій подгулялъ, высунулъ голову въ окно, да и кричитъ народу: «нашъ-то Богъ получше вашего... вотъ что̀!» ну, а вѣдь это не ладно... потому зависть... Которые нашей вѣрѣ не передались, страсть какъ завидуютъ. Такъ-то...

На разспросы мои молодой малый съ удовольствіемъ сообщилъ, что, положивъ посвятить жизнь дѣлу небесному, они тѣмъ не менѣе кое-что удѣляютъ и земному, то-есть исправно взносятъ, что̀ слѣдуетъ, и начальство покуда ихъ не трогаетъ,—тѣмъ болѣе, что многіе изъ деревенскихъ начальниковъ сами «передались» въ ихъ вѣру и отдали на построеніе обители свое имущество. Приходскій батюшка не разъ грозилъ имъ Сибирью, но покуда что̀, а не слыхать, «и не будетъ этого,—сказалъ малый увѣренно:—потому что бумага послана прямо къ митрополиту». Къ бумагѣ приложенъ акаѳистъ и житіе Мирона, написанные дьячкомъ и волостнымъ писаремъ, «то-есть ахъ, какъ!» Писарь бросилъ жену, мѣщанку нехорошаго поведенія, и уже передался намъ, а дьячокъ все ходитъ къ намъ, попиваетъ меды и брагу, жалуется на свою участь и поговариваетъ: «аль мнѣ передаться въ измѣну?» Вообще оказывалось, что спасеніе души покуда ничѣмъ не стѣсняется;

что житье, слава Богу, сытное; что недостаетъ только настоящей вѣры да иноческаго сану и всего «чину». Всего любопытнѣе было мнѣ видѣть, какъ сытное житье и спасеніе души, хорошіе полушубки и загробныя услады, путаясь въ воображеніи малаго, невольно выдавали его симпатіи, склонявшіяся главнымъ образомъ къ полушубкамъ, къ довольству и сытному житью... Во всей этой исторіи мнѣ было весело видѣть, что неудобства будничной жизни хотя смутно, но цѣнятся, и хотя темными путями, черезъ гроба, загробную жизнь, самоумерщвленіе и самоистязаніе, все-таки выводятъ по временамъ къ тому, что̀ дѣйствительно нужно народу и безъ чего онъ рабъ и нищій.

— Баринъ!—прервалъ мои размышленія молодой малый.— А что̀ я вамъ скажу...

Онъ подсѣлъ ко мнѣ и шопотомъ, почти надъ самымъ ухомъ, проговорилъ:

— А ну-ко, ваше благородіе, да обманъ все это?

— Что̀ такое обманъ?

— Да это, Миронъ-то? Третью недѣлю мы его въ обители держимъ, а вѣдь, по совѣсти сказать, благоуханія нѣту!

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на его какъ бы оробѣвшее лицо.

— Что̀ вы скажете? Покуда изъ синоду бумаги не будетъ, открывать его не посмѣемъ, а что попробовала у насъ одна бабочка секретомъ туда заглянуть, говоритъ: «одна земля, все обманъ! не вѣрьте!..» Вотъ что̀ поговариваютъ-то! Какъ бы, пожалуй, наше дѣло не вышло дрянь!..

Малый весьма озабоченно тряхнулъ головой.

— Какъ дрянь? — сказалъ я. — Да вѣдь вамъ хорошо жить? Ты самъ говоришь, что никто изъ васъ такъ хорошо не жилъ дома, какъ здѣсь?

— Разговору нѣту объ этомъ!

— Такъ, стало-быть, сто̀итъ попрежнему только работать дружно!

— Тогда-то?—перебилъ меня малый.—Нѣтъ, не будетъ! Разбѣжимся всѣ... Н-нѣтъ, баринъ! За угодникомъ шли, за нимъ покой имѣли... Полагали, какъ предстатель... да вдругъ обманъ? Стало-быть... что̀ же?.. Коль великъ мой грѣхъ? Правда-то, стало-быть, не наша!—вотъ что̀ я скажу!.. Да лучше я, какъ собака... Да я тады самъ передамся начальству... У-уй-ду-у!.. То-есть убѣгу, повинюсь. «Какъ угодно... безъ пощады!..» У-уй-ду-у!

Въ недоумѣніи слушалъ я эти слова молодого парня

Довольно долго говорилъ онъ о душѣ, о пшеничной мукѣ, о язвахъ, видѣніяхъ, предсказаніяхъ, добрыхъ обительскихъ дѣвкахъ; но все это не уничтожило во мнѣ ощущенія, похожаго на ощущеніе отъ удара обухомъ. Подъ вліяніемъ этого ощущенія я не помню, какъ подошли старикъ и солдатъ, что̀ они тутъ еще толковали. Было во всемъ что-то такое, что̀ дѣйствовало на душу весьма утомительно. Я посидѣлъ немного, потомъ простился съ компаніей и, получивъ отъ малаго приглашеніе «побывать въ обители», съ увѣреніемъ, что «угощеніе выставимъ настоящее», ушелъ.

13.

Былъ девятый часъ вечера и темно; движеніе на улицахъ совершенно почти прекратилось, только лаяли собаки, охраняя наглухо запертую и мертвую тоску, да звонкими голосами визжали пѣсню двѣ мѣщанки, идя вдоль улицы и, повидимому, тщетно разыскивая хотя самаго ничтожнаго развлеченія. Нужно было торопиться къ Ивану Николаичу. Но я еще забѣжалъ къ матери и сестрѣ — узнать о нихъ что-нибудь.

Войдя въ кухню матушкиной квартиры, я услыхалъ чей-то басистый, раскатистый, какъ у дьяконовъ, голосъ. Это былъ Ермаковъ. Онъ былъ трезвъ, кротокъ и даже стыдливъ, чему много способствовалъ его костюмъ, который хотя и былъ приведенъ въ возможный порядокъ, но рѣшительно не могъ поддержать благоприличія, овладѣвшаго хозяиномъ. Матушка и сестра, напротивъ того, казалось, утратили значительную долю сдержанности и наружнаго спокойствія, сдѣлавшихся для нихъ крайнею необходимостью. Матушка какъ-то похудѣла, и черный чепецъ ея какъ будто увеличился въ размѣрахъ.

— Ахъ, Вася, Вася!.. — заговорила она, качая этимъ чепцомъ. — Что̀ ты намъ надѣлалъ, голубчикъ мой!.. Ахъ, Вася!..

Руки ея выронили чулокъ на худыя колѣни, и голова упала на грудь какъ бы отъ долгой усталости.

— И зачѣмъ только ты про какого-то сочинителя съ Семеномъ Андреичемъ поспорилъ! Ахъ, Боже мой! Пойдемъ мы по всѣ по міру... всѣ съ сумой. Ахъ, голубчикъ ты мой!..

Мысль о неизбѣжности пойти по міру, должно-быть, долго угнетала матушку и была обсуждена ею крѣпко и основательно, потому что, высказавъ ее мнѣ прямо и безъ обиняковъ, она крѣпко вздохнула. Это немного облегчило ее,

она могла изложить тайну погибели отъ «какого-то сочинителя» болѣе спокойно и послѣдовательно.

— Не сердись ты на меня, Христа ради... вся я издрожалась, измучилась, истряслась за это время... Не могу я умолчать объ этомъ. Господи Боже мой!.. Какъ же, что̀ дѣлается!.. Помнишь, ты заспорилъ съ Семеномъ Андреичемъ?..

— Помню, помню...

— Н-ну, ты сказалъ противъ него... И Гаврила Петровичъ тоже противъ него сказалъ, что, молъ, твоя правда, что не тотъ сочинитель... Какъ его?

— Будетъ о немъ! — произнесла сестра, повидимому, съ большимъ нетерпѣніемъ и, закутавшись въ платокъ, прошептала:—уйду... въ монастырь! Говорите, мамаша!

— Ну, голубчикъ... И книгу достали, тоже Гаврила Петровичъ Наденькѣ ее принесъ... Стало-быть, послушанія мы ему не оказали... Видишь, что̀ вышло? А ты знаешь, какой онъ? Сколько разъ я тебѣ говорила: Боже тебя избави заикнуться! Боже тебя сохрани!.. А ты... Ахъ, Вася, Вася!

Къ горестнымъ рѣчамъ матушки присоединились рѣчи Ермакова и сестры. Всѣ они, тоже достаточно потерпѣвшіе въ этой исторіи «о вредѣ непослушанія», множествомъ фактовъ старались разъяснить мнѣ, въ чемъ именно заключается этотъ вредъ и почему... Я узналъ, что сестра принялась-было читать оставленныя ей мною книги и очень хотѣла спросить у меня кой-о-чемъ, весьма ее интересовавшемъ, но съ этой исторіей бросила все: «не до книгъ... рвутъ, какъ собаку!»—говорила она. Узналъ я, что Ермаковъ совсѣмъ было-бросилъ шататься по кабакамъ, обрадовавшись, что нашелъ уголъ, гдѣ на него смотрятъ почеловѣчески, сталъ являться каждый вечеръ къ намъ, читать сестрѣ вслухъ, такъ какъ у Марьи Петровны грудь слабая, а онъ, Ермаковъ, радъ-радехонекъ хоть что-нибудь сдѣлать кому-нибудь. Узналъ я, что даже и штатный смотритель уже намѣренъ былъ ходатайствовать у директора о допущеніи въ преподаваніи болѣе разумныхъ учебниковъ, нежели тѣ, которые существовали, и о дозволеніи замѣнить въ уѣздномъ училищѣ предметы, неподходящіе къ положенію простыхъ классовъ, какъ, напримѣръ, рисованіе, исторія Римской имперіи и проч., изученіемъ на практикѣ башмачнаго и сапожнаго мастерства и т. д. Узналъ я множество самыхъ хорошихъ намѣреній, начинавшихъ говорить о томъ, что гдѣ-то что-то просыпается, и видѣлъ, что все это было внезапно попрано какимъ-то Семеномъ Андреичемъ, который

умѣетъ «купить дешево», любитъ тѣхъ, кто его уважаетъ,—человѣкомъ, котораго всѣ любятъ единственно за это умѣнье и ловкость въ покупкахъ. Авторитетъ, оскорбленный неожиданною встрѣчею на своемъ славномъ пути чего-то, совершенно къ дешевой покупкѣ не относящагося, забушевалъ, и громадный потокъ самодурнаго «ндрава» хлынулъ, какъ лава изъ огнедышащей горы, и потопилъ все безъ остатка... Потопилъ матушку, потому что она держитъ у себя извѣстнаго бунтовщика (меня) и, наслушавшись его совѣтовъ, якшается съ бродягами, подобными Ермакову, явившемуся при государственной реформѣ въ видѣ стельки... Потопилъ сестру, упомянувъ попечительницѣ, что, слушая бунтовщика, она хочетъ превратить дочь градского головы въ башмачницу и отзывается про дочерей Ивана Ларивоныча, извѣстнаго по бакалейной части, что якобы она обломала «всѣ ноги», покуда выучила его верзилъ-дочерей французскому кадрилю... Потопилъ Ермакова, упомянувъ нѣкоторой нетрезваго нрава дѣвкѣ, искавшей отъ Ермакова законнаго удовлетворенія съ угрозами погубить навѣкъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и начальствомъ, что ея подданный сталъ шататься «вонъ куда», чтобы она пошла и открыла барышнѣ самой все на чистоту... Штатный смотритель, узнавъ, что Ермаковъ шатается въ женское училище и пересуживаетъ о смотрителѣ, говоря, что онъ, смотритель, пьяница и что, возвращаясь съ недавнихъ крестинъ, умолялъ жителей втащить его на колокольню, дабы оттуда осмотрѣть мѣстность и такимъ образомъ отыскать свой домъ,—узнавъ это, смотритель немедленно разорвалъ бумагу о башмачномъ мастерствѣ и вычелъ у Ермакова изъ жалованья 10 рублей серебромъ за утрату казенной линейки и за разбитіе чернильницы...

Все было поглощено, задавлено, уничтожено безслѣдно.

Тамъ, гдѣ робкая мысль только чуть-чуть пробивалась на свѣтъ, тамъ, гдѣ впервые задумывались о настоящей пользѣ, начинали интересоваться первою дѣльною книгою, неожиданно появилось что-то такое, что совершенно не хочетъ имѣть никакой мысли; стали врываться пьяныя дѣвки съ криками: «не дозволю!.. у меня ребенокъ!.. не допущу этого!» «въ судъ позову... не погляжу!..» Стали вламываться благотворители и попечители, натягивая со зла бразды своей власти до невозможной степени, подобно тому, какъ кучеръ, обруганный бариномъ за то, что заснулъ на козлахъ кареты, срываетъ зло на лошадяхъ, терзая вожжами ихъ рты и что есть мочи отхлестывая кнутомъ на протяженіи пяти

улицъ. Поминутно стали слышаться восклицанія: «Позвольте узнать, на как-комъ основаніи вытребована вами губка, когда уже ассигновано было на оную еще въ 18... году?..»— «Позвольте узнать, по какому случаю обозвана моя дочь «верзилою», а?.. Да ты-то кто-о? а-а?» Вездѣ, во всемъ, не исключая и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, открылись упущенія, нерадѣніе. Обо всемъ немедленно нужно было довести до свѣдѣнія начальства, необходимо было «не потерпѣть» и т. д.

— Побираться, побираться—больше нечего! Больше нечего!—твердила матушка, не зная, что̀ придумать.—Исправникъ приходилъ, каково это! Вася! Каково это мнѣ-то?.. «Что̀ вашъ сынъ дѣлаетъ? Знаете ли, что̀ его ожидаетъ?.. Я этого не спущу!.. Я уберу его подальше...» Что̀ тутъ дѣлать?.. И зачѣмъ ты только этого сочинителя... О, Господи!

Мнѣ почему-то пришла въ голову мысль о старцѣ и о пустынѣ. Пожалуй, что онъ былъ правъ, изображая, посредствомъ забиванія кольевъ подъ кожу и язвъ, всѣ эти ужасныя муки, происходящія отъ безсмысленныхъ, но многочисленныхъ силъ, прочно и плодовито разросшихся въ темнотѣ русской жизни, разорванной ими на клочья и обезсиленной.

Я не могъ ничего посовѣтовать матушкѣ, но видѣлъ, что виноватъ—я.

— Да пригласите вы ихъ на пирогъ! Ей-Богу, хорошо будетъ!—съ полнѣйшею искренностью посовѣтовалъ Ермаковъ.—Или ужъ я брошу къ вамъ ходить, пусть онъ!.. Богъ съ нимъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказали матушка и сестра. — Нѣтъ, что̀ вы!

— Право, я готовъ! Этакія мученія переносить!

Матушка склонялась болѣе на сторону пирога, и, должно-быть, она имѣла основаніе вѣрить въ его цѣлебныя свойства, потому что, не переставая убиваться и вздыхать, стала соображать кое-что о закладѣ по этому случаю собственнаго салопа.

— Право, это очень имъ будетъ по вкусу!—укрѣплялъ ея вѣру Ермаковъ.—Слава Богу, помучился я отъ нихъ на вѣку... Знаю ихъ натуру...

Я ничего не зналъ, но невольно почувствовалъ теплую вѣру въ пирогъ.

14.

Молча ѣхали мы съ Иваномъ Николаичемъ домой. Въ головѣ стоялъ какой-то хаосъ, безотрадный и тягостный. Все видѣнное и слышанное мною представлялось мнѣ въ видѣ безпредѣльнаго пространства непроницаемой тьмы, въ глубинѣ которой непробуднымъ сномъ покоятся массы человѣческихъ существъ. Десятка два-три мухъ съ слабымъ, едва слышнымъ жужжаніемъ шныряютъ въ пространствѣ, тревожа тьму, тишину и сонъ... Мухи эти—тощія, измученныя, доведенныя до степени «ниже травы, тише воды», могущія издавать только слабое жужжаніе, которое тѣмъ не менѣе дѣлаетъ сонъ человѣческихъ существъ тревожнымъ, заставляетъ шевельнуть рукой, чтобы отогнать или открыть глаза, оглядѣться. Но рѣдкія, слабыя движенія эти немедленно прекращаются вліяніями какихъ-то, какъ сокрушительная буря, дѣйствующихъ во тьмѣ силъ, которыя мгновенно комкаютъ человѣка, какъ тряпку, вбиваютъ его въ самую землю, уничтожаютъ въ своей стихійной враждѣ всякій разъ, по крайней мѣрѣ, половину летающихъ мухъ.

Картина выходила безотрадная, и скоро я, дѣйствительно, увидѣлъ въ ней упущенія. «А пироги-то?» «А гроба-то?»—вспомнилось мнѣ. Выходило, что во тьмѣ существуетъ уже такое движеніе, такая жизнь, что люди, обитающіе въ ней, уже сумѣли изобрѣсти и средства къ умиротворенію темныхъ силъ. Оказывается, что тамъ, въ глубинѣ мрака, они угощаютъ другъ друга пирогами, думаютъ о томъ, какую именно начинку въ пирогѣ любитъ та или эта сокрушительная сила, перетаскиваютъ какіе-то гроба и кое-какъ чего-то добиваются,—стало-быть, живутъ.

Это соображеніе перенесло меня отъ отвлеченныхъ разсужденій о видѣнномъ и слышанномъ къ самымъ фактамъ. Мнѣ пришло въ голову, что, дѣйствуя посредствомъ пирога, матушка хотя и достигнетъ, быть-можетъ, успокоенія и убѣдитъ, пожалуй, послѣ продолжительнѣйшихъ стараній даже Семена Андреича въ томъ, что «это дѣйствительно не тотъ сочинитель, и что вообще Семенъ Андреичъ правъ», и сестра, быть-можетъ, очнется отъ ужаса и снова черезъ много лѣтъ будетъ имѣть возможность заявить о пользѣ башмачнаго мастерства; но кто поручится, что дѣйствіе пирога не будетъ вновь внезапно разрушено налетомъ какой-нибудь другой, тоже разгуливающей во тьмѣ силы, которую будетъ олицетворять не «ндравъ» Семена Андреича, а ка-

кое-нибудь другое, не менѣе вѣское и прочное русское свойство.

Вниманіе мое остановилъ также и прощоновскій гробъ. «Неужели, — думалось мнѣ:—такая простая мысль, какъ мысль о томъ, что всякій голопятый прощоновецъ не только имѣетъ право на полученіе теплаго полушубка, но даже обязанъ его получить уже потому, что родился человѣкомъ, а не пѣтухомъ и не собакой, которые, какъ извѣстно, получаютъ, что имъ «слѣдуетъ», въ исправности, неужели такая простая мысль должна укрѣпляться на пятнадцатилѣтнемъ созерцаніи кольевъ, на устремленіи взора въ неизвѣстное будущее загробное дѣяніе, связывать себя съ гробами, могилами, плестись путями окольными, не сознавая себя правою и рискуя быть мгновенно подавленной, чтобы уже не воскреснуть, или воскреснуть, но съ мыслью о вредѣ теплыхъ полушубковъ, съ необходимостью вновь предаться «землѣ», которая на сей разъ можетъ рекомендовать только остроги, тюрьмы, Сибири, каторги и тому подобныя вещи? Неужели мысль эта не можетъ быть осуществима болѣе простымъ и прямымъ путемъ, болѣе краткимъ и здравымъ сужденіемъ, которое бы объяснило разницу между загробной жизнью и полушубкомъ? Неужели на землѣ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ возможности провозгласить открыто, очистивъ отъ могильной тьмы, о законности желанія сытости и тепла?

Соображенія эти передалъ я Ивану Николаичу, который тотчасъ же согласился, что въ данномъ случаѣ идти въ Сибирь за гробокопательство, въ сущности, заботясь только о полушубкѣ, вещь—не резонная и больше... недоразумѣніе.

Формулируя наши соображенія, мы пришли къ тому окончательному заключенію, что Ивану Николаичу, какъ человѣку, не покидающему намѣренія быть гласнымъ въ нѣкоторомъ «земномъ» явленіи, именуемомъ земствомъ, не будетъ предосудительнымъ потребовать отъ лица своихъ избирателей, во-первыхъ—хлѣба, котораго мало, и, во-вторыхъ—школъ, которыя дрожали на грошѣ, умирали съ голоду вмѣстѣ съ учителями, и которыя должны быть устроены теперь по совѣсти.

Иванъ Николаичъ высчиталъ даже и деньги и разыскалъ ихъ весьма достаточное количество.

Такъ мы доѣхали до Двурѣчекъ.

Въ классныхъ окнахъ училища свѣтился огонь, чего никогда не бывало въ эту пору. Войдя въ переднюю, я на-

шелъ какого-то чужого кучера, сидѣвшаго за самоваромъ. При появленіи моемъ онъ поднялся, поставилъ блюдечко и сказалъ:

— Вы учитель будете?

— Я...

— Ну, баринъ извинялись, что помѣстилися у васъ... Больше ночи не пробудутъ... Пріѣхали они гласныхъ выбирать... ну, въ волости имъ не подошло остановиться, дюже холодно... чистоты нѣту... всего одну ночку... Извинялся...

Я не заявилъ ни малѣйшаго протеста. Меня занимало то, что я вижу въявь наши «земныя» надежды, о которыхъ мы съ Иваномъ Николаичемъ только-что толковали такъ задушевно.

— Они не задержатъ...—продолжалъ кучеръ, слѣдуя за мною и остановившись въ дверяхъ моей комнаты.—Гласнаго они съ собой привезли,—стало-быть, духомъ оборотятъ выборы.

— Какъ гласнаго съ собою привезли? Его вѣдь выберутъ завтра мужики.

— Его и выберутъ-съ... Такъ точно.

— Почему же именно его? Можетъ, у нихъ есть свои?

Кучеръ, казалось, не понялъ.

— Да потому выберутъ, что господинъ землемѣръ завсегда при баринѣ... Онъ за барина, ну, а баринъ, само собой, за него... «Я тебя сдѣлаю...»—сами сказывали... «Ты—мнѣ, ну, и я—тебѣ...» Ну, и къ свадьбѣ дѣло подходитъ...

Кучеръ почему-то нагнулся къ моимъ калошамъ, взялъ ихъ и переставилъ за дверь.

— Сватается землемѣръ-то... Протопопову дочь беретъ,—продолжалъ онъ:—ну, оно къ свадьбѣ и лестно званіе... да-а! Ну, и тоже за барина потянетъ, въ случаѣ чего... Они духомъ оборотятъ это дѣло!—заключилъ кучеръ, видя, что я не обнаруживаю намѣренія разговаривать.

«Земныя надежды» начинали рисоваться мнѣ въ какомъ-то странномъ свѣтѣ.

Иванъ Николаичъ одинъ занималъ меня.

Рано утромъ, когда «господа», т.-е. посредникъ и землемѣръ, еще почивали, я пошелъ къ нему и объявилъ о ихъ пріѣздѣ.

— О!—сказалъ, какъ-то поблѣднѣвъ и какъ бы испугавшись чего-то, Иванъ Николаичъ.

Я навелъ снова разговоръ на предметы вчерашней дорожной бесѣды; Иванъ Николаичъ поддакивалъ, какъ-то суетясь, обирая полы руками и, повидимому, растерявшись. Однако скоро онъ одѣлся и вмѣстѣ со мной пошелъ къ волости. Здѣсь уже была толпа: кто сидѣлъ на землѣ, кто на телѣгѣ, кто «такъ» стоялъ у крыльца или у заборчика и толковалъ о своихъ дѣлахъ. Оказалось, что толпа эта ждала уже нѣсколько часовъ, жаловалась на мокроту (былъ дождь) и обнаруживала нетерпѣніе.

Иванъ Николаичъ не переставалъ волноваться и шопотомъ сказалъ мнѣ, въ отвѣтъ на мое предложеніе потолковать съ народомъ, «что надо бы, да... не вдругъ!»

Часъ или два протолклись мы на мѣстѣ. Возможность разрушить матушкинъ пирогъ, помимо темныхъ силъ, имѣющихъ разрушить его только впослѣдствіи, удерживала меня отъ вмѣшательства, которое могло уничтожить дѣло пирога въ самомъ началѣ, не принеся дѣлу полушубковъ существенной пользы. Меня не знали и слушать меня не стали бы...

Часа черезъ два старшина объявилъ, что «скоро будутъ», а теперь пошли къ барынѣ кушать чай. Чай кушали тоже не менѣе двухъ часовъ, въ теченіе которыхъ толпа промокла, осоловѣла и какъ бы задремала, поёживаясь плечами и посылая по временамъ кому-то «въ ротъ» галку, шило, муху и даже пирогъ съ кашей. Былъ въ теченіе этого времени моментъ, что Иванъ Николаичъ какъ бы что-то надумалъ, стремительно запахнувшись и кашлянувъ, какъ бы вознамѣрился что-то предпринять, но вдругъ нагнулся къ моему уху и шопотомъ разсказалъ исторію о томъ, какъ въ нѣкоторомъ уѣздѣ мужики единогласно выбрали одного гласнаго, а потомъ сами же и высѣкли его, послѣ чего присутствовать въ собраніи онъ не могъ. Оказывалось, что тамъ, гдѣ, по мнѣнію Ивана Николаича, сватевья, зятевья и шуревья оцѣпили мужичій міръ со всѣхъ сторонъ, изобрѣтены ими не хитрыя, но тѣмъ не менѣе весьма существенныя «средствія» къ устраненію отъ себя всякаго вреда, могущаго произойти отъ мужицкаго лагеря. Анекдотъ былъ, очевидно, невѣроятный; но Иванъ Николаичъ, не желая на старости лѣтъ быть высѣченнымъ, запахнувшись, попятился назадъ, хотя и надѣялся, что «подумавши хорошенько, надо бы... А вдругъ-то, братъ, нельзя!»

Наконецъ «прибыли». Все проснулось, сгрудилось у крыльца волостного правленія въ кучу и долго-долго мочило свои головы, уже не прикрытыя шапками...

— Господа!—возглашено было наконецъ съ крыльца.— Вы должны произвести выборы гласныхъ въ предстоящее земское собраніе... Конечно, я не имѣю правъ... Это—дѣло ваше... но съ своей стороны я бы полагалъ, что Леонидъ Петровичъ можетъ быть надежнымъ вашимъ представителемъ, и поэтому, кто согласенъ покончить избраніемъ Леонида Петровича, надѣвайте шапки и ступайте по домамъ! — заключилъ ораторъ внезапно и громко.

— Идемъ, ребята, по домамъ!.. — гаркнулъ старшина, какъ бы бросаясь отъ крыльца.

— Эй! ребята! По домамъ! — загудѣло въ промокшей толпѣ.

Все зашевелилось, стало надѣвать мокрыя шапки, тронулось, разбрелось и расползлось по грязи, хряская лаптями, скрипя телѣгой.

— Готово-о-о!—слышалось гдѣ-то.

— Ай будя?

— Будя-а-а!

— Шаба-ашъ!

Иванъ Николаичъ плюнулъ, крѣпко-накрѣпко запахнулся, еще плюнулъ и нахлобучилъ картузъ на самыя уши.

Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ, — «настрочилъ»-таки корреспонденцію. А скоро пришлось настрочить и другую: «Мироновская» община была предана суду».

На этомъ дневникъ оканчивается.

Внизу приписано другими чернилами:

«...Почти годъ, послѣ отъѣзда моего изъ города ***, гдѣ пришлось оставить и сестру и мать,—оставить на произволъ темныхъ силъ,—не имѣлъ я отъ нихъ такой тягостной вѣсти, какъ та, которая пришла сегодня.—«Вася! Вася!—пишетъ мнѣ сегодня сестра: — я не могу, не могу больше! Возьми меня, возьми насъ отсюда!..»

«Что мнѣ дѣлать?..»

III. НАБЛЮДЕНІЯ ОДНОГО ЛѢНТЯЯ *).

(ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О моемъ отцѣ, о порядкѣ, о моей лѣни и о прочемъ.

I.

...У воротъ нашего дома и до настоящаго времени сохранилась скамеечка, на которой по вечерамъ сиживалъ мой отецъ и бранился. Не было человѣка добрѣе его и не было такого неусыпнаго ворчуна, какъ онъ. Ворчанье и брань, сыпавшіяся изъ его устъ на самые разнородные предметы, не всегда были ясны обывателямъ подгородной слободки, гдѣ жилъ отецъ, содержа фруктовый садъ. Смыслъ рѣчей моего отца, чувствовавшаго потребность касаться предметовъ, о которыхъ отвыкъ разсуждать простонародный умъ, затемнялся собственнымъ его невѣжествомъ, необразованіемъ, водкой, непрестанной его спутницей, и нѣкоторою долею того русскаго чудачества, которое является у простого человѣка, зачуявшаго въ своей головѣ необыденный умъ. Въ виду всего этого, нетрудно понять, что отца моего вся слобода считала за тронувшагося, сумасшедшаго, чудака и пьяницу. Мнѣ, шестилѣтнему слобожанину, тоже

---

*) «Наблюденія одного лѣнтяя» (очерки провинціальной жизни) хотя по внѣшности и не имѣютъ прямой связи съ двумя предшествующими частями «Разоренья», тѣмъ не менѣе мы помѣщаемъ и ихъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ, такъ какъ люди, о которыхъ говорится въ этихъ очеркахъ, переживаютъ тѣ же самыя заботы и затрудненія, которыя сулило имъ время «разоренья» старыхъ порядковъ.

не была тогда понятна отцовская рѣчь; но, не понимая ея, я любилъ въ этой рѣчи и вообще въ разговорѣ отца его манеру, постоянная бойкость и насмѣшливость которой невольно убѣждали меня, что онъ правъ, что человѣкъ, заспорившій съ нимъ, ушелъ отъ него въ дуракахъ.

Теперь, когда мнѣ много разъ приходилось думать о моемъ дѣтствѣ, объ отцѣ, я выучился отчасти понимать его запутанныя рѣчи и нахожу, что, несмотря на разнообразіе предметовъ, которыхъ касалась эта рѣчь, и ея неизмѣнно бранный тонъ, — въ ней постоянно слышалось слово «душа», постоянно тосковалось «о душѣ», о ея погибели, о томъ, что ее забыли. Рекомендуя моего родителя, я считаю нужнымъ остановиться именно на этой общей чертѣ его ругательствъ, потому что она много значитъ для меня, потому что она выходила не изъ простой болтовни.

— Плевать я хотѣлъ на твои богатства!—кричалъ мой отецъ, сидя на лавочкѣ въ одной рубашкѣ и обращая рѣчь къ богатому сосѣду-дворнику, который вечеркомъ пришелъ посидѣть съ нимъ *такъ, просто.* — Потому, — продолжаетъ отецъ: — въ нонѣшнее время некуда мнѣ и дѣть-то его по душѣ... Видишь, что ли?

— То-то у тебя не густо, такъ ты и «не надо»! — съ ироніей бубнитъ сосѣдъ, но отецъ прерываетъ его на первомъ же словѣ:

— Дубина моздовская! Видалъ я деньги на своемъ вѣку, не твоимъ чета!.. Пропилъ я ихъ, деньги-то, нищій теперь, а давай ты мнѣ ихъ, такъ не возьму-у, да-а!.. Не надо мнѣ ихъ, потому душа не можетъ по нонѣшнему времени сдѣлать мнѣ указанія, куда ихъ дѣть. Разучилась она, душа-то наша, о себѣ... Ты вотъ что мнѣ отвѣть, — вдругъ съ большимъ ехидствомъ въ фигурѣ и голосѣ восклицаетъ отецъ:—отвѣчай, на какой рожонъ ты деньги копишь? Зачѣмъ тебѣ тыщи? Давай отвѣтъ!

— Тыщи-то?

— Д-да! Пятьдесятъ лѣтъ ты деньгу набивалъ, полсотни годовъ ты бился, можно сказать, какъ собака... Какъ ты теперича ихъ истратишь-то съ толкомъ, «по душѣ»? Отвѣчай мнѣ на это: тогда я съ тобой могу поддерживать разговоръ.

— Ахъ, ты, башка, башка! — удивляется купецъ. — Не истратить денегъ? Чай, и ты на это дѣло мастеръ былъ... Ты наживи-ко вотъ!

— Тебѣ, дубинѣ, дѣлаютъ вопросъ, такъ ты давай отвѣтъ!

Что ты хвостомъ-то вертишь? Нешто я о наживѣ говорю? Махлакъ ты этакой! Съ умомъ ли можешь ты ихъ истратить, по нонѣшнему вр-ремени!

— Проломная голова!—горячится купецъ.—Есть у тебя дѣти-то, у шишиги?

— Есть дѣти. Ну?

— Ну, и у меня есть!

— Ну?

— Что еще? Что нукаешь?.. Для дѣтей наживаю... Гвоздь каленый!

— Для дѣт-тей? — переспрашиваетъ отецъ и, ударивъ себя по колѣну, произноситъ:—Поч-чему? Почему для дѣтей?

Съ злѣйшей ироніей въ губахъ смотритъ онъ въ сторону, прислушиваясь къ отвѣту собесѣдника, и чувствуется, что у него уже есть наготовѣ вѣрнѣйшія средства разбить этотъ отвѣтъ въ пухъ и прахъ.

— Не отчитывали еще тебя?.. — трунитъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ еще, не отчитывали!—самодовольно потряхивая головой, произноситъ отецъ.—Тебя вотъ сначала отъ одури отецъ-дьяконъ отчитаетъ, тогда ужъ и меня... А ты отвѣтъ-то дай!

— Надо бы, право, надо бы тебя отчитать...

— Давай отвѣтъ на вопросъ!.. Спрячь хвостъ-то—будетъ вилять! Давай-ко отвѣтъ-то... пивной ты котелъ!

— Отвѣтъ тебѣ? —горячится купецъ, придвигаясь къ отцу.

— Д-да! Отвѣтъ! Языкъ имѣешь?

— Имѣю я языкъ, краса этакая! Им-мѣю! Отвѣтъ, что ли, тебѣ надо, Искаріоту?

— Отвѣту давай, толстомясая дуръ!

— На тебѣ отвѣтъ, купоросъ ты астраханскій, н-на! Въ лаптяхъ я пришелъ въ городъ, вахлакомъ со щепки началъ, семью имѣю, домъ имѣю, деньги им-мѣю... Зачѣмъ? Да хоть дочь я свою изъ деревенскихъ дѣвокъ выведу въ люди-и!

— За благороднаго? — быстро вставляетъ свое словечко отецъ.

— А нешто нѣтъ, харя балаганная, неужто нѣтъ?.. Заткнулъ ли я тебѣ глотку, Іудѣ? Получилъ ли ты отвѣтъ?..

— Тебѣ ли, толстомясому, заткнуть мнѣ глотку?.. Ахъ, ты, гнилое ты колесо! Разѣвай ротъ шире, я тебѣ затыкать глотку буду... Я тебѣ заткну, дубью безмозглому!.. Я-а-а!..

И дѣйствительно—мудрено было «заткнуть ротъ» моему

отцу. Быть-можетъ, частью подъ вліяніемъ желанія оправдать свое разоренье и бѣдность, онъ тотчасъ же переносилъ вопросъ о разумномъ употребленіи богатствъ на практическую почву и принимался представлять изъ тогдашнихъ нравовъ такія картины безсознательности жизни, считаемой счастливой, что, дѣйствительно, оказывалось совершенно ненужнымъ «биться» и наживать, чтобы завоевать это счастье. Купецъ Калашниковъ ужъ, кажется, богатъ, ужъ, кажется, почтенъ и награжденъ начальствомъ, а пьетъ не хуже мастерового и ѣздитъ къ слободской солдаткѣ Акулькѣ, цѣлуетъ у ней руки, тогда какъ у него есть красивая жена съ милліонами. А почему?—Душа тоскуетъ. Для нея-то у Калашникова нѣту занятія, а медали ей не нужны... А дочь дворника, имѣющая выйти за благороднаго? Что она можетъ получить взамѣнъ отцовскихъ, трудомъ нажитыхъ богатствъ? — мужа пьяницу отъ скуки, гулянье съ зѣвотой да способность спать или плакать? Кругомъ въ жизни много явленій, въ которыхъ не было видно ума-руководителя, и отецъ ими-то и донималъ собесѣдника.

Лежа подлѣ спорящихъ въ травѣ съ какимъ-нибудь щенкомъ въ рукахъ, я съ удовольствіемъ вижу, что богачу-купцу, должно-быть, плохо приходится отъ моего отца, и радъ этому. Мнѣ смѣшно видѣть, что съ каждымъ словомъ въ отпоръ моему отцу онъ злится болѣе и болѣе, говоритъ урывками, словно его бьютъ по спинѣ, лицо его дѣлается весьма глупымъ и смѣшнымъ, вообще въ немъ является сходство съ человѣкомъ, который ходитъ впотьмахъ, спотыкается, разбиваетъ себѣ лобъ и, кромѣ ругательствъ, не имѣетъ другой защиты.

— Ну, въ головы ты вылѣзешь,—кричитъ отецъ:—мундиръ на тебя, дубину, надѣнутъ, ну? — веселѣй тебѣ отъ этого?..

— А то нѣтъ?

— Медаль на тебя навѣсятъ? а дальше что?..

— Ну, другую! Ну?

— Ну, а дальше что? Надѣлъ ты, дуракъ, мундиръ, нацѣпилъ медали, послы къ тебѣ персидскіе пріѣхали, къ ослу лавочному, барана ты имъ зарѣзалъ, тысячъ десять въ утробу ты имъ всыпалъ, а потомъ что?.. Вѣдь снимешь же ты, мочалка глупая, мундиръ-то! И медали ты положишь вѣдь когда-нибудь въ сундукъ; что же для твоей дурацкой души останется? Для души-то для твоей что? Самъ про себя-то ты съ чѣмъ останешься? Отвѣчай мнѣ!

— Голова ты безмозглая! Вотъ тебѣ мой отвѣтъ.

— Самъ ты—крыса безхвостая, да не въ томъ у насъ съ тобой, съ невѣжей, разговоръ идетъ. Уши-то твои слышатъ ли мои слова? Вѣдь ты на крышу полѣзешь съ помеломъ голубей гонять! Для души-то у тебя нѣтъ ничего!.. Пузырь! Вѣдь это тебя нарочно исказили. Вѣдь это тебя нарочно пріучили, чтобы душу у тебя вынуть, а ты и не видалъ этого? Башка, башка! Говорю я тебѣ, ежели богатствъ твоихъ послы персидскіе не сожрутъ, ежели со страху ты ихъ начальству не разсуешь, да ежели дѣти твои, ослы лабазные, съ цыганками не пропьютъ, что̀ ты станешь съ ними дѣлать? Скажетъ ли что̀ тебѣ душа? Есть ли у тебя душа-то? Отвѣчай-ко мнѣ на это!

— Песъ я, что ли?—кричитъ собесѣдникъ.

— Не песъ, а пузырь! — наклоняясь къ собесѣднику, язвительно шепчетъ отецъ.—Пузырь пустой. Пе-есъ! Песъ свое дѣло знаетъ. Что̀ ему надо, онъ исполняетъ, на немъ шкура своя, а вотъ ты-то, другъ ты мой, самъ про свою душу ничего не имѣешь. Вотъ что̀, ангелочекъ мой! Что̀ мы съ тобой безъ толку оремъ? Надо говорить честно, благородно... Ругать, что ли, я тебя собрался? Велика радость! Эко собаку бѣшеную нашелъ! Не про тебя одного говорю, всѣ мы, другъ ты мой, обездушѣли!.. Всѣ!—Вотъ что̀!

Ласковый тонъ и тихій стихъ, осѣнившій отца, отнялъ у собесѣдника послѣднее средство обороны—ругательство. Онъ сидитъ, какъ ступа, изрѣдка потряхиваетъ головой и что-то бурчитъ. А отецъ, все болѣе и болѣе охватываемый серьезностью разбираемаго или, вѣрнѣе, разругиваемаго вопроса, продолжаетъ говорить все съ большей искренностью и задушевностью.

— Что̀ намъ воевать-то безъ ума? Эхъ, куманекъ дорогой. Не въ тебѣ въ одномъ души нѣту, а во всемъ народѣ ея не стало. Вотъ что̀, другъ! Видалъ ли въ горницѣ у насъ портреты родителей моихъ?

— Видалъ я твои портреты...

— Сѣденькаго старика-то помнишь, тамъ виситъ, ай нѣтъ? Ну, вотъ это, другъ сердечный, прадѣдушка мой, царство ему небесное! Вотъ у него была душа, да и своя, не заказная! Да! Не на заказъ сдѣлана, а своя! Да, другъ любезный, своя! Былъ онъ, видишь ты, раскольникъ и свой скитъ имѣлъ за Волгой, въ лѣсахъ, да и такъ, пожалуй, было, что и толкъ особенный онъ самъ отъ себя выдалъ—да-а! Что-жъ, я тебѣ скажу? Вѣдь онъ и торговалъ и деньгу

наживалъ, вѣдь и онъ, другъ ты мой, аршинничалъ, да только не по-нашему! Ты-то вотъ, не въ обиду тебѣ говорю, не знаешь, зачѣмъ деньги-то тебѣ, а онъ зналъ. Онъ, братецъ ты мой, руками въ лавкѣ, а душой въ своемъ мѣстѣ. Руками-то деньги принимаетъ, а душа-то ужъ ему указаніе даетъ. Стало-быть, онъ зналъ — что̀ зачѣмъ. Меринъ у него въ тыщу рублей, рысаки тысячные были, и это не спроста! Именно ему тысячный рысакъ былъ надобенъ, потому начальство за нимъ на тройкѣ погнало, а онъ попа-разстригу везетъ, такъ ему надо угнать отъ начальства-то. Видишь вотъ! Онъ, попъ-то, хоть и воръ, и разбойникъ, а ежели настоящую очистку ему сдѣлать, бѣглый солдатъ окажется, да душа этого требуетъ—«спасай», «не поддавайся»! Глупы ли, умны ли были старички, а какъ-никакъ умѣли жить *своей* совѣстью. А въ нонѣшнее-то время и нѣту ничего! Всѣ и разучились такъ-то жить. Да-а! Все исполняемъ, а для совѣсти-то и нѣтъ ничего! Меринъ-то вотъ у тебя будетъ тоже не дешевле, какъ тыщу, а ходу-то тебѣ съ нимъ нѣту! Да-а! Ну куда ты съ своимъ мериномъ сунешься? Посадилъ ты свою жену на него, пять молодцовъ его держатъ подъ уздцы, а выпустили они его— и некуда вамъ! И ходу-то всего вамъ съ мериномъ два вершка, только на гуляньи! Разлетѣлись вы слѣдственно какъ дураки набитые и домой тоже такими же дураками воротились. Окромѣ какъ спать, нѣту вамъ никакого интересу! Ты съ супругой съ одури-то храпѣть завалился, меринъ твой одурѣлый въ конюшнѣ жретъ не въ свою голову, и всѣ вы дуракъ на дуракѣ!

— Ты уменъ!—огрызается собесѣдникъ, замѣтивъ въ послѣднихъ словахъ отца раздраженіе.

— Я-то, братъ, уменъ!—быстро впадая въ обычный ругательный тонъ, говоритъ отецъ.—А вотъ ты-то, куманекъ, не въ большомъ умѣ, ужъ извини! Ты-то, братъ, дуракъ московскій! Какъ говорить-то мнѣ съ тобой, съ пузыремъ бычачьимъ? Ахъ, вы, идолы, идолы! Къ чему васъ, идолы, пріучили?

— Собака ты бѣшеная!—собираясь уйти отъ грѣха, бурчитъ купецъ, но отецъ не обращаетъ на него вниманія и продолжаетъ:

— И ужъ изуродовали же глупыхъ только васъ на чужую на потѣху! Ишь вѣдь, что̀ имъ въ голову-то набухали, пустозвонамъ несчастнымъ: персидскаго ему дай посла! Свинья ты, свинья! Дочь свою за благороднаго въ гробъ

желаю вбить; сыновей моихъ цыганкамъ отдать, а самъ желаю на старости лѣтъ голубей гонять да водкой увеселяться! Ахъ, вы, мордастые дураки!

— Песъ поганый!

— Ахъ, вы, черти ободранные! Ишь имъ что̀ надо, а? Пятьдесятъ лѣтъ народъ надуваетъ, аршинничаетъ, душу губитъ,—зач-чѣмъ?

— Поди ты къ шуту!

Собесѣдникъ положительно уходитъ.

— Зачѣмъ? постой, куда? Погоди, я тебѣ совѣтъ дамъ!

— Провались ты, чумовой...

— Погоди!—кричитъ отецъ, вскакивая съ лавки и какъ бы желая пуститься вдогонку. — Масла ведра три въ сундукъ-то съ деньгами вылей. Эй! Чуешь! въ бумажки его полыхни, масло-то, чтобъ не сопрѣли. Да тогда и ложись на сундукъ спать...

— У кого языкъ-то наваривалъ? Въ какой кузнѣ? — тоже кричитъ собесѣдникъ, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Тутъ у знакомаго кузнеца наваривалъ... А что̀?

— То-то онъ у тебя дюже наваренъ, языкъ-то... Много ли далъ?

— За наварку-то? Я за наварку дорого дáлъ, тысячъ съ полсотни ушло. Али хорошо?

— Провались ты пропадомъ!

— А то воротись, я бы съ тобой еще потолковалъ... Эй! сосѣдъ!

— Мошенникъ! — вопіетъ собесѣдникъ и скрывается за уголъ.

— Ай не любишь? Ха-ха-ха! — издѣвается отецъ и съ сіяющимъ побѣдою лицомъ зоветъ меня.

— Вотъ они, богачи-то...—посадивъ къ себѣ на колѣни и поглаживая мою голову, говоритъ онъ.—Ванятка! чуялъ, что-ль? Крикни ему, дураку: «эй, воротись, молъ! тятенька, молъ, тебя еще разъ-другой хорошенько наколпачитъ». Крикни ему!

Въ отцѣ, въ его рѣчахъ, въ его лицѣ столько побѣждающей правды, что, глядя на него и слушая его, едва ли можно когда-нибудь получить аппетитъ къ богатству.

II.

Жизнь моего отца вовсе не такъ бѣдна впечатлѣніями, чтобы его бѣдный, заброшенный и неразвитый умъ не полу-

чилъ потребности раздумывать вообще о жизни человѣческой и цѣнить въ ней только свободное развитіе нравственныхъ движеній души. Въ самомъ дѣлѣ, онъ недаромъ указывалъ на портреты своихъ предковъ. Прадѣдушка его, а мой пращуръ, былъ изображенъ на портретѣ (портретъ этотъ цѣлъ у насъ) масляными красками, худенькимъ старичкомъ съ живыми, внимательными глазами, съ подстриженными на лбу волосами, лѣстовкой на одной рукѣ; на затылкѣ его одѣта какая-то скуфейка, на плечахъ мужичій кафтанъ. Въ оригинальности его костюма, взгляда, съ помощью кой-какихъ свѣдѣній, разсказанныхъ отцомъ, видно, что человѣкъ жилъ, слушаясь собственныхъ убѣжденій, которыя, какъ бы ни были они нелѣпы, охватывали мельчайшія подробности личной жизни вплоть до мерина и были въ полномъ согласіи съ общественной его дѣятельностью. Худо ли, хорошо ли, но во всѣхъ и домашнихъ и общественныхъ дѣлахъ у него работала мысль, что дорого даже съ механической стороны; тутъ навѣрное была жизнь. Но «порядокъ», гонявшійся за нимъ по лѣсамъ, разорявшій его часовенки и кельи, съ цѣлью наполнить его голову болѣе здравыми понятіями, въ родѣ, напримѣръ, того, что пожары нужно заливать изъ пожарныхъ трубъ, что квартальному нужно давать дань и т. д., внѣдряя какую-нибудь изъ подобныхъ идей, уничтожалъ зародышъ самостоятельной мысли. Я весьма сожалѣю, что въ нашей портретной галлереѣ недостаетъ портрета моего прадѣда, а есть пращуръ и дѣдъ. Но если я представлю себѣ постепенное развитіе «порядка» и предположу, что «порядокъ» поработалъ во времена прадѣда въ свою пользу немало, то и тогда мнѣ будетъ отчасти понятна разница между фигурой начальника нашего рода и фигурой его ближайшаго потомка. Дѣдъ изображенъ уже не въ мужичьемъ кафтанѣ, а въ длиннополомъ нѣмецкомъ сюртукѣ, къ которому недостаетъ только цилиндра на вытянутую коломъ голову, чтобы быть вполнѣ уродомъ. Потрудитесь отыскать въ этихъ глазахъ, выглядывающихъ съ самаго верху узкаго лба, почти подъ проборомъ жирныхъ волосъ, какое-нибудь подобіе самостоятельной мысли прадѣда: ея нѣтъ и слѣда. Это—церковный староста, которому генералъ подалъ руку и осчастливилъ, или гражданинъ, съ двумя головами сахару подъ мышкой ожидающій начальника, чтобы поздравить и попросить прощенія. Для этого человѣка, по всей вѣроятности, уже коротко извѣстно, что назначеніе человѣческой

жизни—поднесеніе хлѣба-соли на блюдѣ, плошки, дани, медаль и т. д. Отцу моему, принимая въ расчетъ быстрые успѣхи прогресса, предстояла еще бо́льшая возможность превратиться въ настоящаго лавочнаго осла со спеціальной цѣлью надувать и грабить согражданъ. Но случилось такъ, что уродился или «вышелъ» онъ не въ отца, а въ прадѣда: лѣтъ съ шестнадцати стала надоѣдать ему лавочная жизнь и въ головѣ забродило Богъ вѣсть что̀. Сталъ онъ читать книжки, захотѣлось ему писать стихи, и онъ выводилъ каракули, начинавшіяся словами: «скучно, скучно, молодцу, да скучно мнѣ!» Послѣ него осталась тетрадка, гдѣ переписаны разныя стихотворенія подъ общимъ именемъ: «Скука». «Пріемлю лиру въ руки и горесть разгоняю (начинается стихотвореніе), но протяженны звуки рождаютъ горесть паки». Далѣе говорится, что даже и «млекосочны маки» болѣзни сей не уменьшаютъ. Вообще скука угнетала его, не знавшаго, за что ухватиться: отъ писанья стиховъ (грамотѣ его выучила бабка; мать, которой онъ лишился очень рано, была уже неграмотна) онъ вдругъ предавался мечтѣ поступить въ монахи, да такъ, чтобы зарыться въ землю по шею, навѣкъ, или сдѣлаться силачомъ. Пока былъ живъ отецъ, малый колобродилъ потихоньку; но по смерти отца, послѣ котораго, наравнѣ съ двумя другими братьями, получилъ наслѣдство, не вытерпѣлъ скучнаго житья и сталъ колобродить въявь. Прежде всего, какъ за самое ближайшее и общедоступное отъ скуки средство, взялся онъ за пьянство.

Началось съ того, что поѣхалъ онъ изъ города къ кому-то на свадьбу въ село Дубки, а его завезли въ Дубы; надо было зайти въ кабакъ разспросить про дорогу. А въ кабакѣ въ это время сидѣлъ дворовый человѣкъ и игралъ на флейтѣ. Черезъ полчаса отецъ уже угощалъ его, узналъ, что это и знатокъ своего дѣла и «душа», просилъ выучить на флейтѣ и готовъ былъ въ ножки ему поклониться. Недѣли двѣ дворовый человѣкъ училъ его музыкѣ, получая и угощеніе и деньги за «обученіе амбушуру» и наставляя своего питомца въ наукѣ жизни. Какъ они учились въ Нижнемъ, долго ли тамъ пробыли и что̀ дѣлали,—этого отецъ никогда порядкомъ припомнить не могъ; но уроки «амбушура» прекратились по случаю того, что отецъ сдѣлалъ въ какомъ-то трактирѣ «мордобой» половому изъ-за селянки. Половой бросился за будочникомъ, а отецъ—на пристань, откуда тотчасъ же и упалъ. Очнулся онъ близъ

какого-то монастыря. Трогательный звонъ, сзывавшій братію къ ночной молитвѣ, сильно подѣйствовалъ на его отягченную грѣхами душу; онъ не понималъ, а чуялъ, что всѣ эти отличнѣйшіе люди, съ которыми онъ безпутничалъ,— «не то», что съ ними для души сдѣлаешь немного, и пожелалъ очистить душу молитвою. Онъ вылѣзъ на берегъ, отслужилъ молебствіе и попросилъ позволенія побыть въ монастырѣ для молитвы. На другой же день онъ нашелъ отличнѣйшихъ задушевныхъ людей; принялся исполнять правило, послушаніе, сталъ поститься, пересталъ пьянствовать и желалъ принять схиму. Одинъ монахъ продавалъ-было ему за сходную цѣну вериги и предлагалъ заковать его въ нихъ на вѣки вѣковъ; но отецъ и тутъ почуялъ, что нѣтъ настоящаго, и кончилъ дѣло спасенія пьянствомъ, дракой и бѣгствомъ. Спьяну и сглупу исколесилъ онъ всю Волгу. Въ Астрахани перезнакомился съ персіанами, хотѣлъ ѣхать въ Персію, учился у нихъ ходить по выпуклой сторонѣ надутыхъ вѣтромъ парусовъ, но упалъ и разбилъ бокъ. Выздоровѣвъ, въ Персію не поѣхалъ потому только, что сошелся очень близко съ замѣчательнымъ силачомъ изъ нѣмцевъ, поднимавшимъ на одномъ пальцѣ десять пудовъ. Этотъ силачъ ограбилъ его и чуть-было не убилъ, такъ что блудный сынъ волей-неволей принужденъ былъ возвратиться въ свое отечество. Это былъ первый походъ за нравственными ощущеніями. Онъ не только не научилъ отца цѣнить лавочный рай, но, напротивъ, заставилъ еще больше призадуматься о своей беззащитной душѣ. Позанявшись торговлей съ полгода, скоро потомъ онъ снова сорвался и съ деньгами, вырученными отъ братьевъ за свою часть въ торговлѣ, отчалилъ отъ родины,—на этотъ разъ навсегда.

Дальнѣйшія скитанія моего отца продолжались болѣе двѣнадцати лѣтъ, отличаясь тою же беззаботностью мечущейся души. Пьянство, какъ самое существенное средство залить горе своего убожества, стояло, разумѣется, на первомъ планѣ, перемѣшиваясь съ самыми разнообразнѣйшими душевными привязанностями: то опять хотѣлось писать стихи, то поступить въ монахи, то сдѣлаться актеромъ. Отецъ мой всюду совался, всюду тратилъ послѣднія крохи отцовскаго наслѣдства, угощая профессіонистовъ разныхъ художествъ, шатался съ труппами, приставалъ къ хору пѣвчихъ—и пилъ, ибо, едва столкнувшись съ какою-нибудь заочно любимою профессіею, чуялъ свое невѣжество и ви-

дѣлъ ограниченность дѣла. Въ сущности, отъ этихъ скитаній отецъ вынесъ только одно практическое качество: умѣть играть на гитарѣ двѣ-три чувствительныя пьесы, отъ котерыхъ впослѣдствіи плакала матушка, да еще внѣшній отпечатокъ бродячаго человѣка. Онъ былъ небольшого роста, сухощавъ, съ довольно хорошими и добрыми глазами. Костюмъ его всегда былъ именно такой, который рекомендуетъ человѣка безъ званія и дѣла: какой-то пиджакъ съ разодранными локтями, или бешметъ, и на ногахъ опорки, а на головѣ иной разъ появляется изорваннѣйшая шапка съ краснымъ околышемъ, неизвѣстно откуда попавшаяся въ нашу сторону... Бороду онъ брилъ и волосы носилъ длинные, за ухо; я помню эти волосы — черные и съ большой сѣдиной.

Конецъ этихъ безплодныхъ скитаній, по всей вѣроятности, былъ бы для моего отца, оставшагося безъ денегъ, весьма плохимъ, если бы ему не помогъ выбраться хоть къ какому-нибудь пристанищу одинъ добрый человѣкъ. Это былъ какой-то «добрый баринъ», когда-то погуливавшій съ отцомъ. Онъ случайно встрѣтилъ отца въ Москвѣ, когда послѣдній въ отчаяніи за будущее хотѣлъ продаться въ солдаты. Баринъ взялъ его съ собою въ одну замосковную деревеньку и опредѣлилъ садовникомъ, такъ какъ отецъ совался прежде и въ это дѣло. Очутившись въ чужой сторонѣ и видя, что выхода не предвидится, да и идти некуда и не зачѣмъ, отецъ мой пріутихъ, пообдумалъ свое положеніе и занялся дѣломъ усердно, а скоро и женился на дьячковой дочери, моей будущей матери. Годъ они жили покойно, оба занимаясь садовымъ дѣломъ; но послѣ моего рожденія отецъ «заскучалъ» вновь... Въ свою сторону выѣхать было не съ чѣмъ; отецъ рѣшился переѣхать въ городъ, чтобы меня поставить «на настоящую дорогу», если не пришлось самому быть человѣкомъ. Переѣздъ совершился при помощи барина, моего дѣда-дьячка и всего имущества родителей, которое по этому случаю было распродано. Въ губернскомъ городѣ, при помощи родственника матери, служащаго въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, была отведена намъ безплатно земля въ подгородной слободѣ и выстроенъ крошечный домишко. При домѣ отецъ развелъ питомникъ фруктовыхъ деревъ, вывезенныхъ изъ деревни, и по недоразумѣнію думалъ, что онъ самъ занимается всѣмъ дѣломъ, тогда какъ съ перваго же дня нашего поселенія, съ перваго бревна, по-

ложеннаго въ основу домишка, всѣ заботы о нашемъ питьѣ и ѣдѣ всею тяжестью легли на матушку, а отецъ сталъ скучать, попивать, подумывать о томъ, что хорошо бы пробраться на Донъ («тамъ мѣста!»), и, какъ уже знаемъ, браниться.

Чужая сторона много помогла усиленію этой брани, злости и питью водки. Сторона эта не нравилась ему по многимъ причинамъ. Природа здѣшняя была не та, что на Волгѣ, гдѣ онъ привыкъ видѣть широкіе виды, богатыя мѣста. Рѣкъ большихъ тутъ не было, лѣсовъ тоже; не было тутъ расписныхъ ставенъ, пѣтуховъ и коньковъ на крестьянскихъ избахъ, не случалось слышать вновь сочиненной пѣсни, встрѣчать красной франтовитой рубахи: все было мелко, мало, бѣдно, все утихло, какъ будто умерло. Взамѣнъ всѣхъ этихъ пустяковъ царствовалъ одинъ только порядокъ, который, какъ извѣстно, въ мѣстностяхъ около Москвы вводился почти съ незапамятныхъ временъ, такъ что, когда пришлось жить здѣсь моему отцу, все уже было привинчено къ своему мѣсту прочно, туго, казалось, даже на вѣки вѣковъ. Не было людей, были «породы» чиновниковъ, купцовъ, господъ, мужиковъ. Всякая порода имѣла свои зоологическіе признаки: чиновникъ непремѣнно ходилъ сгорбившись, былъ худъ, какъ-то мокръ и кожу имѣлъ зеленую; дьяконъ непремѣнно имѣлъ басъ, священникъ— теноръ и т. д. Породы передавали эти качества изъ поколѣнія въ поколѣніе; вмѣстѣ съ ними передавалось этимъ поколѣніямъ умѣнье исполнять именно тѣ жизненныя цѣли и обязанности, которыя соотвѣтствовали той или другой породѣ. Обязанностью мужика было — ждать обиды отъ всѣхъ, говорить одно слово: «за что же?» и пить съ горя. Обязанностью чиновника—говорить мужику и другимъ сословіямъ: «нельзя!», клевать со всѣхъ крохи и пить отъ несправедливости. Баринъ обязанъ былъ баловаться и мотать деньги отъ скуки; купецъ—мошенничать и угощать. Всѣмъ даны были мѣста, отведены стойла съ перегородками, удобными лишь на то, чтобы вырвать у сосѣда изъ высоко поднятой морды клокъ сѣнца... Съ этимъ ли народомъ, не чувствовавшимъ, что у него на плечахъ есть голова, съ нимъ ли возможно было моему отцу водить компанію, дружбу? Ему ли не соскучиться съ людьми, не знавшими, что такое «бѣлый свѣтъ», тогда какъ онъ десятками лѣтъ скитаній пріученъ думать о множествѣ всевозможныхъ человѣческихъ свойствъ и отношеній. Въ этой

упрощенной сторонѣ отцу моему не съ кѣмъ было сказать слова, ибо спеціалисты по «своимъ частямъ» не могли ни слова понять въ его разсужденіяхъ и сразу стали смотрѣть на него, какъ на шута, на сумасшедшаго...

— Нѣтъ, надо, я вижу, убираться намъ отсюда!—говорилъ онъ чуть ли не съ перваго дня знакомства съ новыми городскими сосѣдями.

— Полно тебѣ чудить! Ну, куда ты уберешься?—возражала на это ему матушка. — Ишь, голова-то у тебя какая непокойная... Куда еще идти?

— На Донъ, на Донъ надо! Тамъ, братъ, ухъ, какія мѣста!

— И-и, сумасшедшій! Право, ей-Богу, съ ума сходишь...

Матушка отговаривала его съ тайной боязнью, какъ бы онъ не ушелъ въ самомъ дѣлѣ: она, наравнѣ съ другими, сама считала его отчасти чудакомъ. Но храбрившійся отецъ самъ чуялъ, что теперь ужъ ему не уйти; онъ ужъ не одинъ, у него домъ, семья; оставить все это такъ, ни за что ни про что—нельзя, и надо терпѣть. Онъ терпѣлъ и бранился.

— Ахъ, онъ неумытое рыло!—бывало, ворчитъ онъ, доставая изъ шкапа рюмку, чтобы выпить.—Собака я, что ли, что онъ меня держитъ въ сѣнцахъ, а?

— Что-жъ, тебя на диванъ, что ли, сажать?—возражала матушка.—Онъ—благородный, небось!.. Гдѣ-жъ это видано, чтобъ мужика рядомъ съ собой...

— Да я его, каналью, къ себѣ бы въ домъ не пустилъ, ежели-бъ не бѣдность. Покажи я ему ассигнацію, такъ вѣдь онъ въ ноги ко мнѣ упадетъ...

— То-то ассигнацій-то у насъ съ тобою мало...

Отецъ уклоняется отъ прямого отвѣта и все ворчитъ и бранится.

— Да будетъ тебѣ, Христа ради! — говоритъ матушка, сильно опечаленная. — Ну, что ты ворчишь? Душу только вытягиваешь...

— Свиньи они!

— Тебѣ какое дѣло? У тебя всѣ—свиньи, а ты самъ-то только водку потягиваешь... Поди-ка, послушай, никакъ кто-то стучитъ въ сѣняхъ... За твоимъ бормотаньемъ да руганьемъ и не услышишь, кто войдетъ...

Оказывается, что стучитъ родственникъ матушки, чиновникъ.

— Поди, Иванычъ, отвори ему, будетъ водку-то цѣдить-то.

— Зачѣмъ это? Кого это несетъ?

— Кириллъ Кузьмичъ идетъ... Отвори же!.. Что-жъ онъ, докуда будетъ на улицѣ-то стоять?

Но отецъ не особенно торопится.

— Кто его просилъ? Что̀ я ему за компанія?—говоритъ онъ, отирая мокрый отъ водки ротъ. — Шелъ бы въ свое стадо въ гости-то, а не ко мнѣ... Я вѣдь для него прохвостъ, чего-жъ онъ сюда?

Наконецъ, несмотря на неудовольствіе, отецъ впускаетъ гостя; но компаніи, дѣйствительно, не можетъ составить для него никакой.

Гость здоровается, усаживается и мало-по-малу заводитъ длинную матерію о начальствѣ, о неправдахъ, несправедливостяхъ, о циркулярахъ...

— А гражданская палата... во исполненіе предписанія... Какъ? а гдѣ же, говорю, циркуляръ за № три тысячи пятьсотъ сорокъ седьмымъ? Какимъ образомъ? Нѣтъ ужъ, извините, за правду, за справедливость... я никакъ не могу!

Длиннѣйшій потокъ канцелярскихъ новостей льется изъ устъ чиновника долгое время не переставая. Отецъ, на лицѣ котораго написано полное непониманіе и невниманіе къ чиновничьему монологу, поддакиваетъ изъ приличія и потягиваетъ водку, которая уже давно на столѣ. Лицо его все краснѣетъ и наливается; онъ начинаетъ кашлять, и даже въ короткихъ звукахъ поддакиванія слышно, что языкъ его ходитъ не бойко.

— Па-азвольте сказать...—вдругъ прерывая интереснѣйшее мѣсто, до котораго только-что добрался разсказъ чиновника, произноситъ отецъ. — Оставьте это!.. Сдѣлайте милость...

— Чего-съ?

— Будетъ! Оставь!.. Что̀ мелешь?

— Я дѣло разсказываю вамъ... — обиженно обороняется гость, налегая на «вамъ».

Отецъ тупо смотритъ въ землю и слабо махаетъ рукой.

— Мы твоихъ дѣлъ не понимаемъ! Не нужны они намъ! А ты такъ... свое...

— Я вамъ не угодилъ? — въ такомъ случаѣ я замолчу.

— Гов-вори!.. Я нешто... Господи помилуй!.. развѣ я про это?..

— Я замолчу!—усаживаясь молча на стулъ, произноситъ гость, совершенно обидѣвшись.

— Не надо! Не молчи!.. Утверждай твое мнѣніе! Сдѣлай одолженіе!

— Что̀ же я могу? Я говорилъ, вы не желаете...

— Оставь свою канцелярію... Вотъ объ чемъ!.. Свои слова говори!

Отецъ стучитъ пальцемъ въ столъ и пытается постучать для усиленія рѣчи ногой и въ полъ; но нога плохо слушаетъ его.

— Свои слова имѣете?

— Какія же у меня свои?

— Не имѣете?

Хмельными, неподвижными, какъ будто необыкновенно внимательными глазами отецъ смотритъ въ упоръ гостю и выжидаетъ отвѣта.

— Не имѣете... словъ?

— Авдотья Ивановна, — обращается чиновникъ къ матери:—что̀ имъ угодно?

Мать давно уже тревожится этой бесѣдой. Чувствуя, что дѣло идетъ не къ добру, она нѣсколько разъ дергала отца за рукавъ, но тотъ ничего не замѣчалъ.

— Оставь! Оставь пустое!—уговаривала она отца.—Что̀ вы, Кириллъ Кузьмичъ, на него смотрите? Кушайте, закусите, прошу покорно... Оставь ты!

— О Богѣ... можете? — продолжаетъ отецъ, придвигаясь къ гостю:—о-о Бог-гѣ?.. можете отвѣчать?..

— Что̀ же вамъ угодно знать о Богѣ?—иронически произноситъ чиновникъ.

— Какъ вы сами...

— Мнѣ кажется,—продолжаетъ въ томъ же тонѣ гость:—довольно будетъ знать и того, что мы Его должны бояться!

— Боитесь?

— Что̀ же васъ удивляетъ? Да, боюсь... а разсуждать мнѣ нѣтъ времени.

— Поч-чему? По какому случаю опасаетесь?

— Я обязанъ, какъ всякій христіанинъ, Его бояться.

— Боюсь... боюсь...—бормочетъ отецъ:—а-а чѣмъ Онъ васъ напугалъ?

— Оставьте его, Кириллъ Кузьмичъ! Кушайте, пожалуйста!—упрашивала матушка.

— Чѣмъ Онъ тебя напугалъ?—вдругъ, возвышая голосъ, повторилъ отецъ съ настойчивостью.—Чѣмъ Онъ тебя...

— Нѣтъ, ужъ извините!—поднимаясь со стула, въ гнѣвѣ произноситъ гость:—я пойду!

— Останьтесь, пожалуйста! Что̀ вы! онъ всегда такой!

— Чѣмъ Онъ тебя напугалъ? Отвѣчай мнѣ! — уже вопіетъ отецъ на всю комнату.

Чиновникъ торопится уйти, хватаетъ шапку, палку, прощается, и матушка не смѣетъ удерживать его, потому что отецъ сѣлъ на своего коня.

— Ахъ, вы, мошенники этакіе! Ахъ, вы, канальи негодные!.. Д-дѣла̀ у него! О Бо-гѣ не вр-ремя ему... Стой! Гдѣ ты тамъ, желѣзный носъ?.. Поди сюда, я тебѣ объясню... Эй!

— Скотина!—прощается желѣзный носъ и исчезаетъ.

— Что̀-о! Б-бога забылъ?.. Я тебя... Я тебя, каналья... Гдѣ палка? Я тебѣ покажу!..

Онъ хочетъ встать, но матушка не пускаетъ его. Отецъ никогда не кричалъ на мать, хотя въ ея словахъ и было къ чему прицѣпиться; онъ остается на мѣстѣ, но не перестаетъ браниться и ругаться.

— Ахъ, ты, свиная щетина! Д-дѣла̀! По карманамъ шастать, народъ пугать, а душа-то гдѣ твоя? Свинья ты скоромная!

И потомъ:

— Выѣли, выѣли изъ васъ душу! Вынули! Какъ искусно выхватили-то!—любо-два! Ахъ, такъ ловко! Ему все одно: Богъ—не Богъ, душа—не душа, ему одно свято—канцелярія! перо! Гнать ихъ отсюда, стрекулистовъ, надо... Нѣтъ, на Донъ, на Донъ иду! Провались ты пропадомъ...

— Спи-и! Колобродникъ, когда ты перестанешь! — усовѣщеваетъ его мать:—Ванюшкѣ не даешь покою.

— Ванюшка!—кричитъ отецъ.—Не ходи, братъ, въ чиновники... чуешь, что ли? Не сто̀итъ того дѣло... Ей-Богу! Всѣ они вотъ что̀—тьфу! Слышишь, что-ль?

— Да слышимъ, слышимъ!

— Не ходи, плюнь. Ну—спи!

Бормотанья идутъ шопотомъ. На другой день отецъ мраченъ и молчаливъ, пока не опохмелится и не войдетъ въ колею.

Матеріалъ ему всегда есть.

Сидимъ вечеромъ на крыльцѣ, во дворѣ, всѣ трое—отецъ, мать и я. Разговоръ идетъ кой-о-чемъ. На дворъ входитъ новое лицо — одна изъ сосѣдокъ, матушкиныхъ пріятельницъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— А я къ вамъ бѣжала... Какія дѣла-то! Какіе смѣхи! Господи!

Гостья усаживается къ намъ на крыльцо и, задыхаясь отъ смѣху, распахиваетъ платокъ, освобождая грудь для того, повидимому, чтобы съ полнымъ просторомъ разсказать про какія-то дѣла и смѣхи.

— Что̀ такое?—спрашиваетъ отецъ:—въ чемъ дѣло?

— И-и то-то смѣхъ-то, Господи! Комнату мы сдавали... Знаете?

— Ну?

— Въ прошломъ годѣ жилъ писецъ, а нонѣ Богъ послалъ генерала.

— То-то сласть-то!

— И сласть, ужъ именно сласть! Отставной этотъ, милые мои, генералъ-то. Одинокій, родни не имѣетъ и холостой. Вотъ онъ, милые мои, нанялъ комнату, переѣхалъ, сидитъ. Сидѣлъ-сидѣлъ, видно, его скука взяла, вышелъ, походилъ такъ-то. «Это что̀ же, говоритъ, бочка у васъ съ водой не накрыта?»—Отвѣчаемъ: «была, молъ, накрыта, да, вѣрно, накрышку-то взялъ кто-нибудь».—«Кто взялъ?»—«А не знаемъ».—«Какъ не знаемъ? Кто взялъ? Ты какъ смѣлъ взять крышку?» Дальше-больше, открылъ онъ противъ насъ чисто какъ битву. «Это что̀?» «Почему такъ?» «Чьи куры? Загнать! Запереть!»

— Къ командѣ пріученъ...—замѣчаетъ отецъ.

— Къ ком-мандѣ, ужъ точно! Закомандовалъ онъ насъ, просто вотъ хоть возьми да иди за будочникомъ, чтобы его уняли. Ворочаетъ съ мѣста на мѣсто — смерть наша пришла, руки всѣ обломали; пошла я къ зятю, призвала его къ себѣ, говорю: «поди ты, усовѣсти его, что̀ это такое?» Зять къ нему: «Такъ и такъ, говоритъ, сдѣлайте милость, ваше благородіе, ужъ вы это оставьте. Мы вамъ власти не давали надъ собой, и сдѣлайте милость, ужъ вы насъ не безпокойте. У насъ есть свой упокой, такъ вы ужъ тутъ... А вы наши мѣста оставьте... Даже въ случаѣ чего, мы и въ судъ... Извините!..» Обругался всякими словами, ну, однако остался...

— А-а!—съ удовольствіемъ произноситъ отецъ.—Остался? Ну-ко, что̀ онъ безъ команды-то можетъ? Ну-ко, ну!..

— Ну, остался онъ, сидѣлъ, сидѣлъ, призываетъ...—«Хочу, говоритъ, приплатить еще рубль серебромъ, только чтобы въ саду бы мнѣ въ вашемъ гулять». Посовѣтова-

лись мы, рубь взяли:—«извольте!» А мы садъ запираемъ, потому неравно зайдетъ корова или коза пожретъ фруктъ,—намъ этого нельзя. Хорошо! Пустили его мы въ садъ. Погулялъ онъ, пришелъ назадъ. И на другой день пошелъ. Идетъ оттуда:—«Червь, говоритъ, у васъ тамъ...»—«Есть, молъ:—отъ него не спасешься».—«Какъ не спасешься? Почему?..»—«Много, молъ, его...»—«Я выведу!»—«Нѣтъ ужъ, говорю, лучше вы оставьте».

— Опять его на команду потянуло!—замѣчаетъ отецъ.

— Потянуло, другъ, потянуло!.. Ну—скрылъ. Замолчалъ. На третій день и не видала я, какъ онъ туда ушелъ-то. Иду такъ-то мимо саду, вижу — замокъ изнутри виситъ. «Когда-жъ это, думаю, онъ туда пролѣзъ?» И часъ и два, все нейдетъ. Пошла я поглядѣть, ужъ нѣтъ ли какой его выдумки? — а онъ... (тутъ разсказчица задохнулась отъ смѣха)—а онъ на деревѣ, милые мои, на самой-то верхушкѣ, на этакой на страсти, на высотѣ, съ тазомъ. Сидитъ тамъ съ мочалой да моетъ дерево, ровно бы чашку чайную, либо тарелку. Замерла я такъ-то со смѣху, зову его оттуда назадъ: «что вы, говорю, господинъ генералъ, все вы намъ переломаете... такъ нельзя! Слѣзайте оттуда. Отопритеся, сдѣлайте милость! Что вы!» Нѣтъ. Ни словечка—сидитъ, притаился съ мочалой, ровно бѣлка. Собрались мы всѣ, стали стыдить. Сталъ ругаться оттуда: «Сволочь!»—и такъ и этакъ, а самъ намажетъ мочалу мыломъ да по суку и третъ... То-то смѣху-то было! То-то смѣху-то! Насилу-насилушки слѣзъ!.. Ну, мы ключъ отняли у него, потому, лазучи по сучьямъ, много онъ фруктовъ посшибалъ.

— Ну и что же? теперь-то какъ?

— Чижа учитъ воду таскать!..

Всеобщій смѣхъ.

— Ай безъ команды-то дѣться некуда вамъ? Небось, завоешь... Вотъ и генералъ!

— Ужъ генералъ! уморушка да и только!

— Д-да! Мы и въ генералахъ не были, а пожалуй-что не полѣземъ съ мочалкой на дерево. Плохо, плохо ему безъ команды-то!.. Ванятка! не ходи, братъ, въ генералы! Видишь, какъ ему пришло? Не ходи... Лучше прямо полѣзай на дерево. А то вотъ онъ все слушался-слушался, палилъ-палилъ, билъ-билъ по приказу, а себѣ-то и нѣтъ ничего! Слышишь, что ли?

— Слышу!

— То-то... Плюнь. Не ходи. Такъ чижей?

Разсказчица смѣется, тряся наклоненной головой.

— Вы бы его,—предлагаетъ отецъ:—женили бы на вашей на Ѳедорихѣ? Ей теперь годовъ семьдесятъ есть, поди?

— Болѣ, куда!

— Ну, самый разъ ему! А не то и такъ въ любовь войдутъ со скуки. Гдѣ ее взять, команду-то, — нѣту ея... Отняли. Куда-нибудь душу-то дѣть надо...

Поутихъ нашъ хохотъ надъ этимъ эпизодомъ. Отецъ скрылся на нѣсколько минутъ въ домъ и, выходя оттуда, что-то покряхтываетъ и пожевываетъ.

— Ты, что-ль, Иванычъ, давеча про любовь, что ли, говорилъ?—начинаетъ гостья, обращаясь къ нему.

— Я говорилъ. А что̀ за бѣда?

— Никакой бѣды, а ты вотъ про генерала въ шутку сказалъ, чтобы слюбились они, напримѣръ, въ шутку съ старухой... вотъ мнѣ и пришло въ голову... Бѣда съ ней, любовью-то!

— Какъ не бѣда!—насмѣшливо соглашается отецъ.—У васъ, въ вашей сторонѣ, все бѣда. Вотъ ея родственникъ (отецъ кивнулъ на мать), такъ того что̀ ни спросишь:—все «боюсь» да «боюсь»!

— Ахъ, нельзя, нельзя такъ!.. Я что̀ вспомнила. Влюбился у насъ, сударики мои, чиновникъ, вдовый и почтенный человѣкъ, въ женщину... Такъ страсть какъ измучился!.. Первымъ долгомъ, какъ тамъ они сдружились, прости Господи, вошло имъ обоимъ въ голову написать какую-то, милые мои, клятву на образѣ.

— Зачѣмъ же такъ-то?

— А ужъ не умѣю сказать. Со страху, что ли, они или какъ... И женщина-то, прости Господи, тоже, надо-быть, съ робости—прачка она—не шла безъ клятвы-то. «Напиши, говоритъ, на образѣ». Ну, чиновникъ сначала упирался, думалъ какъ-нибудь такъ, опасался, какъ бы чего не было худа... отвертѣться. Однако написалъ.

— Написалъ?

— Д-а-а! Написалъ, говоритъ, я (самъ онъ это все разсказывалъ), и обуялъ, говоритъ, меня страхъ... Такой страхъ, такой страхъ...

— Да что̀ же они, дураки, тамъ писали? Зачѣмъ?—волнуется отецъ.—Ахъ, шуты гороховые, и этого-то дѣла не сумѣютъ сладить!

— Не умѣли, не умѣли, истинное слово! Не мнѣ ихъ учить, а нѣтъ, не умѣли. «Написалъ, говоритъ, я эти са-

мыя на образѣ слова и весь испужался». И она-то, милые мои, тоже испугалась, и она-то въ испугѣ. «Что это мы, говоритъ, написали, объ какомъ дѣлѣ?..»

— Ахъ, шуты гороховые! Али своего дѣла не знаютъ?

— Дрожимъ мы, говоритъ, отъ этихъ мыслей, ровно бы вотъ сейчасъ громъ насъ обоихъ расшибетъ вдребезги. Стали они другъ дружкѣ: «Это все ты!»—«Нѣтъ, ты!» Какая тутъ любовь, а чистая одна смерть. По ночамъ, говорятъ, глазъ сомкнуть не можемъ; дѣло свое канцелярское чиновникъ совсѣмъ позабылъ, сталъ пить, стали ему мерещиться угодники и все съ угрозами. «Пойдешь, говоритъ, послѣ обѣдни прикладываться къ образамъ; къ одному приложишься, думаешь: «а вотъ этотъ осердится, что я къ нему не приложился». И къ другому приложишься, а тамъ, глядишь—третій...» Что-жъ, милые мои? Весь народъ ужъ давно изъ церкви разошелся, а онъ все по иконостасу лазаетъ. Придутъ дьячки, насилу-насилу его стащатъ оттуда.

— Ну, что-жъ съ нимъ? Утопился, что ли?

— Нѣтъ, не было этого, сохранилъ его Богъ! Пришло ему отъ этого его согрѣшенія совсѣмъ плохо. «Вижу, говоритъ, что нѣту мнѣ житья никакого, ни сна, ничего нѣту; помолился я Богу, пошелъ къ протоіерею,—говорю: «такъ и такъ, батюшка. Разрѣшите меня отъ этого. Смерть моя! Снимите съ меня клятву». Разсказалъ ему, какъ было дѣло. «Спасите», — говоритъ. Священникъ подумалъ, подумалъ...

— Уменъ, должно-быть, батюшка былъ?

— Умный, умный былъ, говорить нечего! — «Нѣтъ, говоритъ, не могу».

— Какой умный!

— Д-да! Нѣтъ, говоритъ, нельзя, не могу. Мнѣ самому за это можетъ быть дурно.

— Очень плохо!—вставляетъ отецъ:—какъ же? Бѣдовое дѣло!

— Бѣдовое, бѣдовое, другъ! «Нѣтъ, — говоритъ: — не могу». Просилъ, просилъ его чиновникъ-то, ничего не выпросилъ, такъ и ушелъ ни съ чѣмъ. Что тутъ дѣлать?

— Ну-ко?

— Совсѣмъ хоть топись—такъ пришло. И вправду ты давеча говорилъ, именно бы ему утопиться; да, счастливъ Богъ, попался ему какой-то добрый человѣкъ, монахъ, шелъ онъ изъ Іерусалима. Разузналъ это дѣло. «Я, гово-

ритъ, вамъ могу оказать пособіе». Потребовалъ онъ, милые мои, мочалку чистую-расчистую...

— Чистую?—трунитъ отецъ.

— То-есть вотъ самую что ни на есть! Потребовалъ онъ эту мочалку, налилъ святой воды, помолился и всю эту клятву и спорхнулъ съ маху съ одного. «Тутъ-то, разсказываютъ, мы дрожали, Господи!» Того и гляди, громъ расшибетъ; а какъ отмылъ монахъ-то—ну, ужъ тутъ...

— Ахъ, черти, черти!—бормочетъ отецъ.

— Прачку эту онъ сейчасъ вонъ, прочь! «Иди съ глазъ долой!»

— А она-то?

— Да и она-то рада развязаться. Ушла, рада-радехонька... «Ну, молъ, тебя и съ любовью съ твоею!» Такъ вотъ она какая любовь-то! Насилу-насилу кой-какое худенькое мѣстишко выпросилъ. Вотъ какъ!

— Ахъ, поганые!

— Вѣдь она—солдатка...—робко вставляетъ матушка.

— Такъ что же?

— Ну, а онъ—чиновникъ.

— Ну?

Отецъ такъ произноситъ это «ну», что матушка совсѣмъ сконфузилась.

— Вотъ и все. Что «ну»?—тихонько произноситъ она.

— Что-жъ, что солдатка?

— Дѣйствительно, что ему можетъ быть обидно...—желая поправить матушкину оплошность, вставляетъ разсказчица-гостья.

— Вамъ, я вижу, все обидно. Вчера вотъ о Богѣ заговорилъ—обида, про любовное дѣло—тоже. Шутъ васъ знаетъ, зачѣмъ вы только живете на свѣтѣ? Я не васъ, не васъ... Что вы? Я про этихъ, про вашихъ жителей. Ни Бога ему, ничего не надо.

— Нѣтъ! — слышу я вечеромъ, лежа въ постели: — на Донъ уйду! Уйду я отсюда... Монахъ его спасъ! отъ любви!.. Выѣли душу изъ васъ, выѣли... Нѣту ея!

— Спи, спи, Христа ради!—уговариваетъ матушка.

— Уй-ду! Уйду! то-есть вотъ только до весны!

III.

Въ планахъ на это бѣгство къ Дону прошла одна весна, другая и третья.

На Донъ отецъ не ушелъ и на четвертую весну умеръ.

Мнѣ было тогда семь лѣтъ. И хотя я не могъ вполнѣ понимать отцовскую брань, хотя эту брань, получившую болѣе опредѣленное направленіе въ городѣ, я слушалъ не болѣе трехъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе она сложила мою будущность навсегда. Мнѣ предстояло жить по смерти отца въ томъ же непріятномъ ему городѣ и пришлось бы непремѣнно попасть въ то или другое стойло, стать въ рядъ той или другой породы, пропитаться тѣми или другими «заказными» идеями. Матушка, помнившая завѣтъ отца и причину нашего переѣзда изъ деревни въ городъ, т.-е. желаніе вывести меня «на настоящую дорогу», по всей вѣроятности, не пощадила бы трудовъ (она и дѣйствительно никогда не щадила ихъ), чтобы я могъ завоевать себѣ счастье лавочнаго сидѣльца, даже купца, чиновника. Но отцовская брань въ самомъ корнѣ подорвала эти надежды. Я тысячи разъ видалъ, какъ, благодаря отцу, богачъ-купецъ оказывался дуракомъ, чиновникъ—совсѣмъ безумнымъ. Я очень хорошо помню одну минуту въ своей жизни, именно когда я вышелъ весной, послѣ долгой лихорадки, на улицу. Минута эта могла быть приготовлена только «бормотаньемъ» отца.

Направо, на высокой горѣ, стоялъ городъ, весь въ зеленыхъ садахъ; налѣво, вдали, на краю низкаго луга, гдѣ расположилась наша слобода, виднѣлась узкая полоска неширокой и неглубокой рѣчки. Я могъ бѣжать куда угодно, туда или сюда. Но фигура города—я очень помню это—какъ бы оттолкнула меня: такъ много дурного было о немъ въ рѣчахъ отца; все, что онъ ругалъ и бранилъ, все, что мнѣ вслѣдствіе этой брани было вовсе неинтересно, было тамъ, въ городѣ... Я теперь могу объяснить этотъ толчокъ, который ощутило сердце при видѣ города, тогда я просто побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ другую сторону отъ него, къ рѣкѣ. И съ этого дня будущій путь моей жизни былъ рѣшенъ.

— Эй! эй! мальчишка, упадешь въ воду!.. — окликнули меня какіе-то голоса, когда я опрометью разлетѣлся къ рѣкѣ. Я остановился.

— Купаться, что-ль, бѣжишь? Рано! Кто теперь купается?—говорилъ мнѣ какой-то сѣденькій старичокъ.

Онъ сидѣлъ съ удочкой въ рукахъ: шапка, кувшинъ, заткнутый тряпкой, и сапоги стояли подлѣ него на землѣ; самъ онъ былъ въ калошахъ и рваномъ халатѣ.

— Ты раковъ ловить прибѣжалъ?.. Такъ, что ли?—спро-

силъ меня собесѣдникъ старика, молодой, худенькій, съ грустнымъ лицомъ мѣщанинъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я обоимъ:—я такъ...

— Ты вотъ что̀, возьми-ко вотъ эту банку да нарой туда червей... Рой вонъ подъ камнемъ... Молодецъ будешь. Я, братъ, самъ тебѣ услужу...

Я съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу, выучился, какъ рыть червей, и когда доставилъ, то старичокъ сказалъ:

— Вотъ, братъ, спасибо! Садись теперь, отдыхай!

Я сѣлъ.

— Да-да! — повидимому, продолжая прерванный разговоръ, началъ старичокъ: — теперь пусть-ко они меня поищутъ... Пускай!

— Образованные!—сказалъ мѣщанинъ съ ироніей.

— Д-да! Найди-ко вотъ, куда отецъ-то необразованный ушелъ. Разыщи!.. Отецъ вѣдь дуракъ, невѣжа... Ну, и пусть!

— Мудрены больно...—прибавляетъ мѣщанинъ и вздыхаетъ.

Вздохъ этотъ, какъ оказалось впослѣдствіи, относился къ личнымъ несчастіямъ мѣщанина.

— Не такой я человѣкъ, чтобы кривить душой! — продолжаетъ старичокъ съ тѣмъ задушевнымъ волненіемъ въ голосѣ, которое показываетъ человѣка мягкаго и добраго.— Бѣдны мы?—такъ вы трудитесь! Что̀ вы за королевы? Что̀ такое: «мы благородныя»? Трудись! Тебѣ далъ Богъ умъ, а вы хвосты трепать, папироски? Нѣтъ, матушки!.. У меня, можетъ, сердце разрывается, глядючи, какъ вы мыкаетесь за разными щелкоперами, — а ужъ душу я свою соблюду. Я поработалъ, нѣту толку, Богъ съ вами! Живите однѣ!..

— Пущай попробуютъ... отвѣдаютъ!..

— Д-да. Сватался часовщикъ. Чего еще? Мало намъ! «Мужикъ, невѣжа!» Ну, какъ угодно!.. Не желаете рукъ марать, кусокъ хлѣба заслужить, живите съ благородными, пока держатъ... А грабить, да кляузничать, да пороги обивать, «дескать, помогите»,—нѣтъ, этого не будетъ! Не такой я человѣкъ! У меня отецъ въ острогѣ за правду умеръ; Богъ съ вами!.. Мнѣ отъ васъ ничего не надо... Чтобы черезъ ваше распутничанье мѣста доставать?—плевать мнѣ и на мѣста! Тьфу! Вотъ они мнѣ что̀... Буду вотъ сидѣть подъ кустомъ да рыбу ловить, ничего мнѣ не нужно... Ничего!.. Тебя какъ звать-то?—обратился старикъ ко мнѣ.

Я сказалъ.

— Буду вотъ съ Ванюшей... Ты ходи сюда. Будешь, что-ль, ходить сюда?

— Буду!

— Мы съ тобой, братъ, тутъ какъ заживемъ-то! Въ золотыхъ каретахъ пріѣзжай—не поѣдемъ... Такъ, что ли?

— Такъ.

— Уху заваримъ—держись!..

Картина была изображена старичкомъ плѣнительная.

— И отлично!—подтвердилъ мѣщанинъ.—Гдѣ тутъ кабачокъ у васъ, почтенный? Я бы мало-мальски прихватилъ.

Старичекъ указалъ и крикнулъ вслѣдъ удалявшемуся мѣщанину:

— Больше полштофа не хлопочи. Будетъ!

— Н-ну!..—протянулъ мѣщанинъ и скрылся.

Въ ожиданіи его старичокъ сидѣлъ почти молча и только изрѣдка говорилъ про себя: «И отлично, хорошо такъ-то... Плевать я хотѣлъ...» Говоря такъ, онъ не спускалъ глазъ съ поплавка, какъ будто бы именно въ немъ обрѣлъ онъ это отличное и хорошее...

— Ты приходи, смотри!—шепталъ онъ иногда и мнѣ.

Пришелъ мѣщанинъ. Выпили. Старикъ выпилъ умѣренно, поѣлъ хлѣба, перекрестился, поблагодарилъ и прилегъ на бокъ полежать. Удочку его съ удовольствіемъ держалъ я и получалъ указанія, какъ поступать съ ней. Мѣщанинъ все попивалъ по стаканчику; но лицо его было все-таки грустно. Иногда онъ про себя шепталъ: «пущай!» и выпивалъ еще стаканчикъ. Но вдругъ онъ какъ-то раскисъ и внезапно повеселѣлъ.

— Да что же мнѣ-то?—воскликнулъ онъ.—И превосходно! Сяду вотъ тутъ и буду сидѣть. Почтенный!—обратился онъ къ старичку.

— Что-жъ?—началъ тотъ.

— Ей-Богу! Что мнѣ? Куплю (чтобъ вамъ всѣмъ) удочку, залягу, знать никого не хочу! И богатое дѣло выдумалъ ты, старичокъ, пра-во! Ну, куда мнѣ теперь? Никуда я не желаю!.. Не имѣю интересу, лучше же я тутъ возьму да лягу.

— Именно, братъ, лучше!

— Именно превосходно! Про что же я-то? Изъ-за чего меня погубили? а?.. Я тебѣ вотъ что объясню... У меня живетъ старушка-маменька... (при словѣ «маменька» у мѣщанина появились слезы). Ну, Богъ съ ней! Я именно

что любилъ ее, сердцемъ, потому она мнѣ мать! Сколько она талекъ за меня господамъ переносила, чтобы меня въ ученье отдать! Господи! Слѣпенькая! Бывало, все эти тальки на столъ господамъ кладетъ, эво поскольку... и день и ночь, и день и ночь... все сидитъ, слѣпнетъ (опять слезы; мѣщанинъ замолкаетъ, утираетъ ихъ рукавомъ и потомъ продолжаетъ). Отдали господа въ ученье... На второй годъ посылаю маменькѣ денегъ... На третій хозяинъ говоритъ:—«Поѣзжай, Аркадій, въ Кіевъ... Я тебѣ довѣряю, заправляй всѣмъ. Тамъ у меня жена и дочь, держи себя аккуратно!» (мѣщанинъ плачетъ). Увидалъ я дочку-то, какъ вотъ ровно оторвалось сердце у меня... Ангелъ, одно слово, купидонъ! Какое мое было стараніе, двужильная лошадь того не сработаетъ, а я дѣлалъ, потому, видишь ты: иду я изъ лавки въ кухню, а *она* на крылечкѣ стоитъ:—«Аркадій, подойди... Держи себя аккуратно, я тебя люблю, я у родителя испрошу на бракъ согласіе...» Какъ это слышать? Такъ я какъ бѣшеный для ней готовъ былъ... Хозяинъ пишетъ: «Въ удивленіи, говоритъ, я отъ твоихъ заботъ и благодарю, и не забуду...» Ладилось мое дѣло, почтенный человѣкъ, лучше не надо бы; ужъ насчетъ дочери-то родителямъ стало извѣстно, только бы меня испытать мало-мальски, хоть еще годикъ... «Не уйдетъ, говоритъ она-то, Аркадій, наше дѣло, только крѣпись...» Хорошо ли было, али худо?

— Чего ужъ еще!

— Вотъ какъ было хорошо, вотъ какъ хорошо! (Мѣщанинъ заплакалъ и продолжалъ со слезами, которыя сыпались изъ его глазъ поминутно, несмотря на то, что онъ ихъ утиралъ:) Глядь-поглядь—несутъ письмо. Пишетъ мать:—«Стара я, слаба стала, старушка. Одна-одинешенька, нѣту у меня ни роду ни племени, одинъ ты у меня! пріѣзжай ко мнѣ, утѣшь. Я тебя хочу женить и невѣсту нашла...» Послалъ я маменькѣ денегъ сто цѣлковыхъ:—«Маменька, говорю, помню я, какъ вы изъ-за меня тальки носили, по гробъ я этого не забуду; теперь же идетъ мнѣ счастье въ руки, повремените годикъ, будетъ у васъ дочь хорошая». Идетъ отвѣтъ: «Стара я стала совсѣмъ, году не прожить мнѣ никакъ, и оправданія твоего мнѣ не дождаться. Мнѣ скучно одной, не съ кѣмъ въ церковь сходить; чаю, говоритъ, не съ кѣмъ напиться... Я изъ-за тебя ослѣпла, а ты и то мнѣ утѣшенія сдѣлать не хочешь! Пріѣзжай, по крайности, я хошь обняла бы тебя...»—«Маменька! Что вы

меня изнуряете?—пишу ей:—вотъ вамъ, посылаю еще сто цѣлковыхъ, съѣздите къ Троицѣ-Сергію, али ко мнѣ въ Кіевъ, поклонитесь мощамъ, успокойтесь; не тревожьте меня малое время; какая невѣста у васъ—я ея не знаю: за что вы меня желаете вогнать въ гробъ?» Идетъ отвѣтъ: «Просила я тебя, сынъ мой, чтобы ты пріѣхалъ, оставилъ бы свои дѣла для родной матери... Ты и того не хочешь; я—старая старушка, слабая, куда мнѣ трепаться? Мнѣ передъ смертью на тебя порадоваться съ женой; невѣсту я тебѣ нашла, хочу я тебя обнять, не слушалъ ты меня, изъ-за своего, говоритъ, самодержавія, что ты все удерживаешь себя въ Кіевѣ, то принуждена я, старушка, вытребовать тебя (мѣщанинъ залился слезами) по эт-тапу».

— Ка-акъ?

— По этапу, говоритъ, желаю я тебя... то-есть обнять... Черезъ пересылочную, напримѣръ, тюрьму...

— Ловко!—сказалъ старичокъ.

Мѣщанинъ выпилъ стаканъ водки и плакалъ.

— Ну, что̀ же?—сказалъ старикъ.

— Женила, чего-жъ еще? Больше ничего, женила на истуканѣ, а я ушелъ отъ нея... Что̀ мнѣ? Узналъ я это «по этапу»,—сталъ баловаться, сталъ пить, сталъ пить... И хозяева-то стали смотрѣть какъ на пьяницу: «хорошо еще, говорятъ, что переждали...»—«Я, говоритъ *она*-то, не ждала отъ тебя, Аркадій, тако̀го неаккурату, чтобы ты сталъ пьянствовать...» Ну, что-жъ мнѣ?.. Мнѣ все одно!.. Поѣхалъ домой: «извольте, обоймите...»—Женись!—«Извольте. На комъ? На статуѣ? Извольте! Что̀ вамъ угодно!..» А теперь я ушелъ.

Мѣщанинъ махнулъ рукой.

— Эхъ, маменька!.. Люблю я васъ... Ослѣпли вы изъ-за меня... Н-н-у, Богъ съ вами! Ничего!.. Какъ-нибудь... Мнѣ теперь ничего не надо... Лягу вотъ тутъ и шабашъ!.. Больше ничего... Малютка!—адресуется мѣщанинъ ко мнѣ:—мы съ вами тутъ сдѣлаемъ дѣла̀! Именно... Вы ходите сюда... Я, братъ, отсюда—ни-ни-ни, никуда!

Выпивъ еще стакана два, мѣщанинъ ослабѣлъ. Попробовалъ-было затянуть пѣсню, но не могъ и остановился. Потомъ снялъ сапогъ, сталъ его разсматривать, стучать по немъ кулакомъ и бормотать:

— Что-жъ... Ничего! Возьму вотъ сыму... сапогъ... д-да! а потомъ надѣну... Ничего? и другой сыму... И над-дѣну... И преотлично! Плевать мнѣ на...

И заплакалъ.

Я сталъ шляться къ старичку на берегъ (мѣщанинъ не улежалъ долго и ушелъ въ Кіевъ на богомолье), и повторяю, что съ этого времени будущее мое было рѣшено. Отцовская брань пріучила меня питать инстинктивное отвращеніе къ окружающимъ нравамъ, не указывая никакихъ путей къ спасенію. Теперь, въ лицѣ старичка и мѣщанина, я встрѣтилъ людей, которые ужъ изобрѣли эти «пути» и могутъ доказать, что лучше этихъ путей другихъ нѣтъ. «Отлично» и «превосходно»—вотъ эпитеты, которые новые знакомцы прилагали къ своимъ изобрѣтеніямъ—сидѣть съ удочкой, плевать на все, лечь, или, какъ изобрѣлъ мѣщанинъ,—просто взять, снять сапогъ, потомъ надѣть, а тамъ пусть трава не растетъ.

Я попалъ такимъ образомъ въ область россійскаго протеста помощью лѣни, и благодаря симпатичности старичка, вліяніе котораго вслѣдствіе этого было весьма сильно, и самъ я сталъ въ эти ряды. Невелики были размѣры этого рода протеста. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ старика, я сталъ сходиться и съ другими чудаками того же разбора: то съ какимъ-нибудь охотникомъ до бойцовыхъ гусей или пѣтуховъ, то съ голубятниками, и вообще съ людьми, которые «отбивались отъ порядка», отвоевывали себѣ какую-нибудь мельчайшую страсть, какую-нибудь смѣшную профессію. Большею частью бывало такъ, что та или другая мелкая профессія, въ родѣ занятія голубями, была не просто страстью, любовью, а какъ бы протестомъ, въ глубинѣ ея всегда таилось что-нибудь такое, что̀ рыболова-старичка заставляло, бравшись за удочку, говорить: «Ищи вотъ меня! Я терпѣлъ довольно,—теперь вотъ буду ловить рыбу, и шабашъ!»—«Матушки мои родимыя!—кричитъ мѣщанка на всю улицу:—послѣднее разбойникъ мой платьишко заложилъ,—купилъ гуся бойцоваго!» — «Нѣтъ, ты вспомни,—отвѣчалъ тоже на всю улицу «разбойникъ», прижимая къ груди только-что купленнаго гуся:—вспомни, шельма, какъ ты меня мучила... Да! какъ вы меня съ любовникомъ въ солдаты хотѣли упечь, канальи!» Глядя на то, какъ любовно прижимаетъ этотъ человѣкъ гуся къ своей груди и съ какимъ негодованіемъ отстаиваетъ свои права на него, нельзя не видѣть, что въ этой покупкѣ не просто забава отъ-нечего-дѣлать, а протестъ. Мало-по-малу сталъ я втягиваться въ среду этихъ людей, жившихъ кое-какъ, маячившихъ жизнь помаленьку, лишь бы какъ-нибудь со-

хранить въ сердцѣ хоть одинъ уголокъ, куда бы нельзя было пролѣзть посторонней безцеремонности. Отвоевывая гуся, мѣщанинъ пріобрѣталъ пищу для мысли, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ поступать свободно, не боясь даже, что можетъ вмѣшаться будочникъ. Пріобрѣтая гуся, мѣщанинъ удовлетворялъ потребности жить не по приказу. Мнѣ хорошо было въ обществѣ этихъ чудаковъ, потому что здѣсь они смотрѣли на меня, какъ на человѣка, какъ на равнаго, и я весьма быстро пропитался идеями, господствующими среди этихъ протестантовъ. Я привыкъ тоже дорожить правами собственной мысли, отвоевывать себѣ такую дѣятельность, гдѣ бы я зналъ, что̀ и зачѣмъ дѣлаю, и чтобы въ этомъ дѣлѣ мнѣ не мѣшали, чтобы я зналъ цѣль моего дѣла.

«Науку», т.-е. ученье въ школѣ (куда меня матушка отдала и о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ) я бросилъ на первыхъ же порахъ, потому что шла она на меня не другомъ, а врагомъ, съ розгой и палкой, и давала мнѣ то, чего̀ душа моя не принимала. Я ушелъ отъ нея обиженнымъ и сталъ, подобно множеству другихъ вѣчныхъ представителей толпы, жить тоже «помаленьку», «какъ-нибудь», занимаясь чѣмъ-нибудь, лишь бы меня не трогали, лишь бы меня «не заставляли».

Такъ я прожилъ на свѣтѣ почти тринадцать лѣтъ. Какъ я провелъ эти годы, чѣмъ былъ занятъ, я положительно затрудняюсь объяснить. На языкѣ нашей стороны есть, правда, множество выраженій, опредѣляющихъ формы захолустной жизни, напримѣръ: «помаленьку», «кой-какъ», «какъ Богъ дастъ», «надо же гдѣ-нибудь умирать» и т. д. Въ качествѣ вахолустнаго жителя я охотно примѣняю эти опредѣленія и къ моей жизни. Но могу сказать положительно, что, какъ ни основательно была разработана во мнѣ лѣнь и умѣніе уйти отъ «заказного» дѣла, не было въ жизни моей минуты, когда бы я самымъ явственнымъ образомъ не чувствовалъ всей ничтожности завоеваннаго мною угла и не тосковалъ; лѣнь помогала только тому, чтобы эти тосковання не приходили ни къ какому результату, кромѣ того, что, не дѣлая ничего, не вмѣшиваясь въ дѣла, я смотрѣлъ на нихъ весьма прилежно.

Передо мной прошли разныя времена. Были времена, когда мы вмѣстѣ со старичкомъ считали лѣнь вещью, разрѣшающею всѣ затрудненія, и говорили о ней: «отлично!».

Потомъ были времена, когда явилась у меня потреб-

ность сбросить съ своихъ плечъ все старое, вновь родиться на свѣтъ самымъ сильнымъ, энергичнымъ человѣкомъ, потому что даже въ нашихъ захолустьяхъ по временамъ какъ-то неотразимо чувствовалось, что скоро жизнь закипитъ и забьетъ ключомъ отовсюду, и мнѣ останется одна могила.

Я со страхомъ видѣлъ, какъ это время надвигается на меня все ближе и ближе... «Не отъ *этого* ли мы всѣ, захолустники и мраколюбцы, пропадаемъ?»—думалось всѣмъ намъ, большимъ, малымъ и среднимъ лѣнтяямъ... И вдругъ—что же? Случилось нѣчто совершенно необыкновенное. Время это пришло, оно вотъ вокругъ меня, а я не умеръ, а напротивъ—успокоился, да и всѣ лѣнтяи, на гибель обреченные, не погибли, а повеселѣли. Какъ ни малъ уголъ, откуда я смотрю, однако же я не могу не видѣть, что среди существующаго общественнаго шума, суматохи и хлопотъ тонкой змѣей вьется тоска, разрывающая грудь безсильной злобой, передъ которой моя лѣнь—счастье. Напрасно у домашняго очага, за чайнымъ столомъ, я ищу слѣдовъ того, что составляетъ видимость новыхъ временъ. Шатріанъ могъ въ избѣ французскаго мужика отыскать слѣды государственныхъ переворотовъ въ его странѣ и на трехъ бабахъ и двухъ мужикахъ показать всю ихъ исторію; поищите же въ избѣ нашего мужика ну хоть слѣдовъ такого переворота, какъ земство,—едва ли это дѣло будетъ успѣшно... Мужикъ исполняетъ «новыя времена»; мой товарищъ, которому я завидовалъ, вѣря, что его уму и сердцу будетъ много горячей работы, тоже исполняетъ «новыя времена», а лично каждому изъ этихъ исполнителей, кажется, все равно, что новыя времена, что старыя.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ я зналъ одного чиновника (примѣры у меня захолустные), Кузьму Егорыча Груздева. Онъ тогда только-что съ отличнѣйшимъ аттестатомъ окончилъ курсъ въ семинаріи. Способности онъ имѣлъ быстрыя, позволявшія ему моментально овладѣть всѣми качествами отличнѣйшаго чиновника, такъ что не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ блистательности его карьеры, необычайно быстро достигающей сначала секретарства и любви начальства, а затѣмъ тотчасъ же собственныхъ домовъ, созидаемыхъ на неслышномъ, хотя и горькомъ негодованіи обираемыхъ мужиковъ-просителей. Все улыбалось ему.

Но при самомъ началѣ этой карьеры всѣ надежды Кузьмы Егорыча были неожиданно и мгновенно разрушены

совершенно новыми вѣяніями времени, «послѣ войны!». Ни одно изъ подававшихъ блестящія надежды качествъ Кузьмы Егорыча не оказывалось нужнымъ... «Дѣло нужно, милостивый государь, а не подшиваніе бумагъ! Слышите ли? Дѣло-съ!..»—пропагандировало начальство, уничтожившее значеніе иглы съ ниткой...—«Ты, свинья этакая,—пропагандировалъ Кузьмѣ Егорычу его товарищъ въ трактирѣ за чаемъ, гдѣ умѣли прежде шопотомъ толковать «о дѣлишкахъ»:—ты, свинья этакая, не дѣлу служишь, а лицамъ! Убирайся и пьянствуй одинъ!..» Какъ это? Зачѣмъ это все пришло? Чѣмъ онъ виноватъ?.. Кузьма Егорычъ былъ запутанъ кругомъ... Съ одной стороны слышалось: «честь нужна, честь...», съ другой—«совѣсть», «благо». Кузьма Егорычъ только повертывался, совершенно убитый, и съ умоляющими глазами лепеталъ то направо, то налѣво: «честь? Ты говоришь, честь? Ваня! Что-жъ я... голубчикъ! Совѣсть! Опять... Петръ Иванычъ, отецъ, развѣ я?.. Господи!» Но ни откуда не было ни пощады ни милосердія. На Кузьму Егорыча налетѣли такія понятія, которыя вовсе въ ходу не были: онъ былъ правъ, онъ не успѣлъ приготовиться, но его, невиннаго, затирала льдина времени. Я видѣлъ его однажды въ жалчайшемъ видѣ: онъ стоялъ въ соборѣ въ темномъ уголкѣ, положивъ кисти обѣихъ рукъ на набалдашникъ палки, и, закинувъ голову назадъ, какъ бы въ изступленіи отчаянія пѣлъ вслѣдъ за хоромъ: «конецъ приближается!..», и слезы дрожали въ его голосѣ...

Послѣ того какъ полицейскій поймалъ его на площади, куда онъ выбѣжалъ въ одномъ бѣльѣ, будучи въ бѣлой горячкѣ,—послѣ этого случая я не видалъ его до настоящаго времени.

Недавно я опять его встрѣтилъ.

Онъ только-что пріѣхалъ изъ Польши. Поглядите на него, заноетъ ли онъ теперь: «конецъ приближается». Едва ли. Онъ здоровъ, полонъ, веселъ... Онъ не терзается ничѣмъ; убѣжденія его прочны и сложились вполнѣ, напримѣръ, хоть бы по части женскаго пола: всякая женщина, дѣвушка—для него каналья и шельма. «Знаю я васъ, шельмовокъ,—говоритъ онъ при видѣ чуть не годовалой дѣвочки.—Я въ Польшѣ... Канальи!»—«Знаю я эти земства,—мошенники, канальи...» «Я вотъ тебѣ дамъ протестъ!»—«Я изъ тебя выбью литературу!—думалъ онъ, потихоньку присватываясь къ одной дѣвушкѣ, читавшей корректуру губернскихъ вѣдомостей:—

я знаю, что у тебя на умѣ-то!.. Всѣ вы шельмы...» А между тѣмъ этотъ человѣкъ дѣлаетъ одно изъ самыхъ *новыхъ* дѣлъ, отлично зная, что этому новому дѣлу нѣтъ никакой надобности быть связану съ личной жизнью. Какова же эта личная жизнь?—Дома онъ ходитъ въ одной рубашкѣ, не стыдясь никого и ничего. Онъ заплатилъ. Въ разговорахъ его чрезъ каждое слово—пять словъ непечатныхъ; прислуга улыбается на эти слова, и Кузьма Егорычъ знаетъ даже, что она довольна, потому что «всѣ они подлецы» и «заплачено». Тѣ изъ его словъ «дома», которыя можно бы печатать, относятся къ водкѣ и закускѣ; водку онъ уничтожаетъ, пользуясь правомъ полной свободы. Рожа у него, когда онъ дома, постоянно цвѣтетъ, какъ піонъ. Наѣвшись, напившись, онъ мечтаетъ жениться на «шестнадцатилѣтней», чтобы она была «совершенный ребенокъ»; а пока еще этотъ вопросъ не рѣшенъ (много еще ихъ, каналій, есть, успѣю!), Кузьма Егорычъ бесѣдуетъ въ своей квартирѣ съ привозными дамами, любезничая непечатными словами, потому что «заплачено».

Но что Кузьма Егорычъ! Кузьма Егорычъ, съ позволенія сказать, животное—и только. А вотъ вы подивитесь:

Недавно на моихъ глазахъ нѣсколько вполнѣ просвѣщенныхъ лицъ, занимающихъ въ ряду новыхъ дѣятелей видныя мѣста, приняли участіе въ дѣлѣ, достойномъ, пожалуй, только моей скучающей праздности... Было жаркое послѣобѣденное время. Дѣятели спали (спали и они, потому что дѣлать нечего), потомъ проснулись и пошли ходить другъ къ другу. Тѣхъ, которыхъ проснувшіеся заставали спящими, они стаскивали за ноги и будили, говоря: «вставайте, вставайте», не зная, впрочемъ, зачѣмъ это нужно. Спавшіе просыпались и тоже затруднялись опредѣлить—зачѣмъ они это сдѣлали. Разговаривать имъ другъ съ другомъ совершенно не о чемъ, несмотря на то, что они дѣлали цѣлое утро множество новыхъ дѣлъ. «Ну что?»—«Ничего!»—«Какъ?»—«Такъ, такъ-то». Вотъ что они со всею искренностью могли предложить другъ другу. Впрочемъ, на этотъ разъ я упустилъ изъ виду одно обстоятельство. Въ это время была война, и поэтому нѣкоторое время шелъ довольно оживленный разговоръ о коммунѣ. Могу увѣрить васъ, что всѣ эти господа, дѣйствительно, способны, развиты; они много читали, много знаютъ, много учились, но тѣмъ не менѣе, по прекращеніи газетныхъ разговоровъ, имъ оставалось или идти слушать въ саду музыку Бутырскаго полка, или за-

водить рѣчь о женскомъ полѣ, или сѣсть за карты, или наконецъ послать за бутылкой. Во время этого раздумья въ комнату, гдѣ сидѣли несчастные люди, донесся со двора голосъ хозяина дома, отца-протоіерея.

— Господа! поѣдемте со мной топить кобеля?—вопросилъ отецъ-протоіерей столь же весело, какъ и неожиданно.

Приглашеніе было кстати.

— Какого кобеля?—раздались вопросы.

— Да нашего чернаго,—старъ и, кажется, отъ жары что-то дуритъ... Какъ бы не перекусалъ... Поѣдемте, господа?.. Я со всей семьей.

— Чортъ знаетъ что̀ такое!—послышалось со всѣхъ сторонъ.—Лучше отравить... Что̀ за зрѣлище!

— Право!—продолжалъ батюшка.—Отецъ-дьяконъ ѣдетъ тоже... а?.. мы бутылочку захватимъ. Хе-хе!

— Чортъ знаетъ что̀ такое!

Могу увѣрить, что топить кобеля никто изъ этихъ господъ не имѣлъ никакого желанія; повторяю, что люди эти настолько развиты, дѣйствительно, что вполнѣ могутъ интересоваться болѣе благородными и высокими вещами, тѣмъ не менѣе кто-то изъ нихъ рѣшился произнесть:

— Что-жъ, господа?

— Право!—продолжалъ свою пѣсню батюшка:—вѣдь за городъ, въ родѣ прогулки... самоварчикъ захватимъ... Вамъ, все равно, нечего дѣлать. Собирайтесь-ка, все веселѣй.

— Вы далеко ли ѣдете?—спросилъ одинъ изъ дѣятелей батюшку (товарищъ прокурора).

— Мы далеко... Отлично на травкѣ... а? господа?

— Вы какъ же, камень, что ли, ему на шею?—съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ въ голосѣ произнесъ кто-то изъ какихъ-то вообще довольно «крупныхъ» дѣятелей.

— Да ужъ тамъ увидимъ.

— Его лучше застрѣлить!—продолжалъ дѣятель.

— Не имѣю ружья-то!

— Да я принесу свое, если хотите...—вызвался дѣятель, все-таки съ пренебреженіемъ въ голосѣ.

Нѣсколько другихъ лицъ изъ числа присутствовавшихъ тоже предлагали свое оружіе, порохъ и готовность, такъ что мало-по-малу общее мнѣніе начало склоняться въ пользу приглашенія батюшки.

— Мы вотъ какъ,—подливая масла въ огонь, говорилъ батюшка:—мы возьмемъ водки, закуски, пирогъ у насъ дѣлали, съ капустой и съ яйцами, превосходнѣйшій!

— Нѣтъ, зачѣмъ же!—откликнулись голоса:—что-жъ все вы? Мы возьмемъ водку, вы берите самоваръ... Такъ нельзя... Надо, чтобъ было поровну.

— Ну ладно... Такъ, стало-быть, маршъ?

Очевидно, что всѣ соглашались, хотя и ничего опредѣленнаго не отвѣтили.

Скоро по улицѣ ѣхали батюшкины дроги, наполненныя семействомъ и узлами съ провизіей, за ними два извозчика съ гостями; кобеля велъ на веревкѣ мужикъ среди экипажей. На перекресткѣ встрѣтились дроги съ семействомъ отца-дьякона. Весело раскланявшись, онѣ присоединились къ общей кавалькадѣ.

— Куда вы?—кричалъ съ извозчика одинъ изъ двухъ товарищей прокурора, ѣхавшій въ поѣздѣ, пробѣгавшему черезъ дорогу судебному слѣдователю.

— Я хотѣлъ тутъ по одному дѣлу...

— Въ острогъ?

— Да. А вы куда?..

— Поѣдемте! Потомъ узнаете.

— Поѣдемте, надоѣлъ мнѣ этотъ острогъ до смерти!

Слѣдователь сѣлъ на извозчика, и увеличившійся поѣздъ продолжалъ слѣдовать безостановочно. Всѣ чувствовали, что дѣлаютъ что-то глупое,—а все-таки ѣхали.

Утопили и напились.

Я бы могъ представить и не такіе примѣры скудости личной жизни дѣйствующихъ въ новыя времена лицъ, но это будетъ сдѣлано со временемъ. Лично для меня достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы оправдывать и свою лѣнь. Питать большія надежды, биться съ нуждой, быть умнымъ, честнымъ, и все для того, чтобы рано или поздно, за неприложимостью къ жизни всѣхъ этихъ качествъ, поѣхать топить кобеля,—это, какъ хотите, весьма много говоритъ въ пользу простой лѣни и ничегонедѣланія, спокойнаго сна. Мнѣ бы слѣдовало быть очень счастливымъ, глядя на эти сцены; но я знаю, что кругомъ меня не все топятъ кобелей, а порою и сами топятся и рѣжутся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія по случаю странной встрѣчи.

I.

Послѣ обѣда, часа въ три или четыре дня, слободскія улицы почти совершенно пустынны, особливо лѣтомъ. Слобожане спятъ, забившись куда-нибудь въ холодокъ, въ чуланъ, въ погребицу и ругаясь спросонка на мухъ. А проснувшіеся и уже усѣвшіеся за самоваромъ долгое время не могутъ придти въ себя, привести въ порядокъ размякшіе члены и тоже не показываются на улицу. Кое-гдѣ пищитъ ребенокъ, оретъ пѣтухъ.

Въ такую-то безлюдную пору по пустыннымъ улицамъ нашей слободы однажды шатался захожій мужикъ, повидимому, разыскивая что-то или кого-то. Полушубокъ, надѣтый на немъ, несмотря на жару, былъ разстегнутъ, въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу и постоянно вытаскивалъ изъ нея полотенце и вытиралъ имъ мокрое лицо. Потѣлъ онъ, повидимому, и отъ жары, и отъ незнакомой стороны, и даже какъ будто отъ неопредѣленности своихъ желаній. Вотъ подошелъ онъ къ дому купца Косолапова, остановился, тряхнулъ бѣлыми волосами, взялся за кольцо калитки, громыхнулъ и пошелъ прочь, потомъ опять воротился и принялся грохать кольцомъ безостановочно, разозливъ въ короткое время косолаповскую собаку до невозможности. Купецъ Косолаповъ, по всей вѣроятности, впросонкахъ спрашивалъ себя: «кто такой это долбитъ тамъ?» По всей вѣроятности, съ тѣми же вопросами обращались сами къ себѣ кучера и кухарки, лежавшіе недвижимо въ жаркихъ кухняхъ и прохладныхъ сѣнникахъ; но такъ какъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ было желаніе перелечь на другой бокъ, то захожій малый, несмотря на свое усердіе въ разозленіи собаки, принужденъ былъ выпустить изъ рукъ кольцо купеческой калитки и, выйдя на середину улицы, взывать въ пространство:

— Почтенные!.. а почтенные! Какъ бы тутъ, къ примѣру...

Всю эту исторію я съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ изъ окна нашего домика. Я, матушка, слесарь Лукьянъ и еще одинъ благородный гость,—всѣ мы сидѣли и пили чай. Лукьянъ въ это время былъ постояннымъ моимъ посѣтителемъ. Какъ попалъ ко мнѣ гость благородный, почему онъ, «пріѣзжій изъ Петербурга», разыскалъ меня въ моей тру-

щобѣ, я скажу впослѣдствіи подробно. Теперь же сообщу, что это былъ молодой мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, до краевъ наполненный цвѣтущими желаніями того времени (время тогда въ самомъ дѣлѣ было новое) и крайне удивлявшійся, или, вѣрнѣе, вполнѣ не понимавшій и какъ будто въ то же время слегка интересовавшійся моими съ Лукьяномъ разговорами, въ которыхъ ужъ ровно ничего не было относительно новаго времени, а было нѣчто захолустное, облѣнившееся и вздорное.

— У кого пѣтуха-то купилъ?—спрашивалъ Лукьянъ, дохлебнувъ съ блюдечка чай и подавая пустую чашку матушкѣ.

— У офицера,—отирая потъ со лба и придвигая къ себѣ новую, дымящуюся чашку, отвѣчалъ я.

Разговоръ у насъ былъ отрывочный, потому что мы были заняты дѣломъ чаепитія основательно. Дѣлали это дѣло мы съ удовольствіемъ, торопясь не потерять понапрасну времени, котораго намъ вовсе некуда было дѣвать. Мы опоражнивали чашки, наполняли ихъ вновь, отирали лбы и откусывали куски сахару столь же быстро и непрерывно, какъ будто нами управляла какая-то невѣдомая сила. Такъ мы привыкли.

— Имя?—спрашиваетъ Лукьянъ, словно бы собираясь куда бѣжать.

— Чье имя?

— Чье! Пѣтухово имя спрашиваю! Чудакъ!

— Какъ звать, что ли?—помогаетъ матушка, не отстающая отъ насъ въ спѣшной работѣ и накинувшая на плечи цѣлое полотенце, вмѣсто того, чтобы вытирать потъ рукавомъ, какъ Лукьянъ, или полой халата, какъ я.

— Извѣстно, имя! Чудаки вы, ей-Богу! Имя пѣтухово какъ? Есть, чай, имя-то?

— Нѣту еще...—говорю я.

— Какъ же такъ нѣту? Это почему?

— Такъ и нѣту... Не придумалъ.

— Нѣту еще!—помогаетъ мнѣ матушка. — Надо какъ-нибудь собраться.

— Извѣстно, надо. При охотѣ нельзя безъ этого... Золъ?

— И-и!—говоритъ матушка.—Чисто изуитъ!

— Ну, «Мышьякъ»! Вотъ ему—ежели золъ.

— Злой!

— Злой?

— Пѣтухъ—Боже мой!

— Ну, «Мышьякъ»... У меня былъ, я тебѣ скажу, пѣ-

тухъ, имя было ему подъ названіемъ «Ядъ», и ужъ точно— отрава!.. Ужъ, братъ, оборони Богъ! Сохрани Царица Небесная, дò мозгу!—въ восторгѣ вскрикивалъ Лукьянъ:—дò мозгу съ одного бацу прошибалъ!..

И онъ съ волненіемъ ставитъ пустую чашку.

Благородный гость, на губахъ котораго виднѣлась улыбка, внимательными и недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на насъ, иногда принимаясь хохотать, иногда спрашивая: «Ну, чтò же съ пѣтухомъ?..», иногда восклицая: «Чортъ знаетъ!..». Онъ думалъ, что теперь «все новое», а тутъ какіе-то восторги изъ-за пѣтуховъ, прошибающихъ дò мозгу... Лукьянъ на поприщѣ куриныхъ вопросовъ могъ быть положительно неистощимъ. Я, знакомый съ этими вопросами лично, могъ, слушая Лукьяна, въ то же время наблюдать и за мужикомъ, шатавшимся изъ угла въ уголъ по улицѣ. Когда положеніе его достигло полной беззащитности, и когда онъ остановился посреди улицы, молча держа руку надъ затылкомъ, я видѣлъ, что въ немъ надо принять какое-нибудь участіе, и позвалъ его.

Это былъ парень лѣтъ тридцати, съ маленькой бѣлой бородкой, кустившейся по концамъ подбородка, съ волосами, подстриженными въ кружокъ и круто вившимися на лбу, напоминая бараньи рога. Глаза у него были блѣдносѣрые, какъ будто безъ зрачковъ, и производили впечатлѣніе человѣка, помѣшаннаго на какой-то мысли, которая непрестанно удручаетъ мозгъ.

— Ты кого ищешь?—спрашивалъ я его, когда онъ подошелъ къ окну и поклонился какъ-то лбомъ.

— Человѣчка бы... къ примѣру... — задумчиво проговорилъ онъ и сталъ переминаться.—Такое дѣло... — прибавилъ онъ въ раздумьѣ.

Я думалъ, что ему неловко разговаривать на улицѣ, и сказалъ, чтобы онъ шелъ въ комнату. Онъ согласился молча; понуривъ голову, прошелъ дворъ и вошелъ въ комнату. Тутъ онъ помолился, поклонился и сталъ посреди дверей въ той же задумчивости. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, перебирая поля шляпы, такъ что я долженъ былъ опять спросить его:

— Ты кто же такой?

— Купріяновскіе...

— По дѣлу ты сюда?

— По дѣлу...

Здѣсь онъ вздохнулъ и, слегка оживившись, прибавилъ:

— То-то, другъ, по дѣлу... Отъ всего міра иду.

— Ходокъ, что ли, ты?

— Ходокъ.

— Какое же дѣло у васъ?

— То-то дѣло-то наше... Человѣчка бы надо... Чтобы въ случаѣ онъ... Дѣло-то хитро наше, братецъ ты мой!

— Да въ чемъ?

— Насчетъ земли? — спросилъ гость, сильно заинтересованный мужикомъ.

— Оно, точно, насчетъ земли... Земля-то оно земля...— потряхивая головой и какъ бы что̀ соображая, тянулъ ходокъ.—Земля—это есть; а и окромя земли въ нашемъ дѣлѣ тоже есть много всего... Вотъ я тебѣ что̀ скажу!

— Вы говорите! Вы не бойтесь!—сказалъ гость.

— Ты говори,—прибавилъ я: — можетъ-быть, мы тебѣ чѣмъ-нибудь поможемъ...

Все время какъ бы сонный ходокъ вдругъ встряхнулся и произнесъ:

— Я бы тебѣ, другъ ты мой, сказалъ вотъ какъ, эстолькаго вотъ не утаилъ бы,—да языка-то нѣту у нашего брата... Вотъ что̀ я скажу! будто какъ по мыслямъ-то и выходитъ, а съ языка-то не слѣзаетъ. То-то и горе наше дурацкое!

Мы попросили его сѣсть.

— Объ чемъ же бьемся-то? Объ эфтомъ, другъ! — присѣвъ на стулъ, продолжалъ онъ; голосъ его дрожалъ отъ искренняго, глубокаго сожалѣнія о невозможности овладѣть и въ полной ясности представить намъ гнетущія его голову мысли.—Другъ ты мой! Суди самъ! Міръ далъ денегъ на походъ, надежду на меня имѣетъ, а что̀ я? То-то Богъ-то насъ убилъ!.. Мнѣ, другъ ты мой, копейку теперь мірскую проѣсть, и то я ее тронуть боюсь,—я третій день, можетъ, не ѣлъ, не пилъ, только-что хлѣба вѣсовова покушалъ съ полфунта... Какъ ее тронуть!

Ходокъ говорилъ все это съ глубокой грустью. Положеніе его, дѣйствительно, было ужасное; по искреннему, задушевному голосу его можно было видѣть, что, помимо мірского желанія, онъ самъ былъ глубоко пораженъ какими-то мыслями, съ желѣзною энергіей готовъ былъ стоять за нихъ, но голова не можетъ справиться съ огромностью лежащей на немъ задачи такъ, какъ бы слѣдовало въ данномъ случаѣ.

— Да нѣтъ, нѣту. Ничего не подѣлаешь!—сказалъ онъ безсильно.

— Какъ ничего?—придвигаясь со стуломъ къ ходоку и желая помочь ему выбраться на дорогу, сказалъ гость.— Ты вѣдь говорилъ, что изъ-за земли у васъ дѣло?

Желаніе моего гостя было имъ понято, онъ нѣсколько оживился и сталъ отвѣчать какъ-то вопросительно, прилежно прислушиваясь къ вопросу.

— Ну, изъ земли...

— Плохой надѣлъ, что ли?

— Нѣтъ, ничего... Надѣлъ, то часть особая. А изъ чего взялось-то это, ты вотъ что̀ скажи!

— Что̀ такое взялось?

— Да все наше недовольствіе!

— Гдѣ же, у кого?

— Въ нашихъ мѣстахъ... тамъ... Почему? Земля: такъ— одно дѣло. А почему?

— Да что̀ же? въ чемъ дѣло... что̀—почему?

Ходокъ помолчалъ и проговорилъ тихо:

— А душа? какъ ты объ этомъ?

— Ну?—спросили мы оба, я и гость.

— Ну? Больше ничего.—Мы замолчали.—Есть ли у человѣка душа? Ее оставить нельзя... Эхъ! Ивану бы Митричу самому бы въ ходоки-то идтить... Что̀ я?

— Кто этотъ Иванъ Дмитричъ?

— Старичокъ нашъ... вотъ ему такъ дано отъ Бога! Что̀ только у него ума, и-и!.. Ужъ онъ такъ разсказалъ бы... д-да!

Признаюсь, мы ничего не понимали и сидѣли молча, потому что и ходокъ тоже молчалъ.

— Гов-ворилъ онъ этта...—какъ бы смутно что-то припоминая и пристально приглядываясь къ чему-то, съ разстановкой началъ ходокъ: — говорилъ онъ этта: «Что̀ есть человѣкъ?»

— Какъ что̀?

— Да! Что̀ такое?

Мы не могли отвѣчать.

— Прахъ! Больше ничего. Такъ, что ли?

— Ну, прахъ...—отвѣтили мы.—Ну?

— Ну вотъ! Мнѣ бы съ головой-то разобраться, а то я тебѣ объясню, погоди. Поведемъ дѣло по порядку. Сталобыть, прахъ—разъ...

Ходокъ загнулъ одинъ палецъ на рукѣ.

— Разъ...—повторилъ онъ.—Ладно. А земля? По-твоему, земля что̀ будетъ?

Мы не знали, что̀ сказать.

— Опять же прахъ!—радостно сказалъ ходокъ. — Видѣлъ? И земля, стало-быть, тоже прахъ, — вотъ и два! Теперь гляди...

Ходокъ остановился.

— Гляди теперь... Ежели я, къ примѣру, пойду въ землю, потому я изъ земли вышелъ, изъ земли. Ежели я пойду въ землю, напримѣръ, обратно, какимъ же, стало-быть, родомъ можно съ меня брать выкупныя за землю?

— А-а!—радостно произнесли мы.

— Погоди! Тутъ надо еще бы слово... Видите, господа, какъ надо-то.

Ходокъ поднялся и сталъ посреди комнаты, приготовляясь отложить на рукѣ еще одинъ палецъ.

— Тутъ самаго настоящаго-то еще нисколько не сказано! А вотъ какъ надо: почему, напримѣръ...—Но здѣсь онъ остановился и живо произнесъ: — Душу кто тебѣ далъ?

— Богъ.

— Вѣрно! Хорошо!.. Теперь гляди сюда...

Мы было-приготовились «глядѣть»; но ходокъ снова запнулся, потерялъ энергію и, ударивъ руками о бедра, почти въ отчаяніи воскликнулъ:

— Нѣту! Ничего не сдѣлаешь! Все не туды... Ахъ, Боже мой! Да тутъ, я тебѣ скажу, нешто столько! Тутъ надо говорить вона откудова! Тутъ о душѣ-то надо—эво сколько! Нѣтъ, нѣту!

— Да ты припомни, пожалуйста, просто, покойно.

— Да нѣтъ, нѣту! Ивану бы Митричу надо это. Говорилъ я старичку: «потрудись, пойди за міръ, постой...» Н-ну!.. да и старъ, да и дома надобенъ... Нѣтъ, тутъ нешто такъ надо-то? Э-эхъ, господа!

Ходокъ намѣревался уходить.

— Куда-жъ ты?—сказалъ я, но ходокъ не слыхалъ и, поворачиваясь медленно къ двери, говорилъ:

— За этакое дѣло не одинъ человѣкъ сталъ! Глянь! куда хошь, не отступимъ. Д-да!..

— Куда-жъ ты уходишь?

— Д-да! За это дѣло помереть, и то ничего... Намъ дана душа,—тоже и объ этомъ надо подумать... Вотъ что̀! Прощенія просимъ!

Говорилъ онъ это какимъ-то отчаяннымъ голосомъ и, не слушая насъ, направился къ двери и ушелъ.

— Куда же ты пойдешь? — спросилъ я, высунувшись въ окно.

Ходокъ остановился.

— Къ угоднику теперича я пойду. Помолюсь, чтобы далъ мнѣ Богъ понятіе... Батюшка! Отецъ Небесный!

Въ голосѣ его звучали слезы.

— Прощайте!—сказалъ онъ тихо и пошелъ.

Такъ ничего мы и не добились.

— Зацѣпка въ умѣ...—сказалъ Лукьянъ, все время молчавшій и таращившій на мужика глаза. — Должно-быть, и ему до мозгу голову-то прошибли... — прибавилъ онъ въ видѣ остроты.

Но мы не могли отвѣтить на нее.

Гость въ задумчивости торопливо ходилъ изъ угла въ уголъ и торопливо курилъ. Я смотрѣлъ въ окно вслѣдъ ходоку и тоже думалъ.

Изъ купеческихъ воротъ вышелъ кучеръ и, почесывая бокъ, поглядѣлъ лѣниво по сторонамъ.

— Кто это тутъ даве булдыхалъ?—вопросилъ онъ просыпавшуюся пустыню.

— Мужикъ! — откликнулся откуда-то неизвѣстный голосъ.—Онъ тутъ часа два слонялся... Я видѣлъ...

— Мужикъ?—повторилъ кучеръ весьма равнодушнымъ тономъ, опять поглядѣлъ по сторонамъ, опять почесался и, должно-быть, для округленія фразы, прибавилъ:

— Нѣтъ, надо дубину хорошую, къ примѣру... По мордѣ, чтобы въ случаѣ... да!

Тутъ изъ воротъ выкатилась жирная кухарка съ голыми руками, которыя она держала подъ легонькимъ фартучкомъ. Кучеръ обратился къ ней и прекратилъ свои мрачные монологи.

— Послушай, Вася! — остановившись на ходу, съ живостью обратился ко мнѣ гость.—Знаешь что̀? Пойдемъ ходить съ тобой по деревнямъ? Неужели ты думаешь постоянно возиться съ пѣтухами? Ты видишь,—продолжалъ онъ, направляя руку въ сторону удалившагося мужика:—люди хотятъ чего-то побольше, чѣмъ ты съ твоими пѣтухами... Что̀ за свинство!

Я молчалъ, потому что и самъ именно объ этомъ думалъ.

II.

Въ то такъ-называемое «новое время» не разъ приходилось мнѣ робѣть за покойную философію. Вдругъ откуда-нибудь выплыветъ обыватель и предъявитъ что-нибудь та-

кое, что̀ и самъ объяснить не въ состояніи, какъ, напримѣръ, мужикъ-ходокъ. Не мнѣ было подъ силу вдумываться въ запутанную мужичью рѣчь; мнѣ довольно было знать, что человѣкъ стоитъ за что-то, хочетъ чего-то такого, чего я не знаю, чтобы взволноваться; представить себѣ, что начинается что-то новое, въ чемъ не могу принять участія, что мнѣ, съ моими крупными вопросами, придется лечь въ гробъ... «Что̀ такое тамъ у нихъ есть?» Я помню, было время, когда все это мертвое ожило; но тогда была въ обществѣ идея, крѣпко воспитанная исторіей, именно ненависть къ басурману, къ турку, посягающему на гробъ Христовъ... Теперь это прошло. Что̀ же тамъ еще?.. Я положительно недоумѣвалъ. Къ такому взгляду привела меня окружающая жизнь. Мужикъ-ходокъ заставилъ меня вспомнить кое-что изъ этой жизни и возвратиться къ продолженію воспоминаній моего дѣтства.

Послѣ отца, который, какъ уже извѣстно читателю, первый развилъ во мнѣ убѣжденіе въ томъ, что современное общество живетъ безъ всякой серьезной и совѣстливой мысли,—я продолжалъ мои наблюденія лично, самъ. И какое было множество явленій, которыя убѣждали меня, что даже привязанность къ гусю, къ пѣтуху, къ какому-нибудь мелкому вздору, что даже такія ничтожности—и тѣ составляли въ то время достояніе натуръ исключительныхъ, талантливыхъ. Сколько шло народу ко мнѣ, тогда еще совершенному мальчишкѣ, чтобы около меня, имѣвшаго что-то «свое», отвести душу!

Сынъ того купца, который ругался съ моимъ отцомъ, бывало, помню, жалобнымъ голосомъ умоляетъ меня «взять его» съ собой.—«Куда ты?»—уныло ноетъ онъ, выйдя за ворота, въ то время, какъ родители его почиваютъ и когда во всемъ домѣ слышенъ одинъ только маятникъ.—«Возьми меня съ собой, Вася!..» Я могъ взять его съ собой и могъ не взять, оставить его дома, чтобы онъ слушалъ отъ своего богатаго отца разсказы о томъ, какъ родитель разъ тонулъ, какъ ненарокомъ убилъ человѣка, какъ женился на матери, при чемъ ни одного изъ этихъ событій онъ объяснить рѣшительно не можетъ. Какъ онъ убилъ человѣка? Совершенно непостижимо. Поѣхалъ онъ по помѣщикамъ скупать хлѣбъ и «обнаковенно» (ему такъ кажется) взялъ съ собой дубину. И «обнаковенно» ѣдетъ навстрѣчу тройка, на тройкѣ помѣщикъ съ пріятелемъ подъ хмелькомъ. И «обнаковенно» помѣщикъ кричитъ: «стой!».

И «обнаковенно» взялъ онъ дубину; помѣщикъ тоже выхватилъ пистолетъ. Произошла драка, послѣ которой помѣщикъ (ѣхавшій, между прочимъ, продать хлѣбъ этому самому купцу) черезъ два дня померъ. Какъ это такъ?—«Богъ знаетъ!» «И страсть только!». А женился онъ какъ? Сидѣлъ онъ на базарѣ въ халатѣ (втѣпоры въ халатахъ хаживали) и продавалъ пряники,—семья ихъ пряниками торговала, была бѣдна, и надо бы имъ по-настоящему въ такой бѣдности и вѣкъ свой свѣковать, а вышло вотъ какъ:

Сидитъ онъ на базарѣ въ халатѣ, и вдругъ подходитъ купецъ Орясиновъ, богачъ, и говоритъ:—«Поди вотъ, я тебя на дочери женю; только я тебя показать ей не могу, потому ты нищій, а ты гляди ее съ улицы въ окно, когда будетъ сговоръ...»—«А я не видала, какой-такой женихъ,—прибавляетъ супруга:—а втѣпоры думала: гдѣ это наша курица пеструха, не укралъ ли кто?»—«Да я, признаться, поглядѣть-то боялся, потому вы ужъ очень въ ту пору богаты были...» А потомъ, послѣ этой женитьбы, какимъ-то родомъ «открылось» какое-то дѣло, и пришлось три года просидѣть въ острогѣ. Конечно, этого только объяснить рѣшительно невозможно. Весь этотъ, зависящій Богъ знаетъ отъ чего, жизненный опытъ приводитъ только къ одному: спать на сундукѣ, въ которомъ деньги, ѣсть рѣдьку, бояться страшнаго суда, а въ часы досуга поиграть въ карты, «въ дураки», «въ пьяницы», «въ свиньи»—названія, которыя, дѣйствительно, можно объяснить и понять...

И вотъ, воспитываемый столь объяснимыми и столь способными дать опредѣленный складъ уму и характеру, наполнить сердце семейными преданіями, бѣдный малый ходитъ, какъ опоенный, и вопитъ къ прохожимъ:—«Ты куда? возьми меня съ собой!»—и какая скука въ этихъ осоловѣлыхъ, тоскующихъ глазахъ; какая жалость смотрѣть на этого рыхлаго, добраго мальчонку, не знающаго, что̀ съ собой дѣлать, куда дѣться.

— Пойдемъ!—говорилъ я обыкновенно и «бралъ» его съ собою морозить ледянку или ловить чижей. Какъ онъ былъ радъ, какъ услуживалъ мнѣ, и какъ я имъ командовалъ!

Потребность умолять о томъ, чтобы взяли съ собой, осталась у этого мальчика навсегда. Когда же, по смерти отца, онъ остался почти хозяиномъ отцовскихъ лабазовъ и постоялыхъ дворовъ, при чемъ денегъ у него было довольно много, явилось множество людей, желающихъ «брать его

съ собой» и наполнять содержаніемъ его опустошенную душу. Въ бурныя, шумныя компаніи кутилъ и драчуновъ его не тянуло; это была натура мягкая, робкая; ему нужно было занятіе поскромнѣй пьянства, и, по робости своей, онъ нападалъ на занятія весьма смѣшныя.

Самымъ любимымъ изъ нихъ сдѣлалось для него пѣніе и чтеніе въ церкви: какъ онъ былъ смѣшонъ, выходя читать апостолъ или пѣть на клиросѣ: «Господи помилуй!», при чемъ лицо его наливалось кровью, ибо шея крѣпко была затянута атласнымъ платкомъ. И чего стоило ему добиться чести хлопнуть крышками среди церкви или проникнуть на клиросъ, на спѣвку; прежде чѣмъ достигнуть этого, онъ долженъ былъ весь хоръ недѣли двѣ поить въ трактирахъ чаемъ и водкой. Замѣтивъ его беззащитность душевную, опекатели дѣлали съ нимъ, что̀ хотѣли. Разсказываютъ, что однажды регентъ «для смѣха» предложилъ ему слѣдующій ультиматумъ: «такъ какъ теноровъ у насъ довольно, и онъ, поющій теноромъ, только мѣшаетъ, то, если хочетъ оставаться въ хорѣ, пусть поетъ басомъ, или убирается вонъ». Беззащитный купеческій малый принужденъ былъ согласиться и, чтобъ получить басъ, въ одинъ холодный осенній день засѣлъ голый въ воду, подъ мельничную плотину, чтобы вода била ему прямо въ шею: онъ желалъ охрипнуть.

— Здорово, Ванюшка!—говорилъ я ему при встрѣчѣ.— Какъ дѣла?

— Теперича въ воздвиженскомъ хорѣ... третью недѣлю!— весело отвѣчалъ онъ (теноромъ).—Басомъ приходится пѣть (это ужъ говоритъ басомъ)... — и потомъ прибавляетъ:— Черти! Ничего не сдѣлаешь съ ними... Я уйду отсюда. У Покрова тоже хоръ хорошій, и публика чистая; тамъ меня прямо за тенора принимаютъ. Я уйду.

Впрочемъ, въ настоящее время ему сдѣлалось самому интереснымъ пѣть именно басомъ; говоритъ онъ поэтому всегда выгнувъ шею и ходитъ лбомъ въ землю.

А мѣщанинъ Ѳедотовъ?

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати слишкомъ, высокій, костлявый, съ подстриженною въ щетку бородой, въ легкомъ длинномъ сюртучишкѣ, который онъ нашивалъ лѣто и зиму. Онъ слылъ за силача и дѣйствительно былъ силачъ; но въ мое время онъ не имѣлъ уже «ходу», «прошло время», и ему пришлось имѣть компаньономъ меня.

— Развязное было время! — говаривалъ онъ.—Вотъ что̀

я скажу... Бывало, братецъ ты мой, за сто верстъ Ѳедотова-то возили... Только выйди... да! У меня трехъ реберъ нѣту, а и то было хорошо! На, пощупай.

Я щупалъ.

— Я ни одного живого мѣста въ себѣ не имѣю,—а ничего! Душа только радовалась... А теперь что?.. въ солдаты, что ли?.. Бывало, радъ душой за своихъ постоять... «Выручай, Гаврюша...» У меня сердце-то вотъ-какъ-вотъ отъ этого, ровно молотомъ стучитъ... Своихъ да не выручить?.. Чтобы дать деревенскимъ мужикамъ ходу?—Извините! Вотъ какъ, бывало,—что праху не оставалось отъ всей ихъ мужицкой стаи... Тутъ тебя несутъ въ городъ-то на рукахъ... да-а! А теперь что? Картошки съ женой печь? Мнѣ теперича и въ семью не зачѣмъ показываться... Эхъ-ма...

Дѣйствительно, въ подгородномъ селѣ, съ которымъ Ѳедотовъ когда-то «дирался», съ которымъ у города были какіе-то счеты, одушевлявшіе драку и дававшіе ей извѣстнаго рода мысль, теперь царствовала только бѣдность: впору было выпутаться изъ какого-то межевого дѣла, которое выпивало всѣ деревенскія деньжонки и уже давно уничтожало возможность досуга.

Ѳедотовъ не имѣлъ любезнаго ему дѣла и тосковалъ. Иногда онъ въ скукѣ приходилъ ко мнѣ.

— Ты что это тутъ?—спрашивалъ онъ.

— Хочу скворца повѣсить.

— Скворца? Ты бы мнѣ сказалъ, я-бъ тебѣ шестъ принесъ.

— Принеси.

— Ей-Богу, принесу. Мы вотъ какъ: пойдемъ-ко съ тобой въ осиновую рощу, да хорошую жердь вытянемъ оттуда. Ладно, что ли?

— Ладно.

— Ну, такъ живѣе надо... Нѣтъ ли шапки тамъ гдѣ отцовской?—домой бѣжать далече... Поищи поживѣй!

И полсутокъ хлопочетъ, устраивая шестъ около крыши и вѣшая скворца.

Но такія мирныя занятія были не по его натурѣ; ему надо было бушевать, побѣждать, сокрушать врага. Ничего этого теперь не было, и онъ безобразничалъ.

— Эй, вы... мясники!—кричитъ онъ зычнымъ голосомъ въ темный зимній вечеръ, когда наши ребята катаются вдоль улицъ на салазкахъ и на ледянкахъ.

— Э-эй, живо! Кто тамъ у васъ? выходите!

Никто не выходитъ.

— Такъ-то по-вашему? Эхъ, вы! Н-ну, выходите, что ли!

Иногда онъ, замѣтивъ въ числѣ играющихъ меня, тащилъ и меня съ собой «шляться по городу».

Бывали въ моей тогдашней жизни минуты неопредѣленной тоски, когда я вдругъ становился какъ-то равнодушенъ къ своимъ скворцамъ и чижамъ, въ душѣ дѣлалось сухо, непріятно, холодно. Даже къ матери я придирался въ это время, зачѣмъ у меня рваная шапка, зачѣмъ меня не учатъ. «Не на что тебѣ шапки купить»,—говорила матушка. Но я подкапывался подъ ея доводы, доказывалъ, что есть на что, что купили же скатерть, когда ихъ двѣ. «Та для гостей».—«Для гостей! Для гостей можно пеструю». Иногда я положительно выводилъ матушку этими придирками изъ всякаго терпѣнія и въ то же время самъ хотѣлъ плакать.

Въ такія минуты я съ удовольствіемъ принималъ предложеніе Ѳедотова путешествовать съ нимъ.

Нельзя сказать, чтобы ему не было компаніи въ этихъ путешествіяхъ. Къ нему всегда присоединялось два-три человѣка, жаждавшіе тоже раззудить плечо, а навстрѣчу этой, такъ сказать, «нашей» компаніи, глядишь, валитъ другая.

— Что̀ за люди?—кричитъ въ темнотѣ Ѳедотовъ.

— Ты что̀ за человѣкъ?—вопрошаетъ компанія.

— Стой!—категорически говоритъ Ѳедотовъ:—я—Ѳедотовъ: слышалъ это слово?

— Былъ Ѳедотъ, да теперь не тотъ.

— Не тотъ? Али тебѣ показать? Становись-ко!

— Ты лучше приставай къ нашей компаніи, вотъ что̀, братъ Ѳедотовъ! Эхъ, ты...

— Ежели ты мнѣ угощенье дашь, я къ твоей компаніи пристану.

— Это за что же? Угощали тебя, будетъ.

— Будетъ вамъ!—раздается сострадательный голосъ.— Пойдемъ, угощу. Потомъ вмѣстѣ тронемъ. Андрюшка, гармонія здѣсь?

— При себѣ.

— Дѣлай...

И что̀ же дѣлаетъ эта ватага силачей цѣлую почти ночь?

Вытаскивала она изъ земли тротуарныя тумбы, неизвѣстно зачѣмъ валила на землю фонарные столбы, поворачивала крыши на гнилыхъ нищенскихъ избенкахъ, мазала дегтемъ ворота, даже тамъ, гдѣ вовсе этого не слѣдовало

дѣлать. Разворотить заборъ и разметать по сторонамъ доски, «вломиться» туда, куда не пускаютъ, — вотъ что̀ дѣлала эта несчастная ватага силачей, не знавшая, куда дѣть свою силу.

Пошатавшись съ этой ватагой, я снова чувствовалъ удовольствіе уйти въ свой уголъ и просилъ у матушки прощенія.

Не могу не вспомнить еще объ одномъ существѣ, хотя воспоминанія эти и не въ пользу моего честолюбія. Это былъ больной, нервный мальчикъ, тоже изъ купеческаго сословія, жившій въ варварской семьѣ. Въ немъ было много потребностей, много задатковъ; познакомившись со мной и узнавъ всѣ мои развлеченія и дѣла, онъ отнесся къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ. «Эко!»—говорилъ онъ съ какою-то гордостью, словно бы онъ можетъ что-то сдѣлать въ тысячу разъ лучше и интереснѣй, нежели я. И, дѣйствительно, не могу забыть, какъ онъ однажды наизусть читалъ «Конька-горбунка». Онъ ходилъ въ это время вдоль забора, какъ тѣнь, не обращая на слушателей никакого вниманія, и съ такой вѣрою и задушевностью передавалъ фантастическіе эпизоды полетовъ конька по воздуху, что даже я не могъ не глядѣть въ это время на небо и на мѣсяцъ, и ждалъ, что вотъ-вотъ онъ пронесется съ Иванушкой, разсыпая изъ ноздрей искры.

Разговаривать онъ не любилъ, все молчалъ и думалъ, а глаза у него были, какъ у помѣшаннаго.

Убѣжать!—вотъ что̀ хотѣлъ онъ.

«Конекъ-горбунокъ» произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я «самъ» сталъ заглядывать къ нему въ домъ. Но проклинавшая его, какъ «дурака», семья стала объявлять мнѣ,—разумѣется, тоже съ проклятіями, — что «пострѣлъ» куда-то пропадаетъ, и что пора пришла отвязаться отъ него, отдать въ солдаты. «По крайности, царю будетъ слуга»,—говорилъ его отецъ. Били его за эти отлучки и увѣчили: но онъ молчалъ и пропадалъ. Уходилъ иногда темной ночью и приходилъ на другой день вечеромъ.

Я долго его не видалъ.

Вдругъ однажды, когда мы съ маменькой возились на огородѣ, какъ бѣшеный перескочилъ черезъ плетень Андрюшка и бросился бѣжать по грядамъ, повидимому, куда глаза глядятъ. Онъ казался совершенно помѣшаннымъ.

— Куда ты?—закричалъ я, догоняя его.

— Къ царю!—задыхаясь, крикнулъ онъ мнѣ голосомъ,

въ которомъ, повидимому, напряглись послѣднія усилія измученнаго тѣла.

Тутъ только, когда пришлось ему перелѣзать черезъ другой плетень, я увидѣлъ, что подъ мышкой у него былъ мѣшокъ, изъ котораго торчала страшная звѣриная морда, и толстая лапа царапала плохо прикрытое одеждой бедро Андрюши. Это былъ необыкновенной величины дикій котъ.

— Уйду! Погоди!—прохрипѣлъ онъ, перескочилъ плетень и, обхвативъ кота оцарапанными въ кровь сухими, какъ кости, руками, скрылся.

Оказалось, что по ночамъ онъ караулилъ этого кота, который жилъ въ норѣ подъ хлѣбнымъ амбаромъ и выходилъ только по временамъ. Андрюша вздумалъ поймать его, принесть прямо во дворецъ къ царю и получить отъ него то, что̀ въ сказкахъ сказывается.

Его долго искали,—не нашли.

Черезъ годъ онъ пришелъ съ этапомъ. Гдѣ былъ его котъ и что̀ съ нимъ случилось,—неизвѣстно.

— Гдѣ ты, мошенникъ, пропадалъ? а?

Андрюша молчалъ.

— Отвѣчай, стервецъ этакій!

Но ни битье ни угрозы не выколотили изъ него ни одного слова.

Онъ былъ нѣмъ.

— Андрюша, гдѣ ты былъ? — спросилъ я его при свиданіи.

— Молчи! послѣ разскажу...—прошепталъ нѣмой.—Теперь я нѣмой... Меня къ угоднику повезутъ... Я исцѣлюсь. Молчи.

Я молчалъ. Андрюша прослылъ за нѣмого и даже со мной не говорилъ ни слова. Идея—быть нѣмымъ—была для него удовольствіемъ, задачей, которую онъ выполнялъ съ полною любовью.

Дѣйствительно, уставъ колотить и ругаться, родители повезли его къ угоднику. Прежде, нежели они воротились оттуда, по нашей сторонѣ пронеслась слѣдующая легенда: по пріѣздѣ въ монастырь, Андрюша, кромѣ нѣмоты, сдѣлался недвижимъ. Цѣлую недѣлю онъ лежалъ, не шевеля ни однимъ членомъ. Отецъ и мать молились на его глазахъ и рыдали, служили молебны, клали вклады и впали въ уныніе. Вдругъ ночью, совершенно неожиданно, при первомъ ударѣ колокола къ заутренѣ, онъ вскочилъ, всталъ на ноги и произнесъ: «Господи помилуй!»

Господь его помиловалъ. Чудо было явное, и Андрюша

теперь на вершинѣ свободы, возможной для святого человѣка.

Онъ ходитъ въ рясѣ и ужъ самъ думаетъ, что онъ святой. Сколько выдумываетъ онъ пророчествъ, и какъ работаетъ его голова! Давала ли и дастъ ли такую работу мысли, придумывающей небылицы, наша обыденная жизнь?

III.

При столкновеніяхъ моихъ съ такъ-называемыми «благородными», подобныхъ ударовъ моему самолюбію я почти не испытывалъ никогда. Въ слободу, засѣвшую въ грязи и глуши, надзоръ и порядокъ еще не успѣлъ проникнуть въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ онъ проникъ впослѣдствіи, доказавъ, что кромѣ его, т.-е. «порядка», ничего не надо никому. За право «не даваться въ обиду» тутъ еще безсознательно боролось много народу, конечно, безъ всякаго существеннаго результата, ибо всѣ «мысли о правахъ» давно были подрублены въ самый корень. Но все-таки были здѣсь люди, по крайней мѣрѣ, погибавшіе, какъ говорится, мастерски, сгоравшіе, напримѣръ, отъ водки, точно такъ, какъ сгораетъ свѣча отъ огня. Были вообще натуры, желавшія плевать на мое спокойное существованіе съ крошечными и пустячными привязанностями. Въ обществѣ благородныхъ было гораздо ужъ больше порядку. И тутъ я чувствовалъ себя хорошо.

Съ благороднымъ обществомъ я познакомился посредствомъ школы. Наука вообще ровно ничего и никогда не значила въ моей жизни, въ образованіи моихъ взглядовъ; поэтому-то я до сихъ не говорилъ о ней ровно ни одного слова, хотя и учился. Сначала матушка отдавала меня къ разнымъ доморощеннымъ учителямъ: старушкамъ, которыя сами не знали ни аза въ глаза, но были очень добры; къ дьячкамъ, «набившимъ руку» въ ученьи мальчугановъ за дѣлковый въ годъ. Ученья тутъ не было никакого, а было усмиреніе бунтовавшихъ мальчугановъ, дранье и, какъ результатъ всего этого,—возможность учителю прокормиться. Такимъ образомъ, въ первые годы моего дѣтства, воза, нагруженные рѣдькой, капустой, свеклой, аккуратно доставлялись матушкой къ тѣмъ или другимъ наставникамъ. Лучше всѣхъ изъ числа этихъ учителей былъ вдовый дьяконъ. Во хмелю онъ былъ тихъ (а хмеленъ былъ онъ часто), и въ это время плакалъ, рыдалъ объ умершей женѣ, сочинялъ грустные, слезные стихи въ память ея и читалъ ихъ намъ.

Во время этихъ рыданій была полная свобода, а главное— почти всѣ мы любили этого дьякона. Случай заставилъ его прекратить школу. Напротивъ его дома жилъ съ старухой-матерью какой-то отставной гимназистъ лѣтъ двадцати, проводя время, какъ Богъ пошлетъ, и пробавляясь кое-какъ. Онъ однажды, въ припадкѣ той неопредѣленной и мучительной тоски, которая знакома только обывателямъ нашей стороны, когда не знаешь, куда дѣться, въ воду или петлю, въ такую-то минуту онъ однажды зарядилъ хорошимъ дробнымъ зарядомъ пистолетъ и выпалилъ имъ прямо въ школу. Нѣсколько книгъ было изодрано дробью, пробита аспидная доска, которую держалъ какой-то мальчуганъ, размозжены стекла въ рамахъ, и всѣ перепуганы. Никто послѣ этого не хотѣлъ отдавать сюда своихъ дѣтей, и школа закрылась. Я нѣкоторое время ни о какихъ наукахъ не думалъ; но потомъ матушка, вѣрная завѣту моего отца — «вывести меня на настоящую дорогу», задумала продолжать ученіе и направила воза съ овощью къ начальству уѣзднаго училища. Но, одумавшись и разочтя, что овощь равно необходима и начальству среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ и начальству низшихъ, направила воза въ гимназію, куда я и поступилъ, выдержавъ экзаменъ, во время котораго я чувствовалъ, что овощи дѣйствительно получены экзаменаторами въ исправности и въ почтенномъ количествѣ.

Уличный авторитетъ мой былъ въ то время настолько великъ, что, идя съ матушкой въ гимназію, я чувствовалъ, что дѣлаю и ей и этому каменному желтому зданію большое одолженіе и снисхожденіе. Я лишаю себя нѣсколькихъ часовъ въ день общества своихъ друзей, чтобъ изъ деликатности, изъ доброты моей проскучать у васъ, тамъ въ каменномъ домѣ, на задней лавкѣ, часовъ пять-шесть. Задняя скамейка, или такъ-называемая «камчатка», была отведена мнѣ съ первыхъ шаговъ моихъ на поприщѣ науки. Учителя меня не безпокоили. Это самое лучшее, что они для меня могли сдѣлать: иначе бы они воспитали во мнѣ чувство злобы, какой я до сихъ поръ не зналъ! Они, должно-быть, видѣли, что лучше меня не трогать и не расшевеливать, ибо я былъ не ученикъ, а человѣкъ.

Какъ бы ни были пусты и ничтожны мои интересы, которыми я жилъ въ слободкѣ, но это были интересы человѣческіе, въ которыхъ играли роль любовь, совѣсть и честь. Если я сходился съ кѣмъ, — я зналъ почему. Если нена-

видѣлъ кого, тоже потому, что имѣлъ какія-нибудь этому основанія. Въ школѣ тогдашняго времени я не замѣтилъ человѣческихъ отношеній. Лучшій пріятель, не задумываясь, дралъ, по приказанію начальства, своего пріятеля за ухо. По волѣ начальства, товарищъ, назначенный «старшимъ», обязанъ былъ выдавать своихъ товарищей на закланіе. Лучшая награда была за наушничество. «Это вотъ онъ сдѣлалъ»,—могъ воскликнуть безъ просьбъ или приказанія начальства не одинъ изъ моихъ тогдашнихъ соучастниковъ. Были исключенія; но я беру черту общую, существенную. Эта компанія была мнѣ не подъ пару. Человѣкъ, совершенно мнѣ незнакомый, къ каковымъ человѣкамъ принадлежало безчисленное начальство, могъ придти, взять меня за ухо, за волосы, поставить въ уголъ,—я возненавидѣлъ этихъ людей. Товарищество большею частью тоже было мнѣ не подъ стать. Вотъ два мальчугана спорятъ о томъ, что «у моего отца есть и шляпа и шпага, а у твоего — нѣтъ». Пересчитывая всѣ отцовскія отличія, они доходятъ до слезъ и идутъ жаловаться надзирателю, рѣшеніе котораго совершенно ихъ успокаиваетъ. Тотъ, кто по этому рѣшенію правъ,—дѣлается навѣки неразубѣдимымъ; тотъ, кто не правъ, пріучается навѣки знать, что съ начальствомъ ничего не подѣлаешь. Съ этой мелюзгой, не знающей, что у человѣка есть на плечахъ голова, мнѣ нечего было дѣлать. Я могъ бы только бить ихъ, если бы умѣлъ быть злымъ, и гнать отъ себя прочь. Но я этого не дѣлалъ. Я не лѣзъ самъ почти ни къ кому, но ко мнѣ, напротивъ, лѣзли многіе. Отъ иныхъ я сторонился, иныхъ любилъ и большинству покровительствовалъ.

Это большинство, у котораго, по малой мѣрѣ, семь колѣнъ родословнаго древа не знали никакой другой цѣли въ жизни, кромѣ повиновенія, были однакоже не совсѣмъ умершія, изсушенныя дѣти. У нихъ было сердце, которое билось, которое хотѣло что-нибудь чувствовать, и рядомъ со мной имъ было хорошо. Не придти въ классъ вслѣдствіе большой рыбной ловли и охоты,—что̀ часто дѣлывалъ я,—было многимъ и многимъ здѣсь въ высшей степени интересно. Уйти отъ уроковъ за утками,—да это что-то необыкновенное! Посидѣть со мной на лавкѣ, послушать, что̀ я говорю, для многихъ было истинное удовольствіе.

О тѣхъ, кого я самъ любилъ, я говорить теперь не буду; а изъ покровительствуемыхъ мною скажу нѣсколько словъ объ одномъ мальчикѣ, который впослѣдствіи, въ качествѣ

петербургскаго гостя, присутствовалъ у меня въ обществѣ Лукьяна и деревенскаго ходока.

Я познакомился съ нимъ въ гимназіи. Звали его Павлуша Хлѣбниковъ. Это былъ слабенькій, блѣдненькій мальчикъ, одѣтый всегда съ иголочки, снабженный всѣми принадлежностями науки: перьями, карандашами въ количествѣ болѣе нежели полномъ. Изъ-за этихъ карандашей и резинокъ къ нему лѣзло много народу; но, повидимому, онъ не могъ похвалиться любовью товарищей, потому что, какъ только у него изсякали письменные матеріалы, на него, дѣйствительно, мало обращали вниманія, и даже иной изъ товарищей, кто понаглѣе, безъ церемоніи бросалъ ему въ глаза ябедника или труса. Слезами этотъ мальчикъ обливался почти постоянно, — особливо, когда не могъ дѣлать подарковъ. На меня онъ давно поглядывалъ съ своей первой скамейки, но какъ будто боялся.

Наконецъ однажды я увидѣлъ, что онъ робко перебирается ко мнѣ съ парты на парту.

— Хотите, я вамъ подарю чернильницу?—робко говоритъ онъ, держась отъ меня вдали и держа въ рукѣ зелененькую складную чернильницу.

— Нѣтъ,—сказалъ я:—не надо.

— Возьмите!

Мальчикъ произнесъ это съ дрожаніемъ въ голосѣ и готовъ былъ зарыдать.

— У меня дома есть своя...—сказалъ я.

Мальчикъ не рѣшился сказать ничего, но слезы были въ его глазахъ, а чернильницу онъ такъ и держалъ въ рукѣ,— ему было крайне обидно взять ее назадъ.

— Давай мнѣ! — сказалъ одинъ изъ начинавшихъ ловкачей и ловкихъ людей, Козловъ.

— На! — радостно сказалъ мальчикъ и потянулся за Козловымъ; но тотъ ужъ былъ далеко и знать ничего не хотѣлъ.

Прошло пять минутъ; слышу, тотъ же мальчуганъ опять что-то кому-то даритъ и плачетъ, и потомъ, скучный, сидитъ одинъ.

Не знаю, почему-то я почувствовалъ къ нему большую жалость и какъ-то разъ самъ позвалъ его къ себѣ «въ камчатку», а потомъ познакомился съ его семьей. Семья эта была образцомъ семей, въ которыхъ нѣтъ ничего «настоящаго», «подлиннаго». Тутъ все, съ седьмого колѣна шло противъ личныхъ чувствъ, противъ личныхъ желаній

убѣжденій и покорялось какой-то тягостнѣйшей необходимости. Отецъ Павлуши Хлѣбникова былъ чиновникъ, занимавшій хорошую должность. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія, гдѣ, по крайней мѣрѣ, пять поколѣній назадъ (точно такихъ, какъ и въ другихъ сословіяхъ) люди женились не любя, занимались дѣлами, почти всегда несоотвѣтствовавшими способностямъ, и были связаны съ мѣстомъ жизни, съ женой, съ людьми, каковы—прихожане, родственники и проч., только тѣмъ, что, развязавшись съ ними, должны были бы умереть съ *голоду*. Голодъ — вотъ была идея, связующая все это, готовое разбѣжаться врозь. Сколько тутъ было лжи, взаимной ненависти, притворства, низкопоклонства, соединеннаго съ полнымъ презрѣніемъ!.. Человѣческимъ, свободнымъ отношеніямъ здѣсь мѣста не было. Отецъ Павлуши былъ человѣкъ неглупый, талантливый, а въ молодости былъ мечтатель: такъ, будучи въ семинаріи, онъ думалъ идти непремѣнно въ священники; у него было призваніе къ этому дѣлу, онъ обдумалъ его во всѣхъ подробностяхъ, начиная отъ проповѣди, которую онъ думалъ сказать не такъ, какъ говорятъ наши «балалайки», а по совѣсти, съ толкомъ. Но личному чувству, личнымъ симпатіямъ здѣсь нѣтъ ходу. На плечахъ его лежали цѣлыя поколѣнія бѣдствующей родни, которая бы должна была умереть съ голоду, если бы позволилъ онъ себѣ жить такъ, какъ хочется,—и онъ пошелъ въ чиновники, чтобы помогать тѣмъ, кого не имѣлъ причины любить, и женился на той, которую не любилъ; ему, вступившему на путь необходимости, надо было покоряться всему, — жениться поэтому былъ полный расчетъ на дочери начальника, чтобы скорѣе добиться того, за чѣмъ пошелъ, то-есть денегъ. Дочь начальника тоже, быть-можетъ, имѣла свои планы. Она была женщина умная и скромная, и точно также, подобно мужу, принуждена была обстоятельствами дѣлать что-то такое, чего ей не хочется. Влюбись-ка она по собственному желанію вотъ въ того молодца-красавца, мѣщанина! Развѣ она не знаетъ, что въ красавцѣ воспитано побужденіе иногда вооружиться противъ своей возлюбленной полѣномъ и поучить. И вотъ образовалась семья, въ которой ничего нѣтъ сдѣланнаго «по душѣ». Они помогаютъ роднѣ, которую терпѣть не могутъ. Родня низкопоклонничаетъ, а въ душѣ называетъ ихъ разбойниками. Отецъ думаетъ о томъ, какъ бы онъ былъ священникомъ; иногда онъ даже, раздумавшись, видитъ жену, стоящую въ церкви, — жену, которая совершенно не похо-

дитъ на теперешнюю, *та* совсѣмъ другая: волоса, глаза— все другое у той, а на клиросѣ видится ему маленькій мальчикъ, поющій отличнѣйшимъ дискантомъ, — это сынъ. У него и теперь есть сынъ, который учится въ гимназіи; но это не «тотъ» сынъ, не «настоящій»; «настоящій», который на клиросѣ, нисколько не походитъ на гимназиста. Въ такой школѣ рѣшительно не было возможности узнать, что̀ такое человѣкъ, что права надъ нимъ даны любви, совѣсти. — «Развѣ бы я пошла за твоего отца, ежели бы не нужда?»—сказала бы мать сыну, рѣшившись быть искренней.—«Нешто я бы изсохъ такъ, кабы не связали меня вы всѣ?» — сказалъ бы отецъ, если бы тоже намѣренъ былъ поступить искренно. Вотъ корень семейной войны и той легкости, съ которой сынъ можетъ совершенно забыть свою семью, разлучившись съ ней на мѣсяцъ, а на другой мѣсяцъ начинаетъ ее ненавидѣть. Въ семьѣ Павлуши никто не давалъ себѣ воли; отецъ и мать сознавали, что̀ дѣлали,— и молчали. Въ домѣ вставали, ложились, пили чай, принимали гостей, словомъ — исполняли все какъ слѣдуетъ и главнымъ образомъ молчали. Не освѣщала ли какая-нибудь свѣтлая, широкая идея этого угла? Повторяю, что не было идей ни у кого и никакихъ. Религіозные они были по формѣ, потому что принадлежали къ приходу. Что̀ такое «политика», они не знали; что̀ такое общество, жизнь общественная, — тоже. Была здѣсь глубоко затаенная тоска и молчаніе. Въ этой-то обстановкѣ и жилъ мальчикъ.

И вотъ онъ лѣзетъ дарить мнѣ чернильницу съ тѣмъ, чтобы испытать чувство благодарности. Онъ ждетъ, что я ему скажу: «Спасибо, Паша, какой ты добрый!»

И будетъ нѣкоторое время чувствовать себя хорошо.

Но вотъ приходитъ инспекторъ и приказываетъ этому Пашѣ выдрать мнѣ ухо.

И Паша выдеретъ его, потому что онъ поглощенъ новымъ удовольствіемъ—быть предпочтеннымъ предъ другими. Онъ лучше другихъ, а другой, кому онъ деретъ ухо, хуже его! Ощущенія, какія бы то ни было, до того новы, что совершенно поглощаютъ его, и, только опомнившись, онъ плачетъ.

— Свинья ты этакая!—говоритъ ему будущій ловкачъ и адвокатъ Козловъ:—сталъ драть за ухо товарища, подлецъ!

Паша плачетъ и говоритъ:

— На̀ тебѣ чернильницу. Я не буду никогда...

— Не будешь ты, свинья этакая... — говоритъ Козловъ, пряча чернильницу къ себѣ.—Дрянь!

— Возьми еще хрестоматію. Я не буду!

— Давай, свинья этакая, и хрестоматію!

Козловъ обираетъ мальчика отлично. И наконецъ Козловъ гладитъ его по головѣ, и они разстаются друзьями. Павлуша возвращается домой, къ отцу. Отецъ, въ знакъ любви, приготовилъ сыну подарокъ (потому что ни изъ чего другого семейныя привязанности здѣсь не дѣлаются).

— А гдѣ твоя чернильница?

— Козловъ взялъ.

— Какъ взялъ?

— Просто, говоритъ: «отдай!»

— Какая шельма!

Павлуша вретъ; но вретъ именно потому, что пріятно чувствовать, какъ «заступается отецъ», давно желающій на какой-нибудь манеръ показать любовь къ сыну. Павлуша не желаетъ терять благопріятной минуты ни для себя ни для отца. Да и «чувствовать себя несчастнымъ» въ виду такой непоколебимой защиты, какъ отецъ, тоже пріятно.

И вретъ. Козловъ представленъ чистымъ разбойникомъ.

— Я его, каналью,—говоритъ отецъ.

На другой день, по жалобѣ отца, Козлова сѣкутъ.

— Свинья ты подлая!—говоритъ Козловъ; но потомъ мирится на подаркахъ.

Я взялъ этого обездушеннаго мальчика подъ свое покровительство; но изъ этого не вышло ничего. Бросался онъ на все, повидимому, съ азартомъ; но это только повидимому.

Впослѣдствіи изъ него явно стала выходить фигурка, которой бы нужно было что-нибудь поновѣй, да по возможности пріятно, да чтобы и ненадолго.

IV.

Я бы никогда не кончилъ, если бы сталъ обстоятельно перечислять сотни видѣнныхъ мною людей, тщетно жаждавшихъ освѣтить свое горестное существованіе какою-нибудь мыслью. Исполняя виды высшей воли, они чахли въ собственной пустотѣ, почти не зная, что они люди. Единственный разъ въ моей жизни я видѣлъ, какъ зашевелилась общественная душа, и когда почти до краевъ было полно существованіе каждаго изъ этихъ мучениковъ. Это было во время войны. Въ общественной душѣ еще уцѣлѣлъ какимъ-то образомъ какой-то «турокъ» съ неумытымъ рыломъ, градъ и гробъ Христовы, Христовы страданія. Всѣ эти вещи были воспитаны крѣпко и почему-то не были

тронуты порядкомъ. Какъ онѣ, пробудившись, оживили всѣхъ и все!

Чиновникъ, который вчера въ пьяномъ видѣ еще не зналъ, за что подраться на свадьбѣ у пріятеля, и выдумывалъ предлогомъ для драки обстоятельство, которое самъ считалъ пустяками, напримѣръ, начиналъ придираться къ хозяевамъ съ крикомъ: «а обѣщали подать малиновое мороженое! гдѣ оно?»—чиновникъ этотъ въ настоящую пору требуетъ къ суду Викторію, кричитъ:—«подайте мнѣ ее!»—и искрененъ въ этомъ крикѣ, хотя и глупъ. Мѣщанинъ, который вчера еще, ободравъ падаль и продавъ шкуру, не зналъ, за что приняться, воротившись домой,—колотить ли семью, пойти ругаться къ сосѣду, лечь ли спать, или ударить полѣномъ свинью, — зналъ теперь, что̀ ему дѣлать: сколько онъ женѣ принесъ секретныхъ извѣстій съ театра войны! И у жены тоже они есть; да и ребенокъ, который прежде не могъ разсчитывать ни на что, кромѣ подзатыльника, теперь несъ съ улицы также какое-то новѣйшее извѣстіе и внимательно выслушивался, да и самъ зналъ, во что играть: вчера онъ просто лѣзъ головой въ заборную щель и кричалъ отъ боли на всю улицу, а теперь онъ играетъ «въ войну». Богачъ-купецъ, который ѣздилъ къ Аксюшкѣ и сорилъ деньгами передъ всей ея солдатской родней, съ просьбою успокоить его, который, не будучи успокоенъ, напивался до чортиковъ въ своихъ обширныхъ палатахъ и лѣзъ, къ стыду своему, на крышу гонять голубей, — и тотъ вспомнилъ турка и Бога, и тому пришло на память, что, кромѣ медалей, есть еще душа. И вотъ онъ, вмѣсто Аксюшки, на площади,—уже передъ воинами, и даже говоритъ рѣчь:

— Воины!—говоритъ онъ и плачетъ.—Не попустите ево, къ примѣру... турка... пытаму... (онъ рыдаетъ)... пытаму што... (онъ рыдаетъ еще болѣе)... от-течиство... (Рыданія заставляютъ его безмолвствовать минутъ пять)... По полуштофа на брата!.. Ур-ра!..

— Ур-ра!

— Ловко!—гремятъ зрители, видящіе хоть какое-нибудь дѣяніе, которое и они тоже понимать могутъ.—Мѣщанамъ бы тоже ты, Иванъ Евстафичъ, поднесъ по... отечеству... для вѣр-ры... по случаю... по престолу...

— По косушкѣ жер-ртвую! — поднявъ руку кверху, вопіетъ Евстафичъ и падаетъ на колѣни.

На площади идетъ молебствіе, и протодьяконъ, раздирая

горло въ многолѣтіи воинству, знаетъ на этотъ разъ, что деретъ горло за дѣло, которое ему извѣстно, а не просто по приглашенію соскучившагося купца, котораго онъ въ душѣ называлъ разбойникомъ, и если все-таки гремѣлъ ему многолѣтіе, то единственно изъ-за желанія получить красную и купить ногу баранины. Онъ знаетъ, что на него смотритъ вся толпа, понимающая причину его воодушевленія. А старушки, которыя въ былое время не знали, какую бы еще придумать сплетню, чтобы попить, благодаря ей, чайку въ хорошемъ домѣ,—и у тѣхъ теперь полны карманы новостей, и онѣ тоже теперь чувствуютъ потребность потолкаться въ толпѣ, потолковать съ ней на площади.

— А анпираторъ и говоритъ...—шепчетъ одна другой.

— Полегче вы, старенькія!—тоже шепчетъ имъ древній старецъ, которому теперь только представился случай объяснить, почему у него не ходитъ правая нога, еще во времена герцога Бирона отдавленная въ застѣнкѣ колодкой.— Полегче объ эфтомъ!

— Мы худова не говоримъ, батюшка.

— То-то, потише бы: у меня до сихъ поръ нога-то не ходитъ. Такъ-то! Ну, что̀ такое императоръ сказалъ?

— А сказалъ, говоритъ, не давать имъ овса...

— Кому?

— Не знаю я, другъ ты мой.

— А говоришь! Изъ портовъ не велѣно отпущать овса,— кому, знаешь ли?

— То-то не знаю...

— А мелешь... Попадешь вотъ въ хорошее мѣсто, пропотѣешь полгодика, узна̀ешь... Кому овса не велѣно?.. Австріаку! Тараторки! Овса, овса... Ты лучше бы Богу молилась.

— Ты-то дюже строгъ нонѣ. Полегче бы маленько...

— Нѣтъ, вотъ какъ засадятъ въ ямку, въ темненькую...

— Урррр-а!..—бушуетъ на площади, заглушая шушуканья толпы и объ овсѣ, и о птицѣ, сидящей на московской колокольнѣ, и о свѣчѣ у Иверской, которую турки начинили порохомъ и поставили передъ иконою ночью. Хорошо, что митрополиту приснился сонъ, и онъ успѣлъ выхватить свѣчу, которую разорвало тутъ же, на улицѣ, и т. д. Всѣ эти толки заглушены крикомъ «ур-ра!».

Молодцы Ивана Евстафича, запрягшись въ телѣги, вмѣсто коней, вытащили на площадь не одинъ десятокъ сороковыхъ бочекъ. Выѣхавъ на середину площади, молодцы

становятся каждый на колесо своей бочки, имѣя въ рукахъ по черпаку; черпакомъ этимъ предполагается вливать водку въ манерки солдатъ и прямо въ рты обыкновенныхъ обывателей, ежели они не могутъ представить посуды.

— Православные!—возглашаютъ молодцы съ черпаками.

Масса шевелится, и скоро закипаетъ драка. Дерутся какіе-то «Ефимовцы» съ «Андроньевскими», «Васильевскіе» съ «Котельниковскими»,—словомъ, выступаютъ какія-то партіи, оттѣненныя неизвѣстными или ненужными до настоящаго времени названіями, скрывающими какую-то мысль. Это не простое разворачиваніе забора, какъ еще недавно производили Ѳедотовъ съ компаніею.

Словомъ, все одушевлено мыслью. Турокъ, завѣщанный въ сказкахъ, дѣлалъ жизнь сколько нибудь понятною. Нельзя сказать, чтобы все это было черезчуръ умно, но факты оживленія отрицать нельзя.

Вотъ въ это-то время одинъ обыватель, торопившійся ночью къ пріятелю сообщить газетную новость, наткнулся впопыхахъ на камень и сломалъ ногу: изъ этого обстоятельства возникъ вопросъ объ освѣщеніи, явилась статья въ газетахъ. Невозможность достать газетки и неумѣнье ее выписать, чтобы знать, что̀ такое дѣлается, были причиною появленія другой статейки—о библіотекѣ, и т. д. Словомъ, турокъ такъ толкнулъ общество, что индивидуумы, составлявшіе его, подобно бильярднымъ шарамъ отъ удара кіемъ, зашевелились, задвигались.

— Почему же это я все пьянствую? — влетаетъ въ голову талантливому чиновнику Змѣеву, давно чувствовавшему, что ему нужно что-то...

До этого оживленнаго времени Змѣевъ, дѣйствительно, занимался только пьянствомъ, рисуя портреты съ трактирныхъ случайныхъ знакомыхъ. Онъ отлично рисовалъ карикатуры и типы изъ русской жизни. По натурѣ это былъ большой художникъ; но отецъ изъ статскихъ генераловъ не далъ ему никакого образованія, художество называлъ чуть не преступленіемъ и держалъ человѣка на какой-то должности съ пятирублевымъ жалованьемъ. У Змѣева была уже лысина на головѣ, а онъ все еще уходилъ изъ дому тайкомъ, послѣ того какъ отецъ заснетъ: иначе ему могла быть гонка. Ропотъ противъ отца — вотъ что̀ держало его на свѣтѣ, подобно другимъ такимъ же субъектамъ, трактирнымъ компаньонамъ, жившимъ — кто ненавистью къ женѣ, кто ропотомъ на несправедливость начальства. Тысячу разъ

Змѣевъ хотѣлъ бросить родительскій домъ, уйти. Иногда казалось, что онъ вполнѣ готовъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, мечтая поѣхать въ Петербургъ, показать тамъ свой талантъ... Но ничего этого никогда не дѣлалъ. За предѣлами страданій въ отцовскомъ домѣ не было ничего... Были какія-то темныя улицы и душные кабаки, и среди этой тьмы терялась всякая вѣра въ себя, въ свой талантъ. Но въ новое оживленное время, когда носилось въ воздухѣ такъ много славы, храбрости и другихъ вещей, которыя доставались какому-нибудь Ѳедотову ни по чемъ, Змѣевъ увидалъ слишкомъ ясно свое ужасное положеніе. Ропотъ на отца, который довелъ сына до лысины, не сдѣлавъ ничего для того, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, дошелъ до крайнихъ предѣловъ.

И вотъ онъ пьетъ и ругается.

— Вѣдь я человѣкъ, сволочь ты этакая! — кричалъ онъ въ трактирѣ собесѣднику.

— Ты не ругайся однако!

— Что̀ «не ругайся»? Ну, чего «не ругайся»? Какъ васъ не бить-то! Вотъ я чему удивляюсь! Нѣтъ, молодцы эти англичане, ей-Богу! Перестрѣлять васъ надо всѣхъ... до ед-динова!..

— Когда ты перестанешь пьянствовать? — говорилъ ему отецъ. — Когда ты перестанешь по ночамъ шататься, а? Вѣдь я тебя въ солдаты, каналью, отдамъ!

— А ты зачѣмъ мнѣ жизнь загубилъ?

— Ка-акъ?

— Зачѣмъ жизнь-то загубилъ? Ка-акъ...

— Это мнѣ ты смѣешь говорить—«ты»?

Разъ сорвавшись на словѣ, съ наболѣвшей душой, Змѣевъ не удержался.

— Я! тебѣ! Погубилъ ты меня!

— Вонъ! Вонъ!

— Погубилъ! Злодѣй! Ты злодѣй!.. Я человѣкъ! пойми! А что̀ ты сдѣлалъ?

Старый генералъ падаетъ въ обморокъ, а разозленный сынъ не унимается.

— Уйду! Чортъ съ вами, разбойники!

На этотъ разъ Змѣевъ, дѣйствительно, переѣхалъ изъ отцовскаго дома въ какую-то трущобу.

Подобныхъ этому случаевъ было на моихъ глазахъ великое множество, и я ужъ не смѣлъ драть носа передъ окружавшимъ меня обществомъ.

Оно необыкновенно посвѣжѣло и ободрилось. Мои почитатели, какъ силачъ Ѳедотовъ, чудотворецъ Алеша и т. д., уже не нуждались во мнѣ и нашли свое дѣло. Одинъ дрался со славою, другой имѣлъ готовую тему фантазировать и предсказывать. Моимъ компаньономъ остался почти одинъ только Павлуша Хлѣбниковъ, который очень часто сопровождалъ меня въ моихъ скитаніяхъ по оживившемуся городу. Я въ это время цѣлые дни проводилъ на улицѣ: встрѣчалъ и провожалъ войска, толкался на площадяхъ, гдѣ по грязнымъ заборамъ были развѣшены безчисленныя картинки о побѣдахъ, и слушалъ толки. Разнообразія было очень много.

Однажды я и Павлуша Хлѣбниковъ присутствовали при пріемѣ рекрутъ. Дѣло было въ пасмурный зимній день. У крыльца присутственнаго мѣста и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, прилегавшимъ къ этому зданію, было великое множество деревенскихъ саней, наполненныхъ плачущими бабами съ дѣтьми; множество зрителей и участниковъ въ пріемѣ толпились тутъ же. Раздирающій плачъ женщинъ, гармонія вольника, который, расталкивая толпу и гордо заломивъ на головѣ шляпу, перевязанную лентой, направлялся въ кабакъ, окруженный караулившей и ухаживавшей за нимъ семьей его покупателя; вообще всѣ картины набора, драматизмъ которыхъ увеличивался тѣмъ, что это былъ наборъ уже не первый, и народъ былъ истощенъ,— все это производило довольно тяжелое впечатлѣніе.

Зрители не испускали воинственныхъ воплей и не вели оживленныхъ бесѣдъ, и когда одинъ изъ нашихъ гимназистовъ, окончательно вышедшій изъ гимназіи и ужъ почти принятый въ юнкера, завелъ разговоръ о храбрости,—то нѣсколько голосовъ осадили его весьма безцеремонно.

— Сволочь какая, — ревутъ, какъ коровы! — произнесъ-было гимназистъ.—За отечество идутъ и ревутъ! Какія-жъ могутъ быть побѣды?..

— Ужъ ходили, ходили за...

— Полегче, полегче, ребятки! — останавливалъ народъ древній старецъ.—За это знаешь что̀?..

— Ходили, ходили, а все толку нѣтъ...

— Ежели мы будемъ ревѣть, когда война, когда надо драться... — сказалъ-было гимназистъ, но ему не дали докончить.

— Что̀ мелешь?—закричалъ на него мясникъ въ бѣломъ фартукѣ.—Поди-ка самъ подъ пулю-то!

— Я и иду! Ты не ори...

— Идешь? Вы мастера только разговоры разговаривать...

— Нѣтъ, иду... ну?

— Ну, и съ Богомъ. Хоть бы поменьше было вашего брата... Мужика совсѣмъ вывели,—и васъ бы пора.

— Осторожнѣй, кумъ,—шепталъ старецъ. — За эти словечки знаешь куда?

— Ну васъ къ шуту! — съ сердцемъ сказалъ мясникъ.

— Да кто ты такой? Какъ ты смѣешь такъ говорить?— вдругъ наступилъ на него будущій воинъ. — А хочешь къ губернатору? Ты противъ кого говоришь?

Мясникъ скрылся.

— Ахъ, каналья этакая,—въ искреннемъ гнѣвѣ сказалъ будущій воинъ.—Непремѣнно узнаю, кто это.

— Кто этотъ юноша?—спросилъ кто-то сзади меня.

Я обернулся; сзади меня стоялъ молодой человѣкъ въ клеенчатой фуражкѣ и въ поношенномъ драповомъ пальто.

— Это нашъ гимназистъ.

— Вотъ защитникъ-то отечества!—проговорилъ онъ, не улыбаясь, но довольно мягко.

— Все бы ему драться...—прибавилъ кто-то изъ толпы:— онъ тутъ давно шумѣлъ...

— Гм...—сдержанно сказалъ молодой человѣкъ и обратился къ намъ:—вы, господа, здѣшней гимназіи?

— Да.

— Я—вашъ новый учитель исторіи.

Мы было-оробѣли, но, къ нашему удивленію, учитель ласково сказалъ намъ:

— Пойдемте, господа, ко мнѣ, поговоримъ, да кстати вы меня познакомите и съ городомъ.

Мы послѣдовали за учителемъ и не могли порядкомъ надивиться ему. Говорилъ онъ съ нами какъ съ людьми, ибо нѣсколько разъ спросилъ: «какъ *вы думаете*?» «Не правда ли?..» Этого никогда мы прежде не слыхали. Потомъ завелъ насъ къ себѣ въ нумеръ и предложилъ намъ, какъ настоящимъ людямъ, — вино. «Не хотите ли мадеры?» — «Извините, я раздѣнусь...» Все это было ново, и учитель оставилъ въ насъ наипріятнѣйшее впечатлѣніе. Сколько сообщилъ онъ намъ о войнѣ, о злодѣйствахъ, о злоупотребленіяхъ! И хотя мы были весьма далеко отъ пониманія всей важности этихъ тайнъ, но и насъ пробралъ его разговоръ.

Съ этого времени и въ порядкахъ гимназіи, и вообще

въ порядкахъ жизни произошелъ переломъ. Новый учитель тотчасъ началъ борьбу съ мелочностью начальства и тотчасъ нажилъ тьмы враговъ, начиная съ гимназическаго эконома до директора включительно. Ученики стали выписывать журналы и читать; собирались на квартирѣ новаго учителя потолковать, посовѣтоваться, образовали особую партію, къ которой примкнулъ и Павлуша Хлѣбниковъ. На моихъ глазахъ онъ столь же мило и легко дѣлался либераломъ, какъ прежде дѣлался ябедникомъ (тоже очень милымъ), или исполнялъ волю начальства, повелѣвавшаго выдрать товарища за ухо.

Я бывалъ въ этомъ обществѣ; но я ужъ значительно облѣнился и жилъ жизнью толпы болѣе, нежели можно было думать; я даже оставилъ въ это время гимназію, потому что, въ качествѣ одного изъ субъектовъ толпы, почувствовалъ большую тоску... Война кончилась. Турка снова нужно было запереть въ душу на неопредѣленное время, и все стало по-старому. Силачу Ѳедотову опять нечего дѣлать. Алешѣ не о чемъ пророчествовать. Улица, гдѣ сломалъ ногу обыватель, бѣжавшій съ газетными извѣстіями, освѣщена; но зачѣмъ теперь ходить по ней? Фонарь стоитъ въ ней одинъ-одинешенекъ. Почитать газету? — да что̀ въ ней интереснаго?.. У толпы опять не осталось ничего, и мѣщанинъ, вчера еще разсуждавшій съ женой о политикѣ, теперь снова говоритъ ей свирѣпымъ голосомъ: «Что̀ стала? Не знаешь своего дѣла? Загони свинью-то! Давно я за васъ не принимался!..» Мѣщанскій ребенокъ рѣшительно не можетъ выдумать игры «въ освобожденіе крестьянъ», о которомъ ужъ бродили слухи и въ толпѣ, и попрежнему лѣзетъ головой въ заборную дыру и оретъ.

Послѣ турка у толпы ничего не осталось своего...

Зашелъ я къ Змѣеву. Онъ въ жилъ отдѣльной комнатѣ у чиновника-сотоварища, и хотя не имѣлъ съ отцомъ никакого дѣла, но я замѣтилъ, что онъ уже въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно возможности распорядиться своей свободой.

— Ты что̀ же въ Петербургъ-то? — сказалъ я ему и замѣтилъ, что онъ пьянъ.

— Погоди... Будетъ все!

Храбрости въ его голосѣ однако не было.

— Надо послать за водкой! — торопился онъ прервать рѣчь о Петербургѣ.

Принесли водку. Змѣевъ выпилъ и охмелѣлъ.

— Я—человѣкъ! Понимаешь ты это? — сталъ-было онъ кричать попрежнему, но на крикъ явилась хозяйка и сказала:

— Вы, пожалуйста, не шумите.

— Какъ? Я не имѣю права дѣлать, что̀ хочу?

— Домъ мой!

— Я плачу̀ деньги!

— Все-таки вы не смѣете...

— Не смѣю?

— Не смѣете!

— Я не смѣю?.. Вотъ же вамъ!

И онъ поставилъ на столъ нѣкоторую посуду.

— Побойтесь Бога, на столѣ стоитъ Божій даръ—хлѣбъ, а вы...

— А-а... — вопилъ Змѣевъ: — я не смѣю?.. Погодите, я вамъ покажу... Вотъ же вамъ...

Хозяйка выбѣжала вонъ, а за ней и я.

Змѣевъ бушевалъ и дебоширничалъ еще недѣли двѣ. Всѣ безобразія, находившіяся въ его рукахъ, онъ пустилъ въ ходъ для доказательства, что онъ — человѣкъ, но такъ какъ этими безобразіями онъ ничего не доказалъ и, отрезвившись, сообразилъ, что далеко ему до человѣка, то вскорѣ засѣлъ онъ за письмо къ отцу.

Въ письмѣ онъ просилъ прощенія, кланялся въ ноги и умолялъ позволить ему вернуться.

Отецъ отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ, съ текстами изъ священнаго писанія, и позволеніе вернуться далъ.

И вотъ Змѣевъ опять не смѣетъ выйти вечеромъ изъ дому до тѣхъ поръ, пока не «улягутся».

Все въ толпѣ стало по-старому.

А я все плотнѣй забивался въ уголъ. Лѣнь овладѣвала мною все болѣе и болѣе, и кругомъ было столь же много тоски, скуки, которая мнѣ давала возможность быть покойнымъ.

V.

Такъ за самоварчикомъ просидѣлъ я долгое время. Не зналъ я, какъ мои гимназическіе товарищи кончили курсы и разлетѣлись по чужимъ краямъ, не зналъ, въ какихъ они были университетахъ и что̀ тамъ дѣлали.

На дворѣ у меня кудахтали куры, ходилъ пѣтухъ «Мышьякъ», прошибавшій до̀ мозгу; все было тихо и покойно.

И вдругъ является Павлушка Хлѣбниковъ съ безконечными разсказами объ университетской жизни.

«А,—думалъ я не безъ злости:—ишь тебя тамъ какъ налили-то новыми мыслями! Помогать народу!.. И какъ это ты будешь помогать ему? Найдешь ли ты въ немъ такую струну, такую душевную привязанность, ради которой онъ бы сталъ тебя слушать? И къ чему такому нашелъ ты у него жажду, чтобы ему было мало лаптей и неусыпнаго труда?»

А тутъ вылѣзаетъ какой-то полоумный ходокъ и объявляетъ про какое-то дѣло, за которое всѣ стоятъ, и это дѣло не просто изъ-за надѣла, а изъ-за души.

«Да что же? Неужели еще что-нибудь осталось въ этой душѣ? Турка болѣе нѣтъ... Что же тамъ? Религія? Семья?..»

Я рѣшительно ничего не понималъ.

Но все это было весьма ново, и я рѣшился предпринять путешествіе съ петербургскимъ гостемъ.

Мы намѣрены были пройтись «недалеко», ибо даже и при началѣ путешествія (нельзя утаить) чувствовали тайно, что тамъ, въ народѣ, намъ, пожалуй что, дѣлать нечего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я и Павлуша «ходимъ въ народѣ».

I.

Подъ вліяніемъ смутнаго страха предъ наступающимъ новымъ, неопредѣленныя формы котораго такъ неожиданно затронулъ извѣстный читателю мужикъ-ходокъ, я и Павлуша совершили путешествіе и утомительное, хотя и краткое, и весьма тягостное для души, но поучительное. Тягостное и странное впечатлѣніе этого перваго путешествія ничуть не разсѣялось даже тогда, когда случай далъ намъ возможность кое-что узнать о таинственномъ мужикѣ и о томъ, какъ комбинируются его многосложныя мысли.

Случай этотъ представился намъ на богомольѣ, въ уѣздномъ городѣ, отстоящемъ отъ нашего губернскаго верстъ на тридцать пять. Попали мы на богомолье именно вслѣдствіе страннаго душевнаго состоянія, которое стали ощущать почти съ первыхъ шаговъ пути,—состоянія, которое

можно назвать нѣсколько неловкимъ... Тамъ, гдѣ есть настоящая подлинная жизнь, тамъ нѣтъ надобности шататься «за ней» куда бы то ни было, ѣсть за семь верстъ киселя; тамъ, по всей вѣроятности, всякій вопросъ, возбужденный жизнью, получаетъ тотчасъ же и отвѣтъ отъ нея самой. Въ путешествіи нашемъ было не то. Отправляясь въ путь, мы тоже имѣли нѣкоторый, хотя и недостаточно опредѣленный вопросъ, но когда отвѣтомъ на него стали намъ служить десятки верстъ пустыря, десятки верстъ проселка, который, казалось, рѣшительно не хотѣлъ вести къ тому мѣсту, куда шелъ, и какъ бы старался, виляя безъ цѣли изъ угла въ уголъ, только проморить пѣшехода и протянуть время, когда пришлось радоваться всякой галкѣ и воронѣ, которая заблагоразсудитъ изрѣдка оживить картину унылыхъ полей, — словомъ, когда обнаружилось, что мы за отвѣтомъ отправляемся неизвѣстно куда, — я думаю, никто не задумается опредѣлить наше душевное состояніе, назвавъ его неловкимъ и тягостнымъ.

— Куда мы идемъ? Не лучше ли воротиться домой? И какое намъ до всего этого дѣло? — стало мелькать въ головѣ, когда мы «отмахали» по тоскующему проселку верстъ пятокъ.

Признаться вслухъ, что мы были чужими въ этихъ поляхъ и проселкахъ, было не легко, и мы шли, молча неся въ душѣ неразрѣшимую тяготу. Невольно чувствовалась потребность ободрить себя, даже зайти для того въ кабачокъ. Мы крайне обрадовались, завидя постоялый дворъ, стоявшій при впаденіи проселка въ старинную большую дорогу. Постоялый дворъ съ раскрытыми по мѣстамъ крышами, съ пустымъ дворомъ, на которомъ по временамъ вѣтеръ поднималъ кое-гдѣ труху и раздувалъ хвостъ одиноко бродившей курицы, не особенно оживилъ насъ, хоть мы и выпили водки и поѣли. Какое-то запустѣніе вѣяло изъ каждаго угла, отъ каждой вещи. Хозяйка ходила по сѣнямъ, распустивъ платье и босикомъ, и не то она чего-то искала, не то хотѣла позвать кого-то; но почему-то сердилась, что можно было заключить по довольно вѣскому удару, нанесенному ею свиньѣ, опрокинувшей корчагу съ помоями. Посердившись спросонокъ въ сѣняхъ, хозяйка вышла на крыльцо и стала будить работника, который спалъ ничкомъ на лавкѣ. «Иванъ! Иванъ! Иванъ! Иванъ!» — слышалось намъ въ окно, при чемъ всякій разъ раздавалось шлепанье хозяйской ладони объ Иванову спину; но

Иванъ не просыпался, да хозяйкѣ, повидимому, и надобности въ немъ не было, ибо, наколотивъ ему спину и накричавшись, она пошла прочь, нѣсколько какъ будто успокоенная,—по крайней мѣрѣ, она залегла спать не ругаясь... Пустырь, неопредѣленное ворчаніе хозяйки, вѣтеръ и куры, безъ призора гулявшія по горницѣ, хлопавшія рамы—все это, при нашемъ неопредѣленномъ положеніи, еще болѣе разстроило насъ.

Вечеромъ мы вышли на крыльцо постоялаго двора, не зная, куда идти—направо или налѣво. По большой дорогѣ плелись богомолки и богомольцы. Иные изъ нихъ садились близъ крыльца перевязать лапоть или просили напиться и скоро уходили далѣе.

На крыльцѣ было общество.

Здѣсь на ступенькахъ сидѣлъ хозяинъ — лысый, чернобородый мужикъ, повидимому, спросонокъ, угрюмый и пыхтѣвшій, какъ самоваръ. Онъ былъ въ ситцевой рубашкѣ, босикомъ, и сурово посмотрѣлъ на насъ.

— Расчетъ, что ли, требуется? — спросилъ онъ насъ, искосясь.

— Да! Расчетъ бы...—сказали мы, хотя, въ сущности, хотѣли посидѣть на крыльцѣ.

— Авдотья!—позвалъ хозяинъ жену такимъ голосомъ, словно бы хотѣлъ ее растерзать. — Авдотья! Иди, что ли! заснула тамъ?

Авдотья, жена хозяина, появилась на крыльцѣ. Она недовольно сморщила свое лицо и пискливымъ, тоже крайне разстроеннымъ голосомъ спросила:

— Ну, что̀?

Говоря это, она одновременно обращалась и къ намъ и къ мужу.

— Расчетъ дай господамъ.

— Почему же—«господамъ»?—вдругъ спросилъ Павлушка Хлѣбниковъ, имѣвшій неосторожность нарядиться въ деревенскій костюмъ, купленный въ городѣ.

Этотъ вопросъ весьма заинтересовалъ и дворника и дворничиху, такъ что у послѣдней почти вовсе исчезло недовольное выраженіе лица.

— А кто же вы?—сказала она. — Я сейчасъ васъ узнала.

— Почему же?

— Вотъ чудаки-то! Что-жъ, вы мастеровые, что ли?

Мы не могли дать отвѣта—кто мы.

— Нешто мастеровые,—продолжала она:—станутъ трескать—извините—подъ такой день скоромъ?

Мы опять не могли отвѣтить, ибо не знали, «подъ какой день» съ нами случилось путешествіе.

— Подъ какой день?—спросилъ Павлуша.

Тутъ хозяйка захохотала, ударивъ себя руками о бедра, а хозяинъ поворотилъ къ намъ жирную багровую щеку и, искашиваясь сердитымъ глазомъ, спросилъ:

— Да вы куда идете-то?

Положеніе наше стало еще труднѣе.

— Къ угоднику, что ли?

— Къ угоднику!—отвѣтили мы наудачу.

— А потребовали молока!—произнесла хозяйка.—Какіе-жъ вы мастеровые? Нешто мастеровой человѣкъ сдѣлаетъ такъ-то? Онъ Бога помнитъ, онъ не смѣетъ этого... Я сейчасъ васъ узнала, какъ потребовали молока. Какъ это можно, чтобы простой человѣкъ... Простые вы!.. А вы зачѣмъ нарядились-то, баловники?.. какіе притворщики!..

— Къ угоднику идти на богомолье, — сказалъ хозяинъ довольно нравоучительнымъ тономъ:—да наряжаться словно на масленицѣ,—тутъ порядку мало. Такъ нельзя!

Хозяинъ даже тряхнулъ головой: такъ убѣжденно и нравоучительно произносилъ онъ каждое слово.

— Какой человѣкъ имѣетъ вѣру, тотъ идетъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же нравоучительнымъ тономъ:—идетъ, напримѣръ, съ вѣрой, напримѣръ, да! А не то что... чтобы... молока тамъ... Ему память разъ въ годъ,—стало-быть, надо ее почтить... А не то что...

— Это «память» называется то же самое, что̀ праздникъ...—пояснила намъ хозяйка.

Мы сидѣли какъ школьники.

— А когда будетъ праздникъ?—спросилъ Павлуша.

При этомъ вопросѣ на нѣкоторое время остолбенѣлъ и поднялся даже съ своего сидѣнья дворникъ, а дворничиха просто отшатнулась въ сторону.

— Вы что̀ же это творите такое? — сказалъ дворникъ, когда прошло оцѣпенѣніе.—Идете къ угоднику, а не знаете, когда ему память?

Мы молчали. Дворникъ смотрѣлъ на насъ въ упоръ, какъ слѣдователь, и, сдѣлавъ небольшой промежутокъ молчанія послѣ перваго вопроса, для того, чтобы мы почувствовали всю нелѣпость нашихъ поступковъ, задалъ другой, тоже слѣдовательскій вопросъ:

— Утверждаете, что идете къ угоднику, а, позвольте узнать, какимъ манеромъ вы можете туда идти, ежели вы ничего этого не знаете и спрашиваете, когда праздникъ?

— Ахъ-ахъ-ахъ!—покачивая головой, въ какомъ-то полуудивленіи и полусмѣхѣ лепетала хозяйка. — Н-ну, бог-го-мольцы!

— Ну да! идемъ къ угоднику! — по возможности спокойно сказалъ Павлуша дворнику, поднимаясь съ лавки.— Больше ничего...

— Идете Богу молиться, а требуете скоромь?—сказала хозяйка.

— Что-жъ такое? Если я боленъ?..

— Ахъ-ахъ-ахъ!—вопила хозяйка. — А угодникъ-то на что? Зачѣмъ къ угоднику-то идете?.. Неужто-жъ молоко можетъ больше противъ него? а-ахъ-ахъ!..

— Вы бы въ аптеку шли, а не къ угоднику!—сказалъ хозяинъ весьма сурово.—Ежели вы полагаете, что наѣсться скоромнаго лучше, то угодника Божія вы оставили бы... да...

— Ну, богомольцы... Прекрасно!

— Въ такомъ случаѣ вамъ нужно въ аптеку... да!— продолжалъ хозяинъ, сердито усаживаясь на ступеньки къ намъ спиной:—а не къ Богу!..

— Ну, богомольцы! — удивлялась хозяйка. — Идутъ къ угоднику — не знаютъ, когда ему память! нарядились въ мужицкій нарядъ—а сами господа, вѣры не имѣютъ—а идутъ!.. Молоко для нихъ больше Бога!

— Что̀ это вы говорите!—воскликнулъ Павлуша, видя, что она сдѣлала слишкомъ яркое резюме нашего глупаго положенія,—но спохватился онъ не во̀-время, ибо, почти въ то же время, хозяинъ, точно̀ также пораженный яркостью резюме своей супруги, снова быстро поднялся и еще быстрѣе спросилъ насъ:

— Да кто вы такіе, господа?

— Ты давай-ка расчетъ-то, да не разговаривай много!— сказалъ я весьма нелюбезно:—не твое дѣло!

— То-то лучше вамъ по-добру отседа... по-здорову...

— Говори, сколько надо, да заверни языкъ въ тряпку, а то ты мастеръ молоть-то, я вижу...

— Три цѣлковыхъ,—вотъ сколько!—закипѣвъ гнѣвомъ, прогремѣлъ хозяинъ.—Давай деньги! Съ васъ, проходимцевъ, и не такъ еще надо бы... Мы вашего брата знаемъ коротко.... да!

Видно было, что хозяинъ считалъ насъ въ своихъ ру-

кахъ. Но я, чтобы не уронить себя передъ нимъ, принялся торговаться, но выторговалъ, впрочемъ, немного, ибо въ рѣчи хозяина стали упоминаться такія слова, какъ «становой», «волость» и такъ далѣе, которыя хотя и не предвѣщали намъ опасности, но могли затянуть нашу прогулку въ безконечность, такъ что я былъ очень радъ, когда намъ, хотя и съ малыми барышами, удалось наконецъ уйти. Разставшись съ постоялымъ дворомъ, нѣкоторое время мы шли вдоль столбовой дороги наудачу, куда глаза глядятъ, и потому-то встрѣча съ партіею богомольцевъ была намъ необыкновенно пріятна.

Мы пристали къ партіи.

II.

Среди богомольцевъ намъ было спокойно и хорошо. Народъ этотъ шелъ, тоже, какъ и мы, повидимому, неизвѣстно зачѣмъ и, во всякомъ случаѣ, шелъ изъ-за какихъ-то совершенно непрактическихъ побужденій; а это намъ было по душѣ. Мы въ этомъ обществѣ могли хоть немножко опомниться, ибо все это общество и причина его странствованій были готовою темою для нашихъ наблюденій. Куда и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, идутъ они?—пришло мнѣ въ голову, и скоро между нами и богомольцами завязались разговоры. Народъ, который шелъ къ угоднику, былъ самый разнообразный: тутъ были и чиновницы, и мѣщанки, и отставной солдатъ, и какія-то неопредѣленныя лица въ полукафтанахъ мужескаго пола, и такія же женскія.

Слушая ихъ разговоры, я вспоминалъ нашу томительно-скучную провинціальную жизнь, въ которой вырастаютъ Алеши, бѣгающіе съ котомъ, Павлуши-тенора, поющіе басомъ, и такъ далѣе.

— Вы, матушка, по обѣщанію, что ли?

— По обѣщанію, родная. А вы?

— И я по обѣщанію. Болѣли у меня зубы три года ровно, день и ночь, день и ночь.

— И—матушка!

— Измучилась я, родная, вся какъ есть измучилась! и доктора были, и заговаривали — воротитъ вотъ скулу на сторону. Тутъ я и дала обѣщаніе.

— И-и!.. И прошли?

— Какъ дала обѣщаніе, такъ сейчасъ и прошли.

— То-то угодникъ-то! Я сама тоже: у меня пять лѣтъ ломила нога лѣвая...

Слѣдуетъ длинный разсказъ про болѣзнь.

— И прошло?

— Слава Богу! Каждый годъ съ тѣхъ поръ хожу къ угоднику...

— А я, матушка, впервой... Сказываютъ, какъ хорошо-то!

— И-и, родимая! Такъ-то хорошо, такъ хорошо, Боже мой! Разсказать этого такъ словъ нѣту никакихъ... То-то хорошо-то!

Странницы нѣсколько разъ повторили, какъ все это хорошо и чудно; но въ чемъ состояла красота, мы пока не узнали. Въ разговоръ вмѣшался странникъ въ черномъ полукафтанѣ.

— Въ Оптиной пустынѣ,—сказалъ онъ:—вотъ ужъ такъ хорошо, а въ Соловецкомъ еще лучше.

— Не была, батюшка, не хочу лгать.

— Какъ можно,—вмѣшалась новая странница:—въ Соловецкомъ невпримѣръ лучше... Есть ли тутъ ночлегъ-то страннымъ?

— Тутъ, матушка, отъ обители нѣту ночлега.

— Гдѣ-жъ народъ-то спитъ?

— А гдѣ Богъ пошлетъ. И на голой землицѣ поспишь.

— Для Бога все можно, а ужъ что̀ насчетъ упокою, такъ въ Соловецкомъ монастырѣ этакія хоромы выведены для страннаго человѣка—пріютъ тебѣ есть по крайности... А трапеза здѣсь какъ?

— Не знаю, матушка, свое ѣмъ.

— Здѣсь трапеза слабая!—сказалъ странникъ.—Вотъ у Саввы Плотника, такъ тамъ, вотъ тамъ ужъ чудесно! Въ полночь ты пришелъ, за-полночь,—во всякое время тебѣ пища... Экономъ сейчасъ выноситъ—рыбу ли тамъ, квасъ ли — что̀ тамъ по чину, — «вкуси», говоритъ... То-то хорошо-то!

— Ужъ такъ ужъ хорошо!.. А тутъ-то какъ же? Неужто угощенія обитель не выставляетъ?

— Угощеніе есть, только скудно. Послѣ обѣдни по копейкѣ, по полуфунту хлѣба, да щей тамъ...

— И-и!.. Что-жъ такъ? Тутъ мѣста рыбныя...

— Рыбныя, точно, только что нѣту заведенія этого... Настоятель изъ военныхъ.

— Н-ну?.. Только щи? Какія же щи-то?

— Ну, тамъ со снѣткомъ иной разъ... Скупо!

— Скупо! Ужъ скупо! такая обитель... Нѣтъ, у Тихона

Задонскаго много лучше!.. Вотъ ужъ гдѣ хорошо-то, такъ ужъ, кажется, и разсказать-то не разскажешь. Тамъ сейчасъ тебѣ подаютъ пирогъ съ кашей.

— Въ Оптиной—съ капустой...—прибавилъ странникъ.

— А тутъ съ кашей—первое. Съѣла ты пирогъ, начинается пѣніе; пропѣла ты тропарь, опять садись за столъ—щи от-тличнѣйшія.

Просто слюни текли, слушая реестръ кушаньямъ, которыя, по словамъ записной и опытной странницы, подавались въ обители. Нѣкоторые изъ странниковъ и странницъ, заслушавшись ея разсказами, въ умиленіи повторяли:

— То-то хорошо-то!.. Ужъ и хорошо!

Съѣстная черта неизвѣстнаго намъ «то-то хорошо» была разъясняема довольно долгое время, при чемъ совершенно неожиданно обнаружился новый для меня типъ странника—изъ мѣщанъ, обуреваемаго исключительно съѣстными цѣлями.

Это былъ молодой, лѣтъ двадцати пяти, малый, весьма недалекій, но крайне добродушный.

— Чудесное это дѣло, я тебѣ скажу, странствовать!—сказалъ онъ мнѣ, слушая странницу. — Слабому человѣку, вотъ какъ я, примѣрно, лучше не надо!

— Чѣмъ же?

— Да чѣмъ? Чего нужно-то?—былъ бы сытъ, больше мнѣ ничего не надо... А тутъ, въ обителяхъ, почесть вездѣ кормятъ. Круглый годъ и сытъ.

— Неужто круглый годъ?

— Да почесть что такъ. Теперь гляди: по веснѣ идутъ обительскіе праздники съ выносомъ: изъ теплаго, сталобыть, зимняго мѣста переносятъ въ холодное мѣсто. Тутъ бываютъ праздники: ну-ко, покуда обѣгаешь всѣ-то ихъ? Хвать, анъ весна-то, Господи благослови, и прочь! Весну отправишь, идетъ лѣто; тутъ ужъ настоящіе праздники, тутъ угощеніе отъ обителей иной разъ сутокъ по трое, по четверо... Тутъ только поспѣвай; я вотъ теперь сюда, а завтра, послѣ вечеренъ, я ужъ отсюда въ ходъ. Да надо поспѣвать къ Саввѣ Плотнику: большое празднество, съ трапезой; тутъ надо облаживать дѣла, не зѣвать. Видѣли, какъ дѣла-то?

— А осень?

— А осенью опять, Господи благослови, переносъ начинается изъ холоднаго мѣста опять же въ теплое обратно, и опять же празднество. Тутъ опять обѣжишь мѣстовъ тридцать, анъ гляди—и зима.

— Ну, а зимой какъ?

— А зимой, братецъ мой, я къ купцамъ въ кучера. Особенно люблю купчихъ. Куда ей ѣхать? Лежишь да стихи духовные поешь на печи. Купцы народъ—неповоротъ; что̀ ему? Иной разъ только и ѣзды бываетъ, что отъ угару...

— Какъ отъ угару?

— Угораютъ вѣдь они, купцы-то, часто по зимамъ. Почесть каждый день они угораютъ. Ну, запряжешь мерина, потаскаешь ребятъ по воздуху, чтобъ отошло... Сами-то хрѣномъ болѣе... Только всего и работы иной день. А иной, случится, съ хозяйкой на рынокъ съѣздишь. На рынокъ ей — все одно, какъ въ театръ: — время провести. Нашъ братъ, простой человѣкъ, захотѣлъ ѣсть, пришелъ въ обжорный рядъ: «Почемъ? Рѣжь!»—больше ничего... Засунулъ рубецъ за щеку и пошелъ къ своему мѣсту; а имъ этого не надо. Ѣдешь въ лавку шагомъ, разговариваешь съ ней, купчихой: «не будетъ ли, молъ, завтра морозу, какъ узнать?» Ну, говоришь ей—такъ и такъ... Собака пробѣжитъ, о собакѣ поговоришь; галка въ случаѣ, тоже и объ ней частью... Чудаки онѣ бываютъ, купчихи! Я у нихъ зимой жить люблю... А какъ весна, я маршъ на переносъ и пошелъ. Да что̀ же?

— Да, хорошо!

— Ей-Богу! Да по святымъ мѣстамъ какъ хорошо-то...

— Хорошо!

— Дюже хорошо... Столь дивно, такъ это... Ахъ, шутъ тебя возьми, табакъ-то весь.

— На, возьми папироску...—сказалъ я.

— Дай, другъ, дай... Весь табакъ-то...

— Постыдись ты, безпутный! — замѣтила, увидѣвъ папироску, одна изъ странницъ грубымъ, басоватымъ голосомъ.—Далеко-ль тутъ осталось до угодника? Хошь бы ты малость потерпѣлъ... Грѣхъ вѣдь!

— Грѣхъ, это вѣрно. Только теперь я и курить примусь, и грѣха не будетъ...—хвастовито сказалъ молодецъ.

— Будетъ!

— Анъ нѣтъ! то-то и есть. Онѣ,—обратился онъ ко мнѣ съ веселой улыбкой: — онѣ, эти богомолки, страсть какъ для меня помогаютъ. Ей-Богу. Теперь, изволишь видѣть, курить точно грѣхъ, это вѣрно. Но коль скоро она меня осудила, на комъ грѣхъ-то?

Богомолка сердито молчала.

— На тебѣ!—весело сказалъ молодецъ.—Видѣла? И вы-

ходитъ такъ, что ты идешь къ угоднику-то съ папиросой, а не я... Ловко, что ли!

— Богъ съ тобой...

— Видѣла?—продолжалъ молодецъ:—какъ вышло-то чудесно. Я вотъ покурю себѣ, накурюсь—и чистъ! А ты—съ папироской... А не осуждай! Отлично мнѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—съ этими съ богомолками ходить... Я напьюсь, наѣмся, накурюсь, все справлю, а онѣ идутъ, корочку да водицу, хвать—вся ѣда на нихъ, потому не вытерпятъ, осудятъ, а я чистъ-чистехонекъ подхожу къ Господу, словно бы я и не ѣлъ и не пилъ ничего. От-тлично это выходитъ!

— А ты-то не осуждаешь, что ли? — спросила его старуха.

— Я-то? Никакъ! Чѣмъ я тебя осудилъ? Я тебя какъ называлъ: «старушка Божья»; на мнѣ грѣховъ вотъ на этакой волосокъ нѣту, а вотъ на тебѣ есть... Теперича ты идешь къ угоднику, и напилась ты, и наѣлась, и накурилась, а я чистъ. А кто ѣлъ-то? Я! Видѣли, какъ ловко вышло?.. Ха!..

Молодой малый весело покуривалъ папироску, весело шелъ впередъ и по временамъ съ улыбкой говорилъ:

— Ну-ка, старушка Божья, закури еще папироску...—и закуривалъ самъ.

— Ахъ, старушка, какъ тебѣ не стыдно! — идешь къ угоднику и табачищемъ дымишь... Вѣдь это дьяволы въ тебѣ дымятъ... Какой у тебя табакъ знатный!—мимоходомъ замѣчалъ онъ мнѣ.

Богомолка молча шла впереди и не отвѣчала.

Пройдя съ богомольцами верстъ десятокъ, мы почти не слыхали отъ нихъ другого объясненія выраженію: «то-то хорошо-то», кромѣ съѣстного. Изрѣдка только кто-нибудь, пренебрегая съѣстнымъ и желая коснуться предмета съ другой, болѣе высокой стороны, упоминалъ о звонѣ, о пѣніи.

— Въ которомъ часу звонъ-отъ, батюшка?—поохивая и покряхтывая, спрашивала богомолка богомольца.

— Въ первомъ часу, матушка! — отвѣчалъ тотъ, произнося слова на старушечій манеръ и даже стараясь говорить женскимъ голосомъ.

— Въ полночь?

— Пополуночи, въ сам-мую пополуночи.

И они оба вздыхали.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались все ближе и ближе

къ городу, толпы богомольцевъ стали увеличиваться; по дорогѣ все чаще и чаще стали проноситься экипажи и нарочно устроенныя на случай праздника кибитки изъ рогожъ, трепавшихся по сторонамъ телѣги; народу ѣхало много. На двѣнадцатой верстѣ отъ постоялаго двора въ большую губернскую дорогу впадала другая такая же большая дорога, шедшая на Москву; и съ этого впаденія количество богомольцевъ и повозокъ съ пассажирами еще болѣе увеличивалось. Ходьба цѣлаго дня достаточно уже утомила насъ, и мы приняли предложеніе какого-то ямщика, который громкимъ голосомъ кричалъ, обращаясь къ богомольцамъ:

— Два мѣста есть! Православные, садись! Недорого возьму! Звонъ прозѣваешь! Эй!

За рубль серебромъ мужикъ согласился насъ довезти до города, и мы, забравшись въ просторный и круглый, какъ орѣхъ, тарантасъ, необыкновенно покойно сидѣвшій на сломанныхъ и перевязанныхъ веревками дрогахъ, очутились въ обществѣ купца и купчихи.

Послѣ обычныхъ вопросовъ: «не къ угоднику ли, батюшка?», сказанныхъ тоже старушечьимъ тономъ, почему-то необходимымъ при разговорѣ объ угодникахъ Божіихъ и вовсе ненужнымъ этому купцу, когда онъ въ своей лавкѣ продаетъ гнилой товаръ, послѣ этого вопроса, на который мы дали утвердительный отвѣтъ, опять послышалось знакомое намъ:

— То-то, говорятъ, хорошо-то!

Это сказала купчиха и вздохнула.

Купецъ, ея супругъ, только вздохнулъ и, не имѣя, вѣроятно, возможности выяснить свой вздохъ словами, обратился къ кучеру съ вопросомъ:

— Это какъ деревня-то называется?

— Не знаю!

— Это—Красные Дворы...—отвѣтилъ купецъ самъ себѣ, ибо давно зналъ эти мѣста, какъ свои пять пальцевъ.

Мы молчали.

— А что, господа,—сказалъ купецъ:—въ которомъ часу въ обители начало звону будетъ?

— Въ полночь!—отвѣчали мы.

— Въ полночь!—сказалъ купецъ.—Какъ чудесно!

Купчиха вздохнула. Она ѣхала къ угоднику отъ стрѣльбы въ головѣ.

— Въ полночь!—повторилъ купецъ. — Правда ли, нѣтъ

ли, не знаю, сказываютъ, всенощная оканчивается въ двѣнадцатомъ часу, а черезъ часъ опять служеніе?

— Не знаю,—сказалъ я:—мы въ первый разъ.

— Гм!.. Въ первый... Сказываютъ, дюже хорошо!

— Говорятъ, что хорошо.

— Хорошо!..

Купчиха, ударяясь о косякъ вискомъ, вздохнула и перекрестилась. Разговоръ пресѣкся. Съѣстной взглядъ на вещи не приличествовалъ купцу по его состоянію и положенію, а насчетъ звону много не наговоришь.

— Это какая деревня-то?—спросилъ онъ опять ямщика.

— Не знаю!—отвѣчалъ тотъ.

— Это Мымриха...

Разговоръ было-опять пресѣкся; но неожиданно врагъ попуталъ купца, и онъ произнесъ:

— Тутъ воровъ теперича наползло—Господи, Боже мой!

— Гдѣ именно?

— А вокругъ обители, страсть одна! Тутъ воры шатаются цѣлыми табунами, изъ одной обители въ другую такъ и переваливаютъ. Меня разъ какъ обчистили! Дѣло было такъ...

Начался длинный-длинный разсказъ про воровъ, сразу оживившій нашу, до сихъ поръ довольно натянутую бесѣду. Сначала купецъ разсказалъ, какъ его обокрали у Митрофанія; потомъ купчиха начала разсказывать про своячницу, которую среди бѣла дня обокрали наиобразцовѣйшимъ образомъ. Интересны были не процессы кражи, а оживленіе, съ которымъ шелъ этотъ разговоръ.

Видно было, что купецъ ѣхалъ поразмять кости, засидѣвшіяся за прилавкомъ, и отвести душу, одеревенѣвшую отъ постояннаго сосредоточенія на томъ, что «уступить нельзя» и «самимъ дороже».

Мы такъ подружились, что купецъ предложилъ намъ отправить жену въ страннопріимный домъ, а самъ хотѣлъ остаться съ нами гдѣ-нибудь въ трактирѣ.

— Все чайку попьемъ!—сказалъ онъ.

— Перекрестись!—дернула его за руку жена: — аль не видишь?—колодецъ святой!

Купецъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ:

— Право, попили бы, господа?

Далѣе шелъ разговоръ о нынѣшнихъ и старыхъ временахъ. Сущность разговора была та, что теперь пошло въ ходъ мошенничество, тогда какъ прежде его и слыхомъ не было будто бы слышно.

Между тѣмъ на дворѣ темнѣло сильно; ночь была жаркая, съ тучами, безъ звѣздъ.

Вдали, въ сторонѣ уѣзднаго города, виднѣлись огоньки и ярко горѣла внутренность соборнаго купола надъ мощами угодника.

Фигуры богомольцевъ поминутно мелькали цѣлыми толпами мимо нашего тарантаса.

— Марья Кузьминишна!—дернувъ за рукавъ жену и указывая ей на куполъ, произнесъ купецъ:—Глянь: кумполъ-то!

Купчиха глянула и перекрестилась:

— Ужъ какъ хорошо!

— Дивно!—сказалъ купецъ, но намѣренія своего отправиться съ нами въ трактиръ не бросилъ.

Когда тарантасъ нашъ заколесилъ по темнымъ, изрытымъ канавами и ямами улицамъ уѣзднаго города, онъ опять сказалъ женѣ:

— Право, тебѣ къ Амельѳѣ бы Тимоѳеевнѣ, въ странно-пріимный! По крайности, спокойнѣе...

— Ну-к-что-жъ!

Въ голосѣ купчихи слышалось недовольство, несмотря на то, что мужъ говорилъ, повидимому, ласково; по всей вѣроятности, она коротко знала, что̀ значатъ эти ласковыя приглашенія. Сдавъ жену въ страннопріимный домъ, купецъ громко крикнулъ извозчику: «пошелъ!» и, судя по жесту, употребленному имъ при этомъ, намѣренъ былъ провести время весело.

— Въ первомъ часу звонъ-то?—спросилъ онъ у извозчика.

— Въ первомъ.

— Теперь девятый часъ. Пошелъ! Еще много времени, валяй къ Синицыну!

У Синицына былъ трактиръ, гдѣ мы нашли водку и жареную рыбу. Но оживленной бесѣды съ купцомъ не состоялось: усталость клонила насъ ко сну. Павлуша Хлѣбниковъ совсѣмъ раскисъ, ничего не слыхалъ и не помнилъ, и когда мы наконецъ улеглись всѣ трое въ томъ же тарантасѣ на дворѣ, такъ какъ во всемъ городѣ не было угла, гдѣ бы уже не было набито биткомъ, онъ заснулъ, какъ убитый. Мы лежали рядомъ съ купцомъ и молчали. О чемъ было говорить намъ? Купецъ, видимо, настраивался на религіозный ладъ. На этотъ ладъ настраивалось, кромѣ насъ, множество народу, лежавшаго тоже въ тарантасахъ и телѣгахъ, которыми былъ загроможденъ дворъ. Но, какъ они

ни налаживались, ничего не выходило, кромѣ вздоховъ и вопросовъ о звонѣ.

— Когда звонъ-то?—слышалось въ одномъ углу.

— Въ первомъ часу... — отвѣчало сразу человѣкъ пять.

— Въ первомъ?

— Въ первомъ часу звонъ.

— Что̀ это?

— Про звонъ спрашиваютъ.

— Про звонъ?

— Про звонъ.

— Звонъ въ первомъ часу.

— Да я такъ и сказалъ.

— А-а! Я не разслышалъ. А звонъ тутъ точно въ полночь начинается.

И потомъ:

— О-охъ, Господи, батюшка!

Или:

— Хорошо! дюже хорошо!

Я заснулъ.

Когда я проснулся, звонъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. На дворѣ все копошилось и суетилось; тутъ купецъ причесывалъ гребнемъ мокрые волосы; тамъ богомольцы умывались, утираясь полами и шапками; народу было вездѣ множество, хоть было только шесть часовъ утра. Купца уже не было. Не безпокоя Павлушу, крѣпко спавшаго, я пошелъ въ монастырь.

У монастырскихъ воротъ торговали свѣчами, иконами, книгами. Тутъ же была небольшая ярмарка: около палатокъ толпились красные полки деревенскихъ женщинъ. Слѣпые пѣли стихи, нищіе просили милостыню, торгаши кричали съ покупателями. Въ монастырскихъ воротахъ стоялъ столъ со множествомъ склянокъ и бутылокъ, наполненныхъ деревяннымъ масломъ изъ лампадокъ, горящихъ надъ гробницею угодника. Простыя деревенскія женщины, больные, увѣчные, толстыя купчихи,—толпами подходили и пили по стаканчику, не обращая вниманія на то, что иногда въ маслѣ чернѣлъ кусокъ фитиля.

— Ваше благородіе!—весело произнесъ купецъ, встрѣчая меня.—Что̀ долго почивали!

— Усталъ.

— А канпаніонъ!

— Онъ еще спитъ.

— Хе-хе-хе! Богомольцы! Развѣ такъ можно? А я ужъ приложился.

— Уже?

— Эво! А вы?

— Я вотъ сейчасъ.

— Пойдемте, я еще разъ приложусь съ вами.

Въ это время изъ толпы народа пробралась къ намъ купчиха и, запыхавшись, произнесла, обращаясь къ мужу:

— Приложился?

— Какъ же!

— А въ старомъ придѣлѣ?

— Въ какомъ?

— Гдѣ рака?

— Это гдѣ же?

— Да вонъ, вонъ, иди скорѣе! а то набьется народу... Иди!

— Пойдемте скорѣе!—сказалъ купецъ, торопясь идти.

— Ай не были?—спросила купчиха меня.

— Да народу много, не проберешься.

— Ахъ, молодые люди! Ужъ на что мы, женщины, ужъ, кажется, «дряни» считаемся, а и то пробились... Идите скорѣе!

Старая церковь была набита биткомъ, такъ что народъ большою массою толпился у входа.

Толкотня и давка ужасныя.

— Купецъ, купецъ!—кричали купцу нѣсколько богомолокъ:—мы за тобой слѣдомъ... Дай, батюшка, пробиться женщинамъ!

— Господинъ купецъ! проведи женщину!

— Идите! идите за мной!

Купецъ былъ истинный герой въ эти минуты. Онъ оживился, сталъ молодцомъ, выпрямился и съ истинно-варварскимъ ожесточеніемъ вломился въ толпу. Круто согнутыми локтями онъ валилъ народъ направо и налѣво, не разбирая, женщина ли тутъ съ ребенкомъ, старикъ ли, монахиня,—онъ просто крутилъ среди толпы, какъ вихрь! Богомолки, держась одна за другую и охая, бѣжали по слѣду, который купецъ, какъ хорошій пароходъ, оставлялъ за собой.

Минутъ черезъ пять онъ воротился, весь красный, и, расшвырнувъ толпу съ крыльца въ разныя стороны, появился предо мной.

— Приложились?—спросилъ я его.

— От-тлично! два раза приложился!

Купецъ встряхнулъ волосами и отеръ губы рукавомъ.

— А вы-то?

— Да тѣснота ужасная.

— Пойдемте, я васъ проведу въ другомъ мѣстѣ. Я еще тамъ не прикладывался. Доска тамъ показывается.

— Что̀ такое?

— По-священному будетъ дска, а по-нашему—доска... стало-быть, отъ гроба... Такъ приложиться надо къ ней... Пойдемте!

И опять онъ врѣзался въ толпу съ какимъ-то неестественнымъ азартомъ, какъ будто въ этомъ была его задача. И я замѣтилъ, что не одинъ онъ любилъ расправить кости въ этой свалкѣ.

Наконецъ онъ вездѣ приложился.

— Куда-жъ теперь?—сказалъ онъ въ недоумѣніи.

— Пойдемте чай пить...—сказалъ я.

— Грѣхъ бы?..

— Какъ знаете.

— Да ужъ пойдемъ, пойдемъ. Обѣдни начнутся въ двѣнадцатомъ часу... Куда дѣться!

Но, выпивъ одну - другую чашку почти молча, купецъ сказалъ:

— Нѣтъ, надо отстоять раннюю, отдѣлаться, да и пойтить по рынку потолкаться... Поздняя-то обѣдня вѣдь она до трехъ часовъ протянется...

И ушелъ.

Я посидѣлъ немного и пошелъ разыскивать Павлушу Хлѣбникова. Въ тарантасѣ его не было. Поднявшись во второй этажъ каменнаго постоялаго двора, я нашелъ его въ широкихъ новыхъ сѣняхъ: онъ умывался. Передъ нимъ стояла кухарка съ корцомъ воды и чему-то смѣялась, прикрывая ротъ рукою.

Завидя меня, онъ молча махнулъ мнѣ рукою, какъ бы говоря: «ступай, ступай!». Я не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ ли полотенчика? — сказалъ онъ, обращаясь къ кухаркѣ.

— На-те!—послышался откуда-то дѣвичій голосъ.

Изъ раскрытаго, выходившаго въ сѣни окна, изъ-подъ опущенной шторы, высунулись пальцы женской руки, съ колечкомъ на мизинцѣ, и подали полотенце.

— Покорно васъ благодарю!

Рука спряталась, а въ комнатѣ, изъ занавѣшеннаго окна

которой она высовывалась, послышался смѣхъ молодыхъ голосовъ.

— Не хотятъ къ обѣднѣ-то!—усмѣхаясь, прошептала кухарка.

Павлуша, очевидно, тоже не спѣшилъ къ обѣднѣ. Я оставилъ его и ушелъ на улицу...

III.

Шла поздняя обѣдня. Главная соборная церковь, гдѣ находился угодникъ, была биткомъ набита господами, наѣхавшими изъ окрестныхъ деревень, городской аристократіей, купечествомъ и тѣми изъ простонародія, которые успѣли пробраться заблаговременно. Церковныя двери были заперты, и на паперти стояли частные пристава и будочники, пропуская благородныхъ господъ и провожая дамъ. Массы другихъ богомольцевъ наполняли монастырскій дворъ и большими толпами разлеглись вокругъ высокой монастырской стѣны. Было глубокое молчаніе,—молчаніе необыкновенно томительное,—къ которомъ, кромѣ терпѣнія, я не могъ ничего видѣть. Изрѣдка слышался голосъ кликуши въ толпѣ, и тогда возбуждалось вниманіе, но потомъ опять та же тишина, терпѣніе и молчаніе.

Въ проходѣ подъ колокольней толпа народу ломится въ желѣзныя двери, стараясь проникнуть на колокольню, и ломится потому, что какой-то слѣпой горбунъ не пускаетъ туда, напирая широкою, неуклюжею грудью на дверь. Богомолецъ самъ начинаетъ продираться на колокольню. За копейку его пускаютъ. Вошелъ онъ въ первый ярусъ, тутъ народъ идетъ во второй, и онъ за нимъ. Кто-то хочетъ перелѣзть черезъ перила на монастырскую крышу, и перелѣзаетъ; весь народъ смотритъ на смѣльчака, вслѣдъ за которымъ лѣзетъ другой; желѣзные листы кровли гремятъ подъ ихъ ногами. Частный приставъ погрозилъ имъ пальцемъ съ крыльца собора, и они сѣли на крышѣ на корточкахъ. И опять томительное молчаніе. Вокругъ монастыря лежатъ толпы бабъ и мужиковъ. Разговоровъ нѣтъ никакихъ:—про свое, про домашнее говорить еще успѣютъ въ дорогѣ и дома. Сюда они шли добровольно, не такъ, какъ на барщину или по требованію станового:—зачѣмъ-нибудь имъ это было нужно. На колокольнѣ раздались удары колокола; лежавшіе подняли головы, встали, поглядѣли, почесались и легли.

Я сидѣлъ за воротами постоялаго двора.

Рядомъ со мной, тутъ же на лавочкѣ, сидѣли: сельскій дьячокъ и солдатъ, оба пожилые; солдатъ былъ отставной.

Дьячокъ задавалъ ему отрывочные вопросы,—солдатъ отвѣчалъ ему тоже полусловами, растирая на ладони табакъ.

— Какой губерніи?

— Новгородской.

Молчаніе.

— Новгородской?—переспрашивалъ дьячокъ.

— Новгородской губерніи...—повторялъ солдатъ.

— Гм!

И молчаніе.

— Тихвинскаго уѣзда,—произносилъ онъ какъ бы въ раздумьѣ, спустя нѣкоторое время:—Новгородской губерніи, села Спасскаго.

— Большое село?

— Село у насъ большое.

И потомъ:

— У насъ село большое, большое село!

— Большое?

— Большое село... Семьсотъ дворовъ...

— У-у-у!..

— Да! Село богатое. Богатое село!

И опять молчаніе.

— Эта медаль гдѣ получена?

— За Польшу!

— За польскую кампанію?

— За польскую.

— То-то, я гляжу, новенькая.

Солдатъ поглядѣлъ молча на свою медаль.

— Мы тогда три мѣсяца выстояли въ Радомской губерніи...

— Что же? какъ?

— Насчетъ чего?

— Какъ, напримѣръ, бунтъ этотъ... ихній?

— Да чего же? Больше ничего—хотѣли своего царя!

— Ахъ, безсовѣстные!—сказалъ дьячокъ, качая головой.—Ну, а какъ народъ?

— Народъ—обнаковенно... ничего.

— Ничего?

— Ничего!

Изъ подобострастія въ голосѣ, которымъ дьячокъ разспрашивалъ солдата, и изъ торопливости, съ которою онъ какъ бы наобумъ задавалъ ему ничего не значащіе во-

просы, я не могъ не видѣть, что дьячокъ боится потерять собесѣдника.

Да и самъ я боялся потерять его. Вслѣдствіе этого, когда солдатъ замолчалъ и сталъ укладывать кисетъ въ карманъ, какъ бы собираясь уйти, а дьячокъ, уставившись на него, не зналъ, повидимому, о чемъ спросить, я тоже поспѣшилъ задать ему вопросъ.

— Ну, а прежде гдѣ вы стояли?—сказалъ я наудачу.

— По губерніямъ больше.

— По губерніямъ? — спросилъ я, и дьячокъ повторилъ то же.

— Больше все по губерніямъ стаивали.

Нить разговора снова готова была прерваться; но солдатъ, должно-быть, умилосердившись надъ нами, произнесъ:

— Во время крестьянства, такъ тогда много насъ потаскали... По Поволожью...

— Много?—спросилъ дьячокъ.

— Потаскали довольно!

— Что-жъ, усмирять, что ли?

— Усмирять. Усмиреніе было...

— Ну и что̀ же, много было хлопотъ?

— Нѣтъ, настоящаго ничего почесть не было... чтобы, напримѣръ, битвы, али что̀... Такъ!

— Ну, какъ же вы?

— Ну, придемъ, получаемъ отъ помѣщика угощеніе...

— Угощенье?

— Какъ же!—одинъ намъ выставилъ шесть коровъ!

— Шесть?

— Шесть коровъ... да, какъ же? выставилъ!

— Н-ну?

— Ну, пришли. Стали за селомъ. Бабы, дѣвки разбѣжались: думали—какое безобразіе отъ солдатъ будетъ...

— Ишь вѣдь безтолочь!

— Разбѣжались всѣ, кто куда... А мужики съ хлѣбомъ-солью къ намъ пришли, думали—мы имъ снизойдемъ. Хе-хе!

— То-то дурье-то, и-и!

— Ужъ и правда, дурье-горе-горькое! Я говорю одному: «вы, говорю, ребята, оставьте ваши пустяки! Мы шутить не будемъ; намъ ежели прикажутъ, мы ослушаться не можемъ, а вамъ будетъ очень отъ этого дурно...»—«Противъ насъ, говоритъ, пуль не отпущено...»

— Вотъ дубье-то!

— Говоритъ: «не отпущено пуль...» Я говорю: «а вотъ увидите, ежели не покоритесь...»

— Ну, и что̀ же?

— Ну, обнаковенно—непокорство... И шапокъ не снимаютъ! Начальство дѣлаетъ команду: «холостыми!». Какъ холостыми-то мы тронули, никто ни съ мѣста! Загоготали всѣ, какъ меренья! Го-го-го! Пуль нѣтъ... «Нѣтъ?» Нѣтъ! Ну-ко! скомандовали намъ. Мы — рррaзъ! Батюшки мои! Кто куда! Отцу родному и лихому татарину, и-и-и... А-а!.. Вотъ тебѣ и пуль нѣту!

— А-а!.. Не любишь?

— Вотъ тѣ пуль нѣту!..

— Ха-ха-ха!.. То-то дураки-то!.. Нѣту пуль! И заберется же въ голову!

— Послѣ-то ужъ схватились... да ужъ!..

— Ужъ это завсегда схватятся!..

— То-то глупые-то, прости, Господи!—сказалъ дьячокъ.— Какую иной разъ заберутъ въ голову ахинею, хоть что̀ хошь, ничего не выбьешь! Вѣдь какую кашу иной разъ заварятъ! Вотъ въ нашемъ селѣ и посейчасъ идетъ суматоха съ мужиками... Того и гляди, доведутъ до бѣды... Ей-Богу!

— А то что̀ же?—сказалъ солдатъ.—Не будешь соблюдать, что̀ показано, за это тебя по головѣ гладить не будутъ, будь покоенъ...

— И ей-Богу такъ! Вотъ хоть у насъ...

— Далеко ли?

— Здѣшняго уѣзду, верстъ тридцать... Село Покровское. Такъ у насъ, я тебѣ скажу, вотъ ужъ который мѣсяцъ идетъ безтолочь... Просто покою нѣтъ! Да вѣдь что̀ они денегъ-то извели! Вѣдь страсть! А почему? Шутъ ихъ знаетъ!

— Порядку не знаютъ. Больше ничего.

— Именно! Теперь на однихъ ходоковъ сколько они прогусарили денегъ. Посылаютъ ходока, такого же безсловеснаго, какъ и сами: ходитъ-ходитъ, придетъ ни съ чѣмъ... А теперь какъ ходокъ въ городъ—и простись!

— Я одного такого ходока встрѣтилъ... — сказалъ я.— Не знаю, отъ васъ ли?

— Гдѣ вы встрѣтили?

— Въ городѣ, недѣли полторы тому назадъ.

— Ну, нашъ, нашъ! Ну, нашъ! Это наши!..

— Бѣлокурый?

— Ну, нашъ, нашъ, Демьянъ! Теперь онъ въ тепломъ мѣстѣ сохраняется...

— Изъ-за чего это у нихъ всѣ хлопоты? — спросилъ я.

— А шутъ ихъ разберетъ!

— Какъ же такъ?

— Да такъ... Вы разговаривали, что ли, съ нимъ, съ ходокомъ-то?

— Разговаривалъ.

— Ну, что-жъ онъ вамъ сказалъ?

— Да онъ-то, дѣйствительно, что-то путался. Что-то про душу, про...

— Ну, вотъ-вотъ!—перебилъ меня дьячокъ.—Про душу! Вспомнили душу, изволишь видѣть!—сказалъ онъ, обратившись къ солдату.

— Хе!—промычалъ тотъ.

— Что же можетъ сдѣлать для нихъ начальство? Ну самъ ты посуди!

Солдатъ не отвѣчалъ, хотя и произнесъ слово: «обнаковенно».

— Больше ничего,—продолжалъ дьячокъ:—что дали волю!

— Это самое!

— Д-да! больше ничего — воля! Прежнее время онъ съ утра до ночи на работѣ. Онъ пришелъ домой, повалился, какъ камень, а въ нынѣшнее-то ему ужъ часъ-другой и безъ дѣла придется... да! Ну, ему и лѣзетъ въ башку.

— Это самое!

— Да какъ же? Прежде онъ одно дѣло кончилъ, пошелъ бы куда хотѣлъ, анъ управляющій кричитъ: «иди туда-то». А теперь онъ лошаденку свою загналъ въ сарай—и все его дѣло... И въ кабакъ.

— Да-а, въ кабакъ! это ему первое удовольствіе, весь пропился.

— Дѣт-ти пьютъ! Дѣт-ти!

— Цссс... Нѣтъ, этого въ старину не было!

— И въ умѣ-то ни у кого объ этомъ не было, не то что въявь... А какъ дали имъ волю, вотъ у нихъ и забрусило на разныя манеры: душа, то-се... Ну только, я такъ думаю, опоздали! да!

— Поздна штука!

— Да, поздновато!.. Опомнились! Становой имъ говоритъ: «на все есть законъ; тамъ сказано, чтобъ этого не было, больше ничего»,—нѣтъ, воротятъ, стоятъ на своемъ.

— Да въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, вся эта исторія?— спросилъ я.—Кажется, дѣло началось изъ-за земли?

— Видите, какое дѣло... Я вамъ сейчасъ разскажу...

— И душа тутъ какъ-то къ землѣ...

— И душа! Вотъ какъ было дѣло.

Дьячокъ придвинулся ко мнѣ.

— Изъ-за земли, изволите говорить? Это несправедливо. Ужъ ежели бы изъ-за земли, то имъ бы надо затѣвать дѣло раньше, въ самомъ началѣ, когда крестьянство уничтожилось. Въ это время съ ними господскіе довѣренные дѣйствительно поступали неаккуратно. Земля имъ дана плохая; но такъ какъ страху они были научены, то и взяли ее безпрекословно! Второе дѣло — придирка къ нимъ была большая: снопы развалились — штрафъ; цѣлину пахали, борозды рѣдкія — штрафъ, а мерзлую (раннюю весну ихъ тогда выгнали) землю пахать, да еще цѣлину,—и то спасибо, хоть и рѣдкія-то. Но они и тутъ молчали. Другой разъ троимъ досталось совсѣмъ понапрасну: гулялъ баринъ съ собакой, ночью, а караульщикъ увидалъ его, не разглядѣлъ и подошелъ съ другимъ караульщикомъ къ барину-то! У обоихъ на плечахъ дубины: ну, барину-то и того... онъ бѣжать! они за нимъ, онъ — «караулъ!». Поднялся шумъ (время было непокойное), и покажись сгоряча, что они съ злымъ, напримѣръ, намѣреніемъ... Похватали ихъ! Началось дѣло... Много было противъ нихъ грѣха—это говорить нечего,—только ничего, ни-ни, ни Боже мой, не было... Авось не привыкать имъ къ этому?

— Обнаковенно!—сказалъ солдатъ.—Въ прежнее время нешто—такъ-то?

— Ну, да! Еще въ тридцать разъ хуже... А тутъ все же мужику и на себя время стало оставаться, иной разъ, что по положенію справитъ дома, уберется, да и безъ дѣла посидитъ... Ну, и пошло ему въ голову. Послѣ того, какъ я разсказывалъ вамъ, посадили караульщиковъ въ острогъ, отецъ Алексѣй, нашъ священникъ, самъ ходилъ къ барину, объяснялъ ему, что, молъ, «неправильно это вы», и кстати ужъ и про управляющаго объяснилъ: «теперь, говоритъ, воля, этого нельзя дозволять управителю, народъ, пожалуй, неудовольствіе окажетъ...» Послѣ этого баринъ взялъ другого управляющаго, и народу еще послободнѣй стало; тутъ ему и полѣзло въ голову... Особливо, ежели пропить нечего.

— Да!

— Да! Какъ въ кабакъ-то не пойдетъ! Что онъ, на печи-

то лежа, надумаетъ?.. Только дозволь себѣ мечтать, такъ вѣдь, кажется, и не глядѣлъ бы на свѣтъ; ну, вотъ и у мужиковъ то же самое... Гляжу я, идетъ ко мнѣ подъ вечерокъ мужикъ. — «Здраствуй, говорю, Игнатичъ! Что̀ скажешь?» Думаю, что-нибудь по хозяйству, по домашности тамъ...—«Да такъ», говоритъ. И мнется.—«Садись, скажи, молъ, что-нибудь...»—«Да я такъ, говоритъ, ничего...» Чешетъ голову. Я молчу. — «А что̀, говоритъ, Игнатичъ, что̀ я хотѣлъ тебя спросить: правда ли, нѣтъ ли, кто на Святую помретъ, тотъ въ рай попадетъ?»—«Что̀ это, говорю, тебѣ пришло на умъ?» — «Да такъ, говоритъ, нонѣ рано убрались, такъ оно таё». Ну, обыкновенный ихній разговоръ...

— Таё да таё!—сказалъ солдатъ.—Талды да калды.

— Ну да... Ну, объяснилъ ему, чтобъ онъ не мечталъ: «царствіе Божіе внутрь васъ есть, и для него много надобно, а не просто—умеръ да и на!..»—«А, говоритъ, а душа?»—«Что̀ душа? Ну, говори». — «Нѣтъ, ты, говоритъ, скажи. Я не знаю»... Ну, объяснилъ.—«Ну, спасибо!» И стали ко мнѣ, другъ любезный, шататься то одинъ, то другой. И почему человѣкъ идетъ въ землю, и какъ въ аду, и что̀ кому будетъ? Что̀ за чудеса? — думаю. — «Что̀ васъ прорвало, ребята, говорю: я вѣдь не попъ, я и ошибку могу дать; шли бы вы лучше по домамъ, потому у меня еще вонъ лошадь не убрана, а на все на это есть храмъ Божій; слушай, что̀ поютъ, читаютъ, вотъ тебѣ и отвѣтъ». А иному просто скажешь: — «Шелъ бы ты, любезный, домой на печку!»—«Да мнѣ, молъ, маленько въ умъ вошло». — «То-то въ умъ-то вамъ все лѣзетъ... шелъ бы ты лучше домой».—«Я, молъ, такъ». — «Ну, и ступай съ Богомъ»...

— Да! На печку!

— «Ужъ куда, молъ, намъ съ тобой разсуждать». Отвадилъ я ихъ такимъ манеромъ. Думалъ, конецъ,—хвать, анъ далеко еще до конца-то. Стали они ужъ вотъ какъ: «Давай, говоритъ, спорить!» Эге! думаю... Встрѣтится иной разъ на улицѣ: — «А давай, говоритъ, Игнатичъ, споръ съ тобой сдѣлаемъ».—«Объ чемъ?»—«О душѣ».—«Давно ли ты объ ней узналъ!»—«Когда ни узналъ, да узналъ,—говоритъ.—Недавишь узналъ». — «Поздновато, говорю, ты спохватился».—«А то мы, говоритъ, какъ свиньи...» — «Именно, говорю, похожи, и разговаривать мнѣ съ тобой не время. Извини». И уйдешь. — «Нѣтъ, кричитъ вслѣдъ, это дѣло оставить нельзя». Ну, думаю, какъ знаешь. Оставляй не оставляй, у меня своихъ хлопотъ полонъ ротъ. Да, право!

— Чего еще? всякій исполняй свое дѣло, свое положеніе, что̀ слѣдуетъ.

— Да, не до того. Отбиваешься такъ-то отъ нихъ, а дѣло-то все не къ концу, да! Что̀ за чудо? Слышу, и у батюшки были, тоже споръ предлагали, и у отца-дьякона... Идетъ слухъ, человѣкъ пять на работу не пошли... И все «душа». — Да что̀ вы за черти такіе? какая душа? вѣдь подписали грамоту, слышали положеніе,—чего еще? Нѣтъ, о душѣ что-то городятъ, работать не хотятъ. Что̀ такое? Стали мы искать, кто такой это ихъ завастривалъ. Потому ежели бы они одни, то имъ только въ кабакъ отъ скуки ходить, а тутъ нѣтъ, тутъ ишь какую паутину распустили. И что̀ за чудо: неповиновеніе стали оказывать! За землю, говорятъ, платить не надо. — «Да вѣдь вы платили, вѣдь ужъ два года платили?» — «Ошибка была; по-божески, говорятъ, этого не выходитъ». — «Да вѣдь законъ, порядокъ требуетъ?»—«Ладно!» говорятъ. Вотъ и сказъ!.. Что̀ такое? Дальше-больше, дальше-больше, чисто бунтъ открывается!— «Отчего-жъ вы тогда не претендовали?»—«Богъ намъ ума не далъ».—«А теперь далъ?»—«Теперь, говорятъ, далъ».— «Ну, говоришь, гляди, ребята: становой тутъ какъ тутъ, какъ бы чего не вышло».—«А это что̀ же?»

— А это, изволите видѣть, проживалъ у насъ въ деревнѣ какой-то старичишка. И ужъ съ давнихъ временъ все я его такимъ помню древнимъ. То на пчельникѣ проживаетъ, то такъ... Такъ, бездомовный. Былъ слухъ, что даже и въ бѣгахъ онъ состоялъ. Вотъ этотъ-то старичишка ихъ и помутилъ всѣхъ; можетъ, слыхали, есть такіе раскольники, называемые бѣгуны? По слѣдствію-то вышло, что и этотъ старикашка тоже бѣгунской ереси... Бѣгать-то ему ужъ некуда, такъ вотъ онъ и сталъ разводить смуту. А бѣгунская ересь—это ужъ самая закоренѣлая. Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ было описаніе — такъ это страсть! Противъ начальства, противъ податей, противъ всего ломитъ «напрочь». Сам-мая злющая ересь эта. Вотъ старикашка-то тожъ этой ереси придерживался. «Живи, молъ, самъ по себѣ, отчетъ отдавай одному Богу; у тебя душа, ты подумай о ней, самъ-то въ навозѣ весь и душа твоя въ навозѣ, душу твою платой обложили, за нее ты платишь, а не думаешь о ней». И всякое этакое. Вотъ, какъ стало имъ посвободнѣй-то, старикашка это и запѣлъ свою пѣсню, и заворочало у нихъ. И стали они: «Я—человѣкъ!» А я имъ: «Да мнѣ-то какая отъ этого корысть, прости Господи? Мнѣ-

то что̀? хотя ты пѣтухъ будь, такъ мнѣ все равно». Право, ей-Богу!.. А старикашка-то такъ растревожилъ этихъ мужиковъ—страсть! И возмечтали—и то имъ и другое, Боже мой! Оно, дѣйствительно, человѣку тоскливо; надо говорить по совѣсти: съ женой дерется, дома слова не слышно, праздникъ пьянъ—плохое житье... ну,—старикашка-то тутъ и напуталъ. «А это, говоритъ, ты потому жену бьешь, что бѣденъ; а почему?» Надо говорить прямо—хитрая оказался шельма этотъ старикашка! Я на допросѣ его былъ, такъ вѣдь какъ онъ, шельма, подводилъ одно подъ одно, просто чудо! По его словамъ, такъ кажному мужику бариномъ надо быть. «Баринъ-то, говоритъ, вонъ какъ свою супругу любитъ—тебя, мужика, и на очи ей не пуститъ, а ты, говоритъ, подпоитъ тебя, такъ ты жену-то за рубь серебромъ чиновнику продашь... А ты долженъ знать любовь!» Ужъ какъ подвелъ! Очень плутоватый былъ старичишка, нечего сказать! Ну, и помутилъ народъ, только въ грѣхъ ввелъ. У самого-то старика весь, можетъ-быть, родъ ихній былъ въ этой ереси воспитанъ, всѣ они по лѣсамъ бѣгали, можетъ, лѣтъ сто, а то и больше; ему все это знать до тонкости не диво, онъ, можетъ, никогда и въ крѣпостной работѣ-то не работалъ, жилъ по-своему, такъ ему и не въ диковину всѣ эти привередничанья, а нашъ-то мужикъ съ тѣхъ поръ и думать обо всемъ позабылъ. На крѣпостномъ-то положеніи у него вся родня лѣтъ триста, либо пятьсотъ была, такъ какая тутъ любовь? что̀ онъ тутъ понимаетъ? До любви ли ему было, когда разложатъ да...

— Гар-рячихъ! — вставилъ солдатъ: — штукъ пятьсотъ ввалятъ!

— Да! Отъ всего этого онъ во-она когда еще отвыкъ и зналъ одно: «исполнять, что̀ прикажутъ». Стало-быть, что̀ же онъ могъ тутъ понять по человѣчеству? И вышло у насъ — невѣсть что̀! Старикашка-то разлакомилъ ихъ, а умомъ-то взять всего они не могутъ.

— Опоздали маленько!

— Да. Припоздали малымъ дѣломъ... И хочется быдто какъ по-человѣчьи, а не туда! Не выходитъ! Всего-то порядку-то, какой у старика былъ въ мысляхъ, у нихъ и нѣтъ! Пошло у нихъ въ головахъ отъ этого большое смятеніе... И душа тутъ, и земля, и Богъ знаетъ что̀. Пріѣхалъ становой. «Вы почему не ходите на работу?» — «Такъ и такъ, мы—люди, теперь возьмите, вѣдь у насъ душа и все такое». Становой обнаковенно: «молчать!» Да что̀ же? Ну

что же, ежели мы всѣ такъ-то заоремъ? Нешто это дѣло начальства? Онъ требуетъ порядку, эти разныя мозголовія прошли; ежели хочешь по-своему, убирайся въ дремучій лѣсъ, а въ порядкѣ этого нельзя...

— Каждому потрафить нельзя...

— То-то я думаю, что не подходитъ. Становой исполняетъ свою должность, ты исполняй свою. «Я съ вами, говоритъ, не разговаривать пріѣхалъ; разговаривать иди въ кабакъ, а не здѣсь. Почему вы не идете на работу? Это что такое?» Начинаютъ опять свое: «Мы сами — земля, за что-жъ намъ платить? мы — прахъ». Разумѣется, опять становой имъ кричитъ: «Молчать!» Просто измучили бѣднаго! «Порядокъ, говоритъ, требуетъ, чтобъ вы шли, все это вздоръ, не мое дѣло, душу имѣй, какую хочешь, мнѣ это наплевать, а по закону исполняй все, что слѣдуетъ!» Просто даже весь красный сталъ становой! потъ съ него льетъ, а главное — человѣкъ онъ хорошій, и радъ бы, да ничего не сдѣлаешь. Какую онъ имъ душу? Откуда? Бился-бился,—написалъ слѣдователю... Что прикажешь дѣлать?

— Ну, и пошло?

— И пошло!

— Ну, и что-жъ они?

— Все стоятъ на своемъ. Какъ бы этого старичишку вытравили перво-наперво, они бы опамятовались. Это вѣрно. Потому сами по себѣ они къ этимъ философіямъ непривычны, а то старичишку-то они куда-то запрятали, а тотъ ихъ и мутитъ.—«Стойте, говоритъ, крѣпко, ребята!» Тѣ и стоятъ... Ловкачи этакіе есть: — «Стойте, ребята, стойте, шушукаютъ, хоть въ острогъ!» И ничего не сдѣлаешь.

— Не знаютъ порядку, больше ничего.

— Да больше ничего и есть. Что такое ему надобно? Вѣдь человѣка, конечно, смутить можно. А по совѣсти сказать, ну что ему надо? Что онъ смыслитъ въ душѣ? Живетъ онъ чисто какъ скотъ, надо говорить прямо. Придешь въ избу-то, страшно поглядѣть, — какъ есть какъ свинья.

— Чего ужъ!

— Ей-ей, жену колотитъ; напьется, изъ дому все волочитъ въ кабакъ, о себѣ не заботится, ни свѣчки ни чашки, жрутъ почесть изъ корыта,—куда ему толковать о душѣ? Онъ и въ церкви-то стоитъ какъ столбъ, да это когда еще придетъ въ церковь-то! Вонъ погляди! — сказалъ дьячокъ, указывая на валявшіяся близъ монастыря толпы богомольцевъ, на людей, безцѣльно шатавшихся по монастырской

стѣнѣ, по крышамъ, на колокольнѣ. — Вотъ поглядите: кажется, всѣ они пришли Богу молиться, къ угоднику, а видите, чѣмъ занимаются? Вы думаете, тутъ вѣра? Ему просто надо, чтобъ ничего не дѣлать, въ чужомъ кабакѣ выпить...

— Тутъ ужъ давеча ломились въ кабакъ-то, да запертъ... говорятъ, послѣ обѣденъ отопрутъ.

— Ну, вотъ видите! Какая же тутъ вѣра! Онъ, какъ есть, какъ деревянный, больше ничего. Ему вотъ вышелъ денекъ, онъ и радъ ничего не дѣлать, вотъ и претъ къ празднику, а онъ и житія-то угодника не знаетъ, такъ, какъ дикій какой эѳіопъ. Поглазѣть, потолкаться... Теперь вонъ литургія идетъ, а онъ валяется, ему скука.

Дьячокъ прекратилъ наконецъ свое «пастырское» обличеніе и за недостаткомъ подлиннаго гнѣва замолкъ. Мы тоже молчали; стояла прежняя тишина и томительное молчаніе.

Вдругъ на колокольнѣ раздалось нѣсколько ударовъ колокола.

Валявшаяся толпа вдругъ поднялась, какъ одинъ человѣкъ.

— Ишь! Вонъ какъ! всѣ поднялись!—сказалъ дьячокъ.— Какъ же, все разобрать хочется!

Толпа поглядѣла-поглядѣла и улеглась опять.

— Видно, не разберешь, — сказалъ солдатъ: — съ мякины-то!

— Да-а! Такъ намъ и разбирать... Хоть бы Богъ далъ и тѣмъ справиться, что̀ слѣдуетъ по твоей части, и то слава тебѣ, Господи, а то еще...

Дьячокъ не кончилъ.

Солнце начало подвигаться въ нашу сторону; я поднялся съ лавки и вошелъ во дворъ—самъ не зная зачѣмъ.

— Вотъ какъ по нонѣшнему-то! — въ полусерьезномъ, полушутливомъ тонѣ говорила кухарка, сметавшая пыль съ послѣднихъ ступенекъ лѣстницы.—Маменька въ церкви Божіей, а дочки тутъ балясы точатъ.

Сверху лѣстницы раздался смѣхъ.

— А тебѣ какое дѣло?—послышался дѣвичій голосъ.

— Какъ какое? А на комъ взыщется?.. Я вѣдь за вами смотрѣть приставлена?—а вы что̀ дѣлаете?

— Разговаривали.

— Что-жъ такое?—послышался голосъ Павлуши.

— Въ такое время нельзя балясничать, а надо идти въ церкву, да!

— Вѣдь идемъ.

— Эва! когда ужъ шапки разбираютъ... Охъ, дѣвки, дѣвки!

Я вошелъ на лѣстницу, тоже потому, что некуда было идти и не зачѣмъ.

Молоденькая дѣвушка, одѣтая въ какое-то нелѣпаго покроя и цвѣта праздничное платьице, съ голыми по локоть худенькими руками и плечами, сбѣжала мнѣ навстрѣчу.

— Пойдемъ! — сказала она назадъ, и вмѣстѣ съ двумя другими дѣвушками за ней появился Павлуша.

Всѣ они побѣжали къ воротамъ.

— Ты куда?—остановилъ-было я его.

— Къ обѣднѣ! — второпяхъ произнесъ онъ, догоняя дѣвушекъ, и умчался вслѣдъ за ними. Въ этотъ день я не могъ ужъ разыскать его.

Сидя на балконѣ постоялаго двора, я смотрѣлъ опять на ту же молчаливую толпу и чувствовалъ, что въ этомъ безмолвномъ, терпѣливомъ ожиданіи ею чего-то было много истинной душевной теплоты и глубокой вѣры, постичь которую я, какъ человѣкъ, незнакомый вовсе съ народной душою, рѣшительно не могъ. Я видѣлъ только эти серьезныя, задумчивыя лица мужиковъ и бабъ, терпѣливо ждавшихъ выноса мощей съ шести часовъ утра до трехъ часовъ дня.

Я не буду изображать необыкновеннаго воодушевленія, охватившаго толпу, когда неожиданно раздался громкій, веселый звонъ и тронулся крестный ходъ. Я ничего этого не понималъ.

А когда, черезъ двѣ минуты по окончаніи хода, началось пьянство, наступившее почти моментально и въ самыхъ изступленныхъ размѣрахъ, я вдругъ почувствовалъ непреодолимую жажду вернуться домой... Къ вечеру мнѣ удалось найти ямщика. А Павлуша такъ и исчезъ неизвѣстно куда.

IV.

Этимъ богомольемъ кончилось краткое, но, въ сущности, весьма тягостное путешествіе. Выбравшись вечеромъ изъ города снова въ поле, на возвратный путь, и лежа въ мужицкой телѣгѣ, я соображалъ о видѣнномъ и чувствовалъ себя крайне дурно; эти почти безсильныя потуги ощущать что-либо, непохожее на тягостную обыденщину, и неумѣнье, отвычка отъ потребности цѣнить личныя ощущенія, которыя я видѣлъ и въ купцѣ, притворно кряхтящемъ и охающемъ по-бабьи, разсуждая о звонѣ, который для него не представляетъ ничего особеннаго, и въ особенности въ любопытной исторіи, разсказанной дьячкомъ, о безтолковыхъ

односельчанахъ, затѣявшихъ запутанную исторію «обо всемъ», о душѣ, о любви, и требующихъ удовлетворенія отъ станового пристава,—все это наводитъ меня на грустныя мысли. Какъ смутно чувствовали эти люди свои душевныя потребности, какъ мало было у нихъ средствъ выразить свои желанія, какъ отвыкли они отъ этихъ насущныхъ потребностей души, безъ которыхъ обходилась столѣтняя, поистинѣ мученическая жизнь!..

Небо было сѣрое; моросилъ дождь; на душѣ было скучно и тяжело. Такъ провелъ я всю дорогу до дому.

Но вотъ я дома. На столѣ кипитъ самоваръ; мокрый пѣтухъ оретъ подъ крыльцомъ во все горло и громко хлопаетъ крыльями.

— Ай дома?—возглашаетъ Лукьянъ, появляясь съ веселымъ лицомъ въ комнату.—Помолился Богу-то?

— Помолился.

— Ну, ладно, посылай поздравку.

Послали за поздравкой.

— А тутъ безъ тебя-то дѣла-то были.

— Были?

— Тутъ были дѣла. Боже милостивый! (Лукьянъ махаетъ рукой, уже успѣвъ опорожнить чашку и придвигая ее къ самовару). Ужъ мы съ твоей маменькой то-то посмѣялись.

— Ужъ да! ужъ было смѣху!—говоритъ матушка.

— Да разскажите, что̀ такое? — говорю я, съ удовольствіемъ входя въ колею нашихъ обычныхъ интересовъ.

— Андрюшку-косолапа знаешь?

— Ну, знаю.

— Ну, ужъ дѣло пошабашенное: ужъ вѣдь онъ шилья укралъ у меня весной?

— Это вѣрно, что онъ.

— Ну, онъ.—«Ты, молъ, укралъ-то?»—«Нѣтъ, не я...»—«Не ты?»—«Нѣтъ, не я...»—«Н-ну, смотри!..» Я ему давно это говорилъ и, признаться, точно что имѣлъ на него злобу... Попадись подъ пьяную руку, я бы съ нимъ, съ шельмой, шутить не сталъ. Ну, такъ это тогда сердце и прошло: чортъ съ тобой! Только теперь и взбреди мнѣ на умъ: дай я съ нимъ сшучу штуку. Пошелъ онъ въ баню, а я взялъ ихняго пѣтуха, знаешь, «Зубодеръ»?

— Ну, знаю.

— Ну, взялъ этого пѣтуха—любимый онъ у него... Душу отдастъ. Взялъ я пѣтуха-то, поднесъ къ окну въ банѣ и

говорю: «Андрюшка! — говорю: — я сейчасъ ему голову напрочь». Какъ онъ увидалъ пѣтуха-то у меня, что-жъ бы ты думалъ?

— Ну?

— Выскочилъ, каковъ былъ, за мной. Я въ переулокъ, онъ за мной весь въ мылѣ, — тутъ смѣху! Вся улица высунулась.

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!..—помираетъ наша компанія.

И мало-по-малу успокаиваетъ меня... Мнѣ нужны были факты успокоительные; но въ то тревожное время, когда появлялись уже знакомые читателю Демьяны, нужны были нѣкоторыя натяжки, чтобы отстранить отъ себя невольно мечтавшійся образъ плѣнительнаго будущаго; нужно было иной разъ убѣждать себя въ томъ, что это пройдетъ, что ничего не будетъ.

Но чѣмъ ближе къ нашему времени, къ послѣднимъ днямъ, тѣмъ мнѣ становилось все легче и легче, и тѣмъ чаще стали попадаться люди, изумительно хорошо выработанные для того, чтобы всѣ Демьяны могли знать, что, кромѣ порядка, не должно быть ничего.

V.

Познакомлю васъ съ однимъ изъ этихъ людей, участвующихъ въ поддержаніи благообразія настоящаго времени, котораго мнѣ недавно пришлось встрѣтить послѣ долгой разлуки со школы. Звать этого моего знакомаго Иванъ Купріяновъ; онъ—юристъ. Трудно представить себѣ другую, болѣе благопріятную обстановку для выработки современнаго типа «порядочнаго» человѣка, чѣмъ та, въ которой съ дѣтства находился Купріяновъ... Прежде нежели онъ родился на свѣтъ, семейство его хранило множество преданій относительно того, что «ничего не подѣлаешь», что каждый шагъ зависитъ отъ кого-то, кто можетъ позволить сдѣлать его, можетъ и не позволить. Слова «нельзя» и «молчать» семейство Купріянова знало въ совершенствѣ. Отецъ Ивана Купріянова дослужился до офицерскаго чина изъ простыхъ солдатъ; это стоило ему немалыхъ трудовъ, увѣчій и ранъ, и съ словомъ «нельзя» ознакомило довольно хорошо. Отлучиться съ часовъ къ больной женѣ, крикъ которой слышится изъ сосѣдней лачужки, — «нельзя». Купить корову для ребенка и повести ее за полкомъ, такъ какъ приказано идти въ походъ, — «нельзя». Отлучиться къ женѣ,

оставшейся въ лазаретѣ на пути похода,— «нельзя»; купить и носить шапку на ватѣ, по случаю ревматизма,—«нельзя», равно нельзя надѣть фуфайку, несмотря на ломоту въ поясницѣ. Все это, то-есть и шапка, и корова, и пр., могли быть разрѣшены точно такъ же, какъ могли быть и строго воспрещены, и если отецъ Ивана Купріянова успѣлъ достигнуть офицерскаго чина, то можете судить, какія громадныя усилія долженъ былъ онъ посвятить терпѣнію и повиновенію. Въ такой страшной школѣ, гдѣ для того, чтобы надѣть теплую шапку, нужно было дожидаться чуть-чуть что не указа изъ Правительствующаго Сената, прожила семья Купріяновыхъ, т.-е. отецъ и мать, до сѣдыхъ волосъ, когда наконецъ пожалованъ былъ чинъ, и Иванъ Купріяновъ, десятилѣтній мальчикъ, когда я узналъ его, уже былъ прочно воспитанъ для безропотнаго повиновенія. Я познакомился съ нимъ на вступительномъ экзаменѣ въ гимназію. Это былъ не мальчикъ съ дѣтскимъ лицомъ, а человѣкъ, въ глазахъ котораго было видно, что, кромѣ несправедливостей, онъ не встрѣтилъ ничего, но что онъ къ нимъ привыкъ и покорно несетъ свою голову подъ ихъ удары. Тутъ же я увидѣлъ и отца его, запыленнаго, только-что съ разрѣшенія начальства отлучившагося изъ сосѣдней деревни со стоянки и дрожавшаго за участь сына. Потъ лилъ градомъ съ его худого, загорѣлаго лица, когда онъ велъ своего сына къ экзаменатору. Сынъ его зналъ все въ совершенствѣ; онъ годился не только въ первый классъ, куда отецъ просилъ опредѣлить его, но въ пятый. На подготовку онъ убилъ несчетное число трудовъ и безсонныхъ ночей, при чемъ ему твердилось, что на него въ будущемъ вся надежда, что̀, впрочемъ, мальчикъ зналъ и самъ, ибо Богъ далъ ему простую, любящую душу, но, несмотря на все это, Богъ знаетъ что̀ могло случиться.

И дѣйствительно случилось.

— Зарѣзалъ его учитель-то!—говорилъ его отецъ, чуть не плача, моей матушкѣ, выходя въ коридоръ.

— Что̀ вы, родной?

— Именно зарѣзалъ! Не такъ! все не такъ!

— Да «дайте» вы ему... по силѣ, по мочи...

— Матушка моя, не имѣю! Семью оставилъ въ деревнѣ съ рублемъ.

Иванъ Купріяновъ стоялъ при этомъ съ опущенными въ землю глазами, съ дрожавшими, покрытыми мѣломъ пальцами и съ каплями пота на гладко выстриженной головѣ.

— Какъ же это ты, Ваня?—говорилъ отецъ. — Вѣдь знаешь ты... Какъ это ты?

Ваня глубоко-глубоко вздохнулъ.

— Возьми у меня, отецъ родной,—предложила моя мать:— не пропадутъ,—отдадите! Авось не на вѣки вѣчные, вѣдь дѣти вмѣстѣ будутъ...

— Благодѣтельница!..

— Богъ вамъ поможетъ. Подите къ учителю да спросите, какъ бы, молъ, повидаться...

— Спасибо вамъ, мать родная!.. Какъ ваше имечко, матушка?—заливаясь слезами и едва слышнымъ голосомъ говорилъ воинъ, знавшій и черкесовъ, и поляковъ, и турокъ, и венгерцевъ.

Ивана Купріянова приняли въ гимназію, и съ этого дня онъ сталъ моимъ лучшимъ другомъ. Это былъ человѣкъ опытный въ несчастіяхъ, знавшій, что жить на свѣтѣ трудно, и что слава Богу, если не умрешь съ голоду. Сидя въ училищѣ на лавкѣ въ то время, какъ товарищи отвѣчали учителю выученный наизусть «Делибашъ», онъ думалъ о томъ, что шинель, которую онъ носитъ теперь, можно къ Рождеству отдать маленькому братишкѣ; считалъ, сколько будетъ стоить передѣлка, кому отдать подешевле, и, когда очередь доходила до него, онъ поднимался и исправно читалъ наизусть «Делибашъ». Окончивъ отцу письмо, въ которомъ напрасно бы стали мы искать просьбы взять на праздникъ, беречь щенковъ, оставленныхъ дома, и пр., въ которомъ, напротивъ, все—дѣло и горе, въ которомъ прилагается рубль, вырученный за уроки, извѣщается, что полтинникъ оставляется на пуговицы, которыя оборвались и за которыя начальство строго взыскиваетъ,—окончивъ это полное заботъ письмо, Иванъ Купріяновъ принимался писать къ слѣдующему уроку сочиненіе на тему «о спящемъ младенцѣ», при чемъ необходимо было выразить невинность спящаго младенца и перенестись къ его будущему, которое должно быть прекрасно, и притомъ изобразить такъ, чтобы было поболѣе придаточныхъ предложеній. Необъятнаго труда стоило ему сочинять заданную ахинею—ему, знавшему сонъ младенца безъ придаточныхъ предложеній розоваго цвѣта; но онъ писалъ это, воротилъ, потѣлъ цѣлыя ночи, потому что это нужно, надо; безъ этого плохо и просто нельзя жить на свѣтѣ.

Когда, случалось, онъ приходилъ къ намъ по воскресеньямъ, я не могъ надивиться его познаніямъ разныхъ

жизненныхъ подробностей, въ которыхъ онъ смѣло могъ конкурировать съ моей матушкой, имѣвшей на плечахъ сорокъ лѣтъ. Со мной, исправнѣйшимъ уличнымъ мальчишкой, ему не о чемъ было толковать: любимымъ собесѣдникомъ его была матушка. Въ разговорахъ ихъ постоянно слышались слова: «трудно», да «надо», да «нельзя», да вздохи.

— Теперь вотъ сестрѣ ужъ четырнадцатый годъ пошелъ, а образованія ей не дано,—говоритъ Ваня:—потому, когда подавали прошеніе объ опредѣленіи ея, не вышло лѣтъ, не хватило два года и семь мѣсяцевъ три дня, изъ Петербурга отвѣтили отказомъ, а потомъ не съ чѣмъ было ѣхать, потому—отцу не разрѣшено было перейти въ —скій полкъ, который стоялъ въ губернскомъ городѣ.

— Да просили бы!—говоритъ матушка.

— Да ужъ просили. Отказано. Пропущенъ срокъ.

Съ этимъ семейнымъ бременемъ на плечахъ, тяжесть котораго въ будущемъ должна была увеличиться во сто разъ, ибо отецъ Вани Купріянова былъ плохъ, утомленъ и страдалъ отъ ранъ,—съ этими-то семейными заботами Ваня Купріяновъ родился, учился въ гимназіи, въ университетѣ, и вездѣ, дорожа жизнью своей семьи, которая должна была остаться на его попеченіи, и не имѣя права подвергать несчастнымъ случайностямъ жизнь родныхъ ему людей, которые на своемъ вѣку вынесли слишкомъ много, онъ долженъ былъ покоряться тому, что̀ «можно», и учился знать, что то, что̀ «нельзя»,—нельзя. Поэтому-то въ гимназіи онъ училъ аккуратно глупые и скучные учебники, отвѣчая на ни на что и никому ненужные вопросы учителей, хотя самъ понималъ жизнь больше всѣхъ учебниковъ. Въ университетѣ аккуратно держалъ экзамены, не имѣя силы отличаться и разсчитывая получить столько балловъ, чтобы аккуратно хватало для права болѣе или менѣе свободно дышать на бѣломъ свѣтѣ.

Я не видалъ этого мальчика съ отъѣзда его въ университетъ, куда онъ поѣхалъ на кровныя деньги, добытыя кровнымъ трудомъ на урокахъ у купцовъ, платившихъ не больше трехъ рублей въ мѣсяцъ; денегъ этихъ было скоплено ровно столько, чтобы не умереть съ голоду въ дорогѣ, а для продовольствія въ столицѣ необходимо было начать, съ перваго же дня по пріѣздѣ, вновь трудиться, шагать изъ конца въ конецъ за рублемъ. Жизнь эта была воистину мученическая. Но вотъ она кончилась, и Купріяновъ уже два

года прокармливалъ семью скромнымъ жалованьемъ судебнаго слѣдователя; уже два года онъ, не зная ни сочувствія ни несочувствія, вымѣриваетъ утопленниковъ, засовываетъ пальцы въ раскроенные мозги, обозначаетъ глубину и силу нанесеннаго «прохожимъ молодцомъ» удара, спрашиваетъ о вѣрѣ, о количествѣ лѣтъ и сажаетъ въ тюрьмы и остроги, и т. д. Словомъ, дѣлаетъ свое дѣло и прокармливаетъ семью. Безстрастіе его въ этихъ дѣлахъ изумительно. Переведенный въ нашъ городъ, онъ случайно встрѣтилъ меня на улицѣ, и я едва узналъ его. Это былъ худой, сухой и совершенно скучный человѣкъ, съ какимъ-то сухимъ, надорваннымъ голосомъ, ничему не удивляющійся, ничего не ожидающій. Обстановка моего жилища съ клѣтью, курами и прочими атрибутами, весьма заинтересовавшая Павлушу Хлѣбникова, не произвела на него никакого впечатлѣнія; казалось, какія бы ему обстановки ни попадались, для него все равно, потому что надъ всѣми обстановками виситъ что-то такое, чего ни я ни онъ предвидѣть не въ состояніи. Визитъ его ко мнѣ былъ очень страненъ: я не былъ чиновникъ, не зналъ, о чемъ говорить съ нимъ; онъ тоже не зналъ, о чемъ завести рѣчь со мной, такъ что мы преисправно помалчивали.

— Это у тебя не кассаціонныя ли рѣшенія? — проговорилъ онъ, потягиваясь къ толстому «Соннику», только-что пріобрѣтенному матушкою.

— Нѣтъ, братъ,—сказалъ я:—не кассаціонныя.

— А!—произнесъ онъ и сталъ собираться домой.

Я его не удерживалъ. Но спустя нѣкоторое время, какъ-то совершенно нечаянно, я зашелъ къ нему самъ. На каждомъ шагу лежали разные законы и вороха дѣлъ. Онъ объявилъ мнѣ, что, быть-можетъ, скоро придется получить мѣсто товарища прокурора, и поэтому-то онъ набралъ разныхъ дѣлъ, чтобы практиковаться. По стѣнамъ были развѣшены окровавленные обухи, которыми производились убійства, окровавленныя дубины съ прилипшими волосами, висѣли кровавыя рубашки и т. д. На полу были разломанные сундуки, на столѣ замки съ уголовными взломами, словомъ—весьма много оригинальныхъ украшеній. Заглавія дѣлъ, валявшихся на столѣ, тоже крайне любопытны. Тутъ были дѣла о солдатѣ Стратилатовѣ, жаловавшемся на обвѣсъ его, при покупкѣ свинины, мѣщаниномъ Уховостровымъ. Солдатъ дошелъ въ исканіи правды до Сената. Было тутъ дѣло: «Объ обнаруженіи бутылки съ малиновой на-

ливкой на постояломъ дворѣ крестьянина Бунтовщикова»; дѣло: «О безсрочно-отпускномъ рядовомъ Безхвостовѣ, обвиняемомъ въ имѣніи при кабакѣ другой комнаты», и т. д. Все это были «дѣла».

Я развернулъ дѣло о двухъ комнатахъ, которыя дозволилъ себѣ шельмецъ-солдатъ и которыя съ дьявольскою проницательностью открыло акцизное управленіе, и увидѣлъ, что солдатъ навострился ловко надувать начальство.

— Признаёте ли вы себя виновнымъ? — спросилъ его предсѣдатель мирового съѣзда.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ солдатъ безъ зазрѣнія совѣсти.— Эко бѣда какая, вашебродіе, что двѣ каморки я по грѣхамъ моимъ обладилъ.

— Вы потрудитесь не уклоняться отъ прямого отвѣта...— замѣтили ему.

— Я какъ передъ Богомъ! — говорилъ солдатъ.—Какая она комната?—каморка. Тамъ всего и есть, что сундукъ стоитъ съ дрянью со всякою. Передъ истиннымъ Богомъ!

Но въ одной изъ толстыхъ книгъ, лежавшихъ на столѣ съѣзда, былъ пунктикъ, который давно уже предвидѣлъ суетную солдатскую мысль, пунктикъ о соотвѣтственномъ наказаніи, каковому солдатъ и подвергся.

Солдатъ этотъ, какъ оказалось въ концѣ дѣла, тоже пошелъ искать правды въ Сенатѣ.

Крестьянинъ Бунтовщиковъ, у котораго «обнаружена» была бутыль съ наливкой, тоже, каналья, себя виновнымъ не признавалъ и ударился за правдою въ съѣздъ, а потомъ тоже въ Сенатъ.

Разговоры между нами въ этотъ визитъ были плохи. Иванъ Купріяновъ даже не смѣялся тому, напримѣръ, что крестьянинъ Бунтовщиковъ или солдатъ не признавали себя виновными и достигли Сената изъ-за бутылки и изъ-за свинины.

Пришелъ какой-то гость, поздоровался и тоже сталъ рыться въ законахъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь кассаціонныхъ рѣшеній.

— Самъ никакъ не найду...—сказалъ хозяинъ.

— Эка жалость! А мнѣ было надо.

— Что у васъ? дѣло, что ли, какое?

— Да есть маленькое... оскорбленіе... Одинъ поваръ сдернулъ кучера съ лавки за ногу.

— А!..

Будучи постороннимъ свидѣтелемъ этихъ разговоровъ, я

испытывалъ необыкновенную скуку и навѣрное не посмѣлъ бы ради ея въ другой разъ посѣтить моего пріятеля, если бы самъ онъ не явился ко мнѣ и не сдѣлалъ предложенія проѣхать съ нимъ недалеко въ одну подгородную деревню, гдѣ у него было дѣльце.

— Страшно надоѣло одному...

Я въ первый разъ видѣлъ, что онъ скученъ, и, признаюсь, немало удивился. На предложеніе ѣхать я согласился. Черезъ нѣсколько часовъ пріятель мой подъѣхалъ къ моему домишку въ тарантасѣ на тройкѣ земскихъ лошадей, и мы поѣхали. Со времени перваго моего путешествія прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ было достаточно времени образумиться возмечтавшему о себѣ мужичью и научиться «исполнять времена» безъ запинки. Думая такъ, я крайне интересовался, въ какія формы могло выработаться его поведеніе, и въ этомъ смыслѣ мнѣ удалось быть свидѣтелемъ одной исторіи, которую я теперь и разскажу такъ, какъ она обрисовалась вся цѣликомъ.

VI.

Въ тотъ самый день, когда я и слѣдователь пріѣхали въ село Стрѣшнево производить дознаніе по какому-то дѣльцу, священникъ этого села уѣзжалъ на нѣкоторое время вмѣстѣ съ женой къ сосѣду-родственнику, тоже священнику, а ребенка своего, оставшагося дома, поручилъ старушкѣ-дьячихѣ. Старушка-дьячиха, недавно выдавшая дочь за молодого дьячка, которому мужъ старушки, старый дьячокъ, сдалъ мѣсто при жизни, не рѣшаясь объѣдать молодую семью, кормившую ея мужа, проживала то у священника, то у дьякона, то денекъ-два у господъ, лишь бы только «имъ» было хорошо. Но «имъ» вовсе хорошо не было. Почти съ самой свадьбы старый и молодой дьячки начали ссору, нерѣдко переходившую въ драку, при чемъ совершенно неповинно страдала дочь старухи: на нее сыпались удары съ обѣихъ сторонъ—и отъ отца и отъ мужа, которые къ тому же оба придерживались крѣпкаго напитка. Сердце старушки давно болѣло за свое дѣтище, и въ головѣ ея тысячу разъ рождалось намѣреніе увезти свою дочь куда-нибудь подальше отъ этихъ изверговъ. Въ тотъ день, когда она осталась въ домѣ священника няньчить ребенка, драка въ ея семьѣ достигла гигантскихъ размѣровъ. Замѣчательно при этомъ для характеристики новаго времени: оба дьячка, нанося другъ другу удары по головѣ скалками

и горшками, кричали при этомъ: «Нѣтъ, *не то* время!.. Нѣтъ, братъ, теперь не то!..» Понимая сущность *не того* времени, очевидно, различно, они тѣмъ не менѣе находили въ дракѣ и поволочкѣ общую исходную точку. Время было лѣтнее, жара страшная; окна поповскаго дома были отворены, и драка и крики подгулявшихъ дьячковъ, смѣшанные съ воплями несчастной дочери, громомъ разбивающихся горшковъ, вылетающихъ стеколъ и т. п., были ясно слышны старушкѣ, и она заливалась слезами, не знала, куда дѣться, какъ спасти дѣтище. На этотъ разъ ей нельзя было даже побѣжать къ ней, потому что на рукахъ ея былъ чужой ребенокъ. Намучившись, наплакавшись и не видя конца дракѣ и воплямъ дочери, она почти въ полномъ безпамятствѣ выхватила изъ шкапа священника пять цѣлковыхъ, положенные на ея глазахъ передъ отъѣздомъ, и, оставивъ ребенка, бросилась къ дочери съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увезти въ городъ и спасти хоть ее, не разсуждая о себѣ.

Пять рублей, предъявленные въ дерущейся семьѣ, какъ явное доказательство того, что теперь съ этими деньгами старушка непремѣнно исполнитъ свое намѣреніе увезти дочь въ городъ, почти моментально прекратили драку, ибо хотя смыслъ возгласа: «не то время», «теперь, братъ, ужъ не то» — весьма таинственъ съ перваго взгляда, но сущность его—бѣдность и голодъ и «ѣсть нечего...» Потому-то пять рублей, какъ деньги, внезапно явившіяся среди стараго и новаго голода, которыя потому можно употребить по благоусмотрѣнію, и прекратили драку. Какъ только драка прекратилась, старушка опомнилась, пришла въ себя, сообразила, что сдѣлала худо, и вознамѣрилась тотчасъ же отнести деньги назадъ. Она бѣгомъ побѣжала въ домъ священника, который на ту пору воротился изъ гостей и не зналъ, что̀ подумать: двери были росперты, ребенокъ сидѣлъ на полу и кричалъ во все горло; шкапъ, въ которомъ лежали деньги, отворенъ, и денегъ нѣтъ.

— Что̀ ты это дѣлаешь, Власьевна? Что̀ это такое?—въ изумленіи и негодованіи сказалъ священникъ старухѣ.

— Твоя во всемъ воля, виновата! Сѣките готову!—говорила старушка въ изнеможеніи.

— Что̀ ты съ нами дѣлаешь?

Поднялся шумъ, въ которомъ принимали участіе матушка и порядочное количество народу, сбѣжавшагося смотрѣть на драку.

— Не ждала я отъ тебя. Вѣрь вотъ людямъ!—кричала она.

— Что̀ такое, матушка?—спрашивали зрители.

— Да какъ же? оставили старуху, а она деньги вытащила изъ шкапа.

— Власьевна-то?

— Д-да-а! Власьевна! Ну-ка, думали ли, гадали ли?

— Ахъ-ахъ-ахъ!

— Сѣките, сѣките голову!—покорно твердила старушка, изнемогши отъ нравственной муки.

Когда дѣло о покражѣ разъяснилось, батюшка и матушка совершенно утихли, простили старушку, попросили даже у нея прощенія; но вѣсть о покражѣ уже разнеслась по селу. Всѣ старушку знали давно за женщину добрую и честную, и при всемъ томъ вышло такъ, что жалость всеобщая ничего тутъ путнаго сдѣлать не могла. Волостной старшина первый опомнился отъ обуревавшихъ его душу сожалѣнія и соболѣзнованія къ старушкѣ и инстинктивно припоминалъ, что порядокъ что-то требуетъ. Онъ зналъ, какъ намыливали шею за упущенія, и дорожилъ жалованьемъ, ибо былъ мужикъ-чиновникъ — типъ, нарождающійся по русскимъ деревнямъ.

— Какъ же быть, Иванычъ? — сказалъ онъ писарю. — Надо какъ-нибудь...

— Надо-то надо, да жаль.

— Жаль, жаль. Да порядокъ-то, другъ мой, требуетъ. Что̀ будешь дѣлать!

— Что̀ дѣлать-то! Добрая старушка, нечего сказать, а во вредъ порядку—нельзя.

— Теперь мы ей помирволимъ, у насъ пойдетъ и мужичье волочь, что̀ подъ руку попадется.

— Что̀ тутъ дѣлать? Надо!

— Что-жъ, бери бумаги-то. Пойдемъ къ попу. Благо слѣдователь здѣсь. Намъ что̀? Свое сдѣлалъ, а тамъ пусть ихъ, что̀ хотятъ... У насъ спина-то одна.

— Надо идтить.

Несмотря на просьбы священника прекратить все это дѣло, старшина и писарь, почти со слезами на глазахъ, принялись писать протоколъ, а священникъ и его жена, тоже со слезами на глазахъ, принялись показывать противъ старухи.

— Сѣките, сѣките голову, отцы мои, виновна!—говорила старуха, рыдая.

— Виновна! Запиши, Пантелей... — говорилъ староста писарю и прибавлялъ: — Матушка! душа у меня у самого разрывается на части! Али я тебя не знаю? Я еще тебѣ— какъ ты у меня второго ребенка принимала—не отплатилъ. Родная! Ничего не сдѣлаешь. Пантелей, пиши — «со взломомъ».

— Боже мой! — восклицалъ писарь, настрачивая отличнымъ почеркомъ бумагу.—Что̀ только дѣлается... Со взломомъ! Да вѣдь это надо ее сажать въ темную, Боже!

— Боже мой!—восклицалъ старшина.—Посадишь! Посадишь! Ахъ, ты, Боже мой!

— Сѣките, рубите голову...

— Ахъ, Боже мой! Собирайся, Власьевна! Кабы это я— это правило требуетъ. И за что? О, Боже мой, Боже мой...

Иванъ Купріяновъ приступилъ къ этому дѣлу съ тѣмъ же сухимъ безразличіемъ, которое составляетъ исключительную принадлежность людей, привыкшихъ не разбирать своихъ личныхъ симпатій.

— Неужели ты начнешь дѣло?..—спросилъ я у Купріянова.

— Ни за что! — прервалъ онъ меня. — Пусть они (онъ указалъ на старосту и писаря) отнесутся формальной бумагой, иначе мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

Бумагу формальную написали, а Купріяновъ тотчасъ же составилъ «протокольчикъ», какъ онъ выразился. При всеобщихъ сожалѣніяхъ къ старухѣ и при точномъ и аккуратнѣйшемъ исполненіи требованій долга, ни въ грошъ не ставящаго этихъ сожалѣній, мы отбыли изъ села обратно въ городъ, при чемъ на вопросы мои, что̀ будетъ со старухой, Купріяновъ отвѣчалъ:

— Ужъ тамъ это дѣло прокурора. Я свое дѣло сдѣлалъ, а тамъ, что̀ хотятъ,—ихъ дѣло.

Долго я не видѣлся съ Купріяновымъ. Но мнѣ хотѣлось знать кое-что о старухѣ, и черезъ мѣсяцъ я зашелъ къ нему.

Купріяновъ встрѣтилъ меня словами:

— Поздравь меня: я назначенъ товарищемъ прокурора.

Я поздравилъ. Объяснено было о количествѣ оклада, дальнѣйшей карьерѣ и о прочемъ. Я выслушалъ все, но ничего не понималъ.

— Ну, какъ старуха?—спросилъ я.

— Да!—вспомнилъ онъ.—Дѣло ея у меня.

— Послушай, братъ, вѣдь жалко старуху-то?

— Да, ужасно жаль!

— Что же ты?

Купріяновъ пожалъ плечами и, помолчавъ, произнесъ:

— Надо будетъ написать «легонькое» обвиненьице.

— Обвиненьице?

— Да что же я могу? Посуди ты самъ! Вѣдь со взломомъ!.. Что же я тутъ сдѣлаю?.. Я и такъ избавилъ ее отъ ареста... Больше я не могу. Это ужъ будетъ дѣло присяжныхъ...

Я слушалъ и молчалъ. Дѣйствительно, онъ ничего не могъ сдѣлать.

— Я и то стараюсь какъ можно легче. Вотъ что я написалъ. Слушай. — И, вынувъ листъ, онъ прочелъ обвинительный актъ старухи, въ которомъ попадались слова: «преступное намѣреніе, ясно обнаруживается, первое», «заранѣе обдуманное», «со взломомъ, а потому я полагалъ бы».

— Ну? — сказалъ онъ, дѣйствительно въ полной безпомощности и беззащитности относительно приведенныхъ фразъ, которыхъ не писать онъ не могъ, ибо другихъ нѣтъ и нельзя.

Я не возражалъ.

Судить старуху, по расчету Купріянова, должны были не ранѣе, какъ черезъ полгода.

Проведя эти полгода въ уединеніи и обществѣ моихъ заваляющихъ пріятелей, я опять пошелъ къ Купріянову.

— Поздравь меня! — сказалъ онъ: — теперь я бросилъ прокуратуру и поступилъ въ присяжные повѣренные.

— Поздравляю.

— Практика идетъ отличная. Недавно помирилъ двухъ помѣщиковъ и взялъ за это съ нихъ полторы тысячи.

— Хорошо...—сказалъ я.

— Теперь вонъ еще у меня есть дѣло...

— Погоди,—перебилъ я его:—а старуха?

— Теперь я ее защищаю...

— Вотъ какъ!

— Д-да! Теперь я ее защищаю...

— А обвиняетъ-то кто-жъ?

— Это ужъ не мое дѣло...

И точно, старуха была оправдана. Но смыслъ этой исторіи долго пугалъ меня и заставлялъ плотнѣе забиваться въ свой уголъ. — Отчего? Не знаю я — хороши ли такіе люди, не знаю я—нужны и важны ли такія дѣла...

РАЗСКАЗЫ.

I. Простое слово.

1.

Въ темный, непривѣтливый, непогожій августовскій вечеръ, мы — то-есть я, моя младшая сестра и одна пріѣзжая гостья (по правдѣ сказать, очень непріятная дама, госпожа Пѣтухова)—какъ-то слишкомъ долго засидѣлись на галлереѣ (дѣло было въ деревнѣ), и засидѣлись именно, кажется, потому, что всѣ трое находились въ какомъ-то неподвижно-тяжеломъ и непріятномъ расположеніи духа. Всѣмъ намъ вообще было нехорошо на душѣ прежде всего отъ этого надоѣдливаго дождя: грубо колотитъ онъ въ тонкую крышу галлереи, и колотитъ какъ-то безтолково, безъ малѣйшаго такта, ритма, а какъ-то вразбивку, впеременку; онъ не «идетъ» ровно и не «шумитъ» успокоительно, какъ хорошій лѣтній дождь, ровно льющійся на равнину изъ ровно идущей надъ землею тучи, а только каплетъ съ неба, каплетъ грубыми, разнозвучными каплями изъ разорванныхъ клоками тучъ.

Собственно мое личное настроеніе духа, кромѣ этого несноснаго дождя, непріятнаго вообще для всѣхъ насъ, значительно, какъ мнѣ кажется, осложнялось тѣми впечатлѣніями, которыя давало мнѣ чтеніе газеты. Впечатлѣнія эти были... Не знаю, какъ опредѣлить ихъ.

Я знаю одно: въ нашей деревенской, крестьянской жизни, въ будничномъ ея обиходѣ, чрезвычайно рѣдко встрѣтится вамъ такое явленіе, которое бы вы не могли тотчасъ при-

вести въ связь какъ съ общимъ ходомъ жизни деревенскаго дня, такъ и съ каждою крошечною частностью, изъ которыхъ этотъ день сотканъ; въ глубинѣ этихъ частностей всегда отыщется центръ, *главное*, вокругъ котораго группируются эти частности, которое окрашиваетъ ихъ въ тотъ или другой цвѣтъ. Побѣжалъ народъ куда-то съ граблями,—стало-быть, идетъ туча, спѣшатъ собирать сѣно; баба проворно начинаетъ стаскивать съ забора развѣшенное на просушку бѣлье; мужикъ промчался въ пустой телѣгѣ, спѣшитъ ко дворамъ, — надо ему что-нибудь сдѣлать «до дождя». Каждая изъ этихъ мелочей, частностей, ничѣмъ не похожа одна на другую, но у всѣхъ у нихъ одинъ общій центръ. «Дождикъ, должно-быть, будетъ!»—говорите вы, глядя и на толпу съ граблями, и на бабу, и на мужика.

Но вотъ у меня въ рукахъ, на бумагѣ напечатанъ не крестьянскій, «по солнушку» живущій, а просто «газетный» день, и, читая его, не можешь уловить, что̀ именно связываетъ первую строчку газетнаго листа съ послѣдней? Афганистанъ, слухъ о санитарной комиссіи, что, молъ, будетъ засѣдать седьмого числа, что Сара Бернаръ продаетъ свои юбки, осыпанныя брильянтами, что мѣщанинъ Каблуковъ, придя въ трактиръ, потребовалъ рюмку водки и ножъ, и выпилъ водку, распоролъ ножомъ себѣ горло, объяснивъ потомъ въ участкѣ, что сдѣлалъ это съ тоски, «такъ какъ три мѣсяца жилъ безъ прописки паспорта». За мѣщаниномъ Каблуковымъ слѣдуетъ обширная кисейная, газовая статья о балетѣ, за балетомъ плетется унылая-преунылая повѣсть о неурожаѣ въ западномъ углу Пирятинскаго уѣзда; далѣе еще болѣе плачевное повѣствованіе о «кузькѣ», а за «кузькой» вдругъ, какъ снѣгъ на голову, появляется блестящій посланникъ княжества Монако, имѣя по правую руку «Кузьку», а по лѣвую «*Ищутъ* (на первой страницѣ) подъ вторую закладную», а на третьей — послѣ сообщенія о королѣ Альфонсѣ, который уѣхалъ въ Санъ-Себастьянъ,—«*Ищутъ* собаку», «*Докторъ* принимаетъ больныхъ», «*Акушерка* съ постоянными кроватями», и цѣлая толпа «*Ищу!*» «Ищу!», «Ищу!», «Студентъ»... «Домъ»... «Сбѣжалъ» и наконецъ самъ «редакторъ-издатель».

Спрашивается, гдѣ же во всемъ этомъ газетномъ днѣ то *главное*, что̀ дало бы мнѣ возможность объяснить частности, причину ихъ и порядокъ ихъ слѣдованія въ теченіе газетнаго дня? Въ деревнѣ я могу понять, почему, напримѣръ,

вотъ эта баба теперь, въ 7 часовъ 15 минутъ вечера, поднимается изъ-подъ горы съ ведрами на плечахъ.—Надо поить скотину, такое время. — Но въ газетномъ днѣ я не знаю, почему мнѣ нужно *знать*, о чемъ будетъ 7-го числа разсуждать комиссія, и почему объ этомъ меня необходимо извѣстить при помощи прессы. Однако это совершенно непонятное и не имѣющее смысла извѣстіе вторгается въ мою голову безъ всякихъ резоновъ, вторгается въ ту минуту, когда я все понималъ, что̀ видѣлъ передъ собою, и заставляетъ меня безъ всякой надобности прервать правильное теченіе мыслей.

Переживешь понятный, объяснимый и связный во всѣхъ мелочахъ деревенскій день, такъ и ночью, если что-нибудь приснится, все будетъ понятно, все будетъ продолженіемъ понятныхъ впечатлѣній дня. Проснешься и отчетливо помнишь, что приснился Егоръ: шелъ *будто бы* онъ за водой, а я *будто бы* спросилъ его... Все подробно и все какъ днемъ. А какъ проглотишь хорошій газетный листъ, да, храни Богъ, добрый редакторъ, послѣ двухъ дней праздника, желая вознаградить за два утраченныхъ листа бумаги, пришлетъ «нумерокъ» съ надписью: «въ этомъ № *восемь* страницъ»,—такъ ночью ужъ непремѣнно кричишь, а отчего кричалъ, что̀ такое приснилось, ни вспомнить, ни разсказать, ни понять,—ничего невозможно. Вотъ что̀ иной разъ творитъ съ нашимъ братомъ, деревенскимъ человѣкомъ, газета политическая, общественная, литературная и экономическая, особливо когда въ «*этомъ № 8 страницъ*»!

Въ этотъ несчастный вечеръ въ моихъ рукахъ и передъ моими глазами находился именно такой несчастный, убійственный нумеръ газеты. Съ «уважаемыхъ» столбцовъ, безъ всякихъ резоновъ, теребили мозгъ самой необъяснимой разнокалиберностью впечатлѣній и, вмѣстѣ съ негармоническимъ, разнозвучнымъ стукомъ капель дождя, до послѣдней степени нескладно настраивали все мое существо.

Но что̀ было несравненно тяжелѣе и мучительнѣе дождя и газеты,—такъ это именно госпожа Пѣтухова.

2.

Госпожа Пѣтухова, пріѣхавъ къ намъ «отдохнуть», провести денекъ, «поговорить», начиная съ самаго утра и потомъ почти вплоть до отъѣзда съ ночнымъ поѣздомъ, ни на минуту не переставая, пилила всѣхъ насъ, весь домъ,

самыми раздражительными, самыми скрежещущими словами, разсказами, мнѣніями и соображеніями. Съ ранняго утра какой-то мрачный фіолетовый бантъ, укрѣпленный на самомъ темени ея сухощавой, со сморщеннымъ лицомъ головы, трясся отъ негодованія, всплескивалъ концами лентъ какъ бы отъ ужаса, запрокидывался навзничь отъ отчаянія и презрѣнія.

Ея сынъ, ея Коля, «этотъ геніальный мальчикъ», этотъ необыкновенный ребенокъ, который, будучи пяти лѣтъ отъ роду, нарисовалъ такой домикъ, что одинъ знаменитый художникъ поблѣднѣлъ, ахнулъ и сказалъ:

— Изъ него непремѣнно выйдетъ второй Магометъ!

— Можетъ-быть, Рафаэль!—поправила ее сестра.

— Мнѣ все равно! наплевать мнѣ на всѣхъ!—отвѣчала госпожа Пѣтухова:—я люблю моего сына, и этого довольно!— И затѣмъ непрерывно шли раздирательные монологи, все о томъ же «геніальномъ ребенкѣ».

— И *они* смѣли! Гдѣ правда? Сколько низости, гадости въ этихъ инспекторахъ, директорахъ, учителяхъ! А все— дамы! О, эти дамы! Вы не знаете, понятія не имѣете, что такое эти наивныя личики, ангельскія улыбки, бархатныя лапки. Онѣ разорвутъ васъ на части, онѣ ни предъ чѣмъ не задумаются, лишь бы провести своего сына и раздавить чужого! Да, раздавить, раздавить имъ нужно! Онѣ не задумаются все пустить въ ходъ, имъ ничего не стоитъ пуститься «во всѣ тяжкія», лишь бы добиться своего! И сколько тутъ сала, грязи!.. Сколько тутъ деревенщины, неотесанности, грубѣйшаго невѣжества, которое такъ и сквозитъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жестѣ!

Она, госпожа Пѣтухова, отъ одного только прикосновенія къ этимъ разодѣтымъ кривлякамъ чувствуетъ дрожь во всемъ тѣлѣ, инстинктивное отвращеніе. Ея природное изящество, которое у нея въ крови, содрогается отъ малѣйшаго прикосновенія. Да, госпожа Пѣтухова чистой французской крови! Не думайте, пожалуйста, что разъ она была замужемъ за офицеромъ Пѣтуховымъ, такъ она ужъ и въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь Пѣтухова. Она урожденная Пономарева, и вотъ именно поэтому-то она и есть чистая француженка. А отчего? Оттого, что дураки! Неучи! Оттого, что ослы, невѣжи! Будь это за границей, тамъ бы всѣ понимали, въ чемъ дѣло, а у насъ, когда ея отецъ, плѣнный французъ Поль-Мари, быть-можетъ, даже графъ какой-нибудь (въ Колѣ есть это что-то особенное, что-то заграничное въ

крови), оставшись въ Россіи и сдѣлавшись управляющимъ одной помѣщицы, женился на матери мадамъ Пѣтуховой, дѣвицы изъ духовнаго званія, такъ эти дураки, вмѣсто того, чтобъ звать его, какъ слѣдуетъ, Поль-Мари, стали коверкать «понмарь», а потомъ выдумали, мерзавцы, и Пономарева! Вотъ что̀ такое «урожденная Пономарева»! И все это потому, что подлость, глупость, гадость, зависть,— вотъ почему! Потому, что негодяи! Да нѣтъ!.. Это ужасно!.. Если только подумать, что ея мальчикъ, ея Коля, въ которомъ даже слѣпой увидитъ удивительныя, геніальныя черты, унаслѣдованныя отъ матери, отъ чистой парижской крови ея отца, мальчикъ живой, впечатлительный—два раза не можетъ выдержать будто бы экзамена? Не можетъ добиться вакансіи ни тамъ, ни тамъ, ни тамъ! Нѣтъ! Гаже, отвратительнѣй...

То-есть всю душу вымотала намъ госпожа Пѣтухова! И это цѣлый Божій день, съ ранняго утра, и это при всякомъ случаѣ. И куда бы она ни пошла (а она цѣлый день постоянно совалась во всѣ мѣста, все обѣгала, осмотрѣла, узнала), отовсюду она приносила намъ же непремѣнно какое-нибудь рѣжущее слово, оскорбительное мнѣніе, отталкивающее подозрѣніе. И такъ цѣлый день и весь этотъ несчастный вечеръ. Даже то обстоятельство, что я сидѣлъ съ газетой въ рукахъ и читалъ, и что, слѣдовательно, нужно было не мѣшать мнѣ, и то очень мало сдерживало госпожу Пѣтухову, всю наполненную непріязнью и негодованіемъ. Бантъ ея выходилъ изъ себя непрерывно; плечи иногда такъ внезапно коробило и, разумѣется, отъ отвращенія, что лампа дребезжала на столѣ, а отъ внезапнаго взрыва гнѣва руки ея какъ-то сами собой рвали косынку, которую она вязала, и разбрасывали по столу и по полу крючки и спицы. На что ужъ сестра моя человѣкъ молодой и спокойный, а и та нѣтъ-нѣтъ да и опуститъ на колѣни свое шитье и смотритъ на меня умоляющими глазами.

3.

Такъ тянулось, казалось мнѣ, безконечно долго. Но мое чтеніе все-таки сдерживало госпожу Пѣтухову отъ удовольствія громко высказывать свои проклятія, и это, очевидно, очень затрудняло ее.

— Смотрите! Смотрите! — наконецъ-таки не выдержала она и вдругъ зашептала, или, лучше, зашипѣла какимъ-то злымъ шопотомъ, бросая вязанье и толкая въ плечо одной

рукой меня, а другой сестру. — Смотрите, смотрите, ради Бога, какая отвратительная и злая тварь!

Она такъ испугала насъ этимъ ужаснымъ шопотомъ, приглашавшимъ смотрѣть на что-то неизвѣстное, что сестра въ испугѣ вскинула глазами къ потолку, ужъ не горитъ ли тамъ?—а я выронилъ газету и не зналъ, куда смотрѣть: внизъ, вверхъ, направо или налѣво.

— Смотрите на кошку! смотрите на кошку!—шептала съ возрастающей ожесточенностью госпожа Пѣтухова, хватая меня за руку и пригибая ее къ землѣ:—видите?

И точно, мы увидѣли кошку. Озираясь на шопотъ госпожи Пѣтуховой, кошка тихонько шла отъ дверей, ведущихъ въ кухню, вдоль всей галлереи, направляясь къ другой, боковой двери, ведущей въ сѣни. Она шла и несла въ зубахъ маленькаго котенка, голова и заднія лапки котораго свѣшивались вмѣстѣ. Котенокъ молчалъ, не пикнулъ и точно спалъ.

Настроенные общимъ недобрымъ состояніемъ духа и злобной воркотней госпожи Пѣтуховой на нехорошія, дурныя мысли, мы всѣ, едва увидали кошку, какъ стали почему-то думать о ней нехорошо и сердито.

— Видите, какая отвратительная тварь! — уже громко произнесла госпожа Пѣтухова, когда кошка скрылась въ дверяхъ сѣней.—Она хочетъ забросить, зашвырнуть ихъ! Я ужъ второй разъ замѣчаю ее! Вы читаете, не видите, а она уже давно таскаетъ ихъ изъ кухни!

Въ это время кошка быстро пронеслась въ обратный путь.

— Видите, какъ она спѣшитъ къ тѣмъ котятамъ, которые тамъ остались? Вы знаете, сколько у ней котятъ?

— Нѣтъ, не знаемъ...—сказалъ кто-то изъ насъ.

— Ну, а я знаю! я была тамъ, видѣла... У ней восемь котятъ. Такъ вотъ слабенькихъ, нелюбимыхъ она и таскаетъ прочь, чтобы любимымъ оставить больше молока! О, эти женщины! О-о-о! Вы не знаете, не знаете, понятія не имѣете, на что онѣ способны! Онѣ способны раздавить... Смотрите, смотрите! Опять! Ахъ, палачъ этакій, а?

И опять мимо насъ, не спѣша, прошла кошка и пронесла куда-то другого котенка.

— Вотъ видите! она оставляетъ самыхъ отборныхъ. Я смотрѣла, я видѣла этого сѣренькаго! онъ слабенькій, болѣзненный, и вотъ она его... Пойдемте! Пойдемте за ней!

Съ лампой въ рукахъ я пошелъ впередъ, въ сѣни, откуда идетъ лѣстница въ такія же сѣни, наверху. Едва мы

показались съ огнемъ, какъ кошка шмыгнула мимо насъ на галлерею.

Мы поднялись наверхъ. Здѣсь въ углу сѣней стоялъ старый большой и высокій сундукъ, а кругомъ все было пусто, и котятъ нигдѣ не было видно. Но госпожа Пѣтухова не унывала. Она подошла къ сундуку, плотно приткнутому въ уголъ, заглянула въ промежутокъ между сундукомъ и стѣной, и воскликнула такъ, что даже бантъ ея сталъ на дыбы:

— Вотъ что̀ она дѣлаетъ! Она пихаетъ ихъ за сундукъ! Имъ здѣсь дышать нечѣмъ! Она хочетъ, чтобы они задохнулись! умерли! Смотрите, какая злодѣйка!

Госпожа Пѣтухова рванула сундукъ къ себѣ, и дѣйствительно, тотчасъ же упали на полъ два котенка; они дѣйствительно были какъ бы прищемлены между сундукомъ и стѣной.

— Ну, какъ это вамъ покажется?

«Да-а! — подумали мы. — Точно есть что-то нехорошее... Похоже на правду...» И намъ стало очень жаль этихъ котятъ; они тряслись, ползли, распластавъ лапки, совали свои слѣпыя рыльца туда-сюда и запищали, сначала чуть-чуть, а съ каждой секундой все громче и наконецъ безъ перерыву.

А мы все стояли съ лампой и глядѣли на нихъ недоумѣвая.

— Ну, не безсердечное ли это животное? — говорила госпожа Пѣтухова и хотѣла-было уже взять одного котенка въ руки, какъ передъ ней неожиданно очутилась кошка. Она, очевидно, была удивлена нашимъ посѣщеніемъ и, очевидно, была сердита.

Злобно посмотрѣла она на насъ; сѣла на полъ, противъ своихъ птенцовъ, которые пищали, тряслись и куда-то хотѣли двинуться, но не двигались, потому что ноги ихъ разъѣзжались въ разныя стороны, и стала рычать.

Пискъ раздражалъ ее; чѣмъ сильнѣй дѣлался онъ, тѣмъ сильнѣй рычала кошка, не трогаясь съ мѣста. Потомъ она приблизилась къ нимъ, усѣлась противъ нихъ чуть не вплотную и рычала все ожесточеннѣй, ожесточеннѣй, глядя горящими глазами.

— Это отъ страху! Это они отъ страху! — поясняла госпожа Пѣтухова, когда котята въ самомъ дѣлѣ замолкли вдругъ, разомъ, какъ только злобный ревъ матери увеличился.—Они коченѣютъ отъ страха. Видите! видите!..

Кошка ожесточалась; котята затихли, какъ бы окаменѣли не то отъ страшнаго рычанья, не то отъ вліянія страшнаго взгляда.

— Пойдемте! Пойдемте отсюда! Она бросится!—возопила госпожа Пѣтухова, и мы ушли, не досмотрѣвъ этой непріятной картины.

4.

Господи Боже мой! Вотъ выдался денекъ! Ни одного свѣтлаго, мягкаго впечатлѣнія, все жестко, нескладно, грубо, злобно и пробуждаетъ только черныя мысли. Нескладно, темно, хоть глазъ выколи, и въ этомъ темномъ августовскомъ вечерѣ, и въ этомъ нескладномъ дождѣ, а ужъ въ жизни—такъ все сплошное зло и безобразіе! И мѣщанинъ Каблуковъ нелѣпъ, безобразенъ и отвратителенъ, и балетъ возмутителенъ среди кузекъ и неурожаевъ, и инспектора злы, и учителя несправедливы, злы матери и эгоистичны дѣти,—и вездѣ все неправда, злоба, желаніе раздавить человѣка, спихнуть его съ дороги, не задумываясь о средствахъ. И въ кухнѣ госпожа Пѣтухова открыла зло въ кухаркѣ, въ ея мысляхъ, поступкахъ, въ говядинѣ даже примѣтила подлое молчаніе краснаго куска о томъ, что въ немъ не три, а два фунта, даже животныя, кошки какія-то, и тѣ оказались злодѣями, убійцами, стремящимися изъ-за любви къ любимымъ котятамъ истребить нелюбимыхъ. Сколько столпилось самыхъ отчаянныхъ впечатлѣній, самыхъ черныхъ мыслей, самыхъ грубыхъ, жесткихъ, коробящихъ случайностей! Черныя, тяжкія мысли забрались въ сознаніе каждаго изъ насъ; черными, не живыми впечатлѣніями сверлили мозгъ во время тяжкаго, нездороваго сна. Вотъ какой выдался безсердечный день, завершившійся злыми мыслями злого вечера!

А бываетъ вѣдь, что такіе злые, несправедливые дни настигаютъ не какую-нибудь человѣческую единицу, а тяжелымъ, жестокимъ гнетомъ, точно прессомъ какимъ давятъ на сознаніе цѣлыхъ массъ и цѣлыхъ странъ, и давятъ не дни, а годы, десятки лѣтъ, и бѣда, если такія черныя мысли заберутся въ голову человѣка, который...

Да вотъ, напримѣръ, былъ у насъ становой приставъ Полупьяновъ; такъ чего только мы, мирные обыватели его стана, ни перетерпѣли за двадцать лѣтъ его командованія! И только потому, что въ его голову забралась черная мысль,

будто всѣ обыватели кругомъ виноваты, кругомъ подлы, кругомъ негодяи и мошенники. Начнутъ дѣвки пѣсни пѣть по веснѣ, — развратъ, который слѣдуетъ истребить «съ корнемъ», такъ какъ, прежде чѣмъ пѣть пѣсни, надобно пріучиться скорбѣть отъ одного только сознанія, что недоимки не уплачены. А попадется ему вполнѣ исправный, основательный мужикъ, который аккуратенъ какъ часы и никакихъ недоимокъ не имѣетъ, опять виноватъ; мало быть аккуратнымъ, надо имѣть еще «страхъ», т.-е. надо бояться чего-то безпрерывно, — а онъ идетъ и не боится, даже не знаетъ, зачѣмъ собственно живетъ на свѣтѣ Иванъ Иванычъ Полупьяновъ? А это прямой развратъ, потому что если онъ не будетъ имѣть «страха» предъ Иванъ Иванычемъ, то не будетъ его имѣть и «предъ». Ласково обращается учитель съ учениками — онъ вноситъ явный развратъ, такъ какъ съ дѣтства пріучаетъ крестьянъ къ неповиновенію, и учителя слѣдуетъ искоренить; обращается учитель грубо, опять слѣдуетъ его искоренить; а такъ какъ этихъ двухъ искорененій не согласишь воедино, то и слѣдуетъ вообще искоренять то существо, которое именуется учителемъ. Бьетъ мужъ жену, отецъ сына — это значитъ, что развратился волостной судъ, и что именно судей-то и надобно наказывать розгами; не бьетъ отецъ сына и мужъ живетъ съ женой хорошо, — опять «вредное направленіе», отсутствіе повиновенія и умѣнія подчиняться, а вѣдь если жена не будетъ подчиняться мужу, или сынъ отцу, то жена, какъ мать, внушитъ это будущимъ поколѣніямъ, а сынъ, какъ будущій плательщикъ, не привыкнувъ подчиняться предъ отцомъ, не станетъ подчиняться и «предъ». Словомъ, все на его взглядъ было и жило такъ, что только схватывало горло удушьемъ негодованія отъ одного только зрѣлища. Онъ замучилъ губернскую администрацію безпрерывными доносами о неискоренимомъ и все болѣе и болѣе развивающемся злѣ, развивающемся повсемѣстно и во всѣхъ направленіяхъ. Послушать его, такъ всѣ жители стана, отъ мала до велика, всѣми силами стремятся только къ тому, чтобы причинить *себѣ* «непоправимое зло» (эти слова онъ постоянно употреблялъ въ своихъ доносахъ); они стремятся якобы къ тому, чтобы уничтожить скотину у себя, не сѣять полей, а пьянствовать, предаваться разврату, разрывать семейныя и родительскія узы и въ концѣ концовъ погибнуть безъ религіи и съ пѣснями. Долго губернское начальство вѣрило донесеніямъ и принимало мѣры, долго онъ пугалъ начальство

тѣмъ, что законныхъ законовъ мало, а нужны еще беззаконные законы, но наконецъ вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, Полупьяновъ сразу заговорилъ совершенно другое.

На пожарѣ, бывшемъ въ одной изъ деревень полупьяновскаго стана, на счастье г. Полупьянова, присутствовалъ г. начальникъ губерніи, и на глазахъ-то этого начальника отличавшійся на пожарѣ Полупьяновъ получилъ ударъ горѣвшей доской въ голову. Это обстоятельство измѣнило мнѣніе начальника губерніи о Полупьяновѣ; онъ собирался уже выгнать его за ложные доносы, но «подвигъ», очевидцемъ котораго онъ былъ, заставилъ его перемѣнить мнѣніе о Полупьяновѣ, и послѣдній, изъ становыхъ приставовъ, сдѣланъ былъ исправникомъ. И вотъ, какъ только онъ сдѣлался «внезапно» исправникомъ, такъ тотчасъ же, какъ разсказываютъ, сталъ и думать и говорить совершенно иначе.

Впрочемъ, едва ли мнѣ нужно говорить о перемѣнѣ взглядовъ, происшедшей въ г. Полупьяновѣ вслѣдствіе неожиданнаго повышенія въ должности, — перемѣнѣ, о которой къ тому же нѣтъ еще никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній,—если я самъ, лично на себѣ испыталъ, что̀ значитъ свѣтлая минутка, *простое, правдивое* слово, мгновенно измѣняющее самые мрачные взгляды на самыя мрачныя вещи и дѣлающее, опять-таки мгновенно, свѣтлымъ и добрымъ то, что̀ за минуту предъ этимъ казалось чернымъ и злымъ. *Злой вечеръ* долго лежалъ тяжелымъ бременемъ у всѣхъ насъ на душѣ, — ни гулять не хотѣлось, ни въ окно выглянуть, ни посмѣяться. Напротивъ, явилось желаніе не прерывать мрачныхъ мыслей, явилась охота, перерывая старые журналы, съ особеннымъ вниманіемъ прочитывать мрачныя стихотворенія мрачныхъ поэтовъ, умирающихъ въ стихахъ, взывающихъ о смерти; цѣлый день, по крайней мѣрѣ, я впивалъ въ себя удовольствіе думать о смерти: «Умри!»—говоритъ одинъ поэтъ. «Я умираю!»—говоритъ другой. «О, смерть!»—съ наслажденіемъ восклицаетъ третій. Даже одинъ мрачный разсказъ, оканчивающійся словами: «Я поднесъ дуло револьвера къ виску, спустилъ курокъ, и меня не стало!» — нисколько не удивилъ меня своимъ окончаніемъ, — такъ я умеръ духовно подъ вліяніемъ злого дня и злыхъ мыслей, навѣянныхъ имъ. И всѣ эти злыя мысли— разсѣяли все тѣ же кошки!

5.

Я совсѣмъ забылъ о нихъ, какъ забылъ обо всѣхъ подробностяхъ злого вечера, чувствуя только общую тяготу впечатлѣнія, и вдругъ иду какъ-то разъ черезъ тѣ самыя сѣни, гдѣ мы въ тотъ злой вечеръ присутствовали, вмѣстѣ съ госпожой Пѣтуховой, при начинавшемся убійствѣ, глядь, — а убійца лежитъ посреди пола на лѣвомъ боку, и всѣ ея восемь ребятъ тычутся своими носами къ ея сосцамъ, тычутся безъ жалости, даже, кажется, понемногу двигаютъ ее съ середины сѣней къ стѣнѣ; а она не двигается, не бѣжитъ, не рычитъ, а только приподняла немного голову и смотритъ спокойно, самодовольно на меня да на кухарку Авдотью, которая тутъ же стояла съ половой щеткой въ рукахъ. Авдотья пришла сюда раньше меня и, видимо, съ большимъ удовольствіемъ смотрѣла на эту сцену.

Авдотья настоящая крестьянская женщина, вся живущая только живымъ, живьемъ, вся находящаяся въ плѣну живой растущей травы, живого зеленѣющаго поля, живой квокчущей птицы, живыхъ мычащихъ телятъ, поросятъ, поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ разинутой пастью о ѣдѣ, необходимой только для того, чтобы жить, не разсуждая о томъ, что̀ изъ этого послѣдуетъ. Авдотья жила и живетъ такъ потому, что кругомъ нея все живетъ и требуетъ участія Авдотьи. Если бы спросить Авдотью, какая у нея «руководящая» цѣль жизни, зачѣмъ она встаетъ до свѣту, зачѣмъ мечется отъ коровъ къ телятамъ, отъ куръ къ гусямъ и отъ огорода къ полю, такъ она бы могла только отвѣтить, что куры требуютъ ея участія, иначе собаки выпьютъ яйца, что и телята безъ нея пропадутъ, и корова можетъ захворать и умереть, и рожь погніетъ, — а такъ, чтобы у нея была «руководящая» нить, едва ли можно сказать утвердительно; «мы этимъ дѣломъ не занимаемся!» — скажетъ она на вопросъ о руководящей нити, и пойдетъ мочить вѣникъ въ пруду, пойдетъ лазить по чердакамъ, искать, гдѣ неслись куры, и все босикомъ: башмаки у нея въ сундукѣ заперты.

Такъ вотъ эта Авдотья, *живой* человѣкъ, думающій только о *живомъ*, также стояла передъ убійцей и улыбалась.

— Ишь ты, горькая какая! — сочувственно говорила она. — Ну-ко-сь, выкорми восемь-то штукъ! Всіё утробу-то выпьютъ... Вѣдь несмыслены! Только бы молочка, только бы молочка... Вотъ сейчасъ экую ораву откормила, а сама

бѣги, мышей лови, ѣшь что̀ ни попадется, — вѣдь они того и гляди опять запищатъ, опять подавай имъ! А вѣдь сердце-то болитъ, какъ запищатъ-то! Эко, горькая какая! Не смогла я въ ту пору хоть бы пятерыхъ утопить, все бы ей легче... Не могу я этого! И курицу зарѣзать, такъ, передъ Богомъ, лучше мнѣ сейчасъ расчетъ, а не возьмусь я за это!

— А зачѣмъ же, — сказалъ я: — она таскала котятъ за сундукъ? Вѣдь они задохнуться могли?

И я разсказалъ Авдотьѣ всю сцену предполагавшагося убійства нелюбимыхъ дѣтей въ пользу любимыхъ. Авдотья выслушала, пошла къ сундуку, отодвинула его, осмотрѣла и сказала:

— Это она ихъ спрятать хотѣла... Ишь, дѣти ходятъ котятъ смотрѣть, трогаютъ... Вѣдь она боится, — «ну-ко ногу ему переломятъ или уронятъ?» Да эта Пѣтушина въ ту пору въ кухню-то пришла, всюду свой носъ злющій стала совать. И меня-то глазами ѣстъ, что, молъ, не три фунта, а два, и подъ лавку-то носъ суетъ, и котятокъ-то всѣхъ перетаскала, перевертѣла въ рукахъ. Ну, вотъ Машка-то и испужалась, — «долго ли до грѣха, какъ этакъ-то вертѣть махонькихъ дѣтокъ?» Вотъ она ночью-то и стала таскать... Вишь, въ сундукѣ-то одной дощечки нѣтъ съ боку-то — вотъ! вотъ она туда и пролѣзла... Одного пронесетъ, за другимъ пойдетъ, а тому-то боязно, страшно, холодно, онъ и карабкается вонъ... Ну, а выкарабкается и упадетъ!.. Несмысленъ вѣдь!.. А то эво ты! Своего ребенка погубить! Это нашей сестрѣ, въ случаѣ чего, иной разъ стыдно, — ну-ко замужъ не возьмутъ? срамота! а ей чего?

— А зачѣмъ же она рычала-то? Злилась-то на нихъ?

— А вы чего тутъ съ лампами-то толклись? Чего вамъ тутъ надо? Она и сердится, что пищатъ. — «Не смѣйте, молъ, пищать, а то найдетъ разный народъ... Чего вы, молъ, народъ-то скликаете? Еще унесетъ кто-нибудь...» Да это какъ же можно? На одну Пѣтушину посмотрѣть, такъ это чего ужъ?.. Конечно, испугаешься, постращаешь! Эко, миляга, какую семью завела! Ишь какъ пьютъ-то глупенькіе!

И вотъ отъ одного живого слова, сказаннаго живымъ человѣкомъ и по-«живому», сразу измѣнилась вся «картина», всѣ побужденія, которыми мы объяснили ее: вмѣсто кровопролитія и убійства — самая пламенная любовь; вмѣсто убійцы, злой и расчетливой твари — самая добрая, самая нерасчетливая, самая любящая мать! Не больше какъ черезъ двѣ недѣли эта любящая мать совершила еще великій

материнскій подвигъ. Стояли уже послѣдніе сентябрьскіе дни; осень вошла во всѣ права; все повяло, пожелтѣло, но дни стояли свѣтлые, блестящіе, сухіе.

Въ одно такое свѣтлое, яркое утро, достаточно теплое для того, чтобы можно было по-лѣтнему пить на галлереѣ чай, мы были свидѣтелями такого эпизода съ этими самыми убійцами и предполагавшимися къ убіенію. Предполагавшіеся къ убіенію теперь были уже въ возрастѣ, бродили и мяукали по всему дому, и сами приготовлялись жить самостоятельно. Предполагавшіеся къ убіенію въ это утро шумно играли въ засохшей клумбѣ, прятались тамъ среди сухой, подмерзавшей уже травы, а убійца Машка сидѣла около этой клумбы и смотрѣла на нихъ. Дѣти ея были здоровы и веселы, а она, напротивъ, была худа, неуклюжа, съ впалыми боками и отвислымъ животомъ. Того живого самодовольства, которое было у нея въ глазахъ, когда она лежа кормила своихъ восьмерыхъ наслѣдниковъ, теперь не было даже и слѣда, напротивъ, въ глазахъ ея была та тоска, та какъ бы тупая печаль, которая всегда замѣтна у матерей въ тотъ моментъ, когда онѣ почувствуютъ, что обязанности ихъ къ дѣтямъ кончились, что дѣти уже *все сами* понимаютъ, что имъ уже ничего не нужно, и когда вслѣдствіе этого у матери рождается тяжкая мысль: зачѣмъ же все это было нужно, т.-е. зачѣмъ такая тьма хлопотъ, страданій? Вотъ въ такомъ именно настроеніи и сидѣла Машка на солнцѣ. А въ это время изъ сарая, по направленію къ клумбѣ, медленно, но свободно, легко, шла одна изъ дочерей Машки и несла въ зубахъ *первую* мышь.

Мышку держала она въ самомъ углу рта, держала изящно, чуть-чуть, и точь-въ-точь такъ же изящно и легко, какъ «молоденькая» хозяйка, только-что начинающая новое хозяйство: вся новенькая съ головы до ногъ, изящно и легко держитъ она въ изящныхъ ручкахъ кожаный мѣшочекъ, со стальными цѣпочками и замочками, и идетъ не какъ «молоденькая» женщина, а какъ «молоденькая» хозяйка, идетъ, положимъ, въ Гостиный дворъ. Дочь нашей Машки была чрезвычайно граціозна и мила въ своей прогулкѣ. Она не была голодна, не спѣшила уничтожать свою добычу, шла медленно, даже остановилась посмотрѣть, что̀ такое дѣлается съ остальными ея братьями и сестрами. Постояла, посмотрѣла, прищуриваясь, на солнце и прошла медленно и кокетливо мимо своей матушки.

Мать посмотрѣла на нее. Задумалась. Нѣсколько секундъ посидѣла она неподвижно, не шевеля даже головой, а потомъ поднялась и пошла. Пошла медленно, тихо, трудно переставляя ноги. Пошла она черезъ клумбу, по дорожкѣ ушла въ траву, ушла и... не возвратилась!

Авдотья видѣла эту сцену и, когда Машка исчезла, объяснила это исчезновеніе «по-живому» такимъ образомъ.

— Видно, ужъ надо новаго мѣста искать, коли дѣти въ возрастъ пришли. Вѣдь она, покуда дѣтей-то не было, одна въ домѣ хозяйствовала, — всѣ мыши во всѣхъ мѣстахъ, все у нея у одной въ распоряженіи были. Ну, а тутъ какъ восемь-то дѣтенковъ въ возрастъ пришли, да какъ увидѣла она, что дочка-то ужъ и сама принялась хозяйствовать, съ мышенкомъ идетъ—вотъ она и думаетъ: «Что̀ мнѣ съ ними дѣлить? Не ссориться же съ родными дѣтьми? Пускай ужъ лучше они хозяйствуютъ! Оставлю, молъ, имъ полный домъ въ духовное завѣщаніе, пусть живутъ! Ну, а ужъ сама какъ-никакъ гдѣ-нибудь доживу вѣку-то...» Ну и пошла искать новаго мѣста, а имъ все хозяйство предоставила... Теперь, поди, гдѣ-нибудь у мужика пріютилась. А у него и мышей-то во всемъ домѣ съ роду не было, самимъ ѣсть нечего... Ну, да ужъ не пойдешь противъ своего нарожденія,—сама не доѣшь, да имъ дашь! Вотъ она, Машка-то, и ушла... Сердце-то у нея совѣстливое!

Такъ вотъ какая оказалась эта убійца! И благодаря одному только *простому, живому слову* живой души Авдотьи, не только мгновенно измѣнилась вся жестокая сцена злого вечера, во всемъ объемѣ и содержаніи, и освѣтилась во всевозможныхъ мелочахъ свѣтомъ и любовью, — но и вообще весь мракъ и тьма, навѣянные на душу злымъ вечеромъ, исчезли безъ слѣда.

6.

Принесли газету,—и въ газетѣ, кажется, все было по-старому: и балетъ, и мѣщанинъ, и кузька, а думалось о газетѣ ужъ не то. «Слава Богу, что этотъ огромный листъ напоминаетъ мнѣ, равнодушному человѣку, о томъ, что мѣщанинъ Каблуковъ наложилъ на себя руки; что̀ бы была за ужасная жизнь, если бы о ея ужасахъ не напоминалъ этотъ листъ?»

Какъ разъ въ такую-то минуту опять пріѣхала къ намъ въ гости и г-жа Пѣтухова. Смотримъ—вся сіяетъ! тотъ же

бантъ торчитъ у нея на темени, то же сухощавое лицо, и такая же она чистокровная парижанка, какъ и въ тотъ разъ, но послушайте, что̀ она говоритъ:

— Какіе милые, какіе добрые инспектора и директора, и вообще сколько вниманія, доброты! Можете представить, — Коля мой дѣйствительно плохо подготовленъ. Хоть я и мать, но я говорю правду. Дѣйствительно плохо, и что̀ же? Директоръ, такой добрый, совершенно святой старичокъ, говоритъ мнѣ: «Вашъ сынъ, дѣйствительно, мало знаетъ, но вѣдь затѣмъ онъ и идетъ учиться... Школы существуютъ именно для незнающихъ; стало-быть, прежде всего двери школы нужно отворять для тѣхъ, кто ровно ничего не знаетъ. Школа—для незнающихъ, ихъ-то и надобно принимать, иначе и школы не нужны. Зачѣмъ онѣ нужны для знающихъ?» И принялъ моего Колю, обласкалъ, погладилъ по головѣ, поцѣловалъ. Не правда ли, какой милый, добрый, святой человѣкъ? «Будетъ учиться—узна̀етъ, а не учась не будетъ знать ничего». Не правда ли, какъ это все удивительно? геніально?

И про женщинъ вообще и про матерей въ частности она теперь отзывалась совершенно иначе: всѣ онѣ пламенно любятъ своихъ дѣтей, всѣ онѣ готовы отдать жизнь за нихъ, всѣ онѣ готовы пожертвовать собою. Хорошихъ, отличныхъ, добрыхъ, нѣжныхъ матерей она теперь, въ послѣдній пріемный день въ гимназіи, видѣла ужасно много,— все это такія любящія сердца!

Бантъ на темени госпожи Пѣтуховой трясся попрежнему безпрерывно, но какая разница съ тѣмъ вечеромъ: теперь этотъ бантъ ласково кивалъ, раскланивался направо и налѣво, и не щетинился, а какъ бы манилъ, звалъ всякаго подойти поближе, чтобы выслушать радостныя рѣчи госпожи Пѣтуховой. «Какая милая, работящая, славная женщина у васъ эта Авдотья!» — сказала она, когда Авдотья прошла мимо нея и поклонилась. А когда мы разсказали госпожѣ Пѣтуховой о кошкѣ, такъ госпожа Пѣтухова даже прослезилась:

— Что̀ вы хотите? Мать!

И долго утирала слезы на своемъ морщинистомъ, но уже добромъ лицѣ.

И опять все произошло единственно только отъ простого, добраго человѣческаго слова.—«Знаешь?»—«Нѣтъ, не знаю».— «Ну, такъ учись!» Кажется, чего проще и справедливѣй? А между тѣмъ сколько эта простота разгоняетъ мрака, не-

нависти, негодованія, зависти, мрачныхъ, злыхъ мыслей и еще большее количество злыхъ, безчеловѣчныхъ поступковъ, и все опять-таки оттого, что съ человѣкомъ поступлено по-человѣчески, «съ живымъ сдѣлано по-живому».

Неожиданная перемѣна въ воззрѣніяхъ, словахъ, сужденіяхъ и мысляхъ госпожи Пѣтуховой, неожиданное превращеніе убійцы въ любящую мать, невольно заставила меня подумать и о становомъ приставѣ Полупьяновѣ. Про него разсказываютъ, что теперь, послѣ того какъ ударъ доски въ голову на пожарѣ измѣнилъ его положеніе къ лучшему, радикально измѣнились и всѣ его взгляды.

— Ну, что такое, что дѣвки пѣсни поютъ? — будто бы говоритъ онъ:—пускай! Вѣдь онѣ работаютъ круглый годъ, вѣдь не все же молотить да молотить, — вѣдь душа у человѣка есть, существуетъ поэзія! Не бѣда, что и учитель ласковъ съ учениками, что не дуетъ ихъ ремнемъ, — вѣдь это дѣти, съ ними надо лаской, кротостью, добромъ... И мужика нечего пріучать къ страху, повиновенію, онъ и безъ того терпитъ много. Драть? Пора бросить это занятіе, это несправедливо! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ нынѣшнемъ году неурожай, такъ къ чему же этотъ волостной терроръ? Вѣдь это все люди! Надо же когда-нибудь смотрѣть на людей по-людски... Богъ вѣдь есть!.

И я не знаю, отчего бы не повѣрить, что взгляды Ивана Ивановича Полупьянова могли измѣниться или даже вовсе измѣнились въ либеральномъ направленіи? Они, правда, не превратятъ неурожая въ урожай, но при нихъ будетъ *только неурожай,* а не такъ, какъ было при старыхъ взглядахъ Ивана Ивановича, — «неурожай» и рядомъ съ нимъ слова: «непоправимое зло», за которыми еще слова: «искоренить и истребить», а за ними еще словечки: «въ самомъ корнѣ», а затѣмъ уже отчаянная мысль объ особенныхъ законахъ. Просто неурожай,—а всего остального и не нужно бы! И, право, давно бы пора изъ этой тоски, тьмы и смерти выбираться на бѣлый свѣтъ, къ «живой заботѣ о живомъ», къ простому человѣческому взгляду на человѣка и его желанія.

II. „На минутку“.

1.

— Ну, какъ же у васъ тутъ? какъ живется? Ничего?

— Да все по-старому! Чего намъ дѣлается? Живемъ помаленьку!

Этими обычными словами, очевидно, не имѣющими никакого опредѣленнаго смысла и значенія, невольно обмѣниваешься съ деревенскими обывателями всякій разъ, когда, послѣ долгой отлучки, и главнымъ образомъ зимою, случится «на минутку» заглянуть въ деревню. Не придаютъ этой взаимной перемолвкѣ никакого существеннаго смысла и тѣ деревенскіе люди, начиная съ ямщика, везущаго съ вокзала, съ которыми приходится столкнуться въ короткое время случайнаго пріѣзда.

И все-таки, когда минуютъ эти короткія минуты и сани ямщика обратно бѣгутъ къ вокзалу, и когда припоминаешь все невольно видѣнное и слышанное, почти всегда оказывается, что эти ничего не значащія слова были едва ли не единственнымъ ласковымъ впечатлѣніемъ, которое осталось на душѣ. Обычныя слова ничего не означали, но они говорились съ желаніемъ собесѣдниковъ относиться другъ къ другу «по-пріятному», говорились не съ унылымъ лицомъ, тогда какъ малѣйшее «касательство» въ разговорѣ къ вопросамъ реальной деревенской дѣйствительности почти всегда омрачало и мысли и лица собесѣдниковъ. Прискорбный тонъ, прискорбный вздохъ были всегда началомъ такого подлиннаго разговора о подлинныхъ обстоятельствахъ деревенской жизни, потому что съ удивительнымъ постоянствомъ такой разговоръ всегда почти касался какого-нибудь прискорбнаго факта.

Иной разъ подолгу нѣтъ желанія даже и «на минутку» заглянуть въ деревню, хотя бы и по какой-нибудь незначительной надобности, и тѣмъ менѣе для того, чтобы «отдохнуть» во впечатлѣніяхъ народной жизни. Послѣднее положительно невозможно, такъ какъ если вы, живя въ самомъ центральномъ мѣстѣ механизма мѣропріятій ко благу отечества, чувствуете, что въ нихъ есть иногда недомолвки и недодѣлки, то вѣдь осуществленіе всего этого вживѣ и вьявѣ, въ той ячейкѣ общественнаго организма, которая именуется деревней,—значитъ не получить ничего,

кромѣ самыхъ унылыхъ мыслей. Если же иногда при этомъ все-таки является неотразимое желаніе заглянуть въ деревню «на минутку», то это происходитъ только въ такія мгновенія, когда суета-суетъ хлопотливой столичной жизни прекратитъ наконецъ самую малѣйшую возможность понимать смыслъ какъ того, что̀ приходится переживать, такъ и вообще смыслъ своего существованія. Тогда является неотразимая потребность освѣжить свои нервы какими-нибудь впечатлѣніями живого, не подлежащаго измѣненіямъ и дополненіямъ естества, вѣковѣчной, живой книги жизни природы.

При такихъ обстоятельствахъ даже простой, но настоящій, бѣлый снѣгъ, пушистыми сугробами укрывающій просторъ полей, и тотъ уже освѣжаетъ измаявшіеся нервы впечатлѣніемъ ничѣмъ не поврежденнаго естества. Въ столицѣ снѣгъ бываетъ снѣгомъ только тогда, когда еще только падаетъ съ неба, когда онъ, пушистый и бѣлый, мелькаетъ за окномъ, пытаясь пріютиться на желѣзномъ подоконникѣ. Но едва онъ достигнетъ земли, какъ тотчасъ пропадаетъ о немъ всякое представленіе. Толпы дворниковъ, околоточные, даже иногда частный приставъ, все это хлопочетъ и суетится надъ чѣмъ-то, подлежащимъ немедленному истребленію. Это «что-то» дерутъ желѣзными скребками, пихаютъ метлами, валятъ въ какомъ-то разлагающемся, трупномъ видѣ въ грязнѣйшіе ящики на дровняхъ и поспѣшно увозятъ съ глазъ долой; это уже не снѣгъ, и то, во что превращено самое естество пушистаго снѣга, этого и передать невозможно. Понятно поэтому желаніе хоть снѣгъ-то увидѣть въ его настоящемъ естествѣ, а не мѣропріятіе надъ какимъ-то разложившимся трупомъ. И, право, хорошо на нескрипучихъ полозьяхъ ѣхать по мягкому снѣгу. Особливо хорошо это, когда кругомъ ненарушимая тишина, а еще лучше, когда къ тому же и тьма кругомъ кромѣшная. Звякаетъ только непривязанное у дуги кольцо, но тьма и тишина такъ успокаиваютъ нервы, что этотъ едва слышный, хотя и однообразный звукъ не тревожитъ ихъ.

Ненарушимая ничѣмъ тишина, та самая, которую безъ всякаго преувеличенія можно именовать «мертвою тишиной», много, много даетъ она цѣлебнаго успокоенія всему измаявшемуся тѣлу. Темная, черная ночь, смиловавшись надъ измученными нервами, по которымъ столичный день, какъ полупьяный таперъ на разбитомъ инструментѣ, коло-

титъ съ утра до ночи, закрываетъ наконецъ крышку инструмента и ни единымъ толчкомъ не трогаетъ избитыхъ струнъ. Не знаю, отдыхаютъ ли струны послѣ тиранства тапера, но нервы, не получающіе никакихъ впечатлѣній, и мысль, совершенно ослабленная тьмой, изъемлющей отъ ея вниманія всѣ впечатлѣнія дѣйствительности, начинаютъ приходить въ себя, выпрямляются и, такъ сказать, «молча» возстановляютъ свои физическія силы; сердце бьется правильно и дѣлаетъ свое дѣло спокойно, заботливо, какъ заботливая мать, которая ходитъ ночью по дѣтской и неслышно одѣваетъ, укутываетъ разбросавшихся и раскидавшихся дѣтей своихъ. Побыть въ такой ненарушимой тишинѣ, будь она въ долгой дорогѣ по рыхлому снѣгу, или же въ тепло натопленной комнатѣ, въ глухую ночь, подъ теплымъ деревенскимъ полушубкомъ, исполняющимъ дѣло забытаго въ городѣ одѣяла, — это такое спасеніе для изорванныхъ, полураздѣтыхъ, иззябшихъ, не покрытыхъ и не защищенныхъ ничѣмъ нервовъ, какого не найдешь въ самую глухую пору столичной ночи, всегда освѣщенной, какъ днемъ.

Хорошо также дѣйствуетъ на нервы, а иной разъ и прямо на оздоровленіе сознанія, всякая живая, безсловесная тварь, выросшая въ деревнѣ на всей своей волѣ и воспитавшаяся единственно подъ руководствомъ самобытныхъ, никѣмъ и ничѣмъ не реформированныхъ и не систематизированныхъ стремленій и цѣлей. Навстрѣчу вамъ, подъѣхавшему къ деревенскому дому, вылетаетъ съ лаемъ и со всѣми пріемами безстрашной обороны молодая собака, съ густою, курчавою шерстью, и вы съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчаете, что вѣдь это тотъ самый щенокъ, который лѣтомъ вмѣстѣ съ другими пищалъ гдѣ-то подъ крыльцомъ, ничего не видя и въ то же время стараясь найти молоко матери. И вотъ онъ является въ полномъ развитіи всѣхъ своихъ способностей, талантовъ, дарованій, цѣлей и обязанностей. Никакая система воспитанія не наложила на него своей тенденціозной печати; что̀ ему было дано, того онъ и достигъ безъ помѣхи, и одно уже это даетъ вамъ возможность ощутить такое впечатлѣніе, котораго не получишь отъ человѣка, которому всего-на-все осталось дополучить до полнаго самоудовлетворенія — пять или шесть еще неполученныхъ «прибавокъ». Щенокъ, развившій все, что̀ ему было дано, не утаившій ни одного своего собачьяго таланта, не отказавшійся ни отъ одной

собачьей обязанности и не измѣнившій ни одному собачьему убѣжденію, не утратившій ни одного изъ собачьихъ правъ, дарованныхъ ему, въ числѣ прочихъ тварей, Создателемъ вселенной, освѣжаетъ своимъ гармоническимъ существованіемъ воспоминаніе о правѣ личнаго благообразія. Благообразіе щенка отозвалось и въ васъ желаніемъ непремѣнно привлечь къ себѣ эту милую тварь.

Но милая тварь не идетъ, а продолжаетъ лаять и оборонять свою личность отъ всякаго посягательства. Булка, которая оказывается у васъ въ рукѣ, производитъ въ непосредственной натурѣ щенка совершенно не то дѣйствіе, какое вы привыкли видѣть въ обыкновенномъ обиходѣ жизни. Не только она не возбуждаетъ въ щенкѣ умиленія и низкопоклонства, какъ это бываетъ обыкновенно, но, напротивъ, приводитъ его въ величайшее раздраженіе: булка, очевидно, должна заманить его со двора въ сѣни, принудить къ вилянію хвостомъ. Никогда это не будетъ! Булка принадлежитъ ему и должна быть отдана безъ всякихъ уступокъ; онъ дождется своего, а не покорится; онъ легъ на брюхо, положилъ голову между передними лапами, сверкаетъ глазами и рычитъ, и бьетъ хвостомъ въ негодованіи. Иногда въ негодованіи вскочитъ на всѣ четыре лапы, перевернется въ одномъ мѣстѣ съ рычаніемъ, «гамкнетъ» разъ, два и три такъ повелительно, что булка сама перелетитъ въ сѣни. Взявъ то, что̀ ему слѣдуетъ, щенокъ съ рычаніемъ и бранью за ваше желаніе попрать его независимость немедленно же умчится въ какое-нибудь неприступное мѣсто. И въ то же время, не покорившись булкѣ, онъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, распоряженій и подтвержденій всю ночь безкорыстно исполняетъ свои обязанности: всю ночь не спитъ, сторожитъ, не смыкаетъ глазъ. И опять думается о томъ, какъ бы хорошо было жить, не покоряясь булкѣ, и дѣлать то, что̀ велитъ совѣсть! Подумаешь объ этомъ и поотдохнешь.

Вотъ только такія-то освѣженія и хороши въ деревнѣ; независимый въ поступкахъ щенокъ, крѣпкій сонъ безъ малѣйшихъ признаковъ какихъ-нибудь сновидѣній, невзволнованное, ровное біеніе сердца въ ненарушимой ночной тишинѣ, бѣлизна чистаго пушистаго снѣга̀,—вотъ и все, что̀ цѣнно въ короткія посѣщенія деревни въ глухую зимнюю пору.

Но врожденная потребность жить и быть съ людьми заставляетъ желать и живого слова, живого человѣческаго общества. Пріѣхавъ въ домъ и ожидая, пока прибѣжитъ

парень, на которомъ лежатъ обязанности—истопить холодную печь и поставить самоваръ,—не хочется отпустить и ямщика, и съ нимъ хочется поговорить. А разъ пошла рѣчь о будничныхъ заботахъ деревенскаго недосуга, всегда можно быть увѣреннымъ, что разговоры будутъ далеко не веселаго содержанія. Такъ бывало всякій разъ въ короткіе пріѣзды «на минутку», такъ было и въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь.

2.

Натаскавъ при помощи ямщика дровъ и поставивъ самоваръ, парень жарко растопилъ печку и, грѣясь около нея, сидѣлъ на полу. Я тутъ же примостился, не раздѣваясь и ожидая, пока согрѣется комната. Ямщикъ подсобилъ зажечь лампу, предварительно переломивъ, какъ соломинку, ламповое стекло, съѣздилъ за другимъ въ лавочку и, простившись, уѣхалъ; самоваръ началъ трещать и стрѣлять разгорѣвшеюся лучиной, а парень, поталкивая дрова, сталъ разговаривать.

— А у насъ на станціи человѣка недавно ядомъ извели!

Еще когда парень пошевелилъ только губами, я уже опасался за предметъ разговора. Первыя же слова парня подтвердили мои подозрѣнія, и я уже прямо пошелъ навстрѣчу прискорбной исторіи.

— Кто же это сдѣлалъ?—спросилъ я.—И за что?

Парень помолчалъ, помѣшалъ въ печкѣ, потолкалъ тамъ кочергой и сказалъ:

— Мнѣ отецъ не велѣлъ разузнавать... Я было-пошелъ поспрошать. Такъ отецъ говоритъ: «Не смѣй! Коли тебя тамъ увидятъ, такъ и самого въ острогъ посадятъ!» Ну, я и не сталъ... А онъ ужъ четвертый день лежитъ, пухнетъ... черный сталъ... страсть!

— Кто-жъ онъ такой?

— Да такъ... распутный какой-то былъ... Даже разъ былъ случай, ножомъ онъ въ кабакѣ въ дракѣ пхнулъ одного мужика... Потому что набалованъ былъ съ дѣтства... Баловался, пьянствовалъ...

— Да кто-жъ онъ такой?

— Да онъ тутъ на дорогѣ служилъ, въ мастерской гдѣ-то. И то когда служитъ, а когда такъ болтается. Сирота онъ, безъ отца, безъ матери, а только что не изъ бѣдныхъ: послѣ смерти отца остался ему въ наслѣдство домъ у станціи... А вѣдь теперь у станціи-то земля ужъ по саженямъ

продается. Ну вотъ, доходу-то и было,—за одно постоялое сколько приходилось... Деньги-то вольныя, малый и пріучился баловаться; послужитъ мѣсяцъ, другой, надѣлаетъ скандалу — его и вонъ! Помотается пока-что, пока деньжонки соберутся, а потомъ и опять за свое, и въ карты сталъ играть... Думали такъ, что пропадетъ, а онъ въ послѣднее время какъ будто и очувствовался, жениться вздумалъ. Вотъ старикъ-то и думаетъ: «дѣло плохо, надо какъ-нибудь его прекратить»... Взялъ да и далъ... яду...

Рѣшительно не было никакой возможности понять, въ чемъ дѣло, и я вынужденъ былъ приступить къ подробному допросу.

— Разсказывай ты все по порядку,—сказалъ я.—Какъ было дѣло? Съ чего началось?

— А началось дѣло такимъ родомъ: идетъ этотъ самый Игнашка на машину, на вечерній поѣздъ, половина шестого. И шелъ онъ на поѣздъ—хотѣлъ ѣхать къ невѣстѣ... Невѣста его живетъ на другой станціи, верстъ восемь... Идетъ онъ какъ слѣдуетъ, пріодѣвшись, и попадается ему Егоръ,—старикъ тутъ одинъ, отставной старый солдатъ.—«Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Куда, молъ?» — «Къ невѣстѣ».—«Доброе, молъ, дѣло, дай Богъ часъ!.. Надо, говоритъ, спрыски сдѣлать... Зайдемъ-ко-сь ко мнѣ,—у меня настойка припасена». Малый-то былъ охочъ до вина, а тутъ, сказываютъ, которые слышали, будто заупрямился, не хотѣлъ пить-то. А старикъ-то Егоръ уломалъ его, затащилъ-таки, угостилъ Игнашку настойкой... Игнашка хватилъ стакана два и побѣжалъ на машину. А на машинѣ-то, какъ только она тронулась, такъ съ нимъ и началось... Пріѣхалъ на станцію ни живъ ни мертвъ. Куда ужъ къ невѣстѣ! Еле домой на товарномъ довезли, все мучился, и промучился двое сутокъ и разсказалъ людямъ, какъ Егоръ-то его угощалъ... А Егоръ-то полагалъ, что онъ въ дорогѣ умретъ, ничего не скажетъ...

— Да за что-жъ его отравилъ Егоръ-то? И кто онъ такой?

— А люди сказываютъ, изъ-за дома онъ этотъ ядъ далъ... Домъ—главная причина въ этомъ дѣлѣ.

Новая неожиданная путаница разсказа поставила меня въ рѣшительный тупикъ.

— Нѣтъ,—сказалъ я:—ты все путаешь! Говори прежде всего, кто такой Егоръ?

— Да шутъ его знаетъ, кто онъ такой! Онъ у насъ жи-

ветъ тутъ лѣтъ двадцать... Нога у него одна испорчена, на войнѣ, сказывалъ,—хромаетъ... Жилъ онъ все на квартирахъ,—гдѣ за полтину, гдѣ за рубликъ въ мѣсяцъ... Сапоги шилъ, а то такъ и самовары лудилъ, и деньжонки въ ростъ давалъ. Какъ онъ жилъ, неизвѣстно никому въ точности... Сказывали люди, что и паспорта-то настоящаго у него не было...

Парень помолчалъ, подумалъ и, видимо обремененный сложностью своихъ мыслей, выговорилъ, затрудняясь въ каждомъ словѣ:

— Такъ вотъ главная причина и сказываютъ—домъ!

— Да при чемъ же тутъ домъ-то наконецъ?

Парень посмотрѣлъ на меня неподвижными глазами, очевидно, удивляясь, какъ это я ничего не понимаю.

— Такъ вѣдь домъ-то Игнашкинъ!—сказалъ онъ такимъ тономъ, который доказывалъ, что парень почти уже вышелъ изъ терпѣнія.

Но и я не вытерпѣлъ безсмыслицы, которую мололъ парень, и не безъ раздраженія замѣтилъ ему:

— Я тебя спрашиваю: при чемъ тутъ домъ и при чемъ тутъ Егоръ? Домъ Игнашкинъ, но почему Егоръ его за это отравилъ ядомъ,—вотъ что̀ мнѣ объясни.

Лицо парня вспыхнуло и выразило напряженное усиліе еще разъ и притомъ сразу выяснить все это дѣло.

— Такъ вѣдь онъ былъ любовникъ Авдотьи-то!

— Кто любовникъ? Игнашка или Егоръ?

— Егоръ былъ Авдотьинъ любовникъ! Вотъ какъ Игнашка-то задумалъ жениться, Егоръ-то испужался... «Ну-ко-ся домъ-то отойдетъ».

— Да кто же наконецъ Авдотья?

— Въ любовницахъ она у Егора состояла, а теперь и онъ и она старики стали! Вотъ какъ Игнашка-то захотѣлъ жениться...

— Постой, — сказалъ я: — говори сначала, кто такая Авдотья?

Парень, очевидно, почувствовалъ, что вопросъ этотъ вывелъ его изъ затрудненія, потому что лицо сразу прояснилось.

— Да мачеха она Игнашкина!—оживленно проговорилъ онъ.—Отецъ-то Игнашкинъ женился на ней на второй, а въ скорости и самъ умеръ. Оставилъ онъ въ наслѣдство Игнашкѣ домъ; вотъ мачеха-то и стала жить съ сиротой, доходъ съ дома получать, да и связалась въ это самое

время съ Егоромъ-то. Вотъ отъ какихъ поръ и пошло все это дѣло-то!

— Такъ бы ты и говорилъ!

— Такъ вѣдь не сразу на разговоръ-то хорошій нападешь! Теперь-то я все могу подробно разсказать.

И разсказалъ.

— Игнашкинъ отецъ, сказываютъ, домъ-то нажилъ, когда еще дорога строилась, подрядчикомъ онъ былъ. Ну, деньжонки были, вотъ и прихватилъ земельки около станціи. Первая-то жена у него, сказываютъ, была хорошая, да прожила недолго; а на Авдотьѣ онъ женился только, чтобы было кому за ребенкомъ смотрѣть. Первую-то жену любилъ, а эту такъ ужъ... для хозяйства. Одинокую взялъ, — ни отца нѣтъ у нея ни матери,—работницей была на дорогѣ, землю таскала. Ну, хоть и некрасивая была, а добрая... Вотъ когда умеръ Игнашкинъ-то отецъ, этотъ самый Егоръ-то и подмазался къ ней... Ежели бы она замужъ за него вышла, тогда и домъ и ребенка навѣрное бы отобрали какіе-нибудь родственники. Да и родня уже нашлась и на домъ зарилась, и Авдотью стерегли. А куда ей изъ дому-то выйти, чѣмъ жить? Ни у нея ни у Егора ничего нѣтъ. Вотъ они и стали жить такимъ-то манеромъ. Изъ теплаго-то дома на морозъ да на «милостинку» выйти—кому охота? Ну, Авдотья-то будто и жила какъ незамужняя, и доходъ получала, и Егоркѣ помогала. Покуда Игнашка маленькій былъ, Егоръ-то и прямо въ его домѣ ночевывалъ, а какъ сталъ подрастать, стали они скрываться отъ Игнашки. Однако Авдотья баба добрая, стыдливая... Стала побаиваться, какъ бы мальчонка-то не сообразилъ, баловать его стала, дозволяла все, ни въ чемъ не отказывала. Вотъ онъ и избаловался, а какъ сталъ понимать, что онъ хозяинъ, да слухи разные сталъ про мачеху слышать, и началъ на нее даже похрапывать... Добрые люди научатъ! «Ты у ней тереби деньги-то! У нея тамъ биткомъ набито!» Ну, и теребилъ. Конечно, деньги бывали, и Егоркѣ много было дадено, только у Егорки тоже не держались, возьмутъ въ долгъ и не отдадутъ... Жаловаться не смѣлъ, — спросятъ: «откуда?» А у него и паспорта нѣтъ. Вотъ такъ и шло. Малый-то все шибче да шибче свою власть надъ мачехой сталъ показывать. Иной разъ пропьется, станетъ изъ мачехи деньги теребить, и ежели у ней нѣтъ, возьметъ самъ изъ имущества, заложитъ и пропьетъ. А потомъ опять теребить. А ежели совсѣмъ нѣтъ ужъ ничего, не вѣритъ,

грозится: «Я съ моимъ домомъ такую жену возьму, что ахти! Я васъ, молъ, уволю изъ дому...» И такой сталъ извергъ непреклонный! Старуха-то, сказываютъ, плачетъ-плачетъ, бывало. Сохнуть даже стала. Да и невѣстины-то родители тоже дали вѣсть, чтобы мачеха съ любовникомъ вонъ изъ дому шли, что этого ихъ дочь видѣть не можетъ... Лавочники они, мелкіе... Ужъ, конечно, мужъ молодую жену послушаетъ, а не мачеху. Вотъ старики-то и перепугались.

— Неужели и Авдотья участвовала?

— Про Авдотью слуховъ нѣтъ... Она не отходила отъ Игнашки, какъ его привезли... Все слезами заливалась, и сейчасъ убивается. А вотъ про Егора-то—говорятъ! Да и точно, состарился онъ крѣпко. Ноги-то ужъ совсѣмъ перестаютъ двигаться, деньжонки растащили до тла... И ужъ другъ къ дружкѣ привыкли... Оно вѣдь страшно на старости-то лѣтъ по міру-то идти. Вотъ Егоръ-то, должно-быть, и надумалъ... Какъ увидалъ, что Игнашка и въ самомъ дѣлѣ жену беретъ, и испужался. Ежели отъ Авдотьи отстать—помочи не будетъ отъ нея, родные будутъ смотрѣть въ оба... А Авдотьѣ, ежели Егора не броситъ, тоже остаться нельзя въ домѣ: всю жизнь разберутъ, всякую копейку станутъ высчитывать... Вотъ Егорка-то съ отчаянности, надо-быть, рѣшился. «Помретъ, молъ, а я на Авдотьѣ женюсь...» Анъ оно вонъ какъ вышло-то!

— Что̀ же теперь съ ними?

— Да, сказываютъ, оба въ темной сидятъ. Авдотья-то и сейчасъ убивается. Глаза не просыхаютъ.

Печка накалилась, и самоваръ, послѣ шумнаго кипѣнія со всевозможными напѣвами, наконецъ уже клокоталъ въ какомъ-то затаенномъ бѣшенствѣ.

— Кому же теперича домъ-то достанется?—какъ послѣдній выводъ изъ всего случившагося, вопросилъ парень, втаскивая на столъ клокочущій самоваръ.

Но разговоръ на эту тему не продолжался, такъ какъ, во-первыхъ, надобно было пить чай, а, во-вторыхъ, образы этихъ двухъ несчастныхъ, погибшихъ стариковъ, сидящихъ теперь въ тюрьмѣ, тяготили мрачными мыслями.

Не только простой деревенскій парень, который все-таки могъ хоть по клочкамъ собрать болѣе или менѣе достовѣрныя черты, обрисовывающія причины несчастія двухъ стариковъ, понималъ, что прежде всякихъ подробностей, касающихся личной исторіи и обстоятельствъ несчастныхъ стариковъ, надобно почему-то обратить вниманіе главнымъ

образомъ на «домъ», на имущественный вопросъ, но и вся такъ-называемая «деревенская интеллигенція», т.-е. люди «пиджаковъ», «часовъ» и «резиновыхъ калошъ», съ которыми мнѣ приходилось встрѣтиться на обратномъ пути, всѣ они, при разспросахъ о происшествіи, первымъ словомъ разсказа ставили непремѣнно то же самое слово «домъ», а потомъ уже снисходили и до припоминанія, изъ пятаго въ десятое, подробностей жизни несчастныхъ.

— Главная причина—домъ! Вотъ какъ я полагаю!

— Да кто же они такіе?

— А, право, хорошенько я этого не могу вамъ сказать.

Суровая сущность своей и чужой жизни ощущается деревенскимъ обывателемъ вполнѣ ясно; онъ гораздо больше и основательнѣе понимаетъ все, что̀ касается безнадежности своего и чужого положенія, чѣмъ то, что̀ сулитъ мечты о какомъ-нибудь счастливомъ исходѣ. Никакихъ радующихъ перспективъ жизнь не только не рисуетъ ему, но даже, пока, и не намекаетъ на нихъ. Драма, кое-какъ разсказанная парнемъ, скоро отошла на задній планъ, и въ разговорѣ его опять на первомъ мѣстѣ появился «домъ». Что̀ теперь будетъ съ домомъ? Кто въ немъ теперь будетъ жить и кормиться? Пройдутъ годы, и вы можете быть увѣрены, что ваши вопросы «о домѣ» всегда будутъ удовлетворены любымъ изъ деревенскихъ жителей; но черезъ три-четыре дня послѣ того, какъ «возьмутъ и увезутъ» старика и старуху, о нихъ и помину не будетъ.

3.

Парень, къ моему великому удовольствію, рѣшительно не препятствовалъ мнѣ молчать и думать, сколько мнѣ будетъ угодно, и постарался занять эти молчаливые часы усерднѣйшимъ чаепитіемъ. Даже тогда, когда изъ чайника стала вливаться въ стаканъ только одна вода, и тогда онъ не оставлялъ своего занятія до тѣхъ поръ, пока насъ обоихъ не осѣнила мысль о томъ, что самоваръ распаяется.

Наконецъ кончилось и чаепитіе, съѣденъ былъ десятокъ яицъ съ чернымъ хлѣбомъ, выпита крынка молока, и явилось желаніе лечь спать. Улеглись мы спать въ разныхъ углахъ двухъ разныхъ комнатъ, тепло натопленныхъ, и нѣкоторое время лежали молча. Я курилъ, а парень иногда икалъ, отъ избытка въ чаепитіи, а иногда зѣвалъ, но пока еще не спалъ, и вдругъ опять завелъ рѣчь:

— Холода тутъ у насъ стояли бѣдовые! Дѣнъ десять

продержались. Вѣтромъ такъ и нажигаетъ. Около будки одинъ человѣкъ даже замерзъ.

Опять чѣмъ-то непривѣтливымъ погрозилась мнѣ деревенская жизнь. И не хотѣлось бы мнѣ тревожить своихъ мало-по-малу успокаивавшихся нервовъ и мыслей новымъ повѣствованіемъ, несомнѣнно, о чемъ-нибудь прискорбномъ, но я никакъ не могъ промолчать уже просто потому, что другой человѣкъ разговариваетъ со мной.

— Здѣшній?—спросилъ я.

— Нѣтъ, прохожій. Опять ихъ видимо-невидимо идетъ взадъ и впередъ по тракту... Откуда только берутся?.. Этотъ-то, должно, во хмелю былъ, жгло, должно-быть, у него нутро. Нашли его въ такомъ видѣ, будто въ канаву нагнулся воды напиться... Голову нагнулъ, губами къ снѣгу припалъ и руками уперся этакъ, локтями вверхъ, шапка тутъ же сбоку лежитъ... А одежи почесть никакой нѣтъ... пинжакъ только... на ногахъ лапти...

— Такъ и неизвѣстно, кто?

— Кто-жъ его знаетъ, кто они такіе? Ихъ, этихъ прохожихъ, такая сила идетъ, видимо-невидимо! Кажется, ежели по полушкѣ подавать, такъ и то въ разоръ разоришься...

Уже по этому вступленію я ясно видѣлъ, что предстоитъ рѣчь именно какого-нибудь безнадежнаго содержанія, и сожалѣлъ, что рѣчь эта началась.

Но, къ моему удивленію, собесѣдникъ мой, начавшій разговоръ о такомъ нерадостномъ явленіи большой московской дороги, какъ голытьба и бродяжный народъ, вдругъ почему-то повеселѣлъ, сбросилъ съ ногъ полушубокъ, сѣлъ на своей постели и радостно проговорилъ:

— Эхъ! Не былъ ты у насъ по осени-то! Что̀ у насъ тутъ было,—такъ и вовѣки этого не будетъ! И правнуки-то этого не дождутся наши!

— Что̀ же такое случилось?

— Пронеслась, какъ солнце по небу прокатилась, Божія Матерь, чудотворная Тифинская икона!.. Голытьбу всю сразу подобрала, пріютила, да что̀!—всѣ-то мы точно по небу вмѣстѣ съ Нею пронеслись! Точно подняла Она, Заступница, насъ всѣхъ съ земли къ раю небесному!.. Хорошо! дюже, дюже хорошо!.. И вовѣки этого не будетъ!.. Ужъ какихъ живорѣзовъ, а и то слеза прошибала, и мошну развязывали. Конечно, жалко намъ, а что хорошо было, такъ и пересказать этого невозможно!

— Отчего же и кого жалко-то было?

— А Ее, матушку Заступницу, жаль намъ было очень. Вѣдь Она въ Тифинѣ-то жила у насъ триста, почитай, лѣтъ. Мы къ Ей привычны, и думы этой у народа не было, чтобы Она отъ насъ ушла!.. Однако вотъ ушла! Тифинцы-то долго не отдавали Ее староруссцамъ. Она, точно, изъ Руссы была перенесена въ Тифинъ по случаю моровой язвы. Такъ вѣдь оставалась же Она, матушка, тамъ триста лѣтъ! Стало-быть, ужъ не гнѣвалась. А тутъ старо-руссцы опамятовались, стали просить: «Отдайте, Она наша!» Ну, а тифинцы-то стали упираться, не отдаютъ. Годовъ, можетъ, двадцать они согласія-то своего не давали. Тогда и староруссцы осерчали. «Не отдадите, говорятъ, добромъ, такъ мы вытребуемъ судомъ!» И зачали дѣло. Подали прошеніе, «такъ и такъ». Ну, бумага пошла своимъ чередомъ, однако-жъ и тутъ нескоро дѣло шло. Много разъ они, тифинцы-то, отписывались, затягивали дѣло, строчили бумаги. Наконецъ, того, выходитъ рѣшеніе судебное изъ Синода: «Отдать безъ разговоровъ!» Ну, тутъ тифинцы-то ужъ и пріуныли.

— И отдали?

— Какъ же не отдать-то? Только что тифинцы себѣ на умѣ: отдали, да не сразу. «На Ней,—говорятъ (опять же бумагу объ этомъ посылаютъ въ Старую Руссу):—риза въ двѣнадцать тысячъ, вся въ драгоцѣнныхъ камняхъ, такъ мы ее, молъ, снимаемъ, ризу-то!» Тутъ и староруссцы испужались. «Нѣтъ, говорятъ, мы безъ ризы несогласны!» И пошло у нихъ дѣло ходко. Собрали они и всѣ двѣнадцать тысячъ отвалили тифинцамъ, а въ скорости и сами примчались получать. Привалило вмѣстѣ съ ними многое множество староруссцевъ,—что-жъ ты думаешь? Не пускаютъ ихъ тифинцы на постой. «Старорусскіе будете?»—«Старорусскіе!»—«Проваливай отъ воротъ!»—«Да мнѣ лошадь некуда поставить!»—«Да намъ-то что̀? Ставь куда хошь!»—«Нѣтъ ли овса?»—«Нѣту для васъ овса!»—«Дай хоть хлѣба кусокъ?»—«Нѣтъ для васъ ни хлѣба ни ночлега!» А народу все подваливаетъ, а провизіи не даютъ. Что̀ будешь дѣлать? Однакожъ староруссцы перетерпѣли голодовку,—ждутъ. Дождались дня, хотятъ взять икону-то, вдругъ, сказываетъ народъ, поднялась страшная буря, такъ и валитъ деревья по дорогѣ, по которой нести-то Ее, Владычицу, надо. Вотъ тифинцы-то и опять захорохорились-было.—«Это Она, матушка, не хочетъ къ вамъ, къ старо-

руссцамъ, идти, хочетъ у насъ остаться. Никакая бумага тутъ не можетъ препятствовать!» А староруссцы-то, не будь глупы, сами имъ въ оборотку доказываютъ: «Нѣтъ, говорятъ, не такъ по-нашему-то! По нашему, по старинному мнѣнію выходитъ, что на васъ, на тифинцевъ, Владычица гнѣвъ Свой имѣетъ за ваши каверзы, подвохи всякіе, за то, что вы намъ пищи не давали, непривѣтливы были къ намъ!» Спорили, перетакивались всячески, пока архимандритъ не пріѣхалъ. Ну, тутъ ужъ окончательно нельзя. Вынесли Ее, матушку, простились архимандриты у монастыря, поклонились другъ дружкѣ, и народъ понесъ икону. И всѣ тутъ ужъ были заодно, — и тифинцы и староруссцы,—и изъ всѣхъ селъ и деревень такъ тысячами народъ и подваливаетъ. Какъ придутъ въ село, такъ ужъ навстрѣчу идетъ причтъ съ хоругвями, встрѣчаетъ и въ церковь несутъ Ее. Причты-то вотъ иной разъ спорились съ путеводителями старорусскими-то! Иной разъ выйдутъ мужики изъ деревни, гдѣ нѣтъ церкви, всѣмъ обществомъ, просятъ отслужить молебенъ, а причтъ препятствуетъ: «Вы, говоритъ, должны идтить въ приходскую церковь, тамъ обязаны молиться... Это, говоритъ, не годится, чтобы церковный-то доходъ отбивать». Такъ путеводитель-то, говорятъ, все посохомъ стучалъ въ землю на причтъ-то, стучитъ и такъ что-то неласково говоритъ: «Какъ такъ, говоритъ, народу вы молиться не дозволяете?» И все посохомъ-то стучитъ въ землю. И у насъ тоже на станціи пожелали икону-то съ тракту, въ вокзалѣ, отмолебствовать, такъ и тутъ тоже причтъ обезпокоился, не сталъ-было пущать съ повороту-то! «Мы, говоритъ, изъ церковныхъ суммъ выдадимъ, что̀ вамъ на станціи обѣщаютъ! Поворачивайте, будьте такъ добры, на тифинскій трактъ!» Такъ путеводитель-то и тутъ все посохомъ-то объ землю стучалъ и горячился. Однакожъ не уступилъ и поворотилъ-таки на вокзалъ,—да въ вокзалъ-то было не пронести,—двери тѣсныя, пришлось на улицѣ служить... И это причту было не по душѣ. «На улицѣ-то сколько народу соберется? Тысячи! А кто-жъ послѣ того въ храмъ-то пойдетъ? Это храму убытокъ!» Горячился причтъ очень, да и путеводитель тоже не отставалъ, все посохомъ-то—стукъ, стукъ, стукъ объ мостовую-то! Даже, говорятъ мужики, благословить потомъ не могъ. «Подождите, говоритъ, православные, рука у меня ослабла!» Ну, какъ-никакъ, а все вышло похорошему. И на станціи была, и въ храмѣ была Влады-

чица, и ужъ какъ хорошо въ путь-дорогу тронулась—и сказать невозможно! Высоко Ее несли, матушку, надо всѣми тысячами вверху сіяла Она, какъ жаръ на солнцѣ горѣла... Женщины, особливо монашенки (собралось ихъ—не пересчитать!), таково-то хорошо пѣли: «Заступница усердная!»—словно ангелы на небеси. И ни на минуточку не замолкали ни днемъ ни ночью. Такъ идетъ толпа несмѣтная и поетъ! И откуда что̀ взялось! Кто поилъ этотъ народъ, кто кормилъ? Она, Владычица! Въ полѣ остановятся—сами костры загораются, котлы большущіе на кострахъ закипаютъ, провизія всякая варится, всѣ пьютъ, ѣдятъ, всѣ сыты, всѣ довольны! А пѣніе всю ночь, весь день вокругъ иконы, и всегда множество народу, и всю дорогу на рукахъ... Какъ прошла Она, такъ весь нашъ трактъ какъ вѣтромъ продуло,—нѣтъ голытьбы ни единой души! всѣхъ подобрала, всѣхъ пропитала, всѣхъ пріютила! А теперь вотъ опять голытьба повалила!

Пронеслось въ воображеніи парня воспоминаніе о необыкновенномъ явленіи, но суровая дѣйствительность, видимо, опять отяготила его мысль. Онъ призамолкъ, вздохнулъ, походилъ босикомъ по темнымъ комнатамъ, воды попилъ и опять легъ, и сталъ укладываться. Скучныя времена, наставшія послѣ того, какъ прошла икона, ни парню ни мнѣ нельзя было уже оставить безъ обозрѣнія.

— И откуда ее, голытьбы этой,—въ раздумьѣ сказалъ парень, зѣвая:—тьма этакая,—понять невозможно!

— Откуда же она, въ самомъ дѣлѣ, берется?—сказалъ и я.

— Да Богъ ее знаетъ, откудова она валитъ! Идутъ изъ Питера съ проходными листами и съ дороги опять назадъ въ Питеръ ворочаются, и опять ихъ оборачиваютъ назадъ. Одинъ высылается изъ Питера двадцать восемь разъ, это ужъ на моихъ глазахъ. Нарождено голаго народу тьма-тьмущая! И кого-кого тутъ нѣтъ, въ этихъ бродяжкахъ! Нашему брату, мужику, нельзя не дать—онъ жальче всѣхъ... Иной горемыка бьется-бьется въ Питерѣ-то изо всѣхъ силъ, годовъ пять бьется, для деревни деньги сколачиваетъ по копеечкѣ. Ѣстъ только, чтобы сила на работу была, а ужъ ни водки ни папироски—ни-ни! Этакого-то одною рюмкой свалишь съ ногъ, одурманишь... Иной такой-то покончитъ свои дѣла, собирается домой, дай, думаетъ, хоть рюмочку на дорогу выпью, да и свалится съ ногъ, да какъ и въ части очутится—не знаетъ!

А тамъ ужъ денегъ у пьянаго не оставятъ!.. Вотъ такихъ-то и жалко до смерти! Бѣжитъ домой изъ Питера, какъ сумасшедшій. И отца, и жену, и мать, всѣхъ жалѣетъ и всѣхъ боится. Всѣ они ждутъ не дождутся, надѣются на него. Наголодались, натерпѣлись, а у него ужъ ни гроша нѣтъ, ѣсть нечего! Много такихъ бѣжитъ мимо по тракту. Трясется, пужается, плачетъ, ничего въ ротъ не можетъ взять. Забѣжитъ, оглядитъ, дышитъ, какъ поставъ на водяной мельницѣ, губы сохлыя... Заплачетъ, ни слова не скажетъ,—опять бѣжать. Этакого-то и самъ догонишь, за руку остановишь, дашь. А вѣдь сколько за хлѣбомъ къ намъ идетъ такого голаго народу, что и дать-то ему жалко! Видно, что дармоѣдъ. Вскочитъ въ избу въ пинжакѣ, какъ осиновый листъ дрожитъ: «Хлѣбца, Христа ради!» Поѣстъ, оттаетъ и начнетъ хвастать: «Я, говоритъ, одинъ такой-то, голосъ имѣю преотличный... Сто рублей въ мѣсяцъ получалъ въ театрѣ въ Петербургѣ. Только, говоритъ, постъ начался, такъ закрыли мѣста, гдѣ поютъ. Иду теперь къ матери отдохнуть». Слушаешь его пустыя слова-то, а вѣдь ежели есть въ карманѣ грошъ, какъ не дать? Вѣдь раздѣтъ, на дворѣ морозъ. Пробѣжитъ такой-то изъ Петербурга, думаешь, совсѣмъ пропалъ, можетъ, и замерзъ въ дорогѣ, анъ, глядь, прошелъ постъ, опять мчится въ Петербургъ. «Дайте хлѣбца, Христа ради!» Теперича, оказывается, былъ въ церковномъ хорѣ весь постъ, денегъ получалъ много, да дьяконъ подвелъ, выгнали. Теперь опять въ театръ. И взадъ и впередъ носитъ такого-то, какъ щепку по вѣтру, а нашъ братъ все отдай да отдай. Да и смѣты имъ нѣтъ, этимъ захожимъ людямъ!

— Есть, стало-быть, и такіе,—спросилъ я:—что не слѣдуетъ и давать имъ?

— Ихъ всякихъ много! Иной нищій идетъ и хлѣба проситъ, и самъ же ругается на тебя. Однажды сидимъ мы такъ-то всѣмъ семействомъ за обѣдомъ, входитъ прохожій. На головѣ шапка съ краснымъ околышемъ, халатъ надѣтъ теплый, подпоясанъ и уши подвязаны. Сапоги тоже есть. Вошелъ, шапки не снялъ, оглядѣлся кругомъ. «Какая, говоритъ, у васъ, у мужиковъ, гадость въ избахъ... Точно, говоритъ, въ хлѣву».—«Такъ зачѣмъ же ты пришелъ-то сюда? Иди своею дорогой!»—«Я, говоритъ, озябъ, усталъ. Нельзя мнѣ не отдохнуть». Не гнать же человѣка? Сѣлъ. Что-то у него въ лицѣ какъ будто полоумное было. Задумчивый.—«Большая, говоритъ, на свѣтѣ теперь неправда на-

стала. У каждаго мужика-дурака есть и земля, и хлѣбъ, и изба, а въ дворянствѣ, случается, кровные дворяне и пристанища не имѣютъ! это должно прекратиться! Что̀ это такое, говоритъ, за подлость? Я, дворянинъ, долженъ у какого-то мужичонки просить позволенія погрѣться? Въ этакомъ хлѣву? Тьфу!» Надо бы по шеѣ благословить,—ну, Богъ, молъ, съ нимъ, пущай повретъ въ свое удовольствіе. «А ты самъ-то дворянинъ, что ли, будешь?»—спрашиваемъ.—«Я, говоритъ, самой чистой дворянской крови съ материнской стороны. Моя мать была настоящая дворянка, генеральская дочь, только отецъ, стало-быть, мой дѣдъ, разорился, должна была выйти за купца. А кровь у меня чистая дворянская! По бумагамъ я мѣщанинъ, а по крови настоящій дворянинъ. Бумага—наплевать. Дворянскій духъ и кровь—вотъ главное дѣло, а во мнѣ и кровь и духъ дворянскіе есть! Я у помѣщика на псарнѣ ночую, мнѣ тамъ милѣе, чѣмъ у мужика на печкѣ. Во мнѣ есть благородная кровь. Я и пропадаю изъ-за дворянской чести. По бѣдности пустили меня, послѣ смерти отца, по коммерческой части. И я, какъ благородный человѣкъ, исполнялъ свое дѣло, пылинки чужой не взялъ. Образованіе имѣлъ собственное, чтеніемъ занимался. За мои услуги фабрикантъ былъ очень мнѣ благодаренъ, потому я всѣ его дѣла увеличилъ, размножилъ, обогатилъ. Онъ самъ, этотъ фабрикантъ-то, говорилъ мнѣ: «Такого благороднаго человѣка я въ жизни не видалъ. Все мое семейство изъ-за тебя живетъ въ богатствѣ...» И старшая его дочь мнѣ говорила: «Вы нашъ благодѣтель... Я васъ обожаю». Письма писала. Совершенно вѣрно выходило ей быть за мной замужемъ... Обнимала. А между тѣмъ ихняя подлая мужицкая кровь объявилась же наконецъ. Выдали за выкреста, богача... Изъ-подъ носу выхватили, невѣжи! Ну, я минуты не оставался, надѣлъ, что̀ было мое, бросилъ фабрику и ушелъ. Маменька еще была жива, прожилъ съ нею все и тогда совсѣмъ ушелъ. Не хочу покоряться! Не поклонюсь! Выкрестъ-то всю семью разорилъ въ корень. Пусть! Хожу по монастырямъ, пусть кормятъ! И по помѣщикамъ, потому благородный долженъ помочь благородному. У меня дворянская чистая кровь! И къ мужикамъ хожу и беру у нихъ хлѣбъ, яйца и деньги, но не какъ нищій, а какъ баринъ!..» Какъ брякнулъ онъ это, признаться, взяло и насъ за живое.—«Нѣтъ, говоримъ, эта пора прошла!»—«Нѣтъ, говоритъ, не прошла! Не можетъ этого быть, чтобы барину не было удовольствія! Мнѣ

и схимникъ сказывалъ: «Будетъ, говоритъ, оборотъ! Не можетъ быть, чтобы дворянинъ пропадалъ. Будетъ ему дано опять въ оборотъ все старое. Всякому дворянину будетъ дано». Я и сны вижу. Этого не можетъ быть, чтобъ у мужиковъ было у каждаго все, а у дворянина нѣтъ! Скоро вамъ, дуракамъ, будетъ приказано посмирнѣй быть...» Должно, что полоумный. Сидитъ, сидитъ: «Какъ!—заоретъ:— чтобы дворянамъ не было предоставлено жить по-дворянски? Для чего это мужики предназначены? Почему Богъ создалъ дворянъ и мужиковъ? Будетъ! Не нищій я, а баринъ! Это будетъ! Я просить не буду, а прямо ты мнѣ долженъ дать, какъ барину. Дай хлѣба, я не ѣлъ!» Вотъ вѣдь какіе! Палкой замахивается. Какъ не дать? Только уйди, сдѣлай милость! Дали и этому полоумному. Засунулъ хлѣбъ за пазуху, опять оглядѣлъ избу: «Какая, говоритъ, у васъ тутъ все подлость! Даже тошнитъ. Вонь, смрадъ, точно свиньи!» Вотъ вѣдь какіе бываютъ! А и этимъ какъ не дать? Вѣдь подъ окномъ можетъ съ голоду помереть, а кто отвѣчать будетъ? А можетъ, онъ, полоумный, и чего еще хуже сдѣлаетъ?

Собесѣдникъ прервалъ разсказъ и, какъ бы обинякомъ, спросилъ:

— А что̀, можетъ, и въ правду будетъ это, что̀ полоумный-то говорилъ? Я такъ думаю, что полоумный онъ, непремѣнно! Развѣ есть слухи какіе?

Поговорили мы на эту тему и опять возвратились къ прерванному разговору.

— И какіе иной разъ веселые бываютъ изъ нихъ— страсть! Кажется, весь ободранъ, голоденъ, идетъ невѣдомо куда, безъ пути, безъ дороги, а нѣтъ-нѣтъ да и представитъ комедію! Стою я разъ на станціи на платформѣ, смотрю, идетъ оборвышъ, чуть не въ чемъ мать родила. Палка длинная, ноги босыя, самъ верста ростомъ. Вышелъ по ступенямъ на платформу, сталъ, оглядѣлся, увидѣлъ жандарма и закричалъ:—«Жандармъ! Поди сюда, каналья!..» и палкой стучитъ.—«Живо!» Жандармъ осерчалъ, подскочилъ: «Ты какъ, говоритъ, смѣешь такъ говорить?» Бродяга опять застучалъ палкой и закричалъ: «Молчать, каналья! Я—сенаторъ! Пошелъ, дай телеграмму, чтобы разыскали десятокъ папиросъ петровскихъ, въ курьерскомъ забылъ! Въ купе чтобы искали, исполняй! Пшолъ!» Ну, конечно, сгребли его, волокутъ въ кутузку, а онъ не унимается: «Да хорошъ ли у васъ тамъ, канальи, буфетъ?»—«Иди,

иди, любезный, увидишь, какой буфетъ!»—«Чтобы сейчасъ затопить каминъ и бифштексу три порціи!» Въ кутузку усадили, и оттуда чудитъ: «Ни соусу нѣту, ни шампанскаго не даютъ! Ахъ, вы, такіе-сякіе!..» Увидалъ меня сквозь рѣшетку и говоритъ: «Мужикъ! принеси мнѣ краюху хлѣба, а то, ей-Богу, околѣю съ голоду!..» Ну, какъ не дать?

Поговорили затѣмъ, уже крѣпко позѣвывая, вообще про обиліе разлакомленнаго сладкими кусками дармоѣднаго народа, вырабатываемаго особенными условіями городской жизни, и тяжести расходовъ, которые эта голытьба возлагаетъ на придорожное крестьянское населеніе, и понемногу разговоръ возвратился къ началу.

— А ужъ какъ хорошо было, какъ Владычица-то прошлась по нашимъ мѣстамъ!.. Сколько Она пріютила безпріютныхъ и голодныхъ накормила! Разжалобились богомольцы, развязали кошели, не обижали бѣдныхъ. Когда это бывало? Сколько нищаго народу до дому добралось, а иной, можетъ, съ десяткомъ рублей за мастерство взялся, человѣкомъ сталъ. Долго этакъ-то не раздобрѣетъ жадный человѣкъ, какъ въ ту пору Владычица его раздобрѣть заставила!.. Вовѣки не дожить намъ всѣмъ и съ бродягами вмѣстѣ до этакой радости!.. Теперь опять къ намъ, мужикамъ, въ окошко постукиваютъ: «Подайте, Христа ради!»

Хорошо говорилъ мой собесѣдникъ о необыкновенно замѣчательныхъ дняхъ, но все-таки въ концѣ концовъ мы заснули, а проснувшись уже и совсѣмъ не имѣли для разговора какого-нибудь интереснаго матеріала. Молча доѣхали до станціи и, прощаясь, опять обмѣнялись обычнымъ ласковымъ: «Спасибо!» «Дай Богъ вамъ!» «Счастливо оставаться!»—и не хмурымъ, а ласковымъ взглядомъ проводили другъ друга.

III. Богомолка.

1.

...Всевозможныя развлеченія, устраиваемыя лѣтними посѣтителями Л—кихъ минеральныхъ водъ, были окончательно исчерпаны. Ѣздили за городъ, катались на лодкахъ, опять ѣздили за городъ, но уже соединенными компаніями,

взлѣзали на колокольню любоваться видомъ города, который и такъ былъ виденъ довольно ясно, и наконецъ скука настала страшная. Нужно было отдохнуть отъ этого «лѣтняго» отдыха. Но какъ? Въ этомъ затруднительномъ положеніи совершенно неожиданно помогъ мнѣ случай.

Въ одно утро въ гостиницѣ, гдѣ я стоялъ, появился ямщикъ, предлагавшій свои услуги везти на богомолье въ сосѣдній монастырь, верстъ за пятьдесятъ. Въ монастырѣ на-дняхъ долженъ быть храмовой праздникъ, на который съѣдется народъ отовсюду. Это предложеніе было для меня какъ нельзя болѣе кстати, и мы уговорились тотчасъ же.

Ѣхать нужно было на другой день часа въ два дня; выѣхали мы, разумѣется, не въ два, а подъ вечеръ, что, впрочемъ, было гораздо лучше. Ѣхали мы не спѣша, по узкой проселочной дорогѣ, сухой и хорошо укатанной, переваливаясь съ холма въ долину, снова взбираясь на холмъ точно такой же, какъ и первый; неслышно и чуть-чуть постукивая телѣгой, пробѣгали мы по сырой и мягкой дорожкѣ луга, миновали деревню съ яркимъ огнемъ лучины *) въ тускломъ и маленькомъ стеклѣ тусклаго и маленькаго крестьянскаго окна, курили и думали каждый о своемъ,— впрочемъ, вѣрнѣе, о своемъ дѣлѣ думалъ только ямщикъ; я, единственный его пассажиръ, затѣмъ и лежалъ въ этой телѣгѣ, чтобы «о своемъ»—не думать.

По мѣрѣ того, какъ начинало темнѣть, по дорогѣ стали попадаться люди, пѣшіе и ѣхавшіе въ такихъ же повозкахъ, какъ и мы,—это были богомольцы, торопившіеся къ ночлегу въ ближайшую деревню. Мы вмѣстѣ съ этими пѣшеходами, скоплявшимися близъ деревни въ партіи, прибыли на ночлегъ поздно ночью. Постоялый дворъ былъ полнехонекъ народомъ: въ сѣняхъ, въ избахъ, въ телѣгахъ и другихъ экипажахъ, переполнявшихъ дворъ, повсюду спалъ или приготовлялся спать усталый народъ, охая, кряхтя, поминая слова молитвы. Я послѣдовалъ примѣру богомольцевъ и тоже легъ въ телѣгѣ, подъ открытымъ лѣтнимъ небомъ.

Проснулся я рано и вышелъ со двора на улицу. Здѣсь у воротъ я присѣлъ на широкомъ камнѣ, поставленномъ на двухъ кускахъ дубовыхъ обрѣзковъ, плотно закутавшись отъ утренняго холода въ пальто. Деревенская улица мнѣ была знакома, и мнѣ нечего было разглядывать въ ней.

---

*) Было въ 73 году.

2.

Въ это время къ дому приближалась богомолка; она шла скорыми, проворными шагами, нагнувъ лицо къ землѣ и проворно работая палкой. Поровнявшись со мною, она остановилась, спросила не то у меня, не то у кого-то, невидимаго мнѣ: «пущаютъ ли?»—и, какъ бы не разслышавъ моего утвердительнаго отвѣта, сѣла на другой камушекъ и съ трудомъ перевела духъ.

Лицо этой старушки заставило невольно обратить на нее вниманіе: такое красивое, умное лицо не часто приходится встрѣчать въ простонародныхъ странницахъ. Черные, острые, наблюдательные, умные глаза придавали ея хотя и красивому, но утомленному и уже замѣтно немолодому лицу оттѣнокъ умной задумчивости. Но, когда я заговорилъ съ ней, въ этихъ умныхъ глазахъ, въ пристальности, съ которой она уставила ихъ на меня, и быстротѣ, съ которой она вдругъ опускала ихъ, смотрѣла въ сторону, я замѣтилъ что-то странное, какъ будто въ головѣ ея не совсѣмъ было ясно.

Я спросилъ ее—«откуда она?»

Она отвѣчала, что издалека, что идетъ къ угоднику, а оттуда отправится тотчасъ же въ другое мѣсто. Я замѣтилъ ей, что такіе частые и далекіе переходы утомительны и вредны, что она вотъ и теперь еще не отдышалась порядкомъ.

— Иному человѣку,—сказала она въ отвѣтъ:—и жить-то нельзя, покуда не умучаетъ себя! Покуда умучилъ себя хорошенько, будто и можно на бѣлый свѣтъ смотрѣть, а дай-ко ему отдыхъ и покой—такъ онъ!..

Она отвернулась въ сторону и махнула рукой.

— Что-жъ онъ?—спросилъ я.

— А то,—сказала она, глянувъ на меня тѣмъ страннымъ взглядомъ, въ которомъ видѣлось что-то ненормальное въ ея сознаніи:—а то, что бѣсъ въ немъ просыпается, да! Ну-ко поди, сладь съ нимъ въ то время!

— Бѣсъ?

— Да! дьяволъ пробуждается! проснется и начнетъ обозлять тебя на людей. Ну, и взбѣсишься, полѣзешь на всѣхъ съ кулаками. Развѣ такъ можно съ добрыми людьми жить?

— А можетъ быть, люди-то въ самомъ дѣлѣ не добрые, а дурные?—началъ-было я, но богомолка, быстро прервавъ меня, сказала:

— Кому ты это говоришь? Я не отъ зубовъ хожу исцѣляться,—зубы у меня всѣ цѣлы и здоровые, какъ жемчугъ; не дѣтей я хожу просить,—мужа у меня нѣту, умеръ; опять и обѣщанія никакого я не давала, — зачѣмъ мнѣ бѣгать такъ-то по тысячѣ верстъ? И дома можно молиться! А ужъ, стало-быть, я знаю *его*, стало-быть, *онъ* надо мной забиралъ силу! Я знаю это! Мнѣ теперь пятый десятокъ идетъ, а *онъ* меня съ дѣтства во власть взялъ! Отъ кого я и родилась-то, не знаю. Матушку свою помню, а отца никогда не видала. Не то бѣда, что «незаконная», а то бѣда — *чья?* вотъ что̀! Матушка-покойница, бывало, говоритъ: — «Чья ты, Аграфенушка?..»—«Не знаю, маменька». — «И лучше тебѣ не знать».

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь, что есть какой-то бѣсъ и можетъ войти въ человѣка?

— Что-жъ я, съ ума, что-ль, сошла? Покойница матушка и сама-то измучилась отъ *него*... Это я ужъ потомъ отъ тетки узнала: «Ходилъ, говоритъ, онъ къ ней, къ твоей матери, каждую ночь, цѣлую зиму... И слышно, говоритъ, за перегородкой разговоръ идетъ шопотомъ... Подкрадемся— говорятъ, вскочимъ съ фонаремъ — а тамъ никого нѣтъ, только мать бьется какъ въ лихорадкѣ. Измаялась, изсохла какъ щепка, отвезли потомъ къ Тихону Задонскому — ну, *онъ* и вышелъ! Вотъ и со мной тоже... И мать-то всегда боялась, что и меня *онъ* изсушитъ. А ты говоришь, люди плохи!.. Кромѣ добра мнѣ ничего никто не дѣлалъ, я и бѣситься-то начинаю, когда мнѣ жить станетъ покойнѣй! Вотъ зиму нынѣшнюю купцы Собакины ка̀къ меня ублажали, а что-жъ? Переругала всѣхъ, расплевалась со всѣми и ушла! вотъ и бѣгу! Охъ, другъ ты мой, не учи! знаю! *Онъ* меня съ самаго младенческаго возраста сталъ соблазнять-то! Я еще была дѣвочкой, въ игрушки играла а ужъ онъ вокругъ меня шмыгалъ!..

— Ну, какой же онъ? Есть у него какое-нибудь обличье? На кого онъ похожъ?

— Да ни на кого не похожъ. То будто и совсѣмъ его нѣтъ, а такъ, невзначай, обхватитъ,—на улицѣ ли, на рѣчкѣ ли,—обхватитъ, расцѣлуетъ. «Красавица ты! Милліонщица будешь!» Умчитъ въ лавку, игрушекъ, гостинцевъ цѣлый подолъ насыплетъ и сгинетъ! Играю въ анбарѣ, лакомлюсь, а онъ округъ ушей все мнѣ шепчетъ, въ сердце впивается, голову мутитъ гордостью. Маменька спроситъ:—«Откуда гостинцы, кто далъ?» — «Не знаю!» — «Видѣла ты его?» —

«Нѣтъ, не видала!» Вотъ матушка и стала пугаться. «Крестись, крестись Аграфенушка, какъ этакъ-то соблазнять тебя будетъ!»

— И еще было?..

— Всю жизнь онъ меня ѣстъ—поѣдомъ! Купить меня даже у матери хотѣлъ! Сначала объявился барыней... Играемъ мы, дѣвчонки, на улицѣ, идетъ барыня, а съ ней другая... Остановились, разспрашиваютъ, разговариваютъ... *Онъ* мнѣ каждое слово подсказываетъ; говорю, сама не знаю, откуда у меня что̀ берется? «Ахъ, если бы взять ее отъ матери!» Тутъ я испугалась, закричала, онѣ и сгинули! Тутъ ужъ ихъ, должно-быть, нѣсколько было!

— Да, можетъ-быть, это въ самомъ дѣлѣ была барыня? Бываютъ бездѣтныя, берутъ чужихъ дѣтей?

— Барыня? Вотъ какая она была барыня! Прибѣжала я въ избу съ улицы-то, — а маменька-то моя едва жива. «Опять, говоритъ, хотѣли тебя отнять отъ меня... Приходилъ, говоритъ, бородатый какой-то, говоритъ: «Деньги, говоритъ, дадимъ, на всю жизнь хватитъ, — только *отрекись* отъ дочери на вѣки вѣковъ!» Маменька какъ услыхала это, да крестомъ его, да закричала: «отойди отъ меня, сатана!» Онъ захохоталъ, какъ дьяволъ, и сгинулъ, а маменька разсудка лишилась. Вотъ послѣ этого-то, когда ужъ онъ въявь объявился, тутъ ужъ я и сама стала пугаться. Стала опять всякую работу исполнять, измаешься, будто полегчаетъ. А потомъ опять! И все онъ меня на гордость разжигалъ,—а какъ разъѣлъ мое сердце, такъ и на грѣхъ сталъ наводить!.. Какъ мы жили? бѣдно, ровно нищіе, только-только кормились, и я съ шести лѣтъ уже за матерью на рѣчку бѣлье носила, помогала ей, изъ чего мнѣ гордиться? А у меня, поди-ко-сь, что̀ было въ башкѣ-то,— то̀ было, и сказать не разскажешь! Бывало, сяду за столъ, играю будто на фортепьянѣ, будто я барышня, перебираю пальцами такъ-то по столу, и что-жъ? вѣдь будто слышу: вотъ чистая музыка, чистая вотъ-вотъ музыка по комнатѣ раздается! Мать глядитъ - глядитъ на меня,—да зальется слезами. А сны какіе видѣла? проснусь, бывало, да и спрашиваю матушку:—«Гдѣ, молъ, мои золотые башмачки?»— «Какіе-такіе у тебя золотые башмачки?»—«А что̀ я въ хоромахъ танцовала? Ахъ, маменька, какія тамъ красавицы были! но я всѣхъ лучше себя оказала!» Послѣ такихъ сновъ, бывало, безъ слезъ ни за что дѣло не обходилось. Опомнюсь, увижу, что это сонъ—реву, реву,—и мать тоже ре-

ветъ, реветъ, потомъ браниться начнетъ, замахиваться, а потомъ и совсѣмъ бить начинала, потому съ каждымъ годомъ *онъ* все дальше да больше!

— Какъ стала я приходить въ возрастъ, тутъ онъ, говорила я тебѣ, сталъ и на грѣхъ меня наводить. Просверлилъ мнѣ сердце-то гордостью, да и сталъ любоваться, какъ я на грѣхъ-то стала легка! Первый разъ, помню, съ дочерью головы случилось... Добрые были люди, часто намъ помогали, дай Богъ здоровья! Пришла она къ матушкѣ, принесла чаю, сахарку. Дѣвочка ровесница мнѣ была... Пришла она, а во мнѣ эта нечисть-то и заговорила... «Какъ ты позволяешь, чтобы этакая тетеря чванилась надъ тобой? развѣ можно тебя съ ней, съ толстомясой, уровнять?» И завертѣло! Такіе стала я отвѣты ей давать, такіе отвѣты, прямо насмѣхаться стала! Она мнѣ говоритъ: «Какъ ты, дура, себѣ это позволяешь?» — «Какъ дура?» Слово за слово, цапъ ее по щекѣ!.. И сама не помню! Изуродовала меня матушка въ то время,—ахъ какъ изуродовала! Пришла я въ чувство, думаю: Господи, что̀ я сдѣлала!—добрый человѣкъ принесъ чаю-сахару, а я, какъ съ нимъ поступила? Сама, глядючи на мать, что она измучилась отъ моего поступка,—реву, реву, бьюсь, бьюсь, молюсь, молюсь, а *онъ* все шепчетъ, только ужъ со зломъ шепчетъ... Чую, что радъ,—въ грѣхъ ввелъ! Вотъ такъ съ этого и пошло! Раззадоритъ на худое дѣло, а потомъ и оплюетъ! И никакихъ силъ нѣтъ! Упаду, измучаюсь, ничего не помню... Видишь, голубчикъ! не люди! Люди намъ всегда добра желали, а это *онъ!*

Нервная дрожь и видимый испугъ и ужасъ охватилъ и потрясъ богомолку, когда она въ какомъ-то изступленіи воскликнула:

— За что я мужа погубила? Какой человѣкъ! Изойди весь свѣтъ, нашелъ ли бы ты такую добрую, ангельскую душу? А вѣдь я его забила въ гробъ, заклевала его, на смерть заклевала!

— Какъ же такъ?

— Какъ! говорила тебѣ, чѣмъ *онъ* сердце-то мое разъѣлъ?

— А издѣвался-то?

— Сто разъ улеститъ! Опять сто разъ раззадоритъ! Стала я невѣста, опять разъѣлъ мнѣ душу! Все мнѣ такъ-то представлялось, что со мною непремѣнно что-нибудь должно случиться, не въ примѣръ противъ другихъ. Хожу въ отрепкахъ, въ опоркахъ, а въ мечтахъ—лучше я всѣхъ! Вотъ

словно говоритъ *онъ:* «Наплюй на всѣхъ». И что̀ же? Что-жъ ты думаешь? И сбывалось! Хоть бы вотъ какъ я замужъ вышла... Слушаешь—какъ та да другая вышла за богача, да за такого, за сякого, а *онъ* говоритъ: «Ты ихъ превзойдешь». Глядишь, слухъ пошелъ — молодые, молъ, худо живутъ, и деньги есть и все есть, а драться, молъ, ругаться стали...—«Ты, говоритъ, превзойдешь!» И что-жъ? Всѣхъ превзошла! Какъ ты думаешь, за меня, за нищую, босоногую растрепу, сталъ, матушки мои голубушки, наипервѣйшаго богача сынъ свататься (въ лавкѣ у него на два двугривенныхъ печенки купила). Что̀ ни дѣлали родители-то, ругали, били, колотили, родня такъ на весь городъ его срамила—«нѣтъ»! А ужъ меня-то въ ту пору костили, Боже милостивый! А я все будто знать никого не хочу. Гласъ даетъ знать: «будешь за нимъ!» Кончилось такъ, что пришелъ отецъ къ намъ въ конуру. «Гдѣ, говоритъ, твоя дочка-шкуренка, выводи ее!» Я вышла.—«Что̀ ты, говоритъ, шкуренка, съ моимъ сыномъ сдѣлала?» Стала я давать отвѣты. Слушалъ - слушалъ старикъ. «Ахъ ты, говоритъ, бѣсовка проклятая! Напрохвостилась ты въ трущобѣ-то, честному человѣку съ тобой не сговорить! Змѣиный твой языкъ! Заѣла ты моего сына змѣинымъ языкомъ, и меня заѣдаешь!» А нешто это мой былъ умъ? Это все *онъ*!—«Заѣла, заѣла меня, змѣя!»—кричалъ отецъ на меня,—однако далъ согласіе! Тутъ ужъ я ходила, земли подъ собой не слыхала. Сколько тогда за моего-то жениха дѣвицъ норовило выйти, — всѣ на меня зубы скалили:—«Мужъ-то твой ангелъ, а ты-то дьяволъ!» И вправду, человѣкъ былъ тихій, благородный, кроткій, непьющій, ангельская душа, одно слово. Ногъ я подъ собой не слышала въ ту пору... Кажется, чего бы еще?.. А *онъ* что̀ со мной подъ вѣнцомъ-то сдѣлалъ?—«Изъ корысти, говорилъ, продалась!.. Оплела дурака,—гдѣ твоя совѣсть? У меня въ когтяхъ!.. Поклянись-ко теперь въ любви, поцѣлуйся, да взгляни въ его харю!..» Стою я подъ вѣнцомъ, вся какъ листъ трясусь; стали цѣловаться,—глянула я на мужа на молодова,—и такая меня взяла сразу отчаянность! Господи!.. Показался онъ мнѣ вдругъ некрасивый, носъ толстый, глаза бѣлые,—представился онъ мнѣ въ родѣ какъ совсѣмъ глупый.—«Боже мой, Боже мой! И на что польстилась!» А *онъ* шепчетъ: «Велико счастье за лабазникомъ! Оставила бы его толстомясымъ купеческимъ дурамъ, пусть бы онѣ владѣли... Не тебѣ въ мясной лавкѣ сидѣть и, вмѣсто муженька-то, сда-

вать сдачу копейками!» Заголосило у меня въ сердцѣ, Господи Боже! Поцѣловаться пришлось подъ конецъ вѣнца, такъ насилу-насилу смогла! На всѣхъ навела смуть, тоску! Пиръ не въ пиръ вышелъ, и закону я съ супругомъ въ то время не приняла. Тутъ сраму-то! Мужъ-то ходитъ, голову схвативши, плачетъ (добрый былъ, чисто ангелъ кроткій), а мнѣ онъ все хуже да хуже... Онъ зарыдаетъ, — а мнѣ того противнѣе,—за какого слюняваго пошла! Все злѣй да злѣй! Ей-Богу, правда! Ужъ вся родня собралась,—наступили на меня... а отъ этого онъ мнѣ еще сталъ гаже. По городу-то смѣхъ надъ нимъ. Сидитъ-сидитъ въ лавкѣ, придетъ, весь пахнетъ, обнимется съ женой... Я ему: «Что̀ ты, съ ума сошелъ?..» Огорчу его. Родитель его придетъ, говоритъ: «Цѣлуй его!» А бѣсъ: «За что его свиное рыло цѣловать? Погляди, какая харя». Погляжу, — такъ и есть! А бѣсъ-то: «Погляди, говоритъ, куда ты попала? Нешто это люди?» Погляжу,—Господи! Уроды-то! Боже милостивый, что̀ это? И не понимаю, что̀ говорятъ, и что̀ имъ надо, и кто они такіе? Злюсь, мечусь какъ угорѣлая. Мужъ-то, бывало, цѣлую ночь рыдаетъ—а я больше да больше! Что̀ ни скажетъ—все мнѣ кажется, что онъ хочетъ меня совратить; уйду съ кровати, стану одѣваться, бѣжать! А куда бы мнѣ бѣжать отъ этакого упокою? Всего было много, полная чаша жить бы да жить. Нѣтъ, вывертываетъ меня оттуда сила бѣсовская! Въ два годика такимъ манеромъ забила муженька, заклевала его,—чахъ, чахъ—зачахъ, померъ! Тутъ я опамятовалась-было на минуту... Я всегда опамятываюсь и робѣю, когда меня совсѣмъ пришибетъ, что ни двинуться ни съ мѣста встать!

— Хоть бы вотъ и теперь... Хорошо, что я ногъ подъ собой не слышу, устала, ну, я съ тобой будто и толкомъ говорю... А дай-ко мнѣ хозяинъ отдышать, накорми, напои меня,—сейчасъ я стану мечтать; станетъ мнѣ показываться, придетъ мнѣ въ голову то, что̀ никто не видитъ, не примѣчаетъ, примусь я злиться, и за ваши же благодѣянія—пойдете вы отъ меня всѣ въ дуракахъ да въ шутахъ... А за что? Вы мнѣ добро дѣлаете, а я вамъ зло? Что̀ это? Бѣсъ! Уйти мнѣ скорѣй, Господь съ вами!

Старушка, дѣйствительно, скоро собралась, молча выпила воды въ сѣняхъ постоялаго двора, молча поклонилась и поспѣшно ушла.

Долго смотрѣлъ я ей вслѣдъ, а потомъ долго искалъ ее на богомольѣ, и почему-то спѣшилъ пробраться въ толпѣ туда, откуда слышались истерическіе вопли «кликушъ» («къ угоднику» много привезли порченыхъ женщинъ), но не нашелъ и не встрѣтился съ ней. Побуждало меня къ этой встрѣчѣ настойчивое желаніе понять сущность этого *бѣса*, не слушать ее, а разспросить и дознаться понятныхъ причинъ ея мученій. Нелѣпица бѣсовскаго вліянія и всѣ признаки чрезвычайной впечатлительности, не только ко всякой несправедливости, но и ко всему, что̀ некрасиво, грубо, оскорбительно въ чувствѣ изящнаго, все это требовало разгадки загадочной жизни богомолки. Умное лицо, умные глаза затмевали нелѣпицу ея разсказа; и всякій разъ, когда мнѣ вспоминалось это лицо и эти глаза (а это бывало очень нерѣдко), богомолка и ея мученія выяснились мнѣ какъ погибель умнаго, впечатлительнаго человѣка въ темномъ царствѣ, не видѣвшаго свѣта, изувѣченнаго путаницей дикихъ понятій. «Что̀ бы было съ этой порченой старушкой, если бы въ ребяческомъ возрастѣ *бѣсъ* дѣйствительно ее *купилъ* и изъ подвала перенесъ ее въ хоромы? надѣлъ бы настоящіе золотые башмачки, то-есть далъ бы ея уму и впечатлительности широкій просторъ воспріятія впечатлѣній?»

Шло время, и образъ «порченой» совершенно былъ позабытъ, а богомолка вспоминалась, какъ жертва суевѣрной и невѣжественной среды.

3.

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, спустя долгое время послѣ встрѣчи съ нею, я и «расписалъ» ее однажды въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, зашелъ разговоръ о темнотѣ русскаго простого народа, о томъ, что безъ посторонней помощи, и именно безъ помощи людей знающихъ, искренно преданныхъ народному дѣлу, тьма эта никогда не разсѣется. Хорошій, преданный дѣлу сельскій учитель, дѣльная книга— вотъ спасеніе противъ обуревающей нашъ народъ тьмы. Слово «тьма»—воскресило во мнѣ впечатлѣнія встрѣчи съ богомолкой, и, когда я ее «расписалъ» должнымъ образомъ, многіе изъ собесѣдниковъ крѣпко призадумались. Въ числѣ ихъ былъ одинъ земскій гласный, самъ вышедшій изъ крестьянскаго сословія и теперь очень и очень извѣстный человѣкъ, пожилой, добродушный и наблюдательный.

— Да,—сказалъ онъ:—это положительно вѣрно!.. Если-бъ

не одна совершенно нелѣпая и невѣроятная случайность, я бы не вылѣзъ изъ лаптей и, можетъ-быть, валялся бы теперь пьяный у кабака! Ни книгъ, ни школъ, ни учителей—ничего этого въ наши времена и въ поминѣ не было!.. Спасло меня...

Онъ добродушно улыбнулся, развелъ руками и, недоумѣвая, произнесъ:

— Спасло меня только одно, случайное *мгновенье*... удивительная неожиданность!

— Что-жъ такое? Разскажите, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ разсказалъ дѣйствительно нѣчто необыкновенное. Никакой связи съ разсказомъ о богомолкѣ оно не имѣло, но о тайнахъ тьмы, поглощающихъ массу талантливыхъ людей (а въ числѣ ихъ я почитаю и богомолку), разсказъ Ивана Петровича заслуживаетъ вниманія.

— Я вѣдь былъ мужикъ, простой, настоящій мужикъ, которому предстояла самая обыкновеннѣйшая мужицкая лямка. И каюсь, лично я, вплоть до той минуты, о которой хочу разсказать, рѣшительно не могу сказать о себѣ единаго слова въ похвальбу: въ головѣ моей не возникало до этой минуты никакихъ «вопросовъ», не происходило никакой работы, вся она начинена была дѣтскими сказками, страхами, дѣтскими играми, ребячьими, начинавшими переходить въ мужичьи, заботами и больше ничего. Скажу больше: я такъ былъ тупъ, что мнѣ надо было пять разъ повторить фразу, прежде нежели бы я раскусилъ ее, да и тутъ обыкновенно я не всю ее раскусывалъ, а всегда оставалось что-нибудь, по лѣности головы, неосмысленное, за что, конечно, слѣдовалъ подзатыльникъ. Тринадцати лѣтъ я ужъ сталъ подумывать о томъ, какъ я женюсь и буду съ женой лежать на печкѣ. Какъ вдругъ совершилось нѣчто до того смѣшное и удивительное, что я не только забылъ о печкѣ думать, но вотъ, какъ видите, вмѣсто неплательщика, превратился въ земскаго гласнаго. Вотъ что случилось.

Какъ теперь помню этотъ удивительный день. Я лежалъ на печкѣ и смотрѣлъ на интереснѣйшую сцену, происходившую въ горницѣ. А въ ней шло угощеніе послѣ крестинъ новорожденной маленькой сестренки. Отецъ, фельдшеръ-кумъ и кума и нѣсколько знакомыхъ мужиковъ засѣдали за столомъ, убраннымъ по-праздничному, угощались водками разныхъ цвѣтовъ, въ бутылкахъ съ раскрашенными ярлыками; я думалъ о томъ, что, когда выпьютъ

водку, я утащу самую красивую изъ бутылокъ и спрячу. Отецъ суетился и потчевалъ гостей, вытаскивая съ загнѣтки разныя яства. Въ числѣ этихъ яствъ была небольшая чашка, въ ней лежала жареная щука, залитая яйцами и запеченная вмѣстѣ съ ними.

— Пожалуйте!—говорилъ отецъ, поднося ее фельдшерукуму.—Откушайте!

— Самъ-то ты что̀ же не ѣшь?

— Намъ этого нельзя,—говорилъ отецъ:—у насъ вонъ пирогъ есть постный, а это мы ужъ собственно только для васъ скоромненькаго-то припасли!

Очень аппетитно смотрѣла щука, и я бы охотно отвѣдалъ ее, если бы день былъ не постный (была пятница—отлично помню), и я съ завистью смотрѣлъ на фельдшера, который, нарушивъ «законъ», принялся уплетать это кушанье за обѣдомъ. И вдругъ, въ эту-то минуту, во мнѣ навсегда кончился сѣрый русскій мужикъ. Вдругъ, моментально и совершенно опредѣленно, безъ моего вѣдома, пронесся въ моей головѣ такой вопросъ:

«Да почему же эта щука стала отъ яицъ скоромной, а яйца не сдѣлались постными?»

Я даже самъ былъ какъ бы ошеломленъ этой мыслью,—такъ неожиданно пронеслась она въ моей башкѣ! И тотчасъ же голова принялась за работу и пошла молоть, какъ жерновъ:

«Грѣхъ, грѣхъ ѣсть скоромное въ постные дни, говорятъ всѣ: отецъ, мать, батюшка, но вотъ оказывается, что неизвѣстно еще, не постныя ли яйца-то иной разъ бываютъ? За что-жъ тогда каяться на духу въ томъ, что оскоромился? Да и что̀ это такое за постное и за скоромное? Сколько грѣховъ прекращается само собою, если окажется, что яйца могли стать постными, какъ щука могла сдѣлаться скоромной? Знаетъ ли объ этомъ кто-нибудь? Можетъ, и другихъ грѣховъ тоже будетъ меньше, если разобрать?»

И такъ далѣе до безконечности. Словомъ, съ этого дня, чего прежде не бывало, я сталъ думать обо всемъ какъ безпощадный критикъ. Щука разорвала висѣвшую передо мной завѣсу невѣжества, и «духъ отрицанія и сомнѣнія» вселился въ меня какъ бѣсъ!

А ужъ разъ онъ вселился, съ нимъ не совладаешь. Покоряясь ему сначала въ вопросѣ о степени скоромности щуки, я обращался за разрѣшеніемъ задачи сначала (въ

тотъ же вечеръ) къ отцу, котораго немало удивилъ своимъ вопросомъ, но который сказалъ мнѣ:— «Почемъ я знаю... это попъ знаетъ». Пошелъ къ попу,—который, засмѣявшись, отвѣтилъ, что мнѣ дано два уха и одинъ языкъ для того, чтобы я болѣе слушалъ, а менѣе болталъ, что скоромное всегда будетъ скоромнымъ, а постное постнымъ. Но эти отвѣты ужъ меня не удовлетворили. Я ясно видѣлъ своими глазами постное, превращающееся въ скоромное, и ужъ не вѣрилъ. Нѣтъ, думалъ я, тутъ надо разобрать! Сталъ смотрѣть, слушать, приглядываться, нѣтъ ли гдѣ въ чемъ-нибудь еще подвоха въ родѣ щуки,—и скоро въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ повсюду такую массу оскоромленныхъ щукъ, что уже не могъ не думать, не могъ заставить умъ молчать... Такъ и пошло... Какъ я выбился изъ мужицкихъ лаптей,— это вопросъ другой... Я знаю только одно, что всему этому виною—«скоромная щука»!

И опять я вспомнилъ мученицу-богомолку: не узнай Иванъ Петровичъ омраченной тьмою ея жизни, не вспомнилась бы ему и минута его просіянія.

IV. Памятливый.

1.

— Нѣтъ! Это чортъ знаетъ что̀ такое! — неистово воскликнулъ Семенъ Васильевичъ, съ трескомъ отрываясь вмѣстѣ съ кресломъ отъ письменнаго стола и въ бѣшенствѣ бросая стальное перо о бумагу, которую онъ писалъ, для доклада въ комиссію, съ величайшей тщательностью. Неистовый, раздирающій душу крикъ ребенка донесся изъ дальней дѣтской и, съ каждой минутой усиливаясь, вывелъ наконецъ Семена Васильевича изъ всякихъ предѣловъ терпѣнія.

— Цѣлая орда бабъ и ни минуты покою! Точно рѣжутъ мальчишку!—кричалъ онъ во всеуслышаніе своего пустого кабинета, выбѣгая изъ него какъ бѣшеный. И хотя до дѣтской надо было пройти всего пять-шесть шаговъ, но и въ этотъ кратчайшій промежутокъ времени онъ мгновенно и притомъ ожесточенно ощутилъ всю изнурительную сущность всей своей жизни, вплоть до того глупаго доклада, надъ

которымъ онъ корпѣлъ въ кабинетѣ изъ-за шести тысячъ годового оклада. И все ощутилось какъ безсмыслица: и докладъ, и жизнь, и домъ, и этотъ крикъ. — «Какое тутъ семейство?—Безсмыслица! лавочные счеты! кубики... плетенія... тьма денегъ, какъ въ бездонную бочку! Нѣтъ времени доглядѣть за ребенкомъ». Все это кипѣло и клокотало въ немъ, когда онъ съ грохотомъ и громомъ распахнулъ дверь въ дѣтскую и закричалъ:

— Что̀ это такое за адъ кромѣшный?

Жена, почти уже готовая ѣхать съ Макаровыми, которые должны были заѣхать, въ Панаевскій театръ, нянька съ довольно острымъ турнюромъ, старуха-теща и гувернантка, прибѣжавшая на крикъ изъ другой комнаты, гдѣ давала урокъ,—всѣ онѣ, не умолкая, говорили множество всякихъ словъ, говорили безпрерывно, громко, звонко, воодушевленно и такъ много, что никто ничего не понималъ, и въ то же время всѣ копошились около трехлѣтняго мальчика, котораго совершенно не видно было въ этой толпѣ склонившихся головъ и приподнятыхъ турнюровъ. Взглянувъ на бѣшеную фигуру Семена Васильевича, всѣ онѣ не прекращали неумолкаемаго крика и, очевидно, что-то отнимали отъ ребенка.

— Отдай! отдай!..—на тысячи ладовъ трещала эта толпа женщинъ.

— М-мои гво-о-оздики!—неистово кричалъ дѣтскій голосъ.

Ожесточенный Семенъ Васильевичъ еще болѣе и острѣе ожесточился отъ этой жестокости женщинъ, которыя, по его мнѣнію, рѣшительно безчеловѣчны къ дѣтямъ. Вырвать изъ рукъ, сдѣлать по-своему, когда ребенокъ сопротивлялся всѣми силами, сказать ему обманомъ: «вотъ птичка летаетъ!» и, когда онъ, плача, повѣритъ, подниметъ головку, разинетъ ротикъ, отыскивая птичку, тутъ-то ему и воткнутъ въ ротъ ложку съ касторовымъ масломъ, задушатъ, заставятъ чуть не подавиться, надуютъ, обманутъ и вообще натворятъ, безъ зазрѣнія совѣсти, тьму нравственнаго насилія изъ-за касторовaго масла. Злоба закипѣла въ немъ бѣлымъ ключомъ и въ особенности на жену, у которой былъ въ волосахъ самый невинный цвѣтокъ и которая «отнимала» отъ мальчика что-то, какъ околоточный.

— Что̀ вы, — рѣжете, что ли, Ваську?—неистово завопилъ онъ.

— Вы всегда кричите, какъ сумасшедшій! — громко и взволнованно воскликнула жена. — Онъ набралъ гвоздей и не отдаетъ... Вы никогда не хотите узнать...

— За какимъ чортомъ онъ набралъ гвоздей? За чѣмъ же вы смотрите? Гдѣ вы были?

— Я только на одну минуту... — робко проговорила нянька.

— Я все слышала!—сердито говорила жена, продолжая теребить руку мальчика.—Отдай! Слышишь, я тебѣ говорю? Отдай!

— Мои гво-зди-ки...

И мать и нянька разнимали его руки, и Семенъ Васильевичъ хотѣлъ-было отнять у нихъ ребенка, но послѣдній вдругъ испустилъ такой убійственный вопль, какой исторгаетъ какая-нибудь острая боль. Вмѣсто того, чтобы наброситься на женщинъ, Семенъ Васильевичъ въ бѣшенствѣ закричалъ на мальчика:

— Отдай, каналья! Сейчасъ отдай!—и такъ топнулъ ногой, такъ гаркнулъ, что мальчикъ мгновенно разжалъ руки и, не переставая кричать и рыдать, остановилъ на отцѣ пристальный, темный, глубокій, недоумѣвающій взглядъ.

— Ну, скажите, пожалуйста! Прокололъ гвоздями ручку до крови!

— И не отдавалъ!—ужаснулась мать.—А это что такое?

Въ другой рукѣ у мальчика оказалось маленькое колесо отъ ножки стула.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! — поднявъ плечи и ошеломленный всей этой безсмыслицей, съ глубокимъ презрѣніемъ и весь красный, сказалъ Семенъ Васильевичъ, смотря женѣ прямо въ глаза.—Постоянно хвастаетесь вашей любовью къ дѣтямъ. Умѣете же вы занять ребенка! Колесо отъ стула и гвозди! На однѣ игрушки тратится тьма денегъ, а тутъ гвозди обрадовали! Видно, что вы ужасно много ума кладете въ вашу любовь къ дѣтямъ.

— Вы всегда хотите меня оскорбить... — съ полными слезъ глазами, страдальческимъ голосомъ проговорила жена.

— Какая великая цѣль—выдумывать вамъ оскорбленія!

И Семенъ Васильевичъ, не слушая того, что̀ говорила уже совсѣмъ расплакавшаяся жена, вышелъ вонъ, не оглянувшись и громко хлопнувъ дверью. Громкими, тяжеловѣсными шагами прошелъ онъ въ кабинетъ, разорвалъ, скомкалъ и бросилъ въ корзину подъ столъ испачканный листъ доклада, опять рванулъ по полу кресломъ, толкнулъ его и направо и налѣво, и наконецъ упалъ въ него, теребя и ероша свои преждевременно сѣдые волосы.

— Фу ты, Боже мой!—вырывалось у него изъ сдавлен-

ной груди, и мысли одна другой мрачнѣе бодолѣвали голову. Именно гвозди и это колесо отъ ножки стула неопровержимо доказывали, какая чепуха таится въ его семейномъ обиходѣ. Мало того, что не умѣютъ занять ребенка, хотя и тратятъ на это сотни рублей въ годъ, — вѣдь ребенокъ могъ взять этотъ гвоздь въ ротъ, могъ подавиться, умереть! Вокругъ какихъ же такихъ, болѣе важныхъ, чѣмъ надзоръ за ребенкомъ, идей идетъ вся эта домашняя суета и на что тратится такая масса денегъ?

— И хотятъ закрыть женскіе курсы!—вслухъ и громко воскликнулъ Семенъ Васильевичъ и сталъ опять проклинать все на свѣтѣ.

Ребенокъ затихъ, но всѣ домашніе терзались своимъ личнымъ горемъ и обвиняли въ своемъ несчастіи другъ друга. Даже нянька прокляла жизнь и барыню; барыня плакала о глубочайшемъ горѣ жить съ такимъ грубымъ мужемъ, который ей достался. Семенъ Васильевичъ ясно видѣлъ, что вся его жизнь, всѣ его жертвы во имя семейнаго благополучія пошли прахомъ, и ни къ какому выводу, послѣ цѣлаго часа такихъ мученій, не пришелъ, но не могъ опять не вздохнуть и не сказать: «Фу ты, Боже мой!»

Рѣзкій, дребезжащій звонокъ прервалъ эти терзанія семьи.

— Макаровы пріѣхали! О, чортъ бы ихъ побралъ!— срывая пиджакъ и жилетъ и съ бѣшенствомъ бросаясь за занавѣску къ умывальнику, воскликнулъ Семенъ Васильевичъ.

— Макаровы пріѣхали!—потускнѣвшимъ голосомъ сказала въ дверь жена Семена Васильевича.

— Знаю!—заскрежеталъ Семенъ Васильевичъ и неистово загремѣлъ подножкой умывальника.

Черезъ полчаса четырехмѣстная коляска везла Семена Васильевича, его жену и Макаровыхъ въ театръ Панаева.

— Я хотѣла надѣть шерстяной платокъ...

— Тепло!.. Я тоже хотѣла...

— Говорятъ, земская реформа отложена?

И такъ понемногу разговорились.

2.

Утромъ слѣдующаго дня Семенъ Васильевичъ, осторожно притворивъ дверь спальни, тихими шагами, въ мягкихъ, не производящихъ ни малѣйшаго стука и скрипа туфляхъ, прошелъ въ свой кабинетъ и умылся.

Во всемъ домѣ было тихо, несмотря на то, что былъ

уже десятый часъ утра. На столѣ лежали нумера новыхъ газетъ. Закуривъ папиросу и захвативъ съ собою эти нумера, онъ пробрался въ столовую, гдѣ собственно для него былъ готовъ уже самоваръ. Вниманіе его къ спеціальнымъ телеграммамъ о поѣздкѣ императора Вильгельма въ Австрію было прервано нѣжнымъ голоскомъ его трехлѣтняго Васи, который чуть-чуть доносился до него изъ дѣтской. Онъ вдругъ вспомнилъ, какимъ звѣремъ онъ былъ вчера, какъ онъ неистово топнулъ на этого мальчика, точно хотѣлъ его сокрушить, ясно увидѣлъ, какъ онъ, Семенъ Васильевичъ, неизмѣримо глупъ былъ вчера въ своемъ бѣшенствѣ и какъ онъ виноватъ предъ своимъ мальчикомъ. Нѣжный голосокъ, продолжавшій щебетать, какъ щебечетъ на утренней зарѣ птичка, заставилъ его положить газету, и онъ, поправивъ поприличнѣе и подпоясавъ халатъ, пошелъ въ дѣтскую.

Мальчикъ былъ уже одѣтъ, причесанъ и весело разсказывалъ нянѣ что-то многосложное. При видѣ отца онъ опять сталъ смотрѣть на него темнымъ, неподвижнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и сразу затихъ и замолкъ.

— Ну, что̀ ты, мальчуганъ?—садясь на корточки, нѣжно сказалъ Семенъ Васильевичъ и погладилъ мальчика по головѣ,—но увидалъ (и зналъ почему), что это не произвело на него впечатлѣнія удовольствія.

— Дай-ка мнѣ ручку, мальченокъ!—еще нѣжнѣе сказалъ Семенъ Васильевичъ и, несмотря на то, что и нянька сказала: «Дай, Вася! Сначала самъ поцѣлуй у папы, а потомъ дай!»—Вася едва поднялъ вялую, холодную ручонку и потомъ самъ чуть-чуть прикоснулся къ губамъ отца.

— Ишь, какой ты сердитый!

Схвативъ ладонями его тоненькія ребра и слегка теребя его, сконфуженный, заискивающимъ голосомъ, говорилъ Семенъ Васильевичъ:

— Вѣдь ты подумай самъ: ты набралъ въ руки гвоздиковъ и оцарапалъ до крови... Ну что̀ если бы ты положилъ въ ротъ, проглотилъ! Вѣдь у тебя есть игрушки? Зачѣмъ тебѣ такая дрянь? колесо отъ стула? гвоздики? Развѣ тебѣ мама не покупаетъ игрушекъ?

— Нѣтъ, мнѣ гвоздики надо! — настойчиво сказалъ мальчикъ.

— И теперь тебѣ нужны все-таки гвоздики?

— Нужны мнѣ!

— Ну хорошо, ну гдѣ гвоздики? Ну, гдѣ ты ихъ нашелъ? Покажи мнѣ.

Мальчикъ оживился, взялъ отца за руку и потащилъ его.

— Пойдемъ, я покажу. Ихъ спрятали на шкапъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!

Семенъ Васильевичъ, полунаклонившись, шелъ за мальчикомъ по коридорамъ и остановился у шкапа. Наверху этого шкапа былъ какой-то коробокъ, который мальчикъ указалъ пальцемъ:

— Вотъ! Возьми! Достань!

— Ну, хорошо, отлично! Ну, вотъ коробокъ. Да, дѣйствительно, тутъ гвозди. Ну и что̀ же?

— Какъ помнитъ!—не утерпѣла сказать нянька, вспыхнувъ отъ удовольствія. — Смотрѣлъ, какъ прятали! А мы ужъ, кажется, куда ихъ занесли! Ахъ, милочка какой!

Мальчикъ тянулъ отца за полу халата и воодушевленно говорилъ:

— Молотокъ! Возьми молотокъ...

— Да гдѣ же, голубчикъ, я возьму?

— Поди, поди сюда!

— Ну-ну-ну, хорошо, пойдемъ.

Мальчикъ тащилъ отца къ кухнѣ.

— Тамъ, тамъ!

— Скажите, пожалуйста,—обратился отецъ мальчика къ нянькѣ: — знаетъ, гдѣ молотокъ! Принесите, пожалуйста, Авдотья Петровна.

Неизвѣстно почему развеселившаяся Авдотья Петровна, какъ вихрь, помчалась въ кухню, а отецъ и сынъ продолжали разговоръ.

— Ну, вотъ она принесетъ молотокъ; ну, что̀ же мы будемъ дѣлать?

— Надобно его прибить...

— Что̀ такое прибить? Что̀ же мы прибивать будемъ?

— А отъ ножки? Знаешь? Хоро-ошенькое такое колесико...

— Это отъ стула-то?

— Оно такое круглое... вертится...

Авдотья Петровна примчалась съ молоткомъ.

— Авдотья Петровна! — улыбаясь и чему-то радуясь, сказалъ Семенъ Васильевичъ.—Надо добыть колесико отъ стула.

— Это зачѣмъ?

— Не постигаю! Гдѣ оно? Поищите, пожалуйста.

— Тамъ, тамъ! — волнуясь съ каждой минутой, почти кричалъ мальчикъ и опять тащилъ отца.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!

— Ахъ, какой выдумщикъ! — качая головой и восхищаясь, шептала Авдотья Петровна.

— Ну, ужъ пойдемъ, веди, веди! Ну, гдѣ же колесо-то отъ ножки?

Разыскали и колесо, и такимъ образомъ все, что требовалось мальчику и съ чѣмъ онъ вчера не хотѣлъ разстаться,—все было теперь у няньки, у самого мальчика и у отца.

— Ну, что же мы будемъ дѣлать? Вотъ и гвоздикъ, и молотокъ, и колесо отъ ножки. Ну, не глупенькій ли ты? Ну, зачѣмъ все это?

— Теперь надо прибить къ столу!

— Къ столу прибить эту ножку?

— Да, да! Прибить! Ее надо прибить!

— Къ столу? Зачѣмъ?

— Мнѣ надо!

Мальчикъ это сказалъ такъ, что, кажется, готовъ былъ заплакать, и Семенъ Васильевичъ поспѣшилъ исполнить совершенно несообразное желаніе ребенка. Когда колесо отъ ножки было прибито такъ, что самое колесо высунулось впередъ, отецъ, недоумѣвая, спросилъ:

— Такъ?

Мальчикъ тронулъ колесо пальцемъ—и оно завертѣлось; тогда вдругъ лицо его просіяло, большіе глаза загорѣлись радостью, и онъ громко сказалъ:

— Няня, оно готово! Давай мнѣ твои ножницы! Я буду ихъ точить самъ!

Семенъ Васильевичъ не могъ еще и вдуматься въ эти слова, какъ нянька ахнула, руками всплеснула и мгновенно сообразила все.

— Ахъ, ты, мой голубчикъ дорогой! Это онъ не забылъ! Ахъ, ты, красавчикъ! Поставила я его на окно, и смотрѣли мы на улицу, точильщикъ на тротуарѣ точилъ. Я и думаю: не повернетъ ли въ наши ворота? У меня ножницы совсѣмъ иступились. Смотрѣли, разсматривали. «Видишь, говорю, вертится?..» Ну, точильщикъ окончилъ и ушелъ, и не къ намъ, а прочь. Я осерчала, топнула ногой и представилась, будто плачу. Обхватилъ меня за шею, цѣлуетъ. «Жалко тебѣ, нянечка?» Хнычу я: «Жалко, жалко! Что я буду дѣлать съ тупыми ножницами?» Цѣлуетъ, руки отъ глазъ моихъ отымаетъ. «Я самъ тебѣ выточу, я сдѣлаю. Не плачь, няня! Я тебѣ наточу. Я умѣю! Я умѣю все, я все тебѣ сдѣлаю!»

— Дайте мнѣ ножницы! — все время этой рѣчи, кончившейся слезами и смѣхомъ, кричалъ мальчикъ.—Я наточу! Я наточу самъ... Оно вертится!..

— Вѣдь недѣлю тому назадъ было!

— Ты не будешь плакать?—теребилъ мальчикъ няньку и тащилъ ее къ своему станку. — Дай мнѣ твои ножницы!

— Да не наточишь ты ихъ, голубчикъ ты мой дорогой!— поймавъ мальчика, уже добравшагося до своего станка, обнявъ его и осыпая поцѣлуями, шепталъ умиленный Семенъ Васильевичъ.

Вотъ что̀ таится иногда въ этомъ безсмысленномъ, повидимому, дѣтскомъ крикѣ, невозможномъ, необъяснимомъ капризѣ, который нельзя ничѣмъ инымъ прекратить, кромѣ ошеломленія строжайшимъ приказаніемъ или крикомъ. Скучая купленными, лавочными, игрушечными впечатлѣніями, картонными, деревянными людьми и животными, чуткое, впечатлительное дѣтское сердце, находящее возможнымъ наполнять жизнью даже бездушную куклу, живетъ истиннымъ человѣческимъ чувствомъ, руководствуется неиспорченными, свѣжими, едва показавшими ростокъ побужденіями любви. Досугъ ли въ условіяхъ теперешней семейной жизни слѣдить за правильнымъ развитіемъ изящнаго чувства любви, начинающейся въ ребенкѣ съ первыхъ дней сознанія?.. Вся семья и каждая семья въ современномъ обществѣ огорчена въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ обиліемъ личнаго горя, происходящаго изъ неизбѣжнаго разъединенія интересовъ, и употребляетъ огромныя усилія на то, чтобы какъ-нибудь поддержать между своими членами хотя внѣшнее обличіе нравственной связи. Такіе перлы движеній дѣтскаго сердца во имя наилучшихъ человѣческихъ побужденій не видны и незамѣтны въ общей семейной тяготѣ. Кричитъ ребенокъ, мучится, но всякій измученъ во сто разъ больше, чѣмъ онъ, и поэтому спѣшитъ либо прикрикнуть, либо сунуть игрушку, т.-е. успокоить, не дать выясниться истинному сердечному побужденію, которое, можетъ-быть, совсѣмъ не то, какое можно удовлетворить кубиками и плетеніемъ. Вотъ объ этомъ-то и скорбѣлъ Семенъ Васильевичъ, пока трясся на извозчикѣ, направляясь въ департаментъ, а въ департаментѣ вся эта скорбь, по обыкновенію, была сейчасъ же подавлена канцелярскою суетою суетъ.

Когда проснулась мать Васи, Семена Васильевича уже не было дома. Нянька долго разсказывала ей эту исторію, и разсказывала съ величайшимъ восхищеніемъ. Все время барыня слушала молча и молча пила кофе. Но, когда исторія была разсказана и пересказана вполнѣ, она съ недовольнымъ видомъ отодвинула пустую чашку и резюмировала всю эту исторію такъ:

— Вчера оралъ, зачѣмъ я отнимаю гвозди, а сегодня самъ суетъ ему ихъ въ руки! А когда мальчикъ подавится гвоздемъ—кто будетъ виноватъ? Конечно, я! Это всегда такъ!

Она съ горечью вздохнула, и въ этомъ тонѣ начался день и протянулся до вечера, при чемъ несправедливость обиды была проявлена систематически—во всевозможныхъ мелочахъ дня.

— Хоть ложись и умирай!—вотъ какъ опредѣлила этотъ день прислуга, укладываясь спать въ три часа ночи.

МЕЛОЧИ.

I. Дворникъ.

Въ безконечномъ ряду темнаго, незамѣтнаго люда, съ утра до ночи трудящагося на пользу процвѣтанія и удобствъ столичной жизни, по всей справедливости, занимаетъ первое мѣсто дворникъ, этотъ человѣкъ въ полосатой шерстяной фуфайкѣ, котораго всякій видалъ милліоны разъ. Не думайте, чтобы этотъ предметъ былъ слишкомъ маловаженъ—напротивъ, въ настоящее, совершенно пустынное отъ всякихъ героическихъ личностей время, дворникъ можетъ занять довольно видное мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотите вы отъ истиннаго героя? Мужества, несокрушимой твердости духа, самоотверженія? Все это, даже въ большей степени, вы найдете въ столичномъ дворникѣ. Прибавлю даже, что какъ истиннымъ героемъ, такъ и порядочнымъ дворникомъ нельзя быть, не обладая этими качествами и преимущественно доведеннымъ до высшихъ границъ самоотверженіемъ, заставляющимъ изъ-за вашего покоя и тепла пожертвовать своимъ тепломъ и покоемъ. Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ вы обязаны этой пестрой, неугомонно работающей курткѣ; вы въ этомъ тотчасъ же убѣдитесь, если только будете имѣть терпѣніе прослѣдить хоть одинъ день ея трудовой жизни; одно уже то, что вы будете *только наблюдать* эту жизнь, измучитъ васъ прежде всего физически, потому что если вы, дѣйствительно, рѣшаетесь познакомиться съ программою занятій дворника, то вамъ нужно подняться чѣмъ свѣтъ, и тутъ вы будете изумлены тѣмъ, что дворникъ уже опередилъ васъ: на дворѣ давнымъ-давно стучитъ его топоръ, раскалывающій дрова,

фуфайка дворника давно пропотѣла отъ швырянія въ сарай полѣньевъ и дымится на утреннемъ морозѣ; работа идетъ все шибче и шибче—и скоро вамъ не угнаться за этой фуфайкой. Вотъ вы встрѣчаете ее на лѣстницѣ съ цѣлой горой дровъ на спинѣ, уставившуюся въ землю лбомъ, осторожно поворачивающую свое тѣло на изгибѣ лѣстницы; спустя немного—дворникъ попадается вамъ на той же лѣстницѣ съ огромными широкодонными ведрами; затѣмъ вы видите его на окнѣ магазина, съ тряпкой въ рукѣ, шлифующаго зеркальное, трехаршинное стекло, вы видите его со скребкомъ на тротуарѣ зимою, съ ломомъ—во время гололедицы, съ метлой — лѣтомъ. Эта же пестрая куртка иногда мелькаетъ вамъ за кулисами театра, съ натугой выкатывающая на сцену величественное облако или грандіозную морскую раковину, на которой съ невыразимой граціей помѣстилась балетная героиня... Все, рѣшительно все для васъ—и ничего для себя! И это потому, во-первыхъ, что конура, надъ входомъ въ которую видна дощечка: «дворникъ», изобилуетъ самыми худшими чертами всѣхъ временъ года—лѣтней духотой, съ быстрыми переходами къ лютому холоду, осенней сыростью и гнилью подвальнаго воздуха; словомъ, изобилуетъ всѣми неудобствами, о которыхъ вы давнымъ-давно успѣли позабыть, если хоть когда-нибудь слыхали о нихъ. Потому еще «не для себя» живетъ онъ, что гдѣ-то въ Осташковѣ существуетъ сынъ Иванъ и жена Авдотья; и отписала эта жена Авдотья «письмо», гдѣ значится, что «въ чистую избу никакъ имъ перейти невозможно, потому что подрядчикъ Иванъ Семеновъ не пущаетъ до тѣхъ поръ, говоритъ, пока двадцать цѣлковыхъ за стройку не отдадите». Да еще пишетъ Авдотья эта, что «нельзя ли картузикъ сынку, да ей платокъ, да два цѣлковыхъ за башмаки еще не отдавали, но что Ѳедоръ кумъ и сестрица кланяются и что Гаврило Прокофичъ недавно погорѣлъ. Затѣмъ прощайте...»

Все это огромной массой заботъ лежитъ на плечахъ столичнаго дворника; объ этомъ Осташковѣ, объ этой Авдотьѣ и о чистой избѣ думаетъ онъ съ болью въ сердцѣ, потому что за хлопотами приходится думать только украдкой, только въ промежутки думъ о вашемъ покоѣ, о чистотѣ улицы, за укладкой дровъ, за тасканьемъ воды. И эти осташковскія дѣла заставляютъ хватать подходящую минуту, стараться и бѣгать для кого бы то ни было, лишь бы потомъ за услугу перехватить «что-нибудь».

Только-что поставилъ дворникъ метлу, послѣ продолжительной прогулки съ нею по панели углового дома, и, войдя въ свою совершенно темную отъ темноты зимняго вечера дворницкую, отломилъ огромную краюху хлѣба, которой такъ давно жаждалъ проголодавшійся желудокъ, какъ надъ самымъ окномъ его раздался отчаянный звонокъ.

— О, шутъ тебя возьми!..—произноситъ дворникъ, вылѣзая изъ своей норы.

— Дворникъ!—кричитъ какой-то франтъ, стоя въ воротахъ и заложивъ руки въ карманы.

— Что̀, что̀ тамъ? Кого надо?

— Ты дворникъ?

— Я! Что̀ угодно?

— Послушай, поди сюда!

Франтъ идетъ въ темный уголъ подъ воротами.

— Что̀ угодно?

— Вотъ тебѣ... возьми...

— Благодаримъ покорно!

Получивъ въ руку, дворникъ считаетъ нужнымъ снять шапку и вполнѣ отдается волѣ благодѣтеля, который говоритъ:

— Послушай, братецъ,—не знаешь, кто это такая побѣжала сейчасъ?

— Куда это-съ?

— Прямо изъ воротъ и потомъ, кажется, вонъ въ уголъ?

— Въ уголъ-съ? Это которая же... въ платочкѣ?

— Да-да-да...

— Это, надо думать, Мареуша... швейка.

— Швейка? Гм! Такъ, братецъ, того, поди-ка сюда...

Идутъ въ уголъ болѣе мрачный, гдѣ посѣтитель шепчетъ дворнику на ухо и потомъ произноситъ:

— Понимаешь?

— Будьте покойны!

На дворѣ стоитъ лютый зимній вечеръ. Посреди улицы мчатся промерзлые рысаки, широко раздувая ноздри и оставляя клочки пара, который тотчасъ же расхватываетъ на части морозъ. Въ небѣ красныя полосы. Посреди улицы итальянецъ-шарманщикъ, въ легкомъ пальтишкѣ, съ грязнымъ шарфомъ на шеѣ, подпѣваетъ подъ мотивъ изъ «Эрнани», но морозъ хватаетъ его за горло, и поэтому вылетаютъ по временамъ какіе-то открывистые басовые звуки. Да и шарманка тоже по временамъ спитъ: морозъ

побѣдилъ жаркій итальянскій напѣвъ. Франтъ подпрыгиваетъ на тротуарѣ, круто поворачивая отъ угла назадъ, заглядываетъ въ ворота и маршируетъ опять.

А дворникъ между тѣмъ, не спѣша, поднялся по черной лѣстницѣ и остановился около квартиры портнихи Оборкиной. Подумавъ съ минуту, онъ осторожно отворилъ дверь и очутился въ мастерской. Около стола, на которомъ лежали кучи кисеи и разныхъ матерій, сидѣли и стояли дѣвушки. Одна изъ нихъ только-что вернулась съ улицы, о чемъ говорили ея румяныя щечки.

— Ну, дѣвушки,—говорила она:—какой за мной франтикъ гнался! Отъ самаго Аничкина моста... Я бѣгу — онъ за мной, я бѣгу—онъ за мной...

— Что̀, Марьи, полковницыной куфарки, тутъ нѣту?..— спрашиваетъ дворникъ.

— Затворяй дверь-то!.. Ишь баринъ какой! холоду напустилъ! Какая тебѣ тутъ Марья?

— А я думалъ, здѣсь; барыня спрашиваетъ, а ее нѣту... Я такъ мекалъ—здѣся.

— Ступай, ступай!

Дворникъ мнется.

— А я такъ думалъ...—тянетъ онъ, и во время этого ненужнаго разговора Марѳуша, только-что разсказавшая погоню за ней, успѣла замѣтить, что дворникъ то мигалъ ей глазомъ, кивая при этомъ въ сторону головой, то пальцемъ манилъ... Все это, надо сказать прямо, уже было знакомо Марѳушѣ, потому что этими же самыми жестами дворникъ вызывалъ ее къ купеческому сыну Алешѣ. Она окончательно убѣдилась въ томъ, что есть какое-то экстренное дѣло, когда дворникъ, медленно затворявшій дверь, успѣлъ еще разъ поманить ее своимъ большимъ пальцемъ. Всѣ эти символы были ясно поняты; Марѳуша толкнула свою подругу Соню и воскликнула:

— Ахъ, батюшки! Гдѣ-жъ это рюшъ-то?.. Никакъ я его... Ахъ, батюшки мои...

Марѳуша нагибалась подъ столъ, искала по карманамъ, но рюша не было нигдѣ.

— Такъ и есть! Вѣдь я его никакъ потеряла!

— Гдѣ-нибудь на улицѣ...

— Да на улицѣ и есть! Ахъ, батюшки мои

— Одѣнься-ко да побѣги...

— И то, пожалуй, побѣжать... Мы, тетенька, побѣжимъ съ Соней. Я не увижу,—она увидитъ!

Дѣвушки поспѣшно накидываютъ кой-какія пальтишки, на головы набрасываютъ маленькіе платочки, напоминающіе самое жаркое лѣто,—и вонъ!

— Идите скорѣй!.. Кольки времени ждутъ!—сердито ворчитъ дворникъ на темной лѣстницѣ. — Право, толкутся, словно бы барышни какія!

— Ну, молчи!

— Да право!

Дѣвушки выскочили за ворота, побѣжали-было въ одну сторону, потомъ тотчасъ же поворотили въ другую сторону, и тотчасъ же за ихъ спиной раздался осторожный кашель и учащенные шаги... Дѣвушки хихикали, останавливались на минутку у оконъ часового магазина, потомъ бѣжали куда-то, опять поворачивали назадъ, зачѣмъ-то перебѣжали дорогу, повернули за уголъ, а въ сущности кружились на одномъ мѣстѣ. Шаги все стучали сзади ихъ. Послѣ такихъ маневровъ, продолжавшихся, благодаря морозу, только пять минутъ, франтъ шелъ уже рядомъ съ дѣвушками, зацѣпляя ногою дырявые ситцевые подолы ихъ жиденькихъ, легонькихъ платьевъ. Еще минута — и дворникъ, интересовавшійся концомъ этой исторіи, слышалъ, какъ за угломъ шелъ такой разговоръ:

— Всѣ мужчины обманщики... Ужъ это вы не говорите!

— Кто это вамъ сказалъ?.. Извозчикъ!

— Ну да, какъ же... сначала любитъ, а потомъ...

— Да откуда вы это берете?.. Извозчикъ!.. Совершенно не то!.. Извозчикъ!.. Напрасно вы такъ... Подавай!..

— А потомъ обманетъ...

— Что вы! Кто это вамъ внушилъ?.. Подавай! Стой! Стой!.. Сонечка,—сюда! Мароуша со мной! Пошелъ!..

— Эй, вы!—встряхнувъ вожжами, вскрикиваетъ извозчикъ. Сани раскатываются на углу, швырнувъ въ сторону и снѣгомъ и искрами...

— Ахъ!

— Поѣхали!—заключилъ дворникъ.

Глубокая ночь. На углу стоитъ обмерзлый газовый фонарь, въ который рвется вѣтеръ, стараясь задуть огонь; словно птица, мечется огонь въ стороны, и по панели прыгаетъ тѣнь клѣтки отъ фонаря; у запертаго виннаго погреба вѣтеръ качаетъ большую виноградную кисть; городовой въ башлыкѣ, съ мерзлыми усами, прислонился спиной къ стѣнѣ, всунувъ рукавъ въ рукавъ, туго пожимаетъ пле-

чами и дремлетъ. Пустынно, хоть и слышится еще тихій, словно усталый полу-трескъ и полу-шумъ отъ полозьевъ и колесъ каретъ; извозчики дремлютъ на своихъ саняхъ, закрываясь дерюгой, побѣлѣвшей отъ снѣгу, которымъ такъ упорно играетъ мятель и морозъ... Дворникъ въ огромномъ полушубкѣ, волочащемся по землѣ и вздымающемся выше головы, съ толстой дубиной въ рукахъ, не спитъ... Ходитъ онъ по панели, садится на скамейкѣ у воротъ, отворяетъ парадную дверь какому-то запоздавшему господину, не совсѣмъ твердо ступавшему ногами; шуршаніе тулупа во время ходьбы дворника, громыханье ключа и грохотъ выпуклой желѣзной вывѣски, привѣшенной на внутренней сторонѣ двери,—все это нарушало на минуту холодную и горькую столичную пустынность. Дворникъ снова ходитъ, снова дремлетъ, но не спитъ. Въ темномъ переулкѣ, сбоку, гдѣ судьба и полиція нашли удобнымъ помѣстить только два фонаря,—посреди улицы раздаются пьяные голоса: толпа молодыхъ людей, одинъ за другимъ, вываливаются изъ четырехугольной калитки въ воротахъ какого-то мрачнаго и съ верху до низу бѣснующагося содома; нетвердымъ языкомъ разговариваютъ они, но кричатъ сильно и притомъ всѣ вдругъ: одинъ уронилъ съ плечъ шинель на снѣгъ, нагнулся, поднялъ ее и упалъ. Друзья-пріятели не замѣчаютъ этого и съ тѣмъ же говоромъ и шумомъ влѣзаютъ въ калитку сосѣдняго дома. Оставшійся долго что-то бормочетъ надъ своей шинелью, философствуетъ— наконецъ начинаетъ дрематъ, но свѣжій воздухъ беретъ свое...

И пустыннѣе становится кругомъ, ближе и ближе подступаетъ та минута совершенно беззвучной тишины, которая хоть на одно мгновеніе, но непремѣнно бываетъ и въ безсонномъ организмѣ столицы. Дремлетъ дворникъ. Изъ-за угла въ это время выѣзжаетъ извозчикъ: лошаденка маленькая, мухортая, обвѣшанная сосульками, дуга облупленная, связанная посрединѣ бечевками, одна оглобля бѣлая, другая черная, извозчикъ ветхій старичокъ; это — ночной извозчикъ, такъ-называемый *желтоглазый*, карикатура въ глазахъ денныхъ ѣздоковъ и предметъ посмѣяній, какъ такое безталанное существо, которое поставлено въ необходимость брать *«пятиалтынный за Дунай»*. А на полуразвалившихся саняхъ этого желтоглазаго — саняхъ, которыя словно ходенемъ ходятъ подъ сѣдокомъ, которыя всѣ изранены и внизу и въ задкѣ налетавшими смаху

дышлами,—на этихъ убогихъ саняхъ ѣдутъ наши знакомки: Соня и Марѳуша. Марѳуша то и дѣло принимается пѣсни пѣть, ногой притопываетъ: «а-ахъ, лешеньки» и кричитъ: «ахъ, извозчикъ, пошелъ!..» Соня, которая въ первый разъ испытываетъ на своей, рано или поздно предназначенной къ погибели, головѣ ощущенія хмеля, пугается этого ощущенія, останавливаетъ Марѳушу, покачивающуюся изъ стороны въ сторону, и дрожитъ ея сердце при видѣ знакомаго пятиэтажнаго дома, гдѣ живетъ портниха Оборкина.

— Эко дѣвки-то напились какъ! — соболѣзнуя, говоритъ дворникъ и поднимается со скамейки.

— Гдѣ васъ шутъ носилъ?

— Голубчикъ дворникъ! Ваня!—любезно говоритъ Марѳуша, нетвердо стоя на панели.—Ванюша!.. Гуляли...

— Вижу!.. Зачѣмъ вино-то жрешь!.. Какъ теперь покажешься къ мадамѣ-то?..

— Да не покажусь...

— Не покажусь! До эстолькихъ поръ волочаются... Мнѣ же достанется...

— Кто мнѣ можетъ запретить? — воодушевляясь, произнесла Марѳуша, размахнувъ руками, и во все горло затягиваетъ пѣсню.

— Иванъ Иванычъ! Голубчикъ! — робко произноситъ Соня:—мы боимся!..

— Прижала хвостъ-то... — снисходительно произноситъ дворникъ, медленно идя подъ ворота.

— Пошли спать сюда!—продолжаетъ онъ, толкнувъ ногой дверь въ дворницкую.—Чѣмъ свѣтъ взбужу—какъ-нибудь потихоньку проберетесь... Пошли!.. Клади-ко ее... Эко Марѳа-то въ самомъ дѣлѣ какъ ослабла!

Улеглись дѣвушки въ конурѣ дворника — Марѳуша вялымъ языкомъ что-то разсказывала, быстро приподымаясь съ полу и почти такъ же быстро падая опять... Принималась пѣсни пѣть... Соня глазъ не могла сомкнуть отъ страха, который все больше и больше охватывалъ ее.

— Господи!—шептала она во тьмѣ.

Вьюга шумѣла на дворѣ, и попрежнему, ежась отъ холоду, дремалъ на скамейкѣ дворникъ...

...День. Марѳуша сидитъ за работой съ больной головой и поблѣднѣвшей, какъ полотно, физіономіей. Не разговорчива она—«да» и «нѣтъ»—и больше слова не добьешься, и грустно ей, и вся разбита, нездорова она.

А дворникъ, какъ и вчера, еще до разсвѣта принялся за

свою обычную работу и, усѣвшись потомъ за ѣду въ своей дворницкой, вовсе не обращаетъ вниманія на то, что какая-то женщина давнымъ-давно взываетъ къ нему, стоя посреди двора.

II. По черной лѣстницѣ *).

...Женщина эта, одѣтая почти по-деревенски, по своей робости и глупости никакъ не рѣшалась позвонить въ дворницкую, потому что ей казалось, что звонокъ существуетъ для господъ, а простой народъ обязанъ обходиться собственными голосовыми средствами. Вмѣстѣ съ добродушнымъ, простоватымъ видомъ женщины, звонкіе возгласы ея, обращенные къ пятиэтажнымъ стѣнамъ петербургскаго дома, заставили дворника считать эту женщину просто за «глупую бабу», съ которой можно и не церемониться. Вслѣдствіе этого дворникъ не тронулся съ мѣста до тѣхъ поръ, покуда къ воротамъ дома не подкатилъ какой-то офицеръ.

Отчаянный звонокъ, обличившій появленіе у воротъ барина, заставилъ дворника выйти наружу, и тутъ Мароа могла наконецъ узнать, что 29 №, гдѣ живетъ г-жа Иванова и гдѣ требуется кухарка, будетъ по черной лѣстницѣ, въ такомъ-то этажѣ.

Мароа давно знала, что ей всю жизнь придется скоротать на черной лѣстницѣ, по заднему ходу; поэтому-то ее нисколько не удивила ни атмосфера черной лѣстницы, ни мерзлые рубцы льду и сору, ни ушаты съ мерзлымъ соромъ и воткнутой въ нихъ метлой, ни лари, изъ которыхъ несетъ разлагающейся провизіей,—все это въ ея понятіяхъ иначе и быть не могло. Дверь изъ двадцать девятаго номера была отворена настежь, и изъ нея бѣлыми клубами валилъ удушливый кофейный дымъ. Передъ плитой, изъ дыръ которой вырывались огненные языки пламени, съ раскаленной кочергой въ рукахъ стояла кухарка — худая, общипанная... Это былъ типъ истой петербургской кухарки, знающей «бонжуръ» и «мерси» и резонерствующей въ лавочкѣ о господахъ. Мароа должна была занять ея мѣсто

---

*) «Женск. Вѣстн.» 67 г., 7.

въ 29 №. Вращая огненной кочергой и отдернувъ въ сторону голову, кухарка утопала въ облакахъ дыма и пара, потому что въ эту самую минуту, когда Мареа рѣшилась вступить въ кухню, кухарка въ азартѣ перевернула вверхъ дномъ горшокъ съ какою-то жидкостью.

Мареа переждала, пока на плитѣ происходило шипѣніе пролитаго кушанья и грохотаніе чугунныхъ конфорокъ, и потомъ произнесла:

— Богъ на помощь! Что̀, милая, барыня, госпожа Иванова, здѣсь живутъ?—сказала она.

— Вы отъ кого?—спросила та.

— Сами отъ себя... Тутъ куфарка требуется?

— Ахъ! это васъ рекомендовали? отъ прачки?

— Ѳедосья-съ—она...

— Такъ, такъ—Ѳедосья! Иванова здѣсь... Вы, душенька, отдохните, ея дома нѣту: вѣдь она у насъ верченая... — затрещала кухарка.—Вѣдь она у насъ очумѣлая!.. Теперичe вотъ Семенъ Михалычъ принесъ десять цѣлковыхъ—чѣмъ бы что̀ путное сдѣлать, а она хвостомъ вильнула, да по магазинамъ... безо всякаго, можно сказать, разсудку... Иной разъ... Кофію-то что̀ же я? Господи помилуй!..

— Благодарствуйте на кофеѣ...

— Какъ можно! Что̀ вы!

Мѣдный кофейникъ тотчасъ же заклокоталъ на плитѣ, а вмѣстѣ съ нимъ неудержимымъ потокомъ хлынула разговорная трескотня кухарки.

— Вѣдь она, барыня-то наша, не совсѣмъ-то барской породы,—трещала кухарка:—это вѣдь только мужчины-дураки наглядѣться на нее не могутъ, безумные! И скажите на милость, что̀ въ ей? Ну ежели бы что-нибудь, а то вѣдь просто стыдъ сказать!.. Худая, злая, да и... Кажется, ежели бы на моемъ мѣстѣ, да я бы не только что уваженіе ей какое оказала, а просто и вниманія бы не дала... Ну, скажите на милость, каково вамъ покажется послѣ этого, что, напримѣръ, Семенъ Михалычъ, такъ тотъ до чего: бьетъ его, ругаетъ, и онъ же у нея прощенія проситъ! а? Думаю и не могу понять, изъ-за чего такое безуміе? Да мнѣ, я вамъ не хвастаясь скажу, одинъ генералъ—тоже къ ней ѣздитъ—такъ онъ мнѣ, можетъ-быть, нѣсколько разъ говорилъ: «вы, говоритъ, Натали, много бы противъ барыни себя превозвысили... если-бъ, конечно, вы были въ настоящемъ вашемъ видѣ!» И ей-Богу: одѣнь-ко меня — я-бъ... ужъ бы высказала бы... Другой тоже, кон-

ный офицеръ Кузьмичевъ, говоритъ мнѣ: «вы, говоритъ, лучше всякой барыни!..» А мнѣ что̀ такое? Я не хвастаюсь, а одно, что люблю я правду... Мнѣ этихъ пошлостевъ не нужно; имѣю я своего знакомаго военнаго—и довольна отъ Бога! Чего мнѣ еще желать? Надо понимать во всемъ свою правду...

— Это точно!—подтвердила Мароа.

— А то какъ же? Черезъ то, что видѣть я не могу, какую она дозволяетъ себѣ команду надъ благородными людьми, я и отъ мѣста отхожу. Что̀ мнѣ? Мнѣ мой военный говоритъ: «Вы, говоритъ, Наташенька, не опасайтеся! Вы, говоритъ, довольно красивы въ своемъ лицѣ, и во всякомъ благородномъ домѣ могутъ васъ принять. Вамъ опасаться нечего!» И вправду: вонъ теперь къ синатору поступаю... И слава тебѣ, Господи! Кого мнѣ опасаться? Я какъ есть передъ Богомъ! Ее-то, что-ль? Такъ это ужъ сдѣлайте ваше одолженіе!..

Тутъ кухарка остановилась перевести духъ: она торопливо подоткнула юбку, взявшись за нее спереди обѣими руками, и надвинула на темя съѣхавшую назадъ сѣтку, внутри которой изгибался хвостикъ косы, весьма похожій на высохшую селедку.

Мароа съ нѣкоторымъ изумленіемъ слушала трескотню своей предшественницы.

— Ежели бы на мою волю,—начала та опять наставительнымъ тономъ: — такъ я бы и господъ-то этихъ, да и ее-то...

— Это что̀ такое? Это цѣлый день дверь будетъ распертая стоять?—сердито произнесъ новый женскій голосъ, захлопывая дверь.

Кухарка бросилась снимать салопъ и на ходу шепнула Мароѣ:

— Барыня!

— Цѣлый дворъ хочешь, что ли, натопить?—продолжала сердитая барыня.

Храбрая кухарка не выказывала ни малѣйшаго протеста, но нашла-таки возможность шепнуть Мароѣ два словечка:

— Проюхляла деньги-то по магазинамъ, вотъ и щетинится!

Барыня между тѣмъ замѣтила Мароу и сочла нужнымъ вступить съ нею въ переговоры; для этого она потребовала ее къ себѣ въ горницу и задала извѣстные вопросы по поводу паспорта, поведенія и проч. Мароа при этомъ не упустила случая упомянуть о своемъ служеніи въ домѣ ге-

церала Папухина, который, по обыкновенію, остался очень доволенъ ея услугой. Разговаривая такимъ образомъ, барыня и кухарка неожиданно оказались землячками — онѣ вмѣстѣ были крѣпостными господъ Адоньевыхъ, Рязанской губерніи. Госпожа Иванова вспомнилась Мароѣ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, вертѣвшейся въ услуженіи у барышни въ то время, когда Мароа уже успѣла проводить мужа-солдата на войну, гдѣ онъ и доказалъ уже свою доблесть, получивъ чью-то пулю куда-то навылетъ. Это обстоятельство оживило сухой разговоръ землячекъ.

— Ну, здравствуйте,—сказала Мароа:—ишь Господь гдѣ свидѣться привелъ!

Барыня попробовала-было ей поддакивать и тоже радовалась встрѣчѣ, но скоро свернула на разговоры болѣе барскіе, низвела мѣсячную плату Мароы съ пяти рублей до четырехъ съ полтиной, упомянула насчетъ строгости нравовъ и назначила срокъ переѣзда. Мароа поняла свое мѣсто и говорила:—«слушаю-съ!»

Старыя знакомки разстались на этотъ разъ, какъ разстаются барыня съ кухаркой, а черезъ два дня Мароа уже переѣзжала къ госпожѣ Ивановой. Сидя на кучѣ узловъ, поглотившихъ извозчичьи сани, она одной рукой придерживала образъ Троеручицы, украшенный потемнѣвшими цвѣтами и фольгой, а другою обнимала извозчика за шею. Въѣздъ ея былъ до того трогателенъ или, вѣрнѣе сказать, потрясающъ, что управляющій дома, увидавъ фигуру задохнувшагося въ объятіяхъ Мароы извозчика, испуганно позвалъ дворника. Дѣло однакоже обошлось безъ особенныхъ несчастій, и Мароа поселилась въ кухнѣ госпожи Ивановой, вытѣснивъ свою предшественницу, которая въ то же время переѣхала куда-то на квартиру. Несмотря на зимнее время, предшественница Мароы была одѣта въ легчайшій бурнусъ, голова была повязана крошечной косыночкой, и на колѣняхъ ея помѣщался маленькій зеленый сундучокъ безъ замка. При каждомъ ухабѣ крышка сундука отворялась, открывая взорамъ наблюдателя его пустую внутренность, гдѣ прядала какая-то помадная банка и рыжая роговая гребенка. Все это однако не мѣшало ей имѣть гордый, независимый видъ и не препятствовало критиковать госпожу Иванову во всеуслышаніе всѣхъ бывшихъ на дворѣ въ моментъ отъѣзда.

Такимъ образомъ Мароа стала на новомъ мѣстѣ.

Какъ сказано выше, Марѳа была не что иное, какъ *баба глупая;* кромѣ доказательствъ, уже приведенныхъ нами, положеніе это подтверждается еще крайне ограниченными размѣрами имущества Марѳы: оно состояло изъ стараго сундука, гдѣ подъ крышкой, выклеенной изнутри конфетными картинками съ расплывшейся и размазанной краской, находилось два-три ситцевыхъ платья, весьма ограниченное количество бѣлья, нѣсколько платковъ и коробка изъ-подъ монпансье, гдѣ лежали иголки, пуговицы, наперстки и, по временамъ, мѣдныя деньги. Всѣ эти вещи она предоставляла на жертву жильцамъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ ей приходилось жить: иголки и нитки занимали у нея всѣ жильцы — безплатно и безвозвратно, и, несмотря на то, Марѳа никогда не отказывала въ просьбахъ, обращенныхъ къ ней. Такіе проступки добродушія Марѳы никакъ не могли происходить отъ ея необузданной щедрости, составляющей достояніе только вельможъ, потому что Марѳа считала непростительнымъ грѣхомъ отнестись съ пренебреженіемъ даже къ булавкѣ, попавшейся ей въ сору, стеариновому огарку величиною въ одну десятую долю вершка. Всему виною было именно то, что Марѳа была «баба глупая». Терминъ этотъ можетъ быть объясненъ нѣсколько подробнѣе. Дѣло въ томъ, что судьба съ раннихъ лѣтъ обрекла Марѳу на трудъ и нужду, а сама Марѳа почему-то вздумала прибавить ко всему еще и правду, борьба которой съ трудомъ и нуждою была однимъ изъ самыхъ тяжкихъ страдальческихъ крестовъ, лежавшихъ на Марѳѣ. Въ вознагражденіе за всѣ эти лишенія и скорби судьбою предлагалась ей одна только отрада — возможность прокормиться, каковую отраду Марѳа привыкла считать единственною цѣлью своей жизни. Съ самаго дѣтства, съ первыхъ дней, она едва ли имѣла возможность представить себѣ, что есть на свѣтѣ и другія, болѣе торныя дороги. Подъ вліяніемъ такихъ велѣній судьбы Марѳа должна была жить такъ, какъ велитъ ей «правда нищеты и бѣдности», выработанная всѣмъ «чернымъ народомъ». Придерживаясь этой философіи, Марѳа представляла себѣ столицу почти тѣмъ же, чѣмъ простонародному воображенію представляется грозная литва, упавшая съ неба, туретчина или нѣметчина, съ тою разницею, что во взглядѣ ея на столицу не было ни вершка мѣста для ироніи и самодовольства, съ которымъ можно и даже должно относиться къ такимъ плюгавымъ государствамъ, какъ нѣметчина и пр.; напротивъ, въ

столицѣ она чувствовала себя въ плѣну и была убѣждена, что съ ней могутъ поступать такъ, какъ кому захочется. Правда нищеты, выработанная именно сознаніемъ этого плѣна, учила ее покоряться всему безропотно; заставила не удивляться ни единому ужасу столичной жизни, ни единому уродливому требованію тѣхъ, отъ кого зависитъ ея возможность прокормиться. Жила она поэтому гдѣ придется, не брезгала ни жидами, ни нѣмцами, ни татарами; вся жизнь ея уходила на изученіе «нрава» ея господъ; всѣ заботы и думы ея устремлялись къ улучшенію чужого благосостоянія, чужого покоя. Иногда, покоряясь той же правдѣ чернаго народа, она дѣлала нечистое дѣло — напримѣръ, когда посылали съ ней извозчику деньги, она выторговывала у послѣдняго пятачокъ и оставляла его у себя; или передавала отъ барышни записку офицеру, несмотря на запрещеніе маменьки и единственно ради двугривеннаго, даннаго барышней, и пр. Но весь черный цвѣтъ этихъ пятенъ уничтожается въ той массѣ всякой житейской, темной и грязной дѣйствительности, которой должна была она покоряться. Она воевала за свое существованіе, билась, какъ только могла, и немудрено, что война эта изувѣчила и изранила ея душу и голову. Раны ныли и болѣли, и какъ только Марѳа хоть на минуту заключала перемиріе съ дѣйствительностью, какъ только она получала возможность, пользуясь отсутствіемъ господъ на дачу, просидѣть цѣлый день одна одинешенька и подумать самой о себѣ, она никогда не обходилась безъ слезъ; въ это время представлялась ей и сестра, которая бьется съ малыми ребятами въ деревнѣ Босоноговой и которую бьетъ мужъ, и свои сироты, разбросанные по воспитательнымъ домамъ и топкимъ кладбищамъ, и сама она, Марѳа, сирота — и тогда она плакала-заливалась; только въ слезахъ и рыданіяхъ была она свободна, только въ нихъ высказывалась вся ея неподкупная, неизмѣримая нравственная чистота.

По переѣздѣ на новое мѣсто, Марѳа прежде всего вѣшала въ углу кухни образъ Троеручицы, задвигала подъ кровать сундукъ и, покончивъ такимъ образомъ съ собственнымъ имуществомъ и устройствомъ жилища, принималась изучать свойства квартиры, имѣвшія непосредственныя отношенія къ печкѣ и плитѣ: чуланчики для провизіи, помѣщенія для дровъ, прачечныя и чердаки и пр. На обозрѣніе всего этого она, впрочемъ, тратила до-

вольно мало времени, такъ какъ ея умственной работѣ предстояла еще другая, болѣе серьезная пища: ей необходимо было, какъ уже сказано, изучить нравы новыхъ хозяевъ, узнать, что имъ нравится и что нѣтъ, и наизусть выучить симпатіи и антипатіи ихъ. Въ такихъ видахъ иногда ей приходилось радикально преобразовывать свою походку, — такъ какъ господа не любятъ, чтобы шлепали ногами по полу, — тѣлодвиженія, голосъ, выговоръ и пр., ибо господамъ не нравится, когда хлопаютъ дверью или не затворены двери, — или задѣваютъ локтемъ за стулъ, или громко говорятъ, что можетъ испугать господъ, и т. д., и т. д. Все это Мароа должна была переработать въ собственной головѣ, проникнуться всѣмъ этимъ до мозга костей, до дѣйствительнаго, непритворнаго и неподдѣльнаго ужаса, если какъ-нибудь неожиданно приходилось нарушить хозяйскую привычку. Убиваясь надъ такой кропотливой и отупляющей работой, Мароа находила возможнымъ благодарить судьбу за то, что судьба эта не оставляетъ ее безъ мѣста больше недѣли, тогда какъ сама Мароа не прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ ни къ конторамъ ни къ агентамъ, а руководствуется единственно случаемъ, нечаяннымъ знакомствомъ въ прачечной, въ булочной, лавочкѣ. Только молитвы «родителевъ», думала она, не допускаютъ ее погибнуть, какъ песчинку, и не оставляютъ безъ мѣста, перегоняя изъ одной геены огненной хозяйскихъ прихотей въ другую. Разсуждая такимъ образомъ, Мароа и не подозрѣвала, что за пять цѣлковыхъ мѣсячнаго жалованья господа хозяева охотно готовы получить цѣлаго человѣка въ безконтрольное распоряженіе, всю Мароу цѣликомъ, съ ея мыслями, устремленными къ заботѣ о хозяйскомъ добрѣ, съ ея руками, растопляющими печи, стирающими бѣлье, обжигающимися на плитѣ, подающими, принимающими. Пусть читатель самъ припомнитъ всѣ причастія дѣйствительныхъ и страдательныхъ глаголовъ, которыя къ тому же имѣютъ странное или, вѣрнѣе, петербургское свойство быть поминутно возвратными, — и обязанности Мароы опредѣлятся ему въ нѣкоторой степени. Ноги свои Мароа считала ни во что и, летая по двѣнадцатиствольнымъ петербургскимъ лѣстницамъ, заботилась не о томъ, какъ бы не задохнуться, а о томъ, чтобы не опоздать съ папиросами, за которыми ее посылали.

Эту теорію изслѣдованія господскихъ прихотей и привычекъ Мароа на новомъ мѣстѣ должна была приложить къ

госпожѣ Ивановой. То обстоятельство, что госпожа сія происходила изъ одной деревни съ Мароой, мѣшало послѣдней безпристрастно разсмотрѣть ея сущность, такъ какъ среди изслѣдованій въ сердце Мароы неожиданно залетала зависть къ своей землячкѣ, и въ головѣ являлись такія мысли: «Вотъ,—думала Мароа: — тоже вѣдь нашей, мужицкой породы, а поди-ко-сь, какіе генералы да сенаторы наѣзжаютъ! Нѣтъ, ужъ, видно, кому Богъ пошлетъ...» и т. д. Тутъ Мароа принималась сравнивать свою участь съ участью барыни и находила ее большою счастливицею. Въ сущности же зависть Мароы не имѣла никакихъ основаній. И барыню и кухарку равняло уже одно то, что онѣ были землячки, обѣ имѣли одну житейскую цѣль,—возможность прокормиться, и разница была въ томъ, что Мароа пошла къ этой цѣли напроломъ, принялась биться изъ-за своего существованія, а землячка, барыня Иванова, вознамѣрилась достигнуть той же цѣли путями окольными.

Первыя свѣдѣнія объ этихъ окольныхъ путяхъ получила она въ господскомъ домѣ, находясь въ услуженіи у барышни. Здѣсь увидѣла она, что могутъ люди жить, ничего не дѣлая и не пачкая своихъ бѣлыхъ ручекъ; въ качествѣ смазливенькой дѣвочки, она узнала, что на рынкѣ барскихъ прихотей ея молодости и свѣжести стоитъ хорошая цѣна, и что есть на свѣтѣ удовольствія почище медовыхъ пряниковъ и каленыхъ орѣшковъ, которые рекомендуются прекрасному полу деревенскими волокитами. Попавъ потомъ въ Петербургъ въ бѣлошвейки, будущая госпожа Иванова, а попросту Нютка, узнала не только цѣну своей молодости и достоинствамъ, но даже стоимость до копеекъ и полукопеекъ. Въ короткое время планы ея были приведены въ исполненіе при услужливой помощи нѣкоторыхъ свѣдущихъ въ столичной жизни людей. И вотъ, дѣйствительно, она уже не швея, а госпожа «полу-барыня», какъ называютъ ее дворники; у нея своя квартира, мебель, посуда, вездѣ чистота, и опрятность, и уваженіе: именитыя, можно сказать, особы заѣзжаютъ къ ней. Завидуй, Мароа, этому почету мебели и теплу, но не завидуй сердцу госпожи Ивановой: оно одиноко и холодно больше, нежели твое, въ сотни разъ! Воспитываясь въ школѣ господскихъ прихотей, г-жа Иванова выкинула изъ своего сердца всѣ радости, которыми Мароа имѣла еще возможность пользоваться, — радости деревенскія, рожденныя курной избой и унылыми полями... выкинула всѣ деревенскія впечатлѣнія, словомъ, все то,

что должна была она имѣть въ качествѣ обитательницы курной избы. Взамѣнъ этого она должна была наполнить свое сердце тѣми интересами, радостями и печалями, которые возможны только въ кругу прихотей и затѣй. Полюбила она поэтому наряды, длинные шлейфы, шиньоны; поняла прелесть Невскаго въ 2 часа дня, прелесть прогулки на дорогомъ извозчикѣ. Кодексомъ ея жизни, ради тѣхъ же прихотей, сдѣлалась жизнь того класса людей, который, благодаря толстому карману, весь міръ Божій представляетъ себѣ какимъ-то рестораномъ или кафе-шантаномъ... Но у Нютки, или уже у Нетти, не было толстаго кармана; она должна была разсчитывать на карманъ своихъ развратителей и, порабощенная ихъ наукой, каждую минуту дрожала отъ мысли, что когда-нибудь да отнимутъ же у нея этотъ толстый карманъ. Среди всей этой чистоты, мебели и драпировокъ жило такимъ образомъ измученное, до рабства трусливое сердце, умѣвшее только злиться и оскаливать зубы на судьбу, но не умѣвшее уже плакать.

И Мароа напрасно завидовала г-жѣ Ивановой. Въ тотъ моментъ, когда Мароа поступила къ ней въ услуженіе, госпожа Иванова имѣла отъ роду уже двадцать семь лѣтъ и успѣла много потерять въ своей свѣжести и красотѣ. Лицо ея было утомлено, блѣдно, грудь сухая, узенькая; она принадлежала вообще къ числу субъектовъ, которыхъ купцы опредѣляютъ терминомъ «хлипкая». Тощенькая и маленькая коса ея, когда-то доходившая до колѣнъ, теперь значительно уже порѣдѣла, да и всѣ сокровища красоты и свѣжести были промотаны настолько, что Семенъ Михайлычъ Михайловъ могъ спокойно распоряжаться ими, не опасаясь быть отставленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, при взглядѣ на фигуру господина Михайлова, трудно было объяснить себѣ, какъ г-жа Иванова рѣшается сносить близкое присутствіе его особы въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ; съ другой стороны, тоже казалось не совсѣмъ удобопонятнымъ, отчего господинъ Михайловъ не плюнетъ и не уйдетъ отъ госпожи Ивановой куда-нибудь на край свѣта, такъ какъ сія госпожа не даетъ ему ни минуты покоя, отравляетъ ему каждый глотокъ чаю и вообще выказываетъ явное презрѣніе къ нему, иногда даже награждаетъ очень вѣской пощечиной.

Страхъ голодной смерти и невозможность отцвѣтшею красотою полонить болѣе сносное существо, чѣмъ господинъ Михайловъ, объясняютъ, почему г-жа Иванова, выгнавъ

вонъ своего пріятеля, тотчасъ же посылала кухарку воротить его обратно; но то, что господинъ Михайловъ, не успѣвъ простыть отъ полученной пощечины, тотчасъ же снова возвращался въ лоно самыхъ невѣроятныхъ жизненныхъ отравъ, объясняется полнымъ, безграничнымъ и беззащитнымъ одиночествомъ сего человѣка и его жизненнымъ объюроденіемъ.

Господинъ Михайловъ служитъ въ какой-то петербургской конторѣ, цѣлые дни выводитъ цифры, пассивы, активы и проч. Изрѣдка отрывая голову отъ бумаги, онъ изрѣдка можетъ созерцать только бѣлыя, высокія и безмолвныя стѣны конторы и молчаливыхъ товарищей. Въ пять часовъ, по окончаніи работъ, онъ отправлялся въ кухмистерскую, гдѣ помѣщался среди молчаливыхъ и незнакомыхъ сосѣдей и ѣлъ свои пять блюдъ, подносимыя ему тоже безмолвными служанками, головы которыхъ имѣютъ право работать только надъ вопросомъ: «супъ или щи?». Промолчавъ часъ или полтора въ столовой залѣ, г. Михайловъ отправлялся въ бильярдную, чтобы сыграть двѣ-три партіи съ маркеромъ, и наконецъ выходилъ на улицу. Дорогою онъ поглядывалъ въ окна магазиновъ, прочитывалъ знакомыя вывѣски и послѣ такой поучительной прогулки возвращался домой въ свою крошечную комнату на Гороховой, гдѣ его ожидали четыре безмолвныя стѣны, запахъ табаку, кровать, на которой можно было растянуться, потолокъ, на который не возбранялось смотрѣть цѣлые годы. Всѣ развлеченія или, вѣрнѣе, всѣ личные интересы сводились на трактиры, танцклассы и только. Чѣмъ тутъ поживиться бѣдному, заброшенному сердцу, которое ни минуты не переставало молить о жизни? Человѣку нуженъ извѣстный сердечный пріютъ, тепло, нуженъ очагъ, который смогъ бы отогрѣть охладѣвшую отъ одиночества душу... Михайловъ, старый холостякъ, давно уже зачерствѣлъ среди молчаливыхъ, однообразныхъ стѣнъ конторы, кухмистерской, своей каюты на Гороховой улицѣ, и все-таки жаждалъ уюта, тепла, сочувствія. Одиночество исказило его наружность, сдѣлало его страннымъ, неуклюжимъ и застѣнчивымъ до испуга, среди обыкновенныхъ петербургскихъ людей, живущихъ всѣмъ извѣстными интересами журфиксовъ, и поэтому онъ могъ добраться до необходимаго ему уюта только какъ-нибудь окольнымъ путемъ.

Госпожа Иванова взялась за это дѣло, обязавшись настолько приголубить одинокаго холостяка, насколько ей

позволяло ея истерзанное, остывшее совершенно сердце — съ одной стороны и сознаніе своей необезпеченности — съ другой. Михайловъ обязывался платить за квартиру и обезпечивать всѣ нужды бѣдной и тоже вполнѣ одинокой женщины. И онъ отдавалъ все, что у него было, несмотря на то, что, въ сущности, сердцу его не было отъ этого никакой отрады. Приходилъ онъ въ квартиру г-жи Ивановой преимущественно вечеромъ къ чаю и успѣвалъ уже къ этому времени проглотить нѣсколько рюмокъ водки и стакановъ пива. Это обстоятельство заставляло его робѣть передъ порядкомъ и чистотою жилища его подруги, которая тоже всегда держала себя, особенно въ послѣднее время, въ строжайшемъ порядкѣ и опрятности. Робѣя, онъ подходилъ къ ней, цѣловалъ ея руку, стараясь затаить дыханіе, чтобы не дохнуть винными парами, и чуть-чуть прикасаться губами, чтобы тоже не побезпокоить свою властительницу мокрыми губами. Совершивъ все это съ величайшей осторожностью, Михайловъ садился подлѣ рабочаго столика и молчалъ. Молчала и властительница, отлично знавшая, что онъ уже выпилъ и водки и пива и чувствуетъ себя виновнымъ.

Долго длилось обыкновенно такое тягостное молчаніе.

— Вы долго будете сюда шататься, какъ въ кабакъ? — наконецъ спрашивала госпожа Иванова.

Михайловъ взглядывалъ на нее и тянулся къ ручкѣ.

— Сидите! — вскрикивала повелительно Иванова, отдергивая руку.

На крикъ ея изъ разныхъ угловъ звонко откликались комнатныя собаки, которыхъ госпожа Иванова любила до безумія. Начинался лай, который заставлялъ Иванову топать на собакъ и кричать еще больше. Все это потрясало Михайлова, и онъ поминутно отиралъ платкомъ лобъ... Опять наставало молчаніе... долгое, напряженное...

— Положите, я вамъ говорю, ножницы. Положите на мѣсто!

Ножницы летѣли изъ рукъ Михайлова на полъ, отчего снова поднимался лай, крикъ, топанье и еще болѣе тягостное молчаніе...

— Хотѣлъ-было... ко всеночной!.. — начиналъ наконецъ Михайловъ довольно рѣшительно.

На это отвѣта не было.

Послѣ продолжительнаго молчанія онъ начиналъ манить къ себѣ собаку и, когда та подходила и начинала обню-

хивать его ногу, онъ принимался гладить ее по головѣ съ величайшей осторожностью и неподдѣльною нѣжностью, чтобы заслужить благосклонность владычицы своей. Все идетъ благополучно: собака виляетъ хвостомъ, госпожа Иванова не сердится. Господинъ Михайловъ просіялъ; но, желая еще болѣе угодить своей владычицѣ, онъ намѣревается посадить собаку на колѣни и беретъ ее за лапу; вслѣдъ затѣмъ раздается визгъ, поднимается лай, на руку господина Михайлова обрушивается полновѣсный ударъ, въ голову его летитъ мокрая шапка, и среди лая раздается:

— Вонъ! вонъ! Къ чорту!..

Господинъ Михайловъ прячется за дверь. Стоя здѣсь, онъ слышитъ, какъ колотятъ собакъ, дергая ихъ за уши, топаютъ ногами, роняютъ стулья и проч., и проч. Проходитъ полчаса. Все утихаетъ, Михайловъ начинаетъ по вершку пріотворять дверь, понемногу влѣзаетъ въ комнату и, дѣлая вершковые шаги, приближается къ прежнему своему мѣсту, на которое усаживается съ утроенною противъ прежней осторожностью.

Тишина и молчаніе безконечно длинныя.

— Пойдемъ ко всенощной?—произноситъ наконецъ Михайловъ.

— Подите къ чорту, сдѣлайте милость! — отвѣчаютъ ему.—Положите же ножницы! Убирайтесь вонъ!.. Мароа! Позови дворника!

Такіе возгласы въ неизмѣнномъ порядкѣ слѣдовали въ теченіе цѣлаго вечера, вечерняго чая и ужина, и оканчивались, когда весь Петербургъ, а слѣдовательно и герои наши спали мертвымъ сномъ. И несмотря на это Михайловъ съ удовольствіемъ отдавалъ все, такъ какъ жилище госпожи Ивановой было единственный уголокъ, гдѣ объ немъ такъ или иначе думали. Никакія драки и потасовки, которыми награждала его подчасъ властительница, не могли оторвать его отъ ея квартиры.

Раздраженное состояніе, въ которомъ всегда являлась госпожа Иванова передъ глазами Михайлова, не покидало ее и тогда, какъ ей приходилось быть совершенно одной. Ее бѣсилъ лай собакъ, которыхъ она не могла все-таки выгнать вонъ, стукъ двери, паденіе ложки и т. д., все это производило моментальное буйство, мгновенно затихавшее, чтобы вспыхнуть съ новою силою опять, ради какой-нибудь ничтожной причины. Помимо лая собакъ, топанья ногъ и криковъ, раздававшихся какъ-то вдругъ, въ одну минуту.

никакихъ звуковъ по цѣлымъ днямъ не было слышно въ квартирѣ Ивановой; только въ первыхъ числахъ всякаго мѣсяца, когда Семенъ Михайловичъ приносилъ во власть своей повелительницы свое жалованье, въ ней пробуждались полузабытыя привычки, и она принималась разъѣзжать по лавкамъ, по Гостиному двору, покупала всякихъ бездѣлицъ и, оставшись къ вечеру безъ гроша, дѣлала всѣмъ жителямъ дома своего отъявленную сцену: собакамъ отрывались уши, Мароѣ летѣли въ голову картофелины и котлеты, а Семенъ Михайлычъ принималъ на главу свою сумму всѣхъ поруганій и обидъ. Промотавшись въ Гостиномъ дворѣ, госпожа Иванова съ слѣдующаго дня принималась спускать только-что купленные наряды и бездѣлушки жидовкамъ, которыя имѣютъ всѣ резоны видѣть въ особахъ подобнаго рода большую поживу. На вырученныя такимъ образомъ крошки начиналось довольно горестное существованіе, преисполненное постояннаго озлобленія на все и на всѣхъ. Бывали моменты, когда средства госпожи Ивановой и ея покорнаго раба оскудѣвали окончательно, и тогда квартира ея представляла въ высшей степени поучительное зрѣлище. Въ кухнѣ на кровати лежала Мароа и молча оплакивала свою жизнь. На полкахъ блестѣли чистыя кастрюли, на чистомъ и пустомъ столѣ молча сидѣла кошка, недоумѣвая надъ нерадѣніемъ господъ хозяевъ о ея желудкѣ, и угрюмо глядѣла холодная плита. А госпожа Иванова, безмолвно стиснувъ зубы, покоилась на кровати лицомъ къ стѣнѣ, и ей казалось, что самыя стѣны ея квартиры зло подсмѣиваются надъ нею, дразнятъ ее голодными днями, которые рано или поздно застигнутъ ее.

Одинокое существованіе Ивановой иногда разнообразилось посѣщеніемъ знакомыхъ. Это были—или ея старинные друзья «мужчины», которые иногда по старой памяти привозили ей билетъ въ театръ или въ маскарадъ, или такія же, какъ и она, особы женскаго пола. Какъ и она, всѣ эти особы были швейками, потомъ какими-то судьбами вышли за восьмидесятилѣтнихъ старцевъ, умершихъ черезъ два дня брачной жизни и оставившихъ своимъ молодымъ женамъ пенсіонъ въ 50 руб. въ мѣсяцъ и довольно звучный, въ предѣлахъ Коломны, титулъ. Этотъ титулъ рѣшительно сбиваетъ съ толку несчастныхъ женщинъ; онъ не даетъ имъ возможности заняться работою, а объемъ пенсіона не даетъ возможности шнырять по лавкамъ, такъ что титулованнымъ швеямъ остается одно—спать, пить цѣлые

дни кофе, вздыхать, опять спать и ходить перваго числа въ казначейство за полученіемъ пенсіи. Зайдя въ гости къ госпожѣ Ивановой, такая особа заваливалась на кровать, расшнуровывала платье и вяло перебрасывалась съ старой подругой разговорами объ Александринскомъ таатрѣ, о Гостиномъ дворѣ и о пріятномъ мужчинѣ военнаго званія, видѣнномъ ею у Покрова, и о прочемъ. Въ промежуткахъ разговоровъ рѣкой льется кофе и идетъ ѣда. И во всемъ проглядываетъ одна гнетущая пустота бездѣйствія...

Но бывали минуты, когда госпожа Иванова сильно задумывалась надъ своею участью, и тогда ее охватывала непроглядная тоска: ни въ прошломъ ни въ будущемъ нечего ей было вспоминать добромъ—все собиралось и собирается погубить ее, и нѣтъ ниоткуда помощи ни участія. Ужасъ оковывалъ ея злое и испуганное собственною жизнью сердце. Не зная, куда дѣться отъ него, она какъ-то отчаянно выбѣгала въ кухню и говорила Мароѣ:

— Сбѣгай, принеси полштофъ очищенной!

И горе было Семену Михайлычу, если онъ въ эту минуту осмѣливался высунуть свою голову въ ея комнату. Опьянѣвъ, властительница его входила въ настоящее изступленіе, и Мароа съ минуты на минуту ждала всякаго буйства, что было вполнѣ возможно,

А между тѣмъ находились люди, да и немало ихъ было, которые завидовали житью г-жи Ивановой, да и Мароа ей завидовала... Но читатель пойметъ, кому изъ нихъ больше можно завидовать!

III. Обстановочка *).

1.

...Долго ходилъ я по пыльнымъ и горячимъ тротуарамъ Петербурга, отыскивая себѣ комнату; прочиталъ множество билетиковъ, лѣпящихся около звонковъ къ дворникамъ, но ни «шамбръ-гарни», изящно выведенныя косыми буквами, ни блѣдно-рыжія приглашенія занять «маленки комнатъ» у чухонца-сапожника не влекли меня пройтись въ четвер-

*) «Пед.» 68 г., № 38.

тый этажъ, въ такой-то и такой-то номеръ, такъ какъ мнѣ уже въ достаточной степени были знакомы какъ французскія привычки содержательницы шамбръ-гарни, желающей всякую муху, которая влетитъ жильцу въ номеръ, превратить въ порцію и получить за нее деньги, такъ и идиллическіе нравы чухонскаго сапожника съ чухонской кухаркой, полагающей, что если ее пошлютъ за папиросами, то ихъ надобно принести непремѣнно въ разсолѣ отъ селедки.

Наконецъ на дворѣ у одного подъѣзда увидалъ я ярлычокъ, на которомъ то же приглашеніе «въ 4-й этажъ» было изображено съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинанія и орѳографіи. Почеркъ ярлычка ясно показывалъ мнѣ, что комнату отдаетъ чиновникъ: какіе-то ненужные и особенно прихотливые крюки буквъ ясно говорили, что за ними скрывается существо, которому уже давно надоѣли буквы въ обыкновенномъ своемъ видѣ, которому среди однообразнаго писанья необходимо выдумывать всѣ эти крюки и завитушки, чтобы какъ-нибудь переносить свою обязанность, и это существо не можетъ быть ни француженкой ни чухонкой, а непремѣнно должно быть губернскимъ или коллежскимъ секретаремъ...

Поднявшись въ четвертый этажъ, я позвонилъ.

Меня встрѣтилъ тщедушный человѣкъ въ жиденькомъ рваномъ халатѣ, съ кривымъ глазомъ, закрывавшимся за круглымъ стекломъ синихъ очковъ; несмотря на темно-синій цвѣтъ очковъ, я могъ видѣть какъ кривой глазъ, такъ и здоровый, замѣтилъ, что при появленіи моемъ глазъ этотъ вытаращился до значительныхъ размѣровъ и нѣсколько времени довольно часто моргалъ, выражая чрезмѣрное изумленіе, которое, кромѣ того, подтверждалось всеобщимъ подергиваніемъ лица съ угла на уголъ.

— Позвольте посмотрѣть комнату?

— С-с-с-удовольствіемъ!..—вдругъ проговорилъ чиновникъ и сунулся между какими-то занавѣсками.

За нимъ сунулся и я. Мы очутились въ довольно приличной комнатѣ. Я сталъ осматривать комнату кругомъ, и чиновникъ дѣлалъ то же, какъ будто бы онъ ее въ первый разъ видѣлъ...

— Какъ вы находите комнату?—спросилъ онъ наконецъ, дернувъ щекой и головой въ сторону.

— Мнѣ очень нравится.

— Нравится?.. Гм!..

— Нравится.

— Очень радъ!.. Я люблю обстановку... Положимъ, что я немного стѣснился, но я... но жена... но обстановка... все-таки же... обстановочка? не такъ ли?

— Это такъ!—сказалъ я.

— Не такъ ли?.. Я откровенно скажу, мы съ женой стараемся сдѣлать обстановку... стульчикъ... кроватку—все, чтобы было хорошо... Мы съ женой горды... У меня жена институтка, но мы горды! Моя ступка по всему дому ходитъ...

— Ступка?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Ступка!—сказалъ чиновникъ и опять вытаращилъ глазъ.

Очевидно, что въ запутанной головѣ чиновника ворочались какія-то мысли, которыя онъ желалъ предъявить мнѣ, чтобы зарекомендовать себя съ хорошей стороны, но мысли эти, перебиваемыя неловкостью минуты «перваго знакомства» и дерганьемъ щеки въ сторону, совершенно путались въ его головѣ, и когда изъ устъ чиновника, вслѣдствіе тайной связи мыслей, по всей вѣроятности, существовавшей въ его умѣ, одновременно вылетѣли такія разнородныя слова, какъ «гордость» и «ступка», взаимное родство между которыми было рѣшительно невозможно, по крайней мѣрѣ для посторонняго человѣка, и когда онъ въ тонѣ моего голоса замѣтилъ недоумѣніе, то мнѣ дѣлается совершенно понятнымъ, почему послѣ моего вопроса: «ступка?»—чиновникъ началъ не только дергать глазомъ и щекой, но принялся чмокать широкимъ выпятившимся ртомъ и какъ-то фыркать носомъ. Оправившись немного, чиновникъ началъ снова:

— Моя жена институтка!—нерѣшительно пробормоталъ онъ.—Она скорѣе согласится умереть, нежели попросить у сосѣдей чайную чашку. Она горда...

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло...

— Тогда какъ,—продолжалъ чиновникъ:—моя ступка ходитъ по всему дому... Изломали, испортили—я очень радъ! Во всякомъ случаѣ, что̀ такое ступка? Пустяки! Но между тѣмъ я настолько гордъ... мы съ женой настолько горды... что я думаю—чортъ васъ возьми со ступкой! Не такъ ли? Жена говоритъ: «Богъ съ ними!» Мы съ женой говоримъ: «Богъ съ вами!» Настолько-то хватитъ гордости...—ступка! что̀ такое? Двугривенный... Не такъ ли?

Я слушалъ, чувствуя нѣкоторое головокруженіе отъ этой умственной пыли, которая клубами летѣла въ меня изъ

усть чиновника,—пыли, въ которой мои глаза слѣпли и уши глохли отъ безпрерывно путавшихся ступокъ съ институтками, гордости съ обстановкой и со стукой и т. д.,—я поторопился встать, простился и обѣщалъ переѣхать на-дняхъ.

2.

Фамилія моихъ хозяевъ была Гвоздевы. Мужъ, чиномъ губернскій секретарь, назывался Гаврилъ Иванычъ; жена—Клавдія Петровна. Спустя нѣсколько дней послѣ моего переѣзда, хозяинъ, вполнѣ довольный тѣмъ, что мнѣ нравится обстановка его комнаты, объявилъ, что намѣренъ относиться ко мнѣ не какъ хозяинъ къ жильцу, «но какъ человѣкъ къ человѣку»... Если читатель помнитъ запутанность мыслей въ головѣ чиновника, о которой упомянуто въ предшествовавшей главѣ, то ему будетъ понятно, почему отношеніе человѣка къ человѣку было не болѣе, какъ ежеминутное шатаніе въ мою комнату безъ всякаго разбора того, занятъ я или нѣтъ...

— Не какъ хозяинъ, но какъ человѣкъ,—говорилъ онъ обыкновенно, входя ко мнѣ и отрывая отъ работы.—Это вы Беранже читаете?

— Я пишу... не читаю...

— Гм!..

Хозяинъ усаживался, и начиналось молчаливое морганіе кривымъ глазомъ и подергиваніе щекою и головой въ сторону.

Почему казалось ему, что я непремѣнно долженъ читать Беранже, когда я пишу; почему вообще въ головѣ у него шла какая-то околесица,—мнѣ въ первое время было совершенно неизвѣстно. Но такъ какъ отношенія человѣка къ человѣку не прекращались и я невольно долженъ былъ присутствовать при разсказахъ хозяина о разныхъ случаяхъ изъ его жизни, то умственная околесица его съ теченіемъ времени нѣсколько разъяснилась для меня. Такимъ образомъ мнѣ стало извѣстнымъ, что Гаврилъ Иванычъ имѣлъ отъ роду лѣтъ 37, супруга его—не болѣе 23. Мужъ учился въ молодости въ гимназіи, но изъ второго класса вышелъ, нѣсколько времени жилъ на родительскихъ хлѣбахъ, потомъ получилъ мѣсто, сталъ шататься по увеселительнымъ заведеніямъ, «пожилъ!», какъ онъ говоритъ, обзавелся разнымъ худосочіемъ и женился. Относительно умственнаго фонда можно сказать, что онъ зналъ имя барона Брамбеуса и

«крамбамбули», которое не разъ слышалъ на Крестовскомъ. Жена училась въ какомъ-то институтѣ, гдѣ, по обыкновенію, «не столько медикаменты, сколько рвеніе», то-есть не столько наука, сколько «тонкое обращеніе» («Ахъ, какъ насъ строго держали!»—говорила жена Гаврила Иваныча); лепетала по-французски, была очень нѣжна, горда, какъ выражался мужъ, и притомъ недурна.

Достоинства, которыми обладали супруги, показались имъ достаточными для того, чтобы вступить въ бракъ, и они вступили. Отъ этого благополучнаго брака произошли, разумѣется, дѣти. Такъ какъ папаша ихъ обучался на Крестовскомъ и въ Екатерингофѣ, то дѣти родились съ кривыми ногами, съ золотухами, англійскими болѣзнями. Такъ какъ мамаша болѣе говоритъ по-французски, нежели понимаетъ окружающіе ее предметы, то относительно излѣченія дѣтскихъ недуговъ она совершенно одинаковаго мнѣнія съ кухаркой. Такъ какъ супругъ и супруга одинаково не понимаютъ существо такъ-называемыхъ общественныхъ потребностей и главнымъ образомъ считаютъ себя не людьми просто, а «благородными», то мамаша учитъ дѣтей по-французски и готовитъ ихъ неизвѣстно для какой профессіи. Папаша согласенъ и съ этимъ и, слушая, какъ головастый сынокъ съ распухшимъ отъ золотухи носомъ гнуситъ — *табль, шезъ*,—чувствуетъ себя весьма довольнымъ...

Головастые уродцы росли неизвѣстно для удовлетворенія какой общественной потребности.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я у жены хозяина:— зачѣмъ вы учите вашего сына французскому языку?

— Какъ зачѣмъ? Это ему годится въ обществѣ,—отвѣтила она, сконфузившись и мигнувъ по-институтски глазами.

— А жить онъ чѣмъ будетъ?..

Оказалось, что дѣти еще малы, и «мы не думали съ Ганей».

Я совѣтовалъ учить ребенка какому-нибудь ремеслу, говоря, что классъ людей, сидящихъ на общественной шеѣ, и безъ того великъ. Барыня слушала, поддакивала, улыбаясь, но видимо не понимала, что такое общество, общественная шея...

— Онъ будетъ получать жалованье!..—вдругъ произнесла она.

Достойный потомокъ достойныхъ родителей смотрѣлъ на меня во время этого разговора сердитыми оловянными глазами и вдругъ разразился ревомъ.

— Ха-ацу ва-ен-ные!—захлебнувшись слезами, порѣшилъ онъ, и я поспѣшилъ удалиться...

Спустя нѣсколько времени я заговорилъ о томъ же предметѣ съ самимъ родителемъ, но и онъ, оказалось, внѣ обстановки понимаетъ только то, что существуетъ 20-е число и казначей, у котораго можно брать впередъ, «перехватить»...

Углубляясь въ существо этого брака, или, вѣрнѣе, роясь въ этой кучѣ безсмыслицъ, находимъ наконецъ, что единственная причина, которая побуждаетъ такого рода людей устраивать такіе прочные союзы, есть то, что̀ Гаврилъ Иванычъ называлъ «обстановка» и иногда «обстановочка»— свои комнаты, гости.

— Не въ томъ штука,—сказалъ мнѣ однажды Гаврилъ Иванычъ:—чтобы подать селедку! Что̀ такое селедка?—а какъ подать ее! Вотъ въ чемъ дѣло! Вездѣ нужна обстановка, обстановочка... Нужно ее распластать, посыпать лучкомъ, чтобы было прилично... И вы посмотрите, какъ моя жена приготовляетъ селедку... Теперь я немножко стѣсненъ... Мы съ женой стѣснены... Но во всякомъ случаѣ мы настолько горды... Селедку найдете у меня всегда... Мы... мочимъ ее въ молокѣ...

Вся эта обстановка съ французскимъ языкомъ и глупостью начинала мнѣ надоѣдать.

3.

Хозяинъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что онъ съ женою теперь стѣсненъ въ обстоятельствахъ. Соображаясь съ его взглядами на вещи, слова эти надо было понимать такъ, что ему нѣтъ возможности хорошенько распластать селедку, словомъ, развернуться и свободно вздохнуть, пріобрѣтя что-либо, соотвѣтствующее развитію и усовершенствованію обстановки.

Однажды я былъ разбуженъ утромъ какими-то довольно громкими звуками, доносившимися изъ передней.

— Почиваютъ еще, вчера поздно пришли отъ знакомыхъ,—говорила горничная кому-то.

— Нѣтъ ужъ, сдѣлайте милость, разбудите Гаврила Иваныча, — умоляющимъ тономъ произнесъ какой-то надорванный голосъ.—Мнѣ никакъ нельзя... Какъ же, сами приказывали поскорѣе, я старался... заказной сюртукъ заложилъ на матеріалъ подъ жилетъ... Нѣтъ ужъ, сдѣлайте милость!

— Да право... Въ первомъ часу бы.

— То-есть никакъ нельзя... Я бы радъ всей душой... Ну,

никакъ невозможно... Сдѣлайте одолженіе! Ребенокъ нездоровъ... Велики имъ три рубля?

Горничная молчала, слушая убѣдительнѣйшія просьбы портного, и наконецъ пошла къ хозяевамъ. Черезъ нѣсколько времени она возвратилась и сказала:

— Право бы, въ первомъ часу...

— Нѣтъ, ужъ я больше не могу!

Въ голосѣ портного звучало раздраженіе.

Вслѣдствіе особеннаго устройства петербургскихъ квартиръ, я невольно слышалъ все, что̀ ни говорилось у хозяевъ; крикъ и разговоры дѣтей порядочно-таки надоѣдали мнѣ.

Горничная во второй разъ возвратилась къ хозяевамъ, и на этотъ разъ я слышалъ какой-то шопотъ. Полагая, что у нихъ нѣтъ денегъ, и зная, что черезъ день-два мнѣ придется платить за квартиру, я позвалъ горничную и отдалъ ей деньги для передачи хозяевамъ. Голосъ портного былъ до того, дѣйствительно, трогателенъ и пропитанъ крайнею нуждою, что я съ охотою рѣшился внести деньги прежде срока, хотя онѣ были мнѣ очень нужны самому.

Горничная отнесла деньги господамъ.

— Очень вамъ благодаренъ!—произнесъ хозяинъ громко, и между супругами начался полугромкій разговоръ. Среди его, къ уху моему, ожидавшему услышать что-нибудь благопріятное для портного, стали доноситься слова совершенно другого рода.

— Простенькій, а?—слышалось мнѣ.—Изъ крепированныхъ волосъ?

— Да. Это хорошо!—сказалъ самодовольно хозяинъ.

— Помилуй, вѣдь надо же наконецъ!—лепетала супруга.

— Какъ же ему-то?

— Переговори!.. Что̀ такое—не можетъ подождать трехъ цѣлковыхъ; ему же даютъ хлѣбъ, работу, и онъ не можетъ погодить. Поди самъ!

Портной кашлялъ, стоя въ передней и ожидая, какъ сказала горничная, что баринъ сами выйдутъ. Послышалось шлепанье туфлей и покашливаніе.

— Здравствуй, любезный!—сказалъ баринъ.

— Добраго здоровья, Гаврилъ Иванычъ... Ужъ вы сдѣлайте милость...

— Я даю себѣ честное слово, что заказываю тебѣ въ послѣдній разъ.

— Воля ваша!

— Я даю тебѣ хлѣбъ, тебѣ же хочу сдѣлать пользу а ты...

— Я бы всей душой!

Голосъ хозяина возвышался; въ передней поднялся крикъ, но портной былъ выпровоженъ безъ денегъ.

— Право, свинья!—входя ко мнѣ, въ волненіи проговорилъ хозяинъ.

— Онъ очень нуждался,—сказалъ я.

— Помилуйте, нуждается! Что̀ такое? Подай, подай! У меня у самого крайность... Вотъ, собираюсь дѣтей везти къ доктору, нужно лѣчить... Кромѣ того, жена давно скучаетъ безъ шиньона: надо же и ей... Положимъ, что мы стѣснены теперь въ средствахъ, но мы горды... Надо же наконецъ!

Я не отвѣчалъ, и хозяинъ скоро удалился.

— Изъ крепированныхъ волосъ... знаешь... легонькій...—слышалось за стѣной.

— Что̀ же!.. У Аѳанасьевой изъ крепированныхъ?

— Нѣтъ,—у нея тяжелъ...

— Животъ!.. о-о!—запищалъ ребенокъ.

— А ты не вертись!—сказала мать.—А? Право? Изъ крепированныхъ... Это очень пушисто... Что̀ ты вертишься, какъ на иглѣ? Разбить хочешь чашку?.. И такъ ужъ перебили посуды... Отъ этого и животъ у тебя болитъ... Право... Изъ крепированныхъ, а, Гаша?

— Что-жъ... Люба проситъ жалованье...—глухимъ голосомъ прибавилъ мужъ.

Жена нѣсколько времени помолчала.

— Она умѣетъ только просить жалованье да бить посуду!

— Вы мнѣ позвольте хоть за два мѣсяца... Мнѣ мужу нужно; ему въ деревню посылать...—сказала необыкновенно робко горничная.—Я за три мѣсяца не получила...

— Ты, матушка,—довольно храбро наступила на нее барыня:—прежде, чѣмъ считать, сколько тебѣ должны, подумай, кто будетъ отвѣчать за шинель, которую украли прошлаго года!

— Чѣмъ же я-то, Господи, виновата? Кажется, вмѣстѣ съ вами изъ бани шли; баринъ сами отворили двери, я прошла, а за мной еще баринъ оставались...

— Кто же у насъ обязанъ смотрѣть за дверью—баринъ или горничная?—скажите, пожалуйста!..

— Распотѣвши была... Распахнуться боялась—холодомъ обнесетъ.

— Распотѣвши! Вотъ это мило! Тебѣ придетъ въ голову запотѣть—а тутъ хоть все вытащи, тебѣ и горя мало! Хоть стѣны однѣ оставь... Распотѣвши!

Горничная молчала.

— Нѣтъ, матушка,—сказала барыня:—я годъ цѣлый спускала тебѣ эту шинель... Мы не милліонеры... Шинель стоитъ шестьдесятъ рублей!.. Я могу тебѣ отдать за три мѣсяца—изволь; только ты завтра же черезъ мирового отдашь мнѣ шестьдесятъ... она съ бобровымъ воротникомъ... Теперь, матушка, въ одну минуту взыскиваютъ.

— Чѣмъ я виновата?—попробовала-было возвысить голосъ горничная.

— Ну, такъ я сегодня подамъ къ мировому... Мы узнаемъ, кто виноватъ.

Горничная заплакала.

— Глаша, ты это напрасно... Ну, вычитать бы...

— Молчи, пожалуйста! Какое тебѣ дѣло?

— Ну-ну, матушка,—сказалъ онъ горничной.—Ты это оставь глупости... Тутъ тебя не грабятъ вѣдь... Я вѣдь смотрю-смотрю, да вѣдь и двину... Сдѣлай одолженіе!

— Животъ...—простоналъ ребенокъ.

— Что такое у него?—спросилъ мужъ.

— Просто извертѣлся, избаловался. Ему минуты покойно не посидится. Нужно положить его спать.

— Рано! Вѣдь только встали.

— Что за рано. Люба! Поди-ка вотъ, чѣмъ хныкать-то, уложи Колю спать.

— Не хочу спа-ать!—начиная ревѣть, протянулъ ребенокъ.

— Ну, какъ же! Всѣ умничаютъ... Положи его!—заключила барыня.

Начался плачъ... Среди его по временамъ слышались слова: «Право, изъ крепированныхъ, а?» Слышался легкій трескъ плетеной люльки, куда разсерженная кухарка пихала ребенка. Во время этого плача мимо моихъ дверей прошумѣлъ подолъ платья, проскрипѣли сапоги Гаврила Иваныча, и супруги исчезли.

Въ квартирѣ царствовало какое-то ревущее безобразіе.

Безсмысленное убѣжденіе относительно пріобрѣтенія шиньона, основанное единственно на томъ, что нельзя же безъ шиньона, когда и Авдотья Андреевна уже пріобрѣла его, было столь сильно въ обоихъ супругахъ, что они какъ будто не понимали, что наравнѣ съ необходимостью пріо-

обрѣтать шиньоны на ихъ обязанности лежитъ болѣе настоятельная необходимость содержать здоровыми желудки собственныхъ дѣтей. Сила безсмысленныхъ желаній, выходящая изъ общаго источника вышеупомянутыхъ безсмыслицъ, на которыхъ зиждилось и воспитаніе супруговъ и ихъ законное соединеніе для совмѣстнаго дѣланія безсмыслицъ усиленныхъ, — сила эта была такъ велика, что покорила даже состраданіе къ горничной, къ портному, которые въ глазахъ супруговъ въ настоящія минуты были, дѣйствительно, забывшими Бога людьми. Стѣснительныя обстоятельства были забыты при первой возможности удовлетворить «обстановкѣ».

Часовъ въ двѣнадцать дня, когда я сидѣлъ за работой, громкій звонокъ возвѣстилъ всему ревѣвшему семейству чиновника о прибытіи хозяина и хозяйки.

— Ради Бога! извините, пожалуйста! мнѣ на минуточку взглянуть въ зеркало. У васъ самое большое наше зеркало,—въ какомъ-то самозабвеніи заговорила хозяйка, влетая въ мою комнату и торопливо снимая съ головы шляпку.

— Извините, пожалуйста! — проговорилъ мужъ съ мокрымъ лицомъ, съ коробкой въ рукахъ и съ трубкой матеріи подъ мышкой.—Разорился!—продолжалъ онъ.—Что̀ дѣлать! Думали купить шиньонъ, анъ тутъ подвернулся остатокъ матеріи. Понѣшняя, бисмаркъ... Не хотѣлось... Ужъ заодно!

— Недурно, Гаврилъ Иванычъ? — бормотала супруга, вертясь передъ зеркаломъ.—Не правда ли, мило?

— Очень мило! Изъ крепированныхъ волосъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Легонькій!

Трескотня эта продолжалась минутъ пятнадцать, наконецъ супруги ушли.

— Спитъ Коля?—послышалось за перегородкой.

— У нихъ животикъ тугой.

— Пусть его спитъ... а? Не правда ли... мило?

— Очень, очень прилично!.. Что̀ же ты—надо дать на обѣдъ.

Послѣдовалъ шопотъ.

— До десятаго надо протянуть,—говоритъ мужъ.—Погодить бы покупать-то.

— До которыхъ поръ это годить?.. Позвольте узнать?

— На столъ-то мало.

— Пожалуйста, будь спокоенъ... На—вотъ тридцать копеекъ... купи картофелю... Дѣтямъ вредно мясо... тяжело ложится на желудокъ... горсху.

Горничная ушла. Между супругами происходилъ разговоръ насчетъ того, что какъ это все къ лицу и дешево, и насчетъ того, что какъ бы съ тремя рублями протянуть до десятаго. Во время этого разговора супругъ опять вошелъ ко мнѣ и объявилъ:

— Долго ли я ходилъ? Какихъ-нибудь два часа, а пятнадцати цѣлковыхъ какъ не бывало... Вотъ оно, батюшка, семейная жизнь! А нельзя! Надо поддерживать обстановку!.. Такіе ужъ уродились мы съ женой—горды мы очень!.. Гордости тьма-тьмущая!

Послѣ цѣлаго дня всевозможныхъ безсмыслицъ, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, я полагалъ уже, что гордая глупость моихъ хозяевъ разыгралась до конца, и продолженія ея не будетъ; но ночью, когда всѣ живущіе въ квартирѣ были уже въ постели, съ двуспальной кровати моихъ хозяевъ, вопреки моему желанію, до меня неожиданно донеслись слова:

— Къ другимъ ходимъ, къ себѣ никого... Много ли тутъ?.. водки, селедки...—говорила жена.

— Н-да... Селедочку съ лучкомъ... помочить ее.

Очевидно, что супругамъ недостаточно было того, что шиньонъ лежалъ въ коробкѣ на шкапу,—имъ нужно было видѣть его въ дѣйствіи. Вслѣдствіе этого вечеромъ слѣдующаго дня ко мнѣ еще разъ явился хозяинъ.

— Позвольте васъ просить,—сказалъ онъ:—завтра провести съ нами вечерокъ.

— Я долженъ быть въ другомъ мѣстѣ. Извините!

— Очень жаль! А то бы въ карточки? партійку?

— Не играю въ карты.

— Очень жаль. Особеннаго ничего не будетъ. Но, надѣюсь, все будетъ прилично. Мы съ женой...

— Не могу!—сказалъ я рѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ позвольте просить у васъ комнату на нѣсколько часовъ?

Я изъявилъ согласіе.

Цѣлое утро слѣдующаго дня хозяинъ бѣгалъ по городу, отыскивая денегъ. Часамъ къ двумъ онъ воротился съ кулькомъ, потнымъ лицомъ, вытаращеннымъ глазомъ и дергающейся щекой.

— Что будешь дѣлать!—говорилъ онъ мнѣ.—Не успѣлъ повернуться—десяти цѣлковыхъ нѣтъ въ карманѣ! Живи, какъ знаешь...

Я снова изъявилъ сочувствіе.

. Часу въ шестомъ начали появляться гости, мужчины и дамы, и тотчасъ же принялись за стуколку. Такъ какъ комнаты хозяевъ были заняты чайнымъ столомъ, то дѣтей съ больными желудками оттѣснили въ кухню, стараясь поплотнѣе притворять дверь, чтобы гости не слышали крика и плача... Я тотчасъ же ушелъ изъ дому и воротился въ 3-мъ часу ночи, будучи увѣренъ, что все уже кончилось; но, къ удивленію моему, окна моей комнаты были освѣщены. Я поднялся по черной лѣстницѣ и вошелъ въ кухню.

Здѣсь моимъ глазамъ представилось ужасающее зрѣлище, устроенное взаимными усиліями просвѣщенныхъ супруговъ. Атмосфера маленькой кухни была раскалена до послѣдней степени. Волны чада закрывали все, кромѣ огненнаго зѣва плиты,—и въ глубинѣ этого ада слышался плачъ и стоны дѣтей, которыя не могли заснуть отъ боли въ желудкахъ, отъ жары и угорѣвшихъ головъ. Кухарка, которую подняли съ пяти часовъ утра, которая была измучена работой,—такъ какъ она должна была принимать одежду гостей, подавать чай, таскать дѣтей изъ комнаты въ кухню и, кромѣ всего этого, мучиться муками мужа, которому нечего послать въ деревню,—была разозлена и на просьбы плачущихъ дѣтей отвѣчала чуть ли не дракой, послѣ которой у нея самой выступали слезы.

— А? Не правда ли? — лепетала Клавдія Петровна въ гостиной, поворачивая къ гостьѣ затылокъ съ шиньономъ изъ крепированныхъ волосъ.—Недурно?

— Оч-чень, очень мило!

— Легонькій! — прибавилъ супругъ, разсоловѣвшій отъ водки.

Мнѣ некуда было дѣться, такъ какъ хотя хозяинъ и относился ко мнѣ, какъ человѣкъ къ человѣку, но, забравшись съ гостями въ мою комнату, кажется, и не думалъ уходить оттуда.

Злодѣйства эти продолжались до 9 час. утра.

Злодѣйства «обстановки»,—результатами которыхъ былъ горохъ, плачъ дѣтей, французскій языкъ и неизмѣнная атмосфера глупости, — продолжаются до сего дня.

П. Данич

Оглавленіе

I ТОМА.

стр.
Отъ автора. (Предисловіе къ первому изданію) III
Отъ автора. (Замѣтка о второмъ изданіи) V
Автобіографія VIII
Г. И. Успенскій, какъ писатель и человѣкъ. Статья *Н. К. Михайловскаго* XII

Нравы Растеряевой улицы.

I. Прохоръ Порфирычъ 3
II. Первый опытъ 23
III. Дѣла и знакомства 36
IV. Суббота 67
V. Идутъ дни и годы 77
VI. Медикъ Хрипушинъ 79
VII. Хрипушинъ ищетъ рюмочки 86
VIII. Семейство Претерпѣевыхъ 89
IX. Осиротѣлая семья 101
X. Жизнь и «ндравъ» Толоконникова 107
XI. Семенъ Ивановичъ въ хорошемъ расположеніи духа . . . 115
XII. Семенъ Ивановичъ знакомится съ семействомъ Претерпѣевыхъ 116
XIII. Семенъ Ивановичъ «у пристани» 129
XIV. Разный растеряевскій людъ 133
1) Книга 134
2) Балканиха 137
3) Мѣщанинъ Дрыкинъ 146
XV. Прогулка 151
XVI. Благополучное окончаніе 165

Растеряевскіе типы и сцены.

I. Бойцы 167
II. Нужда пѣсенки поетъ 182
III. Идиллія 194
IV. Зимній вечеръ 200
V. Задача 214
VI. Парамонъ Юродивый 220

Столичная бѣднота.

стр.
I. Старьевщикъ 244
II. Первая квартира 256
III. Про одну старуху 280
IV. Извозчикъ 292

Разоренье.

(очерки провинціальной жизни).

I. Наблюденія Михаила Ивановича.

I. Михаилъ Ивановичъ 298
II. Въ ожиданіи чугунки 314
III. Разоренные 326
IV. Продолженіе скуки и скитаній 339
V. Земной рай 345
VI. Все по-старому 358
VII. Неожиданныя новости изъ жизни Михаила Ивановича. Чугунка 373
VIII. Лѣтній вечеръ 383
IX. Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Ивановича . . 390
X. Человѣкъ, на котораго нельзя положиться. Разсказъ Черемухина 397
XI. Дома 408
XII. Конецъ 420

II. Тише воды, ниже травы. (Дневникъ). 424

III. Наблюденія одного лѣтняя.

Глава I. О моемъ отцѣ, о порядкѣ, о моей лѣни и о прочемъ . 505
» II. Воспоминанія по случаю странной встрѣчи 538
» III. Я и Павлуша ходимъ въ народъ 567

Разсказы.

I. Простое слово 607
II. «На минутку» 623
III. Богомолка 640
IV. Памятливый 651

Мелочи.

I. Дворникъ 660
II. По черной лѣстницѣ 667
III. Обстановочка 680

PG
3470
U8
1908
v.1

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii
v. 1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY